



Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были отданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как минимум о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отправляйте автоматические запросы.
Не отправляйте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>



This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

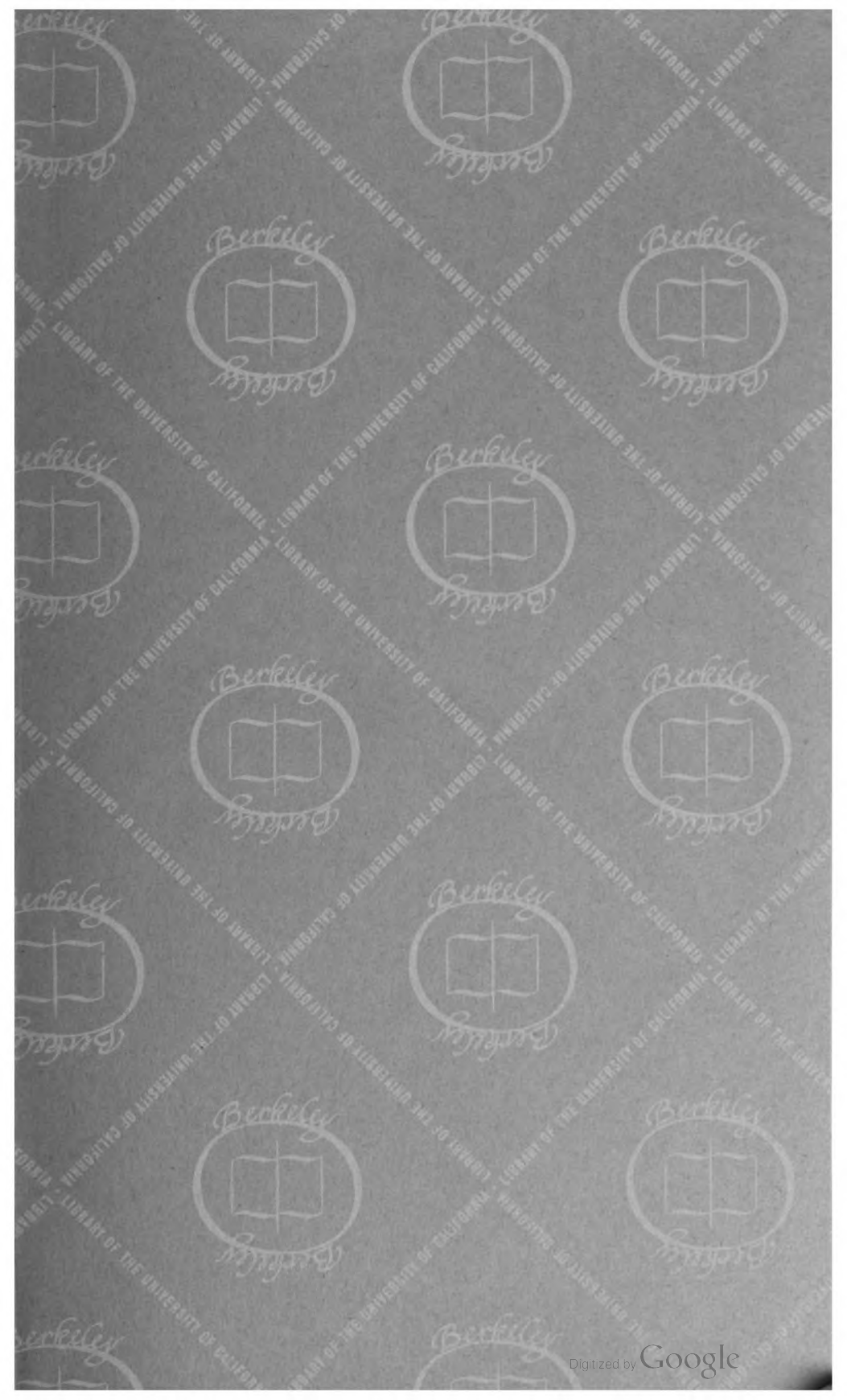
We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>





Handwritten note

$$\frac{A \cdot x \cdot 5.5}{368. \cancel{2}}$$

«Moskvitjanin»

1855 vol. II

№ 5. March 1st Book

МОСКВИТЯНИНЪ,

УЧЕНО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ

ЖУРНАЛЪ,

ИЗДАВАЕМЫЙ

М. Погodynнн.

1855.

ТОМЪ II.

X₁

39

Виск-блэк
1855(5-8)

4P
50
1165
(сема)
(блэк)



МОСКВА.

ВЪ ТИПОГРАФИИ Л. СТЕПАНОВОЙ.

1855.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ
съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Ценсурный
Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. Москва. Мая 2 дня,
1855 года.

Ценсоръ И. Бесомыкинъ.

AP50
M65
1855:5-8

МОСКВИТЯНИНЪ.

1855.

№ 5.

МАРТЪ.

Кн. 1.

СЛОВА И РѢЧИ

ВЫСОКОПРЕОСВЯЩЕННАГО ИННОКЕНТІЯ,

АРХИЕПИСКОПА ХЕРСОНСКАГО И ТАВРИЧЕСКАГО,

ПРОИЗНЕСЕННЫЯ ПО СЛУЧАЮ НАСТОЯЩЕЙ ВОЙНЫ.

С Л О В О,

ПРОИЗНЕСЕННОВЪ ВЪ ОДЕССКОЙ КАЗАНСКОЙ, ЧТО НА ПЕРЕСЫПИ, ЦЕРКВИ,
въ день храмоваго праздника, 22 октября, 1854 г.

Гдѣ мы стоимъ теперь и молимся, на этомъ самомъ мѣстѣ, за нѣсколько вѣковъ предъ симъ, было море; и воздымались волны, и плавали морскія животныя и корабли; свирѣпствовали бури и происходили кораблекрушенія.—Кто могъ стать противъ моря?—Но, откуда взялся песокъ и началъ спорить съ моремъ: зерно за зерномъ, песчинка за песчинкою, и среди морскихъ хлябій образовалась суша, которая, вначалѣ едва видимая, долго служила пристанищемъ однимъ птицамъ

1

небеснымъ и рыбамъ морскимъ; но потому — раскинулись по ней мрежи рыбарей, — потомъ завидѣлись на ней ихъ хижины, къ коимъ, хотя не вдругъ, пролегъ и путь, привѣдшій за собою, со временемъ, куплю и продажу. А когда умножилось на новомъ мѣстѣ населеніе, когда, послѣ удовлетворенія вещественнымъ потребностямъ, далъ себя почувствовать и духовный гладъ — не хлѣба и воды, а слова Божія и общественной молитвы: тогда, какъ вѣнецъ зданія общежительства человѣческаго, возникъ на семъ мѣстѣ и этотъ храмъ, въ коемъ, по случаю годоваго празднества его, стоимъ мы теперь и молимся. Такъ измѣнилось здѣсь лице земли! Непроходимая бездна морская уступила тутъ мѣсто слабому песку, какъ бы въ новое подтвержденіе древняго слова Писанія о всемогуществѣ Божіемъ: *оградилъ еси море пескомъ* ⁽¹⁾; то-есть, не желѣзомъ и мѣдью, не мраморомъ или гранитомъ, а пескомъ — веществомъ самымъ зыбкимъ и возметаемымъ отъ всякаго вѣтра, да видимо будетъ всегда и для всѣхъ могущество Того, Кто, по слову того же Писанія, Единъ истинно владычествуетъ сушею и моремъ...

Подобно лицу земли, измѣняется, братія мои, и лице рода человѣческаго; но увы, какъ жалкимъ и ужаснымъ иногда образомъ! Давно-ли все пространство морскихъ береговъ нашихъ покрыто было мирными дѣлателями, трудившимися надъ воздѣлываніемъ полей нашихъ или сѣвшившими во градъ нашъ съ плодами трудовъ своихъ? Давно-ли всѣ пристани наши покрыты были сталями кораблей, кои, порываемые недостатками земли отечественной, изъ всѣхъ странъ свѣта, летѣли къ намъ на крылахъ вѣтра за произведеніями благословенной страны нашей, не разъ спасавшей ихъ отъ глада и смерти? И вотъ, все это измѣнилось самымъ неожиданнымъ образомъ, — измѣнилось не вѣками и столѣтіями, какъ море съ его здѣшними брегами, а въ нѣсколько мѣсяцевъ и недѣль! Теперь, какъ сами видите, все поморіе наше, вмѣсто мирныхъ ора-таевъ, покрылось воинами и бранными колесницами; воды наши или представляютъ изъ себя пустыню, или приносятъ на хребтъ своемъ враждебныя намъ громады огнедышущія.

(1) Иерем. V, 22.

Какимъ образомъ произошло все это? — Отъ зависти и злобы, подобно какъ некогда въ Эдемь... Неразумный — по изувѣрію своему, мусульманскій сосѣдъ нашъ, вопреки древнихъ условій и недавнихъ обѣтовъ, отяготилъ безчеловѣчно его свое надъ собратіями нашими по вѣрѣ; мы по необходимости должны были стать за ихъ права и за правду самаго дѣла, за кровь и слезы злополучныхъ жертвъ изувѣрія; потребовали дружески отъ сего, не разъ спасеннаго нами же отъ крайней погибели, сосѣда, чтобы подобнымъ, зловреднымъ для него самаго, насиліямъ положенъ былъ конецъ навсегда, и чтобы св. Вѣра наша не составляла собою впредь причины къ униженію и лишеніямъ для исповѣдывающихъ оную на востокъ, подобно какъ и у насъ поклонники Магомета ни въ чемъ не терпятъ угнетенія и лишеній за свою вѣру, при всемъ ея недостоинствѣ въ сравненіи съ христіанствомъ. Что могло быть простѣе и естественнѣе такихъ требованій? И онѣ, при всемъ своенравіи и упорствѣ мусульманскомъ, были бы удовлетворены, какъ тому подобное бывало не разъ и прежде; и удовлетворенныя, не только бы не повредили собою державѣ Оттоманской, но еще спасли бы ее надолго отъ послѣдняго упадка и разрушенія. Но можно ли было, при такомъ удобномъ случаѣ, не поднять главы исконной вражды и наслѣдственной зависти къ могуществу Россіи державъ Западныхъ? — И вотъ, эта злоба и зависть пробудились, сначала тайно, а потомъ и явно, со всею силою и ожесточеніемъ, въ лицѣ легкомысленныхъ Галловъ и своекорыстныхъ Британцевъ... Тогда, все еще мирный дотѣль, споръ нашъ съ поклонниками луны не могъ уже не принять огромнаго размѣра вражды, не сосѣдственной токмо, а едва не всеобщей и кровавой. Запылала брань, безпримѣрная въ лѣтописяхъ міра по ея чудовищности; ибо христіанскій западъ сталъ въ ней противу христіанскаго сѣвера и востока, не за что другое, какъ за господство алкорана Магометова надъ послѣднимъ.

Но и война можетъ быть ведена не одинакимъ образомъ. Отъ народовъ образованныхъ, каковыми величаютъ себя западные противники наши, ожидалось и войны не варвар-

*

ской, а образованной, въ коей не проливалось бы крови чело-
вѣческой напрасно, не причинялось бы разрушеній безъ цѣли
и пользы, гдѣ бы среди самой грозы и вихря браннаго не
нарушалось уваженія къ тому, предъ чѣмъ должны равно
преклоняться и друзья и враги. Это самое и обѣщали въ слухъ
всего свѣта недруги наши: но увы, какъ постыдно измѣнили
они своему слову!

Наступаютъ послѣдніе дни Страстной седмицы, дни все-
мірнаго искупленія — смертію Богочеловѣка; приближается
великій праздникъ Пасхи, когда, по выраженію Церкви, схо-
дятся въ торжествѣ и радости небо, земля и самая преис-
подняя: и вотъ въ эти самыя дни на водахъ нашихъ являются
соединенные флоты двухъ враждебныхъ намъ державъ хри-
стіанскихъ. Можно было подумать, что они, не смотря на
вражду, преклоняясь предъ общимъ съ нами знаменіемъ спа-
сенія, пришли раздѣлить съ нами по-братски радость насту-
пающаго праздника празднество... Нѣтъ, они, подъ самымъ
ничтожнымъ предлогомъ, заводятъ съ нами прію и потомъ
открываютъ противу насъ цѣлый адъ огня и жупела въ тотъ
самый день и въ тѣ самыя часы, когда Церковь у гроба
Господня торжественно возглашала: *днесъ адъ, стена вопіеть, —
разрушился моя держава!* (2) И это все еще не могло удовле-
творить ихъ злобы; ослѣпленные нечестіемъ, они продол-
жаютъ адское дѣло разрушенія противу града нашего въ самый
день Воскресенія Господня, какъ будто въ показаніе того, что
для нихъ, увлеченныхъ своекорыстіемъ и ненавистью къ намъ
подъ знамя Магометова, не осталось болѣе на земли ничего
священнаго...

Вѣчное благодареніе Господу Силь, покрывшему насъ и
градъ нашъ богатіемъ своею отъ разженныхъ стрѣлъ вра-
говъ нашихъ, и обратившему въ ничто всю ихъ ярость и
усилія!—Но, братія мои, какъ не оглянуться при семъ снова
съ глубокою жалостію на самыхъ противниковъ нашихъ?

Двумъ великимъ державамъ христіанскимъ стать открыто
подъ богопротивное и всегда пагубное для Христіанства знамя

(2) 2 Стих. на вечер. В. Суб.

Магометово, стать не для чего другаго, а прямо для утверженія въ силѣ владычества душетлѣннаго алкорана надъ православнымъ востокомъ, для скрѣпленія оковъ мусульманскихъ, кои истлѣли уже отъ самаго времени, на выѣ и рукахъ многихъ милліоновъ христіанъ восточныхъ... Кто могъ ожидать такого безумія, и нечестія отъ державъ христіанскихъ, хвалящихся просвѣщеніемъ и любовію къ челоуѣчеству?... Ибо, скажите, что же остается еще послѣ сего къ униженію и поруганію Имени Христова отъ самыхъ христіанъ? — Если при какихъ, то при подобныхъ событіяхъ, можно вмѣстѣ съ Царепророкомъ воскликнуть: *время дѣйствоватьъ Господу, — самому Господу — ибо разорили законъ Его!* ⁽³⁾.

И будьте увѣрены, братія мои, что Господь и теперь, какъ и всегда, ⁽⁴⁾ *поруганъ* безнаказанно не будетъ. Яко всемогущій, Онъ попуститъ обнаружиться всей слѣпотѣ обуюннаго невѣріемъ и своекорыстіемъ Запада; не воспрепятствуетъ измѣнникамъ Вѣрь отцевъ своихъ и клеветамъ магометанства проявить все нечестіе сердца ихъ: но, когда наступитъ часъ суда и воздаянія, Онъ же, всемогущій, грозно и страшно покажетъ предъ лицемъ всего свѣта, что есть Богъ, судяй всей земли, есть разность между служеніемъ Іеговѣ и Ваалу, между любовію ко Христу и усердіемъ къ Магомету....

Вотъ къ какимъ мыслямъ и чувствамъ пришли мы здѣсь, братія мои, въ день настоящаго праздника вашего! пришли не произвольно, а руководимые, можно сказать, самымъ храмомъ вашимъ, въ коемъ стоимъ мы теперь и молимся. Самымъ мѣстоположеніемъ своимъ онъ возбудилъ въ насъ мысли о пучинѣ морской, которая покрывала нѣкогда все это пространство земли; а вершиною и главою своею онъ же невольно привелъ намъ на память то, что потерпѣли мы отъ враговъ нашихъ въ прошедшую великую Субботу, когда и храмъ сей принялъ во главу свою отъ огней непріятельскихъ ту язву, которая, на всѣ будущія времена, означена на ней чернымъ пятномъ.

⁽³⁾ Псал. СХVІІІ, 125. ⁽⁴⁾ Гал. VI, 7.

На сей-то язвь и пятнѣ хочу я наконецъ окончить мое слово, предоставивъ ихъ постоянному вниманію вашему и потомковъ вашихъ.

Когда будете проходить мимо сего храма и увидите на верхнемъ кровѣ его это черное пятно, то, осѣнивъ себя знаменіемъ крестнымъ, вспомните, что надъ Одессою, особенно надъ сею частію города, висѣла въ настоящемъ году ужасная туча бѣдъ и скорбей, и что если она не разразилась совершеннымъ разрушеніемъ сего мѣста, то по особенному невидимому покрову и защитѣ свыше,—вспомните и возблагодарите за сіе Господа, съ обѣтомъ служить во славу имени Его дѣлами благими.

Подобнымъ образомъ, когда возрастающія дѣти ваши будутъ вопрошать васъ, что значить черное пятно на кровѣ храма вашего,—скажите имъ, что это признакъ и слѣдъ варварскаго нападенія на Одессу Галловъ и Британцевъ, во дни великой Субботы и Воскресенія Христова,—скажите, и, разъяснивъ имъ это нападеніе, внушите, чтобы они, послѣ сего, не вѣрили въ пустое велерѣчіе сихъ народовъ о любви къ человечеству, въ ихъ мнимую образованность и мягкость нравовъ, что это народы, не вѣдущіе другаго Бога, кромѣ своего прегордаго я, другихъ высшихъ законовъ, кромѣ своего самолюбія и выгоды, и что подражать имъ раболопно къ ихъ образъ мыслей, чувствъ и дѣйствій, какъ начали дѣлать нѣкоторые,—значить рѣшиться, рано или поздно, на измѣну Вѣрѣ отцевъ своихъ, на отступленіе отъ нравовъ прародительскихъ, и на отреченіе отъ самой земли Русской, отъ чего да сохранитъ всѣхъ насъ Господь. — Аминь.

Р В Ч Ъ,

ПРОИЗНЕСЕННАЯ ВЪ ОДЕССКОМЪ ПРЕОБРАЖЕНСКОМЪ СОБОРѢ,

января 11, 1855 г., .

посль напутственнаго молебствія Греческому баталіону, предъ отправленіемъ его изъ Одессы въ Севастополь.

—

Храбрые и Христілюбивые Елліны!

Провождая изъ сего храма съ молитвою и благословеніемъ дружины Православныхъ воиновъ нашихъ на полуостровъ Таврической, мы всякой разъ умилялись душою, видя, съ какою готовностію и усердіемъ несутъ они туда самую жизнь свою за Вѣру, Царя и Отечество. Но, провождая теперь — туда же и для той же цѣли — васъ, мы, кромѣ прежнихъ, испытываемъ еще особаго рода чувство, которое проникаетъ насъ до глубины души.

Вы не наши соотечественники, даже не наши соплеменники; и однакоже, подобно отечественнымъ воинамъ нашимъ, спѣшно идете на брань, и слѣдовательно на самую смерть за насъ! Можно ли не преклониться съ особеннымъ уваженіемъ предъ такою преданностію и такимъ самоотверженіемъ, когда само Слово Божіе говоритъ, что нѣтъ больше любви, *да кто душу свою положитъ за други своя* ⁽¹⁾.

Вотъ что значить единство Вѣры, связующее насъ съ вами! Оно-то, — а не что другое, — подвигло великаго Самодержца Всероссійскаго, не смотря ни на какія затрудненія и опасности, стать мужественно, едва не противу всего запада, за Православіе и единовѣрцевъ нашихъ на востокъ. Оно-то побудило теперь и васъ, оставивъ свои мирныя жилища, идти за войною, отъ васъ удалившюся, въ наши предѣлы и, такъ сказать, отыскивать мѣсто кровавой борьбы, дабы принять въ ней участіе рука-объ-руку съ Русскими.

Вы твердо знаете, что брань настоящая возникла не за мірскія выгоды и не для земныхъ цѣлей, а за Вѣру и Пра-

(1) Іоан. XV, 13.

вославіе; вы вполне увѣрены, что плодомъ ея должно быть не какое-либо увеличеніе могущества и расширеніе предѣловъ Россіи, и безъ того почти безграничныхъ, а единственно свобода совѣсти и защита правъ челоувѣчества для христіанъ восточныхъ: знаете, говорю, и увѣрены во всемъ этомъ, и потому спѣшите доказать за себя и за братій своихъ, что вы не ниже, что вы стоите тѣхъ великихъ усилій и жертвъ, кои дѣлаеть теперь для васъ, единовѣрная вамъ, Россія.

Да благословить Господь путь вашъ! Грядите, возлюбленные, на дѣло, которое, очевидно, есть не наше токмо, а и ваше, и еще болѣе ваше, нежели наше; ибо начало его отъ насъ, а конецъ его всецѣло для васъ и вашихъ собратій на востокъ. Грядите, и покажите общимъ врагамъ нашимъ и всему свѣту, что для Еллина выше и дороже всего Вѣра и Отечество, и что онъ, съ крестомъ въ сердцѣ и съ мечемъ въ рукѣ, готовъ отыскивать послѣднее на самомъ краю свѣта.

Въ ободреніе на подвигъ, да послужить вамъ самое воспоминаніе о священномъ значеніи того мѣста, гдѣ свирѣпствуетъ теперь пламень войны и ожидаетъ васъ борьба со врагами. Вѣдь это — думали-ль вы о томъ? — вѣдь это не другое какое-либо мѣсто, а тотъ священноименитый Херсонесъ Таврическій, гдѣ за девять вѣковъ предъ симъ Россія пріяла Вѣру и святое Крещеніе отъ Православной Греціи... И вотъ здѣсь-то, на этомъ приснопамятномъ и святомъ мѣстѣ, — въ лицѣ вашемъ — яко представителей со стороны Греціи — долженъ возобновиться теперь и скрѣпиться древній священный союзъ двухъ великихъ народовъ, Россовъ и Еллиновъ.

Въ первый разъ союзъ сей произошелъ и составилъ, какъ извѣство, чрезъ Крещеніе водою и Духомъ, которое Греція, яко мать, преподавала, а Россія, яко дочь, принимала — для своего духовнаго просвѣщенія: теперь для скрѣпленія сего союза совершается тамъ Крещеніе уже не водою, а огнемъ и кровію (*), въ коемъ должны участвовать равно и мать и дочь, дабы навсегда быть едино и возродиться для новой жизни на востокъ. При сей мысли кто изъ васъ

(*) Мат. III, II.

не ободрится духомъ и не забудеть трудностей предлагающаго подвига?

Въ память настоящаго нашего молитвеннаго общенія и свиданія съ вами, примите отъ насъ эту икону Святителя Христова Николая. Да напоминаетъ она вамъ собою и Небеснаго заступника и покровителя воинствъ православныхъ — архипастыря Мурликійскаго, и земнаго архистратига державы Россійской — Благочестивѣйшаго Государя нашего, Николая Перваго. — Аминь.

Р А Ч Ъ,

ПРОИЗНЕСЕННАЯ ВЪ ОДЕССКОМЪ ПРЕОБРАЖЕНСКОМЪ СОБОРѢ,

января 17, 1855 г.,

послѣ напутственнаго молебствія предъ выступленіемъ изъ Одессы отряда Болгарскаго обратно къ брегамъ Дуная.

Мужественные и Христомилубивые Болгары!

Не смущается ли кто-либо изъ васъ духомъ отъ того, что желаніе ваше — быть и сражаться противъ общихъ враговъ нашихъ подъ стѣнами Севастополя не исполнилось, и вамъ, съ половины пути вашего туда, должно возвратиться теперь паки къ берегамъ Дуная? Но обстоятельство сіе, не вождельнное, конечно, для вашего мужества, само по себѣ должно не столько печалить, сколько радовать и васъ и насъ; ибо, что значить этотъ неожиданный возвратъ вашъ къ берегамъ Дунайскимъ? — То, что Севастопольская твердыня наша не имѣетъ уже нужды въ умноженіи числа ея защитниковъ, — то, что угрожавшій ей врагъ потерялъ наконецъ свою силу и дерзость, и престалъ быть опаснымъ. За-чѣмъ же бы послѣ сего продолжать вамъ путь, столь не близкій и такъ притрудный, туда, гдѣ все само собою начало клониться къ желанному для насъ концу?.. На родныхъ вамъ берегахъ Дуная, напротивъ, вы всегда и вездѣ весьма полезны для рати Русской, полезны даже безъ оружія вашего, однимъ присутст-

віємъ своимъ, какъ совершенно знающіе языкъ и всю мѣстность страны родной.

Возвращайтесь (посему съ миромъ, куда зоветъ васъ гласъ вождей вашихъ! И не кончивъ настоящаго пути вашего, вы исполнили свой долгъ и достигли своей цѣли, показавъ предъ лицомъ Россіи и всего свѣта, что Вѣра и Отечество для васъ дороже всего, что Россія, пока будетъ угодно Богу, занимаетъ для васъ мѣсто вашего собственнаго отечества, что гдѣ воля и гласъ Царя Блага, тамъ мечъ и жизнь Болгарина. Такихъ чувствъ и жертвъ не забываютъ и частные люди: тѣмъ паче не забудутъ ихъ Россія и ея великій Самодержецъ!

Не удивляютъ ли васъ необыкновенный видъ и неожиданныя превратности брани настоящей?—Но, если что, то сіе самое показываетъ, что настоящая брань есть брань не чело-вѣческая, а Божія; потому что пути Божіи, по увѣренію Пророка, отстоятъ—какъ небо отъ земли—отъ путей чело-вѣческихъ. Гдѣ была бы слава Небеснаго Самодержца, если бы еще до окончанія брани, могъ кто-либо изъ насъ указать и сказать: вотъ гдѣ и вотъ какъ начали мы свое дѣло; такъ и такъ ведемъ его и продолжаемъ, а вотъ здѣсь и вотъ чѣмъ—мы же окончимъ его!—Нѣтъ, возлюбленные, подобныя, великія и священныя, брани начинаются только людьми; а оканчивается ихъ самъ Богъ, ими же вѣсть судьбами и образомъ... Отъ Него посему—свыше намъ должно ожидать окончательнаго приговора всѣмъ нашимъ трудамъ и подвигамъ, желаніямъ и надеждамъ. Къ ободренію и утѣшенію нашему должно служить одно, что не мы начали сію брань, что, вступая въ нее невольнo, мы не имѣли никакихъ корыстныхъ видовъ, а только повиновались необходимости, что мы не желали и теперь не желаемъ зла самимъ врагамъ нашимъ, а искали и ищемъ того, что совершенно необходимо для насъ и весьма полезно было бы для нихъ самихъ. Посему, если, какъ говорить Евангеліе ⁽¹⁾, отъ репія не собираютъ смоквъ, и напротивъ отъ смоквъ не произрастаетъ репіе: то, поелику мы съѣли и съѣмъ не репія, а смоквы, какъ бы и чѣмъ бы ни окон-

(1) Мат VII, 16

чмлась брань настоящая, она должна наконецъ принести для всѣхъ насъ плоды не горькіе, а сладкіе и благословенные.

Я говорю: *наконецъ*—и въ природѣ видимой однѣ сѣмена всходятъ, даютъ цвѣтъ и плодъ въ то же самое лѣто; другія выходятъ изъ земли уже по прошествіи зимы и въ продолженіи ея кажутся какъ бы потерянными; иныя наконецъ воскресаютъ къ жизни по прошествіи не одного, а нѣсколькихъ годовъ. Чтѣ удивительнаго, если и настоящее наше, слезное и кровавое сѣяніе взойдетъ, дастъ цвѣтъ и плодъ не вдругъ, а со временемъ?

Возвратившись къ соплеменникамъ вашимъ, не забудьте громко возвѣстить имъ, что Православная Россія твердо помнитъ, отъ кого пріяла она нѣкогда на родномъ языкѣ своемъ Слово Божіе, никогда не забудетъ древняго святаго союза своего со странюю Болгарскою, и—во время благопотребно—не пожалѣетъ ничего для уплаты съ лихвою своего долга душевнаго.

Въ знакъ сего союза и въ упованіи на милость Божію, да возгласится, послѣ обычныхъ многолѣтій, многая лѣта и мужественному и христіюлюбивому народу Болгарскому!—Аминь.

с л о в о,

ПРОИЗНЕСЕННОЕ ВЪ ОДЕССКОМЪ ПРЕОБРАЖЕНСКОМЪ СОБОРѢ,

1855 года,

въ недѣлю сыропустную.

Гласъ вопіющаго: возопій! И рекохъ: что возопію?—Всяка плоть свно и всяка слава чловѣча, яко цвѣтъ травный. Изше трава и цвѣтъ отпаде: глаголь же Бога нашего пребываетъ во вѣки (¹)

Пророкъ слышалъ нѣкогда свыше голосъ, повелѣвающій ему отверсть уста и начать громогласно новую проповѣдь къ народу Израильскому: *гласъ вопіющаго возопій!* Предметъ проповѣди не былъ однакоже указать свыше,

(¹) Исаян. XL, 6—7.

какъ-бы для того, чтобы вдохновенный Проповѣдникъ самъ предварительно обозрѣлъ и узналъ, чего требуютъ обстоятельства и нужды его слушателей. Но, когда — отъ множества ли предметовъ и полноты чувствъ, или отъ преизбытка смиренія духовнаго, мысль посланника Божія не нашла на чемъ остановиться, и онъ принужденъ былъ спросить: *что возопію?* то паки услышалъ голосъ, повелѣвающій возгласить всѣмъ и каждому о бренности бытія человѣческаго на землѣ и ничтожности дѣлъ и предпріятій мірскихъ; привести людямъ на память, что все на земли переходитъ и исчезаетъ, яко тѣнь, едина Вѣра и добродѣтель остаются непоколебимы и переходятъ съ человѣкомъ въ вѣчность. *Возопій: яко всяка плоть сгною, и всяка слава человѣка, яко цвѣтъ травный. Изше трава и цвѣтъ отпаде: глаголь же Бога нашего пребываетъ во вѣки.*

Какъ ни малы мы, братія мои, въ сравненіи съ пророками и какъ ни далеко отстоимъ отъ нихъ по грѣховной нечистотѣ нашей: но, будучи избраны въ служеніе слова и поставлены на стражъ душъ и сердецъ человѣческихъ, и мы бываемъ иногда въ состояніи недоумѣнія, подобномъ тому, въ коемъ находился Пророкъ народа Божія. Не рѣдко слышишь внутри себя голосъ, повелѣвающій *возопить*, чувствуешь побужденіе отверсть уста и възгласить къ вамъ о имени Господнемъ; но не въдаешь, что именно избрать предметомъ для своего собесѣдованія, какая истина способнѣе поразить слухъ и тронуть сердце слушателей.

Подобное недоумѣніе встрѣчаетъ насъ, братія мои, особенно при наступленіи святаго и великаго поста. Четырѣдцать дней говѣнія, молитвъ, исповѣди и святыхъ таинъ: какое обширное и богатое поле для сѣянія духовнаго! Какое благопріятное время для собесѣдованія о спасеніи душъ нашихъ! Подобнаго удобства ни вы, ни мы не имѣемъ во все прочее время года. Какъ потому жаль было бы провести его въ безмолвіи и не употребить на благовѣстіе слова Евангельскаго? Тутъ каждый разъ невольно чувствуешь нужду возвысить голосъ и начать бесѣду: *гласъ вопіющаго: возопій!*— Но, что возопіять? кто скажетъ намъ, въ чемъ каждый изъ

васъ имѣть особенную нужду? Кто поручится, что наши слова и собесѣдованія къ вамъ будутъ дѣйствительно какъ елей на рану и какъ пластырь на язву?

Въ подобномъ недоумѣніи находились мы и въ настоящіе дни. Много являлось предъ нами предметовъ великихъ, святыхъ и поучительныхъ. Представлялось, воспоминаемое нынѣ самою Церковію, злополучное паденіе въ раю прародителей нашихъ и преступленіе ими заповѣди Божіей, лишившее всѣхъ насъ блаженства райскаго и повергнувшее въ бездну смерти и тлѣнія. Представлялись искупительныя страданія и смерть Господа и Спасителя нашего, сей вѣчно живый и николиже исчерпаемый источникъ назиданія и утѣшенія для душъ христіанскихъ. Представлялась кончина міра и будущій страшный судъ, насъ ожидающій, со всѣмъ тѣмъ, что ему должно предшествовать и что за нимъ имѣеть послѣдовать. Представлялись примѣры великихъ грѣшниковъ, кои путемъ покаянія и Вѣры, пачавъ едва не отъ самыхъ вратъ адовыхъ, успѣли, при помощи благодати Божіей, выйти изъ бездны грѣха и взойти на высочайшую степень чистоты и святости.

Но, когда среди обилія такихъ, трогательныхъ и поучительныхъ предметовъ, мы, подобно человѣку, находящемуся въ началѣ различныхъ путей, колебались мыслію, не зная, куда обратиться и что именно избрать для собесѣдованія съ вами: въ это самое время пришелъ намъ на память вышпензложенный нами случай, бывшій съ Пророкомъ. Чтò было сказано свыше ему, то показалось недалекимъ и отъ насъ: и намъ, думали мы, въ предстоящую четвѣрдесятницу довлѣеть, подобно человѣку Божію, возвысить голосъ для возвѣщенія въ слухъ всѣхъ той грозной и поразительной для грѣшника истины, *яко всяка плоть сгно и всяка слава челоуѣча, яко цвѣтъ травный. Изше трава и цвѣтъ отпаде: глаголь же Бога нашего пребываетъ во вѣки!*

Въ самомъ дѣлѣ, какое чувство нужнѣе стяжать всѣмъ намъ въ наступающіе святые дни, какъ не чувство покаянія и отвращенія ко грѣху? Но, чтò можетъ скорѣе возбудить,

глубже укоренить, долѣе сохранить сіе святое чувство, какъ не представленіе скоротечности земнаго бытія нашего и смертнаго конца, насъ ожидающаго? Смерть! при одномъ словѣ семъ, произнесенномъ съ надлежащею силою, плоть и кровь наши приходятъ въ нѣкое затишіе; земныя мечты и замыслы разсѣваются; плотскія вождельнія хладѣютъ; соблазны и искушенія теряютъ силу. Смерть! при одномъ, самомъ простомъ и краткомъ размышленіи о ней, совѣсть пробуждается; Вѣра и Евангеліе выходятъ для насъ изъ забвенія; небо и вѣчность какъ бы приближаются къ намъ; міръ съ его прелестями уходитъ, и внутренній человекъ нашъ начинаетъ дышать свободнѣе.

Въ семъ убѣжденіи намѣрены мы, братія мои, если благословитъ Господь, во все продолженіе наступающаго св. поста бесѣдовать съ вами преимущественно о бренности бытія нашего на земли и суетности замысловъ и дѣяній мірскихъ. Смерть и гробъ, могила и тлѣніе: вотъ наши будущіе тексты! Древніе святыя подвижники имѣли, какъ извѣстно, обычай, при наступленіи св. четыредесятницы, оставлять свои обители и исходить на совершенное безмолвіе въ пустыни; а мы, не оставляя жилищъ нашихъ, выдемъ по крайней мѣрѣ мыслію на кладбища и вступимъ въ пустыню смерти. О, если бы сіе духовное странствованіе въ *последнемъ виталищѣ* нашемъ (*) было такъ же душеспасительно для насъ, какъ для нихъ было многоплодно пребываніе въ пустыняхъ! Если бы мы, нисходя заранѣе мыслію ко гробу нашему, могли заблаговременно собственными руками погребсти въ немъ того ветхаго, *тлѣющаго* въ похотѣхъ прелестныхъ, человека нашего, который видимо губитъ насъ, и возвратиться путемъ покаянія къ свѣтлому дню Воскресенія Христова людьми новыми, омѣтыми слезами покаянія, украшенными цвѣтами добродѣтелей и готовыми на все во славу Божию и ко благу своихъ ближнихъ!

И мы, по долгу званія нашего, употребимъ для сего съ своей стороны всѣ средства: призовемъ на помощь духовной немощи нашей и молитву и Слово Божіе, и свѣтъ разума

(*) Иерем. X, 2.

естественнаго, и опыты жизни благодатной; будемъ обращаться къ уму и сердцу вашему, будемъ оглашать слухъ вашъ не нашими токмо слабыми мыслями и словами, а и животворными въцаніями великихъ и Богоносныхъ учителей Церкви. Отъ васъ самихъ зависить, братія мои, дабы гласъ, простертый къ вамъ, не оказался гласомъ *пѣснивица, сладкогласнаго добросличнаго* (*), но не имущаго ни силы, ни дѣйствія. Если вы будете слушать проповѣдуемое здѣсь не для того, чтобы говорить потомъ и разсуждать о проповѣдуемомъ; если, по выходѣ изъ храма, будете съ усердіемъ размышлять о томъ, что слышали, и растворяя Вѣрою и слезами покаянія, прилагать оное къ душѣ и жизни своей: то,—живѣ Господь и живо слово Его!—мы увѣрены, что грозныя истины, вамъ возвышаемыя, не останутся безъ дѣйствія надъ сердцами вашими, дадутъ въ самомъ образѣ мыслей и жизни вашей вождельный плодъ покаянія и чистоты, и время, здѣсь нами проведенное, не будетъ потеряно для вѣчности.

Тѣхъ же, кои изъ всего любятъ дѣлать для себя зрѣлице, для коихъ и храмы Божіи служатъ токмо мѣстомъ времяпрепровожденія, коихъ самое поприще поста и покаянія не можетъ заставить помыслить о злополучномъ состояніи ихъ души и совѣсти,—таковыхъ, во имя собственнаго спасенія ихъ, молимъ не злоупотреблять безъ конца долготерпѣніемъ Божіимъ и пожалѣть самихъ себя, и потому, или отложить пагубное разсѣяніе и безчувствіе свое, или не возмущать уже своимъ присутствіемъ святѣни храма Господня. Ибо истины, здѣсь возвышаемыя, суть не простыя мысли и совѣты чловѣческіе, кои можно слушать и не исполнять безъ особеннаго вреда для себя. Нѣтъ, здѣсь возвыщается Слово Божіе, то слово, которое для спасаемыхъ есть *благоуханіе жизни въ животъ*, а для погибающихъ *воня смертная въ смерть* (*), то слово, которое теперь позволяетъ судить о себѣ каждому изъ насъ, но и само грозно возсудитъ нѣкогда всѣхъ насъ, въ тотъ великій и страшный день, когда *смирится всяка высота чловѣча* (*), и великъ будетъ единъ Господь.—Аминь.

(*) Іезек. XXXIII, 32. (*) 2 Кор. II, 16. (*) Ис. II, 17.

С Л О В О,

ПРОИЗНЕСЕННОЕ ВЪ ОДЕССКОМЪ КАФЕДРАЛЬНОМЪ СОБОРѢ,

13 февраля 1855 г.

въ недѣлю Православія, по прочтеніи Высочайшаго Манифеста
о государственномъ вооруженіи.

И такъ злобный духъ брани еще не насытился кровію
человѣческою и требуетъ новыхъ жертвъ!.. И такъ зависть
и давняя вражда къ намъ темнаго Запада, и видимо нака-
зуемая свыше, все еще не хотятъ смириться подъ крѣпкую
руку Божию и снова поднимаютъ главу уже не противъ мо-
гущества токмо и величія, а противъ самыхъ несомнѣнныхъ
и священныхъ правъ нашего любезнаго отечества!..

Россіи ли уступить малодушно побѣду надъ собою и
правымъ дѣломъ своимъ этой беззаконной зависти и враждѣ,
и, подобно невѣрному нѣкогда ученику, отречься—изъ страха
рабыни—отъ своего великаго и святаго предназначенія?

Нѣтъ, не для того превознесена она самымъ Промыс-
ломъ Божиимъ надъ царствами и народами, чтобы, съ высоты
Богомъ даннаго величія, преклонить вѣнчанную крестомъ
главу свою предъ богопротивнымъ и истлѣвшимъ отъ самаго
времени знаменемъ Магомета, въ чьихъ бы рукахъ оно ни
находилось и къмъ бы—безумно—ни поддерживалось! Нѣтъ,
не для того великому Монарху Всероссійскому дано свыше
пройти, столь же трудный какъ и достославный, опытъ триде-
сятилѣтняго царствованія надъ шестидесятью милліонами вѣр-
ноподданныхъ, чтобы потомъ, оставивъ прямой и величествен-
ный путь правды и великодушія, начать идти по стропот-
нымъ слѣдамъ самоназванныхъ властителей и несамовластныхъ
въ собственномъ царствѣ повелительницъ!..

Не Богу ли повинется души моя, восклицалъ нѣкогда
Св. Царь Израилевъ, когда съ одной стороны злобные враги
обидоша его, яко пчелы сотъ^(*), а съ другой—малодушные

(*) Псал. СХVII, 13.

друзья и совѣтники предлагали ему разныя невеликодушныя средства къ избавленію себя отъ опасностей, — *не Богу ли повинется душа моя? Отъ Того бо спасеніе мое. Той Богъ, Спасъ мой, и не подвижуся во вѣкъ* ⁽²⁾. Такъ можетъ сказать нынѣ въ слухъ всего свѣта Монархъ Всероссійскій съ вѣрнымъ народомъ своимъ. *Не Богу ли, единому Богу, будетъ послушна душа наша? Отъ того бо единого, величіе и могущество, сила и крѣпость, защита и спасеніе наше. Кто бы посему и чѣмъ бы ни угрожалъ намъ; какія бы силы и средства ни употреблялись противу насъ, мы готовы на все, но не измѣнимъ Богу, Спасителю нашему, не предпочтемъ нашихъ выгодъ Его славы, не предадимъ въ руки враговъ святаго дѣла, намъ ввѣреннаго. И не подвижутся во вѣкъ.*

Да, братія мои, Россіи и Монарху ея можетъ повелѣвать единъ Богъ!...

Посему для насъ важно не то, кто противу насъ теперь и сколько ихъ, а то единое: угодно ли дѣло наше Богу? Благопріятна ли Ему самая ревность наша? Не отметна ли предъ Нимъ почему-либо самая правда наша? — Кто скажетъ намъ это? Скажутъ и возвѣстятъ самыя событія. — Что же говорятъ событія?

Онѣ внятно говорятъ, что брань настоящая видимо содѣлалась бранію не человѣческою токмо, а и Божіею, въ продолженіе коей десница Всевышняго, не смотря на весь мракъ событій и мглу страстей человѣческихъ, уже проявила себя, и надъ нами и надъ врагами нашими, столько, что, при всемъ недостоинствѣ нашемъ, мы можемъ быть увѣрены, что жертва наша во славу Св. Вѣры и человечества принята со благоволеніемъ. Почему можемъ быть увѣрены? Потому что Господь, вразумивъ насъ, сколько было нужно, (*его-же бо любитъ, наказуетъ* ⁽³⁾), какъ свидѣтельствуетъ Св. Павелъ), въ то же время видимо побораетъ по насъ и грозно посрамляетъ ослѣпленныхъ гордостію противниковъ нашихъ.

(2) Псал. LXI, 1. (3) Евр. XII, 6.

Не смущайтесь, когда мы съ благоговѣніемъ исповѣдуемъ, что Всевышній нашель нужнымъ преподавать вразумленіе и намъ самимъ, кои вышли на брань, какъ на служеніе во славу имени Его; ибо при всей чистотѣ намѣреній и прямогъ дѣйствій нашихъ, дерзнемъ ли представлять себя совершенно чистыми и непогрѣшными даже предъ очами Божиими? Осмѣлимся ли,—если мы во-истину слуги Божіи,—думать и утверждать, что поелику мы стали за вѣру и правду, то намъ потому не нужно уже было никакого указанія и урока свыше? Яко человекѣ, мы, по самой ревности нашей о Вѣрѣ и правдѣ, могли забыть свою нечистоту и возмечтать о себѣ паче, нежели подобаетъ, и изъ смиренныхъ служителей славы Божіей обратиться въ гордыхъ распорядителей великаго и святаго дѣла, нами предназначаго. И вотъ, Вседержавный Промыслъ Божій, для удаленія отъ насъ сей опасности, по отеческой любви своей къ намъ, преподаетъ намъ урокъ смиренія и преданности. Въ чемъ преподаетъ?

Въ томъ, во-первыхъ, что мы, ставъ за Вѣру и правду, ищемъ, всеусердно ищемъ, не брани и побѣды, а единого, благотворнаго для самыхъ враговъ нашихъ, мира; — и, вопреки всемъ съ нашей стороны снисхожденіямъ и жертвамъ, срѣтаемъ вражду противъ насъ самую коварную, брань самую ожесточенную.

Въ томъ, далѣе, что, когда мы руководимся въ сношеніяхъ съ недругами нашими, и во всѣхъ дѣйствіяхъ нашихъ, побужденіями чистыми и безкорыстными: намъ, сверхъ всякаго ожиданія, усвоятся помыслы завоевательные и разрушительные; насъ, — кто бы подумалъ? — представляютъ врагами того самаго всеобщаго порядка между народами, которъ мы, — почти единые мы, — поддерживали съ такимъ самоотверженіемъ цѣлые полвѣка;—и едва не весь велемудрый Западъ, яко дитя неразборчивое, вѣритъ этой нелъпой клеветѣ!...

Въ томъ, наконецъ, преподаанъ намъ урокъ свыше, что, когда недруги наши—и дальніе, тѣмъ паче ближайшіи,—не готовы были къ начатию брани съ нами, а въ рукахъ нашихъ

находилась множество средств къ быстрому достиженію нашихъ намѣреній, (какъ въ томъ громко признаются теперь сами враги наши); мы, вмѣсто быстрого и рѣшительнаго употребленія нашихъ средствъ и силъ, — никому же воспящающу, — но по единому великодушію нашему, медлимъ извлечь изъ ноженъ мечъ, и вознести его побѣдоносно на главу слабаго противника, пока онъ не собралъ, всѣхъ своихъ силъ, и не окружилъ себя многочисленными союзниками, чрезъ что естественно должна была затрудниться для насъ побѣда.

Но, если надъ нами проявилъ себя перстъ Божій вразумляющій, то надъ врагами нашими во всей силѣ открылась грозная десница Божія, уже не вразумляющая токмо, а карающая и низлагающая гордость и нечестіе человеческое.

Для убѣжденія въ семъ, примите трудъ рассмотреть вмѣстѣ съ нами токмо три слѣдующія обстоятельствова.

Воспользовавшись, сколь неожиданнымъ, столь же благоприятнымъ для враговъ, нашимъ великодушнымъ замедленіемъ дѣла брани, они совокупаютъ наконецъ всѣ силы и средства свои въ единомъ мѣстѣ, дабы произвести вторженіе въ предѣлы наши. Время года для нихъ въ семъ случаѣ есть первый и главный союзникъ или врагъ. Они вполне чувствуютъ это и дорожатъ каждымъ днемъ; между тѣмъ, сверхъ всякаго ожиданія, проводятъ недѣли и мѣсяцы, не трогаясь съ своего мѣста, и упуская такимъ образомъ драгоценное для успѣха въ ихъ предпріятіи время. Что держать ихъ и не позволяетъ отправиться въ путь? — Появленіе внезапной, жестокой болѣзни, которая свирѣпствуетъ съ такою силою, что еще до меча нашего погубляетъ многихъ изъ нихъ и ослабляетъ едва не всѣхъ, отнимая вмѣстѣ съ тѣмъ большую часть времени, самаго нужнаго для нихъ и ничѣмъ невознаградиимаго. И почудитесь судьбамъ Божиимъ! эта же язва, поражающая нашихъ враговъ и запинаящая стопы ихъ, не касается нисколько насъ, хотя мы весьма близки къ ихъ стану военному, и съ суши и съ моря.

Скажите сами, не перстъ ли это Всемогущаго, карающій

и низлагающей гордость и нечестие? Кто могъ послать на враговъ нашихъ въ такое время эту лютую язву? Кто могъ сказать ей, какъ некогда Ангелу, истребителю первенцевъ Египетскихъ: иди, поражай однихъ и не коснися другихъ?— Единъ Богъ!...

Но, вотъ, освободившись отъ смертнаго недуга, противники наши преплываютъ наконецъ море и приближаются къ брегамъ нашего полуострова. Здѣсь, какъ бы въ вознагражденіе за прошедшія ихъ бѣдствія и лишенія, а судя по послѣдствіямъ, можно сказать, какъ бы въ поощреніе на пути къ новымъ потерямъ и наказанію свыше, сначала все видимо имъ благопріятствуетъ; брега наши являются предъ ними совершенно беззащитными; воинственныя дружины наши, хотя не безъ упорнаго боя, уступаютъ имъ свое мѣсто; единственная твердыня наша — главная цѣль ихъ нашествія, — едва не на половину пространства своего еще почти беззащитна и открыта къ нападенію; весьма не великое и безъ того число защитниковъ ея должно было еще болѣе уменьшиться чрезъ отдѣленіе отъ себя значительнѣйшей части ихъ на сторону, дабы не потерять сообщенія со всею остальною Россією. Мы въ крайности предъ лицомъ врага многочисленнаго, надменнаго и торжествующаго заранѣе!... Что лучше для него и опаснѣе для насъ? Не здѣсь ли верхъ его торжества и нашего низложенія? Такъ казалось всѣмъ — долу, а тамъ — горъ опредѣлялось иное, противное... Въмѣсто прямого и быстрого нападенія на насъ, за успѣхъ коего было столько порукъ, враги вдругъ предпринимаютъ обходъ нашей твердыни, какъ бы подобая Навину предъ Іерихономъ, только, увы, не съ знаменемъ Іеговы, а съ позорнымъ знаменемъ Магомета!... Среди самаго этого, бесплоднаго и вреднаго для нихъ, обхожденія устремись они направо, — и твердыня наша, съ сей стороны почти беззащитная, могла бы подвергнуться величайшей опасности; устремись налѣво, — и слабая предъ ними числомъ рать наша, по всей вѣроятности, должна бы уступить имъ побѣду надъ собою. Но, врагамъ нашимъ до того и другаго какъ бы нѣтъ никакого дѣла; они спѣшатъ,

какъ можно скорѣе, пройти мимо всѣхъ, ожидавшихъ ихъ, успѣховъ, мимо своего счастья, и почитаютъ за торжество, что овладѣваютъ, безъ всякаго, съ нашей стороны, сопротивленія, небольшимъ прибрежіемъ, которому суждено содѣлаться, какъ показало время, мѣстомъ ихъ — не торжества, а, можно сказать, заточенія и казни свѣше.

Кто могъ такъ неожиданно превратить жребій брани въ нашу пользу и во вредъ враговъ нашихъ? Тутъ не было въ это время видимаго столпа облачнаго и огненнаго, отдѣлившаго некогда вѣрный Богу народъ Израильскій отъ Египтянъ; но былъ, вѣруемъ, что былъ нѣкій Ангелъ, намъ споборающій, а ближе всего, были и дѣйствовали наши священномученики Херсонскіе, кои, имъ единымъ доведомою завѣсою, закрыли предъ очами враговъ, незабвенное для нихъ и на небѣ, поприще своихъ подвиговъ на земли, а вмѣстѣ съ тѣмъ содѣлали незримою для нихъ слабую сторону нашей твердыни и малочисленность нашей, стоявшей внѣ ея, рати. Такимъ образомъ самыя опасныя намъ, самыя дорогіе и благопріятныя врагамъ нашимъ дни прешли — для насъ безбѣдно, для нихъ — бесплодно и невозвратно; и лице брани на полуостровъ Херсонесскомъ, столь неблагопріятствовавшее до тѣхъ намъ, обратилось всецѣло противу враговъ нашихъ. На новомъ мѣстѣ своемъ, забывъ свою прежнюю кичливость, они вскорѣ начали прилежно помышлять уже не столько о нападеніи на насъ, сколько о защищеніи самихъ себя.

Но, упустивъ такъ необдуманно изъ рукъ своихъ такой благопріятный случай къ торжеству надъ нами, враги наши, на новомъ мѣстѣ своемъ, будутъ по крайней мѣрѣ безопасны отъ нашихъ внезапныхъ нападеній: ибо предъ ними теперь, въ защиту ихъ, рвы и окопы; за ними — море, которое всецѣло въ ихъ власти, и, обезопасивая собою станъ ихъ, служить къ доставленію имъ всего нужнаго....

Да, насъ нѣтъ на этомъ морѣ, но присушь Тотъ, Кто единъ владычествуетъ державою морскою, и еще доселѣ никому не уступалъ власти Своей надъ бурями и безднами мор-

скими. По Его велѣнію, является внезапно вѣтръ и возстаетъ буря съ такою свирѣпостію, какой не видали тамъ никогда столѣтніе старцы, которая приводитъ въ трепетъ самыхъ опытныхъ и всесвѣтныхъ мореплавателей; и въ нѣсколько часовъ погибаетъ у враговъ нашихъ большая часть того, что собрано было ими во вредъ намъ съ великими усиліями, едва не со всѣхъ краевъ свѣта, и что казалось неодолимымъ ни для какихъ силъ и мужества человеческого.

Вы знаете, что послѣдовало за тѣмъ со врагами нашими;—какъ сотни и тысячи изъ нихъ начали падать уже не отъ меча и огня нашего, а отъ изнуренія душевнаго и тѣлеснаго, отъ глада и хлада; какъ цѣлыя толпы изъ нихъ же, оставивъ въ отчаяніи собственныя знамена, ищутъ спасенія себя среди стана нашего;—какъ приходящіе къ нимъ на помощь соплеменники не столько увеличиваютъ ихъ силы, сколько умножаютъ собою общее бѣдствіе и смертность;—какъ, вслѣдствіе того, безразсудные властелины и распорядители, пославшіе легкомысленно воинства свои въ предѣлы наши, приходятъ въ стыдъ и смущеніе, не зная, что отвѣчать за гибель ихъ своему народу и своей совѣсти;—какъ наконецъ совѣстнѣйшіе и безпристрастнѣйшіе изъ самыхъ враговъ нашихъ, забывъ свою народную гордость и всѣ корыстные расчеты, и внемля единой истинѣ, въ слухъ всего свѣта признаются, что надъ ними пролілся гнѣвъ небесный за нечестивое содружество съ поклонниками Магомета и за угнетеніе въ пользу послѣднихъ, и безъ того злополучнаго, Христіанства на востокъ.

И послѣ таковыхъ знаменій слыше, — въ посрамленіе враговъ нашихъ и въ ободреніе насъ къ подвигамъ, — оставить намъ великое и святое дѣло свое, не кончивъ его, якоже подобаетъ? И видя надъ собою такой покровъ небесный, Россія оскудѣетъ въ самоотверженіи и пожалуетъ жертвъ на алтарь Господень, когда враги наши не престають въ такомъ множествѣ препосылать сыновъ своихъ въ жертву Ваалу и Молоху?...

Нѣтъ, не для того превознесена она самымъ Провидѣніемъ Божиимъ надъ царствами и народами, чтобы съ высоты Богомъ даннаго величія и могущества преклонить главу свою предъ темнымъ знаменемъ Магомета! Нѣтъ, не для того великому Монарху ея предоставлено свыше пройти тридцатилѣтній опытъ труднаго и славнаго царствованія, чтобы потомъ, оставивъ истинно царскій путь правды и великодушія, начать идти по слѣдамъ самозванныхъ властителей и мало-властныхъ въ собственномъ царствѣ повелительницъ!...

Это самое, — благодареніе Богу, — выражается, какъ вы слышали, въ провозглашенномъ сейчасъ предъ вами, великомъ словѣ Царемъ къ Россіи. Яко Царь — христіанинъ, Монархъ нашъ искренно желаетъ мира, столь нужнаго для христіанства; и, не ища никакихъ земныхъ выгодъ для себя и своего царства, готовъ, изъ любви къ человечеству, уступить, въ чемъ можно, даже самолюбію и страстямъ человеческимъ: но яко вѣрный слуга Божій, яко природный защитникъ Церкви Православной и всѣхъ чадъ ея, Онъ не измѣнитъ великому дѣлу Вѣры и правды, не предастъ судьбы Православія на востокъ не только въ руки изуверныхъ поклонниковъ Магомета, но и на произволь ихъ полухристіанскихъ союзниковъ.

И надобно же было сему новому и исполненному вѣры и преданности, слову Цареву явиться и услышаться въ объятіи пламенемъ войны за Православіе краю нашемъ не въ другое какое-либо время, а именно нынѣ — въ день Православія и торжества св. Церкви надъ ея врагами!... Не знаменіе ли и это — для насъ — во благо!

Служители алтаря! — когда будете возглашать сейчасъ великія и святыя истины, составляющія сущность и отличіе православной Вѣры нашей, провозгласите ихъ, если можно, въ десять разъ громче обыкновеннаго! Да огласятъ онѣ собою не только храмы, самыя стогны наши! Да пронесется звукъ ихъ по всему востоку и западу, — въ утѣшеніе гонимымъ на востокъ собратіямъ нашимъ по Вѣрѣ, и къ вразу-

мленію западныхъ недруговъ нашихъ, столь позорно измѣняющихъ великому дѣлу всего христіанства!

Да услышитъ и познаетъ весь свѣтъ, что на земли нѣтъ силы могущей утратить Православную Россію, доколь она вѣрна Богу отцевъ своихъ! — Аминь.

с л о в о,

произнесенное въ Одесскомъ Катедральномъ соборѣ,
въ среду 4-й недели великаго поста.

Начавъ, по случаю св. и великаго поста, пастырскія собесѣдованія съ вами о смерти, думали ль мы, братія мои, что, среди сихъ собесѣдованій, ужасный образъ смерти предстанетъ намъ въ лицѣ самаго возлюбленнаго Монарха нашего? — Кто бы изъ насъ не отдалъ сто разъ собственной жизни, только бы онъ, Мудрый, правдолюбивый и великодушный, продолжалъ жить и царствовать для блага отечества и въ страхъ врагамъ нашимъ? Но въ судьбахъ Всевышняго положено иное, иное!... Когда никто на земли не ожидалъ подобнаго удара, когда все мы предавались разнымъ помысламъ и надеждамъ въ будущемъ, Ангелъ смерти явился внезапно въ чертогахъ Царскихъ и гласомъ неба воззвалъ Самодержавнаго труженика нашего отъ престола земнаго къ престолу Царя Славы.... Кто могъ остановить Исполнителя судебъ вышнихъ и сказать ему: помедли; вѣнценосецъ сей нуженъ еще для земли! Ахъ, тамъ лучше насъ видятъ, что и когда потребно для бѣдной земли нашей!...

Здѣсь-то познаемъ во всей силѣ, что пути и совѣты Божіи во-истину отстоятъ отъ путей и совѣтовъ человѣческихъ, какъ отстоитъ небо отъ земли, что единъ Вышній владѣетъ самодержавно царствомъ человѣческимъ, и ему же

восхощетъ, даетъ е⁽¹⁾, что Онъ единъ *поставляетъ и представляетъ* ⁽²⁾ владыкъ земныхъ, даетъ и *отъемлетъ духа Князей* ⁽³⁾. Съ Нимъ ли вступать въ споръ? Предъ Его ли всесвятою волею не преклониться съ благоговѣнiемъ? Не смотря посему на великость скорби нашей и на всю тяжесть внезапнаго лишенiя, падемъ, братiя мои, съ вѣрою и преданностию, падемъ мысленно предъ престоломъ Самодержца небснаго и гласомъ величайшаго изъ страдальцевъ земныхъ воскликнемъ: *яко Господеви изволися, тако и бысть! Господь даде, Господь отъять. Будь имя Господне благословенно во вѣки!* ⁽⁴⁾.

Да, братiя мои, это не какое-либо обычное, хотя весьма горестное и печальное, событiе, это не простое видоизмѣненiе земнаго жребiя сыновъ человѣческихъ: нѣтъ, это великое и священноотайственное дѣйствiе судебъ Божiихъ! Въ неожиданной кончинѣ Монарха нашего, — скажемъ словами св. Давида, — *самъ Господь съ небесе возреть, и самъ Вышнiй даде гласъ свой* ⁽⁵⁾. Для кого *возреть*, и для кого *даде гласъ*? Для всей вселенной, для всѣхъ царствъ и народовъ, — для насъ и для самыхъ враговъ нашихъ. Куда не достигнуть звуки сего всепотрясающаго гласа? Грономъ пронесется онъ по всѣмъ концамъ земли и, яко гласъ Всемогущаго, всѣхъ поразить недоумѣнiемъ, всюду приведетъ въ движенiе умы, сердца и уста. Неуклонно вѣрующей въ Бога отцевъ своихъ, Россiи не въ первый разъ смиряться и благоговѣть предъ неисповѣдимостию судебъ Божiихъ; но, что должны возчувствовать и помышлять при семъ враждующiе намъ? Стоя мысленно у гроба Того, Который такъ несправедно былъ возненавидѣнъ ими за свое великодушiе и правду, осмѣлятся ли они предъ грознымъ лицомъ самой смерти продолжалъ *уклоняться сердцемъ своимъ въ словеса лукавствiя и нещизвати вины и грѣховъ своихъ* ⁽⁶⁾? Ахъ, вспоминая невольно великiя заслуги человѣчеству почившаго въ Бозѣ Монарха, теперь

⁽¹⁾ Дан. IV, 14. ⁽²⁾ Дан. II, 21. ⁽³⁾ Псал. LXXXV, 13.

⁽⁴⁾ Юв. I, 21. ⁽⁵⁾ Псал. XVII, 14. ⁽⁶⁾ Псал. CXI, 4.

многіе изъ нихъ, можетъ быть, отъ всей души готовы были бы взять назадъ всъ свои напрасныя подозрѣнія, всъ клеветы безумныя: но прошедшее невозвратно; и никакое раскаяніе не изгладитъ уже мрачнаго пятна въ ихъ совѣсти. Долго ли притомъ возстать новымъ тревоженіямъ народовъ? явиться наки тѣмъ ужаснымъ бурямъ, кои такъ недавно превращали царства и сокрушали престолы? Тогда сто разъ възшутъ Того, Кто, забывая всъ земныя выгоды, одушевляясь единымъ чувствомъ святаго долга и любви къ челоуѣчеству, какъ нѣкій Архистратигъ, стоялъ мужественно со всѣми силами своими за права и правду, за всемірный порядокъ и тишину народную.... Возшутъ: но его уже не обрящется болѣе на земли! Онъ будетъ стоять предъ престоломъ Царя Царей и свидѣтельствовать противу тѣхъ, кои не восхотѣли разумѣть Его великаго и чистаго служенія челоуѣчеству. Тогда-то во всей силѣ исполнится богодухновенное слово Царя Пророка, *яко солга неправда себѣ* (?)!

Да даруетъ Господь, чтобы ослѣпленные досель злобою противу насъ, недруги наши, хотя теперъ, возчувствовавъ всю брѣнность естества челоуѣческаго, прѣстали сокрывать истину въ неправдѣ, познали свое заблужденіе, и оставивъ несчастное упорство противу ударовъ наказующаго ихъ Промысла Божія, разстались съ темнымъ знаменемъ Магомета, и обратились съ раскаяніемъ къ забытому ими Кресту Христову, который единъ станетъ надъ могилою и перваго изъ Вѣнценосцевъ и послѣдняго изъ подданныхъ.

Для насъ, братія мои, среди презѣльной скорби нашей, великое утѣшеніе уже въ томъ, что когда единъ Ангель отошелъ отъ насъ, другой въ то же время явился на его мѣсть, явился въ томъ же всоружіи Божиѣмъ, — съ крестомъ въ сердцѣ, съ благостию на чель и устахъ, съ вѣтвію мира въ десницѣ, и съ молиѣноснымъ мечемъ правды въ шуйцѣ. Пусть враги наши по прежнему избирають то или другое.

(?) Псал. XXVI, 12.

по ихъ произволу: а нашъ произволъ единожды и навсегда заключенъ въ истинѣ и правдѣ, въ искреннемъ желаніи мира человечеству, самымъ врагамъ нашимъ, и въ неурожномъ защищеніи Христіанства отъ безумія и лютой Мусульманской. Если почившему въ Бозѣ не суждено совершить великаго и святаго дѣла, Имъ предназначаго; если для продолженія и совершенія его посылается другой Ангель вѣнценосный: то это знакъ, что дѣлю сіе есть не человѣческое, а Божіе, что въ немъ долженъ появиться одинъ изъ тѣхъ великихъ судовъ Божіихъ, коими оканчивается, чтó приготовлялось вѣками, и начинается, чтó должно простираться на цѣлыя столѣтія. Посему-то на безмолвіе, съ кончиною Монарха простершееся не только вокругъ Его гроба, не только въ предѣлахъ нашего отечества, но и по лицу всей земли, — я невольно взираю, какъ на нѣкое подобіе того священно-таинственнаго молчанія, о коемъ сказано въ дивномъ откровеніи Іоанновомъ: *и бысть безмолвіе на небеси яко полчаса* ⁽⁸⁾. Въ продолженіе таковыхъ рѣдкихъ и величественно священ-ныхъ минутъ, — доколь не вскроется новая печать ⁽⁹⁾ на книгѣ судебъ предвѣчныхъ, и не провозглашаютъ на весь міръ новые гласы таинственныхъ громовъ ⁽¹⁰⁾ — намъ земно-роднымъ приличны не вопросы и недоумѣнія, не гаданія и предположенія, а безмолвіе молитвенное, смиреніе духа, преданность сердца, и благоговѣйное ожиданіе того, *что речеть о насъ самъ Господь* ⁽¹¹⁾.

Предавъ Ему всецѣло судьбу нашу и всего отечества — въ настоящемъ и будущемъ, обратимся, братія мои, въ простотѣ вѣры и сердца къ исполненію нашего настоящаго долга, и во-первыхъ, сопроводимъ душу отшедшаго отъ насъ Монарха теплыми молитвами ко Господу, да подастъ Ему успокоеніе отъ Его великихъ трудовъ царственныхъ, коими столь долго и достоуважно потрудился Онъ для блага

(8) Апок. VII, 1. (9) Апок. VI, 1. (10) Апок. X, 5.

(11) Псал. LXXXIV, 9.

Россіи. Срѣтимъ столь же теплыми молитвами и упованіемъ новаго Ангела, исходящаго на царственное служеніе намъ и отечеству, да низпослется свыше, всѣмъ извѣстной, добротѣ Его сила и крѣпость, толико нужныя во время настоящее.

Мы же, при помощи Божіей, непрерывно бесѣдовавшіе съ вами досель о смерти, глубоко чувствуемъ необходимость умолкнуть на время, дабы самимъ вполне поучиться отъ столь великаго и поразительнаго событія, какова неожиданная кончина Монарха Всероссійскаго. Проповѣдь наша къ вамъ чрезъ то не прекратится: только вы будете продолжать слышать ее уже не изъ нашихъ слабыхъ устъ, а изъ гроба почившаго Вынценовца, слышать — потому еще — въ болѣе сильномъ и трогательномъ видѣ, нежели какъ бы она могла быть предложена отъ насъ съ сего священнаго мѣста.—Аминь.

Р Ѣ Ч Ъ,

ПРОИЗНЕСЕННАЯ ВЪ ОДЕССКОМЪ КАФЕДРАЛЬНОМЪ СОБОРѢ,

марта 11, 1855 г.

при возложеніи новой золотой ризы на св. икону Богоматери Касперовской, предъ акаѳистнымъ пѣніемъ въ похвалу Богоматери, въ навечеріи субботы 5-й недѣли великаго поста.

Св. Давидъ въ одномъ изъ Богодухновенныхъ псалмовъ своихъ, изобразивъ необыкновенное, внутреннее и внѣшнее, величіе Богомъ вынчаннаго Царя, обращается потомъ къ лицу Его съ слѣдующими достопримѣчательными словами: *Предста Царица одесную тебе, въ ризахъ позлащенныхъ одѣяна, преиспещрена* (12).

(12) Псал. XLIV, 10.

Дивный Царь сей, по разумнѣю св. отцевъ Церкви, и по самому свойству изображенія Его у св. Давида, есть возлюбленный Господь и Спаситель нашъ, который, по совершеніи на землѣ крестною смертію Своею великаго дѣла искупленія рода человѣческаго, вознесся потомъ съ плотію на небеса и возсѣлъ тамъ на престолъ славы одесную Отца Своего. — Царица, представшая, — какъ то созерцалъ въ духъ св. Давидъ, — одесную сего Царя, есть Пречистая Матерь Христова, которая, по всечестномъ успеніи Ея, какъ свидѣтельствуетъ о томъ священное преданіе, такъ же съ плотію преставлена на небеса, къ престолу Бога Сына Своего. — Позлащенная и преукрашенная риза, которую созерцалъ на ней восхищенный духомъ Псалмопѣвецъ, есть избытокъ всякаго рода духовныхъ и тѣлесныхъ совершенствъ, въ кои облеклась Она, по вступленіи Ея на небесахъ въ подобающій Ей санъ чистѣйшей Херувимъ и славнѣйшей безъ сравненія Серафимъ.

Къ такой пренебесной ризѣ что можетъ приложить воля человѣческая, самая усердная, и рука самая искусная? Предъ сею ризою, или яснѣе сказать, предъ сею полнотою совершенствъ пренебесныхъ, можно только, вмѣстѣ съ сонмомъ Ангеловъ, благоговѣть и теряться въ радостномъ изумленіи.

Но, дивная Царица сія, и предстоя престолу Царя славы, и наслаждаясь избыткомъ совершенствъ высочайшихъ, никогда не забывала (и не забудетъ!) бѣдной земли нашей, гдѣ Она Сама путемъ скорбей и смиренія востекла на высоту настоящаго Ея величія. Яко Преподобная и Премилосердая, Она продолжаетъ выну благодѣтельствовать разнообразно роду человѣческому, всѣмъ земнымъ братіямъ своимъ по плоти. На сей конецъ, для возбужденія вѣры въ самыхъ косныхъ къ вѣрованію душахъ, для оживленія надежды и терпѣнія въ самыхъ слабыхъ и изнемогающихъ сердцахъ, Она, Всеблагая, простираетъ милость и снисхожденіе свое къ намъ до того, что, для приближенія насъ къ Себѣ, избираетъ, по временамъ, нѣкоторыя изъ нашихъ земныхъ изображеній Пречистаго лика Своего, и дѣлаетъ ихъ видимыми орудіями своихъ невидимыхъ

дѣйствій благодатныхъ. Въ таковыхъ чудотворныхъ иконахъ Она становится какъ бы особенно присущею намъ уже не въ одномъ образномъ, а, можно сказать, въ живомъ и животворящемъ видѣ.

И здѣсь-то открывается мѣсто и возможность для насъ, не токмо къ молитвамъ и прошеніямъ предъ ликомъ Пречистыя, но и къ разнымъ чувственнымъ знакамъ и выраженіямъ нашего усердія и признательности за Ея благодѣянія намъ и всему роду человѣческому, открывается до того, что мы,—подобно какъ сказано въ Евангеліи о св. женахъ, вспомоществовавшихъ Спасителю и ученикамъ Его среди земной скудости,—можемъ служить Ей отъ самыхъ *имъній своихъ* (15).

Такой именно чрезвычайно рѣдкій и благодатный случай, за четырнадцать предъ семь лѣтъ, открылся внезапно въ странѣ нашей. На пустынныхъ брегахъ Дибпра, среди малой и безвѣстной веси Касперовской, какъ нѣкогда въ безславномъ Назаретѣ, вдругъ просіялъ знаменіями и чудесами этотъ св. ликъ Богоматери, коему предстоимъ мы теперь благочестно. Никто не провозглашалъ о семъ событіи; на мѣстѣ необычайныхъ явленій не было никакого проповѣдника: но благодать, исходящая отъ св. иконы, сама собою, какъ благоуханіе, неслась по всей странѣ нашей, всюду и во всѣхъ возбуждая вѣру и живое упованіе на Бога и Богоматерь. Сонмы страждущихъ и обремененныхъ, какъ было и во время явленія на проповѣдь Спасителя, первые устремились съ своими недугами и скорбями къ источнику чудесъ; и находя каждый, по мѣрѣ своей вѣры, у пречистаго лика Богоматери покой душъ и уврачеваніе тѣлеси своему, сами собою обращались въ неумолкающихъ глашатаевъ о Ея благодатныхъ дѣйствіяхъ. По исходящему изъ глубины душъ и сердець гласу сему, въ непродолжительномъ времени, первенствующіе изъ градовъ нашихъ, одинъ за другимъ, спѣшили благоговѣнно изъявить ревность свою о томъ, чтобы скорѣе видѣть среди храмовъ и

(15) Лук. VIII, 3.

стогиъ своихъ новый чудотворный ликъ Царицы небесной. Намъ, обитателямъ града сего, по самому отдаленію мѣста пребыванія нашего, надлежало не малое время довольствоваться одними радостными слухами о необыкновенной благодати Божіей, проявившей себя такъ знаменательно надъ всею странною нашею. Но когда грозныя событія, разразившіяся надъ градомъ нашимъ въ прошедшую весну съ такою силою, дали всѣмъ намъ въ полной мѣрѣ почувствовать, что въ подобныхъ обстоятельствахъ—и при нескудости въ войнахъ и военачальникахъ,—необходимы еще заступленіе и помощь свыше; мы не замедлили обратиться съ молитвою и прошеніемъ къ *Взбранной Воеводѣ*, да удостоитъ благодатнымъ посещеніемъ своимъ и нашъ градъ. И можно сказать, едва токмо отвергли мы уста свои на такое моленіе, Она, премоисердная, не только услышала насъ, но и сдѣлала (черезъ почившаго въ Бозѣ Монарха) болѣе нежели сколько мы ожидали; ибо въ сугубое утѣшеніе намъ и въ ободреніе среди обывшихъ насъ золь, благоволила утвердить пребываніе своего чудотворнаго лика во градѣ нашемъ дотоль, пока не освободится онъ всецѣло отъ всякаго обстоянія силъ непріязненныхъ.

Можно ли было послѣ сего не тронуться глубоко всѣмъ намъ такою великою милостію Царицы небесной и не возжелать ознаменовать нашу благодарность къ Ней какимъ-либо видимымъ знакомъ усердія?—Вспоминалъ при семъ о златой и преукрашенной ризѣ Давидовой — на Царицѣ небесной, и примѣчая въ то же время неблаголѣпіе и скудость ризы на семъ чудотворномъ изображеніи Ея, мы необходимо пришли къ мысли — устроить для него это новое облаченіе. Усердіе христоролюбивыхъ душъ не умедлило представить намъ первоначальныя средства къ тому; надежда на продолженіе сего усердія служила поощреніемъ къ дальнѣйшему дѣйствию, которое теперь, благодареніе Господу! — достигло желаннаго конца. Новая, благолѣпная, какъ видите, риза готова: остается токмо поднести и, такъ сказать, представить ее, Той, для коей она предназначена.

Но, кто изъ насъ сдѣлаеть это?—О, какъ невинны должны быть руки и какъ чисто сердце приносящаго!... При мысли о семъ, мы отъ всей души готовы уступить сіе дѣло и сію честь тому, кто можетъ совершить это непостыдно и якоже подобаеть предъ лицомъ честнѣйшей Херувимъ. Но, истинные рабы Христовы, какъ явствуетъ изъ ихъ дѣписаній, никогда не любили являть себя предъ очію челоувковъ, развѣ изводимые особымъ распоряженіемъ свыше. Намъ посему, не смотря на духовную немощь и нечистоту нашу, намъ самимъ должно будетъ довершить то, что чрезъ насъ же, хотя и недостойныхъ, предначато, по внушенію благодати Божіей.

Не оставьте же, братія мои, подкрѣпить насъ въ семъ случаѣ, по крайней мѣрѣ, вашею вѣрою и молитвою. Соединимся всѣ въ духъ упованія и любви къ Преплагословенной Царицѣ небесной и заступницѣ нашей, и падши предъ симъ чудотворнымъ ликомъ Ея, подобно дароносившимъ волхвамъ въ Вавелемъ, воскликнемъ изъ глубины души: Мати Божія, заступнице и утѣшительнице всѣхъ скорбящихъ и обремененныхъ, пріими милостиво малое приношеніе сіе наше, и покрый насъ приносящихъ, и весь градъ, и всю страну нашу, твоимъ всечестнымъ омофоромъ! — Аминь.



КОНЧИНА

ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА НИКОЛАЯ ПАВЛОВИЧА.

Государь Императоръ Николай Павловичъ скончался сего 1855 года, февраля 18 дня, въ первомъ часу по-полудни.

Займствуемъ, въ извлеченіи, описаніе послѣднихъ часовъ Его изъ извѣстія, коимъ публика обязана краснорѣчивому перу одного изъ достойныхъ учениковъ и друзей Карамзина:

...«Сей драгоценной жизни положила конецъ простудная болѣзнь (grippe), въ началѣ казавшаяся ничтожною, но, въ несчастію, соединившаяся съ другими причинами разстройства, давно уже таившимися въ сложеніи лишь по видимому крепкомъ, а въ самомъ дѣлѣ потрясенномъ, даже изнуренномъ трудами необыкновенной дѣятельности, заботами и печалами, симъ общимъ удѣломъ челоѣчества и можетъ быть еще болѣе Трона».

«Во все продолженіе минувшаго года, какъ извѣстно отъ ближайшей прислуги нынѣ почившаго въ Бозѣ Государя, Онъ почти ежедневно чувствовалъ усиленіе сего разстройства. и однакожь не переставалъ съ постоянными, неутомимыми рвениемъ заниматься дѣлами правленія, посвящая имъ все дни, иногда и ночи, не рѣдко лишая себя необходимаго отдохновенія и сна, особливо въ послѣднее время, когда Онъ устремлялъ напряженное вниманіе на приготовленіе средствъ обороны противъ многочисленныхъ враговъ, столь неожиданно возставшихъ на Россію и Православіе. Но никто, и въ началѣ, и почти во все продолженіе сей послѣдней болѣзни

Государя, не считалъ ее опасною.... Сія болѣзнь продолжалась съ разными измѣненіями отъ послѣднихъ чиселъ генваря до 9-го февраля. Въ этотъ день Государь вдругъ почувствовалъ такое облегченіе, что рѣшился выѣхать для осмотра войскъ, отправлявшихся въ походъ. Сему противились бывшіе при Немъ медики. «Вы не посмотрѣли бы на мою болѣзнь», говорилъ Онъ имъ шутя, «еслибъ я былъ простой солдатъ». — «Нѣтъ, Ваше Величество, отвѣчали Ему, мы въ такомъ положеніи не дозволили бы и солдата выписать изъ больницы». — Государь отвѣчалъ съ своей стороны: «Вы исполнили бы свой долгъ; Я иду исполнять свой». Таковы были Его правила. Во всемъ Его неизмѣримомъ царствѣ, точнѣйшимъ, наиболее строгимъ исполнителемъ всѣхъ обязанностей былъ самъ Императоръ. Можетъ быть притомъ, что сердцу Его, по какому-то неясному предчувствію, хотѣлось еще разъ взглянуть на вѣрныхъ Своихъ воиновъ, которые шли на смерть или побѣду, за Него и Отечество. Но сей неосторожный выѣздъ, еще повторенный въ слѣдующій день (10-го февраля), усилилъ дѣйствіе первой простуды; къ тому присоединились движенія *артритической* (подагрической) *остроты*, и оказался упадокъ дѣятельности въ лѣвой сторонѣ лёгкихъ. Болѣзнь быстро развивалась. Государь, начавъ говѣть, по обыкновенію Своему, на первой недѣль поста со всемъ Августѣйшимъ Его Семействомъ, не могъ продолжать. Въ пятницу 11 февраля, Онъ принужденъ былъ лечь въ постелю — и уже не всталъ. Но и въ семъ положеніи не прекращалъ, сколько то было возможно, трудовъ Своихъ по дѣламъ управленія: Онъ умиралъ на тронѣ. 17-го февраля опасность дѣлалась столь велика и очевидна, что бывшіе при Государѣ медики рѣшились сказать о ней Наслѣднику Престола. Однакожь одинъ изъ докторовъ еще не переставалъ надѣяться. Лишь къ вечеру сего дня исчезъ и сей послѣдній лучъ надежды, и пораженный ужаснымъ извѣстіемъ Цесаревичъ рѣшился объявить о немъ Августѣйшей Своей Матери. Съ сердцемъ растерзаннымъ скорбію, по собственнымъ словамъ Ея ни съ чѣмъ *несравненною*, Императрица имѣла силу вспомнить обязанность Христіанской

супруги, и съ твердостью, которую даетъ одна вѣра, пошла исполнить ее при одрѣ умирающаго (*).

«Государь не ожидалъ Императрицу. Она склонилась къ Его изголовью, и съ свойственною Ей кроткою нежностью, тихо сказала: «Другъ мой, Ты не могъ окончить на чатаго Тобою говѣнья и приобщиться, какъ всегда бывало, «Св. Таинъ вмѣстѣ съ нами. Почему-бы не исполнить этого «теперь? Ты знаешь, что для христіанина нѣтъ лекарства «лучше, и многіе страждущіе получили облегченіе отъ «принятія Св. Таинъ». — «Какъ! въ постель? быстро возразилъ «Государь; невозможно. Я радъ и желаю исполнить эту «обязанность, но когда буду на ногахъ, когда Богъ дастъ «мнѣ облегченіе. Лѣжа и не одѣтый могу ли приступить къ «такому великому дѣлу?» Столь глубоко было Его благоговѣніе къ святынь. Императрица умолкла въ слезахъ: силы души Ея истощились. «Развѣ Я въ такой опасности?» спросилъ Государь, и мгновенно остановился, чтобы симъ вопросомъ не утратить Супругу. Такъ нежно они взаимно берегли другъ друга... «Ты плачешь?» спросилъ Государь. «Нѣтъ», отвѣчала Императрица, Которая Сама не чувствовала слезъ Своихъ, и предложила помочь Ему молиться; ибо въ изнеможеніи силъ Онъ не могъ свободно и вполне владѣть своими мыслями. Она начала въ полголоса читать молитву, прекраснѣйшую изъ всѣхъ молитвъ, данную намъ на землѣ самимъ пострадавшимъ за насъ Искупителемъ. Готовый предстать предъ Него, Государь слѣдовалъ молча за каждымъ словомъ, и когда Императрица сказала: «да будетъ воля Твоя», прибавилъ твердымъ голосомъ: «да! во всемъ и всегда»....

«Государь отпустилъ Императрицу, прося Ее успокоиться. Но кто могъ искать успокоенія въ сіи страшныя часы? Постъ полуночи всѣ бывшіе въ С.-Петербургѣ Члены Царственнаго Дома собрались на молитву къ малой Церкви Зимняго Дворца, и почти въ тожь время, нѣсколько част-

(*) Она неоднократно говаривала, что удивляется малодушію тѣхъ, которые, боясь испугать больного на нѣсколько краткихъ минутъ въ сей жизни, лишаютъ его утѣшенія чрезъ Причащеніе Святымъ Таинъ получить напутствіе къ жизни вѣчной.

ныхъ людей, изъ простыхъ подданныхъ умирающаго Монарха, только узнать объ опасной болѣзни Его, разбудили одного изъ священниковъ Казанскаго Собора, просили его отпереть Церковь, и вмѣстѣ съ симъ достойнымъ служителемъ олтареи, долго, долго молились со слезами.

«Но Богу угодно было позвать къ Себѣ Своего Помазанника. Въ два часа ночи, Лейбъ-Медикъ, котораго покойный Государь удостоивалъ особенной довѣренности, потерявъ надежду даже и на кратковременное продолженіе жизни больнаго, возбужденный, хотя съ тѣмъ вмѣстѣ и утраченный великостію предстоявшей ему печальной обязанности, о коей нѣкто изъ преданныхъ Императору напоминалъ ему въ сію минуту частнымъ, на скоро, въ смятеніи горести начертаннымъ письмомъ, рѣшился объявить всю истину Самому умирающему. Сердце его сжалось, когда онъ вошелъ въ послѣдній разъ въ скромный, тѣсный кабинетъ, бывшій въ то время и спальною Повелителя подсвѣта. Съ чего начать разговоръ? какъ произнести роковое слово? Онъ зналъ твердость души Государя; но зналъ также, что Государь не считаетъ Себя въ опасности, не думаетъ, чтобы смерть была такъ близка, хотя Онъ, какъ христіанинъ, старался всегда быть къ ней готовымъ. Лейбъ-Медику хотѣлось, чтобъ мысль о причащеніи Св. Таинъ сама собою родилась въ умѣ Государя. Онъ сталъ говорить ему о своей встрѣчѣ съ Духовникомъ Его Величества, *хорошимъ, старымъ его знакомымъ* (*). «Да! онъ почтенный человекъ и человекъ добрый», сказалъ Государь. «Когда вы съ нимъ познакомились?»—«Въ обстоятельствахъ прискорбныхъ», отвѣчалъ Докторъ: «въ послѣднюю болѣзнь Великой Княгини Александры Николаевны. Мы вчера вспомнили о семъ времени и съ Государыней Императрицей. Какъ-бы Она желала, чтобъ Вы позволили Ей помолиться у Вашей постели вмѣстѣ съ Духовникомъ Вашимъ, о скорѣйшемъ возвращеніи Вамъ здоровья». Въ эту минуту Государь вдругъ все понималъ. Онъ устремилъ на Медика выразительный, но ясный

(*) Оберъ-Священникомъ, Протопресвитеромъ В. Б. Божановымъ.

взоръ, и обыкновеннымъ своимъ голосомъ сдѣлалъ какъ-бы простой вопросъ: «Скажите, что-же? — умираю-ли Я?» На сихъ послѣднихъ словахъ Онъ еще возвысилъ голосъ. Долго Медикъ былъ не въ состояннн отвѣчать. Наконецъ, съ трепетомъ сердца, почти задыхаясь отъ удерживаемыхъ имъ слезъ, онъ произнесъ страшное слово. Спокойствіе было на лицѣ и въ душѣ Государя. Докторъ держалъ Его руку; ни одна жилка въ ней не дрогнула; ни на одинъ ударъ не ускорилось бѣненіе пульса. Въ первый разъ съ самаго начала болѣзни, Ему представилась мысль о неизбежной близкой кончинѣ, и уже въ свѣтлыхъ, тихихъ взорахъ Его изображалось состояніе души, свергающей съ себя все бремя печалей, заботъ, суетъ земнаго міра. Не было и вида какого-либо усиленія въ бореннн съ привязанностью къ жизни. Прошло пять, или шесть минутъ въ безмолвіи. Государь поднялъ глаза ввѣрхъ, какъ будто къ небу, и потомъ столь же спокойно, съ такою же простотою сдѣлалъ еще нѣсколько вопросовъ. — «Что вы нашли во мнѣ своимъ стетоскопомъ? «Каверны?» — «Нѣтъ, отвѣчалъ Лейбъ-Медикъ; но начало паралича въ лѣгкихъ». — «И у васъ достало духу, такъ рѣшительно объявить мнѣ мой смертный приговоръ?» — «Государь, я имѣлъ многія къ тому причины. Первая и главная есть та, — что я симъ исполняю давнее Вамъ обѣщаніе. За полтора предъ симъ года, Вы говорили мнѣ: «Требую, чтобъ вы сказали мнѣ *всю правду* и *од-врѣмя*, когда представится надобность.» Къ несчастію, сія надобность представилась нынѣ. Съ тѣмъ вмѣстѣ я исполняю и другую священную обязанность къ Монарху и Отцу семейства. Предъ Вами еще нѣсколько часовъ жизни: Вы въ полной памяти; знаете, что теперь уже нѣтъ никакой надежды, и конечно захотите воспользоваться сими часами для последней бесѣды съ Наслѣдникомъ Вашего Престола. Наконецъ «Я объявилъ Вамъ правду, всю правду, и потому, что *знаю Васъ и люблю*». Государь слушалъ съ вниманіемъ совершенно спокойнымъ. Докторъ не могъ уже удержать слезъ своихъ; Государь замѣтилъ это, подаль ему руку и сказалъ: «Благодарю». — Прошло еще нѣсколько минутъ въ

молчаніи. Потомъ Императоръ сказалъ Доктору: «Позовите Старшаго Моего Сына». Когда Лейбъ-Медикъ исполнилъ сіе порученіе, Государь также обыкновеннымъ своимъ голосомъ прибавилъ: «Не забудьте послать за другими дѣтьми Моими, за Сыномъ Константиномъ; но поберегите Императрицу». Онъ Самъ объявилъ о близкой Своей кончинѣ нѣжно любимому Сыну, и боясь испугать Императрицу, прибавилъ: «Надѣюсь, что Ты ничего не сказалъ и не скажешь Матушкѣ».—Того жъ боялась и Великая Княгиня Марія Николаевна, которая находилась всѣхъ ближе къ комнатѣ больного: Она говорила Доктору: «какъ мы приготовимъ Матушку?» Но Христіанская Супруга, Христіанская Царица была уже ко всему готова, и Государь не удивился, увидѣвъ Императрицу возлѣ Себя: Она была на своемъ мѣстѣ, держа руку, отданную Ей вмѣстѣ съ сердцемъ. Духовникъ Его Величества былъ также готовъ и близко съ Святыми Дарами. По прочтеніи приуготовительныхъ молитвъ къ Св. Исповѣди, Ея Величество и Цесаревичъ вышли изъ комнаты; Они вошли обратно по совершеніи сего таинства. Всѣ прочіе члены Августѣйшаго Семейства ожидали, колѣнопреклоненные, въ сосѣдственной комнатѣ великую минуту послѣдняго на землѣ общенія Его съ Господомъ. Государь, перекрестясь, сказалъ: «Молю Бога, чтобы Онъ принялъ меня въ Свои объятія». Онъ приступалъ къ великому Таинству съ глубокимъ умиленіемъ, но и съ совершеннымъ спокойствіемъ, и своимъ обыкновеннымъ, выразительнымъ и твердымъ голосомъ произносилъ читасмое предъ Св. причащеніемъ Исповѣданіе вѣры въ Спасителя Христа и въ установленное Имъ Самимъ Таинство Евхаристіи, вѣры, которую всегда хранилъ непоколебимо въ душѣ Своей.

«Воздавъ *Божіе Богови*, нашъ Кесарь обратился на нѣсколько мгновеній къ дѣламъ земнаго Своего Царства: приказалъ дать знать по телеграфу въ Москву, Варшаву, Кіевъ, что *Императоръ умираетъ*, какъ будто говоря уже не отъ своего имени, и прибавилъ: *прощается съ Москвою*. Онъ сдѣлалъ нѣсколько распоряженій о Своемъ погребеніи: велѣлъ положить возлѣ гроба маленькій образъ Богородицы Одиги-

три, который получилъ при Святѣмъ Крещеніи отъ Екатерины Великой; Самъ назначилъ въ нижнемъ этажѣ Зимняго Дворца залу, въ которой должно было поставить гробницу съ Его смертными останками, и мѣсто для могилы въ Петропавловскомъ Соборѣ. Онъ требовалъ, чтобы погребеніе Его было совершено съ наименьшею по возможности роскошью, безъ пышнаго катафалка, безъ великолюпытныхъ въ залѣ и Церкви убранныхъ, избѣгая излишнихъ для казны и съдѣственно для народа издержекъ (*). — Тогда началось трогательное прощаніе умирающаго съ семействомъ Его. Къ смертному Его одру стеклись всѣ находящіеся въ С.-Петербургѣ. Члены Царственнаго Дома, даже младенцы, дѣти дѣтей Его. Онъ хотѣлъ въ послѣдній разъ благословить *всѣхъ*, и отсутствующихъ: никто не былъ забытъ Имъ; всякому сказалъ. Онъ одно изъ тѣхъ словъ, которыя впечатлѣваются въ сердце на вѣки. Будущему Наслѣднику Престола Онъ говорилъ: «служи Россіи». — Младшаго Великаго Князя Александра Александровича принесли позднѣ другихъ; онъ былъ блѣденъ отъ испуга; но и его скоро успокоилъ Своими отеческими ласками Тотъ, Который въ сіи торжественные часы былъ всё для всѣхъ. Онъ какъ будто примѣнялся ко всемъ различнымъ возрастамъ; даже шутилъ съ дѣтьми Великой Княгини Маріи Николаевны, называя ихъ полуименами, но внушая также имъ, чтобъ они служили Россіи. Когда вошла Великая Княгиня Елена Павловна, Онъ съ неизмѣняющимся видомъ яснаго спокойствія сказалъ Ей, какъ будто при обыкновенномъ посвященіи: «благодарю», и потомъ, можетъ быть, вспоминая о потерянномъ Ею Супругѣ, прибавилъ: «теперь и Мнѣ пришло время. Скажите Мой сердечный поклонъ Катѣ, (Великой Княгинѣ Екатерины Михайловны,) Ей и Ему, (Герцогу Георгію Мекленбургъ-Стрелицкому,) Имъ обоимъ».... — Главнѣйшее нѣжное вниманіе Его было обращено къ Той, которая прошла съ Нимъ рука въ руку все поприще жизни и Царства. Её поручалъ Онъ общей любви; Её предзна-

(*) Слѣдуя сей же мысли, Государь въ Духовномъ Своемъ завѣщаніи изъявлялъ желаніе, чтобы срокъ для траура по Немъ былъ определенъ самый краткій.

чалъ средоточіемъ для единства всего Августѣйшаго Дома. Когда, вѣроятно противъ воли, исторгались изъ груди Ея слова: «За чѣмъ не могу Я умереть съ Тобою!», Онъ на сей вопль сокрушеннаго горестію сердца отвѣчалъ, указывая на дѣтей: «Ты должна жить для нихъ»; а вмѣ, указывая на Императрицу, говорилъ: «Живите всегда какъ нынѣ въ тѣсномъ союзѣ любви семейной». — Государь, мы уже сказали, хотѣлъ благословить и отсутствующихъ дѣтей Своихъ. При имени каждаго, Онъ поднималъ исхудавшую руку и заочно чрезъ дальнія разстоянія осѣнялъ ихъ знаменіемъ крестнымъ; сіе благословіе умирающаго съ такими чувствами, конечно, доходило до нихъ. Великая Княгиня Ольга Николаевна, пораженная извѣстіемъ объ опасной болѣзни Родителя, думала отправиться немедленно въ путь, и съ трудомъ, по убѣжденіямъ Кронъ-Припца, Супруга Ея, согласилась на кратковременное предъ дорогою отдохновеніе. Но едва Она успѣла закрыть глаза и впасть въ легкую дремоту, какъ Ей представился обожаемый Ею Отецъ, на одрѣ страданій и смерти, поднимающій руку, благословляющій Её предъ кончиною.

«Между тѣмъ печальная, страшная вѣсть больше и больше распространилась въ городѣ. Народъ толпился вокругъ Дворца: иные врывались въ сѣни, какъ бы не вѣря слышанному; другіе, на площади и бульварѣ, становились на колѣни и молили Бога о Царь своемъ, не зная, живъ ли Онъ, или уже перешелъ въ селенія Праведныхъ».

«Государь продолжалъ жить еще нѣсколько часовъ; но охраняя въ изнеможенномъ тѣлѣ все присутствіе ума, всю твердость дуа, Онъ жилъ, то-есть мыслить и чувствовать, уже какъ тѣ, которые покоятся на лонѣ Вышняго. Пріѣхалъ курьеръ изъ арміи съ извѣстіями и письмами отъ Великихъ Князей Николая и Михаила Николаевичей. «Здоровы ли они?»—спросилъ Императоръ;— все прочее теперь не касается меня. Я весь въ Богѣ». — При семъ однакожь Онъ не переставалъ исполнять на землѣ послѣднюю, вѣчную заповѣдь Спасителя: любить; любить и враговъ своихъ, коимъ Онъ прощалъ отъ сердца, хотя дѣйствія нѣкоторыхъ прошли

какъ оружiе души его; любить и благодарить тѣхъ, которые любили Его и всегда будутъ любить и чтить Его память. Благословивъ Супругу, дѣтей и внуковъ, Онъ призвалъ бывшихъ во Дворцѣ: Генераль-Адъютанта Графа Орлова и Министровъ Двора и Военнаго; благодарилъ ихъ за службу, и поручилъ Наслѣднику Своему благодарить отъ Его Имени всѣхъ другихъ Министровъ, Гвардію, Армію, Флотъ и въ особенности геройскихъ защитниковъ Севастополя (*). Онъ не забылъ и ближнюю прислугу Свою и посѣдѣвшихъ подъ оружіемъ Дворцовыхъ Гренадеровъ; всѣхъ благословилъ, всякому сказалъ нѣсколько ласковыхъ словъ. Потомъ съ улыбкой спросилъ Доктора: «Скоро ли вы дадите мнѣ *отставку*? Скоро ли все будетъ кончено?» — Не такъ еще скоро, отвѣчалъ Медикъ. — «Не лишуся ли я памяти?» — «Надѣюсь, Ваше Величество, что все будетъ тихо и спокойно.» Государь всегда съ неприятнымъ чувствомъ думалъ о потерѣ внутренняго сознанія.»

«При послѣднемъ въ жизни лобзаніи, Онъ еще говорилъ Преемнику Своего Престола: «Мнѣ хотѣлось, принявъ на «Себя все трудное, все тяжкое, оставить Тебѣ Царство мирное, устроенное и счастливое. Провидѣніе судило иначе. «Теперь иду молиться за Россію и за васъ. Послѣ Россіи, Я «васъ любилъ болѣе всего въ свѣтѣ.»

«Когда, по желанію Его, Духовникъ читалъ молитвы *на исходъ души*, Онъ слушалъ ихъ съ такимъ же неуклоннымъ вниманіемъ, какъ и предуготовительныя къ исповѣди молитвы, нѣсколько разъ осѣнялъ себя крестнымъ знаменіемъ, и по окончаніи, простившись съ нимъ, крѣпко прижалъ къ устамъ наперсный его крестъ, изображеніе Распятаго, въ объятія Коего стремился. Не будучи уже въ силахъ сказать что-либо словами, Онъ потухающимъ взоромъ указывалъ Духовнику на Императрицу и Наслѣдника, какъ бы прося его утѣшать ихъ и за нихъ молиться. Онъ не покидалъ ихъ

(*) Сію волю Родителя Царствующей Императрицы исполнилъ на другой же день, предъ прочтеніемъ Манифеста о восшествіи Его Величества на Прародительскій Престолъ и принесеніемъ присяги на вѣрность.

рукъ, иногда еще сжимая ихъ въ Своихъ рукахъ, доколь наконецъ, въ 20-ть минутъ послѣ полудня, Они перестали чувствовать сіе нѣжное рукожатіе, которое прекратилось вмѣстѣ съ біеніемъ сердца.»

«Такова была кончина оплакиваемаго нами Императора. Духовникъ Его, *почтенный и добрый*, какъ сказалъ Государь въ одну изъ предсмертныхъ минутъ Своихъ, Отецъ Божановъ, предъ коимъ по сану и званію его были открыты всѣ тайны Его души, — говорилъ намъ, обливаясь слезами: «По долгу моего званія, многихъ умирающихъ, въ томъ числѣ «и извѣстныхъ своимъ благочестіемъ, напутствовалъ я Святыми Таинствами и молитвами; но никогда не видалъ такого умилительнаго и величественнаго торжества Христіанской Вѣры надъ смертію.» Другой свидѣтель кончины Государя прибавляетъ къ сему: «Если бы можно было ввести въ Его Кабинетъ, за нѣсколько предъ симъ часовъ, чело- «вѣка не признающаго Бога и Промысла Его, и этотъ че- «ловѣкъ вышелъ бы оттуда Христіаниномъ.»



О Д А

НА ВОСШЕСТВИЕ НА ПРЕСТОЛЬ ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА, ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА ВТОРАГО.

Какъ громъ, внезапно раздался,
Какъ вѣтеръ, быстро пронеслася
Печали вѣсть по всемъ странамъ!
Но солнце вновь явилось намъ.
Ты — наше солнце, Царь нашъ новый!
Мы все, мы все летѣть готовы
На встрѣчу радостныхъ лучей!
Мы, какъ пернатыхъ хоръ летучий,
Умолкли въ часъ нависшей тучи,
Поемъ съ возвратомъ свѣтлыхъ дней!

★

Прими вѣнецъ, къ вѣнцу рожденный!
И власти скиптръ, опредѣленный
Тебѣ съ рожденія судьбой!
Младенецъ встрѣченный Москвой
Въ ея Кремль, въ ея святынь,
Ты нашъ съ тѣхъ поръ; Ты нашъ отнынѣ,
Какъ Повелитель и Отецъ!
Прими отъ чадъ Россіи вѣрныхъ
Обътовъ дань нелицемѣрныхъ
И омиамъ отъ всехъ сердець!

★

Великъ Твой санъ и подвигъ трудный!
 Но Вышній, милостию чудный,
 Тебя въ немъ свыше укрѣпить!
 Дерзай! Тебѣ Россія щить.
 Молитва Церкви Православной,
 И мечъ Славянъ, издревле славный,
 И вѣрность ихъ, и крестъ святой —
 Свидѣтель нашего подданства,
 Въ великой битвѣ христіанства
 Предъидутъ всюду предъ Тобой!

*

Передъ Тобой изъ горней сѣни
 Пойдутъ великихъ предковъ тѣни:
 Самъ грозный Петръ на вражій флотъ
 Грозу и бурю наведетъ;
 Герой въ женахъ, Екатерина,
 Подъ чьей рукой Чесмы пучина
 Пылала въ взрывѣ кораблей;
 И Онъ, Твой дядя соименный,
 Нашъ Александръ Благословенный,
 Народовъ щить и Вождь царей!

*

Не въ первый разъ на Русь народы
 Идутъ, какъ хлынувшія воды!
 Грозили намъ — сыны степей,
 Орды Монгольскихъ дикарей,
 Поляковъ буйныя ватаги,
 Левъ Шведовъ — дерзкій сынъ отваги,
 Европы двадцать языкъ!
 Но что гремитъ досель слава?
 Москва, Непрядва, Донъ, Полтава!
 Чей мечъ предъ нашимъ не поникъ?

*

Теперь — сошлись ополченья
 На насъ, во имя просвѣщенья,
 За Магомета и луну!
 На православія страну
 Какіе жь вновь идутъ народы?
 Одинъ — опять, въ мечтахъ свободы,
 Согнуть пришельца подь ярмомъ;
 Другой — властей въ смѣшенъ дикомъ,
 Ошеломленъ витійства крикомъ,
 Обмануть кормчихъ языкомъ!

★

Не ей, ватагъ изступленной,
 Искусствомъ адскихъ силъ надменной
 И златомъ, идоломъ земли;
 Не имъ, которыхъ корабли,
 Какъ свѣтью, обложили море —
 Навестъ на насъ бѣду и горе;
 Возстанетъ Богъ! рвшить нашъ споръ!
 Вотще они полки сугубать:
 Уже ихъ рать теперь же губать
 Болѣзнь, стужа, холодъ, моръ!

★

Великъ Господь, въ Его же длани
 Сосудъ и благъ и наказаній,
 И громъ, и мракъ, и солнца свѣтъ!
 Властитель жребіевъ и лѣтъ,
 Пошлетъ онъ миръ Христовой рати;
 Дохнетъ дыханьемъ благодати,
 И разоренный злобой Крымъ
 Вновь разцвѣтетъ Эдемскимъ садомъ,
 Съ своимъ душистымъ виноградомъ
 Подь небомъ радостнымъ своимъ!

★

А тамъ, гдѣ нынѣ громъ и стоны,
 И гдѣ костями — ихъ легионы
 На землю чуждую легли;
 Гдѣ бомбы взрыли грудь земли;
 Утучнена пришельцевъ кровью,
 Она, сторицею, съ любовью
 Воздасть за земледельца трудъ!
 И Севастополь величавый,
 Какъ новый лавръ Твоей державы,
 Бытописанья вознесутъ!

★

Дерзай, нашъ Вождь! — Но въ то же время
 Другое царственное бремя
 Ты возложилъ на рамена!
 Твоя великая страна
 Великой требуетъ управы!
 То правды путь, не шумной славы,
 И неусыпный царскій трудъ!
 Но за него Твои потомки
 Скорый чѣмъ за победы громки
 Тебѣ любовью воздадутъ!

★

Война не есть уставъ природы!
 Пройдетъ она; вздохнуть народы;
 И помнить внукъ, какъ давній сонъ,
 Что шель въ Москву Наполеонъ;
 И пашеть поле безоружный!
 Но хлѣбъ и правда вѣчно нужны!
 Блаженъ народъ, гдѣ мирный плугъ
 Не позабытъ безъ воздаянья;
 Гдѣ, мимо всѣхъ, къ бѣдѣ страданья,
 Къ обидѣ Царь склоняетъ слухъ!

★

Доступный Царь есть образъ Бога!
 Мольба, вздохъ сердца, вотъ дорога
 Къ Царю Всевышнему царей!
 Да благодатию Своей
 Онъ освнить Тебя отнынѣ!
 Въ высокой царственной святыни
 Будь благъ и милостивъ, какъ Богъ!
 Онъ Вѣчный не враждуетъ вѣчно!
 Онъ милосердъ къ намъ бесконечно,
 Не бесконечно въ гнѣвъ строгъ!

★

Но знаемъ мы: Ты кротокъ духомъ!
 Давно полна Россія слухомъ
 Небесной благодати Твоей!
 Какъ ей не знать сыновъ Царей?
 О Комъ вели мы рѣчи прежде?
 Не о Тебѣ ль, своей надеждѣ!
 Я вижу будущность! — Внимаю:
 Пройдетъ година испытанья,
 Настанетъ вѣкъ довольства, знанья,
 И вкусимъ мы блаженства рай!

М. К. ДМИТРИЕВЪ.

7-го марта, 1855.
 Сызрань.

**Заключеніе оды Жуковскаго на рожденіе Государя
Императора Александра II.**

.....

И дальнія лѣта перелетѣвъ,
Я мыслію ко близкимъ устремилъ.
Давно ль, я мнилъ, горѣлъ здѣсь Божій гнѣвъ?
Давно ли Кремль разорванный дымился?
Что зрѣли мы?... Во прахъ домъ Царей;
Безславіе разбитыхъ алтарей;
Святилища, лишеныя святыни;
И вся Москва, какъ гробъ среди пустыни.
И что жъ теперь?... Стою на мѣствъ томъ,
Гдѣ сопостать ругался надъ Кремлемъ,
Зажженною любуюся Москвою —
И тишина святая надо мною;
Москва жива; въ Кремль семья Царя;
Народъ, тѣснясь къ ступенямъ алтаря,
На праздникъ великомъ Воскресенья,
Смиренно ждетъ надежды совершенья,
Ждетъ милаго пришельца въ Божій свѣтъ....
О! какъ у всѣхъ душа заликовала,
Когда молва въ громахъ Москвъ сказала
Исполненный Создателя обѣтъ!
О! сладкій часъ, въ надеждѣ, въ страхѣ жданный!
Гряди въ нашъ міръ, Младенецъ, гость желанный!
Тебя узрѣвъ, колынопреклонень,

Младый Отець предъ Матерью спасенной,
 Въ жару любви рыдаетъ, словъ лишень;
 Передъ Твоей невинностью смиренной
 Безмолвная Праматерь слезы льеть;
 Уже Москва *своимъ* Тебя зоветъ;...
 Но какъ понять, что въ часъ сей непонятный
 Сбылось съ Твоей, младая Мать, душой?
 О! для нея открылся міръ иной.
 Твое дитя, какъ вѣстникъ благодатный,
 О лучшемъ ей сказало бытіи;
 Чувствійшія заглись въ ней упованья;
 Не для Тебя теперь Твои желанья,
 Не о Тебѣ днесъ радости Твои;
 Младенчества обвитый пеленами,
 Еще безъ словъ, незрящими очами
 Въ Твоихъ очахъ любовь встрѣчаетъ Онъ;
 Какъ тишина, Его прекрасенъ сонъ,
 И жизни вѣсть къ Нему не достигала...
 Но ужъ Судьба свой судъ объ Немъ сказала;
 Уже въ ея святилищѣ стоитъ
 Ему испить назначенная чаша.
 Что скрыто въ ней, того надежда наша
 Во тмѣ земной для насъ не разрѣшить....

Но Онъ рожденъ въ великомъ градѣ славы,
 На высотѣ воскресшаго Кремля!
 Здѣсь возмужалъ орелъ нашъ двоеглавый;
 Кругомъ Его и небо и земля,
 Питавшія Россію въ колыбели;
 Здѣсь жизнь отцевъ великая была;
 Здѣсь битвы ихъ за честь и Русь кипѣли,
 И здѣсь ихъ прахъ могила приняла —
 Обманетъ ли сіе знаменованье?...
 Прекрасное Россія упованье
 Тебѣ въ Твоемъ младенцѣ отдаетъ.

Тебѣ Его младенческія лѣта!
 Отъ нихъ пеленѣ ко входу въ бури свѣта
 Пускай Тебѣ во славу Онъ перейдетъ
 Съ душой, на все прекрасное готовой,
 Наставленный: достойнымъ счастья быть,
 Великое съ величіемъ сносить.
 Не трепетать, встрѣчая рокъ суровой,
 И быть въ дѣлахъ временъ своихъ красой.
 Лѣта пройдутъ, подвижникъ молодой,
 Откинувши младенчества забавы,
 Онъ полетитъ въ путь опыта и славы...
 Да встрѣтитъ Онъ обильный честию вѣкъ!
 Да славнаго участникъ славный будетъ!
 Да на чредѣ высокой не забудетъ
 Святѣйшаго изъ званій: *человѣкъ*.
 Жить для вѣковъ въ величій народномъ,
 Для блага *всѣхъ* — свое позабывать,
 Лишь въ голосъ отечества свободномъ
 Съ смиреніемъ дѣла свои читать:
 Вотъ правила Царей великихъ внуку.
 Съ Тобой ему начать сію науку.

Теперь, едва проснувшійся душой,
 Предъ Матерью, какъ будто предъ Судьбой,
 Безпечно Онъ играетъ въ колыбели,
 И радости младыя прилетѣли
 Ея покой прекрасный оживлять;
 Житейское отъ ней еще далѣко....
 Храни ее, заботливая Мать;
 Твоя любовь всевидящее око;
 Въ Твоей любви святая благодать.

НѢСКОЛЬКО СЛОВЪ О ПЕРЕВОДѢ ГОМЕРОВОЙ ИЛІАДЫ ЖУКОВСКАГО И О РУССКОМЪ ГЕКСАМЕТРѢ ВЪ ОСОБЕННОСТИ.

Въ послѣдней книжкѣ Пропилей помѣщенъ переводъ Жуковскаго 1-й пѣсни Иліады съ небольшимъ отрывкомъ 2-й. Переводъ славнаго нашего стихотворца безъ сомнѣнія обратитъ всеобщее вниманіе. Въ этой же книжкѣ, что очень случилось кстати, помѣщена статья г-на Каткова, содержащая всеобщія замѣчанія, или требованія, которымъ должно слѣдовать при переводѣ греческаго поэта на нашъ языкъ. Эта статья исполнена здраваго смысла и мы прочли ее съ удовольствіемъ. Авторъ ясно и очень умно доказываетъ, что языкъ простонародный не есть языкъ народный, и что слѣдовательно тѣ, которые перелагаютъ Гомера на рѣчь простонародную, весьма заблуждаются. Посмотримъ теперь, какъ онъ опредѣляетъ языкъ народный. Онъ говоритъ, что «пока народъ имѣетъ одну общую литературу, единство языка его какъ бы застраховано (весьма остроумно сказано). — Литтературный языкъ, принявшій въ себя всѣ стихіи жизни народа, образованный всѣми впечатлѣніями его духовной производительности, есть самое лучшее выраженіе народности». Все правда; но языкъ живой не есть еще языкъ оконченный. Мои предшественники позволяли себѣ разныя нововведенія. Чѣмъ же ограничить мою свободу, если я захочу такъ же вводить въ языкъ новости; на пр. простонародныя слова, провинціализмы и пр.? почему знать? можетъ-быть мои нововведенія будутъ такъ же приняты и утверждены общимъ употребленіемъ? Возьмемъ слѣдующій примѣръ: вы перево-

дите: Атридъ, Теламонидъ, Пелидъ, Кроніонъ. Но всѣ согласятся, что первая потребность перевода есть точность. Атридъ же и Пелидъ, если я не знаю по-гречески, вовсе для меня непонятны. И вы, чтобы вразумить меня, должны сдѣлать особенное замѣчаніе, что это суть греческія отчеименныя. Но въ такомъ случаѣ, согласитесь сами, гораздо справедливѣе греческія отчеименныя замѣнить русскими, на пр. Агамемнонъ Атреичъ, Ахиллесъ Пеличъ, Зевесъ Кроповичъ. При томъ вы не можете сказать, что наши отчеименныя не приняты въ языкъ литературный. Книги и нешутливаго содержанія представляютъ довольно тому примѣровъ. И такъ, если не ошибаюсь въ моемъ предположеніи и угадываю вашу мысль, то вы мнѣ на это скажете вотъ что: отчеименныя у Гомера употребляются не просто; а такъ какъ всѣ его герои потомки или такихъ же героевъ, или и самыхъ боговъ, то каждое его отчеименное, приданное къ собственному, сообщаетъ лицу нѣкоторымъ образомъ новую степень благородства и величія, тогда какъ наши отчеименныя, если онѣ при собственныхъ, означаютъ одну только свѣтскую вѣжливость, если жъ стоятъ безъ собственныхъ, то напоминаютъ совершенно бытъ простонародный, какъ Карпычъ, Сидоровна и пр., и потому переводить такимъ образомъ Гомера значить унижать высокое достоинство его поэмы. — Вотъ это уже другое дѣло. И такъ не довольно къ переводу славнаго творенія только одного языка литературнаго, должно еще, чтобы переводъ былъ сообразенъ съ духомъ и характеромъ самаго творенія. Потому что мы желаемъ переводовъ не только вѣрныхъ, но и изящныхъ, разумется въ такой мѣрѣ, въ какой того требуетъ языкъ нашъ. Да позволено будетъ мнѣ подкрѣпить слова свои авторитетомъ. Надѣюсь, что въ этомъ дѣлѣ авторитетъ такого писателя, какъ Цицеронъ, не покажется маловажнымъ. Желая представить въ латинскомъ языкѣ образецъ аттическаго краснорѣчія, онъ перевелъ дѣя славныя рѣчи Эсхина и Демосѣена. И вотъ что онъ говоритъ о своемъ переводѣ въ предисловіи: «Я не такъ перевелъ эти рѣчи, какъ обыкновенный переводчикъ, но какъ ораторъ.

Я сохранялъ тѣ же мысли, давалъ имъ ту же форму, въ которой онѣ изложены, принимая ихъ какъ бы за фигуры; но что касается до словъ, то я сообразовался съ употребленіемъ языка нашего. Не поставляя себѣ обязанности *выражать каждое слово*, я сохранялъ только ихъ смыслъ и силу. Я хотѣлъ, такъ сказать, не *отщипывать* слова читателю, а *отвѣшивать*. Не только остроумная, но и справедливая мысль. Отщипывать, значитъ отдавать щетомъ за каждое слово языка чужаго слово своего языка; а кто отвѣшиваетъ слова, тотъ можетъ за нѣсколько словъ, которые полегче, положить на вѣсы иногда и одно свое слово, которое потяжеле, и обратно. Въ заключеніи повторяя ту же мысль, онъ говоритъ такъ: «я надѣюсь въ этомъ переводѣ сохранить изящество оригинала, выражая тѣ же мысли, тѣ же фигуры и сохраняя порядокъ изложенія. Что же до самыхъ словъ, то я сообразовался съ употребленіемъ языка нашего. Впрочемъ, если я и не всѣ слова переводилъ съ греческаго, то старался однакожь, чтобы онѣ были въ томъ же родѣ. Если я успѣлъ въ моемъ предпріятіи, то надѣюсь въ своемъ переводѣ представить образецъ для тѣхъ, которые желаютъ въ краснорѣчіи подражать аттическимъ ораторомъ. Но обо мнѣ довольно. Послушаемъ теперь *Эсхина, говорящаго языкомъ латинскимъ*». Мысль сильная и можетъ быть простительная только такому переводчику-оратору, каковъ былъ Цицеронъ. Мы не знаемъ, осмѣлился ли бы какой-нибудь переводчикъ Гомера сказать: «послушаемъ Гомера, выражающагося языкомъ Русскимъ»; но то несомнѣнно, что онъ долженъ былъ бы желать и всѣми силами стараться, чтобы въ его переводѣ виднѣнъ былъ Гомеръ цидуцкій по-русски. Изъ этого можно вывести такое общее правило для переводчиковъ: «переводите такъ славнаго писателя, какъ выражался бы онъ, если бы писалъ на языкъ вашемъ». Такимъ образомъ, если вы будете смотреть на Гомера какъ на перваго, какъ на величайшаго и возвышеннѣйшаго поэта въ эпическомъ родѣ, то конечно не о томъ будете думать, чтобы сдѣлать съ него какой-нибудь переводъ подстрочный, школьническій, а о томъ,

чтобы въ вашемъ языкѣ сохранить высокость и достоинство поэмы. Приведемъ здѣсь вышесказанный примѣръ отчужденныхъ. При такихъ условіяхъ безъ сомнѣнія уже вы не употребите въ вашемъ переводѣ слова Пелидъ, потому что это не по-русски, не употребите и слова Пелечъ, потому что этимъ уменьшите важность лица; а скажете просто сынъ Пелелъ, или, если разсудите, что имя Пелея уже для насъ не имѣетъ той важности и занимательности, какую имѣло для Грековъ, то по моему мнѣнію еще лучше сдѣлаете, если совсѣмъ его выпустите. И мнѣ кажется, что этотъ скромный стихъ Кострова:

Воспой Ахилловъ гнѣвъ божественная муза —

въ сравненіи съ слѣдующимъ Гнѣдича или Жуковского:

Гнѣвъ, о богиня, воспой Ахиллеса, Пелеева сына, —

не только ничего не теряетъ, но еще больше пріобрѣтаетъ относительно силы и точности мысли именно потому, что ничего не заключаетъ въ себѣ излишняго — я разумю, по нашимъ понятіямъ. — Но такимъ образомъ всѣ эти выпущенія, и можетъ быть, пополненія мы оставимъ на произволъ переводчика? какія жъ въ этомъ случаѣ предпишемъ ему предѣлы? — Геніальный переводчикъ самъ поставитъ себѣ предѣлы, и природный вкусъ и знаніе языка отечественнаго укажутъ ему, какъ далеко должна простирасться его пѣтическая свобода. Онъ пойметъ, что переводъ буквальный или подстрочный далекъ отъ перевода изящнаго, котораго достоинство не въ томъ состоитъ, чтобы отдавать слова щетомъ, какъ говорить Цицеронъ, а въ томъ, чтобы передать идею, или мысль, для которой слова служатъ только внѣшней оболочкою (*).

(*) Разумѣется, что я говорю здѣсь о переводахъ поэтическихъ, которые производятся также вдохновеніемъ поэтическимъ, а не о переводахъ *точныхъ* въ тѣсномъ смыслѣ сего слова, и которые обыкновенно бываютъ прозаическіе; такіе переводы, особенно парафрастическіе, предпринимаются для тѣхъ, которые любопытствуютъ знать точнѣе оригиналь, и поэтому могутъ быть весьма полезны; но здѣсь дѣло идетъ о наслажденіи красотами поэтиче-

Теперь предложимъ еще одинъ вопросъ, касающійся только собственно Гомера, вопросъ великой важности, ибо отъ его разрѣшенія зависитъ истинное опредѣленіе характера поэмы его. А характеромъ оригинала условливается и характеръ перевода. И такъ, вотъ въ чемъ дѣло: людямъ книжнымъ извѣстно, что было время, когда на Гомеровы поэмы смотрѣли не только какъ на произведенія величайшаго гениа, но и какъ на школу мудрости и нравственности. Не рѣшимъ, давно ли, но кажется въ наше время это мнѣніе измѣнилось, и къ этому не маловажною причиною послужила въ Германіи Вольфова школа. Впрочемъ, и независимо ни отъ какого авторитета, всякій переводчикъ можетъ имѣть свой особенный взглядъ на Гомеровы поэмы. Каковъ же теперь долженъ быть переводъ Гомера, если переводчикъ, оставивъ прежній взглядъ, будетъ смотрѣть на его поэмы, какъ на сказки стараго бахаря, подобнаго напр. Киршъ, или кому угодно, въ этомъ родѣ, бродящаго изъ города въ городъ и промышляющаго себѣ хвалу и пропитаніе своими пѣснями въ толпѣ народной? Понятно, что съ такимъ взглядомъ всѣ высокія картины и мысли нашего поэта онъ облечетъ въ формы выраженія изъ самаго простаго народнаго быта. И онъ правъ. По крайней мѣрѣ никакъ нельзя охуждать его перевода, пока вы ему не докажете, что взглядъ его ошибоченъ. Какъ же теперь опредѣлить одинъ истинный и постоянный взглядъ на Гомеровы поэмы?... Но такое изслѣдованіе, хотя бы съ перваго взгляда и не показалось весьма труднымъ по множеству собранныхъ учеными матеріаловъ, но по объему своему составило бы отдѣльное цѣлое, не вмѣстное въ настоящемъ разсмотрѣніи. Для насъ теперь этотъ вопросъ вотъ почему важенъ, что имъ опредѣляется настоящая оцѣнка переводу Жуковскаго. Т. е. мы должны смотрѣть на переводъ его такъ, какъ онъ самъ смотрѣлъ на Гомера. Въ этомъ случаѣ собственныя слова его послужатъ намъ лучшимъ объясненіемъ. Приведемъ ихъ изъ

скими, а не о пользѣ любопытствующаго духа. Возьмите парафрастическій переводъ Савалона Горация и стихотворный переводъ его же сатиръ и посланій Виланда. Различіе будетъ очевидно.

его собственной переписки: (*) «Я подь старость — говорить онъ—принялся за болтовню и сказки, и присосьдился къ древнему разскащику Гомеру, и началъ въ-слѣдъ за нимъ, на его ладъ, разсказывать своимъ соотечественникамъ Одиссею.» Въ другомъ мѣстѣ говорить онъ: «Въ Гомеръ искусства нѣтъ: онъ младенецъ постигнувшій все небесное и земное, и лепечущій объ этомъ на груди своей кормилицы—природы.» Далѣе, по мнѣнію нашего поэта, вотъ-что требуется отъ переводчика Гомерова: «Все имѣющее видъ новизны (т. е. въ переводѣ), за тѣйливости нашего времени, все необыкновенное здѣсь не у мѣста. Надо возвратиться къ языку *первобытному*, потерявшему уже свѣжесть отъ того, что весь его употребили, заимствуя его у праотца поэзіи. Надобно этотъ изношенный языкъ возстановить во всей его первобытной свѣжести и отказаться отъ всѣхъ нововведеній, какими языкъ поэтической, удалась отъ простоты первобытной, по необходимости замѣнили эту младенческую простоту.» Вотъ слова его. Теперь въ образецъ этого первобытнаго языка выпишемъ нѣсколько стиховъ изъ конца 4-й пѣсни Иліады.

(Зевесъ говорить Юнонѣ:)

— — — замолчи же и мнѣ не дерзай прекословить.

Или, тебѣ не поможетъ никто изъ боговъ олимпійскихъ,

Если я, вставъ, подыму на тебя неизбежную руку.

Такъ отвѣчалъ онъ; богиня—воловьи глаза ужаснулась.

Было прискорбно то собраннымъ въ домѣ Зевеса безсмертнымъ.

Началъ тогда многославный художникъ Ифестъ, чтобъ утѣшить

Мать свѣтлорукую, такъ говорить, обратясь къ ней и къ Зевсу:

Такъ онъ сказалъ, и поспѣшно приблизившись, кубокъ двудонный

Подавъ божественной матери въ руки, примолвивъ: Терпѣнье,

Милая мать, покорися, хотя тебѣ то и прискорбно;

Здѣсь ненавистныхъ побоевъ твоихъ мнѣ своими глазами

Видѣть не дай; за тебя заступиться не въ силахъ я буду,

Какъ бы того ни хотѣлъ. Одолѣть Олимпійца не можно.

(*) См. книжку о жизни и сочиненіяхъ В. А. Жуковскаго, П. А. Плетнева. С.-П. 1853.

Было ужь разъ, что когда за тебя я поспорию, меня онъ
За ногу взявши, съ Олимпа швырнулъ, и летѣлъ я оттуда
Цѣлый, кувыркаясь, день, и тогда лишь, какъ стало садиться
Солнце, совсѣмъ бездыханнымъ ударился оземь въ Лемнось;
Дружески былъ я Сиятійцами добрыми поднять полмертвый.

Ира съ улыбкой взяла отъ него поднесенный ей кубокъ.
Сталъ онъ потомъ подносить по обычаю справа начавши,
Сладостный нектаръ, его изъ глубокой черная кратеры;
Подняли смѣхъ несказанный блаженные боги Олимпа,
Видя, какъ съ кубкомъ Ифестъ, суетясь, ковылялъ по чертогу.
Вѣчные боги весь день до склоненія солища на западъ
Шумно пируя, себя услаждали роскошною пищею,
Дивными звуками цитры, игравшей въ рукахъ Аполлона,
Также и музъ очерднымъ, сердца проникающимъ пѣвьемъ.

Теперь сообразно взгляду переводчика на Гомера, мы
можемъ сказать утвердительно, что переводъ его прекрасенъ.
Но то несомнѣнно, что при другомъ взглядѣ не написалъ бы
онъ: «богиня — воловь глаза», не написалъ бы: «меня онъ
швырнулъ», къ словамъ: «и летѣлъ я», не прибавилъ бы отъ
себя «кувыркаясь», не прибавилъ бы такъ же отъ себя: «Ифестъ,
суетясь, ковылялъ по чертогу.» Этихъ словъ въ оригиналъ
и нѣтъ. Но что до этого, если переводъ вѣренъ взгляду?—
Да не возражаютъ намъ, что этихъ стиховъ переводчикъ не
успѣлъ исправить. Мы здѣсь говоримъ о томъ, какое онъ
составилъ себѣ понятіе о Гомерѣ и его выраженіи. Видно,
что въ вышеуказанныхъ словахъ онъ именно хотѣлъ выра-
зить младенческое *лестанье* Гомера, или, какъ онъ говоритъ,
языкъ *первобытный*.

Теперь разсмотримъ форму стиха, избраннаго переводчи-
комъ. Что побудило его избрать этотъ размѣръ? Онъ самъ
говорить только, что Гомера должно переводить гекзаметромъ.
Но если подъ этимъ онъ разумѣлъ древній гекзаметръ, то
избранный имъ метръ не только не похожъ на древній, но
даже діаметрально ему противоположенъ, какъ нечетъ чету,
какъ тактъ не равный равному. Скажемъ объ этомъ нѣ-
сколько подробнѣе. Я надѣюсь это дѣло довести до всей воз-

можною очевидности, попросивъ напередъ позволенія у читателя употребить мнѣ для сего музыкальные знаки, Надѣюсь, что это простятъ мнѣ потому, что я руководствуюсь въ этомъ случаѣ примѣромъ ученыхъ германскихъ изслѣдователей древней метрики. Я приму сообразно съ правиломъ древнихъ, только двѣ ноты $\frac{1}{4}$ (♩), которая у древнихъ называлась долгою (—) и $\frac{1}{8}$ (♪), которая называлась у нихъ краткою. И такъ очевидно, что въ одной долгой содержалось двѣ краткихъ, ибо $\frac{2}{8} = \frac{1}{4}$. Такъ принимаютъ это и древніе. Говорю объ этомъ для того, чтобы не приняли этого за выдумку новѣйшихъ грамматиковъ. Разумѣется, что продолженіе ноты относительно. Если напр. примете долгую какъ $\frac{1}{2}$, то краткая будетъ какъ $\frac{1}{4}$. Надо только помнить, что въ одной долгой содержится двѣ краткихъ. Эти двѣ ноты, по разнообразной въ соединеніи между собою постановкѣ, составляли и разнообразные такты. Бросимъ теперь взглядъ на такты языка нашего.

Возьмемъ стихъ известной народной пѣсенки:

Ой вы сѣни, мои сѣни, сѣни новыя мои.

Если, пригласивъ музыканта, вы прочтете этотъ стихъ сообразно его натуральному произношенію, или будете напѣвать его какъ онъ поется (ибо напѣвъ его не удаляется отъ натурального произношенія), и попросите его поставить соответственные ноты каждому слогу и определить для этого стиха тактъ, то онъ представитъ его такъ образомъ:

Ой вы | сѣ ни | мо и | сѣ ни | сѣ ни | но вы | я мо | и

И вотъ вамъ тактъ двухсложный, состоящій изъ нотъ, или слоговъ. равныхъ и притомъ *краткихъ*. Я говорю: краткихъ, потому, что давно уже принято называть слоги безъ ударенія краткими; а въ этомъ примѣрѣ мы ясно видимъ, что слоги и съ удареніемъ имѣютъ такое же пространство или время въ произношеніи. И къ этому такту относятся всѣ наши хорейскіе и ямбическіе (неправильно такъ названные) стихи. Напр.

Пышетъ конь, земля дрожить.

Также

Ли | це сво | е скры | ва етъ | день.

Ибо начальный краткій слогъ по правиламъ новѣйшей музыки не принадлежитъ къ такту, и представляетъ отдѣльную или вводную ноту (vorschlag) (*).

Можетъ быть музыкантъ раздѣлитъ вышеприведенный стихъ и на такты большіе, напр.

Ой вы съ ни | мо и съ ни | съ ни но вы | я мо и
 ♪ ♪ ♪ ♪ | ♪ ♪ ♪ ♪ | ♪ ♪ ♪ ♪ | ♪ ♪ ♪

но въ сущности это все равно; только одинъ | четырехосмушечный тактъ замѣнилъ два двухосмушечныхъ. И въ нашей версификаціи четырехосложный тактъ замѣщаетъ два двухосложныхъ:

Рос | сій скі ѣ князь | я, бо | я ре, во ѣ | во ды

Наконецъ въ шестисосмушечномъ тактѣ содержится три двухосмушечныхъ; и въ нашей версификаціи тактъ шестисложный замѣщаетъ три двухсложныхъ:

Царей и царствъ земныхъ отрада

Воз | лю блен на | я ти ши | на

Теперь спросимъ: какимъ же бы образомъ эти большіе такты могли замѣщать известное число тактовъ двухсложныхъ, если бы слоги не были совершенно равны? но скоро увидимъ этому еще новое доказательство.

До сихъ поръ мы говорили о томъ тактѣ, который въ музыкѣ называется равнымъ, потому, что дѣлится на двѣ равныя половины, и котораго самый простой видъ есть $\frac{2}{4}$ (♪♪ = ♪ ♪). Спрашивается, имѣемъ ли мы тактъ неравный, котораго самый простой видъ есть $\frac{3}{4}$ (♪♪♪ = ♪ ♪ ♪)? Чтобы это узнать, возьмите какую-нибудь музыкальную пѣску покороче, въ тактъ которой бы содержалось $\frac{3}{4}$. Всего лучше воз-

(*) Объ отношеніяхъ новѣйшей музыки къ тонической версификаціи сказано подробно въ книжкѣ подъ названіемъ «Теорія Русскаго Стихосложения».

мите вальсъ. Кому не извѣстенъ тактъ его? и такъ пробейте его нѣсколько разъ поскорѣе или помедленнѣе—какъ вамъ угодно, — для моего намѣренія это все равно, — и подъ его такты повторяйте, напр., слѣдующія два полустипшя:

Дѣдушка | рѣзалъ та | бакъ на при | лавкъ 7
Дѣти о | всяный ки | сель на сто | лѣ.

Теперь вы видите, что такты въ словахъ совершенно отвѣчаютъ тактамъ въ нотахъ. И вотъ вамъ тактъ и не равный, который также въ нашемъ языкѣ существуетъ и состоитъ изъ тѣхъ же слоговъ краткихъ (ибо природы языка переменить нельзя), и слѣдов. вовсе не равенъ дактилю древнихъ, который состоитъ изъ одной долгой (Г) и двухъ краткихъ (ГГ), и слѣдов. есть равный, потому, что дѣлится на двѣ равныя половины ($\frac{1}{4} = \frac{2}{8}$). Но мнѣ возразятъ: «Если вы даете этимъ стихамъ тактъ вальса, то почему жъ не дать и тактъ какого-нибудь марша и употребить для произношенія ихъ, наприм., древнй дактиль (ГГГ)»? Конечно, это въ вашей волѣ. Но здѣсь оставьте ваше чтеніе уже на судъ вашего слуха. Попробуйте прочесть вышенаведенный стихъ подъ этотъ тактъ, выдерживая каждую ноту сообразно ея значенію:

Дѣ-ду-шка | рѣ-залъ та | -бакъ на при | -лав-къ
Г Г Г | Г Г Г | Г Г Г | Г Г

И вы увидите, что вы такимъ образомъ поете, а не читаете; т.-е. ваше чтеніе здѣсь опредѣляется избраннымъ напередъ тактомъ музыки, а не самый тактъ выводится изъ чтенія сообразно природѣ языка. Наконецъ, если мы должны быть при этомъ условія послѣдовательны, то и двухсложному такту должны будемъ сообщить пространство древняго хорea (ГГ) и ямба (ГГ). Теперь прочтите сообразно этому такту, напр.

Ско-комъ | ле-томъ | по до | -ли-намъ.
Г Г | Г Г | Г Г | Г Г

Такое чтеніе всякому покажется смѣшнымъ и отвратительнымъ. Только должно замѣтить, что въ этомъ разсмотрѣніи не должно никогда брать въ примѣръ одно какое-нибудь слово. Часто случается, что, приводя въ примѣръ долготы одно слово, ударяютъ на акцентованный слогъ съ особенною силою, и

онъ дѣйствительно отъ такого произношенія получасгъ двойное продолженіе, и такимъ образомъ въ самомъ дѣлѣ становится долгимъ. А потому, чтобы видѣть истинную натуру слоговъ, берите въ стихахъ нѣсколько тактовъ, въ прозѣ же нѣсколько словъ сряду, давая акцентованному слогу двойное продолженіе въ каждомъ словѣ, и тогда увидите, что долгота акцентованнаго слога въ одномъ отдѣльномъ словѣ есть ничто иное, какъ обманъ, если смѣю такъ выразиться, просодической. Но неужели древніе такъ протягивали долги слоги?— Мы не знаемъ ихъ произношенія. Но знаемъ изъ ихъ же словъ, что долгій слогъ равенъ двумъ краткимъ; видимъ, что въ стихахъ своихъ они замѣняютъ одно другимъ, сообразно съ требованіемъ метра, напр. вмѣсто ямба и хорea ставятъ трибрахій, т.-е. вмѣсто двухъ слоговъ—долгого и короткаго, ставятъ 3 краткихъ; вмѣсто двухъ краткихъ—одинъ слогъ долгій; видимъ, что въ составленіи стопъ не обращаютъ никакого вниманія на удареніе, кромѣ нѣкоторыхъ опредѣленныхъ случаевъ, а только на одно количество, или долготу и краткость слоговъ. Чего жъ еще болѣе? Давно бы пора оставить древнихъ въ теоріи нашей метрики, которая такъ прекрасно и такъ очевидно повѣряется новѣйшею музыкою. Допустимъ на минуту, что я сказалъ правду; неужели нужно повѣрять ее справою съ древними? и неужели безъ примѣра и безъ свидѣтельства изъ древнихъ, правда не будетъ правдой? Что жъ будетъ тогда, когда найдемъ, что ихъ правила противорѣчатъ нашимъ? Еще повторяю, что наша метрика никакимъ образомъ не можетъ быть повѣрлема древнею, ни древняя нашею. Иначе впадемъ въ тѣ же нелѣпыя сужденія о древнихъ, въ какія впалъ Гнѣдичъ въ своемъ разсужденіи о гекзаметрѣ (*).

(*) Боюсь, не сказалъ ли я слишкомъ много. Но я поставлю судей всякаго безпристрастнаго читателя, знакомаго сколько-нибудь съ языкомъ греческимъ и латинскимъ. Что онъ скажетъ, когда кто-нибудь станетъ утверждать, что «*ω* долгое въ ἄνδραίου дѣлается краткимъ въ ἄνδραίου, что первое краткое *ο* въ ἄλογος дѣлается долгимъ въ ἀλόγου.» Безъ сомнѣнія всякій при этомъ спроситъ: неужели въ самомъ дѣлѣ написалъ это Гнѣдичъ?— Написалъ, точно. См. его разсужденіе въ Вѣстникъ Европы 1818, N 10, 11,

Теперь вникнемъ нѣсколько подробнѣе въ натуру трехсложнаго такта. Условимся только напередъ, по требованіямъ новѣйшей музыки, слоги предъидущіе ударенію, если ими начинается стихъ, отдѣлять какъ не принадлежащіе къ такту. Такимъ образомъ всѣ они подойдутъ къ одному роду, или къ такъ называемому дактилю.

Дактиль		—	v	v		—		
Амфибрахій	v		—	v	v		—	
Анапестъ	v	v		—	v	v		—

Я изобразилъ эти стопы прежними знаками, для тѣхъ, которые къ нимъ привыкли. Но это все равно, знакъ самъ по себѣ не важенъ, если правильно его понимаютъ.

Выше мы уже видѣли, что двухсложные такты замѣщаются, по причинѣ равенства слоговъ, тактами четырехсложными и шестисложными. Какимъ же тактомъ замѣщается трехсложный? но очевидно, что онъ можетъ замѣщаться только такимъ тактомъ, въ которомъ $\frac{3}{8}$ содержатся нѣсколько разъ. И такъ онъ будетъ замѣщаться тактомъ шестисложнымъ; ибо $\frac{6}{8} = \frac{3}{8} + \frac{3}{8}$. И такъ выше приведенный стихъ Ломоносова, въ которомъ заключается тактъ шестисложный, вмѣсто трехъ двухсложныхъ:

стр. 108, подъ именемъ замѣчаній на опытъ г-на В—а. Тамъ же (стр. 113.) онъ утверждаетъ, что «у самихъ древнихъ не всѣ понимали количество, а только тѣ, которые знали музыку (!)». Далѣе (стр. 142.), что «истинное произношеніе латинскаго языка сохранилось даже доселѣ, ибо *латинскія слова выговариваются, какъ пишутся*» и пр. т. п. Что же касается до разныхъ выписокъ, сдѣланныхъ имъ изъ древнихъ и новыхъ грамматиковъ, то, не говоря о томъ, что большая часть ихъ вовсе не принадлежитъ къ дѣлу и поставлена только съ тѣмъ намѣреніемъ, чтобы поугаждать читателя ученостію, нельзя не удивляться вотъ чему: какъ возможно, приводя какого-нибудь писателя въ подтвержденіе словъ своихъ, не видѣть, что приводимое мѣсто совершенно противорѣчитъ тѣмъ самымъ положеніямъ и доводамъ, для подтвержденія которыхъ оно представлено. Но всѣ его выписки принадлежать къ тому или другому роду, что самымъ яснымъ образомъ тогда же (см. N 15, 16) доказалъ ему г-нъ Самсоновъ. Признаюсь, мнѣ грустно высказать эту правду объ оригинальномъ переводчикѣ Вольтерова Танкреда. Но что дѣлать? Многіе еще и нынѣ указываютъ на это разсужденіе, какъ на авторитетъ въ изслѣдованіи о гекзаметрѣ.

Воз | —лю—блен | —на—я | ти—ши | —на

можетъ быть раздѣленъ и на трехсложные такты:

Воз | —лю—блен—на | —я ти—ши | —на

Изъ сего слѣдуетъ, что по причинѣ равенства слоговъ, мы можемъ нашимъ словамъ сообщать тактъ, какой только заблагоразсудится, съ однимъ только условіемъ не переставлять прозаическаго ударенія на другой слогъ, если онъ падаетъ подъ арсисъ.

Съ симъ же условіемъ можемъ и уничтожить его всегда, если сего потребуетъ избранный нами тактъ—и все это по одной и той же причинѣ, т.-е. по причинѣ равенства слоговъ. Возьмемъ слѣдующую фразу и означимъ прозаическія ударенія:

Ужель тебѣ то не извѣстно.

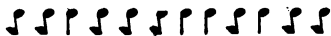
Если вы захотите подвести эту фразу подъ двухсложные такты, то уничтожьте третье удареніе, и выдетъ стихъ изъ тактовъ двухсложныхъ:

У | —жель те | —бѣ то | не из | —вѣ—стно

Если захотите составить тактъ трехсложный, уничтожьте второе удареніе:

У | —жель тебѣ | то не из | —вѣ—стно

Захотите ли наконецъ составить тактъ шестисложный (который, впрочемъ, по большому количеству слоговъ у насъ не употребляется; но я предлагаю это только для примѣра)? уничтожьте оба ударенія—и вотъ тактъ шестисложный. Изъ всей этой операціи видно, что здѣсь только перемѣщаются ударенія, слоги же вездѣ остаются равны. Приложимъ этотъ примѣръ къ музыкѣ. Предложимъ музыканту напр. слѣдующія 12 нотъ съ тѣмъ, чтобы онъ раздѣлилъ ихъ на трехосмущенные такты, не дѣля однакожь ни одной ноты и не употребляя ни синкопы, ни паузы:



Онъ вамъ скажетъ, что это невозможно. Спросите его, почему? и онъ отвѣтитъ вамъ, что ноты не равны и такъ поставлены, что изъ нихъ никакъ нельзя составить ряда такихъ тактовъ. Вотъ изображеніе версификаціи количественной (*). Но дайте ему какой-нибудь рядъ нотъ однородныхъ, напр.



тогда онъ будетъ дѣлить ихъ не только на трех-осмушечные, но и на какіе угодно, потому что всѣ ноты равны и следовательно способны принять всякій тактъ. Вотъ образецъ нашей версификаціи! И если смотрѣть на нее, какъ на основанную на однихъ акцентахъ, и не представляющую ничего количественнаго, что бы приковывало ваше вниманіе къ известной гласной, къ известному слогу, то нельзя представить себѣ ничего совершеннѣйшаго въ этомъ родѣ. Но этого довольно о сущности нашей метрики. Мы знаемъ теперь, что у насъ въ употребленіи только 4 такта. Два главные, или основные: двухсложный и трехсложный, и два замѣняющіе: четырехсложный и шестисложный. Теперь разсмотримъ ихъ относительно къ благозвучію.

Возьмемъ слѣдующіе стихи и отмѣтимъ такты сообразно натуральному ударенію:

Но | пер вый | сер дца | долгъ къ те | бѣ ца | рю ца | рея

Всѣ | Цар ства | дер жа тся де | снѣ це ю Тво | ей

Про | славь и у твер | ди и воз ве | личь Рос | сію и пр.

Хотя сіи такты, по законамъ нашей метрики, всѣ приводятся къ двухсложнымъ; однакожь, читая ихъ сообразно съ прозаическими удареніями, мы находимъ въ замѣщеніи одного

(*) Вотъ также почему древній стихотворецъ, избравши известный тактъ, обращалъ все вниманіе на одни только долгіе и краткіе слоги, оставляя безо всякаго уваженія удареніе прозаическое, и въ словахъ позволялъ себѣ такую переставку, какой ни одинъ новѣйшій языкъ себѣ не позволяетъ.

такта другимъ (какъ во второмъ и третьемъ стихъ двусложныхъ тактовъ четырехсложнымъ) пріятное разнообразіе. Теперь представьте себѣ стихи, въ которыхъ каждый тактъ начинается удареніемъ прозаическимъ (отъ того, что меньшіе такты въ немъ не могутъ замѣщаться большими), напр.

Сумраченъ тѣхъ одинокъ на ступеняхъ подземнаго трона—
и рѣшите, который стихъ разнообразнѣе и пріятнѣе? Прибавьте въ предшествовавшихъ стихахъ разнообразіе цезуры (*), падающей или въ срединѣ такта двухсложнаго, или въ началѣ и въ концѣ четырехсложнаго, прибавьте звучную риму, и превосходство этого стиха будетъ очевидно. Но скажутъ; зачѣмъ же такъ скандовать стихи? надо стараться такъ читать, чтобы стихъ вовсе не былъ слышенъ.—Но во-первыхъ, при сужденіи о тактахъ должно обращать вниманіе на существо ихъ и характеръ, а не на чтеніе, которое часто условливается другими отношеніями. Во-вторыхъ, не всякій стихъ можно читать такъ, чтобы посредствомъ разныхъ остановокъ сдѣлать его вовсе не ощутительнымъ, напр.

Страшную битву народовъ оставили свѣтлые боги.

Здѣсь каждый тактъ гонимъ за другимъ съ великою поспѣшностію, и если мы будемъ стараться, чтобы въ каждомъ стихѣ заключалась цѣлая фраза, то ничего нельзя будетъ придумать однообразнѣе, утомительнѣе и скучнѣе такихъ стиховъ. Но положимъ, что посредствомъ небольшихъ фразъ и вводныхъ предложеній, какъ напр. въ началѣ Краснаго Карбункула, вы и успѣли дать вашему стиху характеръ прозы. Какое жъ въ этомъ достоинство? и нужно ли потѣть, приводя слова подѣ тактъ, чтобы потомъ стихи были приняты за прозу, и чтобы они казались стихами только на

(*) Цезура, какъ она принимается въ древнемъ дактилическомъ гекзаметрѣ и пентаметрѣ, въ нашемъ трехсложномъ тактѣ вовсе не ощутительна, если не опредѣлять ее смыслъ фразы; но въ шестистопныхъ стихахъ такъ называемыхъ Александрійскихъ и пятистопныхъ Жуковского, она указываетъ самымъ существомъ стиха независимо отъ смысла. И таково должно быть ея истинное свойство. Ибо одинъ смыслъ рѣчи дѣлаетъ остановки и въ прозѣ.

бумагъ? Можетъ быть такіе прозаическіе стихи и годятся для Овсянаго Киселя, но вовсе нейдутъ къ важной и поучительной поэмѣ. Наконецъ, вотъ что еще мнѣ кажется удивительнымъ. Мы много помнимъ прекрасныхъ стиховъ изъ нашихъ первоклассныхъ поэтовъ, даже изъ прекрасныхъ переводовъ, каковы Гнѣдича переводъ Танкреда и Мерзлякова Горациевой Піитики, и если въ какой-нибудь дружеской бесѣдѣ находимъ пристойнымъ подтвердить стихомъ мысль свою, то съ удовольствіемъ ихъ приводимъ. Изъ стиховъ же этого размѣра ни одного почти привести нельзя безъ опасенія, чтобы это не было принято за шутку. Отъ чего это? отъ того, что въ немъ одинъ тактъ, повторяясь безпрестанно, или въ скоромъ бѣгу выражаетъ что-то плясовое, или, раздѣленный на небольшія фразы, переходитъ въ прозу; наконецъ, не имѣя рѣшмы, лишень и послѣдняго средства замкнуть мысль и запечатлѣть ее въ памяти. Скажемъ теперь нѣсколько словъ о томъ, чѣмъ онъ разнообразится, или, справедливѣе, о томъ, въ чѣмъ думаютъ найдти его разнообразіе. Я говорю о паузѣ.

Замѣтимъ, что между цезурой и паузой различіе состоитъ въ томъ, что первая раздѣляетъ стихъ на двѣ половины, не отнимая ничего у такта; вторая занимаетъ мѣсто недостающаго слога въ тактѣ и потому заставляетъ васъ помолчать на время продолженія одного слога.

Во | жди и | ры́ ца́ рѣ́ || Сѣ | ци́ ли́и сы́ | ны́.

Вотъ цезура. Четырехсложный тактъ остается во всей своей цѣлости, не смотря на то, что раздѣляется на двѣ части цезурою. Безспорно, цезура можетъ быть сопровождается паузою, особенно когда потребуеть того смыслъ; но тактъ остается въ своей цѣлости. Такъ и въ древней метрицѣ. Теперь обратимъ вниманіе на паузу трехсложнаго такта. Въ этомъ стихѣ она употребляется или въ половинѣ такта:

То́лько му́ | тѣся пе́ | сокъ ꙗ́ лишь | бѣлая́ | пѣна́ ки́ | пѣла́
или въ концѣ:

Мыслью́ бро́|дилъ онъ́ въ ми́|нувшемъ. ꙗ́|Грозно́ вда́|ли́ передъ́|взоромъ́

Припомнимъ, что тактъ лишенный такимъ образомъ цѣлаго слога, называли *хореемъ*, забывши то, что если бы это былъ и дѣйствительно хорей, то, въ отношеніи къ полному такту, который принимали за дактиль, все въ немъ не достаесть къ полнотѣ такта цѣлаго слога; ибо тактъ хорей = $\text{—} \text{—} \text{—}$; а тактъ дактиля = $\text{—} \text{—} \text{—}$, какъ то показано выше. Следовательно, допустивъ и это, все недостающій слогъ должно бы было замѣстить паузой.

И такъ пауза сама по себѣ не можетъ служить къ украшенію стиха, ибо дѣлается на счетъ такта (*). Но она извинительна, и вотъ въ какихъ случаяхъ: 1) Когда слѣдующее за ней слово начинается двумя, или болѣе, согласными, которыя тяжелы въ бѣгломъ произношеніи, и такъ для того, чтобы дать выговору болѣе простора. Напр.

Такъ вѣщая смирилъ γ взволнованно сердце героя.

Гораздо лучше, нежели, если бы было сказано:

Такъ вѣщая смирилъ онъ взволнованно сердце героя.

Четыре согласныхъ въ одномъ слогѣ (*онвза*) слишкомъ тяжелы для выговора. 2) Когда оканчивается фраза, или мысль. Впрочемъ нѣжный слухъ истиннаго поэта назначить лучше надлежащее ей мѣсто. Но нельзя не замѣтить здѣсь случая, когда, по нашему мнѣнію, она вовсе не позволительна: именно, если бы ей пришлось быть въ срединѣ слова; я говорю, *если бы*, потому что у хорошихъ стихотворцевъ сего не случается; но есть нѣчто къ этому близкое, а именно: извѣстно, что всѣ частицы, какъ предлоги и союзы, у насъ въ произношеніи сливаются въ одно съ тѣмъ словомъ, предъ которымъ поставлены, но нѣкоторые и изъ извѣстныхъ нашихъ стихотворцевъ позволяютъ себѣ послѣ

(*) Чтобы видѣть это яснѣе, возьмемъ (изъ Гвидича) стихъ, въ которомъ всѣ такты, кромѣ пятого, съ паузами

Волямъ γ | моря γ | вставши γ | съ ревомъ γ | хлещутся | въ берегъ.

Трудно, я думаю, найти ухо, которое бы не почувствовало всей несприятности такого стиха отъ этихъ безпрестанныхъ остановокъ.

такихъ частицъ паузу. Посмотримъ, что отъ этого происхо-
дитъ; возьмемъ стихъ:

И При | амъ, и на | родъ знае | нитаго | въ браняхъ При | ама.
Въ этомъ стихъ, какъ видимъ, первый тактъ состоитъ только
изъ двухъ слоговъ, и такъ, по правиламъ, остается одно изъ
двухъ, или 1) поставитъ паузу въ приличномъ мѣстѣ, или
2) который-нибудь изъ двухъ слоговъ протянуть на два
слога въ произношеніи. Сообразно первому требованію, нельзя
поставитъ паузы послѣ союза и, потому что этотъ союзъ
сливается съ слѣдующимъ словомъ; еще менѣе позволительно
поставитъ ее въ срединѣ слова: При—амъ. Это значило бы
въ произношеніи сего слова заикнуться. Обратимся ко вто-
рому требованію. Но изъ двухъ слоговъ: и При, который при-
нять за долгій? т. е. такъ ли читать:

$$\overset{\prime}{\text{И}} \text{ При} \left| \begin{array}{l} \text{амъ и народъ и проч.} \\ \text{└ ┘} \end{array} \right.$$

или такъ:

$$\overset{\prime}{\text{И}} \text{ При} \overline{\quad} \left| \begin{array}{l} \text{амъ и народъ —} \\ \text{└ ┘} \end{array} \right.$$

Но и то и другое чтеніе отвратительно и противно прави-
ламъ произношенія, и такъ остается только сообразно языку
читать безъ паузы

$$\overset{\prime}{\text{И}} \text{ При} \overset{\prime}{\text{амъ}} \text{ и } \overset{\prime}{\text{на}} \overset{\prime}{\text{родъ}};$$

но тогда, если вы считаете этотъ стихъ за дактилическій,
онъ уже не будетъ такимъ, а будетъ анапестическій:

$$\overset{\prime}{\text{И}} \text{ При} \overline{\text{амъ}} \left| \overset{\prime}{\text{и}} \overset{\prime}{\text{на}} \overline{\text{родъ}} \left| \overset{\prime}{\text{зна}} \overset{\prime}{\text{ме}} \overset{\prime}{\text{ни}} \left| \overset{\prime}{\text{таго}} \text{ въ } \overline{\text{бра}} \left| \overset{\prime}{\text{няхъ}} \text{ При} \overline{\text{а}} \left| \overset{\prime}{\text{ма}} \right.$$

и вмѣсто 6 стопъ будетъ содержать только 5. Если жъ со-
образно съ требованіями новѣйшей музыки примете два пер-
выхъ слога за отдѣльные и не входящіе въ тактъ, то опять
будете имѣть только 5 тактовъ, а не 6, по тому правилу, что
отдѣльные въ началѣ слоги въ тактъ не входятъ, подобно

сѣбѣннымъ нотамъ въ музыкѣ, называемымъ у музыкантовъ предъударомъ (vorschlag), какъ мы сказали выше.

И здѣсь-то должно отдать полную справедливость стиху Жуковского. У него вездѣ трехсложный тактъ является во всей полнотѣ своей. Во всей первой пѣсни Иліады мы нашли только два стиха, въ которыхъ первый тактъ съ паузой, и то въ одномъ она употреблена весьма извинительно.

Но этого довольно, Моя цель была показать, сколь можно, очевиднѣе различіе такта равнаго съ неравнымъ. Въ этомъ разсмотрѣніи меня особенно удивляетъ то, что досель я не нашелъ у насъ ни одной народной пѣсни, сколько-нибудь правильной, которая бы выражалась тактомъ неравнымъ (*). А изъ этого согласія первобытной музыки съ выраженіемъ словеснымъ (**), должно заключить, что сама природа, точно также, какъ, давши намъ на рукахъ 10 пальцевъ, указала намъ путь къ десятичному счету — точно также, давши намъ двѣ ноги, изъ переменнаго ихъ біенія въ пляскѣ, научила прежде всего и равному такту. Такъ и греческая муза, для прославленія геройскихъ подвиговъ въ пѣняхъ Гомера, прежде всего употребила тактъ равномерный (дактиль и спондей). И уже нѣсколько вѣковъ спустя послѣ этого появился у Грековъ и тактъ неравномерный (ямбъ, хорей и трибрахій). Я не говорю, чтобы этотъ тактъ былъ не хорошъ. Въ поэзіи все зависитъ отъ выраженія и отъ характера поэмы. Красный Карбункулъ и Посланіе къ вождю побѣдителей или къ Государю Александру нашего поэта, суть произведенія, совершенно различныя по характеру, и я убѣжденъ совершенно, что, сколь ни прекрасенъ переводъ Гомера Жуковского, но еслибъ онъ не смотрѣлъ на его поэмы, какъ на старыя сказки, какъ на дѣтское лепетанье, то

(*) Это же замѣчаніе сообщилъ мнѣ почтеннѣйшій профессоръ Московскаго Университета, Степанъ Петровичъ Шевырѣвъ.

(**) Сколь тѣсна связь господствующей системы музыки съ версификаціею, это доказано въ вышеуказанной книгѣ.

никогда для переложения поэмъ его на русскій языкъ не избралъ бы этого такта.

Еще одно слово. Говорятъ, что стихъ Гомера не вмѣщается въ стихъ александрійскомъ. Но кто требуетъ отъ переводчика, чтобы онъ отдавалъ стихъ за стихъ счетомъ? и кто можетъ сказать съ увѣренностію, что каждый русскій гекзаметръ будетъ точно вмѣщать столько жъ словъ, сколько греческій? Если въ работѣ вдохновенія какому-нибудь стихотворцу придутъ въ голову такіе мелочные расчеты; то, выбравъ напр. стихъ александрійскій, онъ увидитъ, что каждый такой стихъ раздѣляется цезурою на двѣ половины и дѣлится какъ-будто на два стиха; слѣдовательно два стиха александрійскихъ будутъ содержать въ себѣ такихъ частей четыре, такъ-что съ каждой изъ этихъ частей онъ можетъ начинать новую мысль, если предшествующая помѣстилась въ предыдущихъ; и если нѣтъ, то и всѣ четыре отдѣленія можетъ употребить для выраженія одной мысли. Впрочемъ, я говорю о тактѣ, а не о стихѣ, въ выборѣ котораго не останавятъ истиннаго поэта никакіе мелочные расчеты. Виландъ, замѣняя Гораціевы дактили и спондеи ямбами, и шестистопный стихъ пятистопнымъ, прислушивался къ мелодіи родной, нѣмецкой музы, и пользовался своимъ собственнымъ стихотворнымъ языкомъ, передавая мысли и картины Горація.

А.



Юридическій сборникъ, изданный *Дмитріемъ Мейеромъ*, Ординарнымъ Профессоромъ Императорскаго Казанскаго Университета, докторомъ юридическихъ наукъ. Издѣніемъ книгопродавца *И. Дубровина*. Казань. 1855 г. 579 стр. in-8°.

Г. Мейеръ въ предисловіи своемъ говоритъ: «По стеченію обстоятельствъ у меня накопилось нѣсколько юридическихъ статей, которыя казались мнѣ заслуживающими изданія». Далѣе, въ томъ же предисловіи, редакторъ продолжаетъ: «По содержанію статьи относятся къ различнымъ частямъ права, и обращаются, то къ источникамъ его, то къ самымъ явленіямъ юридическаго быта.» Сборникъ составился случайно, по стеченію обстоятельствъ, а посему самый способъ составленія уже показываетъ, что статьи должны быть разнохарактерны, и онѣ дѣйствительно таковы, и имѣютъ между собою общаго только то, что принадлежать къ разнымъ частямъ права.

Первая статья написана г. Чеглоковымъ; она говоритъ объ *органахъ судебной власти въ Россіи отъ основанія Государства до вступленія на престолъ Алексѣя Михайловича*. Предметъ своей статьи г. Чеглоковъ опредѣляетъ слѣдующимъ образомъ: «Исчислить лица, творившія судъ и расправу въ древней Руси, изложить ихъ права и обязанности, ихъ взаимныя отношенія между собою и предметъ ихъ вѣдомства, и потомъ представить организацію судебныхъ мѣстъ, появившихся до вступленія на престолъ Алексѣя Михайловича — вотъ предметъ этой статьи. Далѣе, авторъ раздѣляетъ свой трудъ на два періода. «Время, говоритъ онъ, мною разсматриваемое, я раздѣляю на два большіе періода, изъ которыхъ первый будетъ заключать въ себѣ нѣсколько отдѣловъ и будетъ простирается отъ основанія Руси до Іоанна Грознаго. Второй

периодъ, отъ Іоанна Грознаго до Алексѣя Михайловича.» Приступъ къ дѣлу, какъ всякій можетъ судить, правиленъ и послѣдователенъ, это чисто научный приѣмъ, напередъ опредѣляющій границы труда и указывающій на порядокъ изложенія, и весь трудъ отличается также стройностію, порядкомъ и опредѣленностію; но, къ крайнему сожалѣнію, симъ только и ограничивается достоинство труда.

Разсматривая, такъ сказать, внутреннюю сторону труда, представленнаго г. Чеглоковымъ, мы то и дѣло встрѣчаемъ смѣшеніе доказанныхъ истинъ съ предположеніями, фактовъ съ мнѣніями, историческихъ источниковъ съ позднѣйшими трудами ученыхъ, даже не рѣдко сталкиваемся съ противорѣчіями историческимъ фактамъ. Такъ на 3-й же страницѣ авторъ говоритъ, что Іоаннъ Грозный замѣнилъ кормленія помѣстьями, и въ этомъ ссылается на указъ 1555 года, а въ указѣ этомъ, кормленія не только не замѣняются помѣстьями, но даже прямо обѣщаются Государемъ за усердную службу; вотъ слова указа: «А съ вотчинъ и помѣстій уложенную службу учинити со ста четвертей добрыя угожія земли человекъ на конь въ dospѣхъ въ полномъ, а въ дальній походъ о дву конь; и кто послужитъ по земли и Государь ихъ пожалуетъ своимъ жалованьемъ кормленьемъ.» Ясно, что кормленія не замѣняются помѣстьями. Или, изчисляя источники, авторъ, и юридическіе акты, и собраніе государственныхъ грамотъ, ставитъ рядомъ съ древнѣйшимъ русскимъ правомъ Эверса и съ опытомъ исторіи Россійскихъ государственныхъ и гражданскихъ законовъ Рейца. Или, на стр. 5, онъ говоритъ: «Въ древней Руси до Іоанна III-го, можно сказать, не существовало государственное право, потому-что древняя Русь, какъ извѣстно, разсматривалась не какъ Государство, (принимая это слово въ теперешнемъ его значеніи), а какъ частная собственность князей.» Конечно, мысль, высказанная здѣсь авторомъ, не новость, это мнѣніе ходитъ въ нашей литературѣ; но мнѣніе это частное и ни сколько не относится къ истинамъ доказаннымъ (*); слѣдовательно, по законамъ науки, авторъ долженъ былъ напередъ подтвердить его доказательствами, а не пускать какъ аксіому, отдѣляясь ничего незначащимъ выраженіемъ: «какъ извѣстно.» И тѣмъ больше онъ обязанъ былъ доказать это мнѣніе, что оно у него вовсе не случайное, а служить основаніемъ всего труда, изъ него онъ выводитъ

(*) Правду сказать, большая часть участниковъ Казанскаго Сборника принимаютъ это мнѣніе, но у нихъ также нѣтъ доказательствъ, слѣдовательно мнѣніе отъ этого ни сколько не пріобрѣтаетъ силъ.

всѣ послѣдующія свои заключенія, — это у него первая посылка силлогизма; а если первая посылка такъ шатка и педожазанна, то и весь силлогизмъ, т.-е. весь трудъ автора является зданіемъ, построеннымъ на пескѣ.

Но обратимся къ частностямъ. Первый отдѣлъ своего перваго періода авторъ начинаетъ разсужденіемъ о судѣ и расправѣ до появленія Русской Правды, и прежде всего говоритъ, что у русскихъ Славянъ, до прибытія Князей, сперва было самоуправство, потомъ кровная месть, далѣе судъ старѣйшинъ или родоначальниковъ. Самые Князья, приглашенные на Русь, сперва занимались одними войнами, и стали принимать участіе въ судѣ и расправѣ только уже впоследствии, когда, со времени введенія виры, увидѣли свою пользу въ чиненіи суда и расправы. Здѣсь, во-первыхъ, должно замѣтить, что въ ученюмъ трудѣ голословное разсужденіе о самоуправствѣ и кровной мести у русскихъ Славянъ до Князей не имѣетъ мѣста; ибо у насъ нѣтъ никакихъ древнихъ свидѣтельствъ объ этомъ предметѣ; во-вторыхъ, показаніе, что князья сперва занимались одними войнами, прямо противорѣчитъ свидѣтельству Нестора о томъ, что князья призваны владѣть и судить; у него Словѣни, Чудь и Кривичи говорятъ между собою: «поищемъ собѣ князя, иже бы володѣлъ нами и судилъ по праву» (*). Войны первыхъ Князей русскихъ ни сколько не отрицаютъ участія Князей въ судѣ и расправѣ; ибо съ одной стороны войны первыхъ русскихъ князей были не многочисленны (**), и не во всѣхъ ихъ принимали личное участіе сами Князья, а съ другой стороны, за отсутствіемъ Князя на войну, судъ и расправу отъ имени Князя чинили его посадники, по свидѣтельству лѣтописи разосланные Князьми по городамъ.

Потомъ авторъ говоритъ о судѣ и расправѣ по Русской Правдѣ въ различныхъ ея видахъ. Здѣсь авторъ, согласно съ мнѣніемъ Эверса, пишетъ, что платежъ за убійство въ Правдѣ Ярославовой, кажется, еще не составлялъ виры и вѣроятно назывался семейству убитаго. Дѣйствительно этотъ платежъ въ Ярославовой Правдѣ не названъ вирою, но онъ не названъ и головничествомъ, какъ послѣ называлась плата семейству убитаго; а восемьдесятъ и сорокъ гривенъ Ярославовой Правды въ послѣдующихъ редакціяхъ означали

(*) Несторъ по Лавр. сн. стр. 8.

(**) О войнахъ Рюрика Несторъ вовсе не упоминаетъ; изъ 33-хъ лѣтъ княженія Олега, въ лѣтописяхъ только подъ пятью или шестью годами упоминается о войнахъ; въ продолженіе 33-хъ лѣтъ княженія Игоря, также только подъ пятью годами говорится о войнахъ.

именно виру, а не головничество, и по свидетельству летописей вира существовала еще при Владимирѣ, и шла Князю на оружіе и коней, да и въ самой Ярославовой Правдѣ есть особый Ярославовъ уставъ о вирныхъ поклонахъ; слѣдовательно по всемъ симъ указаніямъ платежъ 80 и 40 гривенъ за убійство, назначенный въ Ярославовой Правдѣ, нельзя не признать вирую.

Далѣе авторъ говоритъ, что по Ярославовой Правдѣ, при нарушеніяхъ вещнаго права, позволялось безъ всякаго суда брать свою вещь, въ случаѣ же заперательства употреблялся сводъ. А въ Правдѣ сказано: что «нашедшій свою вещь у кого-либо, не долженъ брать ее, и не говорить: это мое, а звать на сводъ, а не пойдетъ, то взять поручника за пять дней.» И тутъ же авторъ, въ слѣдъ за Эверсомъ, толкуетъ о какомъ-то судѣ двѣнадцати; но о такомъ судѣ нѣтъ и помину въ Ярославовой Правдѣ; въ 14 статьѣ говорится только о 12 свидетеляхъ, когда одинъ на другомъ будетъ искать денегъ отданныхъ займы. Въ статьѣ сказано: «то иди ему на изводъ предъ 12 человекъ.» Такое толкованіе настоящей статьи подтверждается 43-ею статьею Троицкаго Списка.

Наконецъ у автора сказано, что «по Ярославовой Правдѣ, мы ничего не можемъ сказать о подчиненныхъ Князю чиновникахъ: посадникахъ, намѣстникахъ и проч., которые, вѣроятно, существовали; но занимаясь исключительно защитой внутреннихъ имъ областей, и также сборомъ податей, мало вмѣшивались въ дѣла народа.» Мы рѣшительно не знаемъ, изъ чего выведены такія заключенія автора; тогда какъ при Ярославовой Правдѣ находится цѣлый уставъ о вирныхъ поклонахъ, гдѣ прямо говорится, что по областямъ посылались особые чиновники по уголовнымъ дѣламъ, называемые вирниками, которымъ уставъ не позволялъ оставаться въ волости долге недѣли.

Разсматривая послѣдующія редакціи Русской Правды, авторъ между прочимъ пишетъ: «во-первыхъ, что кромѣ уголовныхъ дѣлъ, вирникъ рѣшалъ, кажется, и различныя тяжбы объ имуществѣ, что видно изъ слѣдующей статьи: «а се уроци вирнии: отъ виры девять кунъ, а метельнику девять вѣкошь, а отъ бортной земли тридцать кунъ; а отъ всѣхъ тяжъ кому помогутъ по четыре куны, а метельнику шесть вѣкошь.» Но эта статья говоритъ не о вирныхъ урокахъ, а вообще о судебныхъ; въ Правдѣ именно сказано: «А се уроци судебнии.» Слѣдовательно относились не къ однимъ вирникамъ, но и къ другимъ судьямъ; а по сему, основываясь на сей

статьѣ, нельзя говорить, что вирникъ, кромѣ уголовныхъ дѣлъ, рѣшалъ и тяжбы по имуществамъ.

Во-вторыхъ, по мнѣнію автора, «значеніе тиуновъ начинается съ половины XIV столѣтія; тамъ они являются уже облеченными судебною властію.» Но на дѣлѣ тиуны, по свидѣтельству летописей, были облечены судебною властію уже въ XII столѣтіи; такъ подъ 1146 годомъ сказано: «почаша Кіане складывати вино на тиуна на Всеволожа на Ратьшу, и на другаго тиуна вышгородскаго, на Тудора, рекуче: Ратша ны погуби Кіевъ, а Тудоръ Вышгородъ; а нынѣ княже Святославе дѣлуй намъ крестъ, и съ братомъ своимъ, аще кому насъ будетъ обида, то ты прави (*), (т.-е. самъ суди, а не поручай суда тиуну.)» Или въ уставѣ Всеволода сказано: «А церковныхъ судовъ и тяжъ не судити Князю, ни его бояромъ, ни его тиунамъ.» Явно, что и въ XII вѣкѣ тиуны были облечены судебною властію.

Въ-третьихъ, авторъ, оканчивая свои разсужденія о періодѣ Русской Правды, пишетъ: «трудно себя представить, чтобы Князья того времени занимались внутреннимъ устроеніемъ государства. Мечъ былъ постояннымъ спутникомъ ихъ жизни. Послѣ уже, съ половины XIV столѣтія... появляются грамоты: первоначально договорныя великихъ Князей съ удѣльными, и сихъ послѣднихъ между собою; потомъ жалованныя, судныя и уставныя.» Мы не находимъ нужнымъ отвѣчать на такіе возгласы автора, явно противорѣчащіе исторіи: до насъ дошли церковныя уставы Владимира Святаго и Ярослава перваго, два устава Всеволода-Гавріила, жившаго въ XII вѣкѣ, Уставная грамота Ростислава Смоленскаго, писанная въ 1150 году, и нѣкоторыя другія грамоты, относящіяся къ XII и началу XIII столѣтій. Неужели послѣ такихъ данныхъ, кто-либо изъ ученыхъ можетъ говорить, что грамоты русскихъ Князей начинаются съ половины XIV столѣтія?

Отдѣлъ второй содержитъ въ себѣ изслѣдованія объ устройствѣ судебной власти въ Новгородѣ и Псковѣ. Здѣсь авторъ сперва говоритъ о судахъ общихъ, которые, по его мнѣнію, были: *вѣче, судъ княжій, судъ посадничій, судъ одринъ и судъ архіепископа.* Въ этомъ распредѣленіи судовъ Новгородскихъ, мы не понимаемъ, на какомъ основаніи авторъ особо говоритъ о княземъ судѣ и особо о посадничемъ; тогда какъ, по историческимъ памятникамъ, судъ княжій и судъ посадничій въ Новгородѣ составляли одинъ судъ.

(*) Кіевская Лѣт. по Ипат. Сл. стр. 22.

Въ судной Новгородской грамотѣ 1471 года сказано: «а посаднику судити судъ свой съ намѣстниками великаго князя по старинѣ, а безъ намѣстниковъ великаго князя посаднику суда не кончати.» А въ договорныхъ грамотахъ 1270, 1305, 1307, 1327 годовъ вездѣ говорится: «а безъ посадника ты, княже, суда не судити, ни грамотъ давати, ни волостій раздовати.»

Еще непонятнѣ намъ показалось толкованіе о судѣ одринѣ, никогда не существовавшемъ, ни въ Новгородѣ, ни въ другихъ краяхъ Руси. Все это толкованіе авторъ основалъ на слѣдующемъ выраженіи судной Новгородской грамоты: «А въ тѣмъ одринѣ быти по приставу съ сторону людемъ добрымъ, да судити въ правду крестъ цѣловать на сей на крестной грамотѣ.» Но въ этомъ выраженіи грамота ясно говоритъ о судѣ, производившемся въ тѣмъ одринѣ (комнатѣ); слѣдовательно о судѣ тѣмскомъ, а не одринѣ. Смыслъ грамоты таковъ: — когда тѣмъ производилъ судъ въ своей комнатѣ, то при этомъ тѣмскомъ судѣ отъ обвинѣ тяжущихся сторонъ должно быть по приставу, людемъ добрымъ. Принявши небывалый одринѣ судъ, авторъ ссылается на судную Новгородскую грамоту 1471 года, что будто бы она представляетъ намъ слѣдующее устройство одрина суда: «съ каждаго конца избирался по боярину, да по житьему для присутствованія въ судѣ одринѣ, подъ предсѣдательствомъ княжескаго тѣму; къ симъ членамъ придавалось еще по приставу съ каждой тяжущейся стороны; такимъ образомъ судъ одринѣ состоялъ съ предсѣдателемъ своимъ изъ 13 человекъ.... Мѣсто засѣданія этого судилища было въ домѣ Новгородскаго архіепископа, въ его одриной или престольной комнатѣ.» Но грамота свидѣтельствуетъ совсѣмъ не о томъ: она сперва говоритъ, какъ мы уже видѣли, о тѣмскомъ судѣ, на которомъ вмѣстѣ съ тѣмомъ должны судить два пристава; а потомъ излагаетъ порядокъ другаго суда, называвшагося докладомъ: «а докладу быти во владычнѣ комнатѣ; у докладу быти изъ конца по боярину да по житьему, да кон люди въ судѣ сидѣли, да и приставамъ, а иному никому же у докладу не быть.» Порядокъ древняго суда въ Новгородѣ и другихъ городахъ Руси былъ таковъ: начало производства суднаго дѣла принадлежало тѣму, онъ вмѣстѣ съ приставами (въ Новгородѣ) или съ судными мужами (какъ называли участвовавшихъ въ тѣмскомъ судѣ по другимъ краямъ Руси), спрашивалъ тяжущихся, на чемъ каждый изъ нихъ основываетъ свое право, собиралъ показанія свидѣтелей, принималъ отъ тяжущихся письменные документы, ежели они на таковыя ссылались въ подтвержденіе своихъ

правъ, и всѣ показанія тяжущихся и свидѣтелей, а также и письменные документы тиунъ въ присутствіи приставовъ или судныхъ мужей записывалъ, и такимъ образомъ составлялся судный списокъ, въ которомъ дѣло еще не получало рѣшительнаго окончанія. Сямъ суднымъ спискомъ оканчивался судъ тиуна, потому что для рѣшительнаго окончанія дѣла слѣдовалъ другой судъ, называвшійся докладомъ, который рѣшалъ дѣло на основаніи суднаго списка. Судъ, называвшійся докладомъ, производился или княземъ или его боярами, или намѣстникомъ, имѣвшимъ право боярскаго суда, а въ Новгородѣ, какъ сказано въ грамотѣ 1471 года, выборными отъ концовъ. Этотъ порядокъ древняго суда можно видѣть въ любой правой грамотѣ. А во-сему сившеніе тиунскаго суда съ докладомъ, сдѣланное авторомъ, противорѣчитъ вѣсьмъ древнимъ памятникамъ.

Въ третьемъ отдѣлѣ помѣщено изслѣдованіе о судебномъ управленіи въ Россіи съ половины XIV столѣтія до Іоанна Грознаго. Здѣсь авторъ, послѣ общаго разсужденія о трудности представить организацию судебной власти въ Россіи за это время, говоритъ объ общемъ судѣ, третейскомъ судѣ, о высшемъ судебномъ управленіи въ Великомъ княженіи Московскомъ, о судебномъ управленіи въ областяхъ Великаго Князя московскаго и наконецъ о судебныхъ привилегіяхъ. Въ этомъ отдѣлѣ авторъ страдаетъ не только ложностію основныхъ своихъ мыслей и неправильнымъ толкованіемъ фактовъ, но даже противорѣчіемъ самому себѣ; такъ, на стр. 43 онъ говоритъ: «что при раздробленіи власти государственной (во время удѣловъ на Руси) трудно искать общихъ судебныхъ учреждений для всей Руси, потому-что каждое княжество управлялось самостоятельно, не рѣдко самовольно, опредѣляя даже и внѣшнія свои отношенія; тѣмъ болѣе внутреннее управленіе, а слѣдовательно и устройство судебной власти, зависѣло отъ произвола удѣльныхъ Князей.» А на стр. 47 самъ же авторъ пишетъ: «По разсмотрѣніи судовъ, касающихся всей удѣльной Россіи, слѣдовало бы обратиться къ судамъ отдѣльныхъ княжествъ. Но, какъ управленіе въ нихъ въ свѣдѣніе одинакихъ элементовъ, изъ которыхъ составились удѣльные княжества, было одинаково, то мы будемъ разсматривать только судебное устройство въ великомъ княжествѣ Московскомъ, чтобы заключать по немъ объ устройствѣ судебной власти и въ другихъ удѣльныхъ княжествахъ, потому-что каждый удѣльный Князь, въ отношеніи ко внутреннему управленію, въ своемъ княжествѣ былъ полный властелинъ, такъ же какъ и великій Князь въ своей вотчинѣ. Удѣльные Князья даже иногда ограничивали судебную власть самаго

великаго Князя.» Какъ понять сіи два показанія: въ одномъ, каждый Князь устраивалъ судъ по своему произволу, а по другому, достаточно изучать только московское судоустройство, чтобы знать судоустройство въ другихъ княжествахъ.

Второй періодъ начинается изложеніемъ причинъ, почему авторъ началъ его съ Іоанна IV, и между причинами, побудившими его къ этому, полагаетъ то: «что Іоаннъ IV гораздо болѣе обратилъ вниманіе на организацію судебной власти; при немъ совершились два событія, очень важныя въ исторіи древняго русскаго судопроизводства, это — отдѣленіе уголовной отъ гражданской судебной власти, и въ слѣдствіе этого появленіе свойственнаго уголовному судопроизводству слѣдственнаго процесса вмѣсто прежняго обвинительнаго. Второе событіе, тоже важное въ области судебнаго управленія, это—участіе народа въ судопроизводствѣ». Объ причины, выставленныя здѣсь авторомъ, не выражаютъ того, что хочетъ выразить ими авторъ: 1-е отдѣленіе уголовного судопроизводства отъ гражданского принадлежитъ не Іоанну IV, оно современно Русской Правдѣ, гдѣ для суда по уголовнымъ дѣламъ были назначены особые чиновники, известные подъ названіемъ вирниковъ; а мнимое измѣненіе обвинительнаго процесса въ слѣдственный на дѣлѣ вовсе не существовало; ибо въ сущности процессъ по уголовнымъ дѣламъ былъ одинаковъ и при вирномъ устройствѣ, и при повальномъ обыскѣ; въ томъ и другомъ прежде всего отвѣчала община; при вирномъ устройствѣ она выдавала разбойника, и при повальномъ обыскѣ также выдавала лихихъ людей; главное измѣненіе въ уголовномъ судопроизводствѣ произведено введеніемъ смертной казни, а это введеніе принадлежитъ не Іоанну IV: о смертной казни упоминается еще въ Двинской и Псковской грамотахъ. Во-вторыхъ, относительно допущенія народа участвовать въ судопроизводствѣ, дарованнаго будто бы Іоанномъ IV, мы не знаемъ, что хотѣлъ этимъ выразить авторъ;—то ли, что въ судебникѣ постановлено, чтобы на судѣ были цѣловальники, или то, что Іоаннъ IV-й дозволилъ по городамъ и волостямъ избирать излюбленныхъ судей. Но относительно перваго должно сказать, что еще задолго до Іоанна IV-го участвовали въ судахъ судные мужи, избираемые отъ народа; что же касается до втораго, то при дозволении избирать излюбленныхъ судей, судъ производилъ не народъ, а избранные судьи, которые были изъ служилыхъ же людей, т.-е. изъ тѣхъ же, изъ которыхъ назначались судьи государемъ.

За объясненіемъ причинъ о началѣ II-го періода съ Іоанна IV,

авторъ приступаетъ къ описанію разныхъ судебныхъ учреждений, появившихся въ настоящемъ періодѣ, и начинаетъ свое описаніе съ царской думы. Онъ говоритъ, что царская дума при Іоаннѣ IV получила лучшее устройство, а въ чемъ состояло это лучшее устройство, не опредѣляетъ, и говоритъ только какъ бы для примѣра: «такъ при этомъ Государь, кромѣ бояръ, получаютъ право засѣдать въ ней (въ думѣ) и прочіе дворяне?» Потомъ переходитъ отъ царской думы къ расправной палатѣ и относитъ ее также къ учреждениямъ времени Іоанна IV, тогда какъ самъ же говоритъ, что, по записнымъ книгамъ, она упоминается не ранѣе 1684 г. Основаніемъ своего мнѣнія авторъ полагаетъ упоминаніе въ царскомъ судебникѣ о палатныхъ дьякахъ. Но таковое упоминаніе, очевидно, не можетъ служить основаніемъ тому, что расправная палата существовала при Іоаннѣ IV, ибо въ судебникѣ говорится не о дьякахъ расправной палаты, а просто о палатныхъ дьякахъ; названіе же палатъ прежде приписывалось многимъ учреждениямъ, и тѣмъ больше нѣтъ никакой нужды предполагать существованія расправной палаты при Іоаннѣ IV, когда мы имѣемъ прямое свидѣтельство въ Полномъ Собраніи законовъ Россійской Имперіи объ учрежденіи этой палаты въ 1669 году, и когда допрежде этого года объ ней нѣтъ помину ни въ одномъ памятникѣ: такъ объ ней не говорятъ ни Флетчеръ, бывшій въ Москвѣ при Ц. Ѳедорѣ Ивановичѣ и описывавшій тогдашніе московскіе приказы, ни записка о приказахъ, составленная между 1610 и 1613 годами, ни Котошихинъ, современникъ Алексѣя Михайловича, ни оѳфициальная роспись всѣхъ приказовъ съ ихъ штатами и жалованьемъ за 1668 годъ.

Но распространившись о существованіи и устройствѣ бывшей при Іоаннѣ IV расправной палаты, авторъ не удостоилъ своего вниманія дѣйствительно существовавшей при Іоаннѣ IV разрядный приказъ, и только вскользь упоминаетъ объ немъ при описаніи расправной палаты: «Мы знаемъ, что службою дворянъ до стольниковъ завѣдывалъ разрядъ; слѣд. дѣла низшихъ дворянъ вовсе не поступали въ расправную палату». И еще на страницѣ 73 говоритъ: «Смоленскій и другіе разряды были въ зависимости отъ большаго разряда.» Бѣдный разрядный приказъ, ты въ свое время былъ первымъ судебнымъ мѣстомъ въ Московскомъ государствѣ, всѣ знаменитые князья и бояре трепетали передъ твоимъ судомъ, самъ Царь чинилъ судъ и расправу по дѣламъ, тебѣ принадлежащимъ, въ твоемъ вѣдѣніи были всѣ дѣла по службѣ, сотни дѣлъ по мѣстничеству, рѣшенные тобою, дошли до насъ, и напечатаны въ разныхъ изданіяхъ,

самъ Петръ Великій причислилъ твои дѣла къ Сенату, и до сихъ поръ при Сенатѣ находится огромный архивъ твоихъ дѣлъ. А казанскій изслѣдователь о судебныхъ учрежденіяхъ въ Старой Россіи, не удостоилъ тебя своего вниманія, и даже разжаловалъ тебя въ какое-то незначительное учрежденіе, которое завѣдывало будто бы только службою незначительныхъ дворянъ до стольниковъ.

За статью г. Чоголова въ Сборникъ слѣдуетъ статья г. Кури о *прямыхъ налогахъ въ древней Руси*. Статью эту авторъ раздѣляетъ на двѣ части. «Первая содержитъ краткій обзоръ податныхъ сословій и предметовъ, съ которыхъ взымались подати, за тѣмъ обзоръ прямыхъ податей въ отдѣльности, какъ они были вызваны обстоятельствами государственной и народной жизни. Последняя же опредѣляетъ характеръ прямыхъ податей при историческомъ ихъ развитіи и представляетъ образъ раскладки и взиманія податей.» Въ этой статьѣ особенно обращаетъ на себя вниманіе неуваженіе автора къ хронологіи: онъ или вовсе не говоритъ, къ какому времени относится то или другое финансовое учрежденіе, или указываетъ не на то время, которое засвидѣтельствовано памятниками, и вообще въ настоящемъ трудѣ г. Кури замѣтно недостаточное знакомство автора съ историческими памятниками древней Руси; ему нѣкоторыя старыя учрежденія Руси представляются въ смутномъ видѣ, а иныхъ онъ или вовсе не понимаетъ, или не подозреваетъ ихъ существованія. Такъ при описаніи податныхъ сословій, г. Кури говоритъ: «Городскіе обыватели въ царствованіе Алексѣя Михайловича распадаются на гостей сотни и посадскихъ людей. Соответствіе этому раздѣленію мы находимъ въ прежнихъ живыхъ людяхъ, купцахъ и черныхъ людяхъ, о которыхъ часто упоминается въ удѣльномъ періодѣ.» А по дошедшимъ до насъ официальнымъ памятникамъ, Гости, гостиная сотня, суконная сотня и черные уже извѣстны въ полномъ своемъ развитіи, какъ отдѣльные классы городскихъ жителей, при царяхъ Θεодорѣ Ивановичѣ, Борисѣ Θεодоровичѣ Годуновѣ и Михаилѣ Θεодоровичѣ; такъ въ приговорной грамотѣ объ избраніи на царство Бориса Θεодоровича являются уже отдѣльныя подписи гостей, людей гостиною сотни, суконниковъ и черныхъ сотенъ; то же встречаемъ въ актѣ Московскаго собора, бывшаго 9-го сентября 1618 года; а о гостяхъ, сурожанахъ и суконникахъ встречаемъ извѣстія, относящіяся еще ко времени Дмитрія Ивановича Донскаго. Или на стр. 110 авторъ пишетъ: «что посадскіе люди обязаны были жить на таглой государственной землѣ и не могли ее оставить.»

А по дошедшимъ до насъ памятникамъ видно, что посадскіе люди не только могли оставлять городскую землю, но даже могли продавать свои участки этой земли: до насъ дошли сотни купчихъ о продажахъ участковъ городской земли посадскими людьми. Все ограничение состояло только въ томъ, что тяглые городскіе люди не могли продавать тяглыхъ земель бѣломестцамъ или нетяглымъ людямъ: объ этомъ мы имѣемъ многочисленныя свидетельства въ договорныхъ грамотахъ князей XIV и XV столѣтій. Или, на стр. 111, авторъ пишетъ: «въ отношеніи взиманія податей между крестьянами не было различія. Крестьяне различались только именемъ по землѣ, на какой они обитали.... Прямыя подати были для всѣхъ одинаковы. Нельзя сказать, что въ отношеніи платежа прямыхъ податей существовали бы особыя правила для крестьянъ того или другаго вѣдомства.» А напротивъ того книги сошнаго письма, и многіе другіе оффиціальныя памятники прямо свидетельствуютъ о различіи податей, взимаемыхъ съ крестьянъ разныхъ вѣдомствъ; именно тяжесть всѣхъ лежала подати на крестьянахъ, живущихъ на черныхъ земляхъ, за ними слѣдовали крестьяне монастырскіе, потомъ помѣстные и вотчинные, и далѣе дворцовые; ибо въ черныхъ земляхъ на соху полагалось отъ 400 до 600 четвертей, въ монастырскихъ 700 четвертей, въ помѣстныхъ и вотчинныхъ 800 четвертей, въ дворцовыхъ до 1300 четвертей; а общая единица подати для всѣхъ сохъ была одна; слѣдовательно жители сохи, имѣвшей меньшее количество четвертей земли, каждый съ своего участка или выти платилъ больше, нежели жители сохи, имѣвшей большое количество четвертей земли; напримѣръ черносопный крестьянинъ платилъ болѣе нежели въ-двое противъ крестьянина дворцовыхъ земель. Или на страницѣ 130 авторъ пишетъ: «Въ такомъ же смыслѣ, какъ тягло, встрѣчается иногда слово выть, т.-е. какъ участокъ, подлежащій платежу податей, но не какъ опредѣленное количество земли.» А въ книгѣ сошнаго письма 7137 года вытью прямо называется опредѣленное количество земли; въ книгѣ сказано: выть пашни, добрыя земли 13 четвертей, средніе земли 14 четвертей, худыя 16 четвертей. Даже ни въ какомъ случаѣ иначе и нельзя понимать выть, какъ за опредѣленный участокъ земли; ибо и самыя сохи при раскладкѣ податей раздѣлялись на выти, а принимая выть за неопредѣленный участокъ земли, нельзя было дѣлать раскладки по сохамъ.

На стр. 123 авторъ говорить: «Переходъ крестьянъ въ прежнее время подавалъ поводъ къ большимъ беспорядкамъ въ дворо-

вомъ изчисленіи. Пустые двory, обложенные податью, считались въ окладахъ вмѣствъ съ жилыми, и оставшіеся на старыхъ мѣстахъ крестьяне и посадскіе люди принуждены были платить подати вмѣсто удалившихся за пустые двory, между тѣмъ какъ переселившіеся крестьяне на новыхъ мѣстахъ до новой переписи жили въ льготѣ, т.-е. совсѣмъ не платили податей.» Дѣйствительно переходъ крестьянъ представлялъ большія затрудненія въ сборѣ податей, но затрудненія сіи болѣе касались администраціи, нежели плательщиковъ, ибо владѣльцы земли могли на порожніе двory призывать новыхъ поселенцевъ, а въ случаѣ неудачи они обыкновенно просили правительство о присылкѣ дозорщиковъ, которые въ дополненіе къ писцовымъ книгамъ составляли дозорныя книги, въ которыхъ обозначались запустѣлыя двory и деревни, и по симъ дозорнымъ книгамъ землевладѣльцы освобождались отъ платежа податей съ запустѣлыхъ дворовъ.

Говоря о дани, г. Кури на 127 стр. пишетъ: «Во время удѣльнаго періода дань—чистая и, можно сказать, почти единственная прямая подать, но въ слѣдствіе того, что дань не была уже единственнымъ источникомъ доходовъ, она естественно стала занимать менѣе важное мѣсто.» Что хотѣлъ здѣсь выразить авторъ—то ли, что дань, сдѣлавшись не единственнымъ источникомъ доходовъ, стала менѣе важна, нежели тогда, когда она была единственнымъ источникомъ доходовъ; или то, что дань во время удѣльнаго періода, въ сравненіи съ другими источниками доходовъ, составляла менѣе важный источникъ? Но о первомъ нѣтъ никакой надобности говорить; и это ясно уже само по себѣ, и ничего далѣе не объясняетъ и не доказываетъ; а второе противорѣчитъ фактамъ историческимъ: такъ въ Ростиславовой грамотѣ 1150 года мы вездѣ на первомъ планѣ встрѣчаемъ дань, слѣдовательно она въ то время была больше и важнѣе, нежели другіе источники доходовъ; и дѣйствительно въ той же грамотѣ мы находимъ прямое свидѣтельство, что дань была важнѣе другихъ доходовъ; такъ въ грамотѣ сказано, что съ девяти вержавскихъ погостовъ собиралось дани 800 гривенъ, а предмѣра только сто гривенъ, и на истужницѣхъ 100 гривенъ.

На стр. 133 авторъ говоритъ: «Наемное войско получало хлѣбное и денежное жалованье; по этому и подать на него положенная состояла въ сборѣ хлѣба и денегъ: *«и вы бы стрѣльцамъ на жалованье давали деньги и хлѣбъ съ посаду.... и ратнымъ людямъ..., даютъ хлѣбнаго и денежнаго жалованья.»* Стрѣлецкій хлѣбъ

собирались только съ поземельной собственности — «съ чети пашни», деньги же стрѣлецкія собирались съ сошнаго письма вообще. Такииъ образомъ стрѣлецкій хлѣбъ съ посадовъ собирався не съ двороваго числа, какъ другія подати, а съ количества земли, приписаннаго къ посаду.» Здѣсь во-первыхъ авторъ говоритъ, что наемное войско получало хлѣбное и денежное жалованье, а въ свидѣтельство приводитъ грамоту, въ которой писано о стрѣльцахъ; стрѣльцы же никогда не были наемнымъ войскомъ, они составляли особый классъ войска, записаннаго въ службу по прибору, а не по найму; во-вторыхъ, по словамъ автора, «Стрѣлецкій хлѣбъ собирався только съ поземельной собственности—съ чети пашни, деньги же стрѣлецкія собирались съ сошнаго письма вообще.» По оофициальнымъ же грамотамъ и хлѣбъ, и деньги собирались одинаково по сошному письму; ибо и хлѣбъ, и деньги собирались и съ посадовъ, и съ уѣздовъ, а въ посадахъ не было четвертной пашни, тамъ и сошной разводъ производился по дворамъ, а не по четямъ пашни. Въ-третьихъ, у автора сказано: «Стрѣлецкій хлѣбъ съ посадовъ взирався не съ двороваго числа, а съ количества земли, приписаннаго къ посаду», но по оофициальнымъ свидѣтельствамъ къ посадамъ приписывалась только выгонная земля, которая всегда была невелика въ сравненіи съ числомъ жителей посада, не дѣлилась по участкамъ или вытямъ между посадскими людьми, а была въ общемъ пользованіи посада, и не входила въ сошные разметы и разрубь, слѣдовательно съ нее нечего было и брать въ стрѣлецкій хлѣбъ. Приводимая авторомъ, какъ бы въ доказательство, царская грамота 1615 года ни сколько не подтверждаетъ его мнѣнія; въ ней сказано: «Собрати съ Чердыни съ посаду и съ уѣзду съ осми сохъ нашимъ ратнымъ людемъ за хлѣбные запасы» и проч. Здѣсь не говорится собирать съ приписной къ посаду земли, а написано: «съ посаду и съ уѣзду съ осми сохъ,» т.-е. съ посаду по дворовому числу, ибо сошная раскладка въ посадахъ была по дворамъ, а съ уѣзду по четямъ пашни, такъ какъ въ уѣздѣ сохи раскладывались по четямъ, а не по дворамъ.

На стр. 143 авторъ пишетъ: «Кромъ обыкновенной дани Татары взиравли часто, при каждомъ удобномъ случаѣ, еще чрезвычайную, извѣстную подъ названіемъ запроса. По большей части ханы посылали для этого своихъ пословъ: «А придетъ къ намъ коли посоль силенъ, а не мочно его будетъ спровадити, ино тогда архимандритъ пособитъ въ ту тяготу.» Но запросъ и посоль по татарскимъ обычаемъ были двѣ разныя тягости; посоль ханскій, по чему

бы онъ ни прїѣзжалъ въ Россію, всегда стоилъ дорого князьямъ и народу, и тѣмъ дороже, чѣмъ больше при немъ было свиты; въ самыхъ ярлыкахъ ханскихъ особо обозначались запрось, и поборы на пословъ.

Третья статья Сборника, написанная г. Станиславскимъ, носить названіе: *«Исслѣдованіе началъ огражденія имущественныхъ отношеній въ древнѣйшихъ памятникахъ Русскаго законодательства.»* Г. Станиславскій въ исслѣдованіи объ избранномъ имъ предметѣ ограничился только древнѣйшими памятниками Русскаго законодательства, договорами Олега и Игоря съ Греками, и Русскою Правдою. Таковое ограниченіе много повредило его труду; ибо въ одно время съ Русскою Правдою на Руси дѣйствовали и другіе законы и разные юридическіе обычаи, которые необходимо должно исслѣдовать, чтобы достаточно понимать и самую Русскую Правду. Особенно здѣсь должно бы было обратить вниманіе на постоянную борьбу Русскихъ юридическихъ вѣрованій съ Византійскимъ правомъ, которая началась еще съ договоровъ Олега и Игоря съ Греками, и особенно развилась со введенія христіанства на Руси, когда въ одно время съ Русскою Правдою стали имѣть вліяніе на нашъ юридическій бытъ разныя редакціи Греческаго номоканона, известныя у насъ подъ именемъ Кормчихъ. Мы имѣемъ ясныя указанія, что Греческій номоканонъ, въ томъ видѣ, въ какомъ онъ является въ нашихъ Кормчихъ, имѣлъ на Руси силу и гражданскаго закона, и даже нѣкоторыя статьи его хотя въ измѣненномъ видѣ перешли въ Русскую Правду.

Но обратимся къ исслѣдованіямъ г. Станиславскаго: тамъ мы яснѣе увидимъ, на сколько повредило ему указанное нами ограниченіе. Разбирая V статью Олегова договора, онъ отвергаетъ переводъ этой статьи, сдѣланный Эверсомъ, и представляетъ свой. Вотъ древній текстъ начала этой статьи: «Аще украдетъ Русинъ что-либо у крестьянина, или паки крестьянинъ у Русина, и ятъ будетъ въ томъ часѣ тать, егда татьбу творить, отъ погубившаго что-либо. Аще приготовится татьбу творяи, и убиенъ будетъ, да не взыщется смерть его ни отъ христіанъ ни отъ Руси, но паче убо да возмѣтъ свое, иже будетъ погубилъ.» Эверсъ это переводитъ такъ: «Ежели Русинъ украдетъ что-либо у христіанина, или христіанинъ у Русина, и будетъ пойманъ въ то самое время, (когда дѣлаетъ кражу) тѣмъ, который лишился чего-либо (т.-е. украденной вещи), и ежели украдшій приготовится (къ сопротивленію) и будетъ убитъ, то да не взыщется смерть его ни отъ христіанъ ни отъ Руси, но да возмѣтъ

обратно свое тотъ, кто потерпѣлъ убытокъ.» Переводъ, какъ всякій можетъ видѣть, довольно удовлетворителенъ и не противорѣчитъ древнему тексту. А вотъ переводъ г. Станиславскаго: «Ежели украдетъ что-либо Русинъ у христіанина, или христіанинъ у Русина, и воръ пойманъ будетъ въ тотъ самый часъ, когда совершилъ воровство тѣмъ, кто лишился чего-либо (хозяйномъ украденной вещи,) или же когда воръ приготовился совершить кражу, и будетъ убитъ, то ни христіане, ни Руссы, не должны искать въ смерти его, но еще кромѣ того потерпѣвшій убытокъ долженъ получить имущество свое обратно.» Но это уже не переводъ, а произвольное толкованіе древняго текста, и притомъ толкованіе противорѣчащее и тексту, и естественному логическому пониманію дѣла. Такъ наприкладъ, нѣтъ возможности отыскать логическую связь между слѣдующими мыслями перевода: «воръ пойманъ будетъ въ тотъ самый часъ, когда совершилъ воровство, тѣмъ, кто лишился чего-либо, или же когда воръ приготовился совершить кражу, и будетъ убитъ.» Или какимъ образомъ хозяинъ можетъ получить обратно свою вещь, когда у него никто ее не бралъ? А г. Станиславскій въ своемъ толкованіи именно говоритъ, что хозяинъ могъ убитъ вора приготовившагося совершить кражу, и кромѣ того получить обратно свое имущество.

Конецъ настоящей статьи въ древнемъ текстѣ изложенъ такъ: «Аще дастъ руцъ свои украдый, да ятъ будетъ тѣмъ же, у негожъ будетъ украдено, и связанъ будетъ, и отдастъ то, еже имѣ створить, и створить трижды о семъ.» Эверсъ переводитъ это слѣдующимъ образомъ: «Но ежели тотъ, кто укралъ, отдастся въ руки, то да будетъ онъ взятъ тѣмъ, у кого укралъ, да будетъ связанъ и да воздастъ за то, что сотворилъ.» Здѣсь Эверсъ послѣднія слова текста: «и створить трижды о семъ» считаетъ позднѣйшею приставкою; г. Станиславскій, принимая толкованіе Эверса о приставкѣ, впрочемъ представляетъ слѣдующій свой переводъ: «Ежели же укравшій дастъ руки свои, то да будетъ онъ взятъ тѣмъ у кого укралъ, да будетъ связанъ, и да воздастъ за то, что смѣлъ створить.» Относительно, такъ названной Эверсомъ и Станиславскимъ, приставки должно замѣтить, что это толкованіе совершенно произвольное, Эверсъ могъ еще его сдѣлать, ибо тогда не было издано полнаго собранія лѣтописей; но для г. Станиславскаго это непозволительно, ибо по полному собранію лѣтописей видно, что выраженіе, и «створить трижды о семъ» находится во всякъ древнѣйшихъ спискахъ лѣтописи.

Продолжая свои толкованія на всю статью, г. Станиславскій на стр. 158 говоритъ: «Мы не станемъ удивляться тому, что въ раз-

сма­три­вае­момъ нами постановле­ніи не сдѣлается различіи между во­ровствомъ уже совершеннымъ и покушеніемъ, ежели вспомнимъ, что древнѣйшее право Руссовъ и права другихъ народовъ, на той же ступени развитія стоящихъ, не различаютъ даже убійства умышен­наго отъ случайнаго, подвергая то и другое кровной мести.» Дѣйст­вительно такое смѣшеніе совершеннаго воровства съ покушеніемъ на воровство можно бы было допустить, когда бы Олеговъ договоръ писанъ былъ одними Руссами; но въ договоръ участвовали и Ви­зантійцы, которые никакъ не могли дозволить такого смѣшенія, ибо дѣло это касалось какъ до Руссовъ, такъ и до Византійцевъ. Очевидно авторъ не прибѣгъ бы къ такому толкованію и въ своемъ переводѣ статьи договора былъ бы гораздо счастливѣе, ежели бы обратилъ особенное вниманіе на борьбу Византійскаго права съ Русскимъ, и на то вліяніе, которое Византійское право имѣло на наше законодательство съ перваго знакомства Русскихъ съ Визан­тійцами.

Разсматривая статьи Игорева договора, авторъ между прочимъ неправильно переводитъ статью о бѣглыхъ рабахъ. Вотъ древній текстъ начала статьи: «Аще ускочить челядинъ отъ Руси, понеже придуть въ страну царствія нашего и отъ Св. Мамы, и аще будетъ, обрящется, да поймуть и.» Авторъ же переводитъ такъ: «Ежели рабъ убѣжитъ отъ Руссовъ и отъ св. Мамы, за нимъ же придуть въ страну царства нашего и онъ будетъ найденъ, то да возмуть его.» Явно, что переводъ, — «ежели рабъ убѣжитъ отъ Руссовъ и отъ св. Мамы,» и смыслъ древняго текста: «ежели рабъ убѣжитъ отъ Руссовъ, и за нимъ придуть отъ святаго Мамы въ страну царства нашего», не походятъ другъ на друга; но мы не знаемъ, какая при­чина заставила автора прибѣгнуть къ такому измѣненію текста въ переводѣ. Конецъ статьи также переведенъ неправильно; въ древ­немъ текстѣ сказано: «Аще ли кто отъ людей царства нашего, ли отъ города нашего, ли отъ иныхъ городъ ускочить челядинъ нашъ къ вамъ.» Въ переводѣ же написано: «Ежели кто изъ людей царства нашего, или города нашего, или другихъ городовъ убѣжитъ рабъ нашъ къ вамъ.» Явно, что переводъ не походитъ на древній текстъ; но мы здѣсь видимъ и причину такого несогласія перевода съ древнимъ текстомъ. Смыслъ древняго текста таковъ:» Еже невольникъ убѣжитъ отъ людей царства нашего, или отъ нашего города (Константино­поля) или отъ иныхъ городовъ.» То-есть, будетъ ли бѣглый рабъ

частный, принадлежащий частному лицу, или публичный, принадлежащий Константинополю или другимъ греческимъ городамъ. Авторъ же, не обращая вниманія на участіе здѣсь Византійскаго права, не замѣтилъ различія между частнымъ и публичнымъ рабомъ; ибо такового различія въ Русскомъ правѣ никогда не было, поелику у Русскихъ не было публичныхъ рабовъ.

Приступая къ разбору Русской Правды, авторъ прежде всего замѣчаетъ отсутствіе точныхъ и строгихъ мѣръ для огражденія поземельной собственности отъ всякаго рода противозаконныхъ дѣйствій, и особенно противъ насильственнаго завладѣнія землею, и находитъ причину такового отсутствія въ томъ: «что въ сознаниіи народномъ слишкомъ укоренено было понятіе неприкосновенности участка земли, составляющаго отдѣльную собственность известнаго лица, семейства или даже рода, и что по этому насильственное имъ завладѣніе считалось дѣломъ невозможнымъ.» Таковое толкованіе, не подтвержденное никакими фактами, свидѣтельствуетъ только о томъ, что авторъ считаетъ возможнымъ объяснять Русскую Правду не обращая вниманія ни на другіе законы, дѣйствовавшіе въ одно время съ нею, ни на юридическіе обычаи, ни даже на устройство древней Руси. Въ настоящемъ случаѣ, т.-е. въ отсутствіи мѣръ противъ насильственнаго завладѣнія землею, прежде всего должно бы было обратить вниманіе на устройство поземельнаго владѣнія въ древней Россіи, которое бы указало автору, что преимущественное владѣніе на Руси въ древности было общинное и княжое, земля составляла преимущественно собственность общинъ или князя; частныя же лица пользовались только правомъ владѣнія участками земли, уступленными княземъ или общиною; слѣдовательно при такомъ устройствѣ поземельнаго владѣнія насильственное занятіе чужой земли частнымъ лицомъ было не возможно, возможенъ же былъ только переносъ межей въ общемъ владѣніи, противъ котораго въ Русской Правдѣ и были поставлены свои мѣры. Конечно общинное и княжеское владѣніе землею не были единственными на Руси; изъ разныхъ памятниковъ видно, что были земли и вотчинныя, т.-е. составлявшія собственность частныхъ лицъ, но таковыхъ земель сравнительно съ общинными и княжескими было не много, и вотчинники, какъ частныя лица, конечно не имѣли возможности насильно отнимать земля у князя или у общинъ, по-крайней мѣрѣ въ первыя времена дѣйствія Русской Правды; здѣсь также, какъ и между общинными и княжими землями, противозаконные поступки ограничивались переносомъ межей, противъ котораго въ Русской Правдѣ, какъ уже сказано, были назна-

чены разные пѣни. А если бы и было возможно насильственное завладѣніе землею, то не иначе какъ нашествіемъ и грабежомъ, а противъ грабежа въ Русской Правдѣ мы встрѣчаемъ сильныя мѣры, — потокъ и разграбленіе.

На стр. 208 авторъ, объясняя статью Русской Правды: «А еже кто всядеть на чужь конь непрошавъ, то за то три гривны продажи», полагаетъ, что «законъ этотъ не есть произведеніе туземное русское, но онъ заимствованъ отъ Нормановъ.» Конечно, объясняя Русскую Правду безъ сличенія ея съ другими законодательными памятниками, дѣйствовавшими на Руси, можно дѣлать такія заключенія, и можно прискаты нѣсколько статей изъ норманскихъ узаконеній, которыя будутъ сходны съ настоящею статьею Русской Правды. Но зачѣмъ намъ обращаться къ норманскимъ законамъ, когда источникъ настоящей статьи мы найдемъ дома, въ законѣ судномъ людемъ, который былъ принесенъ къ намъ изъ Византіи, и дѣйствовалъ на Руси въ одно время съ Русской Правдой и постепенно былъ вносимъ въ Русскую Правду въ измѣненномъ видѣ, такъ и настоящая статья въ законѣ судномъ назначаетъ тѣлесное наказаніе за тѣду на чужомъ конѣ безъ спросу, въ Русской же Правдѣ тѣлесное наказаніе замѣнено денежною пѣнею.

Мы могли бы указать и еще нѣсколько неправильностей и неясностей въ изслѣдованіи г. Станиславскаго, но довольно уже и приведенныхъ здѣсь, для того, чтобы видѣть сколько повредило автору ограниченіе изслѣдованія только тремя законодательными памятниками. Статья г. Станиславскаго, во многихъ отношеніяхъ дѣльная, и свидѣтельствующая о добросовѣстномъ изученіи предмета, именно много потерпѣла отъ того, что авторъ не обратилъ вниманія на другіе законодательные памятники, современные Русской Правдѣ, и на вліяніе Византійскаго права въ русскомъ законодательствѣ.

За статью г. Станиславскаго слѣдуетъ статья самого издателя Сборника, г. Мейера; она носитъ названіе: *Древнее русское право залоговъ*. Вотъ начало этой статьи: «Различіе, существующее между правомъ на чье-либо дѣйствіе и правомъ на вещь относительно ихъ предмета, оказываетъ значительное вліяніе и на самое осуществленіе этихъ правъ. Дѣйствіе всегда состоитъ въ зависимости отъ человека, предпринимающаго его, и потому не можетъ подлежать безусловному господству посторонняго лица, удобомыслимому надъ вещію. Право на дѣйствіе для осуществленія предполагаетъ въ равной мѣрѣ волю двухъ лицъ, а вещное волю одного. Отъ того шаткость и малонадежность свойственны правамъ на чужія дѣйствія, и существованіе

такого права не даетъ еще ручательства за его проявленіе въ дѣйствительности. А между тѣмъ въ области права существованіе въ отвлеченіи, безъ внѣшняго воплощенія, мало имѣетъ достоинства; обязательства же принадлежатъ къ самымъ частымъ въ ней явленіямъ, особенно при значительномъ развитіи гражданственности, въ слѣдствіе котораго самыя права на вещи замѣщаются не рѣдко обязательными отношеніями.»

Послѣ таковаго вступленія авторъ переходитъ къ указанію искусственныхъ средствъ, при помощи которыхъ каждое общество стремится найти обезпеченіе правъ на чужія дѣйствія, и въ числѣ средствъ между прочимъ указываетъ на право залога. По его опредѣленію, право залога состоитъ въ томъ, что право на дѣйствіе обезпечивается еще до исполненія обязательства установленіемъ права на вещь. За симъ авторъ указываетъ на разные виды залога. Изъ нихъ первый состоитъ въ томъ, когда залогоприниматель становится собственникомъ залога, отчуждаемаго прежнимъ хозяиномъ съ условіемъ получить его обратно въ случаѣ исполненія обязательства; 2-й, когда залогоприниматель не собственникъ залога, а только владѣетъ имъ въ обезпеченіе обязательства; и 3-й, когда залогоприниматель получаетъ въ обезпеченіе обязательства право на заложенную вещь, въ силу котораго онъ можетъ требовать себѣ удовлетворенія изъ выручки за продажу залога. Потомъ авторъ говоритъ, что послѣдній видъ или система залога съ 1737 года началъ входить постепенно и въ составъ нашего отечественнаго законодательства, но съ большими измѣненіями, произшедшими отъ борьбы съ прежнею русскою системою залога; такъ что борьба эта кончилась не столько побѣдою новаго начала надъ древнимъ воззрѣніемъ, сколько примиреніемъ обонхъ между собою.

Наконѣцъ авторъ переходитъ къ опредѣленію настоящаго своего труда и говоритъ: «Я поставляю себѣ задачею рассмотреть древнее право залога, съ тѣмъ, чтобы показать, какое вліяніе имѣло оно на видоизмѣненіе той системы, которая была принята ему въ замѣну.»

Древнѣйшимъ видомъ залога на Руси, авторъ называетъ залогъ самого себя. Онъ говоритъ: «На основаніи дошедшихъ до насъ памятниковъ можно думать, что древнѣйшій залогъ—залогъ самого себя; о немъ упоминается уже въ Правдѣ дѣтей Ярославовыхъ, въ которой, по моему мнѣнію, подъ закупомъ можно понимать заложившагося человека, службою разсчитывающагося съ вѣрителемъ. По общепринятому толкованію закупъ есть лицо, вступившее во временное холопство, по какому бы то ни было поводу. Но соображеніе всѣхъ

*

мѣсть Правды и другихъ актовъ, касающихся закупа, заставляетъ ограничить временное холопство закупа однимъ источникомъ — залогомъ.» Такое определение закупа Русской Правды вполне вѣрно, и мы съ своей стороны прибавимъ, что такое же значеніе имѣли и *серебренники* или люди въ серебрѣ, встречающіеся въ актахъ XV столѣтія, и кажется сюда же должно отнести ролейныхъ закуповъ Русской Правды, изорниковъ Псковской судной грамоты, и крестьянъ XIV, XV и XVI столѣтій, которые, по всемъ соображеніямъ объ ихъ правахъ и обязанностяхъ, не были ни наемными работниками, ни арендаторами землевладельцевъ, а именно были ихъ должниками и заложниками на особыхъ условіяхъ, по самому свойству займа отличныхъ отъ условій закупа и серебрянниковъ. Но вполне соглашаясь съ авторомъ и въ опредѣленіи закупа и въ томъ, что древнѣйшій залогъ былъ залогъ самого себя, мы не можемъ согласиться съ нимъ, чтобы въ древности этотъ залогъ былъ единственнымъ, и чтобы до XV столѣтія у насъ не было залога имущества. Чтобы подтвердить свое мнѣніе, авторъ говоритъ: «въ древнемъ быту вовсе не было имущества, на которое бы можно было отвести взысканіе по обязательству: недвижимое, сколько извѣстно, обыкновенно принадлежало роду; семейству, а не отдѣльному лицу, движимое состояло изъ однихъ необходимѣйшихъ вещей; при томъ въ обязательство займа, къ которому конечно относятся все древнѣйшіе залоговые, вступали люди немущіе, которые только и могли собою обезпечивать вѣрителей.» Но конечно для подтвержденія мнѣнія о предметѣ историческомъ нужны факты и свидетельства древности, а не новѣйшіе парадоксы; а до насъ дошла вкладная Варлама Хутынского, которою онъ пожертвовалъ въ Спаскій монастырь нѣсколько селъ и угодій, и пожертвовалъ все это отъ своего имени: «се же все вдалъ Варлаамъ Михалевъ сынъ,» какъ сказано въ грамотѣ; следовательно и въ XII вѣкѣ можно было владѣть недвижимымъ имѣніемъ не роду, а лицу, и можно было дарить это имѣніе, и следовательно также можно было продавать и закладывать; тоже подтверждають и летописныя свидетельства, въ которыхъ также видимъ, что лица, а не роды семейства владѣли богатыми и движимыми и недвижимыми имѣніями; такъ подъ 1209 годомъ Новгородская летопись говоритъ: «А Мирошкинъ дворъ и Дмитровъ зажгоша, и житіе ихъ поимаша, а села ихъ разпродаша и челядь, а сокровища ихъ изыскаша и поимаша безъ числа.» Или Несторъ въ житіи Феодосія Печерскаго пишетъ, что мать Феодосіева имѣла свое село подъ Курскомъ; или тотъ же Несторъ подъ

1074 годоу въ житїи черноризца Исакія говоритъ: «Яко се бысть другїи черноризецъ, именовъ Исакіи; яко же и еще сущу ему въ мїръ, въ житїи мїрстѣмъ, и богату сущу ему, бѣ бо купецъ родомъ Торопечанинъ, и помысли быти мнихъ, и раздая имѣніе свое требующимъ и монастыремъ.» Вездѣ во всѣхъ сихъ свидѣтельствахъ мы видимъ, что владѣльцами богатыхъ движимыхъ и недвижимыхъ имѣній были лица, а не роды семейства, сама Русская Правда говоритъ о правѣ лица завѣщавать свое имѣніе кому хочеть. Дошедшія до насъ духовныя завѣщанія свидѣлствуютъ о томъ же; слѣдовательно и по юридическимъ памятникамъ право владѣнія движимыми и не движимыми имѣніями принадлежало лицамъ, а не родамъ и семействамъ, слѣдовательно лицамъ же принадлежало и право залога имущества. Конечно въ Русской Правдѣ мы не встрѣчаемъ статей о имущественномъ залогѣ, но это еще не значить, чтобы имущественнаго залога не было на Руси во время Русской Правды; въ Русской Правдѣ даже въ древнѣйшей Ярославовой редакціи мы встрѣчаемъ статью о поклаженіи, т.-е. объ отдачѣ имущества на сохраненіе; а ежели было въ обычаѣ отдавать имущества на сохраненіе, то конечно нѣтъ причинъ отрицать и существованіе имущественнаго залога; кромѣ того въ Русской Правдѣ есть нѣсколько статей о займахъ безъ залога; слѣдовательно и займы съ имущественнымъ залогомъ имѣли мѣсто въ тогдашнемъ русскомъ обществѣ. При томъ мы имѣемъ свидѣтельство объ имущественномъ залогѣ въ одной душевной грамотѣ XIV столѣтія; въ сей грамотѣ сказано: «а заложилъ есмь ту пожно съ Федоромъ, Петру Родіонову въ 30 бѣлахъ кунъ, и вы выкупите ее св. Николи. А что есмь заложилъ съ братомъ своимъ Федоромъ Соболюсави въ Замикиты лоскутъ земли. другїи лоскутъ въ Чицнлови. 3-й лоскутъ на Романовы верѣтги въ 40 бѣлахъ.» (Времен. кн. 16: смѣсь, стр. 20.) А въ судной Псковской грамотѣ помѣщено нѣсколько статей объ имущественномъ залогѣ; конечно окончательную редакцію этой грамоты относятъ къ XV столѣтію; но въ самомъ началѣ грамоты написано, что она выписана изъ великаго князя Александровы грамоты, а этотъ Александръ былъ ни кто другой, какъ Тверскій князь Александръ Михайловичъ, княжившій во Псковѣ два раза въ 1-й половинѣ XIV столѣтія; слѣдовательно первоначальная редакція сей грамоты относится къ XIV столѣтію. Такимъ образомъ мы имѣемъ известія объ имущественномъ залогѣ, относящіяся къ XIV столѣтію.

Потомъ авторъ говоритъ о разныхъ значеніяхъ залога или заклада по русскимъ летописнымъ и юридическимъ извѣстіямъ, и

далее приступаетъ къ самому изображенію древняго права залога, и здѣсь между прочимъ говоритъ: «Въ нѣкоторыхъ случаяхъ самая дѣйствительность главнаго обязательства поставляется въ зависимость отъ дѣйствительности залога, напр. заложенная бѣломѣстцу тяглая земля отнимается у него, и самый залогъ, обезпеченный ею, признается недѣйствительнымъ. Въ случаѣ отчужденія залога отъ должника, обезпечившаго имъ обязательство послѣ возникновенія спора, закладъ, точно также какъ и проданное, выдается оправленному истцу, но вмѣстѣ съ тѣмъ обязательство обезпеченное прекращается.» Мысли свои, здѣсь изложенныя, авторъ думаетъ подтвердить ссылками на 36 N Ак. Ар. эк. IV тома, и 244 статью X главы уложенія; но сии ссылки вовсе не подтверждаютъ мнѣнія, высказаннаго авторомъ; именно, въ первой, заключающей наказную память Ивану Колычеву 1649 года, прямо сказано: «А будетъ кто торговые и посадскіе люди тяглые свои дворы напишутъ чѣмъ-нибудь людемъ или крестьяномъ въ долгу въ закладъ до срока, и тѣ свои тяглые дворы просрочать; и тѣмъ людемъ, кому тяглые дворы будутъ просрочены, послѣ срока продать государевымъ же тяглымъ людемъ, а самимъ въ тѣхъ дворвхъ не жить.» Здѣсь законъ тяглую землю не отнимаетъ у законопринимателя, и требуетъ только, чтобы онъ продалъ ее тяглымъ же людемъ и за собою не держалъ. Правда, въ той же памяти сказано: «А кто продасть или заложитъ бѣлымъ людемъ тяглой дворъ, и тѣ дворы имать и отдавать безденежно въ сотни; а по закладнымъ, у кого тѣ дворы заложены, въ деньгахъ отказывать.» Но эта мѣра была принята только противъ подложныхъ закладныхъ; въ памяти именно сказано, что тяглые люди продаютъ бѣломѣстамъ свои тяглые дворы, а пишутъ вмѣсто купчихъ закладныя.» Слѣдовательно здѣсь уничтожается дѣйствительность противозаконной купли, а не долговаго обязательства, обезпеченнаго закладомъ. Во второй же ссылкѣ, т.-е. въ 244 статьѣ X главы Уложенія сказано: «а по суду и по сыску доведется его (отвѣтчика) въ томъ обвинити, и у того, кому онъ что продасть, взяти и отдать истцу. А тому, кто у него то купилъ, указати на немъ по купчей и по-закладной цѣвѣ назадъ деньги.» Слѣдовательно заемное обязательство и при недѣйствительности обезпечивающаго залога не прекращается.

Разсматривая юридическія отношенія, вытекающія изъ закладнаго договора какъ для закладчика, такъ и для вѣрителя, авторъ говоритъ: «Передача залога есть ближайшее правильное слѣдствіе закладнаго договора, и съ нею сопряженъ временный переходъ права

собственности къ залогопринимателю, которому должны быть следовательно предоставлены всѣ дѣйствія, обыкновенно составляющія содержаніе права собственности. Дѣйствительно, залогоприниматель, во-первыхъ, пользуется залогомъ, употребляетъ его для своихъ нуждъ, извлекаетъ изъ него доходы и проч.» Нѣтъ сомнѣній, что многія дошедшія до насъ закладныя свидѣлствуютъ о передачѣ заложенныхъ имѣній залогопринимателямъ при совершеніи закладныхъ; но это еще не значить, чтобы таковая передача была непремѣннымъ правильнымъ слѣдствіемъ закладнаго договора по тогдашнимъ юридическимъ понятіямъ на Руси, какъ это утверждаетъ авторъ; ибо до насъ также дошло много древнихъ закладныхъ, въ которыхъ упоминается, что закладываемое имѣніе нѣ у кого не заложено, а это ясно показываетъ, что залогодатель по древнему русскому праву залога могъ оставаться владельцемъ заложеннаго имѣнія, и могъ передавать его залогопринимателю при совершеніи закладной, и что и то и другое зависѣло отъ взаимныхъ условій залогопринимателя и залогодателя.

Далѣе авторъ, имѣя въ виду постоянно одну мысль, что будто бы залогодержатель по самой уже закладной немедленно пріобрѣтаетъ заложенное имущество въ временную собственность, и тѣмъ прекращается всякое право закладчика на залогъ до выкупа, между прочимъ говорить: «Не допуская права залогодателя вторично закладывать состоящее въ залогъ имущество, которое до выкупа для него чужое, я утверждаю тѣмъ самымъ, что совмѣстное накопленіе залоговъ на одномъ и томъ же имуществѣ по древнему русскому праву не возможно.» А Псковская судная грамота прямо опровергаетъ мнѣніе автора, и утверждаетъ, что на одномъ и томъ же имѣніи могло быть нѣсколько залоговъ; вотъ подлинныя слова грамоты: «А которыя исцы вымутъ на умершаго закладъ грамоты двои или трои или пятеры, на одну землю или на воду, или на одинъ дворъ..... ино имъ правда давши, да дѣлать по дѣломъ и по серебру.» (Стр. 16. Пск. суд. гр.)

Мы могли бы указать и еще на разныя неправильности и несообразности съ древними памятниками въ воззрѣніяхъ автора на древнее русское право залога; но достаточно уже и приведеннаго нами, чтобы видѣть, на сколько авторъ въ главныхъ своихъ положеніяхъ не согласенъ съ свидѣтельствами древнихъ памятниковъ; впрочемъ въ другихъ отношеніяхъ настоящій трудъ заслуживаетъ уваженіе и свидѣлствуетъ о довольно подробномъ изученіи предмета.

Пятою статьею Сборника стоитъ статья г. Капустина, подъ названіемъ: *Древнее русское поручительство*. Г. Капустинъ начинаетъ свою статью прямо выпискою изъ Русской Правды, о дикой вири; и въ учрежденіи виры видятъ взаимное поручительство членовъ цѣлаго общества, или верви, и начало такового поручительства приписываетъ тому, что народы восточнаго Славянскаго племени въ древности жили въ родовомъ быту. Дѣйствительно въ дикой вири замѣтны слѣды взаимнаго поручительства членовъ общества, называвшагося вервию; но чтобы такое учрежденіе вытекало изъ родового быта восточныхъ Славянъ, на это нельзя согласиться; ибо по свидѣтельству Русской Правды, поступленіе въ члены верви было произвольное и ни сколько не зависѣло отъ родственныхъ связей, каждый могъ быть членомъ верви, только бы вложилъ въ дикую виру, т.-е. обязался платить приходившуюся на него долю дикой виры; въ Правдѣ сказано: «платити по вервинѣ, иже ся прикладывають вирую,» или: «аже кто неможитъ въ дикую виру, тому людіе не помогаютъ.» Съ этимъ соглашается и самъ авторъ, говоря на 288 стр., что въ союзъ верви люди вступали добровольно. А родовой союзъ былъ вовсе недобровольнымъ и основывался на кровномъ родствѣ, а не на свободномъ вкладѣ; при господствѣ родового быта, чужеродецъ не могъ вступать въ союзъ родичей; въ этомъ согласны всѣ изслѣдователи мнимаго родового быта у Славянъ. Слѣдовательно вира, какъ она изображена въ Русской Правдѣ, по самому уже характеру своему, есть плодъ не родового, а общиннаго быта, который основывается на добровольномъ вступленіи людей въ члены общины безъ всякихъ отношеній къ родственнымъ связямъ.

Далѣе, объясняя статью Русской Правды: «Будетъ ли головникъ ихъ въ верви, то зане къ нимъ прикладываетъ, того дела имъ помогати годовнику, любо си дикую вѣру; но плати имъ вообчи 40 гривенъ, а головничество самому головнику; а въ 40 гривенъ ему платити и съ дружины своя часть.» Авторъ говоритъ: «мы видѣли, что за самое высокое преступленіе (за убійство въ разбѣв безъ свады) *людіе не помогаютъ*; за самое извинительное (за убійство или въ свадѣ, или въ пиру явлено), они платятъ почти всю виру; здѣсь же они отвѣтствуютъ половиною виры.» Но изъ статьи Русской Правды этого не видать, статья вовсе не говоритъ о половинѣ виры, а указываетъ на особый платежъ, названный головничествомъ; сорокъ же гривенъ, упомянутыя въ статьѣ, означаютъ полную виру, какъ прямо засвидѣтельствовано предшествующею статьею объ

убійствъ: «Аже кто убьетъ княжа мужа въ разбон, а головника не щутъ; то виревную платити въ чьей же верви голова лежить, то 80 гривенъ; пакиль людинъ, то 40 гривенъ.» Ясно, что 40 гривенъ составляетъ полную виру за убійство людина; следовательно и въ объясняемой авторомъ статьѣ говорится не о половинѣ виры, а о полной вирѣ.

Продолжая объясненіе дикой виры, и стараясь приурочить свое объясненіе къ небывалымъ союзамъ родичей, авторъ говоритъ: «Въ слѣдующихъ случаяхъ видны проблески того воззрѣнія на такіе союзы родичей, котораго держались князья и вообще тогдашній бытъ: найдено въ предѣлахъ верви мертвое тѣло. И что же мы видимъ? не хозяинъ двора, не хозяинъ земли, на которой оно лежитъ, обязанъ платить виру, напротивъ цѣлое общество. Частное здѣсь исчезаетъ въ общемъ.» Напротивъ смыслъ статьи о дикой вирѣ совсѣмъ иной; если бы на чьемъ дворѣ было найдено мертвое тѣло, то конечно бы за это платилъ хозяинъ двора, а не вервь; такъ надобно полагать, судя по статьѣ Русской Правды о татьбѣ, гдѣ сказано, что хозяинъ двора, ежели поймавши и связавши вора, убьетъ его у себя на дворѣ, то долженъ платить за то 12 гривенъ; дикая же вира (или платежъ цѣлой верви) имѣла мѣсто тогда, когда тѣло будетъ найдено на полѣ или въ лѣсу, или въ рѣкѣ, и вообще на землѣ, принадлежащей цѣлой верви, и основаніе такового платежа заключалось въ томъ, что по тогдашнему устройству русскаго общества земля принадлежала преимущественно цѣлой общинѣ, а не въ отдѣльности ея членамъ, какъ это и теперь мы видимъ въ нашихъ деревняхъ, гдѣ земля составляетъ собственность цѣлой деревни, а не того или другаго крестьянина. Следовательно въ объясняемой статьѣ Русской Правды частное не исчезаетъ въ общемъ; а напротивъ община платитъ потому, что тѣло найдено на общинной землѣ.

Объяснивъ по своему дикую виру Русской Правды и относивъ вирное устройство къ мнимому родовому быту, авторъ переходитъ къ поручительству по позднѣйшимъ источникамъ; но странно, между позднѣйшими источниками опять обращается къ Русской Правдѣ, и изъ самой древнѣйшей ея редакціи выписываетъ статью о представленіи поручниковъ для явки на сводъ, потомъ перечисляетъ нѣкоторые памятники XIII и XIV столѣтій, въ которыхъ упоминается о поручительствѣ, но оставляетъ ихъ безъ изслѣдованія, какъ будто бы изъ нихъ и нельзя почерпнуть какихъ-либо указаній о характерѣ древняго поручительства. За симиъ переходитъ къ законодательнымъ памятникамъ XV, XVI и XVII столѣтій, и говоритъ,

что памятники сии содержат множество определений о поручительстве, указывают на весьма значительное его употребление при обязательствах самых разнообразных. Далее, перечисливши по памятникам разные виды поручительства, авторъ изчисляет виды ответственности, которая падала на поручителя, и изъ нихъ выводитъ двѣ цѣли поручительства, изъ которыхъ одна — оградить положительнымъ образомъ лицо, имѣющее право, отъ убытковъ на случай неисполненія обязательства; другая — удостовѣрить лицо, обязанная сторона исполнить возложенное на нее обязательство. За сими авторъ переходитъ къ содержанию поручительства, и определяетъ его такъ: «содержаніе поручительства опредѣлялось договоромъ, заключеннымъ между поручителемъ и лицомъ обязаннымъ.» За содержаніемъ слѣдуетъ указаніе на условія, чтобы признать поручителя способнымъ или стоящимъ довѣрія; условій сихъ только два — быть добрымъ и прожиточнымъ человекомъ, кому бы можно было вѣрить; при томъ сии два условія требовались только въ законныхъ поручительствахъ, и въ договорныхъ, когда однимъ изъ контрагентовъ является казна. Тутъ же авторъ упоминаетъ о круговой поруке. Далее рассматриваетъ отношенія по поручительству, и прежде всего отношенія между вѣрителемъ и поручителемъ, потомъ между поручителями обязанными и далѣе между сопоручителями. За сими авторъ говоритъ о формѣ древняго поручительства; и наконецъ указываетъ на случаи прекращенія поручительства, и насчитываетъ три случая: 1-й, поручительство, какъ договоръ, уничтожается исполненіемъ его, т.-е. произведеннымъ со стороны поручителя удовлетвореніемъ по обязательству; 2-й, какъ договоръ прибавочный — прекращеніемъ главнаго; и 3-й, какъ договоръ чисто личный, не переходящій къ наследникамъ, — смертію поручителя.

Рассмотрѣвши такимъ образомъ начала поручительства по древнему законодательству, авторъ въ краткомъ очеркѣ предстаетъ судьбу поручительства волею реформъ, начатыхъ въ нашихъ законодательствахъ Петромъ Великимъ. По его словамъ, главное вліяніе реформы на поручительства состояло въ томъ, что оно утратило свой общій характеръ, свое единство и распалось на нѣсколько частей. Прежде же, являясь при самыхъ разнообразныхъ случаяхъ, поручительство не представляло никакихъ видоизмѣненій, сохраняло всегда одну и ту же начала. Второе вліяніе реформы заключалось въ томъ, что съ начала уменьшился кругъ дѣйствій поручительства при обязательствахъ законныхъ вообще и собственно при искахъ, а потому

оно сдѣлалось почти едва замѣтнымъ, какъ въ законодательствѣ, такъ и въ дѣйствительности.

Настоящій трудъ г. Капустина обличаетъ въ авторѣ внимательное и подробное изученіе юридическихъ памятниковъ XV, XVI и XVII столѣтій, относящихся къ поручительству; но къ сожалѣнію изложеніе предмета не отличается строгою последовательностію и стройностію, отъ чего чтеніе статьи вообще довольно затруднительно. Также мы могли бы указать на неправильность нѣкоторыхъ выводовъ въ общихъ взглядахъ на древнее законодательство, которые мѣшаютъ непосредственнымъ достоинствамъ статьи, прямо относящимся къ избранному предмету.

За статью о поручительствѣ слѣдуетъ статья г. О. Бржозовскаго: *Историческое развитіе постановленій Русскаго законодательства по почтовой части*. Авторъ начинаетъ свою статью объясненіемъ, что вообще должно разумѣть подъ словомъ почта, потомъ переходитъ къ историческому развитію постановленій русскаго законодательства о почтахъ, и раздѣляетъ своей трудъ на два отдѣленія: въ первомъ излагаетъ исторію учрежденій почтъ, а во второмъ исторію ихъ управленія. Трудъ г. Бржозовскаго отличается внимательнымъ изученіемъ избраннаго предмета и близкимъ знакомствомъ съ памятниками, поколику они доступны изслѣдователю.

Въ историческомъ развитіи почтовыхъ учрежденій въ Россіи авторъ отличаетъ двѣ формы — *ямъ* и собственно *почты*, Учрежденіе *ямовъ* онъ относитъ ко времени Монгольскаго владычества въ Россіи, съ чѣмъ конечно долженъ согласиться каждый, кто знакомъ съ историческими памятниками. Самыя слова *ямъ* и *ямщикъ* авторъ производитъ отъ монгольскихъ словъ *дзямъ* дорога и *дзямъ-чи* проводникъ, которыя при переходѣ въ татарскій языкъ, не допускающій звука *дз*, превратились въ *ямъ* и *ямъ-чи*, а по-русски *ямщикъ*. Это производство такъ ясно и наглядно, что *ямъ* отстраняются все другія словопроизводства, бывшія въ ходу въ нашей литературѣ.

По толкованію автора, ямская повинность при первоначальномъ своемъ учрежденіи до XV вѣка «состояла просто въ дачѣ подъ всякихъ проезжающихъ по Государевымъ дѣламъ подводъ въ натурѣ, и, бывъ соединена съ обязанностію доставлять имъ нужное продовольствіе, дежда на всѣхъ посадахъ, деревняхъ и волостяхъ.» Это толкованіе въ отношеніи къ формѣ повинности вполне согласно съ дошедшими до насъ памятниками; но едва ли справедливо мнѣніе автора, что таковая форма ямской повинности существовала

только въ продолженіе XIV и частию XV столѣтій; по памятникамъ эта форма была известна на Руси въ XIII столѣтіи, ибо уже въ Менгугемировомъ ярлыкѣ, писанномъ 1270—1276 г., упоминается о ямѣ и подводахъ.

Далѣе авторъ говоритъ о важномъ переворотѣ въ ямскомъ учрежденіи, происшедшемъ въ половинѣ XV вѣка, и состоящемъ въ учрежденіи ямскихъ охотниковъ и построенія ямскихъ слободъ, или ямовъ; въ слѣдствіе чего ямскую повинность натурою стали нести только выбранные для сего люди, — ямскіе охотники, которымъ прочее народонаселеніе помогало деньгами и другими средствами, а правительство отводило особыя земли подъ поселенія и освобождало отъ податей. Это новое устройство въ ямскомъ учрежденіи изложено авторомъ со многими подробностями, которыя живо представляютъ картину ямскаго устройства, и притомъ картину совершенно вѣрную и согласную съ свидѣтельствомъ памятниковъ, и притомъ памятниковъ, понимаемыхъ правильно, естественно, безъ кривыхъ толкованій и натяжекъ.

Изложивши устройство ямскаго учрежденія въ XV вѣкѣ, авторъ переходитъ къ показанію отличія ямской гоньбы отъ почтъ, заключающагося преимущественно въ томъ, что ямы почти исключительно были предоставлены въ пользу надобностей казны, а не для частной корреспонденціи, и при томъ не имѣли постоянныхъ курсовъ. Пользуясь тѣмъ, что ямы исключительно были предназначены для правительства, авторъ находитъ сходство ямскаго учрежденія XV вѣка съ римскимъ, а еще болѣе византійскимъ *cursus publicus*; дѣйствительно, по приведеннымъ авторомъ свидѣтельствамъ, это сходство изумительно. Но тѣмъ не менѣе мы не можемъ согласиться съ его предположеніемъ, чтобы *cursus publicus* былъ первообразомъ ямскаго учрежденія Іоанна III-го; ибо при Іоаннѣ III-мъ ни Византійской имперіи, ни тамошняго *cursus publicus*, уже не существовало, слѣдовательно и заимствовать было не откуда; ежели бы можно было допустить заимствованіе, то конечно не въ XV, а въ XI или XII столѣтіяхъ, когда и сношенія Руси съ Византією были близки и византійскій *cursus publicus* находился въ цвѣтущемъ состояніи, но въ XI и XII столѣтіяхъ нѣтъ и помину о ямскомъ учрежденіи на Руси; слѣдовательно мы не имѣемъ никакого права указывать на заимствованіе его въ XV вѣкѣ. А скорѣе можно предположить, что русское ямское устройство постепенно и незамѣтно образовалось подъ вліяніемъ монгольскаго устройства; ибо, какъ и

самъ авторъ свидѣтельствуеть, и первоначальную мысль о ямахъ, и даже самое названіе яма и ящика мы получили отъ Монголовъ.

Покончивши изслѣдованіе о ямахъ, авторъ переходитъ къ первоначальному учрежденію почтъ при Царѣ Алексѣ Михайловичѣ, представляетъ состояніе ихъ и измѣненія при Царѣ Феодорѣ Алексѣевичѣ; и потомъ говоритъ о постепенномъ усовершенствованіи и развитіи почтовыхъ учреждений при Петрѣ Великомъ и при его преемникахъ до 1849 года. Все это основано на свидѣльствѣ официальныхъ памятниковъ, и изложено стройно и съ большими, даже иногда статистическими подробностями; вся картина почтоваго устройства представлена авторомъ просто, естественно, безъ неумѣстныхъ воззрѣній и заднихъ мыслей; чего нѣтъ въ источникахъ, о томъ и не говоритъ авторъ.

Второе отдѣленіе своей статьи г. Бржозовскій начинаетъ изложеніемъ ямскаго управленія. Центральнымъ государственнымъ учрежденіемъ для управленія ямскими дѣлами онъ называетъ ямской приказъ, что совершенно согласно съ древними памятниками. А первое упоминаніе о ямскомъ приказѣ или ямской избѣ, основываясь на разрядныхъ книгахъ, онъ относитъ къ 1516 году, полное же развитіе ко временамъ Михаила Феодоровича; потомъ переходитъ къ совмѣстному управленію почтовыми и ямскими дѣлами ямскимъ и посольскимъ приказами. Здѣсь авторъ подробно разбираетъ взаимное отношеніе сихъ двухъ приказовъ при царяхъ Алексѣ Михайловичѣ и Феодорѣ Алексѣевичѣ; далѣе на основаніи источниковъ говоритъ о перемѣнахъ въ почтовомъ и ямскомъ управленіи при Петрѣ Великомъ и его преемникахъ, объ уничтоженіи ямскаго приказа и ямской конторы, о учрежденіи главнаго правленія почтовыхъ дѣлъ при Екатеринѣ Великой, о постепенныхъ измѣненіяхъ и усовершенствованіяхъ въ почтовомъ управленіи при Императорахъ Павлѣ, Александрѣ и Николаѣ. Статью свою авторъ заключаетъ представленіемъ нѣкоторыхъ доступныхъ для него данныхъ относительно того, въ какой прогрессіи происходило развитіе почтовой части въ Россіи, и какъ возрастало самое пользованіе почтами.

Седьмая статья Сборника принадлежитъ г. К. Киндякову и названа: *Опытномъ ученой разработки купчихъ грамотъ, помѣщенныхъ въ актахъ юридическихъ*. Статью свою авторъ раздѣляетъ на пять отдѣловъ. Въ первомъ имъ указано на число купчихъ, мѣста, изъ которыхъ заимствованы Археографическою комиссіею подлинныя купчія или списки съ нихъ, время къ которому относятся купчія, ихъ цѣлость и поврежденность. Во второмъ разсмотрѣнъ

матеріаль и внѣшняя форма купчихъ. Въ третьемъ вѣтвѣннѣя ихъ форма; въ четвертомъ авторъ изобразилъ на основаніи купчихъ самый договоръ купли и продажи; и наконецъ въ пятомъ указано на мѣру обогащенія купчими исторіи русскаго законодательства.

Въ первомъ отдѣлѣ авторъ говоритъ, что въ юридическихъ актахъ, изданныхъ Археографическою комиссіею, помѣчено 65 грамотъ, названныхъ купчими записями, изъ нихъ одна подъ № 71, XXVI, по содержанию своему не принадлежитъ къ разряду купчихъ; далѣе указываетъ на мѣсто и время ихъ составленія, и на ихъ поврежденность или цѣлость. Во второмъ отдѣлѣ описываетъ матеріаль и внѣшнюю форму купчихъ; т.-е. которыя купчія напечатаны съ подлинныхъ, которыя съ списковъ, которыя купчія писаны на пергаментѣ и которыя на бумагѣ, во сколько вершковъ въ длину и ширину листочки, на которыхъ писаны купчія, что купчія писались на одной сторонѣ листка, а другая оставалась свободною. Мы право не знаемъ, на что пригодны сіи два отдѣла при ученой разработкѣ купчихъ, особенно въ такомъ видѣ, въ какомъ они представлены авторомъ. Въ третьемъ отдѣлѣ, заключающемъ въ себѣ изслѣдованія о внутренней формѣ купчихъ, авторъ, по купчимъ, напечатаннымъ въ юридическихъ актахъ, говоритъ, что купчія до половины XVI вѣка начинались именемъ покупателя, а съ половины XVI вѣка именемъ продавца, потомъ слѣдовало означеніе проданнаго имущества, далѣе опредѣленіе цѣны, изложеніе условій и обязательствъ налагаемыхъ другъ на друга контрагентами и подобн. Этотъ отдѣлъ составляетъ существенную часть ученой обработки купчихъ, и составленъ авторомъ отчетливо и удовлетворительно.

Въ четвертомъ отдѣлѣ авторъ, во-первыхъ, говоритъ о лицахъ, вступающихъ въ договоръ купли продажи; во-вторыхъ, о предметѣ договора купли продажи, въ-третьихъ, о цѣнѣ, и въ-четвертыхъ, объ отношеніи договаривающихся сторонъ, — сперва объ отношеніяхъ продавца, и потомъ покупателя: въ изслѣдованіяхъ своихъ о всѣхъ сихъ предметахъ авторъ строго держится купчихъ, напечатанныхъ въ юридическихъ актахъ, и очень рѣдко беретъ въ соображеніе другіе юридическіе памятники древней Руси: отъ чего большая часть его объясненій имѣютъ характеръ часто спеціальнѣй, относящійся собственно только къ купчимъ, напечатаннымъ въ юридическихъ актахъ, и отнюдь не могутъ быть признаны какъ правила при объясненіи договора купли продажи по древнему русскому праву вообще. При томъ же авторъ, какъ скоро вздумаетъ объобщать свои объясненія, т.-е. хотя на сколько-нибудь отступать

отъ непосредственнаго объясненія купчихъ, напечатанныхъ въ юридическихъ актахъ, то не рѣдко впадаетъ въ произвольныя гипотезы, ни на чемъ неоснованныя и явно противорѣчащія разсматриваемымъ купчимъ. Такъ напримѣръ, объясняя помѣщаемыя въ купчихъ выраженія: *а купилъ такое-то имущество собѣ и своимъ дѣтемъ, или, а продалъ такое-то имущество ему и его дѣтемъ одерень, вѣпки, въ прокъ, безъ выкупа и проч.*, авторъ говоритъ: «Древній юридическій бытъ нашъ, не сознававшій правъ вообще, не признавалъ и права собственности; древнему юридическому быту нашему извѣстно было только владѣнiе срочное и безсрочное; послѣднему соответствовало понятiе собственности. Принявши въ соображенiе такое понятiе нашего древняго быта, становится ясною причина помѣщенiя въ разсматриваемыхъ купчихъ выраженiй: *«А купилъ такое-то имущество собѣ и своимъ дѣтемъ и проч.* Именно, этимъ самымъ указывается на передачу имуществъ покупщикамъ въ безсрочное, вѣчное владѣнiе, т.-е. въ собственность.» Всю нелѣпность гипотезы, — что древній юридическій бытъ нашъ не признавалъ никакихъ правъ, мы прежде всего постараемся доказать словами самого же автора. Черезъ нѣсколько строкъ авторъ говоритъ что онъ нисколько не сомнѣвается въ древности происхожденiя права выкупа; следовательно ясно, что древній юридическій бытъ не могъ не признавать какихъ-либо правъ, когда самъ же авторъ говоритъ, что онъ признавалъ права выкупа. Потому авторъ въ своей гипотезѣ пишетъ, что древній юридическій бытъ нашъ не признавалъ и права собственности, что ему было извѣстно только владѣнiе срочное или безсрочное. Но ежели бы по древнимъ нашимъ законамъ не признавалось право собственности; то конечно хозяинъ украденной у него вещи, по такому толкованiю нашихъ древнихъ законовъ, не могъ законно требовать ее у новаго владѣльца, хотя бы у самаго вора; а между тѣмъ въ Русской Правдѣ, древнѣйшемъ нашемъ законодательномъ памятникѣ, помѣщено нѣсколько статей, по коимъ хозяинъ вездѣ могъ отыскивать украденную у него вещь, и по учиненiи сводавъ возвращать ее себѣ отъ новаго владѣльца, а новому владѣльцу, у котораго хозяинъ бралъ свою вещь, законъ предоставляетъ право по сводамъ искать настоящаго вора и требовать съ него удовлетворенiя, т.-е. возвращенiя денегъ, данныхъ за украденную вещь. Ясно, что Русская Правда признаетъ право собственности. Мы могли бы представить доказательства и свидѣтельства древнихъ памятниковъ о сознании и другихъ правъ древнимъ юридическимъ бытомъ; но довольно и представленнаго, чтобы видѣть всю нелѣпность гипотезы

высказанной авторомъ. Перейдемъ къ пятому отдѣлу разбираемой статьи.

Пятый отдѣлъ свой авторъ начинаетъ словами: «Мы скажемъ только, что купчія не противорѣчатъ мнѣнію тѣхъ обработывателей Истории Русскаго права, которые утверждаютъ, что письменные акты восходятъ въ Россіи не далѣе XIV вѣка» Что жъ изъ этого! неужели по мнѣнію автора правы помянутые имъ обработыватели? неужели письменныхъ актовъ до XIV вѣка не было въ Россіи? Послѣ этого и вкладная, писанная въ 1192—1207 г. преподобнымъ Варлаамомъ на земли и рыбныя ловли Хутынскому монастырю, или не письменный актъ, или писана не раньше XIV столѣтія? Авторъ конечно правъ, что разобранныя имъ купчія не восходятъ далѣе XIV вѣка, но это еще не значить, чтобы до XIV столѣтія у насъ не писали купчихъ, а свидѣлствуетъ только о томъ, что старшихъ купчихъ пока не отыскано.

Потомъ авторъ приступаетъ къ рѣшенію вопроса: обязательно ли было облеченіе договора купли продажи, по важнѣйшимъ по крайней мѣрѣ имуществамъ, въ письменную форму? И рѣшаетъ этотъ вопросъ отрицательно, даже въ отношеніи къ купчимъ, писаннымъ послѣ узаконенія 1558 года, говорить, что это узаконеніе не обязываетъ писать купчихъ, а только позволяетъ. По словамъ автора: «купчія не удостоверяютъ насъ въ существованіи законныхъ предписаній облекать договоръ купли продажи въ письменную форму.» Дѣйствительно въ купчихъ нѣтъ прямого удостовѣренія въ томъ, чтобы договоръ купли продажи непременно былъ облеченъ въ письменную форму; но не въ купчихъ должно и искать этого удостовѣренія, а въ смыслѣ цѣлаго законодательства. Если самъ же авторъ говорить, что правительствомъ были заведены крѣпостныя книги, въ которыхъ записывались купчія съ платежемъ крѣпостныхъ пошлинъ, если въ дошедшихъ до насъ приправочныхъ книгахъ XVI и XVII столѣтій постоянно прописывалось, кто владеетъ какою землею по какимъ крѣпостямъ, если во всѣхъ дошедшихъ до насъ правыхъ грамотахъ тяжущіеся постоянно представляютъ письменныя крѣпости на право владѣнія тою или другою землею; если въ самыхъ купчихъ продавцы, принимая на себя очистку проданныхъ земель, постоянно пишутъ, что они будутъ очищать отъ письменныхъ крѣпостей; то очевидно, что облеченіе договора купли продажи въ письменную форму было уже обязательно въ XV и XVI столѣтіи, по крайней мѣрѣ при покупкѣ недвижимыхъ имѣній; а по правой грамотѣ, помѣщенной въ юридическихъ актахъ

подъ N 3-мъ и писанной съ 1455—1505 г., даже требуется официальная форма купчихъ, т.-е. чтобы купчія были утверждены послухоу и дьякомъ; въ грамотъ сказано: «И судьи спросили Данила: списки у насъ съ грамоты съ твоел съ данные и съ купчія есть, а послуховъ въ спискѣхъ ни дьяка нѣтъ. И Данило рекъ: азъ, господине, данную грамоту далъ да и купчую съ послухи и съ дьякомъ.

Далѣ авторъ разсматриваетъ, при соображеніи какихъ обстоятельствъ заключался договоръ купли продажи и при соблюденіи какихъ требованій обычая или закона онъ считался дѣйствительнымъ. И во-первыхъ, обращаетъ вниманіе на форму договора, и говорить, что «видъ и форма акта не были опредѣлены, и что все зависѣло въ этомъ отношеніи отъ воли контрагентовъ или обыкновенія, въ известный періодъ времени господствовавшего.» А между тѣмъ самъ же соглашается, что всѣ купчія по внутренней ихъ формѣ представляютъ не малое между собою сходство, такъ что на основаніи ихъ можно составить приблизительно единообразную форму. Онъ думаетъ объяснять это единообразіе тѣмъ, что малограмотные писцы, затвердивши одну форму, по которой было ими написано уже нѣсколько актовъ, принимали ее за образецъ при всякомъ последующемъ составленіи.» Но какимъ это образомъ случилось, что всѣ малограмотные (по автору) писцы и въ Новгородѣ и въ Москвѣ и въ другихъ мѣстахъ почти до половины XVI столѣтія во всѣхъ купчихъ писали сперва имя покупателя, а потомъ имя продавца, съ половины же XVI столѣтія постоянно стали писать напередъ имя продавца, а потомъ покупателя? Таковое постоянство формы въ одно время, и рѣшительное замѣненіе старой формы новою въ другое время, ясно указываетъ если не на законъ, то по крайней мѣрѣ юридически обязательный обычай.

По разсмотрѣніи формы авторъ переходитъ къ разсмотрѣнію самаго содержанія купли продажи, выраженной въ купчихѣ, и тѣмъ оканчиваетъ свою статью. Здѣсь онъ говоритъ, основываясь уже не на однихъ купчихѣ, но частію и на другихъ законодательныхъ памятникахъ, что по древнимъ русскимъ законамъ нужно было, чтобы продавецъ и покупатель имѣли право вступать въ договоръ купли продажи. Этотъ предметъ осмотрѣнъ авторомъ подробно и отчетливо. Вообще изъ настоящей статьи видно, что авторъ внимательно изучалъ купчія, напечатанныя въ юридическихъ актахъ, но къ сожалѣнію, не успѣвъ еще отрѣшиться отъ мнѣній о древнемъ нашемъ

юридическомъ бытъ, пріобрѣтенныхъ имъ еще до собственнаго изученія памятниковъ.

Въ осьмой статьѣ является опять самъ издатель Сборника, г. Мейеръ; онъ здѣсь предлагаетъ свои *юридическія изслѣдованія относительно торговаго быта Одессы*. Статья эта имѣетъ неотъемлемыя достоинства, и авторъ заслуживаетъ ею полную благодарность читателей. Статью свою г. Мейеръ начинаетъ такъ: «Одесская торговля ведется правильно и однообразно и главное мѣсто въ ней занимаютъ немногія статьи отпуска за границу, которыя не выходятъ однакожь изъ умѣренныхъ размѣровъ; торговыя сделки по большой части простыя, безъ утонченной искусственности, и сводятся къ незначительному числу видовъ. Юристъ наблюдатель не рискуетъ здѣсь потеряться въ необъятномъ разнообразіи запутанныхъ торговыхъ дѣлъ, въ сложныхъ биржевыхъ договорахъ; ему есть возможность услѣдить юридическія явленія торговаго быта, уловить происхожденіе въ немъ правъ, ходъ ихъ осуществленія, отчужденія и самое прекращеніе правъ; быстрота явленій не чрезмерна, наплывъ ихъ не громадный, какъ въ мѣстахъ торговли всемірной; вмѣстѣ же съ тѣмъ эти явленія происходятъ правильно, уклоненія отъ правила конечно встрѣчаются, но они именно уклоненіями и признаются, и, что для юриста главное, торговля производится въ кругу чисто юридическихъ понятій.»

Вся статья распадается на четыре отдѣла: Въ 1-мъ авторъ разсматриваетъ юридическую сторону торговыхъ дѣлъ, производящихся въ Одессѣ. Торговыя дѣла въ Одессѣ, по словамъ автора, главнымъ образомъ вращаются около отпуска за границу пшеницы. Одесское купечество бѣльшею частію ведетъ комиссіонную отпускную торговлю. Помѣщикъ, положимъ, у котораго нѣсколько тысячъ четвертей пшеницы, предоставляетъ какому-либо торговому дому продать ихъ. Торговый домъ тутъ комиссіонеръ помѣщика, но производитъ конечно продажу самостоятельно, какъ бы пшеница принадлежала ему, разумется съ соблюденіемъ постановленныхъ между нимъ и помѣщикомъ условій относительно цѣны, платежей и проч. За границу отпускается пшеница также по комиссіи иностраннаго торговаго дома, поручающаго одесскому купцу купить известное количество, и комиссіонеръ въ этомъ случаѣ действуетъ также совершенно самостоятельно. Комиссія эта можетъ достаться какъ лицу, у котораго есть на порученіи продажа пшеницы, такъ и лицу не имѣющему такого порученія. Въ Одессѣ бывають также комиссіи купить товаръ за границей. Большая часть иностранныхъ

товаровъ, продающихся въ одесскихъ магазинахъ и отправляемыхъ внутрь Имперіи, ввозятся по комиссіямъ, такъ что вывозная торговля и привозная представляются комиссіонными.

Во второмъ отдѣлѣ авторъ указываетъ на подмѣченные имъ торговые обычаи, имѣющіе юридическій характеръ. Таковыхъ обычаевъ онъ представилъ и изслѣдовалъ десять. 1-й. Комиссіонеръ, не уговорившись съ коммиттентомъ о вознагражденіи, имѣетъ право на 2% съ оборотнаго капитала на покупку или продажу, а на 1% за отправку или приемъ товаровъ. 2-й. Въ отношеніи къ комиссіи въ Одессѣ признается обычай, что какъ скоро въ счетъ, выданномъ за надлежащимъ подписомъ, значатся комиссіонные $\frac{2}{100}$, самая комиссіи считается принятою комиссіонеромъ (счетоподписателемъ) и остается на его отчетъ. 3-й. По принятому торговому обычаю, начинающій какую-либо торговую операцію на свой капиталъ опредѣляетъ половину ожидаемаго барыша тому лицу, которое беретъ на себя обязанность привести эту операцію въ исполненіе. 4-й. По тому же обычаю денежный домовый документъ, написанный на надлежащей вексельной бумагѣ, признается векселемъ, хотя бы и не значилось въ документѣ, что онъ вексель, а были бы соблюдены только прочія законныя формы векселя. 5-й. Въ случаѣ продажи партіи хлѣба съ условіемъ *около* (*circa*), при опредѣленіи настоящаго количества четвертей продающая сторона по существовавшему обычаю могла отпустить 10% болѣе и менѣе выговореннаго количества. 6-й. Счетъ днями опредѣленнаго срока, съ истеченіемъ котораго зафрахтованное судно должно находиться въ портѣ и быть готово къ приемкѣ груза, чтобъ нанятель не былъ въ правѣ отступить отъ фрахтоваго договора, производится за исключеніемъ дня заключенія договора. 7-й. По существующему обычаю въ торговлѣ выраженіе: *съ возвращеніемъ почты*, равносильно словамъ: *съ первою отходящею почтою*. 8-й. Аварія, претерпѣваемая судномъ отъ чуждаго случая, по обычаю признается общею для суднохозяина и для хозяина груза. 9-е. По существующему въ Одессѣ обычаю рекомендаторы подписываютъ по словесному полномочію шкиперовъ фрахтовыя записки, которыя затѣмъ считаются вполне для нихъ обязательными, развѣ будетъ доказано, что онѣ не составлены согласно уполномочіямъ. 10-й. Если въ контрактъ судна, заключенномъ за границу, постановлено, что оно рекомендуется только по прибытіи онаго въ портъ (*pour l'entrée*), а не на оба пути, шкиперъ можетъ перемѣнить рекомендатаріуса, заплативъ ему слѣдующія за комиссію съ привезенныхъ товаровъ деньги. Если же

★

нѣтъ такового условія въ контрактѣ и шкиперъ самовольно перемѣнитъ рекомандатаріуса для отплытія (pour la sortie), то обязанъ по обычаю заплатить прежнему рекомандатаріусу и за отплытіе судна, хотя бы сей послѣдній въ погрузкѣ судна вовсе не участвовалъ.» Мы съ особеннымъ удовольствіемъ остановились хотя на краткомъ изчисленіи торговыхъ обычаевъ, подмѣченныхъ г. Мейеромъ въ Одессѣ; обычаи сіи, носящіе на себѣ чисто юридическій характеръ, заслуживаютъ вниманіе всякаго мыслящаго человѣка; сколько бы пользы приобрѣла наука, ежели бы въ Москвѣ, Петербургѣ, въ Нижнемъ Новгородѣ и другихъ торговыхъ городахъ Руси также были бы подмѣчены тамошніе обычаи и особенности въ торговлѣ; они могли бы составить цѣлый кодексъ торговаго обычнаго права, кодексъ особенно поучительный уже и тѣмъ, что изъ него мы увидали бы, что и такъ называемая торговля *по душѣ*, при видимомъ хаотическомъ смѣшеніи понятій юридическихъ, нравственныхъ и патріархальныхъ (какъ ее назвалъ г. Мейеръ), имѣетъ свои строгія правила, несоблюденіе которыхъ преслѣдуется общественнымъ мнѣніемъ торговцевъ въ томъ или другомъ торговомъ городѣ и ведетъ если не къ прекращенію, то къ затрудненію торговыхъ оборотовъ.

Въ третьемъ отдѣлѣ своей статьи г. Мейеръ передаетъ собранныя имъ свѣдѣнія относительно производимаго въ Одессѣ морскаго страхованія; здѣсь также много любопытныхъ и поучительныхъ юридическихъ данныхъ, но мы уже удерживаемся отъ выписокъ, и отсылаемъ читателей къ самой книгѣ. Четвертый отдѣлъ авторъ посвятилъ розысканію о движеніи переводныхъ векселей въ Одессѣ. Здѣсь также представлено нѣсколько замѣчательныхъ юридическихъ данныхъ. Вообще вся статья содержитъ въ себѣ много живаго интереса, и свидѣтельствуетъ объ умѣнь автора подмѣчать и искусно передавать подмѣченные юридическіе обычаи.

Девятая статья Сборника принадлежитъ г. М. Чулкову, и содержитъ въ себѣ *Исторію законодательства о табачной промышленности въ Россіи до Екатерины II-й*. Исторію сію авторъ раздѣляетъ на два періода: первый до 1697 года, до котораго наше правительство запрещало употребленіе, разведеніе и торговлю табака; второй періодъ съ 1-го февраля 1697 года, съ котораго правительство поощряетъ развитіе табачной промышленности. Согласно этому раздѣленію на періоды и статья раздѣлена на двѣ главы, — въ первой авторъ говоритъ о запрещеніяхъ относительно табака, о наказаніяхъ за нарушеніе сихъ запрещеній, ихъ причинахъ и слѣдствіяхъ, а также о торговлѣ и разведеніи табака; во второй главѣ объ уни-

чтоженіи запрещеній на табакъ, и о послѣдствіяхъ этого, о продажахъ, разведеніи и фабрикаціи табака во 2-мъ періодъ.

Въ первой главѣ авторъ говоритъ, что табакъ начали къ намъ привозить Англичане, но съ котораго именно времени, не извѣстно; а въ началѣ XVII в. начались уже гоненія на табакъ отъ правительства и духовенства. Сперва Патріархъ проклиналъ табакъ, а потомъ въ 1634 году Царь Михаилъ Ѳедоровичъ назначилъ смертную казнь за употребленіе табака, около 1644 года это наказаніе замѣнено торговою казнію, но по уложенію опять признана нужною смертная казнь; потомъ въ разное время табачники наказывались то кнутомъ, то батогами съ наложеніемъ разныхъ штрафовъ. Авторъ при семъ замѣчаетъ, что въ одно время съ гоненіями на табакъ въ Россіи, употребленіе этого растенія подвергалось такимъ же гоненіямъ, а иногда и жесточайшимъ, въ западной Европѣ и въ Азій; по этому случаю авторомъ приведено нѣсколько узаконеній и извѣстій западно-европейскихъ. Далѣе авторъ говоритъ о причинахъ гоненія на табакъ, и между прочимъ говоритъ, что правительство наше не считало ли употребленіе табака безнравственнымъ, какъ напр. пьянство, если не болѣе. Говоря о торговлѣ табакомъ въ первый періодъ, авторъ пишетъ, что къ намъ привозили табакъ Англичане, Китайцы, Малороссіяне, Греки; также получали мы табакъ изъ Литвы, Швеціи, отъ Кизылбашъ, Калмыковъ, Бухарцевъ, Тезиковъ, Голландцевъ и вообще всѣхъ торговыхъ иностранцевъ. Разведеніемъ же табака у насъ въ первомъ періодѣ занимались только въ Сибири и Малороссіи: въ первой потому, что тамъ разведеніе табака (изъ Китая) началось еще въ XVI столѣтіи, когда и не думали о запрещеніяхъ, во второй же потому, что Малороссія пользовалась въ то время особыми привилегіями, по которымъ запрещеніе на табакъ на нее не простиралось.

Во второй главѣ авторъ исчисляетъ различныя мѣры относительно развитія табачной промышленности, къ которымъ начало прибѣгать правительство съ 1-го февраля 1697 года: первую мѣрою было разрѣшеніе торговать табакомъ явно съ платежемъ установленныхъ пошлинъ, для чего велѣно около кабаковъ построить свѣтлицы для продажи табака. Потомъ въ томъ же 1697 году торговля табакомъ отдана на откупъ гостю Мартыну Богданову за 15,000 руб. въ годъ. Въ 1698 году Петръ Великій отдалъ торговлю табакомъ англійскому адмиралу маркизу Кармартену, съ платежемъ установленныхъ пошлинъ и съ выдачею 20,000 фунтовъ стерлинговъ наличными деньгами при самомъ заключеніи договора; откупная тор-

говля Кармартена продолжалась 6 лѣтъ. Съ 1705 года торговлю табакомъ казна приняла на себя и поручила производить это дѣло кабацкимъ бурмистрамъ и цѣловальникамъ. Въ 1727 году казенная продажа табака прекращена и торговля этимъ товаромъ объявлена вольною съ платежемъ пошрины по копейкѣ съ фунта. 1749 года торговля табакомъ была отдана на откупъ московскому купцу Козмѣ Матвѣеву. По истеченіи четырехлѣтняго срока откупу, торговля табакомъ въ 1753 году передана на откупъ купцу Горбылеву на 6 лѣтъ за 63,664 р. 61 к. въ годъ. По истеченіи срока Горбылевскому откупу правительство заключило договоръ съ генераль-фельдмаршаломъ графомъ Шуваловымъ, по которому ему и его наследникамъ позволено какъ продавать табакъ въ Россіи, такъ и отпустить его за границу въ продолженіе 20 лѣтъ, за что Шуваловъ долженъ былъ платить въ казну по 70,000 руб. въ годъ.

За указаніемъ мвръ относительно торговли табакомъ, авторъ разсматриваетъ мвры нашего правительства касательно разведенія и обработки табака. Онъ говоритъ, что заботы Петра Великаго о разведеніи табака начинаются въ послѣдніе годы его царствованія, и преимущественно состоятъ въ выписываніи изъ-за границы сѣмянъ иностраннаго табака для разведенія его въ Малороссіи. Сѣмена, вывезенныя изъ иностранныхъ государствъ, свѣли на земляхъ приписанныхъ къ Ахтырскому заводу въ Малороссіи. По смерти Петра наше правительство перестало выписывать сѣмена иностраннаго табака. Что касается до фабрикаціи табака, то Петромъ Великимъ первоначально была устроена табачная фабрика въ Петербургѣ, гдѣ работалъ мастеръ выписанный изъ Голландіи; можетъ быть въ одно время, или нѣсколько поздиѣе, была еще учреждена казенная фабрика табака въ Ахтырскомъ уездѣ, къ которой было приписано 550 дворовъ. Эта фабрика существовала до 1733 года.

Статью свою авторъ заключаетъ общимъ взглядомъ на табачную промышленность у насъ во второмъ періодѣ; онъ полагаетъ, что основаніемъ многихъ мвръ относительно табачной промышленности, употребленныхъ Петромъ Великимъ, были меркантильныя понятія, къ которымъ онъ имѣлъ приверженность; но намъ кажется, что большая часть этихъ мвръ и особенно откупа были вызваны нуждою въ деньгахъ; та же кажется нужда въ деньгахъ и сильное распространеніе употребленія табака въ народѣ, не смотря на запрещеніе, убѣдили Петра и къ прекращенію гоненій на табакъ.

Десятая статья Сборника принадлежитъ Г. Е. Осокину; онъ ее назвалъ: *Нѣсколько спорныхъ вопросовъ по исторіи Русскаго*

финансоваго права. Она собственно составляет отвѣтъ на рецензій Москвитянина и Современника, писанныя въ 1850 году при выходѣ его книги «*Внутреннія таможенныя пошлины въ Россіи*». Вѣроятно тѣ же рецензенты, которые вызвали эту статью, будутъ и отвѣчать на нее, ежели найдутъ это нужнымъ. Мы съ своей стороны только замѣтимъ, что въ отвѣтъ на рецензію Москвитянина, приписываемую авторомъ г. Бялеву, онъ старался во что бы то ни стало поддержать свои мнѣнія, высказанныя въ книгѣ «*Внутреннія таможенныя пошлины въ Россіи*», и не рѣдко прибѣгалъ къ натяжкамъ и произвольнымъ толкованіямъ, которыя нисколько не объясняютъ дѣла, но больше запутываютъ его. Такъ напримѣръ, г. Осокинъ въ своей книгѣ сказалъ: «Духовенство, кажется, ввело обыкновеніе на Руси собирать таможенныя пошлины» (при Владимирѣ). Рецензентъ на это замѣтилъ: «Очень трудно допустить, чтобы духовенство, только что пришедшее изъ Греціи при Владимирѣ, при немъ же ввело и таможенныя пошлины.» И чтоже? авторъ въ отвѣтъ отъ прежняго *кажется* перешелъ къ выраженію, — *не будетъ ничего невѣроятнаго*; и въ пользу своего предположенія приводитъ, 1-е — что о существованіи таможенныхъ пошлинъ въ Греціи до введенія на Руси христіанской религіи намъ несомнѣнно извѣстно; и 2-е, что будто бы изъ лѣтописей открывается прямое вліяніе духовенства на дѣла общественнаго управленія вообще, и финансоваго въ особенности, и въ подтвержденіе этого приводитъ слова лѣтописи, что Епископы присовѣтовали Владимиру казнить разбойниковъ, и потомъ перемѣнить казнь на виру, для того чтобы употребить виру на оружіе коней; и заключаетъ: «Если виру, даже смертная казнь были вводимы на Руси по совѣту греческаго духовенства, то не будетъ ничего невѣроятнаго, если мы припишемъ его же вліянію и установленіе первыхъ таможенныхъ пошлинъ.» Мы спросимъ съ своей стороны: неужели это значитъ подтверждать свои предположенія; неужели возможна посылка отъ существованія таможенныхъ пошлинъ въ Греціи къ тому, чтобы пришедшее изъ Греціи духовенство ввело таможенныя пошлины и въ Россіи; неужели отъ возвращенія Владимира къ вирамъ по совѣту духовенства и старцевъ (т.-е. не духовныхъ) можно заключать къ введенію духовенствомъ таможенныхъ пошлинъ въ Россіи, когда при томъ и виру-то не были нововведеніемъ, а обращеніемъ къ старому порядку, существовавшему, по свидѣтельству лѣтописи, при отцѣ и дѣдѣ Владимира.

Или на стр. 549 авторъ, желая отстоять свое мнѣніе, что будто бы послѣдняя подать съ XV вѣка начала замѣнять прежнія подвор-

ныя и поголовныя подати, запутываетъ дѣло смѣшеніемъ пощшной подати съ пощшною пошлиною; и говоритъ: «въ XIII столѣтіи въ правилахъ Кирилла митрополита *посошнымъ* названа даже пошлина за посвященіе въ игумены.» Но въ правилахъ Кирилла говорится не о *пощшномъ* (отъ сохи), а о *пощшномъ* (отъ посоха, который вручался игумену при ставленіи)

Или рецензентъ, отрицая толкованіе автора, что будто бы гостинная пошлина была въ древности или личною пошлиною съ пріѣзжихъ торговцевъ, или платою за наемъ лавокъ или амбаровъ на гостиномъ дворѣ, говоритъ: «Въ древности гостинная пошлина взималась не съ лица, и не за наемъ амбара, но только за привозъ товара на торгъ; такъ въ Бѣлозерской грамотѣ 1497 года прямо сказано: со всѣхъ (пріѣзжихъ иногородцевъ) имати тамга по старинѣ съ рубля по алтыну; да у всѣхъ же у тѣхъ взимати съ саней по полуденгъ, за церковную пошлину и за гостиное, что емлютъ на Москвѣ.» Опровергая это возраженіе, авторъ начинаетъ съ-высока: «При всемъ уваженіи къ почтенному рецензенту, я не могу умолчать о двухъ значительныхъ погрѣшностяхъ, сдѣланныхъ имъ въ его возраженіи. Первая состоитъ въ томъ, что мое объясненіе гостиннаго, какъ личной пошлины, основывается не на позднѣйшихъ памятникахъ, а на словахъ уставной грамоты Смоленскаго князя Ростислава, относящейся къ половинѣ XII вѣка.» Странное дѣло, какимъ образомъ г. Осокинъ рѣшился прикрыть себя и уличать рецензента уставною грамотою Ростислава, которая даже не намекаетъ на то, чтобы гостиное было личною пошлиною; въ грамотѣ только два раза упоминается о гостиномъ въ слѣдующихъ выраженіяхъ: «*Въ гостинный дани невѣдомо, что ся соидеть*»; «*на Облови гостинная дань, и что ся въ ней снидеться.*» Неужели отсюда можно заключать, что гостиное было личною пошлиною? Любопытно, что будетъ говорить объ этомъ рецензентъ, ежели сочтетъ нужнымъ отвѣчать г. Осокину; а по нашему мнѣнію,—ссылаться въ настоящемъ дѣлѣ на Ростиславову грамоту, значитъ свидѣтельствовать о несостоятельности своего мнѣнія. Но обратимся ко второй ошибкѣ, будто бы сдѣланной рецензентомъ; авторъ говоритъ: «Вторая ошибка еще важнѣе: г. Бѣляевъ толкуетъ совершенно несправедливо мѣсто, имъ приводимое.» (Г.-е. вышеприведенное свидѣтельство Бѣлозерской грамоты 1497 г.) «Я это мѣсто понимаю, и кажется справедливо, слѣдующимъ образомъ: со всѣхъ (пріѣзжихъ иногородцевъ) брать тамгу по старинѣ по алтыну съ рубля, да со всѣхъ же ихъ брать по полденгъ съ саней (это проѣзжая пошлина съ саней, дѣйствительно иногда взн-

маемая въ такомъ количествѣ, какъ видно изъ грамоты 1571 года); за церковную пошлину и за гостиное брать то, что емлютъ на Москвѣ.» Но во-первыхъ, рецензентъ вовсе не толкуетъ приводимаго имъ мѣста, а понимаетъ его естественно и прямо выписываетъ слова грамоты, какъ мы уже видѣли: *«имати тамга по старинѣ съ рубля по алтыну; да у всѣхъ же у тѣхъ имати съ саней по полудензѣ, за церковную пошлину и за гостиное, что емлютъ на Москвѣ.»* И во-2-хъ, толкованіе самого автора, какъ можетъ каждый видѣть, совершенно произвольно и нисколько не согласно съ смысломъ самой грамоты; грамота говорить: «имати съ саней по полудензѣ, за церковную пошлину и за гостиное, что емлютъ на Москвѣ,» авторъ же толкуетъ: «брать по полденгъ съ саней; за церковную пошлину и за гостиное брать то, что емлютъ на Москвѣ.» Это собственно не толкованіе, а перетолковываніе текста вкривь и вкось, подыманіе фразы на дыбу, чтобы она запищала такъ, какъ намъ хочется, чтобы намъ подъ этотъ пискъ свалить свою ошибку на другаго. Мы могли бы представить и другія мѣста отвѣта, сдѣланнаго г. Осокинымъ, но довольно уже и приведеннаго, чтобы убѣдиться, къ какимъ ненаучнымъ средствамъ прибѣгаетъ г. Осокинъ для своей защиты. Похвально отстаивать свои мнѣнія, ежели они справедливы; но для этого нужно доказывать ихъ справедливость, а не укрываться подъ произвольными толкованіями, и ссылками на грамоты, которыя говорятъ не о томъ, чего намъ хочется.

Профессоръ Мейеръ имѣетъ полное право на признательность юристовъ, которые въ любопытномъ его Сборникъ найдутъ много для себя пищи.

РАЗСКАЗЫ И ВОСПОМИНАНІЯ ОХОТНИКА О РАЗНЫХЪ ОХОТАХЪ. С. Аксакова, съ прибавленіемъ статьи «о соловьяхъ» И. С. Тургенева. Москва. Въ типографіи Л. Степановой. 1855 г., стр. 225, въ 12 д. л.

Чтобы познакомить съ этимъ новымъ подаркомъ публикѣ давно известнаго ей автора, не считаемъ нужнымъ распространяться въ похвалахъ ему, а выпишемъ только вступленіе, одинъ изъ рассказовъ, одинаково прекрасныхъ, и оглавленіе.

Вступленіе.

«Охота, охотники!... что такое слышно въ звукахъ этихъ словъ? что таится обаятельнаго въ ихъ смыслѣ, принятомъ, уважаемомъ въ целомъ народѣ, въ целомъ мірѣ, даже не охотниками?... «Ну, это ужъ его охота, ужъ онъ охотникъ», говорятъ, желая оправдать или объяснить — почему такъ неблагоразумно или такъ странно поступаетъ такой-то человекъ, въ такомъ-то случаѣ.... и объясненіе всемъ понятно, всѣхъ удовлетворяетъ! Какъ зарождается въ человекѣ любовь къ какой-нибудь охотѣ, по какимъ причинамъ, на какомъ основаніи?... Ничего положительнаго сказать невозможно. Конечно, нельзя оспорить, что охота передается воспитаніемъ, возбуждается примѣромъ окружающихъ; но мы часто видимъ, что сыновья, выросшіе въ домѣ отца—охотника, не имѣютъ никакихъ охотничьихъ склонностей, и что напротивъ дѣти людей ученыхъ, дѣловыхъ ех professoro, никогда неслыхавшіе разговоровъ объ охотѣ—дѣлаются съ самыхъ дѣтскихъ лѣтъ страстными охотниками. И такъ, расположеніе къ охотѣ некоторыхъ людей, часто подавляемое обстоятельствами, есть ничто иное, какъ врожденная наклонность, безсознательное увлеченіе. Такая мысль всего убѣдительнѣе подтверждается, по моему мнѣнію, наблюденіями надъ деревенскими мальчиками. Сколько разъ случалось мнѣ замѣчать, что многіе изъ нихъ не пройдутъ мимо кошки или собаки, не толкнувъ ее ногой, не лукнувъ въ нее камнемъ или палкой, тогда какъ другіе, напротивъ, защищаютъ бѣдное животное отъ обидъ товарищей, чувствуютъ безотчетную радость, лаская его, раздвѣлая съ нимъ скудный обѣдъ или ужинъ: изъ этихъ мальчиковъ непременно выйдутъ охотники до какой-нибудь охоты. Одинъ, заслышавъ охотничій рогъ или лай гончихъ, вздрагиваетъ, измѣняется въ лицѣ, весь превращается въ слухъ, тогда—какъ другіе остаются равнодушны,—это будущій псовый охотникъ. Одинъ, услышавъ близкій ружейный выстрѣлъ, бросается на него, какъ горячая легавая собака, оставляя и бабки, и свайку, и своихъ товарищей,—это будущій стрѣлокъ. Одинъ кладетъ приваду изъ мякны, ставитъ волосяные силъя или настораживаетъ корыто и караулитъ воробьевъ, лежа гдѣ-нибудь за угломъ, босой, въ одной рубашкѣ, дрожа отъ дождя и холода,—это будущій птицеловъ и звѣроловъ. Другихъ мальчиковъ не заставишь и за пряники это дѣлать. Какъ объяснить такіа противоположныя явленія, какъ не врожденнымъ влеченіемъ къ охотѣ? Обративъ вниманіе на зрѣмый возрастъ крестьянъ, мы увидимъ то же. Поло-

жимъ, что между людьми, живущими въ праздности и довольствѣ, ребячьи фантазіи и склонности, часто порождаемыя желаніемъ подражать большимъ людямъ, могутъ впоследствии развиться, могутъ обратиться въ страсть къ охотѣ—въ года зрѣлаго возраста; но мы найдемъ между крестьянами, а всего чаще между небогатыми, которымъ некогда фантазировать, некому подражать—страстныхъ безумныхъ охотниковъ: я знавалъ ихъ много на своемъ вѣку. Кто заставляетъ, въ осенніе дождь и слякоть, таскаться съ ружьемъ (иногда очень не молодаго человѣка), по лѣснымъ чащамъ и оврагамъ, чтобъ застрѣлить какого-нибудь поблѣвшаго зайца? Охота. Кто поднимаетъ съ теплаго ночлега этого хвораго старика и заставляетъ его на утренней зарѣ, въ туманѣ и сырости, сидѣть на мокромъ берегу рѣки, чтобъ поймать какого-нибудь лзя или головаля? Охота. Кто заставляетъ этого молодаго человѣка, отлагая только на время неизбѣжную работу, или пользуясь полдненнымъ отдыхомъ, въ палящей жарѣ, искусаннаго въ кровь лѣтнимъ оводомъ, таскающаго на себѣ застрѣленныхъ утокъ и всѣ охотничьи припасы, бродить по топкому болоту, уставая до обморока? Охота, безъ сомнѣнія, одна охота. Вы произнесите это волшебное слово, и все становится понятно.

Оттѣнки охотниковъ весьма разнообразны, какъ и сама натура человѣческая. Нѣкоторые охотники, будучи страстно привязаны предпочтительно къ одной охотѣ, любятъ однако, хотя не такъ горячо, и прочіе роды охотъ. Другіе охотники, переходя съ дѣтскихъ лѣтъ постепенно отъ одной охоты къ другой, предпочитаютъ всегда послѣднюю всѣмъ предыдущимъ; но совершенно оставляя прежнія охоты, они сохраняютъ теплое и благодарное воспоминаніе о нихъ, въ свое время доставлявшихъ имъ много наслажденій. Есть, напротивъ, третій разрядъ охотниковъ *исключительныхъ*: они съ дѣтства до конца дней, постоянно и страстно любятъ какую-нибудь *одну* охоту, и не только равнодушны къ другимъ, но даже питаютъ къ нимъ отвращеніе и какую-то ненависть. Наконецъ, есть охотники четвертаго разбора: охотники до всѣхъ охотъ безъ исключенія, готовые заниматься всѣми ими вдругъ, въ одинъ и тотъ же день и часъ. Такіе охотники въ настоящемъ, строгомъ смыслѣ слова—ни до чего не охотники; ни мастерами, ни знатоками дѣла они не бываютъ. По большой части они дѣлаются добрыми товарищами другихъ охотниковъ.

Не разбирая преимуществъ одного рода охотниковъ передъ другими, я скажу только, что принадлежу ко второму разряду

охотниковъ. Въ ребячествѣ началъ я съ ловли воробьевъ и голубей на ихъ ночевкахъ. Не смотря на всю ничтожность такой дѣтской забавы, воспоминаніе о ней такъ живо въ моей памяти, что, признаюсь, и на шестьдесятъ четвертомъ году моей жизни не могу равнодушно слышать особеннаго, торопливаго чиликанья воробья, когда онъ, при захожденіи солнца, скачетъ взадъ и впередъ, перепархиваетъ около мѣста своего ночлега, какъ-будто прощаясь съ Божіимъ днемъ и свѣтомъ, какъ-будто переключаясь съ товарищами, — и вдругъ нырнетъ подъ застрѣху или жолобъ, въ щель соломенной крыши или въ дупло стараго дерева. Отъ ловли воробьевъ на ночевкахъ, перешель я къ ловлѣ другихъ мелкихъ птичекъ волосянными сильями, натканными въ лубокъ; къ ловлѣ коноплянными необмолоченными снопами, опутанными веревочкой съ сильями, и наконецъ къ ловлѣ разными *лучками* изъ сѣтки. Потомъ пристрастился я къ травлѣ перепелокъ ястребами и къ ловлѣ перепелокъ сѣтью на дудки. Все это, на нѣкоторое время, замѣнила удочка, но въ свою очередь и она была совершенно замѣнена ружьемъ. Единовластное владычество ружья продолжалось половину моего вѣка, тридцать лѣтъ; потомъ снова появилась на сценѣ удочка, и наконецъ старость, а болѣе слабость зрѣнія, хворость и лѣнь окончательно свдвляли изъ меня исключительнаго рыбака. Но я сохраняю живое, благодарное воспоминаніе обо всѣхъ прежнихъ моихъ охотахъ, и мои статьи о нихъ служатъ тому доказательствомъ.

Всѣ охоты, о которыхъ я упоминалъ: съ ружьемъ, съ борзыми собаками, съ ястребами и соколами, съ тенетами и капканами за звѣрами, съ сѣтями, острогою и удочкой за рыбою, и даже съ *поставушками*, за мелкими звѣрками—имѣютъ своимъ основаніемъ ловлю, добычу; но есть охоты, такъ-сказать, безкорыстныя, которыя вознаграждаются только удовольствіемъ: слушать и видѣть, кормить и разводить извѣстныя породы птицъ и даже животныхъ, такова напримѣръ: охота до пѣвчихъ птицъ и до голубей. Первая, по крайней мѣрѣ, веселятъ слухъ охотниковъ пѣніемъ: но вторая и этого удовольствія доставить не могутъ: иногда только услышишь ихъ голось, то-есть глухое воркованье. Но я знавала страстныхъ охотниковъ до голубей всѣхъ возможныхъ породъ: бормотуновъ, двухохлыхъ, турмановъ, мохноногихъ горлицъ и египетскихъ голубей. Эти охотники проводили цѣлые дни на голубятнѣ, особенно любуясь на голубей мохноногихъ, у которыхъ мохры, то-есть перья, выросшія изъ ногъ до трехъ вершковъ длиною, торчали со

всѣхъ сторонъ и даже мѣшали имъ ходить. Теперь рѣдко встрѣтишь охотниковъ до этихъ сортовъ голубей; но въ городахъ и столицахъ еще водятся охотники до голубей *чистыхъ* или *гонныхъ*, особенно до турмановъ, гонба которыхъ имѣетъ свою красоту. Быстро носясь кругами въ высоту, стая гонныхъ или чистыхъ голубей то блеститъ на солнцѣ яркой близной, то мелькаетъ темными пятнами, когда залетитъ за облако, застѣвающее стаю отъ солнечныхъ лучей. Турманы имѣютъ особенное свойство: посреди быстрого полета вдругъ свертываютъ свои крылья и падаютъ внизъ, перевертываясь безпрестанно, какъ птица, застрѣленная высоко на лету; кувиркаясь такимъ образомъ, можетъ быть сажень десять, турманъ мгновенно расправляетъ свои легкія крылья и быстро поднимается на ту же высоту, на которой кружится вся стая. Такія продѣлки очень живописны. Всякой посмотритъ нѣсколько минутъ съ удовольствіемъ на эту живую картину; но охотники съ увлеченіемъ смотрятъ на нее по нѣскольку часовъ сряду, не давая садиться усталымъ голубямъ на родимую крышу ихъ голубятни.

Содержаніе не пѣвчихъ птицъ и даже нѣкоторыхъ изъ породъ дичи въ большихъ клеткахъ или садкахъ имѣетъ уже особаго рода прелесть, которая можетъ быть понятна только людямъ, имѣющимъ склонность къ наблюденіямъ надъ живыми твореніями природы: это уже любознательность.

Не смотря на увлеченіе, съ которымъ я всегда предавался разнаго рода охотамъ, склонность къ наблюденію нравовъ птицъ, звѣрей и рыбъ никогда меня не оставляла и даже принуждала иногда, для удовлетворенія любопытства—жертвовать добычею, что для горячаго охотника не шутка.

Воспоминаніе обо всемъ этомъ доставляетъ мнѣ теперь живѣйшее наслажденіе, и подвѣлится моими воспоминаніями съ охотниками всѣхъ родовъ — сдѣлалось моимъ постояннымъ желаніемъ. Можетъ быть, мой примѣръ возбудитъ и въ другихъ такое же желаніе. Сколько есть опытныхъ охотниковъ на Руси, кругъ дѣйствія которыхъ былъ несравненно обширнѣе моего! Сколько любопытныхъ свѣдѣній и наблюденій могли бы сообщить они! Кромѣ того, что изданіе такихъ свѣдѣній и наблюденій составило бы утѣшительное, отрадное чтеніе для охотниковъ, оно было бы полезно для естественныхъ наукъ. Только изъ специальныхъ знаній людей, практически изучившихъ свое дѣло, могутъ быть заимствованы живыя подробности, недоступныя для кабинетнаго ученаго.»

Вънимање лисятъ.

«Во многихъ губерніяхъ нашихъ существовало обыкновеніе, и теперь существуетъ, вынимать или доставать изъ норъ лисятъ, выкармливать ихъ, и когда они выростутъ и выкузьютъ, что бываетъ не ранѣе половины декабря—воспользоваться ихъ шкурками. Лисьи шкурки, въ разныхъ мѣстахъ Россіи, имѣютъ разныя цѣны; въ Оренбургской губерніи оны продавались отъ шести до десяти рублей ассигнаціями, въ то время, о которомъ я пишу, то-есть около 1808-го года; слѣдовательно это было прибыльно, потому что деньги тогда были дороже теперешняго. Но кромѣ выгодъ денежныхъ, добыванье лисятъ полезно, какъ истребленіе хищныхъ звѣрей, которые сильно переводятъ всякую дичь и домашнихъ птицъ. Вотъ какъ производилось это добыванье въ старые годы и вѣроятно также производится теперь: въ іюнь мѣсяцѣ, когда лисята раняго помѣта выростутъ съ обыкновенную кошку, отправляются охотники для отысканія лисьихъ норъ, разумѣется по мѣстамъ болѣе или мевѣ имъ извѣстнымъ, удобнымъ для укрыванія лисы съ лисятами. Такія мѣста бывають по скатамъ горъ и долинамъ, поросшимъ полевыми кустарниками, иногда по крутымъ оврагамъ, покрытымъ мелкими древесными побѣгами, но не льсомъ: по крайней мѣрѣ я не видывалъ, чтобы лиса пометала дѣтей въ настоящемъ льсу; можетъ быть она знаетъ по истинкту, что на открытыхъ мѣстахъ безопаснѣе жить ея дѣтямъ, что приближеніе всякой опасности виднѣе, и что они, въ случаѣ надобности, могутъ ту же минуту спрятаться въ нору. Если охотникъ отправляется на поискъ одинъ, то непременно долженъ взять верховъ, а если охотниковъ двое, то могутъ идти пѣшкомъ. Въ первомъ случаѣ это нужно потому, что лиса, одаренная отъ природы самымъ тонкимъ чутьемъ, не боится только конскаго слѣда и не броситъ своей норы, когда побываетъ на ней человекъ верховъ на лошади; во второмъ случаѣ, необходимо быть двоимъ охотникамъ потому, что, найдя нору съ лисятами, одинъ долженъ остаться для караула, а другой воротиться домой за лопатами, заступами, пѣшкомъ или кошелемъ, за хлѣбомъ для собственной пищи и за какимъ-нибудь платьемъ потеплѣе, для ночнаго времени и дождя, ибо для поимки лисятъ надобно оставаться въ полѣ иногда нѣсколько дней. Если же человекъ пѣшкомъ побываетъ на норѣ и уйдетъ, то лиса, хотя бы на это время была въ отсутствіи, воротясь, услышитъ чутьемъ слѣды недобраго гостя и непременно уведетъ лисятъ въ другое скрытое мѣсто, сначала

не подалеку отъ перваго, какъ будто для того, чтобъ удостовѣриться: случайно ли заходилъ человѣкъ на ея нору, или съ недобрымъ умысломъ? Какъ скоро въ тотъ же, или на другой день, опять появится человѣкъ на норѣ — лиса уводитъ лѣтей дальше; если же, напротивъ, никто не приходитъ — лиса возвращается съ своими лисятами и поселяется по прежнему въ своей норѣ. Лиса рѣдко вырываетъ нору сама въ такихъ мѣстахъ, гдѣ есть норы сурочья или барсучья; собственная нора лисы всегда очень не глубока, коротка и довольно широка: двоимъ работникамъ не трудно разрыть ее въ одинъ день и переловить лисятъ; барсучья нора — почти тоже; но совсѣмъ другая исторія съ норами сурочьями. Сурки живутъ семьями, штукъ по пяти и болѣе. Чѣмъ многочисленнѣе семейство и чѣмъ больше живетъ на одномъ мѣстѣ, тѣмъ больше норъ и поднорковъ (то-есть: заднихъ выходовъ, употребляемыхъ только въ случаѣ особенной надобности), тѣмъ глубже и обширнѣе ихъ подземельные закоулки, и тѣмъ выше и шире становится сурчина или бугоръ земли, выгребаемой изъ норъ при ихъ копаньи и ежегодной расчисткѣ. Разрыть такую сурчину, со всеми ея подземными помѣщеніями — тяжкая работа, требующая много времени и рукъ. Послѣ разныхъ опытовъ, охотники придумали способъ, какъ доставать лисятъ, не разрывая норы, о чемъ я скажу въ своемъ мѣстѣ. Нѣкоторые охотники утверждаютъ, что лиса предварительно истребляетъ семейство сурковъ и потомъ занимаетъ ихъ нору; можетъ быть это и случается, за неизвѣстнымъ норъ пустыхъ, старыхъ, брошенныхъ сурками; но я всегда находилъ лисятъ въ старыхъ сурочьихъ норахъ, очевидно расчищенныхъ *нѣсколько*, а не *вполнѣ* уже самою лисою, которой не нужно много мѣста для временнаго помѣщенія. Безъ сомнѣнія лисѣ не трудно сладить съ суркомъ, но трудно его поймать: онъ вѣчно сидитъ надъ самой норой и при всякомъ шорохѣ прячется въ нее, а нора бываетъ очень длинна, глубока и мѣстами узка, такъ что лисѣ тѣсно лазить для преслѣдованія сурка и даже не пролѣзть безъ расчистки, по всемъ ея закоулкамъ. Впрочемъ, я не считаю невозможнымъ, что лиса, замышляя временное помѣщеніе будущему семейству, въ продолженіе весны, переловить сурковъ, подстергши ихъ поодиночкѣ при выходѣ изъ норы. Барсучью нору можетъ занять лиса, разумѣется, только брошенную хозяиномъ, потому-что барсукъ злобенъ и ей не сладить съ нимъ. Нору, въ которой живетъ лиса съ лисятами, узнать не трудно всякому, сколько-нибудь опытному охотнику: лазъ въ нее углаженъ и на его бокахъ всегда есть волосы и пухъ

отъ влезанья и вылезанья лисы; если лисята уже на возрастъ, не любятъ сидѣть въ подземельѣ, а потому мѣсто кругомъ норы утолчено и даже видны лежки и тропинки, по которымъ отбѣгаютъ лисята на нѣкоторое разстояніе отъ норы; около нея валяются кости и перья, остающіяся отъ птицъ и звѣрковъ, которыхъ приносить мать на пищу своимъ дѣтямъ, и наконецъ, самый вѣрный признакъ—слышенъ сильный и противный запахъ, который всякій почувствуетъ, наклонясь къ отверстію норы. Лиса по необходимости должна безпрестанно отлучаться отъ дѣтей, когда перестанетъ кормить ихъ своимъ молокомъ. Ей нужно не только самой питаться, но и доставать пищу лисятамъ, а потому она въ норѣ почти не живетъ: принесетъ какого-нибудь звѣрка или притащить ивовую часть падали (*), которую волочить по землѣ, не имѣя силы нести во рту, и, отдавъ дѣтямъ, снова отправляется на добычу. Многіе охотники своими глазами наблюдали такія явленія. Въ эту трудную пору, лиса бываетъ такъ худа, какъ скелетъ, кожа на ней виситъ и шерсть вся въ клочьяхъ. По большой части лиса приноситъ дѣтямъ зайцевъ и зайчатъ, тетеревиатъ и тетеревиныхъ матокъ: видя эту дичь ей легче доставать; впрочемъ таскаетъ тушканчиковъ (**), сусликовъ и даже молодыхъ сурковъ, куръ, гусей, утокъ и всякихъ другихъ дворовыхъ и дикихъ птицъ безъ исключенія.

Удостоверясь по выше сказаннымъ мною признакамъ, что лисята точно находятся въ норѣ, охотники съ того начинаютъ, что оставя одинъ главный выходъ, всѣ другія норы и поднорки забиваютъ землей и заколачиваютъ деревомъ наглухо: главную нору осупавъ ея направленіе палкой на сажень отъ выхода, пробиваютъ сверху четверугольной шахтой (ямой, называемый «подъямокъ») дно которой должно быть глубже норы, по крайней мѣрѣ на двѣ аршина; четырехъ-угольные стѣнки этой шахты, имѣющей въ квадратномъ поперечникѣ около полутора аршина, должны быть совер-

(*) Около норы часто находятъ кости бараньи, телячьи и даже кости коровы и лошадей.

(**) Тушканчикъ—земляной зайчикъ, величиною вчетверо меньше обыкновеннаго зайца. Сидя на заднихъ лапкахъ у своей норы, по зарямъ утреннимъ, вечернимъ и даже ночью, онъ громко свищетъ. Этотъ свистъ далеко бываетъ слышенъ въ тихомъ воздухѣ. Зимой онъ проводитъ въ норѣ, вѣтропатъ въ такомъ же снѣгѣ или оцѣпенѣніи, какъ и сурокъ, вмѣстѣ съ которымъ появляется весною. Я пробовалъ держать тушканчиковъ въ клеткахъ ящикахъ съ прорѣзными отверстіями, но они не ѣли травы, имъ въ изобиліи предлагаемой, и скоро умирали.

шенно отвѣсны и даже кънизу нѣсколько просторнѣе, чѣмъ къверху, для того, чтобы лисята, попавъ въ этотъ колодезь или западню, никакъ не могли выскочить. Пересвѣченную шактою нору соединяють мостикомъ изъ тоненькихъ прутьиковъ или сухихъ ба-стылинь, закрывъ ихъ мелкою травою и засыпавъ леговыю землей; верхъ ямы закрываютъ плотно прутьями и травою, чтобы свѣтъ не проходилъ. Когда выгоняемый голодомъ и вызываемый завываньемъ и лаемъ матери, лисенокъ ступитъ на этотъ мостикъ, считая его продолженіемъ дна норы, то сейчасъ провалится — и выскочитъ изъ подъямка уже никакъ не можетъ; онъ начинаетъ сильно визжать и скучать, такъ что охотникъ услышитъ и вынетъ его, а мостикъ поправитъ и опять насторожитъ: черезъ нѣсколько времени попадетъ другой, и такимъ образомъ переловятъ всѣхъ лисятъ, которыхъ бываетъ до девяти. Если они уже велики, то иногда приходится вымаривать ихъ съ недвлю. Въ продолженіи этой ловли, или, вѣрнѣе сказать, подстерганья лисятъ, охотники наблюдаютъ большую осторожность; ночью всегда остаются двое и попеременно не спятъ: ночью лиса бываетъ такъ смѣла, что подходитъ на нѣсколько сажень къ человеку, особенно когда услышитъ голосъ попавшагося въ западню лисенка, и, если караульный заснетъ, она отроетъ который-нибудь изъ поднорковъ и уведетъ лисятъ, что случилось не одинъ разъ и въ мое время съ сонливыми караульщиками. Многіе охотники говорятъ, что при лисятахъ бываютъ отецъ и мать, то-есть самецъ и самка. Мнѣ сказывали даже, что одинъ глупый охотникъ застрѣлилъ близко подошедшую лису (шкура ея, въ это время года, никуда не годится), и что это былъ самецъ; но я сомнѣваюсь въ вѣрности разсказа, судя по ихъ *течкѣ*, сходной съ течкою собакъ, у которыхъ, какъ всемъ извѣстно, отцы не имѣютъ ни малѣйшаго чувства къ дѣтямъ, никогда ихъ не знаютъ и вообще терпѣть не могутъ маленькихъ щенятъ и готовы задавить ихъ.

Пойманныхъ лисятъ сажаютъ въ лисятникъ (варочно для того построенную амбар, шку), съ крѣпкимъ поломъ, потолкомъ и толстою дверью: въ противномъ случаѣ лисята какъ разъ прогрызутъ отверстіе и всѣ уйдутъ. Кормятъ ихъ всякимъ мясомъ, даже дохлой скотиной, хлѣбомъ, творогомъ, а за неимѣніемъ всего этого — овсянкой, какъ борзыхъ собакъ.

Я помню, когда былъ еще ребенкомъ, что насъ одолевали грачи, переселившися изъ соседней рѣчной уремы въ садомыя

березовыя роши, и губившіе ихъ безжалостно; чтобы отогнать эту докучливую птицу, всякій день разоряли гнззда грачей и приносили по нѣскольку десятковъ грачатъ, которыхъ отдавали лисятамъ; это было лакомство для нихъ и они съ жадностью съѣдали, каждый лисенокъ — по пяти и болѣе грачатъ. Помню также, что по множеству ловимой рыбы, бросали лисятамъ мелкую плотву и щурадь, и что они кушали съ большимъ аппетитомъ.

Въ одномъ осьми-аршинномъ лисятникѣ, болѣе десяти или двѣнадцати лисятъ держать не годится: когда сдѣлается холодно, они начнутъ жаться въ кучу, отъ чего нижнимъ и среднимъ бываетъ такъ жарко, что шерсть на нихъ подопрѣваетъ. Не смотря на видимую дружбу во время холода, лисята бываютъ очень не дружны и злобны между собой: жестоко грызутся за кормъ и, въ случаѣ голода, пожираютъ другъ друга. Лисятникъ надобно содержать въ чистотѣ и сухости, если охотникъ хочетъ получить хорошія шкуры: лѣтомъ и осенью ежедневно чистить и усыпать полъ пескомъ, а когда выпадетъ снѣгъ, то всякій день накидывать снѣгаго снѣга, о который они трутся и лучше выцвѣтаютъ, или выкуниваютъ. Сытые лисята очень живы и рѣзвы; они любятъ играть и прыгать по лавкамъ, которыя нарочно для того устраиваютъ въ лисятникѣ; они весьма похожи на щенятъ — выборзковъ, только въ первомъ своемъ возрастѣ, покуда не сложились, покуда не распушились ихъ хвосты и покуда безцвѣтные, молочные, какъ называютъ охотники, глаза ихъ не загорѣлись тѣмъ фосфорическимъ блескомъ, отъ котораго свѣтятся они въ темную ночь и во всякомъ темномъ мѣстѣ. Не охотникъ, не видавши лисятъ прежде, съ перваго взгляда не различитъ лисенка отъ обыкновеннаго щенка — выборзка; но всмотрѣвшись пристально, по выраженію даже молочныхъ глазъ, можно узнать, что это дикій и въ тоже время хищный звѣрь.

При одиночномъ воспитаніи лисенка, постоянно между людьми и домашними животными, дикость его постоянно уменьшается и онъ можетъ сдѣлаться совершенно ручнымъ; но это требуетъ безпрестанныхъ заботъ и попеченій, чтобы лисенокъ не ушелъ сначала, покуда еще не привыкъ; притомъ его не должно кормить мясною пищею и особенно сырымъ мясомъ. Многіе охотники утверждаютъ, что лису можно перевоспитать и совершенно обратить въ дворную собаку. Я не дѣлалъ такихъ опытовъ, но слыхалъ о нихъ отъ людей достовѣрныхъ. Въ этомъ даже нельзя сомнѣваться: всѣмъ

известно, что знаменитый Бюфонъ воспиталъ двухъ лисъ, которыя ходили подъ ружьемъ, какъ легавыя собаки.

Я очень любилъ разсматривать и наблюдать лисятъ въ узкія и длинныя отверстія лисятника (какія дѣлаютъ въ конюшняхъ), которыя нарочно вырубаются высоко отъ пола, для свободнаго протока воздуха, безъ чего въ лисятникѣ, лѣтомъ, было бы очень жарко и душно. Когда лисята сыты, они играютъ между собой, точно какъ щенята: прыгаютъ, гоняются другъ за другомъ, прячутся по угламъ и подъ лавками, притворяются спящими, и вдругъ бросаются на того, который нечаянно подходитъ къ нимъ; подкрадываются одинъ къ другому ползкомъ и соединяютъ въ своихъ приемахъ и ухваткахъ, вмѣстѣ съ собачьимъ, что-то кошачье. Если лисята голодны, то ссорятся и грызутся безпрестанно; если кормъ получать только нѣкоторые, то всѣ остальные бросаются отнимать; если каждому лисенку даво по куску хлѣба, мяса, или по птицѣ, то всѣ разбѣгутся въ разныя стороны, и который съѣстъ проворнѣе свою добычу, тотъ кинется отбивать у другаго, не довшаго своего участка. Когда кормъ дается общій, въ корытѣ, то по неволѣ вѣять вмѣстѣ, но безпрестанно огрызаясь другъ на друга. Лисята очень прожорливы и трудно ихъ накормить до отвала; до живыхъ птицъ весьма лакомы, и прежде чѣмъ начать ѣсть, перегрызаютъ имъ крылья, а потомъ шею, что дѣлаютъ даже и съ мертвыми птицами; очевидное доказательство слѣпаго инстинкта, который не умѣетъ различать живыхъ птицъ отъ мертвыхъ, и употребляетъ ненужную предосторожность.

Будучи въ ребячествѣ безотчетно страстнымъ охотникомъ до всякой ловли, я считалъ, бывало, большимъ праздникомъ, когда отпускали меня на лисьи норы; я много разъ ночевывалъ тамъ, и часто не спалъ до восхода солнца, замѣняя караульщика. Тутъ я наслушался, какими разными голосами, похожими на сиплый лай и завыванье собакъ, манить лиса своихъ лисятъ, и какъ они, въ отвѣтъ ей, также скучать и слегка взлаиваютъ. Лиса безпрестанно бѣгаетъ кругомъ норы и пробуетъ манить дѣтей, то громко, то тихо. Какъ скоро взойдетъ солнце, она удаляется. Должно признаться, что ни малѣйшее чувство жалости не входило мнѣ тогда ни въ сердце, ни въ голову. Впрочемъ это всегда такъ бываетъ: мальчикъ-охотникъ существо самое безжалостное въ отношеніи къ звѣрямъ и птицамъ. Оставя въ сторонѣ охоту, уже непонятную въ зрѣломъ возрастѣ, я не могу однако вспоминать безъ живаго удовольствія, какъ хороши были этѣ ночевки, въ полѣ, послѣ жаркаго

*

дня, въ прохладномъ ночномъ воздухѣ, напоенномъ ароматами горныхъ, степныхъ травъ, при звучномъ боѣ перепеловъ, крикахъ коростелей и посвистываньяхъ тушканчиковъ и сурковъ. Какъ сладко дремалось передъ солнечнымъ восходомъ, и потомъ, какъ крѣпко спалось подъ кожѣномъ, или ергакомъ, короткой швѣз которого серебрился утренней росой!...»

Содержаніе книги слѣдующее: 1. Къ читателямъ. — 2. Вступленіе.—3. Полая вода и ловля рыбы въ водополе.—4. Охота съ ястребомъ за перепелками.—5. Прилетъ дичи и нѣкоторыхъ другихъ птицъ въ Оренбургской губерніи.—6. Ловля шатромъ тетеревовъ и куропатокъ. — 7. Выниманье лисятъ. — 8. Охота съ острогою.—9. Ловля мелкихъ звѣрковъ.—10. Капканный промыселъ.—11. Гоньба лисъ и волковъ въ Оренбургской губерніи. — 12. О соловьяхъ, И. С. Тургенева. — Смѣсь: 1. Нѣсколько словъ о суевѣрїяхъ и примѣтахъ охотниковъ. — 2. Счастливый случай. — 3. Странные случаи на охотѣ.—4. Самый необыкновенный случай.

Отечественныя Записки. 1855 годъ. NN 1, 2, 3
Январь, Февраль, Мартъ.

Три первыя книжки Отеч. Записокъ нынѣшняго года особенно обильны стихотвореніями. Одинъ Н. Ѳ. Щербина помѣстилъ въ январской книжкѣ 11-ть стихотвореній, подъ общимъ заглавіемъ «Пѣсень о природѣ.» Такое количество стихотвореній, связанныхъ одною общею идеею, даетъ прекрасный поводъ критикъ, не отдѣлываясь, по принятому у насъ обыкновению, легкими замѣтками, остановить свое вниманіе на сущности поэтическаго направленія г. Щербины, и вообще на значеніи его, какъ поэта. Пользуемся этимъ случаемъ, чтобы сообщить и поэту и публикѣ наши посылныя объ этомъ предметѣ соображенія.

Первыя стихотворенія Н. Ѳ. Щербины, вышедшія особою книжкою въ Одессѣ, были встрѣчены общимъ сочувствіемъ и публики и критиковъ. Всѣхъ поразила тогда мало знакомая намъ, жителямъ сѣвера, южная страстность этихъ стихотвореній, пѣвучесть и блескъ стиха, лоякая поддѣлка подъ наивное поклоненіе древняго Грека чувственной любви и физической красоты, — однимъ словомъ, въ «Греческихъ стихотвореніяхъ» г-на Щербины всеми замѣчена была оригинальность и сила, качества, встрѣчающіяся не часто между стихотворцами. За тѣмъ г. Щербина сталъ писать довольно часто и много, все въ томъ же греческомъ духъ. Знатоки, правда, замѣчали и въ «Греческихъ стихотвореніяхъ» нѣкоторое однообразіе и какъ бы неусуственность содержанія, но охотно простили этотъ недостатокъ за нѣсколько по истинѣ прекрасныхъ стихотвореній. Когда же появилось много новыхъ произведеній г. Щербины, написанныхъ въ томъ же тонѣ, но слабѣйшихъ по языку и вообще исполненію, число недовольныхъ направленіемъ поэзіи г. Щербины весьма усилилось. Многимъ показалось весьма страннымъ стремленіе человека новаго времени глядѣть постоянно на жизнь и природу лишь съ отжившей уже античной точки-зрѣнія, какъ будто отно-

шенія новаго челоуька ко всему его окружающему не представляли достаточнаго повода къ поэтическому вдохновенію. Чтобы нѣсколько расширить кругъ своего міросозерцанія, г. Щербина прибѣгнулъ къ новому способу. Различныя, уже отжившія или и теперь еще коегдѣ живущія философскія воззрѣнія, въ родѣ того, какое выбрано поэтому для эпитафиа къ своимъ «Пѣснямъ о природѣ», стали онъ облекать въ поэтическую форму, и звучными стихами, часто въ довольно удачныхъ поэтическихъ оборотахъ, стали воспѣвать какое-то восторженное поклоненіе природѣ. Но буда, если поэтъ оставитъ совсѣмъ единственный всегда вѣрный источникъ вдохновенія — свое сердце и непосредственное чувство, и станетъ въ философскомъ мышленіи искать направленія и задачъ для своей поэтической дѣятельности! Каждая философская система, давшая ему мысль для стихотворенія, возьметъ ее у поэта назадъ передъ безпристрастнымъ судомъ потомства, и съ чѣмъ же предстанетъ самъ поэтъ этому строгому суду? Съ звучными стихами безъ самостоятельнаго содержанія, съ мастерствомъ поэтическихъ приѣмовъ, потраченныхъ для цѣли, чуждой поэзіи, наконецъ съ совершенно закрытою собственною личностію, которою мы особенно дорожимъ въ лирическихъ поэтахъ! Разовьемъ подробно нашу мысль.

Недавно возникло въ нашей журналистикѣ сомнѣніе въ пользѣ поэзіи, покрайней мѣрѣ въ томъ смыслѣ, въ какомъ понималась она обыкновенно. Мы тогда же указали охотнику до сомнѣній на нѣкоторыя истинно полезныя стороны поэзіи и между прочимъ на высокую задачу лирической поэзіи — возстановлять и укрѣплять въ насъ норму чувствованій. Но при какихъ условіяхъ достигается эта высокая цѣль? Тогда, какъ поэтъ откровенно, благородно и въ поэтической формѣ раскрываетъ предъ нами внутреннюю жизнь души своей, съ ея завѣтными помыслами, съ ея дѣйствительными страстями и волненіями, съ ея живыми страданіями и радостями, однимъ словомъ, изливаетъ въ поэзіи свою душу, на сколько, разумется, личныя достоинства ея годны для поэтическаго выраженія. Тогда сочиненія поэта становятся для насъ поэтическимъ отраженіемъ его личности, изъ которой черпаютъ силу, правду и искренность, а вмѣстѣ поэтическимъ зеркаломъ живыхъ, общихъ всѣмъ, челоуьческихъ ощущеній, — всегда представляющихъ высокой интересъ для челоуька мыслящаго и чувствующаго. — Количествомъ этихъ задушевныхъ словъ, завѣщанныхъ міру поэтомъ, съ другой стороны количествомъ воспѣтыхъ имъ общечелоуьческихъ, нормальныхъ,

вѣчно живущихъ въ сердцѣ человѣческомъ ощущеній, и опредѣляется степень значенія поэта. По этому-то у всѣхъ истинно великихъ лирическихъ поэтовъ, философскія созерцанія, поддвки подь иной вѣкъ и инныя понятія, и тому подобныя специальности, встрѣчаются лишь какъ одна изъ сторонъ ихъ многообъемлющей дѣятельности, но никакъ не составляютъ задачу всей поэзіи. Г. Щербина, по исключительному ли роду своего таланта (чего мы не хотимъ допустить, ибо тогда талантъ его былъ бы очень ограниченъ), или по прихоти и стремленію къ оригинальности, держится исключительно разь выбраннаго имъ тона. Чтѣ изъ этого выходитъ—можно видѣть по напечатаннымъ теперь «Пѣснямъ о природѣ». Какъ человекъ даровитый и при томъ много пишущій, онъ, безъ сомнѣнія, совершенствуется въ стихъ, который постоянно звученъ и живописенъ, хотя по временамъ и изысканъ; онъ успѣлъ усвоить себѣ и постоянно изобрѣтаетъ вновь многіе ловкіе поэтическіе приемы; онъ тѣшитъ постоянно нашъ слухъ, часто зрѣніе, по временамъ удовлетворяетъ поэтическому чувству; но онъ уже не говоритъ намъ ничего новаго, святаго, глубоко проникающаго въ душу, такъ что по временамъ кажется, будто онъ не пѣвецъ по вдохновенію, а просто искусный и блестящій сочинитель стиховъ.

Отсюда то недовкое чувство, которое мы испытывали и прежде при чтеніи стихотвореній г. Щербины, и на которое иногда даже досадовали на себя. Читаешь какое-либо новое произведеніе г. Щербины, и, повидимому, встрѣчаешь всѣ признаки истинной поэзіи, покрайней мѣрѣ находишь и мысль хорошею, и выраженіе живописнымъ, иногда же невольно любуешься какимъ-либо ловкимъ оборотомъ, но при всемъ этомъ остаешься совершенно холоднымъ, какъ будто слушаешь хорошій разсказъ человека о чемъ-либо постороннемъ. Таковы, по нашему мнѣнію, главнѣйшіе недостатки направленія г. Щербины, о которыхъ мы говоримъ ему уже не въ первый разъ, въ искреннемъ желаніи пользы ему и литературѣ. О другихъ недостаткахъ, какъ напр. о частой выставкѣ на видъ своего я, и тому подобномъ, онъ уже слышалъ много замѣчаній отъ нашихъ критиковъ.

Все, чтѣ было сказано нами вообще, прилагается и къ напечатаннымъ теперь «Пѣснямъ о природѣ». Нѣтъ почти ни одной изъ этихъ пѣсень, которая не представляла бы дѣйствительныхъ поэтическихъ достоинствъ: тамъ граціозно сравненіе, тамъ очень живая и яркая, хотя и побочная картина и т. д., но въ цѣломъ онъ оставляютъ мало впечатлѣнія, исключая «Дѣвушки у Харона» (новогече-

ской пѣсни), которая, впрочемъ, переводъ ли она или собственное сочиненіе г. Щербины, не знаемъ почему попала въ «Пѣсни о природѣ». Мастерской стихъ поэта удивительно какъ пригодился для прекрасной мысли и формы этого стихотворенія. Мы даже позволимъ себѣ выписать его здѣсь все, чтобы сгладить хоть чѣмъ-нибудь нѣсколько печальныя разсужденія наши о направленіи дѣятельности г. Щербины.

ДѢВУШКА У ХАРОНА.

НОВОГРЕЧЕСКАЯ ПѢСНЯ.

(Посвящается графинѣ Настасьѣ Ивановнѣ Толстой).

— Хорошо вамъ, горы, счастье вамъ, долины:
 Вы себѣ живете безъ тоски-кручины!
 Вѣчно вы цвѣтѣте, нѣтъ для васъ Харона!...
 Какъ и вы, цвѣла я, роза Кибирона,
 Любовалась также утренней зарёю,
 А меня скосила смерть своей косою...
 Безъ меня на свѣтъ все живеть и дышетъ,
 И меня не знаетъ, и меня не слышитъ!
 Тамъ зазеленѣло Божіей весною.
 И луга запахли молодой травой,
 Ярко запестрѣли всѣ поля цвѣтами.
 И холмы покрылись бѣлыми стадами;
 Въ густотѣ дубровы, солнцемъ непалимый,
 Паликаръ гуляетъ съ дѣвушкой любимой,
 И, цалуя жадно ей уста и плечи,
 Говорить онъ милой золотыя рѣчи,
 Мать красивой дочкѣ расточаетъ ласки,
 Бабушка-старушка сказываетъ сказки...
 О, когда бы можно, вѣчно бы жила я,
 Какъ ребенокъ съ куклой съ жизнью игралъ.
 Еслибъ наши клефты въ адъ сюда попали,
 Верно бъ и съ Харономъ въ битвѣ совадали;
 Жалобною рѣчью я-бъ ихъ ублажила,
 И, ласкаясь къ храбримъ, такъ бы говорила:

«Я въ жилищѣ смерти выплакала очи,
 Въ холодѣ могильномъ, средѣ подземной ночи.
 Здѣсь темно и тѣсно... Зрѣнье просить свѣта,
 Сердце просить ласки, а душа — привѣта...
 Клефты-паликары! убогу я съ вами
 Въ край, гдѣ льется воздухъ свѣтлыми струями,
 Гдѣ раздолье жизни, гдѣ толпятся люди,
 Гдѣ любить приволье лебединой груди;
 Я хочу утѣшить мать мою въ печали,
 Я хочу, чтобъ сестри слѣзъ не проливали,

Чтобъ не горевали неутвшно братья,
И свою Зонцу приняли бъ въ объятья....»

— Не крушись, Зонца, по роднымъ напрасно:
Имъ живетъ сладко, весело и ясно!...
На землѣ, подруга, все тебя забыло!
(Такъ, вошедши, Деспа къ ней заговорила).
Отъ людей къ Харону нынче отошла я,
И тебя лишь годомъ дольше прожила я...
Видѣлась недавно я съ твоей роднёю:
Всѣ они довольны, счастливы судьбою...
Братья.... да и сёстры, позабывъ печали,
У сосѣда Ламбро на пиру плясали,
Бабушка болтала подъ окномъ съ кумою,
И своей хвалилась давней старинюю;
Мать всё хлопотала о невестѣ сыну:
О тебѣ жь, бѣдняжка, не было помину!

Но занявшись современнымъ поэтомъ, мы сдѣлали даже оплошность, не упомянувъ прежде всего о «двухъ неизданныхъ стихотвореніяхъ В. А. Жуковскаго, которыя оба написаны, по случаю, къ Аннѣ Григорьевнѣ Х...й. Эти два стихотворенія, любопытныя конечно, какъ все, что касается славнаго, уже почившаго поэта, не представляютъ однако ничего замѣчательнаго сами по себѣ. На этомъ новомъ поприщѣ ловкихъ посланій къ дамамъ, по поводу неотправленной матеріи или присланнаго ему комплимента, нашъ славный поэтъ едва ли выдержитъ соперничество съ какимъ-нибудь ловкимъ на мадригалы французомъ.

Г. Фетъ помѣстилъ въ вышедшихъ до сихъ поръ трехъ книжкахъ Отеч. Записокъ два стихотворенія: 1) *Nocturno* и 2) *Амимона*. Форма перваго такъ отрывочна и капризна, что мысль почти не въ состояніи уловить его содержаніе; второе также очень неудачно. Это просто переводъ на стихотворный языкъ преданія объ Амимонѣ, одной изъ пятидесяти дочерей Данаевыхъ. Подобнымъ образомъ можно, по нашему мнѣнію, переложить безъ большаго труда въ стихи всю греческую мнѣологію.

Г. Полоискій напечаталъ въ февральской книжкѣ Отеч. Зап. 4 стихотворенія. Въ первомъ изъ нихъ «Въ глуши» понравился намъ слѣдующій чисто русскій оборотъ:

И зачѣмъ та рѣка широко разлилась?
Оттого-ль разлилась, что весна началась

Объ остальныхъ сказать особенно нечего. Здѣсь же напечатанное стихотвореніе Гербея «Просторъ» было бы не дурно, если бы не

было подражаніемъ извѣстному стихотворенію Пушкина: «Сквозь волнистые туманы», какъ это уже было справедливо замѣчено однимъ изъ нашихъ журналовъ. Для полноты счета слѣдуетъ еще упомянуть о четырехъ стихотвореніяхъ *В. Салоницына* въ мартовской книжкѣ. Кромѣ этихъ *двадцати двухъ* лирическихъ стихотвореній, охотники до поэмъ могутъ прочесть во 2-й книжкѣ Отеч. Зап. первую главу изъ поэмы *А. М. Жемчужникова* «Мой знакомый». Укажемъ на нѣкоторыя особенно неприятно поразившія насъ мѣста въ поэмѣ. Для образчика выпишемъ цѣлую 13 строфу.

Что гений?... Я въ умъ люблю граници.
 По мнѣ десятокъ дюжинныхъ головъ
 Полезнѣй гениальной единицы,
Какъ намъ дѣйствительность полезнѣй сномъ
И былъ дѣльнѣе всякой небылицы.
 Мнѣ родъ людской виднѣй въ умахъ простыхъ.
 Они творять безъ блеска и безъ шуму
 И думаютъ доступную намъ думу.
 Повсюду сумма личностей такихъ,
 Когда вы среднія возьмете числа,
 Маршало вѣрное общественнаго смисла.

Во-первыхъ, кому нужно знать — любить ли г. Жемчужниковъ гениевъ или нѣтъ, и можно ли толковать о генияхъ по своему личному вкусу, какъ о какомъ-нибудь соусѣ къ цвѣтной капустѣ. Во-вторыхъ, какъ хорошо сравненіе гениа съ *небылицей* и *сномъ*! Въ-третьихъ, какая сухая проза слышится въ трехъ послѣднихъ стихахъ.—Въ главѣ 27 показалась намъ странною и забавною выходка противъ какихъ-то *Русаковъ*, «русскимъ языкомъ не пишущихъ по-русски». Пушкинъ могъ сказать съ небрежностью и насмѣшкой, намекая на бездарныхъ современныхъ ему критиковъ, не понимавшихъ истинно русской рѣчи нашего великаго поэта:

Бывало, что ни напишу,
 Все для привыкы не *Русью* пахнетъ.

Но на какихъ *Русаковъ* обижается г. Жемчужниковъ, мы право не понимаемъ. Точно также не знаемъ мы, кому грозитъ г. Жемчужниковъ въ послѣдней, 29-й главѣ, своею лѣнью, которая, можетъ быть, надолго лишитъ публику наслажденія слѣдующими главами его поэмы.

Раздѣлавшись съ стихотвореніями, перейдемъ къ изящной прозѣ или къ беллетристикѣ, какъ до сихъ поръ упорно продолжаютъ называть многіе этотъ отдѣлъ литературы. Счетомъ здѣсь опять

весьма много пьесъ, а именно одинъ разсказъ и четыре повѣсти; но особенно хорошаго или дурнаго сказать ни объ одной изъ нихъ нельзя. Лучшая изъ повѣстей по бойкости и ловкости разсказа, и по простотѣ содержанія принадлежитъ г. Дружинину, и называется «Пашенька». О содержаніи ея читатель уже, конечно, знаетъ изъ отзывовъ другихъ журналовъ. Недурна также повѣсть г-жи *Ольги Н**, хотя содержаніе ея какъ-то неопредѣленно, и мысль повѣсти не пробивается ярко изъ всѣхъ происшествій, разсказанныхъ въ ней авторомъ. Для избѣжанія впредь этого недостатка, мы бы совѣтовали автору не удовлетворяться для сочиненія повѣсти тѣмъ, что воображенію его представились живо нѣкоторые типы и довольно опредѣлительно очертились естественныя отношенія между выведенными лицами; но безостановочно до самаго конца созданія не упускать изъ виду вопросъ: что такое и зачѣмъ хочеть разсказать онъ. Подобный совѣтъ мы уже давали однажды начинавшей писательницѣ, и готовы всегда повторять его, ибо только при такомъ строгомъ и постоянномъ отчетѣ въ цѣли и задачахъ своей дѣятельности можетъ достигнуть писатель до всегдашней опредѣленности и ясности содержанія и постоянно зрѣлой и живой мысли въ своихъ произведеніяхъ. Въ обыкновенной бесѣдѣ нѣтъ ни одного человека, который рѣшился бы разсказать что-нибудь обществу, безъ опредѣленнаго и яснаго повода разсказать именно это, а не что-нибудь другое. Поводъ этотъ заключается обыкновенно въ общемъ теченіи разговора, въ собственномъ взглядѣ разскащика на вещи, который оправдывается его разсказомъ, или въ чемъ-либо подобномъ; писатель находится въ нѣсколько подобныхъ отношеніяхъ къ обществу, въ которомъ живетъ—въ современной ему жизни всегда есть вопросы, о которыхъ, такъ сказать, идетъ рѣчь; у него самаго есть или должны быть задушевныя стремленія, вынесенныя изъ его собственной жизни и которыя бы онъ желалъ внести въ общественный оборотъ. Знакомый съ общимъ теченіемъ идей, съ общими интересами, богатый собственной опытностью и горячими, изъ жизни вынесенными, убѣжденіями, онъ всегда будетъ приятнымъ собесѣдникомъ въ той обширной бесѣдѣ, которая ведется постоянно между писателями и образованной публикой; но требованія отъ него въ этомъ случаѣ гораздо строже, чѣмъ отъ разскащика, хотя бы и умнаго, въ простой бесѣдѣ. Вопросы, затронутые въ разговорѣ, помнятся живо всѣмъ обществомъ, такъ что одного намека достаточно для уразумѣнія цѣли разскащика, который при томъ имѣеть еще возможность дополнить по мѣрѣ обнаруженія надобности свой

рассказъ, пояснить его по указаніямъ и возраженіямъ собесѣдниковъ, однимъ словомъ—исчерпать побочными средствами идею своего разсказа. Всѣхъ этихъ преимуществъ лишень писатель, являющійся печатно на общественный судъ. Идея его повѣсти, цѣль разсказа, всѣ отношенія лицъ, по скольку они выражаютъ эту идею, должны быть ясны и отчетливы, иначе читатель не припомнитъ намъ не заинтересуется тѣми мыслями, къ которымъ онъ не приготовленъ, какъ въ разговоръ, но которыя застаютъ его врасплохъ; не приметъ никакого участія въ лицахъ и ходѣ разсказа, не сознавая ясно, куда ведутъ его; однимъ словомъ, останется недоволенъ повѣстью, которая, однако, стоила автору многихъ соображеній, на которую потрачено много сердечныхъ движеній, и въ которой отрывочно разбросано много горячихъ убѣжденій.

Вотъ нашъ искренній советъ г-жѣ Ольгѣ Н.*, въ замѣнъ нѣсколькихъ комплиментовъ, которые мы могли бы сдѣлать ея новой повѣсти, и отъ которыхъ воздержимся теперь.

Повѣсть *М. В. Авдѣева* — «Порядочный человекъ» съ весьма удачнымъ эпиграфомъ — «Порядочный человекъ, по-французски *суп honnête comme il faut*» (изъ фельетона *Ө. Б.*), написана, по обыкновенію г. Авдѣева, довольно ловко; но во все время чтенія ея мы испытывали примѣсь какого-то неприятнаго чувства, которое исчезло совершенно только въ концѣ повѣсти, когда ясно, хотя и нѣсколько побочно, высказалась мысль автора. Двѣ вещи особенно волновали насъ при чтеніи—это какая-то печоринская безжалостность автора къ всѣмъ встречнымъ, мимоходомъ являющимся въ повѣсти лицамъ, надъ которыми безпошадно издѣвается г. Авдѣевъ, точно радуясь возможности безнаказанно глумиться надъ имъ же самимъ вымышленными лицами. Описываетъ ли онъ гуляющихъ на водахъ, для каждаго у него готова насмѣшка и какая-либо каррикатурная черта. Такъ обыкновенно издѣваются надъ бѣдными провинциалами затѣжкіе изъ Петербурга. Но эта дурная манера, еще переносимая въ жизни, въ литературѣ рѣшительно никуда не годится. Рассказъ автора, конечно, цѣвится и дѣлается, какъ многіе выражаются, пикантнымъ отъ этихъ постоянныхъ злыхъ замѣтокъ; но это вѣдь посторонняя примѣсь въ поэзіи, которою не обманешь людей знающихъ. Второе, что оскорбляло насъ въ теченіе разсказа, это какое-то своевольное желаніе г. Авдѣева выставить вещи не совсѣмъ въ томъ видѣ, какъ того требуетъ строгая нравственность и правда, и какъ понимаетъ ихъ, конечно, самъ г. Авдѣевъ. «Порядочный человекъ» его есть, безъ сомнѣнія, мерзавецъ, какъ это очень хорошо

известно автору; зачѣмъ же ломаться и на цѣлыхъ страницахъ стараться оправдать своего героя, представить его отвратительныя свойства какъ бы общими, неизбежными слабостями и т. д. За исключеніемъ указанныхъ недостатковъ, повесть г. Авдеева написана хорошо, сочувствію читателей дано въ ней правильное направленіе, и нѣкоторыя изъ описанныхъ въ ней лицъ воображаются легко.

«Стрижовыя норы» — повесть *М. Л. Михайлова* — читается легко; передавать содержаніе этой повѣсти не за чѣмъ. Весь интересъ ея заключается въ мѣстномъ колоритѣ (дѣйствіе происходитъ въ Оренбургѣ) и въ простодушномъ изображеніи той сѣеры, среди которой происходитъ событіе, рассказанное въ повѣсти.

«Горбуны», повесть изъ простонароднаго быта — *Е. Данковскаго*, представляетъ не мало задатковъ для будущей, успѣшной дѣятельности этого, повидимому, еще начинающаго писателя, на избранномъ имъ поприщѣ. У него есть теплое сочувствіе къ нашему простонародію, не выдуманное или вычитанное, а простодушное, образовавшееся, вѣроятно, изъ близкаго знакомства съ нимъ; языкъ крестьянскій съ его особыми, выразительными, хотя подъ-часъ безтолковыми оборотами, также знакомъ ему, хотя по временамъ онъ злоупотребляетъ это знаніе; близкіе интересы крестьянъ, ихъ взгляды, возможные въ ихъ бытѣ, выраженіе добрыхъ и дурныхъ качествъ — также знакомы ему въ дѣйствительности, а не перенесены имъ въ крестьянскій бытъ изъ другихъ сферъ; наконецъ многое въ повѣсти прочувствовано авторомъ сильно и живо, а этотъ жаръ сердца незамѣнимъ въ писателѣ. На основаніи всего сказаннаго, мы удерживаемся отъ окончательнаго приговора надъ первою повѣстью г. Данковскаго, въ ожиданіи его дальнѣйшей дѣятельности, продолженія которой будемъ ожидать съ нетерпѣніемъ.

Въ отдѣлѣ «Наукъ» самая капитальная статья есть «Мусульманская религія въ отношеніи образованности». Она принадлежитъ *И. Н. Березину*, профессору восточныхъ языковъ въ Казанскомъ университетѣ. Статья эта интересна, по вашему мнѣнію, во многихъ отношеніяхъ: прежде всего она въ первый разъ такъ подробно и полно знакомитъ русскую публику съ религіею Магомета; во-вторыхъ, подвергая мусульманскую религію самому добросовѣстному, хотя и строгому критическому разбору, она наглядно показываетъ, на какихъ узкихъ, противорѣчивыхъ и грубыхъ началахъ основано это ученіе, и какъ нельзя болѣе кстати отличаетъ фальшивымъ возгласамъ западныхъ народовъ, взявшихъ на себя защиту ислама, и мечтающихъ о возможности сліянія истинной образованности съ ученіемъ Магомета.

Позволяемъ себѣ для бѣльшей ясности привести здѣсь заключительные выводы изъ самой статьи г. Березина.

«Обзоръ нашъ конченъ, говорить ученый авторъ. Всякій безпристрастный читатель можетъ теперь видѣть, какъ ложно думаютъ объ исламѣ тѣ, которые считаютъ возможнымъ сляіііе истинной образованности съ ученіемъ Мухаммеда. Съ своей стороны, мы считаемъ долгомъ предъявить, что признаемъ такое соединеніе рѣшительно-противоестественнымъ и недостаточнымъ: одно изъ двухъ: или исламъ не будетъ исламомъ, или образованность не будетъ образованностью; середины здѣсь нѣтъ. Нѣкоторыя уступки съ обѣихъ сторонъ ни къ чему не поведутъ: съ одной стороны ослабляется энергія, съ другой не достигается истина. Не съ преднамѣренною цѣлью прійти къ заранее-составленному результату начали мы эту статью и не избирали мы умышленно только тѣ мѣста Алкураана и преданій, которыя годились для оправданія нашей идеи: напротивъ, мы даже постоянно слѣдовали тѣмъ исходнымъ пунктамъ, которые принимаются мусульманскими законоучителями; и если только не всегда соглашались съ послѣдними въ результатахъ, то единственною причиною было отсутствіе слѣпой вѣры и разумный разборъ предлагаемой исторіи. Дѣлая уступку и европейскимъ хвалителямъ ислама, мы почти постоянно разсматривали это ученіе именно съ той стороны, которою хотятъ его возвысить—съ практической, но и это повело лишь къ отрицательнымъ выводамъ. Прежде придавали на Западѣ исламу абстрактную тенденцію; съ нѣкотораго времени, задолго, впрочемъ, до нынѣшнихъ событій, вошло въ моду восхищаться практичностью, реальностью Мухаммедова ученія: ни то, ни другое, при ближайшемъ разсмотрѣніи всѣхъ уставовъ ислама, не оказывается состоятельнымъ. Если въ однихъ частяхъ вѣрученія исламъ является, благодаря отчасти позднѣйшему вліянію греческой философіи, чисто-умозрительнымъ и притомъ осмысленнымъ—Божество чуждо всякаго образа, а Мухаммедъ одаренъ человѣческими слабостями,—то многія части того же вѣрученія не только положительны, но даже матеріальны. Точно такъ же несправедливо утвержденіе безусловной практичности ислама: въ догматъ свободы воли человѣческой, между-прочимъ, исламъ стремится къ нераціональной отвлеченности, а во многихъ другихъ случаяхъ, какъ мы показали, практичность переходитъ въ грубую и одностороннюю матеріальность; аномаліи въ характеръ ислама. И къ чему же привели мусульманскія націи практичность ислама? Къ умственному усыпленію, къ позорной лжи.»

«Возьмемъ ли мораль ислама: здѣсь поражаетъ насъ та же матеріальность и узкость взгляда. Правда, изъ обозрѣнія нравственныхъ уставовъ этого ученія мы видѣли нѣсколько правилъ, и полезныхъ, и удобоисполнимыхъ, и даже въ мусульманскомъ кругу нравственныхъ, но они имѣютъ значеніе только относительное; безъ нѣкоторыхъ условій они цѣнны лишь вполонину, а этихъ-то условій и недостаетъ исламу. Нравственный принципъ его составляетъ прежде всего фанатизмъ; но это начало отрицательное, такъ-что исламъ самъ въ себѣ носить сѣмя разрушенія. Идеаломъ для человѣка въ его естественномъ стремленіи Мухаммедъ взялъ Аравитянина; идеаломъ же для человѣка въ его отношеніяхъ къ Богу и людямъ Мухаммедъ принялъ самого себя: отсюда пронстекають слабыя стороны мусульманской морали. Ограничивъ кругъ ея узкою чертою милосердія къ мусульманину и любви къ самому себѣ, исламъ обязываетъ человѣка къ известной степени саярвности и развиваетъ чувственность, хотя въ то же время мы не находимъ въ ученіи Мухаммеда пластическихъ представленій. Для руководства человѣка исламъ недостаточенъ уже и потому, что одностороненъ; понятія о правѣ и трудѣ несправедливы; изящныя искусства запрещены; въ отношеніи между мужчиною и женщиною исламъ — стыдно сказать! не допускаетъ другой связи, кромѣ плотской. Грустное опредѣленіе! Подвиги самоотверженія для спасенія погибающаго собрата весьма рѣдки между мусульманами, и потому, что нѣтъ истинной любви, и потому, что фатализмъ признается основою событій. Вездѣ исламъ позволяетъ увольнять себя отъ исполненія моральныхъ обязанностей, если представляется достаточная причина. Съ другой стороны, матеріальность лишила мусульманина цѣли въ жизни и дала ограниченный выводъ мусульманскому стремленію—жить для того, чтобъ жить.

«Одно изъ важнѣйшихъ несчастій мусульманской религіи состоитъ въ томъ, что она не заботится о культурѣ. Духовное совершенствованіе неповатно мусульманину, общая польза ему чужда, и это также составляетъ одну изъ причинъ мусульманскаго кветизма. Въ основаніи человѣческой природы лежитъ потребность усовершенствованія; но для этого необходимо человѣку побужденіе, необходимъ возвышенный идеалъ, котораго бы не достигалъ самый лучшій человѣкъ и, слѣдовательно, всегда бы имѣлось впереди что-нибудь для усовершенствованія: идеалъ мусульманина очень ограниченъ. Исламъ не допускаетъ прогресса ужъ и потому, что всякое нововведеніе, по заклатію его, ведетъ въ огонь адскій. Не разрѣшая тайны жизни, обходя глубокіе вопросы, исламъ допускаетъ только крайне-одностороннее развитіе человѣка; а известно, какъ это въ общественномъ значеніи пагубно.

«Позволимъ себѣ еще нѣсколько словъ о мнимой исторической заслугѣ ислама, для разсмотрѣнія которой нужна особенная статья: защитники Мухаммеда восхваляютъ, какъ неслыханное благодѣяніе,

уничтоженіе кровавыхъ жертвъ въ Аравіи. Но развѣ введеніе благотельнаго устава въ одной земелькѣ можетъ искупить опустошенія и страшныя человѣческія боины въ цѣлой части свѣта, обезлюдненіе и войной, и многоженствомъ цвѣтущихъ и благодатныхъ странъ, поверженіе въ квіетаческій обскурантизмъ многихъ миліоновъ людей? И развѣ Аравія не осталась при прежнемъ кочевомъ и родовомъ бытѣ, въ глубокомъ невѣжествѣ? И кто же можетъ поручиться, что этого благодѣянія, за которое благодарятъ Мухаммеда, не оказало бы Аравіи христіанство, еслибъ лжеучитель не вздумалъ пресѣчь ему пути? Ассирія и Персія были образованнѣе нынѣшнихъ мусульманскихъ державъ; вопреки историческому совершенствованію, исламъ, всегдашній анахронизмъ, отодвигаетъ человечество назадъ. Едва-ли не самая видная услуга ислама состоитъ въ томъ, что онъ разнесъ по свѣту оспу, дотола неизвѣстную, и долго бывшую, какъ и самый исламъ, страшлищемъ для человечества. Предвѣль пріидеть, градущее созрѣло....»

Таковы заключительные выводы о мусульманской религіи, къ которымъ привелъ г-на Березина добросовѣстный и подробный разборъ ея началъ. Статья его прочтется, конечно, съ интересомъ многими, но она выиграла бы еще болѣе, если бы языкъ ея былъ болѣе легкою и тщательнѣе отдѣланъ.

Въ другомъ родѣ, но также очень любопытны статьи: г. *Аванасьева* «Русскіе журналы 1769—1774 годовъ», и *А. Н. Пыпина*, «Очерки изъ старинной русской литературы»—*статья первая*. Первая есть какъ бы продолженіе прекрасной книги г. *Буллича*—«Сумароковъ и современная ему критика», знакомой, конечно, всѣмъ любителямъ русской литературы. Статья г. *Аванасьева* даже повторяетъ многое переданное уже въ книгѣ *Буллича*. Очевидно, что оба молодые изслѣдователи встрѣтились въ разработкѣ одной и той же эпохи. — Въ статьѣ г. *Пыпина* двѣ идетъ о сказкѣ изъ Тысячи и одной ночи въ русскомъ переводѣ въ XIII и XIV вѣкахъ.

Статья *Н. П. Карелкина*—«А. К. Востоковъ; его литературная и ученая дѣятельность» — написана по случаю празднованнаго въ прошломъ году пятидесятилѣтняго юбилея литературной дѣятельности нашего знаменитаго филолога; статья сама по себѣ не имѣетъ большихъ достоинствъ, но все-таки даетъ понятіе о важности заслугъ А. К. Востокова для русской и славянской филологіи.

Мы указали, кажется, на все интересное въ первыхъ трехъ книжкахъ Отеч. Зап. за нынѣшній годъ. Пріятно замѣтить, что такого набралось достаточно; еще бы пріятнѣе намъ было извѣстить публику, что Отеч. Записки перестали бравиться въ каждой книжкѣ съ Современникомъ. Къ сожалѣнію, мы остаемся еще при желаніи. А пора бы!

Н. В.—НѢ.

КРАТКОЕ ИЗВѢСТІЕ

О ЖИЗНИ И ТРУДАХЪ ФРЕНА. (*)

Въ «Москвитяннѣхъ» было уже говорено о Френѣ (**). Знаменитѣйшій арабистъ, великій нумизматъ и археологъ, онъ былъ въ то же время и изслѣдователемъ древнѣйшаго періода Русской Исторіи, и въ этомъ отношеніи сдѣлалъ себѣ славу открытіемъ восточныхъ свѣдѣній о древней Руси.

Френъ былъ иноземецъ; но по ученымъ трудамъ своимъ, болѣе или менѣе относящимся къ Россіи или сосѣдственному съ ней Востоку, по своимъ заслугамъ въ качествѣ академика, по образованію молодого поколѣнія русскихъ ориенталистовъ, онъ принадлежитъ Россіи, которую любилъ, какъ новое свое отечество. Г. академикъ Броссѣ, самъ иноземецъ и сотоварищъ его по Академіи, сказалъ на его могилѣ: «Френъ былъ Русскій по сердцу, по ревностной службѣ, по трудамъ своимъ, по своей несомнѣнной славѣ.»

Френъ былъ одинъ изъ тѣхъ полезныхъ иноземцевъ, какихъ желалъ видѣть у себя Петръ Великій, которые бы прививали науку въ Россіи, образовывая себѣ послѣдователей, а не смотрѣли на свое дѣло какъ на выгодное ремесло, доставляющее пенсію и возможность размѣстить по мѣстамъ своимъ родичей.

Френъ былъ истинный ученый по призванію. Предметомъ изученій его былъ весь мусульманскій Востокъ, а средствомъ къ изученію — памятники, преимущественно нумизматическіе. Никто не извлекъ болѣе свѣта изъ этихъ мертвыхъ дотошъ матеріаловъ, получившихъ отъ его воззрѣнія важность историческихъ документовъ. Едва ли есть страна Востока, которой исторія и географія не была бы обогащена Френомъ. Для всякаго историка мусульманской Азіи, особенно временъ халифата и наслѣдовавшихъ ему

(*) Извлечено изъ болѣе подробной біографіи, которая выдѣтъ въ свѣтъ въ непродолжительномъ времени.

(**) Москвит. 1851, сентябрь.

династій, Френъ, какъ объяснитель монетныхъ памятниковъ этой эпохи, столь же необходимый руководитель, какъ лѣтописи Табары Масъуди и Мирхонда. Мухаммеданская нумизматика, какъ наука ему обязана своимъ настоящимъ развитіемъ. Для Россіи, онъ открылъ историческіе источники какъ въ лѣтописяхъ, такъ и въ монетахъ Востока.

Труды Френа — классическіе и долго будутъ авторитетомъ въ наукѣ.

Вся жизнь Френа посвящена была исключительно наукѣ и академическимъ обязанностямъ. Онъ высоко цѣнилъ званіе академика, которое понималъ въ смыслѣ представителя науки и считалъ строго-обязывающимъ. Пуританизмъ его въ этомъ отношеніи былъ замѣчательнъ: цѣлый день проводилъ онъ въ своемъ кабинетѣ съ книгою или монетами, и выходилъ только по службѣ въ засѣданія Академіи Наукъ или Азіятскій Музей. Не привлекали его ни дружественныя приглашенія, ни развлечения свѣта. Изрѣдка позволялъ онъ себѣ прогулки пѣшкомъ для отдохновенія, и только разъ, въ тридцать лѣтъ, одному изъ петербургскихъ друзей его, къ которому онъ зашелъ по дорогѣ въ худую погоду, удалось удержать его у себя обѣдать. Что касается до мѣстъ, которыя ему предлагали и которыя состояли болѣе или менѣе въ связи съ его учеными занятіями (какъ напримѣръ, мѣсто директора Восточнаго Института, мѣсто хранителя Эрмитажнаго Минцкабинета, профессора восточныхъ языковъ въ Петербургскомъ Университетѣ, бібліотекаря Публичной Библіотеки), то Френъ, не смотря на то, что жилъ исключительно академическимъ жалованьемъ, всегда отъ нихъ отказывался, считая противнымъ долгу совѣсти употреблять свое время на иныя занятія кромѣ разработки науки, которой онъ себя посвятилъ.

Френъ (Христіанъ Даниловичъ) родился 24 мая (4 іюня, по новому стилю) 1782 года, въ городѣ Ростокъ, въ великомъ герцогствѣ Мекленбургъ-шверинскомъ. Первою ученою знаменитостію Ростокъ былъ тогда Олуфъ-Гергардъ Тихсенъ, занимавшійся съ большимъ успѣхомъ восточными языками и мухаммеданскою нумизматикою. Молодой Френъ слушалъ лекціи Тихсена и другихъ профессоровъ ростокскаго университета, по отдѣленію богословія и авторитетъ Тихсена рѣшилъ его ученую судьбу.

Въ 1804 году напечаталъ онъ, въ Галле, первый свой ученый трудъ — арабскій текстъ *Описанія Египта, изъ сочиненія Ибнъ-эль-Варди*, по рукописямъ эскуріальской и дрезденской бібліотекъ

съ латинскимъ переводомъ и объясненіями. Въ 1806 году онъ представилъ ростокскому университету и напечаталъ въ Ростокѣ *Экзегетико-критическое изслѣдованіе о книгѣ пророка Наума*, въ которомъ старался сомнительныя мѣста текста объяснить помощью арабскаго языка. Диссертация эта была одобрена, и Френъ получилъ степень доктора богословія и философій.

Молодому доктору, показавшему, такимъ образомъ, обширныя познанія въ семитическихъ языкахъ, оставалось только получить кафедру, для обезпеченія себя и самостоятельнаго дѣйствія на ученое поприщѣ.

Случай къ тому вскорѣ представился.

Въ ноябрѣ 1804 года основанъ былъ университетъ въ Казани, съ особою, еще первою въ Россіи, кафедрою для восточныхъ языковъ. По неизмѣннѣю отечественныхъ ученыхъ для занятія этого мѣста, правительство обратилось съ запросомъ о томъ въ Германію, и выборъ Тихсена палъ на его юнаго ученика и друга. Френъ принялъ лестное предложеніе; въ концѣ лѣта 1807 года прибылъ въ Россію, и былъ утвержденъ прямо ординарнымъ профессоромъ.

Первое его, напечатанное въ Казани, въ 1808 году, сочиненіе посвящено было *Описанію осьми саманидскихъ и девяти бувейгидскихъ монетъ*. Замѣчательно, что это сочиненіе написано Френомъ по-арабски — за неизмѣніемъ латинскаго шрифта въ университетской типографіи. Сильвестръ де-Саси, стоявшій уже тогда, вмѣстѣ съ Тихсеномъ, во главѣ ориенталистовъ, обратилъ вниманіе ученаго міра на это *Описаніе* и помѣстилъ разборъ его въ Милленевомъ *Magasin encyclopédique*. «Историческія и хронологическія трудности, представляемыя монетами, описаніемъ которыхъ мы одолжены г. Френу,» — писалъ де-Саси, — «придаютъ большую занимательность изданію ихъ въ свѣтъ. Нельзя не быть благодарнымъ г. Френу за то, что онъ ими занялся, и весьма желательно, чтобы онъ продолжалъ труды свои по этой части.»

Одобреніе первыхъ трудовъ Френа столь знаменитыми ориенталистами, какъ Тихсенъ и де-Саси, было сильнымъ поощреніемъ молодому казанскому профессору, изслѣдованія котораго могли тогда быть цѣнны лишь немногими знатоками въ Парижѣ и въ Германіи. Онъ продолжалъ изыскивать и изслѣдовать восточныя монеты, значительныя собранія которыхъ начали уже появляться, отчасти въ-слѣдствіе его же стараній, въ Казани и другихъ городахъ, у гг. Потѣ, Фукса, Венга, Неѣлова. Монеты хановъ Золотой Орды, столь обильныя въ этихъ коллекціяхъ и дотолѣ почти ни-

къмъ неизслѣдованныя, въ особенности привлекали его вниманіе; монеты халифовъ, Саманидовъ и другихъ мухаммеданскихъ династій доставляли ему не менѣ труда своими неизданными экземплярами.

Кромѣ нумизматическихъ, историческихъ и филологическихъ изслѣдованій, Френъ занятъ былъ преподаваніемъ въ университетѣ языковъ арабскаго, персидскаго и турецкаго, даже еврейскаго и сирійскаго для желающихъ; писалъ рѣчи для торжественныхъ актовъ университета и ежегодные конспекты лекцій, къ которымъ присоединялъ болшею частію которое-нибудь изъ своихъ изслѣдованій. Каждый годъ приготовлялъ онъ по крайней мѣрѣ одно ученое изслѣдованіе. Все это писалъ онъ на латинскомъ языкѣ, которымъ любилъ щеголять, потому-что владѣлъ имъ какъ отличнѣйшій латинистъ.

Живя въ Казани, Френъ имѣлъ случай осмотрѣть остатки знаменитаго нѣкогда Булгара, теперь небольшого села во ста двадцати верстахъ отъ Казани. Это было, вѣроятно, въ 1816 году, когда посѣтилъ ихъ государственный канцлеръ Румянцевъ. Нельзя не пожалѣть, что Френъ не издалъ описанія этихъ развалинъ, болѣе и болѣе истребляемыхъ временемъ. На стѣнѣ узкой лѣстницы, ведущей на минареть булгарскій и исписанной именами путешественниковъ и мѣстныхъ Татаръ, еще и теперь можно прочесть имя Френа, написанное имъ тогда карандашомъ, арабскими буквами.

Такъ протекали, незамѣтно для него, десять лѣтъ жизни въ Казани.

Въ это время, кромѣ упомянутаго нумизматическаго сочиненія на арабскомъ языкѣ, Френъ издалъ *Описаніе восточнаго минц-кабинета Пото* (1813); изслѣдованіе *О титулахъ и почетныхъ прозвищахъ хановъ Золотой Орды* (1814); *арабскіе тексты поэмъ Шанфары и Туграи*, для руководства своимъ слушателямъ; *разсужденіе О происхожденіи слова деньги* (1815); *трактатъ О древнѣйшей монетѣ Волжскихъ Булгаръ* (1816), *О критически очищенномъ изданіи историческихъ арабскихъ текстовъ, съ образцомъ изъ исторіи Эль-Макина* (1816), и *Историческое извѣстіе о городѣ Бюлярѣ, по татарскимъ лѣтописямъ*.

Археологическіе его труды были обращены преимущественно на изслѣдованіе мѣстныхъ памятниковъ края, классическаго въ мірѣ татарщины. Болѣе четырехъ сотъ видовъ монетъ Золотой Орды, имъ открытыхъ, представили почти полный рядъ хановъ прежнихъ властителей Руси. Изученіе этихъ монетъ повело его къ объясненію собственныхъ именъ и титуловъ хановъ, къ изслѣдованіямъ о

мѣстоположеніи городовъ Орды, о русско-татарскихъ монетахъ, о происхожденіи слова «деньги», и т. д. Это была первая важная услуга русской исторіи, оказанная Френемъ, которому суждено было въ-послѣдствіи открыть въ восточной литературѣ еще важнѣйшіе источники для древней исторіи Руси. Замѣтимъ при этомъ, что въ Казани Френъ успѣлъ уже исчерпать почти весь запасъ джучидской нумизматики (изданная имъ въ Петербургѣ въ 1831 году, монографія *Монеты хановъ Улуса Джучіева или Золотой Орды*, изготовлена была имъ еще въ 1816 году, въ Казани), такъ что съ тѣхъ поръ, въ теченіи тридцати слишкомъ лѣтъ, какъ ему самому, такъ и другимъ ориенталистамъ-нумизматамъ, осталось на долю весьма мало открытій по этой части.

Куфическія (арабскія) монеты съ VII по XI столѣтіе, доселѣ находимыя въ русской почвѣ и столь обильныя въ нашихъ кабинетахъ, занимали Френа не менѣе, чѣмъ джучидскія. Чтобы понять всю важность этихъ монетъ для исторіи мусульманскаго Востока, надобно знать, что ни одинъ изъ извѣстныхъ доселѣ рядовъ монетъ не представляетъ въ своихъ надписяхъ столько данныхъ, сколько куфическія: кромѣ собственныхъ именъ государей, мы узнаемъ изъ нихъ годы ихъ правленія, имена принадлежавшихъ имъ городовъ, нерѣдко имена соправителей, министровъ и т. д., и эти данныя пополняютъ пропуски лѣтописцевъ восточныхъ, особенно чуждающихся хронологіи. Поэтому каждая куфическая монета есть историческій памятникъ, и важность такъ называемыхъ «неизданныхъ» заключается въ томъ, что черезъ нихъ пріобрѣтается какой-нибудь неизвѣстный дотогдѣ фактъ, обогащающій исторію. Френъ, въ свою жизнь, открылъ тысячи такихъ фактовъ и дополнилъ ими исторію Востока. Едва ли есть династія, къ исторіи которой онъ не прибавилъ хотя нѣсколькихъ новыхъ данныхъ; а многія государства и узаны были лишь вслѣдствіе его нумизматическихъ открытій.

Филологическіе труды Френа шли объ-руку съ нумизматическими. Для объясненія монетъ ему нужно было изучить исторію мусульманскаго Востока, большею частію въ рукописяхъ, искаженныхъ переписчиками, или въ печатныхъ текстахъ, испорченныхъ издателями. Воспитанный въ экзегетической школѣ филологіи, въ цвѣтущую эпоху полемики Кенникотовъ, де-Росса, Эйхгорновъ и другихъ знаменитыхъ збраистовъ, — когда каждый изъ ориенталистовъ считалъ долгомъ привести свою лепту библейской экзегетики, (мы видѣли, что и Френъ, какъ де-Саси, началъ свое ученое поприще экзегетическимъ разсужденіемъ), — Френъ желалъ прило-

жить къ арабскимъ текстамъ ту же экзегетическую отчетливость, какая требовалась отъ издателей текстовъ библейскихъ. Такимъ образомъ, въ видѣ опыта, изданы имъ были отрывокъ изъ «Сарацинской исторіи» Эль-Макина и поэмы Шанфары и Туграи. Но важнѣйшій филологическій трудъ, начатый имъ въ Казани и который онъ предполагалъ кончить въ двадцать лѣтъ, но не успѣлъ заключить и въ сорокъ лѣтъ дѣятельной жизни,—трудъ, который составилъ бы эпоху въ арабской лексикографіи: это — составленіе *полнаго критическаго Словаря арабскаго языка*, на основаніи словарей Джоугери, Фирузабади и ихъ схолиастовъ, съ приведеніемъ идиотизмовъ и сравненіемъ со словами родственныхъ семитическихъ языковъ. Френъ началъ этотъ гигантскій трудъ въ 1812 году и до конца своей жизни постоянно вписывалъ въ этотъ *Словарь* каждое встрѣченное имъ въ рукописи неизвѣстное арабское слово или оборотъ. Можно себѣ представить, при его начитанности и трудолюбіи, какое множество объясненій прибавилъ онъ, въ сорокъ лѣтъ, въ сокровищницу арабской лексикографіи! Хотя этотъ великій трудъ остался неконченнымъ и неизданнымъ, тѣмъ не менѣе онъ не будетъ потерянь для будущаго лексикографа арабскаго языка, и имъ упрочена слава Френа, какъ первокласснаго филолога.

Френъ пробылъ въ Казани десять лѣтъ. Еще въ 1810 году предлагали ему открывшуюся каедрѣ богословія въ ростокскомъ университетѣ. Окруженный въ Казани столь богатыми матеріалами, неизвѣстными въ Европѣ и ожидавшими опытной руки для ихъ разработки, Френъ отказался отъ богословской профессуры, которая бы отвлекла его отъ любимыхъ и начатыхъ имъ трудовъ. Въ 1815 году скончался знаменитый его учитель Тихсенъ, и ростокскій университетъ предложилъ Френу занять его каедрѣ. Изъ двухъ одинаковыхъ каедръ — на краю Европы, среди чужихъ, или на родинѣ—выборъ не могъ быть сомнителенъ: Френъ принялъ предложеніе, и дослуживъ десятилѣтіе въ казанскомъ университетѣ, вышелъ въ отставку и отправился къ новому своему назначенію въ іюнь 1817 года.

Въ Петербургѣ не могли не остановить Френа восточныя сокровища, хранившіяся при Академіи Наукъ. Онъ узналъ однакожь, что они никѣмъ еще не были разобраны и лежатъ горами въ Кунсткамерѣ. Академія, съ своей стороны, освѣдомясь о желаніи Френа осмотрѣть принадлежащія ей восточныя древности, хотѣла воспользоваться этимъ случаемъ для приведенія ихъ въ систематическій порядокъ и описанія ихъ. Конференція Академіи предложила

Френу заняться этимъ дѣломъ, съ тѣмъ, что ему, на все время занятій по Академіи, присвоено будетъ званіе ординарнаго академика по части восточныхъ древностей, со всѣми правами и преимуществами, съ положеннымъ содержаніемъ и квартирою; а по окончаніи порученія предоставится на его волю — остаться ли въ этомъ званіи при Академіи, или возвратиться въ Ростокъ. Френь принялъ это предложеніе, остался въ Петербургъ, и утвержденъ былъ ординарнымъ академикомъ по части восточныхъ древностей.

Въ слѣдующемъ году президентомъ Академіи Наукъ назначенъ былъ С. С. Уваровъ, еще въ 1810 году подавшій мысль объ учрежденіи въ Россіи «Азіятской Академіи» и принимавшій самое живое участіе во всемъ, что относилось до изученія Востока. Онъ желалъ удержать столь достойнаго ориенталиста навсегда при Академіи, и Френь, между тѣмъ ознакомившійся съ неисчерпаемыми восточными богатствами академическаго музея, рѣшился посвятить ученую жизнь свою на ихъ разработку и навсегда поселиться въ Россіи.

Разборъ и устройство восточнаго минцкабинета Академіи сопряжены были съ трудностями, которыя можно было превозмочь лишь при невозмущаемомъ терпѣніи и неослабной ревности къ наукѣ, не говоря уже объ огромныхъ познаніяхъ въ палеографіи, нумизматикѣ и исторіи Востока, необходимыхъ для классификаціи монетъ.

Работа подвигалась впередъ съ изумительною быстротою. Въ нѣсколько мѣсяцевъ, хаосъ монетъ былъ уже приведенъ въ вѣкторый порядокъ и раздѣленъ на «отдѣлы», и четыре отдѣла разсмотрѣны критически и описаны. *Описаніе* это (*Prolusio etc.*), вышло изъ печати въ мартъ 1818 года. Въ томъ же году, благодаря ходатайству новаго президента Академіи, куплено было правительствомъ богатое собраніе (до пяти сотъ) арабскихъ, персидскихъ и турецкихъ рукописей у бывшаго французскаго консула въ Багдадѣ г. Руссѣ. Приобрѣтеніе столь значительнаго числа рукописей и устройство собранія восточныхъ монетъ послужило поводомъ къ учрежденію при кунсткамерѣ Академіи «особаго «отдѣленія для медалей, рукописей и книгъ восточныхъ, подъ «названіемъ Восточнаго Кабинета.» Хранителемъ «Кабинета», сдѣлавшагося въ-послѣдствіи извѣстнымъ подъ именемъ «Азіятскаго Музея», назначенъ былъ, разумѣется, Френь.

Изученіе монетъ и рукописей Азіятскаго Музея, оказавшагося неисчерпаемымъ рудникомъ свѣдѣній о Востокѣ, сдѣлалось цѣлью ученой дѣятельности Френа. Изъ этого дотолъ заброшеннаго источ-

ника осторожно извлекалъ онъ драгоценныя для исторіи и географіи данныя, которыя, при свѣтильникѣ его критики, такъ много способствовали къ расширенію предѣловъ науки.

Продолжая приводить въ наукообразный порядокъ и описывать монеты Музея, которыхъ издано уже было имъ краткое обзорніе (Prolusio), Френъ, въ то же время, разсматривалъ новоприобрѣтенное собраніе рукописей, и въ 1819 году напечаталъ о важнѣйшихъ изъ нихъ *предварительное извѣстіе*. Особенно важнымъ приобрѣтеніемъ, въ этомъ собраніи, оказался «Географическій Словарь» Якута, заключающій въ себѣ свѣдѣнія о Руссахъ, Булгарахъ и другихъ народахъ Россіи десятого вѣка. Френъ не замедлилъ обратить на эту рукопись особенное вниманіе: «изслѣдователи русской исторіи, писавъ онъ, найдутъ здѣсь сводъ свѣдѣній мухаммеданъ о древнихъ Славянахъ, Руссахъ и другихъ народахъ, какъ въ сочиненіи Стриттера находятъ сводъ извѣстій византійскихъ писателей», и тогда же напечаталъ онъ, для образца, арабскій текстъ и переводъ статей о *Руссахъ* и о *Хозарахъ*. Въ-послѣдствіи онъ обработалъ еще статьи о *Булгарахъ* и о *Баширахъ*, и увѣнчалъ эти труды свои критическимъ изданіемъ въ 1823 году всей статьи о Руссахъ изъ Якутова словаря, съ прибавленіемъ многихъ новыхъ свѣдѣній изъ другихъ арабскихъ писателей. Это сочиненіе, сдѣлавшееся извѣстнымъ подъ именемъ *Ибнъ-Фодлана*, главнаго наблюдателя нравовъ поволжскихъ народовъ въ началѣ десятого вѣка, открыло новый міръ изслѣдователямъ древней русской исторіи. Но они недовѣрчиво приняли эти очерки русскихъ нравовъ, набросанные очевидцемъ девять-сотъ лѣтъ тому, и воспользовались арабскими извѣстіями лишь для постройки на одной опечаткѣ цѣлой системы о хазарскомъ происхожденіи Руссовъ. Самъ Карамзинъ, печатавшій свою Исторію, удовольствовался тѣмъ, что осторожно сообщилъ въ приложеніи къ VIII тому переводъ новооткрытыхъ извѣстій, но не высказалъ о нихъ своего мнѣнія (*). И теперь еще, тридцать лѣтъ послѣ изданія въ свѣтъ *Ибнъ-Фодлана*, извѣстія его не всѣ разъяснены; но они заняли уже должное мѣсто въ ряду источниковъ для исторіи древней Руси. Открытіе и обнародованіе этихъ новыхъ источниковъ для отечественной историографіи есть одна изъ великихъ заслугъ Френа.

(*) Выписавъ извѣстіе Ибнъ-Фодлана о Руссахъ, Карамзинъ прибавилъ: «Доселѣ Якутъ. Скажу вмѣстѣ съ нимъ: пусть самъ авторъ отвѣчаетъ за достоверность сего любопытнаго извѣстія!» *Ист. Госуд. Росс.*, 2-е изд., т. VIII стр. 128 приложений.

Кромѣ извѣстій арабскихъ писателей, и монетъ, которыхъ прошло чрезъ его руки до трехъ милліоновъ, Френъ посвящалъ свои труды объясненію восточныхъ надписей, находящихся на различныхъ историческихъ памятникахъ въ Россіи, и библиографическимъ розысканіямъ.

Рукописи, какъ извѣстно, до сихъ поръ занимаютъ у восточныхъ народовъ мѣсто печатныхъ книгъ. Далеко не всѣ примѣчательныя сочиненія ихъ писателей, сохранившіяся въ рукописяхъ, извѣстны въ Европѣ, и самая незначительная часть ихъ напечатана европейскими учеными въ подлинникъ или переводахъ. Поэтому рукописи, и для европейскихъ ученыхъ, занимающихся Востокомъ, составляютъ ни чѣмъ не замѣнимый и существенный предметъ изученія и розысканій. Основатель Азіятскаго Музея, благодаря просвѣщенному содѣйствію двухъ министровъ, графа С. С. Уварова и графа Канкринна, успѣлъ, въ этомъ отношеніи, обогатить книгохранилища Россіи драгоценными твореніями восточныхъ писателей, и образовать библіотеку рукописей, не уступающую обиліемъ и достоинствомъ извѣстнѣйшимъ въ Европѣ. Не упоминая объ отдѣльныхъ рукописяхъ, приобретенныхъ для Азіятскаго Музея, невольно останавливаешься передъ количествомъ и выборомъ цѣлыхъ рукописныхъ библіотекъ, приобретенныхъ на пользу русскихъ ориенталистовъ: семь-сотъ рукописей арабскихъ, персидскихъ и турецкихъ, купленныхъ правительствомъ у французскаго консула Руссо! до четырехъ сотъ рукописей, со славою завоеванныхъ у Персіянъ и Турокъ! Эти тысячи рукописей, лучшія произведенія восточнаго гениа цвѣтущей его эпохи, исторгнуты изъ нѣдръ косящаго теперь въ невѣжествѣ Востока, который не умѣлъ цѣнить ихъ и гдѣ угрожало имъ истребленіе, спасены для науки, завоеваны европейскому просвѣщенію. Обстоятельства полученія рукописей въ персидскій и турецкій походы заслуживаютъ благодарнаго воспоминанія. Первый, кому пришла эта счастливая мысль въ голову, былъ молодой еще тогда профессоръ восточныхъ языковъ при петербургскомъ университетѣ г. Сенковскій: пользуясь совѣтами заслуженнаго академика, онъ составилъ, вмѣстѣ съ нимъ, списокъ рѣдкимъ и малоизвѣстнымъ рукописямъ, которыя желательно было приобрести изъ библіотекъ Персіи; проектъ доведенъ былъ до свѣдѣнія Государя, удостоился Высочайшаго одобренія, и списокъ рукописей отправленъ въ главную квартиру. Генералъ графъ Сухтеленъ, занимавшій тогда городъ Ардебиль, на библіотеку котораго обращено было особенное вниманіе въ представленіи о рукописяхъ, по полученіи пред-

писанія, приказалъ немедленно осмотрѣть библіотеку, оставить въ ней Алькораны и молитвенныя книги, а всѣ остальные уложить для отправки въ Петербургъ. Такимъ образомъ взята вами первая рукописная контрибуція съ покореннаго города. Какъ велико было удивленіе Персіянъ и самого шаха, когда они услышали, что въ число контрибуціи за убытки войны требуютъ отъ нихъ—книгъ! Шахъ не забылъ этого, и когда отправлялъ въ Петербургъ внука своего Хосровъ-Мирзу, то поручилъ ему поднести въ даръ Государю Императору осмнадцать персидскихъ рукописей, написанныхъ лучшими каллиграфами Ирана.

Турецкая война послѣдовала за персидскою. Френъ вошелъ съ представленіемъ въ Академію, испрашивая ея ходатайства у высшаго начальства о томъ, чтобы, по примѣру пріобрѣтенныхъ отъ Персіи рукописей, и въ настоящую кампанію обращено было вниманіе на завоеваніе для Россіи книгохранилищъ турецкихъ. Представленіе было Высочайше утверждено, и покоритель Ахалцыха, Баезида и Арзума доставилъ найденныя въ тамошнихъ библіотекахъ рукописи ученаго содержанія. Всѣ эти рукописи, трофеи двухъ войнъ, поступили въ Императорскую Публичную Библіотеку. Френъ разсматривалъ ихъ, составлялъ имъ каталоги и сообщалъ публикѣ свѣдѣнія о ихъ содержаніи и болѣе или меньшей важности для науки.

Забота объ отысканіи на Востокъ рукописей особенно рѣдкихъ и даже считающихся доселѣ утраченными (какъ напримѣръ арабскаго перевода Птолемеевой «Географіи» или полныхъ «Записокъ о Россіи» Ибнъ-Фодлана) не покидала его до смерти. Онъ вѣрить не хотѣлъ, чтобы столь замѣчательныхъ сочиненій не осталось ни одного списка въ Азіи. «Еслибъ я былъ молодъ, какъ вы,» говаривалъ онъ молодымъ оріенталистамъ, «то совершилъ бы ученое путешествіе въ Среднюю Азію. Болѣе всего, полагалъ онъ, можно ожидать отъ поисковъ въ Бухарь и Самаркандъ, гдѣ еще во времена Тамерлана были знаменитыя и обширныя библіотеки! Съ этою цѣлью напечаталъ онъ, въ 1833 году, *Списокъ ста сочиненій преимущественно историческаго и географическаго содержанія, на арабскомъ, персидскомъ и турецкомъ языкахъ, недостающихъ болѣею частію въ европейскіхъ библіотекахъ и отысканіемъ коихъ въ оригиналахъ или вѣрныхъ копійхъ слѣдовало бы заняться, для пользы наукъ, лицамъ, имѣющимъ пребываніе на Востокъ.* Этотъ списокъ, результатъ огромной начитанности, составляетъ важное пріобрѣтеніе для восточной библіографіи, ука-

зывая на многія замѣчательныя творенія, нынѣ утраченныя или забытыя и заброшенныя на невѣжественномъ Востоку.

Френу обязанъ ученый міръ изданіемъ въ свѣтъ рукописи «Книги Древа Турецкаго», или татарской исторіи, Авульгазы-Хана, напечатанной на иждивеніи государственнаго канцлера графа Румянцева.

Однимъ изъ послѣднихъ изслѣдованій Френа было *Топографическое обозрѣніе мѣстонахожденій древнихъ арабскихъ монетъ въ Россіи*, напечатанное въ «Бюллетенѣ» (1841). Уже въ прежнихъ нумизматическихъ своихъ сочиненіяхъ неоднократно указывалъ онъ на обиліе арабскихъ монетъ въ нашихъ мицкабинетахъ и на частыя находки ихъ въ русской землѣ. Свидѣтельства восточныхъ писателей прямо указывали на древнюю торговлю Россіи съ Азіей и на грабежи Руссовъ по берегамъ Каспійскаго моря. Френъ собралъ всѣ имѣвшіяся у него подъ рукою извѣстія о мѣстахъ, въ которыхъ найдены были восточныя монеты въ разныхъ губерніяхъ, и свелъ изложенныя имъ прежде мнѣнія о томъ, какимъ путемъ зашли эти деньги, преимущественно IX и X вѣка, въ Россію. Это небольшое сочиненіе оказало большую услугу русской исторіи, указавъ на неизслѣдованную еще сторону жизни древней Руси — ея торговлю съ Востокомъ. Вопросъ этотъ, въ непродолжительное время, вызвалъ у насъ нѣсколько подробныхъ изслѣдованій и возбуждалъ дѣятельность въ нашей ученой литературѣ (*).

Въ 1842 году исполнилось Френу шестьдесятъ лѣтъ отъ рожденія и двадцать пять со времени поступленія въ Академію Наукъ. Чувствуя ослабленіе силъ, онъ просилъ увольненія отъ званія директора Азіятскаго Музея, устройству, описанію и обогащенію котораго посвящено было лучшее время его академической службы.

(*) *О кубическихъ монетахъ, находимыхъ въ Россіи, какъ источникахъ для древнѣйшей отечественной исторіи*, В. Григорьева, въ Запискахъ Одесскаго Общ. Ист. и Древн. т. I. — *Мухаммеданская Нумизматика въ отношеніи къ русской исторіи*, П. Савельева. — Критическіе разборы этой книги: Устрялова и Дорна, въ Семнадцатомъ присужденіи Демидовнаградъ; Григорьева, въ Финск. Вѣст. 1848 т. XVI; Погодина, въ Москвит. 1848 N 1; Бычкова и Березина, въ Журн. Мин. Нар. Просв. т. LV; Эрмана, въ Archiv für wissenschaft. Kunde von Russland, т. VI и VII; въ Ausland, 1847, N 271—274; Кене, Mémoires de la Société d'archéol. et de numism., т. I; въ Nouv. Annales des voyages и друг. изд. — *Взглядъ на торговлю древнѣйшей Руси*, въ Современн. 1848, т. X и XI. — Критика на эту статью, въ Москвит. 1848, NN 9 и 12. — *Отвѣтъ Москвитянину*, въ Отечества. Записк. 1849, т. LXIV.

Онъ отказывался отъ управленія своимъ Музеемъ не изъ желанія успокоиться отъ трудовъ,—нѣтъ! онъ не могъ не слѣдить за продолжающимся приращеніемъ Музея; но глаза его уже ослабли, врачи совѣтовали менѣе напрягать зрѣніе; онъ не могъ проводить столько времени какъ прежде за монетою или рукописью, просматривать, описывать и вносить въ каталоги всякую поступающую въ Музей монету или рукопись.

Но несмотря на совѣты врачей, онъ не могъ, однакожъ, обречь себя недѣятельности и совершенному покою: онъ позволялъ себѣ только сократить число положенныхъ часовъ своихъ занятій, и часть предъобъденнаго времени опредѣлялъ на прогулку. Онъ продолжалъ представлять въ Академію небольшія нумизматическія статьи, но не могъ уже предпринимать обширныхъ розысканій, требующихъ напряженныхъ трудовъ. Для развлеченія, началъ онъ позволять себѣ читать иногда легкія литературныя статьи въ журналахъ, на которыя прежде и не обращалъ вниманія. Политическія событія 1848 и 1849 года, на нѣкоторое время, обратили его вниманіе на современную исторію. Но эта эпоха, какъ и пережитая имъ Наполеоновская, представлялась ему въ мрачныхъ краскахъ; онъ опасался разрушенія европейскаго общества и наступленія «новыхъ среднихъ вѣковъ», какъ онъ выражался. Во всѣхъ его сужденіяхъ, какъ ученыхъ, такъ литературныхъ и политическихъ, выражались кротость и снисходительность, составлявшія основу его характера.

Оріенталисты по-прежнему являлись къ нему за совѣтами, и никогда никому не отказывалъ онъ въ добромъ совѣтѣ. Особенно внимателенъ былъ онъ къ молодымъ отечественнымъ оріенталистамъ, только что начинавшимъ поприще, для которыхъ былъ всегда руководителемъ; и явленіе всякаго новаго русскаго оріенталиста доставляло ему истинную радость.

Изъ Саратова доставлено было однажды нѣсколько найденныхъ тамъ джучидскихъ монетъ съ обстоятельнымъ объясненіемъ ихъ учителемъ мѣстной гимназіи г. Саблуковымъ. Фрэнъ обрадовался неожиданному появленію знающаго оріенталиста въ губерніи, гдѣ могутъ быть остатки памятниковъ Золотой Орды; обратилъ на это вниманіе Академіи, которая не замедлила, по его представленію, доставить въ саратовскую гимназію нѣсколько оріентально-нумизматическихъ книгъ, а въ-послѣдствіи, по его же ходатайству,

послала собраніе дублетовъ джучидскихъ монетъ для основанія при гимназій миѣцкабинета (*).

Когда я въ первый разъ представился Френу, чтобы испро- сить позволенія пользоваться книгами и рукописями Азіятскаго Музея, онъ выразилъ мнѣ всю готовность свою служить не только Музею, но и своей библіотекой и своими совѣтами. Узнавъ, что я еще мало знакомъ съ его любимою наукою, нумизматикою, онъ тотчасъ же снабдилъ меня своими книгами по этой части и далъ нѣсколько десятковъ монетъ для разбора. Обращая вниманіе на важность путешествія по Востоку съ ученою цѣлю, неоднократно совѣтовалъ онъ мнѣ предпринять путешествіе въ Азію для отыс- канія литературныхъ сокровищъ и древностей, и три раза самъ устранивалъ мои путешествія.

Вообще, едва ли есть ориенталистъ въ Россіи, который бы не былъ ему чѣмъ-нибудь обязанъ. Еще при жизни Френа, прекрасно высказаны эти чувства признательности къ нему русскихъ ориен- талистовъ извѣстнымъ ученымъ нашимъ В. В. Григорьевымъ въ предисловіи къ одному изъ его сочиненій. Я повторю его прекрас- ныя слова, вполне раздѣляя его чувства: «Настоящій случай — (разсмотрѣніе и исправленіе рукописи г. Григорьева) — даетъ мнѣ желанную возможность засвидѣтельствовать публично сему славному академику мою искреннюю и глубокую благодарность какъ за этотъ знакъ его вниманія, такъ и вообще за рѣдкое участіе, которое онъ оказывалъ и оказываетъ къ занятіямъ моимъ по части изученія Востока. Благодарность подобную моей, я увѣренъ, питаетъ къ этому корифею восточной словесности въ нашемъ отечествѣ все молодое поколѣніе русскихъ ориенталистовъ; ни одинъ изъ нихъ не обращался къ нему во имя науки безъ того, чтобы не получить желаемой помощи, совѣта или наставленія, предложенныхъ съ без- корыстіемъ и радушіемъ, какимъ мало примѣровъ. Радуюсь, что обстоятельства позволили мнѣ одному изъ первыхъ высказать эти чувства признательности, общія всѣмъ моимъ русскимъ товарищамъ по занятіямъ.»

Другой достойный ориенталистъ нашъ Н. В. Ханыковъ, полу- чивъ въ Тифлисі извѣстіе о кончинѣ Френа, написалъ для газеты «Кавказъ» некрологическое извѣстіе, въ которомъ выразилъ и свои чувства признательности къ знаменитому академику.

(*) Сверхъ нѣсколькихъ статей о Золотой Ордѣ, написанныхъ для Губернскихъ Вѣдомостей, г. Саблуковъ перевелъ съ татарскаго исторію Абульгазы, ко- торая будетъ напечатана въ третьемъ томѣ Библиотеки восточныхъ исто- риковъ, издаваемой въ Казани г. профессоромъ Березиннымъ.

Единодушное сочувствіе русскихъ ученыхъ къ Френу было отвѣтомъ на его сочувствіе къ трудамъ и успѣхамъ русскихъ ученыхъ. Искренность этого чувства въ немъ не подлежала сомнѣнію: столь рѣдкое въ чужеземцахъ, какъ справедливо замѣтилъ Погодинъ, оно было неудивительно въ честной натурѣ Френа, вполне сроднившагося съ Россіей, сроднившагося не по расчету, что новое его отечество дастъ (и оно дало) ему и средства къ жизни и почести, какихъ не нашель бы онъ на своей родинѣ, а потому, что духовная его дѣятельность не могла не сростись съ тою землею, на которой она развилась и учеными богатствами которой питалась въ теченіи полулѣтка.

Благодаря этому живому чувству, неразрывному съ чистой любовью къ наукѣ, ученая дѣятельность Френа и не осталась бесплодною для Россіи.

Въ послѣдніе годы жизни Френа, начала понемногу измѣнять ему и память. Онъ принужденъ былъ еще убавить часовъ отъ кабинетныхъ занятій и отнести ихъ на прогулку. Голова впрочемъ была свѣжа, тѣло довольно бодро и онъ съ прежнимъ любопытствомъ слѣдилъ за учеными новостями; только сѣтовалъ, что уже самъ не можетъ работать по прежнему. Чтобы наполнить время, онъ опредѣлилъ себѣ въ лѣтнее время весьма продолжительныя прогулки: изъ седьмой линіи Васильевского острова, гдѣ онъ жилъ, на острова Петровскій, Аптекарскій или Каменный, и обратно, пѣшкомъ. Въ одинъ изъ знойныхъ дней, въ августѣ 1851 года, онъ вспотѣлъ на прогулкѣ, и на обратномъ пути застигнутъ былъ проливнымъ дождемъ. Почувствовавъ ознобъ и лихорадку, онъ перемогался, не хотѣлъ слечь въ постель, — и въ нѣсколько дней его не стало. Онъ скончался вечеромъ 16 августа 1851 года, въ слѣдствіе разрыва артеріи. Кончина его была тихая и спокойная — сонъ мудреца.

Когда президентъ Академіи графъ С. С. Уваровъ узналъ о кончинѣ Френа, онъ написалъ къ непремѣнному секретарю письмо, въ которомъ выразилъ все свое соболѣзнованіе о потерѣ такого мужа. «Послѣ кончины Сильвестра де-Саси,» писалъ онъ, «восточная литература не оплакивала болѣе великаго имени. Это одинъ изъ свѣтильниковъ высокой науки, одинъ изъ тѣхъ ученыхъ, поколѣвіе которыхъ истощилось.»

II. САВЕЛЬЕВЪ.

БОЛГАРИНЪ РАЙЧО-НИКОЛОВЪ ВЪ МОСКВѢ.

Читатели «Москвитянина», вѣроятно, помнятъ извѣстіе о молодомъ Болгаринѣ Райчо-Николовѣ и подвигѣ, совершеномъ имъ передъ Рушукомъ при отступленіи русскихъ войскъ изъ-за Дуная. Дополненіемъ этого извѣстія могутъ послужить и слѣдующія подробности, рассказанныя теперь имъ самимъ здѣсь, въ Москвѣ, своимъ соотечественникамъ.

Тринадцатилѣтній мальчикъ Райчо-Николовъ, родомъ изъ Задунайскихъ Болгаръ, изъ с. Травны (въ Балканахъ, близъ Тернова), находился въ Рушукѣ въ то время, когда русскія войска, по общему ходу войны, переправлялись съ праваго на лѣвый берегъ Дуная и начали стягиваться къ Букаресту. Молодой Болгаринъ, горя тою любовью и преданностью къ Россіи, которою проникнуты всѣ его соотечественники, рѣшился на слѣдующій поступокъ:

Замѣтивъ, что турецкія войска быстро сосредоточиваются въ Рушукѣ большими массами, и узнавъ объ ихъ намѣреніи переправиться на лѣвый берегъ рѣки и неожиданно напасть на Русскихъ, — онъ выходитъ изъ города, не спросясь даже у своего хозяина, пробивается чрезъ турецкую сторожевую цѣпь, и имѣя въ рукахъ ведро, которое онъ показываетъ Туркамъ, говоря, что онъ идетъ на рѣку за водой, подходитъ къ самому берегу Дуная. Здѣсь онъ оглядывается кругомъ и видитъ не въ-далекѣ отъ себя турецкихъ солдатъ, которые, при первой попыткѣ пуститься по Дунаю, могли бы поразить его своими ружейными выстрѣлами точно такъ же, какъ и выстрѣлами съ лежащихъ тутъ же на берегу турецкихъ батарей. Гибель очевидна и почти неизбѣжна; но твердое упованіе на помощь Божію, споспѣшествующую въ добрыхъ дѣлахъ, поддерживаетъ бодрость юноши; святое чувство беретъ верхъ. Снявъ съ себя всю одежду и перекрестившись, смѣло пустился онъ впасть по Дунаю, стремясь къ противоположному лѣвому берегу рѣки,

чтобъ дать свѣдѣнія Русскимъ о силахъ и намѣреніяхъ Турокъ. Едва только отплылъ онъ отъ берега на нѣсколько шаговъ, какъ вдругъ раздался по немъ ружейные и пушечные выстрѣлы со всѣхъ сторонъ. Райчо видитъ, что жизнь его держится на волосѣ, боится, но не предается робости, не теряетъ присутствія духа. Подъ градомъ сыплющихся по немъ пуль, онъ собираетъ послѣднія свои силы и быстро подвигается все впередъ и впередъ. Еще минутъ пять — и Райчо не боится уже этихъ смертоносныхъ выстрѣловъ, все однакожъ то падающихъ еще около него, то перелетающихъ съ страшнымъ гуломъ надъ нимъ. Вотъ онъ несется все смѣлѣе и смѣлѣе, приемы его, дѣлаемые при такого рода плаваніи руками и ногами надъ поверхностью воды, какъ бы усиливаются. Выстрѣловъ онъ уже не слышитъ, или, лучше сказать, не обращаетъ больше на нихъ вниманія. Еще нѣсколько минутъ плаванія — и онъ уже приближается къ желанной цѣли. Онъ видитъ, что пространство, которое ему предстояло переплыть, болѣе чѣмъ въ 500 сажень, онъ уже благополучно переплылъ, — и неописанная радость наполняетъ его сердце, и не вѣритъ онъ своимъ собственнымъ глазамъ. Но это минутное увлеченіе вдругъ исчезло и опасность не совсѣмъ еще миновалась для Райча. Русскіе солдаты, стоящіе на лѣвомъ берегу рѣки, замѣчая приближеніе смѣлаго пловца, что-то живо и проворно берутся за свои ружья; около пушекъ также молодецки дѣйствуютъ другіе, и бѣдному мальчику приходитъ въ голову ужасная мысль: «А что, думаетъ онъ, если русскіе солдаты, не зная кто я такой, и полагая, что я Турокъ, вздумаютъ вдругъ выстрѣлить въ меня?» Конечно, этого не было, да и не могло быть: ибо Русскіе, въ подобныхъ случаяхъ, не только на неизвѣстныхъ, но, къ высокой чести ихъ истинной храбрости, даже и на самыхъ отвѣвленныхъ своихъ враговъ не стрѣляютъ. (Кромѣ безчисленныхъ примѣровъ этого человѣколюбія Русскихъ, безпрестанно повторяющихся при столкновеніи ихъ съ непріателемъ, разительнѣйшимъ доказательствомъ тому служить и тотъ великій подвигъ казаковъ, который они совершили такъ славно при Евпаторіи, во время страшной бури 2-го ноября прошлаго года. Извѣстно, съ какимъ геройскимъ самоотверженіемъ эти удалцы спасли своихъ враговъ Турокъ, погибавшихъ въ волнахъ разъяреннаго моря, покинутыхъ тамъ Англичанами, ихъ любезными друзьями и союзниками!)

Наконецъ, Райчо-Николовъ, чрезъ огонь и воду, выходитъ благополучно на берегъ, какъ бы изъ купальни. Русскіе солдаты идутъ ему на-встрѣчу. Онъ также подходитъ и, чтобы пока-

зять имъ, что онъ христіанинъ, продолжаетъ осѣнять себя крестомъ и, вмѣсто прывѣтствія, читаетъ имъ вслухъ «*Отче нашъ*»...

Сколько храбрые, столько же и добрые русскіе солдаты, спѣшатъ, одинъ передъ другимъ, прикрыть наготу гостя, кто чѣмъ могъ. Принарядивъ его кое-какъ, угощаютъ его, чѣмъ Богъ послалъ, по походному, и своимъ радушіемъ, заботливостью, веселыми шутками, заставляють мальчика забыть только что миновавшую опасность и предаться на нѣсколько минутъ совершенно дѣтской, беззаботной радости, какъ бы у себя, въ кругу родныхъ.

Отдохнувъ такимъ образомъ нѣсколько, Райчо начинаетъ рассказывать, на болгарскомъ языкѣ, о цѣли своего прибытія. Солдаты кое-чего не поняли, но сдѣлавъ съ своей стороны для несчастнаго мальчика все, чтѣ только могли и чего требовало челоувѣколюбіе, не думали, однакожъ, видѣть въ его рассказахъ что-нибудь, заслуживающее вниманія. Тѣмъ не менѣе однакожъ не замедлили донести объ этомъ своимъ ближайшимъ начальникамъ. Последніе требуютъ мальчика къ себѣ, допрашиваютъ и, выслушавъ его не безъ вниманія, пересылають его въ свою очередь къ высшему начальству. Пересылаемый такимъ образомъ отъ начальника къ начальнику, Райчо наконецъ былъ приведенъ къ г-ну командующему тогда войсками 3, 4 и 5-го пѣхотныхъ корпусовъ, генераль-адъютанту князю Горчакову. На предложенные его сіятельствомъ вопросы, онъ, нисколько не смущаясь, смѣло и удовлетворительно отвѣчалъ, посредствомъ находящихся при главномъ штабѣ служащихъ Болгаръ, и подробно рассказалъ все, чтѣ зналъ о приготовленіяхъ и планахъ Турокъ. По этимъ свѣдѣніямъ немедленно были приняты начальствомъ надлежащія мѣры, которыя были весьма полезными для арміи, когда, два дня спустя, показанія Райча оказались совершенно вѣрными. Въ награду за преданность, Райчо былъ обласканъ его сіятельствомъ княземъ Горчаковымъ и награжденъ серебряною медалью съ надписью: *За усердіе*, на Аннинской лентѣ, и, сверхъ того, выдано ему 10 полуимперіаловъ. Потомъ, по ходатайству того же начальника, воспослѣдовало Высочайшее соизволеніе Государя Императора: принять Райча въ московское Ремесленное заведеніе для воспитанія на казенный счетъ, куда онъ на дняхъ и поступилъ и продолжаетъ теперь свое ученіе.

Райчо съ особенною благодарностью рассказываетъ о милостиномъ попеченіи дѣйствительнаго статскаго совѣтника А. П. Озерова, который, имѣя его при себѣ въ продолженіе почти 7 мѣсяцовъ, въ Кишиневѣ, далъ ему средства и возможность приготовиться къ

поступленію въ вышеозначенное заведеніе. Пишущій эти строки, какъ природный Болгаринъ, не можетъ упомянуть имени А. П. Озерова, не поблагодаривъ его искренно, какъ за оказанную имъ его земляку отеческую заботливость, такъ и за сочувствіе и благодѣтельное участіе, которое онъ постоянно принималъ въ дѣлахъ Болгаръ во всѣхъ странахъ и во всякихъ случаяхъ.

Поступокъ Райча-Николова, конечно, не единственное доказательство того самоотверженія, съ которыми Болгаре, въ благодарности своимъ благодѣтелямъ, какъ подъ Силистрією, такъ и въ княжествахъ, пробивались чрезъ ряды Турокъ и переходили къ Русскимъ, чтобы содѣйствовать имъ, чѣмъ только могли. Многимъ изъ нихъ несчастливо удалось достигнуть своей цѣли, и они были не бесполезны для своихъ благодѣтелей. Другіе же запечатлѣли свою преданность къ Россіи своею собственною кровью подъ выстрѣлами или ударами турецкаго ятагана. Большая часть Болгаръ, способныхъ носить оружіе, покинувъ свои семейства, свои занятія, приносили свою трудовую копейку на алтарь отечества, стремились со всѣхъ сторонъ къ своимъ старшимъ братьямъ съ готовностью сражаться противъ общихъ враговъ, и, если нужно, умереть за православную Вѣру и любезное отечество.

Извѣстныя начальству дѣйствія и поступки Болгаръ съ самаго начала настоящей войны доказываютъ какъ нельзя лучше, что, несмотря на четырехвѣковое, тяжкое иго, подъ гнетомъ котораго перенесли они неслыханныя бѣдствія и жестокости отъ своихъ варваровъ-повелителей,—Болгаре нисколько не утратили того воинственнаго духа, которымъ отличались нѣкогда ихъ предки, и что, когда дѣло идетъ объ освобожденіи родины, они готовы на всякія жертвы, не щадя и своей жизни.

С. В. Филаритовъ.

УЧЕНЫЯ ИЗВѢСТІЯ ИЗЪ ПЕТЕРБУРГА.

Если наша изящная словесность, въ настоящее время, находится въ состояніи дремоты или отдыха, за то ученая литература обогащается съ каждымъ годомъ трудами серьезными и прочными. Исчислимъ наиболее замѣчательные ученые труды, издаваемые въ настоящее время въ Петербургѣ.

Академія Наукъ, съ недавняго времени, начала издавать избранные труды свои по-русски. Спасибо за то! Не говоря объ Отдѣленіи Русскаго языка и Словесности, которое издаетъ чрезвычайно важныя *Извѣстія*, *Матеріалы* и *Ученыя Записки* (которыхъ первая часть вышла недавно), и другія два Отдѣленія издаютъ также, отдѣльно, свои *Ученыя Записки*. Со-временемъ эти раздвоенныя Записки, вѣроятно, сольются. «Ученыя Записки II Отдѣленія», издаванныя подъ редакцію неутомимаго И. И. Срезневскаго, особенно любопытны для русскихъ читателей. Дай Богъ имъ всякаго успѣха!

Археологическая Комиссія продолжаетъ печатаніе своихъ изданій: *Лѣтописей* и *Актовъ*.

Географическое Общество, кромѣ періодическаго своего изданія (*Вѣстникъ*), напечатало X книжку *Записокъ*, заключающую въ себѣ обзоръ нашей торговли съ Среднею Азіею, П. И. Небольсина; оно продолжаетъ также изданіе *Трудовъ Уральской Экспедиціи* и великолѣпное изданіе *Атласа Тверской губерніи*.

Археологическое Общество выдало VII томъ *Записокъ*, заключающей въ себѣ обширное сочиненіе г. Лакіера о Русской геральдикѣ, со множествомъ рисунковъ. Въ предсѣдатели Отдѣленія Русской археологіи избранъ И. И. Срезневскій, отъ учености и дѣятельности котораго мы въ правѣ ожидать оживленія русскихъ археологическихъ трудовъ. Отдѣленіе Восточной археологіи печатаетъ свои *Труды*. Не знаемъ, что дѣлаетъ изданіе *Сказанія о св. Борись и Глѣбѣ*, котораго ожидаемъ съ нетерпѣніемъ?

Второе Отдѣленіе Собственной Е. И. В. Канцеляріи (подъ главнымъ начальствомъ графа Д. Н. Блудова) продолжаетъ изданіе *Разрядныхъ книгъ, Дворцовыхъ разрядовъ и Памятниковъ дипломатическихъ сношеній.*

Эрмитажъ оканчиваетъ великолѣпное изданіе *Керченскихъ древностей.*

Кабинетъ Его Величества (подъ главнымъ начальствомъ графа А. А. Перовскаго) печатаетъ *Отчетъ объ археологическихъ розысканіяхъ въ Россіи за 1853 годъ*, съ рисунками.

Императорская Публичная Библіотека (подъ начальствомъ барона М. А. Корфа) напечатала свой *Отчетъ за 1854 г* Изданная ею перепечатка старѣйшаго года Вѣдомостей разошлась, и теперь нѣтъ уже болѣе ни одного экземпляра въ продажѣ.

Сколько богатыхъ матеріаловъ для изученія, сколько новыхъ данныхъ для науки! Забавно, послѣ этого, читать вопли Фельетолистовъ о застоѣ въ литературѣ и т. п.! Когда же выходило у насъ болѣе дѣльныхъ книгъ серьезнаго содержанія? Великіе таланты вездѣ рѣдки; обиліе же серьезныхъ книгъ свидѣтельствуетъ о зрѣлости литературы. Будущіе великіе двигатели нашей литературы вступятъ на поприще, на которомъ скромные труженики заготовили богатый матеріалъ для умѣющихъ имъ пользоваться.

О частныхъ ученыхъ трудахъ умалчиваемъ, по недостатку свѣдѣній о нихъ.

Къ матеріаламъ для современной исторіи принадлежатъ *Сборникъ извѣстій о войнѣ*, продолжаемый безостановочно, съ умѣніемъ и большимъ усвѣхомъ, и *Морской Сборникъ*, сдѣлавшійся любимымъ чтеніемъ многихъ даже не моряковъ: такъ занимательны, новы и важны помѣщаемыя въ немъ оффиціальныя и полуоффиціальныя извѣстія!

Объ ученomъ отдѣлѣ ежемѣсячныхъ журналовъ не говоримъ, потому что на замѣчательныя статьи, въ нихъ помѣщаемыя, указываетъ «Журналистика».



КАРТИНЫ

ПОЛЯРНЫХЪ СТРАНЪ.

Въ то время, какъ открытіе Америки пробудило страсть къ мореплаванію во многихъ изъ главнѣйшихъ народовъ Европы, — Полярнымъ морямъ, не взирая на всѣ представляемыя ими затрудненія и опасности, суждено было подпасть подробному изслѣдованію ранѣе прочихъ частей Великаго Океана. Первоначально въ Арктическія моря завлекли мореходцевъ желаніе и надежда открыть сѣверно-западный путь въ Индію; а вскорѣ потомъ китовая ловля начала ежегодно собирать туда цѣлыя флоты купеческихъ судовъ. Такимъ образомъ страны, долго считавшіяся неприступными, сдѣлались, въ теченіе короткаго времени, цѣлью людской предприимчивости и торговой дѣятельности. Доннынъ намъ неизвѣстно, и едва-ли мы будемъ знать когда-нибудь, имя того, кто первый, посѣтивъ Сѣверный Океанъ, открылъ страны, въ немъ лежащія. Впрочемъ, мы имѣемъ основательныя причины думать, что Норвежцы, въ концѣ девятаго столѣтія, знали уже о существованіи Гренландіи и даже пытались, нѣсколько познѣе, основать въ ней колоніи.

Если бы намъ предстояла необходимость показать торжество челоуьческаго ума и мореходной науки въ томъ видѣ,

въ какомъ они проявляются въ исторіи мореплаванія, то мы должны были бы обратиться къ путешествіямъ Колумба, Магеллана и Васко-де-Гамы. Если же захотимъ представить картины неустрашимости и твердости моряковъ, картины ихъ борьбы съ опасностями, ихъ тяжкіе труды, то, безъ сомнѣнія, лучше успѣемъ въ этомъ, описывая приключенія и страданія первыхъ изслѣдователей Сѣвернаго Океана. Между ними мы найдемъ людей, которые, пускаясь въ непрочныхъ, ненадежныхъ судахъ въ открытое море и испытывая все опасности, сопряженныя съ плаваніемъ по неизвѣстнымъ морямъ, добровольно подвергаютъ себя и суровости климата и гибельнымъ столкновеніямъ съ пловучими массами льда, и жестокии бурнымъ переменамъ погоды, и, наконецъ, томительной смерти среди ледяныхъ преградъ, чрезъ которыя стремятся проникнуть. Путь морей, гдѣ плаваніе было бы столько же страшно и гибельно, какъ въ моряхъ сѣверныхъ. Тамъ каждый изъ грозно-идущихъ одинъ за другимъ айсберговъ, высоко поднявъ чело свое, безпрестанно понуждаетъ мореплавателя измѣнить направленіе; каждый открывшійся проливъ, какъ будто напоминаетъ ему о возвратѣ въ страны умѣреннаго климата, пока есть еще возможность; каждая удлинняющаяся полярная ночь все болѣе и болѣе помрачаетъ и безъ того уже неясныя его надежды и суживаетъ кругъ его средствъ и возможностей. Въ подобныхъ обстоятельствахъ находились Сэръ Гью-Уиллоби, Гбдсонъ, Бѣренцъ, Дэвисъ, Монкъ, Найгъ и другіе, большая часть которыхъ впослѣдствіи погибла жертвами страсти къ полярнымъ открытіямъ. Дошедшіе до насъ рассказы нѣкоторыхъ изъ этихъ мореплавателей изобилуютъ событіями самыми плачевными и представляють людей въ положеніяхъ самыхъ бѣдственныхъ и гибельныхъ. Поэтому, при чтеніи путешествій этихъ раннихъ плавателей, наше вниманіе увлекается судьбою участвовавшихъ въ нихъ лицъ болѣе, нежели целью, къ достиженію которой они обрекали себя. Повѣствованія о новѣйшихъ экспедиціяхъ въ эту часть свѣта дѣйствуютъ на насъ совершенно иначе, ибо предосторожности, принимаемыя съ целью упрочить удобства и безопасность путешественниковъ, въ настоящее время изучены и доведены до

такой степени совершенства, что во многом дѣлають положеніе ихъ, сравнительно говоря, безопаснымъ.

Пачальными причинами, побуждавшими мореплавателей переплывать сѣверный полярный кругъ, были, какъ извѣстно, желаніе открыть сѣверо-западный путь въ Индію и надежда на обильную добычу золотыхъ и серебряныхъ рудъ. Первая изъ этихъ причинъ, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, уступала мѣсто второй, что мы знаемъ изъ трехъ путешествій Мάρтина Фрѣбишера къ берегамъ Гренландіи, совершенныхъ по повелѣнію королевы Елизаветы. Идея исканія рудъ въ странахъ приполюсныхъ съ давняго времени покинута окончательно; но попытки открытія сѣверо-западнаго пути постоянно занимали Европейцевъ и въ особенности въ текущемъ столѣтіи Англичанъ, которые, съ свойственными имъ постоянствомъ и упорствомъ, долго добивались осуществленія этой мысли. Много жертвъ понесено ими въ этомъ дѣлѣ въ продолженіе столькихъ лѣтъ, казавшихся бесполезными, и наконецъ цѣль ихъ достигнута: въ прошедшемъ году капитанъ Макъ-Клюръ, отправившійся со стороны Берингова Пролива отыскивать пропавшаго Франклина и самъ пропадавшій три года, неожиданно явился въ Гренландіи, совершивъ плаваніе вдоль сѣвернаго берега американскаго материка, и открылъ путь, до котораго такъ долго добивались. Ученый міръ съ нетерпѣніемъ ждетъ описанія этого славнаго открытія. За разрѣшеніемъ двухъ издавна-существовавшихъ вопросовъ—о драгоценныхъ рудахъ и о полярномъ пути, изъ коихъ послѣдній, вѣроятно, еще на долгое время займетъ умы, нужно необходимо упомянуть еще о третьемъ классѣ мореплавателей, которые посѣщаютъ сѣверныя моря съ цѣлью промышленною: мы разумемъ китолововъ. Китовая ловля издавна привлекала Норвежцевъ, Датчанъ, Голландцевъ, Французовъ, Великобританцевъ и Русскихъ и занимала множество кораблей и народа; но съ нѣкотораго времени число этихъ промышленниковъ въ сѣверныхъ моряхъ уменьшилось, ибо ловля день отъ дня становится менѣе выгодною. Это должно приписать малочисленности и мелкости китовъ, уменьшенію потребности въ китовомъ жирѣ вслѣдствіе замѣненія его водоуглероднымъ газомъ, и, наконецъ, тор-

говому соперничеству съ китоловами Тихаго Океана и Мыса Доброй Надежды.

Полярныя моря судоходны только въ продолженіе іюня, іюля и августа. Они, не смотря на звой вѣчно суровый климатъ, являютъ гораздо больше разнообразія, нежели моря жаркаго, или умѣреннаго пояса. Въ безмолвныхъ полярныхъ моряхъ, въ продолженіе тамошняго кратковременнаго лѣта, прихода является во всемъ своемъ величїи, красотѣ и поразительности: тамъ океанъ и небо, въ теченіе одного дня, представляютъ столько разнообразныхъ явленій, сколько едва ли можно встрѣтить въ теченіе мѣсяца на спокойныхъ пространствахъ Тихаго Океана, или на непогодныхъ берегахъ Европы и Южной Америки. Путешественникъ, достигнувъ предѣловъ Сѣвернаго Моря, замѣчаетъ, что поверхность его покрыта болѣе или менѣе льдами, которые однако же еще не замедляютъ хода его корабля; но, подавшись на пятьдесятъ или шестьдесятъ миль далѣе къ сѣверу, онъ уже встрѣчаетъ обширныя ледяныя поля, имѣющія нѣсколько миль въ окружности и отъ пятнадцати до двадцати футовъ въ толщину. Узкіе проливы разделяютъ эти массы, и корабль, пролагая себѣ путь по самымъ широкимъ и менѣе загражденнымъ изъ нихъ, достигаетъ наконецъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ айсберги, подобно скаламъ, грозно возстаютъ одинъ предъ другимъ во всей дикой наготѣ своей. Эти ледяныя группы неподвижно стоятъ, подобно горнымъ хребтамъ, или, тревожимыя вѣтрами и морскими теченіями, безпрестанно мѣняютъ свои положенія и горятъ яркими радужными цвѣтами, обнаруживающими какъ свойства ихъ внутренняго состава, такъ и красоту и причудливость вѣншихъ очертаній. Самые огромные изъ айсберговъ по болѣе части представляютъ съ одной стороны широкій фасъ, отвѣсно-подымающійся, подобно скалистому обрыву, надъ поверхностью воды, а съ другой постепенно склоняются къ уровню моря. Нѣкоторые изъ нихъ принимаютъ видъ гигантскихъ зданій или развалившихся замковъ, или кораблей, идущихъ подъ всѣми парусами; другіе же представляютъ башни и шпицы какъ бы отдаленнаго города, или состоятъ изъ громадной ледяной плиты, поддерживаемой, подобно столу,

одною совершенно-отдѣльною колонною. Айсберги, долгое время подверженные дѣйствию волнъ, являютъ вымоины въ видѣ пещеръ и камеръ различной формы, или образуютъ сѣтчатую массу, которая, преломляя солнечные лучи, окрашивается самыми дивными призматическими красками. Преобладающій цвѣтъ айсберговъ, въ особенности если поверхность ихъ размыта моремъ, всегда зеленый, густой въ большей или меньшей степени. Если же они покрыты снѣгомъ или инеемъ, то имѣютъ ослѣпительную близизну и ярко блестятъ на солнцѣ. Наконецъ есть айсберги темнаго цвѣта и нисколько непрозрачные, по причинѣ заключающихся въ составъ ихъ земли, камней и другихъ постороннихъ веществъ. Впрочемъ, какой бы цвѣтъ и какую бы форму айсберги ни имѣли, глазъ никогда не утомится ихъ наблюденіемъ. въ особенности если они тихо колеблются вѣтромъ: въ этомъ случаѣ они или раскрываютъ передъ вами обширныя, правильныя амфилалы, гдѣ взоры теряются въ сизои дали; или, стѣснившись огромными массами, громоздятся другъ на друга, пока вся ледяная громада, достигнувъ ужасающей величины, отъ внезапнаго столкновенія, не упадетъ съ оглушительнымъ громомъ и трескомъ. Съ прекращеніемъ волненія, раздѣлившіеся айсберги являютъ въ формахъ еще болѣе удивительныхъ, какъ будто поновленные столкновеніями, которыя, казалось, были предназначены только на ихъ гибель и уничтоженіе.

Особенное состояніе атмосферы въ сѣверныхъ моряхъ много способствуетъ разнообразію тамошнихъ видовъ, оптически измѣняющагося всякаго рода предметы. Это измѣненіе зависитъ отъ неодинаковаго преломленія лучей свѣта въ воздухѣ, преломленія, производимаго, съ одной стороны, чрезмѣрнымъ холодомъ, а съ другой, полуденною теплотою солнца, что совершенно сходно съ миражемъ жаркихъ и умѣренныхъ климатовъ, съ тою только разницею, что тутъ они гораздо явственнѣе и разительнѣе. Въ полярныхъ странахъ преимущественно въ полдень эти явленія достигаютъ наибольшей своей ясности: въ это время нерѣдко корабли, идущіе въ нѣсколькихъ миляхъ отъ наблюдателя, представляются ему или высоко поднятыми надъ поверхностью моря, или съ отдѣленными отъ кюзова

мачтами, съ укороченными или растянутыми и увеличенными въ числѣ парусами и реями. Чаше же всего цѣлый корабль является опрокинутымъ и какъ бы повѣшеннымъ въ воздухъ, такъ-что верхушки его мачтъ касаются поверхности моря. Подобному искаженію подвергаются и айсберги: нерѣдко кажется, что они плаваютъ въ атмосферѣ, или увѣнчаны шпицами и перерѣзаны разщелинами, коихъ на самомъ дѣлѣ не существуетъ. Всего удивительнѣе въ этомъ то, что преломленіе лучей иногда приносить въ предѣлы человеческого зрѣнія изображенія такихъ предметовъ, которые въ дѣйствительности лежатъ гораздо ниже горизонта, и слѣдовательно не могутъ быть видимы для глаза, даже вооруженнаго сильнымъ телескопомъ. Такъ одна часть гренландскаго берега, называемая Гомсъ Фор-лендъ и имѣющая 3,500 футовъ высоты надъ моремъ, была однажды ясно замѣчена капитаномъ Скдрзби на разстояніи 160 миль; при обыкновенномъ же состояніи атмосферы на такомъ пространствѣ видѣть ее нѣтъ возможности, даже и тогда, когда высота ея была бъ въ 20,000 футовъ. Дѣйствіе рефракціи въ этомъ случаѣ равнялось 8,500 футамъ или одной четверти дуги разстоянія. Въ другой разъ, въ теченіе того же самаго лѣта, онъ увидѣлъ на небѣ обратное изображеніе корабля, и по внимательномъ разсмотрѣніи сказалъ, что это долженъ быть «Слава» — корабль, которымъ командовалъ его отецъ. Впослѣдствіи это оказалось совершенно справедливымъ, хотя разстояніе между обоими судами, въ моментъ наблюденія, было около тридцати миль, такъ-что одно изъ нихъ находилось на разстояніи семнадцати миль за горизонтомъ и, слѣдовательно, на нѣсколько миль за предѣлами зрѣнія. Небесныя тѣла также поддаются подъ вліяніе полярной рефракціи; тамъ непрерывно являются ложныя солнца, луны и круги около обоихъ этихъ свѣтилъ и придаютъ невыразимое величіе небу, ночью освѣщаемому сѣвернымъ сіяніемъ и другими электрическими явленіями.

Не одни айсберги загроудняютъ плаваніе по сѣвернымъ морямъ: туманы и сильныя вѣтры представляютъ не менѣе опасностей. Послѣдніе дуютъ тамъ по большей части съ сѣвера и сѣверо-запада, и, быстро нанося льды, часто грозятъ

затереть корабли между огромными ихъ массами. Къ счастью, море въ это время рѣдко подвергается сильному волненію, ибо айсберги защищаютъ его поверхность отъ напора воздуха; а если оно покрыто ледяными пластами или полями, то волненіе бываетъ еще незначительнѣе, ограничиваясь только малою зыбью. Въ бурю мореплавателъ часто находитъ убѣжище съ подвѣтренной стороны айсберга, къ которому причаливаетъ свое судно и укрывается какъ бы въ гавани пловучаго острова. Въ другое время онъ взбирается на вершину мачты съ телескопомъ въ одной рукѣ и съ рупоромъ въ другой, обозрѣваетъ окружающее море, и, отдавая сверху приказанія, ведетъ свой корабль чрезъ наиболѣе широкіе проливы, открывающіеся предъ его глазами въ полузамерзшемъ пространствѣ, лежащемъ подъ его кормой. — Нѣтъ рода мореплаваній, включая сюда даже путешествія съ цѣлью открытій, который требовалъ бы столько неослабнаго вниманія со стороны участвующихъ въ немъ людей, сколько нужно въ путешествіяхъ, предпринимаемыхъ въ полярныя моря для китовой ловли. Тутъ открывається поприще непрестанныхъ заботъ, тяжкаго труда и самыхъ близкихъ опасностей. Суровость климата составляетъ малѣйшее изъ испытаній, сопряженныхъ съ подобнымъ плаваніемъ. Каждый неопытный въ плаваніи по Сѣверному Океану мореходецъ, видя себя окруженнымъ со всѣхъ сторонъ айсбергами, непременно сочтетъ свое положеніе гибельнымъ, въ особенности когда вступить въ такіе проливы, въ которыхъ нѣтъ достаточнаго простора для маневрированія кораблемъ, и когда, взглянувъ назадъ, замѣтитъ, что всѣ выходы въ обратный путь заперты или быстро загромождаются льдами. Но это не устрашаетъ гренландскихъ китолововъ, и они не видятъ, по крайней мѣрѣ въ началѣ лѣта, большой опасности въ подобныхъ путешествіяхъ, ибо хорошо знаютъ, что льды почти никогда не задерживаютъ ихъ такъ, чтобы можно было опоздать своевременнымъ возвратомъ къ югу. Примеры продолжительнаго и гибельнаго задержанія посреди льдовъ весьма рѣдки и случались по большей части съ Голландцами, которые ходятъ на китовую ловлю къ сѣверу гораздо дальше, чѣмъ другіе народы. Известно, что животныя вещества могутъ

сохраняться подо льдомъ чрезвычайно долго: такъ цѣлый трупъ мастодонта, открытый нѣсколько лѣтъ тому назадъ на обледѣннѣлыхъ берегахъ Сибири, долженъ былъ лежать тамъ крайней мѣрѣ нѣсколько столѣтій. На этомъ основаніи можно предположить, что когда-нибудь въ будущемъ найдутъ корабль, заключенный, со всѣмъ своимъ экипажемъ, въ ледяной массѣ, подобно насѣкомому въ прозрачномъ кускѣ янтаря, и, какъ знать? — можетъ статься увидятъ въ немъ несчастныхъ страдальцевъ въ тѣхъ же положеніяхъ, въ которыхъ они умирали тридцать или сорокъ лѣтъ тому назадъ, съ тѣми же предметами, которые были тѣсно связаны съ ихъ прежнимъ существованіемъ и которые сохранились безъ перемѣны, безъ разрушенія — и даже, можетъ быть, тотъ пепель отъ послѣдняго огня, передъ которымъ послѣдній изъ пережившихъ отогрѣвалъ свои ледяющіе члены!

Возможность достигнуть водою сѣвернаго полюса съ нѣкотораго времени перестала быть предметомъ существовавшихъ прежде преній: теоретики, долго ратовавшіе въ защиту идеи о существованіи открытаго моря въ этой части свѣта, принуждены были, вслѣдствіе новѣйшихъ морскихъ изслѣдованій, отказаться отъ своего мнѣнія. Сравненіе высотъ, на которыхъ встрѣчается вѣчный снѣгъ въ различныхъ частяхъ земнаго шара, начиная отъ экватора вплоть до сѣвернаго полярнаго круга, положительно опредѣлило линію постояннаго замерзанія: въ первомъ мѣстѣ на высотѣ 15,000 футовъ, а во второмъ на высотѣ 3,500 ф. надъ уровнемъ моря. Если продолжить эту линію въ правильной послѣдовательности къ полюсу и соразмѣрить ея пониженіе сообразно съ уменьшеніемъ температуры по мѣрѣ приближенія къ оконечности земной оси, то мы найдемъ, что снѣговая линія должна проходить тамъ на пять или на шесть сотъ футовъ ниже поверхности, будетъ ли эта поверхность состоять изъ суши, или изъ воды. Это неминуемо поведетъ насъ къ заключенію, что подъ полосомъ господствуютъ вѣчные льды, дѣлающіе невозможнымъ существованіе открытаго моря даже и среди самаго жаркаго лѣта. Участіе, возбуждаемое ледовитыми странами, и множество отважныхъ попытокъ, сдѣланныхъ съ цѣлью осмо-

требъ и изслѣдовать ихъ, происходятъ не столько отъ желанія открытъ въ нихъ что-либо полезное или необыкновенное, сколько отъ желанія удовлетворить какое-то неопредѣленное влеченіе проникнуть въ тайну, подъ завѣсою которой хранится столь обширная часть нашей планеты. Сѣверный полюсъ своимъ запустѣніемъ и мракомъ, вѣроятно, превосходитъ все, чѣмъ только мы можемъ себя представить подобнаго; но не взирая на это, кто не пожелалъ бы провести тамъ хотя нѣсколько мгновений, — кто не захотѣлъ бы ступить на этотъ рубежъ міра, чгобы собственными глазами взглянуть на обращеніе свѣтилъ небесныхъ съ столь величественнаго пункта, и собственнымъ голосомъ спросить природу, съ какою целью такое обширное пространство земнаго шара остается необитаемымъ и бесполезнымъ для чловѣка?

Китоловныя суда въ теченіе двухъ-сотъ лѣтъ постоянно посѣщаютъ Гренландскія моря; однако же всѣ наши географическія свѣдѣнія объ этихъ моряхъ почерпнуты совершенно изъ другихъ источниковъ. Это потому, что шкипера подобныхъ судовъ почти всегда ходятъ одними и тѣми же путями, и будучи опытными моряками-практиками, рѣдко имѣютъ при себѣ инструменты, необходимыя для точныхъ наблюденій, не говоря уже о томъ, что по своимъ промышленнымъ цѣлямъ они по необходимости обращаютъ вниманіе только на предметы, болѣе близкіе ихъ призванію. Вслѣдствіе этого, многіе берега и острова означались на картахъ, и можетъ-быть означаются еще и нынѣ, на весьма неточныхъ данныхъ, и это тѣмъ скорѣе, что скопляющіеся въ нѣкоторыхъ мѣстахъ айсберги нерѣдко вводятъ наблюдателя въ заблужденіе сходствомъ своимъ съ сушею. Скбрзби, обозрѣвая сѣверо-восточный берегъ Гренландіи, не ранѣе какъ въ 1822 г., нашелъ, что извѣстная часть его отстоитъ на 820 миль далѣе того меридіана, подъ которымъ она означена на картахъ, изданныхъ для руководства китолововъ. Нынѣ нѣкоторые географы сомнѣваются съ существованіемъ даже Баффинова Залива.

Сѣверный океанъ долгое время служилъ Европейцамъ обширною сокровищницею, ежегодно вскрывающею свою ледяную крышу, изъ-подъ которой они извлекаютъ заключаю-

щеся въ ней богатство. Немногіе изъ богатѣйшихъ въ мірѣ рудниковъ доставляли людямъ столько сокровищъ, сколько доставляетъ при малыхъ, сравнительно, издержкахъ арктическая китовая ловля. Народы Сѣверной Европы болѣе двухъ-сотъ лѣтъ производятъ ее съ бѣльшимъ или меньшимъ успѣхомъ, извлекая ежегодно болѣе трехъ милліоновъ рублей серебромъ чистой прибыли, а въ иные годы гораздо болѣе. Одни Голландцы, въ теченіе послѣднихъ шестидесяти лѣтъ, убили круглымъ числомъ 40,000 китовъ, цѣною на 155,000,000 руб. сер. Но постоянное занятіе многихъ народовъ китовою ловлею въ теченіе столь продолжительнаго времени значительно уменьшило число китовъ, по крайней мѣрѣ въ арктическихъ моряхъ, и потому теперь китомовы вынуждены въ своихъ поискахъ углубляться гораздо далѣе, чѣмъ прежде, къ сѣверу. Если принять въ соображеніе сравнительно малое пространство океана, на которомъ эта ловля доселѣ производилась, потомъ огромное количество китовъ, убитыхъ со времени ея начала, и наконецъ чрезвычайно-медленное ихъ размноженіе по причинѣ продолжительнаго срока, потребнаго для достиженія зрѣлаго возраста этихъ животныхъ: то нельзя не удивляться тому, что они доселѣ еще не истреблены окончательно. Это тѣмъ удивительнѣе, что самка за-разъ рѣдко производитъ болѣе одного дѣтеныша, который, какъ думаютъ, достигаетъ полнаго своего развитія не ближе, какъ чрезъ столѣтіе. Многіе думаютъ, что сѣверныя моря ежегодно пополняются новыми стадами китовъ изъ какого-то обширнаго и неприступнаго разсадника, лежащаго близъ полюса, гдѣ это животное рождается и размножается, не будучи тревожимо человекомъ. Допустить такое мнѣніе, кажется, невозможно, потому-что всѣмъ видамъ китовъ потребенъ для дыханія свободный и частый доступъ къ поверхности воды, къ предѣламъ атмосфернаго воздуха, что въ странахъ, во всякое время года покрытыхъ постояннымъ и толстымъ слоемъ льда, для нихъ рѣшительно невозможно. Если же допустить, что лѣтомъ въ отдаленномъ сѣверѣ море освобождается отъ своей ледяной крыши и китамъ представляется возможность существовать тамъ: то необходимо будетъ предположить, что, съ наступленіемъ осени, они, также какъ и

китоловы, спешать покинуть мѣста приполюсныя, подавался, по мѣрѣ усиленія холода, все далѣе и далѣе къ югу, гдѣ море остается открытымъ. Но мы не имѣемъ достаточныхъ данныхъ въ подтвержденіе того, что киты зимою встрѣчаются подъ меньшими широтами, чѣмъ лѣтомъ; но судя по ихъ анатомическому строенію, кажется это такъ и быть должно: ибо вся та поверхность океана, въ которой находятъ и ловятъ китовъ въ іюнѣ, іюль и августѣ, покрывается одною непроницаемою корою льда во все остальное время года. Если миграція китовъ существуетъ, то, вѣроятно, пройдетъ еще много времени прежде, нежели мы узнаемъ достоверно причины такого явленія, также какъ и причины перехода другихъ животныхъ съвера, не менѣе многочисленныхъ и не менѣе важныхъ въ дѣль промышленнаго лова. Мы разумѣемъ сельдей.

Въ торговль рыба эта несравненно важнѣе, чѣмъ самый китъ, по своему обилію и по удобствамъ, съ которыми производится ея ловъ, служащій отличною школою для воспитанія моряковъ. Ежегодная миграція многочисленныхъ полчищъ этой рыбы изъ Сѣвернаго Океана къ югу, образы ея раздѣленія на отряды, направляющіеся вдоль береговъ Америки, Европы и Великобританскихъ острововъ, составляютъ предметы, возбуждающіе общее удивленіе. Ловля китовъ въ ихъ отдаленномъ, родимомъ логовищѣ сопряжена со многими затрудненіями и опасностями; между тѣмъ какъ сельди, добровольно приближаясь къ берегамъ земель сѣвернаго полушарія, такъ сказать, сами отдаются въ руки челоуьку, почти не требуя отъ него ни трудовъ, ни издержекъ. Своею числительностью, рыба эта превосходитъ всѣ другіе существующіе роды; обыкновенно она идетъ густыми стадами, иногда простирающимися въ ширину отъ четырехъ до пяти миль, а въ длину отъ сорока до пятидесяти; въ глубину же, какъ полагаютъ, отъ тысячи до тысячи двухсотъ футовъ. Присутствіе и направленіе ея днемъ обыкновенно обозначается рябью на поверхности моря, а ночью фосфорическимъ блескомъ воды.

Въ ежегодномъ появленіи сельдей намъ представляется второй примѣръ непостижимаго обилія Ледовитаго Моря, откуда они ежегодно выходятъ въ несметномъ количествѣ, и куда,

вѣроятно, возвращаются опять въ то время, какъ исчезаютъ въ южныхъ частяхъ океана.

Періодическіе переходы сельдей любопытны еще и въ томъ отношеніи, что даютъ намъ понятіе о томъ, какое различіе въ степеняхъ температуры они способны выносить по преимуществу предъ всеми прочими морскими животными. Большая часть рыбъ ограничиваетъ свое мѣстопробываніе извѣстными градусами широты, за которые онѣ никогда не переходятъ, и за которыми не могутъ существовать. Такъ акула, летучая рыба, bonito и многія другія встрѣчаются только на разстояніи тридцати градусовъ по обѣ стороны экватора; а треска, семга и нѣкоторые виды китовъ замѣчаются только въ умеренныхъ и холодныхъ климатахъ. Сельдь же, живя въ своихъ родныхъ моряхъ, при температурѣ нѣсколько ниже точки замерзанія, ежегодно во время миграціи безвредно переходитъ чрезъ 50 степеней теплоты по термометру Фаренгейта, ибо достигаетъ на югъ до береговъ Каролины, гдѣ вода океана, отъ вліянія Флоридскаго заливнаго теченія, имѣетъ температуру въ 80° и даже нѣсколько болѣе.

Сѣверный океанъ, въ продолженіе нѣсколькихъ столѣтій, считался областью самыхъ дикихъ чудесъ природы. Зимній мракъ его и бури сильно дѣйствовали на мрачное воображеніе жителей Скандинавіи, и они населили этотъ океанъ чудовищами и несбыточностями. Тамъ, по ихъ повѣрью, Мальстромскій водоворотъ непреоборимою, ежеминутно увеличивающеюся силою, притягивалъ суда въ свои пучины, крутилъ ихъ въ кипучихъ волнахъ своихъ съ такою быстротою, что находившіеся на нихъ люди лишались ума, и наконецъ съ дикимъ воплемъ увлекалъ въ преисподнія земли. Тамъ, по ихъ рассказамъ, живетъ страшный краккенъ—рыба, имѣющая нѣсколько миль въ окружности, всплывающая на поверхность моря подобно острову и по временамъ выставяющая усы свои, высокою равные мачтамъ самыхъ большихъ кораблей. Тамъ гнѣздится змѣй съ лошадиной головой и огненными глазами, въ тихую и ясную погоду развертывающійся по морю во всю длину свою. Тамъ же, по ночамъ, при лунномъ свѣтѣ, выходятъ на прибрежныя скалы сирены, а по отмелямъ ползаетъ

чудовищная карокатица или шевелится гигантскій полищъ, хватающій огромными шупальцами приближающееся къ нему судно и пожирающій несчастныхъ плователей.

Въ этихъ повѣрїяхъ намъ ничего не представляется стройнаго или величественнаго. Грубое и невыработанное воображеніе Скандинавовъ увлечено было только идеями ужаса, громадности и безобразія.

Первый берегъ, встрѣчаемый мореплывателями, идущими къ Сѣверному полюсу обыкновеннымъ путемъ, есть берегъ южной оконечности Гренландіи, первоначально названный Землею Запустѣнія, а теперь именуемый Мысомъ Прощанія, или правильнѣе Мысомъ «Прощай». Съ приближеніемъ къ нему ни благоуханіе растительности, ни шумъ вѣтра въ лѣсахъ не возбуждаютъ путешественнику о сосѣдствѣ земли; тщетно блуждаетъ взоръ его изъ стороны въ сторону, отыскивая людское жильё, или слѣды общественныхъ трудовъ; напрасно нетерпѣливымъ ухомъ силится онъ уловить голосъ какой-нибудь птицы или какого-нибудь животнаго. Глубокое, страшное молчаніе господствуетъ вдоль пустынныхъ береговъ, отвѣсно поднимающихся на высоту двухъ или трехъ сотъ футовъ и состоящихъ изъ темноокрашенныхъ скалъ, увѣчаныхъ ледянымъ или снѣжнымъ кряжемъ. Во многихъ мѣстахъ они прорваны глубокими заливами и тѣсными протоками, въ которыхъ море лежитъ ненарушимо и ровно какъ стекло. Тутъ глубокая и сухая долина, съ обрывистыми окраинами, прорѣзываетъ берегъ и тянется далеко внутрь земли; тамъ айсберги, подобно горамъ, возносятся свои твердыни и уничтожаютъ всякую мысль о возможности приблизиться къ нимъ; еще далѣе прилегаютъ къ берегу группа островковъ, столько же бесплодныхъ и пустынныхъ. Внутренность страны представляетъ послѣдовательныя массы возвышенностей, коихъ нижнія части закованы льдомъ или глубоко засыпаны снѣгомъ, а вершины, заостренныя подобно шпичамъ, состоятъ изъ сухихъ скалъ, которыя, будучи подвержены дѣйствию вѣтровъ, рѣдко покрываются льдами и

по большей части остаются въ первобытной наготѣ своей. Не смотря на все это, повсюду господствующее въ сѣверныхъ странахъ величественное спокойствіе смягчаетъ видимые ужасы. Тамъ каждый предметъ какъ бы дышетъ безмолвіемъ и тишиной. Природа приняла тамъ одно изъ самыхъ ненарушимыхъ своихъ положеній. Необитаемая долины, безмолвные берега, спокойное море, неподвижные льды, однимъ словомъ, все сочтается тамъ въ такое согласіе, что зритель невольно созерцаетъ картину цѣлаго съ необъяснимымъ внутреннимъ удовольствіемъ, и даже чувствуетъ, что присутствіе живыхъ существъ или какихъ-нибудь слѣдовъ ихъ дѣятельности лишило бы эти мѣста ихъ торжественности и самобытности. Доселѣ изслѣдованные берега полярныхъ странъ сходны между собою по характеру: они круты, скалисты и нерѣдко изъ самаго моря поднимаются какъ горы. Кой-гдѣ хрищеватыя береговья окраины какъ будто бы представляютъ удобныя мѣста для высадки; но за то айсберги, стѣснившіеся передъ ними, до того загроздили ихъ, что препятствіе отъ этого является больше чѣмъ отъ обрывистаго ихъ характера. Внутреннія части Гренландіи и Шпицбергена, сколько извѣстно, чрезвычайно неровны; во многихъ мѣстахъ онѣ пересѣкаются впадинами и долинами, хотя, впрочемъ, въ первой изъ этихъ странъ находятся значительныя равнинныя пространства.

Берега Новой Земли, по видимому, менѣе возвышены и не столько неправильны, сколько берега другихъ полярныхъ странъ. Впрочемъ, говоря о нихъ вообще, нельзя не сказать, что всѣ наши топографическія свѣдѣнія о сѣверѣ крайне сбивчевы по причинѣ невозможности опредѣлить: чтò въ нихъ ледъ и чтò земля. Въ Западной Гренландіи есть нѣсколько мѣстъ, которыя людямъ удалось обработать въ нѣкоторой степени; на Шпицбергенѣ же и Новой Землѣ почти нѣтъ никакой почвы, и все, чтò они производятъ, ограничивается кой-какими мхами, кустиками цинготной травы и нѣкотораго рода малорослой ивы, не поднимающейся выше чегырехъ или пяти дюймовъ надъ поверхностію земли. Туземныя гренландскія растенія гораздо многочисленнѣе, однакоже и они не обильны и не имѣютъ той высоты, которая могла бы хотя сколько-нибудь измѣнить общій

видъ страны или придать особливый оттѣнокъ ея однообразному характеру, отличающемуся только горами, утесами, снѣгомъ и льдинами. Правда, что въ срединѣ полярнаго лѣта являющіеся внезапно рѣчки и водопады нѣсколько измѣняютъ картину; но ихъ существованіе и кратковременно и невѣрно: достаточно нѣсколькихъ часовъ сильнаго мороза, чтобы заковать ихъ сгрун и сдѣлать столько же твердыми и неподвижными, сколько и тѣ льдины, изъ которыхъ они получили свое начало.

Скудная растительность полярныхъ странъ и совершенное отсутствіе деревьевъ придаютъ особенную важность явленію въ нихъ въ огромномъ количествѣ плавучаго или прибойнаго лѣса, покрывающаго восточный берега Гренландіи и Шпицбергена и составляющаго обильный источникъ топлива и строеваго матеріала въ странахъ, которыя сами по себѣ не производятъ ни того, ни другаго. Этотъ прибойный лѣсъ состоитъ преимущественно изъ лиственницъ, сосенъ и кедровъ, изъ коихъ нѣкоторые плаваютъ съ корнями и вѣтвями въ совершенно свѣжемъ состояніи, а другіе представляются лишенными коры, сгнившими и исчервоточенными. Запасъ плавучихъ деревьевъ съ каждымъ годомъ подбавляется наплывомъ новаго количества стволовъ, иногда скопляющихся въ такомъ множествѣ, что они запираютъ устья большихъ заливовъ и бухтъ и образуютъ плоты, такъ сказать, согканные изъ лѣсу и имѣющіе по нѣсколько тысячъ футовъ въ окружности. Между естественныя причины долго существовало разногласіе во мнѣніяхъ о причинахъ этого явленія; но нынѣ всѣ единодушно принимаютъ эти лѣса за произведенія Норвегіи, Сибири и Америки, откуда они принесены на сѣверъ морскими теченіями, прибиты волнами къ урѣзу полярныхъ льдовъ и въ послѣдствіи распределены по разнымъ направленіямъ мѣстными и случайными причинами. Кажется, это предположеніе довольно вѣроятно; но, допустивъ его, нужно еще допустить существованіе въ полярныхъ моряхъ постояннаго теченія къ сѣверу, что совершенно противорѣчитъ ежедневнымъ наблюденіямъ, ибо ни одна часть Великаго Океана не представляетъ такихъ измѣчивыхъ и непостоянныхъ теченій,

какія замѣчены за Арктическимъ кругомъ. Что же касается до заливнаго теченія, по мнѣнію нѣкоторыхъ заносащаго плавучіе лѣса въ предѣлы ледовитыхъ странъ, то должно замѣтить, что ощутительное вліяніе его не восходитъ далѣе 55° сѣверной широты. Кромѣ того, если принять, что плавучіе лѣса заносятся съ юга, то почему они не встрѣчаются во время своего слѣдованія въ страны, гдѣ скопляются въ такомъ огромномъ количествѣ?

Теорія Малтебрюна объ этомъ предметѣ заслуживаетъ вниманіе, какъ по своей оригинальности, такъ и по смѣлости. Онъ полагаетъ, что значительная часть плавучаго лѣса, замѣчаемаго въ полярныхъ странахъ, идетъ со дна тамошнихъ морей, гдѣ стоятъ пространные лѣса, погруженные туда какимъ-нибудь переворотомъ въ природѣ, измѣнившимъ въ глубокой древности не только климатъ арктическихъ странъ, но и низпровергшимъ въ волны цѣлый материкъ. Лѣса эти, отъ непрерывнаго на нихъ дѣйствія моря, разбиваются, часть ихъ поднимается вверхъ и плаваетъ на поверхности. Какъ ни правдоподобна эта теорія, она не можетъ быть вполнѣ допущена по двумъ причинамъ: во-первыхъ потому, что прибойные полярные лѣса по большей части отличаются свѣжесгью, и жители тѣхъ странъ, такъ же какъ и китоловы, употребляютъ ихъ на топливо. Во-вторыхъ потому, что вѣроподобное погруженіе земли въ воду, принимаемое Малтебрюномъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и погруженіе въ нѣдра земли лѣсовъ, — само по себѣ оправдываемое обиліемъ окаменѣлаго дерева, встрѣчаемаго въ Исландіи, Сибири и Новой Землѣ, — могло послѣдовать по крайней мѣрѣ лѣтъ за тысячу до насъ, а въ такой продолжительный періодъ едва ли лѣса эти могли бы остаться безъ измѣненія, т.-е. не согнившими и не разложившимися. Если бы они столь долгое время оставались въ илѣ и въ пескѣ, то неминуемо найдены были бы въ обугленномъ состояніи; а если бы находились доступными для воды на значительной глубинѣ моря, которая на сѣверѣ вездѣ значительна, то были бы негодны и на топливо, и на все прочее по причинѣ насыщенія соленою водою; да кромѣ того, отъ увеличенія, вслѣдствіе этого насыщенія, ихъ удѣльнаго вѣса,

едва ли могли бы когда-нибудь всплыть на поверхность. Капитанъ Скѳрзби рассказываетъ, что однажды пораненный гарпуномъ китъ утащилъ на запутавшемся канатѣ одинъ изъ его ботовъ на глубину восьми или девяти сотъ футовъ въ море, гдѣ онъ и оставался въ продолженіе нѣсколькихъ часовъ. Когда его вытащили, оказалось, что боть потерялъ свою способность плавать до того, что нужно было привязать къ нему съ обѣихъ сторонъ еще по боту, дабы сохранить отъ потопленія подѣ собственной его тяжестью. Кроме того, когда вслѣдствіе совершенной его негодности къ употребленію онъ былъ изрубленъ на дрова, то оказалось, что дерево не горѣло. Это повело капитана Скѳрзби къ цѣлому ряду опытовъ: онъ опускалъ куски разнаго рода дерева на глубину двухъ и трехъ тысячъ футовъ, и неизмѣнно находилъ, что всѣ они пріобрѣтали такой удѣльный вѣсъ, съ которымъ утрачивали способность плавать. Разсматривая объ причины, противопоставленныя теоріи Малтебрюна, невольно соглашаешься съ другимъ мнѣніемъ, болѣе общимъ, т.-е. съ тѣмъ, что прибойный полярный лѣсъ идетъ туда изъ лѣсовъ нынѣ-существующихъ и, можегъ стать, исключительно изъ растущихъ по сибирскимъ великимъ рѣкамъ, въ южныхъ частяхъ которыхъ они покрываютъ огромныя пространства, и, вырванные съ корнемъ вешнимъ полноводіемъ, ежегодно сплавляются въ море. Достигнувъ океана, они впадаютъ въ теченіе, идущее отъ востока къ западу между берегами Сибири и Новой Земли, и останавливаются у Исландіи, Гренландіи и Іан-Мейне-Ланда,—въ мѣстахъ, гдѣ находятъ ихъ въ наибольшемъ количествѣ.

Чрезмѣрное безплодіе арктическихъ странъ, ихъ скалистый и возвышенный характеръ во времена минувшія—давали поводъ предполагать въ нихъ мѣстороженіе драгоцѣнныхъ металловъ. Послѣдующія изслѣдованія показали, что поиски золота и серебра напрасны въ самыхъ высокихъ широтахъ земнаго шара. Но встарину мореходные народы, менѣе насъ свѣдующіе, придерживались перваго мнѣнія. Такъ мы знаемъ, что Мѳртинъ Фрѳбишеръ совершилъ три путешествія съ цѣлью открытія сѣверо-западнаго пути, и по особливому

наказу королевы Елизаветы провелъ много времени на берегахъ Гренландіи въ тщетныхъ поискахъ за золотою рудою. Вскорѣ за нимъ Голландцы, возымѣвъ мысль о существованіи серебряной руды на Новой Землѣ, совершили туда нѣсколько безуспѣшныхъ экспедицій. Блескъ марказита въ первомъ случаѣ и талькъ или слюда во второмъ, по видимому, были причиною ошибочнаго мнѣнія, господствовавшаго о сокровищахъ сѣверныхъ странъ, которыя, по новѣйшимъ наблюденіямъ, почти не содержатъ ни одного доселѣ полезнаго минерала. Издревле-господствовавшее мнѣніе о томъ, что золото, серебро и драгоценныя металлы зарождаются отъ дѣйствія солнца,—отчасти какъ будто бы оправдывается географическимъ распредѣленіемъ металловъ, изъ коихъ драгоценныя встрѣчаются въ значительномъ количествѣ только между тридцатью градусами сѣверной и южной широты, такъ-что, по мѣрѣ приближенія къ экватору, увеличивается и богатство ихъ приисковъ. Норвегія есть самая сѣверная страна, въ которой серебро было найдено въ такомъ количествѣ, что окупало издержки разработки; тамъ, когда-то, Консбергскіе рудники давали значительный доходъ, а Эдсвольдскіе доставляли въ небольшомъ количествѣ золото. Въ предѣлахъ холоднаго пояса мѣстонахожденіе драгоценныхъ металловъ всегда незначительно, изолировано такъ сказать, и встрѣчается тамъ какъ бы случайно и несродно съ окружающею ихъ почвою. Между-тѣмъ, вслѣдствіе какого-то страннаго противорѣчія въ природѣ, золото въ малыхъ частицахъ распространено повсюду болѣе всѣхъ металловъ. Въ настоящее время даже признано, что нѣтъ мѣста на землѣ, гдѣ бы золото не находилось въ подобномъ состояніи: изслѣдованія новѣйшихъ химиковъ открыли золотой песокъ въ листьяхъ и цвѣтахъ растений.

Но если бы и допустить существованіе подобныхъ рудниковъ въ глубокомъ сѣверѣ, то можно сказать утвердительно, что даже и европейскаго корыстолюбія было бы недостаточно, чтобы преодолѣть всѣ препятствія, сопряженныя съ ихъ разработкою въ земляхъ, гдѣ, за исключеніемъ прибрежій, нѣтъ никакого топлива, гдѣ ежегодно повторяется семимѣсячная ночь,

и гдѣ, наконецъ, пѣтъ ни дорогъ, ни животныхъ для перевозки и для работъ.

Въ этихъ безмолвныхъ и пустынныхъ странахъ исполнскія силы природы, однако же, не всегда остаются въ томъ состояннн оцѣпѣннн, въ какомъ на первый взглядъ представляется все тамъ находящееся. Преданнн и новѣйшнн изслѣдованнн доказываютъ, что въ Гренланднн существовали вулканы, и мы имѣемъ основательную причину думать, что нѣкоторые изъ нихъ сохранили свою дѣятельность до настоящаго времени. Зено, венецннскнн мореплаватель, совершнвшнн путешествие въ арктическнн страны, въ тринадцатомъ столѣтнн, говоритъ, что, посѣщая гренландскнн берегъ, онъ нашелъ тамъ монастырь, въ которомъ жили благочестивые иноки, согрѣвавшнн свои кельи посредствомъ трубъ, проводнвшнхъ горячую воду. Вода эта получалась изъ горячихъ ключей, имѣвшнхъ свое начало въ сосѣдствѣ вулкана и, вѣроятно, походнвшнхъ на тѣ, которые нынѣ существуютъ близъ Геклы въ Исланднн. Скрѣби, обзрѣвая островъ Иан-Мейне-Ландъ, лежащнн близъ восточнаго берега Гренланднн, открылъ на немъ вулканическнн кратеръ и другнн слѣды недавней вулканической дѣятельности, а въ другое время, близъ того же мѣста, видѣлъ выходящнн изъ земли дымъ. Вопросъ—когда именно угасли полярныя огнедышущнн горы—навсегда останется нерѣшеннымъ; однако же мы можемъ предполагать, что онъ погасилъ около того же времени, когда прекратилась дѣятельность нѣкогда столь губельныхъ камчатскнхъ вулкановъ, а равно и изверженнн Геклы, т.-е. около ста пятидесяти лѣтъ тому назадъ. Это предположеннн основано на томъ замѣчаннн, что всѣ вулканы, лежащнн подъ одною широтою, дѣйствуютъ какъ будто совокупно и одновременно слышатъ голосъ природы, къ чему бы онъ ни призывалъ ихъ—къ возбужденнн ли въ нихъ дѣятельности, или къ ея уничтоженнн.

Полярныя страны хотя и имѣютъ видъ оцѣпѣлой неподвижности, однако же нѣтъ страны, которая, подобно имъ, была бы подвержена такимъ же внезапнымъ и изумительнымъ переменамъ. Тамъ поверхность почти вездѣ покрыта льдомъ, представляющнмся въ видѣ холмовъ, равннн, неправильныхъ

массъ или высокиихъ остроконечій: все это во время лѣта, отчасти растаявая, распадается, сдвигается съ своихъ мѣстъ и обрушивается на-земь. Въ такую пору, въ тишинѣ ночи, мореплаватели не рѣдко слышатъ гулъ разрушенія громадныхъ айсберговъ, или, находясь въ виду земли, видятъ, какъ озаренныя солнцемъ вершины ледяныхъ горъ сдвигаются съ своихъ основаній и съ ужаснымъ громомъ ниспровергаются въ море. Если случится сильный вѣтеръ и гряды волнъ пойдутъ на берегъ, то огромныя массы льда, примерзшія къ прибрежнымъ скаламъ, подмываются прибоемъ, теряютъ равновѣсіе, падаютъ и далеко уплываютъ отъ берега. Ихъ удаленіе влечетъ за собою перемѣщеніе другихъ глыбъ, досель державшихся подпорою первыхъ и теперь занявшихъ ихъ мѣсто. Вслѣдствіе всего этого, иногда въ нѣсколько часовъ все видимое пространство береговъ измѣняетъ свое очертаніе, такъ-что въ немъ не остается ни малѣйшаго слѣда прежняго вида. Тоже самое, хотя съ мѣньшею быстротою, совершается и во внутренности страны, гдѣ, съ усиленіемъ лѣтнихъ лучей солнца, также таютъ и разрушаются айсберги и быстрыми потоками сбѣгаютъ снѣга. Ледники, наполняющіе долины Гренландіи и Шпицбергена, отъ дѣйствія теплоты подтаиваютъ, сдвигаются по наклонамъ, и наступательно, хотя медленно, идутъ къ океану, гдѣ и вѣтры и дожди и волны начинаютъ съ ними борьбу по мѣрѣ ихъ напора. Извѣстно, что такое наступательное движеніе замѣчается и въ швейцарскихъ ледникахъ, между которыми Mer de Glace — Море Льда, въ долинѣ Шамуни, считается величайшимъ. Когда-то на этотъ послѣдній скатилась случайно оторванная съ альпійскихъ высотъ гранитная скала и засѣла на его поверхности. Въ теченіе сорока лѣтъ скала эта далеко отошла отъ мѣста своего паденія, совершая среднимъ числомъ по шестидесяти шести саженой ежегодно. Вѣроятно, подобнымъ же образомъ и внутренніе ледники полярныхъ странъ, не смотря на свою обширность, подвержены постепенной перемѣнѣ мѣста, что отчасти подтверждается наблюденіями, хотя еще недостоверными и неположительными, какими они по необходимости и быть должны въ мѣстахъ, столь рѣдко посѣщаемыхъ.

Обозрѣвъ поверхность области мрака и обледенѣлыхъ пустынь, гдѣ голосъ природы не говоритъ ничего утѣшительнаго для сердца и не представляетъ ничего такого, что бы тѣсно вязалось съ исторіею человѣческаго рода, гдѣ только медвѣди и моржи блуждаютъ по льдамъ, подъ хладными лучами сѣвернаго сіянія, гдѣ только безгласная полярная лисица пролагаетъ себѣ путь по мятеющимся снѣжнымъ сугробамъ, — мы углубимся теперь въ землю, холодную сверху и заключающую въ своихъ недрахъ. Тамъ мы найдемъ сокровища, болѣе драгоценныя въ глазахъ философа, чѣмъ рудники благородныхъ металловъ. Въ Исландіи и Новой Землѣ намъ представится ископаемое дерево, доказывающее, что эти хладныя и нынѣ безлѣсныя страны были некогда осынены зеленѣющими лѣсами. На берегахъ Сибири и на соседственныхъ имъ островахъ мы откопаемъ груды костей, когда-то принадлежавшихъ выродившимся видамъ слона, которые могли существовать только въ жаркомъ климатѣ. Подъ гренландскими льдами откроемъ остатки тропическихъ растений, погруженныхъ въ угольную формацію этого края. Все это мы найдемъ тамъ; но какъ объяснимъ себѣ находеніе подобныхъ животныхъ и растительныхъ остатковъ въ странахъ, которыхъ климатъ въ настоящее время совершенно не согласуется съ естественными произведеніями даже самыхъ холодныхъ полосъ изъ умѣреннаго пояса?

По мнѣнію Бюффона, нѣсколько тысячъ лѣтъ протекло съ тѣхъ поръ, какъ слоны впервые поселились въ полярныхъ странахъ, гдѣ они могли жить ни ранѣе, ни позднѣе этого періода, потому-что, въ первомъ случаѣ, эти мѣста были бы для нихъ жарки, а во второмъ —слишкомъ холодны. Но не долго арктическія земли представляли удобное жилище для этихъ животныхъ: охлажденіе ядра нашей планеты, производя соответствующее пониженіе температуры, принуждало ихъ постепенно удаляться къ югу и отыскивать болѣе умѣреннаго климата. Эта миграція по направленію къ югу, вслѣдствіе вышесказанной причины, продолжалась до тѣхъ поръ, пока упомянутыя животныя не достигли земель экваторіальныхъ, которыя въ настоящее время однѣ только соответству-

ють ихъ жизни. Такимъ образомъ французскій мыслитель объясняетъ, почему слоновья кости находятся подъ всеми широтами, начиная отъ сѣвернаго полюса и до экватора. Но есть позднѣйшіе писатели, которые смотрятъ на этотъ предметъ иначе и увѣряютъ, что ископаемые остатки слоньихъ, находясь въ сѣверныхъ странахъ, суть остовы тѣхъ многочисленныхъ стадъ этихъ животныхъ, которыя находились въ войскахъ монгольскихъ завоевателей, или что подобныя кости, встречающіяся въ арктическихъ земляхъ, въ сущности суть кости моржей и другихъ земноводныхъ, тамъ обитающихъ! Другіе ученые предполагаютъ, что полярныя страны могли нѣкогда имѣть климатъ подобный нынѣшнему экваторіальному; но что измѣненіе въ положеніи земной оси удалило сѣверный полюсъ отъ прямого дѣйствія солнца, вслѣдствіе чего прилежащія къ нему земли необходимо должны были принять безплодный, суровый и пустынный характеръ, въ настоящее время имъ свойственный, хотя онъ и до сихъ поръ еще сохраняютъ остатки своихъ прежнихъ животныхъ и растительныхъ произведеній. Но всѣ подобныя теоріи касательно ископаемыхъ остатковъ сѣверныхъ странъ основываются на однихъ догадкахъ, и даже самыя новѣйшія свѣдѣнія объ этомъ предметѣ только затрудняютъ разрѣшеніе вопроса.

Весь берегъ Сибири устья мамонтовыми костями, а Ляховскіе острова, лежащіе близъ него въ Ледовитомъ Океанѣ, и открытые русскими казаками въ 1776, состоятъ почти совершенно изъ скелетовъ громадныхъ животныхъ изъ породы слона и носорога, находящихся тамъ въ такомъ огромномъ количествѣ, что, по словамъ Малтебрюна, острова эти можно принять за общее кладбище всѣхъ подобныхъ обитателей первобытнаго міра. «Обширная земля, говоритъ этотъ писатель, называемая Новою Сибирью и простирающаяся къ сѣверу отъ Проліва Костей, также представляетъ много подобныхъ свѣдѣтельствъ о тѣхъ переворотахъ, которымъ нѣкогда подвергалась наша планета, и кромѣ того содержитъ еще остатки чудовищныхъ птицъ, которыя въ другихъ мѣстахъ почти нигдѣ не встрѣчаются. Геденштромъ, посѣтившій эти острова, вывезъ оттуда перья и кости такихъ птицъ, которыя, по види-

тому, были втрое или вчетверо больше наших кондоровъ. Онъ же видѣлъ тамъ множество окаменѣлаго четырехграннаго дерева».

Разсматривая обширныя и необитаемыя страны, лежащія близъ сѣвернаго полюса, и противопоставляя ихъ настоящее запустѣніе остаткамъ богатой животной и растительной жизни, которые существуютъ въ арктическихъ земляхъ и которые, по всей вѣроятности, найдены были бы и при южномъ полюсѣ, если бы тамошніе края были также изслѣдованы,—мы необходимо должны предположить, что земной шаръ претерпѣлъ перевороты, несравненно больше тѣхъ, какіе могли быть произведены какимъ-либо известнымъ намъ физическимъ дѣятеlemъ. Не должны ли мы искать ихъ въ причинахъ астрономическихъ, когда-то произведшихъ перемѣну въ положеніи земли относительно солнца? Не было бы необходимости прибѣгать къ такому предположенію, если бы мы имѣли хотя малѣйшій поводъ думать, что мамонты и другія вышеупомянутыя животныя никогда не жили и никогда не умирали въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ теперь находятся ихъ кости, или, по крайней мѣрѣ, въ непосредственномъ сосѣдствѣ съ этими мѣстами. Мы, напротивъ, находимъ, что, по анатомическому строенію, они могли жить только въ умѣренномъ или даже жаркомъ климатѣ, и если, сообразно съ этимъ, перенесемъ ихъ мѣстожительство въ теперешнія экваторіальныя страны, то какимъ образомъ объяснимъ: почему скелеты ихъ горами навесены въ сѣверныя страны, почему оставлены тамъ и почему тамъ исключительно находятся? Съ другой стороны, если допустимъ, что сибирскимъ мамонтамъ предназначено было жить въ холодныхъ странахъ, то тотчасъ же самъ собою рождается вопросъ: отчего они не живутъ въ Сибири? что было причиною истребленія этихъ животныхъ въ такихъ странахъ, которыя въ настоящее время, по видимому, столь же благоприятны для ихъ существованія, сколько и прежде? Тропическія растенія, недавно замѣченныя въ угольной формации Гренландіи, и ископаемый льсъ Исландіи и Новой Земли—почти удостовѣряютъ насъ, что полярныя страны обоихъ полушарій некогда должны были пользоваться климатомъ гораздо менее суровымъ, чѣмъ ихъ теперешній кли-

мать. Все это рождает вопросъ: какимъ образомъ произошла такая перемѣна—постепенно или внезапно?

Разсматривая это, нѣкоторые предполагали, «что наша планета имѣетъ собственно три рода движенія: одно годовое вокругъ солнца, другое суточное на своей оси, и третье, чрезвычайно медленное обращеніе, подѣляемое на углы къ эклиптикѣ, очевиднымъ слѣдствіемъ котораго должно быть то, что каждая часть земной поверхности послѣдовательно вступаетъ подѣ экваторъ, и каждая отдѣльная страна проходить и испытываетъ всѣ нынѣ намъ извѣстныя степени тепла и холоднаго климата. Земной шаръ, въ теченіе тысячелѣтій, могъ совершить нѣсколько такихъ обращеній: животныя и растительныя остатки, находимыя въ сѣверныхъ странахъ, свидѣтельствуютъ, что онъ совершилъ по крайней мѣрѣ одно. По этому въ то время, когда полярныя страны лежали въ умеренномъ или жаркомъ поясѣ, Сибирь, Гренландія и Новая Земля были покрыты богатою растительностью и населены мамонтами, носорогами и гигантскими птицами, которые продолжали существовать тамъ до тѣхъ поръ, пока эти страны не начали значительно удалиться отъ прямого дѣйствія солнца и не приблизились къ своему настоящему положенію относительно эклиптики. Черезъ нѣсколько тысячъ лѣтъ, онъ опять на время примутъ свое экваторіальное положеніе, и подобныя же формы животной и растительной жизни повторятся на ихъ поверхности и впоследствии вновь погибнуть отъ той же причины, которая уже разъ ихъ уничтожила, оставивъ намъ слѣды ихъ бытія, столь много занимающіе умы философовъ нашего времени».

Климатъ сѣверныхъ странъ суровъ и невыносимъ менѣе, нежели обыкновенно предполагаютъ, и это преимущественно должно приписать общему спокойствію атмосферы, господствующему тамъ въ теченіе значительной части года. Въ Гренландіи часто нѣтъ ни малѣйшаго вѣтра въ продолженіе шести или семи недель сряду. Въ это время жаръ полуденнаго солнца тягостенъ даже и для Европейца. Шпицбергенъ и Новая Земля бурны только зимою, когда юго-западные вѣтры въ особенности дуютъ съ бѣльшею силою и наносятъ чрезвычайно глу-

бокѣ снѣга. Лѣтомъ туманъ бываетъ почти ежедневно во всѣхъ Полярныхъ странахъ, но въ остальное время года атмосфера необыкновенно прозрачна. Астрономическія наблюденія, за исключеніемъ тѣхъ, которыя необходимы для опредѣленія долготы, въ этихъ пустынныхъ мѣстахъ никогда не производились; здѣсь небо, не смотря на свою зимнюю прозрачность, не благоприятствуетъ ничему подобному, ибо блескъ сѣвернаго сіянія затмѣваетъ и мѣшаетъ зрѣнію наблюдателя. Любопытно было бы знать—представляютъ ли тамъ небесныя тѣла, разсматриваемыя сквозъ лучшіе телескопы, что-нибудь особенное отъ того, чѣмъ они кажутся намъ въ Европѣ, гдѣ, даже во время самыхъ сильныхъ морозовъ, плотность и преломляющая сила атмосферы, по всей вѣроятности, много уступаетъ тому, что бываетъ въ то же время на Шпицбергенъ и Новой Землѣ?

Изъ первобытныхъ племенъ человѣческаго рода, племена сѣверныя менѣе всѣхъ заслуживаютъ вниманіе историка-философа, по той причинѣ, что физическія условія странъ, ими обитаемыхъ, всегда представляли непреодолимыя препятствія умственному развитію людей и распространенію между ними новыхъ идей. Говоря это, мы однако же должны замѣтить, что Гренландцы, Эскимосы и Самоды почти столько же успѣли въ отношеніи къ образованію, сколько всякій другой народъ могъ бы успѣть, находясь въ одинаковыхъ съ ними обстоятельствахъ, и что ихъ умственные недостатки суть слѣдствія необходимости, зависяція отъ физическихъ условій, а не отъ природной слабости разсудка. Это замѣчаніе въ настоящее время необходимо сдѣлать потому, что существуетъ общее мнѣніе, будто бы суровость полярнаго климата препятствуетъ развитію умственныхъ способностей и дѣлаетъ людей грубыми, тупоумными и необразованными, и будто бы, съ другой стороны, въ болѣе умѣренной и плодородной странѣ и первобытные жители встрѣчаются съ большимъ развитіемъ. Въ сущности это несправедливо: презыбный холодъ не имѣлъ неблагоприятнаго вліянія на человѣческой разсудокъ. Если жители полярныхъ странъ отличаются ничтожностью и бѣдностью своихъ

идей, то это не потому, чтобы ихъ разумъ былъ неспособенъ обнять большее число ихъ; но потому, что забота снискать себѣ пропитаніе и защититься отъ стихій, занимаетъ все ихъ вниманіе и не даетъ имъ времени подумать о чемъ-нибудь другомъ. Всѣ помыслы Гренландца или Эскимоса направлены исключительно на китовую или тюленью ловлю, и потому онъ совершенно ничего не знаетъ о другихъ предметахъ. Изъ этого не слѣдуетъ, чтобы Эскимось не былъ въ состояніи понимать ихъ, или чтобы онъ не могъ расширить предѣлы своего ума, если бы судьба избавила его отъ ежедневныхъ и утомительныхъ трудовъ запасаться пищею, какъ для самого себя, такъ и для своей семьи. Правда, что Гренландецъ, покрытый масляною кожею, живущій въ подземной, неопрятной норѣ, питающійся мясомъ и кровью морскихъ животныхъ, представляетъ отвратительное зрѣлище; но въ сущности онъ отъ природы надѣленъ многими, что возбуждаетъ въ насъ участіе и состраданіе. Безпристрастный, разсудительный наблюдатель скорѣе подивится остроумнымъ средствамъ, изобрѣтеннымъ этими людьми для существованія въ странахъ, гдѣ поселило ихъ Провидѣніе, нежели остановится на ничтожествѣ ихъ идей и на грубости обычаевъ.

Смотря на крайнюю бѣдность полярныхъ странъ, на ихъ вѣчную зиму и на тѣ скудныя средства къ существованію, какія онъ представляютъ,—мы, естественно, можемъ предположить, что ихъ первобытные жители должны составлять самую низшую степень развитія человеческого рода; но такое предположеніе будетъ слишкомъ далеко отъ истины, ибо физическій трудъ и лишенія, испытываемыя жителями сѣверныхъ странъ, не только не ослабляютъ и не ограничиваютъ, но, кажется, еще болѣе изоцряютъ ихъ способности. Чтобы видѣть человека въ самомъ дикомъ состояніи,—его нужно искать не на сѣверѣ, а въ самыхъ прекрасныхъ и благодѣтельныхъ странахъ земнаго шара. Таковы, напримѣръ, Андеменовы острова, въ Бенгальскомъ заливѣ, покрытыя цвѣтущею растительностію, ежегодно освѣжаемыя дождями и изобилующіе всѣми родами животныхъ, но населенные поколѣніемъ людей, отличающихся отъ хищныхъ звѣрей только способностью

говорить и ходить въ вертикальномъ положеніи. Эти люди не носятъ никакой одежды, живутъ въ древесныхъ дуплахъ, питаются сырымъ мясомъ, склонны къ людоедству и чуждаются пришельцевъ. Въ плодоносныхъ внутреннихъ странахъ Бразиліи живутъ Индѣйцы (Pigí), почти совершенно сходные съ вышеупомянутымъ народомъ, съ тою только разницею, что не пожираютъ себя подобныхъ. Цейлонскіе лѣса, мизорскія кущи въ южномъ Индостанѣ населены племенами совершенно незнакомыми ни съ самыми простыми формами общественнаго порядка, ни съ самыми грубыми искусствами. Трудно объяснить, отчего туземцы плодоносныхъ и удобныхъ странъ въ умственномъ отношеніи стоятъ несравненно ниже природныхъ жителей полярныхъ странъ, гдѣ вся жизнь челоука посвящена преслѣдованію морскихъ животныхъ, съ которыми навсегда связано его существованіе, и гдѣ снѣгомъ крытая земля почти не представляетъ ничего такого, что бы могло возбуждать размышленіе или любопытство въ умъ необразованномъ. Но это-то самое и показываетъ намъ, что суровость сѣвернаго климата не совсемъ препятствуетъ развитію человѣческихъ способностей, и что умъ не есть термометръ, котораго показанія зависятъ отъ температуры окружающей его атмосферы.

Путешествія, совершенныя въ царствованіе королевы Елизаветы съ целью открыть сѣверозападный или сѣверовосточный путь въ Индію, первыя познакомили насъ съ жителями сѣверныхъ странъ. Мартинъ Фробишеръ, изслѣдывая берега Гренландіи, имѣлъ частое сообщеніе съ туземцами. Борроу, проходя чрезъ Вайгаческій проливъ, открылъ Самоѣдовъ, живущихъ на Новой Земль. Въ то же время купцы, ходившіе морскимъ и сухимъ путемъ въ Лапландію, познакомились съ ея обитателями. Эскимосы открыты позднѣе, и хотя мы имѣемъ поводъ думать, что они были извѣстны Бафину, однако же точныя свѣдѣнія объ нихъ получены только со времени путешествія Гирна и Макензи въ Сѣверный Тихій океанъ. Русскіе начали посѣщать Камчатку около половины прошедшаго столѣтія, и вскорѣ за тѣмъ покорили ее своей власти. Такимъ образомъ пріобрѣтены, сравнительно говоря, весьма недавно свѣдѣнія о сѣверныхъ поколѣніяхъ, о существованіи которыхъ даже

и не подозревали въ Европѣ. Всѣ эти народы имѣютъ большое сходство между собою, какъ въ нравственномъ, такъ и въ физическомъ отношеніяхъ, хотя однако же представляютъ нѣкоторыя отличительныя черты характера, болѣе или менѣе свойственныя каждому изъ нихъ.

Лапландцы занимаютъ между сѣверными народами первое мѣсто: они стоятъ выше другихъ по степени образованія и по успѣхамъ въ нѣкоторыхъ искусствахъ общежитія. Одна часть этого племени, живущая при Ботническомъ Заливѣ, въ особенности много успѣла въ этомъ отношеніи вслѣдствіе частыхъ сношеній съ шведскими и норвежскими мѣховыми торговцами, отъ которыхъ заимствовала множество иноземныхъ обычаевъ и получила вкусъ къ европейскимъ мануфактурнымъ произведеніямъ. Въ настоящее время Лапландца въ его дикомъ состояніи можно встрѣтить только по ту сторону сѣвернаго полярнаго круга. Тамъ онъ еще ведетъ болѣею частью кочующую жизнь, гоняетъ съ мѣста на мѣсто стада сѣверныхъ оленей, питается ихъ молокомъ и дикими ягодами. Лѣто проводитъ въ шатрѣ, а на зиму устраиваетъ себѣ подземное жилище. Но какъ ни грубъ этотъ сѣверный Лапландецъ, онъ однако же успѣлъ достигнуть удивительнаго совершенства въ развитіи одной стороны своего быта—здѣсь разумѣется порабощеніе тѣхъ животныхъ, съ которыми связано его существованіе. Не довольствуясь однимъ мясомъ и молокомъ оленя, Лапландецъ приучаетъ его носить тяжести и возить нарты, и достигаетъ этого съ такимъ успѣхомъ, что править своимъ животнымъ, ускоряетъ и замедляетъ его бѣгъ только помощью своего голоса и ремня, привязаннаго къ рогамъ. Лапландецъ, кочуя въ теченіе кратковременнаго лѣта, рѣдко бываетъ въ какомъ-либо обществѣ кромѣ своей собственной семьи; за то онъ тѣснѣе сдружается съ членами своего стада, изучаетъ характеръ и нравъ каждаго оленя, даетъ ему кличку и старается приобрѣсть его любовь и довѣріе. Отъ этого онъ скоро узнаетъ, къ чему каждый изъ нихъ наиболѣе способенъ, и уже цѣнить его по дознаннымъ качествамъ. Случится ли дружеская пирушка или свадьба одной изъ его дочерей, или, наконецъ, недостатокъ въ пищѣ, когда нужно убить одного изъ

олений, онъ уже дѣлаетъ это не безъ разбора, а выбираетъ въ жертву такого, котораго потеря причиняетъ ему наименьшій ущербъ.

Лапландецъ всегда дѣтеленъ, отваженъ въ своихъ предпріятіяхъ, имѣетъ веселый нравъ — онъ большой говорунъ. Онъ любитъ пестроту въ одеждѣ и дорого цѣнитъ благородные металлы, хотя деньги, какъ средство для мѣны, ему почти неизвѣстны. Получивъ какія-нибудь золотыя или серебряныя монеты, онъ или украшаетъ ими самого себя, или тайно скрываетъ ихъ даже отъ жены и дѣтей, такъ-что нерѣдко скоропостижная смерть уноситъ вмѣстѣ съ нимъ всѣ свѣдѣнія о его кладѣ. Угварь Лапландца самага простаго устройства; одежда его дѣлается изъ кожъ. Онъ не упражняется ни въ какихъ играхъ; музыка для него не существуетъ; пѣніе его состоитъ единственно изъ повторенія трехъ или четырехъ словъ завывающимъ, печальнымъ голосомъ. Онъ не имѣетъ яснаго понятія о религіи и только вѣруетъ въ существованіе злыхъ духовъ и въ волшебныя силы знахарей и колдуновъ своей родины. Мы не будемъ распространяться о томъ, какъ ихъ жрецы продаютъ вѣтры морякамъ—это слишкомъ хорошо извѣстно. Въ возможность таковой продажи долго вѣрили почти всѣ жители сѣверной Европы; даже и теперь еще норвежскіе и исландскіе рыбаки признаютъ ея дѣйствительность. Лапландскіе жрецы часто прибѣгаютъ къ гаданіямъ, при чемъ употребляютъ особый инструментъ, извѣстный въ Европѣ подъ названіемъ руническаго барабана; онъ, подобно нашему бубну, состоитъ изъ обтянутаго кускомъ кожи обруча и украшенъ разными таинственными знаками; въ центръ его, какъ на часахъ, вѣтится на шпиль стрѣлка. Гадающій показываетъ видъ, будто бы руководствуется въ своихъ предсказаніяхъ наблюденіемъ, въ какую сторону обращается эта стрѣлка, по видимому совершенно отъ него не зависящая, на самомъ же дѣлѣ управляемая магнитомъ, скрытымъ въ рукѣ предсказателя.

Гренландцы, въ умственномъ отношеніи, стоятъ наравнѣ съ Лапландцами, хотя по невгодамъ физическаго положенія они, казалось бы, должны были стоять ниже ихъ. Гренландцы

не владычествуют стадами домашних животных, живут в невыносимо-суровом климате, снискивают себе скудное пропитание в море, а потому понятия их самые ограниченные. Грубая пища и одежда как бы отражается во всех их действиях грубых и часто дерзких. Не смотря, однако, на все это, они строят свои зимние жилища с удивительным искусством, так-что относительно сохранения теплоты едва ли хижины их могут быть в чем-нибудь улучшены, особенно в стране, где весь строевой материал состоит из снега и камней. В управлении клякомъ, или челнокомъ, Гренландецъ выказываетъ столько же ловкости, сколько Лапландецъ въ управленіи оленемъ и нартами, и далеко превосходитъ послѣдняго своими замысловатыми снаровками, съ которыми ловить какъ морскихъ, такъ и наземныхъ животныхъ. Впрочемъ, должно сказать, что Гренландецъ не имѣетъ того мрачнаго характера, какой можно было бы ожидать въ немъ, судя по образу его жизни и по тяжкимъ трудамъ, которые онъ переноситъ во время тюленьей и китовой ловли; онъ, напротивъ, постоянно веселъ, обходителенъ и любитъ разказывать длинныя повѣсти, гдѣ по большей части самъ играетъ главную роль.

У Гренландцевъ есть одинъ довольно странный обычай, съ перваго взгляда какъ бы не совмѣстный со степенью ихъ образованія и сдѣлавшій бы честь даже и болѣе просвѣщеннымъ людямъ. Если случится ссора между двумя изъ нихъ, то они не помышляютъ о рѣшеніи распри оружіемъ и пролитіемъ крови, какъ это обыкновенно бываетъ въ другихъ странахъ. У нихъ дѣла подобнаго рода кончаются гораздо проще: поссорившіеся назначаютъ время для состязанія въ искусствѣ взаимнаго осмѣянія. Извѣщенные объ этомъ друзья обѣихъ враждующихъ сторонъ собираются въ назначенный часъ, садятся на землю вкругекъ и ставятъ враговъ посрединѣ. Тотъ изъ состязателей, которому выпадетъ жребій говорить первому, начинаетъ словесно нападать на своего противника, насмѣхается надъ нимъ, описываетъ его характеръ, исчисляетъ недостатки и дурные поступки и всячески старается внушить къ нему въ слушателяхъ полное отвращеніе,

Какъ скоро онъ окончитъ, противникъ его начинаетъ подобныя же насмѣшки и обвиненія, и такимъ образомъ споръ продолжается попеременно до тѣхъ поръ, пока не истощатся все грубое краснорѣчіе состязателей. Тогда старшины собранія тщательно взвѣшиваютъ все сказанное съ каждой стороны и провозглашаютъ побѣдителемъ того, кто, по ихъ мнѣнію, лучше защищался, противника же его обвиняютъ. Этимъ дѣломъ обыкновенно оканчивается. Такого рода состязанія весьма нравятся Гренландцамъ. Кранцъ и Эждедъ утверждаютъ, что въ подобныхъ спорахъ не рѣдко проявляется много ума, и что слушатели по большей части находятся въ самомъ веселомъ расположеніи духа. Гренландцы часто предаются пиршествамъ и пляскамъ, но о музыкѣ не имѣютъ никакого понятія. Колдуны, называемые анжедоками, часто встрѣчаются между ними и оказываютъ на нихъ весьма сильное вліяніе, приписывая себѣ власть посѣщать небо и преисподнюю, бесѣдовать съ мертвыми и укрощать стихіи. Отъ этихъ людей Гренландцы заимствуютъ всѣ свои понятія о религіи, которыя столько ничтожны и сбивчивы, что не заслуживаютъ никакого вниманія.

Самоѣды составляютъ особенное поколѣніе сѣверныхъ народовъ. Они преимущественно населяютъ сѣверные берега Россіи, омываемые Ледовитымъ моремъ, и Новую Землю, хотя, по увѣренію нѣкоторыхъ писателей, никогда постоянно не живутъ на этомъ островѣ, а только посѣщаютъ его лѣтомъ для меховаго промысла. Самоѣдъ несравненно меньше свѣдущъ въ общежитіи, чѣмъ Лапландецъ и Гренландецъ. Онъ малъ ростомъ, неловокъ, одѣвается въ кожи дикихъ звѣрей, и при всей суровости своего климата, худо строитъ свое жилище и живетъ почти безо всякой защиты отъ непогоды. Питается онъ преимущественно моржами или лисицами, и для удобнаго отыскиванія пищи кочуетъ съ мѣста на мѣсто съ своею семьєю. Впрочемъ, религіозные обряды Самоѣдовъ гораздо многочисленнѣе, чѣмъ у другихъ сѣверныхъ народовъ. Они поклоняются деревяннымъ истуканамъ, имѣющимъ самое грубое сходство съ человѣкомъ, и иногда приносятъ имъ кро-

вавыя жертвы. Покорность ихъ жрецамъ до того велика, что они готовы слѣдовать за ними повсюду и во всякое время снабжать ихъ пищею. Жрецы, съ своей стороны, пріобрѣтають довѣренность своихъ послѣдователей гаданьями, въ которыхъ постоянно выдають себя какъ находящихся въ тѣсныхъ сношеніяхъ съ божествомъ. Въ Гоклутской коллекціи путешествій хранится отрывокъ о Самоѣдахъ, написанный Джонсономъ, служившимъ при посольствѣ Ричарда Чанслера въ Россію, въ царствованіе королевы Елизаветы. Въ немъ довольно подробно описано фиглярство самоѣдскаго жреца, который, между разными фокусами, прокалывалъ себя мечемъ, и по видимому такъ искусно умѣлъ это сдѣлать, что повѣстгователь нисколько не подозрѣвалъ въ этомъ подлога, а напротивъ приписывалъ его сверхъестественной силѣ. Самоѣды, въ отношеніи къ прогяженію страны ими занимаемой, составляютъ народъ малочисленный.

Эскимосы, по принятому въ настоящее время мнѣнію, составляютъ одно поколѣніе съ Гренландцами, съ которыми имѣють большое сходство во всѣхъ отличительныхъ чертахъ своего характера. Намъ остается еще упомянуть объ обитателяхъ Камчатки. Этотъ полуостровъ лежитъ внѣ предѣловъ сѣвернаго полярнаго круга, но какъ климатъ его чрезвычайно суровъ, а физическія условія сходны съ замѣченными въ другихъ полярныхъ странахъ, то краткій отчетъ объ этомъ, кажется, будетъ здѣсь кстати.

Камчатка открыта Русскими въ 1746 году. Большое количество цѣнныхъ мѣховъ, замѣченное ими у туземцевъ, побудило ихъ попытаться завоевать эту страну, съ тою целью, чтобы потомъ брать дань съ нея мѣхами. Нападеніе было сдѣлано небольшимъ числомъ казаковъ, встрѣтившихъ, впрочемъ, гораздо болѣе сопротивленія, нежели сколько можно было ожидать. Камчадалы засѣли въ укрѣпленіяхъ и очаянно защищали свою свободу; стѣсненные до крайности, они часто принуждены были оставлять свои засады, но тутъ они сперва убивали своихъ женъ и дѣтей, а потомъ уже убѣгали и укрѣплялись въ другихъ мѣстахъ, продолжая упорно защищаться до тѣхъ поръ, пока, превзойденные числомъ, погибли

или попадали въ плѣнь. Война продолжалась нѣсколько лѣтъ; наконецъ туземцы, видя невозможность изгнать Русскихъ изъ своей родины, склонились къ миру и обязались платить дань мѣхами. Спокойствіе постепенно возстановилось, но одна треть всего народонаселенія Камчатки погибла отъ войны и голода. Камчадалы, подобно другимъ сѣвернымъ народамъ, лѣтомъ живутъ въ шалашахъ, а зимою въ землянкахъ; послѣднія почти всегда вырываются въ землю такъ, что только одни коническія кровли поднимаются надъ ея поверхностью. Двадцать или тридцать такихъ землянокъ часто стоятъ вмѣстѣ, составляя небольшую деревню, называемую *острогомъ*. Въ Камчаткѣ много рѣкъ, изобилующихъ семгою и другими родами рыбы, которою исключительно питаются ея жители. У нихъ нѣтъ никакихъ домашнихъ животныхъ, кромѣ собакъ, которыя возятъ ихъ нарты, совершая по снѣгу огромные перевѣзлы: услуги ихъ такъ же драгоцѣнны для Камчадаловъ, какъ и услуги оленя для Лапландцевъ. Лѣтомъ Камчадалъ занимается рыбнымъ промысломъ; большую жъ часть холоднаго времени года проводитъ праздно дома, въ обществѣ своей семьи, и только изрѣдка уходитъ на ловлю соболей и горностаевъ. По временамъ онъ предается безумному наслажденію опьяненія, для чего употребляетъ мухоморы, въ изобиліи растущіе въ Камчаткѣ; отъ пережевыванія этихъ грибовъ въ небольшихъ приѣмахъ является сперва бредъ, потомъ буйство, сопровождаемое крикомъ и неистовыми движеніями, и наконецъ совершенное безпамятство. Камчадалы, вообще говоря, чрезвычайно гостепріимны какъ въ отношеніи къ самимъ себѣ, такъ и въ отношеніи иноплеменниковъ. Добель, путешествовавшій по Сибири, упоминаетъ объ одномъ особенномъ обычаѣ этого народа, тѣсно связанномъ съ настоящимъ предметомъ. Если хозяинъ начнетъ тяготиться долгимъ пребываніемъ въ его домѣ усидчиваго посѣтителя, то ставитъ на столъ *толкату*—блюдо, составныя части котораго всегда и вездѣ одинаковы. Неумѣстный гость при такомъ намекѣ немедленно удалится, нисколько не считая этого за оскорбленіе, ибо пренебречь имъ значило бы нарушить законы гостепріимства. Такой обычай

говорить многое въ пользу камчадалскаго этикета и напоминаетъ существованіе подобнаго же обыкновенія въ другихъ странахъ Азіи, гдѣ хозяинъ въ такихъ случаяхъ даетъ гостю какой-нибудь незначительный подарокъ — бетельный орѣхъ или нѣсколько капель розовой воды, и уже прямо приказываетъ ему удалиться.

Хотя въ общемъ нашемъ обзорѣ сѣверныхъ народовъ насъ и поражаетъ бѣдственное ихъ положеніе, однако же мы не можемъ не подивиться тому, какъ тяжело расстаются они съ своею сурою отчизною. Въ сравненіи съ ними туземцы плодородныхъ и прекрасныхъ странъ питаютъ малую привязанность къ своей родинѣ: если въ жителяхъ теплыхъ странъ господствуетъ любовь къ странѣ, то въ народахъ сѣверныхъ сѣверному полярному кругу, посреди льдовъ и мертвящаго холода, чувство это проявляется непреодолимою страстью. Въ минувшемъ вѣкѣ у полярныхъ мореплавателей было въ обыкновеніи заманивать на свои корабли туземцевъ ледовитыхъ странъ, встрѣчавшихся имъ въ путешествіяхъ, и увозить ихъ съ собою. Это случалось часто, но не было примѣра, чтобы Гренландецъ, Лапландецъ или Самоѣдъ соглашался добровольно покинуть свою родину, не взирая ни на какія ласки, обещанія и подарки. Одно только насиліе могло понудить ихъ къ разлукѣ съ дорогими для нихъ мѣстами, и ихъ тоска по родинѣ почти всегда оканчивалась гибелью — они или умирали на корабляхъ, или съ отчаянія кидались въ море, какъ скоро терялась изъ виду ихъ отчизна. Лимсъ, въ своемъ описаніи Датской Лапландіи, говоритъ, что когда одинъ изъ датскихъ королей пожелалъ, чтобы нѣсколько туземцевъ этой страны было отправлено въ Копенгагенъ для образованія, то не нашлось ни одного Лапландца, который охотно согласился бы на такое предложеніе, сопровождавшееся самыми выгодными льготами. Пять Гренландцевъ, захваченныхъ въ то же время шкиперомъ одного рыболовнаго судна, были привезены въ Копенгагенъ; въ отношеніи къ нимъ истощены были всѣ возможныя ласкательства и угожденія; малѣйшія желанія

ихъ удовлетворялись заботливо, безъ замедленія, и все-таки трое изъ нихъ умерли отъ горести чрезъ нѣсколько дней, а двое остальныхъ, немного позднѣе, сдѣлались жертвами отчаянныхъ, но безуспѣшныхъ попытокъ возвратиться на родину. Не то мы видимъ въ жителяхъ сгранъ тропическихъ, — странъ, надѣленныхъ всеми естественными благами, всѣмъ возможнымъ плодородіемъ почвъ и благораствореніемъ климата. Мы знаемъ, какъ охотно богамскіе островитяне рѣшились сопровождать Колумба во время его путешествій по Каравбскому морю; нѣкоторые прибыли съ нимъ даже въ Европу. Когда Испаніюла была опустошена неистовствами и хищничествомъ Испанцевъ, то Овандо, бывшій въ то время ея правителемъ, послалъ три корабля въ Ликейскій архипелагъ за людьми для разработки рудниковъ. Командовавшій экспедиціей уверялъ Ликейцевъ, что онъ прибылъ изъ отдаленной страны, изъ счастливаго жилища ихъ предковъ, съ цѣлью проводить въ нее каждого, кто пожелаетъ посѣтить своихъ почившихъ отцевъ, братьевъ и родственниковъ; и этой худо-изобрѣтенной сказки было достаточно, чтобы склонить Ликейцевъ покинуть родину и вступить на испанскіе корабли, немедленно поднявшіе паруса и отвезшіе ихъ въ страну, изъ коей они уже не возвращались. Кукъ, въ своихъ путешествіяхъ по островамъ Южнаго моря, нашелъ между островитянами многихъ, охотно согласившихся плыть съ нимъ въ другія части свѣта. Коцебу, русскій мореплаватель, во время своихъ открытій въ Австраліи, сдѣланныхъ имъ на корабль «Рюрикъ», также встрѣчалъ много примѣровъ подобной готовности къ переселенію. Послѣ всего этого можно думать, что лишенія, тѣсно связанныя съ образомъ жизни сѣверныхъ народовъ, возбуждаютъ въ нихъ болѣе сильную привязанность ко всѣмъ тѣмъ мѣстамъ, гдѣ каждый шагъ ихъ запечатлѣнъ тяжкимъ трудомъ, и что жители земель тропическихъ, легко получая безъ заботъ и безъ исканій все потребное для своего существованія, какъ будто бы не имѣютъ нужды думать о той почвѣ, которая даромъ предлагаетъ имъ всѣ свои произведенія, а потому и не питаютъ къ ней никакой, или, сравнительно говоря, почти никакой привязанности.

*

Первобытныхъ памятниковъ искусства въ полярныхъ странахъ не существуетъ: можно ли ожидать чего-нибудь подобнаго отъ народовъ, столь неблагопріятно поселенныхъ, какъ Лапландцы, Гренландцы и Самоѣды, если мы видимъ, что жители умѣренныхъ климатовъ, надѣленные обильными матеріалами и большимъ досугомъ, ни мало не думаютъ о томъ, чтобы направить свой трудъ и свои средства къ воспроизведенію чего-нибудь великаго и долговѣчнаго до тѣхъ поръ, пока не разовьется между ними извѣстная степень гражданскаго образованія. Мопертюи. Французскій академикъ, путешествуя по Лапландіи, открылъ на вершинѣ горы Винзо большой камень, на которомъ, по видимому, была начертана надпись, или что-то подобное, но какъ составлявшіе ее знаки не подходили ни подъ одинъ изъ существующихъ древнихъ и новыхъ алфавитовъ, то онъ и заключилъ, — и кажется довольно вѣрно, что эти начертанія произошли или вслѣдствіе природныхъ причинъ, или вслѣдствіе прихотливой игры воображенія какого-нибудь туземца, вырубившаго ихъ отъ бездѣлія, безъ всякой цѣли. Это тѣмъ болѣе вѣроятно, что случай не рѣдко производитъ такія линіи и знаки, которые легко могутъ быть приняты за письмена, въ особенности если попадутся на глаза человѣку, отыскивающему подобныя надписи. Гумбольдтъ, во время своего путешествія на Ореноко, часто встрѣчалъ на прибрежныхъ скалахъ его знаки, столь сходные съ буквами, что считалъ ихъ достойными вниманія, пока туземцы не убѣдили его, что они были сдѣланы ихъ руками безъ всякаго значенія. Кальмъ пишетъ, что въ его время ходила молва, будто бы въ Верхней Канадѣ существовалъ каменный столбъ съ какою-то неизвѣстною надписью, но впослѣдствіи оказалось, что этотъ мнимый памятникъ человѣческаго искусства былъ такимъ же произведеніемъ случая, какъ и скала въ Винзо.

Какъ нѣтъ у сѣверныхъ народовъ памятниковъ, такъ нѣтъ у нихъ и преданій о минувшемъ ихъ бытѣ, которыя могли бы бросить какой-либо свѣтъ на ихъ исторію и дать хотя малѣйшій намекъ о томъ, откуда вышли всѣ теперешніе жители сѣвер-

наго полярнаго климата, передвинулись ли они сюда съ юга, и былъ ли когда-нибудь климатъ ихъ теперешней отчизны менѣе суровъ и негостепріименъ. — Мы знаемъ, что переселеніе народовъ совершалось отъ сѣвера и сѣверо-запада, а потому естественно должны предположить, что для направленія такого переселенія въ сторону, совершенно противоположную, необходимы были причины, такъ сказать, необыкновенныя, чтобы подвинуть людей туда, гдѣ царствуетъ вѣчное безплодіе.

Первыя положительныя извѣстія о европейскихъ колоніяхъ въ сѣверныхъ полярныхъ странахъ мы находимъ въ путешествіи, упомянутаго выше, венеціанскаго мореплавателя Зено, совершенномъ въ концѣ тринадцатаго столѣтія. Онъ пишетъ, что посѣщалъ гренландскій берегъ, и нашелъ тамъ монастырь, зданіе котораго согрѣвалось посредствомъ кипящей воды, проведенной изъ соседственнаго горячаго ключа, и распределенной посредствомъ трубъ по всемъ келіямъ. Этотъ горячій ключъ билъ у подошвы волкана, и благочестивые иноки употребляли его воду не только для согрѣванія своихъ келій, но также и для поваренныхъ своихъ потребностей. Кто были эти иноки и откуда они пришли — Зено не говоритъ ни слова, а потому бѣльшая часть писателей считаютъ рассказъ его за вымыселъ. Читая это описаніе, нельзя не замѣтить, какое разительное сходство имѣетъ гренландскій горячій ключъ съ исландскими гейзерами, находящимися у подошвы Геклы; отъ этого даже можно было бы подумать, что Зено ошибочно принялъ послѣднюю сграну за первую, если бы у него ясно не упоминалось, что объ онъ вели между собою торговлю, и что исландскія суда часто посѣщали Гренландію. Какъ бы то ни было, должно согласиться, что подобный способъ согрѣванія зданій требуетъ такого запаса знаній, какой едва ли существовалъ въ Европѣ въ тринадцатомъ столѣтіи, тѣмъ болѣе, что Зеновы монахи были, вѣроятно, никто другой, какъ переселенцы изъ Даніи и Норвегіи, ибо только одни жители этихъ странъ имѣли кой-какія

сношенія съ сѣверными полярными странами въ столь отдаленное время. Правда, выдѣлка желѣзныхъ трубъ не представляла бы затрудненій для народовъ, обладавшихъ искусствомъ ковать латы, мечи и копья; но чтобы поднимать воду на известную высоту, соразмѣрять притокъ ея со степенью убыва, и провести въ различныхъ направленіяхъ, — потребны изобрѣтательность и механическія свѣдѣнія, которыя, кажется, не были известны монахамъ въ тогдашнія времена невѣжества и предразсудковъ. Къ-тому же едва ли нужно было прибѣгать къ подобнымъ средствамъ нагрѣванія въ странѣ, гдѣ огромное количество пловучаго льса, ежегодно выбрасываемое на берега, доставляетъ обильный запасъ топлива. При этомъ, однако же, можно замѣтить, что добываніе этого топлива, какъ въ Гренландіи, такъ и въ Исландіи, затрудняется все болѣе и болѣе съ каждымъ годомъ, и можегъ стать, способъ согрѣванія жилищъ, посредствомъ горячей воды, по необходимости осуществится въ этихъ странахъ въ весьма непродолжительномъ времени. Известно, что съ нѣкотораго времени громадныя массы льдовъ скопляются все болѣе и болѣе вдоль восточныхъ береговъ Исландіи, и, вѣроятно, онѣ до того удалятъ пловучіе льса отъ острова, что жители не будутъ уже въ состояніи пользоваться имъ съ такимъ удобствомъ, какъ досель, и найдутъ себя вынужденными или отапливать свои жилища иками, или придвинуться къ подножію Геклы, и употреблять воды гейзера и другихъ горячихъ ключей для согрѣванія домовъ и для приготовленія пищи.

Ранняя исторія европейскихъ поселеній въ сѣверныхъ полярныхъ странахъ почти неизвѣстна. Лишенный покровительства законовъ какой-то Норвежець, въ одиннадцатомъ столѣтіи, основалъ поселеніе на восточномъ берегу Гренландіи. Вскорѣ къ нему присоединились многіе изъ его соотечественниковъ, и привезли съ собою рогатый скотъ, хлѣбъ и земледѣльческія орудія. Колонія въ непродолжительномъ времени сдѣлалась многолудною; въ ней были построены церкви и училища и явились ремесла. Китовая и моржовая ловля дала жителямъ возможность вступить въ выгодную торговлю съ Норвежцами

и получать отъ нихъ европейскія мануфактурныя произведе-
 нія. Эта торговля ежегодно занимала большое число кораблей;
 но около половины XIV столѣтія она вдругъ прекратилась,
 вслѣдствіе какихъ-то неизвѣстныхъ причинъ, и сношенія между
 Норвегією и Гренландією окончились. Впослѣдствіи Датчане
 и Норвежцы, желая возобновить свои торговыя сношенія съ
 этою колонією, отправили туда нѣсколько кораблей; но ни
 одинъ изъ нихъ не успѣлъ достигнуть своего назначенія и даже
 не видалъ береговъ Гренландіи, по причинѣ непроницаемыхъ
 льдовъ, отнявшихъ всякую возможность приблизиться на раз-
 стояніе тридцати миль къ тѣмъ мѣстамъ, которыя прежде были
 доступны въ теченіе трехъ мѣсяцевъ ежегодно. По примѣру
 Датчанъ и Норвежцевъ, многіе другіе народы старались про-
 никнуть въ эту заточенную въ льды колонію, но и эти по-
 пытки остались также безуспѣшны, и мы по сіе время ничего
 не знаемъ о судьбѣ тѣхъ людей, которые такъ таинственно были
 отрезаны отъ всякаго сообщенія съ остальнымъ міромъ.

Событіе, подобное вышеописанному, не случалось ни въ
 одной известной намъ части свѣта, а потому мы можемъ только
 догадываться о тѣхъ непосредственныхъ и отдаленныхъ по-
 слѣдствіяхъ, которыя должны были постигнуть жителей Вос-
 точной Гренландіи послѣ того, какъ льды оцѣпили ихъ берега
 и тѣмъ лишили всякой помощи. Колонія, по своему физиче-
 скому положенію, была менѣ всякой другой способна пере-
 несть совершенное отдѣленіе отъ остальной части обитаемаго
 міра. Урожай хлѣба были самые скудные и ненадежные; па-
 стбищъ доставало только на незначительное количество скота;
 и потому большая часть необходимѣйшихъ потребностей полу-
 чалась изъ Даніи и Норвегіи; источникомъ витанія служило
 море, доставлявшее въ теченіе лѣтнихъ мѣсяцевъ значительное
 количество рыбы. Но жизненныя средства, заимствуемая изъ
 обоихъ этихъ источниковъ, пресѣклись вдругъ и одновременно,
 ибо та же ледяная цѣпь, которая воспрепятствовала прибли-
 женію норвежскихъ кораблей, должна была, закрывши поверх-
 ность моря, положить ковецъ всякаго рода рыбной ловль, и

повергнуть колонистовъ въ самое отчаянное положеніе. Должно думать, что скопленіе льдовъ около береговъ восточной Гренландіи произошло въ теченіе нѣсколькихъ дней и въ началъ полярнаго лѣта. Наблюденія мореплавателей показываютъ, что въ сѣверныхъ странахъ каждые двадцать или двадцать пять лѣтъ совершается страшный повсемѣстный взломъ льдовъ, и что массы, гонимыя вѣтрами и теченіями, устремляются къ югу и наполняютъ все пространство полярныхъ морей до тѣхъ поръ, пока не разсыются и не растаютъ постепенно. Подобное-то періодическое явленіе, по вѣсѣмъ вѣроятностямъ, заточило жителей восточной Гренландіи. Картина этого событія поражаетъ воображеніе. Въ одну бурную апрѣльскую ночь, ожидая открытія навигаціи и прибытія норвежской флотиліи, несчастные поселенцы внезапно были пробуждены отдаленнымъ громомъ приближавшейся бѣды. Встревоженные, испуганные, они на разсвѣтъ взбираются на обрывистыя высоты береговъ и видятъ вдали обширную и непрерывную громаду айсберговъ, грозно идущихъ съ сѣвера по направленію къ гренландскому берегу. Большая часть этихъ пловучихъ массъ прошла къ югу, и оживила колонистовъ надеждою, что и остальные пройдутъ тѣмъ же путемъ; но постепенное сцѣпленіе ихъ между собою и остановки, причиненныя въ ихъ пути мысами, выдавшимися оконечностями материка и дѣйствіемъ водоворотовъ и мѣстныхъ теченій, поставили многія изъ самыхъ большихъ въ совершенную неподвижность, и гигантская ледяная стѣна вскорѣ загородила всю колонію. Едва ходъ айсберговъ задерживался вслѣдствіе какихъ бы то ни было причинъ въ одномъ мѣстѣ, какъ слѣдовавшія за ними массы, не имѣя выхода, сталкивались, спирались, силою пролагали себѣ дальнѣйшій путь сквозь хребты стоявшихъ передъ ними, и такимъ образомъ являли картины страшнаго хаоса, продолжавшагося до тѣхъ поръ, пока не окончился напоръ льдовъ съ неумолимаго сѣвера. Но ледяная стѣна, окрѣпнувъ и упрочившись въ своемъ основаніи, не переставала расти въ вышину: отъ страшнаго сгнетенія составныя части ея выдвигались вверхъ одна за другою такъ, что наконецъ, поднявшись выше грен-

ландскихъ береговъ, какъ ни были они высоки и обрывисты, заняла все заливы и бухты и даже вышла на берегъ. Тутъ колонисты уже начали предугадывать всю опасность своего положенія; но пока дулъ вѣтеръ съ нѣкоторою силою и пока было замѣтно движеніе между льдами, они могли еще сколько-нибудь надѣяться, что эта преграда распадется. Но буря миновала, льды остались и окрѣпли; прояснѣвшаяся атмосфера и безоблачное небо открыли поселенцамъ нескончаемые ряды ледяныхъ вершинъ и утесовъ, возвышавшіеся другъ надъ другомъ далеко и на сѣверъ и на востокъ. Глубокая и таинственная тишина царствовала повсюду, и какъ бы шептала, что природа, довольная тѣмъ, что совершила, надолго опочила отъ своей ужасной дѣятельности.

Впрочемъ, колонисты не отчаявались; они могли думать, что льды взломаются къ половинѣ августа мѣсяца, т.-е. къ тому времени года, въ которое солнце въ полярныхъ странахъ начинаетъ утрачивать свою силу. Но немного прошло времени, какъ они подверглись двумъ страшнымъ послѣдствіямъ своего новаго положенія, именно — совершенному прекращенію рыбнаго промысла, и недостатку въ пловучемъ лѣсь, доселѣ ежегодно скоплявшемся у ихъ береговъ, и доставлявшемъ имъ обильный запасъ топлива. Въ такихъ обстоятельствахъ невозможность обычнаго прихода норвежскихъ кораблей они не считали бѣдствіемъ, потому-что эти корабли доставляли имъ только удобства жизни, которыя сдѣлались ненужными съ утратою необходимостей. Мысль о голодной смерти и о холодѣ овладѣла всеми; чувство самосохраненія начало постепенно вооружать колонистовъ другъ противъ друга. Богатые охладѣли къ несчастіямъ бѣдныхъ; наступила отчаянная борьба при раздѣлѣ уцѣлѣвшихъ съѣстныхъ запасовъ и топлива — единственныхъ источниковъ существованія въ теченіе восьмимѣсячной полярной зимы. Черезъ мѣсяць, черезъ два нужно было присгупить къ сломкѣ жилищъ, чтобы выбрать изъ нихъ весь лѣсь на дрова, и такимъ образомъ явилась необходимость, для укрытія отъ непогодъ, искать убѣжища въ землянкахъ. Большая часть колонистовъ погибла въ самый короткій срокъ послѣ своего заточенія; хотя вѣроятно, что,

прежде чѣмъ это случилось, многіе пыгались достигнуть Восточной Гренландіи, и найдя дорогу непроходимую, пали жертвами труднаго путешествія.

Большая часть Европейцевъ, жившихъ въ полярныхъ странахъ, въ позднѣйшія времена, принадлежитъ къ самымъ низшимъ классамъ людей, которые выселялись туда или по собственному желанію, или по порученію другихъ для сбора мѣховъ, или для споспѣшествованія китовой ловлѣ, производимой тамъ въ лѣтнее время. Голландцамъ первымъ пришла мысль основать колонію въ отдаленныхъ арктическихъ сгранахъ, и они первые рѣшились испытать, до какой степени человеческое тѣлосложеніе въ состояніи выдержать вліяніе тамошняго продолжительнаго холода. Первые чегыре или пять попытокъ, сдѣланныхъ ими, а также и Русскими, прозимовать въ Гренландіи и Новой Землѣ, оказались совершенно безуспѣшными; большая часть участвовавшихъ въ этомъ людей погибла въ теченіе шести или восьми мѣсяцевъ отъ цинги и отъ холода. При этомъ необходимо замѣтить, что въ сущности всѣ они были неспособны къ достиженію предположенной цѣли; они, хотя и отличались кряпкимъ сложениемъ, физическими способностями выносить большіе труды и лишенія, однако же, вслѣдствіе невѣжества и грубости привычекъ, пренебрегали въ образъ своей жизни потребною степенью правильности и предусмотрительности, и мало думали о средствахъ необходимыхъ для предохраненія себя отъ дѣйствій климата. Будучи простыми моряками, они искали спасенія отъ оледеняющаго холода въ частомъ употребленіи спиртныхъ напитковъ, которыми всегда снабжались въ изобиліи, и проводили большую часть своего времени въ снѣ, вмѣсто того, чтобы уравнивать циркуляцію крови правильными и продолжительными тѣлесными упражненіями. Впослѣдствіи оказалось, что люди образованные, болѣе утонченные въ образъ своей жизни и слѣдовательно болѣе предусмотрительные, менѣе первыхъ падаютъ жертвами полярной зимы; ибо вмѣстѣ съ средствами сохраненія здоровья и, такъ сказать, оклиматизированія, они обладаютъ еще такимъ запасомъ свѣдѣній, который дастъ имъ возможность устранять однообразіе

полярной жизни и забывать физическія невыгоды своего положенія.

Промышленники, намѣревающіеся зимовать въ полярныхъ странахъ, напримѣръ на Шпицбергенъ или Новой Землѣ, обыкновенно привозятъ съ собою деревянные разобранные дома, или, по крайней мѣрѣ, матеріалы для ихъ постройки. Каменныя строенія, конечно, доставили бы гораздо лучшую защиту отъ суровости климата, но ихъ невозможно имѣть тамъ потому, что почва въ тѣхъ мѣстахъ всегда мерзлая, и каменистыя породы покрыты глубокими слоями льда и снѣга, и следовательно недоступны рукамъ человѣка. Арктическія жилища по большей части состоятъ изъ двухъ отдѣленій, изъ коихъ одно служитъ амбаромъ для състныхъ запасовъ, а другое кухнею и спальнею, и потому имѣетъ посрединѣ большую печь для приготовленія пищи и для согрѣванія комнаты. Вокругъ этой печи, также какъ и вдоль стѣнъ, ставятся нары фута на полтора въ вышину, и около трехъ футовъ въ ширину, для предохраненія спящихъ на нихъ людей отъ сырости, и вмѣстѣ для того, чтобы удобнѣе передвигать ихъ постели съ одного мѣста на другое для провѣтриванія и для выметанія инея, быстро накаплиющагося отъ сгущенія выдыхаемыхъ водяныхъ паровъ. Дверь жилища дѣлается весьма малою и плотною, равно какъ и окно, служащее не столько для освѣщенія, ибо для этого привѣшивается на потолокъ лампа, сколько для того, чтобы дать возможность видѣть сквозь него состояніе погоды, не выходя наружу. Большой запасъ топлива изъ пловучаго льса помѣщается въ самомъ близкомъ сосѣдствѣ съ хижиною.

Сборъ мѣховъ составляетъ единственный предметъ занятій подобныхъ поселенцевъ; они ежедневно разставляютъ сѣти для лисицъ и другихъ животныхъ, и отъ времени до времени осматривая ихъ вмѣстѣ со всевозможными ловушками, приспособленными къ этой цѣли, приносятъ домой все пойманное, и остальное время употребляютъ на сохраненіе снятыхъ шкуръ. Таковъ итогъ неизмѣняющагося ряда занятій съ первыхъ дней водворенія промышленниковъ въ полярныхъ

странахъ вплоть до начала лѣта, которое, положивъ конецъ охотѣ, даетъ имъ возможность, если пожелають, возвратиться на родину. Въ продолженіе большей части своего пребыванія на сѣверѣ, они почти не знаютъ дня, безсмынная ночь долго стоитъ надъ землею, то увеличивая, то уменьшая мракъ свой, сопровождаемый только такими переѣнами въ атмосферѣ, которыя лишь увеличивають бѣдственность ихъ положенія. Иногда сильный вѣтеръ, сопровождаемый густыми тучами снѣга, свирѣпствуетъ съ невыразимымъ бѣшенствомъ въ теченіе нѣсколькихъ дней сряду, и не давая промышленникамъ никакой возможности осматривать ловушки; запираетъ ихъ въ хижинахъ, ежеминутно грозя засыпать ихъ снѣгомъ, или разметать нетвердыя стѣны, и погубить жильцевъ холодомъ. Порывистые вѣтры дуютъ преимущественно съ юго-запада, и столь рѣзко, что никакой человеческій организмъ не можетъ вынести даже и кратковременнаго ихъ дѣйствія, и кромѣ того прерываетъ всѣ сообщенія даже съ мѣстами самыми близкими, ибо сопровождающій ихъ снѣгъ, густыми хлопьями падающій сверху и въ то же время взвѣваемый крутящимся вихремъ съ поверхности льдовъ — до того увеличиваетъ мракъ, что даже большіе предметы на разстояніи двухъ или трехъ аршинъ ускользають отъ зрѣнія. Хотя обыкновенно вслѣдъ за подобными бурями наступаетъ тихая и ясная погода, въ которую охотники могутъ выйти изъ своего заточенія, однако же и въ такое время имъ представляется мало утѣшительнаго: на первомъ шагу ихъ встрѣчаютъ такіе сугробы, которые требуютъ огромныхъ трудовъ, чтобы отрыть изъ-подъ нихъ жилище и заготовленное вокругъ него топливо; дальѣ, въ мѣстахъ лова они находятъ свои ловушки, капканы и тенета или поврежденными бѣлыми медвѣдями, или занесенными снѣгомъ почти на недоступную глубину. Иногда въ продолженіе этого осмотра случается, что кто-нибудь изъ отдалившихся отъ партіи охотниковъ проваливается въ прикрытую снѣгомъ ледяную разщелину, и не будучи въ состояніи вылезти изъ нея или призвать на помощь товарищей, до которыхъ за отдаленностью не доходятъ его отчаянные крики, остается тамъ до тѣхъ поръ, пока прочіе промышлен-

леяники, возвратясь домой, не замѣтятъ въ своемъ числѣ недостачи. Тутъ, не успѣвъ отдохнуть и отогрѣться, они съ факелами пускаются отыскивать пропавшаго, и долго блуждая по разнымъ направленіямъ, или совершенно не найдутъ его, или отыщутъ уже замерзшимъ, или умирающимъ отъ стужи. Кромѣ всѣхъ подобныхъ бѣдствій, промышленники не рѣдко принуждены еще выдерживать оборонительную войну противъ бѣлыхъ медвѣдей, которые въ большомъ числѣ являются иногда въ сосѣдствѣ съ ихъ жилищемъ и бродятъ вокругъ него нѣсколько дней сряду, слѣдуя за движеніями людей и нападая на каждаго, кто рѣшается выйдти наружу. Дерзость этихъ животныхъ доходитъ до того, что они съ бышенствомъ кидаются на стѣны, взлѣзаютъ на крышу строения и когтями силятся разобрать бревна. Въ этихъ случаяхъ одна только мѣткая стрѣльба изъ ружей спасаетъ охотниковъ отъ ихъ косматыхъ непріятелей.

Съѣстные припасы промышленниковъ состоятъ преимущественно изъ того, что они привозятъ съ собою, именно изъ ржаной муки, солонины, сухарей, кислой капусты и спиртныхъ напитковъ. Къ этому присоединяется еще мясо лисицъ и бѣлыхъ медвѣдей, которое почитается не только питательною, но и вкусною пищею. При всей, однако же, заботѣ этихъ людей о сохраненіи своего здоровья, рѣдко обходится безъ того, чтобы кто-нибудь изъ нихъ въ теченіе зимы не заболѣлъ скорбутомъ въ болѣе или менѣе сильной степени, чему способствуетъ однообразіе пищи, недостатокъ свѣжихъ овощей, сырость и спертой воздухъ хижины и, наконецъ, умеренное употребленіе водки. Кромѣ скорбута они подвергаются еще мучительной ревматической боли въ оконечностяхъ, въ особенности къ концу зимы, и почти всѣ безъ исключенія жалуются на вліяніе, которое производитъ продолжительное горѣніе китоваго жира на органы вкуса: пища теряетъ для нихъ свой привлекательный запахъ, и во рту постоянно ощущается непріятная горечь.

Съ тѣхъ поръ, какъ Норвежцы впервые поселились въ Восточной Гренландіи, въ полярныхъ странахъ была осно-

вана только одна европейская колонія. Начало ея положено моравскими миссіонерами въ 1756 г. на юго-западномъ гренландскомъ берегу. Впослѣдствіи она подраздѣлилась на многія факторіи или станціи. Цѣль Моравцевъ состояла въ распространеніи между туземцами христіанской вѣры, чтò можетъ быть вполне оценено только такими людьми, которые хорошо знакомы съ суровостью сѣвернаго климата. Первая мысль объ этомъ предпріятіи родилась въ умахъ двухъ юношей, принадлежавшихъ къ братству Герингутеровъ. Возвѣтивъ, независимо другъ отъ друга, сильное желаніе идти миссіонерами въ Гренландію и случайно высказавъ одинъ другому свои мысли, они открыли свои намѣренія начальству и послѣ многихъ затрудненій отплыли наконецъ въ Гренландію, гдѣ, высадивъ на ея берега, ревностно начали рядъ необыкновенныхъ трудовъ и почти безнадежныхъ усилій. Сначала, не имѣя хорошаго крова и тѣхъ удобствъ, которыя по суровости гренландскаго климата для Европейца тамъ ощутительнѣе, нежели въ какой другой странѣ, они много терпѣли отъ холода и отъ вліянія непогоды. Равнымъ образомъ страдали они отъ недостатка пищи, ибо привезенные ими съ собою небольшіе запасы скоро истощились, а къ отвратительной пищѣ туземцевъ они долго не могли привыкнуть. Грубые нравы природныхъ жителей, совершенное отсутствіе нравственной и физической чистоты въ ихъ образѣ жизни, ихъ тупоуміе, трудное построеніе языка и, наконецъ, недоброжелательство, которому подвергались эти проповѣдники догматовъ вѣры Христовой—переполнили чашу бѣдствій. Но, не смотря на все это, Моравцы неусыпно продолжали трудиться по предположенному плану. Чрезъ нѣсколько времени къ нимъ присоединились другіе члены ихъ братства, привезшіе съ собою матеріалы для постройки дома и новые запасы пищи и одежды. При содѣйствіи новыхъ сподвижниковъ, тутъ въ непродолжительномъ періодѣ были выстроены церковь и школа и составлены грамматика и словарь гренландскаго языка, оказавшіе важныя пособія послѣдующимъ миссіонерамъ. Эта первоначальная миссія постомъ своего постоянного пребыванія избрала берегъ укрытаго почти со всѣхъ сторонъ морскаго

залива, на западной оконечности Гренландіи, гдѣ поселеніе это и по-нынѣ остается центральнымъ пунктомъ европейскихъ факторій, впоследствии расположившихся въ разныхъ частяхъ края.

Хотя успѣхъ миссіонеровъ въ обращеніи туземцевъ къ христіанству до сихъ поръ не соответствуетъ тому рвенію, съ которымъ дѣйствуютъ проповѣдники; однако же нельзя не допустить, что Гренландцы заимствовали отъ нихъ много полезнаго и что труды послѣднихъ не сопровождаются никакимъ зломъ въ настоящемъ и будущемъ. Такъ мы знаемъ, что какъ скоро было замѣчено, что Гренландцы ежегодно много терпятъ отъ голода не потому, чтобы страна ихъ не производила достаточнаго количества пищи, а собственно отъ непредусмотрительности и безпечности самаго народа, не заготовляющаго никакихъ запасовъ на зимнее время, то миссіонеры начали стараться пріучить ихъ къ осѣдлой жизни. Едва Гренландцы постигли выгоды такой перемены, какъ голодъ сдѣлался между ними, сравнительно говоря, рѣдкимъ случаемъ, въ особенности между обращенцами, ибо съ водвореніемъ осѣлости явилось болѣе возможности хранить запасы, народонаселеніе увеличилось вследствие болѣе большого довольства и удобства существованія, почерпнутыхъ изъ знакомства съ простыми ремеслами, дотолѣ между ними неизвѣстными. Все это прививалось тѣмъ скорѣе, что внимательства миссіонеровъ въ обычаи и религіозныя идеи туземцевъ не сопровождалась ни враждою и никакими насильственными мѣрами. Скромное и тихое поведеніе Гернгутеровъ, ихъ благоговѣніе при отправленіи религіозныхъ обрядовъ и вниманіе къ нуждамъ туземцевъ до того дѣйствовали на простые умы послѣднихъ, что Гренландцы, не взирая на то, что жили немногочисленными отдельными общинами и не подчинялись никакой самостоятельной власти, начали быстро усвоивать ученіе Моравцевъ, а вмѣстѣ съ нимъ и первыя сѣмена образованія, въ какой бы незначительной степени они ни были.

Таковы страны далекаго сѣвера, задернутыя туманною завесою неизвѣстности, въ которую всепродолжающая любознатель-

ность современнаго человѣчества силится проникнуть Тягостныя поднятыя труды и невознаградимыя понесенныя жертвы нашего вѣка на этомъ оледняющемъ поприщѣ; но разъ подстрекнутый духъ предприимчивости уже ничто не остановитъ въ настоящемъ времени. Со свѣточью науки идетъ человѣкъ въ «Гиперборейскіе мраки», и хотя медленно, однако же твердою стопою углубляется въ нихъ все далѣе и далѣе, разрѣшая одинъ за другимъ предложенныя себѣ вопросы. Такимъ образомъ въ 1853 году проложена новая тропа и разрѣшенъ вопросъ о существованіи сѣвернаго пути изъ Атлантическаго Океана въ Тихій Океанъ—и вотъ исторія этого открытія.

Мы видимъ, что открытіе американскаго полярнаго пути, или такъ-называемаго Сѣвернаго, съ давнихъ временъ занимало умы сѣверныхъ европейскихъ народовъ и въ особенности Англичанъ. Со временъ Генриха VIII, они не переставали отправлять экспедиціи для открытія этого прохода, и въ исторіи ихъ мореплаванія намъ памятны имена Гильберта, Рѣсса, Пэрри, Фрэнклина и другихъ, тѣсно связанныхъ съ этими геройскими попытками.

Изъ всѣхъ экспедицій, совершенныхъ съ упомянутою цѣлью, экспедиція капитана (нынѣ адмирала) Пэрри была самая успѣшная. Онъ, следуя черезъ Девисовъ Проливъ по Баффинову Заливу, открылъ въ 1819 г. въ сѣверо-западной части его углубленіе, нѣкогда принятое капитаномъ Рѣссомъ за губу, но по точнѣйшимъ изслѣдованіямъ Пэрри оказавшееся проливомъ, впоследствии названнымъ Ланкастерскимъ. Пройдя по этому проливу, Пэрри нашелъ, что онъ соединяется съ другимъ—съ нынѣшнимъ каналомъ Барроу, по которому и дошелъ до Мельвилевой Земли—предѣла всего известнаго въ полярныхъ странахъ до сдѣланнаго въ настоящее время открытія. Такимъ образомъ еще въ 1819 г. была найдена, хотя и не совершенно опредѣленно, восточная половина того пути, западную часть котораго, состоящую изъ одного только пролива Принца Валлійскаго, имѣющаго протяженіе не болѣе какъ въ шестьдесятъ миль, открылъ въ 1850 отважный Макъ-Клоръ.

Робертъ Джонъ Макъ-Клоръ родился въ Вѣксфордѣ, въ

Ирландіи, въ 1808. Его отецъ, капитанъ 89 полка, служившій во время египетской кампаніи подъ командою сэра Ральфа Эберкромби, былъ женатъ на дочери Джона Эльчи, занимавшаго почти въ теченіе 50 лѣтъ мѣсто ректора въ вексфордскомъ приходѣ. Макъ-Клюръ, сынъ, съ дѣтства имѣвшій наклонность къ военной службѣ, былъ отправленъ сначала въ винчестерскую школу, въ Итонъ, а изъ нея переведенъ потомъ въ зандуретскую коллегію. Кончивъ тутъ курсъ, онъ предпочелъ морскую службу сухопутной, вступилъ въ чинъ мичмана на старый нельсоновскій корабль «Побѣда», и служилъ въ разныхъ частяхъ свѣта до 1836, до самаго того времени, когда, по повелѣнію правительства, была снаряжена экспедиція для открытія сѣверо-западнаго пути. Макъ-Клюръ, узнавъ объ этомъ предпріятіи, изъявилъ желаніе въ немъ участвовать, и былъ прикомандированъ къ кораблю ея величества «Ужасъ», находившемуся подъ командою сэра Георга Бакка. По возвращеніи изъ арктическихъ морей, гдѣ эта экспедиція оставалась около двухъ лѣтъ, Макъ-Клюръ до 1842 служилъ на корабляхъ: «Гастингсъ», «Ниagara» и «Кормчій». Въ іюнь 1842 онъ былъ назначенъ командиромъ корабля «Ромней» въ Гаваннѣ, гдѣ и оставался въ теченіе пяти лѣтъ. Въ 1848 Макъ-Клюръ, по его собственному прошенію, былъ прикомандированъ въ званіи лейтенанта на корабль «Предпріятіе», ко второй арктической экспедиціи, снаряженной подъ начальствомъ сэра Джемса Росса, и имѣвшей двоякую цѣль — отысканіе Франклина и открытіе сѣверо-западнаго пути. Экспедиція вернулась въ ноябрѣ 1849 года: Макъ-Клюръ получилъ чинъ комодора. Когда же въ слѣдующемъ мѣсяцѣ правительство опредѣлило послать новую экспедицію къ полюсу со стороны Сибири, онъ въ третій разъ вызвался участвовать въ ней, и получивъ подъ свое начальство корабль «Изыскатель», отплылъ въ мартѣ 1850 года изъ Ширнесса, вмѣстѣ съ кораблемъ «Предпріятіе», находившимся подъ командою капитана Коллинсона. Съ какимъ намѣреніемъ покидалъ онъ въ это время родину, видно изъ собственныхъ словъ его: «Я или отыщу, говорилъ онъ, сэра Джона Франклина, или открою сѣверо-западный путь, или никогда уже не возвращусь въ отечество».

Когда «Изыскатель», обогнувъ мысъ Горнъ, достигъ Сандвичевыхъ острововъ, лежащихъ на пути къ Берингову проливу, онъ встрѣтился съ обсервационнымъ англійскимъ судномъ «Герольдъ», подъ командою капитана Келлета, и здѣсь долженъ былъ дожидаться корабля «Предпріятіе», отставшаго отъ него въ далекомъ слѣдованіи изъ Англии. Но какъ онъ долго не являлся, а время года, благопріятствующее плаванію къ полюсу, быстро проходило, то капитанъ Макъ-Клоръ выразилъ сильное желаніе продолжать путь. Капитанъ Келлетъ, какъ старшій по командѣ, сначала настаивалъ, чтобы онъ повременилъ до прибытія своего товарища; но потомъ, снисходя къ просьбамъ отважнаго своего сослуживца, согласился отпустить его. Макъ-Клоръ тотчасъ же снялся съ якоря и отплылъ. Вскорѣ Келлетъ, передумавши, выкинулъ сигналъ—воротиться; но уже было поздно: славный капитанъ «Изыскателя» отвѣчалъ на приказаніе лаконически:—«Долгъ—собственная отвѣтственность—не могу воротиться».

Такимъ образомъ 31 іюня 1850, начавъ свое одинокое плаваніе, «Изыскатель» миновалъ мысъ Лисбурнъ, и благополучно дошелъ до мыса Барроу, далѣе котораго къ востоку не заходилъ до того времени ни одинъ корабль, хотя эта сторона американскаго берега и была открыта прежде экспедиціями, ходившими сухимъ путемъ и водою въ простыхъ лодкахъ. Отсюда начался рядъ открытій Макъ-Клора.

Чтобы вполне оцѣнить важность этихъ открытій, должно предварительно замѣтить, что все пространство между Беринговымъ проливомъ и проливомъ Барроу, (ведущимъ въ Ланкастерскій каналъ, соединяющійся съ Баффиновымъ заливомъ, который въ свою очередь соединяется посредствомъ Девисова пролива съ Атлантическимъ моремъ), до сего открытія не было съ точностью изслѣдовано. Это-то неизвѣданное пространство отправился открывать капитанъ Макъ-Клоръ, объявивъ напередъ, что если корабль его будетъ затертъ льдами, то онъ пышкомъ попытается дойти до Мельвилевой Земли, лежащей къ сѣверо-западу отъ пролива Барроу, и не въ далекомъ отъ него разстояніи. Впоследствии, имѣя этотъ планъ его въ виду, другой

корабль «Отважный» подъ командою вышеупомянутаго Келлета направился къ Мельвилевой Земль съ востока, со стороны Атлантическаго океана, по пути, открытому капитаномъ Парри, т. е. чрезъ Баффиновъ заливъ и Ланкастерскій каналъ. Впослѣдствіи мы увидимъ, какую услугу онъ оказалъ почти погибшему экипажу «Изыскателя». Теперь же обратимся къ депешамъ Макъ-Клора.

Со времени отплытія отъ мыса Барроу 8 августа 1850 года до времени прибытія къ мысу Баторствъ 30 августа, плаваніе «Изыскателя» не было ознаменовано ничѣмъ особеннымъ, исключая того, что экипажъ его не разъ выходилъ на сѣверный берегъ американскаго материка, гдѣ встрѣчалъ дикія племена Эскимосовъ, удивлявшихъ Англичанъ своимъ обычнымъ привѣтствіемъ, состоявшимъ не въ поцѣлуяхъ, а въ потирании носами, что, при неоприятности этихъ племенъ, составляло весьма непріятную операцію. Большая часть этихъ племенъ принимала Англичанъ миролюбиво. Изъ разговоровъ ихъ можно было понять, что они впервые видятъ бѣлыхъ. Ихъ въ особенности поражали ходячія деревья, т. е. мачты корабля, и паруса, которые они называли большими платками. Чрезъ переводчика г-на Мирчингъ, принадлежащаго къ лабрадорской миссіи моравскаго братства, Англичане объявили, что пришли отыскивать своихъ пропавшихъ соотечественниковъ, спрашивали о Франклинѣ, и, не получивъ объ немъ никакихъ свѣдѣній, взяли съ нихъ обѣщаніе помогать бѣлымъ, если они когда-нибудь явятся между ними.—Все вышесказанное содержится въ первой депешѣ Макъ-Клора, которую онъ вручилъ встрѣтившимся ему Индѣйцамъ, близъ мыса Баторста, и обѣщаніемъ награды убѣдилъ ихъ передать ее Гудсонской Компаніи.

«Сентября 1-го 1850, говоритъ Макъ-Клоръ, мы покинули американскій берегъ, распрощавшись съ Эскимосами и вполне убѣдившись ихъ показаніями, что никто изъ экипажа Франклина не посѣщалъ этихъ мѣстъ. Шестаго числа того же мѣсяца, мы замѣтили къ сѣверу отъ мыса Парри возвышенную землю, на которую на слѣдующій день высадились и назвали ее Баринговымъ островомъ. Эта земля, возвышающаяся на

*

1000 футовъ, составляетъ южную оконечность Банксовой Земли; на ней мы нашли въ значительномъ количествѣ разные мхи и другія тощія растенія, ланей, зайцевъ и дикихъ утокъ. Водрузивъ тутъ мачту и зарывъ подлѣ нея документы, мы отправились далѣе къ востоку и 9 сентября открыли еще неизвѣстную доннынѣ землю, которую и назвали Землею Принца Альберта—это есть сѣверный берегъ странъ Воллостона и Викторіи. Сентября 10 мы вступили въ каналъ, названный нами каналомъ Принца Валлійскаго,—онъ раздѣляетъ Землю Альберта отъ Барингова острова. Каналъ этотъ тѣмъ важень, что, по сдѣланнымъ по льду изслѣдованіямъ, онъ соединяется съ проливомъ Барроу. Съ наступленіемъ октября навигаціонная пора приходила къ концу, на что ясно указывали и пониженіе температуры и образованіе ледянаго черепка на поверхности воды, а потому намъ надлежало подумать о томъ, какой избрать путь для спасенія корабля и экипажа отъ предстоявшихъ бурь и непогоды. Вернуться на югъ по пройденному уже нами пути, и отыскивать удобной стоянки на юго-восточной сторонѣ Барингова острова, гдѣ море оставалось еще открытымъ, значило бы утратить, изъ одной только надежды на хорошее якорное мѣсто, все пространство въ 60 миль, пройденное съ величайшими трудами и опасностями. По-этому я рѣшился зимовать тамъ, гдѣ остановятъ меня льды».

«Изыскатель» замерзаетъ 30 сентября вблизи Принцесскихъ острововъ, состоящихъ изъ двухъ утесистыхъ скалъ, находящихся въ проливѣ Принца Валлійскаго, и остается тутъ до 14 июля 1851 года. Укрѣпивъ корабль въ его ледяномъ ложѣ, уконопатившись и сдѣлавъ все нужныя распоряженія на зиму, неутомимые моряки начинаютъ свои экскурсіи. Октября 21 Макъ-Клоръ, взявъ съ собою семь человекъ и сани, отправляется къ С. В., дабы выслѣдить, куда ведетъ проливъ Принца Валлійскаго, и 26 октября, послѣ пятидневнаго похода, удостовѣряется, что онъ соединенъ съ проливомъ Барроу подлѣ $73^{\circ}30'$ с. ш. и $114^{\circ}14'$ з. д. Это положительно рѣшаетъ вопросъ о существованіи полярнаго американскаго пути. Въ ознаменованіе этого, капитанъ приказываетъ поставить при

входъ въ каналъ мачту, и возлѣ нея кладетъ въ мѣдномъ цилиндрѣ протоколъ о своемъ открытіи. Здѣсь же на островѣ Бичи, при входѣ въ каналъ Веллингтона, онъ оставляетъ значительный складъ провіанта. Этимъ заканчиваются подвиги моряковъ въ 1850 году.

«Мѣсяцъ мартъ послѣдующаго года засталъ насъ, говоритъ Макъ-Клоръ, въ добромъ здоровьѣ и въ хорошемъ расположеніи духа, по этому немедля мы принялись за работу. Марта 3 перенесли 30-ти-футовое китоловное судно на бѣльшій изъ Принцесиныхъ острововъ, на которомъ я назначилъ оставить трехмѣсячную провизию для всего экипажа на тотъ случай, что, если бы, при весеннемъ взломѣ льда, нашъ корабль былъ раздавленъ, то, чтобы мы имѣли возможность, вернувшись къ этому пункту, захватить запасы и лодку. Такъ какъ погода въ это время дѣлалась весьма благопріятною для путешествій, то мы сдѣлали всѣ нужныя распоряженія для отправки розыскательныхъ партій, и 18 апрѣля три такія партіи, каждая съ шестинедѣльнымъ запасомъ провизиі, были отправлены для опредѣленія береговой линіи—одна подъ командою лейтенанта Гасвелля пошла на Ю. В. къ землѣ Воллостона, другая подъ командою лейтенанта Крессвелля на С.З. къ Банковской землѣ, и, наконецъ, третью повелъ подшкиперъ Винніаттъ къ С.В.»

Винніаттъ возвратился благополучно послѣ пятидесятидневнаго похода, дошедши до земли Принца Альберта. Крессвелль странствовалъ цѣлый мѣсяцъ по Баринговой землѣ, и дошедъ до ея конца, т.-е. до залива Мельвиль, удостовѣрился, что она составляетъ продолженіе Банковской Земли. Гасвелль, осмотрѣвъ Банковскую Землю, донесъ, что видѣлъ тамъ Эскимосовъ, но не имѣя переводчика, не могъ ничего узнать отъ нихъ. Поэтому Макъ-Клоръ въ сопровожденіи Мирчинга отправился по слѣдамъ Гасвелля, нашелъ Эскимосовъ, но также какъ и всѣ его товарищи, ничего не узналъ о Франклинѣ.

«Не смотря на наши тщательныя изслѣдованія», говоритъ капитанъ, «по всему береговому протяженію, нами осмотрѣнному, и обнимающему по крайней мѣрѣ 800 миль, исключая

изъ этого числа разнообразныя изгибы береговой линіи, которая увеличила бы сказанное протяженіе, вѣроятно, еще на одну треть, мы не нашли тамъ ни малѣйшихъ слѣдовъ пребыванія образованныхъ людей. Поэтому я вполне убѣжденъ, что экспедиція сэръ Джона Франклина не проходила по этому направленію: въ противномъ случаѣ, невозможно, чтобы мы не напали на какіе-нибудь признаки, объ ней свидѣтельствующіе; даже и въ случаѣ гибели кораблей мы непременно нашли бы какіе-нибудь остатки, ибо отъ нашего вниманія не ускользали даже и самыя малые куски прибойныхъ деревьевъ».

Послѣ этого моряки съ тревожнымъ чувствомъ, но терпѣливо ждутъ разрушенія ледяныхъ массъ, которыми окружено ихъ судно. 14 іюля ледъ вскрывается и увлекаетъ корабль къ Принцессинымъ островамъ. Капитанъ дѣлаетъ попытку обойти ледяныя громады, увлекающія его судно, и пробраться въ проливъ Барроу, отъ котораго онъ находится только на разстояніи двадцати пяти миль. Но ледъ, непрерывнымъ полотномъ покрывающій этотъ проливъ, заставляетъ его отказаться отъ этого намѣренія и вернуться назадъ по проливу Принца Валлійскаго. Макъ-Клоръ приписывалъ свою неудачу вѣтрамъ, которые во все это время дули съ С.-З, т.-е. съ того самаго пункта, къ которому онъ стремился идти съ другой стороны, гдѣ, какъ онъ думалъ, можно легко совершить переходъ изъ одного океана въ другой.

Избравъ обратный путь, капитанъ Макъ-Клоръ по выходѣ изъ пролива Принца Валлійскаго обогнулъ Барингову Землю, которая по изслѣдованіямъ, сдѣланнымъ его пѣшими экспедиціями въ предшествовавшую зиму, оказалась островомъ, отдѣленнымъ отъ Земель Банка и Мельвила Банковымъ проливомъ. Это обратное путешествіе его по проливу Принца Валлійскаго не было сопряжено съ большими затрудненіями, ибо въ это время проливъ почти очистился отъ льдовъ. Но вышедши изъ канала и обогнувъ южный берегъ сказаннаго острова, «Изыскатель» вступилъ въ Полярное море, и пошелъ

къ сѣверу по направленію западнаго берега Баринговой земли. Тутъ начался рядъ бѣдствій и борьбы его со всеокрушающими полярными льдами, изъ которыхъ онъ вырывается не прежде 24 сентября 1851. Въ этотъ день, замѣтивъ на С.-В. берегу бухту, представляющую удобное якорное мѣсто, «Изыскатель» входитъ въ нее, и капитанъ, въ ознаменованіе спасенія своего корабля и экипажа, называетъ ее Заливомъ Милосердія. Здѣсь онъ проводитъ всю зиму 1851 и 1852.

Съ наступленіемъ весны розыскательныя экспедиціи возобновились. Одна изъ нихъ, въ составѣ семи человекъ подъ начальствомъ самого Макъ-Клора, ходила на Мельвилеву Землю, и нашедши мѣстопребываніе капитана Парри, заходившаго сюда тридцать лѣтъ тому назадъ, оставила тамъ бумаги съ увѣдомленіемъ о мѣстѣ нахожденія «Изыскателя». Въ этихъ бумагахъ Макъ-Клоръ писалъ между прочимъ слѣдующее: «Я намѣреваюсь, если будетъ возможность, возвратиться нынѣшнимъ годомъ въ Англію, зашедши предварительно на Мельвилевъ островъ и въ портъ Леопольдъ. Если къ концу года не будетъ никакого объ насъ извѣстія, то это послужитъ знакомъ, что мы унесены въ Полярное море или къ западу отъ Мельвилева острова. Какъ въ томъ, такъ и въ другомъ случаѣ всякая попытка подать намъ помощь будетъ бесполезна и только увеличитъ зло, ибо корабль, попавшій въ Полярное море, неминуемо погибаетъ, поэтому лучшее, что только можно сдѣлать для спасенія оставшагося въ живыхъ экипажа, будетъ состоять въ томъ, чтобы оставить припасъ или корабль въ Зимней Гавани. Кто найдетъ эти бумаги, того прошу немедленно доставить ихъ секретарю адмиралтейства».

«Писано 12 апрѣля 1852 г. на корабль ея Британскаго величества «Изыскатель», замерзшемъ подъ 74° 6' с. ш. и 47° 54' з. д.

Черезъ недѣлю Макъ-Клоръ возвратился къ своему судну и нашелъ здоровье своего экипажа въ удовлетворительномъ состояніи. Приближалось лѣто 1852, моряки питали себя надеждою, что ледяная преграда распадется, и что они прове-

дуть свой корабль Банковскимъ проливомъ, мимо Мельвилевой Земли, къ проливу Барроу. Надежды эти не оправдались.

Лѣто 1852 года было кратковременно и нерадостно. Солнце не оказало никакого вліянія на огромныя массы льда, загрозившія весь проливъ Барроу. Экипажъ «Изыскателя» скоро увидѣлъ, что ему суждено было остаться еще на цѣлую зиму въ заливъ Милосердія и провести Рождество 1852 года въ ледяныхъ пустыняхъ. Морозы въ январь и февраль 1853 г. были въ высшей степени жестоки: однимъ утромъ термометръ опустился до 65° (Фар.) ниже нуля, и оставался на 62° въ теченіе сутокъ (*). Въ каютахъ появилась страшная сырость, — камни топились день и ночь, но воздухъ внутри корабля не нагревался, иней ложился на все густымъ слоемъ. Число больныхъ цингою и скорбутомъ возрастало, въ провіантъ оказывался недостатокъ. Капитанъ Макъ-Клюръ началъ думать о спасеніи экипажа: онъ собралъ своихъ товарищей и объявилъ имъ, что намѣренъ въ началѣ апрѣля 1853 года отправить большую часть своихъ людей въ Англію двумя путями: одна партія пойдетъ подъ командою лейтенанта Гасвелля по проливу Барроу къ острову Бичи, лежащему у входа въ Веллингтоновъ каналъ, гдѣ, какъ сказано выше, онъ оставилъ складъ провіанта. Тамъ эта партія должна была дожидаться китоловныхъ судовъ, часто заходящихъ въ эти моря, и на одномъ изъ нихъ возвратиться въ Англію чрезъ Баффиновъ заливъ и проливъ Девиса. Другой партіи подъ начальствомъ лейтенанта Крессвеля назначалось идти чрезъ Барингову Землю до канала Принца Валлійскаго, и, захвативъ здѣсь провіантъ, оставленный въ зимовку 1850 года на большомъ изъ Принцесиныхъ острововъ, продолжать путь по большой рѣкѣ Макензи къ Гудсонову заливу. Самъ же Макъ-Клюръ рѣшился съ остальною болѣе здоровою частью экипажа дожидаться лѣта, и употребить все усилія, чтобы провести свой корабль къ проливу Барроу. Если же эта попытка не удастся, то, дождавшись зимы 1854, покинуть корабль, и ѣхать на саняхъ до порта Леопольдъ, въ проливъ Барроу.

(*) Около 43° и 42° по Реомюру.

Прежде нежели эти двѣ партіи отправились въ далекій и трудный путь, случилось обстоятельство, которое совершенно измѣнило ходъ дѣла, именно неожиданное появленіе въ Заливъ Милосердія предъ кораблемъ «Изыскатель» партіи столь же отважныхъ моряковъ, пришедшихъ по льду со стороны Атлантическаго океана. Дабы объяснить такое появленіе, необходимо, сказать какимъ образомъ зашла туда эта послѣдняя розыскательная партія.

Въ 1852 году англійское адмиралтейство, благородно дѣйствуя къ отысканію пропавшаго безъ вѣсти Франклина, отправило въ Арктическія моря экспедицію изъ нѣсколькихъ судовъ подъ начальствомъ капитана Бельчера, въ составъ которой находился корабль «Рѣшительный» подъ командою капитана Келлета, того самаго, который, какъ мы видѣли прежде, послѣдній говорилъ съ Макъ-Клоромъ близъ Сандвичевыхъ острововъ, и послѣдній прочиталъ многозначительный отвѣтъ его: «Долгъ—собственная отвѣтственность—не могу воротиться».

Капитанъ Келлетъ, проведя зиму 1852—1853 года близъ Мельвилевой Земли, приступилъ съ началомъ весны къ розысканіямъ, и въ *Зимней Гавани* нашелъ бумаги Макъ-Клора, упомянутыя выше. Узнавъ изъ нихъ о мѣстѣ пребыванія «Изыскателя», онъ послалъ туда лейтенанта Пима въ сопровожденіи нѣсколькихъ человекъ изъ своего экипажа.

Между тѣмъ Макъ-Клоръ, обдумывая планъ отправленія двухъ партій своихъ людей въ Англію, какъ мы уже сказали, прогуливался однажды съ своимъ первымъ лейтенантомъ по льду, и вдругъ замѣтилъ въ отдаленіи человека, бѣжавшаго по направленію къ нимъ съ такою поспѣшностью, что они сочли его за одного изъ своихъ охотниковъ, спасающагося отъ преслѣдованія медвѣдя. Въ этомъ предположеніи и капитанъ и лейтенантъ поспѣшили къ нему на помощь; скоро однако же они убѣдились, что бѣжавшій къ нимъ на встрѣчу не походилъ по наружности ни на одного матроса изъ ихъ экипажа. Незнакомецъ, продолжая бѣжать, кричалъ во все горло и махалъ руками. Макъ-Клоръ и его товарищъ остановились, чтобы

лучше вслушаться въ слова его. Въ это время незнакомецъ приблизился. «Кто ты и откуда?» спросилъ его Макъ-Клюръ. «Я лейтенантъ Пимъ, съ корабля «Герольдъ», подъ командою капитана Келлета». Имя Келлета, съ которымъ Макъ-Клюръ разстался въ Тихомъ океанѣ, привело послѣдняго въ недоумѣніе—онъ какъ-будто бы не могъ понять, какимъ образомъ могла придти вѣсть объ немъ съ востока, со стороны совершенно противоположной той, гдѣ онъ съ нимъ простился. Но это недоумѣніе было непродолжительно: предъ нимъ стоялъ соотечественникъ, явившійся ему ангеломъ-спасителемъ. На корабль вскорѣ поняли, въ чемъ дѣло—тамъ были открыты только одинъ локъ, и матросы, тѣсясь къ нему и выпрыгивая на ледъ, едва не передавили другъ-друга. Они забыли свое уныніе; больные вскочили съ своихъ коекъ, и съ тѣхъ поръ все измѣнилось.

На другой день послѣ прибытія Пима и слѣдовавшихъ съ нимъ людей, Макъ-Клюръ отправился къ кораблю «Рышительный», отстоявшему отъ залива Милосердія на 255 версгъ. Онъ совершилъ этотъ переходъ въ шестнадцать дней. Вотъ что пишетъ капитанъ Келлегъ о прибытіи къ нему Макъ-Клюра:

«Корабль ея величества «Рышительный», Мельвиллевъ островъ, 19 апрѣля 1853 года».

«Сегодняшнее число составляетъ счастливѣйшій день нашего путешествія, и останется навсегда праздникомъ для насъ и для нашихъ наслѣдниковъ. Въ девять часовъ нашъ сторожевой матросъ далъ намъ знать, что съ запада идетъ партія людей, и мы всѣ отправились на встрѣчу, чтобы помочь имъ. Скоро была замѣчена вторая партія, слѣдовавшая за первой. Докторъ Домвиль сблизился со мною первый, и я не въ состояніи выразить чувствъ, которыя овладѣли мной въ ту минуту, какъ онъ сказалъ, что капитанъ Макъ-Клюръ находится во второмъ отрядѣ.—Я скоро добѣжалъ до него, много, много разъ отъ всего сердца пожалъ ему руку, и едва-ли въ этомъ мѣрѣ люди пожимали другъ-другу руку искреннѣе. Макъ-Клюръ

здоровь, но весьма голодѣть. Его описаніе появленія Пима въ заливѣ Милосердія могло бы доставить превосходный предметъ для пера Марріэта, если бы этотъ писатель былъ живъ».

Макъ-Клюръ до своего отправленія къ кораблю «Ръшительный», распорядился такъ, чтобы лейтенантъ его, Крессвелль, выступилъ вслѣдъ за нимъ, съ болѣе слабыми людьми экипажа, всего съ двадцатью четырьмя человекъми. Переходъ этотъ былъ сопряженъ съ необыкновенными затрудненіями; погода стояла самая неблагоприятная, на каждомъ шагу льды представляли преграды, люди падали въ изнеможеніи, и принуждены были везти попеременно другъ друга на саняхъ. Мая 2-го они достигли стоянки капитана Келлетъ, а Макъ-Клюръ, на другой день взявъ съ собою доктора съ корабля «Ръшительный», отправился обратно къ своему замерзшему судну, при чемъ Келлетъ, какъ старшій по чину, разрѣшилъ ему остаться тамъ, если не менѣе двѣцати человекъ изъ его экипажа добровольно изъявятъ желаніе дожидаться удобнаго случая, чтобы провести корабль въ Англію. Если же не представится къ этому возможности, то, дождавшись весны 1854 года, окончательно покинуть корабль, и пѣшкомъ дойти до порта Леопольдъ, гдѣ оставлены будутъ небольшое судно, домъ и запасы. Съ открытіемъ навигаціи отправиться на этомъ суднѣ вдоль южнаго берега пролива Барроу къ губѣ Понтъ, составляющей конецъ Ланкастерскаго канала, и если здѣсь не найдется китоловныхъ судовъ, то идти вдоль западнаго берега Баффинава залива къ острову Диско, откуда уже отплыть въ Англію на датскомъ суднѣ.

О дальнѣйшемъ слѣдованіи лейтенанта Крессвелля должно сказать, что такъ-какъ по медицинскомъ осмотрѣ его людей оказалось, что почти всѣ они по причинѣ скорбута и цинги не были въ состояніи идти пѣшкомъ, то ихъ посадили на сани и отправили къ острову Бичи, на корабль «Сѣверная Звѣзда», также принадлежавшій къ экспедиціи Бельчера, куда они и добрались 2-го іюня, пройдя 450 верстъ въ четыре недѣли.

Черезъ мѣсяць Крессвелль съ своими товарищами перелѣзъ на пароходъ «Фениксъ» подъ командою капитана Инлефиельда, также изъ Бельчеровой экспедиціи, и отплылъ изъ негостепріимнаго сѣвера въ свое отечество. На другой день сильная буря раздавила льдами шедшій съ ними на буксирь транспортъ «Бредалбэнь», но они, спасши экипажъ его, благополучно достигли острова Диско, а 4-го октября 1853 года высадились на берегъ въ Торсо, на сѣверной оконечности Шотландіи. Черезъ пятьдесятъ три часа Крессвелль былъ уже въ Лондонѣ, и вручилъ свои депеши лордамъ адмиральтейства. Отнынѣ имя этого отважнаго офицера будетъ извѣстно въ исторіи мореплаванія, какъ имя перваго чловека, прошедшаго вокругъ всего американскаго материка по полярному пути, на открытіе котораго употреблено было столько времени, труда и жертвъ самыхъ благородныхъ и возвышенныхъ.

Проведя еще долгую зиму въ далекомъ сѣверѣ, и Макъ-Клоръ съ остальною частью экипажа возвратился въ отечество, увѣнчанный славою открытія сѣверо-западнаго американскаго пути.

АНДРЕЙ МОЖЪ.



НАСТОЯЩАЯ СМЕРТЬ ВАТЕЛЯ.

(Рассказъ Луи Люрвья).

I.

Въ воскресенье 26-го апрѣля, 1671 года, въ Корнавалейскомъ отелѣ толпился цвѣтъ французскаго общества; маркиза де Севинье, не переставшая ни на минуту думать о своей дочери, сѣла въ уголокъ залы, чтобы написать нѣсколько строкъ своей милой провансалькѣ, госпожѣ де Гриньянъ.

— Маркиза, вскричалъ маркизъ де Вилларъ; не забудьте передать этой восхитительной дѣвушкѣ, что я пользуюсь вашею материнскою слабостію и прошу позволенія снять копию вотъ съ этого ея портрета.

— Маркиза, сказала въ свою очередь молодая графиня де Гишъ: напишите моей милой де Гриньянъ, что я велю убрать для нея голову куклы и пошлю ей въ этомъ видѣ модную прическу г-жи де Неверъ.

— А вы, графиня де Фіескъ, спросила маркиза де Севинье, вы ничего не хотите поручить мнѣ передать въ Марсель.

— Я посылаю на эту минуту триста комплиментовъ прекрасной тамошней обитательницѣ, а завтра пошлю ей три пары башмаковъ отъ Жоржи.

— А вы, де Ларошфуко?

— Прошу поцѣловать ее.

— А вы, Бранкасъ?

— Напишите ей, что на прошлой недѣлѣ я опрокинулся въ ровъ; благодаря моей разсѣянности, я этого и не замѣтилъ; но докторъ мой увѣряетъ меня, что я рисковалъ сломить себѣ шею.

— А вы, де Монтозь?

— Скажите ей, что я подхожу къ вамъ и цѣлую васъ вмѣсто нея.

— Очень вамъ благодарна.... вмѣсто нея. А вы, Шарль, что новаго скажете вы вашей сестрѣ?

— Я уведомляю ее, что нашъ бѣдный садовникъ де Ливри умеръ, и садъ нашъ осиротѣлъ безъ него.

— А вы, господинъ де Менари?

— Я имѣю сообщить ей грустное и вмѣстѣ смѣшное приключеніе. Де Монлуе имѣлъ неосторожность упасть съ лошади и убится до смерти, читая записку отъ своей возлюбленной. Записка эта заключала въ себѣ формальный разрывъ. Отъ такихъ вѣстей люди теряютъ головы, не только стремя. Но замѣтите инстинктъ бѣднаго животнаго, — она побѣжала безъ сѣдока къ квартирѣ жестокой измѣнницы и ржала и плафировала подъ ея окнами.

— Ну, а вы, д'Акквилъ, что скажете вы госпожѣ де Гриньянъ?

— Я скажу ей, если вы позволите, что черезъ нѣсколько дней она получитъ отъ меня подробный разсказъ о всемъ томъ, что случилось на праздникѣ въ Шантильи.

— Превосходно! Я и сама говорю ей объ ужасной смерти этого несчастнаго Вателя. Послушайте что я пишу ей по этому случаю со словъ Мореля:

«Король пріѣхалъ въ четвергъ вечеромъ; прогулка и закуска въ бесѣдкѣ, убранной жонклями, сошла прекрасно. За ужиномъ на нѣсколькихъ столахъ не достало жаркаго, потому что вышло много неожиданныхъ обѣдовъ: это поразило Вателя, и онъ нѣсколько разъ проговорилъ: это касается моей чести, я не переживу этого безславія. Онъ сказалъ Гурвилю: У меня кружится голова, я не сплю уже двѣнадцать ночей. Гурвиль передалъ эти слова принцу. Принцъ вошелъ самъ въ комнату Вателя и сказалъ ему:

— «Ватель, все прекрасно: ужинъ короля былъ неподобный».

«Ватель отвѣчалъ:

— «Ваше высочество, я чувствую вашу снисходительность, но я знаю, что на двухъ столахъ не достало жаркаго.

— «Неправда, сказалъ принцъ: все прекрасно, и ты не огорчайся».

«Въ четыре часа утра Ватель отправляется за закупками. Все еще спитъ. Онъ встрѣчаетъ одного изъ поставщиковъ рыбы, который несъ небольшое ея количество.

— «Тутъ вся рыба? спрашиваетъ его Ватель.

— «Вся, отвѣчаетъ тотъ».

«Онъ и не зналъ, что Ватель послалъ во всѣ ближайшіе приморскіе города. Ватель ждетъ еще нѣсколько времени, потомъ идетъ къ Гурвилю и говоритъ ему:

— «Я не переживу этого новаго безславія!

«Гурвиль улыбнулся, услышавъ слова эти.

«Ватель вошелъ въ свою комнату, приставилъ къ двери шпагу и пронзилъ ею себя насквозь. Между тѣмъ явились рыбные «торговцы со всѣхъ сторонъ, стали искать вездѣ Вателя, подошли «наконецъ къ его комнатѣ, сначала стучались, потомъ выломали «дверь и нашли его мертвымъ. Побѣжали доложить объ этомъ «принцу. Принцъ пришелъ въ совершенное отчаяніе; многіе плакали и увѣряли, что это произошло отъ излишняго самолюбія. Одни «хвалили, другіе порицали это любочестіе. Гурвиль постарался «замѣнить Вателя, и это удалось ему. Обѣдъ былъ прекрасный, «ужинъ тоже. Гости гуляли, катались, охотились и—все кончилось «превосходно.

— Неудобно ли вамъ теперь, маркиза, сказалъ д'Аккевилъ, выслушать настоящія причины, побудившія Вателя къ самоубійству? Мой рассказъ будетъ менѣе забавенъ. Вы написали романтическую фантазію, я расскажу вамъ истинное происшествіе, въ которомъ нѣтъ поминъ ни объ обѣдѣ, ни о жаркомъ, ни о рыбѣ. Придворная молва представила Вателя кухмистеромъ—фанатикомъ; а я надѣюсь представить его вамъ человекомъ добрымъ и чувствительнымъ, но несчастнымъ, который имѣлъ самый грустный поводъ къ самоубійству.

При этихъ словахъ маркиза и всѣ гости ея окружили д'Аккевила, который рассказалъ слѣдующее:

II.

Несчастный метръ—д'отель принца не былъ слугою обыкновеннымъ: онъ былъ уменъ, хорошо выражался, былъ очень ловокъ, хорошъ собой и образованъ, что очень рѣдко встрѣчается между людьми его званія. Онъ принадлежалъ прежде І. Фуке, который обходился съ нимъ всегда ласково и даже дружески, какъ и слѣдуетъ обходиться съ слугою вѣрнымъ и дѣльнымъ. Вателя уважалъ Пеллссонъ, а Лафонтенъ прославлялъ его скрытную образованность и скромность. Самъ принцъ обращался иногда къ нему за нѣкоторыми совѣтами.

Ватель имѣлъ похвальное обыкновеніе посвящать свое время прежде всего на исполненіе своихъ служебныхъ обязанностей; но, разъ исполнивши ихъ, Ватель, какъ человекъ молодой, неглупый и красивый собою, дѣлилъ время между наукой, учившей его жить, и любовью, учившей любить жизнь. Онъ страстно любилъ всѣ интересныя новыя книги и всѣхъ хорошенькихъ женщинъ; онъ благоговѣлъ передъ нашими ве-

лихими поэтами и обожалъ всѣхъ нашихъ придворныхъ красавицъ. Но такъ какъ ему невозможно было добраться до большихъ барынь, то онъ обращался къ болѣе простымъ женщинамъ и къ гризеткамъ. Очень можетъ быть, что мысленно онъ переносилъ ихъ въ Версаль и въ своемъ воображеніи одѣвалъ во всѣ роскошные придворные наряды.

Однажды вечеромъ, и это было недавно, отправился онъ на свою обычную ловитву въ какую-то отдаленную часть Парижа. Здѣсь встрѣтилъ онъ прехорошенькую особу, очень просто одѣтую, весело подпрыгивавшую по улицѣ. Она понравилась ему съ перваго взгляда, и въ самомъ дѣлѣ она была прекрасна: такъ чиста, такъ свѣжа, такъ легка, такъ граціозна, что съ ней обезумѣлъ бы мудрѣйшій изъ мудрецовъ. Мудрено ли, что Ватель потерялъ при ней частицу мудрости, выпавшей на его долю, частицу, увы!... очень малую.

Въ этотъ вечеръ Ватель скрылъ со всевозможнымъ тщаніемъ все то, что могло бы въ немъ обличить слугу. На немъ была маленькая курточка, низенькая шляпа и прочія принадлежности, которыя надѣваютъ въ праздничные дни магазинщики. Въ этомъ платьѣ Ватель присвоивалъ себѣ право и смѣлость любезничать съ хорошенькими швейками и прочими мастерицами, попадавшимися ему навстрѣчу.

Ватель посмотрѣлъ долгимъ и упительнымъ взглядомъ на молодую особу, а та, не желая оставаться въ долгу у человѣка, ей вовсе неизвѣстнаго, заплатила ему точно такимъ же взглядомъ нѣжнымъ и выразительнымъ. Скоро гризетка вошла въ магазинъ на улицѣ Сентъ-Дени; Ватель остановился у двери и сталъ ожидать ее. Оказалось, что она забыла деньги и должна была отказаться отъ предположенной покупки. Ватель вошелъ въ магазинъ и спросилъ у хозяина очень смѣло и очень просто:

— Сколько нужно заплатить вамъ за кузину?

Заплативши за покупки, онъ взялъ подъ руку импровизованную родственницу и вывелъ ее на улицу, спросивши:

— Куда жь мы пойдемъ, кузина?

Дѣвушка отвѣчала ему со смѣхомъ:

— Ко мнѣ, братецъ, въ предмѣстье Сентъ-Антуанъ.

— Пусть будетъ любовь нашимъ путеводителемъ!... прошепталъ Ватель.

Любовь вела ихъ такъ хорошо и такъ долго, что только черезъ три часа очутились они у двери скромной квартиры неосторожной гризетки. Ватель хотѣлъ идти далѣе, но дѣвушка остановила его:

— Очень вамъ благодарна, сказала она.... но не ходите далѣе.... Сосѣди какъ разъ сочиняютъ про меня сплетню; а все мое приданое заключается въ нѣсколькихъ франкахъ экономіи и въ моеи скромности.... До свиданія.

— До свиданія.... но гдѣ?

— Въ томъ же магазинѣ.

— Когда?

— Чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше.... Завтра.... Должна же я вамъ отдать деньги.... которыя, впрочемъ, у васъ не занимала.

— Ваша правда.... до завтра!

Ватель поклонился и три раза поцѣловалъ красавицу.

— Чтò вы это дѣлаете?... вскричала она.

— Я беру проценты за мои деньги....

— Фи!... какъ вамъ не стыдно быть лихоимцемъ!

— Прощайте, мамзель Денись!

— Прощайте, процентщикъ!

III.

На другой день, въ тотъ же часъ, новая встрѣча въ улицѣ Сентъ-Дени, по прежнему прогулка, а подъ конецъ опять проценты неумолимому кредитору. Напрасно предлагала Денись капиталъ, Ватель не хотѣлъ о немъ слышать и добился обязательства, вслѣдствіе котораго онъ имѣлъ право ежедневно по вечерамъ получать съ обѣихъ щечекъ красавицы проценты за заслуженныя имъ деньги.

Говорить ли вамъ далѣе? Поцѣлуи дѣло заманчивое. — Очень скоро прихоть Вателя превратилась въ страсть, а у парижскихъ гризетокъ губки и сердце очень близки другъ къ другу. Впрочемъ, счастье не вполне улыбалось Вателю; его служебныя обязанности не позволяли ему часто отлучаться изъ дома принца, хотя онъ и желалъ бы проводить всю жизнь у ногъ милой гризетки. Да и сама Денись должна была соблюдать различныя условія приличія. По словамъ ея, она жила съ крестной матерью, которая уходила изъ дома только по воскресеньямъ, и это былъ одинъ день, въ который влюбленные наслаждались своимъ счастьемъ.

Въ одинъ вечеръ, Ватель, объявившій себя мелкимъ работникомъ Версаля, сидѣлъ у ногъ своей возлюбленной и замѣтилъ на рукѣ ея перстень, украшенный драгоцѣнной жемчужиной. Онъ вскопчилъ какъ бѣшеный и готовъ былъ уже упрекать ее въ невѣрности,

но невинная Денись не смутилась этими упреками, она протянула къ его губамъ свою руку и сказала:

— Другъ мой, этотъ перстень остался мнѣ послѣ отца, онъ сохранилъ его какъ памятникъ своего прежняго богатства. Я надѣла его сегодня случайно, разбирая мои небогатыя вещицы; простите мнѣ горе, которое я вамъ причинила, какъ я прощаю вамъ вашу ревность. Но если вы еще подозреваете вашу Денись, то возьмите этотъ драгоценный перстень, отворите окно и киньте его въ ручей, что течетъ подлѣ дома.

Сказано, сдѣлано.... Ревность Вателя устояла противъ этихъ милыхъ словъ — онъ отворилъ окно и безжалостно выкинулъ перстень. Что жъ вы думаете! Денись была очаровательна цѣлый вечеръ и старалась ублажить этого безумца. Я желаю знать, которая изъ нашихъ дамъ рѣшилась бы, подобно этой дѣвушкѣ, забыть потерю такой драгоценности и удовлетвориться за эту потерю лаской своего милаго.

IV.

Какъ разъ на другой день послѣ описанной нами сцены, за которую самъ Ватель сильно осуждалъ себя, прохаживался онъ подъ руку съ другомъ своимъ Гурвилемъ по аллеямъ Версаля. Они весело толковали о различныхъ увеселеніяхъ въ Шантильи, которыя готовились по случаю поѣздки туда короля. Вдругъ на поворотѣ въ аллею, кажется, Философовъ, несчастный Ватель едва могъ удержать крикъ удивленія и безъ силъ опустился на ближайшую каменную лавку. Глаза его были устремлены на красную даму, шедшую по другой сторонѣ аллен, рядомъ съ однимъ изъ придворныхъ.

— Боже! вскричалъ Ватель, умилосердись надо мною! какое сходство! но это она.... Какая честь и какое несчастье!... Я страдаю, дрожу, задыхаюсь!

— Ты сходишь съ ума, Ватель, замѣтилъ ему Гурвиль.

— Кажется, что схожу.

— Но отчего же?

— Оттого, что я встрѣтилъ эту женщину.

— Ты знаешь ее?

— Еще бы!... Это моя Денись и моя возлюбленная!...

— Сумасшедшій!... Это герцогиня Вантадуръ.... она только съ сегодняшняго дня въ Версаля.

— Съ сегодняшняго дня?

— Ну да, она прѣѣхала изъ провинціи, изъ своего помѣстья, гдѣ жила совершенной затворницей, по милости своего мужа, а теперь она въ свѣтѣ герцогини Орлеанской.

— А!... Я оживаю! А кто этотъ молодой человекъ, который такъ любезно съ ней разговариваетъ?

— Это Шевалье де Тилладе, двоюродный братъ ея, великодушный родственникъ, помогающій ей мстить мужу за жестокости.... Въ свѣтѣ увѣряютъ, что мщеніе идетъ очень успешно.

— Странно! Это сходство все еще пугаетъ меня.... и я невольно досажаю на этого Шевалье.... Но полно думать объ этомъ.... а все-таки не могу выкинуть этого изъ головы.... и буду думать до самаго воскресенья.... а въ этотъ вечеръ я увижу свою Денисъ.... и забуду герцогиню.

— Кто жь это такая очаровательница, которая всюду тебя преслѣдуетъ.... и которую ты подозрѣваешь даже въ придворныхъ дамахъ?

— Это ни болѣе, ни менѣе, какъ швейка, любезный Гурвиль!... Но швейка избранная, гризетка, прекрасно образованная.... У ней прекрасныя манеры; въ ней есть что-то благородное, аристократическое, а ручки!... Ну право, такихъ бѣленькихъ и маленькихъ ручекъ немного и при дворѣ. Я люблю ее, Гурвиль, и съ каждымъ днемъ люблю все болѣе и болѣе. Рано или поздно я женюсь на ней, и когда она будетъ имѣть право и возможность носить атласъ и бархатъ, и кружева, — ты самъ согласишься, что она стоить всѣхъ возможныхъ герцогинь Франціи.

V.

На слѣдующее воскресенье, Ватель аккуратнѣе прежняго явился на свиданье. Честный малый рѣшился на этотъ разъ объявить своей возлюбленной свое настоящее имя и званіе, а вмѣстѣ и свои намѣренія и надежды; онъ уже готовилъ цѣлую рѣчь, чтобы просить руки Денисъ.

Но увы! на этотъ разъ никто не отперъ ему двери завѣтной калитки, никто не встрѣтилъ его, не улыбнулся ему, не поцѣловалъ его! Недѣля, двѣ, цѣлый мѣсяцъ прошли точно также.... Нигдѣ не встрѣчалъ онъ своей красавицы, — ни въ комнаткѣ предмѣстія, ни въ залахъ принца. Въ добавокъ же горя и сожалѣнія, Ватель получилъ наканунѣ отъѣзда въ Шантильи слѣдующую записку отъ пропавшей красавицы:

*

«Вы меня обманули; вы не Жульень, мелкій работникъ въ Версали, вы г. Ватель, метръ-д'отель принца. Я перѣехала изъ своей комнатки, и скоро уѣду изъ Парижа, чтобы никогда не видать васъ. Прощайте; право грѣшно околдовать бѣдную дѣвушку, которая слишкомъ ничтожна для того, чтобы сдѣлаться вашей женою, но слишкомъ горда, чтобы продолжать быть вашей любовницей.

«Денись».

Эта записка окончательно поразила умъ и сердце бѣднаго Вателя. Онъ слѣдовалъ издали за обозомъ своего господина и плакалъ какъ безумный, не будучи въ состояніи ничѣмъ распорядиться для предстоящаго пира. Удивительно ли послѣ этого, что онъ не спалъ двѣнадцать ночей и что не хватило жаркого не только на одномъ, но на двадцати пяти столахъ королевскаго ужина.

VI.

Въ Шантильи воспоминаніе объ утраченной дѣвушкѣ воплотилось для Вателя въ живой женщиной, и эта женщина была герцогиня де Вантадуръ, которую влюбленный уже встрѣтилъ одинъ разъ въ Версальскомъ саду. Очень естественное появленіе и присутствіе герцогини на этомъ великолѣпномъ праздникѣ внушили неутѣшному Вателю странныя ребяческія идеи, невинныя мечты и заблужденія, которыя были послѣднимъ очарованіемъ, послѣднимъ наслажденіемъ несчастной любви. Ему опять казалось, что хорошенькая придворная дама герцогини Орлеанской была двойная Денись. Одна любила его въ скромной комнаткѣ, другая презирала во дворцѣ. Вблизи и издали Ватель слѣдилъ за каждымъ шагомъ, за каждымъ взглядомъ герцогини и старался отыскать въ малѣйшемъ ея движеніи, въ звукѣ голоса, что-нибудь такое, что говорило ему: это она!... это Денись! Наконецъ ему показалось, что герцогиня грустно улыбнулась ему, въ этой улыбкѣ прочелъ онъ нѣжное участіе и вскричалъ въ глубинѣ своего сердца:

— Боже! когда же исчезнетъ эта герцогиня и явится опять моя Денись!

VII.

Мольба Вателя была услышана, и если герцогиня не исчезла совершенно, по крайней мѣрѣ она позволила явиться Денись. Король пріѣхалъ въ Шантильи въ четвергъ вечеромъ; въ одиннадцать

часовъ, Ватель упросилъ Гурвиля заняться нѣкоторыми мелочами своей должности, сдѣлавши заранѣе всѣ свои приготовления для королевскаго ужина, и пошелъ бродить по освѣщенному парку, чтобы по обыкновенію предаться мечтамъ своимъ. Случайъ сжалился надъ несчастнымъ, который гулялъ и вздыхалъ въ это позднее время, какъ-будто отыскивая или ожидая кого-то. Посреди тополевой рощи Ватель увидѣлъ вдругъ молодую женщину, тихо прохаживавшуюся при свѣтѣ жирандолей. Она шла къ нему навстрѣчу, не видя его, и зацѣпила его своимъ платьемъ.... Ватель, увлеченный таинственнымъ, но неодолимымъ предчувствіемъ, опустился на колѣна и прошепталъ имя Денись.

Кто бы могъ подумать? при этомъ имени герцогиня де Вантадуръ остановилась и сказала:

— Вы зовете меня? Я здѣсь.... Кто вы?

— Вы знаете, герцогиня.... Вы знаете, Денись!... Я Ватель для всѣхъ и Жюльень для однихъ васъ!

— Откуда пришли вы?

— Я пришелъ изъ того міра, гдѣ страдаютъ, плачутъ и умираютъ ежеминутно.

— Какой же это міръ?

— Это міръ любви, гдѣ помнятъ и сожалеютъ!

— Вы помните?

— Денись!

— Вы сожалѣете?

— Денись!... одну Денись!... и васъ, герцогиня!

— Я герцогиня де Вантадуръ!

— А!... Денись!... милая Денись моя! Развѣ я не вижу, развѣ я не узнаю тебя подъ этимъ бархатомъ и брилліантами? Да, я возбудилъ, самъ не знаю какъ, любопытное кокетство придворной дамы.... Она рѣшилась завлечь, очаровать и погубить меня.... а я, легковѣрный, я любилъ васъ, герцогиня! Я обожалъ тебя, Денись! Кто изъ васъ двухъ отвѣтитъ мнѣ, утѣшитъ меня и обо мнѣ пожалѣетъ?

— Г Ватель, ваши слова обидны для герцогини де Вантадуръ.... Бѣдный Жюльень, поди ко мнѣ и сядь рядомъ со мною!... съ своей Денись!

VIII.

Въ двѣнадцать часовъ ракеты возвѣстили о началѣ фейерверка передъ замкомъ. Герцогиня де Вантадуръ протянула Вателю свою руку и тихо сказала ему:

— Прощай, Жюльень! Я, можетъ быть, въ послѣдній разъ говорила съ тобою, забудь навсегда свою Денись; ты будешь встрѣчать въ Версали одну герцогиню де Вантадуръ. Король, наскучившій монми шалостями, велѣлъ выбирать мнѣ одно изъ двухъ: жизнь съ мужемъ, или монастырь. Я рѣшилась на первое. Сердце мое останется съ тобою, Жюльень, а въ Версалѣ будетъ только ничтожная оболочка.

— Прощайте, герцогиня; прощайте.... отвѣчалъ грустно Ватель; вы мнѣ не надобны, я нашелъ вѣрное средство не разлучаться съ моею Денись!

Герцогиня де Вантадуръ исчезла въ ближайшей аллеѣ, и въ ту же минуту вся окрестность освѣтилась великолѣпнымъ блескомъ фейерверка. Ватель глядѣлъ сквозь деревья на эту богатую картину. Она длилась нѣсколько мгновений, сгасла — и все стало темно по прежнему.

Онъ отправился къ замку и, увидѣвши облако дыма еще стоявшимъ надъ землею, проговорилъ сквозь слезы:

— О!... грустная радость моя, похожа ты на этотъ фейерверкъ, — вы оба длится одно мгновение!

Въ четыре часа утра Ватель ходилъ еще по парку и убивалъ себя своимъ безотраднымъ горемъ. Воспоминаніе о герцогинѣ вскружило ему окончательно голову. Онъ вошелъ въ свою комнату, и чтобы не разставаться съ своей Денись, которую встрѣтилъ онъ въ паркѣ и которую воображалъ еще видѣть передъ собою, онъ закололся шпагой!

— Вы видите, маркиза, продолжалъ д'Аккевиль, обратившись къ госпожѣ де Севиньи, мой рассказъ не похожъ на рассказъ Мореля; но увѣрю васъ, что онъ истинный.

— Чтѣ я написала, отвѣчала маркиза, то такъ и останется, но я прибавлю дочери, что она получитъ второе изданіе этой печальной повѣсти, исправленное и дополненное.

Госпожа де Севиньи окончила слѣдующими словами письмо свое къ госпожѣ де Гриньянъ:

«Д'Аккевиль былъ при всемъ этомъ и, вѣроятно, доставить «подробнѣйшее всему описаніе. Я же не знаю ничего болѣе и покагаю, что съ тебя этого довольно. Я вполне убѣждена, что «смятеніе было всеобщее и сильное. Такая неприятная продѣлка «на праздникъ, стоившая пятьдесятъ тысячъ экю!»

Неприятная продѣлка! О Ватель!... Неважное надгробное слово сказала тебѣ маркиза де Севиньи!

О Д Р Т Ц.

Исторія музыканта.

Часть II-я.

I.

Венеція, подобно Венерѣ, возникнувшая изъ пѣдръ моря, — Венеція, которая была первою морскою державою среднихъ вѣковъ и обладала почти половиною Римской имперіи, спасла христіанскую цивилизацію отъ невѣжества Турокъ и избѣгла завистливаго недоброжелательства европейскихъ государей, соединившихся противъ нея въ началѣ XVI-го столѣтія, Венеція должна была постепенно уступить часть своихъ отдаленныхъ завоеваній, острова Кипръ, Кандію и наконецъ Морею. Царица Адриатическаго моря тихо заснула въ сладостномъ бездѣйствіи подъ звуки своихъ погремущекъ. Дѣйствительно, со времени Пассаровицкаго мира, въ 1718-мъ году, положившаго конецъ послѣдней войнѣ Венеціи съ Турецкою имперіею, смертельное томленіе овладѣло гордою республикою патрициевъ, невредимо вышедшею изъ столькихъ бурь. Притаившись въ глубинахъ своихъ лагунъ, она дала миновать цѣлому XVIII-му столѣтію, не принимая участія ни въ одномъ изъ политическихъ событій, которыя совершались въ Европѣ, заботясь только о сохраненіи своего спокойствія и объ огражденіи себя отъ соприкосновенія новыхъ идей, со всѣхъ сторонъ возникавшихъ въ Италіи. Обезсиленная роскошью и бездѣйствіемъ, Венеція была внезапно пробуждена отъ продолжительнаго усыпленія Французскою революціею, которой суждено было содѣлаться несравненно опаснѣе для ея могущества, нежели открытіе Мыса Доброй Надежды, похитившее у нея монополію всемірной торговли. Тогда республика раздѣлилась на двѣ партіи: первая, чрезвычайно многочисленная и имѣвшая перевѣсъ въ Верховномъ Совѣтѣ, желала продолженія нейтралитета; вторая, состоявшая изъ людей, одаренныхъ болѣею энергіею, совѣтовала отвергнуть пагубную систему, которой невыгоды дока-

заны были опытомъ, и принять участіе въ дѣятельной борьбѣ, которая неминуемо должна была возгорѣться между главными европейскими державами. Эта послѣдняя партія раздѣлялась на двѣ части: одна хотѣла союза съ Австріею; другая — союза съ Франціею. Сенаторъ Марко-Дзено былъ изъ числа самыхъ жаркихъ защитниковъ австрійскаго союза.

Въ первое время по пріѣздѣ въ Венецію, Лоренцо былъ ослѣпленъ великолѣпнымъ зрѣлищемъ, которое представилось глазамъ его. Все то, чтò онъ читалъ, все, чтò слышалъ объ этомъ, единственномъ въ мірѣ, городѣ, не могло сравниться съ испытываемымъ имъ впечатлѣніемъ. Пламенное и романическое воображеніе юноши въ самыхъ смѣлыхъ мечтахъ своихъ не создавало ничего подобнаго площади св. Марка, дворцу Дожей, Большому Каналу, этому Млечному пути, который протекаетъ черезъ городъ, раздѣляя его на двѣ неровныя части, связанныя мостомъ Ріальто, эмблемою мощной воли, управлявшей судьбами республики. Сердце его наполнялось гордостію при взглядѣ на великолѣпныя палаты, въ которыхъ каждый камень свидѣтельствовалъ о славѣ народа, гдѣ всѣ были дворяне, художники и моряки. Онъ съ страстію принялся изучать исторію Венеціи, эту исторію, представляющую всю завлекательную занимательность эпической поэмы, гдѣ важность происшествій согласуется съ геройскими характерами лицъ и разнообразіемъ эпизодовъ. Онъ гордился тѣмъ, что принадлежалъ націи, игравшей непримѣрную роль въ лѣтописяхъ міра, и въ своемъ юношескомъ тщеславіи радовался, что былъ связанъ, хотя отдаленными узами, съ гордою аристократіею, считавшею своимъ наслѣдіемъ славу и могущество Венеціи.

Эти умственные развлечения, это первое пробужденіе способности познавать и удивляться не только не ослабили чувство, которое внушила ему Беата, но еще болѣе его усиливали. Въ характерѣ его, въ одно время честолюбивомъ и нѣжномъ, любовь питалась всѣми стремленіями жизни и сосредоточивала ихъ въ себѣ, какъ въ фокусъ, который удваивалъ ихъ могущество. Со времени своего пріѣзда въ Венецію, Лоренцо чувствовалъ въ себѣ сознаніе внутренней силы. Разсматривая предметы съ обширной сцены, на которой онъ теперь находился, онъ уже не столько былъ пораженъ разстояніемъ, раздѣлявшимъ его отъ его благодѣтельница, и въ глубинѣ сердца не покидалъ надежды преодолѣть, со временемъ, препятствія, которыя предстояли его желаніямъ. Само собою разумѣется, что эти мечты пятнадцати-лѣтняго юноши были также

неопредѣленны, какъ и цѣль, къ которой онъ стремился. Онъ походили на марево песчаныхъ степей, показывавшее вдали желанный источникъ, высшую награду усилій. И Лоренцо смѣло шелъ по пути, на который указывало ему воображеніе. Очарованный настоящимъ, гордый мыслию, что принадлежитъ къ небольшому числу избранныхъ, счастливый ощущеніемъ бытія и возможностью усовершенствовать свои способности, онъ стремился въ будущее съ довѣрчивостію и шумнымъ веселіемъ юности, которая, смѣясь, перескакиваетъ черезъ самыя грозныя препятствія.

Лоренцо трудился съ терпѣніемъ монаха и жаромъ новичка, который положилъ, во что бы-то ни стало, пріобрѣсти себѣ мѣсто на жизненномъ пиру. Исторія, древняя и новѣйшая литература, философія и въ особенности музыка, были главными предметами его занятій. Между множествомъ книгъ, которыми питалось ненасытное любопытство Лоренцо, *Разговоры Платона* и *Божественная комедія* Данте, послѣ сочиненій Руссо, наиболѣе подѣйствовали на его воображеніе. Платонъ и Данте, поэтъ древняго идеала, и пѣвецъ идеала христіанскаго, такъ рѣзко отдалившіеся отъ направленія и стремленій XVIII-го вѣка, чуднымъ образомъ согласовались съ мечтательнымъ и любящимъ свойствомъ молодого Венеціанца. Счастливая врожденная способность позволяла ему изъ разнообразнаго чтенія усвоивать только самыя питательныя частицы, извлекать изъ него золотыя песчинки, составляющія сущность общихъ истинъ; а въ трогательномъ и возвышенномъ живописцѣ рая и ада, который льстилъ его страсти, Лоренцо любилъ поэта, посвятившаго жизнь и чудный геній на увѣковѣченіе любви своей. Между тѣмъ, обращеніе Беаты съ Лоренцо совершенно измѣнилось со времени возвращенія ея въ Венецію. Устрашенная силою, которую возымѣла вначалѣ столь тихая привязанность ея къ сыну Катаринны Сарти, побѣжденная чувствомъ могущественнымъ, котораго послѣдствій невозможно было предвидѣть, она рѣшилась однимъ разомъ покончить двусмысленныя отношенія, угрожавшія ей самой несчастной развязкой. Но какимъ образомъ разорвать вдругъ, и не измѣняя своей тайнѣ, узы доброжелательства и покровительства, возникшія между ею и Лоренцо? Этотъ молодой человѣкъ, который привлекалъ ее, покрайней мѣрѣ, столько же своею пріятною наружностію, сколько ласковымъ характеромъ и живостію ума, не заслуживалъ, чтобы его изгнали изъ семейства, которое его усыновило. Какой выдумать предлогъ, чтобы осудить себя и его на многолѣтнюю разлуку, которая дала бы ей время подавить, или

ослабить чувство, грозившее содѣлаться бурною и пагубною страстію. Предлогъ, придуманный проникательностію ея дяди, добродѣтельного аббата, — отправить Лоренцо доканчивать свое образованіе въ Падуанскомъ университетѣ, казался самымъ приличнымъ, но Беата боялась противорѣчія со стороны аббата Цамарія, который тѣмъ сильнѣе привязался къ своему воспитаннику, что тотъ показывалъ явную склонность къ музыкѣ и большую способность пользоваться его уроками. Конечно, Беата могла бы преодолѣть это послѣднее препятствіе, прибѣгнувъ къ посредничеству отца своего; но употребивъ это отчаянное средство, она боялась обнаружить свою слабость. За исключеніемъ Тоньны, уловившей случайно нѣсколько словъ таинственнаго романа, который начиналъ развиваться въ сердцѣ ея подруги, никто въ цѣломъ домѣ не подозрѣвалъ, изъ какаго глубокаго источника происходила заботливость Беаты о ея названномъ братѣ.

Въ этомъ мучительномъ состояніи, колеблемая между страхомъ сдѣлать огласку и твердою рѣшимостію предупредить опасность, тревожившую ея дѣвическую скромность, Беата приняла намѣреніе, которое успокоило ея совѣсть, не вынуждая къ слишкомъ тягостной жертвѣ: она распорядилась своимъ образомъ жизни такъ, чтобы какъ можно менѣе встрѣчаться съ Лоренцо; она приняла строгій видъ и омрачила лице свое, чтобы лучше скрыть отъ всѣхъ и въ особенности отъ того, кто былъ его предметомъ, чувство, которое закралось въ ея сердце. Такимъ образомъ, сосредоточившись въ самой себѣ, эта благородная дѣвушка, которой душа и умъ были равно возвышенны и которая соединяла съ важностію характера прелесть формъ и очаровательную томность, составляющія прекраснѣйшую принадлежность ея пола, страдала молча, и въ этой страшной борьбѣ истощала свою юношескую пылкость. Не должно полагать, чтобы низкое происхожденіе Лоренцо, или какой-нибудь пошлый предразсудокъ побудили дочь сенатора Дзено бороться съ привязанностію, которая застала врасплохъ ея неопытность; столь важныя и положительныя мысли никогда и не представлялись уму ея: она боялась огорчить отца этою склонностію, прибавить семейную несприятность къ печали, уже столь сильной, которую причиняли ему государственныя дѣла; но въ особенности ее удерживало чувство личнаго достоинства, и это нѣжное чувство заключало въ себѣ что-то похожее на цѣломудренныя опасенія сестры, или матери. Она краснѣла отъ слабости своей къ молодому человѣку, который, такъ сказать, выросъ на ея глазахъ. Вся гордость ея

возмущалась при мысли, что она могла забыть свой возраст и обязанности и поддалась сладостной тревогѣ, обманувшей ея бдительность. За то, сколько потребно ей было усилій, чтобы разрушить очарованіе, которое нечувствительно влекло ее на край бездны, чтобы освободить душу свою отъ невинныхъ сѣтей, разставленныхъ любовію. При встрѣчѣ съ Лоренцо, Беата привѣтствовала его немногими словами, произносимыми съ холоднымъ и важнымъ видомъ, и, трепеща всѣмъ тѣломъ, убѣгала, какъ тѣнь. Она уже не освѣдомлялась вслухъ о томъ, что онъ дѣлалъ; сама уже никогда съ нимъ не заговаривала, а только отвѣчала на его вопросы съ равнодушіемъ, отталкивавшимъ всякую довѣренность. Взоръ ея убѣгалъ взора Лоренцо, и ея прекрасные голубые глаза, полные нѣжности, только издали осмѣливались слѣдить за нимъ. Въ свѣтѣ, въ *conversazione* (въ собраніяхъ), гдѣ она по неволѣ должна была встрѣчаться съ Лоренцо, Беата казалась необыкновенно веселою. Она старалась заглушить свои мысли, разсвѣять печаль свою въ пустыхъ разговорахъ, отвлечь вниманіе разными маленькими уловками женскаго кокетства, которыя были противны ея чистосердечному характеру. Этѣ хитрости, внушенныя страстію, оставались загадкою для Лоренцо, который не зналъ, какъ объяснить себѣ перемѣну, происшедшую въ поступкахъ Беаты. Не рѣдко онъ спрашивалъ себя: какимъ необдуманнѣйшимъ поступкомъ, какимъ нарушеніемъ почтенія могъ навлечь неудовольствіе чудной женщины, которая взвѣшивала каждое свое слово; но онъ напрасно испытывалъ свою совѣсть,—онъ не находилъ въ ней ничего, что могло бы оправдать холодность Беаты и почти презрительный видъ, который она съ нимъ принимала; не хотѣла ли она косвеннымъ образомъ дать ему почувствовать, что ему слѣдовало наконецъ раскрыть глаза на истинное его положеніе? Но развѣ онъ забывалъ когда, чѣмъ былъ обязанъ своей благодѣтельницѣ, забывалъ разстояніе, раздѣлявшее сына Катарины Сарти отъ дочери венеціанскаго вельможи? Или, быть-можетъ, душею ея овладѣлъ родъ аристократической ревности при видѣ успѣховъ Лоренцо, и не желала ли она остановить его стремленія, чтобы сохранить относительное превосходство, отъ котораго онъ старался освободиться. Но она очень ошибается, если надѣется охладить его мужество и заключить его честолюбіе въ тѣсномъ кругу, въ которомъ поставила его судьба. Онъ докажетъ своею дѣятельностію и своими способностями, что достоинъ участія, которое ему оказали, и что тѣ, которые протянули руку бѣдному юношѣ помочь ему выйдти изъ толпы, совершили только

дѣло справедливости. Эти пары гордости и плебейскаго тщеславія, пробѣгавшіе по уму молодаго человѣка, удвоивали въ немъ жажду познаній, желаніе выказать себя и получить право на уваженіе женщины, въ истинныхъ чувствахъ которой онъ такъ грубо обманывался. Онъ хотѣлъ привлечь на себя вниманіе Беаты, смягчить ея суровость и принудить ее видѣть въ немъ что-нибудь выше и лучше бѣдняка, облагодѣтельствованнаго ея семействомъ и принятаго ею подъ свое покровительство.

Палаты Дзено, воздвигнутыя на лѣвомъ берегу *Большаго канала*, не подалеку отъ древняго дворца Гримани, считались однимъ изъ замѣчательнѣйшихъ произведеній Скаммоцци, ученика Палладио, подражавшаго высокому и изящному стилю своего учителя. Онъ были построены изъ истрійскаго камня, въ концѣ XVI-го столѣтія, какъ почти всѣ памятники, окаймляющіе съ двухъ сторонъ этотъ длинный и великолѣпный торжественный путь, и состояли изъ трехъ этажей, увѣнчанныхъ терассою, съ которой стремились въ небо группы мѣологическихъ статуй. Одна изъ нихъ, поставленная въ самой серединѣ фасада, изображала *молчаніе* — символъ таинственной политики Венеціи; приложивъ перстъ къ устамъ, она, казалось, говорила прохожимъ: *guardate, ma non toccate*, — (*смотрите, но не трогайте*) и въ особенности, *молчите*. Два входа, одинъ на Большой каналъ, другой съ противоположной стороны, вели во дворецъ, гдѣ взоры поражены были пышностью фамиліи патриціевъ, считавшихъ въ своихъ лѣтописяхъ дожа, героя, въсколькихъ кардиналовъ, множество посланниковъ и прокураторовъ республики. Изъ обширныхъ сѣней, обыкновеннаго убѣжища гондольеровъ и *façchini* (носильщиковъ), принадлежащихъ къ дому, лѣстница, замѣчательная удивительною легкостію, вела на мраморную площадку, на которую выходилъ длинный и пространный корридоръ, повторявшійся въ каждомъ этажѣ и раздѣлявшій его на двѣ половины. Большая квадратная гостиная, занимавшая средину перваго этажа, и столовая, которая легко могла вмѣщать двѣсти человѣкъ, напоминали обычай могущественной олигархіи, любившей окружать себя визшими и равными. Съ одной стороны гостиной находились комнаты Беаты, а съ другой комнаты отца ея. Аббатъ Цамарія жилъ во второмъ этажѣ, равно какъ и Лоренцо, котораго спальня приходилась прямо надъ спальнею Беаты. Слуги помещались въ третьемъ этажѣ, за исключеніемъ Терезы, которая спала въ небольшомъ кабинетѣ (*camerino*) воздѣ спальни своей госпожи. За гостиной была библіотека, одна изъ венеціанскихъ рѣдкостей по

драгоценности книгъ, которыя она вмѣщала, и порядку, въ какомъ содержалъ ее аббатъ Цамарія. Надъво отъ библіотеки находилась домовая церковь. Гостиная, столовая, библіотека и даже церковь были украшены картинами лучшихъ художниковъ, изображавшихъ эпизоды изъ венеціанской исторіи, въ которыхъ участвовалъ какой-нибудь членъ фамиліи Дзено. Малѣйшія подробности этого дворца обличали великолѣпіе и гордость стараго патриція, которому хорошо извѣстны права и обязанности его званія.

Домъ Дзено слылъ однимъ изъ самыхъ пріятныхъ въ Венеціи. Въ немъ собиралось все, что было въ ней отличнаго по знатности, уму, обращенію, или дарованіямъ. Ни одинъ иностранецъ не посѣщалъ городъ, не испросивъ позволенія представиться немедленно аббату Цамаріи, великому распорядителю и судѣ всего, что относилось до удовольствій семейства. Онъ совѣтовался съ Беатою, и получивъ ея согласіе, тотчасъ приступалъ къ дѣлу; старый сенаторъ никогда не вмѣшивался въ мелочныя подробности домашней жизни. И это множество знаменитостей было привлечено во дворецъ Дзено не столько великолѣпнымъ гостепріимствомъ, которое ожидало тамъ посѣтителей, сколько чудной прелестью и достоинствами Беаты, познаніями и глубокою музыкальною ученостію аббата Цамаріи. Всѣ извѣстные композиторы и виртуозы послѣдней половинны XVIII-го столѣтія собирались во дворецъ Дзено, потому что были увѣрены найдти тамъ отборное общество. Саккини Паззіелло, кроткій и несчастный Чимароза, Кафарелли, Паккьяротти, Маркези, Габріелли и отличнѣйшія пѣвицы, наперерывъ спѣшили поручить себя благосклонности аббата, котораго покровительство стоило успѣха, требовали его совѣтовъ и сочиненій. *Che ne dice Gabate?*—*А что говоритъ аббатъ?* спрашивали другъ друга Венеціанцы о неизвѣстномъ художникѣ, или о новой оперѣ, которую имъ обѣщали поставить. Сколько отрывковъ его сочиненій было вставлено въ оперы знаменитѣйшихъ композиторовъ! Сколько набросалъ онъ на бумагу общихъ мѣстъ, называемыхъ *arie di baute* (походныя ари), которыя увозились виртуозами въ ихъ путешествіяхъ и пѣлись ими во всѣхъ городахъ, въ какой бы пьесѣ они ни дебютировали. Славнѣйшія имена республики: Пизани, Фоскарини, Гримани, Тьеполо, раздавались во дворецъ Дзено, среди именъ извѣстнѣйшихъ ученыхъ, художниковъ, поэтовъ и критиковъ, принадлежавшихъ не только одной Венеціи, но и цѣлой Европѣ. Гёте, Альфieri, гр. Альгаротти, Чезаротти, переводчикъ Гомера и Оссиана, занимавшій кафедру греческой словесности въ Падуан-

скомъ университетѣ, поочередно перебивали въ гостиной Беаты и оставили свидѣтельство своего удовольствія въ великолѣпномъ, тщательно хранимомъ, альбомѣ.

Еженедѣльные собранія (*conversazioni*) во дворцѣ Дзено представляли единственное зрѣлище. Тамъ, въ одной и той же залѣ, собирались люди самыхъ враждебныхъ характеровъ; такъ напримеръ, Гольдони и два брата-враги, Карлъ и Гаспаръ Гонци, во всякомъ другомъ мѣстѣ, вмѣсто того, чтобы колоть другъ друга эпиграммами, навѣрное схватились бы за волосы. Тамъ забывали свои разногласія и Франческо Пезаро, Джуз. Фаріетти, Антонио Капелло, бывший посланникомъ во Францію, въ то время, когда вспыхнула революція 1789 года, страстный любитель искусствъ и покровитель Кановы, въ которомъ онъ угадалъ гениальнаго художника; Франс. Гритти, невѣстка его, Корнелия Барбаро, женщина необыкновенныхъ достоинствъ, другъ Метастазія; юная и прелестная графиня Бенцони, и возлѣ нея, поэтъ Ламберти, ея страстный обожатель, воспѣвшій ее въ хорошенькой баркаролѣ, известной цѣлой Европѣ:

La biondina in gondolella
L'altra sera go merlà.

Беатѣ должно было приписать славу этого торжества надъ враждебными чувствами, слишкомъ часто раздѣляющими людей, посвятившихъ себя искусствамъ. Чудный инстинктъ юной дѣвушки научилъ ее съ раннихъ лѣтъ необходимому для женщины умѣню скрывать свой разумъ подъ покровомъ граціи и скромности, приличныхъ ея полу. Молчаливая, задумчивая, одаренная глубокой скромностью, она умѣла снисходительно выслушивать болтовню людей посредственныхъ и оказывала явное, но всегда осторожное предпочтеніе, только прекрасному, только тому, что трогало ея душу. Съ нею любили совѣтоваться; прямота ея сужденій внушала довѣренность. Она невольно покоряла сердца чудною прелестью задумчивыхъ очей, восхитительною талією и приемами, обличающими свойство возвышенное, достойное всякаго обожанія. За то, одной улыбки ея прелестныхъ устъ было достаточно, чтобы разсѣять самыя черныя тучи, а когда она склоняла бѣлокурую головку, чтобы побранить друга, или выслушать тайну, которую ей хотѣли повѣрить, вы были бы очарованы при видѣ прелестей, которыя еще болѣе выказывались отъ необыкновенной простоты ея обращенія. Ее можно было назвать музою, вдохновлявшею всѣхъ,

кто къ ней приближался, но ужь, конечно, не сиреною, желавшею прельстить взоры своею роскошною красотою.

Аббатъ Цамарія велъ жизнь чрезвычайно разсѣянную. Пѣвницы и благородныя любительницы музыки чуть не ссорились изъ-за маленькаго аббата. Его встрѣчали вездѣ: въ театрахъ, въ *ridotti* (собраніяхъ), въ кофейныхъ, въ церквахъ, — вездѣ, гдѣ можно было найти соединеніе ума, удовольствія и музыки, вы могли быть увѣрены, что встрѣтитесь съ любезнымъ аббатомъ, болтавшимъ, какъ сорока, и хохотавшимъ, какъ ребенокъ. Сойдясь съ Карломъ Гоцца, другомъ своимъ и собратомъ по шутовской академіи *Granelleschi*, онъ безжалостно насмѣхался надъ закоснѣлыми классиками, погрязшими въ колеяхъ *seicentist*'овъ, которыхъ онъ называлъ париками (*parrucconi*) и несносными ворчунами (*brontoloni*). Онъ также не очень жаловалъ и нововводителей, которые, подобно Гольдони, старались усвоить Венеціи важность и истину Французскаго театра. «Они хотятъ задуть насъ французскимъ завываніемъ (*urli xrancesi*) и философскою болтовнею (*chiacchere filosofiche*). Оставемся при нашемъ собственномъ умѣ, при нашихъ нравахъ; сохранимъ нашу веселость; будемъ вѣчно Венеціанцами! На что намъ нѣмецкая музыка (*musica tedesca*) и французская литература, *impastate* (начиненныя) разсужденіями и грустными мотивами. Лоренцо слѣдовалъ за аббатомъ Цамаріею по извилинамъ Венеціанскаго общества, какъ Данте слѣдуетъ за Виргиліемъ по мрачнымъ кругамъ божественнаго города. Аббату пріятно было ввести въ свѣтъ, подъ именемъ своего воспитанника, молодаго человѣка, умнаго, одареннаго пылкимъ взоромъ и одушевленною фізіономіею, который пѣлъ, какъ ангелъ, и котораго музыкальнымъ образованіемъ онъ занимался съ отеческою любовью. Онъ представлялъ его свѣтскимъ дамамъ, композиторамъ и виртуозамъ, и гордился успѣхами своего ученика, котораго вездѣ прозвали *il maestrino*. Онъ ввелъ его въ знатнѣйшіе венеціанскіе дома: къ Мочениго, къ Долфинамъ, гдѣ Лоренцо былъ принятъ съ нѣкоторымъ уваженіемъ, ради любви, которую оказывалъ ему аббатъ Цамарія, а, быть можетъ, и въ томъ предположеніи, что сенаторъ Дзено имѣлъ особенные виды на молодаго человѣка.

Женщины хвалили его высокій и стройный ростъ, открытое чело и прекрасные черные глаза, полные огня и желаній. Лоренцо наслаждался съ восторгомъ новою жизнію, которая передъ нимъ раскрывалась. Онъ обѣгалъ гостинныя, театры, *casini*, академіи, то съ аббатомъ Цамаріа, подъ парикомъ котораго не таилась мудрость

Минервы. то безъ всякаго другаго путеводаителя, кромѣ инстинкта прекраснаго и страха неизвѣстнаго, который составляетъ цѣломудріе юношей. О! какъ онъ былъ очарованъ, видя себя въ этомъ городѣ очарованій, съ какимъ удовольствіемъ оставался до поздняго вечера на площади св. Марка, среди веселой толпы гуляющихъ всѣхъ странъ и сословій; съ какимъ наслажденіемъ катался по *Большому каналу*, развѣсивъ въ легкой гондолѣ, въ позѣ полной нѣги, или мчался далеко за-городъ на одинъ изъ *isole beate* (блаженныхъ острововъ), убѣжищъ любви и роскоши, окружающихъ Венецію, подобно спутникамъ, которыхъ она увлекаетъ въ своемъ круговращеніи.

«Неужели это, говорилъ онъ самъ съ собою, и сердце его замирало отъ восторга, — неужели это сынъ Катарины Сарти поетъ дуэтъ съ дочерью гордаго дома Бадуеръ; аккомпанируетъ на *sembalo* (фортепіанахъ) дѣвицъ Долфинъ, которая граціозно опирается о его плечо своею бѣлою и пухленькою ручкою? Неужели это онъ разсуждаетъ о литературѣ и философіи съ Мочениго, и композиторъ Фурланетто удостоиваетъ принимать его за-просто по-пріятельски?»

Счастіе существовать и дѣйствовать въ сферѣ высшей, затаенный трепетъ пробуждающихся страстей, темное предчувствіе понятій вѣка, вѣра, которую онъ начиналъ имѣть въ свои способности, упоеніе любви,—все это переполняло сердце Лоренцо и вызывало изъ глубины восторженной души его тысячу желаній, тысячу безконечныхъ надеждъ; онъ съ шумомъ возникали и разливались въ пространство, напѣвая воображенію божественную поэму, чудную симфонію юности, которой мы всѣ внимали разъ въ жизни, и которой отдаленное эхо можетъ удержать въ себѣ одинъ только геній.

Но за то, въ какую эпоху и въ какое общество попалъ Лоренцо! Венеція умирала; она умирала отъ изнеможенія, какъ женщина, истощившая чашу удовольствій, съ челомъ, увѣнчаннымъ розами, съ улыбкою на устахъ, среди пировъ; банкетовъ, *ruffiani*, пѣвцовъ, танцовщицъ, импровизаторовъ, плутовъ и шпіоновъ.... Подъ игомъ аристократіи мрачной, молчаливой, подозрительной, присвоившей себѣ преимущества и заботы верховной власти, волновался народъ дѣтей, который надъ всѣмъ смѣялся, всѣмъ потѣшался и заботился только объ удовольствіи и о настоящей минутѣ. Какая была нужда работать, размышлять и тревожиться о будущемъ,—этому кроткому и милому народу, который жилъ подавни-

ями, *confetti*, кофеемъ, сонетами, музыкаю и любовію... Пока республика была могущественна извнѣ, народъ, принимая участіе въ политическихъ происшествіяхъ, по крайней мѣрѣ питался національною гордостію; страсть къ славѣ возвышала и облагораживала его мужество; но съ тѣхъ поръ, какъ венеціанская олигархія, забывъ о ходѣ времени и о правилахъ, которыя послужили основаніемъ ея величію, отказывалась отъ всякаго движенія и отъ всякой сдѣлки съ новыми идеями, народъ, оттѣсненный въ самого себя, безъ исхода извнѣ, безъ свободы внутри, предался одному изъ тѣхъ ужасныхъ нравственныхъ безначалій, которыя предшествуютъ паденію государствъ. Законы, учрежденія, сохраняя наружность власти, ихъ создавшей, были бессильны управлять умами, и полиція Совѣта Десяти, болѣе походившая на инквизицію, нежели когда-либо, была почти единственною опорою государства. Это глубокое разрушеніе было однакожь замѣтно только глазамъ философа, или политика, подобнаго Марко-Дзено. Толпа, иностранцы и народъ были очарованы и ослѣплены зрѣлищемъ, единственнымъ въ лѣтописяхъ міра.

Представьте себѣ рядъ великолѣпныхъ празднествъ, осуществляющихъ великія воспоминанія венеціанской исторіи, карнавалъ, продолжавшійся три мѣсяца, восемь театровъ, почти всегда открытыхъ, четыре консерваторіи, или музыкальныя школы, *Casini, ridotti*, кофейни, гдѣ цѣлую ночь напролетъ разговаривали и играли; народонаселеніе, которое, большую часть года, ходило перереяженное, какъ-будто для того, чтобы не видать важной стороны жизни; покровительствуемая закономъ и обычаями неприкосновенность маски, которая равно скрывала государственнаго инквизитора, кардинала, богатаго и бѣднаго, мужа и любовника; академіи всѣхъ родовъ, монастыри, гдѣ больше веселились, нежели молились, женщины, прелестныя, бѣлокуроыя, роскошныя, не слишкомъ строгія; безконечный отдыхъ, плѣнительная общительность, веселость безъ лукавства, умъ, вкусъ, роскошь, образованность, поэтическій восторгъ, *un non so che*, что-то невыразимое, полное граціи и небрежности, музыка—вездѣ и всегда: таковы были стихіи и эпизоды этого волшебнаго пиршества фантазіи и чувственности, которымъ окончилось существованіе Венеціи.

— Что это за странный человѣкъ покачивается на тонкихъ ножкахъ и съ важнымъ видомъ имеетъ свое жабо? спросилъ Лоренцо у незнакомаго мужчины, сидѣвшаго возлѣ него въ кофейнѣ, на площади св. Марка, въ тотъ часъ, когда все венеціанское обще-

ство собиралось туда щеголять затѣливымъ разнообразіемъ одежды и нравовъ.

— Это графъ Ладзаро Падуанскій, отъявленный поклонникъ прекрасной *gentildonna*’ы, что идетъ съ нимъ объ руку, обернувшись спиною къ мужу, который слѣдуетъ за ними, какъ *facchino*, обреченный на грубыя домашнія работы: эти три свѣтскія особы живутъ въ совершенномъ согласіи. А видите, продолжалъ незнакомецъ, который, казалось, былъ радъ случаю нарисовать типы этого страннаго общества, — видите господина, длиннаго, худощаваго, южилаго, но еще свѣжаго, разубраннаго и ведущаго . подъ-руку барыню, почти такую же старую, какъ онъ самъ? Это младшій братъ одного изъ членовъ Совѣта Десяти. Вотъ уже двадцать пять лѣтъ, какъ онъ влюбленъ въ женщину, которую каждый день водить гулять съ рѣдкимъ постоянствомъ. Онъ пожертвовалъ блестящею будущностію этой связи, которая не скрѣплена никакими другими узами, кромѣ воспоминаній прошедшаго и привычкою видѣться. За этою счастливою четю слѣдуютъ три особы въ полномъ цвѣтѣ юности, двое новобрачныхъ и *chicisbey* молодой дамы; послѣдній ждетъ, когда затмится луна медоваго мѣсяца, чтобы вступить въ отправленіе своей должности. А вотъ, взгляните на этого маленькаго кругленькаго челоуѣчка, въ странномъ платьѣ желтаго цвѣта, съ шляпою на бекрень, съ цвѣткомъ въ петлицѣ; онъ смѣется про себя и нарочно ходитъ одинъ, чтобы его лучше замѣтили. Это *кавалеръ* Зербинелли, остроумецъ, пріятный стихотворецъ; онъ недавно написалъ сонетъ къ *канарейнкѣ*, имѣвшій большой успѣхъ. Смотрите, вотъ его сейчасъ толкнулъ толстый мужчина, котораго шея ушла въ плечи, который подвигается впередъ, какъ будто бы онъ былъ косъ, нахлобучивъ шляпу на глаза, драматически драпируясь въ красный, изношенный, полинялый, взмятый плащъ: это *il signore Strabotto*, поэтъ классическій. Онъ, безъ сомнѣнія, готовитъ злую эпиграмму на враговъ своихъ. За нимъ группа людей, которые заливаются громкимъ хохотомъ. Эта веселая компанія состоитъ ихъ четырехъ лицъ: епископа, (тотъ, что съ вѣромъ въ рукѣ), пѣвицы, которая производитъ *furor* на театрѣ *Санъ-Самуэле*, прокуратора св. Марка, разделяющаго съ монсиньоромъ благосклонность, примадонны, и стараго Музико Гротто, который подаетъ совѣты *несравненной* и подбираетъ крупяныя, падающія съ ихъ роскошныхъ пирушекъ. Сегодня они уживаютъ вмѣстѣ и, вѣроятно, разстанутся не прежде, какъ на разсвѣтѣ.

— Сдѣлайте милость, сударь, сказалъ Лоренцо своему сосѣду:

если только я не употребляю во зло вашей снисходительности, скажите мнѣ, какъ зовутъ этого господина, что сидитъ вонъ тамъ, въ углу? На немъ зеленое платье съ золотыми пуговицами; шелковые, неподвязанные чулки падаютъ на пятки, а длинныя ноги какъ-будто ищутъ точки опоры? Онъ смотритъ на всѣхъ женщинъ съ умиленнымъ видомъ, который возбуждаетъ мое любопытство?

— Я думаю! возразилъ незнакомецъ. Это самый любезный оригиналь во всей Венеціи: синьоръ Фравджиани, по прозванію *Селадонъ*, пламенный и безкорыстный поклонникъ всѣхъ женщинъ, которыхъ онъ обожаетъ издали, какъ богинь, вѣжно цѣлуя кончики ихъ пальцевъ, точнехонько, какъ бы онъ откушивалъ шерbetъ маленькой ложечкой. Онъ знатнаго происхожденія, отличный дилетантъ, сочинилъ слова и музыку множества хорошенькихъ канцонетъ, которыя поетъ съ большимъ вкусомъ. Изъ нихъ: *il sospiro* (вздохъ), *il canto degl'augelletti e il lamento degl'agneletti* (пѣніе птичекъ и жалоба ягняткъ), *la gondola incantata* (очарованная гондола), *il papagallo felice* (счастливый попугай) и множество другихъ сдѣланы народными. Взгляните, сударь, продолжалъ собесѣдникъ Лоренцо, какая роскошная красавица идетъ сюда, обращая на себя взоры всѣхъ; это знаменитая Дзандзари! Она великолѣпно живетъ приношеніями знатныхъ господъ, которые покупаютъ ея улыбки цѣною золота. Она женщина умная, говоритъ по-латынѣ, какъ кардиналь Бембо, и покровительствуетъ художникамъ. Домъ ея, настоящая академія, постоянно открытъ для несчастныхъ и освищенныхъ поэтовъ, которыхъ она согрѣваетъ своимъ милосердіемъ. За нею слѣдуютъ пять или шесть молодыхъ людей высшаго общества, которые упиваются жизнью, какъ стаканомъ славнаго *розоліо*: между ними графиня Дзоппи, хорошенькая блондинка, которая вѣчно смѣется, какъ будто ее щекочутъ, тѣмъ милымъ ускореннымъ смѣхомъ, который похожъ на щебетаніе птички. Смотрите, какъ она кокетливо играетъ вѣромъ, поглядывая съ насмѣшливымъ видомъ на толстяка, замѣтнаго своею торжественно-тяжеловѣсною походкою и бровями всклооченными, какъ шерсть дикобраза,—это ученый на *ис*, ревностный собиратель медалей и историческихъ бездѣлушекъ, что и доставило ему честь сдѣлаться членомъ двухъ, или трехъ академій. Одаренный терпѣніемъ вола и упрямствомъ осла, синьоръ Стентато представляетъ типъ людей, которые проводятъ жизнь, собирая раковины и доказывая, при помощи безчисленныхъ цитатъ, двусмысленностей и глупостей, что, въ Аѳинахъ, во времена Сократа, дѣти плакали, когда ихъ съкли. Но оставимъ

это, прибавил незнакомец. Лучше обратите вниманіе на прекрасную дѣвушку, которая подходит къ намъ со стороны *Піацетты*. Посмотрите, какая благородная походка, какой кроткій и строгій видъ, внушающій вѣсть почтеніе и довѣрчивость! За то замѣтите, какъ всѣ сторонятся, чтобы дать ей дорогу! Не скажешь ли, что свѣтъ души ея падаетъ на все, что къ ней приближается, и озаряетъ ее божественнымъ сіяніемъ. Это дочь сенатора Дзено, одна изъ совершеннѣйшихъ женщинъ въ Венеціи. Ее ведетъ отецъ, вельможа, достойный мѣста, занимаемаго имъ въ государствѣ. Съ нею, кавалеръ Гримани, молодой патрицій, полный достоинства и, какъ слышно, женихъ синьоры Дзено.

При этихъ словахъ Лоренцо смутился. Сердце его стѣснилось; дыханіе замерло; онъ не зналъ, что отвѣчать, и едва не лишился чувствъ, какъ вдругъ сосѣдь его всталъ съ мѣста и сказалъ ему безъ дальнихъ церемоній: «Молодой человекъ, зрѣлище, которое передъ нашими глазами, и которое вы, безъ сомнѣнія, видите въ первый разъ, (замѣтно, что вы недавно прибыли въ этотъ городъ), единственное въ мірѣ! Это общество, движущееся на великолѣпной сценѣ, гдѣ совершилось столько замѣчательныхъ событій, есть поздній плодъ чудесной цивилизаціи, въ которой нѣтъ больше жизненнаго сока. Этѣ прелестныя женщины, которыя блистаютъ на солнцѣ, какъ бабочки съ радужными крыльями, эти любезные и вѣжливые мужчины, которые упиваются любовью и бездѣйствіемъ, великолѣпныя патриціи, передъ которыми всѣ преклоняются, кроткій и милый народъ, который занимается только *канцонеттами*, группы мимолетныхъ поэтовъ, музыкантовъ и художниковъ, эта необъятная и веселая толпа, которая мчится въ вихрь удовольствій, весь этотъ безконечный маскарадъ, подъ которымъ скрывается столько тайнъ и который кажется осуществленіемъ причудливой мечты, — все это вскорѣ будетъ смятено дыханіемъ Божиимъ!...

Сказавъ эти слова, незнакомецъ сдвинулся угрожающее тѣлодвиженіе и исчезъ.

II.

Увлеченный этимъ вихремъ, оглушенный нескончаемымъ хохотомъ этого умирающаго общества, Лоренцо долженъ былъ бороться съ тысячею обольщеній, которыя представлялись ему на каждомъ шагу. Онъ имѣлъ безграничную свободу располагать своимъ временемъ, не давая никому отчета. При его молодости, умѣ, красивой наруж-

ности, онъ подвергался опасностямъ, которыя безпрестанно возобновлялись и которыя невозможно было придвидѣть. Въ числѣ новыхъ лицъ, съ которыми онъ познакомился въ Венеціи, находилась молодая пѣвица театра Сан-Бенедетто, прозванная Вицентивою, потому что она родилась въ Вицентѣ, отъ чрезвычайно-бѣднаго семейства, восемнадцати-лѣтняя заманчивая брюнетка, съ голосомъ ангела и умомъ демона. — Онъ увидалъ ее въ первый разъ за кулисами театра Сан-Бенедетто, куда его довольно неблагоразумно завелъ аббатъ Цамарія. Она только-что дебютировала въ одной изъ оперъ Галуши съ блистательнымъ успѣхомъ, дѣлавшимъ честь ея учителю Гротто и заведенію, въ которомъ она воспитывалась: *La scuola de' Mendicanti* (школа нищихъ). Потомъ они встрѣтились у Паккьяротти, знаменитаго сопраниста, бывшаго тогда въ Венеціи, гдѣ онъ и кончилъ свое блистательное поприще. Аббату Цамарія хотѣлось, чтобы Лоренцо взялъ нѣсколько уроковъ пѣнія у славнаго виртуоза, и молодой Венеціанецъ часто видалъ у него Вицентину, которая также приходила пользоваться совѣтами неподражаемаго маэстро. Вицентина находилась подъ покровительствомъ стараго вельможи Джустиниани, который замѣтилъ ее, когда, еще будучи ребенкомъ, она шла на площади св. Марка, передъ кофейною. Пораженный умною фізіономіею и чистымъ и пріятнымъ голосомъ хорошенькой дѣвочки, Джустиниани, бывший однимъ изъ попечителей *Школы нищихъ*, помѣстилъ ее въ это заведеніе. Здѣсь кстати ознакомить читателя съ устройствомъ музыкальныхъ школъ, которыя пользовались такою славою въ Европѣ во все продолженіе XVIII-го столѣтія. Между многочисленными благотворительными заведеніями Венеціи, свидѣтельствовавшими о щедрости этой республики патриціевъ, заслуживали особенное вниманіе четыре богадѣльни, или приюта, которыхъ основаніе восходило къ XVI вѣку. Первоначально, то были благотивныя убѣжища, въ родѣ монастырей, гдѣ призирали сиротъ, убогихъ, обманутыхъ дѣвушекъ, и воспитывали первыхъ на счетъ республики, при помощи частныхъ приношеній. Около половины XVIII столѣтія, музыка сдѣлалась главнымъ предметомъ образованія, которое тамъ получали, и когда успѣхъ соответствовалъ ожиданіямъ нововводителей, эти учрежденія нечувствительно приняли характеръ настоящихъ школъ, гдѣ музыкальное искусство во всѣхъ его отрасляхъ преподавали знаменитѣйшіе виртуозы Италіи. Этѣ четыре школы, о которыхъ Руссо говоритъ съ восторгомъ въ седьмой книгѣ своихъ *Признаній*, были: *la Pieta*, самая древняя, *de' Mendicanti, degl' Incurabili* (Неизлечимыхъ) и *Ospedaletto*, боль-

лица святыхъ Іоанна и Павла. Ими завѣдывало общество вельможей и купцевъ, соединенныхъ страстію къ музыкѣ и духомъ благотворительности для полезнаго и прекраснаго дѣла. Это удачное соединеніе практической пользы и щедрости, гдѣ поэзія, какъ ароматъ, отдѣляется отъ дѣйствительности, замѣчательно во всѣхъ учрежденіяхъ Венеціи и составляетъ самую рѣзкую черту ея исторіи.

Число воспитанницъ въ каждой изъ школъ доходило иногда до ста и никогда не было менѣе пятидесяти. Въ *Pieta* и *Неизлечимыхъ* считалось почти постоянно семьдесятъ воспитанницъ. Для поступленія въ одно изъ этихъ убѣжищъ, дѣвушка надлежало быть бѣдной, страдать какимъ-нибудь увѣчьемъ и родиться на землѣ республики. Впрочемъ, это послѣднее условіе не всегда соблюдалось: протекціи и прекрасный голосъ легко заставляли умолкать строгость постановленій. Воспитанницы получали тщательное образованіе, котораго главнымъ предметомъ, какъ мы уже сказали, была музыка. Онѣ оставались въ школѣ до тѣхъ поръ, пока выходили за-мужъ, или могли употребить въ дѣло свои дарованія, т.-е. поступить на театръ, опредѣлиться въ капеллу, или посвятить себя обученію юношества. Нѣкоторыя оставались въ заведеніи, гдѣ были воспитаны, поступали въ число монахинь и исполняли должность репетиторовъ. Воспитанницы каждой изъ школъ раздѣлялись на два большіе разряда, новенькихъ и *provette* или старыхъ, которыя уже нѣсколько лѣтъ провели въ заведеніи. Послѣднія передавали воспитанницамъ маленькихъ классовъ первоначальныя правила искусства, подъ надзоромъ учителя, которому онѣ и служили помощницами. Дѣвушки съ хорошимъ голосомъ посвящали себя исключительно пѣнію. Другія учились играть на разныхъ инструментахъ: которыя на скрипкѣ, которыя на віолѣ, на контрбасѣ, на гобоѣ, или кларнетѣ, такъ, что соединеніе всѣхъ этихъ инструментовъ образовало полный оркестръ. Почти всѣ играли на фортепіанахъ и изучали правила гармоніи, чтѣ давало имъ возможность при первомъ взглядѣ аккомпанировать партіцію. Такъ какъ всѣ школы были родъ монастырей, то каждому заведенію принадлежала своя церковь, гдѣ воспитанницы, скрытыя за рѣшеткою, присутствовали при богослуженіи и участвовали въ церковныхъ торжествахъ. Дважды въ недѣлю, въ субботу и въ воскресенье вечеромъ, не считая чрезвычайныхъ праздниковъ, дѣвушки пѣли вечерню и концертъ, сочиненный нарочно для нихъ учителемъ, который завѣдывалъ школою. Въ эти дни церковь наполнялась толпою любопытныхъ и любителей, при-

ходивших наслаждаться гармонією дѣвственныхъ голосовъ, вдохновенныхъ чистѣйшимъ пониманіемъ искусства. Тутъ пѣли хоры, гимны въ два и три голоса, иногда безъ акомпанимента, иногда съ помощію оркестра, или органа. Не рѣдко также, извѣстный и уже славный голосъ одной изъ дѣвушекъ раздавался съ акомпаниментомъ скрипки, или виолончели. Въ большія торжества, какъ напримеръ въ храмовой праздникъ заведенія, исполняли ораторіи; либретто, роскошно напечатанное и содержащее имена лучшихъ воспитанницъ, раздавалось безденежно при входѣ въ церковь. Въ 1677 году въ богадѣльнѣ *Неизлечимыхъ* была исполнена драматическая сцена въ этомъ родѣ на праздникъ св. Франциска-Ксаверія, бывшаго послушникомъ въ этомъ благочестивомъ убѣжищѣ. Этотъ обычай, совершенно во вкусъ возрожденія, и притомъ сообразный съ духомъ католической религіи, сохранился до конца XVIII-го столѣтія. Въ большихъ публичныхъ церемоніяхъ, или когда Венецію посѣщало какое-нибудь знаменитое лице, и выгоды республики требовали, чтобы ему сдѣланъ былъ блистательный пріемъ, избранныя воспитанницы изъ каждаго заведенія, подъ руководствомъ опытнаго маэстро, исполняли торжественно какое-нибудь большое музыкальное твореніе. Такъ, Бертони, капельмейстеру въ Школѣ Нищихъ, было поручено написать кантату, которую пѣли въ дворцѣ Реццонико, въ присутствіи императора Юсіфа II-го, сто молодыхъ дѣвушекъ, избранныхъ изъ всѣхъ школъ. Дожь, прокураторы св. Марка, благородные и богатые граждане, бывшіе попечителями заведеній, призывали въ свои венеціанскіе дворцы и даже въ свои виллы, нѣкоторыхъ изъ дѣвушекъ, и онѣ должны были способствовать блеску празднествъ. За небольшую плату, часть которой шла на обузавденіе ихъ по выходѣ изъ училища, легко можно было составить концертъ изъ отличнѣйшихъ воспитанницъ одной изъ этѣхъ школъ; ихъ провожала надзирательница пожилыхъ лѣтъ, которая и распоряжалась исполненіемъ. Любопытное зрѣлище представляли въ гостинной, или въ прекрасномъ саду на берегу Brentы, десять или двѣнадцать дѣвушекъ, изъ которыхъ однѣ пѣли дуэты, терцеты, другія играли на разныхъ инструментахъ и составляли цѣлые небольшіе оркестры. Постановленіями училищъ запрещалось мужчинамъ, за исключеніемъ учителя музыки, проникать во внутренность заведеній, но и съ этими постановленіями было то же самое, что и съ многими другими: ихъ легко нарушали при помощи протекцій. Руссо допустили осмотрѣть Школу Нищихъ, и онъ рассказываетъ въ своихъ *Признаніяхъ*, каково было его удивленіе, когда онъ

увидѣлъ вблизи лица сиренъ, которыхъ сладостный голосъ очаровалъ его, когда онъ слышалъ ихъ въ первый разъ въ монастырской церкви. Воображеніе его составило себѣ изъ пѣвицъ идеалъ красоты и пріятности, который разсѣялся при видѣ дѣйствительности. Черезъ тридцать лѣтъ послѣ Руссо, въ 1770 году, Берней также получилъ дозволеніе осмотрѣть *Школу Нищихъ*, которою въ то время завѣдывалъ Бертони. Въ честь ему дали маленькій концертъ, который онъ и описалъ въ своемъ путешествіи. На первой скрипкѣ играла Антонина Кубли, Гречанка происхожденіемъ, Франческа Росси аккомпанировала на фортепіанахъ и дирижировала хоромъ; Лаура Рифрегари, Джакома Фрари, исполняли необыкновенно трудныя бравурныя аріи, между тѣмъ какъ Франческа Томи и Антонія Луковичъ пѣли отрывки болѣе возвышеннаго стиля. Берней прибавляетъ, что онъ такъ же пріятно былъ пораженъ скромностію и пріличнымъ обращеніемъ дѣвушекъ, сколько очарованъ ихъ дарованіями. Успѣхъ каждой изъ этихъ школъ измѣнялся, смотря по достоинству и болѣе или менѣе строгому вкусу профессора, который ею завѣдывалъ. *Пѣта* отличалась, въ особенности, инструментальною частію и достоинствами своего оркестра, между тѣмъ какъ *Школа Нищихъ* всегда славилась множествомъ прекрасныхъ голосовъ и совершенствомъ методы пѣнія. Въ *Школу Нищихъ* воспитывалась славная Фаустина Бордони, одна изъ величайшихъ пѣвицъ первой половины XVIII-го столѣтія, изъ этой же школы вышла и Розана Скальфи, бѣдная дѣвушка самаго низкаго происхожденія, на которой тайно женился знаменитый Марчелли, пльвенный рѣдкою пріятностію ея голоса. Галуппи, долгое время управлявшій школою *Неизлечимыхъ*, придалъ ей большой блескъ въ послѣднихъ годахъ XVIII-го столѣтія. Берней отзывется объ немъ съ величайшею похвалою. Онъ именно говоритъ: «Многія воспитанницы этого заведенія одарены рѣдкими способностями къ пѣнію; въ особенности — Рота, Пасква Росси и Ортолани. Двѣ послѣднія пѣли гимнъ въ видѣ разговора съ хорами. Инструментальное введеніе, написанное для двухъ оркестровъ, было исполнено восхитительныхъ подробностей; оба хора, поддерживаемые двумя органами, отвѣчали одинъ другому, какъ эхо. Я былъ очарованъ исполненіемъ, равно какъ и многочисленные слушатели, находившіеся со мною въ церкви.»

Подъ управленіемъ Саккини, *Оспедалетто* также имѣла свою блестящую пору, которая миновала съ отъѣздомъ великаго маэстро.

Въ церковь этихъ школъ ѣхали, какъ на концертъ, объ немъ говорили за недѣлю до назначеннаго срока, какъ о спектаклѣ, отъ

котораго надѣялись большаго удовольствія. Послѣ прекрасной церемоніи, привлекавшей толпу въ *Мендиканти*, въ *Пьетà* или въ *Оспедалетто*, долго толковали о слышанной музыкѣ, хвалили исполненіе въ цѣломъ, и если одна изъ ученицъ отличилась какимъ-нибудь рѣзкимъ качествомъ, то имя ея становилось добычею модныхъ поэтовъ, которые провозглашали его въ свѣтъ и доставляли ему такимъ образомъ преждевременную славу.

— Слышали ль вы Розальбу въ *Мендиканти*? говорили въ собраніяхъ хорошаго общества. Какой великолѣпный голосъ и какая гибкость! *E'un prodigio!* Это, просто, чудо!

— Я былъ въ *Пьетà*, отвѣчалъ другой, и пришелъ въ восторгъ отъ симфоніи, и въ особенности отъ *Альбанезы*, которая исполняла на скрипкѣ сонату Локателли съ рѣдкою твердостью смычка.

— А я, возражалъ любитель, одаренный вкусомъ, болѣе строгимъ, я не хотѣлъ пропустить случая слышать въ капеллѣ *Неизлечимыхъ* знаменитое *miserere*, сочиненное Гессомъ для этой школы, которою онъ управлялъ въ началѣ текущаго столѣтія: это замѣчательное произведеніе поется тамъ только разъ въ годъ, и мнѣ непременно хотѣлось удостовѣриться, сохранили ли въ ней неприкосновеннымъ преданія *Sassone*.

Таково было устройство музыкальныхъ учрежденій въ Венеціи, имѣвшихъ столь обширную извѣстность, и о которыхъ говорятъ съ похвалою всѣ европейскіе путешественники; ими завѣдывали поочередно первѣйшіе артисты Италіи и въ особенности виртуозы неаполитанской школы: Алекс. Скарлати, основатель ея, Порпора, Гассе, Жомелли, Саккини, Анфоси, Чимароза, Сартти; венеціянскіе композиторы Кальдара, Гаспарини, Лотти, Галуцци, Фурланетто, также значительно способствовали успѣху благочестивыхъ заведеній, гдѣ искусство развернулось незамѣтно, какъ роскошный цвѣтъ благотворительности. Неаполитанскія консерваторіи для мужчинъ и венеціянскія *scuole* для женщинъ были двумя великими центрами пѣвческаго искусства въ продолженіе XVIII-го столѣтія. Если Неаполь создалъ Фаринелли, Каффарелли, Джиззіоло и почти всѣхъ знаменитыхъ сопранистовъ, восхищавшихъ Европу, то изъ венеціянскихъ школъ вышли великія пѣвицы, прославившія Италію отъ начала оперы до французской революціи.

Въ эпоху, которой мы достигли въ нашемъ разсказѣ, музыкальныя школы Венеціи отзываются общимъ упадкомъ всѣхъ заведеній. *Пьетà*, самая древняя изъ нихъ, пережила три остальныхъ, но

наконецъ и она исчезла черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ паденія республики. Въ 1811 году возникъ, подѣ управленіемъ Франческо Каффи, Филармоническій Институтъ, подававшій нѣкоторое время надежды, которыя вскорѣ исчезли. Въ 1822 году была основана школа пѣнія съ тою цѣлію, чтобы образоватъ пѣвчихъ для капеллы св. Марка; эту школу, которою завѣдывалъ ученикъ Фурланетто, Эрмагора Фабіо, можно назвать послѣднимъ эхомъ великолѣпнаго концерта, продолжавшагося двѣсти лѣтъ. Послѣ Бьянки Саккетти, Вичентина была послѣднею хорошею пѣвицею, вышедшею изъ Школы *de' Mendicanti*; она обладала огромнымъ, необыкновенно-гибкимъ голосомъ, успѣшно обработаннымъ учителемъ ея, старикомъ Гротто. Дебюты ея были блестящи; но со времени пріѣзда въ Венецію Паккьяротти, она поняла, что совѣты подобнаго виртуоза были для нея безцѣнны, и съ согласія Гротто и Джустиніано, который платилъ за уроки, два раза въ недѣлю приходила къ знаменитому сопранисту и тамъ встрѣчалась съ Лоренцо. Лоренцо, котораго нѣжный голосъ еще не выработался и отзывался его раннею молодостью, былъ принужденъ наблюдать большую осторожность. Всѣмъ извѣстно, что въ продолженіе необъясненнаго процесса, который называется въ просторѣчій *снадать съ голоса*, голосъ мужчины испытываетъ настоящее превращеніе; онъ понижается цѣлою октавою и переходитъ отъ женскаго діапазона на низшую часть музыкальной гаммы. Во все время этого перелома, болѣе или менѣе продолжительнаго, — физиологія до сихъ поръ не могла еще ни объяснить его законовъ, ни предвидѣть развязку, — ученикъ, посвятившій себя искусству пѣнія, долженъ воздержаться отъ всякаго упражненія. Въ особенности, есть одно критическое мгновеніе, когда органъ голоса, утративъ характеръ, свойственный дѣтству, еще не приобрѣлъ характера возмужалости, когда юноша колеблется между двумя гаммами и въ буквальномъ смыслѣ не знаетъ, на какой тонъ пѣть и даже говорить. Тогда малѣйшее усиліе можетъ подвергнуть опасности будущую судьбу прекраснѣйшаго голоса въ мірѣ. Въ неаполитанскихъ консерваторіяхъ, равно какъ и въ венеціанскихъ школахъ, (дѣвушки не совсѣмъ избѣгаютъ этого перелома, несравненно опаснѣйшаго для мальчиковъ) воспитанники и воспитанницы употребляли время, въ которое совершалось это превращеніе, на изученіе композиціи, или на упражненіе на какомъ-нибудь инструментѣ. Имъ запрещалось пѣть и даже говорить слишкомъ громко, чтобы не утомитъ органа, котораго возрожденія ожидали съ терпѣніемъ. Въ первый разъ, когда Вичентина пѣла въ присутствіи

Паккьяротти нѣкоторые отрывки современной музыки, а Лоренцо сопровождалъ ей на фортепянахъ, виртуозъ былъ пораженъ силою, обширностію и гибкостію ея голоса, *sovrano sfogato*.

— Сага тіа, сказалъ ей знаменитый виртуозъ, выслушавъ арію Назолини, исполненную ею съ удивительнымъ увлеченіемъ: вы напомнили мнѣ славную Габріэлли, самую необыкновенную пѣвицу, которая когда-либо существовала, по красотѣ голоса и изумительной вокализаци; подобно вамъ, она обладала чуднымъ голосомъ, который простирался почти на двѣ съ половиною октавы, совершенной ровности и могущественной звучности. Природа щедро ее одарила; она была хороша собою, умна, порядочная музыкантша; но за то причудлива, своенравна, какъ демонъ; *una matta*, настоящая сумасшедшая. Она приводила въ отчаяніе директоровъ и интендентовъ; за то у ней бывали частыя ссоры съ правительствомъ и ее не разъ сажали въ тюрьму за проказы и непослушаніе публикѣ. Всѣ знаютъ ея отвѣтъ Императрицѣ Екатеринѣ, которая удивлялась, что пѣвица запросила съ нея 40,000 рублей, чтобы пѣть на С.-Петербургскомъ театрѣ. — 40,000! вскричала Императрица! Да это жалованье, которое я даю моимъ фельдмаршаламъ! — Такъ пусть же Ея Величество и заставляетъ пѣть своихъ фельдмаршаловъ! возразила примадонна, которая была самовластна въ своемъ царствѣ капризовъ и фантазій. Габріэлли обязанъ бѣльшую частію своей славы Гваданьи, который долгое время былъ страстно влюбленъ въ красавицу. Онъ научилъ ее искусству переводить духъ, гдѣ слѣдуетъ, умѣрять звуки своего голоса, смягчать рѣзкость роскошной вокализаци, которая исторгалась у ней подобно пѣвистому потоку; научилъ ее связывать звуки въ горлѣ вмѣсто того, чтобы отрывать и ударять ихъ отдѣльно, сопровождая это дѣйствіе сотрясеніями подбородка, какъ дѣлаетъ большая часть современныхъ пѣвицъ. — Этотъ недостатокъ, который вамъ не совсѣмъ чуждъ, прибавилъ съ кротостію Паккьяротти, извѣстенъ въ школахъ подъ насмѣшливымъ прозвищемъ вокализаци *cavallina*, — лошадиной, — потому что дѣйствіе, которое она производитъ на слухъ, походитъ на ржаніе лошади. Не смотря на совѣты такого превосходнаго учителя, Габріэлли могла быть только чудомъ, удивившимъ Европу хитростями несравненнаго горла. Ей доставало вкуса и стила, и она пѣла охотно только музыку посредственныхъ композиторовъ. Она особенно любила творенія нѣкоего Mysliweczek, который часто писалъ для нея и котораго бѣдныя вдохновенія вынгрывали отъ такого исполненія. Въ одной оперѣ этого малозвѣстнаго компози-

тора, *Олимпиада*, поставленной въ Неаполь въ 1779 году, была арія — *Se cerca, se dice*, — въ которой Габріэлли производила оглушающій эффектъ; она вездѣ ее пѣла и говорила безъ церемоніи знаменитымъ Жомелли, Пачини, Саккини, то-есть величайшимъ музыкантамъ Италіи, что ни одинъ композиторъ такъ хорошо не понялъ свойства ея дарованія, какъ этотъ *Мисливечекъ*.

— Знаете ли, отъ чего я такъ много говорю вамъ о Габріэлли, продолжалъ Паккьяротти? Поприще этой славной женщины было такъ блестяще, что вамъ, быть можетъ, захотѣлось бы подражать ея опасному примѣру. Вы имѣете нѣкоторыя изъ ея хорошихъ качествъ, *cara Vicentina*, избѣгайте ея недостатковъ. Пѣніе. быть можетъ, самая трудная часть обширнаго цѣлаго, которое называютъ музыкальнымъ искусствомъ. Голосъ, физическія преимущества, врожденная легкость, столь трудный и сложный механизмъ вокализаціи, все это ничто иное, какъ средства, служащія для достиженія истинной цѣли искусства, — выраженія чувствъ въ извѣстномъ положеніи. Virtuozъ, равно какъ и композиторъ, должны смотрѣть на звуки, которые они производятъ, или соединяютъ, какъ смотрятъ поэтъ и живописецъ на слова и краски, которыя имъ нужны для осуществленія ихъ мыслей. Это — знаки, которые имѣютъ цѣнность и значеніе. только по идеѣ, или чувству, ими выражаемому. Я не хочу этимъ сказать, чтобы въ звукахъ, взятыхъ отдѣльно и разсматриваемыхъ, какъ простыя явленія природы, не было вещественнаго качества, которымъ слѣдуетъ заняться, — это значило бы отвергать дневной свѣтъ и бросаться изъ одной крайности въ другую. Человѣкъ—существо, состоящее изъ тѣла и души, и чтобы тронуть наше сердце или убѣдить нашъ умъ, необходимо пройти черезъ наши чувства; — это ворота изъ слоновой кости, ведущія въ божественный градъ Данте.

— Bravo! вскричалъ съ восторгомъ аббатъ Цамарія, присутствовавшій при этомъ любопытномъ урокъ, изъ котораго онъ не проронилъ ни одного слова, — вотъ что называется высокою философіею! Вы говорите какъ древній мудрецъ, любезный Паккьяротти; Гораций, или Квинтилианъ не могли бы сказать лучше. Это общая истина, которая примѣняется ко всемъ искусствамъ, къ поэзіи, къ краснорѣчію, равно какъ и къ музыкѣ, истина, которою древніе были такъ проникнуты, что сдѣлали изъ нея существенное правило всехъ проявленій человеческого разума. Аристотель, Теофрастъ, Лонгинъ. Дионисій Галикарнасскій, Цицеронъ, величайшіе философы и ораторы

Греціи и Рима, тщательно, долго изучали матеріальную сторону языка; они придавали такую важность тому, что мы могли бы назвать *мелодіей* слога, что обозначали даже слова и даже слоги, которые должны способствовать очарованію слуха. Эти вѣрные наблюдатели природы вполне поняли, что человекъ не *одинъ*, какъ прекрасно выразился Гиппократъ, что душа наша облечена сътію нѣжныхъ органовъ, среди которой она живетъ и движется. По этому, всѣ истинные поэты, ораторы и писатели удѣляли богатую часть потребностямъ нашихъ чувствъ; они представляли намъ истину, какъ Тассъ желаетъ, чтобы подавали ребенку цѣлебное питье. Таково ученіе древнихъ, выраженное въ извѣстномъ изреченіи:

Gratior et pulchro veniens in corpore virtus.

•Добродѣтель прекраснѣе, когда живетъ въ прекрасномъ тѣлѣ.

Возрожденіе, это необъятное движеніе, которое началось въ Италіи и изъ нея сообщилось цѣлой Европѣ, было справедливою реакціею противъ аскетизма и возвращеніемъ правъ отвергнутой чувствительности.

— Г. аббать, отвѣчалъ скромно Паккьяротти, мнѣ не пристало слѣдовать за вами въ эту высокую область исторіи. Мои владѣнія, къ счастью, гораздо ограниченнѣе, и я ссылаюсь на авторитеты, мнѣ болѣе доступные. Въ своемъ превосходномъ твореніи *Opera in musica*, Планелли дѣлаетъ изящнымъ искусствамъ опредѣленіе, которое вполне согласуется съ вашими понятіями и котораго справедливость я могу оцѣнить. «Изящныя искусства, говоритъ онъ, такъ названы потому, что стараются насъ тронуть, льстя нашимъ чувствамъ. Они не родились, какъ науки, отъ мысли спокойной и обдуманной; они зачаты умомъ человеческимъ среди смятенія страстей.» Это въ особенности справедливо въ отношеніи къ музыкѣ и искусству пѣнія, которое есть самая восхитительная ея отрасль и прямо дѣйствуетъ на нашу чувствительность. По этому, самые уважаемые наши маэстро: Пистоки Болонскій, ученикъ его Бернаки, Този и Манчини, которые изложили въ своихъ твореніяхъ его правила, Порпора Неаполитанскій и его славные воспитанники, Фаринелли и Каффарелли, всѣ совѣтуютъ виртуозу продолжительное и терпѣливое изученіе механизма звуковъ, прежде нежели онъ примется за выраженіе словъ и переступить за порогъ святилища. Кому не извѣстно, что Порпора цѣлые годы

держалъ Каффарелли на одной страницѣ *со-льфеджо*, не позволяя ему пропѣть самой простой *канцонетты*? Ученикъ, наскучивъ какъ птичка щебетать все одно и то же, спросилъ однажды маэстро, когда ему будетъ позволено, по крайней мѣрѣ, перевернуть страницу?—Когда ты будешь знать свое дѣло, отвѣчалъ сердито Порпора.—Черезъ два года послѣ того, онъ сказалъ ему, взявъ его за уши:—«Теперь ты можешь пѣть, что хочешь: ты первый виртуозъ въ Италіи».

Не придавая подобнымъ анекдотамъ болѣе важности, нежели сколько они заслуживаютъ, прибавилъ Паккьяротти, безспорно, что величайшіе эффекты искусства зависятъ отъ ловкости исполненія, безъ которой гений, самый богатый дарами природы, не достигаетъ предполагаемой цѣли. Слово, ударъ кисти, аккордъ, употребленные кстати, измѣняютъ иногда фizioномію цѣлаго творенія. Въ особенности слухъ расположенъ къ таинственной нѣгѣ, которую часто смѣшиваютъ съ умиленіемъ сердечнымъ и которой источникъ не всегда легко опредѣлить. Дѣйствительно, сколько вещей заключается въ хорошо пропѣтой гаммѣ, которой каждый звукъ отрѣзывается на мелодическомъ фонѣ, никогда не прерывающемся, въ веселой трели, которая блеститъ и играетъ какъ брилліантъ, въ простой нотѣ, которая постепенно наполняется дыханіемъ жизни. И сколько оттѣнковъ въ томъ, что называютъ *тембромъ* (*timbre*) голоса, въ ткани (*tessalura*) болѣе или менѣе тонкой вокализацин, въ удачномъ соединеніи звуковъ, образующемъ гармоническое цѣлое и наполняющемъ ухо сладостною мелодіею, подобно тому, какъ пріятный плодъ наполняетъ ротъ благоуханіемъ. Безъ сомнѣнія, всѣ эти тонкости не разъ были употребляемы во зло; вмѣсто того, чтобы сдѣлать изъ нихъ украшеніе истинѣ и чувству, ихъ расточали безъ вкуса и мѣры, подобно тому какъ плохіе писатели расточаютъ образы и *conceppi*. Вѣдь есть же живописцы, которые щеголяютъ красками, равно есть и музыканты, которые не могутъ написать трехъ мѣрѣ безъ модуляціи? развѣ изъ этого слѣдуетъ, что должно пренебрегать колоритомъ и модуляціею, какъ полагаютъ строгіе анахореты, равно лишенные здраваго смысла и чувствительности. Вотъ, однакожъ, куда повело бы преувеличеніе нѣкоторыхъ правилъ, предложенныхъ однимъ изъ знаменитѣйшихъ композиторовъ Европы. Я говорю о кавалерѣ Глюкѣ, котораго превосходный гений былъ лучше ложныхъ теорій, распространившихся подъ его именемъ. Потому что ему случалось встрѣтить сумасшедшихъ пѣвицъ, какъ Габріэлли, которыя, не принимая въ уваженіе ни мысли композитора, ни характера положенія, давали полную волю своей при-

хоти и стремились только къ тому, чтобы оглушить, изумить публику, онъ желалъ бы, чтобы виртуозъ, равно какъ и композиторъ, забыли, такъ сказать, что они музыканты и сдѣлались орудіями поэта и безответными истолкователями логической истины. Если бы подобная система когда-нибудь могла одержать верхъ, то это было бы отрицаніемъ всѣхъ искусствъ. Развѣ Фаринелли, Гвадани, Миллико, показавшіе себя удивительными виртуозами, были отъ этого менѣе истинны и трогательны? Тамъ, по ту сторону горъ, много шумѣли изъ того, что они называютъ драматическимъ выраженіемъ, смѣшивая его съ сердечнымъ умиленіемъ, что кажется мнѣ большимъ заблужденіемъ. Предоставляю людямъ болѣе ученымъ рѣшить, долженъ ли драматическій писатель требовать отъ человѣческаго голоса усилій, которыя уничтожали бы его прелесть, и доводить описаніе страстей до звуковъ, подобныхъ звѣриному реву; но смѣло утверждаю, что Глюкъ преувеличилъ правило, истинное въ сущности, и что система его могла имѣть успѣхъ только у народа, лишеннаго музыкальнаго чувства, гдѣ онъ окончательно произвелъ школу несносныхъ декламаторовъ.

— *C'est sublime, c'est superbe!* вскричалъ съ напыщенностію старикъ Гротто, который забился въ уголь и тамъ размахивалъ руками, какъ сумасшедшій, обращая во всѣ стороны свои свиные глаза. Паккьяротти, ты величайшій человекъ нашего времени, *tu sei il primo uomo della nostra età*, сказалъ онъ, вскакивая со стула и тономъ, который былъ не менѣе смѣшонъ, какъ и страшный комплиментъ, сдѣланный имъ знаменитому сопранисту.

Послѣ этой выходки, очень позабавившей Вицентину, аббатъ Цамарія продолжалъ: — Невозможно имѣть болѣе вѣрныхъ и возвышенныхъ понятій объ искусствѣ, которое, по видимому, ускользаетъ отъ всякихъ общихъ соображеній. Слова ваши тѣмъ болѣе должны имѣть вѣса, любезный Паккьяротти, что вы совершенно безпристрастны въ вопросѣ, который такъ хорошо защищаете, потому что сами превосходите всѣхъ вашихъ соперниковъ и, въ особенности, бездушнаго красавца Маркези, именно умѣренностію стиля и высокою манерою исполнять речитативъ и выражать страсти. Впрочемъ, продолжалъ аббатъ, не бесполезно замѣтить мимоходомъ, что злоупотребленіе фюритуръ и ложныхъ украшеній вокализацин, противъ котораго Марчелло возставалъ гораздо прежде Глюка, въ своей прелестной статьѣ: *il teatro alla moda*, несравненно древнѣе, нежели полагаютъ. Обыкновенно думаютъ, (между прочими графъ Алгаротти), что Бернаки и Пази, оба ученики Пистокки,—ввели въ ита-

ліанскую музику, въ началѣ XVIII-го столѣтія, эту роскошь фіоритуръ, которыя въ искусствѣ пѣнія то же, что были въ композиціи остроумныя соображенія контрапунктистовъ XVI-го вѣка. Я легко могъ бы доказать вамъ, что Грекамъ не были чужды хитрости вокалізаціи, которыя уже возбуждали порицаніе философовъ, и что даже въ церковномъ пѣніи, называемомъ *canto fermo*, встрѣчаются многочисленныя знаки, которые, будучи переведены на новѣйшую нотацию, представляютъ довольно сложные эффекты вокалізаціи. Гви д'Ареццо, жившій въ X-мъ вѣкѣ, развѣ не говоритъ въ 15-й главѣ своего *Микролога*, о нѣкоторомъ трепетаніи голоса; это и есть тотъ самый эффектъ, который мы называемъ теперь *vibrato*, родъ содроганія, сообщаемого органу голоса, съ цѣлію подражать душевному волненію. Въ другомъ теоретикѣ XIII вѣка, Іеронимѣ Моравскомъ, можно было бы найдти изъясненіе множества украшеній и прибавленій, которыя выдѣлялись инстинктивно на широкой мелодіи грегорианскаго церковнаго пѣнія. Обязанность хорошей критики не приписывать отдаленнымъ причинамъ того, что объясняется весьма натурально игрою нашихъ способностей. Во всѣ времена и у всѣхъ народовъ, болѣе или менѣе употребляли уловки вокалізаціи; но справедливость требуетъ замѣтить, что въ началѣ XVIII-го столѣтія, тогда, когда мелодія распускалась какъ пышный цвѣтъ, который долгое время былъ заглушенъ терніями контрапункта и тонкостями мадригальной музыки, пѣніе вдругъ сдѣлало огромный шагъ и породило удивительную вычурность горла, поразившую слушателей удивленіемъ. Бернакки, Пази, чудный Каффарелли, Габріелли, о которой вы сейчасъ говорили, Маркези и множество другихъ необыкновенныхъ дарованій, которыхъ я могъ бы назвать, не выдумали того, что въ самой природѣ вещей, но усовершенствовали и довели до утонченности искусство забавлять ухо прихотями вокалізаціи. Не думайте, любезный Паккьяротти, чтобы это было явленіе, исключительно свойственное искусству, которое вы преподаете съ такимъ совершенствомъ. Оно равнымъ образомъ обнаруживалось и внѣ музыки: поэзія и краснорѣчіе также имѣютъ своихъ виртуозовъ. Есть извѣстныя мгновенія въ исторіи созданій ума человѣческаго, когда человѣкъ, полный гордости отъ недавно сдѣланнаго имъ завоеванія, забавляется матеріальною формою, какъ ребенокъ игрушкою, возбуждающею его любопытство; такъ точно выскочка не можетъ утерять, чтобы не выставить на показъ свѣту всѣхъ знаковъ своего новопріобрѣтеннаго богатства. Тогда человѣкъ находитъ удовольствіе въ

сочетаніи словъ и звучныхъ римъ, въ накопленіи образовъ, или въ употребленіи странныхъ красокъ, поражающихъ его чувство и отвлекающихъ его отъ цѣли, къ которой онъ первоначально стремился. Эти мгновенія предшествуютъ великимъ эпохамъ искусства, эпохамъ полной зрѣлости, носящимъ имя золотыхъ вѣковъ, или слѣдуютъ за ними. Прежде и послѣ этого торжественнаго часа, бываютъ только ремесленники, трудящіеся надъ созданіемъ языка, или шарлатаны, которые насильственнымъ образомъ преувеличиваютъ его эффекты. Многочисленные и достойные удивленія пѣвцы, которыхъ произвела Италия отъ начала текущаго столѣтія до нашего времени, были фантазеры, мечтатели, преувеличившіе ту долю свободы, которая принадлежитъ виртуозу при исполненіи музыкальнаго творенія. Нѣтъ ничего труднѣе для человѣка, какъ избѣгать крайностей и оставаться въ предѣлахъ изящной истины.

Эти разсужденія аббата Цамаринъ нѣсколько удивили Лоренцо, которому рѣдко случалось слышать отъ учителя рѣчи столь постоянно важныя и такого глубокаго значенія. Умъ его легко открывался для общихъ соображеній, выводившихъ вопросы школы и ремесла къ основному началу, которое ихъ упрощаетъ; онъ съ живѣйшимъ участіемъ слѣдилъ за споромъ, который согласовался съ стремленіями его природы. Онъ не проронилъ ни одного слова; сказаннаго Паккьяротти и въ особенности аббатомъ Цамаріею, котораго веселый умъ и ребяческій характеръ заимствовали нѣсколько важности только тогда, когда кто-нибудь касался до предмета его страсти. Аббатъ видѣлъ свѣтъ сквозь призму музыкальнаго искусства, и вопросы объ изящномъ вкусѣ были въ глазахъ его единственными важными истинами жизни. Напротивъ того, Вицентина, которая не слишкомъ хорошо понимала эту метафизику искусства плѣнять, въ которомъ она цѣнила одни только эффекты, начинала скучать, служа такимъ образомъ предметомъ для ученыхъ аргументацій. Прекрасные глаза ея, полныя удивленія и лукавства, казалось, говорили Лоренцо: — скажите, что хотятъ изъ меня сдѣлать? философа, или пѣвицу? Паккьяротти, который замѣтилъ легкое облако на челѣ своей прелестной ученицы и тотчасъ угадалъ причину, сказалъ ей: *Figlia mia*, вамъ должно пѣть музыку получше аріи этого бѣднаго Назолини, которую мы сейчасъ слышали. Виртуозъ, знакомый только съ произведеніями современныхъ композиторовъ, не можетъ имѣть стіля, то-есть, широкой, свободной, выдержанной манеры, гдѣ мелодическая фраза развивается съ благородствомъ и требуетъ предусмотрительности, композиціи, разумнаго

распределенія свѣта и тѣней. Чтобы достигнута этого результата, непременно должно возвратиться къ преданію, которое начинается въ XVIII столѣтіи съ твореніями и кантатами Скарлати, Порпоры, съ прелестною и проникающею душу музыкою Лео и Жомелли, его безсмертнаго ученика. И до этой достопамятной эпохи, безъ сомнѣнія, появлялись, отъ времени до времени, пѣвцы не безъ достоинства, каковы Страделла и Бальтазаръ Ферри въ XVII вѣкъ; но не было школы и никакого соединенія доктринъ, которымъ стоило бы заняться. Съ драматическою музыкою, принявшею ощутительную для насъ форму не прежде XVIII-го столѣтія, начинается новѣйшее искусство; что касается до пѣвцовъ возрожденія, до безчисленныхъ преподавателей мадригальной музыки и канцонетовъ *a liuto e a ballo*, предшествовавшихъ рожденію оперы, это отдѣлъ исторіи, занимательный только для ученыхъ, подобныхъ г. аббату Цамаріѣ, или *il padre* Мартини. Напримѣръ, продолжалъ Паккьяротти, попробуйте спѣть одну изъ кантатъ Порпоры, — вонъ онъ, передъ глазами Лоренцо, — которыя способствовали къ образованію величайшихъ виртуозовъ, созданныхъ этимъ маэстро: Фаринелли, Каффарелли, Заламбени, Порпорино, пѣвицъ Минготти и Габріелли; послѣдняя также слушала наставленія знаменитаго ученика Скарлатіева, хотя и очень дурно ими воспользовалась. Это будетъ тѣмъ пріятнѣе для г. аббата Цамаріи, что Порпора провелъ лучшіе годы своей жизни въ Венеціи, здѣсь издавъ свои прекраснѣйшія кантаты и управлялъ школою *Ospedaletto*.

Паккьяротти принялся перелистывать собраніе кантатъ различныхъ композиторовъ, Кариссини, Скарлатти, Марчелло, Бассани, Барбары Строщи, благородной Венеціанки, Асторги, сицилійскаго уроженца, и остановился на одномъ изъ прелестнѣйшихъ созданій Порпоры. Это была кантата, написанная для сопрано, предшествуемая речитативомъ, по наружности чрезвычайно простымъ, но виртуозъ далъ понять всю его трудность по безконечнымъ оттънкамъ, которые онъ въ немъ замѣтилъ.

Fra gl'amori lacci
Come s'arda e s'agghiacci
A un punto sol,
Tu m'insegnasti, o cara (*).

Вичентина своимъ мощнымъ голосомъ принялась торжественно и съ шумомъ декламировать этотъ простой речитативъ, который,

(*) «Ты научила меня, о моя возлюбленная, какъ сраце, опутанное узами любви, переходить въ одно мгновеніе отъ страха къ надеждѣ.»

напротивъ того, надлежало пѣть, едва шевеля губами, какъ легкую прелюдію, гдѣ душа усиливается найти заветное слово, котораго не смѣетъ произнести. Послѣ нѣсколькихъ мѣръ, Паккьяротти сказалъ ей: — нѣтъ, дитя мое, не такъ; вы придаете этому разсказу характеръ страстный и *baldanzoso* (смѣлый), который приличенъ развѣ только музыкѣ Глюка, или Жомелли. Въ сочиненіяхъ Порпоры, равно какъ и въ сочиненіяхъ первыхъ неаполитанскихъ композиторовъ, нѣтъ ни одной страницы, которая допускала бы подобную роскошь звучности. Я не безъ основанія говорилъ вамъ, что пѣвецъ, который не восходитъ къ преданіямъ своей школы, никогда не приобрѣтетъ разнообразія въ манерѣ, необходимаго великому артисту. Послушайте, какъ я буду пѣть, продолжалъ онъ, и присоединяя примѣръ къ правилу, Паккьяротти пропѣлъ приведенный речитативъ съ аккомпаниментомъ фортепьяно. Сначала онъ произвелъ звукъ, который едва можно было назвать музыкальнымъ, звукъ, болѣе подходящій къ слову, нежели къ собственно-такъ называемой мелодіи. По мѣрѣ того, какъ разсказъ выражалъ болѣе живой оттѣнокъ чувства, и голосъ пѣвца возвышался и приобрѣталъ болѣшую звучность. Когда Паккьяротти дошелъ до того мѣста, гдѣ влюбленный умоляетъ красавицу поступать съ нимъ съ меньшею жестокостію, обѣщая забыть прошедшее, чудный виртуозъ развилъ фразу полную граціи, и приостановилъ ее на аккордѣ сдержанной септими, чтобы лучше заставить желать ея заключенія; потомъ кончилъ пѣніе дрожащимъ отъ волненія голосомъ, но не переставая умѣрять его звуки. *Aria* была исполнена виртуозомъ съ неподражаемою граціею и легкостію стilia, которыя совершенно согласовались съ страстными словами:

Ch'io mai vi possa
 Lasciar d'amare,
 No, nol credete
 Pupille care
 Nè men per gioco
 V'ingannerò (*).

Этотъ мадригалъ Метастазія вызвалъ въ наше время вдохновеніе Россіи. Это первая пьеса въ *Музыкальныхъ вечерахъ*, образцовомъ произведеніи мелодической граціи и восхитительной гармоніи, которыя относятся къ гению автора Вильгельма Теля точно такъ же, какъ *capitoli*, или элегіи къ гению Аріоста. Когда мы сравнимъ

(*) Нѣтъ, не мѣръ, чтобы я когда-нибудь могъ перестать любить тебя, смѣть очей моихъ! Даже въ шутку я не обману тебя.

арію Порпоры съ канцонеттою Россини, то замѣтимъ, на разстояніи вкуса, и сквозь всѣ измѣненія и успѣхи искусства,—постоянства ита-
ліанскаго гениа, легкаго, изящнаго и всегда свѣтлаго. Въ кантатѣ неаполитанскаго маэстро, полной блѣстою и безчисленными трелей, которыя стремятся изъ мелодіи кокетливой и сопровождаемой замысловатымъ аккомпаниментомъ, какъ будто ощутительно свѣжее дыханіе музы, въ которой больше прихоти, чѣмъ страсти (*). Въ кантатѣ Россини, модулированной съ такимъ удивительнымъ совершенствомъ и гдѣ почти каждая нота отражаетъ диссонансъ, убѣгающій, какъ желаніе, такъ кажется и слышишь признація чувства, которое смѣется и шутитъ, чтобы не испугать уха, ему внимающаго. Я сравнилъ бы этотъ музыкальный отрывокъ съ сельскою сценою, сладостною бесѣдою въ тѣнистой аллеѣ, на закатѣ прекраснаго дня.

— Появлялись ли вы различные оттѣнки, которые я старался выставить въ речитативѣ Порпоры? сказалъ Паккьяротти Вичентинъ, которая слушала съ восторгомъ удивительнаго виртуоза. Переходя постепенно отъ разсказа, приближающагося къ обыкновенной рѣчи, къ звукамъ болѣе сильнымъ и протяжнымъ, которые вскорѣ развертываются въ настоящей музыкальной формѣ, я слѣдовалъ преданіямъ великихъ пѣвцовъ, которые, руководясь врожденнымъ чувствомъ, привели въ дѣйствіе важный законъ изящнаго вкуса. Этотъ законъ очень простъ, и нѣсколько словъ достаточно объясняютъ его. Всякій разъ, когда речитативъ передаетъ дѣйствія, относящіяся болѣе до жизни матеріальной, нежели до жизни чувства, должно болѣе говорить, нежели пѣть. Но если разсказъ возвышается надъ окружающею насъ вседневною жизнію, звукъ долженъ быть болѣе музыкальный, нежели прозаическій; если же наконецъ, онъ касается области душевной, то и голосъ долженъ звучать сильнѣе и покрыть слова своимъ великолѣпнымъ. Эта постепенность звучности, соответствующая логикѣ страстей, и составляетъ главную трудность речитатива, который, въ наше время, декламируютъ съ утомительнымъ однообразіемъ.

— Прекрасно сказано, вскричалъ аббатъ Цамарія, и если бы я не боялся прерывать васъ моими педагогическими воспоминаніями,

(*) Здѣсь не лишне замѣтить, что Порпора, выведенный г-жею Зандъ въ ея известномъ романѣ *Консуэло*, и котораго она, по праму поэтовъ, украсила цвѣтами своего воображенія, не имѣетъ ничего общаго съ авторомъ приведенной здѣсь кантаты

то прибавилъ бы, что древніе провозглашали почти подобное ученіе, распространяя его не только на мелодею, но и на ораторское произношеніе и на всѣ виды поэзіи. А вѣдь, право, не равнодушно имѣть на своей сторонѣ древнихъ въ вопросѣ, касающемся изящнаго вкуса, потому-что нѣтъ новѣйшаго искусства, которое не было бы основано на первоначальномъ законѣ истинны, извѣстномъ древнимъ. Въ 10-й книгѣ своей *Исповѣди*, св. Августина пишеть: въ монастырѣ св. Аенасія пѣли псалмы столь тихимъ голосомъ, что дѣйствіе ихъ походило болѣе на рѣчь, нежели на музыку; это подало поводъ св. Исидору Севильскому полагать, что первые отцы церкви желали, чтобы хвалу Богу воспѣвали именно такимъ образомъ. Всего вѣрнѣе, любезный Паккьяротти, то, что три степени звучности, законы которыхъ вы сейчасъ намъ объяснили, не ускользнули отъ пронизательности Квинтилиана, который именно совѣтуетъ оратору избѣгать крайнихъ звуковъ и держаться на серединѣ вокальной гаммы.—*mediis igitur utendum sonis*,—между собственно такъ называемою музыкою и обыкновеннымъ словомъ.

— Мнѣ очень пріятно слышать, г. аббатъ, что, преподавая правила нашего искусства, мы могли бы, въ случаѣ нужды, сослаться на такіе важные авторитеты; но, какъ вѣроятно Вичентина никогда не станетъ читать *Исповѣди* св. Августина, то я прибавлю, что славнѣйшія пѣвицы XVIII-го столѣтія,—а я почти всѣхъ ихъ слышалъ,—подтверждаютъ своимъ примѣромъ правила, которыя я сейчасъ изложилъ и которыя заслужили ваше одобреніе. Вотъ вѣкъ-то, господа, въ которомъ поочередно блистали Фаустина, одаренная прелестью и неподражаемымъ изяществомъ стіля; соперница ея Куццони, приводившая всѣхъ въ восторгъ своимъ очаровательнымъ голосомъ; современница ихъ, Минготти, не имѣвшая себѣ равной въ выраженіи чувствъ высокихъ; Аструа, замѣчательная необыкновеннымъ искусствомъ; Бастарделла, (Дукреція Агуари), ея голосъ превосходилъ гибкостью и обширностью голосъ самой Габріэлли; Мара, Нѣмка происхожденіемъ, равно какъ и Минготти, и подобно ей въ совершенствѣ изучившая музыку, и раздѣлявшая съ Габріэлли удивленіе Европы; прекрасная Грассини и Тоди, которой выразительный контральто оспаривалъ у первой пальму *del canto di portamento*; Мориккелли, чудная актриса, очаровательной веселости; Биллингтонъ, Банти, которая, подобно вамъ, сага *mià Vicentina*, была дѣвушка самаго скромнаго происхожденія и прозвана *cantante di piazza*, потому-что сначала пѣла на улицахъ Венеціи. Хотя воспитаніе ея и было чрезвычайно запущено и хотя

она столько же необразована, сколько дурна собою, Банти одарена такимъ восхитительнымъ голосомъ и такимъ совершеннымъ истинникомъ, что теперь она послѣдняя великая виртуозка, которая осталась отъ этой эпохи чудесь.

III.

— Куда вы, Лоренцо? сказала однажды Вичентина, выходя отъ Паккьяротти, гдѣ въ первый разъ еще они встрѣтились одни, такъ что никто не присутствовалъ при занимательныхъ урокахъ маэстро.

— Къ себѣ, во дворецъ Дзено, отвѣчалъ онъ.

— Какъ вы спѣшите зарыться въ книги и увидѣться съ синьорою Беатою! Я подозреваю, что вы чувствуете къ ней не одно уваженіе.

— Вы очень ошибаетесь, отвѣчалъ онъ, краснѣя.

— Ну, если я ошибаюсь, такъ докажите мнѣ это. Дайте мнѣ руку; вы доведете меня домой; а потомъ, мы поѣдемъ гулять, если это не противно вашей философіи. Сегодня я совершенно свободна; у меня нѣтъ репетиціи и я не пою нынѣшній вечеръ.

Удивленный такимъ неожиданнымъ приглашеніемъ, Лоренцо вдругъ не нашелся, что отвѣчать. Пробормотавъ нѣсколько невнятныхъ словъ, онъ послѣдовалъ за Вичентиною, побуждаемый ложнымъ стыдомъ показаться неучтивымъ, если откажется, и тѣмъ смутнымъ волненіемъ, которое испытываетъ юноша при видѣ опасности, его привлекающей. Вичентина жила близеколько отъ театра С. Бенедетто, въ великолѣпныхъ палатахъ, блиставшихъ всею роскошью модной богини.

— Посидите тутъ, *maestrino mio*, сказала она, приведя его въ щегольской будуаръ, переполненный орудіями обольщенія: я отдамъ кой-какія приказанія и ворочусь къ вамъ на цѣлый день.

Оставшись въ миниатюрномъ святилищѣ, гдѣ разносились ароматы всякаго рода, сидя на мягкомъ диванѣ, который не располагалъ къ сокрушенію о грѣхахъ, Лоренцо пробѣгалъ удивленнымъ взоромъ тысячу драгоценныхъ бездѣлушекъ, образующихъ арсеналъ женскаго кокетства. Напротивъ прекраснаго, огромнаго зеркала съ мурановскихъ заводовъ, въ золотой рамѣ, украшенной изяжною рѣзбою, стояло хорошенькое фортепіано съ перламутровыми настьчками; тутъ примадонна могла изучать свои роли, смотря въ зеркало, чтобы не взять дурныхъ привычекъ и сохранять постоянную улыбку на розовыхъ губкахъ. Множество гравюръ, съ картинъ П. Лонги, представлявшихъ разные любовные эпизоды,

украшали стѣны и избличали передъ глазами всѣхъ тайныя и не совсѣмъ назидательныя мысли Вичентины. Портретъ ея висѣлъ тутъ же, на цвѣточной гирляндѣ, поддерживаемой двумя толстыми и румяными амурами. Одинъ изъ этихъ амуровъ трубилъ въ трубу, а другой игралъ на свирѣли—выразительная эмблема двойной славы, которую уже приобрѣла прекрасная *protégée* Джустиниани. Но всего болѣе обратилъ на себя вниманіе Лоренцо рядъ небольшихъ, нѣсколько соблазнительныхъ картинъ, изображавшихъ различныя сцены изъ славнаго въ то время романа *La ballerina infelice* (*Злополучная танцовщица*). На одной картинѣ видно было, какъ она родилась въ хижинѣ, росла подъ покровомъ невидимой феи, одарившей ее всевозможными прелестями; на другой, она покидала деревню съ прекраснымъ и знатнымъ молодымъ человѣкомъ; потомъ являлась на театрѣ, при рукоплесканіяхъ восхищенной публики, окруженная обожателями, на высшей степени земнаго счастья. Наконецъ, пораженная въ сердце истиннымъ чувствомъ, застигнувшимъ ее среди легкихъ наслажденій, она быстро спускалась съ роковаго холма. На послѣдней картинѣ, увядшая преждевременно, бѣдная, старая, всѣми покинутая, она стояла, согнувшись, у входа въ церковь и дрожащей рукою бросала въ кружку на искупленіе грѣшниковъ послѣднюю лепту, которая у нея оставалась. Тогда совершалось чудо: эта лепта милосердія вылетѣла изъ кружки въ видѣ ангела, который сѣвшилъ освободить душу изъ чистилища и уносилъ ее, лучезарную, въ жилище вѣчнаго блаженства.

Лоренцо удивился, встрѣтивъ мысль столь глубокую въ пошломъ романѣ, и всталъ, чтобы разсмотрѣть въблизи картину, представляющую танцовщицу въ кругу ея обожателей. Въ это время тихо вошла Вичентина, и граціозно опершись о плечо Лоренцо, который стоялъ задомъ къ двери,—шепнула ему на ухо:

— Что вы скажете, другъ, объ этой печальной повѣсти? Такова, можетъ—статься, будетъ и моя участь; съ тою разницею, что никакой ангелъ не придетъ избавить меня отъ страданій.

— Видно вы сдѣлали какое-нибудь ужасное преступленіе, что боитесь такого наказанія? отвѣчалъ Лоренцо, поспѣшно обернувшись къ Вичентинѣ, которая была чудно хороша въ своемъ новомъ нарядѣ. Шелковая розовая мантилья облекала ея миниатюрную и гибкую талію, стянутую въ корсажъ съ яркими разводами; вуаль изъ венеціанскихъ кружевъ, прикрѣпленный къ большому черепахо-

вому гребню, вѣнчавшему зданіе ея роскошныхъ волосъ, представлялъ пріятную противоположность съ розовою мантилею и спускался волнистыми складками на пышную грудь, воздымаемую сильнымъ дыханіемъ. Пунцовая гвоздика, отличительное украшеніе венеціанской женщины, приколонная на лѣвой сторонѣ головы, отрѣзывалась на черныхъ волосахъ, закрученныхъ на вискахъ въ два маленькихъ кольца, называемыхъ *колчанами амура*. Прибавьте ко всему этому прекрасные глаза, блестящіе умомъ и лукавствомъ, малиновый ротикъ съ тонкими губками, расточающими улыбку *inzuchera*, какъ выражаются поэты лагуновъ, слаще божественной амброзіи; маленькую ножку въ бархатной туфелькѣ, на которой красовалась роза безъ шиповъ.—и вы будете имѣть несовершенное понятіе объ очаровательномъ созданіи, которое всѣмъ существомъ своимъ, казалось, выражало поэзію прихоти и легкаго сладострастія.

— Какъ вы злы! сказала Вичентина, опуская ресницы, чтобы придать лицу своему выраженіе печали, которая была далека отъ ея сердца; напротивъ того, она была въ восторгѣ отъ дѣйствія, произведеннаго на Лоренцо ея красотою. — О! если бы я могла рассказать вамъ мою жизнь, прибавила она съ лицемѣрнымъ вздохомъ; вы убѣдились бы, что я въ одномъ только могу упрекнуть себя: въ излишней искренности моихъ привязанностей. Зачѣмъ, подобно *танцовщицѣ*, не встрѣтила я души, которая отвѣчала бы моей! Я не страшилась бы ни нищеты въ этой жизни, ни наказаній за гробомъ.

Трудно было бы опредѣлить, что было истиннаго въ этой маленькой чувствительной сценѣ, разыгранной Вичентиною, которая давно уже бросила на Лоренцо взглядъ страстнаго желанія. Семнадцати-лѣтній юноша, который, съ восторгомъ упивавшійся дыханіемъ жизни, и казалось, съ такимъ нетерпѣніемъ желавшій пристать къ невѣдомымъ берегамъ, сначала возбудилъ любопытство, а потомъ участіе блистательной *примадонны*, которая, взросшая на открытомъ воздухѣ, какъ брошенное безъ призора дерево, не разцвѣла въ желанный часъ, — вѣроятно Лоренцо былъ для Вичентины тѣмъ же, чѣмъ была сама она для виновниковъ ея блистательной участи: раннимъ цвѣткомъ, первыми ароматами котораго пріятно упитъся. Но если сердце всякой женщины загадка, ускользающая отъ проницательности самаго остроумнаго наблюдателя, то что же сказать о характерѣ избалованной общими восторгами

пѣвицы, которая, подобно Юпитеру, можетъ потрясти Олимпъ однимъ движеніемъ своихъ бровей. Гдѣ предѣлъ вымысла въ этихъ прелестныхъ чудовищахъ и гдѣ неуловимая точка,

Ove le due nature son consorti, (*)

гдѣ прихоть чувственности примѣшивается къ сердечному влеченію. По-крайней-мѣрѣ, Лоренцо не въ состояніи былъ бы разрѣшить такую трудную задачу, и если Вичентина дѣйствительно подготовила эту сцену, чтобы овладѣть воображеніемъ юноши, должно согласиться, что она съ удивительнымъ искусствомъ придумала всѣ ея эпизоды.

— Фіорилла, вскричала Вичентина, готова-ли гондола?

— О, синьора, уже четверть часа, какъ Тоніо и Джузеппе ждутъ вашихъ приказаній, отвѣчалъ пріятный голосъ горничной, полурастворившей дверь въ будуаръ.

— Коли такъ, вскричала *примадонна*, то мы можемъ вѣхать.

Она взяла маску, лежавшую на туалетѣ среди потныхъ театралей и множества вѣровъ, и легкимъ шагомъ спустилась съ мраморной лѣстницы, внизу которой причалена была гондола. Баркароли проворно отворили низенькую дверцу, черезъ которую входить задомъ въ эту Венерину раковину, *conchiglia di Venere*, и впустивъ Лоренцо, какъ-будто для того, чтобы увѣриться въ своей добычѣ, она закричала гондольщикамъ: Въ *Мурано, all'orto di san Stefano!*

Когда баркароли прихлопнули дверцу и заняли свои мѣста, одинъ на кормѣ, другой на носу, гондола быстро помчалась по каналу. Это было въ іюнь. По прекращеніи карнавала и прежде наступленія настоящей деревенской поры, венеціанское общество обыкновенно праздновало окончаніе поста и покаянія на одномъ изъ островковъ, окружающихъ городъ и украшающихъ Ардіатическій заливъ множествомъ очарованныхъ рощицъ. Мурано, въ двухъ миляхъ на западъ отъ Венеціи, было любимымъ мѣстомъ прогулки для хорошаго общества. На этомъ островѣ, знаменитомъ въ цѣлой Европѣ своими стеклянными заводами, гдѣ было множество монастырей, загородныхъ домовъ и веселыхъ академій, вельможи имѣли виллы, прежде

(*) Гдѣ соединяются двѣ природы. Данте. Адъ. Пѣснь XII.

нежели республика занесла ногу на твердую землю и приобрѣла Падую въ началѣ пятнадцатаго столѣтія. Мурано считался колыбелью венеціанской цивилизаціи. Тамъ, братья Ваварини основали первыя школы живописи; а Павелъ Веронезъ, Тинтореттъ, Бассано и множество другихъ оставили многочисленныя свидѣтельства своего генія. По выходѣ изъ небольшого канала *de Mendicanti*, гондола неслась въ открытомъ морѣ, въ одинъ изъ тѣхъ дней, когда природа какъ будто одарена сознаниемъ жизни, которая ее проникаетъ, и приглашаетъ насъ раздѣлить ея счастье. Лучезарное солнце еще не имѣло довольно силы, чтобы беспокоить своимъ жаромъ, и лучи его, прохладжаемые вѣтеркомъ, напоеннымъ весенними ароматами, скользили по волнамъ, разцвѣчая ихъ тысячами оттѣнковъ. Птички порхали по лазурному своду, морскіе поросты, обрывки травъ и цвѣтовъ, обличавшіе недавній проѣздъ *fruttajoli*, продавцевъ фруктовъ, которые каждое утро пріѣзжали съ острововъ снабжать столицу плодами и зеленью, плавали, тамъ и сямъ, по поверхности горькихъ волнъ, словно сама Аврора разроняла ихъ съ высоты небеснаго свода. Сидя возлѣ Вичентины, которая не сводила съ него глазъ, Лоренцо казался встревоженнымъ и какъ-будто смущеннымъ положеніемъ, въ которомъ находился въ первый разъ въ жизни. Не зная что сказать, сдѣла дыша, юноша старался, среди смутныхъ своихъ мыслей, разгадать причину странной неловкости, которую онъ испытывалъ. Вичентина читала яснѣе въ глазахъ его, нежели Лоренцо читалъ въ своемъ собственномъ сердцѣ, и тайнѣ наслаждалась дѣйствіемъ своихъ прелестей, вида его волненіе.

Придвинувшись къ Лоренцо и обвивъ его шею своими руками, она сказала ему ласковымъ голосомъ: — *Carino* (миленькій), что съ вами? Ужъ не жалѣете ли вы, что посвятили мнѣ этотъ прекрасный день? Хотите ли, мы воротимся въ Венецію, чтобы уснокомтъ на вашъ счетъ синьору Беату?

— Я ужъ сказалъ вамъ, отвѣчалъ съ живостію Лоренцо, что благородная дочь синьора Дзено имѣетъ право на одно мое ночтеніе, и что она нисколько не заботится о томъ, какъ я прожужу свое время.

— Извините, возразила лукаво пѣвица, что я предполагаю существованіе чувства, очень натурального въ вашемъ положеніи. Какая бы знатная особа ни была синьора Беата, но и она можетъ гордиться, внушивъ чувство, которому позавидовали бы многія женщины. Вѣдь вы, любезный Лоренцо, не обыкновенный молодой человекъ. Не знаю, какіе ваши планы для будущаго и какую хо-

тите вы избрать дорогу; но съ вашимъ уномъ и познаніями, вы смѣло можете надѣяться составить себѣ ния, которое всякая женщина сочтетъ за счастье раздѣлить съ вами.

Эти слова, внушенныя самымъ хитрымъ кокетствомъ, вѣсколко разсѣяли смущеніе Лоренцо. Его самолюбіе не имѣло нужды быть такъ ловко возбуждаемымъ, чтобы жадно схватить приманку, которую ему бросали. Для этого характера, еще нерѣшительнаго, гдѣ воображеніе и чувствительность соединялись съ равными стремленіями къ независимости, одного слова достаточно было, чтобы пробудить его честолюбіе и желаніе казаться менѣе робкимъ и покорнымъ, нежели какимъ онъ былъ въ самомъ дѣлѣ. Однакожь, ния Беаты, произнесенное Вичентиною, въ подобномъ положеніи, породило въ сердцѣ Лоренцо смятеніе другаго рода. Тайный голосъ шепталъ ему, что онъ избиралъ дурную дорогу для того, чтобы заслужить уваженіе обожаемой имъ женщины. Онъ смутно понималъ, что, вдаваясь въ связи столь непрочныя, онъ осквернилъ благородное чувство, которое считалъ единственнымъ своимъ правомъ на любовь Беаты.

Въ продолженіе этой борьбы, чело Лоренцо омрачилось, и Вичентина тотчасъ угадала причину его задумчивости. Опытная въ хитростяхъ оболъщенія, она не стала предлагать ему неумѣстныхъ вопросовъ. Склонившись съ улыбкою на плечо его и не произнося ни одного слова, она заплѣла ему на ухо *канцонетту*, которой слова выражали стороною то, чего она не хотѣла сказать ему на обыкновенномъ языкѣ: (*)

Coi pensieri malincolici
 Non ti star a tormentar;
 Vien con mi, montemo in gondola,
 Ce n'andremo in mezzo al mar,
 Passeremo i porti e l'isole
 Che contorna la città
 E sul mare senza nuvole
 Sa luna nascerà.

Голосъ Вичентины дрожалъ отъ волненія, которое могло быть и истинно; изъ устъ ея медленно лилась сладостная мелодія, служившая проводникомъ вышеприведеннымъ стихамъ, которые были только началомъ длиннаго гимна наслажденію. Канцонетта удивля-

(*) Не тревожь себя печальными мыслями; садъ со мною въ гондолу; мы поведемъ кататься, далеко, въ море. Мы оставимъ за собою гавани и острова, окружающіе городъ, и тамъ, подъ безоблачнымъ небомъ, изойдетъ для насъ луна.

тельными образомъ выражала ту свѣтлую иргу, смѣшанную съ легкимъ облакомъ меланхолии, которая составляетъ характеръ искусства и поэзіи въ Венеціи. Почти охваченный объятіями молодой и прекрасной *примадонны*. убаюкиваемый мѣрнымъ и плавнымъ движеніемъ гондолы, скользившей по волнамъ, подобно влюбленному лебедю; упоенный заглушенными сотрясеніями этого голоса, котораго звуки достигали до него едва внятными, какъ пѣвіе сирень, играющихъ въ глубинѣ морской, Лоренцо забылся въ очаровательной мечтѣ, и божественный образъ Беаты на мигъ затмился въ его сердцѣ. То былъ уже не смиренный сынъ Катарини Сарті. внимающій съ благоговѣніемъ материнскимъ увѣщаніямъ; сіяніе благословеннаго дѣтства уже не окружало его чела; онъ сбросилъ свои пелены, и желанія его уподоблялись рьянымъ конямъ, которые ржать отъ нетерпѣнія перелетѣть поприще, которое передъ ними раскрывается. — Играйте, звучите веселыя пѣсни; о, прекрасныя годы юности! говорилъ онъ въ своемъ упоеніи. Жить — значитъ наслаждаться; страсти—небесный огонь, согрѣвающая, расширяющій способности человѣка. Пустой страхъ мелочнаго воспитанія, сомнѣнія ложной морали, подъ которыми желали бы подавить природу человѣка, вы исчезли подобно облаку, затмѣвавшему отъ меня свѣтъ истины! Я возмужалъ наконецъ; я чувствую, вижу, понимаю, что ложный міръ, въ которомъ я былъ воспитанъ, вымыселъ невѣжества и лицемерія, находящихъ свою выгоду въ томъ, чтобы продолжать дѣтство человѣческаго рода. Глаза мои раскрылись; передо мною развернулся безконечный горизонтъ, возбуждающій мою дѣятельность, и гдѣ не будетъ другихъ преградъ моему честолюбію, кромѣ моей собственной воли. И такъ, впередъ, впередъ вслѣдъ за желаніями, которые толпятся тамъ, на свѣтлой равнинѣ, воспѣвая гимнъ жизни, среди прекрасныхъ страстей человѣческой природы, которыя сплетаются въ веселые хоры и наполняютъ воздухъ невыразимою гармоніею!—И умъ его дѣйствительно стремился, какъ отважный всадникъ, который

Dinanzi polveroso va superbo ()*

Отважно мчится впередъ, покрытый пылью,

и исчезаетъ въ пространствѣ. Послѣ этого видѣнія, мелькнувшаго въ воображеніи Лоренцо, подобно молніи чувствительности, которая, въ своемъ внезапномъ разцвѣтѣ, рѣзко выставляетъ основ-

(*) Данте. Адъ. П. IX.

ныя черты каждаго характера, — чувствуя себя сильнѣе противъ Вицентины, онъ докончилъ прерванную *канцонетту*, которую зналъ съ давнихъ поръ:

«Намедни, мнилось мнѣ, что Венера плыла по морю въ золотой раковинѣ; не ты ль это, возлюбленная, явилась очамъ моимъ, въ гондолѣ легкой, какъ твое сердце. Ты прекрасна, молода, свѣжа, какъ цвѣтокъ; отгони печальныя предчувствія, тебя осаждающія; смѣйся и люби.»

Ridi adesso
E fa l'amor. (*)

При послѣднихъ словахъ, оканчивающихъ канцонетту, жалобная мелодія, служившая имъ аккомпаниментомъ, вдругъ превращалась въ веселую и расцвѣтала, какъ лучезарная улыбка вѣги.

И эта гондола, которая колебалась на лазурныхъ волнахъ, эта прелестная чета, которую свелъ случай и которая призывала удовольствіе, обрывая и бросая къ ногамъ своимъ первые часы дня, эти дрожащія отъ волненія голоса, попеременно поющіе мелодію, родившуюся въ устахъ какого-нибудь гондольщика, который приваравливалъ размѣръ ея къ біеніямъ своего сердца; цѣлый архипелагъ счастливыхъ острововъ, которые, казалось, были размѣщены природою, подобно различнымъ нотамъ гармоническаго аккорда; все это не вымыселъ фантазіи, который развивается передъ вашими очарованными взорами; это обыкновенный эпизодъ изъ венеціанской жизни, напоминавшій одну изъ морскихъ сценъ Каналетто, воспѣтую поэтомъ Ламберти, Анакреономъ лагуны. Когда они пріѣхали въ Мурано, Вицентина велѣла причалить гондолу къ мраморной площадкѣ, на которую отворялась низенькая дверь, представлявшая таинственный входъ. Это былъ садъ св. Стефано, гдѣ любители вѣги, скромные любовники и политики собирались гулять въ тѣни прохладныхъ рошей, которыя для жителей Венеціи имѣли всю прелесть рѣдкости. Вокругъ сада порядочной величины расположены были *camerini*, или кабинеты, прекрасно убранные, гдѣ можно было имѣть роскошный обѣдъ и ужинъ. Приютившись подъ густою шпалерою, окаймляющею часть сада, эти кабинеты,

(*) Канцонетта, о которой здѣсь упоминается, найдена рукописною въ бумагахъ кавалера Сарты. Это восхитительная мелодія въ *sol mineur* грустнаго размѣра, оканчивающаяся веселымъ кадансомъ въ *sol majeur*, производящимъ очаровательный эффектъ.

которые могли вмѣщать до шести человѣкъ, выходили окнами на море, представлявшее взорамъ посѣтителей разнообразный горизонтъ пріятныхъ видовъ.

Въ нихъ входили не иначе, какъ постуцать три раза въ дверь, чтобы дать время посѣтелямъ, желавшимъ избѣжать любопытныхъ, — надѣть маску, безъ которой никогда не обходились въ подобныхъ случаяхъ. Впрочемъ, скромность была отличительною чертою не только гондольщиковъ, которые поставляли въ томъ свое самолюбіе; но и всѣхъ людей, которые исправляли какое-нибудь ремесло за плату. При подозрительномъ правительствѣ, скрывавшемъ свою слабость подъ личиною непогрѣшимой проницательности, молчаніе и осторожность дѣлались необходимымъ закономъ во всѣхъ отношеніяхъ жизни. По этому, характеръ венеціанскаго народа и представлялъ смѣшеніе хитрости и любезной безвѣщности.

Вичентина заказала себѣ *merenda* (полдникъ) изъ фруктовъ, пирожнаго и превосходнаго кипрскаго вина, которое было для Венеціанъ тѣмъ же, чѣмъ для насъ шампанское, необходимою принадлежностію любовной бесѣды.

— Желалъ бы я знать, смѣло началъ Лоренцо, облокотясь на столъ и прихлебывая изъ стакана муранской фабрики, который держалъ обѣими руками, какъ чашу, что бы сказалъ твой благодѣтель, Джустиніани, увидя насъ здѣсь, вмѣстѣ! Какъ ты думаешь, былъ ли бы онъ расположенъ дать намъ свое благословеніе?

— А почему жъ нѣтъ, отвѣчала Вичентина, нѣсколько удивленная развязностію, съ которою онъ обращался къ ней съ подобнымъ вопросомъ. Я не жена его и не невѣста; сердце мое будетъ принадлежать только тому, кто сѣумѣетъ мнѣ понравиться.

— Я охотно вѣрю, отвѣчалъ Лоренцо съ бѣльшимъ лукавствомъ, нежели онъ предполагалъ, что Джустиніани не имѣетъ видовъ на твою руку; онъ довольно благоразуменъ, чтобы не требовать невозможнаго; но все-таки ты ему многимъ обязана, Положимъ даже, что онъ только имѣетъ право присматривать за тобою, какъ за пѣвицею, и тогда, вѣроятно, не очень бы обрадовался, видя, какъ мы пируемъ *soletti*, один-одинехоньки, въ этомъ *camerino*, откуда, какъ изъ театральной ложи, смотримъ на отрѣзывающуюся на горизонтѣ колокольню св. Марка, которая какъ-будто присматриваетъ за нами, любопытная!

При этой выходкѣ, *примадонна* устремила на него удивленные глаза; со всѣмъ своимъ искусствомъ великой актрисы, она

никакъ не ожидала такой быстрой перемены въ юношѣ, которому, такъ-сказать, только что развязала языкъ. Она затаила огорченіе, причиненное ей словами Лоренцо, для котораго въ эту минуту желала бы быть столь же чистою, какъ Венера, выходящая изъ моря. Нѣтъ женщины, какъ бы глубоко она ни пала, которая не дорожила бы уваженіемъ того, кто пользуется ея благосклонностію, и которая не старалась бы, по-крайней-мѣрѣ, набросить покровъ на тягостное прошедшее.

— Если бы ты зналъ жизнь мою, начала она съ затаспнымъ волненіемъ, ты былъ бы снисходительнѣе къ бѣдной дѣвушкѣ, которая, съ шести-лѣтняго возраста, должна была зарабатывать себѣ кусокъ хлѣба, распѣвая романсы на большихъ дорогахъ. Я не была воспитана благодѣтельною волшебницею, какъ танцовщица, не выросла на колѣняхъ матери, плачущей объ моемъ ребяческомъ горѣ. Подобно птичкѣ, я должна была покинуть гнѣздо, едва оперившись, чтобъ доставить себѣ пропитаніе въ Божьемъ мірѣ. О! какъ я страдала, и сколько разъ плакала въ то время, какъ на блѣдныхъ губахъ моихъ мелькала обманчивая улыбка! Вѣдь надобно же было притворяться и показывать радость и безпечность, которыхъ не было въ душѣ моей, чтобы привлечь вниманіе свѣта. Онъ принимаетъ участіе только въ тѣхъ, которые кажутся счастливыми. Такимъ-то образомъ, сквозь тысячи превратностей, я достигла Венеціи, гдѣ нашла въ Джустиніани великодушнаго покровителя. Не хочу выставлать себя лучше другихъ, прибавила она болѣе твердымъ голосомъ, не хочу выдавать себя въ глазахъ твоихъ за безпорочную жертву судьбы. Если я пала, то это потому, что жестокіе покровители брали съ моей невинности пошлину, которую я не могла заплатить имъ иначе. Увы! я слишкомъ дорого заплатила за этѣ невольныя погрѣшности: сердце мое никогда не знало любви.

Леонардо былъ тронутъ простою исповѣдью Вицентины. За немногими исключеніями, рассказъ ея можетъ назваться повѣстью бѣднѣйшей части бѣдныхъ театральныхъ царичъ, которыхъ холодные моралисты судятъ съ такою строгостію. Онъ не имѣлъ никакой опытности въ жизни, не понималъ жестокихъ крайностей, до которыхъ она доводитъ, и обидныя слова, имъ сказанныя, были внушены ему еще болѣе желаніемъ показаться выше новаго положенія, въ которое онъ былъ поставленъ, нежели намѣреніемъ оскорбить прелестную *примадонну*.

— *Idolo mio*, сказалъ онъ, вставая изъ-за стола и привлекая Вичентину къ окну, разсѣй печаль, помрачающую твои прекрасныя очи, и прости меня за вздорныя предположенія, которыя у меня вырвались. Я не желалъ бы заплатить неблагодарностію за счастье, которое ты мнѣ даришь сегодня. Чтò сказать тебѣ! продолжалъ онъ, обнимая ее и небрежно облакачиваясь на косякъ выдавагоса окна, увѣнчаннаго зеленью. Я еще слишкомъ молодъ, чтобы взвѣшивать дѣйствіе словъ монхъ; а твои поцѣлуи хотъ кому вскружать голову!

Едва онъ произнесъ эти слова, какъ изъ сосѣдняго кабинета выглянула маска и быстро удалилась, съ минуту посморѣвъ на нихъ. Они были слишкомъ заняты, чтобы замѣтить это видѣніе, которое, безъ сомнѣнія, сдѣлало бы ихъ осторожнѣе.

Наклонившись надъ окномъ и устремивъ страстный взоръ на своего юнаго собесѣдника, Вичентина сказала ласкающимъ голосомъ:

— О! какимъ бы раемъ была для меня жизнь, если бы я могла проводить ее съ тобою! ты былъ бы моимъ повелителемъ и совѣтникомъ, и мы шли бы объ-руку въ жизни; я пѣла бы творенія твоего генія, и, быть можетъ, въ моей нѣжности къ тебѣ ты почерпнулъ бы вдохновенія, которыя прославили бы твое имя. Каждый день я получаю великолѣпныя предложенія изъ Лондона, Мадрита, С.-Петербурга и главнѣйшихъ городовъ Италіи, ничто не помѣшаетъ мнѣ принять ихъ, если бы ты согласился слѣдовать за мною и раздѣлять мою участь. Другъ мой, прибавила она послѣ минутнаго молчанія, ну, что же ты скажешь о моемъ планѣ? Не находишь ли, что перспектива расширить твой умъ зрѣющимъ безпрестанно новыхъ лицъ и странъ,—достаточное вознагражденіе за горестъ разстаться съ Венеціею, куда мы могли бы воротиться богатыми и независимыми?

— Чтобы сдѣлаться дѣйствительностію твоей прекрасной мечты, не достааетъ только одного, отвѣчалъ Лоренцо, цѣлуя Вичентину, — генія, которымъ ты надѣляешь меня съ такою щедростію. Пока мѣсть, я только ученикъ, и если рѣшено будетъ, что я долженъ посвятить себя трудному поприщу композитора, то мнѣ предстоитъ еще выучиться многому, чего я не знаю.

— Развѣ учиться можно только въ Венеціи, и неужели только одинъ аббатъ Цамарія, въ цѣломъ свѣтѣ, можетъ передать тебѣ этотъ тошный *contrapunto*, которымъ вы мнѣ всѣ уши прожужжали. Неужели необходимо провести свою молодость, чертя *бекеры*

и бемоли, чтобы уметь написать одинъ изъ тѣхъ *дуэтовъ*, которые приводятъ въ восторгъ публику и рѣшаютъ славу *maestro*? Развѣ такъ начинали Чимароза, Паэзелло и великіе композиторы Италіи? Вѣрь мнѣ, Лоренцо, брось всѣ этѣ толстыя книги, которыя я безпрестанно вижу въ рукахъ твоихъ, и которыя также должны быть бесполезны вдохновенію композитора, какъ бесполезны новѣйшимъ пѣвицамъ ученые и непонятныя разсужденія Паккьяротти. Пусть онъ говоритъ себѣ, сколько хочетъ; но я и не подумаю терять время и труды, слушая его безконечныя диссертаціи объ отънкахъ впечатлѣній, которыя могутъ оцѣнить развѣ только одни ангелы. Я, я пою сердцемъ, и не считаю за грѣхъ бросить *un occhiata* (взглядъ), или позволить себѣ флюритуру, нравящіяся публикѣ, которую мнѣ нужно очаровать. Паккьяротти и Цамарія стары, а мы молоды; имъ — заботы и опыты; намъ — прихоти, печальность и надежда нашихъ лѣтъ. О, согласись на мою просьбу, поѣдемъ вмѣстѣ, милый Лоренцо; насладимся счастіемъ, прежде нежели вкусимъ мудрость, и, со временемъ, намъ можно будетъ, имѣть съ Ламберти, позтомъ любви и легкихъ радостей:

Dov'è quei di beati
 Che una merendin bastava
 Che ambrosia el diventava
 Solo da te tocà?
 Ne ranghi, ne tesori
 Te dava allora el cielo
 Ma el fresco, el bon, el bello
 E un cuor inzucherà. (*)

Прошентавъ эти хорошенькіе стишки, которые вылились съ ея прелестныхъ губокъ, какъ капли меда изъ сотовъ, Вицентина приложила свои уста къ устамъ Лоренцо. Въ этотъ краткій мигъ увлеченія, въ окнѣ сосѣдняго кабинета опять показалась прежняя маска, какъ будто бы ее встревожило молчаніе, послѣдовавшее за приведеннымъ разговоромъ. Она посмотрѣла на молодыхъ людей и исчезла.

День клонился къ вечеру и потухающее солнце возвѣстало Вицентинѣ, что слишкомъ поздно возвращаться къ обѣду въ Венецію.

(*) Гдѣ тѣ счастливыя дни, когда намъ достаточно было простаго подника, который, раздѣленный съ тобою, дѣлался амброзією? Ты не обладала тогда ни почестями, ни богатствомъ, но юностью, красотою и любящимъ сердцемъ.

— Окончимъ этотъ день, созданный любовью, сказала она своему другу, легкимъ объѣдомъ, который позволить намъ дожидаться благопріятныхъ тѣней вечера. Омочимъ еще разъ уста наши въ этомъ благородномъ винѣ! Ему я обязана первою минутою счастья, которую вкусила въ жизни. Ты, который все знаешь, продолжала она, положивъ руки свои на плеча Лоренцо, скажи мнѣ: это чудное вино не есть ли напитокъ, посвященный Венерѣ? Не знаю, гдѣ я читала, что островъ Кипръ принадлежалъ нѣкогда бѣлокурой дочери Юпитера, и что она уступила его Венеціанцамъ, съ условіемъ быть вѣчно вѣрными ея очаровательному поклоненію; вотъ почему нѣтъ ни одного живописца въ Венеціи, который не воспроизвелъ бы нѣсколько разъ на полотнѣ лучезарный образъ матери наслажденій.

Подали сытный и прихотливый обѣдъ, и ждали среди веселыхъ разговоровъ и заманчивыхъ *brindisi* (тостовъ), чтобы часы дня совершенно исчезли за горизонтомъ, который облегался мало-помалу отбѣнками болѣе мягкими.

Приближалась ночь съ вереницею золотыхъ звѣздъ, которыя блистали на небесномъ сводѣ, какъ-будто для того, чтобы освѣщать ея таинственное листвіе; легкій вѣтерокъ рябилъ морскую зыбь и подгонялъ изъ Венеціи цѣлый рой гондоль, которыя мчались по морю, обремененныя *gentil-donnaми* и кавалерами, спѣшившими подышать вечернею прохлагою. Разнородные звуки, смѣхъ, восклицанія, веселыя пріѣтствія, которыми мѣнялись между собою гондольщики, звонъ колоколовъ въ Мурано и на соседнихъ островахъ, посылавшихъ печальное *prosti* дневному свѣтлу, все располагало душу къ сладостной задумчивости. Облокотившись на окно кабинета, Лоренцо и Вичентина молча любовались этимъ зрѣлищемъ, давая уму своему полную волю уноситься въ безконечныхъ мечтаніяхъ. Между тѣмъ, тѣни росли и накрывали море мглою менѣе прозрачною; шумъ умолкалъ и тишина ночи заступала мѣсто дневной дѣятельности. Въ продолженіе краткаго промежутка совершенной темноты, раздѣляющей вечеръ отъ свѣтлой ночи, среди раздумья, предшествующаго пробужденію къ новымъ удовольствіямъ, мѣсяцъ осторожно выглянулъ на краю горизонта, расширяя мало-по-малу свой серебряный кругъ, подобно кокетливой богинѣ, желавшей удостовѣриться, не подсматриваетъ ли какое ревнивое свѣтло за ея причудливымъ бѣгомъ. Тогда изъ средины моря, являвшаго взору прозрачность и очерки спокойнаго озера, раздался со всѣхъ сторонъ концертъ голосовъ и инструментовъ: она смѣ-

шивались, перекрещивались и разсыпались въ пространствѣ среди общей тишины, звучными вздохами невыразимой прелести.

Въ этомъ гармоническомъ ропотѣ, который походилъ на отдаленное эхо волшебнаго праздника, сначала можно было различить только нѣсколько слоговъ, произнесенныхъ съ большимъ противъ другихъ удареніемъ. Не музы ли, возсѣдая кружкомъ, въ небесномъ сводѣ, производили гармонію сферъ, которая восхитила Пифагора и божественнаго Платона, или Неренды покинули свои глубокія пещеры и всплыли поиграть на поверхности волнъ? Нѣтъ, то была Венеція; вся Венеція плыла по лагунамъ, воспѣвая счастье жить и дышать. Прислушиваясь внимательно къ этому таинственному жужжанію, вы скорѣ различили бы въ немъ рѣзны и веселые звуки, убаюкивающіе воображеніе и раскрывающіе ему перспективы не столь величественныя, сколько прелестныя. Скрипки, гитары и мандолины, перемѣшавшыя съ духовыми инструментами, играли симфоніи, голоса перекликались, перебрасывались съ одной гондолы на другую, простыми словами, которыя даютъ подразумевать гораздо больше, нежели выражаютъ: *Vieni, Nice, la fresca aura a respirar!* Приди, Ниса, подышать чистымъ воздухомъ! И эти звучныя слова благословеннаго языка вылетали изъ устъ, какъ эссенція поэзіи, проникавшая въ существо сладостною нѣгою.

Что же такое музыка и что она выражаетъ? Желаніе ли это или предчувствіе; воспоминаніе блаженства, уже испытаннаго, или созерцаніе будущаго, обѣщаннаго нашимъ надеждамъ? Мы существа преходящія, почему же преходящее не удовлетворяетъ насъ, и отъ чего, среди пресыщенія и удовольствій, два, три, небрежно-взятыхъ аккорда, слышанныхъ вдалекѣ, заставляютъ насъ содрогаться и наполняютъ душу безотчетнымъ смутеніемъ? Слушая этотъ концертъ веселой жизни, эти звуки, это пѣніе и легкія мелодіи, какъ-будто скользящія по волнамъ и сливающіяся съ лучами мѣсяца, котораго таинственному трепетанію они подражали, Лоренцо блуждалъ мыслию между рядами звѣздъ, населяющихъ небесную глубину; имъ овладѣла смутная меланхолія, наполнившая его сердце восхитительными мечтами. О! сладко мечтать такимъ образомъ, на зарѣ жизни, и дать убаюкивать себя безумнымъ надеждамъ! Счастливы тѣ существа, которыя вечеромъ любятъ запаздывать на опушкѣ лѣса, или на уединенной полянѣ, прислушиваться къ шелесту вѣтра, слѣдить за мимолетнымъ облакомъ, вопрошать блестящую звѣзду, теряться въ безконечности своихъ желаній и питаться безконечными химерами! Золо-

тыя мечты юности превращаются въ источники поэзіи, изъ которыхъ почерпаетъ свою пищу вдохновеніе людей гениальныхъ: гений — не есть ли это нескончаемая мечта; а свѣтъ — не осуществленіе ли божественной мечты? Вдругъ, пріятный и звучный голосъ, который мало-по-малу разносился и возвышался какъ вздохъ надъ этимъ веселымъ жужжаніемъ, приковалъ вниманіе Лоренцо и разсѣялъ фантазіи его воображенія. Сначала онъ безотчетно прислушивался къ этому голосу, котораго звукъ не былъ ему совершенно незнакомъ, но при одной протяжной и полной трепета нотѣ, которая раздалась на морѣ и пронеслась сквозь тишину, какъ мимолетный блескъ, онъ содрогнулся отъ этой жалобы одинокой души, говорившей ночи: «О ночь, помедли; не улетай; дай мнѣ унитесья мои мечты! Пусть я не вижу, пусть никогда не увижу того, что, быть можетъ, скрывается подъ твоею мглою, и, если можно, унеси съ собою мои печальныя предчувствія.» При этомъ протяжномъ и жалобномъ пѣніи, представлявшемъ разительную противоположность съ тѣмъ, что предшествовало, Лоренцо, какъ будто пробудившись отъ долгаго сна, вдругъ сказалъ Вичентинъ:

— Пойдемъ отсюда; здѣсь нехорошо.

— Это правда, другъ мой, отвѣчала она, пойдемъ, присоединимся къ этимъ веселымъ гондоламъ, которыя рѣзвятся тамъ, при лунномъ свѣтѣ.

Не знаю, который изъ философовъ Александрійской школы, Платонъ, кажется, сравнилъ жизнь человѣческую съ концертомъ множества голосовъ. Среди смѣшанныхъ звуковъ, которые со всѣхъ сторонъ ее обступаютъ, душа не слышитъ болѣе божественнаго голоса, раздающагося въ глубинѣ существа ея. Должно противиться прелести, насъ увлекающей, и иногда затыкать уши отъ звуковъ внѣшняго свѣта, чтобы слышать пѣніе, *che nell'anima risuona*. Это-то пѣніе души услышалъ Лоренцо среди упоенія, въ которое былъ погруженъ съ самаго утра.

Сойдя въ гондолу, которая ждала ихъ у маленькой лѣстницы, Лоренцо и Вичентина медленно поплыли къ Венеціи. Погода была восхитательная, — мѣсяцъ ясель, и по уснувшимъ волнамъ, тамъ-и-сямъ, скользили безчисленныя барки; онъ сближались, отдалялись одна отъ другой и рѣзвились какъ ласточки, которыя, задѣвая пѣну крыльями, преслѣдуютъ другъ друга съ веселымъ щебетаніемъ. Тамъ раздавался громкій хохотъ и нескончаемые: *addio* и *felice notte!* Гондолашки поддразнивали одинъ другаго, называли другъ

друга именами своихъ господъ и перекидывались остротами, дышавшими безвѣчною и добродушною веселостію этого любезнаго народа.

— *Guarda sta furbetta*, сказалъ Джуліо, одинъ изъ гондольщиковъ Вицентины, — взгляни на эту плутовку луну, какія она намъ дѣлаетъ глазки, — *come ci fa l'occhietto!* Смотри, не слишкомъ ей довѣрайся, *compare* (кумъ): она почти такъ же коварна, какъ море, *che il mare infido*.

— Да! да! только вѣдь тебя, Джуліо Фьерамоска, не надуешь, возразилъ со смѣхомъ первый.

— *Taci bricone*, молчи, плутъ, отвѣчалъ Антоніо тихимъ голосомъ, ты разбудишь нашихъ молодыхъ людей; они, кажется, заснули, какъ птички въ гнѣздышкѣ.

— *Che bella vita!* отвѣчалъ первый, еще болѣе понижая голосъ; какъ они счастливы, *per bacco!* что могутъ безъ очковъ читать въ книгѣ любви!

— А тебя, *birbante* (мошенникъ), возразилъ Антоніо, наклонясь на весло съ таинственнымъ видомъ, чтобы смотрѣть въ прекрасные глаза блондинки, за которой ты сегодня ухаживалъ, развѣ нужна зрительная трубка, словно кораблю, который плыветъ въ страну явири и корицы!

Эти невинныя выходки народа импровизаторовъ, разыгрывающаго въ натурѣ ту *comedia dell'arte*, которую Италіяны разнесли по всей Европѣ, и которой нашъ старинный ярмарочный театръ былъ только блѣднымъ подражаніемъ, не мѣшали разговорамъ и монологамъ, болѣе возвышеннымъ. — *Che vita beata!* блаженная жизнь! говорили далѣе: какъ счастлива Венеція своимъ безоблачнымъ небомъ! *Здѣсь рай*, и намъ не нужно искать его въ другомъ мѣстѣ. Самъ Богъ могъ ли создать что-либо прекраснѣе нашихъ лагунъ! — Къ этимъ безсвязнымъ рѣчамъ, которыя падали изъ устъ, какъ изъ переполненной чаши, примѣшивались вздохи, признанія, объясненія, зангряванія, и *rimproveri* (упреки), столь же легкія, какъ и воздухъ, задѣвавшій гондолы своимъ свѣжимъ дыханіемъ. Одинъ только Паззіелло въ введеніи къ *Королю Теодору* умѣлъ передать *il dolce mormorio* и гармоническую прозрачность тѣхъ сладострастныхъ венеціанскихъ ночей, о которыхъ Сацсовино уже въ XVI-мъ вѣкѣ говоритъ:

Музыка имѣла свой престолъ въ этомъ городѣ.

La musica aveva la sua propria sede in questa città.

Баркаролли и *arie di batello*, составлявшія народную музыку Венеціи, раздѣлялись на два разряда, совершенно различныя. Однѣ были широкія и плавныя мелодіи грустнаго характера и, по-крайней-мѣрѣ, столько же древнія, какъ республика. Онѣ были написаны во всѣхъ минерныхъ тонахъ и считались отрывками греческой музыки, пощажеными временемъ. Марчелло почерпнулъ въ нихъ вдохновеніе для множества изъ своихъ псалмовъ, а Россини подражалъ ихъ характеру въ удивительной *canzone*, которую поетъ гондольщикъ въ III-мъ актѣ Отелло. Другія, — болѣе веселыя, живыя, съ мѣрою болѣе правильною и гораздо новѣйшія, были твореніемъ инстинкта, или какихъ-нибудь пріятныхъ композиторовъ, изучавшихъ этотъ легкій родъ. Таковы Дж. Кросъ, прозванный *il Chiozzetto*, Бассани, Бонаджунта, пѣвчіе Герцогской Капеллы, Анжело Колонна и цырюльникъ Аполлони, который также ловко владѣлъ скрипкою, какъ бритвою. Онъ былъ въ началѣ XVIII-го столѣтія въ удивительной модѣ, которую почти возобновилъ въ наше время г. Перуккини, послѣдній изъ Венеціанцевъ. Эти два рода мелодій соответствовали двумъ элементамъ, составлявшимъ венеціанское общество. Однѣ отражали благородный и серьезный характеръ аристократіи; другія — веселость и безпечность народа, который жилъ мечтами, шербетомъ и концертами. Повитая звучнымъ облакомъ, которое носилось надъ этими веселыми гондолами, гондола Вицентины приближалась къ Венеціи, а Лоренцо не смѣлъ произнести ни одного слова. Молчаливый, печальный и недовольный собою, онъ старался удержать въ своей памяти звукъ того одинокаго голоса, который раздался въ самой глубинѣ его сердца. Вотъ заблестали въ отдаленіи огни большого канала, и ронотъ и содроганія города внятнѣе достигали его слуха, какъ вдругъ, при поворотѣ въ узкій каналъ, Лоренцо показалось, что онъ узналъ Беату въ гондолѣ, которая промчалась и исчезла какъ лучъ идеала.

..... Ave
 Maria cantando; e cantando vario
 Come per acqua supra cosa grave (*).

И воспѣвая *ave Maria*, исчезла,

Какъ погружается въ воду тяжелый предметъ.

II. СКУДО.

(*) Данте Paradiso III. 40.

МОСКВИТЯНИНЪ.

1855.

№ 6.

МАРТЪ.

Кн. 2.

— * * * —

Прошедшій годъ, на самомъ этомъ мѣстѣ,
Звучала мнѣ все та-жь простая пѣсня,
Которую теперь работникъ на зарѣ
Поеть одинъ, протяжно и уныло;
Все тѣ-жь слова, все тотъ-же голосъ грустный,
Такіе-же, какъ годъ назадъ, цвѣты
Покрыли кустъ развѣсистой сирени.
И, будто, той-же зеленью сверкаютъ
Кудрявыя и гибкія березы;
Какъ будто съ нихъ листья не опадали,
И вѣтеръ ихъ, поблекшихъ, не крутилъ,
И, будто, тѣ цвѣты не увядали....
Сильна борьба у жизни съ разрушеньемъ!
Не мало силъ и ты, душа, имѣешь, —
Ужели ты, подъ бременемъ утратъ,
Безсмертная, падешь въ изнеможенъи,
Безвременно сгубя святыя силы?
Не можетъ быть! И сколько въ этотъ годъ
Живыхъ надеждъ увяло у тебя,
А, вотъ, опять, съ улыбкой благодарной,
Я нахожу въ природѣ счастья чары,
Высокій смыслъ въ печальной этой жизни:
Покой въ душѣ и Бога въ небесахъ....

* * *

Небо голубое,
 Неподвижность водъ,
 Золотыя звѣзды
 И деревьевъ сводъ!
 Тихо и безмолвно
 Я на васъ гляжу,
 Прошлаго и тѣни
 Я не нахожу.
 А, бывало, сколько
 Вы вздымали думъ,
 Иль будили сердце,
 Усыпая умъ....
 Было ли то счастье,
 Иль обманъ души —
 Только тѣ мгновенья
 Чудно хороши.
 Небо голубое,
 Неподвижность водъ,
 Золотыя звѣзды,
 Темныхъ елей сводъ!
 Правда, для меня вы
 Вѣчно хороши,
 Но смѣшно взывать мнѣ
 Къ вамъ въ ночной тиши;
 Но смѣшно забыть мнѣ,
 Что вамъ дѣла нѣтъ
 До людскихъ страданій,
 До людскихъ суетъ.
 Шепчетъ ужъ рассудокъ
 Тонкій мнѣ укоръ;
 Но отъ васъ нѣтъ силы
 Отвратить мнѣ взоръ....

Ю. ЖАДОВСКАЯ.

ПРАЗДНИКЪ

или

ГОРЕ ОТЪ ПЛЯСКИ.

Что, Павлушка? Что, Прокофій?
 «Мои вѣрные слуги!»
 Нынче горекъ что-то кофій
 И нечисты сапоги!
 То-то! Праздникъ на деревнѣ;
 Тамъ у свата, у кумы,
 Безъ трактира, безъ харчевни,
 Обойдемся видно мы!
 Знать, ребята, вы кутяте?
 Вотъ и поваръ чуть живой....
 «Баринъ, нынче ужъ пустите:
 «Праздникъ!» — я махнулъ рукой!

Знаю: праздникъ! и весною
 Такъ и вѣетъ мнѣ въ окно;
 Балалайкой заливною
 Наши улицы давно
 На зарѣ еще звѣяли,
 Пѣсни громко раздались,
 Дѣти, дѣвки подъ качели
 И ребята собрались.
 Эхъ! туда бы я пустился
 Въ этотъ пестрый хороводъ!
 Вишь какъ парень расходился:
 Шапку на-бокъ, грудь впередъ,
 Трепакъ ударить хочеть!
 Дѣвка рослая глядитъ
 И хохочеть и топочеть,
 И плечами шевелить.
 Такъ и дергаетъ мнѣ ногу!
 Знаеть наша сторона:
 Сопротивъ меня,
 Нѣтъ другаго плясуна!

Какъ-бы съ парнемъ я расчелся:
 И ныряя и скользя,
 По-цыгански бы прошелся —
 Да поди-ка — вотъ, нельзя!
 Все заботы, да затѣи.
 Вотъ сегодня на объѣдъ,
 Навязался мнѣ на шею
 Церемонный нашъ сосѣдъ;
 Надо съ нимъ, и вкось и прямо,
 Про журналы разсуждать,
 И съ его жеманной дамой
 Дребедень перебирать.
 Ну, а если онъ забудетъ?
 Если грязи, да пути
 Побойтся и не будетъ —
 Аль на улицу пойти?
 Да! добро свои крестьяне,
 А чужіе молодцы?
 Здѣсь на ярмаркѣ мещане
 И проѣзжіе кушцы.
 Ну, такъ ладно-жь! и безъ пары
 Я съ гитарой трихонѹ —
 Просто смерть бы безъ гитары
 Записному плясуну!
 Правда, вижу, братъ Прокофій,
 Что на праздникъ не лафа —
 Книга, трубка, чай и кофій
 И зеленая софа!

М. СТАХОВИЧЪ.

СПОДВИЖНИКАМЪ ЛУНЫ.

Клевѣтники народной славы,
Съ трубой подкупленной молвы,
Христовраждебныя державы,
Побѣдой хвастаетесь вы!

Но гдѣ жь? на Альпъ ль? — Въ первой встрѣчѣ
Вамъ Русскихъ горсть дала отпоръ!
Вы побѣдили... а далече
Бѣжали, кродея межъ горъ!...

Не бой ли въ долахъ Инкермана? —
Трепеща помнить Албионъ
Трехгранный штыкъ во мглахъ тумана,
Своихъ вожей предсмертный стонъ!...

Наѣздъ ли Балаклавы смѣлый? —
Но конь тамъ всадника не спасъ!
За строемъ строй низверженъ цѣлый,
Картечь не пощадила васъ!...

Гдѣ жь, гдѣ трофеи? Что свершили?
Что сокрушилъ вашъ грозный флотъ?
Вы Севастополь нашъ громили...
Но твердь, незыблемъ нашъ оплотъ!

Стоять... Всевышняго десницей
Подъ градомъ ядръ и бомбъ хранимъ!
Надъ нимъ, надъ каждою бойницей
Незримъ витаетъ Херувимъ.

И въ сердце крестоносной рати
Вливаетъ духъ богатыря,
Отвагу дивныхъ предпріятій
Во славу Русскаго Царя.

Бойцевъ тѣхъ имя неразлучно
 Съ безсмертьемъ здѣсь и въ небесахъ;
 Въ потомствѣ жизнь ихъ; въ пѣснѣ звучной
 У всей Россіи на устахъ!...

Пройдутъ вѣка... Къ морской твердынѣ
 Памѣтникъ свой направить путь:
 Воздать хвалу родной святынѣ,
 Въ молитвѣ храбрыхъ помянуть.

Онъ вспомнить тамъ и бой кровавый,
 И трехъ державъ напоръ окрестъ,
 Какъ блескъ луны померкъ безъ славы,
 Какъ возсіялъ побѣдный крестъ!

ОЗНОБРОЖЕНІЕ.

28 апрѣля. 1855.
 Москва.



КОМЕДІЯ ВЪ КОМЕДИИ.

КОМЕДИЯ

ВЪ ТРЕХЪ ДѢЙСТВІЯХЪ.

ДѢЙСТВУЮЩІЕ:

Степанъ Петровичъ Летуновъ, помѣщикъ, живущій въ городѣ.

Катерина Никитишна, его жена.

Софья Петровна Чевичъ, гувернантка, 17 лѣтъ.

Анна Тихоновна Прихватская, вдова, мелкопомѣстная сосѣдка
Летуновыхъ.

Надежда Егоровна Облайчикова.

Аркадій Андренчъ Ухарскій.

Евгеній,

Катенька,

Сережа,

Леночка,

Николай, 25 лѣтъ,

Дементій, 60 лѣтъ,

} дѣти Летуновыхъ.

} слуги въ домѣ Летуновыхъ.

Лица, являющіяся во 2-мъ дѣйствіи:

№ 1,

№ 2,

№ 3,

} молодыя дамы.

Старуха съ лорнетомъ.

Кавалеръ въ бѣлыхъ перчаткахъ.

Лакей.

Дѣйствіе происходитъ въ уѣздномъ городѣ Вертоуховѣ.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

(Большая комната, составляющая залъ и гостиную, разгороженная колоннами съ площадью. Направо выходъ въ лакейскую и въ кабинетъ Летунова; за нимъ, въ углу, круглая лѣстница наверхъ и дверь въ классную; налѣво въ стѣнѣ двѣ двери во внутреннія комнаты. Въ комнату разная мебель, стѣнные часы, зеркала и проч.).

ЯВЛЕНІЕ I.

НИКОЛАЙ *(входитъ съ сигарой во рту и съ тряпкой, обходитъ комнату, стираетъ пыль съ мебели и напыляетъ въ-полголоса).*

Ужъ какъ вѣтъ вѣтерокъ...

А вотъ еще одинъ! *(разсматриваетъ окурокъ сигары).* Гаванская! Ну-ка, эту... *(садится въ кресла и закуриваетъ).* Пуф... пуф... *(мычитъ).* Эхе-угу-пере-пар-хиваетъ... *(затягивается и перхаетъ).* Кхе! эко—зелье! А настоящая: должно быть отъ Юнкера. Эхъ, Кузнецкій Мостъ! жизнь облагороженная — особенно нашему брату, служащему... Вотъ оно гдѣ настоящее воспитаніе!... А тутъ это — все глушь сара-

товская; народъ, можно сказать, необразованный, дерзкій такой... и господа, какъ посмотришь, такъ себя, — ни то, не сѣ... а туда-же: эй, ча-ла-экь!... Иной, самъ по себѣ двухъ словъ связно не скажетъ, развѣ только какъ побранится съ кѣмъ или изъ книги что вычитаетъ... *(пауза)*. Вотъ Ухарскій, этотъ другой человекъ, и съ нашимъ братомъ и съ господами комельфо настоящій... а ужъ которой дамъ если начнетъ, этакъ, подпускать куры да амурь, такъ тутъ, глядишь, и угорьла! Зато и сигары дорогія покуриваетъ, и на рысакахъ раскатываетъ... Этотъ не задремлетъ! Вотъ, Подчервину пустил на-легкѣ, глядишь — и съ нашей та же исторія разыграется... Тогда, Степанъ Петровичъ, подправлай-ка соусы... души-то женины! *(развертываетъ книгу)*. Такая досада, семь лѣтъ выжилъ у французъ, разговоры ихніе всѣ узналъ, а читать не выучился. *(Перелистываетъ книгу)*.

ЯВЛЕНІЕ II.

Николай и Дементій *(проходитъ изъ внутреннихъ комнатъ съ подносомъ и чашками)*.

Дементій.

Эхъ, отеческій сынокъ! Все на летаркѣ, да книжечками потышася... То-то, вотъ, вы нонѣшніе...

Николай.

А что тамъ? Чего не хватаетъ? *(Осматриваетъ комнату)*. Чисто....

Дементій.

А вотъ что, Николушка, я тебѣ повѣдаю: страху-то въ людяхъ нынѣ не стало.... Господа Бога позабыли мы—грѣшныя.... срамоты-то всякой завелось не въ мѣру, — вотъ нынѣ что пошло: фалды коротенькіе стали носить... цыгарками свѣтъ Божій прокоптили; а на дѣло-то насъ не спрашивай: вотъ оно что, соколикъ....

Николай.

Ага! Вотъ какос дѣло!

Деметрій.

Да, такое-то дѣло: а вчерась еще приказала въ диванной гардины смѣнить, а теперь вотъ десять часовъ! того гляди надутъ посторонніе, либо сама выдѣтъ, — въ тѣ поры крику не оберешься.... (Уходитъ на льстницу, покачивая головой).

Я В Л Е Н І Е III.

Николай (одинъ).

Ну, вотъ, что молоть? а все оттого, что на тощакъ; да-ка сниметъ закуску со стола. да хлебнетъ изъ барскаго графинчика, тогда и слова не вымолвить: только что слезы текутъ... (Слышенъ шумъ экипажа подъ крыльцомъ). Эге, никакъ прикатить? (высматриваетъ въ переднюю дверь). Такъ и есть, онъ, на Бычкѣ.... (Идетъ къ двери и встрѣчается съ Ухарскимъ).

Я В Л Е Н І Е IV.

Ухарскій и Николай (плыветъ назадъ, раскланиваясь по-добострастно).

Ухарскій.

(Бьетъ Николая шапкой по головѣ и молча проходитъ къ зеркалу; въ одной рукѣ у него почтовые пакеты).

Николай (идетъ вслѣдъ за Ухарскимъ, заложивъ руки назадъ).

Только-то, сударь; а я думалъ, что вы мнѣ сигарочку пожертвуете. На чемъ изволили прѣхать? На Бычкѣ?

Ухарскій (кладетъ пакеты и шапку на столъ и охорашивается передъ зеркаломъ).

Нѣтъ, на Горностаѣ. Бычекъ захромалъ. Ваши спятъ?

Николай.

Баринъ въ поварской, а Катерина Никитишна, кажется, еще изволятъ почивать. Прикажете доложить?

Ухарскій (*разчесывая усы*).

Нѣтъ, не ходи. Я сейчасъ ѣду. (*Поднимается на цыпочки и заглядываетъ себѣ на спину*). Что, сзади не морщить?

Николай.

Ни капельки. Сидить, точно влить. Это обновка-съ?

Ухарскій (*встряхивая борта*).

А хорошо сидить?

Николай.

Манифи-комельфо-съ. Фасонъ отъѣвннй. Должно быть, по послѣднему журналу сработанъ. Я думаю, и названіе особенное?

Ухарскій.

Да. Это называется—петанлеръ; его надѣвають только для утреннихъ визитовъ. А нынче, къ пальто, знаешь какія пуговицы ставятъ?

Николай.

Помилуйте, гдѣ намъ тутъ узнать что-нибудь. Сами изволите знать-съ... Молдавія! Какой тутъ народъ...

Ухарскій.

Деревянныя.

Николай.

Шутить изволите-съ....

Ухарскій.

Право; вотъ увидишь. Я въ немъ прѣйду. Ну, а?... (*показываетъ бровями на лѣстницу*). Встала?

Николай.

Не знаю-съ. Дѣтямъ чай подали.

Ухарскій.

Какъ бы узнать?

Николай.

Эхъ, сударь, для васъ отчего бы, радъ душой, да не годится....

УХАРСКИЙ.

А что?

НИКОЛАЙ.

Да такъ. Оно, ничево-сь, конечно: да вы изволите знать, каковъ народецъ у насъ, безхарактерный; а барынь только лишь стдить намекнуть, тотчасъ сцену сдѣласть. Вамъ извѣстно....

УХАРСКИЙ.

Ты правъ, Платонъ.... (*вытягивается и гладитъ себя по спинѣ*). Ну, что, какъ ты замѣчаешь? талио теперь дѣлають ниже?

НИКОЛАЙ.

Нѣтъ, не скажу. А какъ неподобно-сь. На то ужъ Кузнецкій Мостъ: новостями, можно сказать, дышетъ-сь. Вотъ, и по нашей — парикмахерской части, бывало, что ни мѣсяць, то новая прическа.

УХАРСКИЙ (*поглаживая воротнички*).

А воротнички какъ тебѣ нравятся?

НИКОЛАЙ.

Превосходные-сь.

УХАРСКИЙ.

Это — а l'enfant. Это самые нынѣшніе.

НИКОЛАЙ.

Понимаю. Лявфансъ значить — дѣтскіе.

УХАРСКИЙ.

Да. (*Заглядываетъ въ дверь*). Пикакъ онъ ухалъ прозѣжать? Дуракъ! Не вели.... Вороти его. Я сейчасъ ѣду.

НИКОЛАЙ.

Слушаю-сь. (*Уходитъ*).

Я В Л Е Н І Е V.

УХАРСКИЙ (*одишь*).

Этакой неудачи я за собой не помню! Пятый мѣсяць хлопочу, а успѣха нѣтъ, какъ нѣтъ. Вотъ несчастіе!

Бывало, мѣсяць, много если два, походишь поприлежнѣе, такъ тутъ и вздоховъ, и слезъ, и истерикъ разныхъ не оберешься... А тутъ три срока прошло — и не плачетъ и не страдаетъ! А еще воспитанная!.. Между тѣмъ, я чувствую, что по ея милости началъ дѣлать глупости; я сбился съ такта.... Вотъ, напримѣръ, зачѣмъ я прискакалъ сюда ни свѣтъ, ни заря? чтобъ передать ей полученное съ почты письмо. Первая глупость! (*ходитъ въ раздумь*). Однако, надо же какъ-нибудь добиться цели! И такъ, помножимъ глупость глупостью, авось выйдетъ что-нибудь путное. (*Рыщительно*) Слова на нее не дѣйствуютъ, начнемъ-ка переписку. (*Отрываетъ изъ портфеля лоскутокъ, пишетъ и говоритъ*): «Николашка передастъ вамъ письмо, которое вы такъ нетерпеливо желали получить; радуюсь, что это доставитъ вамъ отраду.» Прекрасно. Больше ничего не надо. Еще шпукъ пять подобныхъ, при посылкѣ нотъ, книгъ, узоровъ, потомъ пустимъ въ ходъ страстныя выраженія... Женщины любопытны! (*кладетъ бумажку въ загибъ почтового пакета*). Чудесно; трудно замѣтить. (*Возвращается къ зеркалу*). Досадно. Такъ и думалъ, что ее встрѣчу, — ну, да все равно.... Однакожь, цвѣтъ мнѣ все-таки не нравится; надо бы ярче немного.

Я В Л Е Н І Е VI.

Ухарскій и Николай (*входитъ*).

Николай.

Лошадь отличная-съ....

Ухарскій.

А что?

Николай.

Летить; просто, летить-съ.

Ухарскій.

А медвѣжьё полость видѣль?

Николай.

Какже. Видѣль-съ. Бѣдовая....

УХАРСКИЙ (*смотритъ въ раздумь въ зеркало*).

Дунемъ въ Москву; а тамъ, пожалуй, за границу.

НИКОЛАЙ.

Что такъ вдругъ собрались? Дамы бсзъ васъ соскучатся.

УХАРСКИЙ.

Скучно, братецъ; надо же что-нибудь дѣлать. Этъ увядающія красоты мнѣ страшно надоѣли.

НИКОЛАЙ.

Помилуйте, сударь, вамъ ли тутъ не жизнь? Рай-сь, умирать не надо....

УХАРСКИЙ.

Скука, братецъ. (*Поднимаетъ руку и смотритъ на отливъ сукна*). А цвѣтъ темень.... Какъ ты думаешь?

НИКОЛАЙ.

Самый превосходный. Яхонтовый-сь. Лучше цвѣтовъ не бываетъ.

УХАРСКИЙ.

Мнѣ бы хотѣлось.... Да! Отдай же эти пакеты вашимъ. А вотъ.... (*вынимаетъ письмо изъ кармана*) это ей. Понимаешь? Отдай самъ; да объясни при этомъ, кто привезъ: чуть свѣтъ, скажи, нарочно прискакалъ. Понимаешь, этакъ....

НИКОЛАЙ.

Понимаю-сь. Будьте покойны. Скажемъ ...

УХАРСКИЙ.

Кланяйся. Я, можетъ быть, у васъ обѣдаю. (*Уходитъ*).

НИКОЛАЙ.

Слушаю-сь.

Я В Д Е Н І Е VII

НИКОЛАЙ (*провожая глазами Ухарокаго*).

Вотъ онъ? (*подумавъ*) ою-ю! Катерина Никитишна! должно быть, и вамъ отставка послѣдуетъ.... Однако, пойдти переменить сторы, а то, пожалуй, раскричится. — (*Уходитъ въ перую дверь налево*).

ЯВЛЕНІЕ VIII.

Софья Петровна *(сходитъ съ лѣстницы)*.

Вотъ, и десятое число наконецъ; нынче ровно полгода, какъ я здѣсь живу. Какъ незаметно проходитъ время! а прежде мнѣ казалось, что оно не подвигается ни на мигъ впередъ.... *(Увидѣвъ пакеты)*. Ахъ, почту принесли! *(Бѣжитъ къ столу)*. Боже мой, неужели мнѣ нѣтъ письма? Вотъ уже пятнадцатый день, какъ я отправила къ нему деньги: пора бы.... *(Пересматриваетъ пакеты)*. Нѣтъ, нѣтъ и нѣтъ! *(Грустно)* Бѣдный папа! Что съ нимъ? Вѣрно лежитъ въ постель.... *(отходитъ въ раздумьѣ отъ стола)*. Прежде онъ былъ такъ аккуратень.... Ахъ, какъ бы дорого я заплатила за одинъ часъ свиданія съ нимъ; тѣмъ болѣе, что у насъ съ нимъ такъ много общаго горя и общихъ радостей. Братъ пишетъ, что онъ выпущенъ изъ корпуса, и за отличіе назначенъ въ гвардію.... *(Стоитъ въ задумчивости)*.

ЯВЛЕНІЕ IX.

Софья Петровна и Анна Тихоновна *(входитъ изъ передней и кланяется нѣсколько разъ; Софья Петровна ее не замечаетъ)*.

Анна Тихоновна *(въ сторону)*.

Вишь, какая принцесса, хоть бы головой шатнула! Дума напала.... должно быть есть о чемъ? Раненько, мать моя! *(Вслухъ)*. Здравствуйте, моя безцѣнная Софья Петровна.

Софья Петровна.

Ахъ, Анна Тихоновна! Извините, я васъ не замѣтила. *(Цѣлуются)*. Вы были, кажется, въ деревнѣ?

Анна Тихоновна.

Да; матушка, ѣздилъ свою клѣтушку поглядѣть, да добрыхъ людей спровѣдала. *(Всматривается подозрительно въ лице Софьи Петровны)*. Што-йто вы, моя красавица, такія, какъ будто не въ себѣ.... А ваши какъ поживаютъ? Дѣтки,

мой милья, чай, все умнѣютъ да хорошбѣютъ... Катерина Никитишна, моя дорогая, должно быть, не выходила еще?

Софья Петровна.

Не знаю. Дѣти тамъ наверху, твердятъ уроки.

Анна Тихоновна.

А позвольте ихъ поцѣловать по разику? Я имъ не по-мѣшаю?

Софья Петровна.

Нисколько.

Анна Тихоновна.

Покорно васъ благодарю. Такъ я побѣгу сначала къ дѣткамъ. (*Идетъ шага три и возвращается къ самому уху Софьи Петровны*). Я вамъ доложу, моя красавица; примите, какъ вамъ угодно, а скажу всю правду-истину.

Софья Петровна.

Что вамъ угодно?

Анна Тихоновна.

Ничего не угодно, кралечка моя. (*Съ чувствомъ*). Только примите отъ меня, ангель мой, вотъ что такое; по правдѣ, какъ есть передаю вамъ: всѣ въ одинъ голосъ твердятъ, вся округа, можно сказать, говорить въ одно слово: — вотъ у Летуновыхъ, говорятъ, при этой мамзели дѣтки, говорятъ, — тѣ же да не тѣ! Дай вамъ Богъ здоровья, моя кралечка; вчужь сердце радуется.... (*Западающимъ голосомъ*). Господь Богъ заплатитъ вамъ за нихъ: сироты были, какъ-есть сироты безъ васъ.... безпризорные; охъ, сами вы сироты, сами тоже заимствовались—учились, такъ вамъ это дѣло понятнѣе; мы люди темные—невоспитанные, гдѣ намъ все это досмыслить.... Господь съ вами; я на минутку. (*Уходитъ наверхъ*).

Я В Л Е Н І Е X.

Софья Петровна (*одна*).

Удивительно, отчего эта Анна Тихоновна мнѣ не нравится? Да и всѣ здѣшнія дамы внушаютъ къ себѣ мало довѣрія.... Кавалеры здѣшніе очень любезны и внимательны....

Дамы предпочитают всемъ Ухарскаго: удивляюсь!... это та-кой человекъ, у котораго нѣтъ ничего истиннаго и естественнаго — все какъ будто на фижмахъ.

ЯВЛЕНІЕ XI.

Софья Петровна и Николай (*выходитъ изъ внутреннихъ ком-натъ съ письмомъ въ руки; Анна Тихоновна, сходитъ съ лестницы, вслушивается въ разговоръ и прячется за колонну*).

Софья Петровна (*бѣжитъ къ Николаю*).

Ахъ, не ко мнѣ ли?

Николай.

Точно такъ-съ. Аркадій Андреичъ приказали кланяться — приказали вручить вамъ собственноручно-съ.

Софья Петровна (*разматривая надпись*).

Это отъ него... отъ него! Это его рука... Ахъ, какое счастье! (*цѣлуетъ пакетъ и прижимаетъ его къ груди*).

Анна Тихоновна (*за колонной, въ сторону*).

Охъ, отцы мои, што-йто, ужь и глазамъ не вѣрится, уши словно заткнуты тѣмъ! Какова дѣвка! а?

Николай.

Аркадій Андреичъ сами изволили привезти, рано утромъ-съ;

Софья Петровна (*скоро*).

Ахъ, какъ я ему благодарна. Благодарю тебя, мой другъ; ты меня этимъ очень обрадовалъ.

Николай (*съ достоинствомъ*).

Радъ служить во всякое время. (*Уноситъ пакеты*).

Анна Тихоновна (*въ сторону*).

Ишь-ты, ишь-ты! Ахъ, отцы мои! все нутро во мнѣ колышется.... што-йто, въ глаза теметь какая-то вступила.... (*Софья Петровна срываетъ печать; записка падаетъ на полъ*). Никакъ одно выпало!... Не глядеть?... (*Софья Петровна развертываетъ письмо и читаетъ молча*).

Анна Тихоновна (*крадется, подхватывает съ стола записку и прячетъ себя за мѣбъ*).

(*Въ слухъ*). Никакъ пришлось съ радостью поздравить васъ, моя кралячка?

Софья Петровна.

Ахъ, милая Анна Тихоновна, еслибъ вы знали, какъ я счастлива.

Анна Тихоновна.

Знаю, знаю, моя красавица! Ну, я не стану мѣшать; Господь съ вами... читайте на здоровье. (*Идетъ*).

Софья Петровна (*увлекаясь чтеніемъ, говоритъ отрывисто*).

Какое блаженство... Онъ здоровъ... Онъ такъ доволенъ настоящимъ... Эта несносная тяжба кончена... Имѣніе получено... Сержъ произведенъ... Лучшее желаніе его свершилось!...

Анна Тихоновна (*направляется ко 2-й двери нальво*).

(*Въ сторону*). Отцы мои, никакъ свѣту преставленіе идетъ.... я-то, я-то, дура неумытая! уши развѣсила: скромница, да степенница.... а вотъ изъ нея: что лѣзеть!... Ну, сударушка моя, Катерина Никитишна — отвориай ворота, выпущай сокола.... (*Уходитъ*):

ЯВЛЕНІЕ XII.

Софья Петровна (*одна*).

Какъ онъ доволенъ.... Ура, прапорщикъ! Ха, ха, ха!... А вотъ, строгое запрещеніе.... (*Читаетъ изъ письма*). «Прислала съ излишкомъ тысячу: что выжила, то и прислала — у себя ничего не оставила. Добро, дочка, впередъ этого не дѣлай! сама щеголяешь въ ватномъ салопѣ; а твое здоровье отцу нужнѣй твоихъ денегъ.... Теперь — ничто, пусть пойдутъ отъ тебя нашему прапорщику на красные отвороты, а впередъ присылать не смѣй: на себя трать; а пришлешь, отошло назадъ, поелику у меня и отъ пенсіи остаются....»

Ха, ха, ха! Вотъ какія у насъ вдругъ пошли строгости! Ахъ, папашечка, какой вы сердитый... *(Подумавъ)* Ну, я брату стану отсылать. На что мнѣ салопа! *(Бьютъ часы)* Пора... Теперь я, кажется, буду ихъ только цѣловать, а не учить. *(Бѣжитъ, подпрыгивая, къ классной двери и кричитъ наверхъ)*. Enfants! l'heure est venu pour étudier. Venez plus vite! *(Уходитъ)*.

Я В Л Е Н І Е XIII.

КАТЕРИНА НИКИТИШНА и Анна Тихоновна *(выходятъ изъ внутреннихъ комнатъ)*.

КАТЕРИНА НИКИТИШНА.

Признаюсь, я не думала, чтобъ эта мадамъ Облайчикова рѣшилась сказать что-нибудь дурное на мой счетъ: теперь, я буду ее понимать не иначе, какъ наравнѣ съ прочими. Благодарю васъ, милая, что вы меня предупредили.

Анна Тихоновна.

Не взъщитѣ, моя матушка; я, вѣдь, такъ-только по душѣ вамъ докладываю, любя васъ, можно сказать: знаю, что это между нами останется...

КАТЕРИНА НИКИТИШНА.

О, это вѣрно. *(Подумавъ)*. А на счетъ обещанной земли, я послала приказъ управляющему; вы можете ее получить.

Анна Тихоновна.

Ахъ, моя матушка! *(Ловитъ руку, потомъ цѣлуетъ въ плечо)*. Вѣкъ не забуду такого великаго благодѣянія... Сами согласитесь, дѣло сосѣдское: ваша ли скотинка, моя ли зайдетъ — одни только вздоры да неудовольствіе... *(Помолчавъ)*. Ужь, если ваша такая великая милость ко мнѣ, такъ дозвольтѣ, какъ говорили, луговину — вплоть до рѣчки; а я отъ вашего поля канавкой отроюсь...

КАТЕРИНА НИКИТИШНА.

Да, я такъ и приказала.

Анна Тихоновна.

Дай вамъ Богъ всякаго благополучія за всѣ ваши

милости и благодѣнія... вы только однѣ надѣяете меня сироту своими щедротами (*утираетъ глаза*), успокоили... заставили денно и ночно Бога молить... За то я вамъ... (*хочетъ вынуть записку*).

Катерина Никитишна (*съ стороны*).

Теперь она развяжетъ языкъ. (*Въ слухъ*). А когда Облайчиковы вернулись изъ Москвы?

Анна Тихоновна.

Вчера, матушка. (*Искренно*). Што-йто, матушка, какъ погляжу я на нее — какой форсъ взяла! слова не дастъ вымолвить: все—это — у насъ да у насъ, въ Москвѣ! Въ кои-то вѣки, думаю, пришлось тебѣ побывать! другіе и вѣкъ тамъ живутъ, да не хвалятся!

Катерина Никитишна (*важно*).

Конечно. Эта мелочь вѣчно топорщится. Удивляюсь, впрочемъ, какъ при ихъ состояніи — они могли такъ долго пробывать тамъ. У нихъ всего-то шестьдесятъ душъ, да и тѣ заложенные.

Анна Тихоновна.

Ужъ и житье, видно, такое было. Степанидка ихняя сказывала, что мужа въ яму-было запрятали, да она, вишь, подбилась къ какому-то вельможѣ... должно быть, укланялась, либо такъ подслужилась чѣмъ-нибудь: она, вѣдь, матушка, мастерица у насъ... Нарядовъ что навезла! при мнѣ нарочно стала выкладывать... (*перемѣняя позу и кривляясь*). «Я», говорить, этакъ съ улыбочкой, «хочу, говорить, вашего Ухарскаго прельщать!» А я—себѣ на умъ: шутишь, говорю, сударушка моя! онъ теперь и глазомъ не накинеть — даромъ-что около тебя Москвой пахнетъ; онъ, молъ, не въ такіе дома сталъ ѣздить! Вотъ какъ, говорю, матушка...

Катерина Никитишна (*съ возрастающимъ любопытствомъ*).

А развѣ она имѣетъ эту цѣль?

Анна Тихоновна.

А Господь вѣдастъ. Чужая душа — потемки, матушка. Прежде, бывало, мало-ли вѣшалась...

КАТЕРИНА НИКИТИШНА.

Неужели?

АННА ТИХОНОВНА.

И, матушка, что было срамоты, такъ и пересказать не знаю какъ... да вы знаете, что я не люблю встревать въ чужую заботу; только любя васъ, можно сказать, языкъ не вытерпѣлъ.

КАТЕРИНА НИКИТИШНА.

Скажите!... я не знала! Неужели она была съ нимъ въ такихъ короткихъ отношеніяхъ?

АННА ТИХОНОВНА.

Пожалуй... не боюсь грѣха — всякъ скажетъ; а то бы изъ-за чего ей теперь такъ распинаться: всѣхъ здѣшнихъ такъ вотъ и пушить... *(покачивая головой)*. И-и, матушка! не вамъ однимъ, и Степану Петровичу достается-таки на орѣхи.

КАТЕРИНА НИКИТИШНА.

Удивляюсь.... Положимъ, обо мнѣ; что жъ она объ немъ-то находить сказать дурнаго?

АННА ТИХОНОВНА.

Вотъ, говорить, насъ осуждаютъ, говорить, что мы ѣдимъ въ Москву, а Летуновъ, на мѣстѣ сидя, проѣлъ триста душъ, остался при полутора-ста—да еще и въ предводителѣ лѣзетъ.

КАТЕРИНА НИКИТИШНА.

Что жъ, кому какое дѣло... Нелезя же наше жить, этакъ, à la Облайчиновъ; притомъ же, вы сами знаете, одно воспитаніе дѣтей чего намъ стѣдить.

АННА ТИХОНОВНА.

Что и говорить, моя благодѣтельница; послушаешь—такъ вчужь сердце надрывается: по ней-то, и всѣ твердятъ; а я себя на умъ: у кого, молъ, всѣ вы пьете, ѣдите! у кого всякъ нарываетъ потуже брюхо начинить, какъ не у Степана Петровича! А ужъ на счетъ... *(Шепчетъ на ухо съ выразительными жестами)* такъ вотъ и рѣжетъ—тамъ и рѣжетъ!

КАТЕРИНА НИКИТИШНА.

Неужели?

АННА ТИХОНОВНА.

Передъ Богомъ, какъ есть, всю правду истину вамъ докладываю. (*Оглядывается и слова шепчетъ*). Подчеревину обобрамъ, говорить, и съ этой, говорить, то же будетъ! Вотъ она какова!

КАТЕРИНА НИКИТИШНА (*сердито*).

Какова? Да смѣетъ ли она такъ отзываться о другихъ!... Что тутъ удивительнаго, что къ намъ сталъ ѣздить Ухарскій? Развѣ она имѣетъ право выводить изъ этого какія-нибудь заключенія?

ЯВЛЕНІЕ XIV.

Тъ же и Николай.

Николай.

Надежда Егоровна Облайчикова.

КАТЕРИНА НИКИТИШНА (*Аннѣ Тихоновнѣ*).

А? Какова! Верно, пустилась съ визитами? (*Николаю*). Въ чемъ она прѣбхала?

Николай.

Въ каретъ-съ.

КАТЕРИНА НИКИТИШНА (*Аннѣ Тихоновнѣ*).

Каково? Шестъдесятъ душъ! Это ужасно! (*Николаю*). Проси.

Николай.

Слушаю-съ. (*Уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ XV.

Тъ же, безъ Николая.

КАТЕРИНА НИКИТИШНА (*суетливо*).

Ахъ, милая Анна Тихоновна! я не знаю, какъ же теперь... Она, вѣрно, такая разфранченная... а я!... Знаете что, душенька,—примите ее здѣсь, займите; а я пойду надѣну свой новый петербургскій пенюаръ, съ блондами... Пусть же знаетъ, что и мы тутъ не въ панёвахъ ходимъ.

Анна Тихоновна.

Извольте, матушка.

Катерина Никитишна *(скоро)*.

Вы, мой ангель, скажите, пожалуйста, что я еще не выходила... Я сейчас... *(Слышитъ къ двери)*.

Анна Тихоновна *(ей вслѣдъ)*.

Франченная!... Не ѣздить же для тебя всѣмъ въ одной юбкѣ. Самой бы все шелки, да бархаты! *(Завидя Облйшкочку въ передней, бѣжитъ къ ней на встрѣчу)*.

Я В Л Е Н І Е XVI.

Анна Тихоновна и Надежда Егоровна.

Анна Тихоновна.

Еще разъ здравствуйте, моя красавица! *(Остатанавливается, разсматриваетъ съ изумленіемъ нарядъ Облйшкочковой и ходитъ вокругъ, растопыря руки и присѣдая)*. Фу ты! фу ты—благодарствуй... Ишь ты, картинная моя! глаза слыпитъ! Ахъ, ты, королевская косточка! Поди-ка, словно вся напечатанная!...

Надежда Егоровна *(проходя дальше и кокетливо оправляясь)*.

Что это вы? На мнѣ, кажется, все такое простенькое... Куда жь вы двались такъ рано? я было только-что приготовида отдать вамъ свою шелковую мантилью, гляжу—и слѣдъ простылъ! Зову, ищущу, где-гдѣ моя Анна Тихоновна; а вотъ куда она улетѣла.

Анна Тихоновна.

Ахъ, моя кралечка—золотая! *(Кидается и цѣлуетъ въ плечо)*. Подлинно, вы однѣ только не покидаете меня, сироту беспомощную... *(съ чувствомъ)* не оставляете вашимъ вниманіемъ, моя благодѣтельница.

Надежда Егоровна *(осматривая комнату)*.

Гдѣ же Катерина Никитишна?

Анна Тихоновна.

Охъ, моя красавица; не согрушна — и сказать вамъ не знаю какъ....

Надежда Егоровна.

А что?... *(Анна Тихоновна подвертывается и шепчет ей на ухо)*. Ха, ха, ха! Вотъ уморительно! Ужь она и впрямь не панёву ли сбъняеть?

Анна Тихоновна.

Предъ Богомъ — какъ есть вамъ докладываю. А ужь на счетъ... *(Осматривается и снова шепчетъ)*. Такъ вотъ и рѣжетъ, такъ и рѣжетъ!... Удивляюсь, говорить, зачѣмъ эти нищѣ въ Москву ѣздятъ! Тамъ, говорить, посидятъ въ ямъ, а сюда прѣдутъ — и важничаютъ! А я — себѣ на умъ: нѣтъ, молю, сударушка моя, говорю, поди-ка у нея что одѣхъ платьевъ навезено — да все шелковыя! тебѣ, молю, самой въ носъ кинется, даромъ-что богачика! Вотъ какъ, говорю, моя красавица....

Надежда Егоровна.

Благодарю васъ, моя милая, что вы меня предупредили, — теперь я буду знать.... Что жь, не съ Ухарскимъ же сидѣть тутъ, обнявшись, да важничать!

Анна Тихоновна *(значительно)*.

Нѣтъ, ужь — на счетъ Ухарскаго, моя кралячка, отложите ваше попеченіе....

Надежда Егоровна *(скоро)*.

А что? Онъ былъ тутъ?..

Анна Тихоновна *(загадочно)*.

Охъ, былъ, да нѣту-тъ, да уѣхалъ на мельницу!

Надежда Егоровна.

Нѣтъ, пожалуйста.... Анна Тихоновна, я васъ прошу. Скажите, что такое?

Анна Тихоновна *(обходитъ комнату, выслушиваетъ въ дверь, потомъ возвращается, шепчетъ на ухо — и увлекаясь, говоритъ въ полголоса)*.

Вчера, самъ, вишь, ѣздилъ къ новому предводителю, а она, мать моя, до двухъ разъ гонцовъ гоняла: не побхалъ! Дѣвки сказываютъ: такъ, говорятъ, и рветъ и мечетъ! такая была сѣрдитая; все въ подушкахъ валялась, да ревѣла....

*

Надежда Егоровна.

Ага! Любовь-то въ немъ видно начала испаряться.

Анна Тихоновна.

Видно что такъ.... Да что тутъ.... Я бы вамъ сказала, моя благодѣтельница, да, вѣдь, вы знаете, что я не люблю въ чужія дѣла....

Надежда Егоровна *(увлекаясь)*.

Нѣтъ, душечка, Анна Тихоновна, пожалуйста.... Вѣдь вы знаете, что я....

Анна Тихоновна.

Развѣ такъ ужъ—уважить мою красавицу *(вытаскиваетъ изъ-за мѣфа записку)*. Читай-ка, моя кралячка. У тебя глазки посвѣжѣй моихъ.

Надежда Егоровна *(хватаетъ записку)*.

Ахъ, это его рука! *(Читаетъ)*. Что жъ, тутъ нѣтъ еще ничего особеннаго. Я думаю, она ужъ тысячу такихъ получила.

Анна Тихоновна.

То-то вотъ, матушка, она да не она! Слышимъ звонъ, да не вѣдаемъ, гдѣ онъ.... Я сама было тутъ на старости лѣтъ дуру скорчила, да обстоятельства-то пошли не туда.

Надежда Егоровна.

Душечка, Анна Тихоновна! Скажите жъ, что это такое? Тутъ, вѣрно, кроется что-нибудь особенное?

Анна Тихоновна.

Ужъ такое-то особенное, моя кралячка.... кабы не собственные глаза, никому бъ не повѣрила....

Надежда Егоровна.

Неужели?

Анна Тихоновна.

Да, вотъ, поди ты—не изъ тучи громъ!

Надежда Егоровна.

Что жъ это такое? Говорите же.... Вѣрно, что-нибудь.... *(Наклоняется къ Аннѣ Тихоновнѣ, и та шепчетъ съ различными жестами)*. Такъ, такъ!... къ ней? Да!... Ахъ, какъ

это интересно!... Вотъ потѣха! Ха, ха, ха! А эта разсти-
ляется.... рвнущь его ко всемъ, а тутъ... Душечка, Анна
Тихоновна, отдайте мнѣ эту записку.

Анна Тихоновна.

Пожалуй, возьмите, моя благодѣтельница.... я, вѣдь вы
знаете, не люблю вступать въ чужую заботу (*осматри-
вается*). А вотъ и наша дорогая Катерина Никитишна!

Я В Л Е Ц Е XVII.

Тѣ же и Катерина Никитишна (*переодѣтая*).

Катерина Никитишна (*деликатно и сухо*).

Ah! Bon jour, madame! Очень пріятно васъ видѣть. Когда
вы вернулись?

Надежда Егоровна.

Merci, madame. Мы пріѣхали вчера. Сегодня къ первымъ
къ вамъ. Comment se portent vos enfants? Нашъ добрый
Степанъ Петровичъ что подѣлываетъ?

Катерина Никитишна.

Bien merci, madame; всѣ онѣ, слава Богу, здоровы; мой
Степанъ Петровичъ тоже; только я еще со вчерашняго дня
его не видала! Asseyez-vous, je vous prie. (*Сидятся*). Одна-
кожь, вы прожили въ Москвѣ довольно долго?

Надежда Егоровна.

О, нѣтъ. Сверхъ чаянiя, вернулись очень рано. Мужа
вызвали дѣла. И то, можно сказать, насилу отпустили: та
cousine me dit: не пущу, не пущу!... ужь не знаю, какъ мы
уѣхали... А сказать, правду, немножко и наскучило; вообра-
зьте: день на себя не похожъ! просто, не опомнишься... ну,
кромѣ обыкновенныхъ и весьма интересныхъ знакомствъ —
эти рауты, катанья, концерты, театры, вечера — просто,
голова кружится....

Катерина Никитишна.

Да, на то столица....

Анна Тихоновна.

Вотъ такъ-то, мои крапочки, привелъ Богъ свидѣться: теперь есть о чемъ потолковать, а я, ужъ позвольте, отлучусь на минуту. (*Направляется на лѣво къ двери*). Отцы мои! Ну, какъ онъ безъ меня тутъ сгрызутся! (*Уходитъ*).

Я В Л Е Н І Е XVIII.

ТѢ ЖЕ, БЕЗЪ АННЫ ТИХОНОВНЫ.

КАТЕРИНА НИКИТИШНА.

Ахъ, какая женщина!

НАДЕЖДА ЕГОРОВНА.

Да, ужасная....

КАТЕРИНА НИКИТИШНА.

Теперь отправилась въ дѣвичью и будетъ тамъ разсуждать....

НАДЕЖДА ЕГОРОВНА.

Да, это ужасно, Вы нынче будете у Прохидныхъ?

КАТЕРИНА НИКИТИШНА.

Какже. Нельзя. Просили.

НАДЕЖДА ЕГОРОВНА.

И съ дѣтьми?

КАТЕРИНА НИКИТИШНА.

Да, я возьму ихъ непременно — и единственно для того, чтобъ развлечь мою Софью Петровну: на нее, бѣдную, просто — жалко смотреть; какъ можете себя представить — день-деньской, съ утра до ночи, возится съ дѣтьми; даже послѣ классовъ рѣдко сюда выходитъ: вѣчно, или рисуетъ, или вырѣзываетъ имъ что-нибудь... и тѣ такъ пристрастились къ ней, что, я думаю, скоро забудутъ родную мать.

НАДЕЖДА ЕГОРОВНА.

Да. Это для васъ кладъ.

КАТЕРИНА НИКИТИШНА.

Особенно послѣ тѣхъ негодяекъ; какъ хотите, въ два года переменить пять гувернантокъ — это тоска! (*Осматриваетъ Надежду Егоровну*). Какое миленькое пардесю!

НАДЕЖДА ЕГОРОВНА (*оправляясь*).

Нѣтъ, это у меня простенькое; это такъ, можно сказать — *pour chaque jour*, а если хотите посмотреть мое последнее, въ которомъ я въѣзжала только одинъ разъ къ графинѣ Трепхенъ — вотъ прелесть; только тамъ много блондъ. Если хотите, я пришлю вамъ выкройку.

КАТЕРИНА НИКИТИШНА.

Очень вамъ благодарна. Только, вы ужь, пожалуйста, никому больше не давайте; а то наши обезьяны тотчасъ....

НАДЕЖДА ЕГОРОВНА.

О, будьте увѣрены.

КАТЕРИНА НИКИТИШНА (*дружески*).

Какъ я рада, что вы вернулись. Ну, ужь съ этими езуитами хоть не живи. Скажите, право, что у насъ за общество такое, особенно — дамы? Просто, грызутся, какъ собаки.

НАДЕЖДА ЕГОРОВНА.

Ахъ, и подлинно, какъ посмотришь на другой свѣтъ, удивишься какъ живутъ въ Москвѣ, такъ, просто, волосы становятся дыбомъ при одной мысли — что такое у насъ делается! Вотъ, напримеръ: я прѣехала не дальше какъ вчера, — вдругъ, является Брускова, какъ бы вы думали, съ кѣмъ?

КАТЕРИНА НИКИТИШНА.

Какъ, неужели, опять?...

НАДЕЖДА ЕГОРОВНА.

Où, avec son pigeon.... Просто, безъ зазрѣнія совѣсти: *Cousin, cousin!* и квинтъ дѣлу. А между тѣмъ, въ последнее время, говорятъ, знаете ли, что случилось (*шепчетъ на ухо*). *C'est vrai...*

КАТЕРИНА НИКИТИШНА (*съ удивленіемъ*).

Ахъ, неужели это было?

НАДЕЖДА ЕГОРОВНА.

Je vous assure... Да что тутъ! *Si vous voulez voir les curiosités de la ville* — повзжайте къ Жамкинымъ; тамъ, просто — каждый день комедія.... (*Встаетъ*). Однакожъ, пора. Степану Петровичу скажите — я надѣюсь, что наша съ нимъ дружба

не кончилась: мужъ мой привезъ ему цѣлую пачку поварскихъ книгъ. Дѣтей я надѣюсь разцѣловать вечеромъ. Au revoir!

КАТЕРИНА НИКИТИШНА.

Ah! chère amie! Comme je suis contente... (*Цѣлуются нѣсколько разъ*). J'espère que demain nous serons plus longtemps ensemble... (*Цѣлуются*). Au revoir! Извините, я васъ не провожаю. Боюсь; у меня былъ недавно флюсъ.

ПАДЕЖДА ЕГОРОВНА.

О, нѣтъ, нѣтъ! Боже сохрани; je vous en prie, — restez... (*Уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ XIX.

КАТЕРИНА НИКИТИШНА (*одна*).

Вернулась! Вотъ змѣя! и въ добавокъ самая ядовитая! Безъ нея все-таки было тише; а теперь она успѣетъ въ два дня подчинить себѣ всѣхъ лучшихъ сплетницъ — и будетъ ими командовать.... (*Думаетъ*). Если въ словахъ старухи есть хоть половина правды?... Да! надо будетъ посовѣтовать Аркадію, чтобъ онъ повременилъ недѣли двѣ сюда ѣздить.... Сначала сдѣлаю ему маленькій напрягай за вчерашнее, а тамъ...

ЯВЛЕНІЕ XX.

КАТЕРИНА НИКИТИШНА и АННА ТИХОНОВНА.

АННА ТИХОНОВНА.

Што-йто, ужъ укатила! Вишь, вертитъ хвостомъ. Чай, до вечера весь городъ обрыщеть.

КАТЕРИНА НИКИТИШНА.

Скажите, душенька, она вѣрно разспрашивала васъ о чемъ-нибудь?

АННА ТИХОНОВНА.

Охъ, отцы мои, ужъ такая-то калатырная: — да что? да какъ? да часто ли ѣздить? А я, себѣ на умъ: нѣтъ, говорю, сударушка моя, не на ту напала! даромъ что у насъ воспи-

танія супроти вашего не въ-достачу, а ты, молю, отчаливай! Вотъ какъ говорю, моя матушка. (*Измыля тонъ*). Что жь, говорить, насъ осуждаютъ, говорить, за Москву: не съ Ухарскимъ же, говорить, сидѣть тутъ обнявшись. Такая язвительная.

КАТЕРИНА НИКИТИШНА.

Это ужасно! (*Стоитъ нѣсколько времени въ раздумьѣ*). Знаете, о чемъ я васъ, душенька, хочу попросить?

АННА ТИХОНОВНА.

Извольте, моя благодѣтельница. Рада служить.

КАТЕРИНА НИКИТИШНА.

Съездите къ ней нынче передъ тѣмъ временемъ, какъ ей одѣваться на балъ къ Прохинымъ: какъ будто за выкройкой, которую она мнѣ обѣщала, или, тамъ придумайте свое что-нибудь, да высмотрите хорошенько, во что она станетъ наряжаться: цвѣтъ и фасонъ, все это поакуратнѣе, а оттуда вернетесь, такъ мы ужь вмѣстѣ съ вами отправимся; для дѣтей велимъ заложить карету, а сами въ возкѣ.

АННА ТИХОНОВНА.

Хорошо, моя матушка. Будьте вънадеждѣ. Все разужнаю....

(*Вслушивается. За сценой голосъ Степана Петровича: «Покаместъ разводи плиту.... подготовляй»....*)

Я В Л Е Н І Е XXII.

ТѢ ЖЕ И ЛЕТУНОВЪ.

(*Суетливо выходитъ изъ передней, потомъ оборачивается и говоритъ въ дверь*). Да... Въ случаѣ я тамъ замешкаю, ты, — рябчиковъ, этакъ, безъ колеру...

Голосъ за сценой.

Слушаю-сь.

ЛЕТУНОВЪ (*рубитъ по ладони*).

Сними, этакъ, филей большіе, а маленькіе накорбовать труфелемъ; раковыя шейки залить ланшпигомъ.... этакъ — кругъ деревянный, обойди тѣстомъ — по бортамъ рубленый ланшпигъ, убрать зеленью....

Голосъ за сценой.

Слушаю-съ.

Летуновъ.

Да... Сначала сбей моеезъ; въ немъ этакъ—напримѣръ, замакивай филеи... оливки—шейки, оливки—шейки,—этакъ—напримѣръ, въ перекладку;—въ средину моцедонъ, штуканы, спаржу, а тамъ, напримѣръ....

Голосъ за сценой.

Слушаю-съ....

Летуновъ.

Анчоусы.—Ступай! (*Бѣжитъ и возвращается*). Да, нѣстой! Что жъ на соусъ? кажется, вчера осталась телячья печѣнка?

Голосъ за сценой.

Осталась.

Летуновъ.

Ну, такъ ты видишь, я тотчасъ.... можно сдѣлать гратанъ.... (*скоро*) со шпигомъ—этакъ, съ душками, потомъ въ шарлотницу—этакъ съ масломъ; туда сое изъ куръ....

Анна Тихоновна (*съ боку*).

Здравствуйте, батюшка мой благ....

Летуновъ.

А?... Съ крутонами, въ средину гарниръ—сладкое мясо, шампиньоны—облить краснымъ соусомъ. Здравствуй, матушка; изъ деревни?—что тамъ? Гдѣ Катинька? (*Бѣжитъ*). Здравствуй, Катоковъ. *Воп join; душка моя!* (*Цѣлуетъ въ лобъ*).

Катерина Никитишна (*сидя на диванъ*).

Воп join. Что тамъ у васъ?

Летуновъ (*становится посрединъ комнаты и поднимаетъ руку*).

Это.... это—это! можно сказать, удивленіе! Прѣзжаю,—напримѣръ, вошли съ Прохинымъ—столъ накрытъ—серебро—напримѣръ, хрусталь, сервизъ—аго, я, вамъ скажу, прислуга—посл.—Катокишъ; жаль, тебя не было....

Катерина Никитишна.

Ес вы видѣли? Въ чемъ была одѣжа?

Летуновъ.

Ну, да, входимъ.... въ гостинной—напримѣръ, человекъ десять—всѣ наши—дамы тамъ. Облайчиковъ только-что вернулся.... ради безъ души ... Тутъ она, первая, объ тебѣ: больна, говорю, флюсъ или, тамъ—мигрень—не помню;—очень жаль, говоритъ, прекрасная дама! Онъ, тутъ: радъ очень,—вниманіе удивительное,—къ себѣ въ кабинетъ тотчасъ.... Ну, тамъ за столъ, напримѣръ, въ пять часовъ—свѣчи подали.... выходимъ—билетики передъ каждымъ.... (*Потираетъ руки*). Подъгъ себя усадили. Васъ, говоритъ, Степанъ Петровичъ, страшно кормить, вы, говоритъ, напримѣръ, сами мастеръ!.... Съли: супъ.... да! Эй, Николашка! (*Николай показывается въ дверяхъ*). Тамъ во вчерашнемъ фракѣ въ карманѣ записка....

Катерина Никитишна.

Какое было на ней платье?

Летуновъ.

Ахъ, Катокъ, платье? Ну, какое тамъ... цвѣтъ—этакъ, напримѣръ—фисташковый.... Столъ долго тянулся; за каждымъ блюдомъ — антрме; прекрасно!... прислуга щегольская. Вообрази, къ жаркому, вмѣсто соленья—напримѣръ....

Николай.

(*Подаетъ записку*).

Летуновъ (*развертываетъ*).

Слушай, Катокъ. Выборъ.... Да, забылъ: въ субботу всѣ къ намъ. Облайчиковъ говоритъ: боюсь, братецъ, ты, напримѣръ, уморишь! я было объѣлся въ клубъ—насилу домой довели. Слушай. (*Читаетъ*) Во-первыхъ, супъ пюре изъ каштановъ, съ ривольями.... Это, это—я вамъ скажу—напримѣръ, не утерпѣлъ—двѣ тарелки!.... Ну, супъ—лярень изъ рябчиковъ съ кнелюю—пирожки валаванчики, хрустаты изъ лапши и въ тарелочкахъ... (*Стаивается въ позу*). Это—это, флпъ! лучше—напримѣръ, не бываетъ! Катокъ, слушай....

Катерина Никитишна.

Ахъ, Боже мой! Да вы до крайней мѣры скажите, какая матерія на ней была?

Летуновъ.

Ахъ, душка, ну что я тебѣ скажу? — платье, вотъ и все! Что тамъ еще тебѣ надо? Второе, телятина подъ бишемелью съ разнымъ гарниромъ... не ѣль! А вотъ: стерляди въ бѣломъ винѣ, съ наливовыми печенками — это, это, Каточикъ — надо умереть!... (*Скоро*). Поваръ, молодой мальчикъ — удивленье — напримѣръ, въ клубахъ вездѣ у князя Тютрюмова — три года въ Москвѣ, въ Петербургѣ — хозяинъ французъ — жалованья девять тысячъ — двадцать мальчиковъ въ наукѣ, — артистъ! Вины отъ Леве....

КАТЕРИНА НИКИТИШНА (*Анна Тихоновна*).

Этакъ вотъ всегда. Ничего не узнаеть!

Летуновъ.

Ахъ, Катокъ! Ты слушай... (*Читаетъ*). Фидел изъ пулярокъ съ гребешками — это, это — мое почтеніе! Уборка — становись на колені! мастеръ! Перепела фаршированные съ трюфлемъ, — тутъ жаркое: пулярка, каплуны... прекрасно! (*Восторженно*) Наконецъ... Слушай же, Катокъ! Груши горячія въ рамкахъ съ рисомъ и кремомъ. .. Это дѣдано, Катокъ — бррр! не видывалъ! Пуддингъ изъ бисквитъ, съ ананасами... (*Николаю*) Ну, что тамъ?

Я В Л Е Н І Е XXII.

ТѢ ЖЕ И НИКОЛАЙ (*Летунову*).

Лошадь подана.

Летуновъ (*торопливо*).

Сейчасъ. Вели отъѣхать къ дѣвичьему крыльцу; я забѣгу въ поварскую.

НИКОЛАЙ.

Слушаю-съ. (*Уходитъ*).

КАТЕРИНА НИКИТИШНА.

Куда жь вы?

Летуновъ.

Нельзя, душка моя... въ ночь рыбу привезли; надо

носпышитъ, а то — расхватаютъ.... (*Анна Тихоновна*) Ну, что, сосѣдушка? была? Что тамъ у насъ?

Анна Тихоновна.

Слава Богу, батюшка; все благоп....

Летуновъ (*слышитъ*).

Прекрасно. Я ѣду. Нынче объедаемъ раньше: вечеръ у Прохина — ералашъ. Звалъ!... Каточикъ, въ субботу всѣ у насъ, — хлопотъ — напимъ, бездна.... (*Блжтитъ на льво въ дверь*).

Я В Л Е Н І Е XXIII.

Тъ же безъ Летунова.

Катерина Никитишна.

Вотъ такъ вѣчно, только что объ однихъ котлетахъ толкъ.... А должно быть на ней было все въ новѣйшемъ вкусѣ.... (*Анна Тихоновна*) Вы тамъ не долго засиживайтесь; тотчасъ, какъ увидите, и побѣжайте.

Анна Тихоновна.

О, я заразъ, матушка; будьте покойны.

Катерина Никитишна.

Да; знаете, она теперь вѣрно хочетъ затьмить; все новенькое, да притомъ.... (*Останаавливается и смотритъ. Ухарскій подходитъ къ зеркалу и оправляется; Катерина Никитишна вскакиваетъ съ мѣста, ходитъ суетливо, заглядывая на Ухарскаго, потомъ садится и принимаетъ огорченный видъ*).

Я В Л Е Н І Е XXIV.

Тъ же и Ухарскій (*входитъ*).

Ухарскій.

Bon jour, madame! (*Подаетъ руку Катеринѣ Никитишнѣ*).
Что это, у васъ такой недовольный видъ? Удостоите вашимъ привѣтомъ....

Катерина Никитишна (*принужденно*).

Очень рада васъ видѣть. Садитесь.

УХАРСКИЙ (*разваливается на диванъ*).

А, госпожа Анна Тихоновна дочь, она же, по покойномъ мужь, Прихватская... Ну, какъ ваши дѣлишки? Все ли подь вашимъ призоромъ обстоитъ благополучно?

АННА ТИХОНОВНА.

Охъ, штобъ тебя! Радъ — увидалъ!

УХАРСКИЙ.

Да-съ, моя безпомощная. Коляко по сей день приобрѣли процентиковъ на вашъ сиротскій капиталецъ?

АННА ТИХОНОВНА.

Вишь, угораздилъ что....

УХАРСКИЙ.

Этакъ, копѣчекъ по пяти въ мѣсяцъ, и того въ годъ шестьдесятъ, да крупицъ за просрочку.

АННА ТИХОНОВНА (*въ сторону*).

Ахъ, отцы мои, штой-то онъ на меня, грѣшную (*Ухарскому*). Уймись ты, забубенный. Тьфу. (*Блѣжитъ; въ-слухъ*). Уйду къ своей кралечкѣ. (*Уходитъ на лѣстницу*).

Я В Л Е Н І Е XXV.

УХАРСКИЙ и КАТЕРИНА НИКИТИШНА (*сидитъ; печально оперишь рукой. Ухарскій долго смотритъ на нее молча*).

УХАРСКИЙ (*подходитъ и беретъ ее за руку*):

Что съ вами?

КАТЕРИНА НИКИТИШНА.

Удивительный вопросъ. Я думаю, вамъ всего легче угадать, что должно быть съ той несчастной, которая не видитъ для себя ни откуда радости.

УХАРСКИЙ.

А? (*Отходитъ и садится на диванѣ*).

КАТЕРИНА НИКИТИШНА (*закрываетъ платкомъ глаза*).

Я думаю, будь камень на моемъ мѣсть, и тотъ растопится.... (*Плачевнымъ голосомъ*). Подлинно, за всѣ мои ласки,

за всѣ жертвы, какія я принесла людямъ, мнѣ въ жизни остается одно только утѣшеніе — это дѣти; отъ нихъ только могу надѣяться еще что-нибудь для себя.... больше ни въ комъ мнѣ не найти ни отрады, ни участія.

УХАРСКІЙ.

Э, это скучно; всякій разъ одно и то же! Это надоѣсть наконецъ.... *(Отворачивается, закидываетъ ногу на ногу и сидитъ молча).*

(Продолжительное молчаніе. Катерина Никитишна, вздыхая, выглядываетъ нѣсколько разъ изъ-подъ платочка; Ухарскій качаетъ ногой и смотритъ на лѣстницу).

КАТЕРИНА НИКИТИШНА *(въ сторону).*

Въ самомъ дѣль, это можетъ ему наскучить. *(Идетъ къ Ухарскому и кладетъ ему на плечо руку).* Что жь прикажете мнѣ дѣлать? въ моемъ положеніи, я переносу такъ много непріятностей, что, право, иногда сама удивляюсь своему терпѣнію.

УХАРСКІЙ *(не глядя на нее).*

Вольно же. Вамъ тутъ навертеть хвостомъ какая-нибудь Тихоновна....

КАТЕРИНА НИКИТИШНА.

Ну, полно; вотъ и разошелся. *(Нѣжно).* Что же дѣлать, Аркадій? ты посуди, что мнѣ дѣлать: — я становлюсь наконецъ сказкой цѣлаго города ...

УХАРСКІЙ.

Скучно, право. Всякій разъ одно и то же. Что за манера.... *(отворачивается и не глядитъ).*

КАТЕРИНА НИКИТИШНА *(весело).*

Какъ мило сидитъ на тебѣ этотъ сергучекъ.

УХАРСКІЙ *(вскакиваетъ).*

Это — пиджакъ, новый. *(Встряхиваетъ борта).* Не правда ли, фасонъ не дурень?

КАТЕРИНА НИКИТИШНА.

Очень милъ. Аркадій, если ты только осмѣлишься

забыть все мои ласки — я этого не перенесу. (*Берет за руку*).
Ты будешь сегодня у Прохиныхъ?

УХАРСКІЙ.

М-м-да.. Не знаю, впрочемъ. А вы туда ѣдете?

КАТЕРИНА НИКИТИШНА.

О, непременно, беру дѣтей и Софью Петровну.

УХАРСКІЙ (*скоро*).

Да, я непременно буду тамъ.

КАТЕРИНА НИКИТИШНА (*подозрительно и обидчиво*).

Какъ вы вдругъ рѣшаетесь....

УХАРСКІЙ (*недовольный*).

Э, скучно, право, всякій разъ....

КАТЕРИНА НИКИТИШНА (*поспѣшно*).

Ну, полно.... Пойдемъ, я покажу тебѣ, въ чемъ хочу
быть сегодня у Прохиныхъ; понравится ли тебѣ....

УХАРСКІЙ (*разспянно*).

Ну, тамъ увижу вечеромъ.

КАТЕРИНА НИКИТИШНА.

Нѣтъ, теперь лучше; можетъ быть, что-нибудь придется
измѣнить.

УХАРСКІЙ.

Мнѣ надо ѣхать....

КАТЕРИНА НИКИТИШНА.

Ни, ни, и думать не смѣй. Не пущу. Ты тутъ обедаешь.

УХАРСКІЙ.

Право же....

КАТЕРИНА НИКИТИШНА.

Нѣтъ, нѣтъ, не пущу. Пойдемъ, я покажу....

УХАРСКІЙ.

Право, лучше вечеромъ....

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

Проходная комната въ домъ Прохиныхъ. Направо дверь въ билъярдную; за нею мѣсто отгорожено ширмами, изъ-за которыхъ видны столъ съ бутылками и чайнымъ приборомъ. Въ задней стѣнѣ дверь въ гардеробную; налѣво аркой дверь въ залъ, откуда слышна балъная музыка и видны мелькающія пары. По стѣнамъ диваны; налѣво, къ сценѣ, столъ и большое зеркало.

ЯВЛЕНІЕ I.

Анна Тихоновна (сидитъ за самоваромъ и пьетъ въ прикуску).

Вотъ она! Не успѣла порогъ переступить: «Анна Тихоновна, такая-сякая, потрудитесь чай разлить.» Вотъ тутъ и казнишь три часа за самоваромъ. На все нужна! Деньги понадобились — къ Аннѣ Тихоновнѣ, словно у тебя ломбартъ какой, али кузница... *(Прихльбываетъ)*. Процентики-то, видно, загудѣли! Молчитъ! Нѣтъ, сударь, теперь не отстану: пиры да балы есть на что справлять... пятьсотъ бралъ, — семьдесятъ пять за три мѣсяца подай — и Богъ съ тобой; а то, осрамлю, протестъ подамъ, лошадь выпрягу!... Сама сирота, у самой дѣти... Што-йто, отцы мои, какой нынѣ народъ сталъ: — всякъ норовить какъ бы тебя обогатъ, да обобратъ...

ЯВЛЕНІЕ II.

Анна Тихоновна и Лакей (съ подносомъ).

Лакей.

Рому пожалуйте; — да еще четыре стакана подъ пуншъ.

Анна Тихоновна.

О, штобъ — вась. Словно на каменку поддаютъ; пятаую бутылку выцѣдили. *(Ставитъ ромъ и стаканы на подносъ)*.
Всѣ что ли?

Л А К Е Й.

Должно быть концъ. Вельно закуску готовить. Лимону положите. (*Уноситъ*).

Я В Л Е Н І Е Ш.

Анна Тихоновна (*выходитъ на аван-сцену и заглядываетъ въ залную дверь*).

Ишь ты, ишь ты! Въ парочкѣ такъ и топчутся; ничѣмъ не растащишь; рада,—письма начиталась!... Вотъ, онъ тебя ублаговѣститъ; не съ такими справлялся!... А эта, сидитъ, надулась, только что бѣльмами раскачиваетъ! Нѣтъ, ужъ, матушка, будетъ,—поцарствовала! гляди—не гляди, ничего не высмотришь!... Эта-то, эта, змѣя подколодная—вишь, какъ вырядилась! Московская! Ну, мать моя, спичка-Егоровна, — не знала я тебя до нонѣшняго вечера — задала ты мнѣ задачу; буду помнить до новыхъ вѣниковъ! — отплачу же я тебѣ, схидная этакая... Отцы мои, какъ она меня ошпетила! А л-то, л-то, дура неумытая, такъ, отъ простоты души—можно сказать, все, какъ на ладонкѣ расписала ей; еще и записку отдала!... Вотъ, теперь, и будетъ ломаться да важничать...

Я В Л Е Н І Е І V.

Анна Тихоновна и Дама N 1 (*выбѣгаетъ изъ зала*).

Дама N 1.

Ахъ, здравствуйте, Анна Тихоновна!

Анна Тихоновна.

Здравствуйте, моя красавица.

Дама N 1.

Слыхали вы? Это, просто—потѣха!...

Анна Тихоновна.

Нѣту, матушка, ничего не слыхала.

Дама N 1.

Вообразите, Летуновская мамзель завела переписку съ Ухарскимъ; теперь, не разстанутся; все танцуютъ вмѣстѣ.

Анна Тихоновна.

Не знаю, матушка, не слыхала. Да и где намъ... вы знаете, что я не люблю встрѣвать въ чужую заботу.

Дама N 1.

Увѣряю васъ.

ЯВЛЕНІЕ V.

Тъ же и Дама N 2.

Ахъ, какой скандалъ! (*Анна Тихоновна*). Здравствуйте, Анна Тихоновна! (*Дама N 1*). Представъ, *chère amie*, сейчасъ прохожу мимо,—она, во всеуслышаніе, такъ и говоритъ ему: «я, говоритъ, готова, не только скукою моего заточенія, какъ вы выражаетесь, готова всѣмъ жертвовать». Дальше ничего не слыхала; начали фигуру.

Дама N 1.

Ахъ, неужели? Ты слышала? Ахъ, какое счастье...

Дама N 2.

Увѣряю тебя; своими ушами...

Дама N 1.

Пойду, послушаю. (*Бѣжитъ въ залъ*).

ЯВЛЕНІЕ VI.

Тъ же, безъ Дамы N 1.

Дама N 2 (*Анна Тихоновна*).

Что она вамъ тутъ говорила?

Анна Тихоновна.

Ахъ, моя кралячка, ужъ и сказать не знаю какъ: я, вѣдь вы знаете, не люблю въ чужія дѣла...

Дама N 2.

Нѣтъ, пожалуйста, душечка, Анна Тихоновна, вѣдь вы знаете меня....

Анна Тихоновна.

Развѣ ужъ такъ вамъ—по душѣ, за вашу доброту, моя красавица.

*

ДАМА N 2.

Да, ангель мой. Пожалуйста.

АННА ТИХОНОВНА.

Вотъ, говорить, Ухарскій—вишь, связался съ мамзелью, а наши дамы, говорить, объ стѣну головой стучать.

ДАМА N 2.

Неужели?

АННА ТИХОНОВНА.

Да. На Лизаветь Платоновнѣ, говорить, и чепчикъ со зла на затылокъ съѣхаль.

ДАМА N 2.

Ахъ она мерзкая! *(Подходитъ къ зеркалу и поправляетъ чепчикъ)*. Благодарю васъ, милая, что вы меня предупредили.

АННА ТИХОНОВНА.

Не за что, матушка.

ЯВЛЕНІЕ VII.

ТѢ ЖЕ И ДАМА N 3 *(вбѣгаетъ и восторженно хлопаетъ въ ладоши)*.

ДАМА N 3.

Ah, chère amie! *(Анна Тихоновна)*. Здравствуйте, Анна Тихоновна! *(Дамъ N 2)*. Вообрази — его рука! Я сейчас читала!

ДАМА N 2.

Неужели? Гдѣ?

ДАМА N 3.

Nadine m'a montré.

ДАМА N 2.

Ахъ, какое счастье! Бѣгу! *(бѣжитъ въ залъ)*.

ЯВЛЕНІЕ VIII.

ТѢ ЖЕ, БЕЗЪ ДАМЫ N 2.

АННА ТИХОНОВНА.

Здравствуйте, моя безцѣнная Варвара Львовна; давненько-таки мы съ вами не видались, моя благодѣтельница.

Дама N 3.

Здравствуйте. Представьте.... слышали вы? Летуновская мамзель....

Анна Тихоновна.

Охъ, слышала, моя матушка. Такую-то исторію смели, ажно въ ушахъ трещить. (Съ сомнѣніемъ). Ужь что-то и не вѣрится.

Дама N 3.

Клянусь вамъ—это вѣрно. Лиза вамъ сказывала.

Анна Тихоновна.

Сказывать-то сказывала....

Дама N 3.

Что она вамъ говорила?

Анна Тихоновна.

Охъ, матушка.... вы знаете, что я не мастерица....

Дама N 3.

Нѣтъ, Анна Тихоновна! Ангель мой, заклинаю васъ....
Докажите, что вы меня любите!

Анна Тихоновна.

Ужь развѣ только, что любя васъ, моя красавица....

Дама N 3.

Да. Пожалуйста.

Анна Тихоновна.

Вотъ, говорить, наши дамы услышали, что Ухарскій тамъ съ мамзелью.... такъ ихъ всѣхъ точно кипяткомъ ошпарило; а Варвара Львовна, говорить....

Дама N 3.

Ну....

Анна Тихоновна.

Все доискивается письма, говорить; должно быть затвердила руку....

Дама N 3.

А? Какова дерзость? Прошу покорно.... Да я ее такъ отшпифую....

Анна Тихоновна.

И, моя кралячка; охота вамъ связываться съ этакой дрянью: сами посудите, чего она стоитъ? Такъ, только себя унижать.

Дама N 3.

Да, это правда. (*Весело*). Ха, ха, ха! Ну, теперь Летунова, я думаю, вскочить подъ потолокъ. Какова институтка! Говорять, — она очень умная дѣвушка.

Анна Тихоновна.

Охъ, моя кралячка, не вамъ бы говорить, да не мои-бы уши слышали.

Дама N 3.

А что?

Анна Тихоновна.

Руку даю на отсѣченіе — дура, какъ есть, пошлая. Вотъ, на счетъ гордости да надутости — другой со свѣчкой поискать; даромъ вотъ, что мамзель, не что другое.... Иной разъ, вертишь-вертишь хвостомъ около нея, насилу-то рыло повихнетъ да слово вымолвить. Такая....

Дама N 3.

Какова! По крайней мѣрѣ, говорятъ, она дѣтей хорошо учить; не такъ, какъ другія.

Анна Тихоновна (*увлекалась*).

А на счетъ воспитанія, я бы вамъ сказала такую штучку, что вы и отродясь не слыхивали. Ну, да видно теперь придется помолчать....

Дама N 3.

А что?

Анна Тихоновна.

Да, такъ, на избѣ сорѹка. ..

Дама N 3.

Ахъ, какъ это мило!... Ха, ха, ха! Пойду. (*Убѣгаетъ*).

Я В Л Е П І Е IX.

Анна Тихоновна (*одна*).

Поди-ка! Вишь васъ мамзель на ноги подняла! А безъ

ней, что бы стали дѣлать? такъ, промежь собой бы перегрызались.... Отцы мои, што-йто нынѣ какой народъ стать: вотъ такъ-вотъ, не боясь грѣха, отцу родному готовы петлю на шею накинуть!... А это должно быть Надѣжка тамъ всѣми заправляеть.... И то сказать, — ловчѣй ее въ городѣ не сыщешь: эти что? такъ, только тарантятъ, на нее глядя.... Я-то, я-то, дура неумытая, — записку отдала!... Вотъ бы теперьъ весь около меня такъ и винтовали.... Пойди; выигралъ, что ли? Какъ увижу деньги въ рукахъ, такъ и накинусь: подавай, у самой-моль ни копейки — а то, осрамлю!... *(направляется въ бильярдную).*

Я В Л Е Н І Е X.

Анна Тихоновна и Ухарскій *(входитъ изъ зала съ довольнымъ лицомъ).*

УХАРСКІЙ.

О, моя вездѣприсущая и всепробѣдущая!.. Ужь тутъ?

Анна Тихоновна *(бѣжитъ и плюеть).*

Тьфу, тьфу ты! Отвляжись ты отъ меня, нечистая сила — телячій ты обморокъ! *(уходитъ).*

Я В Л Е Н І Е Х I .

Ухарскій *(снимаетъ перчатки, смотритъ въ зеркало и охорашивается).*

Ахъ, какъ мила! просто, не видываль.... этакая — гуми! свѣжа, дѣвственна, изъ ротика пахнетъ молочкомъ.... Однакожь, поэзію къ чорту.... *(ходитъ).* Тутъ кромѣ твердой воли, настойчивости и вѣрнаго такта — ничего не должно быть въ употребленіи.... *(думаетъ).* Да, во-первыхъ, она нынче такъ восторженна, весела, какъ я се никогда не видываль!.. добрый знакъ! Во-вторыхъ, о запискѣ ни слова! даже изъ при-

личія никакой благодарности за доставленіе письма—какъ будто она ее не читала! Те, те, те! Шутите, сударыня! Это значитъ — вы стараетесь молчать именно о томъ, что васъ больше всего занимаетъ.... О, женская дипломатика! (*потираетъ руки*). Брависсимо, Аркадій Андренчъ! двѣ кадрили сошли для васъ расперепреблагополучно; еще мазурка—и, кажется, моя мамзелька....

ЯВЛЕНІЕ XII.

Ухарскій и Кавалеръ въ бѣлыхъ перчаткахъ.

КАВАЛЕРЪ (*щелкаетъ и полькируетъ*).

Лай-ра-рай-ра, рай-та, драй-та! Monsieur Ухарскій, кто вашъ vis-a-vis?

УХАРСКІЙ (*съ гримасой*).

Не знаю.... Тамъ, какія-то двѣ рожи.

КАВАЛЕРЪ (*бѣжитъ*).

Дратар-рата, тра-та-та!

ЯВЛЕНІЕ XIII.

Ухарскій и Дама N 3.

ДАМА N 3.

М-г Ухарскій! Вы съ кѣмъ танцуете?

УХАРСКІЙ.

Ммм, не знаю. Только не съ вами.

ДАМА N 3.

Какой несносный! (*Убѣгаетъ*).

ЯВЛЕНІЕ XIV.

Ухарскій (*одинъ*).

Да, въ мазуркѣ.... а не удастся — завтра прикачу пораньше: Тихоновну — къ чорту, заберусь какъ-нибудь на верхъ, и.... На первыхъ порахъ, надо какъ можно воде-

вильнѣе.... Гото, вотъ, съ этими неопытными вознѣтся ужасно докучливо; тутъ предстоитъ, во-первыхъ, неизбежный и самый полный курсъ этихъ дурацкихъ вздоховъ....

Я В Л Е Н І Е Х V.

УХАРСКІЙ и ДАМА N 2.

ДАМА N 2.

М-г Ухарскій! Галопъ—хотите? (*заноситъ руку на плечо Ухарскому*).

УХАРСКІЙ (*отступаетъ*).

Нѣтъ, не хочу.

ДАМА N 2.

Почему же?...

УХАРСКІЙ.

Потому.... Ну, потому, что вы высоко прыгаете.

ДАМА N 2.

Невѣжа!... (*идетъ и возвращается*). Послушайте, я знаю вашъ секретъ.

УХАРСКІЙ.

Что мудренаго! кому же и знать, какъ не вамъ.... (*уходитъ въ бильярдную*).

ДАМА N 2 (*ему въ слѣдъ*).

Этакой низкій, неблагодарный человекъ! Вотъ каковы мужчины!... (*уходитъ*).

Я В Л Е Н І Е Х V I.

АННА ТИХОНОВНА (*бѣжитъ изъ бильярдной и плюетъ за порогъ*).

Тьфу ты! Триклятая твоя утроба.... Што-йто, отцы мои, такъ вотъ—словно пѣсъ какой, отдыху не даетъ....

Я В Л Е Н І Е XVII.

Анна Тихоновна и Старуха съ лорнетомъ.

Старуха (*шмыгаетъ, согнувшись, по сценъ и ищетъ*).

Анна Тихоновна (*въ сторону*).

Вотъ, еще одна, съ того свѣту — прильзла на показъ! (*съ низкими поклонами и громко*). Здравствуйте, ваше превосходительство! Какъ васъ Богъ милуетъ, моя высокая покровительница? (*цѣлуетъ въ плечо*).

Старуха.

Да-хмъ. Тебя, милая, ишу.

Анна Тихоновна.

Что прикажете, моя благодѣтельница?

Старуха.

Ухарскій мамзель увозить... Слыхала? Да-хмъ... Кто она? откуда?

Анна Тихоновна.

Дальняя, матушка. Отецъ полковникомъ служилъ; въ баталіяхъ бывалъ....

Старуха.

Изъ Италіи.... Да-хмъ....

Анна Тихоновна (*въ сторону*).

Поди-вотъ.... словно деревянная.... (*надъ ухомъ громко*). Я объ отцѣ, матушка. Заслуженный.... Пенсію, говорятъ, большую беретъ; да, должно быть, испиваетъ, матушка — а то, какъ бы дочь не содержать.... Въ мамзели пустилъ.

Старуха.

Слышу, милая, слышу. Летуновъ — самъ отпустилъ. Да-хмъ?...

Анна Тихоновна.

Вотъ она — глухая тетеря! Не услышитъ, такъ выдумаетъ.

Старуха.

Слышу, милая, слышу.... (*движется въ залъ*) Этакой

пострель, всѣхъ перемѣнилъ... вотъ, и мол, мало ли убивалась, да-хмъ, и теперь сохнетъ... (*уходитъ*).

Анна Тихоновна (*ей въ слѣдъ*).

Ужъ объ твоей косоротой — что и говорить; въ пору, хоть бы за барабанщика какого, а то, поди-ка, еще Ухарскаго захотѣла! Што-йто, отцы мои—вотъ она, — бабья, какъ говорится, натура: въ гробъ кладутъ, а она языкомъ вертитъ....

Я В Л Е Н І Е XVIII.

Анна Тихоновна и Катерина Никитишна.

Катерина Никитишна (*въ сторону*).

Это ужасно! Чувствую, что я не выдержу... Облайчикова блестятъ, какъ метеоръ! На ней все такъ изящно, воздушно... а я?... Но всего ужаснѣе для меня — этотъ шопоть!... У всѣхъ на языкъ одно — *cavalier servant* и эта дѣвчонка!... Я ее не узнаю... она такъ не хотѣла сюда ѣхать — и теперь, такое рѣзкое превращеніе! Неужели тутъ была маска?...

Анна Тихоновна (*въ сторону*).

Ага, завьла! Видно губернаткой запахло....

Катерина Никитишна.

А, вы здѣсь? Что жъ это вы сказали, что на ней чепецъ и зеленое шолковое платье, — и похожаго ничего нѣтъ: на ней тончайшій пу-де-суа, наколка... а эти кружевные рукава— всѣ ахають....

Анна Тихоновна (*въ досадъ*).

Охъ, мать моя, и не поминайте! Что дѣлать; смекнула раньше насъ — проклятая!... глаза отвела — пронира подлая! Вотъ, это, вхожу, — она мнѣ пырь — на встрѣчу. А я, говорить, сейчасъ иду къ Прохинымъ — не хотите ли, говорить, вмѣстѣ... Я тутъ и ну ее кругомъ оплясывать... Въ томъ, какъ есть, была, матушка; а теперь, вотъ вы говорите— и платье не то, и чепца нѣту; а была въ чепчикъ....

Катерина Никитишна.

Да, на ней наколка; подите, взгляните.

Анна Тихоновна.

Нѣтъ ужь, матушка; глядѣть-то я на нее не намѣрена.

Катерина Никитишна.

А что?

Анна Тихоновна.

Да, откровенно сознаюсь вамъ, по душѣ: эта ехидная такую со мной штуку обработала, что и теперь не опомнюсь...

Катерина Никитишна.

Что жь такое?

Анна Тихоновна.

Охъ, и вымолвить-то этого сраму... отцы мои... Вотъ, это я, оглядѣвши-то ее, безбожницу, заспѣшила, сажусь въ сани — только тутъ лупоглазая Настюшка бѣжитъ за мной: «Вотъ, говорить, сударыня, барыня забыла мантилью вамъ отдать...» Я ее, матушка, и положи себя подъ салопъ: добро, думаю, годится Кленочкѣ — таковская; только вотъ, ѣду такъ — моя мантилья вдругъ заворочалась, словно живая; — я ничево ... ѣду дальше; опять — слышу, шевелится... Вотъ, я, такъ, пощупала... Отцы мои! Какъ это тамъ моя мантилья запищитъ: — меня изъ саней — такъ вотъ, словно вѣтромъ вышибло — такъ по мнѣ по всей горохѣ и покатилъ... Ну!... дальше ужь и не помню...

Катерина Никитишна.

Что жь это съ вами?

Анна Тихоновна.

Да, матушка; сочинила было со мной исторію — эта ехидная — подлая... Спасибо, Петрушка вашъ тутъ случился, подняли, да снѣгомъ виски потерли... Вотъ это — припда я въ память — ну, справки наводить: — а тамъ, вмѣсто мантильи, котенокъ лежитъ, тряпками спеленатый...

Катерина Никитишна *(погруженная въ мысли)*.

Это ужасно! Пойду и буду слѣдить за каждымъ его движеніемъ... Этотъ шопоть... онъ не даромъ *(уходитъ)*.

Анна Тихоновна (ей въ слѣдѣ).

Ну, видно почуяла, на чьей избѣ сорока... теперь будетъ работа... (уходитъ въ бильярдную).

Я В Л Е Н І Е Х І Х.

Дамы N 1-й, N 2-й и N 3-й (шумно входятъ; слѣдомъ за ними тащится Старуха съ лорнетомъ.)

ДАМА N 2 (къ Дамѣ N 3).

Душка! дай мнѣ, я не читала....

ДАМА N 1.

Нѣтъ, мнѣ; я первая у нее выпросила....

ДАМА N 2.

Ну, вотъ, какое преимущество!

ДАМА N 3.

Что тутъ за рѣдкость. Читайте.

(отдаетъ записку Дамѣ N 2-го; обѣ окружаютъ ее и смотрятъ въ записку).

СТАРУХА (пристаетъ съ боку и наводитъ лорнетъ).

ДАМА N 2 (читаетъ про себя, потомъ въ слухъ).

Какова! Значить, она давно уже съ нимъ въ перепискѣ?

ДАМА N 1.

О, это вѣрно.

СТАРУХА.

Читайте, милая, не вижу.

ДАМА N 2.

Ахъ, скучно! (Читаетъ). «Николашка передастъ вамъ письмо, которое вы такъ нетерпѣливо желали получить; радуюсь, что это вамъ доставить отраду».

СТАРУХА.

За отраду? Не слышу....

ДАМА N 2.

Этакая, несносная....

ДАМА N 3.

Дай сюда, ма шеръ, я ее удовлетворю. (*Старухъ*). Слушайте!

СТАРУХА.

Да—хмъ. Слышу.

ДАМА N 3 (*читаетъ*).

Арифметика есть наука о числахъ.

ДАМЫ N 1 и N 2.

Ха, ха, ха!

ДАМА N 3 (*старухъ*).

Слушайте же....

СТАРУХА.

Слышу, милая—да—хмъ....

ДАМА N 3.

Грамматика учить правильно говорить и писать. (*Надъ ухомъ, громко*). Частей рѣчи—восемь!

СТАРУХА.

Слышу милая — въ восемь часовъ.... (*Идетъ*). Этакой пострель! Вотъ и моя; да—хмъ.... (*Оборачивается*). Благодарю, милая. (*Уходитъ*).

ДАМА N 3 (*шаркаетъ по-мужски*).

Не за что... На здоровье скушайте.

ДАМЫ N 1 и N 2.

Ха, ха, ха!

ДАМА N 1.

Ахъ, какая противная: въ гробъ ложится, а до всего дѣло.

ДАМА N 3.

А ее косая Зиночка—тозе стѣнадала—по Ухарскомъ.

ДАМА N 2.

Ахъ, это уморительно. Какъ она умѣетъ ее представить!

ДАМА N 3 (*раскашиваетъ глаза, горбится и становится въ позу Зиночки*).

Пафлюфайте-съ, какъ я паніон-оствадаю....

ДАМЫ N 1 и N 2 *(вмѣстѣ)*.

Ха, ха, ха! Настоящая она! Ахъ, какъ натурально! Хх!

ДАМА N 3.

Маево-фс-тънпѣнія-фс нѣтъ-ф.... я-фсь умнуфсь....

ДАМЫ N 1 и N 2.

Ха, ха, ха! Ахъ, настоящая!

ДАМА N 4.

Пойду, посмотрю, что тамъ дѣлаютъ. *(Уходитъ)*.

ЯВЛЕНІЕ XX.

Тъ же безъ ДАМЫ N 1.

ДАМА N 2 *(вслѣдѣ Дамъ N 1)*.

Этой тоже всюду забота. Вообрази, что она — съ Жамкиной проповѣдуетъ на счетъ Облайчковыхъ.

ДАМА N 3.

Неужели?

ДАМА N 2.

Vraiment! Супруга, говоритъ—упрятали на три мѣсяца въ острогъ, а она подбилась къ какому-то франтику—тотъ и экипировалъ ее съ головы до ногъ: и мужа выкупила, и сама франтить.

ДАМА N 3.

А? Что жь, можетъ быть, это и правда.

ДАМА N 2.

Ахъ, ма щерь, положимъ, что правда — да зачѣмъ же ей-то впередъ соваться?... пусть же другіе говорятъ, а все таки не она!...

ЯВЛЕНІЕ XXI.

Тъ же и КАВАЛЕРЪ въ бѣлыхъ перчаткахъ.

КАВАЛЕРЪ.

Лай-да, трай-да! *(Къ Дамъ N 2)*. Пермете—удостойте галошь.... *(Беретъ за талию и лобезничая уводитъ)*.

ЯВЛЕНІЕ XXII.

Дама N 3 (одна).

Вотъ-вѣдь, всё суетятся, хлопочуть, а все изъ пустяковъ. Въ этой запискѣ я ровно ничего не вижу: могу поручиться даже, что это не къ ней.... Конечно, Летунову не худо проучить: она ужь слишкомъ заважничала — и притомъ ревнуетъ его даже къ мебели, не только къ людямъ.... Сколько ужь она перебънила этихъ несчастныхъ гувернантокъ....

ЯВЛЕНІЕ XXIII.

Дама N 3 и Надежда Егоровна (*суетливо входитъ, вскорѣ за ней появляются*): Дама N 1 и Дама N 2.

Надежда Егоровна.

Машеръ, записка у тебя?

Дама N 3.

Вотъ она. (*Отдаетъ*).

Надежда Егоровна.

Слушай, что сейчасъ будетъ. (*Беретъ за руку и говоритъ съ одушевленіемъ на ухо*).

Дама N 3.

Ха, ха, ха! Ахъ, какъ это мило! Ххха! Вотъ взбѣсится.

Дамы N 1 и N 2 (*подбѣгаютъ*).

Что тутъ? Что такое? Скажите, Бога ради!... Что у васъ?

Надежда Егоровна.

А вотъ, кстати... Mesdames, слушайте моей команды. (*Собираетъ дамъ въ кружокъ*). Мамзелькинъ редикюль лежитъ тамъ на окнѣ; я положу туда записку, понимаете? а вы дѣйствуйте такъ, какъ она (*показываетъ на Даму N 3*) вамъ скажетъ.

Дамы N 1 и N 2.

Ахъ какъ хорошо. Ха, ха, ха! Вотъ будетъ потѣха!

Надежда Егоровна.

Смотрите-жь, вы не очень суетитесь—и, Боже сохрани, смотреть на Летунову! Она сидитъ подлѣ экрана — лорнируетъ и слушаетъ: идите вмѣстѣ и остановитесь у рояля. (*Дамь N 3*). Ты, машеръ, стань ко мнѣ лицомъ, и, какъ только заметишь, что я нюхаю цвѣты — возвышай голосъ. (*Идетъ и оборачивается*). Вы повремените минутку. Ну, adieu mes enfans! (*Дѣлаетъ ручкой и уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ XXIV.

Тѣ же безъ Надежды Егоровны.

ДАМА N 3 (*Дамь N 2*).

Ну, ты, машеръ, говори, а мы будемъ поддакивать.

ДАМА N 2.

Нѣтъ, вы—кто-нибудь.

ДАМА N 1.

Нѣтъ, я не стану.

ДАМА N 3.

Ну, такъ и быть. (*Беретъ обѣихъ за руки и говоритъ смѣшливымъ тономъ*). Слушайте меня, о вы! Какъ васъ звать....

ДАМА N 1.

Ты смѣшишь, машеръ.

ДАМА N 3.

Нѣтъ. Во-первыхъ, сдѣлаемъ репетицію, какъ идти. (*Становится въ средину съ повелѣвающей позой*). Маршъ, за мной. (*Подходятъ къ двери и разбѣгаются съ хохотомъ*).

ДАМА N 2.

Ну что это? Такъ мы ничего не сдѣлаемъ!

ДАМА N 3.

Слушайте, что я буду говорить. (*Становится въ позу*).

Во-первыхъ, друзья мои!... У мамзели, ридикюль! (*Всѣ продолжительно хохочутъ*).

ДАМА N 2.

Что жь это будеть?—надо идти...

ДАМА N 3.

Ну, пойдемъ, милочки.

ДАМА N 1.

Не смѣши же, пожалуйста. (*Уходятъ*).

ЯВЛЕНІЕ XXV.

СТАРУХА СЪ ЛОРНЕТОМЪ.

(*Входитъ, останавливается и долго лорнируетъ, потомъ дробить вокругъ комнаты и лорнируетъ*).

Да—хмъ! (*Качаетъ головой*). Да—хмъ! (*уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ XXVI.

ДАМЫ N 1, N 2 и N 3 (*бѣгутъ изъ зала, хлопаютъ въ ладоши и хохочутъ*).

ДАМА N 1.

Вотъ потѣха!

ДАМА N 2 (*N 3-му*).

Ахъ, машерь, какъ ты вдругъ громко: да это не только она, я думаю и всѣ...

ДАМА N 3.

Ну, что жь; пусть себѣ...

ДАМА N 1.

А замѣтили вы, какъ она измѣнилась въ лицѣ? Прошу покорно; вдругъ дурнота! Ха, ха, ха! (*хлопаетъ въ ладоши*).

ДАМА N 2.

Говорить, здѣсь душно — кружится голова. Ха, ха, ха!

ЯВЛЕНІЕ XXVII.

Тъ же и Надежда Егоровна (*торопливо*).

Что вы тутъ? (*Дама N 3*). Ахъ, машеръ, ты ужь слишкомъ громко—я думаю, и мамзель слышала; это нехорошо: зачѣмъ ее огорчать.

ДАМА N 3.

Нѣтъ, она въ это время вальсировала....

НАДЕЖДА ЕГОРОВНА.

Прекрасно. Ну, теперь, мои милочки, маршъ по мѣстамъ: она тотчасъ сюда выползетъ освѣжаться.... (*Заглядываетъ въ залъ*). Вотъ она, пьетъ воду, говоритъ съ Прохиной.... Вотъ! (*суетливо*) Скорѣй.... идетъ!

ДАМА N 2.

Кула жь намъ?

ДАМА N 1.

За ширмы?

НАДЕЖДА ЕГОРОВНА.

Ни, ни.—Ступайте въ гардеробную, тамъ теперь пусто. (*Толкаетъ и торопитъ вслѣхъ*). Скорѣй.... Смотрите жь, слушать хорошенько.

ДАМА N 3 (*пятится назадъ*).

О-хъ, тутъ темно....

НАДЕЖДА ЕГОРОВНА.

Ну, вотъ еще....

ДАМА N 3 (*изъ гардеробной*).

Ты, машеръ, хотъ дверь намъ протвори; а то, какъ же....

НАДЕЖДА ЕГОРОВНА.

Тсъ.... (*Кладетъ палецъ на губы и захлопываетъ дверь, въ это время Катерина Никитишна выходитъ встревоженная; Надежда Егоровна прокрадывается на цыпочкахъ въ залъ*).

*

ЯВЛЕНІЕ XXVIII.

КАТЕРИНА НИКИТИШНА и Дамы (*въ гардеробной*).

КАТЕРИНА НИКИТИШНА.

Наконецъ, все объяснилось! Чтò это такое? Страшно подумать.... (*Ходитъ порывисто*). Да, подобныя продѣлки позднѣе всего доходятъ до слуха тѣхъ, къ кому онѣ относятся; это я знаю изъ опыта.... Какова тварь? Дѣвочка въ 17 лѣтъ— и такое тонкое умнѣе?... Ахъ, за это письмо я готова теперь отдать все на свѣтъ! (*думаетъ*). Впрочемъ, что жь я? Можетъ быть, это только одна глупая выдумка—желаніе потѣшиться на мой счетъ? А вотъ, узнаемъ.... Куда жь дѣвалась эта.... (*засматриваетъ въ бильярдную и манитъ рукой; за сценой слышится Анна Тихоновна: «сейчасъ, моя кралячка.»*)

КАТЕРИНА НИКИТИШНА (*подходитъ къ зеркалу*).

О, прекрасно! Лице у меня преспокойное; эти твари, вѣрно, еще не успѣли замѣтить моего волненія. Надо только постараться быть какъ можно развязнѣе и веселѣй.... Нѣтъ, мои милыя, ужь если на то пошло, такъ вамъ меня не одурочить.

ЯВЛЕНІЕ XXIX.

КАТЕРИНА НИКИТИШНА, Анна Тихоновна и Дамы (*въ гардеробной*).

Анна Тихоновна.

Чтò вамъ, моя красавица?

КАТЕРИНА НИКИТИШНА (*весело и развязно*).

Знаете ли, безцѣнная Анна Тихоновна, какую я хочу объявить вамъ новость? Вы удивитесь. (*Пытливо*). Вы ничего тутъ не слышали?

Анна Тихоновна.

Ничего, моя матушка. Передъ Богомъ.... я, вѣдь вы знаете....

КАТЕРИНА НИКИТИШНА.

Вообразите... Ха-ха-ха! Это умора.... Этъ дуры, я знаю, давно уже распускають слухъ—будто бы Ухарскій... ну, вамъ извѣстно....

Анна Тихоновна.

Слыхивала, матушка....

КАТЕРИНА НИКИТИШНА.

Представьте, я имѣла терпѣніе дурачить ихъ больше года.... и вообразите, каково должно быть ихъ положеніе: нынче только всѣ увѣрились, что Ухарскій ухаживаетъ не за мной, а за моей мамзелью....

Анна Тихоновна.

Неужто, мать моя?

КАТЕРИНА НИКИТИШНА.

Вотъ то-то и есть! Это для васъ новость, а я давно все знаю, только молчу.

Анна Тихоновна.

Што-йто, мать моя, первой слышу.

КАТЕРИНА НИКИТИШНА.

Увѣряю васъ. Вотъ, онъ даже нынче, передалъ ей любовную записку.

Анна Тихоновна.

Охъ, моя красавица, кабы не вы сказывали—право бы не повѣрила....

КАТЕРИНА НИКИТИШНА.

Клянусь вамъ; спросите, кого хотите, а я своими глазами видѣла, какъ она прочла и спрятала въ ридикюль.... Вотъ что, Анна Тихоновна: вы, мой другъ, не откажите сдѣлать для меня такое одолженіе....

Анна Тихоновна.

Извольте, моя красавица.

КАТЕРИНА НИКИТИШНА *(подводитъ Анну Тихоновну къ залъной двери).*

Видите, вотъ онъ, на окнѣ за вторымъ горшкомъ.... Потрудитесь, мой другъ:—только, смотрите, осторожныѣ, чтобъ васъ тамъ не замѣтили.

АННА ТИХОНОВНА.

Будьте въ надеждѣ; обдѣлаю.... *(Уходитъ).*

ЯВЛЕНІЕ XXX.

КАТЕРИНА НИКИТИШНА *(одна).*

Вотъ—и узнаемъ. Ручаюсь, что все это пустяки! Не можеть быть, чтобъ между ними была такая короткость,—тѣмъ больше, что я слѣдила постоянно за каждымъ ея словомъ и движеніемъ: она все время была къ нему такъ холодна и невнимательна... и если нынче вздумала съ нимъ танцовать—это такъ обыкновенно; нельзя же дѣвушка сидѣть на балѣ, сложа руки: я для этого и привезла ее сюда.

ЯВЛЕНІЕ XXXI.

Тѣ же, КАТЕРИНА НИКИТИШНА и АННА ТИХОНОВНА *(съ ридикулемъ).*

АННА ТИХОНОВНА.

Этотъ—что ли, моя красавица?

КАТЕРИНА НИКИТИШНА.

Да, онъ. *(Торопливо хватаетъ ридикуль, отворачивается, суетливо ищетъ, потомъ выворачиваетъ весь наизнанку — и ничего не находитъ).*

АННА ТИХОНОВНА *(въ сторону, сжимая кулакъ).*

Ага! подлая Надѣжка! Что? Грибъ скушала!... Вотъ, и пеленая теперь котятъ, *(засматриваетъ въ кулакъ).* Ну, за-вертятъ хвостомъ!

КАТЕРИНА НИКИТИШНА *(подавая ридикюль)*.

Вотъ, положите, пожалуйста.... вѣрно я ошиблась.

АННА ТИХОНОВНА.

Хорошо, матушка, *(смотритъ въ лице Екатерины Никитишны)*. Што-йто, моя кралечка, вы словно не въ себя?

КАТЕРИНА НИКИТИШНА.

Нѣтъ.... ничего.... право.... Я васъ прошу, положите, только чтобъ не заметили.

АННА ТИХОНОВНА.

Сейчасъ, матушка. *(Уходитъ, покачивая головой)*.

Я В Л Е Н І Е XXXII.

КАТЕРИНА НИКИТИШНА и ДАМЫ *(высматриваютъ изъ гардеробной)*.

КАТЕРИНА НИКИТИШНА.

Ахъ, какъ я рада, что эти глупыя трещетки останутся ни при чемъ! теперь я ихъ выведу на свѣжую воду.... Какъ же это будетъ хорошо!... А все-таки, мнѣ кажется, тутъ, вѣрно, что-нибудь да кроется: не можетъ быть, чтобъ говорили по пустому. Облайчикова и всѣ указываютъ пальцами!... У нихъ, я знаю, превѣрное чутье! *(направляется въ залъ и останавливается)*. А вотъ и она! кажется, сюда идетъ? Вѣрно его ищеть.... Куда бы мнѣ? *(прячется за ширмы)*.

Я В Л Е Н І Е XXXIII.

ДАМЫ, *въ гардеробной*, КАТЕРИНА НИКИТИШНА, *за ширмами*, и СОФЬЯ ПЕТРОВНА, *(выходитъ и машетъ въ лице платкомъ)*.

СОФЬЯ ПЕТРОВНА.

Жарко! Какіе докучливые эти кавалеры; не даютъ ни минуты отдыха! всѣ, на перерывъ меня выбираютъ.... Скучно, а дѣлать нечего: отказать одному, значитъ отдать другимъ

предпочтеніе. Куда дѣвался Ухарскій? По крайней мѣрѣ, онъ избавилъ бы меня отъ этой непрерывной пляски....

КАТЕРИНА НИКИТИШНА (*въ сторону*).

Такъ и есть!

Софья Петровна.

Я нынче себя не узнаю! мнѣ кажется, что я первый разъ въ жизни такъ прыгаю и веселюсь; конечно, причина тому не что иное.... (*Скоро и съ укоризной*). Ахъ, теперь только вспомнила! какая жь я вѣтреница! цѣлый вечеръ протанцовала съ нимъ, и не пришло ни разу въ голову поблагодарить его за доставленіе письма.

КАТЕРИНА НИКИТИШНА (*въ сторону*).

Письмо?... Значить, правда?... Нахальная дѣвчонка!

ЯВЛЕНІЕ XXXIV.

ТѢ ЖЕ И УХАРСКІЙ.

УХАРСКІЙ.

А, вы здѣсь?

Софья Петровна.

Да, хочется немного отдохнуть. Вообразите, м-г Ухарскій, я васъ искала для того, чтобъ извиниться передъ вами,

УХАРСКІЙ.

Въ чемъ это?

Софья Петровна.

Нѣтъ, право.... Скажу вамъ откровенно, вы прямой виновникъ моего перерожденія; до этого я была въ самомъ непріятномъ и тягостномъ расположеніи духа.

УХАРСКІЙ.

Не знаю. Чтò жь именно было причиной этого перерожденія? Скажите-ка пооткровеннѣе!...

Софья Петровна.

Какъ, развѣ вы забыли? а—письмо?

УХАРСКІЙ.

А!... Ну, это такая обыкновенная вещь... Слушая васъ, право, иной подумаетъ, что я колдунъ.

СОФЯ ПЕТРОВНА.

Почти такъ. И вы бы сами повѣрили этому, если бы видѣли меня въ ту минуту, когда его мнѣ подаль Николай; я себя не помнила отъ радости.

КАТЕРИНА НИКИТИШНА (*порывисто въ сторону*).

Все ясно!

ЯВЛЕНІЕ XXXV.

ТѢ ЖЕ И КАВАЛЕРЪ ВЪ БѢЛЫХЪ ПЕРЧАТКАХЪ (*подбѣгаетъ къ Софьѣ Петровнѣ*).

КАВАЛЕРЪ.

Удостойте галопъ.

СОФЯ ПЕТРОВНА.

Я, право, очень устала.

КАВАЛЕРЪ.

Я съ вами еще не имѣлъ ни разу наслажденія...

СОФЯ ПЕТРОВНА.

(*Подаетъ нехотя руку и уходитъ съ Кавалеромъ*).

ЯВЛЕНІЕ XXXVI.

ДАМЫ ПО СВОИМЪ МѢСТАМЪ И УХАРСКІЙ.

УХАРСКІЙ.

Скверный попрыгунчикъ—утащиль-таки! (*Ходитъ и потираетъ руки*). Bravo, Аркадій Андреичъ! Дѣлишки ваши, кажись—идутъ недурно: о записочкѣ мы молчимъ, однакожь не въ претензіи! Те, те, те! Ай-да мамзелька! Чувствую, что врѣжусь въ нее по-уши; и то сказать—есть во что! Ужь

не чета этимъ перезрѣлымъ Дахамъ, отъ которыхъ за три сажени пахнетъ огуречнымъ росоломъ... Завтра непременно явлюсь пораньше... Тихоновну — въ адъ... Какъ бы придумать что-нибудь на счетъ Никитишны — она мнѣ страшно надоела; правду сказать, пятый мѣсяцъ ѣзжу туда единственно для одной мамзельки — а то, давно бы бросилъ... (*Думаетъ*). Что бы такое сочинить? Да!... Скажу-ка, что у Облайчиковой юбка изъ моднаго китайскаго ланкорта, который вчера привезли въ городъ, — тотчасъ ускачетъ въ ряды, а я на верхъ!... Однакожь, пойдти, избавить отъ пляски, а то эти дурачье ее затаскають. (*Направляется въ залъ*). Фу, чортъ возьми! кажется, я влюбленъ окончательно: такъ и тянетъ къ ней! (*Уходитъ*).

(Въ продолженіе всего монолога, Катерина Никитишна выходитъ нѣсколько разъ изъ-за ширмъ и порывается бѣжать къ Ухарскому; дамы растворяютъ настежь дверь въ гардеробной, выглядываютъ поочередно и пересмѣиваются).

ЯВЛЕНІЕ XXXVII.

Дамы въ гардеробной и Катерина Никитишна (выходитъ на сцену).

Катерина Никитишна.

Кажется, ясно?! Ужь не измѣняютъ ли мнѣ собственные глаза; ушамъ своимъ я почти не вѣрю... Письмо... Николашка... и этотъ мерзавецъ осмѣлился быть посредникомъ!... Хорошо же! (*вздрагиваетъ*). Уфъ — страшно! За часъ тому назадъ, я бы назвала и коварнымъ и сьумасшедшимъ того, кто бы вздумалъ даже намекать мнѣ объ этомъ. Куда жь дѣвалась моя пронизательность? (*Печально*) Глупая, глупая женщина! Кого я теперь должна обвинять? что теперь я должна дѣлать?... я нахожусь въ такомъ жалкомъ положеніи, что не въ правъ даже ни на кого сѣтовать: осталось одно — спасать свою репутацію... а какъ? Въ силахъ ли я буду вынести всю эту пытку? для этого нужно столько хладнокровія... (*смотритъ въ зеркало*). Плохо! чувствую, что я взволнована;

едва ли выдержу.... Однако, надо же какъ-нибудь кончить...
(думаетъ) Прекрасно!.. Сначала возьмусь за Николашку:
 уѣду отсюда одна; ее оставлю здѣсь прыгать, а тамъ...
(идетъ къ зальной двери и кличетъ къ себѣ знаками.) Идетъ...
 Ахъ, какъ-то я стану говорить съ ней? какъ бы не измѣ-
 нить себѣ....

ЯВЛЕНІЕ XXXVIII.

Тъ же и Софья Петровна.

Софья Петровна.

Que vous plait-il, madame?

Катерина Никитишна *(разсѣянно)*.

Ахъ, машерь... *(отворачивается и хватается себя за голову.)* Я вамъ хотѣла было... Да... вотъ что! Мнѣ немножко дурно... я уѣду впередъ въ возкѣ, а вамъ оставлю карету.

Софья Петровна.

Ахъ, нѣтъ, Бога ради, я безъ васъ тутъ не останусь; да и дѣтямъ пора спать. Онѣ такъ устали.

Катерина Никитишна *(въ сторону)*.

Какова тонкость! *(Софья Петровна)* Нѣтъ, мой ангель, вы, пожалуйста, останьтесь тутъ на часъ времени... тѣмъ больше, что и дѣти распотѣвши: могутъ простудиться; да и Степанъ Петровичъ къ тому времени вѣрно кончить пульку. Пойдемте, я прощусь... а вы еще повеселитесь тутъ... *(уходятъ въ залъ.)*

ЯВЛЕНІЕ XXXIX.

Дамы выбѣгаютъ изъ гардеробной. Вскорѣ между ними появляется Надежда Егоровна и вслѣдъ за нею Старуха съ лорнетомъ.

Дама N 2.

Ха, ха ха! Ахъ, какая уморительная!

ДАМА N 1.

Вотъ комедія! Ха, ха, ха!

НАДЕЖДА ЕГОРОВНА (*обращаясь ко всѣмъ*).

Что? Что тутъ было? Ну, какъ она? Говорите же! Что такое?

ДАМА N 3 (*становится въ позу и подражая Катеринѣ Никитиной*).

О вы, твари, указывающія пальцами, имбющія превѣрное чутье! внемлите!...

ДАМЫ N 1 и N 2.

Да, да, такъ точно. Ахъ, какъ она копируетъ!

НАДЕЖДА ЕГОРОВНА (*скоро*).

Неужели? Ахъ, не мѣшайте.. Ну, машеръ.

ДАМА N 3.

Во-первыхъ, комедія въ трехъ лицахъ. Дѣйствіе первое: Никитѣвна за ширмами...

(*Всѣ хлопаютъ въ ладоши и хохочутъ*).

СТАРУХА СЪ ЛОРНЕТОМЪ.

(*Смотритъ на всѣхъ и трясетъ головой*).

НАДЕЖДА ЕГОРОВНА.

Нѣтъ, не мѣшайте... Ну же, душка моя.

ДАМА N 3 (*ходитъ, подражая Ухарскому*).

Браво, Аркадій Андреечъ! Ай-да мамзелька! Я врѣжусь въ нее по уши.

ДАМА N 2.

Такъ, такъ точно.

НАДЕЖДА ЕГОРОВНА.

Ахъ, да не мѣшайте! (*Дамъ N 3*) Ну....

СТАРУХА СЪ ЛОРНЕТОМЪ (*Дамъ N 3*).

Не слышу.

НАДЕЖДА ЕГОРОВНА (*нетерпливо*).

Вотъ еще наказаніе! (*Дамь N 3*) Ну, продолжай, ма-
шерь.

ДАМА N 3 (*въ роли Ухарскаго*).

И то сказать, есть во что влюбиться! (*указывая на Дамь
N 1 и N 2*) Ужь не чета этимъ презрѣлымъ Дахамъ, отъ
которыхъ пахнетъ огурцомъ....

Всѣ.

Ха, ха, ха!

НАДЕЖДА ЕГОРОВНА.

Неужели?...

ДАМА N 2.

Нѣтъ, ты не такъ, машерь: онъ сказалъ, огуречнымъ
расоломъ.

СТАРУХА СЪ ЛОРНЕТОМЪ.

Да-хмъ!

НАДЕЖДА ЕГОРОВНА (*нетерпливо*).

Ахъ, не сбивайте, пожалуйста. Ну, что тамъ — чѣмъ бы
ни пахло.... Ну.... (*Дамь N 3*).

ДАМА N 3 (*въ роли Ухарскаго*).

Завтра явлюсь пораньше — Тихоновну въ адъ! Какъ бы
придумать что-нибудь на счетъ Никитишны; она мнѣ страшно
опротивьла: правду сказать, я и ѣзжу только для одной мам-
зельки.... Скажу-ка ей, что у Облайчиковой юпка изъ ки-
тайской матеріи.... тотчасъ ускачетъ въ ряды — а я на верхъ.

НАДЕЖДА ЕГОРОВНА.

Ахъ, мерзавецъ, неужели такъ?

ДАМА N 2.

Точь-въ-точь его слова.

НАДЕЖДА ЕГОРОВНА.

Ха, ха, ха! Вотъ, я думаю, взбѣсилась! (*суетливо*) Душка,
ну, пожалуйста, какъ-же? Что она?... Начинай....

ДАМА N 3 (*въ роли Катерины Никитишны, подходитъ къ зеркалу*).

Лице у меня преспокойное. Эти твари вѣрно не успѣли замѣтить моего волненія; надо только быть поразвѣнть. (*Къ Дамамъ*) Нѣтъ, мои милыя, ужъ если на то пошло, такъ вамъ меня не одурачить!

В с ъ.

Ха, ха, ха!

ДАМА N 1.

Точь-въ-точь.... Ахъ, какъ вѣрно!

НАДЕЖДА ЕГОРОВНА (*къ Дамъ N 3*).

Нѣтъ, ты, душка... это, какъ она послѣ Ухарскаго.

ДАМА N 3.

О, да! (*расталкиваетъ Дамъ, отправляется къ зальной двери и кричитъ*) Публика, отступи! Явленіе второе: мамзелька и Ухарскій! (*возвращается, помаживая платочкомъ и копируя съ искаженномъ видѣ Софью Петровну.*) Мнѣ-съ, жарко-съ! Мнѣ безъ Ухарскаго скучно-съ... (*басомъ*) А, вы здѣсь, сударыня? (*жеманно*) Да, я ищу виновника моего благополучія!... Ваше письмо меня воскресило! (*басомъ*) Ого! Значитъ, я колдунъ! (*пискливо*) Да, и вы бы сами тому повѣрили, еслибъ увидѣли меня въ ту счастливейшую минуту, когда мнѣ подалъ письмо Николашка; я, чуть не умерла отъ радости.... (*жеманно*) Цѣлуются — и уходятъ.... дѣйствіе-съ кончено!

НАДЕЖДА ЕГОРОВНА (*качаетъ съ удивленіемъ головой*).

Неужели такъ? Ахъ, какая наглая дѣвчонка! Вотъ какво!... Я этого не ожидала!

ДАМА N 1.

Клянусь тебѣ, машерь: какъ есть — ея слова!

НАДЕЖДА ЕГОРОВНА.

Вотъ штука! Ну, что жъ Летунова? Вотъ, я думаю... (*къ Дамъ N 3*) Душка, пожал....

ЯВЛЕНІЕ XI.

Тѣ же и Анна Тихоновна (*порывисто выходитъ изъ зала, оборачивается и плюетъ на порогъ*).

Тѣфу-ты, проклятый! Што-йто, отцы мои, навязался... проходу не даетъ! Тѣфу! тѣфу!

(*Бѣжитъ прямо на Дамъ, и увидавъ Надежду Егоровну, начинаетъ передъ нею приспѣвать*).

Анна Тихоновна (*язвительно и запальчиво*).

Здравствуйте, сударыня моя Надежда Егоровна; ну, мать моя, позвольте вамъ принести благодарность; признаюсь, не ожидала—за всю, можно сказать, любовь мою и расположенность—отъ васъ такого афронта. Позвольте вамъ напомнить, сударыня, что и лѣты мои не позволяютъ допускать надъ собой разныхъ насмѣшекъ, и званіемъ-то я не хуже другихъ прочихъ,—такая жь дворянка! только-что развѣ по Москвамъ не шляюсь, да острожными калачами не лакомлюсь...

(*Дама N 3 забываетъ сзади, и во все продолженіе монолога копируетъ Дину Тихоновну, выдѣлывая тѣ же жесты; прочія указываютъ на нее и стараются удержаться отъ смѣха. Старуха съ лорнетомъ, суетится прислушивается, бросается ко всѣмъ, и кричитъ*):

Не слышу!

Надежда Егоровна (*удерживаясь отъ смѣха*).

Что вы? Что вы, Анна Тихоновна? Вольно вамъ такъ принимать... это ошибка... увѣрю васъ...

Анна Тихоновна.

А вотъ что, сударушка моя, я вамъ доложу: теперь-то вамъ легко по чужимъ слѣдамъ добрыхъ людей за носы водить; а вотъ, увидимъ, впередъ-то какъ вы съ этимъ дѣломъ станете справляться! вѣдь, это не то, что котятъ пеленать!

Надежда Егоровна.

Какое тамъ дѣло?

Анна Тихоновна.

Да, такое-то дѣло... Вотъ она, мамзелькина-то записка у меня!

(Дамы въ испугѣ и изумленіи поднимаютъ руки и переглядываются; Старуха съ лорнетомъ вертитъ головой и перебѣгаетъ съ мѣста на мѣсто).

Анна Тихоновна *(показываетъ записку и зажимаетъ кулакъ).*

Вотъ она!

(Общее движеніе).

(Надежда Егоровна, Дамы N 1 и N 2 окружаютъ Анну Тихоновну; послѣдняя отмахивается и ходитъ вокругъ сцены).

Смѣшанные голоса:

Анна Тихоновна! Голубушка, отдайте! Вѣрьте, что это ошибка... Милочка, отдайте мнѣ... Пѣтъ, мнѣ!... Это дѣвочка ошиблась... Душенька, отдайте... я ее высѣку... Отдайте... Въместо мантильи... отдайте!... Ангель мой, покажите мнѣ... Право такъ, не сердитесь, отдайте!... Анна Тихоновна, красавица, отдайте!... и проч. *(Дама N 3 все время ходитъ сзади, кланяется, курьёзно присѣдаетъ и кричитъ громче другихъ: Милочка, отдайте! душечка, покажите! голубушка, не обидьте! и проч. Старуха съ лорнетомъ шмыгаетъ вслѣдъ за нею и кричитъ: Не слы-шу!)*

Анна Тихоновна *(обойдя сцену, направляется въ билъярдную).*

Не взъщите; самой нужна!

(Дамы преслѣдуютъ ее по прежнему—неотступно и продолжая кричать и хватать за руки; Старуха шмыгаетъ сзади, трясетъ головой и лорнируетъ).

(Занавѣсъ тихо опускаютъ).

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТЬЕ.

(Декорація перваго дѣйствія).

ЯВЛЕНІЕ I.

КАТЕРИНА НИКИТИШНА *(сидитъ на диванъ въ утреннемъ капотъ съ повязкой на головѣ).*

КАТЕРИНА НИКИТИШНА *(нохаетъ изъ флакончика).*

Какая сильная головная боль! Нѣтъ ничего убійственнѣе, какъ провести ночь безъ сна: это настоящая пытка! Гнусный селадонъ! еслибъ онъ зналъ — какія страшныя истязанія... Удивляюсь своей слѣпотѣ! Какъ можно было довѣряться хоть на минуту этому ославленному негодяю... *(Ходитъ молча, потомъ смотритъ на часы).* Что жъ это она до сихъ поръ не ѣдетъ? вотъ уже два часа какъ я послала сани; она ночевала у Прохиныхъ, а тамъ, я знаю, встаютъ очень рано. Того и жди, что онъ прилетитъ на обѣщанное свиданье. *(Засматриваетъ въ лакейскую).* А вотъ, кажется, она... Эта женщина для меня теперь страшнѣе всякаго суда и необходимѣе воздуха... Нечего дѣлать, потеряннаго не воротишь; по крайней мѣрѣ, посредствомъ ея дамъ другое направленіе толкамъ, которыхъ ни въ какомъ случаѣ не избѣжать....

ЯВЛЕНІЕ II.

КАТЕРИНА НИКИТИШНА и Анна Тихоновна.

КАТЕРИНА НИКИТИШНА.

Здравствуйте, моя безцѣнная Анна Тихоновна. Извините, я васъ нынче рано потревожила.

Анна Тихоновна.

Ничего, моя кралячка; я уже давно на ногахъ: у заутрени была — у Пятницы Божедомской раннюю отстояла;

хотѣла-было въ монастырь къ поздней, да съ Прохиянымъ сѣпилась, насилу процентами разочлись. (*Всматривается*).
Што-йто вы, моя красавица, словно не въ себя?

КАТЕРИНА НИКИТИШНА (*горестно*).

Ахъ, ужь лучше и не спрашивайте.... Вы знаете мою любовь къ дѣтямъ... притомъ же я имѣю такой несчастный характеръ, что меня всякая малость, можно сказать, чуть не въ гробъ кладеть.... Вамъ, конечно, неизвѣстно... а представьте мое положеніе: сколько времени молчала, смотрѣла на все, можно сказать, сквозь пальцы; авось, думаю, сама образумится; даже была на столько снисходительна и великодушна, что не обращала вниманія ни на какіе тѣлки.... Все на себѣ переносила.... (*Убѣдительно*). Вотъ вамъ, моя милая, прямое доказательство, какъ иногда бываютъ нелѣпы слухи: вамъ извѣстно, чего не толковали на счетъ Ухарскаго, какъ не трактовали—а истина-то сама выходитъ наружу.

АННА ТИХОНОВНА (*озадаченная*).

Что и говорить, моя кралечка.... правда — со дна моря вынырнеть.

КАТЕРИНА НИКИТИШНА (*жалобно*).

Да... И за что бы, казалось, этимъ людямъ питать ко мнѣ такую ненависть.... Всѣ недостатки, какіе только можно допустить въ женщинѣ—все относили ко мнѣ.... Кого мнѣ не приписывали? и Чуйкова, и Скварскаго, и учителя, а теперь вотъ—Ухарскій явился на сцену! (*Плачетъ*). Я женщина убитая рокомъ, ни откуда не вижу радости: одно, можно сказать, для меня утѣшеніе — это дѣти! для нихъ я готова перенести всякую несправедливость! (*Рѣшительно*). Пусть говорятъ, что хотятъ!

АННА ТИХОНОВНА (*въ сторону*).

Вишь, куда гнетъ! Хитра, Маланья! (*Катеринѣ Никитишнѣ*). Охъ, моя кралечка, знаю я всю эту несправедливость. На моихъ глазахъ все было, матушка.... И до-прежде этого было много вокругъ васъ недоброжелателей.

КАТЕРИНА НИКИТИШНА (*утирая глаза*).

Подлинно, мнѣ теперь, въ моемъ положеніи, остается только просить у Бога одного терпѣнія.

АННА ТИХОНОВНА.

Такъ, такъ, моя красавица; одно терпѣніе, именно, и вы получите его; а ужъ всѣхъ этихъ спекуляторовъ Богъ накажетъ, непременно накажетъ, ручаюсь вамъ, подписку даю—накажетъ такъ, что и не опомнятся; а вы все-таки останетесь при всей вашей невинности и правдѣ.

КАТЕРИНА НИКИТИШНА.

Благодарю васъ, мой другъ; вижу, что вы только однѣ въ состояніи меня понимать — и повѣрьте, что буду умѣть оцѣнить ваше расположеніе.... Скажите, чтѣ я должна дѣлать теперь? Вы знаете, какъ я дорожу дѣтьми.

АННА ТИХОНОВНА.

Охъ, моя матушка; ужъ и не придумаю, чтѣ тутъ такое творится....

КАТЕРИНА НИКИТИШНА.

Скажите, милая, меня до крайности удивляетъ, отъ кого бы это онѣ могли такъ вѣрно узнать обо всемъ?

АННА ТИХОНОВНА.

А Господь вѣдаетъ, моя матушка; я, вѣдь вы знаете, не люблю мѣшаться въ чужія дѣла.... Да ужъ такъ ли—полно? я думаю, такъ, врутъ—на вѣй-вѣтеръ!

КАТЕРИНА НИКИТИШНА.

О, нѣтъ, нѣтъ, это вѣрно. Теперь меня никто не разувѣритъ—сама все видѣла. Могу вамъ побожиться, что это такъ. Николашка, сразу сознался, что передалъ ей вчера утромъ письмо; а дальше, вообразите, хоть зарѣжь, такой убой, молчить! сколько ни допрашивала... Ну, да теперь, авось, одумается: я его въ ночь отправила въ деревню и отдала строгій приказъ, чтобъ на него надѣли лапти и приставили къ скотному двору.... Впрочемъ, писемъ ея мнѣ теперь вовсе не нужно, я ихъ всѣ перечитала прежде.

*

Анна Тихоновна *(съ удивленіемъ)*.

Щеужто, мать моя?

КАТЕРИНА НИКИТИШНА.

Помилуйте, да этакой вѣтренной дѣвчонки, клянусь вамъ, отродясь не видывала.... только моего, можно сказать, ангельскаго, терпѣнья доставало, чтобъ выносить все, что совершалось передъ моиими глазами: сколько разъ лѣтомъ въ деревнѣ встрѣчала ихъ въ бесѣдкѣ; здѣсь, бывало, какъ ни приду въ классную, или къ ней на верхъ—сидятъ себѣ какъ голубки спарованные: ни стыда, ни совѣсти....

Анна Тихоновна *(глядитъ съ удивленіемъ ей въ глаза и подозрительно раскачиваетъ головой)*.

КАТЕРИНА НИКИТИШНА.

Клянусь вамъ.... И вообразите, ко всему этому, какова хитрость у этой твари: признаюсь, я, знаете — на всякій случай имѣла у себя двойные ключи отъ ея комодовъ и шкаповъ; вчера пошла отыскивать эту переписку — и, какъ бы вы думали? на самомъ видномъ мѣстѣ лежитъ только — одинъ дневникъ! Тамъ она Ухарскаго просто мѣшаетъ съ грязью; а письма—словно въ воду канули... Ну, да теперь, для моего убѣжденія не надо никакихъ уликъ и доказательствъ; вчерашнее ихъ randevu у Прохиныхъ открыло мнѣ глаза.... *(Ходитъ и говоритъ съ увлеченіемъ)*. Пусть же теперь врутъ на меня, что хотятъ, — это меня нисколько не потревожить.... По крайней мѣрѣ, увидятъ всѣ, что я—какъ ни гадка — по ихъ мнѣнію—а все-таки не способна терпѣть у себя въ домѣ никакихъ мерзостей...

Анна Тихоновна *(въ сторону)*.

Ну! поѣхала! теперь ничѣмъ не своротишь!... *(Катеринѣ Никитишинѣ)*. Охъ, моя матушка, не лучше ли съ этимъ дѣломъ обойтись потише, а то—сами знаете, какой у насъ народъ.... все у нихъ пойдетъ съ больной головы да на здоровую.

КАТЕРИНА НИКИТИШНА.

Конечно, эти твари все могутъ перетолковать въ дур-

ную сторону, да я тѣмъ однимъ уже обезпечена и покойна, что все это совершится на вашихъ глазахъ, и вы можете безгрѣшно сказать, такъ ли я поступила въ этомъ случаѣ—какъ мать и хозяйка дома; по крайней мѣрѣ, вы, я знаю, не покривя душой, скажете имъ все, какъ было дѣло, а больше всего, такъ ли я дорожу этимъ негодяемъ, какъ онъ воображ.... *(поднимаетъ руки и вслушивается)*. Ахъ! шумить! вѣрно онъ! *(торопливо заглядываетъ въ переднюю)*. Такъ и есть! *(Аннѣ Тихоновнѣ, скоро)*. Ангелъ мой, я за этимъ просила васъ: помогите.... У нихъ нынче соглашено свиданіе.... пошлемъ къ ней дѣвку—просить, чтобъ она сошла сюда завнять гостя, пока я выду; понимаете?... Идетъ; пойдемте!... *(Тащитъ Анну Тихоновну за руку)*.

ЯВЛЕНІЕ III.

Ухарскій *(входитъ)*.

Чортъ возьми, въ передней ни души! гдѣ жъ этогъ шутъ Николашка? *(нюхаетъ воздухъ)*. И Тихоновной кажется не пахнетъ: вѣрно у Прохинныхъ; какъ бы не прозывать эту вѣдьму.... Планъ я сочинилъ прекрасный; что-то будетъ?... *(подходитъ къ зеркалу)*. Ого! даже лице измѣнилось! Вотъ какъ!.... эти глупыя мечанія да размысленія какъ пойдутъ тебя навѣщать, такъ тутъ ужъ и не думай уберечь цвѣтъ лица. *(Смотритъ на языкъ и третъ бороду)* Въ самомъ дѣлѣ, физиономія преизмятая—вотъ тебѣ, бабушка, и юрьевъ день! Нѣтъ ужъ, почтеннѣйшая госпожа мамзелька, какъ вамъ угодно—а нынче рѣшено.... Надо же кончить, а то, въ самомъ дѣлѣ—засохнешь отъ одной испывс.... *(останавливается и смотритъ на лѣстницу; Софья Петровна медленно сходитъ)*. Она! Каково?... Значить, мы не прочь отъ удовольствія побесѣдовать.... Ахъ, какъ бы.... *(идетъ на встрѣчу)*.

ЯВЛЕНІЕ IV.

Софья Петровна и Ухарскій.

Софья Петровна.

Что жъ это? Сказали дама.... а это вы? Здравствуйте, m-г Ухарскій!

УХАРСКИЙ.

Да, это я! къ удивленью, или къ сожалѣнью: какъ прикажете счесть на этотъ разъ?

Софья Петровна.

Удивляться нечему: вы тутъ такъ часто бываєте; сожалѣть же объ этомъ—было бь неприлично....

УХАРСКИЙ.

Значить, вы рѣшаетесь видѣть меня только изъ одного приличія? Какъ это грустно слышать....

Софья Петровна.

Ахъ, я знаю, вы мастеръ переиначивать смыслъ каждаго слова.... Чтобъ убѣдить васъ въ противномъ, пожалуй, скажу: очень рада васъ видѣть. Довольны вы этимъ?

(Катерина Никитишна выглядываетъ изъ двери и показываетъ жестами на колонну; Анна Тихоновна прокрадывается и становится на указанное мѣсто).

УХАРСКИЙ *(въ сторону)*.

Ахъ, какъ хороша! *(Софья Петровна)*. А знаете ли, что я вамъ скажу: я прѣхалъ нынче не для чего инаго прочаго, а собственно съ тѣмъ, чтобъ видѣть васъ и передать вамъ самую необходимую вещь.

Софья Петровна.

Что жь это такое?

УХАРСКИЙ *(торопливо)*.

Да, для меня это необходимо, клянусь вамъ; я нахожусь въ такомъ положеніи, что если бь вы знали.... это мое состояніе, вѣрно бы....

Софья Петровна *(съ удивленіемъ)*.

Что съ вами?

УХАРСКИЙ.

Позвольте сказать вамъ откровенно....

Софья Петровна.

Извольте; только, пожалуйста, не....

Ухарскій (съ жаромъ).

Да, я долженъ наконецъ открыть; надѣюсь, что у васъ доброе сердце; вы меня поймете и сжалитесь.... Слушайте— и судите меня! Вы сдѣлались монимъ злѣйшимъ врагомъ; вы лишаете меня покоя, сна, пищи.... всего! вы... черезъ васъ я теряю разсудокъ; я для васъ....

Софья Петровна.

Ахъ, нѣтъ, нѣтъ, прошу васъ, оставьте этотъ разговоръ; если это шутка, такъ она неумѣстна; если жь вы этимъ намѣрены высказывать ваши чувства, то, скажу вамъ прямо: я не сродна и не расположена васъ слушать.

Ухарскій (съ увлеченіемъ).

Я не шучу.... я васъ обожаю, страстно, пламенно.... Неужели вы мнѣ не врите?...

Софья Петровна (тревожно).

Ахъ, Бога ради.... прошу васъ.

Ухарскій.

Заклинаю васъ—выслушайте меня!

Софья Петровна.

Извините, я должна буду васъ оставить.

(Катерина Никитишна, по знаку Анны Тихоновны, приближается и вслушивается).

Ухарскій.

(Падаетъ на колѣни).

Софья Петровна (отпрыгивая отъ него).

Бога ради... пожалуйте меня...

Ухарскій (стоя на колѣняхъ).

Обожаемая... Поймите мою страсть!.. Жизнь и смерть въ вашихъ рукахъ....

ЯВЛЕНИЕ V.

ТѢ ЖЕ, Анна Тихоновна за колонной и Катерина Никитишна.

КАТЕРИНА НИКИТИШНА (*выступаетъ въ гордомъ ожесточеніи и становится между Ухарскимъ и Софьей Петровной*).

(*Ухарскому*). Встаньте... къ вамъ это нейдетъ. (*Софья Петровна, злобно*). Поздравляю! Это что?... Развѣ тебя за тѣмъ взяли въ домъ, чтобъ заводить здѣсь любовныя шашни?

УХАРСКІЙ (*въ сторону*).

Вотъ, чортъ возьми.... Вотъ—гадко!

СОФЬЯ ПЕТРОВНА (*отступая съ удивленіемъ и ужасомъ*).

Я... я не понимаю, что служитъ поводомъ... вамъ... вы... я не знаю, за что....

КАТЕРИНА НИКИТИШНА.

(*Софья Петровна*). А вотъ, узнаете, сударыня... Вся ваша игра въ невинность никуда не годится. Васъ за это стоило бы, знаете ли?... (*Анна Тихоновна*). Велите, милая, собрать ея вещи.

АННА ТИХОНОВНА.

(*Уходитъ на лѣво въ дверь, покачивая головой*).

УХАРСКІЙ (*въ сторону*)

А!... Вѣдьма тутъ.... понимаю!...

КАТЕРИНА НИКИТИШНА.

(*Софья Петровна, которая стоитъ, придерживаясь руками за столъ*). А вамъ, сударыня, я докладываю, чтобъ черезъ пять минутъ вашего духу здѣсь не было. Что жъ вы такъ вдругъ переконфузились? вамъ говорить!.. Идите!..

СОФЬЯ ПЕТРОВНА

(*Выпрямляется и смотритъ сознательно и гордо*).

УХАРСКІЙ.

(*Катеринь Никитишнъ*). Позвольте вамъ напомнить, что эта дѣвушка здѣсь невин...

Софья Петровна.

(Ухарскому). Остановитесь! Не вамъ меня защищать... (съ презрѣнiемъ). Вы до того пусты.... (Катеринѣ Никитишнѣ). Напрасно вы меня такъ торопите. Я не просрочу.... (Уходитъ).

Я В Л Е Н I Е VI.

Тѣ же, безъ Софьи Петровны.

КАТЕРИНА НИКИТИШНА (долго смотритъ на Ухарскаго и качаетъ головой).

Безчестный человекъ! этого ли я должна была ожидать....

УХАРСКИЙ (растерявшись).

Что жъ тутъ... Неужели мнѣ и пошутить нельзя.... Вотъ какая бѣда! Все это пустяки—одна шалость, больше ничего...

КАТЕРИНА НИКИТИШНА (запальчиво).

Низкой человекъ!

УХАРСКИЙ.

Что жъ вы, въ самомъ дѣлѣ... экая важность!... такъ, пошутить....

КАТЕРИНА НИКИТИШНА.

Молчи! . По крайней мѣрѣ, не доводите меня до необходимости высказывать всю черноту вашихъ поступковъ.

УХАРСКИЙ (приосанясь).

О, ужъ это слишкомъ по-диктаторски.... Знаете ли, что я вамъ скажу: если бъ вы не слушали кумушекъ, которыя окружаютъ васъ съ утра до ночи, и не вдавались такъ горячо во всѣ сплетни, то, право, были бы покойнѣе.... Ну, что тутъ; что за важность, если я вздумалъ пошутить съ дѣвочкой; что тутъ особеннаго? Ужъ вы знаете, у меня такой характеръ.... не могу! А вамъ не стыдно подглядывать изъ за-угла!?

КАТЕРИНА НИКИТИШНА.

И это была шутка?

УХАРСКИЙ.

Вы видите... Могло ли быть что-нибудь серьёзное съ дѣвчонкой, которую я...

КАТЕРИНА НИКИТИШНА.

Остановитесь! Гнусный лицемеръ! Съ дѣвчонкой!... Въ васъ нѣтъ даже на столько характера и чести, чтобъ застоять предметъ своей прихоти, шалости, увлеченія, какъ бы это сдѣлала всякій мальчишка.... Видите, даже она называетъ васъ въ глаза—пустымъ, пошлымъ... Ха, ха, ха! Я-то что жъ должна вамъ сказать? (съ вопросомъ). Вы низки!? скажите-ка по совѣсти... Для меня, положимъ, это еще ново.

УХАРСКИЙ.

Э, полноте.... вы въ ражѣ.... Къ чему такъ горячиться изъ пустяковъ,—этимъ вы ничего не выиграете..

КАТЕРИНА НИКИТИШНА.

Ха, ха, ха! Значить, вы способны даже разсердиться, въ случаѣ, еслибъ я вамъ сказала, что вы самый пустой, самый пошлый, самый подлый человекъ, какихъ только свѣтъ создавалъ!

УХАРСКИЙ (*вспыльчиво*).

Тьфу, чортъ возьми.... да что жъ это, наконецъ!...

КАТЕРИНА НИКИТИШНА.

Вотъ, вы и разсердились.... А хотите, я для васъ тотчасъ сдѣлаю такое удовольствіе, что вы будете плясать отъ радости?

УХАРСКИЙ (*отворачивался*).

Я не хочу васъ слушать.... вы рискуете вызвать меня на дерзость.

КАТЕРИНА НИКИТИШНА.

На дерзость!... О, нѣтъ! вы такъ довольны, такъ счастливы настоящимъ.... (съ удущемъ и бѣшенствомъ). Дѣлишки ваши идутъ такъ хорошо — понимаете?... чего же вамъ

больше? Тихоновна ушла въ адъ.... Никитишну вы отправили въ ряды.... (*трясетъ полую капота*). У вашей Облайчиковой такая юбка.... какже.... нельзя не подражать.... Подлый хвастунишка!... Ахъ, какъ я унизилась, какъ я опошлилась съ вами!... Впрочемъ, для васъ не стоить тратить словъ.... Вы истуканъ — вы машина.... Убирайтесь-ка отсюда, слышите? И чтобъ ваща мысль не залетала сюда.... а, кстати, я вамъ вышлю спутницу.... только сюда ни ногой, слышите! (*уходитъ порывисто*).

ЯВЛЕНІЕ VII.

Ухарскій (*одинъ*).

Этакая азартная! ревнуетъ ко всему.... (*ходитъ въ волненіи и машетъ руками*). Впрочемъ, чортъ возьми, я радъ, что отдѣлался.... Вотъ гадкая штука! Теперь она тамъ несчастную мамзельку, пожалуй, зациплетъ.... Что жь тутъ дѣлать? По настоящему, следовало бы разыграть этакъ—рыцаря въ шпорахъ, то есть предложить угнетенной невинности руку и сердце.... Не пойдетъ, канальство, горда! Эти бѣдныя и честныя дѣвицы ужасно много о себѣ думаютъ.... А ну, какъ съ дуру ляпнетъ согласіе, что тогда? просто — гибни! двѣ старыя юбки да какого-то инвалида на костыляхъ въ придачу.... Нѣтъ—дудки! этакъ, пожалуй, всякій благоразумный чловѣкъ назоветъ пошлякомъ.... Рыцарство и шпоры теперь не у мѣста.... Поэзія—глупость, дѣтство, младенческое состояніе вѣка и чловѣка.... теперь прогрессъ, философія, расчетъ, общее стремленіе создавать средства и умъные пользоваться ими,—вотъ что нужно чловѣку—и, если у него въ головѣ мозгъ, а не сѣнная труха!.. Эхъ, чортъ возьми, бросить этотъ глупый городишко! тутъ всѣ эти матери и дщери ужасно любятъ ударять въ любовь.... (*беретъ шапку*). Теперь, пока, къ Облайчиковой; эта по крайней мѣрѣ безъ претензій на нѣжности — понимаетъ страсть какъ должно.... Люблю.... (*заглядываетъ въ зеркало*). А тамъ, пожалуй, въ Москву: отыщу себѣ красотку пудовъ въ шесть вѣсомъ, лѣтъ въ

сорокъ пять этакъ—душъ шестьсотъ незаложенныхъ... вотъ, тутъ—и узы брака и любовь—и все законно и позволительно: для такой можно собой жертвовать, чортъ возьми... Запишусь въ клубъ... Вотъ что нужно: отъ вѣка—ни на шагъ!... (*направляется*). Ну, теперь, выходить—адіецъ, мамзелька! Прощаю васъ за давешнюю дерзость, и за то маленькое волненіе, въ которомъ я находился по вашей милости... Въ самомъ дѣлѣ, не глупость ли такъ долго хлопотать и тревожиться изъ пустяковъ? (*уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ VIII.

ДЕМЕНТІЙ.

(*Выходитъ на сцену, съ чемоданомъ и подушками, — кладетъ свою ношу, вынимаетъ изъ бокового кармана табакерку, третъ задумчиво крышку, открываетъ, черпаетъ щепотъ табаку и держитъ руку на вѣсу*).

Вотъ оно что!? (*нюхаетъ, держитъ долго щепотъ у носа и думаетъ*). Ке-эхъ... Грѣхи тяжкіе!... (*прячетъ табакерку и уноситъ чемоданъ въ переднюю*).

ЯВЛЕНІЕ IX.

АННА ТИХОНОВНА (*сходитъ съ лѣстницы*).

Вотъ она, подлая Падѣжка—чего натворила! дѣвка-то убивается, чуть объ стѣну головой не стучить... Известно, какъ теперь къ отцу глаза показать? глядишь—и тотъ прогонить; скажетъ—распутная, либо съ пьяныхъ глазъ отдубаситъ костью—а за что? такъ! въ чужомъ пиру похмѣлье! Эта змѣя рада, что есть на кого всю свою черноту свалить: на такую напала! другая бѣ сама глаза выцарапала... Вотъ, сгонить со двора—дѣти опять останутся ни при комъ; пойдутъ повѣсничать... Кому приглядѣть? Отецъ на кухнѣ—съ утра до ночи кострюльки ополаскиваетъ; а сама, того гляди, опять помирится съ Ухарскимъ, либо другаго утѣшителя найдетъ... Мало ли ихъ переѣмниці! Одначе, пойдти усовѣстить; чай, рсвѣтъ теперь какъ корова. (*Уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ X.

Софья Петровна (*сходитъ съ лѣстницы въ капоть и дорожномъ чепчикѣ; въ одной рукѣ держитъ шляпку, другою утираетъ платкомъ глаза*).

Какой быстрый переходъ! Могла ли я ожидать, что такъ скоро должна буду бѣжать отсюда — какъ преступная и осужденная... Чувствую, что мнѣ бы не хотѣлось такъ непріязненно разстаться съ этимъ домомъ: дѣти чужія, а мнѣ ихъ жаль; я привыкла къ нимъ... Боже мой, неужели въ моемъ званіи подобныя непріятности и оскорбленія неизбежны? Какъ и гдѣ заpastись на столько умнѣемъ, чтобъ можно было ихъ избѣгать... Чѣмъ подаю я поводъ къ такому обидному обращенію со мной?... Неужели, съ этихъ лѣтъ, я должна привыкать къ мысли, что въ людяхъ нѣтъ ни состраданія, ни справедливости...

ЯВЛЕНІЕ XI.

Евгеній, Катинька, Сережа и Леночка (*бѣгутъ съ лѣстницы и окружаютъ Софью Петровну*).

СЕРЕЖА.

Мы еще хотимъ проститься.

КАТИНЬКА.

Ты плачешь, Sophie? другъ, не плачь....

ЛЕНОЧКА (*кидается на шею къ Софьѣ Петровнѣ*).

Не ѣзди къ твоему папа; останься съ нами!

ЕВГЕНІЙ.

Restez avec nous....

СОФЬЯ ПЕТРОВНА.

(*Могла обнимаетъ Леночку; дѣти ее цѣлуютъ въ плечи, въ руки и въ голову*).

Леночка.

Возьми меня съ собой; я увижу твоего папа... Я буду его любить также, какъ тебя.

Софья Петровна (*сквозь слезы*).

Нельзя... Онъ далеко...

Катинька.

Ты къ намъ прїѣзжай, Sophie, скорѣе прїѣзжай. Я первая побѣгу тебя встрѣчать.

Сережа.

Нѣтъ, я первый...

Всѣ.

Нѣтъ я, нѣтъ я... мы всѣ...

ЯВЛЕНІЕ XII.

КАТЕРИНА НИКИТИШНА и Анна Тихоновна (*выходятъ изъ внутреннихъ комнатъ*).

КАТЕРИНА НИКИТИШНА (*продолжая разговоръ*).

Ваша правда; я сама чувствую, что онъ не дадутъ мнѣ пощады, особенно Облайчикова; да, я покойна тѣмъ, что вы... (*увидавъ дѣтей*). Это что? Прочь, прочь отсюда... Кто вамъ позволилъ... (*Дѣти бѣгутъ на верхъ*). Избаловали васъ... (*Софья Петровна*). А вы, сударыня, извольте-ка отправляться своимъ путемъ... нечего тутъ хныкать и тосковать... Тамъ, за угломъ гдѣ-нибудь васъ ждетъ и утѣшеніе, и прїятный спутникъ...

Софья Петровна.

Извините, я не отношу этого къ себѣ: меня никто не ждетъ за угломъ... Меня ждетъ мой отецъ, котораго честью и спокойствіемъ я дорожу больше всего на свѣтѣ... (*съ чувствомъ*). Онъ доверилъ меня вамъ—какъ второй матери, въ надеждѣ—что я не встрѣчу здѣсь никакихъ оскорбленій! (*плачетъ*). И мнѣ бы легче было ихъ перенести... еслибъ я знала причину...

КАТЕРИНА НИКИТИШНА *(съ ироніей)*.

Вотъ какія вдругъ нѣжности! Въ самомъ дѣлѣ, иной подумаетъ—какъ жалка!... Причину?... Впрочемъ, не безпокойтесь; вашъ прелестный папа узнаетъ все: я постараюсь объяснить ему всѣ ваши достоинства.

СОФЬЯ ПЕТРОВНА *(твердо)*.

Если то будетъ клевета, ручаюсь впередъ, что онъ вамъ не повѣритъ.... извините, я полагала, что найду въ васъ больше благородства и справедливости... *(идетъ)*.

КАТЕРИНА НИКИТИШНА *(бросается вслѣдъ съ поднятою рукой)*.

Ахъ ты негодная дѣвчен....

АННА ТИХОНОВНА *(хватаетъ за руку)*.

Охъ, моя матушка, будеть.... вы только себя пуще этимъ растревожите.... и охота вамъ изъ-за этакой ничтожности терять свое здоровье и спокойствіе.

Я В Л Е Н І Е XIII.

ТѢ ЖЕ, БЕЗЪ СОФЬИ ПЕТРОВНЫ.

КАТЕРИНА НИКИТИШНА.

Вотъ вамъ доказательство, мой другъ; вы свидѣтельница— до чего она стала дерзка.... Помилуйте, нельзя даже слова сказать.... Что жъ я тутъ такое, скажите? Неужели же я должна уступать.... велика птица! не смѣй слова сказать! Вотъ до чего доводитъ излишняя деликатность.... Вотъ, на вашихъ глазахъ— скажите? За всю мою доброту изволь выслушивать подобныя дерзости.... Другая мать, конечно.... а я, вы знаете, не могу.... я ли виновата, что не могу терпѣть никакихъ гадостей у себя въ домъ *(плачетъ)*. Боже мой, за что я такъ наказана? Всякій, кажется, видитъ мою доброту.... какихъ ласкъ и угожденій не оказывала этимъ недостойнымъ людямъ.... сколько перенесла напраслины.... вамъ, мой другъ,

нечего говорить, вы знаете каковъ у насъ народъ... готовы, кажется, проглотить... а за что? Вотъ, и теперь, я думаю... на меня... всѣ...

Анна Тихоновна *(въ сторону)*.

Господи! Сказываютъ—Иуда удавился; а онъ—вотъ онъ, въ бѣломъ капотѣ! *(качаетъ головой)*. Ну, мастерица! *(Катерина Никитишна)*. Охъ, моя матушка, будетъ ужъ вамъ прибирать да причитывать—себя только разстроиваете... Подите-ка, лягте въ постель; вамъ покой нуженъ; сами говорите, ночь не почивали.

Катерина Никитишна.

Безцѣнная, Анна Тихоновна, какъ я вамъ обязана... подлинно, на васъ одиѣхъ у меня надежда—вы одиѣ меня понимаете.

Анна Тихоновна.

Понимаю, матушка, да что дѣлать-то: языкомъ локтя не оближешь...

Катерина Никитишна.

Клянусь вамъ, въкъ не забуду такого одолженія... Пойдемте, я вамъ давно хотѣла предложить—на память мою кацавейку на куньемъ мѣху: она у меня лишняя. *(Идетъ въ изнеможеніи; Анна Тихоновна поддерживааетъ подъ руку)*.

Анна Тихоновна.

Охъ, моя кралечка; покой вашъ для меня дороже всякихъ куницъ! *(Уходятъ)*.

*(За сценой голосъ Летунова: Сюда, такъ, болванъ — тише!
Гдѣ Николашка? Давай сюда, такъ!)*

ЯВЛЕНИЕ XIV.

ЛЕТУНОВЪ (*суетливо входитъ въ теплое пальто, подпоясанный кушакомъ; вслѣдъ за нимъ Дементій вноситъ клятку съ фазанами и ставитъ на столъ*).

ЛЕТУНОВЪ.

Сюда... Ставь тутъ! (*потираетъ руки*) такъ! Гдѣ Катонокъ? Встала барыня? Ступай, зови, скажи... да ты, этакъ, братецъ, эхъ! (*поправляетъ клятку*). Ну, что ротъ разинулъ? Ступай... гдѣ барыня?

ДЕМЕНТИЙ.

Должно быть тамъ, у себя.

ЛЕТУНОВЪ.

Бѣги, скажи, проси сюда, скажи, баринъ сейчасъ—напримѣръ, просить, очень-моль нужно.

ДЕМЕНТИЙ.

Сейчасъ, батюшко. (*Шмыгаетъ поспѣшно къ двери направо; Летуновъ потираетъ руки передъ кляткой*).

ЛЕТУНОВЪ (*суетливо Дементію*).

Постой, постой, сначала.... поди сюда, болванъ! Сначала дай сюда салфетку: мы этакъ завѣсимъ, понимаешь? Пусть узнаетъ... Ступай... салфетку!

ДЕМЕНТИЙ.

Слушаю, батюшко. (*Бѣжитъ и цѣпляется за мебель*).

ЯВЛЕНИЕ XV.

ЛЕТУНОВЪ (*одинъ*).

Неповоротень.... гдѣ Николашка? Этотъ дуракъ вѣчно въ расходкѣ. (*Глядитъ на клятку и потираетъ руки*). Какое

счастье, канальство.... Кстати въ Ямскую заѣхалъ — какъ будто зналъ — судьба! тутъ тросчники — въ Петербургъ — живые фазаны.... давай сюда! Слупили шельмецы — ну, да за то.... за дамъ же.... (*ходитъ*) Вотъ — удивится! Всю ночь продумалъ объ жаркомъ: эти пулярки да рябчики — на примѣръ, выходитъ пустая вещь!... изъ рябчиковъ сниму филей-бульденежи въ галантирь — самъ придумалъ.... свое! остальныхъ въ соте — пропалъ Облайчиковъ! Мастеръ.... любо смотреть! Жретъ, этакъ на примѣръ, за объ щеки — и не подавится! Ну, друзья, теперь я правъ съ обѣдомъ....

Я В Л Е Н І Е Х V I .

Летуновъ и Дементій (*съ салфеткой*).

Летуновъ.

Давай. Вотъ такъ. Ну; теперь эту сторону....

Дементій (*любуется на птицу*).

Вотъ она, жаръ птица золотыя яблоки.... вишь.... первой на въку! привелъ таки Господь....

Летуновъ (*оправляя салфетку*).

А вотъ, мы ихъ.... въ жаркое....

Дементій.

Жалко, батюшка, такихъ.... чай, пѣсельницы.... съ другихъ концовъ земли везсны.... Владыко милостивецъ.... все на потребу чловѣка....

Летуновъ.

Ну, зови теперь, скажи, молъ, очень нужно.

Дементій.

Сейчасъ, батюшко. (*Уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ XVII.

Летуновъ (одинъ).

Знатная вещь! теперь, выходитъ, и думать не о чемъ.... Четвергъ, пятница.... катать! Къ супу каракеты пуцу, валаванчики.... Холмогорскіе огузки съ котлетами этакъ—съ свѣжими языками, брр! вещь! Держись Облайчиковъ! съѣлаю сафой особенный....

ЯВЛЕНІЕ XVIII.

Летуновъ и Дементій.

Дементій.

Приказали доложить: очень неможется что-то.

Летуновъ.

Дуракъ! Треска въ капоть! Тебъ сказано, напримѣръ, очень нужно, ты такъ и.... на одну минуту скажи, нельзя, нужная вещь.... пошоль! (*Повертываетъ Дементія за плечи и пихаетъ*).

ЯВЛЕНІЕ XIX.

Летуновъ (*бѣгаетъ съ озабоченнымъ видомъ*).

Увалень... куда пропаль Николашка?... пулярку катну съ трюфелемъ и мадерой; досадно, спаржи нѣтъ!...

ЯВЛЕНІЕ XX.

Летуновъ и Катерина Никитишна (*входитъ съ тоскливымъ и огорченнымъ видомъ*).Летуновъ (*бѣжитъ*).

Здравствуй Катокъ! Bon jour, душка! Ну, я привезъ тебъ показ.... (*Останавливается и смотритъ на жену, распопыря руки*). Что съ тобой? Что тамъ?... на тебъ лица нѣтъ....

КАТЕРИНА НИКИТИШНА (*болзненно опускается въ кресло*).

Не смѣла послушаться.... пришла .. а видите, въ какомъ я положеніи. (*Прикладываетъ платокъ къ глазамъ*).

Летуновъ.

Что тамъ? Что случилось? Ты въ разстройствѣ? мигрень, а?

КАТЕРИНА НИКИТИШНА.

Всѣмъ этимъ я обязана вашей сестрицѣ за ея прелестную рекомендацію....

Летуновъ.

Ну, вотъ еще.... Чтò тамъ сестрица?

КАТЕРИНА НИКИТИШНА.

А то, что она изъ любви къ племянникамъ выслала вамъ такую прекраснѣйшую гувернантку, которая нынче меня чуть не прибила; а ужъ дерзостей отъ нея столько наслушалась, что, я думаю, ни одна горничная того не услышитъ отъ своей госпожи.

Летуновъ.

Что жь она тамъ, взбѣсилась, что ли?

КАТЕРИНА НИКИТИШНА.

По неволѣ взбѣсится... наша снисходительность и деликатность кого не испортятъ?

Летуновъ (*озадаченный*).

Какъ же это? Вы ее такъ расхваливали....

КАТЕРИНА НИКИТИШНА.

Какже я смѣю тутъ порицать то, чтò ваша сестрица такъ хвалитъ и величаетъ въ каждомъ письмѣ, сидя тамъ у себя за шестьсотъ верстѣ!.. Это, по ея мнѣнію, не двушка,

а ходячая добродѣтель. (*Плачетъ*). Какое имѣеть право ваша жена противорѣчить.... ей остается одно—молчать и переносить все.... все хоронить у себя на сердцѣ.... иначе, объ ней скажутъ, что она вздорная женщина, что она....

Летуновъ (*въ досадѣ машетъ руками*).

Эхъ!... Чтожь это.... Что она такое—напримѣрь; за что это у васъ?

КАТЕРИНА НИКИТИШНА.

А за то, что я осмѣлилась войти сюда въ самую горячую минуту ея любовныхъ похожденій съ этимъ негодяемъ Ухарскимъ и сказать ей напрямикъ, что не намѣрена терпѣть у себя въ домъ подобнаго срама.

Летуновъ (*съ удивленіемъ*).

Съ Ухарскимъ?

КАТЕРИНА НИКИТИШНА.

Да. Съ этимъ негодяемъ, котораго не пускаютъ ни въ одну гостинную, и котораго вы сами пригласили къ себѣ въ домъ, чтобъ заводить тутъ разныя пакости.

Летуновъ.

Чтожь у нихъ тутъ, напримѣрь, съ Ухарскимъ?

КАТЕРИНА НИКИТИШНА.

Да тоже, что я сегодня видѣла....

Летуновъ (*въ недоумѣніи*).

Фу, чортъ возьми! Она, напримѣрь, была скромна.

КАТЕРИНА НИКИТИШНА.

То-есть какъ пишеть ваша сестрица; а я у этой скромницы вынула изъ комода вотъ какую пачку любовныхъ записокъ.... я думаю, достанетъ каминъ истопить... (*Убьдительно*). Срамъ смотреть: вчера, напримѣрь, у Прохиныхъ—всѣ указываютъ пальцами; я чуть не сгорѣла отъ стыда,

какъ услышала обо всемъ—и отъ кого же? отъ такихъ людей, которыхъ обязанъ всякій уважать, напримѣръ, старушка Жамкина, ужь на что слѣпа, и та все видѣла!

ЯВЛЕНІЕ XXI.

ТѢ ЖЕ И АННА ТИХОНОВНА.

КАТЕРИНА НИКИТИШНА (*указывая на Анну Тихоновну*).

Вотъ вамъ живой человѣкъ.... спросите, она была свидѣтельницей.... не покривитъ душой....

АННА ТИХОНОВНА (*Летунову*).

Здравствуйте, отецъ мой. Все ли вы въ добромъ здоровьѣ?

ЛЕТУНОВЪ (*разспянно*).

А? Сосѣдушка! (*Катеринѣ Никитишинѣ увѣщательно*). Ну, душка, что тамъ.... Успокойся.... Къ чему такъ горячо принимать.... Какой-нибудь вздоръ напримѣръ, и ты себя мучишь! Стоитъ объ этой дряни разсуждать.... Дурна—дойлой! същемъ новую.... пошло въ Москву—цѣлый обозъ при- тащать: выбирай любую....

КАТЕРИНА НИКИТИШНА.

(*Плачетъ*).

АННА ТИХОНОВНА.

И, моя кралечка; охота вамъ изъ-за этакого ничтожества, можно сказать.... только себя убиваете.

ЛЕТУНОВЪ (*въ сторону*).

Чортъ возьми! Вотъ наказаніе! Тутъ, напримѣръ, гости, а тутъ больна! Это всякое терпѣніе лопнетъ! (*Катеринѣ Никитишинѣ*). Эхъ, Катокъ! Ну, что тамъ? молодая дѣвушка, забылась, напримѣръ увлеклась.... съ кѣмъ этого не бываетъ.... Полно, душка моя....

КАТЕРИНА НИКИТИШНА *(встыльчиво)*.

Вотъ вы каковы, милостивый государь! что вы за человекъ! Скажите мнѣ? Вы готовы потворствовать всякой гадости.... сидите вы тамъ у себя подъ плитой и ничего не видите.... я одна тутъ страдай, пріискивай, старайся, хлопочи....

ЯВЛЕНІЕ XXII.

Тъ же, безъ Екатерины Никитишны.

Летуновъ *(къ публикѣ)*.

Ну, вотъ, всегда такъ! Разсердится и больна! А фазаны! посудите господа! просто, несчастье.... въ субботу, напримѣръ, всѣ... фазанъ на жаркое, а тутъ, напримѣръ, какая-нибудь мамзель спортить.... *(Аннѣ Тихоновнѣ)*. Уговорите ее, пожалуйста. *(Въжистъ)*.

ЯВЛЕНІЕ XXIII.

Анна Тихоновна *(одна)*.

Да, поди-ка, уговаривай! Эхъ, чумичка! только что котлеты на умъ... Взялъ бы хорошій пруть.... Вотъ какъ добрые мужья такихъ женъ уговариваютъ!

ЯВЛЕНІЕ XXIV.

Анна Тихоновна и Дементій.

Дементій.

За вами, матушка, отъ Жамкиной карету прислали: просятъ пожаловать, поскорѣй.

Анна Тихоновна.

Заразъ, голубчикъ. Вели обождать. Вотъ, только съ барыней прошусь.

Дементій.

Велю, матушка. *(Уходитъ)*.

ЯВЛЕНІЕ XXV.

Анна Тихоновна *(одна)*.

Вотъ они! пронюхали!... Теперь пошли кареты засы-
 лать.... недѣли двѣ такъ вотъ и будутъ возить словно сурка
 на показъ.... Вотъ и Егоза Егоровна—нынче чѣмъ свѣтъ ман-
 тилью прислала.... Погоди ты кошатница! я тебѣ насолю...
 Что мнѣ, не дѣтей крестить....

(Къ публикѣ).

То-то вотъ, отцы мои! Вотъ онъ каковъ народецъ у
 насъ! плетутъ-плетутъ, а послѣ и не распутають! что гдѣ ни
 услышать, за-разъ разблагговѣстятъ! Вотъ, на вашихъ гла-
 захъ, съ мамзелью — какихъ дѣлъ настряпали? Просто, жа-
 лости подобно.... *(съ чувствомъ)*. Нѣтъ-то лучше, какъ жить
 степеннѣй да смиреннѣй.... Куда ужъ намъ встрѣвать въ чу-
 жую заботу! и о себѣ ину-пору не знаешь какъ слово ска-
 зать....

(Занавѣсъ опускается).

Е. Дрянскій.

СОВРЕМЕННЫЯ ЧУВСТВА, ДУМЫ И СТАРЫЯ ВОСПОМИНАНІЯ.

«И такъ противъ Россіи, сражающейся за Православіе, рядомъ съ врагами христіанства становятся Англія и Франція!»

Наконецъ и мы слышали это изъ устъ Царя чрезъ уста св. Церкви. За что же возстаютъ противъ насъ двѣ сильныя державы Запада, представительницы двухъ исповѣданій христіанства? За то, что нашъ Православный Государь, мудрый и великій Представитель многочисленнаго народа, рѣшительно и дѣлательно ратуетъ за угнетенныхъ нашихъ собратій! И вотъ теперь Онъ, нашъ отецъ, надѣется, что «Россія не измѣнитъ святому своему призванію, и если на предѣлы ея нападутъ враги, то мы готовы встрѣтить ихъ съ твердостью, завѣщанною намъ предками!»

Не измѣнимъ! мы отъ отцовъ
Пріяли вѣрность съ кровью!
О Царь! здѣсь сонмъ твоихъ сыновъ,
Къ тебѣ горимъ любовью.
«Умремъ!» кликъ вторитъ по горамъ!

И не по горамъ только, но по всѣмъ ущеліямъ, необозримымъ равнинамъ, между открытыхъ степей и лѣсовъ дремучихъ.

Или отъ Перми до Тавриды,
Отъ Фіясскихъ хладныхъ скалъ до пламенной Колхиды,
Отъ потрясеннаго Кремля
До стѣнъ недвижнаго Китая
Стальной щетиною сверкая
Не встанетъ Русская земля?

Да, она уже встаетъ и встала. Пусть же знаютъ надменные сыны Альбіона и кичливые Галлы, что мы, сыны Православія и великой Россіи, дѣти одного великаго Отца, въ снѣгахъ Сибири и Камчатки, на льдахъ и туманахъ двухъ океановъ, на берегахъ пустыннаго Каспія и Эвксина, между огней Абшерона, въ ущеліяхъ и на высотахъ Кавказа, среди сыпучихъ песковъ степей Астраханскихъ и Оренбургскихъ, — вторимъ одно и то же, что говорятъ наши братья въ сердце Россіи — на берегахъ Волги, Невы, Днѣпра и Дуная: *Все, все въ жертву Царю и Отечеству!*

За нихъ, за нихъ всю нашу кровь,
На вражьи грянемъ силы!

Пусть знаютъ старѣйшіе насъ дѣти христіанства и просвѣщенія, что мы съ тѣхъ поръ, какъ приняли Христову вѣру въ православной Греціи и заняли просвѣщеніе въ Европѣ, грудью стоимъ за права того и другаго, противъ варварства, безвѣрія и суевѣрія. Но мы не стѣсняемъ ничьей вѣры, по коренному нашему закону: «Да всѣ народы, въ Россіи пребывающіе, славятъ Бога Всемогущаго разными языками по закону и исповѣданію праотцевъ своихъ.»

На этомъ основаніи мы не прозелитируемъ изъ другихъ христіанскихъ исповѣданій, а братски живемъ со всеми иноувѣрцами, мирно и съ христіанскою скромностію бесѣдуемъ какъ о чистотѣ своей вѣры, такъ и о заблужденіяхъ нашихъ собратій по человечеству. Наши проповѣдники никогда не возбуждали фанатизма народнаго ни противъ сектантовъ, ни противъ иноувѣрцевъ, но кротостію, силою убѣжденій, примѣромъ доброй нравственности, терпѣніемъ, а иногда кровью своею располагали сердца дикихъ идолопоклонниковъ и суевѣровъ къ спасительной вѣрѣ Евангелія. Наше правительство отъ первыхъ ступеней Престола Царя—до послѣднихъ блюстителей Его законовъ и повелѣній, считаетъ священною обязанностію оберегать общее и частное спокойствіе всѣхъ разнородныхъ подданныхъ великой имперіи, неприкосновенность лицъ и ихъ достоянія. Въ нашихъ судахъ и расправахъ засѣдаютъ Христіане всѣхъ исповѣданій; самые Мусуль-

мане присутствуютъ и имѣютъ голосъ на ряду съ нами. Въ рядахъ нашихъ воиновъ всемъ и каждому доступны наравнѣ съ подвигами и почести воинскія. И не только-что въ судахъ и расправахъ свидѣтельства безъ различія вѣры и присяга по вѣрѣ принимаются отъ всѣхъ и каждого: но и на самыхъ площадяхъ и улицахъ всѣ религіозные обычаи и обряды ино-вѣрцевъ и иногородцевъ, какъ бы они странны ни были для господствующаго народа, безопасны и неприкосновенны. Мѣстныя власти охраняютъ даже изступленныхъ фанатиковъ другъ отъ друга во время религіозныхъ празднествъ, какъ напримѣръ здѣсь за Кавказомъ во время памяти Хассана и Хусейна.

Жаль, что просвѣщенные Европейцы не знаютъ, или не хотятъ знать всего этого и особенно того, что при всей славы, великодушій и силѣ Русскаго народа, изступленные поклонники Корана варварски поступаютъ не только съ нашими плѣнными, но и самыми представителями посольствъ.—Пусть имъ неизвѣстны записки Муравьева, Назарова и подобныхъ имъ посланниковъ въ Среднюю Азію, пусть не знаютъ разказовъ русскихъ офицеровъ о томъ, что терпятъ наши плѣнные въ горахъ Кавказа, въ степяхъ Хивы, Бухары и Кокана: но неужели они не читали хотя въ общихъ чертахъ Исторіи и не помнятъ, что съ XIII вѣка, Россія, заслонивъ собою Европу отъ варварства дикихъ сыновъ среднеазійскихъ степей, приняла на грудь свою всѣ удары ихъ, вела и до сихъ поръ ведетъ борьбу съ ужаснымъ чудовищемъ невѣжества и фанатизма? Но что и говорить объ этомъ?

Они

. не читали

Сія кровавыя скрѣжили!

Католическая Франція забыла даже о подвигахъ своихъ героевъ отъ Карла Мартелла до Людовика Святаго, забыла всѣ проповѣди своихъ ревнителей христіанства и воззванія представителей Рима о Крестовыхъ походахъ. Филантропическая Англія тоже не помнитъ доблестей Ричарда Львиного Сердца, и оба эти государетва, гордясь классическимъ образованіемъ,

★

равнодушны къ воплямъ угнетенныхъ Эллиновъ. Мало того, эти державы, вѣроятно пресытятся политическою своею свободою, входятъ въ союзъ съ заклятыми врагами самой свободы совѣсти! Очевидно, что онѣ, противорѣча сами себѣ—не знаютъ, къ чему стремятся и что дѣлаютъ! По словамъ императора Французовъ, «пушечные выстрѣлы Синопа, гдѣ Русскіе одержали знаменитую побѣду надъ Турками, грустно отозвались въ сердцахъ всѣхъ тѣхъ, которые въ Англіи и Франціи живо чувствуютъ національное достоинство!» а Христіанская кровь и честь, стоны женъ, дѣтей и старцевъ подъ ятаганами Османовъ рѣшительно для нихъ ничего не значать.—И онъ же недавній укротитель политическаго фанатизма собственныхъ согражданъ, которые за то и провозгласили его своимъ повелителемъ, советуетъ Великому нашему Государю умиловитивить султана своимъ посольствомъ и выводомъ войскъ изъ дунайскихъ княжествъ!!!... Недаромъ самые союзники его вознегодовали за такіе совѣты. Но если объ западныя державы забываютъ свои обязанности; то мы помнимъ наше призваніе. Когда Византійская имперія пала, и луна осѣнила куполь св. Софіи вмѣсто Креста, а шпицы башенъ Константинополя—новаго Рима—вмѣсто двуглаваго орла: то не самъ ли глава древняго Рима и духовный владыка всего католическаго міра съ рукою наслѣдницы Палеологовъ передалъ, въ XV вѣкѣ, Русскимъ Царямъ и двуглаваго орла, символъ двухъ Римовъ, съ надеждою возстановленія чести христіанства, поправнаго пятою мусульманъ?

Конечно среди гражданскихъ внутреннихъ смуть, коммерческихъ расчетовъ и тонкостей хитрой, чтобы не сказать коварной,—политики, правители и законодатели большей части Европы забываютъ, что историческія событія идутъ своимъ порядкомъ по планамъ Вѣчной Премудрости; они думаютъ, что ихъ мудрованія и соображенія направляютъ эти событія къ извѣстнымъ цѣлямъ: тогда какъ всѣ наши планы и дѣла суть только орудія въ Десницѣ Всеправящаго, который, казня явное упорство непокорныхъ Ему, ихъ же свободными дѣлами ведетъ все къ своимъ таинственнымъ цѣлямъ.

Но православныя и благопокорныя судьбамъ Всевышняго,

Цари наши, а съ ними и вся ихъ Россія, во всѣхъ своихъ предпріятіяхъ; руководствуются прежде всего общимъ благомъ и чистотою своихъ намѣреній; съ смиреннымъ упованіемъ на Бога, безъ шума и кичливыхъ провозглашеній идутъ твердо къ предположеннымъ цѣлямъ. Пусть что угодно взводятъ на насъ клеветники Россіи: мы знаемъ, что наши Цари Избранники и Помазанники Божіи; мы вѣримъ, что сердце Царево въ руцѣ Божіей, что Всевышній *владѣтъ царствомъ Человѣческимъ и ему же хочетъ дать е.* Мы вѣримъ и надѣемся, что Всемогущій и Правосудный Богъ не постыдитъ нашей вѣры и надежды.

Вотъ наши при-каспійскія думы и чувствованія; теперь обратимся къ воспоминаніямъ. Больше двадцати лѣтъ живу я за Кавказомъ. Частію по природной склонности, частію по служебнымъ обязанностямъ искрестилъ весь перешеекъ отъ Чернаго до Каспійскаго моря.—Изучая же край, можно ли не замѣтить бывшаго здѣсь угнетенія христіанства, преобладанія исламизма и развалинъ прежнихъ памятниковъ на каждомъ почти шагу? Лѣтъ десять тому назадъ, я изложилъ задушевные мысли, *sine ira et studio*, объ исламизмѣ въ запискахъ по случаю втораго посѣщенія Арарата въ 1843 году. Послѣ того, живя около 7 лѣтъ среди мусульманъ, ближе ознакомилъ съ ихъ бытомъ, мыслями и нравственностью, въ самыхъ искреннихъ бесѣдахъ съ лучшими изъ нихъ, я еще болѣе уяснилъ себѣ этотъ предметъ. Теперь, когда вся Европа раздѣлилась на двѣ великія партіи, касательно мнѣній на счетъ ислама, считаю не неумѣстнымъ изложить и свои скромныя мысли, какъ русскаго челоуька, объ этомъ же спорномъ предметѣ.

Мусульмане вообще ведутъ трезвую жизнь; употребляютъ частыя омовенія; строго воздерживаются, во время рамазана, цѣлый день отъ пищи и даже питья; простой народъ терпитъ жажду и изнуреніе при самыхъ тяжкихъ работахъ, когда постъ ихъ приходится, вслѣдствіе луннаго времисчисленія, лѣтомъ; всѣ вообще много молятся въ мечетяхъ и дома, читая Алкоранъ; раздають милостыни и совершаютъ трудныя путешествія въ Мекку, куда путь лежитъ чрезъ степи и пустыни

подъ палящимъ тропическимъ солнцемъ, среди разбойничьяго населенія большей части Сиріи и Аравіи. Эти пилигримы цѣлые двѣнадцать дней передъ Меккою идутъ почти нагіе, прикрываясь одними саванами, чтобы явиться къ Каабъ какъ на страшный судъ Аллаха. Но этими подвигами и кончается вся лицевая сторона почитателей Корана. Воздержаніе отъ вина вознаграждается разрѣшеніемъ многоженства и содержаніемъ наложницъ въ неограниченномъ количествѣ; у нихъ нѣтъ святыхъ семейныхъ узъ, происходящихъ отъ таинства брака и цѣломудренной жизни мужа съ одною женою. Права цѣлой половины рода человеческого, т.-е. женскаго пола, оставлены арабійскимъ пророкомъ на произволъ сильнѣйшей половины, мужскаго пола. «Вы не согрѣшите этимъ!» говоритъ онъ въ своемъ Коранѣ, объясняя многоженство самую странную циническою метафорою. За каждымъ днемъ строгаго пощенія слѣдуетъ ночь возможныхъ для всякаго удовольствій. Молитвы ихъ чисто внѣшнія, которыя уже отвергнуты были Спасителемъ у фарисеевъ. Милостыни и путешествія въ Мекку суть залогъ, въ родѣ купли, будущихъ благъ, совершенно чувственныхъ, и непремѣннаго отпущенія всѣхъ грѣховъ настоящей жизни. Между тѣмъ какъ Спаситель давно уже сказалъ, что истинные поклонники должны поклоняться Богу въ духѣ и истинѣ на всякомъ мѣстѣ.

Исламъ или вѣра магометанская есть самая новая вѣра. «Нѣтъ Бога кромѣ Бога, а Магометъ пророкъ его!» Вотъ символъ этой вѣры, за принятіе котораго обѣщаны правовѣрнымъ или мусульманамъ всѣ блага міра сего и всѣ утѣхи райа за гробомъ съ вѣчно юными гуріями, а за отверженіе—или рабство на всю жизнь, или самая смерть, и мука ада.

Въ концѣ VI-го и началѣ VII-го вѣка христіанской эры явился Магометъ съ этою вѣрою сперва среди своего семейства, въ Меккѣ, а потомъ среди толпъ дикихъ Бедуновъ Аравіи. Когда ему счастье благопріятствовало; когда восторженные рассказы о таинственныхъ бесѣдахъ съ Архангеломъ Гавріиломъ плѣняли однихъ, а мечъ и огонь покоряли другихъ, и такимъ образомъ умножалось число послѣдова-

телей Магомета: онъ не усомнился съ новою върою изъ степей Аравіи, въ сопровожденіи восторженныхъ Бедуиновъ, явиться и на предѣлахъ Греко-Римской имперіи.

Имперія въ это время была въ крайнемъ разстройствѣ, не столько отъ внешнихъ нападений по всемъ границамъ варварскихъ народовъ, сколько отъ внутреннихъ религіозныхъ смуть и страннаго смѣшенія обязанностей. Христіанство принято уже было всеми классами народа; но языческая философія, усиливаясь прояснить всѣ таинства его, поражала безчисленное множество сектъ. Большая часть императоровъ, забывая прямыя свои обязанности о спокойствіи и благосостояніи имперіи и о прочихъ дѣлахъ государственныхъ, предавалась богословскимъ тонкостямъ и преслѣдованіямъ сектантовъ. Епископы, утративъ духъ смиренія и любви, сторожили, такъ сказать, за всякимъ словомъ своихъ собратьевъ; при малѣйшей обмолвкѣ, провозглашали другъ друга еретиками, преслѣдовали свѣтскою властію правительства и свергали другъ друга съ церковныхъ кафедръ. Народъ волновался и дробился на партіи. Всѣ партіи, считая только себя вѣрными Евангелію и ученію Апостоловъ, проклинали другъ друга, и никто не думалъ объ общемъ благѣ. Легко понять неминуемыя слѣдствія такового состоянія дѣль, — когда явились новые проповѣдники, не чуждые ученія евангельскаго и Ветхаго Завета.

Магометъ зналъ христіанство и законъ іудейскій, но ни самъ не читалъ вѣроятно, ни отъ другихъ не выслушалъ вполне Евангелія, а тѣмъ менѣе могъ постигнуть духъ христіанства и книгъ Моисея и Пророковъ. Поэтому онъ и составилъ свой Алкоранъ изъ отрывковъ Новаго и Ветхаго Заветовъ, большею частію искаженныхъ. Онъ признаетъ шесть пророковъ: Адама, Ноя, Авраама, Моисея, Иисуса Христа, и себя. Объ Иисусѣ Христѣ отзывается какъ объ одномъ изъ величайшихъ посланниковъ Бога, признаетъ безсѣмное зачатіе и чудное рожденіе Его отъ Дѣвы Маріи, всѣ прочія чудеса и самое воскресеніе; — но при всемъ томъ называетъ себя послѣднимъ, и слѣдовательно совершеннѣйшимъ пророкомъ

на земль Не понявъ ученія о таинствѣ Св. Троицы, не нарушающаго единства Божія, онъ гордится въ глазахъ своихъ послѣдователей единобожіемъ. Оставляя безъ вниманія глубину духа человѣческаго, можетъ быть даже по своему нравственному безсилію, Магометъ все употребилъ къ возбужденію дѣятельности низшихъ способностей души человѣческой. Представляя свое поверхностное ученіе въры въ многорѣчивыхъ и поэтическихъ картинахъ о чувственныхъ наградахъ послѣдователямъ здѣсь и за гробомъ, онъ оградилъ ихъ внѣшнюю нравственность, какъ выше сказано, самыми простыми и немногими правилами, присовокупивъ обрѣзаніе съ разными совершенно внѣшними и мелочными обрядами — въ родъ іудейскихъ. Эти обряды, можетъ быть, съ незапамятныхъ временъ были общи всемъ потомкамъ Авраама, къ числу которыхъ по Измаилу принадлежатъ и Аравитяне.

Однимъ Кораномъ ограничилъ Магометъ и его ближайшіе наследники все знаніе мусульманъ. Конечно, для кочующихъ сыновъ степей и лѣнивыхъ обитателей экваторіальныхъ странъ достаточно и этого знанія: но Магометъ, ободренный счастіемъ въ степяхъ Аравіи, двинулъ своихъ проповѣдниковъ и за предѣлы ея, какъ сказано выше.

Однако жъ я не пишу исторіи, а только желаю изложить общія мысли объ ислаизмѣ, за права котораго вступается просвѣщенный западъ въ лицѣ двухъ великихъ державъ. Это напоминаетъ заступничество Іуліана за древнее идолопоклонство! Извѣстны послѣдствія всѣхъ усилій философа и императора, когда онъ, противъ совѣсти, рѣшился поддержать падавшее идолопоклонство. Не то же ли будетъ и съ ревнителями неприкосновенности ислама?

Исламизмъ, подобно древнему язычеству, потворствуетъ и даже освящаетъ грубые пороки плоти: какъ же онъ можетъ возвысить нравственность и ослабить безъ того сильную чувственность? По этому-то магометанская религія не только не развиваетъ, но явно останавливаетъ всякое развитіе въ чловѣкѣ высшихъ способностей души. Она, при напряженіи необузданной дѣятельности, поражаетъ свирѣпый,

жаждущій крови и убійствъ фанатизмъ, а ослабивъ и истощивъ чувственными наслажденіями тѣлесныя и душевныя силы, доводитъ мусульманъ до совершеннаго равнодушія ко всему. Здѣсь лежитъ начало ученія о магометанской судьбѣ. Строго и внимательно разсматривая событія, всякій увидитъ, что мусульманское просвѣщеніе при испанскихъ и багдадскихъ калифахъ слишкомъ преувеличено историками и философами XVIII вѣка. Вотъ что говорятъ новѣйшіе историки по сему предмету: «Сколь слабымъ источникомъ умственного образованія былъ исламъ для своихъ поборниковъ, ясно видно изъ мертваго механизма, въ кругу котораго съ самаго начала заключено было богословское образованіе и находившееся съ нимъ въ связи законовѣденіе Аравитянъ; все это было до того наполнено матеріальными и формальными знаніями, что совершенно невозможно было вникнуть въ самую сущность этихъ наукъ. Магометанскій духъ съ большимъ рвеніемъ и счастіемъ обратился къ занятіямъ точными науками: медицина, математика и архитектура, занятія у Грековъ, были обработаны съ бѣльшимъ успѣхомъ.» (Руководство къ Всеобщей Исторіи Лоренса, часть II. Отдѣлъ I. стр. 328). Но и такое просвѣщеніе зависѣло отъ постороннихъ причинъ, съ прекращеніемъ которыхъ и само оно пало. Уже въ глѣдахъ нашихъ, усилія Махмуда II-го въ Турціи и Мехмеда Али въ Египтѣ были не въ состояніи положить прочнаго основанія народному просвѣщенію и государственному устройству. Ни отъ чего другаго, какъ отъ самой сущности ислама, гибнуть безъ дальнѣйшихъ послѣдствій прекраснѣйшіе порывы необыкновенныхъ умовъ и характеровъ, являвшихся по временамъ и теперь являющихся среди мусульманскихъ народовъ.

Истинное просвѣщеніе безъ всякаго сомнѣнія основывается на истинной религіи. Ученіе Божественнаго Основателя христіанства прямо ведетъ къ полному развитію всѣхъ способностей нашей души,—чистой, высокой мыслительности и нравственности. Преимущество во всѣхъ отношеніяхъ общественныхъ постановленій и устройства христіанскихъ государствъ предъ прочими осязательно доказываетъ эту истину.

Мнѣ скажутъ, что при появленіи самаго христіанства пало просвѣщеніе древняго міра, что Христіане были даже истребителями многихъ памятниковъ наукъ и искусствъ. Это справедливо, и при всемъ томъ ни мало не опровергаетъ истины, что Христіане же, возстановивъ всѣ древнія науки и искусства, усовершенуютъ ихъ нынѣ болѣе и болѣе. Массы не скоро проникаются духомъ; люди вообще, поколебавшись въ первыхъ своихъ вѣрованіяхъ, переходятъ къ крайностямъ, спѣшатъ на первыхъ порахъ разрушать все прежнее. Высоту евангельскаго ученія самые Апостолы не скоро поняли. Когда Богочеловѣкъ проповѣдывалъ, что онъ не пришелъ погубить міръ, а спасти всѣхъ людей своими страданіями и смертію, научить ихъ своимъ примѣромъ терпѣнію, смиренію и взаимной любви, — ученики предлагали ему за одно него-степрїимство Самарянъ низвести на нихъ небесный огонь, и спорили о первенствѣ, ожидая скорого воцаренія Его на землѣ. Уже озаренные Духомъ Святѣмъ Апостолы жаловались, что многіе изъ ихъ послѣдователей имѣли ревность не по разуму, и хотя образовались отъ нихъ, но учили не по духу ихъ, являлись лютыми волками подъ наружностію овецъ. Кто не знаетъ, что дѣлали и дѣлаютъ даже теперь во имя святѣйшихъ истинъ? Вотъ гдѣ скрываются причины погибели памятниковъ древняго просвѣщенія, при появленіи христіанства, а не въ самомъ христіанствѣ. Напротивъ, христіанство чѣмъ глубже проникаетъ въ человечество, тѣмъ скорѣе и совершеннѣе преобразовываетъ его во всѣхъ отношеніяхъ.

Магометъ вооружилъ огнемъ и мечемъ проповѣдниковъ своего ислама: и все поникло во прахъ отъ страха и изумленія предъ этими страшными завоевателями въ Азіи, Африкѣ и лучшихъ частяхъ самой Европы. Эти развалины покрываютъ горы и долины до сихъ поръ, гдѣ только властвуютъ чуждецы Корана. Пусть же защитники мусульманскаго просвѣщенія укажутъ на города и царства, созданныя руками и умомъ мусульманъ, хоть даже не въ дикихъ степяхъ и пустыняхъ, а на самыхъ развалинахъ ими произведенныхъ. Нѣтъ даже надобности путешествовать по Турціи, Египту и

самой Персіи: образчики жизни и быта мусульманъ у насъ за Кавказомъ передъ глазами, а записки путешественниковъ всѣхъ образованныхъ странъ и народовъ дополняютъ эти жалкія картины, не смотря на изступленіе въ защищеніи ислама дѣйствительныхъ и нравственныхъ ренегатовъ.

Конечно есть и среди мусульманъ, какъ и во всякомъ народѣ, отъ природы богобоязливые и справедливые люди, поступающіе по закону писанному въ сердцѣ и совѣсти каждаго. Но эти люди въ такомъ отношеніи находятся къ Корану, въ какомъ христіанскіе вольнодумцы и безбожники къ Евангелію.

Я ничего не говорю собственно противъ Османлисовъ и нынѣшнихъ Персовъ, ни даже противъ нашихъ горцевъ и алжирскихъ Арабовъ съ Маврами; всѣ они наши братья, сочлены по человѣчеству. Они достойны даже всякаго сожалѣнія тѣмъ, что не только небрегутъ объ общемъ благѣ, но въ лицѣ своихъ побѣжденныхъ они разрушаютъ собственное благосостояніе, по одному закоснѣлому невѣжеству, въ основаніи коего лежитъ страшный фанатизмъ религіи. Этотъ-то фанатизмъ, не заслуживая никакой поддержки отъ просвѣщенныхъ державъ, долженъ быть постепенно ослабляемъ и доводимъ до совершеннаго уничтоженія. Не будь его, — наилучшія части нашего стараго свѣта составляли бы такія же цвѣтушія государства, какія были нѣкогда тамъ и какія существуютъ нынѣ въ Европѣ и Америкѣ. Человѣчеству все равно: Римляне ли, Италіанцы, Греки или Османлисы живутъ въ извѣстномъ мѣстѣ, — пусть только будутъ истинно просвѣщенные народы, а не фанатическіе варвары, которые гордятся своимъ невѣжествомъ, презираютъ вѣковые памятники ума и труда, звѣрски обращаются среди развалинъ съ покоренными ихъ силою народами, достойными лучшей участи.

Конечно Всемогушій Правитель вселенной не безъ мудрой цѣли допускаетъ все подобное на свѣтѣ, — вслѣдствіе самостоятельныхъ способностей ума и воли, данныхъ лю-

дямъ. Но за то и разумно-свободныя существа и народы, особенно озаренные свѣтомъ небснаго Откровенія, безъ сомнѣнія должны, стремясь къ собственному совершенству, помогать угнетеннымъ ближайшимъ и единовѣрнымъ собратіямъ, по мѣрѣ силъ своихъ, тихо и кротко вообще, а въ подобныхъ настоящимъ обстоятельствамъ, — твердо и съ одушевленіемъ, а не разсчитывать овещественныхъ нашихъ выгодахъ. Когда же насъ останавливаютъ на этомъ пути другіе изъ какихъ-то близорукихъ разсчетовъ: то лучше умереть по зову Помазанника Божія, чѣмъ унижить наше достоинство. Не только предки намъ это завѣщали, но самый разумъ и религія говорятъ то же.

К. СПАСОКІЙ-АВТОНОМОВЪ.

Баку.

5-го апрѣля 1854 года.



**МЫСЛИ О ПЕРВОНАЧАЛЬНОМЪ РАЗЛИЧІИ РИМСКИХЪ ПАТРИ-
ЦІИВЪ И ПЛЕБІЕВЪ ВЪ РЕЛИГИОЗНОМЪ ОТНОШЕНІИ, СОЧ.
КРЮКОВА.**

(Прописан. Кн 4).

Все это сочиненіе, какъ въ цѣломъ, такъ и въ частяхъ своихъ есть ничто иное, какъ парадоксъ. Правда, бываютъ парадоксы, которые, будучи основаны на требованіяхъ здраваго смысла и подкрѣплены хотя бы и недостаточными доказательствами со стороны опыта, могутъ побудить умъ къ изысканіямъ, если не всегда вѣрнымъ, по крайней мѣрѣ любопытнымъ и занимательнымъ; но если парадоксъ не имѣетъ достаточныхъ причинъ ни въ области ума, ни въ области опыта, то къ чему онъ служить, если только не къ тому, чтобы отличиться предъ другими новымъ мнѣніемъ? И дѣйствительно, что внушило автору мысль доказывать, что въ Римѣ были двѣ разныя народныя религіи? Раздоры плебейцевъ съ патриціями? Но причины этихъ раздоровъ такъ ясно и положительно указаны исторіею, что не принимать ихъ, а выставять какія-то свои, значить перейти въ область химеръ и выдумокъ произвольныхъ. Съ другой стороны, обращаясь къ письменнымъ памятникамъ, мы можемъ смѣло утверждать, что ни одному римскому писателю и во снѣ не грезилось, чтобы въ Римѣ когда-нибудь существовали въ одно время двѣ различныя религіи. И такъ, это сочиненіе принято авторомъ для того, чтобы блеснуть своей ученостью. Въ этомъ отношеніи отдадимъ ему полную справедливость. Авторъ обнаружилъ въ немъ великую начитанность, а следовательно, по принятому мнѣнію, и ученость. Очень жаль, что судьба опредѣлила намъ разбирать это сочиненіе уже по смерти автора. Мы знали покойнаго Дмитрія Львовича. Къ чести его надо сказать, что мы никогда не замѣчали въ

немъ этой грубой ученой настойчивости, которая не терпитъ никакихъ противорчій и производитъ такое отвращеніе въ простыхъ сердцахъ къ ученымъ невждамъ, которые готовы подрасться, чтобы не уступить противорчашей истинѣ и отстоять свое мнѣніе, сколь бы оно ни было нелпо. Вотъ причина нашего сожалѣнія, что мы должны разбирать автора, когда его уже нѣтъ на свѣтъ. Какъ знать? можетъ быть онъ, если не во всемъ, то во многомъ, согласился бы съ нами. Теперь разсмотримъ пока главныя причины, которыя побудили автора къ изслѣдованію римской религіи, и которыя онъ излагаетъ въ началѣ своего введенія.

1. «Римскіе патриціи говорятъ о себѣ уже при первыхъ зачаткахъ Рима, какъ о племени издревле осѣдломъ и живущемъ въ фамильномъ быту».

Почему авторъ такъ выразился, онъ самъ объясняетъ въ примѣчаніи къ этому мѣсту так. обр.. «Мы говоримъ: патриціи, ибо всѣ источники римской исторіи образовались подъ ихъ вліяніемъ». Обратимъ теперь вниманіе на слова автора. Онъ говоритъ, что патриціи составляли племя осѣдлое еще при началѣ Рима, что надо понимать такъ, что они поселились на этомъ мѣстѣ еще до основанія Рима. Иначе къ чему жъ слово *осѣдлое*? Если они пришли съ Ромуломъ, то были осѣдлыми тамъ, откуда, а не тамъ, куда пришли. Но всѣ свидѣтельства древнихъ, на которыя авторъ ссылается, и которыя, по словамъ его, основываются на сказаніяхъ самихъ патриціевъ, рѣшительно говорятъ, что патриціи были такіе же пришлецы, какъ и плебеицы. Напрасно говоритъ онъ, что патриціи присвоили себѣ честь называться первобытными обитателями Рима. Напрасно въ доказательство указываетъ на троянскія фамиліи, ссылаясь на Діонисія, который ясно и положительно говоритъ, что между людьми изъ простаго народа, желавшими *переселиться* изъ Албы въ Римъ, были и известныя фамиліи, и между ними происходяція еще отъ Троянцевъ. Напрасно слову *ingenuus* даетъ такое значеніе, какого оно въ латинскомъ языкѣ никогда не имѣло. Одинъ только выручаетъ его, недавно

вышедшій на свѣтъ изъ мрака забвенія, византійскій, время Юстиніановыхъ, грамматикъ Лидъ, который патриціевъ переводитъ агдохтонами, т.-е. первобытными жителями. Но что всего удивительнѣе, въ концѣ этого же замѣчанія авторъ говоритъ, что городъ Римъ былъ первоначально городомъ *рѣшительно* плебейскимъ!

2. «Самый языкъ подтверждаетъ это мнѣніе, ибо, называя патриціевъ *populus*, онъ выражаетъ тѣмъ самымъ понятіе о такомъ обществѣ, которое выросло, наподобіе растенія, изъ одного зерна» (*).

Допустимъ на минуту, что было когда-то время, когда подъ словомъ *populus* разумѣлись одни патриціи. Любопытно посмотреть, какимъ образомъ изъ слова *populus* авторъ вывелъ понятіе растенія. А вотъ какъ: слово *populus* означаетъ народъ и еще тополь, дерево. Дерево растетъ, и народъ или фамиліи растутъ и пускаютъ отпрыски. Теперь вы спросите, отчего жъ не всякое растеніе называется *populus*, а одинъ только тополь? Чтожъ тутъ необыкновеннаго? и въ греческомъ языкѣ есть примѣръ совершенно сходный: греческое слово *ἐλαστή* ель (по не народъ) происходитъ отъ глагола *ἐλαύνω* (гоню), и латинское *populus* тополь и народъ, происходитъ отъ глагола равнозначущаго съ греческимъ, а именно: отъ глагола *perlo* (*peruli*), что также значитъ гоню. Но неужели авторъ забылъ, что для законнаго словопроизводства не довольно одного сходства въ звукахъ? надо, чтобы между первообразнымъ и производнымъ было тождество въ понятіяхъ. Или чѣмъ мы опровергнемъ того, кто бы, напр., вздумалъ въ русскомъ языкѣ производить *вишни* отъ глагола *вистѣть* и *вязь* отъ глагола *вязнуть*? Потому никто не производилъ *populus* отъ *perlo* и *ἐλαστή* отъ *ἐλαύνω*. Да если бы и производилъ, то предъ здравымъ смысломъ авторитетъ ничего не значитъ. Примѣръ, приведенный авторомъ изъ Плинія, въ которомъ слово *populus*—народъ употреблено въ переносномъ смыслѣ вмѣсто *всѣхъ лицъ* одной фамиліи, вовсе нейдетъ сюда. Потому что по-латинѣ слово *populus* можно

(*) Какъ-будто есть растенія, которыя вырастаютъ только изъ пяти, или десяти зеренъ.

употреблять о всякомъ множествѣ лицъ однородныхъ, т.-е. какъ можно сказать напр. *populus Claudiorum, Scipionum*, также можно сказать, какъ напр. у Циприана *populus martyrum*. Конечно, это не принадлежитъ хорошей латини, но и при- водимый Крюковымъ писатель не есть писатель хорошей латини.

«Между тѣмъ какъ подъ именемъ *plebs* разумѣть онъ (языкъ) массу людей, происшедшую чрезъ внѣшнее приращеніе».

Если всякое собраніе многихъ единицъ въ одну массу заключаетъ въ себѣ понятіе о внѣшнемъ приращеніи, то почему же и съ словомъ *populus* (народъ) не совокуплять этого понятія? Конечно, авторъ указалъ бы намъ на свою этимологию, по которой *populus* значитъ, какъ онъ толкуетъ, *побѣгъ, отпрыскъ*. Но кто жъ допуститъ такую этимологию? и какъ понимать, въ одно и то же время, одно собраніе лицъ, какъ массу, а другое, какъ отпрыскъ, или, если угодно, какъ одно дерево? положимъ, изображаютъ на картинкахъ дерева фамильня. Но патриціи произошли не отъ одного лица. Видно, что авторъ не имѣлъ никакихъ ясныхъ понятій о томъ, что онъ говоритъ. Потому и принужденъ былъ замѣнять ихъ пустыми и нелпыми фразами: патриціи — *цѣлое выросшее органически; общество выросшее изъ одного зерна; органическій характеръ, присвоенный патриціями*.

3. «Явное родство патриціанской религіи съ религіей Албы, Лавинія, Тускула, Габій, Ардеи и Арици, равно какъ и названія Курій, взятія по Варрону отъ разныхъ мѣстностей, говорятъ въ пользу того, что съ общиною патриціевъ (т.-е. римскихъ) соединились родственныя по религіи племена или роды изъ разныхъ странъ Италіи».

Но изъ этихъ же городовъ нахлынули въ Римъ и плебейцы. Не всѣ же они были Этруски. И такъ, если они были не одной религіи съ патриціями, то надо заключить, что еще въ этихъ самыхъ городахъ существовали двѣ религіи, прежде чѣмъ въ самомъ Римѣ. И это бы слѣдовало прежде доказать автору.

4. «Единство патриціанскихъ родовъ въ противоположность плебейскимъ, было, какъ кажется, не внѣшнее, но ско-

рѣе внутреннее и духовное. Оно было, по всему вѣроятію, основано на родствѣ религіозномъ».

Т.-е. патриціи принимали въ свое общество только единовѣрцевъ. Стало быть, если бы пришелъ къ нимъ какой-нибудь бѣднякъ въ лохмотьяхъ одной съ нимъ веры, то несомнѣнно былъ бы принятъ въ ихъ общество. Но это противорѣчитъ всѣмъ историкамъ, которые говорятъ, что патриціи избирались изъ класса знатнѣйшихъ гражданъ по роду, достоинству и богатству.

«Объ этомъ можно заключить частью изъ замкнутости патриціанской общины, частью изъ способа принятія въ нее. Принятіе совершалось посредствомъ кооптаціи. Но такъ какъ этотъ актъ (?) былъ въ употребленіи при принятіи въ какую бы то ни было жреческую общину, то отсюда мы, безъ сомнѣнія, въ правѣ предполагать совершенное единство религіи. Отъ того-то Капулей и говоритъ у Ливія, что патриціи, происходя отъ чужихъ народовъ, получаютъ благородство не по роду, не по крови, но единственно посредствомъ кооптаціи».

Очевидно, что подъ словомъ кооптація авторъ разумѣетъ какой-то актъ, или обрядъ священный. При этомъ читатель, знающій латинскій языкъ, или улыбнется, или придетъ въ изумленіе.—Кооптація—вовсе не священный актъ, а просто: пріемъ, пріобщеніе не только въ жреческое, но и въ какое угодно общество. Положимъ, что пріемъ въ какое-нибудь жреческое общество сопровождался какими-нибудь священными обрядами, но всякій согласится, что слово: пріемъ само по себѣ не содержитъ въ себѣ никакой религіозной идеи. Но приведемъ пригѣры. Начнемъ съ жрецовъ. «Когда я изъ Киликіи — говоритъ Цицеронъ (Brut. I.) — прибылъ въ Родось, и здѣсь услышалъ о смерти Горгензія, то пораженъ былъ неизъяснимою горестію. Въ немъ потерялъ я и лучшаго друга, котораго бесѣда столь была для меня уладительна, и который оказалъ мнѣ столько услугъ и одолженій! Не менѣ скорбѣлъ я и о томъ, что съ потерей столь славнаго авгура наше общество (авгурское) утратило много своего блеска. При этихъ мысляхъ невольно приходило мнѣ на память то, что имъ былъ я принятъ (cooptatus) въ об-

щество авгуровъ, что при этомъ случаѣ онъ запечатлѣлъ клятвою свидѣтельство о моемъ достоинствѣ, что имъ же потомъ я былъ и посвященъ (*inauguratus*); а вслѣдствіе этого, по авгурскимъ постановленіямъ, я долженъ былъ чтить его, какъ отца своего». Вотъ полнѣйшій, какой только пришелъ мнѣ на память, примѣръ жреческаго избранія! Но всякій согласится, что если здѣсь въ какомъ-нибудь словѣ заключается понятіе о священномъ дѣйствіи, то оно заключается въ словѣ *inauguratus*, а не въ словѣ *cooptatus*. Послѣ этого прошу найти мнѣ примѣръ, изъ котораго бы видно было, что кооптація патриціевъ сопровождалась какимъ-нибудь подобнымъ священнымъ обрядомъ. Посмотримъ теперь на значеніе слова *cooptare* при избраніи лицъ свѣтскихъ, и прежде всего, при избраніи патриціевъ. Когда они избирались въ большемъ числѣ, тогда говорится о нихъ *legere, creare*: такъ Ромуль, Тарквиній Прискъ, Брутъ *creant, legunt patres* (избираютъ). Тотъ же глаголъ употребляется и объ одномъ лицѣ, принятомъ въ число патриціевъ: *Appius Claudius inter patres lectus* (*Liv.* 2, 16); но Светоній (*Tib.* 1) говоритъ объ этой же фамиліи: *gens Claudia—a patribus in patricias cooptata*, и онъ же говоритъ о фамиліи Вителліевъ (*Vitell.* 1): *Horum (Vitelliorum) residuam stirpem ex Sabinis transisse Romam atque inter patricos allectam*. Тацитъ (*XI.* 25): *in numerum patriciorum adsciscere*; также говоритъ и Ливій. И такъ латинскіе писатели, говоря о принятіи въ патриціи, употребляютъ безо всякаго различія въ понятіи, слова: *legere, cooptare, allegere, adsciscere*, и можетъ быть и другія, которыхъ я теперь не помню. И такъ, или всѣ эти слова заключаютъ въ себѣ религіозное понятіе, или ни одно изъ нихъ. Теперь мы видимъ, что кооптація патриціевъ ничего не значитъ болѣе, какъ пріемъ, выборъ. Но чтъ бы отвѣчалъ намъ авторъ, если бы мы возразили ему, что не только патриціанскія, но даже плебейскія коллегіи имѣли право кооптаціи; а въ этомъ увѣряемся мы не только словами какого-нибудь римскаго писателя, но даже словами одного древняго закона, о которомъ упоминаетъ Ливій, и котораго смыслъ такой: «Если въ день выборовъ народъ не успѣетъ избрать (*facere*) полногѣ числа

десяти трибуновъ; то тѣ, которые уже выбраны, могутъ сами избрать себѣ остальныхъ товарищей, и которыхъ они такимъ образомъ приобщать къ себѣ (cooptassint), считать законными наравнѣ съ тѣми, которые уже избраны. (Liv. III. 64, 65. Смотр. еще V. 10, 11, 12)». И такъ вотъ и плебейскіе чиновники, выбираемые безо всякихъ священнѣхъ обрядовъ, имѣютъ право кооптации. Но какое жь это право? и что въ немъ особеннаго? только власть принимать къ себѣ товарищей. И такъ авторъ вовсе не понималъ мѣста изъ Канулевой рѣчи у Ливія. Но по этому, мы должны представить его вполнѣ и въ изложеніи его показать, какъ, по нашему мнѣнію, должно понимать его и какъ понималъ авторъ. Канулей говоритъ къ патриціямъ: *Quid? Hoc (connubia cum plebejis) polluit nobilitatem istam vestram, quam plerique, oriundi ex Albanis et Sabinis, non genere, nec sanguine, sed per cooptationem in patres habetis, aut ab regibus lecti, aut post reges exactos jussu populi?*—Здѣсь прежде всего надо очистить вопросъ, о какихъ патриціяхъ говоритъ Канулей; но что не обо всѣхъ, показываетъ слово *plerique*. И такъ ясно, что онъ говоритъ о тѣхъ немногихъ фамиліяхъ, которыя включены въ сенатъ Туллою Гостиціемъ по разрушеніи Албы. Что же касается до фамилій сабинскихъ, то, по Ливію, только одна Сабинская фамилія Клавдіевъ, уже во время республики, удостоена сей чести. Но, вѣроятно, были и другія. Впрочемъ, ораторскій порывъ могъ самъ по себѣ заставить трибуна произнести во множественномъ числѣ то, что должно было сказать въ единственномъ. Теперь, слѣдуя убѣжденію историка въ повѣствованіи о дѣяніяхъ своего народа, мы необходимо должны заключить, что эти пришлецы албанскіе и сабинскіе противоплагаются здѣсь первымъ патриціямъ, избраннымъ Ромуломъ изъ цѣлой націи при началѣ государственнаго устройства, къ которымъ ни по какимъ родственнымъ связямъ эти пришлые не примыкали, и присоединены къ нимъ *per cooptationem*, только однимъ простымъ актомъ выбора или приобщенія. И такъ, истинный и точный смыслъ Канулевыхъ словъ будетъ такой: «Какъ? и вы еще воображаете, что браки съ плебейскими фамиліями

*

замарають благородство ваше? — вы, изъ которыхъ многіе, уроженцы албанскіе и сабинскіе, не по связямъ рода, не по узамъ крови, но, бывъ выбраны царями и послѣ ихъ народомъ — получили это благородство, какъ *пріемыми* (*per cooptationem*) въ сословіи патриціевъ!» Уже самая ненависть и негодованіе, съ которыми Канулей обращается къ патриціямъ, должны были удержать мысль отъ всякаго другаго толкованія. Выразимъ это мѣсто такъ, какъ понималъ его авторъ: «вы (пришлецы) получили благородство не по природѣ своей, а чрезъ присоединеніе къ сословію патриціевъ посредствомъ извѣстныхъ священнодѣйствій». Вовсе невѣроятно, чтобы тотъ, кто съ ненавистію говоритъ о врагахъ своихъ, такъ не кстатн упомянулъ о такомъ обстоятельстве, которое можетъ послужить къ ихъ чести. Но довольно. И такъ, кооптаціей не только не доказалъ г. Крюковъ двухъ религій въ Римѣ, но и ни одной.

5. «Особенность патриціевъ въ противоположность къ плебеямъ—это ихъ религія. Мнѣніе наше подтверждаетъ вся исторія ихъ борьбы».

Какой борьбы? и кто читывалъ о борьбѣ патриціевъ съ плебейцами за религію? Можетъ быть, не разумѣлъ ли авторъ той борьбы, которая произошла между ними въ 452 году отъ О. Р., когда плебейцы домогались первостепенныхъ должностей жреческихъ, которыя были въ рукахъ патриціевъ. Но борьба за то, кому быть жрецомъ, вовсе не есть борьба за религію; напротивъ, такая борьба скорѣй доказываетъ ея единство. И зачѣмъ бы оспаривать мѣсто жреца въ чужой религіи? Другой борьбы никто никогда не слыживалъ. И такъ сильныя слова: *вся исторія ихъ борьбы* — сказаны на вѣтеръ.

«И преимущественно отказъ въ правѣ брака—въ правѣ, которое никакъ не могло быть дано плебеямъ, ибо, ннѣя религіозное основаніе, оно должно было бы вести за собою совершенное слитіе патриціанскихъ и плебейскихъ обрядовъ поклоненія».

Если въ первыя времена патриціи не соединялись чрезъ браки съ плебейцами, то это было просто по богатству, по

чувству чести и политическаго преимущества, ввроятно и большей образованности, свойственной родамъ дворянскимъ. И я не думаю, чтобы какой-нибудь англійскій лордъ, или, буде угодно, и нашъ знатный дворянинъ охотно выдалъ дочь свою за купца, хотя и богатаго. Впрочемъ, все еще мы не можемъ сказать утвердительно, чтобы патриціанскія фамиліи не входили въ такое родство съ плебейскими до 302 года отъ О. Р. Юридическая аксіома: *patrem sequuntur liberi*, съ давнихъ временъ была извѣстна въ Римѣ. Но въ этомъ году былъ изданъ децемвирами законъ, запрещающій браки между двумя сословіями. И Канулей говоритъ только о безчестіи, нанесенномъ плебейцамъ, такъ сказать, словами этого закона. «Развѣ не можете вы, говоритъ онъ патриціямъ, сохранить во всей чистотѣ ваше благородство, не вступая въ брачныя связи съ нашими фамиліями частнымъ образомъ? Кто васъ принуждаетъ къ этому? Закономъ утвердить такое запрещеніе — вотъ что служить намъ въ безчестіе. Чего мы ищемъ чрезъ браки съ вашими фамиліями? Только одного — чтобы вы считали насъ за людей, за своихъ согражданъ, или, скажите какую-нибудь благовидную причину вашего отказа, кромѣ желанія покрыть наше сословіе стыдомъ и поношеніемъ». Въ этихъ словахъ мы видимъ одну только патриціанскую надменность и никакого намека на патриціанскую религію.

6. «Патриціи соединялись браками даже съ чуждыми племенами».

Признаюсь, сколько самыя мысли автора, столько и языкъ его удивителенъ. Вообразите себѣ, что какой-нибудь нѣмецкій или французскій графъ женится на дочери какого-нибудь англійскаго лорда. Мы сказали бы просто, что такой-то знатный господинъ вступилъ чрезъ бракъ въ родство съ такимъ-то знатнымъ чужестраннымъ домою. Это по нашему и точно и ясно. Но авторъ сказалъ бы: *такой-то господинъ соединился бракомъ съ чуждымъ племенемъ*. Впрочемъ, въ такомъ туманномъ языкѣ есть своя выгода, и именно: изъ этого неопредѣленнаго, чуждаго племени вы не знаете, съ какимъ именно лицемъ, т.-е. знатнаго или незнатнаго про-

исхожденія, вступилъ въ родственную связь другой знатный чужестранецъ. Можетъ быть скажутъ: что мы ужь слишкомъ привязчивы. Нѣтъ. Это вовсе не привязка. Еслибъ авторъ сказалъ такъ: «Патриціи соединялись браками съ чуждыми знатными фамиліями», тогда дѣло было бы ясно; по крайней мѣрѣ, рассматривая его со стороны патриціанской гордости, мы нисколько бы не нашли его неестественнымъ и необыкновеннымъ. Но это еще не все. Здѣсь представляется другой вопросъ: съ какими чуждыми племенами? Изъ замѣчанія автора къ сему мѣсту видно, что здѣсь говорится о Латинцахъ; но Латинцы были одного съ Римлянами племени и одной религіи. По этому-то, когда послѣ сраженія при Региллѣ, Латинцы пришли въ Римъ съ покорнымъ прошеніемъ о мирѣ, то Спурий Кассій, совѣтуя сенату не давать пощады вѣроломнымъ союзникамъ, говорилъ (Dion. Hal. VI, 20): «Наши предки въ одинъ день разрушили самую Албу, родоначальницу, какъ всѣхъ городовъ латинскихъ, такъ и самаго Рима, когда она начала завидовать его могуществу». И когда потомъ дарованъ былъ имъ миръ, то Постумій сказалъ послать ихъ въ сенатъ, что «хотя они не заслуживаютъ никакой пощады, но Римляне забываютъ ихъ вражду и вѣроломство, считая ихъ своими соплеменниками (συγγενεῖς), и изъ почтенія къ богамъ домашнимъ (θεῶν ὀμογενῶν ἕνεκα. Id. ib. с. 21)». О единствѣ религіи Латинянъ и Сабинцевъ съ Римлянами есть много указаній у историковъ, и я не привожу ихъ потому, что самъ авторъ допускаетъ его (см. N. 3). (*). Наконецъ еще вопросъ: къ однимъ ли патриціямъ относятся слова Діонисія, которыя приводитъ авторъ въ замѣчаніи? — Но надо рассказать, въ чемъ дѣло. Въ 257 году Р. сенатъ далъ позволеніе женщинамъ латинскаго происхожденія, вышедшимъ замужъ за достойнѣйшихъ и отличнѣйшихъ людей (ἐπιειχεστάτοι καὶ λοῦτοι ἀνδρες) въ Римъ, возвратиться, буде имъ угодно, въ свое отечество; а Римлянкамъ, вышедшимъ за Латинцевъ, если захотятъ, переселиться въ Римъ; и будто бы изъ таковыхъ, пожелавшихъ бросить мужей и дѣтей своихъ,

(*) Хотя онъ, впрочемъ, вездѣ грезитъ объ однихъ только патриціяхъ.

римлянки обратно пришли въ Римъ всѣ, а изъ латинянокъ нашлось только двѣ, которыя пожелали удалиться въ свое отечество. (Сказка). Этихъ-то отличнѣйшихъ людей принимаетъ авторъ за патриціевъ. Слишкомъ произвольно. Довольно указать на всадниковъ, которые еще сначала учрежденія ихъ считались между людьми отличнѣйшими. Но всего страннѣе замѣчаніе автора объ этихъ словахъ историка; онъ говоритъ, что «эти слова Діонисія показываютъ, что источники, которыми онъ пользовался, говорили только о патриціяхъ». Почему теперь это знаетъ г-нъ Крюковъ? Стало быть Діонисій не понялъ источниковъ и не разобралъ, что въ нихъ шло дѣло о патриціяхъ? и г-нъ Крюковъ теперь понимаетъ ихъ лучше Діонисія (*)? Скорѣе изъ словъ его можно было вывести то заключеніе, что если сенатъ далъ такое позволеніе женамъ отличнѣйшихъ Римлянъ, то стало быть не позволилъ этого женамъ простолюдиновъ. Ибо, говоритъ Діонисій (и это одно только мѣсто достойно вниманія въ этой сказкѣ): «въ это время очень было много женщинъ, вступившихъ во взаимные браки между обоими народами (т. е. Римлянами и Латинами) по причинѣ соплеменности и взаимной дружбы».

(*) Въ подобныхъ рѣшительныхъ случаяхъ нашъ авторъ не знаетъ никакихъ прешатствій. Онъ съ разу разсвѣкаетъ всякій Гордиевъ узелъ своимъ рѣшительнымъ приговоромъ. Напр., ему нужно доказать, что при Ромулѣ авгуровъ не существовало. Къ великому его неудовольствію Цицеронъ говоритъ, что не только Ромулъ учредилъ авгуровъ (птицегадателей), но и самъ былъ отличнѣйшій авгуръ (Divin. 1. 2). Конечно, съ Цицерономъ можно бы еще какъ-нибудь сладить, какъ напр. здѣсь съ Діонисіемъ. Но вотъ была, Плутархъ говоритъ, что когда, по сожженіи Капитолія Галлами, стали разчищать землю, то нашли Ромулову авгурскую клюку (lituus), которая сохранялась до пожара въ Капитоліи, цѣлою и невредимою. Вотъ тутъ какъ быть? Весь Римъ восклицаетъ въ восторгъ: «Нашлась авгурская клюка Ромулова!» Вздоръ!—говоритъ авторъ—если эта клюка точно принадлежала Ромулу, то эта клюка была жертвогадательская, а не птицегадательская (клюка не авгуровъ, а гаруспесковъ). Оставляемъ на судъ читателя и эту Плутархову повѣсть, и этотъ споръ автора съ Римлянами, и эту клюку, которой (замѣтимъ мимоходомъ) гаруспески никогда и не употребляли. И на что она была имъ? авгуры очерчивали ею страны неба; если же что нужно было гаруспескамъ, то развѣ иллка, чтобы вынимать и поворачивать внутренности закланныхъ животныхъ. См. Зам. 59. Эта повѣсть разсказывается и у Цицерона (Divin. 1. 17.) и разнится отъ Плутарховой только во времени и мѣстѣ храненія. Но онъ произноситъ о ней судъ свой (ib. 11. 28).

Стало быть, по причинѣ этой же соплеменности и дружбы и римскіе плебейцы мѣнялись браками съ простолюдинами латинскими. Не всякой же годъ Римляне похищали сабинокъ. Но дагье.

«И отказывали въ этомъ правѣ только плебейамъ до самаго Канулеева закона».

Несомнѣнно столько жь отказывали своимъ, сколько и латинскимъ, простолюдинамъ. Но когда плебейцы получили трибуновъ, когда получили великую силу въ собраніяхъ народныхъ, тогда патриціанская гордость упала. И такъ какъ *Naturam expelles furca, tamen usque resurget*, то очень вѣроятно, что многія патриціанскія дѣвочки уже не чуждались расположенія какаго-нибудь хорошенькаго трибуна, особенно если онъ успѣлъ сдѣлать свое имя славнымъ въ народѣ. Очень возможно, что такія вольныя мысли уже начинали вкрадываться въ патриціанскія фамиліи. И мы, какъ я уже сказалъ выше (N 5.), не знаемъ рѣшительно, что вовсе не случилось ни одного брака между фамиліями двухъ сословій. По крайней мѣрѣ не безъ основательной причины (благовидную увидимъ скоро) децемвиры рѣшились подавить такое вольномысліе изданіемъ закона уже въ 302 г. Р., которымъ запрещены были такіе браки. Но сколь этотъ законъ былъ несообразенъ съ духомъ времени, ничто лучше не доказываетъ, какъ краткое время его существованія. Черезъ восемь лѣтъ послѣ его обнародованія онъ уничтоженъ по первому предложенію трибуна безъ особенныхъ споровъ.

7. «Мы знаемъ, что въ эту замкнутую общину патриціевъ принимались чужестранцы, напр. Клавдій, Октавій».

Слѣдовало бы сказать, что «переселенцы отличные по своему роду, достоинствамъ и богатству, включались въ число знатныхъ Римлянъ, или патриціевъ». Но это было соотвѣтственно не только съ политикою Рима, который весь составилъ изъ переселенцевъ, но и со всякою мудрою политикою.

«Даже цѣлыя массы иностранцевъ».

Здѣсь мы должны рассмотреть замѣчаніе автора къ оному мѣсту. Иначе не поймете словъ его. И такъ вотъ что онъ предлагаетъ къ объясненію: «Принятіе первыхъ сабинскихъ,

а послѣ раззоренія Албы и албанскихъ патриціевъ, перешедшихъ въ Римъ, произошло массою». Діонисій и Плутархъ говорятъ, что Ромуль и Тацій, царь сабинскій, раздѣливъ между собою верховную власть и соединивъ свои народы во-едино, заблагоразсудили также и усугубить число сенаторовъ, и такъ избравъ сто отличнѣйшихъ людей изъ Сабинцевъ, присоединили къ прежнимъ, что и составило двѣсти сенаторовъ. Примемъ это за правду (потому что Ливій вовсе этого не принимаетъ). Очень естественно было новому царю, имѣющему свою власть, свой народъ, желать имѣть и сенатъ свой. И такъ хотя это была масса, но масса вынужденная политической необходимостью, а не принятіе добровольное. Но какъ дѣло идетъ о массахъ, то мы согласны, что это была масса. Что же касается до албанскихъ патриціевъ, избранныхъ изъ славнѣйшихъ Албанцевъ Туллою Гостилиемъ по разрушеніи Албы, то шесть, или (по Діонисію) семь семействъ едва ли можно назвать массою. Кажется, авторъ увидѣлъ и самъ тутъ маленькій недостатокъ, и потому, чтобы не перевести свои массы изъ *множественнаго* числа въ *единственное*, покусился на предпріятіе, на которое едва ли кто отважится, а именно—онъ предпринялъ составлять массы изъ *одиночекъ* такимъ образомъ: Плутархъ, на котораго онъ ссылается, повѣствуетъ, что Аппій Клавдій, притѣсняемый завистниками въ своемъ отечествѣ (области Сабинской), съ помощію друзей своихъ и ближнихъ рѣшился отложиться отъ своихъ соотчичей. И созвавъ друзей своихъ, которые и другихъ уже подговаривали къ тому же, побудилъ переселиться и привелъ въ Римъ пять тысячъ семействъ съ дѣтьми и женами, которыхъ Публикола и принялъ въ число гражданъ. — «Здѣсь правда не говорится—замѣчаетъ г-нъ Крюковъ—рѣшительно, что спутники Клавдія были патриціи, но между друзьями его были *строятно* (?) только ему *равные*. Діонисій различаетъ родственниковъ, друзей и кліентовъ, которыхъ привелъ съ собою Клавдій въ Римъ. Все это, какъ *кажется* (?), не иное что, какъ переселеніе одной партіи недовольныхъ *патрицевъ* (?)». Теперь мы понимаемъ, что хочетъ сказать авторъ. Т.-е. всѣхъ этихъ родственниковъ и друзей Клавдіевыхъ онъ

жалуетъ въ патриціи, чтобы наполнить свои массы. Но позволить себѣ такія произвольныя толкованія историческихъ памятниковъ и умалчивать то, что противорѣчитъ нашимъ положеніямъ, не похвально въ челоуѣкѣ ученомъ. И если мы и отъ ремесленника требуемъ, чтобы онъ былъ честенъ въ своей работѣ, то съ бѣльшимъ правомъ должны требовать отъ ученаго честности въ его дѣлѣ. Что говорить о Клавдіѣ Плутархѣ и Діонисій, на которыхъ онъ ссылается? Первый говоритъ, что «Публикола принялъ эти фамиліи въ число гражданъ; каждой фамиліи опредѣлилъ по двѣ десятины земли; Клавдію же далъ двадцать пять десятинъ, и включилъ его въ число сенаторовъ (слѣд. патриціевъ). То же утверждаютъ о Клавдіѣ, съ небольшими перемѣнами въ подробностяхъ, Діонисій и Ливій. Однимъ словомъ, у всѣхъ патрицій и сенаторовъ—одинъ только Клавдій или его фамилія. Стало быть, всѣ прочіе друзья и кліенты Клавдіевы попали въ число плебейцевъ. Слѣдовало бы автору не умалчивать этихъ историческихъ сказаній, а напередъ опровергнуть ихъ, и потомъ уже предложить свое собственное мнѣніе. Впрочемъ къ утверженію своего положенія, что иностранцы принимались въ сенатъ и въ число патриціевъ, кажется, довольно было бы автору и не многихъ фамилій, какая жъ была ему нужда въ этихъ массахъ? А вотъ какая; прошу читать далѣе.

«То отъ чего же пользовались этой честью только иностранцы? отъ чего было въ ней отказано даже самымъ знаменитымъ плебейскимъ фамиліямъ?»

Одно изъ двухъ. Или мы не понимаемъ, что хочетъ сказать авторъ, или онъ забылъ исторію римскаго сената. Изъ кого же Тарквиній Прискъ выбралъ сто новыхъ сенаторовъ, какъ не изъ однихъ, *чистыхъ* плебейцевъ, возводя ихъ напередъ въ достоинство патриціевъ, какъ свидѣтельствуеъ Діонисій (III. 67.), на котораго авторъ такъ часто ссылается? Сто сенаторовъ можно назвать массою. Но не угодно ли и еще побольше? Когда Тарквиній Гордый, желая уничтожить власть сената, убійствами (*caedibus*. Liv. 2, 1) истреблялъ великую часть его, то по изгнаніи его, Брутъ, или Публикола, въ дополненіе недостающаго числа, принялъ въ

сенать, по Ливію—изъ всадниковъ, по Діонисію и Фесту—изъ плебейцевъ, по счисленію Плутарха и Феста, 164 фамиліи. Что Ливіемъ упоминаемые всадники принадлежали къ фамиліямъ плебейскимъ, на это указываетъ самъ же онъ, прибавляя, что «это избраніе удивительно какъ содѣйствовало къ водворенію согласія между гражданами и къ снисканію расположенія *простаго народа* (plebis) къ сенаторамъ». Остается узнать, остались ли эти новопоставленные сенаторы въ своихъ плебейскихъ фамиліяхъ, или перешли въ патриціанскія? Но во-первыхъ, въ то время, когда патрици, которыхъ орудіемъ былъ сенать, имѣли въ рукахъ своихъ весь жреческія и гражданскія должности, какая польза была плебеюцу быть членомъ сената, и вовсе не участвовать въ тѣхъ отличіяхъ, которые соединены были съ патриціатомъ? не естественно ли было, по этому случаю, между пришлыми и старыми сенаторами возродиться какимъ-нибудь спорамъ? Новыхъ лицъ было 164, старыхъ 136. Довольно голосовъ, чтобы поспорить за права съ остальными патриціями. И однакожь между обѣими сторонами господствовало совершенное согласіе. И такъ несомнѣнно, что эти плебейскія лица получили званіе патриціевъ. Такъ говоритъ простой смыслъ. Посмотримъ, что говоритъ исторія. Но Діонисій (V. 13) говоритъ ясно, что Брутъ и Публикола, «избравши отличнѣйшихъ людей изъ Плебейцевъ (*ἐκ τῶν δημότων*)», возвели ихъ въ сословіе патриціевъ (*πατριξίους ἐποίησαν*), и дополнили ими число трехсотъ сенаторовъ». Но еще важнѣе объ этомъ дѣлѣ мнѣніе самого сената, упоминаемое Тацитомъ (XI. 25). Вотъ слова его: «Въ это же время цезарь (Клавдій) включилъ въ число патриціевъ старѣйшихъ изъ сенаторовъ, или имѣвшихъ славныхъ родителей; поводомъ было то, что немного уже оставалось фамилій, которыя Ромулъ назвалъ старшими (major. gentium) и Брутъ младшими (minor. gentium)». Изъ этихъ словъ видно, что во время Клавдія въ Римѣ никто не сомнѣвался, что избранные Брутомъ плебеюцы были тогда же причислены къ сословію патриціевъ. Иначе, какая была нужда императору къ дополненію этихъ выморочныхъ фамилій учреждать новыхъ патриціевъ? — Но довольно о массахъ.

Авторъ продолжаетъ удивляться, отчего патрициі не принимали въ свою общину плебейскихъ фамилій, «между которыми были многія неуступавшія въ знаменитости ни одной патриціанской фамиліи?».

Неправда, неправда. Въ это время, т.-е. когда въ патрициі записывались знатные иностранцы, не было въ Римѣ ни одной знаменитой плебейской фамиліи. И какое поприще славы было открыто плебеямъ, когда важнѣйшія государственныя должности были въ рукахъ патриціевъ? Плебейскія фамиліи стали знамениты, когда сравнялись въ правахъ съ патриціями. Но тогда порядокъ дѣлъ измѣнился. Мѣсто родового дворянства (патриціевъ) заступило дворянство *цивильное* (*pobiles*) и слово патрицій въ политическомъ смыслѣ осталось пустымъ именемъ. Но не объ этомъ времени говорить авторъ. Или пусть кто-нибудь назоветъ хоть одну знаменитую плебейскую фамилію изъ этого времени.

«Ежели патрициі желали подобнымъ принятіемъ въ свою общину увеличить свою власть, такъ для нихъ было бы несравненно выгоднѣе привлечь на свою сторону все, что только было богатаго и значительнаго въ Римѣ, и слить все это съ собою. Стало быть, было что-то такое, что дѣлало рѣшительно невозможнымъ принятіе знатныхъ плебейскихъ фамилій въ патриціанскую общину, а это было ничто иное, какъ рѣшительное различіе вѣрованій».

Именно для того-то, чтобы увеличить власть свою, патрициі и должны были отталкивать другихъ отъ участія въ ней. Эту истину они очень хорошо знали. Жаль, что не нашлось никого, кто бы могъ ихъ въ этомъ разубѣрить, или еще посоветовать *все, что было богатаго и значительнаго между плебеями, слить съ собою*. Тутъ-то бы они расхохотались. Я, по истинѣ, не знаю, что сказать объ этомъ. Неужели изъ всей Римской исторіи авторъ не вычиталъ, или не выразумѣлъ и того, что для принятія въ соучастіе своей власти одного богатаго плебея, надлежало принять всѣхъ ихъ равно богатыхъ и бѣдныхъ? Особенности случаи, какъ напр., когда Брутъ дол-

женъ былъ пополнить сенатъ, объясняются только необходимостью. Изъ такихъ-то суждений авторъ выводитъ важныя заключенія о различіи религій!

8. Теперь мы приступаемъ къ дѣламъ уже чисто религіознымъ. Здѣсь мнѣ нужно сказать предварительно, о чемъ идетъ дѣло. Когда плебейцы домогались браковъ съ патриціями, то консулы, не соглашаясь на ихъ требованія, говорили между прочимъ въ сенатъ, что такія связи семействъ повлекутъ за собой смѣшеніе даже священныя обрядовъ, такъ, что рожденный отъ такихъ браковъ полупатрицій, полуплебецъ, не будетъ знать, отъ какой онъ происходитъ крови и какія принадлежать ему священнодѣйствія (*quogum sacrogum sit. Liv. IV. 2*). На эти слова авторъ замѣчаетъ:

«Выраженіе: *quog. sacg. sit*, указываетъ на различіе не частныхъ сакръ»—

Точнѣе было бы сказать: семейныхъ, потому что, кромѣ публичныхъ священнодѣйствій, Римляне имѣли особенныя, принадлежащія только нѣкоторымъ семействамъ; впрочемъ въ названіи теперь важности нѣтъ, если мы согласны съ авторомъ въ сущности дѣла.

«Но общественныхъ (*sacra publica*), т.-е. на совершенное различіе религій обвѣхъ партій. Это ясно и достоверно уже потому, что различіе между частными сакрами существовало и въ патриціанскихъ семействахъ, не препятствуя однакоже взаимнымъ бракамъ между ними».

Это заключеніе выведено правильно. Жаль только, что оно останется или должно остаться безъ всякихъ слѣдствій; потому что слова консула, какія бы сакры онъ ни разумѣлъ, есть пустой предлогъ, не имѣющій никакого основанія. И что бы онъ могъ отвѣчать Капулею, который скоро ему скажетъ: «Бракосочетаніями съ нами не нарушается никакое изъ правъ вашихъ. Потому что дѣти слѣдуютъ отцу (*patrem sequuntur liberi*)», т.-е. если твой сынъ женится на моей дочери, то ваши сакры останутся при немъ, если же мой женится на твоей, то наши останутся при насъ. И такъ слова консула есть только предлогъ или желаніе прикрыть

религіей свое упорство. Впрочемъ, какъ бы то ни было, нельзя же не обратить вниманія на то, о какихъ сакрахъ говорить консулъ. Но если мы остановимся на одномъ только этомъ мѣстѣ, то споръ будетъ не рѣшенъ, о фамилныхъ ли или о какихъ-нибудь другихъ сакрахъ идетъ дѣло, именно потому, что это не сказано ясно. И такъ

Nil agit exemplum litem quod lite resolvit.

Мы напоминаемъ это для того, что намъ кажется страннымъ, почему авторъ для объясненія отказа патриціевъ плебеяцамъ касательно браковъ выбралъ мѣсто болѣе или менѣе спорное и пренебрегъ такое, которое выражаетъ ясно, что было предложено, или, какъ мы сказали выше (N 6, въ концѣ), благовидною причиною этого отказа. Стоило только взглянуть на то, что сказано консуломъ не много повыше, или на то, что непосредственно за Канулеевой рѣчью повѣствуется у Ливія. Онъ говоритъ, что когда Канулей вызвалъ консуловъ предъ народъ и спросилъ ихъ: почему нельзя быть консуломъ плебеицу (надо замѣтить, что въ это же время плебеицы домогались и консульства)? то консулы, можетъ быть справедливо — прибавляетъ Ливій, — но вовсе не ко времени, отвѣчали: потому что плебеицы не имѣютъ авспицій (священныхъ гаданій), что и *Децемвиры запретили взаимные браки обоихъ сословій для того, чтобы по неизвѣстности происхожденія лицъ не произошло безпорядка въ авспиціяхъ*. И такъ вотъ какія публичныя сакры были поводомъ къ препятствію въ бракахъ. Но если эти авспиціи были важны вразсужденіи консульскаго достоинства, ибо они слѣдовали за консуломъ и чрезъ нихъ онъ дѣлался господиномъ двухъ народныхъ собраній, то вовсе были пустымъ предложеномъ вразсужденіи браковъ, какъ мы уже замѣтили выше. Это видно изъ самой исторіи спора. А потому прошу обратить вниманіе на то, что далѣе рассказываетъ Ливій. Послѣ того отвѣта, который консулы дали трибуну, т.-е. что авспиціи принадлежатъ только патриціямъ, «плебеицы еще болѣе воспламенились негодованіемъ, что ихъ, какъ будто противныхъ богамъ, считаютъ недостойными узнавать ихъ волю посредствомъ гаданій; и не прежде прекратились споры (ибо и въ

трибунъ видѣли плебейцы пламеннаго предводителя, и сами не уступали ему въ настойчивости), какъ наконецъ сенаторы принуждены были уступить и согласиться на предложеніе о бракахъ, надѣясь, что чрезъ эту уступку съ ихъ стороны трибуны или вовсе не станутъ домогаться консульства плебейцамъ, или отложить это домогательство до окончанія войны (которая тогда угрожала со стороны нѣкоторыхъ пограничныхъ народовъ); а между-тѣмъ плебейцы, довольные уступкою браковъ, охотно будутъ записываться въ военную службу». Столько-то патриціи уважали свои сакры, что при первомъ случаѣ пожертвовали ими, чтобы, если возможно, не допустить плебейцевъ до важнѣйшихъ правъ политическихъ. Они сами считали ихъ въ этомъ дѣлѣ совершенно пустымъ предлогомъ. Въ этихъ-то сакрахъ г. Крюковъ находитъ особенную, отличную отъ плебейской, патриціанскую религію! Но авспиці столько жъ были уважаемы простымъ народомъ, сколько и патриціями, и не составляли особенной религіи. И потому, когда плебейскій консулъ Децій Мусъ домогался (въ 402. г. Р.) перевести важнѣйшія жреческія должности, именно понтифексовъ и авгуровъ (въ чемъ и успѣлъ) и въ сословіе плебейцевъ, то говорилъ упорствующимъ патриціямъ: «Менѣе ли мы сдѣлаемъ чести богамъ своими достоинствами, нежели вы? Не препятствуйте жъ намъ приносить поклоненіе отъ лица всего общества тѣмъ, которымъ теперь каждый изъ насъ поклоняется стѣ своего лица». (Liv. X. 7). Я забылъ еще сказать, что кромѣ права на авспиці публичныя, патриціи имѣли право и на приватныя. Но изъ того, что нѣкоторыя жреческія должности принадлежали только извѣстному классу гражданъ, вовсе нельзя заключать, что этотъ классъ имѣлъ особенную религію. Вотъ священныя дѣла, до нѣкотораго времени принадлежавшія однимъ только патриціямъ (со включеніемъ и всѣхъ важнѣйшихъ должностей жреческихъ). Если же г. Крюковъ, какъ видно изъ его изслѣдованія, нашелъ нѣкоторыя отъ сихъ отличныя, то названіе, которое онъ даетъ имъ: *patriciorum sacra publica*, вовсе неправильно; слѣдовало сказать: *patriciorum sacra propria*, или просто: *sacra patricia*.

«Прежде чѣмъ исчезли всѣ первоначальныя различія въ правахъ и слились въ одномъ общемъ правѣ римскаго гражданства, должно было исчезнуть всякое различіе религіозное; даже самое политическое равенство стало возможнымъ только чрезъ совершенное уравниеніе религіи».

Этихъ словъ нельзя иначе понимать, какъ только такимъ образомъ: Плебейцы приходятъ къ патриціямъ съ покорною просьбою: «сдѣлайте милость, господа патриціи, позвольте намъ жениться на дочеряхъ вашихъ, да кстати позвольте ужъ быть и консулами. — Прочь вы, негодяи! — отвѣчаютъ имъ патриціи — вы не нашей религіи. — «Ну ужъ такъ и быть — отвѣчаютъ плебейцы, — такъ какъ намъ хочется и того и другаго, то мы соглашаемся не только принять вашу религію, но даже сами быть и понтифксами и авгурами.» — Въ самомъ дѣлѣ, съ патриціанскою спѣсью все несовмѣстно — допустить случай обратный, т.-е. чтобы сами патриціи сдѣлали плебейцамъ такое предложеніе. Если же ни такъ, ни такъ, то слова автора — ничего не доказываютъ.

Но этого пока довольно. Здѣсь оканчиваются тѣ мѣста, которыя автору послужили поводомъ, или возбудили его мысли къ изслѣдованію римской религіи. За сими слѣдуетъ часть спеціальная. Тутъ-то начинается великая суматоха. Множество латинскихъ и греческихъ литераторовъ и грамматиковъ въ цитатахъ; всѣ слова ихъ дѣльныя, глушыя, равную оказываютъ услугу къ подкрѣпленію словъ автора. Все, что сколько-нибудь благопріятствуетъ его темѣ, выставлено; что противорѣчитъ, умолчано. Сверхъ того иныхъ толкуетъ онъ такъ, какъ они вовсе не думали, у иныхъ выкладываетъ изъ текста слова, изъ которыхъ видно, что они говорятъ о другомъ, и пр. и пр. Мы не отказываемся рѣшительно высказать свое мнѣніе и объ этой части, когда найдемъ болѣе досуга.

А.



ПЯТЬ ЛѢТЪ (*).

1. Русская Исторія какъ ни будетъ полна въ подробностяхъ, всегда останутся въ нихъ великіе пропуски, которые принадлежать областямъ. Здѣсь открывается обширное поле новыхъ изысканій и трудовъ для частныхъ летописей. Въкъ Екатерины положилъ тому нѣкоторое начало. Потребность объяснилась и потомъ многими вышедшими отрывками. Настоящаго воздѣланія ожидать мы имѣемъ близкія причины. Такія летописи, обнимающія интересы мѣстности, могутъ и Всеобщей Русской Исторіи дать новые матеріалы и собою составлять любопытную исторію по областямъ.

2. Жизнь поколѣній и происшествія въ нихъ оставляютъ по себѣ неминуемо впечатлѣнія прошедшаго, которые тѣмъ охотнѣе передаются изустною памятью, что въ нихъ выявляются свои особенности. Но такихъ преданій, когда они не описаны, обыкновенная участь, что они летли въ вѣкахъ искажены и забыты; а самыя впечатлѣнія истинныхъ причинъ остаются необъяснимы, или видимы въ ложномъ свѣтѣ.

3. Кто взглянетъ въ Москвѣ на созидаемый Храмъ Спасителя, кто слушаетъ въ день Рождества приносимое молебствіе, кто вспомнитъ на чемъ-либо Отечественную войну, всѣ ли равно принимаютъ и чувствуютъ эпоху нашествія Наполеонова 1812 года; такъ ли жившіе тогда въ отдаленіи безопасно, или родившіеся послѣ и знающіе объ ней по слуху, какъ тѣ, которые на себѣ и въ семействахъ понесли ужасы близости, рвеніе оскорбленнаго покоя, спѣхъ изготовленій къ

(*) Предлагаемый отрывокъ полученъ мною отъ покойнаго Ильи Федоровича Тимковскаго, котораго «Воспоминанія» доставили столько удовольствія читателямъ Москвитянина въ предпрошедшемъ году. *Ред.*

отпору, страхомъ избираемая мѣры спасенія имущества и себя, при видѣ и шумѣ бѣгущихъ съ обозами по всѣмъ дорогамъ и даже подѣ слышимымъ громомъ и стономъ войны?

4. То былъ годъ моего увольненія отъ службы, когда я осѣлся на домашнюю жизнь въ Глуховскомъ повѣтѣ; нынѣ уездѣ, и вступилъ въ новыя мои отношенія по мѣсту. Съ уваженіемъ и радостію нашель я въ обществѣ массу личностей отборныхъ, почетныхъ, маститыхъ. (См. прибавленіе). Тамъ за вѣрное было тогда современнаго вѣку болѣе двухъ тысячъ лѣтъ, куда каждое лице вносило свою опытность. — Веселы были по домамъ въ кругахъ посѣщенія и сѣзды; радушны приѣмы родства и связей; сладки бесѣды. — Но уже проникали всюду тягости вводимаго Наполеономъ преобладанія континентальной системы. Она смутила европейскую политику и торговлю. Мы покупали тройными цѣнами весьма плохіе товары; и уже въ началѣ 1812 года Гамбургская газета возвѣстила: грозныя тучи тянутся на сѣверъ. Наши сѣзды изъ негодованія переходили въ географическіе толки.

5. Того времени малороссійскимъ генераль-губернаторомъ былъ съ 1807 года, послѣ князя Алексѣя Борисовича Куракина, дѣйствительный тайный совѣтникъ, князь Яковъ Ивановичъ Лобановъ-Ростовскій, и черниговскимъ гражданскимъ губернаторомъ дѣйствительный статскій совѣтникъ баронъ Иванъ Васильевичъ Френсдорфъ. — По ихъ разписанію въ мартѣ и апрѣлѣ 1812 произведена была у насъ поставка артиллерійскихъ лошадей. Принимали ихъ въ Глуховѣ губернаторъ и командиръ бригады полковникъ Ховенъ. Заплатилъ и я за свою вороную ассигн. 320 руб. Съ весны главная квартира нашей арміи занимала Вильну. Я получалъ изъ нея прямыя извѣстія отъ брата моего, находившагося при государственномъ секретарѣ Александрѣ Семеновичѣ Шишковѣ. Въ іюнь зашумѣли вѣсти о движеніи обоюдныхъ войскъ отъ Немена къ Двинь и Днѣпру.

6. Въ іюль потребовано у насъ народное ополченіе, и хотя вслѣдъ за тѣмъ, по манифесту о рекрутскомъ наборѣ, Черниговская губернія назначена была въ наборъ, по 8 съ 500; но генераль-губернаторъ, по близости непріятеля и за-

нятія маршаломъ д'Аву на Днѣпрѣ Могилева, поставилъ се въ военномъ положеніи и велѣлъ дворянству изъ своихъ и казенныхъ крестьянъ поспѣшно составить ополченіе; а къ козакамъ далъ огромное воззваніе на составленіе козачьихъ полковъ, которымъ пробудилъ восторженную бодрость. Они дали съ 70-ти душъ козака, обмундированнаго, съ лошадыю, сбруею, саблею и пикою. Изъ крестьянъ въ ополченіе поставлены съ 25 душъ ратникъ, вооруженный пикою. Они раздѣлены на полки, сотни, полусотни и взводы. Къ нимъ дворянство дало изъ себя по степенямъ нужныхъ офицеровъ, отставныхъ военныхъ. Начальство ополченія губернскаго, съ штатомъ его, ввѣрено генераль-лейтенанту графу Николаю Васильевичу Гудовичу, уѣздное генераль-маіору Якову Моисеевичу Шемшукову. На содержаніе ополченія опредѣленъ сборъ съ владѣній раскладкою отъ числа душъ асс. по 50 коп. А для мѣстнаго вѣдома въ состояніи ополченія, въ сборъ и высылку суммъ учрежденъ съ инструкціею изъ пяти членовъ комитета; въ то число поступилъ и я. Полки снаряжались одеждою, запасами и копьями, приучались строю, маршу, маневрамъ. Въ началѣ августа мы увидѣли передъ ихъ фронтами проѣзжаго по пути изъ Кіева артиллерійскаго полковника, въ которомъ замѣчалось лице посланнаго. Онъ обошелъ по строямъ и одобрилъ готовность. Спѣшите, спѣшите! говорилъ всѣмъ. Полки готовые двинулись на Стародубъ къ Могилеву.

7. Тогда же мы въ Глуховъ положили свой советъ, на случай входа войскъ непріятеля, всѣмъ владѣльцамъ, не отставая отъ своихъ имѣній, ради устройства и цѣлости въ нихъ, собраться въ городъ, какъ для общей безопасности, такъ и для связныхъ дѣйствій.—Но мы скоро отдохнули за свою сторону, когда увидѣли проводимую на Тамбовъ партію плѣнныхъ Французовъ и Поляковъ до 200. Вечернею порой они размѣщены въ концѣ города, рядовые на большомъ гумнѣ въ сараяхъ, офицеры, пять Французовъ и семь Поляковъ, въ городскомъ домѣ. Французы всѣ были резонны и скромны, иные шутили и плескались, очищаясь отъ дорожной пыли. Поляки хвалились своею храбростію, какъ они рубали козаковъ, и въ отраду судили, что напрасно ве-

дутъ ихъ такъ далеко; они скоро сами назадъ сюда будутъ. Командиры пѣхннхъ, полковникъ Французъ и майоръ Немецъ, заняли особый домъ. Когда мы въ своей формѣ комитетомъ пришли поговорить съ ними, они такъ сперва оробѣли, или стыдомъ замѣшались, что надобно было ободрить ихъ ласками. Они рассказали намъ, что на переходѣ корпусовъ князя Багратіона и Донскаго атамана Платова отъ Минска на Смоленскъ, д'Аву отрядами пересѣкала имъ дорогу, и у Пропойска они сами отрезаны Донцами; а д'Аву, котораго нашествіа отъ Могилева и Сожи мы страшились, самъ потянулся къ Смоленску.

8. Прошли своимъ временемъ въ августъ и сентябрь большіе обозы товаровъ изъ Тулы, Москвы и Калуги на Воздвиженскую ярмарку въ Крелевецъ. Молнією пролетѣла вѣсть о сдачѣ Москвы. Ярмарка въ самомъ началѣ мѣшалась, и купечество было смутно; а 20 сентября вдругъ молва подіяла тревогу по лавкамъ, что Французы идутъ на Кіевъ и нашъ кордонъ не далеко за Мценскомъ. Торговля онемѣла такъ странно, какъ бы никто ничего ни купить, ни продать не хотѣлъ. Пріѣзжіе съ того же вечера бросились по домамъ. Дома и я выдвинулъ свой заготовленный транспортъ на удаленіе семейства въ Великій Воронежъ. Я выѣхалъ только въ Глуховъ для послѣднихъ извѣстій о ходѣ почты. Но калужская почта, какъ Ноева голубица, пришла съ новостями, что Москва выжжена, враги въ ретирадѣ, наши войска заслонили насъ. Тревога успокоилась.

.... Черниговскій губернаторъ Френсдорфъ былъ лѣтъ за пятьдесятъ, не женатъ, честенъ и добръ, пріятный собесѣдникъ, любитель изящества. На его мѣсто поступилъ Полтавскій вице-губернаторъ Алексій Петровичъ Бутовичъ.

9. Кутузовъ держался пословицы: стели непріятелю золотой мостъ. Мы о бѣгущихъ получали каррикатуры. Самы перешли на содержаніе своего ополченія и разныя поставки для войскъ. Отъ насъ потребовано раскладкою по числу душъ: 1. Большихъ воловъ и окованныхъ тельгъ; я далъ свою пару съ тельгою.—2. Вина для арміи; я сдалъ въ Глуховъ своихъ три бочки, 120 ведръ.—3. Овса, съ доставкою въ Бѣлицу на Днѣпръ; съ меня 15 четвертей.—4. Сухарей;

съ меня 42 пуда. На овесъ и сухари являлись изъ Чернигова общіе подрядчики, которые на условіяхъ съ владельцами; получивъ съ нихъ деньги, поставляли то на мѣстахъ свалки. — Въ Полтавской губерніи, распоряженіемъ бывшаго тогда губернскимъ маршаломъ (предводителемъ дворянства) дѣйствительнаго тайнаго совѣтника Дмитрія Прокофьевича Трощинскаго (бывшаго министромъ юстиціи и членомъ Государственнаго Совѣта), по его увольненіи отъ высокихъ должностей и жительству въ Хорольскомъ уездѣ, тѣ же поставки произведены прямо на мѣсть чрезъ посланныхъ депутатовъ спокойно и выгодно. Хотя такая мѣра, генераль-губернаторомъ не одобренная, произвела было между ними сношенія; но они остановлены. — Ополченія же наши въ 1813 году, какъ новая война возгаралась, на Одеръ и Эльбъ, стояли въ Варшавскомъ герцогствѣ и принимали между тѣмъ сдачу крѣпостей, а козацкія полки доходили до Данцига, гдѣ д'Аву держался въ осадѣ. За окончаніемъ всей войны въ 1815 году ополченія возвратились, и на опредѣленныхъ пунктахъ, сдавъ свои вооруженія и лошадей, разпущены въ дома; лошади, частью за перемѣнами въ нихъ, проданы съ аукціона. Тогда и комитетъ ополченія кончилъ свое дѣло.

10. Но какъ въ теченіе войны произведены были по другимъ губерніямъ рекрутскіе наборы, два съ 500 душъ по 8, и одинъ по 10, то и въ малороссійскихъ, Черниговской и Полтавской исполнены въ 1816 году тѣмъ же числомъ уравниельные наборы, съ 500 душъ по 26. И въ томъ году произведена новая ревизская перепись, послѣ бывшей въ 1811. — Относительно же всѣхъ бывшихъ военныхъ поставокъ повелѣно было учредить счетную комиссію для удовлетворенія въ нихъ. По сдѣланнымъ въ Черниговѣ исчисленіямъ и оцѣнкамъ, что поступило въ натурѣ, сборахъ и времени, они простирались отъ губерніи за 12, потому съ двухъ губерній ассигн. до 25 милліоновъ рублей. Однако въ началѣ дѣйствія такихъ комиссій дворянство признало лучшимъ обратить всѣ счета въ пожертваніе.

11. Въ 1816 году, по увольненіи отъ должности генераль-губернатора князя Лобанова-Ростовскаго, на мѣсто его

назначёнъ военный губернаторомъ генераль-лейтенантъ, генераль-адъютантъ князь Николай Григоріевичъ Репнинъ; и мы ожидали его прибытія. — Между тѣмъ въ іюль или августъ Государь Императоръ Александръ проѣхалъ на Черниговъ. Губернаторъ Бутовичъ не имѣлъ времени собрать и представить Его Величеству болѣе, кромѣ губернскихъ чиновъ и нѣсколько наличныхъ въ городѣ изъ дворянства. — Въ октябрѣ же мы получили свѣдѣніе, что князь Репнинъ проѣдетъ чрезъ Почепъ на Глуховъ, и согласились нѣкоторымъ числомъ старшины своей принять его въ Глуховъ, какъ новаго начальника. Прибывшіе къ тому же братья Василій Вас. и Дамьянъ Вас. Кочубеи пригласили его и весь пріѣздъ чиновъ къ себѣ на угощеніе въ село Ярославецъ, весьма извѣстный и замѣтный не только давнимъ населеніемъ и семейнымъ радушіемъ, но и положеніемъ, съ остаткомъ древняго замка, при озерѣ въ горахъ. Это было первое для князя и для насъ, взаимное ознакомленіе. Оттуда онъ отправился въ Полтаву, гдѣ генераль-губернаторы постоянно имѣли свое пребываніе, въ Черниговѣ бывалъ временнымъ пріѣздомъ. Впрочемъ, оба города, стоящіе на углу своихъ губерній, кромѣ исторической памяти, относительно не имѣютъ не только хорошей, но и достаточной торговли.

12. Въ іюль 1817 года князь Репнинъ, увѣдомляя предводителей дворянства Черниговской губерніи о будущемъ проѣздѣ Государя на Черниговъ первыхъ числа сентября, обязывалъ ихъ извѣстить о томъ дворянство и пригласить почетнѣйшихъ прибыть на то время туда, съ увѣреніемъ, что присутствіе ихъ пріятно будетъ. Такое призваніе мы должны были понимать въ особенной силѣ; и состоящіе въ высшихъ чинахъ согласились отправиться большимъ числомъ. Пріѣзжіе изъ всѣхъ уѣздовъ губерніи являлись у князя. Очень многіе изъ нихъ, по объявленному этикету быть въ башмакахъ, нуждались въ запасѣ и работѣ, такъ что за ними посылали въ Пѣжинъ. Иныхъ и я надѣлалъ изъ своего взятаго запаса. Ожидали Государя на 5 число сентября. Но уже на 2-е число столько насъ было въ сѣздѣ, что мы могли сдѣлать совѣщаніе, просить князя чрезъ губернскаго

предводителя, чтобъ онъ, какъ и для него первый разъ, принялъ насъ въ видѣ корпуса губернскаго. На меня возложено при томъ сказать приветственную рѣчь. Князь дѣйствительно 3-го числа принялъ насъ почетно, и выслушавъ рѣчь, изъявилъ трогательно, съ даромъ слова, свои увѣренія. Передаю здѣсь ту рѣчь, какую малое время и развлеченія позволили ообразить и заготовить.

13. Сіятельныйшій князь! Исполненнаго нынѣ радостныхъ впечатлѣній въ собратіи своей гражданина примите благоволеніемъ вашимъ слово, внушаемое истинною и настоящимъ событіемъ.

Божіимъ Промысломъ и Монаршею мудростію поставленнаго новаго начальника въ вашемъ сіятельствѣ имѣя, земля наша подвиглась въ ожиданіяхъ видѣть пресвѣтлое лице грядущаго къ намъ Государя Императора. Воззванное нашимъ сіятельствомъ на особенное принятіе толикой радости сословіе дворянства соединяетъ здѣсь чувствованія признательности своей къ вашему сіятельству за благія предначинанія въ общую нашу пользу, — и преклоняется съ благоговѣніемъ предъ высотой советовъ, какіе положить на странѣ сей Августѣйшій путешественникъ.

Если племенамъ и родамъ прилично изводить себя участіе достославной свѣтлости отъ древнихъ происхожденій; то страна сія, изъ областей самая историческая, является колыбелью власти, могущества и славы, которымъ возсіяли въ вѣкахъ древнихъ и возрасли потомъ въ сію обширную и знаменитую имперію свѣта.

Жребіемъ народовъ растерзанная, мужественно понесла она свои превращенія. Искушенная бѣдствіями, достигла въ сродной тишинѣ желаннаго спокойствія. Подвиги отцевъ нашихъ, протяженный оплотъ противъ иноплеменныхъ, поборствіемъ по православнои вѣрѣ, приверженностію къ Царскому Престолу, ревностно въ благахъ мира и трудахъ войны, оставили намъ въ наследіе, съ освященіемъ достоянія своего, примѣры заслугъ и тѣхъ же обязанностей любви. — Да успокоятся кости предковъ нашихъ, если на всякое мановеніе власти неоскудное усердствіе наше ускорило!

Естественное обитаемаго нами края положеніе въ способахъ и свойствахъ представляетъ внимательному изысканію богатія дарованія изъ царствъ природы, залежіе родники обильной промышленности. и для разверзанія ихъ сложнымъ трудолюбіемъ, по своимъ средствамъ въ селеніяхъ и городахъ движимыя силы.

И что нынѣ страна сія? Видитъ въ особъ вашего сіятельства и чтитъ новаго начальника, какъ новый законъ, колико законы добротою лицъ благодѣйствуютъ. Исполненна утѣшительной надежды, временемъ и попеченіями вашими, насладиться преуспѣянія своего. Устроенный на томъ памятникъ есть самый долговѣчный и краснѣйшій, какого властители возжелать, какой создать себѣ могутъ.

Толикимъ вашего сіятельства подвигомъ ободряемое дворянское сословіе, какъ домостроитель вѣрній своему дѣлу, возноситъ вамъ благодаренія за настоящее призваніе, съ готовою преданностію ввѣряется благотворнымъ внушеніямъ вашимъ и уповаетъ на всеобъемлющее ваше предстательство.

Справедливо царей отъ глубокой древности отцами отечества, земными богами и въ подобіе солнца именуютъ. Въ солнцѣ положи селеніе свое. Возрадуется яко исполнивъ тещи путь. И нѣсть иже укрыется теплоты его. Такъ присутствіе Вседержавнаго Государя нашего, обтекающаго страны свои, осіяваетъ души и живитъ силы гражданства.—Съ благоволеніемъ вашего сіятельства мы щастливы, ожидая лицемъ видѣть славу Его.

14. Утромъ 5 сентября князь принялъ наши поздравленія съ тезоименитствомъ Императрицы; а послѣ обѣда для ожиданія и встрѣчи всѣ чины собрались въ ближайшій къ собору домъ вице-губернатора. Числомъ дворянства всего было до 160, кромѣ губернскихъ чиновъ. Въ соборъ ожидало духовенство, и въ главѣ его былъ, за перемѣщеніемъ архіепископа Михаила митрополитомъ въ Петербургъ, архимандритъ первокласснаго Елецкаго монастыря. Первые прибыли въ тотъ же домъ передовые два флигель-адъютанта. Изъ нихъ былъ князь Меншиковъ, нынѣшній адмиралъ и министр. Ограда кругомъ наполнилась толпами народа.

Звонъ колоколовъ оповѣстилъ приближеніе къ городу. Мы выстроились у собора на два ряда по уздамъ и чинамъ. Часу въ шестомъ при народномъ возгласѣ: ура! Государь прошелъ нашими рядами и принявъ благословеніе крестомъ у дверей, вошелъ въ церковь. За нимъ хлынуло туда дворянство. По выслушаніи крестнаго молебствія, Государь и за Нимъ свита Его, князь и губернаторъ отправились въ назначенный домъ тайнаго совѣтника, Григорія Петр. Милорадовича. Мы собрались въ другой, противъ него черезъ улицу, домъ прокурора Божанова. Наше ожиданіе призыва продолжалось отъ 6-ти до 9-ти часовъ вечера. Наконецъ губернаторъ, пришедши, объявилъ намъ: Государь такъ истомился и нездоровъ, что принять насъ не можетъ. На другой день Онъ рано выѣхалъ въ Кіевъ, чтобъ быть оттуда въ Полтаву; и многіе изъ дворянъ тоже рано разѣхались. Князь проводилъ Государя, созвалъ изъ остающихся на завтракъ, гдѣ объявилъ намъ обѣщаніе принять насъ въ будущей разѣ.

15. Черезъ восемь лѣтъ потомъ, въ августъ 1825 года, сдѣланы были заготовленія къ проѣзду Государя и за нимъ Государыни на Смоленскъ, Стародубъ и Новгородъ-Сѣверскъ. Въ послѣдній пріѣхалъ и я съ моимъ семействомъ, и князь Репнинъ принялъ свое помѣщеніе у насъ въ домъ. Для Высочайшаго пребыванія назначенъ порожній домъ Михаила Осип. Судьенки, въ концѣ города, близъ Преображенскаго монастыря. Государь прибылъ 8 сентября съ полудня часу въ 3-мъ, по городскимъ горамъ, подъ дождемъ, вмѣстѣ при себѣ графа Дибича. Его приняли у крыльца дому на дворъ князь Репнинъ и, по случаю производимыхъ тогда, за 30 верстъ у мѣстечка Воронежа, маневровъ 3-го корпуса, прибывшіе того дня оттуда, фельдмаршалъ князь Сакенъ и корпусный геналъ князь Щербатовъ, съ ихъ штатами. Собравшіеся у воротъ двора горожане, пріѣзжіе и народъ тамъ только Его увидѣли на скоромъ проѣздѣ къ дому, далѣе не могли. Но на другой день удивительно было глядѣть издали съ улицы, какъ Его Величество раннимъ яснымъ утромъ, въ саду, при наклоненіи горы къ Деснѣ, облокотясь на низкій заборъ его,

едва не до часа неподвижно смотреть съ высоты на освященные солнцемъ — городъ, класторъ его, рѣку, горы, луговую даль; и обратясь къ востоку, поглядѣть внимательно на положеніе монастыря. Монастырь первоклассный, съ древнею зубчатою оградою и башнями на выдавшейся каменной горѣ, у загиба рѣки, съ двумя большими садами, извѣстенъ въ исторіи Самозванца и Уніи, въ жизни Димитрія Ростовскаго и во время губерніи, бывъ тогда кафедральнымъ. На отъѣздъ Государь, по встрѣчѣ архимандритомъ монастыря Геннадіемъ съ своимъ духовенствомъ у воротъ ограды, при стеченіи того же многолюдства, выслушавъ молебствіе, отправился боковою дорогою, наскоро изготовленною, за Десну на Середину-Буду, Сѣвскъ и Рыльскъ въ свой Таганрогскій путь. — Чрезъ нѣсколько дней за Нимъ, въ сопровожденіи княземъ Петромъ Мих. Волконскимъ, Императрица Елисавета имѣла въ Новгородъ-Сѣверскъ также свой отдыхъ, и проѣхала на Воронежъ, Глуховъ и Рыльскъ туда же. — Здѣсь опять непостижимо чудно для меня, какъ пришло, что я пишу эту статью именно 19 ноября, въ день кончины Государя Александра, какъ прежде свой памятникъ Шувалову я окончилъ 12 января, въ день учрежденія Московскаго Университета.

16. Тотъ же 1817 годъ остался памятенъ для нашей столицы несчастнымъ происшествіемъ въ Кролевецѣ. Вся здѣшніе города и мѣстечки, по общему заведенію, имѣютъ двѣ, три, шѣ и четыре ярмарки въ году на храмовые дни своихъ церквей. Но къ числу первоклассныхъ, по капиталамъ въ привозимыхъ товарахъ и по съѣздамъ со всѣхъ сторонъ купечества, дворянства и поселянъ, принадлежитъ избранная (и утвержденная) торговля, въ радіаціи своихъ сношеній, на 14 сентября вышеупомянутая Воздвиженская къ Кролевецѣ. По увѣреніямъ бывало на ней капиталовъ отъ 7 до 9 милліоновъ рублей асс. За окончаніемъ войны и возвращеніемъ войскъ торговля оживилась; и въ 1817 году составилась въ Кролевецѣ великій съѣздъ. Ярмарка по обычаю занимала обширную, пустую площадь среди города, у его собора, застроенную на свое время тѣсно досчатыми рядами и отдѣльными балаганами. Днемъ къ вечеру 17 числа, при югозапад-

номъ вѣтръ и сухой погодѣ, поднялся пожаръ отъ постоялаго двора. Вѣтеръ погналъ вихремъ дымъ и огонь вкось ярмарки на ближніе дома и обхватилъ ими низовую часть города. Толпы телѣгъ и экипажей затѣснили выѣзды другимъ и себѣ. Своимъ подъ огнемъ я велѣлъ ѣхать, куда кто вырвется, и всѣмъ собравшимся на Глуховскую дорогу, тамъ ожидать моего призыва. Едва успѣли они выѣхать изъ воротъ, весь нашъ домъ и дворъ обняло пламя. Далеко на боковой улицѣ я избралъ убѣжищемъ себѣ козачій домъ, и мои экипажи въ темнотѣ ночи приведены цѣлыми. Но только лишь пошли дѣла къ покою, часу въ девятомъ, звонъ колоколовъ поднялъ новую тревогу. Взрослый сынъ моего хозяина увидѣлъ съ кровли своего дому въ верхней части города пожаръ, которымъ освѣщалась ярмарка. Необъяснимое влеченіе вслѣдъ за разъ ведетъ меня на огонь и сцены пожара. Я могъ оставить домъ безопасно, и взявъ съ собою трехъ изъ своихъ людей, устремился туда. Сынъ хозяина проводилъ насъ, какъ было ближе, и частію полемъ. Чѣмъ ближе мы подходили, яснѣе становился намъ въ громадѣ гуда трескъ, шумъ и вопль. Направленіе огня по вѣтру лилось прямо на лавки, и нѣкоторые ряды уже были имъ обняты. Оттуда вырывались телѣги, увозя, что въ пылу могли захватить товаровъ. Я набрелъ на знакомыя лавки. Одною изъ людей своихъ послалъ въ лавку суконъ и шелковыхъ товаровъ; а замѣтивъ крайній мѣховой рядъ въ опасности, другимъ двумъ указалъ въ немъ знакомую лавку. Самъ остановился съ моимъ проводникомъ, подгороднымъ, смышленнымъ, на безопасномъ бугрѣ, куда велѣлъ своимъ сносить, что могутъ спасти, и перваго, который выносилъ охватъ дорогихъ мѣховъ, хозяинъ, почтя вромъ, сгоряча крѣпко ударилъ по уху, но за нимъ приближалъ ко мнѣ въ слезахъ и радости. Тамъ же и сосѣдъ его, купецъ знакомый, упросился на мой призоръ. Но скоро помогать уже было недоступно, скоро и нечему. Клубы огня сливались, обняли и пожрали ярмарку. Струи отъ нихъ и покатились и полетѣли на городскіе дома. Соборъ только сіялъ рдянымъ свѣтомъ.

17. Тогда я обратился отыскивать своихъ пріѣзжихъ,

которымъ могъ грозить наносимый пожаръ, и находить, какъ по два и по три семейства, спасаясь, мѣстились въ тѣсныхъ домикахъ. Далеко за полночь, окуренный и утомленный, возвратился домой подъ заревомъ. — На другой день еще курилась площадь. Стояли на ней рядами одни обгорѣлые столпы. Хозяева рылись въ дыму и золѣ по своимъ мѣстамъ. Печальнѣе всего было глядѣть на груды лому, гдѣ красовались вчера лавки съ посудой, фарфоромъ и стекломъ, или вещами въ стеклѣ; захваченные остатки товаровъ, при ясной погодѣ, вывезены вверхъ за городъ по Кіевской дорогѣ и занимали своими рядами обширное поле. Тамъ, до окончанія уборки ихъ, производились унылыя продажи. — Но можетъ быть я послѣ двойной тревоги слишкомъ строго посмотрѣлъ, какъ весьма раннимъ утромъ, у пепелища, подъ дымомъ въ рядахъ выкаченныхъ бочекъ и боченковъ съ винами, разхаживали знатоки пробовать напитки, зазывая покупку.

18. По истребленіи ярмарки долго были въ ходу и препирались мнѣнія: назначить ли ей за городомъ привольное мѣсто въ полѣ, и не лучше ли вовсе перевести ее въ другой городъ. Первому противорѣчили хозяева пустыхъ лоскутьевъ площади, получающіе доходы отъ застройки ихъ лавками; второму весь городъ, присвоивъ себѣ данную въ томъ собственности и многимъ владѣльцамъ домовъ и лавокъ средство прожитка. Сторонніе требовали не ярмарки городу, а города ярмаркѣ; потому предпочитали общія выгоды торговли и помѣщенія пріѣзжихъ, если ярмарка перемѣстится въ Глуховъ, болѣе обстроенный, на узлѣ шести транспортныхъ дорогъ и почти на день пути ближе къ Москвѣ. Южное кучество удерживало принятый обычай своихъ отношеній. Ярмарка остается на своемъ мѣстѣ.

19. За окончаніемъ великой войны послѣдними двумя годами, изъ мѣстъ бывшихъ театромъ ея появились частыя и большія партіи потерпѣвшихъ Бѣлорусцевъ, привычныхъ къ землянымъ работамъ. Съ принятыми изъ нихъ я произвелъ у себя нѣсколько предпріятій, раздвинулъ лѣсъ около своего жилья, осушилъ болотный берегъ, получилъ новые сѣнокосы; составилъ въ заросляхъ пахатные клипы, и для

выгоды работъ и пастбищъ завелъ у проѣздовъ полевые колоды. Съ тѣхъ поръ изъ всехъ сельскихъ занятій, въ разчисткѣ земли, кромѣ будущей пользы, я нахожу всегда нѣкое творческое увеселеніе. Уже и я могу по мѣстамъ отдыхать въ тѣни оставленныхъ молодыхъ грушъ и дубовъ

20. Прибавленіе къ стат. 4. Знатнѣйшія по домамъ, степенямъ и въ собраніяхъ лица общества были:

Генераль-лейтенантъ	графъ Никол. Вас. Гудовичъ.
Генераль-маіоръ	Яковъ Моис. Шемшукъ.
Дѣйств. ст. совѣтникъ	Иванъ Григ. Туманскій.
Статскій совѣтникъ	Федоръ Александр. Дублянскій.
_____	Иванъ Ив. Халанскій.
Полковникъ	Антонъ Дм. Карпѣка.
Коллежскій совѣтникъ	Иванъ Андр. Маркевичъ.
Коллежскій совѣтникъ	Иванъ Вас. Магеровскій.
_____	Яковъ Вас. Магеровскій.
Надворный совѣтникъ	Петръ Степ. Кулябка.
_____	Павель Ив. Лузановъ.
_____	Михайло Дм. Карпѣка.
Маіоръ	Данило Дм. Карпѣка.
_____	Осиць Фед. Вильчикъ.
Бунчуковъ товарищъ	Николай Дам. Туранскій.
_____	Петръ Леонт. Шликевичъ.
Коллежскій ассесоръ	Николай Петр. Шликевичъ.
_____	Михайло Ив. Омеляновичъ.
_____	Николай Вас. Романовскій.
_____	Александръ Мих. Шрамченко.
_____	Иванъ Степан. Кулябка.
_____	Василій Ард. Лашкевичъ.
_____	Андрей Ив. Коробка.
_____	Андрей Андр. Дергунъ.
Ротмистръ	Василій Осип. Туманскій.
_____	Алексѣй Мих. Шрамченко.
Титулярный совѣтникъ	Михайло Никол. Богаевскій.

Шостянского порохового завода командиры:

Генераль-маіоръ Семень Алексѣев. Глуховъ.
 Полковникъ Андрей Вас. Рутковскій.

За всѣми наконецъ причислю и себя.

Вдовы съ семействами:

Статскаго совѣтника Марѳа Дамьян. Кочубеева.
 _____ Елена Васил. Кочубеева.
 Дѣйств. ст. совѣтника Ульяна Ѳед. Туманская.
 Генераль-маіора Анна Ив. Туманскія.
 Подполковника Надежда Семен. Туманская.
 Надворнаго совѣтника Настасія Петр. Маркевичева.
 Маіора Пулхерія Ив. Скоропадская.
 Ротмистра Марья Вас. Миклашевская.

Говоря о лицахъ общества, я не ввожу тѣхъ владѣльцевъ большихъ экономій въ уѣздѣ, которые не жили въ немъ, какъ-то:

Дѣйствительн. тайн. сов. князь Викторъ Пав. Кочубей.
 _____ Иванъ Никол. Неплюевъ.
 Тайный совѣтникъ Осипъ Степ. Судіенко.
 Дѣйств. стат. совѣтникъ Дамьянъ Дам. Оболенскій.

Напротивъ того замѣтимъ, что сыновья нѣкоторыхъ упомянутыхъ семействъ вышли по службамъ на видныя степени, и особенно укажемъ къ чести уѣзда, что изъ Ярославца дому Кочубеевъ произошли братья:

Тайный совѣтникъ Василій Васильевичъ.

Дѣйствительные тайные совѣтники, члены Государственного Совета Дамьянъ Вас. и Александръ Васильевичъ.
 Тайный совѣтникъ сенаторъ Аркадій Васильевичъ.

Ж. Т.

ГОРЮНЪ. ПОВѢСТЬ ИЗЪ ПРОСТОНАРОДНАГО БЫТА. *Бог. Данковскаго.* **ОТЪЧ. ЗАПИСКИ. МАРТЪ.**

Вотъ еще повѣсть, по выбору предмета и исполненію принадлежащая къ тому роду литературныхъ произведеній, который, въ настоящее время, пользуется особеннымъ преимуществомъ привлечь вниманіе и сочувствіе читающей публики. Мы видѣли, что авторамъ, которые, первые, пошли по этому пути, она охотно прощаетъ многіе недостатки и снисходительно смотритъ на ненатуральность характеровъ, неправдоподобность положеній, несообразность поступковъ дѣйствующихъ лицъ съ ихъ состояніемъ, воспитаніемъ, понятіями, привычками, и проч. Источникъ этого пристрастія заключается, по нашему мнѣнію, въ благородныхъ и натуральныхъ побужденіяхъ челоуѣческаго сердца, въ той привязанности ко всему родному, національному, которая, благодаря Всевышнему, обнаруживается во всѣхъ кругахъ русскаго общества. Мы, съ своей стороны, раздѣляемъ это пристрастіе къ повѣстямъ, которыя назовемъ, пожалуй, хоть простонародными, въ томъ смыслѣ, что онѣ представляютъ картину, болѣе или менѣе вѣрную, нашего простонароднаго быта и тѣхъ изъ нашихъ соотечественниковъ, въ которыхъ черты народнаго характера не сглажены неосновательно направленнымъ воспитаніемъ. Не должно заключать изъ этого, чтобы одни такія произведенія казались намъ достойными получить право гражданства въ нашей литературѣ. Сохрани насъ Боже отъ подобной односторонности въ мнѣніяхъ: область искусства, равно какъ и область мысли, безграницна. Всякое произведеніе, представляющее вѣрное изображеніе челоуѣка, съ его страстями и страданіями, безпредѣльную и неистощимую внутреннюю жизнь, всегда одинаковую въ сущности и столь разнообразную въ проявленіяхъ, — неминуемо вызоветъ наше одобреніе и сочувствіе, къ какому бы классу ни принадлежали избранныя авто-

ромъ лица и на какой бы сценѣ они ни дѣйствовали; но нельзя не сказать, что воображеніе съ особеннымъ удовольствіемъ переносится вслѣдъ за авторомъ въ мѣста, съ которыми, для бѣльшей части изъ насъ, сливаются воспоминаія счастливыхъ дней дѣтства. И даже если не примѣшивается тутъ всеильное очарованіе воспоминаній, то людямъ, поставленнымъ законами общественной жизни въ тѣсныя границы приличій, условій и занятій, сглаживающихъ не рѣдко черты не только народнаго, но и отдѣльнаго характера каждаго челоука, отрадно отдохнуть на описаніяхъ жизни природы, пріятно встрѣтиться съ ея простыми питомцами и подслушать ихъ безыскусственную рѣчь.

Дѣйствіе повѣсти, которая служитъ предметомъ нашего разбора, происходитъ въ деревнѣ; лицами ея — поселяне или люди, мало чѣмъ превышающіе ихъ положеніемъ и образованностію и находящіеся въ безпрестанныхъ съ ними сношеніяхъ. Завязка — самая простая. Молодая дѣвушка сговорена за немилаго; ей нравится другой, которому и она приглянулась. Преданный ей челоукъ, болѣзненный и горбатый крестьянинъ, — который и есть настоящій герой и самое занимательное лице повѣсти — бодрствуетъ надъ дѣвушкою. Горбунъ, любившій ее еще въ то время, какъ былъ сильнымъ и здоровымъ молодцомъ, находитъ средство разстронть этотъ бракъ и вынудить у прикащика согласіе на замужство ея съ богатымъ парнемъ, который ей нравится.

Деревня Ульяновка, гдѣ съ незапамятныхъ временъ «была тишь да гладь, да Божья благодать», принадлежавшая Марьѣ Андреевнѣ, — фамиліи мужики не могли запомнить, — перешла наконецъ во владѣніе богатаго сосѣдняго помѣщика, который едва зналъ о существованіи Ульяновки, но которому, по рекомендаціи управляющаго, стало мерещиться, что Ульяновка вѣззала въ самое сердце его помѣстья, Проствчя. Онъ даже, говоря съ женою о необходимости этого пріобрѣтенія, повернулъ рукою по воздуху, что «вотъ-моль, именно такъ-то и окружится земля его.» Сказалъ и купилъ. За тѣмъ, въ одинъ вечеръ, прикащикъ Проствчя, Василій Матвѣевичъ, въѣхалъ въ одну околицу, между тѣмъ какъ земская полиція въѣзжала въ другую, и началъ свои распоряженія смѣною, за старостію лѣтъ, прежняго старосты, Сидора Терешъича. Въ этой-то деревнѣ Ульяновкѣ происходитъ вечеринка, или, какъ называетъ ее авторъ, «домовникъ», гдѣ среди нѣсколькихъ-грубыхъ любезностей и забавъ сельской молодежи, очень живо изображенныхъ авторомъ, знакомится читатель почти со всеми дѣйствующими лицами. Тутъ

мы встречаемъ Машу, герсину повести, и женика ея, сына юного старосты; тутъ, съ братомъ ея Тимофеемъ, приходитъ и будущій ея возлюбленный, сынъ богатаго крестьянина соседней экономическо-кой волости, Савелія Артемьича. Тутъ, наконецъ, появляется примирителемъ возгорявшейся и едва не перешедшей въ драку, ссоры, герой повести, десятскій деревни Ульяновки, Феоктистъ Горбуновъ, или по-просту Феоклиса-Горбунъ. Вотъ какъ описываетъ авторъ дѣтство бѣднаго Горбуна. Семилѣтній мальчикъ остался послѣ отца сиротою съ нищею матерью, которая должна была пойти побираться; его отдали въ подростки двоюродному дядѣ, пьяному и злому старику. «Въ этой неволѣ заглохло дѣтство Феоклиски; прошли, какъ тяжелый сонъ, десять лѣтъ жизни его. И хоть бы одинъ «выдался красный денекъ во все это долгое ненастье! Хоть бы кто «приголубилъ сиротинку, согрѣлъ бы его словомъ прямого участія. «Напрасно! Въ пространномъ мѣрѣ Божьемъ, гдѣ и птицы выгулъ «себѣ дружныя гнѣзда и звѣрь находитъ другому на слѣдъ, ему, «одинокому, всѣ люди были чужіе. Ребятишки, — даже и тѣ про- «вожали его по деревнѣ глупыми криками: «сиротка, сиротка!» «Долго прятался отъ нихъ Феоклиса, долго плакалъ онъ въ-тихо- «молку, не столько отъ горя, сколько отъ стыда и досады. Ужъ «Богъ съ ними, что они его не любятъ; да что далось имъ это «безродное, это нищенское его сиротство? Вѣдь онъ у нихъ, у бога- «тыхъ, не отнималъ ни отца, ни матери! Живите же счастливо, «добрые люди! И запуганный мальчикъ полюбилъ свое одиночество. «Въ немъ люди казались ему добрее, мѣрѣ краше обыкновеннаго. «Лѣсныя птицы, правда, замахивались на него крыльями, но за то «привѣтно шумѣла надъ головою зеленая роща. Тамъ внутренній «голосъ началъ шептать ему: «Не давайся въ обиду, дитя! Зачѣмъ «выставлять на показъ свои дорогія, свои кровныя слезы? Когда «всѣ смѣются, лучше же смѣйся и ты!» Такъ молча, незнаемо, подъ «глазами яснаго неба, закрадывалась гордость въ большую душу «Феоклиски. И онъ потерялъ съ годами свою прежнюю, стыдливую «робость. Глаза его ужъ больше не прятались отъ людскаго взора, «а зорко и смѣло глядѣли на встрѣчнаго, какъ будто говорили ему: «Иди, братъ, своею дорогою; мѣрѣ великъ; авось-либо и мы разои- «демся въ немъ!» Разъ — это было въ Пафнутаевкѣ, — въ зимнее «морозное утро, Савелій Артемьичъ, выходя посидѣть за воротами, «увидѣлъ проходившаго мимо, бѣлокураго, бѣднаго мальчика; онъ «шелъ на босу-ногу и несъ за плечами пучекъ такихъ новенькихъ, «стакныхъ золотистыхъ лаптей «Продаешь?» — «Продаю,» — отвѣчалъ

тордо мальчикъ. Старикъ улыбнулся, забралъ всѣ лапти, расквашилъ ихъ, заплатилъ за нихъ серебряный рубль и въ придачу «вынесъ ему теплую обувь. Мальчикъ откинулъ подачку. «Возьми, не бось», сказалъ Василій Артемьичъ, ласково подмигивая подслеповатыми глазами: «ну, будто отецъ подарилъ; умру, чтобъ было чѣмъ помянуть.» Съ этого слова, ужъ Богъ знаетъ какъ это случилось, не поздоровилось парню, не выдержалъ кремень, залился въ три ручья слезами и принялъ подачку. Но она съ тѣхъ поръ «дегла ему на совѣсти, какъ дурное дѣло. Нѣтъ, видно ужъ такъ на «роду ему было написано, заброшенному въ мѣръ, какою-то вражьей «силою, поквитаться съ жизнію въ чистую, ничего не задолжать «людямъ, а идти одному по Божьей дорогѣ! О чѣмъ же думалъ онъ, «когда изъ душнаго дома пускался бѣгомъ въ дальнюю рощу; ложась на траву, навастривалъ уши, ловилъ неразгаданный шепотъ «листьевъ, и вдругъ закиваетъ головою съ улыбочкою, какъ-будто «подказала ему что-то понятное, что-то родное эта вѣчно-шумящая сосна? Съ такими мыслями глядѣлъ онъ на звездное небо, «тамъ на лугу, подальше отъ жилья человѣческаго, гдѣ ребята ка- «раулятъ въ ночномъ лошадей, когда, положивъ руки подъ голову, «растянувшись во всю длину на холодной земляной постель, онъ «жадно допрашивалъ звезды небесныя, затверживалъ наизусть ихъ «прчудливые образы. Вѣчныя звезды! Кого караулите въ небѣ? «Кто велѣлъ вамъ раскинуться по небу широкимъ хвостомъ какъ-будто «огненнаго змѣя, или мохнатою гривой сердитаго звѣря. кружиться «ночь, кружиться другую, кружиться всю долгую безсонную ночь— «то ярко блеснуть, то затеплиться? И мнилось сиротинкѣ, что и онъ «тоже плачутъ, какъ онъ, и помнилось ему, какъ во снѣ, что у «него былъ отецъ, который не отдалъ бы его въ наемныя руки, «не пустилъ бы по мѣру, горемычнаго. А вотъ Богъ къ себѣ его «взялъ, и горитъ онъ, быть можетъ, въ небѣ путеводною звез- «дочкою, но гдѣ отыскать ее, когда все равно сердцу мило? Теп- «лѣе и уютнѣе становилось Феклискѣ подъ кровомъ этого неба, и «плакали, на него глядя, задумчиво-склоненныя звезды Оріона, какъ «заливающееся слезами лицо человѣческое.» (89 стр.)

«Все перемелется — мука будетъ.» говоритъ пословица. Дядя Феклиски опился и умеръ, и славно и весело зажилъ Феклиска вдвоемъ съ старухою-матерью; выросъ молодцомъ, и не одна красная дѣвица, не одна молодница заглядывалась на него, когда онъ рано выѣзжалъ въ поле; но «много было кое-чего муднаго въ его «обычав... Затянетъ ли веселую пѣсню, подѣ конецъ собьетъ ее

«непрерывно на унылый лад. Смѣшить ли народъ Божій прибаутками, вдругъ оборвется—и занесетъ отъ нескладныхъ рвчей его чѣмъ-то небывалымъ; словно вдругъ холодомъ пахнуло изъ раскрытой могилы. И потомъ опять, какъ-будто бы неспроста, налетитъ на него такое бѣшеное веселье, такой неистовый смѣхъ, что и самыя задорнымъ жутко становилось. Въ народъ говорили, что пролякъ со степеня его сбиль, и что все это, можетъ статься, «не къ добру. И точно, Оеклиса въ эти минуты и самъ въ себѣ «не былъ воленъ. Его что-то подталкивало и опять что-то осаживало. Резвая молодость такъ и бѣжала въ обгонку съ молчаливымъ, плакучимъ дѣтствомъ; а оно, дразнясь, все заманивало: то «прикидываясь бѣднымъ ребенкомъ, глядело на него въ хоровадѣ «истукашными глазами; то, скрестивъ руки, повѣсивъ голову, садилось съ нимъ рядомъ и молча на вечеринкѣ.» (92 стр.)

Дѣйствительно странный, но тѣмъ не менѣе натуральный характеръ. Есть такія исключительныя, ни на кого не похожія существа во всякомъ быту и странѣ, кто бы ни сдѣлалъ ихъ такими, самъ ли Творецъ, для недовѣдомыхъ намъ цѣлей, отмѣтилъ ихъ при рожденіи особенною печатью, впечатлѣнія ли дѣтства, обстоятельства ли жизни такъ сильно закалили ихъ въ особенную форму, но не разъ случалось каждому изъ насъ встрѣчаться съ этими существами, которыя странно смотрятъ и говорятъ дико, какъ-будто бы они были выходцы какого-то инаго міра и которымъ чудно и неловко между ихъ земными собратіями.

«Но, вотъ, въ одну ночь, раздался набатъ и облака зажглись «надъ объятою пожаромъ деревней!... Оеклиса бросился спасать «младенца, забытаго въ сѣняхъ обгорѣвшаго дома, и, точно, спасъ «его; но, во время воздушнаго странствованія, обгорѣлая балка «упала ему на спину, перешибла плечо и вдавила ребро.

«Съ той поры, ни много, ни мало, прошло шесть лѣтъ. Погосворили да и замолкли. Избы выстроились вновь, лучше прежнихъ; «завели трубу на деревнѣ. Оедя живъ и растеть; а бѣдный Оеклиса «пошелъ горе мыкать съ перешибеннымъ ребромъ и прозвищемъ «Горбуна.

«Такъ вотъ чтѣ нашептывала тебѣ родная сосна! Вотъ о чемъ «плакали звезды! Вотъ чтѣ сулило дѣтство!» (94 стр.)

Этотъ-то бѣдный Горбунъ полюбилъ Машу... «А она и не «ознала про эту любовь. Еслибъ звала, не повѣрила бы; еслибъ повѣрила, стала бы смѣяться... А этого смѣха не вынесла бы гордая «душа Оеклиски...

«Случалось, когда, въ вечернія сумерки, притонять скотъ на «ночлегъ; ужъ и бабы накачали воду въ колодцахъ, но окрѣпамъ за-«медькали огни; пыль длинною полосою стелется вдоль улицы; «какою-то нѣгою дышетъ тогда деревенская картина. — тогда, бы-«вало, Горбунъ, садясь на пороги избы своей, настроиваетъ сладкій «голосъ на печальный складъ больной души. Тогда и Маша, тай-«комъ выходя изъ сѣней, садится и слушаетъ и на рѣзвые черты «набываетъ легкая тѣнь.

«Больше и больше звучитъ пѣсня Горбуна; она поетъ разлуку «съ милымъ, поетъ страданія извѣрившейся любви; а Маша все при-«стальнее слушаетъ, слушаетъ, притаясь.

«О чемъ же задумывалась рѣзвая дѣвка? Какія чувства вторили «безнадежнымъ порывамъ души Горбуна?»

«Она видѣла когда-то во снѣ курчаваго мальчика, съ вьющимися «усиками, въ бархатной поддѣвкѣ, въ козловыхъ сапожкахъ, съ «горстью денегъ въ правой рукѣ, откуда сыпалось, издавая сереб-«ристый звукъ при паденьи, все золото, чистое золото.

«И вотъ они сошлись, узнали другъ друга и полюбили другъ «друга.

«Нѣтъ, Горбунъ, не стоить эта вертлявая дѣвка одного вздоха «чуждой груди твоей, одного прощальнаго движенія руки, возвра-«тившей жизнь человѣку!

«А сердце не спрашивается; ему нужно любить!

«Одинъ! все одинъ!

«Верстахъ въ двухъ отъ Ульяновки, въ сторонѣ, лежитъ старый «погость, съ старою деревянною церковью. Стѣны ея поросли «крапивой, и надгробные кресты съ треугольниками наверху сто-«рожатъ недвижный сонъ и праведныхъ и грѣшныхъ. Полночь. Спать «вдали лѣса и деревни, окутанные длинными тѣнями. Гдѣ-то очень «далеко прокатились окрики караульныхъ; глухо раздался въ сторонѣ, «за ливадъ водъ рвчкой, конскій топотъ ночнаго табуна и потомъ «все затихло. Вотъ онъ, бѣдняжка, крадется, озираясь при легкомъ «шорохѣ, по знакомой дорожкѣ къ знакомой могилкѣ. Только и «осталось у него роднаго на свѣтъ, что эта могилка. Сюда, два «года назадъ, проводилъ Горбунъ свою старуху-мать; здѣсь вы-«плакалъ послѣднія слѣзы; къ этой могилкѣ протопталъ онъ дорожку, «самъ вытесалъ кленовый крестъ, самъ написалъ на немъ: «*Помяни «ея Господи во царствіи Твоемъ!*» а имени не написалъ. Для кого «жъ? онъ и такъ знаетъ; а его не станетъ, некому будетъ и по-«мянуть.»

«Вот Горбунъ прилегъ на святую землю. Хорошо такъ лежать. Боль въ груди унимается: онъ смотритъ туда, гдѣ небо нагнулось къ землѣ съ своими мірами. Давно не бывало такъ чисто на небѣ. Опять звезды плачутъ, такъ и обливаются. Словно все небо разколохалось. Вонъ журавлиная дорога перекинулась бѣлою лентою отъ сѣвера къ югу. На темномъ востокѣ поднимаются плавно семь звездъ сажара. Насупротивъ ихъ, съ закругленнымъ хвостомъ, опершись на заднія ноги, лось сторожить на холодномъ сѣверѣ въковую добычу. Спутники жизни и смерти — звезды, не плачьте! Проговорите хоть слово бѣдному малому!»

«Кому онъ нуженъ безъ роду и племени? кто будетъ плакать по немъ? Могила безответна. Вдругъ что-то зашевелилось. Изъ-за ближняго креста показалось худенькое личико семи-лѣтнаго мальчика.»

«— Одея! ты что-ли?»

«— Я, дядя. — Мальчикъ подбѣжалъ къ Горбуну.

«— Ну, чего тебѣ, пострѣлёнокъ?»

«— Я за тобой, дядя; о тебѣ соскучился.

«— Ну лѣзь туды, лѣзь. Ишь ты, озябъ; вотъ я тебя! говориль Горбунъ, и грозя и прижимая къ сердцу любимое дитя.

«— Мнѣ, дядя, страшно! (глаза Оеди наполнялись слезами).

«— Чего тутъ бояться? Чего? (Осклиску самого дрожь пробираетъ).

«— Да какъ же, дядя! чай тутъ нехорошо.

«— Ничего, перекрестись; они смирно лежать, не тронуть», сказалъ Горбунъ, сильнѣе убаюкивая мальчика. — Зачѣмъ ходилъ?

«— Я, дядя, проснулся—въ избѣ, знаешь, потемки, а малютка съ свняхъ воетъ. Я, этакъ, перекрестился, хотѣлъ перевернуться; ужасъ на меня и напала. Напала на меня ужасъ, словно ты, дядя, ко мнѣ пришелъ. Пришелъ, да этакъ ко мнѣ, да и говоришь: что ты тутъ лежишь, говоришь! Такъ вотъ и говоришь: что ты тутъ лежишь, говоришь! пойдемъ. Ну, я кое-какъ это перетерпѣлъ, а малютка все воетъ. Я, это, перекрестился, выбѣжалъ въ свни, анъ съсяць глядитъ. Глядитъ—это мѣсяць — ну я въ свни выбѣжалъ, а люлька-то качается; сама качается: нѣтъ никого. И все-то разметано по полу. Ну, я тутъ ужъ не звидѣлъ ничего, да бѣжать, а самъ не оглядываюсь, словно кто за мною бѣжитъ, словно такъ слышу: топъ, топъ, за мною бѣгомъ. Вотъ я до околицы добѣжалъ, а ты, дядя, впереди идешь, я такъ-то притаился, да за тобой слѣдомъ... «Ну ужасъ у меня и пошла.

« — А старикъ-то гдѣ?

« — Караулить. Тетка-то тамъ осталась, такъ и храпитъ на всю избу.

« — Ну, бѣги домой, разбойникъ; я сейчасъ буду.

« — Нѣтъ, дядя, боюсь.

« — Ну, погоди маленечко.

« — А мнѣ, дядя, такъ-то думается. Ты только не осерчай...

« — Ну?

« — Когда ты помрешь, на комъ я останусь?

« — Зачѣмъ помирать, Одея?

« — А я вотъ что, дядя (мальчикъ глядѣлъ на Оеклиску своими большими глазами): когда ты помирать станешь, ты мнѣ скажи; и я помру съ тобою.

« — А тетка-то что жь?

« — Тетка-то?... Мальчикъ остановился въ раздумьѣ. — Нѣтъ! Я съ тобой помру. — И мальчикъ опять принялся плакать.

« — Полно, Одея, не хорошо. Богъ не любитъ. — Онъ поцѣловалъ ребенка. Долго крѣпился онъ. Наконецъ сердце его растопилось, какъ воскъ. Такъ и подогнулись колѣни на материнской могилѣ.

« — Матушка! сказалъ онъ, обвивая крестъ исхудавшими руками: матушка, прости. Взгляни ты на меня, матушка, милостивно съ того свѣта. Не сбивай меня съ глазъ долой. Матушка! родимая!...»

Между тѣмъ Митя, тотъ самый молодецъ, который приглянулся Машѣ, открывается въ своей любви отцу. Отецъ его, — не шутите имъ, — богатый крестьянинъ ближней экономической волости, водить двѣа съ прикащикомъ села Простыча и недавно купилъ у него лѣсъ, проданный тайкомъ отъ барина. Посмотрите, какъ важно еходить Савелій Артемьевичъ съ паперти Крутицкой церкви и одѣляетъ милостынею нищую братію!... Съ какимъ подобострастіемъ говорить съ нимъ Сидоръ Терентьевичъ, бывшій староста деревни Ульяновки. Эта значительная особа ни въ чемъ не можетъ отказать единственному сыну и ѣдетъ къ прикащику села Простыча просить о выводной двѣвкѣ въ замужство за его Митю.

«Легко было на сердцѣ Савелья Артемьевича, когда онъ выскочилъ со двора. Путь въ Простычу лежалъ ему лѣсомъ, верстъ пять или шесть, а этотъ лѣсъ былъ тотъ самый, за который онъ заплатилъ прикащику Василью Матвѣевичу три тысячи рублей задатку.

«Любо было охотнику взглянуть лишній разъ на свое добро.

«И вотъ, лѣсная прохлада охватила пріятно Савелья Артемьевича среди знойнаго полдня; солнце, скрывшись за высокими, широко-лиственными деревьями, только украдкою проглядывало въ лѣсную глушь; все было такъ чисто, все такъ свѣжо тутъ. Узкая дорога вилась промежду глухаго кустарника; сучья съ стрескомъ отлетали отъ покачивавшихся колесъ, или мягкая, пропитанная вѣягою трава, слегка подмывала телѣжку и убаюкивала, какъ люльку; какія-то сѣрыя птицы взлетали впереди; вѣрнѣе каркать и бился опугливо на верхушкѣ дуба, недоувѣрчиво глядя сверху на старика; великолѣпныя бабочки съ траурными крыльями, усыпанными лазурными звѣздочками съ золотистою каймою, переплетались игриво въ воздухъ; то затѣйливо кружились на мѣстѣ, выставя напоказъ черный бархатъ своихъ крыльевъ, то, какъ бы увлекаемая вѣтромъ, уносились далеко съ глазъ въ какой-нибудь тѣнистый овражекъ. Все это лѣсное царство переполошилось при видѣ Савелья Артемьевича,—должно быть не зная, что онъ хозяинъ. Выпрямившись въ телѣжкѣ, онъ ѣхалъ шагомъ и слѣдилъ за деревьями, которые тамъ, за кустами, осанисто и медленно проходили передъ него глазами мимо дороги, сначала въ сплошной массѣ ядерныхъ стволовъ, а потомъ и каждое по себѣ, какъ бы зацѣпляясь одно за другое, какъ бы дразня старика богатствомъ и людностью неприкосновенной своей области. «Дайте срокъ, голубячки, говорилъ онъ, протирая глаза, утомленные глядѣвьемъ: будетъ и вамъ конецъ. «Что вы торчите тутъ, ни себѣ, ни людямъ? Пора вамъ, дружки; «разработали, подросткамъ жить не даете, пора. А теперь вы въ соку, «самое время; состарѣетесь — червь подточить, или буря повалить; «куда вы годитесь? развѣ птицамъ на гнѣзды; ну, этой дряни вездѣ «довольно.» Такъ разговаривалъ Савелій Артемьевичъ съ дубами, «березами и осинами, а они въ отвѣтъ ему глухо шумѣли.» (105 стр.).

Возлѣ Ульяновки встрѣчается ему Горбунъ и рассказываетъ, какъ-будто мимоходомъ, о намѣреніи прикащика переселить отца Машина, а Машу выдать за старостина сына, и завѣряетъ его въ любви дѣвушки къ Митѣ.

Прикащикъ отказываетъ въ просьбѣ. Пріятели разстаются холодно. Маша въ отчаяніи. Слезы ея заставляютъ Горбуна рѣшиться на важное дѣло. Онъ торжественно увѣряетъ ее, что не быть ей за немилымъ, и вернувшись къ себѣ, принимается писать.

На другой день, вмѣстѣ съ письмами отъ управляющаго, онъ отвозитъ на почту и свое письмо къ барину.

Прошелъ мѣсяць.—Въ одинъ вечеръ, жители Ульяновки тол-

пились вокруг Сидоровой избы, сообщая одинъ другому разные противорѣчащія толки. Въ избѣ голосила Маша. Поутру прикащикъ посылалъ за старикомъ Сидоромъ и рѣшительно объявилъ ему, чтобы онъ выдавалъ дочь, а самъ собирався въ степную деревню. Общее отчаяніе. Горбунъ бродилъ, какъ помѣшанный, и только разсчитывалъ, когда придетъ почтовый день.

И вотъ, наконецъ, желанный день насталъ. На Горбуна страшно было взглянуть, такъ онъ измѣнился отъ внутренняго волненія и безсонницы. Въ этотъ день всталъ онъ еще до зари и долго молился. «Образъ матери неотступно былъ съ нимъ; она была тутъ же, молилась съ нимъ вмѣстѣ. Ему стало свѣтло на душѣ. Восходящее солнце застало его далеко за деревней, на половинѣ дороги къ почтовой станціи. Утро, сначала прохладное, быстро согрѣвалось. «Воздухъ наполнился парами. На хлѣбной равнинѣ искрились капли налегшей росы. Игриво хлопотали птички въ воздухѣ; а тамъ, далеко, въ пространствѣ, неслась державнымъ полетомъ станица журавлей, какъ дымчатое облако на свѣтло-голубомъ небѣ. Всюду ровныя нивы золотились волотистыми овсами; ржаные снопы отдыхали, наклонивъ къ землѣ свои тучныя колосья. Проселокъ былъ ровенъ и гладокъ, какъ вытнутое полотно; колеса такъ и звенѣли ша высохшей землѣ, издававшей металлическій звукъ. Тяжелыя испаренія, какъ что-то прѣвое въ воздухѣ, туманили голову. Пчелы жужжали безъ умолку; здѣсь и тамъ, подъ ногами, нигдѣ и вездѣ, разсыпались острыя неумолкаемыя трели сверчковъ. И вотъ показалась вдали большая дорога; вонъ и почтовая станція. Горбунъ перекрестился.»

Въ ту минуту, когда свадебный поѣздъ въ Ульяновкѣ дожидался приказанія отъ управляющаго, чтобы тронуться съ мѣста, и дѣло стало только за окончашіемъ туалета его супруга, Василій Матвѣевичъ получилъ отъ господъ два письма: въ одномъ, старый баринъ извѣщалъ о скорой присылкѣ въ Просѣчье вѣрнаго человека для оцѣнки Ульяновскаго лѣса и продажъ его на мѣстѣ по выгоднѣйшей цѣнѣ. Въ другомъ, молодой баринъ писалъ земскому Горбунову, что, вслѣдствіе доноса его на управляющаго, въ томъ, что онъ, безъ господскаго приказанія, продалъ лѣсъ крестьянину деревни Пафнутьевки, Савелью Артемьеву, посылается немедленно вѣрный человекъ для изслѣдованія лѣса.

Можно себя представить изумленіе и испугъ Василя Матвѣевича.—Въ эту минуту входитъ разряженная жена его.—«Ну, ѣдемъ

дружки! — Да, какъ бы не такъ! Эй вы, народъ! Я вду въ Пафунтьевку! Свадьбы не бывать!» кричалъ Василій Матвѣевичъ. (стр. 123).

Между тѣмъ, въ Ульяновкѣ всѣ проглядѣли глаза, ожидая вѣстника. И вотъ ѣдетъ вѣстникъ.... Всѣ переполошились. Отецъ дрожащими руками взялъ со стола хлѣбъ для «великаго благословенія».

«Въ дверяхъ показался Горбунъ.

« — Стой! вскричалъ онъ, едва переводя духъ. Не бывать свадьбы! прикащикъ отмѣнилъ свадьбу!...»

Василій Матвѣевичъ воротился изъ Пафунтьевки уже ночью. Онъ съ торжествомъ везъ возвращенное Савельемъ Артемьевичемъ условіе о запродажѣ ему лѣса съ уплатою имъ трехъ тысячъ задатку. Недѣлю спустя, счастливый Митя игралъ свою свадьбу съ невиданнымъ и неслыханнымъ до тѣхъ поръ въ околоткѣ великолѣпьемъ. На другой день прѣхалъ въ Ульяновку слѣдователь, посланный съ тайнымъ порученіемъ отъ барина. На прощаньи онъ протянулъ управляющему руку съ самою дружескою откровенностію.

« — А Феклишка-то нездоровъ, сказалъ онъ, усаживаясь въ бричку;—ужъ виноватаго Богъ сыщеть!»

Еще торжественнѣе просіла невинность Василя Матвѣевича изъ витѣватаго посланія его къ барину.

« — Видите, Андрей Борисовичъ, сказалъ его превосходительство Борисъ Андреевичъ, прочитавъ письмо. Я зналъ напередъ, что такъ будетъ.» (124 стр.).

.....
 Прошло много лѣтъ.

Изъ ульяновскихъ знакомцевъ нашихъ, кто поженился, кто умеръ, какъ слѣдуетъ.

«А прошли, кто въ потомствѣ помянетъ ихъ? оно спѣшитъ «жить своею жизнью, столяя прежнюю, безпокойно воззрѣвъ на будущую. Много съ тѣхъ поръ воды утекло, много зеленыхъ крестовъ развѣло на погостъ.» (129 стр.). «Есть тамъ могила давнишняя, забытая всѣми. Лежатъ сынъ да мать, рдышкомъ; одинъ «крестъ осбилеть обоихъ; кленовый крестъ съ истертою надписью. «Десять лѣтъ прошло надъ этой могилой, десять лѣтъ, какъ десять «дней, какъ десять мгновеній передъ длинною вѣчностью. Одинъ «только Федя не забылъ Горбуна. И часто, по знакомой тропинкѣ, «ведущей къ гробамъ, зимою и лѣтомъ, весною и осенью, мелькаетъ, «въ вечернія сумерки, задумчивая тѣнь молодого крестьянина.» (129 стр.).

Вотъ и все. Какъ видите, завязка повѣсти самая не мудреная. Лица также не затѣйливыя и, такъ сказать, дюжинныя, отличающіяся отъ тѣхъ, которыхъ встрѣчаете толпами и вы и я, и всѣ мы въ тѣхъ мирныхъ, раздольныхъ убѣжищахъ, куда лѣтომъ любятъ удаляться Москвичи отъ городскаго шума и пыли. Авторъ взялъ ихъ, какъ нашелъ въ природѣ, не давая себѣ труда ихъ приукрасить, не снѣвъ съ нихъ даже ихъ будничной одежды, не придавъ имъ ни романическихъ чувствъ и добродѣтелей, ни резко выдающихся пороковъ. Они, какъ всѣ люди; но люди, какими мы ихъ видимъ на святой Руси. Каждый изъ нихъ вѣренъ національному характеру и въ отношеніяхъ своихъ къ высшимъ, и глубокою покорностью судьбъ и живою вѣрою и милосердіемъ къ бѣднѣйшимъ своимъ собратіямъ, и желаніемъ, пособить имъ по-мочи, по-силѣ. Вездѣ и во всемъ тутъ виднѣ истинный русскій мужичекъ, тогда ли, когда онъ расходится въ шумномъ праздничномъ разгулѣ, выпьетъ лишнюю чарку и лѣзетъ на сосѣда съ сжатыми кулаками; тогда ли, какъ работаетъ на нивѣ подъ палящимъ солнцемъ и потъ градомъ катится съ лица его, а онъ и не чувствуетъ усталости и жара; или какъ завалится на палаты, лѣнивый, беспечный, готовый пролежать цѣлый день, едва шевелясь, едва молвя слово. Но сверхъ общаго національнаго характера, удачно схваченнаго авторомъ, каждое изъ главныхъ лицъ, не смотря на узкую рамку и короткость разсказа, имѣетъ свою особенную фізіономію, отличающую его отъ толпы. Такъ, передъ нами ясно рисуется управляющій села Просвѣчя Василій Матвѣевичъ, котораго честность съ грѣшкомъ по-поламъ, у котораго и волки сыты и овцы цѣлы; баринъ и властелинъ деревни болѣе самого барина. Такъ довольно рельефно выступаетъ полная, важная фигура зажиточнаго Савелья Артемьича, набожнаго, добродушнаго, хитраго и чваннаго по-своему. Такъ, невольно улыбаешься, читая безконечныя и оригинальныя сѣтованія бывшаго старосты Сидора Терентьева, который не можетъ утѣшиться въ смѣнѣ своей изъ этого почетнаго званія, не можетъ равнодушно видѣть, какъ новый староста развѣзжаетъ на бѣговыхъ дрожкахъ, между тѣмъ какъ онъ ходилъ пѣшкомъ, не получалъ жалованья и служилъ изъ одной «пузы», который съ ѣдкою ироніею глубокоузавлѣннаго самолюбія подмѣчаетъ каждую ошибку, каждый промахъ новаго старосты, до самой смерти утѣшаетъ себя надеждою, что вотъ-вотъ его сдѣлаютъ старостою, и наконецъ, умираетъ съ этою надеждою. Всѣхъ безцветитѣе вышли два лица любовниковъ повѣсти, Маши и Мити. Впрочемъ, оно такъ и должно быть. Кромѣ робости и не-

рѣшительности характера, свойственныхъ ранней молодости, кромѣ любви ихъ, поглощающей въ настоящую минуту все способности и чувства, любви, впрочемъ не мѣшающей Машѣ покориться своей участи, когда она теряетъ надежду быть за Митею, — черта также глубоко-національная, — характеръ крестьянокъ, еще не выходявшихъ изъ-подъ родительскаго крыла, всегда болѣе или менѣе однообразенъ. Исключенія чрезвычайно рѣдки. Дѣвушка-невѣста старается только объ одномъ: чтобы объ ней какъ можно менѣе говорили; а ужъ коли говорятъ, такъ пусть скажутъ только, что она дѣвка скромная и работающая. Не даромъ ведется въ народѣ поверье, что нравъ женщины прежде замужства не распознаешь, и что часто изъ тихони выходитъ бой-баба, и наоборотъ. Митя также живетъ въ родительскомъ страхѣ и послушаніи. Одинъ только характеръ Горбуна составляетъ рѣзкое исключеніе изъ этой массы лицъ обыкновенныхъ и, такъ сказать, всеневныхъ. Видно, что авторъ занимался имъ съ любовію, и ему удалось создать типъ, который невольно врывается въ память читателей. Это существо преданное, способное къ сильнымъ чувствамъ, мечтательное, странное, но тѣмъ не менѣе натуральное. Особеннаго въ немъ только бѣднѣйшая масса способностей, дарованныхъ ему Провидѣніемъ. Исключительныя обстоятельства его жизни: раннее сиротство и горькое дѣтство у дяди, заставившее его, какъ всякое существо страдающее, броситься въ объятія къ матери-природѣ и у облачка, летящаго на лазоревомъ небѣ, у вѣчно блистающихъ звездъ, у тихо шепчущей сосны, испрашивать ласкъ и сочувствія, въ которыхъ отказывали ему люди, — и наконецъ ужасный случай, сдѣлавшій его изъ молодца уродомъ и осудившій на вѣчное одиночество среди веселыхъ семей, — вотъ что наложило на него эту печать странности, которая рѣзко бросается въ глаза и поражаетъ тяжелымъ чувствомъ при первомъ взглядѣ на его болѣзненное лице, при первомъ звукѣ его пріятнаго и слабаго голоса, поющаго одни грустные напѣвы. Понятно, что это минутный гость въ здѣшнемъ мірѣ, и съ тѣхъ поръ, какъ умерла мать его, последнее существо, отвѣчавшее пламеннымъ порывамъ его любящей души, читатель ждетъ единственно-возможной развязки, единственнаго возможнаго счастья для подобнаго существа, минуты вѣчнаго упокоенія возлѣ материнской могилы. И самъ онъ это понимаетъ. — «Вѣдь ты себя погубилъ?» говоритъ прикащикъ, когда Горбунъ самъ подаетъ ему въ руки отвѣтъ барина на сдѣланный имъ доносъ. — «Что жь!... Моей жисти не долго... Была не была! я на все готовъ...» (122 стр.) Этими словами еще болѣе раз-

рывается и оправдывается все, что могло бы показаться странным и не совсем натуральным в характере и поступках простаго крестьянина.

Каждое сочиненіе, каковъ бы ни былъ его объемъ и наружная форма, заключаетъ въ себѣ мысль, подъ влияніемъ которой оно задумано и исполнено, какъ благовонныя лепестки прикрываютъ плодотворное сѣмя цвѣтка, какъ въ плодѣ сокрыто зерно подъ свѣжею и пахучею оболочкою. Не знаемъ, какая задушевная мысль руководила авторомъ, но скажемъ объ общемъ впечатлѣніи, которое остается въ душѣ послѣ прочтенія его повѣсти. Это—глубокое сочувствіе чловѣка съ природою; въ описаніяхъ этой природы, среди самой грусти, которую дышуть нѣкоторыя строки, что-то отрадное и успокоительное, какъ-будто указывающее на истинное назначеніе чловѣка; вы чувствуете, какъ надъ вами носится и вѣетъ мысль о безсмертіи.

Въ самомъ дѣлѣ, когда видишь всѣхъ этихъ людей, болѣе или менѣе порочныхъ, себялюбивыхъ, нечувствительныхъ къ очарованіямъ природы, которая со всѣхъ сторонъ отверзаетъ имъ свои объятія, и которые, между тѣмъ, болѣе или менѣе счастливы, исполняютъ свое предназначеніе и болѣе или менѣе извлекаютъ изъ жизни грубыя наслажденія, которыя они способны получить отъ нея, и среди этихъ существъ, самое лучшее изъ нихъ, самое достойное счастья, самоотверженное, любящее, заклеянное печатью вѣчнаго и незаслуженнаго несчастья, тогда душа невольно радуется при мысли о скоротечности всего земнаго, невольно стремится къ утѣшительному чаянію о другой жизни за гробомъ, въ царствѣ вѣчной истины и вѣчной справедливости! Въ прекрасномъ отрывкѣ, гдѣ описывается дѣтство Горбуна, и тамъ, гдѣ говорится о его смерти, это впечатлѣніе еще сильнѣе. Эти строки, которыя могли вылиться только изъ души, глубоко и сильно чувствующей, невольно вызываютъ слезы на глаза читателя.

Если отъ содержанія внутренняго мы перейдемъ къ исполненію, то и тутъ вынесемъ впечатлѣніе не менѣе выгодное для автора. Бѣольшая часть лицъ, выведенныхъ имъ на сцену, говоритъ живымъ русскимъ языкомъ, видимо схваченнымъ и подслушаннымъ на мѣстѣ, показывающимъ въ авторѣ долгую наблюдательность и любовь къ описываемому предмету. Мы готовы были бы даже упрекнуть его за щедрость, съ которою онъ расточаетъ эти русскіе обороты, прибаутки и поговорки. Иногда онъ заставляетъ лица свои, особенно второстепенныя, говорить тамъ, гдѣ это казалось бы вовсе не нужнымъ для хода повѣсти, и только для того, чтобы пощеголать

рвчью русскаго мужичка, съ его сжатостію и странными оборотами, облекающими повѣрья, или понятія, не менѣе странныя. При чтеніи этихъ маленькихъ эпизодовъ, всегда, впрочемъ, замѣчательныхъ, намъ пришли на мысль волшебницы въ восточныхъ сказкахъ, полною горстью бросающія направо и налево, жемчугъ и дорогіе каменья, или живописцы, которые вездѣ вводятъ позолоту, не заботясь о томъ, прилично ли, или нѣтъ, ихъ предмету это драгоценное украшеніе.

Другой упрекъ, который мы осмѣлимся сдѣлать автору, это излишняя краткость и какая-то поспѣшность разсказа, отъ чего нѣкоторые характеры кажутся не довольно выдержанными, нѣкоторыя дѣйствія не довольно объясненными; равно какая-то сбивчивость въ расположеніи. Такъ, напримѣръ, сцена сходки мужиковъ и бабъ около Сидоровой избы, кажется намъ едва ли не совсѣмъ лишнею. Кстати, замѣтимъ здѣсь, что повѣсть, нами разсматриваемая, производитъ довольно странное и противорѣчащее впечатлѣніе: съ одной стороны видна рука бойкая и привыкшая превосходно владѣть перомъ; виднѣтъ человекъ, кромѣ природнаго дарованія знакомый со всѣми тонкостями родной рвчи, и основательно ее изучившій; съ другой, нѣкоторая неловкость въ распредѣленіи матеріаловъ и расположеніи сценъ обличаетъ неопытность писателя, недавно вступившаго на литературное поприще. Но кто бы ни былъ сочинитель Горбуна, ему невозможно отказать въ замѣчательномъ дарованіи. Многія мѣста повѣсти запечатлѣны неподдѣльнымъ чувствомъ; описанія природы вездѣ прекрасны и показываютъ глубокое сочувствіе красотамъ творенія; сцена пожара начертана мастерски; однимъ словомъ, мы, съ своей стороны, не можемъ не пожелать отъ души, чтобы авторъ *повѣсти изъ простонароднаго быта* порадовалъ насъ еще подобнымъ опытомъ.

Такъ судимъ мы; какъ приметъ новаго собрата критика, угадать трудно. Времена критики серьезной, запечатлѣнной любовью къ искусству и истиннымъ желаніемъ добра, — миновали. Глѣ критики, которые дали бы себѣ трудъ замѣтить проблески истиннаго дарованія въ произведеніи новаго писателя среди недостатковъ, неразлучныхъ съ неопытностію. При появленіи сочиненія неизвѣстнаго автора, критикъ раскрываетъ его наудачу, съ заранѣе-предвзятою рвшимостію отдѣлаться отъ него и отъ публики нѣсколькими словами, мало заботясь объ основательности выраженнаго въ нихъ мнѣнія, или позабавить читателей, представивъ въ смѣшномъ, или уродливомъ видѣ первую сцену, которая попадетъ ему на глаза. То не нравится критику описаніе мѣста, слишкомъ извѣст-

наго читателямъ, какъ будто-бы не всѣ мѣста были извѣстны какому-нибудь классу людей, такъ что одинъ изъ нихъ въ правѣ сказать: — зачѣмъ описываете вы такой-то городъ? я его каждый день вижу. Другой критикъ ставить автору въ преступленіе, какъ онъ смѣетъ описывать женщину извѣстныхъ лѣтъ, сознаваясь съ милымъ простодушіемъ, что онъ не любитъ такихъ женщинъ! Очень нужно это знать читателю! Какъ будто бы человекъ во всякую пору жизни, пока бьется въ немъ сердце, дѣйствуетъ умъ, кипятъ страсти, не можетъ, не долженъ служить богатымъ источникомъ для наблюденій и изученія; какъ будто-бы для возраста дѣйствующихъ лицъ повѣсти или романа, существуютъ постановленія, какъ для людей, призываемыхъ въ военную службу; третій требуетъ, напримѣръ, чтобы женщина, въ порывѣ отчаянія, потерявъ рассудокъ и сознание, полусумасшедшая отъ горя, позволяла себѣ только приличныя, размѣренные и разочтенныя движенія, какъ-будто бы готовилась танцовать минуэтъ передъ цѣлымъ обществомъ. Не мелочи ли это, недостойныя истиннаго критика и его благороднаго и высокаго призванія! Если въ произведеніи автора видна мысль, если на звуки его голоса отозвалась въ насъ хотя одна струна, если онъ пробудилъ въ сердцахъ нашихъ какое-нибудь благородное чувство и заставилъ задуматься хоть одно существо надъ судьбою человека и судьбами міра; если хоть одна слеза канула на страницы его книги, мнѣ кажется, онъ исполнилъ свое дѣло и заслужилъ право на снисхожденіе къ своимъ недостаткамъ и на совѣстливый разборъ со стороны критики. А дѣйствительно ли онъ имѣетъ дарованіе, суждено ли его произведеніямъ быть на вѣки поглощенными рѣкою посредственности, или возстануть они изъ-подъ гнета, которымъ покрыли ихъ ложный вкусъ публики, или несправедливость критики, — это рѣшить время и судъ потомства.

ВЫСУШЕННЫЯ РАСТЕНІЯ ВОРОНЕЖСКОЙ ФЛОРЫ, собранныя II. Тарачковымъ, сотня III, и при нихъ *Каталогъ*. Воронежъ. Въ типографіи Губернскаго Правленія. 1854 г., стр. 28.

Въ 1853 году *первою* сотнею началось изданіе «Высушенныхъ растений Воронежской Флоры», и, — не смотря на многосложность такого, едва ли чѣмъ окупаемаго, труда, — чрезъ два года мы уже встрѣчаемъ *третью* сотню означеннаго гербарія. Нѣтъ сомнѣнія, что одна только любовь къ природѣ можетъ поддерживать подобное предпріятіе. Вполнѣ цѣня этотъ благородный трудъ и видя въ немъ прямую пользу науки, мы не можемъ отказать себѣ, чтобы не поговорить о немъ подробнѣе.

Подобно первымъ двумъ, *третья* сотня издана съ одинаковою отчетливостію и аккуратностію, но разнообразіемъ семействъ и видовъ р.р., кажется, имѣетъ преимущество предъ первыми. Разсматривая эту сотню р.р., кажется, видишь передъ собою не мертвыя растенія, а живую картину природы: передъ вами то-и-дѣло развертываются различные виды растеній, одно семейство смѣняется другимъ, одинъ видъ кажется лучше, красивѣе другаго, одинъ экземпляръ растенія споритъ съ другимъ, начиная отъ былинки, маленькаго цвѣточка, до большихъ растеній, такъ что не знаешь, которому отдать преимущество; словомъ — разсматриваніе этой центуріи доставило намъ много удовольствія, даже, можемъ сказать, нѣсколько отрадныхъ минутъ. Намъ кажется, что подобный гербарій—былъ бы не лишнею настольною книгою у всякаго любителя природы и Сельскаго Хозяйства, у всякой матери семейства, хозяйки дома, любительницы цвѣтоводства. Гербарій можетъ быть хорошимъ указаніемъ или руководствомъ для того, кто, напримѣръ, захотѣлъ бы завести у себя садъ, цвѣтникъ и т. п. Изъ дико-растущихъ растеній много можно найти такихъ, которыя бы могли служить украшеніемъ любому цвѣтнику, не говоря о другихъ примѣненіяхъ къ хозяйству и о той пользѣ, какую приносятъ знакомство съ высушенными растеніями. Разсматривая растеніе, вы въ то же время обращаетесь къ Каталогу, гдѣ находите названіе его, мѣстообитаніе, время цвѣтенія, народное употребленіе въ медицинскомъ отношеніи, даже въ хозяйственномъ, а развѣ этого мало? Но обратимся къ разсматриваемымъ нами растеніямъ.

Намъ, не какъ ученымъ ботаникамъ, а какъ простымъ любителямъ природы, нѣкоторыя изъ растений до того понравились, что мы не можемъ отказать себѣ, чтобы не указать на нихъ. Такъ, напримеръ, въ этой сотнѣ лучше другихъ засушены: *лютикъ многоцвѣтный* N 204, цвѣтокъ котораго какъ будто покрытъ лакомъ, — такъ и блеститъ; *ложечникъ земноводный* N 212, липа мелколистная N 220, — очень натуральна; очитокъ ѣдкій N 241. — точно букетъ и мн. др. Но замѣчательно-хороши растенія подъ NN — 206 *живокость фиолетовая*: это совершенная картинка; — цвѣтокъ такъ свѣжъ, что, кажется, только что сейчасъ сорванъ; — 207 *нимфея бѣлая* и 208 *кувшинка желтая* — это великолѣпнѣйшіе экземпляры; — первая изъ нихъ (нимфея бѣлая) напоминаетъ намъ о несравненной своей родственницѣ *амазонкѣ-кувшинкѣ* или *Викторіи* царственной (*Victoria regia* Lind.), привезенной къ намъ изъ-за моря; наша кувшинка-нимфея много на нее похожа и имѣетъ полное право на вниманіе любителей цвѣтоводства; она заслуживаетъ того, чтобы ее имѣть въ комнатахъ и держать въ большихъ стеклянныхъ вазахъ, наполненныхъ водою; быть можетъ, она перевоспитается, и у насъ будетъ своя амазонка-кувшинка, которая будетъ служить украшеніемъ нашихъ гостиныхъ; — 227 *чина гороховидная*; 234 — *ягоды костяники* засушены очень искусно; — 261 *верескъ обыкновенный* — великолѣпный экземпляръ для горшечныхъ комнатныхъ цвѣтовъ; 285 *горець призаборный* — это растеніе стоитъ того, чтобы его разводили въ палисадникахъ; 294 — *ситовникъ желтый*, замѣчательный цвѣтокъ; 299 — *плаунъ булавистый* засушенъ прекрасно, — это нѣжное, бархатистое растеніе стоитъ того, чтобы держать его въ комнатахъ. Вообще, относительно искусства засушиванія р.р., требующаго, кромѣ знанія дѣла, много терпѣнія и труда, составленный г. Тарачковымъ гербарій, смѣемъ сказать, по замѣчанію известныхъ намъ ботаниковъ, пока еще не встрѣчаетъ себѣ подобнаго. Достаточно замѣтить, что экземпляры водяныхъ растений, напримеръ, *нимфеи* и *кувшинки* (N 207 и 208), также *вахты трилистной* (N 263), *бѣлокрыльника* (N 290) и др. болотныхъ растений, обыкновенно встрѣчающихся въ гербаріяхъ, по бѣльшей части, въ видѣ одноцвѣтной, бурой или черной, полуизгнившей, заплеснѣвшей травы, — въ разбираемой нами сотнѣ всѣ сохранили свои нѣжные яркіе колера какъ въ листьяхъ, такъ и въ цвѣткахъ — и какъ будто только что сорваны, особенно экземпляры кувшинокъ.

Что касается до народнаго употребленія растений въ медицин-

скомъ и хозяйственномъ отношеніи, то г. Тарачковъ, при опредѣленіи и описаніи р.р., изложенномъ въ «Каталогъ», по прежнему продолжаетъ собирать и помѣщать при нѣкоторыхъ изъ нихъ простонародныя свѣдѣнія въ леченіи болѣзней разными видами растений. До какой степени эти простонародныя средства достовѣрны, должна рѣшить медицина. Во всякомъ случаѣ замѣтки эти, передаваемые г. Тарачковымъ, должны имѣть свое значеніе и достоинство. Быть можетъ, изъ всѣхъ этихъ простыхъ замѣтокъ откроется какое-нибудь важное приложеніе къ леченію болѣзней. Выписываемъ нѣсколько такихъ замѣтокъ: растение *сумочникъ пастуший* (*Sarsella Bursa pastoris* N 211) извѣстно въ народѣ какъ вѣрное средство отъ лихорадки. Употребляется такъ: 1 золотникъ истертыхъ въ порошокъ листьевъ и цвѣтковъ раздѣляютъ на 4 части, и принимаютъ ихъ въ рюмкѣ хлѣбнаго вина, утромъ и вечеромъ, по одной долт; малолѣтнимъ даютъ $\frac{1}{2}$ или $\frac{1}{4}$ часть означеннаго приема. Запасный порошокъ хранить въ закупоренныхъ стеклянкахъ. Мы слышали отъ многихъ достовѣрныхъ лицъ въ Воронежѣ, что это растение, по своему цѣлебному свойству, дѣйствительно есть испытанное, удивительно-превосходное противолихорадочное средство: достаточно нѣсколькихъ приемовъ, чтобы совсѣмъ избавиться отъ лихорадки, какова бы она ни была. Желательно, чтобы врачи изслѣдовали его свойство и сдѣлали примѣненіе къ дѣлу: быть можетъ оно вполне замѣнитъ хину или еще будетъ дѣйствительнѣе. *Гераній алый* (*Geranium sanguineum* N 222); — декоктъ изъ этой травы считается лучшимъ простонароднымъ средствомъ отъ ревматизма. *Сушеница полевая* (*Filago arvensis* N 249); — зола этой травы, смѣшанная съ коровьимъ масломъ, въ видѣ мази, въ деревняхъ употребляется, какъ цѣлебное средство отъ *огника* (наружной золотухи?); отваръ же этого растенія пьютъ отъ горловыхъ заваловъ. *Коровякъ медвѣжье ухо* (*Verbosum thapsus* N 267); — размочивъ стебли его въ водѣ и потомъ снявъ съ нихъ ножомъ кору, сушатъ ихъ и употребляютъ вмѣсто лучины, для освѣщенія; смѣска же употребляется рыболовами для одуренія рыбы. *Лещина обыкновенная* (*Corylus avellana* N 287); — по народному повѣрью этотъ кустарникъ цвѣтетъ въ Великій Постъ синими цвѣтками, которые, будучи собраны въ полночь и настояны въ водѣ, служатъ лекарствомъ отъ запоя.

Въ филологическомъ отношеніи (собственно лексикологическомъ) нѣкоторыя изъ названій растений, собранныхъ въ этой сотнѣ,

довольно любопытны, потому-что болѣе или менѣе указываютъ намъ на коренное свойство растенія, или на тотъ признакъ его, съ которымъ народъ соединяетъ свои понятія, свой образъ возрѣнія на каждую вещь. Народный умъ любитъ давать названія предметамъ по своему и иногда довольно удачно; такъ напр. нѣмецю бѣлую (*Nymphaea alba*) простой народъ называетъ — *бѣлушка*, *водной макъ*, — названіе дѣйствительно вѣрное, характеризующее признакъ этого растенія; воднымъ же макомъ называютъ его плоды, похожіе на макъ, которые въ деревняхъ ѣдятъ какъ лакомство. Гераній алый (*Geranium sanguineum*) называется *ломотная трава*, какъ кажется, потому, что эта трава считается лучшимъ простонароднымъ средствомъ противъ всякой *ломотной боли*; костяника (*Rubus saxatilis*) — *каменка*, — съ названіемъ этого растенія простолюдны, какъ видно, соединяютъ понятіе о твердости, какъ будто сближаютъ понятія о *твердости кости* съ твердостью *камня*; шиповникъ коричневый и ворсоватый (*Rosa cinnamomea*, — *tomentosa*) называется *сирблришикъ*; рябина — *рябика*; здѣсь народная филологія представляетъ намъ новый примѣръ перехода звуковъ — *и* въ *к*; вероника дубровка (*Veronica chamaedrys*) известна въ народѣ подъ именемъ *миронникъ*, здѣсь также народной умъ передѣлалъ *в* въ *м*, превратилъ веронику въ миронникъ. Очитотъ тѣкій (*Saedum acre*) называется *гусиная плоть*; — шерошница красильная (*Asperula tinctoria*) — *мушкетеръ*; сушеницу полевую (*Tilago argensis*) называютъ *золотушную травою* вѣроятно потому, что считаютъ ее полезною отъ золотухи; вахта трилистная (*Menyanthes trifoliata*) носить названіе *трифоль*, вѣроятно заимствованное собирательницами травъ отъ аптекарей; молочай болотный (*Euphorbia palustris*) называется *курбѣникъ*; овсяница овечья — *волосляк*, — слово это едва ли не удачно характеризуетъ наружный видъ растенія, какъ имѣющаго волосистые стебли; косатикъ германскій (*Jris germanica*) называется *сазаны*; соломонова печать (*Polygonatum officinale*) известна подъ именемъ *купендъ*, *купень*. Названіе этого растенія, равно какъ и предъидущаго, довольно замысловато; но вникая въ аналогію названій и примѣняясь къ понятіямъ народнымъ, можно нѣкоторымъ образомъ догадываться, что *купендъ* и *купень* одного корня съ словомъ *купить*, *купленное*. Но такъ-какъ это растеніе въ деревняхъ замѣняетъ известное косметическое средство — *румяны*, то, вѣроятно, чтобы придать ему болѣе важности, и называютъ *купень*, какъ будто *купленное*, а не простое домашнее

средство. (*) Слово *сазаны* едва ли употреблено не вмѣсто *сажаны*, *саженныя*, *посаженныя*, какъ бы *садовые*. Говорятъ же въ Оренбургской губерніи: *рожанъ мой*, *рожанъ* (въ пѣснѣ) вмѣсто *розанъ*, почему же не допустить и *сазаны* вмѣсто *саженны*? Жаль, что г. Тарачковъ не полюбопытствовалъ узнать, почему некоторыя изъ растений носятъ на себѣ такія странныя названія; можетъ быть, ему и посчастливилось бы открыть что-нибудь изъ познаній о народной ботаникѣ, изъ суевѣрій и предрасудковъ. Желательно, чтобы на будущее время г. Тарачковъ для пользы филологіи, этнографіи, для разнообразія и болѣе интересности издаваемой имъ Воронежской Флоры, по возможности, обращалъ вниманіе и на другія стороны народнаго знанія.

Пожелаемъ же этому полезному отечественному изданію счастливаго продолженія и непремѣннаго окончанія.

GRAMMAIRE FRANÇAISE PAR F. SPRIMONT, Наставникъ-наблюдатель по предмету французскаго языка при Михайловскомъ-Воронежскомъ Кадетскомъ Корпусѣ. С.Пб. 1854, стр. 106.

Грамматика г. Спримона принадлежитъ къ очень толковымъ и дѣльнымъ учебникамъ, которыхъ у насъ, при всемъ изобиліи, не много. Главное достоинство этого разсматриваемаго нами учебника состоитъ въ томъ, что въ немъ объясненіе сухихъ правилъ и употребленія формъ французскаго языка идетъ почти вездѣ рука-объ-руку съ логическимъ объясненіемъ строенія предложеній. Здѣсь видно практическое изученіе языка, а это-то и главное дѣло. Практической разборъ организма языка, живая рѣчь, — вотъ цѣль и путь изученія каждаго языка. Г. Спримонъ, какъ видно, понялъ эту цѣль и составилъ такой учебникъ, который удовлетворяетъ этимъ требованіямъ. Разборъ состава предложенія, его главныхъ частей и

(*) Слово *купень* имѣетъ близкое отношеніе къ *деньгамъ*; деньги же, какъ извѣстно, въ Саратов. и Пенз. губерніяхъ называютъ *купилы* — *купилы-то притупили* (послов.); въ Твер. губ. Каш. уѣзда называютъ *куплево*; ясно, что *купенъ*, *купень* и — *купилы*, *куплево* одного корня. Поселяне же считаютъ дорогимъ и цѣннымъ по преимуществу то, что *покупаютъ* за *трудоваыя деньги*.

второстепенныхъ въ грамматикѣ г. Спримона проведенъ по всѣмъ частямъ рѣчи.

Другое достоинство грамматикѣ г. Спримона — то, что онъ старается вездѣ, гдѣ только можно, сближать употребленіе формъ французскаго языка съ русскимъ. Это сравненіе весьма важно въ языкоученіи, особенно для насъ Русскихъ: оно упрощаетъ изученіе грамматикѣ и облегчаетъ самое занятіе. Сравнительное языкоученіе сдѣлалось теперь общою и современною потребностію. Теперь и при изученіи русскаго языка требуется дѣлать подобнаго рода сравненія съ иностранными языками. Въ грамматикѣ г. Спримона намъ показались особенно заслуживающими вниманія слѣдующія сравнительныя объясненія правилъ:

1. Въ именахъ существительныхъ и прилагательныхъ — чѣмъ замѣняются наши падежи, которыхъ нѣтъ во французскомъ языкѣ (стр. 7 и 15).

2. Согласованье прилагательныхъ съ существительными изложено очень удобопонятно и просто (стр. 9).

3. Сдѣлано сличеніе нашихъ степеней сравненія съ французскими, и указано, чѣмъ выражаются послѣднія (стр. 14).

4. Въ мѣстоименіяхъ личныхъ — указано, какія изъ нихъ бываютъ подлежащими, какія прямыми дополненіями, при чемъ указано и на размѣщеніе ихъ въ предложеніи, столь трудное для непріроднаго француза. Равнымъ образомъ указано отношеніе нашихъ притяжательныхъ мѣстоименій *свой* и возвратныхъ *себя* къ мѣстоименіямъ — *мой, твой, меня, тебя, его*; въ относительныхъ указано, какими они падежами переводятся на русскій языкъ. Вообще мѣстоименія изложены очень отчетливо, — вездѣ встрѣчаются синтаксическія правила, какъ необходимыя логическія поясненія (стр. 18).

5. Въ глаголахъ — употребленье временъ столь трудныхъ и сбивчивыхъ даже для француза, доведено до надлежащей ясности и простоты и сдѣлано сличенье употребленія ихъ при переводахъ съ русскаго языка на французскій. При этомъ указано, какое время употребляется при переводѣ нашихъ дѣепричастій, находящихся въ сокращенныхъ придаточныхъ предложеніяхъ. (стр. 25). Также весьма отчетливо объяснено употребленье наклоненій условнаго и сослагательнаго, и какъ они переводятся на русскій языкъ.

6. Въ причастіяхъ — объяснено, какъ переводятся съ французскаго языка причастія настоящаго и прошедшаго временъ на

русскій языкъ (стр. 58). Здѣсь въ особенности упрощено правило согласованія прошедшихъ временъ и подведено подъ двѣ удобопонятныя формулы, разрешающія всѣ трудности этой статьи, столь пространной въ другихъ грамматикахъ.

Третье достоинство грамматики г. Спримона состоитъ въ томъ, что въ концѣ книги приложены, въ родѣ краткой Хрестомоміи (на 26 страницахъ) упражненія, состоящія изъ собранія русскихъ фразъ, для переводовъ съ русскаго языка на французскій. Фразы эти составлены и расположены въ послѣдовательномъ порядкѣ частей рѣчи, и, какъ видно, приспособлены ко всѣмъ грамматическимъ правиламъ. Это прекрасное пособіе для практическаго занятія языкомъ; — это всегда готовыл *подъ руками* задачи и притомъ однообразныя, тогда какъ другія книги для переводовъ не всегда могутъ находиться у всякаго воспитанника въ классѣ. Конечно, этихъ фразъ недостаточно для дальнѣйшихъ занятій, но на первый разъ совершенно довольно: онѣ принесутъ несомнѣнную пользу, и даже больше чѣмъ другой длинный отрывокъ, предназначенный для переводовъ.

Вообще грамматика г. Спримона составлена съ знаніемъ дѣла; вездѣ видно умѣнье примѣнять теорію къ практикѣ и умѣнье передавать грамматическія правила болѣе простымъ и удобопонятнымъ образомъ; видно, что г. Спримонъ вникалъ въ потребности учащихся. Бумага прекрасная, какую рѣдко можно встрѣтить въ подобныхъ учебникахъ, шрифтъ тоже хорошъ.

Относительно недостатковъ замѣтимъ только, что желательно было бы, чтобы опредѣленія частей рѣчи и т. п. были составлены согласно съ опредѣленіями русскими; нѣкоторыя изъ опредѣленій у г. Спримона не совсѣмъ точны, напримѣръ опредѣленіе собственнаго имени (стр. 4), мѣстоименія (стр. 15), названіе *прилагательныхъ* глаголовъ (стр. 26); равнымъ образомъ слѣдовало бы придерживаться русской грамматики и при изложеніи состава предложеній и т. п. Но не смотря на то, эти недостатки не мѣшаютъ грамматикѣ г. Спримона быть дѣльнымъ и толковымъ учебникомъ, предназначеннымъ для Русскихъ: она вполне достигаетъ своей цѣли.

Въ заключеніе желательно было бы, чтобы вообще французская грамматика, предназначенная собственно для *Русскихъ*, издавалась или просто на русскомъ языкѣ, или съ переводомъ, а не

чисто на французскомъ, потому что учить грамматику на французскомъ языкѣ полезно и легко только для однихъ воспитанниковъ болѣе способныхъ и хорошо подготовленныхъ къ этому, или для тѣхъ, которые говорятъ по-французски; для остальныхъ же, которыхъ у насъ бываетъ большая часть въ классѣ, — это трудъ и трудъ тяжелый, требующій много времени, а время у воспитанниковъ разсчитано на все. Наконецъ это большинство воспитанниковъ принуждено буквально долбить нѣсколько страницъ, иногда совершенно ничего не понимая; — какая же тутъ польза? Въмѣсто всего этого, кажется, полезнѣе было бы: переводить что-нибудь съ французскаго языка на русскій и наоборотъ, учить наизусть небольшія статьи, стихи и т. п.

АНТИКРИТИКА.

Русскія пѣсни. Критическій опытъ А. Григорьева.

По случаю выпуска первыхъ 4-хъ тетрадей моего Собранія русскихъ пѣсень явилась въ Москвитянинѣ статья г. Григорьева, подъ названіемъ: «Русскія пѣсни,» критическій опытъ. Статья 1-я. Я не смѣю приписывать чести появленія этой весьма дѣльной статьи достоинству моей первоначальной работы, я увѣренъ, что авторъ ея, по случаю новаго труда, предпринятаго на этомъ, почти позабытомъ поприщѣ, нашелъ особенно удобнымъ высказать многія весьма замѣчательныя мысли — плодъ такой же, собственной его работы, какова и моя, надъ собираніемъ русскихъ пѣсень. Во всякомъ случаѣ, я считаю обязанностію благодарить г. Григорьева за серьезное вниманіе, оказанное имъ къ труду моему, потому-что по поводу этого труда и написана имъ его замѣчательная статья. Горячая любовь г. Григорьева къ дѣлу собиранія и изученія русскихъ пѣсень и опытомъ пріобрѣтенное знаніе видны почти изъ каждой строки его сочиненія. Я занимаюсь самъ нѣсколько лѣтъ этимъ предметомъ, и потому, встрѣчаясь теперь съ другимъ дѣятельнымъ собирателемъ русскихъ пѣсень, считаю долгомъ изъ уваженія къ общему нашему дѣлу сказать нѣсколько словъ на замѣчанія г. Григорьева, относящіяся собственно до моей работы, и на которыя однако же я по убѣжденію моему смотрю иначе, нежели мой рецензентъ. Я полагаю, что искреннее сообщеніе другъ другу разностороннихъ взглядовъ въ этомъ дѣлѣ и можетъ только принести пользу возникающимъ вопросамъ при изысканіяхъ о метрическомъ, музыкальномъ и художественномъ складѣ нашей народной поэзіи. Приступаю къ дѣлу:

1-е. Г. Григорьевъ замѣчаетъ объ пѣснѣ: «Не вечерняя заря спотухалася», что названіе ямской не прилично этой пѣснѣ потому, что она является вариантомъ другихъ пѣсень-типовъ, прощальныхъ по содержанію. Притомъ онъ сомнѣвается въ возможности существованія разряда *ямскихъ* пѣсень. Отвѣчаю: Пѣсни ямскія, также

★

какъ в *бурлацкія, солдатскія и плотническія* и т. п., составляютъ необходимо музыкальные отдѣлы въ ряду другихъ пѣсень, въ отношеніи музыкальномъ. Движенія бурлаковъ при втягиваніи барокъ, плотниковъ при втягиваніи бревенъ и при работѣ топоромъ, солдатъ въ маршѣ, ямщиковъ на облучкѣ вмѣстѣ съ крикомъ и понуканьемъ лошадей — составляютъ въ пѣсняхъ или особенно любимыхъ и ими усвоенныхъ особія остановки, продолженія, *переходы* (фигуры) и *кольна* (фразы). и потому значительно отличаются мотивомъ метра и тактомъ отъ своихъ вариантовъ, которые поются не-бурлаками, не-ямщиками и не-солдатами. Такова напр. пѣсня народная: «Занывай мое сердечко», но до того напѣтая солдатами, что народный, деревенскій ея вариантъ почти исчезъ и остался одинъ солдатскій. Такова пѣсня и «Не вечерняя заря», ставшая почти преимущественно ямской. Къ-сожалѣнію, въ наше время настоящія ямскія пѣсни исчезаютъ по тѣрнымъ большимъ дорогамъ около Москвы на довольно большое разстояніе, и замѣняются романсами и аріями изъ русскихъ оперъ.

2-е. По поводу пѣсни: «Ой Иванъ-то, ты Иванъ», г. Григорьевъ замѣчаетъ, что нѣкоторыя пѣсни положены мною слишкомъ высоко. Дѣйствительно нѣкоторыя, но не эта; а лежащія дѣйствительно нѣсколько высоко для голосовъ вообще (а не для одного тенора), зависятъ отъ гитарнаго аккомпаньемента. Я увѣренъ, что съ гитарою всякая русская пѣсня легче поется, нежели съ фортепіано, для того я и сдѣлалъ въ нѣкоторыхъ пѣсняхъ уступку относительно легкости пѣнія съ фортепіано, потому-что тутъ же рядомъ стоитъ и аккомпаньментъ гитарный. Такъ положена напр. пѣсня «Зеленде мое винограде.» Извѣстно, что строй семиструнной гитары не соответствуетъ камертонному строю скрипки и фортепіано—онъ много его ниже и приходится въ другомъ тонѣ, нежели каковъ его номинальный тонъ относительно этихъ инструментовъ, слѣдовательно пѣть съ гитарою гораздо легче и при высокомъ положеніи темы, гитарная же аппликатура въ избранныхъ мною тонахъ много выигрываетъ въ легкости и звукѣ. Вотъ объясненіе для нѣкоторыхъ пѣсень, положенныхъ мною дѣйствительно нѣсколько высоко. Но пѣсня: «Иванъ-то, ты Иванъ», на которую указываетъ г. рецензентъ. есть пѣсня *уличная-плясовая* (такъ сказано и въ заглавіи); извѣстно, что такія пѣсни поются *хоромъ женскимъ*, а для женскаго голоса мое положеніе нѣсколько не высоко. Г. Григорьевъ находитъ, что это высоко для тенора, а эта пѣсня писана вовсе не для тенора, и я полагаю,

что пѣсни. преимущественно принадлежащія женскому хору, рѣшительно не должно переносить въ низшіе тоны, для того чтобы ихъ было удобно пѣть тенору. Тогда наоборотъ сопрано и альтъ потребуютъ, чтобы теноровыя партіи были собственно для нихъ переложены выше. Чего же тогда долженъ будетъ держаться собиратель? Самое вѣрное: бабьи и дѣвичьи пѣсни оставлять въ размѣрахъ женскихъ голосовъ, а мужскія въ мужскихъ. Притомъ, всякій знающій гитарную игру, внимательно проигравши гитарную тему этой пѣсни, оцѣнитъ по аппликатурѣ, для чего она именно положена въ тонъ a-mol.

5-е. Въ отношеніи къ хороводнымъ играмъ, помѣщеннымъ мною въ концѣ 2-й тетради, г. Григорьевъ говоритъ, что тексты ихъ не напечатаны мною вполне. Считаю должнымъ объяснить, что эти тексты вполне помѣщены мною въ моемъ Собраніи; другихъ стиховъ въ нихъ нѣтъ — это болѣе приговоры и прибаутки, сопровождаемые игрою, нежели пѣсни. Таковы, напр., приговорки къ бычку, спиртъ и пр., какъ —

Охъ, кѣсточки,
Недорѣсточки!
Охъ, кости болятъ,
Всѣ суставы говорятъ.

Или:

Поѣхала дубровѣ
Да и въ лѣсъ по дровѣ,
Зацѣпила за пенёкъ,
Простояла весь денёкъ.

Или въ сказкѣ — Волкъ и коза:

Охъ, вы дѣтушки, мои батюшки,
Отопритесь, отомкнитесь:
Ваша мать пришла — молока принесла,
Пѣлы бока молока — пѣлы рога творога,
Пѣлы конѣтцы водицы.

Здѣсь послѣ короткихъ стиховъ начинается сказка, тамъ пляска, а въ играхъ моего Собранія — игра, съ которой короткій припѣвъ опять начинается сначала.

Пѣсни содержания особенно замѣчательнаго, и пѣсни въ первой разѣ являющіяся въ печати выписаны у меня всѣ вполне по известнымъ мнѣ вариантамъ. Другія болѣе извѣстныя и нѣсколько длинныя помѣщены не всѣ или по неудобству типографическому

въ отношеніи къ нотамъ, или по другимъ причинамъ; такихъ же много: 1.) «Никакъ не возможно мнѣ.» 2.) «Не вечерняя заря.» 3.) «По несчастіицу.» 4.) «Иванъ-то ты Иванъ.» 5.) «Свѣтъ Аннушка», только. Посему я и благодарю г. Григорьева за то, что онъ дополнилъ нѣкоторыя изъ нихъ ему извѣстными вариантами. Я здѣсь не считаю пѣсень Кириши Данилова, кои всѣ выписывать нѣтъ надобности.

4-е. Наконецъ, въ отношеніи къ сужденію моего рецензента о свойствахъ моего аранжированія и его гармонической части, я долженъ сказать напередъ, что я не могу быть полноправнымъ судьей въ отношеніи къ слабости, силѣ, красивости и некрасивости и другимъ качествамъ положенной мною гармоніи: это дѣло вкуса, это результатъ дарованія — кто же посмѣетъ самъ опредѣлить свое дарованіе въ дѣлѣ художества? И я не съ этой стороны буду отвѣчать на сужденія моего рецензента; я буду говорить объ этомъ въ смыслѣ принятой мною *методы*. Я увѣренъ, что въ этомъ дѣлѣ должна быть метода, безъ этого собраніе пѣсень — не собраніе, а конгрегатъ — т.-е. хламъ. Для уясненія моей *методы* я долженъ здѣсь сдѣлать небольшое музыкально-теоретическое отступленіе. Всякое музыкальное произведеніе можно и должно разсматривать съ трехъ сторонъ; каждая изъ этихъ сторонъ является равносильною въ музыкѣ, какъ наукѣ, и составляетъ каждая отдѣлъ особый. Это, во-первыхъ, мелодія, во-вторыхъ, гармонія, въ-третьихъ, движеніе; эта третья часть, развиваемая особенно въ ученіи о контрапунктѣ, о Фугѣ и канонѣ, прилагается также и къ *ходу главнаго мотива* во всякомъ отдѣльномъ музыкальномъ произведеніи, а это и есть самое важное при записываніи народной пѣсни. Эта-то сторона народной музыки доселѣ наиболѣе была упущена изъ виду нашими собирателями (*); на эту сторону

(*) Главныхъ собирателей русскихъ пѣсень трое: Трутовскій, Прача и Кашинъ. Рупини и Гурилевъ сами записывали немного, а болѣею частью обдѣлывали, хотя съ большимъ искусствомъ, но взяты изъ Прача и Кашина пѣсни, или варианты ихъ. Рупини однако собралъ новыхъ пѣсень болѣе Гурилева, и записалъ ихъ отменно искусно. Сборникъ Трутовскаго самый древній, Трутовскій писалъ во время Императрицы Елисаветы, или по крайней-мѣрѣ, въ началѣ царствованія Екатерины II. Сборникъ его лучший доселѣ, хотя и не великъ; теперь это большая библиографическая рѣдкость. Сборникъ Прача полнѣе всѣхъ прочихъ; Прачъ несравненно лучше Кашина зналъ музыку, онъ былъ музыкантъ ученый; недостатокъ его Сборника тотъ, что въ немъ округлены иногда темы произвольно по образцу фразеологій, извѣстной подъ именемъ *Lied-form*. Не смотря на это, онъ имѣетъ много

нашей народной пѣсни я особенно мѣтилъ въ своемъ Собраніи, и ея свойства и особенности я привожу во всѣхъ случаяхъ, какъ частныхъ, такъ и общихъ. Именно этимъ методомъ удалось мнѣ найти два огромные отдѣла русскихъ пѣсень, въ которыхъ существуютъ несомнѣнно опредѣленные періодическія и колѣбныя формулы (satz) для множества пѣсень, разнообразныхъ по мелодіи, объ чемъ упоминаетъ и г. Григорьевъ въ своемъ разборѣ. Но онъ не прослѣдилъ этихъ отдѣловъ въ моемъ Собраніи и ограничился однимъ предисловіемъ. А въ Собраніи моемъ, изъ 38 пѣсень, исключивъ 4 Кириши Данилова и одну болгарскую, останется 33, въ томъ числѣ 2 варианта, и такъ въ 4-хъ тетрадахъ NN главныхъ 31; а изъ этого числа NN 4, 6 и 9-й 1-й тетради и NN 6, 7, 8, 9 и 10-й 2-й тетради, и 2 N 3-й тетради, относятся къ 1-му найденному разряду, а 3-й N 3-й тетради и 1-нѣ 1-й ко 2-му разряду, слѣдовательно изъ числа 31—14 NN основаны на двухъ формулахъ одинаковаго отношенія аккордовъ. Естественно, что если не обратить вниманія на это обстоятельство, то половина собранныхъ пѣсень, движущаяся въ одинакихъ гармоническихъ отношеніяхъ, должна показаться сухою; но я въ этомъ случаѣ гонялся не за эффектами музыкальными, а за тѣмъ, чтобы ясно было средство этихъ пѣсень, и чтобы каждая обработка отдѣльная не противорѣчила одинаковому закону ихъ общаго склада. При такой работѣ естественно, что и требованія салонной музыки не всегда могутъ быть удовлетворены, и что ухо, привыкшее къ круглотѣ пѣсь, нарочно-сочиненныхъ, поражается иногда непривычною странностью.

Для объясненія моей мысли приведу примѣръ метрической. Г. Григорьевъ согласится со мною, что въ русской пѣснѣ метръ

достоинствъ. Кашинъ плохо зналъ музыку,—онъ въ гармоніи былъ самоучка; но онъ былъ опытный пѣвчій и отлично понималъ характеръ русской рудамы. Правда, онъ ею испестрилъ порядочно свой Сборникъ, и кое-что этимъ испортилъ въ мотивахъ и темахъ, но это одно мелодическое достоинство сдѣлало то, что Сборникъ его болѣе всѣхъ распространился,—онъ имѣлъ много изданій и понравился публикѣ; это достоинство важное, не смотря на большіе его недостатки. Если сдѣлать сравнительный каталогъ Праща, Кашина, Рупини и другихъ Сборниковъ, принимая одну и ту же пѣсню, встрѣчающуюся то у того, то у другаго, за одинъ N, то мы найдемъ, что досель русскихъ пѣсень, со словами и музыкою вмѣстѣ, у насъ собрано и находится въ печати едва ли болѣе трехъ-сотъ NN! Сюда я не включаю вариаций Высоцкаго, Рачинскаго и проч., гдѣ помещены одиѣ поэмы безъ голоса и текстовъ, ни Кириши Данилова, въ которомъ шестьдесятъ пѣсень, но ихъ нельзя пѣть въ томъ видѣ, какъ онѣ изданы.

стиха и музыкальное движение имѣютъ между собою вовсе особенную связь, и служатъ другъ другу условіемъ необходимымъ. Представимъ, напр., вмѣсто слѣдующей формы куплета пѣсни N 1, тетрадь 1-я моего Собранія:

Шли два плотничка, два ли растопорнички,
Они строили церковь славную,
Церковь славную, седьмиглавную,
Какъ на той церкви крестъ серебряный,
Крестъ серебряный, позолоченый,
На кресту сидитъ мелкая пташечка,
Мелкая пташечка, кенареечка,
Высоко сидитъ, далеко глядитъ.

такую форму:

Ужъ какъ шли-то прошли да два плотничка,
Растопорничка,
Они строили церковь славную,
Седьмиглавную
Какъ на той церкви крестъ серебряный,
Позолоченый,
На кресту сидитъ мелкая пташечка,
Кенареечка,
Кенареечка высоко сидитъ,
Далеко глядитъ.

Что здѣсь я дѣлаю нарочно для примѣра перехода изъ движенія въ движеніе, при чемъ метръ и мотивъ, а въ дальнѣйшемъ развитіи, и складъ весь измѣняется, то дѣйствительно встрѣчается въ русскихъ пѣсняхъ при переходѣ или перерожденіи изъ одной пѣсни въ другую. Напримѣръ, въ Собраніи Кириши Данилова, пѣсня «Высота-ли высота поднебесная, Глубота-ли глубота — Окіанъ море», имѣетъ мотивъ изъ 2-хъ тактовъ въ $\frac{4}{4}$ allegro, но правильнѣе это 4 такта въ $\frac{2}{4}$; первая половина этой темы есть ничто иное, какъ вариантъ къ скоморошной пѣсни N 6-й, тетрадь 2-я моего Собранія, 2-я половина есть *отвѣтъ* придѣланный къ этой пѣснѣ, въ такомъ родѣ, какъ это объяснено мною въ предисловіи къ 3-й тетради о пѣснѣ N 6-й въ отношеніи къ N 5-му. Такимъ образомъ вся тема «Высота-ли высота» является вариантомъ къ 1-й строфѣ темы: «Ужъ я золото хороню.» Въ темѣ *отвѣтъ* или второе колено приходится на слова: «поднебесная»,

«Окіанъ-море» и т.-д., т.-е. на 2-ю часть каждаго стиха. Отнимемъ ихъ, выдетъ:

Высота ли, высота
 Глубота ли, глубота,
 Широко раздолье — (или—ахъ, широкое раздолье)
 Глубоки омота — (или—глубокіе омота).

Рецензентъ мой согласится, что такая пѣсня возможна—голосъ ея будетъ мотивъ первоначальный, т.-е. N 6-й, тетрадь 2-я моего Собранія. Но мы видимъ, что этотъ мотивъ является у Кириши Данилова еще въ 3-й формѣ. Эти четыре стиха являются у него началомъ многихъ пѣсень, они играютъ роль камертона, ими задается извѣстный мотивъ для пѣсни, и въ одномъ случаѣ этотъ запѣвъ видоизмѣняется музыкальнымъ протяженіемъ первой половины стиха, такимъ образомъ:

Вѣсѣта-ли
 (Высота поднебесная)
 Глѣбѣта-ли
 (Глубота Окіанъ-море).

Теперь разсмотримъ всѣ три случая сравнительно изъ одной строчки, съ тремя тоническими удареніями.

Высота-ли высота поднебесная.

Мы получаемъ—1-е, оставляя отвѣтное колѣно и возвращаясь къ первоначальному музыкальному мотиву пѣсни:

Высота ли, высота,
 Глубота ли, глубота,

2-е, прилагая къ этому уже мотиву 2-ю часть:

Высота ли, высота,
 Поднебесная;
 Глубота ли, глубота,
 Окіанъ-морѣ;

3-е, наконецъ, по третьей формѣ будетъ:

Вѣсѣта-ли,
 Вѣсѣта поднебесная.
 Глѣбѣта ли,
 Глѣбѣта Окіанъ-морѣ.

Уничтожьте теперь ударенія и напишите въ одну строку, и извольте тогда найдти, какого чтенія надо будетъ держаться!

А то же самое будетъ и въ музыкальномъ изложеніи, если не означить движеніемъ гармоніи съ одной стороны однородности общаго мотива, а съ другой точку отправленія, откуда идетъ особое развитіе каждаго варианта. Мелодическій метръ въ этомъ не поможетъ: мелодіи могутъ быть разнообразны до крайности, и если при этомъ гоняться за круглостью и занимательностью въ обработкѣ каждой мелодіи, изъ однихъ отвлеченныхъ музыкальныхъ интересовъ—изъ интересовъ звука, отдѣльно, тогда необходимо *главныя паденія общаго мотива* однородныхъ пѣсень должны сгладиться, родовыя сходства теряются, каждый вариантъ дѣлается пѣскою особой безъ отношенія къ своему типу. Я самъ желалъ бы, чтобы композиторы опытные въ пѣніи или въ игрѣ на извѣстныхъ инструментахъ обрабатывали пѣсни изъ *Сборниковъ* для голоса и для инструмента круглѣе и занимательнѣе.

Я издамъ со-временемъ такія темы, варьированныя мною для семиструнной гитары, но это уже совсѣмъ другая работа, нежели Собраніе народныхъ пѣсень: требованія отъ той и другой работы должны быть совершенно разныя. Въ работѣ исключительно для инструмента требуйте ловкости, полноты, силы звуковъ, вдохновенія—но общій Сборникъ русскихъ пѣсень долженъ быть *Словаремъ точнымъ*, въ которомъ отношеніе мотивовъ, распредѣленіе музыкальныхъ отдѣленій и связь вариантовъ должны быть главною цѣлію композитора. Г. Григорьевъ самъ согласенъ со мною въ томъ, что въ настоящее время *нѣчего* болѣе дѣлать, какъ собирать варианты, но я прибавлю еще, что безъ подробнаго собранія вариантовъ и безъ распредѣленія русскихъ пѣсень по однороднымъ музыкальнымъ отдѣламъ *ничего* нельзя будетъ сдѣлать основательнаго въ дѣлѣ изученія музыки и склада русской народной поэзіи, какъ въ наше время, такъ и въ будущее.

Я увѣренъ, что г. Григорьевъ приметъ мои замѣчанія съ тѣмъ же чувствомъ, съ какимъ они и писаны: я желаю, чтобы люди, занимающіеся этимъ предметомъ, взаимно разъясняли себѣ вопросы, возникающіе по поводу работы общей, и такимъ образомъ помогали бы другъ другу въ трудѣ изученія искренно и дѣятельно.

МИХАИЛЪ СТАКОВИЧЪ.

ПОСЛАНИЕ ОТЦА

къ 4 сыновьямъ.

Дѣтки! вотъ вамъ поученье!
Коли вражье ополченье
Къ намъ дерзнетъ внести свой мечъ,
Вмѣсто встрѣчи и привѣта
Гнусной рати Магомета,
Въ силу русскаго завѣта
Будемъ все губить и жечь!

Русскій дѣлежа не любить;
Не уступить, а погубить... —
Что не наше, то ничье.
На погябель супостата
Въ сладость будетъ намъ утрата,
Не щадя сребра и злата,
Подымай все на копье.

Предку нашему родному (*),
По окладу боевому
Пашня вдоль рѣки Оцна,
За осадное служенье,
За Московское сидѣнье,
Изъ помѣстнаго владѣнья,
Въ вотчину была дана.

Предокъ «Орлянинъ Микита»
Честно, твердо, именито,
Въ правдѣ русской устоялъ,
Не якшался онъ съ врагами,
Не шатался за мечтами,

(*) См. прилагаемую грамоту Царя Михаила Феодоровича.

Честно кровью и трудами
Милость Царскую стяжалъ.

И что славно такъ нажито
Предка службой знаменитой,
Свято родъ его хранить. —
Вотъ два вѣка съ половиной,
Какъ владѣемъ мы долиной,
Гдѣ и прахъ его зарыть.

Вотчина его чудесно
Подъ лучемъ любви небесной
Возрасла и разцвѣла.
Но не для врага находка
Наша матушка Лебедка!... (*)
Мы ее сождемъ до гла.

Старый домъ, гдѣ я родился,
Храмъ, гдѣ мой отецъ молился
И гдѣ спать онъ вѣчнымъ сномъ,
Вѣковыя заведенья,
Всѣ запасы и строенья
Истребимъ безъ сожалѣнья
Всегубительнымъ огнемъ.

Табуны, стада, отары,
Прежде чѣмъ придуть Татары,
Все порѣжемъ, все побьемъ.
Трупы смрадные, гнилые
Бросимъ въ воды ключевыя
Съ суемой и мышьякомъ.

Всюду строй врагамъ засады,
Чѣмъ попало, безъ пощады,
Бей разбойниковъ-гостей.
Вспомнимъ, братцы, все бывшее,
Сбросимъ въ бездну бремя злое
Новыхъ пагубныхъ идей.

(*) Имя жалованной деревни.

Кинемся въ огонь и битвы
 Съ грозной силою молитвы; —
 Съ нами Богъ изъ рода въ родъ; —
 И примѣромъ за собою
 Воззовемъ къ честному бою
 Поголовно весь народъ!

Такъ творили наши предки,
 Мы законные ихъ дѣтки
 Будемъ также поступать!
 Будемъ плакать и молиться
 И до капли крови биться
 И за вѣру умирать.

АЛЕКСАНДРЪ ЦУРИКОВЪ.

Декабрь. 1854.—Село Лебеда.

‘ БОЖІЮ МИЛОСТІЮ (*)

Мы Великій Государь Царь и Великіи Князь Михайло Федоровичъ всеа Русси Самодержецъ по своему Царьскому милосердому осмотренію пожаловали есмь Орлянина Микиту Матвѣева сына Цурикова за ево службу старою его вотчиною, что ему дано за Царя и Великаго Князя Василья Ивановича Московское осадное сидѣніе, изъ старого ево помѣстья да изъ брата его вотчины Ивана Цурикова, и наша жалованная грамота ему дана в прошломъ во 120-мъ (**)
 году, і второй нашей жалованной вотчиной грамоте, какова ему дана, написано: пожаловали есмь ево Микиту за его многие службы, что оныя памятуя Бога и пречисую Богородицу и Московскихъ Чудотворцовъ, будучи въ Московскомъ Государстве при Царѣ Василіе Ивановиче в нужное и прискорбное время за вѣру крестьянскую и за святые Божія церкви и за всѣхъ православныхъ христіанъ противъ враговъ нашихъ Польскихъ и Литовскихъ людей и Русскихъ воровъ, которые Московское Государство до конца хотѣли разорити и вѣру Христіанскую поспрати, а оны Микита, будучи на Москвѣ въ осаде, противъ тѣхъ злодѣевъ нашихъ стоялъ крѣпко і мужественно і Царю Василью Ивановичу и Московскому Государству многую

(*) Грамота доставлена г. Цуриковымъ.

(**) 1631.

службу и дородство показалъ, голодъ и во всемъ оскудѣнье и всякую осадную нужду терпѣлъ многое время и на воровскую прелесть и смуту ни на которую не покусился, стоялъ въ твердости разума своего крѣпко и не поколебимо безо всякіе шатости, и отъ тоѣ ихъ великіе службы и отъ крѣпкаго осаднаго сидѣнья польские и Литовские люди и русские воры отъ Москвы отошли.... — і на передъ сего за тѣ службы і за Царя Васильево Ивановича осадное сидѣние Мы Великіи Государь Царь і Великіи Князь Михайло Федоровичъ всеа Руссиі пожаловалъ ево Микиту с поместной его окладу со шти сотъ четвертей по двадцати чет. и того сто дватцать чет. из старого ево помѣстья и из брата ево вотчины в орловскомъ уѣзде в хорчевскомъ стану, что ему дано во 128 (а) году брата его роднова изъ Ивановы вотчины Цурикова, а брату его Ивану дано было за Царя Васильево Ивановича Московское осадное сидѣние в деревне Суморокове на реке на Оцнѣ в луговой поляне ниже Дмитріева врагу подъ Миновымъ лѣсомъ, да в деревне в Лебедке на рекѣ на Оцнѣ подъ Карчаковымъ лѣсомъ усть Лебедки с нижнюю сторону, да что ему дано изъ ево Микитина помѣстья в деревне Клементьевой на Крупецкомъ отвершку подъ Крупецкимъ лѣсомъ, да лѣсу Крупецкого отъ Корогодинскаго селища внизъ по крупцу усадбище противъ Семенова селища Тилинина да противъ Лукіянова селища Цурикова с верхи и с отвершины в вотчину со всѣми угоды. А по нашей жалованной вотчинной грамоте 129 (б) году і по книгамъ писма и мѣры Дементья Яковлева да подъячаго Левонтья Софонова лѣта 7103, (в) и по даче 127 і 128 (г) году в той брата его вотчине в деревняхъ и в займище на его Микитину половину пашни и перелогу и дикаго поля сорокъ девять чет: с осминою, а въ ево Микитина поместье в деревне Клементьевой шестдесятъ пять чет: а лѣсу Крупецкого восемь чет: Обоего и з братьеню вотчиною сто двадцать две чет: с осминою, і перешло у него в той вотчине сверхъ нашего указу лишка две чет. со сминою А в память из разряду за приписью дядка нашего Михайла Данилова 133-го (д) году Декабря въ дватцать первое написано: в разряде сыскано в приказномъ столпу 117-го (е) году Орлеинну Миките Матвѣеву сыну Цурикову, какъ онъ былъ челомъ о дворовомъ списку, написанъ ему помѣстной окладъ в выписке четыреста чет. А в нашемъ Государстве і Отца нашего Блаженныя памяти Великаго Государя Святѣйшего Патриарха Филарета Никитича Московскаго і всея Руссиі указе написано: мы Ве-

(а) 1620. (б) 1621. (в) 1595. (г) 1619. (д) 1625. (е) 1609.

лики Государь Царь Великии Князь Михайло Федорович всея Руссии самодержецъ и отецъ нашъ Блаженные памяти Великии Государь святейшии Патриархъ Филаретъ Никитичъ Московскии і всея Руссии Царя Василья Ивановича жалованныхъ вотчинныхъ грамотъ и тѣхъ, которые за Царя Васильево Ивановича московское осадное сидѣніе по нашему Царьскому указу даваны наши грамоты при нашей Царской державе, слушали, і в тѣхъ прежнихъ нашихъ жалованныхъ вотчинныхъ Грамотахъ про тѣ вотчины по Царя Васильеву уложенію написано не крепко, не противъ нашего Царскаго жалованья нынѣшняго указа, что по нашему Царьскому милосердому призрѣнію даваны вотчины Бояромъ нашимъ і всякихъ чиновъ людемъ за осадное сидѣніе, которые намъ Великому Государю служили на Москвѣ, в осаде сидѣли в приходѣ Польскаго Королевича Владислава, и того в тѣхъ жалованныхъ вотчинныхъ Грамотахъ за ту Царя Васильеву осаду, что ему та вотчина вольна продать и заложить в приданые и в монастырь по душе до выкупу дать, ненаписано, а написано, только что такому вотчина за службу дана і его дѣти і внучата и правнучата вольны, а у какой мѣре имъ та воля написана и вольно имъ та вотчина продать и заложить і в приданые і в монастырь по душе до выкупу дать, и о томъ ни о чемъ в царя Васильевыхъ жалованныхъ Грамотахъ імянно не написано. И мы Великии Государь Царь и Великии Князь Михайло Федорович всеа Руссии Самодержецъ совершенную милость пожаловали ево Микиту с помѣстного ево окладу, что ему былъ при Царѣ Василье по разрядной памяти с четырехъ сотъ чет. со ста чет. по двадцати чет. и того восьмдесятъ чет. в той же старой его вотчине, что ему дано во 129 (а) году в орловскомъ Уѣздѣ в каменскомъ стану в деревне Клементьевой на Крупецкомъ отвершку, да в карчевковскомъ стану в деревне Сумарокове, да в деревне Лебедке, да лѣсу Крупецкаго отъ Корогодинскаго селища внизъ по Крупцу усадище противъ Семенова селища. А по книгамъ Орловскаго Уѣзду письма и дозору Івана Кутузова да подъячаго Івана Коровина 133-го і 134 (б) году в той вотчине в деревне Суморокове і в деревне Лебедке написано пашни і перелогу и дикого поля добрые земли дватцать двѣ чет. а в деревне Клементьевой пятдесятъ двѣ чет., а лѣсу Крупецкаго шесть чет. і всего пашни і перелогу и дикого поля добрые земли восьмдесятъ чет. в полѣ, а в дву потомужъ. А что было дано ему в вотчину с сыскаго ево съ прибавочново окладу з дву сотъ чет. в деревне Клементьевой

(а) 1621 (б) 1625 и 1626.

девятнадцать чет. в деревне Лебедке да в деревне Сумороковой дватцать одну четверть, да лѣсу крупецкого двѣ чет. с осминою, всего сорокъ двѣ чет. с осминою, указали ему дать в поместье і указали ту вотчину пополнити і подкрепить новою нашею Царскою жаловальною Грамотою і по нашей Царской милости владѣти ему Миките тою своею вотчиною потому-жъ, какъ написано въ вынѣшнихъ нашихъ жаловальныхъ грамотахъ, которые по нашему указу на вотчины даваны Бояромъ нашимъ и всякихъ чиновъ людямъ за ихъ къ намъ службы и за московское осадное сидѣнье королевичева приходу, і в сей нашей Царской жаловальной Грамоте указали есмь нашу Государскую милость объезвить имянно—в той вотчине, что ему Миките из старого ево помѣстья и из брата его Івановы вотчины дано, онъ Микита і ево дѣти і внучата і правнучата вольны, і вольно ему і ево дѣтямъ і внучатамъ і правнучатамъ та вотчина продать и заложить і в приданые і в монастырь по душе до выкупу дать, а хто будетъ роду ево тое вотчину из монастыря похочетъ выкупить, і ему та вотчина выкупать ценою по нашему уложенію, какъ выкупали при прежнихъ Государехъ родовые і купленные вотчины, а будетъ продать въ чужой родъ, а хто будетъ роду ево тое вотчину похочетъ выкупить, і ему выкупать по томужъ прежнему уложенію, а будетъ у кого роду не останетца, а выкупать не похотятъ, і та вотчина из монастыря взять на насъ, а деньги в монастырь дать за неѣ из нашея Государскіе казны по уложенію, а в монастырь та вотчина по прежнему нашему уложенію не крѣпка. Писанъ нашего Государства в царствующемъ Граде Москве лѣта 7147 (а) Марта въ 7 день.

На оборотѣ написано въ одну строку:

Црѣ и Великиј Князь Михайло Федоровичъ всеа Русси Самодержецъ.

ТЕМНОЕ МѢСТО
ВЪ ПѢСНИ О ПОЛКУ ИГОРЕВѢ (*).

«Того стараго Владимира нельзя бѣ пригвоздити къ горамъ кыевскимъ: сего бо нынѣ сташа стязи Рюриковы, а друзи Давыдовы; въ рози нося имъ хоботы пашуть, копя поють на Дунаѣ.»

Казалось бы ясно, какъ день, что *Старый Владимиръ*, и здѣсь, и въ началѣ Пѣсни, — *Владимиръ Святой*; но г. Головинъ (1846), вопреки общему признанію, видитъ въ обонхъ случаяхъ *Владимира Мономаха*. Такъ у него и *Старый Ярославъ*, не великій князь Ярославъ Владимировичъ, а внукъ его — *Ярославъ Святославичъ*, братъ Олега Тмутараканскаго. Такъ и у Гербеля (1854 г.) *Старый Ярославъ*, не Старый Ярославъ, а внукъ его Святославичъ; а *Старый Владимиръ* у Гербеля въ началѣ пѣсни — Владимиръ Святой, а здѣсь — Владимиръ Мономахъ. Таковъ успѣхъ анализа историческаго въ критикѣ Пѣсни.

Но вотъ вторая половина вышеприведенной фразы изъ Пѣсни: «въ рози нося имъ хоботы пашуть»... Мѣсто довольно темное — сказалъ Граматинъ (въ примѣч. 154); «одно изъ самыхъ трудныхъ мѣстъ въ Пѣсни, можетъ быть, искаженное переписчиками», сказалъ г. Дубенскій (стр. 206), черезъ 20 лѣтъ послѣ Граматина; «одно изъ самыхъ темныхъ мѣстъ, вѣроятно искаженное переписчиками» повторилъ Гербель, черезъ 10 лѣтъ послѣ Дубенскаго (стр. 145).

А между тѣмъ это-то одно мѣсто и приводитъ Дубенскій въ образецъ перевода Граматина, чтобъ осудить его, говоря: можно судить, каковъ вышелъ буквальный переводъ издателя: въ рози нося... но враги, впряженные въ плугъ вмѣсто воловъ, пашуть на нихъ; оружіе ихъ славится на Дунаѣ!» Переводъ, конечно, неудачный (хотя и не столь странный, какъ у Пожарскаго, который принималъ *хоботы* — за *чоботы*, сапоги!): Граматинъ, по примѣру всѣхъ предшественниковъ своихъ, принималъ глаголь *пашуть* въ значеніи *орють* (землю); а потому неизбежно *рози* (рѣта) и *хоботы* (хвосты) нарисовали въ его поэтическомъ воображеніи *воловъ*; — а *враги*, впряженные въ плугъ вмѣсто воловъ, явились ему изъ пословицы исторической: «зле Романе робишь, што Литвиномъ орешъ!» Но лучше ли вышелъ переводъ у г. Дубенскаго, остановившагося по многому соображенію на томъ, что *рози* — трубы военныя, а *хоботы* — знамена?... «но когда и они носятъ трубы (военныя), то знамена развѣваются и копя поють на Дунаѣ.»

(*) Отрывокъ изъ Отчета объ исправленіи текста Пѣсни о Полку Игоревѣ, приготовленнаго къ новому ея изданію.

Поэтъ Гербель поглумился немножко надъ учеными, написавъ слѣдующія строки: «напрасно *ученые* изслѣдователи Слова ломали голову надъ этою загадочною фразою и разбирали ее по буквамъ, сляясь разъяснить таинственный смыслъ подлинника. Увы, тайна осталась тайною, хотя гг. переводчики и представили цѣлую дюжину толкованій этого мѣста, доставившихъ большое удовольствіе ихъ авторамъ, но не подвинувшихъ вопроса ни на волосъ впередъ! Чтобы показать всю разнообразную игривость этихъ переводовъ, выказавшихъ необыкновенную силу творчества ихъ авторовъ, выпишываю нѣкоторые изъ нихъ: (тутъ выписаны 5 переводовъ — Шишкова, Пожарскаго, Граматина, Максимовича, Дубенскаго... За что же пропущены переводы Мусина-Пушкина (*) и Вельтмана?)

«Будучи недоволенъ всѣми этими переводами, еще болѣе затемнившими смыслъ подлинника, и вмѣстѣ съ тѣмъ опасаясь дать волю своей фантазіи, чтобы не зайдти еще далѣе, я рѣшился отказать отъ удовольствія пояснить это мѣсто по своему — въ надеждѣ найти хотя сколько-нибудь удовлетворительное истолкованіе помянутаго мѣста въ одномъ изъ *стихотворныхъ* переложеній Слова, блистающихъ яркими красками фантазіи. И *не ошибся*. Перебравъ бывшія у меня подъ рукой изданія, я остановился на переводѣ г. Минаева, который и помогъ мнѣ *уяснить* это *темное* мѣсто подлинника.»

Поэтъ обратился къ поэту, что и естественно: ибо «душа душу знаетъ!» говорить пословица русская. Но что же особеннаго, какой свѣтъ новый нашелся въ переводѣ г. Минаева?

«Какъ волы подъ плугами,
Ярмо на себѣ несутъ.»

Отсюда и у Гербеля:

«Словно волы, запряженные въ плугъ, подъ ярмомъ ненавистнымъ
Никнуть.....»

Въ воображеніи Минаева (также какъ и у Граматина) *рога* и *хвосты* обратились въ *воловъ* подъ плугомъ; только уже не *враги* пахутъ землю, а *знамена* — какъ волы въ плугъ, *ярмо на себѣ несутъ!* Одинъ поэтъ возложилъ *ярмо* на *знамена*; другой поэтъ

(*) Переводъ Мусина-Пушкина: «*ихъ знамена носятъ на рогахъ, вспахивая землю, копы же на Дунаѣ славятся*», — т.-е. *хоботы* приняты за землю; такъ и у Шишкова; у Пожарскаго — *въ сапогахъ* землю пахутъ; у Вельтмана — *хвосты* землю пахутъ!

поддерживаетъ это *армо* на *знаменахъ*: вотъ и вся прибыль къ *уясненію* подлинника отъ «яркихъ красокъ фантазін!» Изъ-за чего же было ставить на выставку мятніе и переводъ Граматина?

Тутъ не безъ грусти можно спросить: объяснилось ли хотя одно неясное мѣсто въ Пѣсни Игорю — *девятью стихотворными* ея переводами?....

Независимо отъ нихъ, Жуковскій (въ посланіи къ Воейкову), подражая воззванію Ярославны къ вѣтру, пояснилъ своимъ стихами слова текста: «мало ль ти башеть *горъ* подъ облакы вѣяти»:

«Играй съ косаткой въ вышинь,
По поднебесью съ облаками,
По синю морю съ кораблями....»

Стихъ Жуковского надоумилъ Полеваго, что въ текстъ Пѣсни слово *горъ* написано вм. *горь*.

Вельтманъ, своимъ историко-поэтическимъ соображеніемъ, опредѣлилъ вѣрно, что въ Пѣсни — *вѣчи Трояни*, значитъ не *свѣзды* или сеймы княжескіе, какъ переведено въ первомъ изданіи, и не *спчи*, какъ вслѣдъ за Карамзинымъ поставилъ Граматинъ и въ текстъ, но — *вѣци*, *вѣка* Трояновы!

Къ этимъ двумъ поэтическимъ открытіямъ—много ли можно прибавить еще, для поясненія Пѣсни, изъ *девяти стихотворныхъ* переводовъ ея? Они, въ общей работѣ надъ Пѣснію, почти ничего не прибавили къ тому, чтò какъ въ медовой улей паносили *работіа пчелы*, носящія вмѣстѣ съ медомъ и *пергу*, на поживу *трутнильмъ*.

Въ свою очередь я поясню теперь, отъ чего въ моемъ подстрочномъ переводѣ (изданномъ безъ всякихъ примѣчаній) удержаны были на *знаменахъ* и *рога* и *пашуціе хвосты* (хобота)? *Рога* и *хвосты* вмѣстѣ — нарисовали, въ воображеніи Граматина — *воловъ*. Старымъ Украинцамъ и рога молодого мѣсяца на небѣ представляли быка (конечно не зодіакальнаго *тельца*, а скорѣе древне-русскаго *тура золотые-рога*), и ови, завидя молодикъ на небѣ, проговаривали къ нему: «молодикъ якъ быкъ; мѣсяцю вповнѣ, а намъ на здоровьи!» Но въ разсматриваемомъ мѣстѣ Пѣсни, *рози*, носимые на стягахъ, не золотые рога *яраго тура* (какъ у чешскаго бойца Здѣслава — на древкѣ *турья глава*), но *рога молодого мѣсяца*, какими украшались на верху древне-русскіе стяги, на которыхъ бывали и *копья*, вмѣсто полумѣсяцевъ. А *хвосты* (хоботы) на стягахъ — конечно, тѣ волосяныя *челки*, которыя навѣшивались на стягахъ подъ копьями и подъ рогами полумѣсяца, и которыя

*

назывались *челками стяговыми* (*), въ отличіе отъ большихъ, отдѣльныхъ *челоковъ* (бунчуковъ Половецкихъ), о какой упоминается въ Пѣсни Игорю, послѣ побѣды надъ Половцами на р. Сяурѣ: «*чрълена чолка, сребрено стружіе храброму Святславличю.*» Взгляните на древнюю картинку (съ которой снимокъ, полученный мною отъ М. П. Погодина, я нарочно приложилъ къ моему «Сказанію о праздникѣ св. Бориса подъ Переяславомъ» въ 3 книгѣ *Кіевлянина*, 1850 г.)—на картинку «св. Борисъ идетъ на Печенѣгы»: и передъ вами лицевой комментарий на это мѣсто въ Пѣсни Игорю; передъ вами—и *рози*, и *хоботы* (челки), и *копѣя* на стягахъ того *Стараго Владимира*, еще не разрозненныхъ между его потомками.

Слова пѣвца сказаны, въ видѣ *пословицы*, въ укоръ знаменамъ Давыдовымъ особенно, за то, что они, призванные Святславомъ противъ Половцевъ, бездѣйственно постояли только надъ Дѣпромъ у Треполя, только *пахнули* (*повъяли*) тамъ своими *хвостами* (**) и удалились во-свояси, не подавъ помощи Переяславу, осажденному Кончакомъ по плѣненіи Игоря, и сказавши: «уже ся есмы изнемогли!» Такъ пѣвецъ Игоря и внукамъ Всеслава—говорить въ укоръ: «уже *понизить* стязи свои, *вонзить* свои мечи верезени; уже бо выскочисте изъ дѣдней славы!»

Дубенскій, подъ щитомъ грамматики Добровскаго, и здѣсь глаголы *понизить*, *вонзить*—вмѣняетъ въ вину переписчикамъ, и говоритъ: «*читать* должно: понизите, вонзите!» Боже сохрани!—Какъ вышеприведенное мѣсто «нѣ рози нося» дошло къ намъ въ цѣлости не искаженное переписчиками, такъ и эти два глагола сохранились невредимо въ текстѣ, конечно отъ XII вѣка: это *южно-русская* форма повелительнаго наклоненія, понинѣ существующая, какъ въ народной разговорной рѣчи, такъ и въ старинныхъ пѣсняхъ, напримѣръ, въ запорожской пѣсни, гдѣ атаманъ говоритъ своимъ *сироманамъ* про *дуку*:

«Возьмитъ ёго, возпріймитъ,
Да й прѣчь выведитъ!»

М. МАКСИМОВИЧЪ.

7 апрѣля 1855 г.
Михайлова Гора.

(*) «И потяша стяговника нашего, и челку стяговую сторгоша съ стага.» *Кіев. Лѣт.* подъ 1172 г.

(**) Выраженіе *вилать хвостомъ* и теперь на Украинѣ значитъ уклоняться отъ дѣла.

БІОГРАФІЯ

НИКОЛАЯ АЛЕКСАНДРОВИЧА ЛЬВОВА (*).

Онъ происходилъ изъ древняго дворянскаго рода и былъ чловкъ не богатый. Трудъ, нужда и чужая сторона, лучшіе наставники въ жизни, образовали, украсили и разумъ его, и сердце.

Въ нежной молодости, свойство его изображалось чертами рвзкими и рвшительными. Необычайная бойкость, предприимчивость и устойчивость въ преодолѣніи всякаго затрудненія, заставляли и отца и мать его думать часто, что (какъ говорится) *не сносить ему головы своей*.

Надобна ли ему какая игрушка?—онъ изломаеть столъ, стулъ, чтъ встрѣтится, и игрушку своими руками сдвѣаетъ. — Станеть ли кто выговаривать ему за шалость? — тотъ же стулъ полетать ему въ лицо. — Надобно ли, чтобъ на домашней кровлѣ вертѣлось колесо по ввтру? — молодой художникъ утверждаетъ его своими руками, и бѣгаетъ по крышѣ, какъ по полу.

Таковъ онъ былъ, доколѣ умственные способности его не могли равняться съ дѣятельностію тѣлесною; но когда въ отроческихъ лѣтахъ лишился онъ отца своего, горестное сіе событіе — новая забота объ оставшихся въ сиротствѣ матери съ сестрами, какъ будто возбудили духъ его.

Разумъ пылкій, изобрѣтательный, любопытный, къ впечатлѣніямъ отверстый и скоро объемлющій, истребилъ въ немъ упражненія праздныя! — Безпечность и забавы сельскія, единаго движенія требующія, усыплять его болѣе не могли.

Будучи записанъ гвардіи въ Измайловскій полкъ, онъ пустился въ Петербургъ и явился въ столицу въ тогдашней славѣ дворянскаго сына, то-есть: лепеталъ пѣсколько словъ французскихъ, порусски писать почти не умѣлъ, и тѣмъ только не дополнилъ славы сей, что къ счастью не былъ богатъ, и следовательно разными прихотями избалованъ не былъ. Явясъ въ полкъ, помѣщенъ онъ былъ въ бомбардирскую роту, и ходилъ на ряду съ другими учениками въ полковую школу.

Тутъ уже острота разума его отыскала ему товарищей, на него похожихъ. Согласноя склонности, одивакія упражненія составили изъ нихъ кружокъ, въ которомъ труды ученическіе, наперерывъ другъ предъ другомъ оказываемые, составляли молодыхъ ихъ лѣтъ блаженство. Тутъ выросли переводы; тутъ вытверживались луч-

(*) Эта біографія попала въ бумагахъ Михайла Никитича Муравьева, и вѣроятно написана имъ самимъ. Ред.

шіе стихи разныхъ авторовъ; тутъ совершались первые опыты въ стихотворствѣ, въ рисованьѣ, въ музыкѣ и проч., и тутъ же открывалось въ немъ врожденное чувство ко всему изящному.

Въ скоромъ времени, непрестанные труды содвѣались пищею ученнику нашему, явился въ немъ гений, труды его облегчающій и его руководствующій.—Не было таланта, къ которому бы онъ былъ равнодушенъ, не было таланта, къ которому бы онъ не проложилъ собственной своей тропинки: все его занимало, все возбуждало его уми, и разогрѣвало сердце; и, что удивительно, — я не знаю предмета, разумомъ украшеннаго, или вдохновеніемъ сердца созданнаго, въ какомъ бы то родѣ ни было, которой бы въ немъ не впечатлѣлся.

Онъ любилъ и стихотворство, и живопись, и музыку, и архитектуру, и механику. Словомъ: онъ былъ любимое дитя всѣхъ художествъ, всякаго искусства; казалось, что время за нимъ не поспѣвало!—Такъ быстро побѣждалъ онъ грубую природу и преодолевалъ труды, на пути знаній необходимые.

При такихъ дарованіяхъ отбывала его иногда ипохондрія, подруга душъ чувствительныхъ; но необыкновенная острота разума, рѣшительное чувство ко всему изящному, и обхождение, имѣющее въ себѣ нечто пѣвнательное въ часы веселья,—составили ему отличныя знакомства, продолжавшіяся во все теченіе его жизни; извѣстные нынѣ по литературѣ россійской люди были ему и друзья и товарищи. Хемницеръ, Державинъ, Капнистъ, Елагинъ, Храповицкій, Хвостовъ и проч. составляли обыкновенную ихъ бесѣду; и въ оной г-нъ Львовъ былъ въ видѣ гения вкуса, утверждающій ихъ произведенія своею печатью, и который не иначе въ свѣтъ показывались, какъ въ то время, когда сей самый гений прикосновеніемъ волшебнаго крыла своего давалъ природнымъ красотамъ ихъ истинный видъ и силу.

Я помню, что Хемницеръ не отпускалъ ни единой басни своей въ міръ, не просилъ о пропускѣ оной Николая Александровича, который или снабжалъ таковымъ протѣзкою, или отказывалъ въ ономъ. Я помню, когда прекрасная ода Фелица, будучи почти первая у насъ въ Россіи, одѣта легко, заманчиво, пріятно и богато, привезена была авторомъ къ г-ну Львову на судъ, съ тѣмъ, чтобъ онъ чудесною силою вкуса — изящное, забавное отдѣлалъ отъ непріятнаго смѣшнаго, и какъ сей гений располагалъ нарядами красавицы съ тою единственною цѣлью, чтобы воображеніе читателя тайно дополняло тѣ прелести, которыя опредѣлялъ вкусъ поставить въ полу-свѣтъ.

При такихъ рѣдкихъ способностяхъ, любезность его по счастью нашла ему и благотворителей, въ кругу которыхъ привлекалъ онъ общее на себя вниманіе. Каждый изъ нихъ какъ бы торопился выводить въ свѣтъ молодаго генія, разными чудесами ихъ плывившаго. Изъ первыхъ благотворителей его былъ ближній родственникъ г-на Львова, почтенный лѣтами и заслугами, извѣстный двѣствительный тайный совѣтникъ Михайло Федоровичъ Соймоновъ, который пріютилъ его къ себѣ, какъ сына, и бралъ его въ чужіе края съ собою. По возвращеніи его, переведенъ онъ былъ въ коллегію иностранныхъ дѣлъ, и тутъ не менѣе г-на Соймонова, извѣстный мужъ, дарованіями украшенный, и въ службѣ высокими чинами отличный, Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ членъ, Петръ Васильевичъ Бакунинъ, а потомъ князь Александръ Андреевичъ Безбородко содѣлались опорами его благосостоянія. Надобно признаться, что въ тогдашнее время начальники имѣли общее какое-то правило отыскивать людей и изготовлять ихъ на службу. Молодые люди, способностей отличныхъ, пользовались обыкновенно отличнымъ вниманіемъ начальника, который, по тогдашнему обычаю, отечески поступалъ съ ними, — отечески училъ, отечески наказывалъ и награждалъ. Въ непродолжительномъ времени г-нъ Львовъ сдѣлался у Петра Васильевича домашнимъ челоѡкомъ. Сей почтенный мужъ занимался даже его поведеніемъ, его упражненіями. Однажды, давъ ему читать извѣстную поэму де-Лила о садахъ, любопытенъ онъ былъ видѣть, какъ прекрасная сія поэзія подѣйствуетъ на ученика его. Черезъ день или два г-нъ Львовъ возвращаетъ ему книгу и благодаритъ за знакомство съ де-Лилемъ; не вѣрилось Петру Васильевичу, что онъ прочелъ книжку такъ скоро! — Но когда молодой Львовъ, въ убѣжденіе благотворителя своего, лучшіе стихи началъ ему говорить наизусть, начальникъ благодарилъ его, пошелъ въ свою бібліотеку и вынесъ ему новое чтеніе.

Во время служенія его по дипломатической части, неоднократно посыланъ онъ былъ въ чужіе края. Онъ былъ и въ Германіи, и во Франціи, и въ Италіи, и въ Гишпани, вездѣ все видѣлъ, замѣчалъ, записывалъ, рисовалъ, и гдѣ только могъ и имѣлъ время, вездѣ собиралъ изящность, разсыпанную въ наружныхъ предметахъ. Будучи въ непрестанномъ, можно сказать, движеніи, не уронилъ онъ однако и тѣхъ упражненій, которыя обыкновенно требуютъ сидячей жизни; онъ читалъ много, даже и въ дорогѣ. Я многія видѣлъ книги, въ пути имѣ прочтенныя и по мѣстамъ замѣченныя.

Черезъ нѣсколько времени, по привязанности его къ князю Без-

бородкъ, перепелъ онъ служить въ С.-Петербургскій почтамтъ, гдѣ князь былъ главнымъ начальникомъ, и былъ у него при особыхъ порученіяхъ, которыми не рѣдко удостоивала его покойная Императрица Екатерина.

Въ доказательство замѣчанія, мною сдѣланнаго касательно отеческаго поведенія начальниковъ съ ихъ подчиненными, по которому самыя обязанности службы болѣе сердечнымъ побужденіемъ украшались, нежели единою строгою подчиненностью и страхомъ исторгаемы были, я не могу не объяснить, какъ г-нъ Львовъ сдѣлался извѣстнымъ покойной Императрицѣ.

По случаю Ея свиданія съ покойнымъ Императоромъ Юсифомъ въ Могилевѣ, Государынѣ угодно было ознаменовать оное построеніемъ въ Могилевѣ церкви. Многіе планы лучшихъ тогда архитекторовъ, въ столицѣ бывшихъ, Ей не нравились. Памятникъ, свидѣтельствующій сіе свиданіе, долженствовалъ быть необыкновенный. Князь Безбородко представляетъ Государынѣ о возложеніи порученія сего г-ну Львову, какъ человеку, хотя не учившемуся систематически, но природою одаренному. — Императрица согласилась. При первомъ о томъ извѣстіи, г-нъ Львовъ пришелъ въ великое замѣшательство; и естественно! — въ академіяхъ онъ не воспитывался. — Долженъ былъ противостать людямъ опытнымъ, искуснымъ, ремесло свое изъ строительнаго искусства составившимъ; — долженъ былъ противостать зависти, критикѣ и злобѣ, и самъ самымъ содвѣлаться извѣстнымъ Императрицѣ! — Опытъ тяжелый, гдѣ и страхъ и самолюбіе въ немъ боролись; но дѣлать было нечего, отступить было невозможно, надобно было совершить огненный, такъ сказать, путь, въ который онъ былъ призванъ! — Работалъ онъ въ заботѣ и дни и ночи, думалъ, придумывалъ, изобрѣталъ, отвергалъ то, что его на единый мигъ утѣшало, — наконецъ планъ готовъ. — Церковь во вкусъ древнихъ пестомскихъ храмовъ; освѣщена невидимо! — Светъ вообще раздѣлилъ онъ на три части: — входъ въ церковь въ полусвѣтѣ; самая церковь освѣщена вдвое; а олтарь вдвое освѣщенъ противу церкви. — Наружность въ правилахъ лучшей греческой архитектуры. Планъ готовъ! — Князь Безбородко, взявъ г-на Львова во дворецъ съ собою, подноситъ его трудъ Императрицѣ. Мысль молодаго художника (нигдѣ не учившагося) восхитила Государыню; Она приказываетъ его Себѣ представить; взоромъ милостивымъ посмотрѣла на него, какъ на диковину! — И тутъ же благоволила пожаловать ему даръ *на память*. Проектъ его утверждень; церковь построена. При свиданіи Государыни съ

Императоромъ, гдѣ, можетъ быть, оба Монарха занимались судьбою цѣлаго міра, не забыла она однако сказать ему и о томъ, кто строилъ священный памятникъ ихъ совѣщаній, и Императоръ подарилъ г-ну Львову табакерку съ своимъ вензелемъ, алмазами осыпанную.

Какъ тутъ не видѣть того счастливаго стеченія и обстоятельствъ, и правилъ, по коимъ насажденные въ людяхъ дарованія растутъ существомъ крылатымъ? — Государственный человѣкъ, пріемля отеческое участіе въ отличныхъ способностяхъ молодаго человѣка, доводитъ его до Монархини, въ кругу дарованій рожденной; Монархиня одушевляетъ его лучемъ своей милости, и побуждаетъ другаго Монарха соединить его вниманіе съ Ея вниманіемъ, дабы взаимный свѣтъ двухъ властителей показалъ отличіе подданнаго въ примѣръ другимъ.

Съ сего времени г-нъ Львовъ содѣлался, такъ сказать, пристанищемъ художниковъ всякаго рода, занимаясь съ ними безпрестанно. Мастеръ клавикордный проситъ его мнѣнія на новую механику своего инструмента. Балетмейстеръ говорить съ нимъ о живописномъ расположеніи группъ своихъ. Тамъ г-нъ Львовъ устраиваетъ картинную галерею. — Тутъ, на чугунномъ заводѣ, занимается онъ огненной машиной. Во многихъ мѣстахъ возвышаются зданія по его проектамъ. Академія ставитъ его въ почетные свои члены. Вольное Экономическое Общество приглашаетъ его къ себѣ. Тамъ пишетъ онъ путешествіе на *Дудорову гору*. Тутъ составляетъ министерскую ноту; а здѣсь опять устраиваетъ какой-либо великолѣпный царскій праздникъ! или придумываетъ, и рисуеъ орденъ св. Владимира, по возложенному на него порученію въ 1782 году по волѣ Государыни Императрицы.

Будучи свойствъ отличныхъ, малѣйшее отличіе въ какой-либо способности привязывало г-на Львова къ человѣку и заставляло любить его, служить ему и давать ему всѣ способы къ усовершенствованію его искусства. Я помню попеченія его о г-нѣ Боровиковскомъ, знакомство его съ г-мъ Егоровымъ, занятія его съ капельмейстеромъ Оминымъ и проч. Люди по мастерству своему пришедшіе въ извѣстность и нашедшіе пріютъ въ его домѣ.

По смерти Императрицы, когда уже пылкія лѣта молодости г-на Львова прошли — онъ занимался безпрестанно художествами, но уже въ видахъ государственнаго хозяйства. Онъ пользовался милостивымъ расположеніемъ покойнаго Государя Павла, и въ разныхъ случаяхъ былъ имъ употребляемъ неоднократно. Въ царство-

ваніе сего Государя открылъ онъ въ Россіи цѣлыя карьеры землянаго угля, и дѣлалъ разные надъ нимъ опыты, извлекалъ изъ сего угля сѣру, въ которой у насъ крайній недостатокъ, и составлялъ изъ того же угля деготь для сохраненія корабельныхъ подводныхъ частей отъ поврежденія. Единый предметъ сей достаточенъ уже былъ принести намъ великія выгоды, какъ со стороны сбереженія лѣсовъ, такъ и съ той, что по сей по крайней мѣрѣ статей могли бы мы выдти по торговлѣ изъ зависимости иностранныхъ.

По Высочайшему соизволенію, онъ же ввелъ въ Россію такъ называемое землебитное строеніе и выучилъ сему мастерству нарочно присылаемыхъ къ нему мальчиковъ изъ каждой губерніи.

По упражненіямъ его въ семь родъ онъ уже перешелъ служить въ горный корпусъ.

Онъ ввелъ у насъ построеніе воздушныхъ печей, о которыхъ написалъ книжку подъ названіемъ *Русской пиростатики*.

Книжка сія доказать можетъ, какъ о предметъ, къ одному мастерству принадлежащемъ, можно говорить остро, забавно и занимательно, а разговоръ его съ простымъ крестьяниномъ, какъ строить изъ земли избу, есть твореніе неоцѣненное — настоящее дѣло генія, которому подражать невозможно.

Всегда и во всѣхъ почти краяхъ, при открытіи новыхъ польвъ общественныхъ, страдали виновники оныхъ. Груды подвижника, озлобляя зависть, не рѣдко были гонимы! Той же участи подверженъ былъ и г-нъ Львовъ. О земляномъ углѣ кричали, что онъ не горитъ и не можетъ замѣнять уголь англійскій, а уголь русскій, загорясь однажды на пустомъ мѣстѣ на берегу подъ Невскимъ, горѣлъ нѣсколько мѣсяцевъ, и потушить его было невозможно. О земляномъ строеніи кричали, что они не прочны, не здоровы, а до нынѣ, то-есть 25 лѣтъ времени, многія земляныя строенія существуютъ безъ всякаго поправленія и въ совершенной цѣлости. Разные слухи, клеветы, коварства бросились на сего достойнаго человека, и онъ по крайней чувствительности своей не могъ отстоять, такъ сказать, своего здоровья, которое постепенно разрушалось. — И наконецъ... сей пріятный русскій геній, сей добрый и остроумный человекъ, сей усердный слуга государству, возвратясь съ кавказскихъ горъ, куда онъ былъ по Высочайшему повелѣнію отправленъ для устроенія разныхъ необходимостей при тамошнихъ теплыхъ водахъ, отъ долговременной болѣзни прекратилъ жизнь свою.

Онъ скончался въ Москвѣ въ 1803-мъ году, на 52-мъ году жизни. Былъ тайнымъ совѣтникомъ, орденовъ св. Анны 2-й степени и св. Владимира 3-й степени кавалеромъ, — и членомъ академіи Художествъ, Россійской академіи и Вольнаго Экономическаго Общества.

Обозрѣніе трудовъ его по литературѣ, по исторіи, по архитектурѣ и по технологіи при семъ прилагается.

КРАТКОЕ ОБОЗРѢНІЕ ТРУДОВЪ Г-НА ЛЬВОВА.

По литературѣ.

- 1-е. Путешествіе на Дудорову гору въ стихахъ и прозѣ.
- 2-е. Переводъ Анакреона.
- 3-е. Опера *Сильфъ или мечта*.
- 4-е. Переводъ оперы: *Нины*.
- 5-е. Мелкія сочиненія въ стихахъ и прозѣ.

По исторіи.

Изданы имъ двѣ летописи русскія.

По архитектурѣ.

- 1-е. Разсужденіе о перспективѣ въ пользу народныхъ училищъ. Печат. въ С.-Петербургѣ въ 1789 году.
- 2-е. Переводъ 1-й части Палладіевой архитектуры. Печат. въ С.-Петербургѣ 1798 года.

По технологіи.

- 1-е. О пользѣ и употребленіи землянаго угля. Печат. въ С.-Петербургѣ 1799-го года по Высочайшему повелѣнію.
 - 2-е. Русская Пиростатика. Печат. въ С.-Петербургѣ.
 - 3-е. Разговоръ о земляномъ строеніи съ мужикомъ, рукопись.
-

ПОСВЯЩЕНІЕ

КЪ ПОЭМЪ «ДЕМОНЪ» (*).

Прими мой даръ, моя Мадона!
Съ тѣхъ поръ какъ мнѣ явилась ты,
Моя любовь мнѣ оборона
Отъ порицаній клеветы.

Такой любви нельзя не вѣрить,
А взоръ не скроетъ ничего:
Ты не способна лицемѣрить,
Ты слишкомъ ангелъ для того! —

Скажу ли? — предавъ самовластью
Страстей печальныхъ и судьбъ,
Я счастьемъ не обязанъ счастью,
Но всѣмъ обязанъ я — тебѣ.

Какъ демонъ хладный и суровый,
Я въ миръ веселился зломъ,
Обманы были мнѣ не новы,
И ядъ былъ на сердцѣ моемъ.

Теперь, какъ мрачный этотъ гений,
Я близъ тебя опять воскресъ
Для непорочныхъ наслажденій,
И для надеждъ, и для небесъ.

М. ЛЕРМОНТОВЪ.

(*) Редакція получила это стихотвореніе отъ Н. И. Шаповалова при слѣдующемъ письмѣ: «Въ послѣднемъ N Современника напечатано посвященіе къ поэмѣ *Демонъ*, начинающееся стихами:

Тебѣ, Кавказъ, суровый царь земли,
Я посвящаю снова стихъ небрежный...

Нѣтъ сомнѣнія, что эти стихи по крѣпости мысли и окончанности формы относятся къ послѣднему періоду дѣятельности покойнаго поэта, и, вѣроятно, написаны на одномъ изъ *послѣднихъ* экземпляровъ поэмы, создававшейся въ теченіе почти десяти лѣтъ. Имѣвши случай достать экземпляръ «Демона», писанный рукою самого автора, я нашелъ тамъ *Посвященіе*, которое и препровождаю въ редакцію Москвитянина. Долгомъ считаю прибавить, что рукопись отнѣчена 1831-мъ годомъ и заключаетъ въ себѣ списокъ поэмы въ ея первоначальномъ видѣ, съ эпиграфомъ изъ Байроновой мистеріи:

Cain. Who art thou?
Lucifer. Master of spirits.
Cain. And being so, canst thou
Leave them, and walk with dust?
Lucifer. I know the thoughts
Of dust, and feel for it, and with you.

L. Byron. Cain.

СТАРАЯ ХАТА РАЗУМОВСКИХЪ ВЪ ЛЕМЕШАХЪ.

Въ прошедшемъ году произошла невозвратимая потеря для нашей малороссійской старины. Въ селѣ Лемешахъ, Козелецкаго уѣзда, на 9-й верстѣ по дорогѣ изъ Козельца въ Черниговъ, стояла до прошлаго года небольшая хата, принадлежавшая нѣкогда реестровому казаку Григорію Розуму, отъ котораго произошелъ родъ графовъ Разумовскихъ. Эта хата, во время бывшаго въ томъ селѣ 16 іюня пожара, сгорѣла.

Необыкновенная игра судьбы, вызвавшая изъ простой крестьянской хаты на поприще высшей государственной службы двухъ сыновей казака Розума, какъ ни извѣстна всякому, но ожидаетъ подробнѣйшаго описанія и можетъ служить однимъ изъ самыхъ занимательныхъ и характеристическихъ фактовъ исторіи нашего отечества—первой половины прошедшаго столѣтія.

Вдова казака Григорія Розума, Наталія Демьяновна, мать канцлера Императрицы Елисаветы Петровны, графа Алексѣя, и послѣдняго гетмана малороссійскаго Кирилла Разумовскихъ, завѣщала эту хату вмѣстѣ съ имѣніемъ дочери своей Вѣрѣ Григорьевнѣ, бывшей за-мужемъ за полковникомъ кіевскимъ Ефимомъ Дараганомъ. По смерти Вѣры Григорьевны хата Разумовскихъ перешла дочери ея Екатериинѣ Ефимовнѣ, бывшей за Иваномъ Галаганомъ, правнуку котораго Г. П. Галагану и нынѣ принадлежитъ это имѣніе.

Владѣлецъ очень дорожилъ этимъ остаткомъ старины; хата сохранялась въ томъ самомъ видѣ, въ какомъ получена была по наслѣдству; лѣтъ 12 тому назадъ была она очищена отъ бывшихъ близъ нея плетней и окружена палисадникомъ. При ней также находился сторожъ, жившій въ другой хатѣ, отдѣленной отъ нея сѣньми. Но не смотря на старанія сохранить ее въ цѣлости, 16 іюня, во время пожара, начавшагося съ двора священника, и отъ котораго пострадало нѣсколько дворовъ, и эта драгоценная хата сгорѣла до тла. — Чтобы не погибла о ней память, постараемся описать ее въ подробности, помня ея видъ и къ счастью взявъ еще нѣсколько лѣтъ назадъ нѣкоторыя письменныя о ней замѣтки. Хата Разумовскихъ стояла среди села Лемешей, по правую сторону почтовой дороги отъ Козельца къ Чернигову. Въ длину своей постройки съ сѣньми и каморою обращена была она къ улицѣ и находилась отъ нея шагахъ въ двадцати, среди огорода, на которомъ изрѣдка стоятъ фруктовыя деревья. Наружнымъ видомъ не отли-

чалась она ничѣмъ отъ прочихъ ея окружающихъ хатъ, а по величинѣ и чистой обдѣлкѣ оконъ и дверей можно было ее принять за хату довольно зажиточнаго крестьянина. Величиной была она—аршинъ $8\frac{1}{2}$ или 9 въ длину и столько же въ ширину. Внутри стѣны были тщательно выбѣлены, а полъ былъ сдѣланъ липовый, говорятъ, уже впоследствии, также какъ и печь неваристая изъ простыхъ желтыхъ кафель. Вышины хата была $3\frac{3}{4}$ аршина. Во всемъ этомъ въ ней ничего не было необыкновеннаго, потому, во-первыхъ, что она когда-то принадлежала бѣдному семейству, а отчасти и потому, что ее впоследствии возобновляли; но на стелѣ (потолкѣ), во всю ея длину, былъ драгоценный сволокъ съ слѣдующею рѣзною надписью, подъ титлами, славянскими буквами: Благословеніемъ Бога Отца Поспѣшеніемъ Сына (за тѣмъ обыкновенное изображеніе креста, а далѣе:) содѣйствіемъ Святаго Духа. Создася Домъ сей рабою Божіей Наталіи Розумихи. (Внизу:) Року 1711 Маія 5 дня. Передавая со всею вѣрностію эту надпись, мы должны замѣтить, что слова: Наталіи Розумихи, приписаны были какъ бы другимъ почеркомъ, и при томъ, по грамматическому смыслу, онѣ не вязались съ остальною фразою; но когда были прибавлены эти слова—неизвѣстно, и старожилы помнятъ эту надпись, какъ и всю хату, всегда въ томъ же видѣ, въ какомъ засталъ ее всесокрушающій огонь, который, къ-несчастію, такъ много истребляетъ у насъ непрочныхъ памятниковъ нашей старины.

Желаемъ, чтобы это описаніе могло послужить для того, кто со временемъ потрудится собрать и передать во всевѣдніе всѣ, еще живыя, преданія о столь интересномъ происхожденіи и всей исторіи рода Разумовскихъ, въ которой эта хата занимаетъ весьма важное мѣсто.



КЛИССОНЪ У ГЕРЦОГА МОНФОРТА.

(Разсказъ Шарля Сіёрака).

Д н и м ъ.

Ужели Монфортъ забылъ свою ненависть?

Никого не принималъ онъ такъ ласково въ своемъ замкѣ.

Сиръ Оливье де-Клиссонъ конечно гость его; но онъ обращается съ нимъ какъ съ человѣкомъ себѣ равнымъ. Смотрите: онъ сажаетъ его на самое почетное мѣсто; къ нему относятся всѣ милостивыя слова герцога, съ нимъ разсуждаютъ о важнѣйшихъ дѣлахъ; у него просятъ совѣтовъ на будущее.

Уже герцогъ проводилъ его по всѣмъ обширнымъ заламъ замка и коннетабль осматривалъ всѣ малѣйшія подробности зданія. За ними слѣдуютъ сиръ Лаваль и де-Бомалдаръ, и не могутъ придти въ себя отъ удивленія.

— Вотъ это настоящее примиреніе, говорятъ они; теперь все пойдетъ ладно.

Въ то время, къ которому относится разсказъ нашъ, Жанъ де-Монфортъ строилъ себѣ новый замокъ подъ именемъ замка Гермини. Постройка еще не была окончена.

Послѣ долгихъ разговоровъ съ Клиссономъ о разныхъ предметахъ, онъ сказалъ ему очень ласково:

— Вы много строили въ вашу жизнь, любезнѣйшій де-Клиссонъ, и конечно лучше всякаго другаго знаете толкъ въ строеніи. Я желалъ бы знать ваше мнѣніе насчетъ новаго моего замка. Можеть быть, вы найдете все это неправильнымъ, но все-таки взгляните.

Сейчасъ же всѣ сѣли на коней и отправились къ замку Гермини.

Обошли весь замокъ и подошли наконецъ къ главной башнѣ.

Уставшій Монфорть обратился къ Оливье де-Клиссону:

— Мистеръ Оливье, сказалъ онъ, я просто выбился изъ силъ; войдите одни на лѣстницу и посмотрите, что тамъ сдѣлано. Если найдете, что все хорошо, то это такъ и останется; если же что вамъ не понравится, то я велю передѣлать по вашему вкусу....

Какой пріемъ!... Какое довѣріе!... О!... Да... въ душѣ Монфорта не существуетъ и слѣда ненависти.

Вечеромъ.

Наступилъ вечеръ, и жители Валиса спрашивали другъ у друга со страхомъ:

— Что съ нимъ сдѣлалось?

— Гдѣ онъ?

— Герцогъ не прощаетъ врагамъ своимъ!

— Но онъ благородный рыцарь!

— Онъ такъ хорошо принялъ его!

— Въ войнѣ позволительно притворство....

— Но вѣдь подписанъ миръ....

— Да не въ душѣ его.

— Онъ коннетабль Франціи!

— А вооруженіе Англии!

— А герцоги Пентевры!...

Всѣ были объаты ужасомъ, потому-что сиръ Оливье де-Клиссонъ, коннетабль Франціи, не сошелъ назадъ съ башни замка Гермини.

А вотъ что происходило въ это время въ замкѣ Монфорта.

Монфорть сидѣлъ въ своей опочивальнѣ. Взоръ его былъ мраченъ, лобъ сморщился, на устахъ горькая улыбка, пальцы и руки крѣпко сжаты.

Казалось, въ головѣ его вертѣлась одна серьезная мысль, но представлялась ему съ разныхъ сторонъ, потому-что, хотя черты лица его сохраняли постоянный отпечатокъ злобной радости; но по временамъ ноздри его особенно раздувались, глаза съ усиленіемъ устремлялись въ одну сторону и дыханіе становилось порывистымъ.

Такъ оставался онъ нѣсколько минутъ, наконецъ всталъ и вздохнулъ свободнѣе. Идея была обдуманна, рѣшеніе принято.

Онъ потребовалъ къ себѣ Жана де-Барвалена, губернатора замка, а всѣмъ прочимъ офицерамъ велѣлъ выдти изъ комнаты.

Когда вошелъ Барвалень, герцогъ сказалъ ему:

— Барвалень, вы знаете, что нынче утромъ я приказалъ взять и посадить плѣнникомъ въ вашемъ замкѣ коннетабля де-Клиссона. Я рѣшился умертвить его. Нынѣшней ночью, около полуночи, когда всѣ будутъ спать, я приказываю вамъ взять его какъ можно тише и осторожнѣе, посадить въ мѣшокъ и бросить въ воду. Смотрите жь, чтобы все это было сдѣлано; вы отвѣчаете мнѣ вашей головой.

Барвалень хотѣлъ было что-то сказать, но герцогъ прервалъ его.

— Слушаться, когда я приказываю, закричалъ онъ; если ты лишишься головы, то все-таки не спасешь врага моего.

— Будетъ исполнено, сказалъ Барвалень со вздохомъ.

Барвалень удалился.

Н о ч ь ю.

Герцогъ Монфортскій легъ спать въ надеждѣ, что сонъ успокоитъ его. Но тяжела ночь для совершающаго преступленіе—сонъ бѣжалъ отъ глазъ его.

Мудрено убаюкать совѣсть, когда измѣняешь чести и человечеству, мудрено спокойно заснуть, когда знаешь, что подлѣ тебя гибнетъ вслѣдствіе измѣны благородный герой. Нужды нѣтъ, что преступленіе совершается рукою другаго.

Притомъ же Монфортъ еще не освоился съ преступленіемъ. То, что показалось ему сначала извинительнымъ мщеніемъ, казалось ему теперь дѣломъ подлости и измѣны. Скоро увидѣлъ онъ, въ какую бездну втянуло его чувство ненависти. Онъ измѣнилъ клятвѣ, онъ, судья цѣлаго народа! Будучи принцемъ, онъ не сдержалъ слова, даннаго врагу своему!... Будучи рыцаремъ, онъ измѣнилъ чести! Какъ человѣкъ, онъ совершалъ подлое убійство и нарушалъ самыя святыя права гостепрїимства! Рыцари, короли, народъ его, все человечество могли обвинить его въ измѣнѣ и жестокости!

Ни одинъ честный человѣкъ не рѣшился бы оправдать его; ни одинъ дворъ не сталъ бы считать себя обязаннымъ сохранять ненарушимо заключенныя съ нимъ договоры; ни одинъ рыцарь не согласится поднять его перчатку; ни одинъ изъ его подданныхъ не станетъ ни любить, ни уважать его!

И вотъ онъ останется совершенно одинъ, одинъ, и въ то время, когда преступленіе его навлечетъ ему гибель враговъ!

Согласится ли народъ его повиноваться такому государю? Ужели не воспользуются этимъ случаемъ приверженцы герцоговъ?

Пентьевровъ! Простить ли ему король Франціи убіеніе коннетабля? Кто же останется его другомъ?

Заклучить ли онъ союзъ съ Карломъ?... Положимъ, Карлъ на это согласится, но кто поручится, что въ минуту подписи трактата онъ не скажетъ ему:

— Вассаль!... ты измѣнилъ своей клятвѣ!

И онъ будетъ принужденъ затанъ чувство злобы и ненависти! Довѣрится ли онъ своему народу и, испросивъ у него прощенья, потребуетъ отъ него послушанія и вѣрности, кто поручится, что не раздастся голосъ изъ толпы:

— Измѣнникъ! Ты насъ обманешь!

Какія страшныя мысли! Какъ тяжелы упреки совѣсти!

Онъ даже плакалъ; плакалъ отъ стыда и досады.

Напрасно искалъ онъ убѣжища отъ преслѣдованій совѣсти и отъ грозящей ему гибели.

Чѣмъ болѣе обсуживалъ онъ свой поступокъ, тѣмъ сильнѣе проявлялось раскаяніе, тѣмъ жесточе упрекала его совѣсть. Не находя никакого средства помочь бѣдѣ, ни освободиться отъ отчаянія, онъ сжималъ рукою голову, стараясь не думать; но бездна по прежнему зіяла передъ его глазами.

Эти страшныя терзанія души утомили его тѣло. Глаза его оставались открытыми, холодный потъ пробѣгалъ по всѣмъ членамъ, мускулы оставались постоянно напряженными и давали ему фактическую силу, подобную той, которую производитъ въ человѣкѣ нервическаго сложенія глубоко обдумываемая идея, особенное напряженіе ума или другое душевное потрясеніе.

Онъ почувствовалъ необходимость движенія, всталъ, быстро одѣлся и ходилъ въ темнотѣ, въ ожиданіи разсвѣта.

Сильнѣйшая головная боль давила мозгъ его, и онъ дошелъ до такого состоянія, что едва могъ говорить. Но состояніе это становилось съ каждою минутою невыносимѣе.

Хотя мысли перемѣшались въ головѣ его, но въ нихъ царствовало страшное единство и постоянно слышались слова:

— Клиссонъ!... Клятвopеступникъ!

Онъ продолжалъ ходить по комнатѣ. Неотвязная идея убійства продолжала его преслѣдовать.

— Убіеніе Клиссона!... Смерть Монфорту! Преступленіе!... Наказаніе!... Отчаяніе! Самоубійство!

Ему все слышался голосъ смерти и эхо повторяло его.

О! чтобы прожить цѣлую ночь подобною жизнью, надо было имѣть желѣзное тѣло!

Онъ продолжалъ ходить, но сталъ чувствовать усталость и шаги его становились неправильны. По-временамъ онъ останавливался, выпрямлялся во весь огромный ростъ свой и слушалъ, заставъ дыханіе.... Потомъ, быстро отворялъ окно и вглядывался въ непроницаемую темноту ночи.

Ужасы преступленія одолѣли человѣка, который не дрожалъ ни разу въ пылу кроваваго боя.

Люди, не успѣвшіе очерствѣть въ порокъ, посмотрите на убійцу Клиссона! Двѣнадцать часовъ тому назадъ онъ былъ также чистъ и покоенъ какъ вы.

Разсвѣтало. Изнуренный герцогъ почти безъ силъ опустился въ кресла. Голова его повисла, ноги сами собою скользнули; онъ закрылъ глаза въ надеждѣ на успокоеніе.

На утро.

Въ такомъ положеніи засталъ его вошедшій Барвалень.

Барвалень былъ грустенъ, но спокоенъ. И въ самомъ дѣлѣ ему не въ чемъ было упрекать себя: онъ исполнилъ приказаніе своего властелина.

Герцогъ подвигалъ медленно глаза на вошедшаго; онъ боялся прочесть упрекъ на лицѣ его; но Барвалень потупилъ глаза свои и сталъ молча передъ Монфортомъ.

Когда душа терзается невыносимымъ раскаяніемъ, когда эта внутренняя боль просится наружу, невозможно почти видѣть равнодушіе и спокойствіе человѣка, который знаетъ состояніе души вашей, но остается чуждъ ея мученіямъ.

Такъ и герцогъ не смогъ длить молчанія и спросилъ Барвалена голосомъ громкимъ, но въ выраженіи котораго слышался невольный страхъ:

— Ну, что!

Выговоривъ это слово, онъ какъ бы оцѣпенѣлъ въ ожиданіи, глаза его не двигались, ротъ остался полуоткрытымъ, дыханье замерло, весь онъ подался впередъ, опершись руками въ бока кресла.

Стоило взглянуть на этихъ двоихъ людей въ эту минуту, и сейчасъ обозначилось бы ихъ взаимное отношеніе. Было ясно, что одно слово Барвалена можетъ погубить или оживить герцога, и что герцогъ ждетъ этого слова съ нетерпѣніемъ, но безъ надежды.

На что, въ самомъ дѣлѣ, могъ онъ надѣяться?

Барвалень не трогался и молчалъ.

— Ну, что же! повторилъ герцога съ усиленіемъ.

— Я исполнилъ долгъ свой!...

Тогда только Барвалень взглянулъ на герцога, но взглядъ этотъ былъ брошенъ украдкой.

Монфортъ оставался въ прежнемъ положеніи; только глаза его блестяи сильнѣе обыкновеннаго и смертная блѣдность смѣнилась сильнымъ румянцемъ.

— Убить? спросилъ онъ, сморщивъ брови.

— Убить! повторилъ Барвалень тихо, но торжественно.

Этотъ отвѣтъ поразилъ герцога въ самое сердце...

На что жъ онъ надѣялся безумецъ?

Монфортъ приподнялся, какъ бы отъ дѣйствія электрической искры. Потомъ уничтоженный сознаниемъ оконченнаго преступленія и невозможности помочь ему, снова упалъ въ кресло...

— Клиссонъ убить! сказалъ онъ протяжно и задышающимъ голосомъ; стало быть я измѣнникъ, безчестный рыцарь, клятво-преступникъ!... О!... Я проклять!

— И хорошо бы, сказалъ Барвалень, слѣдившій за каждымъ его движеніемъ, и какъ бы желавшій проникнуть ему въ душу; и хорошо бы еще, еслибъ одинъ виновный былъ наказанъ за преступленіе!

Герцогъ конечно понималъ его; чего не передумалъ онъ въ страшную ночь!

Барвалень продолжалъ:

— Да, герцогъ, пусть грызетъ васъ раскаяніе, пусть жизнь ваша будетъ непрерывными мученіями, пусть преслѣдуетъ васъ всюду проклятіе Клиссона (онъ проклялъ васъ въ послѣднія минуты), пусть умрете вы безъ покаянія, это будетъ справедливое наказаніе... Вы убили измѣннически храбраго и довѣрливаго мужа... Но если снова возгорится война, если Французы будутъ опять опустошать наши области, а герцогъ Пентьевръ снова начнетъ войну междоусобную.... будетъ ли это справедливо, герцогъ? За виновнаго властелина будетъ гибнуть цѣлый невинный народъ!... А это будетъ такъ, потому-что Клиссонъ былъ не только храбръ и довѣрчивъ, но онъ былъ еще.... коннетабль Франціи, и мщеніе его завѣщано Карлу VI.

Герцогъ былъ уничтоженъ; онъ видѣлъ ясно бездну, въ которую низвергло его преступленіе, и проклиналъ все, что только способствовало ему совершить его.

— Барвалень, сказалъ онъ съ презрѣніемъ: ты не человѣкъ, ты низкій рабъ. Ты послушался не меня, ты послушался моего гнѣва, моего безумія...

И по похудѣвшимъ въ одну ночь щекамъ Монфорта скатилась слеза.

Ничто такъ не поразительно и не тяжело, какъ слеза мужчины, твердаго и храбраго.

— Ты могъ спасти меня!

Барвалень былъ тронутъ.

— Не очаявайтесь такъ, герцогъ, проговорилъ онъ... Я долженъ былъ повиноваться... но если ваше раскаяніе искренно, можетъ Богъ простить васъ... можетъ-быть я самъ могу помочь...

— Онъ убить, сказалъ герцогъ.

Онъ проговорилъ эти слова, какъ сказалъ бы преступникъ подъ съкирой:

— Уже поздно.

— Можетъ-быть ему удалось спастись....

— Спасись! вскричалъ герцогъ, вскочивъ съ кресла и сжимая руки Барвалена; но какъ же?

— Герцогъ, мнѣ стало жаль его... мѣшокъ былъ не зашить... простите меня!

— Простить!... о!...

И глаза герцога блистали радостію; грудь его была освобождена отъ страшнаго бремени; но онъ еще боялся...

— Бѣги, Барвалень; побѣжимъ всѣ на берегъ!

— Это лишнее, сказалъ Барвалень... Клиссонъ еще въ башнѣ! простите меня!

Герцогъ не могъ произнести ни одного слова и кинулся въ объятія вѣрнаго слуги своего.

КАПЕЛЛА ПОМИЛОВАНІЯ.

(Разсказъ Ганри Бертю).

Въ концѣ чстырнадцатаго вѣка, недалеко отъ города Брюгеса, возвышался домикъ весьма приличной наружности. Двѣ зубчатыя башни, стоявшія по бокамъ его, могли ему служить оплотомъ въ случаѣ нападенія. А нападенія и насилія въ то время случались сплошь да рядомъ.

Въ этомъ-то домикѣ, въ большой залѣ, освѣщенной однимъ окномъ, человекъ лѣтъ сорока отъ роду оканчивалъ большую картину, изображавшую *Впычаніе Св. Дѣвы*. Картина была нарисована прекрасно; нельзя было не подивиться чистому и религіозному выраженію лица, и наконецъ цѣлость произведенія соединяла въ себѣ простоту съ глубокимъ знаніемъ содержанія изображеннаго. Но чтó особенно поражало въ картинѣ, такъ это была необыкновенная оконченность волосъ на головахъ и бородахъ людей и въ гривахъ лошадей. Казалось, артистъ рисовалъ каждый волосъ отдѣльно, а между тѣмъ это не вредило цѣлому. Этимъ свойствомъ впоследствии отличался знаменитый Альбертъ Дюреръ. — Вообще надо было удивляться блеску колеровъ, свѣтлѣвшихъ на деревѣ, которое фламандскіе артисты предпочитали полотну.

Картину рисовалъ Убертъ Ванъ-Дикъ.

Подлѣ артиста, не торопясь оканчивавшаго свое произведеніе, стояла другая доска, на которой былъ слегка набросанъ контуръ картины. Нѣсколько дней, а можетъ быть и нѣсколько недѣль кисти не дотрогивалась до этого контура; лежавшія вокругъ краски въ раковинахъ совершенно высохли. Передъ начатою картиной валялись кисти и стоялъ сосудъ съ яичною водою, которая употреблялась артистами того времени вмѣсто масла.

Наступившая ночь заставила артиста прекратить работу. Со вздохомъ положилъ онъ кисть свою и готовился выдти изъ мастерской.

Когда онъ проходилъ мимо покинутой начатой картины, лице его, носившее постоянный отпечатокъ меланхоліи, приняло выраженіе глубокой горести.

— Безумецъ! прошепталъ онъ, отказывается отъ денегъ, отъ славы, отъ счастья, чтобы гоняться за химерой! онъ не беретъ въ руки кисти!... Уже не ходить въ мастерскую!... Цѣлые дни не видится со мной, не поцѣдуетъ нашу добрую сестру Маргариту. Все запирается въ своей лабораторіи и силится открыть секретъ, который, по словамъ его, обезсмертитъ насъ и доставитъ намъ несмѣтныя сокровища!... Жалкій безумецъ! Какъ будто наше искусство не представляетъ собою вѣрнѣйшаго средства къ достиженію и славы, и богатства!

Разгеваривая такимъ образомъ самъ съ собою, артистъ спускался по ступенькамъ лѣстницы и подходилъ къ подземной комнатѣ. Онъ отворилъ такъ быстро дверь ея, что человѣкъ, сидѣвшій передъ разложеннымъ огнемъ, покинулъ занятіе, въ которое было онъ углубился, и даже обернулся.

— Жанъ!... Братъ Жанъ! сказалъ вошедшій, положивъ руку на плечо алхимика: оставь на часъ свою лабораторію и поди утѣшь сестру, которая считаетъ тебя больнымъ, и брата, который считаетъ тебя безумцемъ.

Жанъ обратилъ къ своему брату лице, закопченное дымомъ отъ разныхъ сожигаемыхъ на огнѣ веществъ.

— Тише!... Убертъ!... сказалъ онъ; оставь меня одного еще одну нынѣшнюю ночь. Я близокъ къ желанному открытію. Завтра прижмешь ты къ сердцу съ восторгомъ и благодарностію того, кого обвиняешь сегодня въ безумствѣ! Повторяю тебѣ, Убертъ, прибавилъ онъ, указывая брату на разныя стоявшія на печкѣ жидкости, здѣсь вѣрный залогъ важнѣйшей и величайшей побѣды, которую только когда-либо одержала наука въ пользу искусства. Оставь же меня и помолись, чтобы труды мои увѣнчались успѣхомъ.

Въ голосѣ брата было столько увѣренности, убѣжденіе его казалось такъ живо и глубоко, что потрясло скептицизмъ самого Уберта.

— Я даю тебѣ еще нынѣшнюю ночь, сказалъ онъ; но поклянись мнѣ спасеніемъ души своей и именемъ отца, который поручилъ тебя мнимъ попеченіямъ, клянись мнѣ, что завтра ты возьмешь опять въ руки кисть и перестанешь преслѣдовать мечту, которая такъ давно отъ тебя ускользаетъ.

Алхимикъ съ вниманіемъ разсмотрѣлъ кипятившіяся жидкости, пробѣжалъ нѣсколько строкъ въ наваленныхъ вокругъ него манускриптахъ и положилъ руку на костяное изображеніе креста.

— Клянусь тебѣ, братъ, сказалъ онъ; клянусь Богомъ, умершимъ на крестѣ для избавленія человѣчества. Клянусь памятью нашего отца. Теперь оставь меня одного.

Обезпеченный этою клятвою, Убертъ вышелъ изъ лабораторіи, поднялся на лѣстницу и вошелъ въ комнату, отдѣланную досищающимся дубомъ. Въ этой комнатѣ дѣвушка лѣтъ шестнадцати, граціозная, ловкая блондиночка, постилала на богато-украшенный столъ ослѣпительной бѣлизны скатерть и приготавлиала все къ ужину.

— Поставь только два прибора, Маргарита.

— А Жанъ опять не будетъ съ нами ужинать? спросила она сквозь слезы.

— Это послѣдній разъ, дитя мое, онъ мнѣ поклялся. Ты пошлешь ему внизъ какого-нибудь кушанья, до котораго онъ, впрочемъ, не дотронется.

Убертъ и Маргарита сѣли довольно грустно за столъ; послѣ ужина помолились Богу и помѣстились около камина, въ которомъ былъ разведенъ огонь. Они мало говорили другъ съ другомъ, потому-что у обоихъ сердце было не спокойно. Оба они боялись огорчить другъ друга сообщеніемъ своихъ опасеній.

Наконецъ стѣнные деревянные часы пробили девять часовъ, и въ ту же минуту старая служанка вошла въ комнату съ двумя свѣчами въ рукахъ. Это былъ обычный сигналъ вечерней молитвы и отдохновенія. Набожныя дѣти Фландріи стали втроемъ на колѣна предъ образомъ Богоматери, и прослушавъ молитвы, прочтенныя Убертомъ, какъ главою семейства, встали и разошлись по своимъ комнатамъ.

Долго боролся Убертъ съ бессонницей, наконецъ начиналъ уже засыпать, какъ вдругъ вбѣжалъ къ нему братъ его Жанъ. Онъ бросился сначала въ объятія Уберта, крѣпко прижалъ его къ груди, потомъ началъ какъ безумный прыгать по комнатѣ.

— Мнѣ удалось, Убертъ! Господь благословилъ труды мои. Секретъ открытъ. Теперь богатство и безсмертіе принадлежатъ намъ.

— Но, объясни мнѣ...

— Слушай, братъ. Уже давно всѣ живописцы Италіи ищутъ, чѣмъ бы замѣнить при составѣ красокъ яичную жидкость. Но изысканія ихъ напрасны. А я, я открылъ секретъ этотъ. На!...

посмотри эту картину! и скажи, видалъ ли ты гдѣ-нибудь подобную силу и живость тѣни?... Являлось ли въ живописи что-нибудь съ подобнымъ блескомъ? Но я скажу тебѣ мою тайну; она останется между нами двоими. Никто не узнаетъ ея послѣ насъ, какъ никто не зналъ до этого времени. Краски мѣшаются и соединяются съ масломъ гораздо удобнѣе, чѣмъ съ яичной жидкостью. Они сохраняютъ колоритъ свой и скоро сохнутъ; а черезъ нѣсколько мѣсяцевъ можно покрыть картину лакомъ, который дастъ краскамъ еще болѣе вида. Лакъ высыхаетъ почти мгновенно, безъ огня и безъ солнца. Послѣ долгихъ изысканій я нашелъ секретъ составлять лакъ этотъ. Составъ этого лаку простъ, но онъ удивителенъ въ приложеніи. Ну что! Перестанешь ты считать меня сумасшедшимъ?

Убертъ не могъ достаточно насмотрѣться и налюбоваться на картину, принесенную его братомъ: онъ понималъ, какой страшный переворотъ въ живописи произведетъ введеніе маслянаго рисованія и какъ велика будетъ слава ихъ имени. Онъ ждалъ съ нетерпѣніемъ дня, чтобы принятъ самому за работу и на дѣлѣ удостовѣриться въ братниномъ открытіи. Проба превзошла его ожиданія, и скоро изображеніе св. Іоанна, нарисованное масляными красками, вышло въ свѣтъ изъ мастерской братьевъ Ванъ-Диковъ и привело въ изумленіе весь дворъ Филиппа Добраго.

Слава открытія перенеслась изъ Фландріи во Францію, въ Германію и въ Италію. Многіе живописцы предпринимали нарочно путешествіе въ Нидерланды и старались цѣною золота купить секретъ братьевъ Ванъ-Диковъ; но послѣдніе не соглашались ни на какія лестныя предложенія и остались непоколебимы противъ всѣхъ обольщеній.

Никто кромѣ Маргариты не входилъ въ ихъ мастерскую, никого не пускали даже въ домъ къ нимъ. Окончивъ картину, одинъ изъ братьевъ потихоньку отвозилъ ее тому, кто купилъ ее, и возвращался къ уединенной, трудолюбивой жизни.

Маргарита нисколько не жаловалась на свое затворничество. Когда небо было ясно, она отправлялась въ сопровожденіи старой служанки въ поле, а иногда ходила и въ городъ для необходимыхъ закупокъ по домашнему хозяйству.

Однажды вечеромъ возвращалась она домой позднѣе обыкновеннаго и со страхомъ услышала на дорогѣ пѣсни пьяныхъ мужчинъ. Эти люди скоро окружили беззащитныхъ женщинъ, стали приста-

вать къ нимъ, смѣяться надъ ними и пошли бы, можетъ быть, далѣе, какъ вдругъ явился молодой человѣкъ и объявилъ себя защитникомъ беззащитныхъ. Онъ даже проводилъ ихъ до дверей дома.

Но едва вошли въ домъ испуганныя женщины, какъ услышали болѣзненный крикъ своего защитника. Они вбѣжали на одну изъ башенъ.... Несчастный лежалъ безъ чувствъ и окровавленный среди дороги. Пьяницы, испуганные убійствомъ, ими совершеннымъ, разбѣжались по полю.

Забывши приказанія и запреты братьевъ, Маргарита побѣжала на помощь къ тому, кто, можетъ быть, умираетъ изъ-за нея. Съ помощію служанки она перенесла раненаго въ домъ, съ тѣмъ, чтобы подать ему необходимыя пособія.

Когда Убертъ и Жанъ узнали о случившемся, у нихъ не достало духа выговаривать сестрѣ за ея непослушаніе; они одобрили гостепріимство, оказанное молодому человѣку, и перевязали его рану, которая оказалась наружною и самою неопасною. Химикъ Жанъ взялся лечить больнаго, а Маргарита сѣла у его изголовья.

Она подавала ему пить, когда пересыхали его губы отъ лихорадки, которая по настоящему не должна бы произойти отъ такой легкой раны; она же поворачивала своими маленькими ручками его голову, когда это казалось больному необходимымъ. Обращенная вся во вниманіе, Маргарита не спускала глазъ съ незнакомца, предупреждала малѣйшее его желаніе и сочувствовала каждому его страданію.

Между тѣмъ ничтожная болѣзнь уменьшалась съ каждымъ днемъ и больной былъ уже въ состояніи говорить. Онъ сказалъ тогда Маргаритѣ, что его зовутъ Пьетро Родольфи, что онъ родомъ изъ Рима, и что торговыя дѣла были причиною пріѣзда его въ Нидерланды. Онъ прибавилъ, что въ тотъ вечеръ, когда его ранили, онъ собирался ѣхать въ Италію.

— Стало быть, сказала Маргарита въ волненіи, я одна причиною, что вы такъ долго не возвращаетесь въ ваше отечество?

Больной взялъ ее за руку и посмотрѣлъ на нее такими глазами, что Маргарита затрепетала и опустила свои глазки.

— Я не ворочусь болѣе въ Италію, сказалъ онъ послѣ минутнаго молчанія; я хочу кончить жизнь подлѣ васъ, Маргарита, подлѣ той, которая спасла жизнь мою, которая явилась моимъ ангеломъ-хранителемъ, съ которой я не въ силахъ разстаться, потому что люблю ее.

— Замолчите!... Замолчите!... сказала Маргарита, готовая упасть въ обморокъ.

— Да, я люблю тебя, продолжалъ иностранецъ; и я читаю въ твоемъ сердцѣ, что и ты тоже любишь меня. Скажи, ужели ты не согласишься переселиться подъ свѣтлое небо нашей Италиі! Ужели щеки римскихъ красавицъ не вспыхнутъ отъ ревности и удивленія, при видѣ голубыхъ глазъ твоихъ, при видѣ длинной, шелковой, русой косы твоей!

Кольна Маргариты подгибались подъ нею, и она упала передъ кроватью Пьетро.

— Возьми это кольцо, Маргарита, и пусть Богъ будетъ свидѣтелемъ клятвъ нашихъ!

Въ эту минуту въ сосѣдней комнатѣ слышались шаги Жана Ванъ-Дика.

— Скрой свое смущеніе, Маргарита, пусть братъ твой ничего не знаетъ о нашихъ чувствахъ.

— Братъ! но онъ такъ добръ! онъ такъ любитъ меня!

— Пусть будетъ это для него тайною еще нѣсколько времени! Не то наше счастье, Маргарита, погибнетъ безвозвратно!

Удивленная дѣвушка отошла въ уголокъ комнаты, и Жанъ, занявшись перевязкой раны больного, не замѣтилъ ея волненія.

Силы Пьетро возрастали съ каждымъ днемъ, и онъ могъ уже выходить изъ комнаты и прогуливаться по саду, опираясь на руку Маргариты. Напрасно умоляла его послѣдняя открыть любовь ихъ Уберту и Жану: Итальянецъ представлялъ ей каждый разъ новыя препятствія, и новыми доводами убѣждалъ ее отложить свое намѣреніе, а равнымъ образомъ успокоивалъ порывы ея раскаянія.

Маргарита плакала, но уступала просьбамъ своего возлюбленнаго, хотя и упрекала себя постоянно въ недовѣрчивости къ братьямъ.

Между тѣмъ Пьетро подъ видомъ желанія ближе ознакомиться съ характерами живописцевъ, чтобы легче получить отъ нихъ руку Маргариты, разспрашивалъ дѣвушку о ихъ привычкахъ, о ихъ работѣ и о способахъ, которыми они составляютъ краски. Онъ добился даже того, что Маргарита ввела его одинъ разъ въ отсутствіе братьевъ въ мастерскую и въ лабораторію Жана.

Въ невинности своей она думала, что удовлетворяетъ пустое любопытство, и не замѣчала жадныхъ и радостныхъ взоровъ, которые кидалъ Пьетро на все его окружающее. Замѣтъ она это обстоятельство, она, можетъ быть, поняла бы всю неосторожность свою.

Нѣсколько дней спустя, Жанъ вошелъ, по обыкновенію, утромъ въ комнату своего постояльца, чтобы освѣдомиться о его здоровьѣ; судите о его изумленіи, когда онъ увидѣлъ въ этой комнатѣ одну Маргариту, блѣдную, умирающую, и узналъ отъ нея и о любви ея, о объ измѣнѣ Итальянца.

Нѣсколько вопросовъ открыли ему истину. Итальянецъ притворился влюбленнымъ въ Маргариту, чтобы узнать тайну ея братьевъ, и, узнавши ее, скрылся.

Легкая рана его была сдѣлана съ умысломъ, чтобы доставить ему доступъ въ домъ. Пьяные люди были его сообщники; а услуга, оказанная имъ Маргаритѣ!—придуманная комедія.

Жанъ бросился къ своему брату.

— На коней, Убертъ, на коней!... вскричалъ онъ, надо наказать разбойника!

Скоро братья настигли Итальянца, имѣвшего только два часа передъ передъ ними. Завидѣвъ тѣхъ, кого онъ подло оскорбилъ, Пьетро погналъ свою лошадь, но усилія его спастись были тщетны; нѣсколько минутъ спустя, онъ палъ подъ ударами двухъ кинжаловъ.

Оставивъ трупъ въ полѣ, Убертъ и Жанъ оборотили лошадей и поскакали къ замку графа Фландрскаго. ●

Филиппъ Добрый, графъ Фландрскій и герцогъ Бургундскій принималъ ежедневно просителей около полудня. Онъ давалъ свои аудіенціи въ большой залъ своего замка, куда имѣли доступъ всѣ его подданные безъ различія званій и всѣ могли требовать его правосудія. Въ это время Филиппъ любилъ окружать себя возможнымъ великолѣпіемъ.

Онъ сидѣлъ на герцогскомъ тронѣ, былъ одѣтъ въ богатѣйшее платье и требовалъ, чтобы сынъ его графъ Шароле и главнѣйшіе сановники его государства присутствовали при этихъ аудіенціяхъ. Ничтожность просьбъ, продолжительность объясненій не утомляли его терпѣнія; онъ выслушивалъ каждого, ободрялъ робкихъ, утѣшалъ огорченныхъ и оканчивалъ несогласія часто съ помощію собственныхъ рейхсталеровъ.

Графъ Фландрскій выслушалъ жалобу бѣдной женщины на опустошеніе, сдѣланное въ саду ея охотниками высшаго сословія, сдѣлалъ послѣднимъ строгій выговоръ и назначилъ уже въ пользу обиженной большую пеню, какъ послышался въ дверяхъ сильный шумъ, и за этимъ вошли въ залу братья Ванъ-Дики, окровавленные и съ кинжалами въ рукахъ.

Герцогъ, увидѣвъ кровь и ножи, отвернулъ голову и задрожалъ, потому-что со времени убійства отца его Іоанна Смѣлаго онъ не могъ смотрѣть равнодушно на обнаженное лезвее.

— Чтѣ это значитъ? вскричалъ онъ.

— Монсиньоръ, отвѣчалъ Жанъ: одинъ безбожный Итальянецъ обольстилъ нашу сестру и похитилъ тайну нашего искусства; мы убили его.

Герцогъ поблѣднѣлъ и всталъ съ своего мѣста.

— Какъ! Развѣ во Фландріи нѣтъ правосудія, что наши вассалы сами отмщаютъ свои обиды и еще убійствомъ? Берегитесь, маэстро, это дѣло можетъ имѣть для васъ гибельныя послѣдствія.

— Въ этомъ, Монсиньоръ, воля ваша; въ какой острогъ прикажете идти намъ за то, что мы отмстили за честь сестры нашей и сохранили Фландрію тайну, которая ее прославила? Если готовъ палачъ, то готовы и мы.

— Я знаю, что вы великіе художники и Фландрія гордится вами болѣе, чѣмъ многими вельможами, которые умѣютъ только опустошать чужія поля; но передъ моимъ правосудіемъ, талантъ и саванитость исчезаютъ. Вы пролили кровь, пусть эта кровь падетъ на главу вашу.

Братья поцѣловались и сказали:

— Мы готовы.

— Послушайте, кузень Лудовикъ, что сдѣлали бы вы на моемъ мѣстѣ? спросилъ графъ тономъ вызывающимъ на помилованіе, потому, что послѣ первыхъ минутъ гнѣва, онъ понялъ серьезныя причины, побудившія живописцевъ къ преступленію, и сознавалъ, что ихъ не слѣдовало строго наказывать.

Тотъ, къ кому онъ адресовался, былъ юноша съ блѣднымъ лицомъ, съ взерошенными волосами и какимъ-то страннымъ взглядомъ. Вопросъ графа пробудилъ его изъ какого-то глубокаго размышленія.

— Мѣшать правосудію князя значитъ оскорблять его величіе, отвѣчалъ юноша.

— Такъ по вашему мнѣнію, продолжалъ графъ, недовольный отвѣтомъ, преступленіе Итальянца и таланты убійцъ не должны смѣгчить для нихъ наказаніе?

— Если бы у васъ была сестра, сказалъ Жанъ, и отецъ вашъ, умирая, поручилъ бы ее вашему попеченію, вы не судили бы насъ такъ строго. Вы знаете, монсиньоръ, какъ священна послѣдняя воля отца.

Юный принц вспыхнулъ отъ негодованія при словахъ этихъ и хотѣлъ отвѣчать, какъ на дворѣ замка послышался топотъ лошади. Лошадь остановилась, и всадникъ, покрытый пылью, вбѣжалъ въ комнату и подалъ запечатанный конвертъ юному принцу, готовившемуся рѣшить участь двухъ братьевъ.

Открывши конвертъ, принцъ сказалъ грустнымъ голосомъ:

— Монсеньоръ, мы извѣстились сейчасъ о смерти короля, отца нашего, и о томъ, что тяжелое бремя Французской короны падаетъ на вашу голову. Позвольте намъ ознаменовать наше возшествіе на престолъ актомъ прощенія. Простите вполнѣ обоихъ живописцевъ. Ступайте жъ съ миромъ, маэстро, и другой разъ воздержитесь отъ подобнаго преступленія. А между тѣмъ вы соорудите на собственные деньги капеллу нашему патрону св. Лудовику и поставте въ ней одну изъ лучшихъ картинъ вашихъ, представивъ самихъ себя молящимися и на колѣнахъ.

— Теперь, монсеньоръ, когда судъ оконченъ, позвольте намъ удалиться и предаться въ уединеніи нашей скорби, сказалъ Убертъ.

— А прежде этого, ваше величество, сказалъ Филиппъ Добрый, становясь на колѣна, мы хотимъ первые поздравить васъ и дать вамъ клятву вѣрности за всѣ наши провинціи.

— Мы принимаемъ эту клятву, отецъ вашъ, потому что мы хотимъ сохранить вамъ это названіе, выражающее нашу къ вамъ привязанность; и въ доказательство оной Лудовикъ Одиннадцатый желаетъ, чтобы ваша рука посвятила его рыцаремъ въ день коронаванія его въ Реймсѣ.

— Я поведу васъ со свитою десяти тысячъ воиновъ, вскричалъ графъ.

— Благодарю васъ, отвѣчалъ Лудовикъ XI, глядя недовѣрчиво на графа; для чего такая многочисленная свита? Довольно будетъ и тысячи, даже много! — Прощайте, графъ, мы пойдемъ плакать и молиться.

— Да здравствуетъ король Франціи!... закричала толпа; да здравствуетъ и графъ Фландрскій!

Жанъ и Убертъ Ван-Дики исполнили приказаніе Лудовика XI. — Выстроенная ими капелла носитъ названіе *Капеллы Помилванія*.

ПЪВЦА.

Первыя мои воспоминанія уносятъ меня далеко, за много лѣтъ, потому-что я ужъ не молода; они возстановляютъ передо мной то время, когда я была ребенкомъ и жила въ убогой комнаткѣ, по сосѣдству съ Друри-Лэнскимъ театромъ. Какъ теперь ее вижу: совсѣмъ закопѣлый отъ дыму потолокъ, полинялые, засаленные, изорванные обои, потусмѣвшія окна, едва пропускавшія къ намъ дневной свѣтъ. Одну половину ея занималъ старый клавесинъ, покочувшійся уже отъ драхлости на-сторону и покрытый старыми, совсѣмъ пожелтѣвшими музыкальными тетрадами; въ другой половине помѣщались — брачь, двѣ скрипки и нотный пюпитръ моего отца, который находился при театральномъ оркестрѣ. Помню также очень хорошо портретъ Беллингтонъ, знаменитой актрисы того времени, и еще другой, почернѣвшій отъ пототи и изображавшій Давида Гаррика въ одной какой-то его роли. На старинныхъ креслахъ съ колѣсиками дремала завсегда толстая черная кошна, единственный товарищъ моихъ дѣтскихъ забавъ; играть же часто мнѣ не приходилось. Матери у меня уже не было, а отецъ столько же заботился о моихъ забавахъ, сколько и о воспитаніи; достаточно того, что я не умѣла даже читать. Однажъ книгъ у насъ было, такъ же какъ и нотъ, очень много. Они были, по большей части, священнаго содержанія; между ними находилась Библия, принадлежавшая покойницѣ матери; было также пропасть биографій разныхъ актеровъ и актрисъ, украшенныхъ причудливыми портретами. Напрасно перелистывала я тѣ книги,—печатная грамота оставалась иероглифами

для меня. Иногда отецъ покупалъ воскресный журналъ, но читалъ его всегда про себя, и я никакъ не могла осмѣлиться попросить его прочесть вслухъ, а не то чтобы выучить меня читать. Онъ былъ съ виду такой угрюмый, такой холодный! Мнѣ кажется, что онъ иногда совсѣмъ даже забывалъ о моемъ существованіи.

Вслѣдъ за этими первыми воспоминаніями, мнѣ случается иной разъ улавливать еще какіе-то неясные образы, которые уподобить можно развѣ предметамъ, освѣщаемымъ мерцающимъ огнемъ, или отражающимся въ быстромъ потокѣ. Отрывки изъ старинныхъ балладъ или волшебныхъ сказокъ носятъ иногда въ моей головѣ и смѣшиваются съ звуками какого-то пріятнаго, нѣжнаго голоса. Сколько разъ,—какъ сквозь сонъ, помню,—когда я засыпала, бывало, въ маленькой своей кроваткѣ, чье-то ясное, спокойное лицо наклонялось къ моему изголовью; но, мнѣ кажется, это было не больше, какъ грѣзы.

Я никогда не знала вѣрно дня своего рожденія; въ то время, о которомъ говорю теперь, мнѣ могло быть лѣтъ семь. Жили мы тогда въ номерахъ у одного жида. Въ нижнемъ этажѣ у него была лавка разныхъ костюмовъ и масокъ. Между послѣдними попадались нѣкоторыя очень отвратительныя, и когда я выходила изъ дому, что, впрочемъ, рѣдко случалось, то старалась всегда пройти какъ можно скорѣе мимо той лавки. Даже и теперь не могу безъ содроганія вспомнить язвительнаго смѣха, съ какимъ злой жидъ смотрѣлъ на мою торопливость, и той фигуры, какая выходила изъ него, когда онъ поджидалъ моего возвращенія: худая шея его и лицо желтое и морщинистое, какъ пергаментъ, вытягивались, и онъ спрашивалъ меня: не поцѣлую ли я «старика Саломона»? Огромные его зубы напоминали мнѣ всегда конецъ исторіи маленькой красной шапочки, оставшейся у меня въ памяти въ числѣ нѣсколькихъ еще другихъ волшебныхъ сказокъ. И я выжидала обыкновенно, чтобы кто-нибудь вошелъ въ домъ или остановился передъ лавкой, и тогда духомъ пробѣгала мимо ненавистнаго жида.

Отъ нечего дѣлать, занялась я пѣніемъ и притомъ одна, безъ всякаго учителя. Въ продолженіе нѣсколькихъ часовъ, когда не бывало отца дома, я забавлялась тѣмъ, что повторяла игранныя имъ на скрипкѣ разныя аріи и варіаціи. Благодаря этимъ ежедневнымъ

ураженіямъ, составлявшимъ единственную мою забаву, я сдѣлала такіе огромные успѣхи, что, щебетавши сначала наудачу, кое-какъ, словно птичка, я стала потомъ настоящей пѣвицей.

Разъ какъ-то утромъ, въ то время, какъ я пѣла такимъ образомъ, дверь тихо отворилась, и изъ нея выглянулъ какой-то мужчина и сказалъ мнѣ съ самою пріятливою улыбкою:

— Продолжайте, милая моя, продолжайте, повторите же для меня эту прекрасную арію.

Я смутилась и пріумолкла.

— Такъ что жь! вотъ вы ужь и онѣмѣли? проговорилъ онъ. Мнѣ никогда не случается пугать людей, потому-что мое дѣло смѣшить ихъ. Если ужь вы не хотите спѣть, такъ скажите мнѣ, по крайней мѣрѣ, какъ зовутъ васъ?

Незнакомецъ говорилъ такимъ пріятнымъ голосомъ, смотрѣлъ такъ пріятливо, что я пролетѣла наконецъ: Алиса Гофманъ.

— Алиса Гофманъ, дочь скрипача, не такъ ли? О! я хорошо знаю вашего батюшку. Онъ, вѣроятно, говорилъ вамъ обо мнѣ, Гримальди, комедіантъ? (*)

— Нѣтъ, онъ со мной никогда ни о чемъ не говоритъ.

— А! потому-что онъ постоянно занятъ своимъ дѣломъ. Какъ онъ счастливъ, однакожъ, что у него такая хорошенькая дочка, настоящій селовецъ!

Говоря это, старикъ посадилъ меня къ себѣ на колѣни, поцѣловалъ въ лобъ и посмотрѣлъ, сколько времени было на его часахъ, движеніе которыхъ сильно заняло меня. Овладевши такимъ образомъ моею довѣрчивостью, онъ уже безъ труда могъ упросить меня спѣть что-нибудь. Выслушавъ меня сначала очень спокойно и внимательно, онъ принялся вскорѣ хлопать въ ладоши и кричать:

— Bravo! bravo! bis! bis!

Хотя я еще всего въ первый разъ слышала эти слова и ни мало не понимала ихъ смысла, но, сама не знаю почему, они поль-

(*) Примѣчаніе. Гримальди былъ, можетъ быть, самымъ извѣстѣйшимъ клауномъ въ Англіи. Многія черты изъ его частной жизни доказываютъ, что онъ имѣлъ очень доброе сердце. Его біографія была написана Диккенсомъ, когда знаменитый романистъ еще пріобрѣталъ только что извѣстность подъ псевдонимомъ Боза.

стали моему дѣтскому тщеславію: я готова была спѣть весь свой репертуаръ.

— Спасибо, Алиса, сказалъ онъ подѣ конецъ; вы дѣвочка добрая, и теперь мой чередъ занять васъ: я тоже съ своей стороны спою вамъ кой-что.

Вслѣдъ за тѣмъ, старикъ вдругъ принялъ такую комическую фигуру, какую трудно вообразить себѣ; упершись руками въ колѣна, онъ затянулъ пѣсню. Теперь ужъ не припомню ни словъ, ни голоса; но что мнѣ изъ всего этого очень памятно осталось, такъ это то, что онъ разсмѣшилъ меня до упаду: я хохотала, прыгала, чуть не каталась по полу. Все лице его кривлялось самымъ жестокимъ образомъ; ротъ словно разсѣкался, доходилъ до ушей и выпускалъ громадный потокъ словъ.

Посреди какой-то веселой пѣсенки съ его стороны и оглушительнаго хохота съ моей, дверь вдругъ порывисто отворилась и вошелъ мой отецъ. Знаменитый мимикъ тотчасъ же превратился снова въ тихаго и пріятнаго старика. Веселость замерла во мнѣ. Отецъ же подошелъ къ Гримальди съ принужденнымъ и сконфуженнымъ видомъ.

— Васъ удивляетъ, Гофманъ, что вы застали меня здѣсь?— сказалъ ему нашъ посѣтитель; но я зашелъ было къ Саломону, мѣнялъ, повидаться съ нимъ, какъ услыхалъ пѣніе вашей дочки. Тотчасъ же вбѣжалъ на лѣстницу, желая лучше насладиться имъ.

— И вы вошли въ эту дрянную конуру, m-g Гримальди, — прибавилъ отецъ, тщеславіе котораго видимо страдало отъ этого посѣщенія.

— Нельзя считать себя бѣднякомъ при такомъ сокровищѣ!— воскликнулъ Гримальди, взявши меня за руку; я не желалъ бы другаго богатства. Что за великолѣпный голосъ у вашей дочки.

— Будто?—произнесъ отецъ съ видомъ холоднаго изумленія. Всего въ первый разъ слышу. Никогда не слыхалъ отъ нея ни одной нотки.

Гримальди сдѣлалъ гримасу отъ удивленія и тотчасъ же принялъ опять спокойный видъ.

Тогда отецъ, обратившись ко мнѣ, сказалъ отрывистымъ голосомъ:

— Развѣ ты поешь?

Я пробормотала что-то и опустила глаза; новый друг мой отвѣтилъ за меня.

— Такъ спой же что-ли, — сказалъ отецъ, — когда вотъ воображаютъ, что ты отлично поешь.

Я, можетъ быть, въ эту минуту и не послушалась бы его, если бы только Гримальди не шепнулъ мнѣ нѣсколько ободрительныхъ и похвальныхъ словъ. Такъ я принялась за послѣдне-пропѣтую арію; но, не то на четвертой, не то на пятой музыкальной фразѣ, голосъ и память вдругъ измѣнили мнѣ; я остановилась и залилась горькими слезами.

— Ба! — воскликнулъ отецъ, она не можетъ пѣть. У нея голосъ не лучше, чѣмъ у моей кошки.

Вѣтеръ и дождь не переставали стучать въ продолженіе всей ночи въ окошко нашей комнаты; я долго дрожала отъ холода въ своей маленькой кровати, и наконецъ, наплакавшись вдоволь, заснула.

II.

Какъ это сдѣлалось, не знаю, но только отецъ увѣрился вскорѣ, что я пою на-много лучше его кошки. Онъ подслушивалъ меня, вѣроятно, за дверями въ то время, какъ я распѣвала этюды, и какъ кажется, съ этою же цѣлю возвращался онъ раза два домой еще до полдня, что было совершенно не въ его обыкновеніи. Въ самомъ же скоромъ времени пришлось мнѣ увѣриться, какъ онъ высоко ставилъ мой талантъ.

Прошло около трехъ недѣль послѣ посѣщенія Гримальди. Время было зимнее. Я, по обыкновенію, сидѣла дома. Старушка, номерная прислужница, заходила повременамъ ко мнѣ, чтобы помѣшать уголья въ топившейся печуркѣ, спасавшей меня отъ холода. Отецъ никогда не позволялъ мнѣ зажигать свѣчку во время его отсутствія. Да и съ какой стати было бы мнѣ зажигать ее! читать я не умѣла, рукодѣлія тоже никакого не знала. По этому-то, желая занять себя чѣмъ-нибудь, я пѣла или заставляла, какъ умѣла, пѣть клавиши клавесина при слабомъ свѣтѣ, бросаемомъ печуркой. Чувствуя въ тотъ вечеръ особенную скуку, я потушила огонь раньше обыкновеннаго и, отправившись въ маленькій кабинетъ, легла спать.

Два или три часа, можетъ быть, я проспала крѣпкимъ сномъ, какъ чья-то тяжелая рука, коснувшаяся моего плеча, и ярко горѣвшая свѣча, уставленная прямо противъ глазъ моихъ, разбудили меня.

— Алиса, — сказалъ кто-то грубымъ голосомъ, — Алиса, вставай живѣй.

Съ просонокъ, и притомъ еще съ испуга, я ничего не понимала, о чемъ мнѣ говорили, и вмѣсто всякаго отвѣта принялась плакать.

— Некогда тутъ хныкать, глупая дѣвчонка, — прибавилъ отецъ болѣе глухимъ голосомъ, котораго я особенно боялась: — надо сейчасъ же вставать. Поняла? — И потормошивши меня за плечо, съ присовокупленіемъ какой-то угрозы, онъ поставилъ свѣчку на полъ и вышелъ изъ кабинета.

Вся въ слезахъ и не понимая ничего, я спѣшила исполнить его приказаніе. Ночь была очень холодная; я задрожала какъ осенній листъ, когда пришлось покинуть свою теплую постель, начала утирать слезы, градомъ катившіяся по щекамъ моимъ, и пробовала смотрѣть въ окошко. На дворѣ была страшная темнота. Густой туманъ вмѣстѣ съ дождемъ закрывалъ все предметы. Вскорѣ я услышала, что отецъ всходитъ по лѣстницѣ.

— Чтожъ ты, готова-ли наконецъ?

Я была готова, и, проворно бросившись къ лѣстницѣ, наткнулась на отца, который стоялъ съ какимъ-то незнакомцемъ. То былъ мужчина очень толстой фигуры, съ густымъ голосомъ и съ угрюмымъ, свирѣпымъ видомъ. Онъ походилъ на одну изъ масокъ Саломона.

— Такъ эта что-ли дѣвушка? сказалъ онъ; какъ она еще мала-то.

— Тѣмъ лучше, — отвѣтилъ отецъ, — черезъ это самое она задѣнетъ больше любопытства.

— Которой же ей годъ? — спросилъ незнакомецъ.

— Шесть или семь лѣтъ, какъ я предполагаю, — отвѣтилъ отецъ; — но мы скажемъ, что ей всего пять, м-гъ Семь, пожалуй даже, хоть четыре года, если вамъ угодно будетъ. Никто вѣдь не станетъ справляться съ метриками.

Оба они принялись тогда хохотать, да такимъ страннымъ смѣхомъ, что у меня дыханіе захватило и я чуть было не заплакала.

Я никакъ не могла придумать, что они хотятъ дѣлать со мною— продавать-ли или увезти куда-нибудь далеко, далеко отъ родины.

— Такъ пусть будетъ ей четыре года, Гофманъ. Мы скажемъ, что всего четыре года, — началъ незнакомецъ, когда общій смѣхъ ихъ унялся, — но я все-таки не отказался бы послушать сперва наше маленькое чудо. Я ничего не покупаю заочно.

Покупаю! это слово окончательно напугало меня.

— Ну, Алиса, спой же намъ что-нибудь, — сказалъ мнѣ отецъ, только избавь отъ дурачества, какъ въ тотъ разъ, или я тебя выгоню изъ дому.

Эта угроза придала мнѣ духу, какъ это всегда бываетъ при отчаяніи. Не смотря на нищету, въ какой мы жили, мысль снискивать себѣ пропитаніе милостынею, ходя по улицамъ, показалась мнѣ все-таки ужасною. Я спѣла имъ, но что, — и сама не помню. Толстый мужчина повидимому остался доволенъ мной, потому-что билъ тактъ головою и потиралъ руками; а отецъ, вмѣсто всегдашнихъ грубостей, воскликнулъ, обратясь ко мнѣ: — Хорошо, очень хорошо! — Потомъ онъ нѣсколько времени говорилъ о чемъ-то очень тихо съ незнакомцемъ.

— Такъ, стало быть, это дѣло слажено, — сказалъ онъ ему наконецъ. — Когда же приступимъ къ дебюту, м-г Смитъ?

— Сезонъ для этого теперь отличный, — отвѣтилъ тотъ. — Не къ чему терять время. Приступимъ съ нынѣшняго же вечера.

— Съ нынѣшняго вечера! промолвилъ съ удивленіемъ отецъ, — но ужъ теперь двѣнадцатый часъ.

— Это ничего не значить. У насъ сидятъ всегда до трехъ и до четырехъ часовъ утра.

— Если такъ, то надѣвай шляпку, Алиса, и отправимся.

Какъ темно было на улицахъ! Что за отвратительная погода стояла тогда: холодъ и сырость въ воздухѣ, подъ ногами страшная слякоть! Всѣ лавки были уже заперты! Кромѣ одинокихъ городскихъ стражей, попадавшихся на довольно далекомъ разстояніи другъ отъ друга, никого болѣе не случилось намъ встрѣчать. Эта ночь

такъ мнѣ памятна, какъ словно она была не дальше, какъ вчера. На улицахъ стояли огромныя лужи; фонари бросали слабый, тусклый свѣтъ; дождь и туманъ пробирали меня сквозь платье; волосы мои, всѣ мокрые, распустились и висѣли, какъ словно къ нимъ привязали что-то тяжелое; по временамъ дулъ рѣзкій вѣтеръ. Два или три экипажа пронеслись мимо насъ; одинъ изъ нихъ облагъ меня съ ногъ до головы грязью. А идти намъ еще оставалось долго, очень долго! У меня отъ усталости занималось дыханіе и я едва могла поспѣвать за отцемъ и м-г Смитомъ, который тоже, казалось, на силу переводилъ духъ. Мы обернули ужъ столько закоулковъ, что я терялась въ догадкахъ; мнѣ казалось, что мы плутали по лабиринту; придетъ ли ужъ мы когда-нибудь къ цѣли нашего странствованія? Наконецъ мы прощли по большому мосту, лежавшему надъ какою-то широкою рѣкою, вѣроятно Темзою, и вскорѣ послѣ того остановились передъ громаднымъ домомъ; окна у него были закрыты ставнями, но замѣтно было, что внутри онъ былъ освѣщенъ. М-г Смитъ нетерпѣливо подергалъ за молотокъ; полусонный лакей отворилъ намъ дверь. Едва только мы вошли, какъ меня поразилъ страшный шумъ голосовъ и стуканье стаканами; однако можно было догадаться, что это билъ тактъ по столамъ.

— Алиса, — шепнулъ мнѣ тогда отецъ на ухо. — Ты сейчасъ будешь пѣть. Приложи все свое стараніе, и я куплю тогда тебѣ куклу; но если окажется хоть одна фальшивая нотка или выкажешь ты малѣйшее замѣшательство, то.... Онъ не докончилъ; тонъ его голоса и взглядъ довольно ясно договорили остальное.

Вотъ я очутилась въ обширной, великолѣпно освѣщенной залѣ, наполненной многочисленной публикой. Сначала шумъ, духота, сильный блескъ огня, облака табачнаго дыма, овладѣвшій мною испугъ не позволяли мнѣ ничего распознать; но когда возвратилось ко мнѣ присутствіе духа, то я принялась разсматривать окружающее меня общество. Отецъ мой сѣлъ на концѣ длиннаго стола; меня посадили рядомъ съ нимъ. М-г Смитъ находился довольно далеко отъ насъ, почти-что на другомъ концѣ того же стола. Появленіе его было встрѣчено громкимъ ура и страшнымъ стуканьемъ стаканами по столамъ. Въ залѣ той были все одинъ только мужчины; большая часть изъ нихъ была на-веселѣ.

Вскорѣ м-г Смитъ поднялся съ своего мѣста, сказалъ всѣмъ присутствовавшимъ нѣсколько словъ о моемъ отцѣ, а тамъ распространился насчетъ моего искусства. Всѣ изъявили желаніе слышать меня. Очень хорошо помню, какъ одинъ какой-то старикъ взялъ меня на руки и поставилъ на стулъ, чтобы всякій могъ лучше разглядѣть меня. Тотъ же самый старикъ, замѣтя, что я вся была еще мокра отъ тумана и дождя, принудилъ меня выпить изъ своего стакана, а чего, не знаю, но только напитокъ тотъ произвелъ на меня хорошее дѣйствіе. Всѣ окружавшія меня лица, казалось, были очень веселы. Я старалась пѣть какъ можно лучше; и когда кончила, то поднялась такой гвалтъ, такая стукотня ногами, такое стуканье стаканами, что я съ испуга не знала, что дѣлать, и стояла какъ вкопанная. Мнѣ вообразилось сначала, что они сердятся на меня. Вышло же наоборотъ: они стали упрасивать меня спѣть еще что-нибудь. Чтобы доставить имъ такое удовольствіе, я опять принялась пѣть. Все тотъ же старикъ заставилъ меня еще выпить изъ своего стакана; меня всю томилъ какой-то пріятный жаръ; я была вполне счастлива. Не могу утвердительно сказать, много ли я пѣла въ ту ночь, но помню только, что отецъ, подъ конецъ, сказалъ мнѣ, что на нынѣшній вечеръ будетъ съ меня. Меня отнесли въ другую комнату, положили на софу и покрыли нѣсколькими шинелями, для того будто бы, чтобы согрѣть, какъ говорили, и не дать ходу простудѣ. Я вскорѣ же заснула. Почти всѣ, бывшіе въ залѣ, давали мнѣ денегъ, въ то время какъ я передъ уходомъ своимъ обходила ихъ всѣхъ; многіе даже цѣловали меня и при этомъ приговаривали:

— Прощай, малютка, до завтра. — На душѣ у меня было такъ легко, какъ этого со мной никогда не бывало болѣе въ жизни, а въ карманѣ же противъ обыкновенія было тяжело.

На другой день, съ самаго ранняго утра, отецъ отвелъ меня домой, а вечеромъ мы опять отправились въ тотъ же домъ, куда и продолжали ходить послѣ того каждый вечеръ. Съ этого времени онъ смягчилъ нѣсколько свое обхожденіе со мною; но всегда бралъ у меня деньги, которыя давали мнѣ въ томъ домѣ. Онъ также забылъ купить мнѣ обѣщанную куклу. Не могу опредѣлительно сказать, сколько времени провела я такую жизнь. Первая ночь

запечатлѣлась у меня въ памяти огненными буквами; но отъ всѣхъ остальныхъ осталось одно смутное воспоминаніе. Какъ я только догадываюсь, по ходу сезоновъ, такъ отецъ, вѣроятно, водилъ меня туда каждый вечеръ въ продолженіе шести мѣсяцевъ, пока одно непредвидѣнное происшествіе не бросило меня на иной путь жизни.

Наступило лѣто. Я была, какъ и всегда, одна дома въ самый полдень; вдругъ входитъ м-г Гримальди, котораго я не видала послѣ перваго его посѣщенія, и садится подлѣ меня.

— Милая моя Алиса, — сказалъ онъ мнѣ съ запыхавшимся и встревоженнымъ видомъ; отъ меня не ускользнула также и блѣдность его лица. — Милая моя Алиса, надѣньте тотчасъ же шляпку и отправитесь со мною.

На что я ему отвѣтила, что не смѣю выйти изъ дому безъ позволенія отца, потому-что онъ каждый вечеръ беретъ меня съ собою въ одинъ домъ.

— Ахъ! да, я знаю все, несчастное дитя! что за жизнь! охота еще самому сносить подобное униженіе! Такъ поспѣшите же, милая моя, я васъ повезу къ себѣ. Нечего терять время.

Мнѣ сильно хотѣлось отправиться вмѣстѣ съ м-г Гримальди, но признаться сказать, я не смѣла, потому-что боялась отца.

— Пойдите же, Алиса, и не бойтесь ничего, — сказалъ онъ, поцѣловавши меня въ лобъ. — Отецъ не будетъ за это бранить васъ, дитя мое.

Я отправилась съ м-г Гримальди. У крыльца ждала насъ карета; онъ посадилъ меня въ нее, и мы понеслись стрѣлою. Въ то время, какъ мы поворачивали съ одной улицы на другую, я замѣтила толпу, собравшуюся вокругъ четырехъ городскихъ стражей, несшихъ на носилкахъ словно соннаго человѣка. М-г Гримальди закрылъ мнѣ въ ту же минуту глаза своей рукою, и я слышала, какъ она дрожала у него. Когда онъ отнял ее, мы ѣхали уже по другой улицѣ, и толпы той уже не было. Я спросила его, почему онъ не далъ мнѣ смотрѣть, но онъ оставилъ меня безъ отвѣта.

Видъ полей, садовъ, изгладилъ вскорѣ во мнѣ тревожную мысль о случившемся. Карета остановилась у подъезда хорошенькаго домика, изъ котораго вышла встрѣтить насъ какая-то дама.

Сначала она очень удивилась, увидавши меня, но потомъ, когда м-г Гримальди шепнулъ ей на ухо нѣсколько словъ, она посмотрѣла на меня съ видомъ сожалѣнія и подѣловала. Подлѣ домика былъ прекрасный садъ, весь убранный цвѣтами и населенный бабочками; я бы была вполне счастлива, если бы только не казалось мнѣ каждую минуту, что слышу за собой голосъ разсерженнаго отца.

М-г Гримальди поразило, что послѣ первыхъ порывовъ дѣтской радости, вспыхнувшей во мнѣ при видѣ открытаго воздуха, свѣжей зелени и цвѣтовъ, нашла на меня вдругъ задумчивость; онъ спросилъ меня о причинѣ, — я ему сказала.

— Повѣрьте мнѣ, дитя мое, — отвѣтилъ онъ, — вашъ отецъ не будетъ болѣе сердиться на васъ.

— Онъ вамъ обѣщалъ что-ли?

М-г Гримальди переглянулся съ женою, но не отвѣтилъ мнѣ. Впослѣдствіи я узнала, что отецъ мой умеръ, что это его несли тогда на носилкахъ городскіе стражи. Съ давняго времени здоровье его было испорчено отъ чрезмѣрнаго употребленія крѣпкихъ напитковъ, и апоплексія поразила его своимъ громовымъ ударомъ, во время репетиціи въ театрѣ.

III.

Никогда не видала и не слыхала я отъ отца своего ничего такого, чтò бы дышало любовью ко мнѣ; но все-таки онъ былъ мнѣ отецъ, и я, лишившись его, жалѣла о немъ, конечно какъ ребенокъ, для котораго смерть представляется еще какою-то неясною, смутною идеей. М-г и мадамъ Гримальди были ко мнѣ такъ ласковы и добры, что я, по настоящему, не должна бы была жалѣть о прошедшемъ; а между тѣмъ, — и признаться-то совѣстно, — я скучала по ночномъ веселіи того большого дома, по подаркамъ и рукоплесканіямъ, и чувствовала на душѣ порядочную пустоту.

М-ме Гримальди замѣтила вскорѣ мое полное необразованіе. Часто случалось мнѣ заставать, какъ она говорила объ этомъ съ мужемъ. Однажды, воротившись съ репетиціи изъ Друри-Лэнскаго театра, онъ позвалъ меня я, посадивши къ себѣ на колѣни, сказалъ:

— Милая моя Алиса, пора бы отдать васъ въ школу.

— Какъ, уѣхать отсюда! — воскликнула я, обомлѣвъ вся отъ испуга, потому-что мнѣ такъ было хорошо въ этомъ радушномъ домѣ.

— Да, Алиса, нужно вамъ отправиться въ школу, или, лучше сказать, въ большой пансіонъ, далеко, далеко отсюда. Не плачьте, дитя мое; вѣдь это дѣлаютъ все для вашей же пользы. Голосъ у васъ очаровательный; но этого недостаточно: въ ваши лѣта дѣвушка должна умѣть читать и писать. Я говорилъ о васъ своимъ театральнымъ товарищамъ, и мы согласились платить за васъ пенсіонъ въ академію пѣнія, гдѣ преподаютъ также и все то, что необходимо знать женщинамъ, предназначенной жить въ обществѣ. Не плачьте же, вамъ тамъ будетъ очень хорошо; подругъ у васъ будетъ много. Да и притомъ самая земля-то Германія очень хороша. Вѣдь отецъ вашъ оттуда и даже родился тамъ.

— Такъ, покрайней мѣрѣ, нельзя-ли мнѣ будетъ приходить къ вамъ каждое воскресенье, мой добрый м-г Гримальди? — спросила я, обхвативши его шею своими руками.

Благодѣтель мой улыбнулся и объяснилъ мнѣ, что Германія находится за моремъ; вслѣдъ за этимъ, онъ описалъ мнѣ Рейнъ, старинные его замки, виноградники и, однимъ словомъ, завлекъ меня панорамой, которую, по его словамъ, предстояло мнѣ увидѣть во время путешествія.

Наступилъ часъ отъѣзда; мнѣ опять стало грустно. Дилижансъ везъ насъ изъ Финчлея, гдѣ жилъ м-г Гримальди, въ Сити Лондона. Проезжая все грязными, узкими и кривыми улицами, мы пріѣхали наконецъ къ пристани, гдѣ ждалъ насъ купеческій корабль, на которомъ навалено было пропасть товару и багажу. Благодѣтель мой, передавши меня капитану и упросивши его пещься обо мнѣ, простился со мною, со слезами на глазахъ.

Мнѣ было очень неловко и скучно на кораблѣ. Особенно же мной овладѣла тоска, когда пришлось платить дань морю. Нѣсколько дней и ночей провела я, лежа въ каютѣ, и все стонала да плакала. Наконецъ, качка корабля стала на много тише; и однажды какъ-то утромъ, проснувшись, я замѣтила, что онъ окончательно остановился; дѣло въ томъ, что мы пріѣхали въ Роттердамъ.

Поднялась страшная суматоха: принялись выгружать съ корабля товары. Я выбѣжала было на палубу; но капитанъ сказалъ мнѣ тогда довольно строгимъ голосомъ, что лучше бы я сдѣлала, если бы отправилась дожидаться его въ каюту, покажется онъ освободится отъ хлопотъ и можно ему будетъ подумать обо мнѣ.

Въ тотъ же самый день, какой-то господинъ, съ маленькимъ резстромъ въ рукѣ и съ перомъ, торчавшимъ изъ-за уха, спустился ко мнѣ въ каюту и спросилъ на коверканномъ англійскомъ языкѣ, чтѣ я тутъ дѣлаю, отчего не высаживаюсь съ корабля къ своимъ родственникамъ? На что я ему отвѣтила, что у меня нѣтъ никакихъ родственниковъ; и такъ-какъ онъ хотѣлъ знать, чтѣ я полагаю дѣлать и куда думаю отправиться, то я, вмѣсто всякаго отвѣта, указала ему на чемоданъ, бывшій съ моиими пожитками.

— Шварценфельденъ!—воскликнулъ онъ.—Чортъ возьми, вамъ еще далеко до цѣли вашего путешествія, моя милая; никто развѣ не взялся доставить васъ туда.

Я ничего этого не знала, и все, чтѣ еще могла сказать ему, такъ это то, что я была передана на попеченіе капитану. Онъ пожалъ плечами и отправился на палубу.

Наконецъ явился за мной капитанъ. По узенькой доскѣ сошли мы на набережную, усеянную множествомъ народа, матросовъ, носильщиковъ. Роттердамъ показался мнѣ очень большимъ городомъ; но болѣе всего меня удивило то, что всѣ говорили на непонятномъ мнѣ языкѣ. Я крѣпко ухватилась за руку капитана, боясь потеряться какъ-нибудь въ толпѣ. Онъ привелъ меня въ таверну, и мы отобѣдали тамъ съ нимъ за огромнымъ столомъ, который онъ все называлъ общимъ столомъ и который былъ уставленъ разными кушаньями. Чтобы дать мнѣ, какъ онъ говорилъ, отвѣдать прежде всего, чтѣ такое Германія, онъ просилъ меня поѣсть капусты, и я невольно пожалѣла объ отличной англійской кухнѣ моихъ добрыхъ Гримальди.

Послѣ обѣда, капитанъ повелъ меня въ контору дилижансовъ, гдѣ на огромномъ дворѣ суетилось все около лошадей въ упряжкѣ. Онъ далъ мнѣ билетъ, доставлявшій мнѣ мѣсто въ дилижансѣ на всю дорогу, далъ также жестяной футляръ, въ которомъ находился мой паспортъ, и наконецъ снабдилъ меня маленькимъ, но туго на-

битымъ кошелькомъ и бумажнымъ мѣшкомъ съ бисквитами. Усадивши меня вслѣдъ за тѣмъ въ уголъ дилижанса, онъ пожалъ отъ души мнѣ руку и пожелалъ счастливаго пути.

Съ этихъ поръ я почувствовала себя въ первый разъ совершенно одинокою. Вскорѣ наступила ночь. Трое еще какихъ-то путешественниковъ сидѣли вмѣстѣ со мною во внутреннихъ мѣстахъ дилижанса; но ни одинъ изъ нихъ не зналъ ни слова по-англійски. Всѣ они заснули; я тоже послѣдовала ихъ примѣру, и проснулась ужъ на другой день утромъ, чтобы позавтракать въ деревнѣ кофе-емъ и молокомъ. Вскорѣ мы опять сѣли въ дилижансъ и отправились въ путь; дорога лежала все по ровной странѣ, изрѣзанной каналами, наполненной вѣтранными мельницами и усѣянной стадами. Послѣ нѣсколькихъ дней путешествія посреди совершенно однообразныхъ видовъ, нахлынула на насъ толпа таможенныхъ чиновниковъ, потребовала отъ насъ паспорта и осмотрѣла пожитки; дѣло было въ томъ, что мы прибыли къ границамъ Германіи. Въ то время, я еще не имѣла ровно никакого понятія о географическомъ и политическомъ раздѣленіи Европы. Я не находила также тогда никакого различія между Голландцемъ и Нѣмцемъ: оба они были для меня одинаково варварами.

Переѣхавши границу Германіи, взору моему открылись виды болѣе разнообразныя; еще всего въ первый разъ, увидѣла я горы и виноградники; но я была такъ утомлена, путешествуя и день и ночь, что не обращала ужъ болѣе ни на что вниманія и ѣхала, погрузившись въ какой-то полусонъ, спя, такъ сказать, съ открытыми глазами. На пути мы проѣхали много городовъ, и прибыли наконецъ, какъ-то вечеромъ, тоже въ одинъ какой-то городъ, который былъ покрасивѣе всѣхъ прежнихъ; можетъ быть, онъ мнѣ показался такимъ отъ того, что мнѣ дали понять, что я доѣхала до мѣста своего путешествія. Этотъ городъ былъ дѣйствительно Шварценфельденъ, столица великаго герцогства того же наименованія. Онъ возвышался амфитеатромъ на покатости холма, и его бѣлые церкви и дома, перемежанные съ массами зелени, производили самый живописный эффектъ.

Меня высадили у дверей огромной отели, отдали мнѣ чемоданъ, и вслѣдъ за тѣмъ дилижансъ направился по самымъ узкимъ

улицамъ. Ко мнѣ выбѣжалъ изъ гостиницы прислужникъ; сказалъ что-то такое, изъ чего я не поняла ни слова. Тогда онъ взглянулъ на чемоданъ, гдѣ былъ написанъ адресъ, улыбнулся какъ человѣкъ, понявшій, въ чемъ дѣло, и указалъ мнѣ дорогу. Въ сѣняхъ отеля находился служитель въ ливреѣ, который словно ожидалъ ужь моего пріѣзда, потому-что, только-что я вошла, какъ онъ принялъ у меня чемоданъ и, давши мнѣ руку, повелъ меня по разнымъ закоулкамъ и такимъ образомъ привелъ къ большимъ воротамъ, у которыхъ вдѣланъ былъ молотокъ. Онъ дернулъ за него. Ворота эти, пробитыя въ длинной стѣнѣ, были тотчасъ же отворены другимъ служителемъ точно въ такой же ливреѣ, и я очутилась въ четырехъ-угольномъ дворѣ, передъ красивымъ и очень большимъ домомъ, окрашеннымъ бѣлой краской. Служитель ввелъ меня въ огромную залу, гдѣ сидѣли какая-то дама почтенныхъ лѣтъ и восемь молодыхъ дѣвушекъ и заняты были вязаньемъ. Увидѣвъ меня, дама встала, поспѣшила ко мнѣ и, взявши за обѣ руки, сказала:

— Такъ вотъ вы и пріѣхали, моя милая! Mesdemoiselles, представляю вамъ Алису Гофманъ, вашу новую подругу. Будьте какъ дома, Алиса, и старайтесь полюбить насъ такъ, какъ мы намѣрены васъ любить.

Эти слова, сказанныя на хорошемъ англійскомъ языкѣ, но съ иностраннымъ выговоромъ, доставили мнѣ величайшую радость. Съ самаго отъѣзда изъ Лондона я была, въ полномъ смыслѣ, глуха и нѣма. Добрая дама поцѣловала меня въ обѣ щеки и повела наверхъ. Мы пришли въ большую комнату, устроенную въ видѣ галлерей, гдѣ стояли въ рядъ десять уютныхъ кроватей съ занавѣсками и покрытыхъ бѣлыми, какъ снѣгъ, одѣялами. Это была спальня тѣхъ молодыхъ дѣвушекъ, которыхъ я видѣла въ залѣ; для меня была назначена самая дальняя кровать, находившаяся противъ угольного окошка. Помогши мнѣ переѣхать дорожное платье, все покрытое пылью, та дама привела меня въ столовую, гдѣ въ это время начали подавать ужинъ.

Послѣ ужина, младшая изъ пансіонерокъ начала вслухъ читать молитвы, на нѣмецкомъ языкѣ. Добрая дама дала мнѣ книгу и сказала ласково: — Вотъ вамъ, дитя мое, англійскіе псалмы,

которые вы можете читать, пока не знаете еще нѣмецкаго языка; но вы скоро ему выучитесь, я въ томъ увѣрена. — Я покраснѣла отъ стыда, задрожала, но все-таки взяла книгу. Какъ признаться въ виду всѣхъ пансіонерокъ, что я не умѣла читать? Добрая дама замѣтила мое замѣшательство, и проникательный ея взглядъ, казалось, открылъ причину, потому-что онъ попеременно устремлялся то на книгу, то на меня. — Довольно и того, моя милая, — сказала она; чтобы вы хоть мысленно соединились съ нами.

Молитва происходила стоя на колѣняхъ. По окончаніи же ея, всѣ пансіонерки поднялись и стали подходить къ той дамѣ, которая каждую изъ нихъ цѣловала въ лобъ. Послѣ того всѣ мы отправились въ дортуаръ. Одна изъ моихъ подругъ говорила нѣсколько по-англійски, и вровать ея, вѣроятно съ намѣреніемъ, — такъ-какъ я ни слова не понимала по-нѣмецки, — поставили рядомъ съ моею. Она сообщила мнѣ весьма многое: комната та была дортуаромъ старшихъ; меня поѣстили съ ними отъ того, что жаленькія, пожалуй, неравно стали бы обижать меня. Въ Академіи пѣніи воспитывалось двадцать барышень и двадцать мальчиковъ; мальчики поѣщались въ отдѣльномъ корпусѣ того же дома. Воспитанники и воспитанницы стекались сюда изъ самыхъ отдаленныхъ краевъ Германіи и даже изъ иностранныхъ земель, — такъ велика была музыкальная слава этой Академіи. Мы жили во владѣніяхъ великаго герцога Леопольда Шварценфельденскаго. Директрису, то-есть, даму, которую я видѣла, звали мадамъ Клоссъ, и проч., и проч.... Я такъ и заснула даже подъ ея говоръ.

IV.

Я не намѣрена останавливаться на этихъ годахъ воспитанія, на тѣхъ забавахъ и тяжелыхъ минутахъ пансіонерки, которыя составляютъ, такъ сказать, переходную эпоху въ жизни женщины отъ ея дѣтства къ настоящей ея жизни. Описать одну недѣлю или даже хоть одинъ день въ этомъ случаѣ все равно, что описать цѣлые года. Время уходило незамѣтно, среди все однихъ и тѣхъ же занятій, однихъ и тѣхъ же профессоровъ и даже однихъ и тѣхъ же подругъ, съ малымъ развѣ измѣненіемъ. Черезъ десять

лѣтъ я вошла въ полный цвѣтъ молодости и общала, какъ говорили, стать вскорѣ примадонной съ рѣдкимъ талантомъ.

На другой же день моего прїѣзда, нашъ учитель пѣнія, г-нъ Шнейдеръ, былъ въ большомъ восторгѣ отъ моего голоса. Хорошая же метода преподаванія и постоянныя упражненія сдѣлали изъ него оборотительное сопрано, гибкости и обширности необыкновенной. Хотя пѣніе и составляло главный предметъ занятій нашей академіи, однакожь не пренебрегали и другими отраслями образованія. Французскій языкъ, англійскій, итальянскій преподавались у насъ все знаменитыми учителями, все равно какъ и чистописаніе, ариметика, географія и исторія. Каждое воскресенье отправлялись мы все въѣсть попарно въ ближнюю церковь, гдѣ голоса наши сливались съ торжественными звуками органа, и куда приходили со всеѣхъ сторонъ слушать насъ, когда мы исполняли какой-нибудь изъ многочисленныхъ образцовъ духовной музыки. По вечерамъ, читали мы поочередно, вслухъ, Библію, проповѣди Исаака Мильнера или что-нибудь изъ *Мессіи* Клопштока. Каждую среду, насъ освобождали отъ ученія на цѣлые полдня. Мы свободно пользовались этимъ временемъ и употребляли его на небольшія прогулки по роцѣ или по берегу рѣки. По возвращеніи же домой, насъ ожидали за ужиномъ пироги и сливки.

Такова была наша академія, когда я поступила въ нее бѣдной дѣвушкой, круглой сиротой, безъ всякаго образованія, спасенная отъ нищеты добротою м-гъ Гримальди и его театральныхъ товарищей. Такой же продолжала она быть и въ то время, къ которому относится слѣдующій рассказъ. Мнѣ могло быть тогда не то семнадцать, не то восемнадцать лѣтъ. Хотя изрѣдка, но все-таки случалось иногда мнѣ получать извѣстія о моемъ добромъ другѣ и благодѣтелѣ. Онъ всегда свидѣтельствовалъ мнѣ все ту же любовь, все ту же отеческую заботливость. Письма отъ него только стали приходить все рѣже и рѣже. Онъ писалъ въ нихъ о семейныхъ горестяхъ, о тѣлесныхъ страданіяхъ, непонятныхъ для молодости, о превратности судьбы человѣка и о равнодушіи старика къ жизни. Подъ конецъ, онъ пересталъ совсѣмъ писать ко мнѣ, и я узнала какъ-то, что его нѣтъ ужъ на этомъ свѣтѣ. Много горь-

ких слезъ пролила я въ память этого человѣка. Не обязана ли я ему всёми тѣмъ, что изъ меня вышло? Такимъ образомъ рушились послѣднія связи, существовавшія между мной и моею родиной.

Изъ всѣхъ нашихъ профессоровъ въ большей славѣ былъ Штольбергъ. Говорили даже, что онъ считается одною изъ музыкальных знаменитостей всей Германіи. Онъ былъ начальникомъ капеллы великаго герцога и его вѣднію подлежалъ, сверхъ того, верховный надзоръ за академіей. Каждый мѣсяць разъ онъ бывалъ у насъ во время класса пѣнія. Его знаменитость, привязанная къ петлицѣ ленточка, черные и живые глаза, отрывистый голосъ и нетерпѣливый характеръ вселили въ насъ страхъ къ нему.

Многія изъ его сочиненій, которыя приходилось намъ исполнять, дышали теплотой и возвышенностью. Въ контрапунктѣ онъ не уступалъ знаменитѣйшимъ маэстро. Онъ получилъ первоначальное музыкальное образованіе подъ надзоромъ Бетховена, удостоился золотой медали во время бывшаго въ Стразбургѣ праздника артистовъ и вскорѣ послѣ того написалъ къ торжественному дню, по случаю празднованія великимъ герцогомъ, по прошествіи года, дня своего брака, ораторію, которая имѣла очень большой успѣхъ.

Какъ-то утромъ, я сидѣла въ классѣ вмѣстѣ съ многими своими подругами; вдругъ отворяется дверь, входитъ Штольбергъ въ сопровожденіи мадамъ Клоссъ. Положивши, по обыкновенію, шляпу на столъ, онъ вынулъ изъ кармана свернутый листъ бумаги и сказалъ намъ:—Mesdemoiselles, я пришелъ предупредить васъ, что, по случаю отъѣзда мадамъ Уденъ въ Берлинъ, мѣсто перваго сопрано остается вакантнымъ въ велико-герцогской капеллѣ. Нашему милостивому государю угодно, чтобы мѣсто это заняла кто-нибудь изъ воспитанницъ академіи. Такъ мнѣ поручено возвѣстить вамъ, что всѣ тѣ изъ васъ, которыя желаютъ, и притомъ чувствуютъ себя способными занять его, должны будутъ выступить ровно черезъ недѣлю на испытаніе, которое будетъ происходить въ концертной залѣ института. Каждой, желающей участвовать на этомъ испытаніи, предоставляется свободный выборъ нѣкоторыхъ отрывковъ изъ «Мессіи» Генделя и изъ «Сотворенія міра» Гайдна. Его высочество намѣренъ почтить личнымъ присут-

ствіемъ это испытаніе.—Вслѣдъ за тѣмъ, Штольбергъ положилъ на пропитръ мадамъ Клоссъ списокъ тѣмъ отрывкамъ, изъ которыхъ желавшія состязаться могли выбирать, что имъ заблагоразсудится; и поклонившись намъ, ушелъ такъ же проворно, какъ и вошелъ.

Нечего говорить, что за суматоху произвело это извѣстіе между воспитанницами велико-герцогской академіи, и въ особенности между обладательницами сопрано. Большая часть моихъ подругъ только и толковала, что нечего имъ тягаться со мной, потому-что на моей сторонѣ былъ превосходный органъ, отличная метода и полная любовь учителей. Это все не помѣшало имъ одинаково употребить огромныя усилія, чтобы вырвать у меня пальму первенства. Только и слышно было по всѣмъ комнатамъ, съ утра до вечера, что «Мессія» Генделя и «Сотвореніе міра» Гайдна. Я же, съ своей стороны, нисколько не утруждала себя приготовленіями, вполне убѣжденная, что отдыхъ и размышленіе могутъ принести мнѣ гораздо больше пользы въ такую минуту, которая, — я ужъ знала заранѣе, — должна быть самою рѣшительною въ моей жизни.

Недѣля прошла: насталъ день испытанія. Цѣлое утро я гуляла все одна въ тѣни огромныхъ деревьевъ, окоймляющихъ обширный садъ нашей академіи. Я была, въ полномъ смыслѣ, одна. Миръ и любовь низошли ко мнѣ въ душу; я плакала между тѣмъ, но мнѣ казалось, въ то время, что я могла бы спѣть превосходно, излиться всей душой въ голосъ, если бы не боялась только нарушить торжественную тишину, окружавшую меня. Остальное время дня я пробыла почти все въ залѣ бібліотеки.

— Посмотрите, какъ она увѣрена въ своемъ успѣхѣ, — говорили соперницы; — она даже не думаетъ и взглянуть на ноты.

Одна только изъ нихъ не такъ завидовала мнѣ. Она должна была неоспоримо стать первою послѣ меня; звали ее Ребеккой Лео. Отецъ ея былъ жидъ, и притомъ очень богатый купецъ, и слылъ за ростовщика. На нее въ академіи смотрѣли скверными глазами; противъ нея образовалось даже что-то въ родѣ лиги, въ которую я не хотѣла никогда вступить.

*

Въ шесть часовъ, мы всѣ, разодѣтыя самымъ параднымъ образомъ, собрались въ концертной залѣ. Штольбергъ сидѣлъ за фортепiano; воспитанники помѣщались на скамейкахъ, находившихся въ углубленіи залы. Мадамъ Клоссъ и профессора заняли мѣста по правую сторону платформы, а жаждущія получить титулъ перваго сопрано при велико-герцогской капеллѣ выстроились на противоположной сторонѣ. Въ четверть седьмого явился великій герцогъ съ многочисленной свитой; передъ нимъ положили списокъ именъ, и испытаніе началось. Я стояла четвертою въ томъ спискѣ; это самое обстоятельство, по настоящему, давало мнѣ время успокоиться; вышло же совсѣмъ не то: страхъ все болѣе и болѣе овладѣвалъ мною, въ глазахъ помутилось; ноты, которыя я держала въ рукѣ, казалось, прыгали передо мною, голова начинала кружиться; я хотѣла убѣжать куда-нибудь за сто льѣ, или, говоря по-просту, провалиться сквозь землю. Между тѣмъ голосъ Ребекки, шептавшей мнѣ на ухо:—Сейчасъ ваша очередь, Алиса, будьте посмѣлѣе, напомнилъ мнѣ о предстоящей рѣшительной минутѣ.

Въ то время, какъ великій герцогъ началъ особенно пристально разглядывать меня, я почувствовала, что силы совсѣмъ оставляютъ меня, и навѣрно бы упала, если бы не уперлась о фортепiano. Чья-то рука прикоснулась въ ту же минуту къ моей въ знакъ ободренія. Удивившись этому, я обернулась и увидѣла Штольберга, чорные глаза котораго смотрѣли на меня съ выраженіемъ какой-то, совсѣмъ новой для меня, симпатіи. Это значительно ободрило меня. И занимаясь какъ-будто бы отыскиваніемъ нотъ, по которымъ онъ долженъ былъ играть, онъ шепнулъ мнѣ едва слышно: — Не бойтесь, мадамозель, у васъ нѣтъ соперницы.

Эти слова, столь неожиданныя въ устахъ суроваго маэстро произвели на меня странное дѣйствіе: они унесли меня, такъ сказать, за облака. Словно вихрь подхватилъ меня и увлекъ далеко отъ земли. Штольбергъ, мадамъ Клоссъ, мои подруги, великій герцогъ съ своимъ дворомъ, концертная зала,—все исчезло. Я слышала только аккомпанементъ профессора, покрываемый голосомъ, который, казалось мнѣ, изливался вовсе не изъ моей груди, такъ же точно, какъ и пѣніе птичекъ, порхающихъ по рошѣ. Я словно

еще наслаждалась звуками ихъ пѣсень, мнѣ представлялось, что я нахожусь все еще тамъ, въ рощѣ, среди дивныхъ зрѣлищъ природы. Величественность словъ довершила этотъ упительный обманъ души моей. Она съ животрепещущей отрадой отдавалась порывамъ религиозной восторженности и витала поверхъ всего земнаго, упоиваясь дивною гармоніей, и ей доступенъ, повятевъ былъ тогда вдохновенный гимнъ: «Возвеселися, Сіоне!»

Когда я кончила и заняла свое мѣсто, сердце мое все еще билось, но ужъ не отъ страху: соперницы мои посматривали на меня, мадамъ Кюссъ плакала отъ избытка чувствъ. Первый взрывъ: bravo! раздавшійся со скамеекъ, занимаемыхъ воспитанниками академіи, на-половину только былъ подавленъ присутствіемъ герцога; но онъ самъ доставилъ случай разразиться второму взрыву, и съ большимъ неистовствомъ.

— Что, не гошусь ли я въ пророки? — сказалъ Штольбергъ, подошедши ко мнѣ, послѣ того, какъ обмѣнялся нѣсколькими словами съ великимъ герцогомъ.

— Позвольте, мадамозель Алисъ, вашу руку, я васъ представляю его высочеству. Продолжать испытаніе теперь не къ чему. Первое сопрано для велико-герцогской капеллы найдено.

V.

Какъ первое сопрано, я получила неразлучную при этомъ мѣстѣ должность втораго профессора пѣнія въ академіи; первымъ же былъ г-нъ Шнейдеръ. Я разсталась съ дортуаромъ пансіонерокъ и заняла отдѣльную квартиру, въ которой находилось фортепіано для собственныхъ моихъ занятій и для партикулярныхъ уроковъ, на которые нашъ уставъ предоставлялъ мнѣ полное право. Не прошло и двухъ недѣль, а у меня насчитывалось уже до шести ученицъ, и все изъ самыхъ знатныхъ фамилій. Очень понятно: послѣ отъѣзда мадамозель Уденъ, все ихъ благоволеніе перешло на меня.

Фортуна улыбалась мнѣ съ каждымъ днемъ все привѣтливѣе.

Великій герцогъ оказывалъ мнѣ совсѣмъ особенное расположеніе, и выставялъ себя самымъ жаркимъ поклонникомъ моего таланта. Великая герцогиня присылала часто за мной, по окончаніи божественной службы, придворную карету, и я ѣздила у нея любимыя ея мѣста изъ ораторіи Генделя и обѣдней Моцарта. Великогерцогское семейство, по всей справедливости, можно было почесть образцомъ вообще семейства; оно охотно избѣгало церемоніальности, соблюдая однакожь свое достоинство, и любило видѣть всѣхъ у себя за-просто. Часто ихъ высочества вмѣстѣ съ прочими исполняли свои партіи. Каждую субботу, по вечерамъ, я бывала при дворѣ, гдѣ составился интимный кружокъ, и мои субботнія посѣщенія привели наконецъ къ тому, что положено было за правило собираться въ тотъ день при дворѣ всѣмъ членамъ того кружка. Штольбергъ былъ въ числѣ ихъ. Музыка сблизила меня съ нимъ, и между нами образовалось что-то въ родѣ дружбы, товарищества, какъ это часто случается между артистами; но я не хочу этимъ сказать, чтобы я считала его за ровню себѣ; онъ все-таки во мнѣ внушалъ къ себѣ попрежнему глубокое уваженіе и славой своего таланта, какъ композиторъ, и рѣзкими выходками, не лишеными однакожь постояннаго благоволенія ко мнѣ, и, можетъ быть, наконецъ своими сороковыми годами. Мнѣ же врядъ ли было и восемнадцать-то лѣтъ; такъ я для него могла быть не больше, какъ взрослая только дѣвушка. При дворѣ, я особенно засматривалась на одного человѣка, или, вѣрнѣе, тотъ засматривался на меня. Баронъ Фонъ Бакхоффенъ, оберъ-штальмейстеръ герцога, считался однимъ изъ образцовъ хорошаго тона. Онъ одѣвался съ большою щеголеватостью. У него были большіе голубые глаза, бѣлокурые волосы, тонкія черты лица, дышавшія умомъ. Онъ славился какъ ловкій, любезный кавалеръ, какъ самый искусный стрѣлокъ, владѣющій притомъ отлично шпагой, наконецъ какъ самый лучшій танцоръ при дворѣ. Ыѣлъ онъ, какъ нельзя лучше, романсы, аккомпанируя себѣ на испанской гитарѣ, но талантъ его не ограничивался этимъ ничтожнымъ родомъ музыки. Великій герцогъ изъявлялъ часто желаніе, чтобы онъ спѣлъ со мной какой-нибудь дуэтъ изъ «Сотворенія міра.» Если голосъ у него не имѣлъ полной, надлежащей обширности, такъ за то въ немъ

пропасть было мягкости. Не умѣю вѣрно передать того очарованія, какое производилъ на меня его голосъ.

Однажды какъ-то, пришедши во дворецъ и передъ тѣмъ, какъ войдти въ салонъ, я остановилась въ одной изъ переднихъ комнатъ, подошла къ окну и, полускрытая оконной драпировкой, начала пересматривать привезенныя съ собой ноты. Въ эту минуту, какими-то судьбами очутился позади меня баронъ, взялъ мою руку и поднесъ къ своимъ губамъ. Хотя я и оскорбилась этой вольностью барона, но съ этихъ поръ у меня не доставало силъ изгнать образъ его изъ моей головы. Съ этихъ поръ я начала жить двойною жизнью, мнѣ, вѣрнѣе, я начала только-что жить; душа моя полна была множества невѣдомыхъ для меня наслажденій. Никогда еще цвѣты не казались мнѣ такъ красивыми, а благоуханіе ихъ не было никогда еще такъ пріятно для меня. Птички, обворожавшія меня каждое утро своимъ пѣніемъ, казалось, говорили мнѣ о многомъ, о чемъ прежде никогда и помнуну не было.

Около этого же времени, я замѣтила значительную перемену въ Штольбергѣ. Онъ сталъ со мною совсѣмъ другой. Прежнее его дружеское обращеніе со мною превратилось въ болѣе учтивое, въ болѣе отдаленное. Во взорахъ его и голосѣ замѣтно было нѣкоторое принужденіе. Я часто сама себя спрашивала, какая тому могла бы быть причина; я не знала за собой ничего такого, чѣмъ бы могла оскорбить его. Какъ-то раза два прочла я въ его глазахъ какъ будто бы сожалѣніе и замѣтила даже навернувшіяся слезы. Во что бы то ни стало, мнѣ хотѣлось непременно спросить его: «Послушайте, другъ мой, въ чемъ я провинилась передъ вами?» но его скрытность, его постоянная холодность не давали мнѣ возможности приступить къ нему съ этимъ вопросомъ.

Въ день рожденія великаго герцога назначенъ былъ балъ и концертъ при дворѣ. Я была приглашена вмѣстѣ съ многими лицами, состоявшими при капеллѣ; воспитанники и воспитанницы академіи должны были пѣть хоры. Концертная зала выходила въ паркъ и на великолѣпную мраморную террасу съ широкими ступеньками. Между прочими музыкальными произведеніями, исполнили длинную кантату, сочиненную самимъ герцогомъ и которую, по окончаніи,

покрыли самыми восторженными браво, что не помѣшало однакожь произведенію его высочества остаться, на самомъ дѣлѣ, слишкомъ незначительнымъ, сказала бы даже, довольно пошлымъ, но это могло бы, пожалуй, показаться черной неблагодарностью съ моей стороны. По окончаніи концерта, блестящее общество перешло въ бальную залу, находившуюся на другомъ концѣ дворца. Я дава вѣзмъ удалиться; и вполнѣ чувствуя себя счастливой, что осталась одна, рѣшилась насладиться нѣкоторое время благоуханной свѣжестью террасы и сада. Закутавшись въ огромную шаль, я сошла внизъ.

Ночь была превосходная. Луна обливала своимъ блѣднымъ свѣтомъ чисто усыпанныя пескомъ аллеи и позлащенную осеннюю листву; мириады звѣздъ искрились на небесномъ сводѣ; благоуханный вѣтерокъ ласкалъ и освѣжалъ меня. Весь же садъ вообще глядѣлъ какъ-то фантастически. Главныя аллеи, освѣщенные разноцвѣтными фонарями, скрывавшимися въ зелени словно плоды, представляли восхитительныя перспективы; но мои тихія грѣзы манили меня въ тѣнь; я отправилась по самымъ глухимъ дорожкамъ, слегка освѣщеннымъ луною.

— Что за очаровательная ночь! — произнесъ вдругъ хорошо знакомый мнѣ голосъ, — ночь поэзіи и любви!

Вся кровь во мнѣ подступила къ лицу и въ ту же минуту отхлынула къ сердцу.

— Я замѣтилъ, что вы скрылись, — прибавилъ онъ, — и повсюду искалъ васъ, потому-что гдѣ васъ нѣтъ, тамъ пусто для меня.

Ждали моего отвѣта. Голосъ мой могъ неравно выдать то сильное волненіе, которое происходило у меня на душѣ.

— Я прельстилась неволью, — проговорила я наконецъ съ принужденнымъ хладнокровіемъ, — чистымъ, яснымъ небомъ и свѣжестью ночи. Освѣщеніе сада производитъ превосходный эффектъ, когда глядишь на него издали. Но, послушайте однакожь, балъ начался. Вы прогуляете кадрили.

— Богъ съ нимъ, съ этимъ баломъ! Мнѣ надоѣла эта блестящая придворная жизнь. Да, въ эти еще лѣта, я отказался ужъ

отъ многихъ прекрасныхъ химеръ. Счастье! оно существуетъ для меня только въ тихой, уединенной жизни, подлѣ любимой женщины, подлѣ васъ, Алиса; но вы меня не любите?

Я все молчала. Онъ взялъ мою, дрожащую совсѣмъ, руку и продолжалъ болѣ тихимъ голосомъ:

— Вы мнѣ не отвѣчаете, Алиса. Ахъ! по крайней мѣрѣ, выслушайте меня. Въ первый и, быть можетъ, въ послѣдній разъ я нахожусь наединѣ съ вами, вдали отъ докучливыхъ свидѣтелей. Никто не надзираетъ за нами, а особливо же этотъ господинъ Штольбергъ. Онъ могъ бы быть вашимъ отцемъ, Алиса. Неужели же питаетъ онъ надежду стать нѣкогда вашимъ мужемъ?

— Что за странная мысль! — проговорила я.

— Да, очень странная. Я готовъ оспоривать васъ у цѣлаго свѣта, Алиса. Я рѣшился презрѣть все, надѣнность своихъ родителей, предрасудки свѣта, даже волю великаго герцога, которому, не смотря на его простоту обращенія, не по сердцу всегда приходится неровные браки; но вы меня не любите! — Голосъ его становился все страстнѣе и упонительнѣе. Какъ терзалась я, что не могла отвѣчать ему. — Вы все молчите, Алиса, а между тѣмъ жизнь моя зависить отъ одного вашего слова. Хотите ли вы быть моею женой?

И онъ сталъ одной колѣнкою на землю и овладѣлъ снова моими руками. Я отвернулась отъ него, боясь подпасть обязательной силѣ его взгляда, и старалась высвободить у него свои руки.

— Прощайте же, — сказалъ онъ, — прощайте навсегда. Молчаніемъ своимъ вы осудили меня на вѣчное изгнаніе. Завтра же я оставляю Германію. Отправляюсь на край свѣта искать разсѣлія, чтобъ заглушить въ себѣ страданія, такъ-какъ вамъ это угодно.

— Развѣ я знаю сама, чего мнѣ хочется?... отвѣтила я, — зачѣмъ же уѣзжать?

Я не вѣрила себѣ; мнѣ казалось, что все это не больше, какъ только пригрѣзилось мнѣ: какъ я — жена его! я, бѣдная сирота, воспитанная изъ милосердія; онъ же, — самый блестящій вельможа при дворѣ, фамиліи самой знатной, и притомъ, такая воплощенная красота! О! нѣтъ, столько счастья не можетъ быть дано мнѣ въ удѣлъ. Онъ вымолилъ у меня мой портретъ и далъ мнѣ свой, который сдѣлался для меня предметомъ истиннаго обожанія.

Никому я не повѣрила ни единого слова обо всемъ этомъ; а онъ разглашалъ повсюду, что я была его невѣстой. Во всемъ городѣ только и толку было, что объ этомъ. Алиса Гофманъ, первое сопрано при капеллѣ, выходитъ за-мужъ за барона Теодора фонъ-Бакхоффенъ, оберъ-штальмейстера его высочества, и его высочество позволилъ этотъ бракъ, съ тѣмъ только, чтобы молодые пробыли нѣсколько мѣсяцевъ за границей. Въ академіи нашей пришло все въ страшную суматоху. Мадамъ Клоссъ была вполне счастлива, потому-что питала ко мнѣ истинно материнскія чувства. Бывшія мои подруги приносили мнѣ цвѣтовъ, разные сюрпризы и даже стихотворенія. Получала я также поздравленія отъ многихъ лицъ, бывшихъ при капеллѣ и отъ профессоровъ, исключая Штольберга, который никогда не подавалъ ни малѣйшаго намека объ этомъ предстоящемъ, важномъ для меня, событіи. Казалось даже, что словно онъ ничего не знаетъ объ немъ. Мадамъ Клоссъ, не могши иначе оправдать его неучтивость, какъ только такимъ образомъ, сказала какъ-то ему вполголоса:—Вы одни только ее еще не поздравили. — Съ чѣмъ это? — спросилъ онъ сухо. — Но съ....—А! знаю, о чемъ вы хотите говорить, быстро проговорилъ онъ и повернулся къ ней спиной. Сначала, признаться сказать, я было обидѣлась этимъ холоднымъ пренебреженіемъ; но мнѣ хорошо были извѣстны странныя выходки начальника капеллы и я не могла ни минуты болѣе питать къ нему злобы.

Между тѣмъ зима подходила. Свадьба наша должна была быть весною, потому-что барону выходило тогда совершеннолѣтіе.

Этимъ временемъ, я какъ-то получила отъ Штольберга записку, написанную съ самой холодной учтивостью, въ которой онъ просилъ меня доставить ему аудіенцію на нѣсколько минутъ. Онъ дождался у дверей, и я поспѣшила ввести его къ себѣ, выразивши передъ нимъ сожалѣніе, что онъ обходится съ такой церемоніей, и съ кѣмъ же? съ своей бывшей ученицей и всегдашнимъ другомъ. Онъ пробормоталъ нѣсколько безсвязныхъ словъ, не хотѣлъ сѣсть, не смотря на то, что я подставляла ему стулъ, и подалъ мнѣ распечатанное письмо.

Въ письмѣ заключалось слѣдующее: одинъ пріятель его, сдѣлавшійся въ то время въ Вѣнѣ директоромъ оперы, напоминалъ ему, что онъ часто говорилъ ему объ удивительно хорошемъ голосѣ одной своей ученицы, ставшей въ послѣднее время первымъ сопрано при велико-герцогской капеллѣ. У него же не доставало примадонны, и потому онъ обратился къ нему, и ждалъ съ нетерпѣніемъ той пѣвицы, которой предлагалъ за сезонъ 20,000 франковъ.

При мысли, что меня считаютъ достойной замѣнить, хоть даже на время, одну изъ знаменитыхъ пѣвицъ міра, признаюсь, голова моя пошла кругомъ. Въ первый, можетъ быть, разъ я испытала упоеніе гордости, возымѣла жажду къ славѣ. Забыла я тогда и самаго барона.

— Отвѣтъ вашъ?—холодно спросилъ Штольбергъ, блѣдность котораго, какъ я замѣчала, все увеличивалась. Съ минуту онъ прошелся вдоль и поперекъ комнаты, и потомъ, остановившись передо мной, хотѣлъ еще что-то сказать.

— Отвѣтъ мой! неужели же вы не догадываетесь? Я согласна.

— Такъ позволяете ли вы мнѣ увѣдомить объ этомъ директора оперы? Рѣшаетесь ли подписать контрактъ?

На этотъ разъ, я стояла, какъ къ смерти приговоренная. Мнѣ пришло въ голову тогдашнее мое положеніе; Теодоръ, баронъ Фонъ Бакхофенъ, оберъ-штальмейстеръ его высочества, согласится ли, чтобы я была на подмосткахъ, тогда какъ первымъ условіемъ подобныхъ неровныхъ браковъ всегда бываетъ, — отказаться навѣки отъ сцены.

— Отвѣтъ вашъ?—спросилъ опять начальникъ капеллы.

— Какъ вы мнѣ посоветуете?

— Я не облеченъ этимъ правомъ, давать вамъ совѣты.

— Если такъ, то дайте мнѣ день на размышленіе.

У меня не достало духу сказать ему, что я хочу посоветоваться съ Теодоромъ; но онъ угадалъ мое намѣреніе, потому—что вдругъ воскликнулъ съ сильнымъ одушевленіемъ:

— Ради самого неба, совѣтуйтесь со всѣми, исключая одной особы, хоть, по крайней мѣрѣ, до завтрашняго утра, и окажите мнѣ напоследокъ довѣріе, котораго позволяетъ мнѣ требовать отъ васъ наша прежняя дружба. Приходите сегодня вечеромъ къ вашей лучшей пріятельницѣ Ребеккѣ. Въ которомъ часу придти за вами?

— Въ которомъ вамъ угодно, — отвѣтила я, странно пораженная этимъ неожиданнымъ порывомъ услужливости и преданности.

— Но, въ самомъ дѣлѣ, я не понимаю, съ какой стати совѣтоваться мнѣ съ Ребеккой. Гадать по картамъ что ли умѣетъ она?

Моя шутка не прояснила мрачнаго лица Штольберга.

— Я зайду за вами въ семь часовъ,—сказалъ онъ. Надѣюсь застать васъ однихъ и прошу, чтобы это осталось втайнѣ, между нами.

— Даже и отъ мадамъ Клоссъ?

— Да, отъ всѣхъ, тр, что вы сегодня отправитесь со мной къ Ребеккѣ; о письмѣ же вы можете говорить, кому вамъ угодно будетъ, исключая барона, и то только нынѣшній день.

Ровно въ семь часовъ, Штольбергъ явился опять.

— Ваша пріятельница ждетъ васъ, пріятельница искренно любящая васъ,—сказалъ онъ.

Я накинула на себя шаль и отправилась съ нимъ. Шелъ мелкій дождь на половину съ снѣгомъ, и эта скверная ночь напомнила мнѣ первое мое ночное путешествіе съ отцемъ и господиномъ Смитомъ. Какая переменна произошла съ тѣхъ поръ въ моей судьбѣ. Мы прошли много пустынныхъ улицъ. Наконецъ Штольбергъ вдругъ сказалъ мнѣ:

— Вотъ и пришли.

Мы остановились подъ маленькимъ навѣсомъ, украшеннымъ затѣйливой рѣзбой изъ дерева. Три огромныя дерева, стоявшія передъ домомъ, грустно покачивали своими вѣтвями. Въ окнахъ не видать было огня. Штольбергъ постучался тихо въ ставень; намъ отворили дверь. Какая-то женщина взяла меня за руку и повела безъ огня во внутреннія комнаты. Я все словно боялась чего-то, какъ вдругъ успокоилъ меня голосъ Ребекки, шепнувшей мнѣ на ухо:

— Какая скверная погода! какъ бы ты не простудилась. — Въ ту же минуту она открыла потаенный фонарь и прибавила:

— Какъ пришлось мнѣ принять-то тебя, добрая моя Алиса; зачѣмъ только нужно было, чтобы ты переступила порогъ моего дома при такихъ прискорбныхъ обстоятельствахъ?

— При какихъ это?—спросила я ее.

Ребекка посмотрѣла на меня съ удивленнымъ видомъ. Въ это время по всему дому раздался ударъ молотка, находившагося у паружной двери.

— Это отецъ мой,—прозвнесла она. Проворитѣй, спрячься за эти темныя занавѣски, сиди такъ, чтобы тебя не слышать было, если хочешь все узнать.

— Да что такое, Ребекка? Ты меня пугаешь. Съ какой стати мнѣ прятаться?

— Имитѣе терпѣніе, ради самаго неба, и молчите! — сказалъ мнѣ Штольбергъ. — Дѣло идетъ о вашей будущности.

По корридорѣ раздался шумъ шаговъ, и вслѣдъ за тѣмъ голосъ старика-жидка. — Денегъ да денегъ, и все только денегъ! — говоритъ онъ; такъ что жь вы меня воображаете рудниками что-ли какими золотыми? Я ужь больно на-прямки сталъ съ вами объясняться. Нѣтъ, не дамъ вамъ ни обола! Рулетка ваша опасная пучина, и я не намѣренъ бросаться въ нее съ сумасбродной надеждой вытащить васъ оттуда. Она и меня-то унесетъ вслѣдъ за вами. Родители ваши, родители ваши! Да, конечно, они самыя

благородный и самый знатный народъ, ваши родители-то; но мотовство вѣдь имъ по наслѣдству досталось, они не въ состояніи, да и не захотятъ ничего для васъ сдѣлать.

— Добрѣйшій, любезнѣйшій мой Исаакъ, — отвѣтилъ голосъ, отъ звука котораго я содрогнулась невольно, — что бы пришлось дѣлать вашей братѣ, если бы исчезли вдругъ заемщики? Вы—привидѣніе для насъ, согласенъ въ томъ, но ужь вы безъ всякой жалости всегда высасываете изъ насъ всю кровь. Однакожь сознайтесь, не пустилъ ли я васъ въ ходъ между нашей знатной молодежью?

— Словами соловья не кормятъ, — возразилъ Исаакъ. — Вотъ скажите-ка лучше, какое ручательство вы можете представить мнѣ, что заплатите все сполна.

— Я влюбленъ, вы знаете.

— Это нисколько не послужитъ для меня обезпеченіемъ. Этого-то только и не доставало; игрокъ и въ добавокъ еще влюбленъ!

— Я женюсь.

— На дѣвушкѣ, у которой нѣтъ ничего. Ахъ, она несчастная, навѣрно воображаетъ, что разбогатѣетъ страшнымъ образомъ, выйдя за васъ за-мужъ.

— Вы ее знаете?

— Какже, дочь моя была вмѣстѣ съ ней въ академіи пѣнія. Какъ слышно, она хороша собой и съ большимъ талантомъ; поетъ чудесно. Но какой же изъ этого толкъ-то будетъ? Вѣдь не голодомъ же ей наконецъ придется платить ваши долги.

— А почему жь бы и не такъ, добрѣйшій Исаакъ? Такъ неужели же вы думаете, что при моей преждевременной опытности, берутъ женщину въ жены себѣ за одни прекрасные глазки? Да врядъ ли сдѣлаете это и вы даже, любезнѣйшій мой Исаакъ, вы, человекъ вдовый и обладающій, можетъ быть, несмѣтными богатствами, зарытыми въ подвалахъ! Нѣтъ, нѣтъ, довольно ужь я глупостей надѣлалъ для бывшихъ у меня двухъ любовницъ, рыжей и черной!

— Давать займы закоренѣлому игроку! Что хорошаго? Пусть лучше герцогъ запретить рулетку, вотъ тогда увидимъ, что съ вами станется.

— Но вотъ въ томъ-то и бѣда, что она для васъ настоящая курица съ золотыми яичами, любезнѣйшій мой Исаакъ. Ну, по рукамъ: сто дукатовъ сегодня вечеромъ, и я завтра явлюсь къ вамъ съ брачнымъ контрактомъ.

— Сто дукатовъ! откуда мнѣ ихъ взять? Если угодно, приходите черезъ три дня, но съ вещами, дѣйствительно цѣнными.

— Но вѣдь я вамъ предлагаю дѣйствительно возможную и слишкомъ даже цѣнную вещь?

— Да что жъ такое вы мнѣ предлагаете и чѣмъ можете вы обезпечить уплату ста превосходныхъ, совсѣмъ новенькихъ, дукатовъ, если бы таковыя и были, въ самомъ дѣлѣ, у меня?

— Чортъ побери! голосомъ моей невѣсты, которую не замедлять съ перваго же дня нашего брака пригласить на любую оперу, въ Вѣну, въ Парижъ, въ Лондонъ.

— Такъ приходите тогда ко мнѣ, но не одни, а вмѣстѣ съ ангажементомъ.

Разговоръ продолжался все въ томъ же родѣ; но я болѣе ничего не слышала. Голова у меня пошла кругомъ, ноги онѣмѣли, и я навѣрно упала бы за-мертво, если бы только Штольбергъ и Ребекка не поддержали меня.

Все это дѣло кончилось тѣмъ, что баронъ выманилъ у Исаака нѣсколько дукатовъ подъ залогъ моего портрета.

VII.

Опять совершенно одна! Качу совершенно темною ночью по дорогѣ въ Вѣну! Дождь стучитъ въ окошки мальпоста, куда посадилъ меня Штольбергъ. Онъ тоже поѣхалъ со мной до границы великаго герцогства; но не успѣли мы обмѣняться другъ съ другомъ нѣсколькими словами, какъ ужъ онъ долженъ былъ проститься и разстаться со мною.

На другой день прїѣзда моего въ городъ явился ко мнѣ съ визитомъ въ гостиницу, въ которой я остановилась, директоръ императорской Оперы. О моемъ скоромъ прибытіи извѣстилъ его Штольбергъ. Онъ обошелся со мной какъ нельзя лучше: былъ во всемъ предупредителемъ и крайне вѣжливъ. Отъ него не ускользнулъ страдальческій мой видъ, но онъ приписалъ его дорогѣ, а вовсе не терзаніямъ сердца, о которыхъ не могъ подозрѣвать. Для моего дебюта выбрали оперу «Густавъ» и черезъ три дня должны были начаться репетиціи.

Въ рѣшительную минуту, мной овладѣла какая-то особенная восторженность, въ которой проглядывали и радость и скорбь. Предчувствіе шептало мнѣ, что я буду имѣть полный успѣхъ; мысль, что Теодоръ, разочарованный въ своей надеждѣ поддѣть на спекуляцію мой талантъ, услышитъ вскорѣ о моихъ триумфахъ, вполне утѣляла мое мщеніе. Замѣтивши, какой самоувѣренностью дышало мое лицо, директоръ сказалъ мнѣ, смѣясь: — Вы смотрите совершенно Юанной д'Аркъ, когда идетъ она на приступъ.

Первый актъ прошелъ тихо, безъ особенныхъ рукоплесканій. Пѣвецъ, исполнявшій роль Густава, былъ всегда хорошо принимаемъ публикой; но на этотъ разъ въ публикѣ было мало увлеченія, вѣроятно потому, что первый актъ не имѣлъ самъ-по-себѣ ровно никакого интереса. Послѣ довольно длиннаго антракта начался второй актъ; теперь была моя очередь явиться на сцену въ роли Амаліи, жены придворнаго Анкастрома, отыскивающей жилище колдуньи, чтобы достать у нея отворотнаго зелья, для излеченія себя отъ пагубной любви къ Густаву.

Едва я показалась на сценѣ, такъ встрѣтилъ меня страшный шумъ рукоплесканій; хотѣли ободрить дебютантку. Я выступила ближе, и раскланялась; три новые взрыва аплодисментовъ отдались громомъ въ моихъ ушахъ. Я была и оглушена, и ослѣплена, потому-что рампъ образовалъ между мной и публикой какую-то завѣсу изъ ослѣпительнаго свѣту, дальше которой я ничего не видала. Въ первый разъ выступала я на сцену театра, а театръ тотъ славился какъ одинъ изъ первыхъ лирическихъ театровъ въ мірѣ. Между тѣмъ я несколько не упала духомъ, и прежде всего

старалась войти въ характеръ своей роли. Для этого я приняла тонъ робкаго голоса, сокрушенный видъ знатной дамы, осмѣлившейся проникнуть въ мрачное жилище пнои новѣйшаго времени. Умоляю ее пособить мнѣ. На лицѣ моемъ отражается поочередно то ужасъ, то любовь, то отчаяніе. Колдунья посылаетъ меня къ ужасному мѣсту, находящемуся за городской стѣной, и посреди котораго возвышается висѣлица; она приказываетъ мнѣ нарвать тамъ какой-то чародѣйной травы. Ужасъ овладѣваетъ мной, я колеблюсь и кончаю тѣмъ, что рѣшаюсь исполнить ея приказаніе. Въ ту самую минуту, какъ я бѣгомъ покидаю сцену, на нее врывается толпа; начинается хоръ, и этимъ кончается моя роль во второмъ актѣ. Послѣ другаго, довольно короткаго, антракта, занавѣсъ поднимается. На сценѣ открывается ровная, унылая мѣстность въ окрестностяхъ Штокгольма. Ни одной лачужки! ни одного дерева! Посерединѣ сцены возвышаются два ветхіе столба, покрывшіеся уже отъ времени мохомъ, и соединенные сверху желѣзной перекладиной: это висѣлица. Медленнымъ шагомъ вхожу я на сцену и ищу въ этой зловѣщей пустынѣ растенія, которое могло бы даровать мнѣ забвеніе.— О! если бы точно существовало такое растеніе! Если бы удалось мнѣ отыскать его! — Все, что не было въ театрѣ народу, хранило мертвое молчаніе, и казалось совершенно вошло въ мое положеніе. Въ речитативѣ, которымъ начинается третій актъ и въ которомъ я молю небо подкрѣпить меня, звуки словно неволью вырываются изъ груди моей и теряются въ воздухѣ. Я приближаюсь, пнячусь, снова приближаюсь и наконецъ наклоняюсь, чтобъ сорвать роковое растеніе, находящееся подлѣ одного изъ столбовъ. Вдали бьетъ полночь. Напрасно хочу сорвать траву. Я еще люблю! О, Боже, дай силы мнѣ! Надо непременно, чтобъ я сорвала ту траву, а не то я умру. Но что жь вижу? Густавъ передо мной!

Вслѣдъ за этимъ идетъ сцена въ высшей степени драматическая, въ которой происходитъ отчаянная борьба любви, добродѣтели и обязанности. Занавѣсъ опускается, послѣ сильнаго дождя букетовъ. Рампъ ужь болѣе не ослѣпляетъ меня; я видѣла, какимъ восторгомъ сіяли всѣ лица, видѣла, какъ всѣ хлопали мнѣ на-перерывъ, даже самъ императоръ.

— Какой громадный успѣхъ, мадамъазель! — воскликнулъ директоръ, торжествуя гораздо больше меня самой.

Пьеса была поставлена съ большою роскошью, декорация были превосходныя. Никогда велико-герцогскій дворецъ не сверкалъ столькими огнями, какъ зала бала въ третьемъ актѣ. Чтò за перспектива! Какія величественныя колоннады! Какое блестящее разнообразіе костюмовъ! А эти странныя, изъ чернаго бархата, маски, которыя видѣла я всего въ первый разъ! Миѣ почти страшно становилось отъ нихъ. Неистовый галопъ — словно адъ разверзся и увлекалъ всѣхъ въ свою пучину. Все было полно наслажденія, блеску, упоенія. Я выступаю совершенно одна съ одной стороны сцены, Густавъ съ другой. Но какое-то домино остановилось позади меня у кулисы; оно произнесло мое имя, и голосъ его острымъ ножомъ прошелъ въ мое сердце. Мой выходъ замедленъ. Рампъ снова ослѣпляетъ меня; рукоплесканія, вмѣсто того, чтобы ободрить, оглушаютъ меня, голова идетъ кругомъ. Густавъ бросается ко миѣ, я лишаюсь чувствъ, и онъ едва успѣваетъ принять меня въ свои руки. Къ не малой досадѣ публики, которая приписала эту внезапную развязку волненію вслѣдствіе перваго дебюта, занавѣсъ опускается.

VIII.

Много слѣдующихъ за этимъ дней остаются въ моей жизни чистѣйшимъ пробѣломъ. Жестокая лихорадка овладѣла мной; то схватывалъ меня сильный бредъ, доходившій почти-что до бѣшенства, то впадала я въ полное безсилье. Какъ-то показалось миѣ, что я проснулась послѣ долгаго сна, и притомъ неспокойнаго, исполненнаго самыхъ дикихъ, ужасныхъ сновидѣній. Я вздумала было подняться; но силы измѣняли миѣ. Я осмотрѣлась кругомъ; подлѣ кровати моей былъ столъ, уставленный весь стеклянками и стаканами. Топившаяся печь наполняла комнату пріятнымъ тепломъ; опущенныя шторы пропускали едва слабый свѣтъ. Я поняла тогда, что была больна, и все въ одинъ мигъ воскресло въ моей памяти, и велико-герцогская капелла, и домъ жида Исаака, и опера, и сцена бала у Густава. Горячія слезы рванулись разомъ изъ груди моей и полились ручьями по щекамъ.

Вскорѣ отворилась дверь; вошла женщина на цыпочкахъ. Она была молода, и глядѣла горничною, не смотря на нарядное платье; говорила хорошо и по-французски и по-нѣмецки. — О, сударыня! вы проснулись, — сказала она. Какъ вы себя чувствуете, сударыня! Вы смотрите сегодня не много лучше.

— Да, дѣйствительно я чувствую себя лучше, — отвѣтила я ей. — Вы за мной ходите что-ли? Какъ васъ звать?

— Луизой. Благодаря Бога, вы пришли въ себя, сударыня; но вамъ, сударыня, нельзя говорить, докторъ строго запретилъ.

— Скажите мнѣ по крайней мѣрѣ, Луиза, сколько дней ужъ я лежу такъ?

— Десять тяжкихъ дней вынесли вы, сударыня; вотъ сегодня пошелъ одиннадцатый; но вы теперь внѣ опасности. Докторъ это такъ сказалъ, только наказывалъ, чтобъ вы не тревожили себя разговоромъ. — И Луиза приложила палецъ къ губамъ. Нечего дѣлать, надо было слушаться доктора. Положивши мнѣ два компресса къ вискамъ, разсудительная дѣвушка сѣла подлѣ моей кровати и принялась вязать. Я впала вскорѣ въ усыпленіе, изъ котораго вывело меня прибытіе доктора. Это былъ еще молодой человекъ, съ умнымъ и пріятнымъ лицомъ. Онъ увѣрилъ меня, что я была внѣ опасности; но совѣтовалъ мнѣ не терять благоразумія и спокойствія духа, на сколько только возможно, — добавилъ онъ.

— Вотъ слышали, что онъ говорилъ, — сказала Луиза, какъ скоро докторъ вышелъ, — вамъ, сударыня, не слѣдуетъ ни о чемъ думать; а чтобъ васъ успокоить совѣмъ, я расскажу въ трехъ словахъ, что было послѣ вашего дебюта въ оперѣ. Никогда не было видано подобнаго успѣха, какъ вдругъ, сударыня вы моя, испугавшись Бога знаетъ чего, вскрикнули вы и тутъ же за-мертво упали. Васъ отвезли въ гостиницу; тотчасъ же открылась у васъ сильѣйшая лихорадка. Съ вами были, сударыня, страшные припадки бреда. Всѣ отчаявались за вашу жизнь, исключая вашего друга.

— Какого друга, Луиза, какого друга?

— Другъ вашъ, сударыня, что приходилъ четыре раза въ день освѣдомляться о вашемъ здоровьи. Бѣдный онъ! все время, какъ вы были, сударыня моя, въ опасности, онъ старался выказывать въ себѣ твердость, какъ это слѣдуетъ всякому мужчинѣ; а какъ узналъ сегодня утромъ, что вы совсѣмъ миновали опасность, такъ у него и полились отъ радости—то слезы.

Я совсѣмъ обомлѣла отъ удивленія. Онъ, стало быть, былъ человекъ не совсѣмъ безчувственный; онъ могъ плакать. Онъ раскаивался, должно быть; онъ любитъ еще меня!

— Еще кое-что слѣдуетъ мнѣ сообщить вамъ, сударыня, — заговорила снова Луиза. Когда всѣ уже отчаявались за ваше выздоровленіе, этотъ господинъ такъ сильно и настойчиво упрашивалъ меня впустить его къ вамъ въ комнату, чтобъ взглянуть въ послѣдній разъ, какъ выражался онъ, на это ангельское лицо, что наконецъ мнѣ стало жаль его; япустила. Онъ сталъ тогда подлѣ вашей кровати на колѣни и жарко цѣловалъ вашу ручку, сударыня. Ахъ, Боже мой! Вы плачете, а докторъ строго наказалъ мнѣ удалять отъ васъ все, что только можетъ потревожить васъ, и не впускать къ вамъ никого!

— Отъ этихъ слезъ мнѣ не будетъ хуже, моя добрая Луиза.— И я говорила правду, потому-что слезы тѣ текли у меня отъ тихой теплоты чувства. Такъ я поспѣшила, стало быть, приговоромъ надъ Теодоромъ! Онъ былъ молодъ, вѣтренъ, можетъ быть, но вѣдь прежде, до знакомства со мною; любовь могла сдѣлать изъ него совсѣмъ другаго человека. Сколько бывало подобныхъ превращеній! Да что жь такое послѣ всего разговоръ его съ жидомъ? Вѣдь не больше какъ комическая сцена. Какъ новый донъ Жуанъ, онъ выказался въ ней чертѣ обыкновеннаго. Исторгнуть его изъ ада — было бы лучшимъ, самымъ святымъ подвигомъ, на какой только можетъ обречь себя женщина.

Луиза, добросовѣстно выполняя свою должность, не переставала все время присматривать за мной, и какъ скоро увидѣла, что я хочу говорить, то приложила палецъ ко рту, въ знакъ того, чтобъ я молчала.

Наконецъ я заснула тихо, незамѣтно, среди самыхъ пріятныхъ грѣзъ; между прочими букетами, оставленными для меня зрителями въ ложѣ зрителя, я получала каждый день букетъ фіалокъ, запахъ которыхъ манилъ меня за городъ. Съ какимъ наслажденіемъ поселилась бы я въ какой-нибудь хижинѣ, среди полей и лѣсовъ, зажила бы себѣ, хоть и въ бѣдности, но за то съ миромъ въ душѣ. Но нѣтъ, я не откажусь отъ театра; я выплачу его долги, составлю ему состояніе и приобрѣту право на вѣчную его признательность. Что жъ онъ медлитъ и не является ко мнѣ требовать забвенія прошедшему?

Какъ-то утромъ, Луиза сказала мнѣ, смѣясь: другой еще какой-то господинъ приходилъ сегодня, сударыня, справляться о нашемъ здоровьи. Онъ также, должно быть, принимаетъ въ васъ большое участіе.

— Вы его видѣли, Луиза?

— Нѣтъ, но Огюсть, швейцаръ здѣшной гостинницы, видѣлъ его, и если вамъ, сударыня, угодно, то я справлюсь насчетъ его примѣтъ.

— Нѣтъ, не нужно. Хотѣлъ ли онъ, по крайней мѣрѣ, зайти, въ другой разъ.

— Да, они хотѣли завтра же зайти.

— Это былъ навѣрно директоръ оперы. Въ какое положеніе я его поставила совсѣмъ неумышленно. Если онъ придетъ ко мнѣ, то я его приму, чтобы доказать, по крайней мѣрѣ, что я расположена къ нему какъ нельзя лучше. Въ скоромъ времени, конечно, я совсѣмъ оправлюсь и въ состояніи буду исполнить свой ангажементъ.

Эта надежда не покидала меня; но когда я передала это доктору, то онъ улыбнулся и покачалъ головой. По его мнѣнію, мнѣ слѣдовало какъ можно больше и дольше беречь себя, въ особенности же, голосъ свой, который былъ, по его словамъ, истинное сокровище, но сокровище столь же хрупкое, какъ и кристалъ. Нѣкоторое, и долгое, можетъ быть, время мнѣ нечего было и помышлять о театрѣ.

Предостереженія доктора ни мало не испугали меня, такъ что я положила себѣ засѣсть въ тотъ же день за фортепiano.

— Красивый господинъ, что былъ вчера, пришелъ опять, — сказала мнѣ Луиза.

— Какъ, красивый господинъ!

— Да, я ихъ сейчасъ видѣла, они ждутся внизу и просятъ, чтобы допустили ихъ къ вамъ. Что за красавецъ-то!

— А тотъ, что приходилъ каждый день и стоялъ на келѣняхъ подлѣ моей кровати, также молодежь что-ли и хороша собой, Луиза?

— Охъ, сударыня, тотъ былъ не совсѣмъ ужъ молодой человѣкъ. Съ тѣхъ поръ, какъ онъ узналъ, что вы внѣ опасности, то сталъ ходить, вы знаете, все рѣже и рѣже.

Какое жесткое разочарованіе! Такъ это, стало быть, не Теодоръ оказывалъ къ ней столько вниманія. Подмостки для нашей будущей жизни, которыя я ужъ надстроила надъ его раскаяніемъ, разомъ рухнули на землю; но, можетъ быть, не онъ ли все-таки былъ этимъ господиномъ, что явился такъ поздно и котораго Луиза назвала красавцемъ.

— Позовите его, — сказала я Луизѣ.

И дѣйствительно то былъ онъ. Взявши мои руки, онъ покрылъ ихъ поцѣлуями, объяснилъ мнѣ, что онъ оставилъ все, лишь бы только быть со мной, отказался даже отъ всѣхъ почестей, сопряженныхъ съ чиномъ оберъ-штальмейстера, и навлекъ на себя немилость великаго герцога. — Что жъ такое, мнѣ это все равно, прибавилъ онъ, если я найду только себѣ милость въ вашихъ глазахъ!

— Я только что освободилась отъ долгаго сна, — сказала я ему. Во время жестокихъ моихъ страданій и бреда, приходилъ безпрестанно какой-то человѣкъ справляться о моемъ здоровьи и, казалось, готовъ былъ, какъ говорятъ, по крайней мѣрѣ, служителя здѣшной гостинницы, пожертвовать своей жизнью, чтобы только спасти меня отъ смерти. Такъ не вы ли это приходили, баронъ?

Теодоръ началъ кусать себѣ губы, былъ, казалось, сильно озабоченъ насчетъ того таинственнаго человѣка и даже повидимому сильно досадовалъ на него. Потомъ, разразившись вдругъ неистовымъ хохотомъ, который показался мнѣ совсѣмъ неумѣстнымъ, онъ воскликнулъ: А! разгадалъ все. Это навѣрно освѣдомлялся о васъ директоръ оперы, потому что везащная ваша болѣзнь изчертила вдоль и поперегъ все его планы, подвела его репертуаръ и псушила источникъ рассчитанныхъ, огромныхъ доходовъ. Позвольте мнѣ поздравить васъ съ безпримѣрнымъ успѣхомъ вашего перваго дебюта. Въ Вѣнѣ только и говорятъ теперь, что объ васъ. Опера съ нетерпѣніемъ ожидаетъ вашего выздоровленія.

— Напрасно ждетъ она меня,—отвѣтила я тономъ едва сдерживаемой досады, потому что его слова сорвали повязку, которой безумная любовь такъ долго прикрывала мнѣ глаза. Ясно было, какъ день, что баронъ занятъ былъ больше пѣвицей, чѣмъ женщиной.—Я умерла, баронъ, навсегда умерла для театра; я потеряла голосъ!

Онъ повидимому спокойно выслушалъ то, что было для него громовымъ ударомъ, разрушившимъ въ прахъ его замыслы; или, можетъ быть, думалъ онъ, что я хочу испытать искренность его пламенной любви ко мнѣ. Пришлось однакожь сказать горькую правду: я дѣйствительно потеряла голосъ. Когда, послѣ ухода доктора, я сѣла за фортепіано и вздумала было пѣть,—ни одной ноты не вылетѣло изъ груди моей! Инструментъ разбился!

Напрасно баронъ старался скрыть свое отчаяніе, когда увидѣлъ, что я говорила серьезнымъ образомъ.

— И, сказать по правдѣ, какое мнѣ дѣло до этого? — сказалъ онъ.—Вашъ голосъ могъ плѣнить меня, такъ же, какъ плѣнилъ публику; но я васъ, собственно васъ самихъ люблю. Если я и отправлюсь въ Шварценфельденъ, такъ единственно для того, чтобъ привести въ порядокъ мои дѣла и примириться съ великимъ герцогомъ. Я намѣренъ испросить себѣ порученіе къ какому-нибудь иностранному двору и сдѣлать изъ васъ жену посланника. Если вы не можете больше пѣть свою роль, такъ ничто не мѣшаетъ вамъ разыгрывать ее теперь.

— Прошу васъ, баронъ, избавьте меня отъ вашего сарказма, а главное не говорите мнѣ ни о роли, ни о театрѣ. Вы забудете обо мнѣ и такъ, безъ чародѣйной травы Густава.

— Позвольте мнѣ быть у васъ завтра,—сказалъ онъ,—я все тотъ же, и надѣюсь, что и вы здѣсь тѣ же, какими были тамъ.

— Это сушая невозможность, — возразила я ему, — пѣвица потеряла голосъ, а молодая дѣвушка стала старой женщиной, старой, по крайней мѣрѣ, по опытности и разочарованію въ своихъ мечтахъ.

Добавлять ли, что красивый господинъ, какъ звала его Луиза, не пришелъ на другой день? Откровенно говоря, я его и не ждала. Я, напротивъ, дала приказаніе принять добраго господина, въ случаѣ, если онъ явится. Но онъ не являлся болѣе. Въ скоромъ же времени я получила отъ Штольберга письмо, въ которомъ онъ писалъ, что уѣхалъ изъ Вѣны тотчасъ же, какъ удостовѣрился, что я нахожусь внѣ опасности. Въ случаѣ же, если здоровье мое заставить меня отказаться отъ театра, то онъ просилъ меня не забыть старыхъ своихъ шварценфельденскихъ друзей.

Изцѣлившись отъ роковой любви, я легко отказалась отъ знаменитости. Бракъ по разсудку и изъ признательности долженъ былъ въ непродолжительномъ времени сдѣлать жену капельмейстера въ сто разъ счастливѣе, чѣмъ она была бы, если бы случилось ей стать женою знатнаго вельможи, рѣшившагося въ свою очередь стать мужемъ пѣвицы единственно для уплаты своихъ игорныхъ долговъ.

(Chamber's Repository).

Печатать позволяется. Москва. Мая 13 дня, 1855 г.

Цензоръ *И. Безсомыкинъ.*

Въ типографіи *Л. Степановой.*

МОСКВИТЯНИНЪ.

1855.

№ 7.

АПРѢЛЬ.

Кн. 1.

ИЗСЛѢДОВАНІЯ О БАЛТІЙСКИХЪ СЛАВЯНАХЪ.

LVI.

Основаніе общественнаго порядка у Балтійскихъ Славянъ: система дробленія земли на волости (жулы); ихъ связь съ городами. Дробленіе Стодорской земли (Бранденбургія) въ X в. Дробленіе земли Бодрицкой.

Мы изучили въ главныхъ чертахъ, на сколько позволяли указанія современныхъ памятниковъ, составъ гражданскаго общества у Балтійскихъ Славянъ. Мы нашли въ основаніи его начала того быта, который является въ исторіи преддверіемъ жизни народной и государственной, гдѣ семейныя общины, деревни, уже соединены въ общества, въ племена, и каждое такое общество уже имѣетъ своего князя, но гдѣ еще не создано и не осуществилось внутреннее единство народа и государства. Въ самомъ началѣ своего историческаго развитія другіе Славянскіе народы, болѣе или менѣе скоро, прожили это переходное состояніе: Славяне Балтійскіе въ немъ остались.

Также и весь внѣшній порядокъ общества, все общественное управленіе у Балтійскихъ Славянъ сохранилось въ томъ видѣ, въ какомъ мы находимъ его въ древнѣйшую эпоху Славянской жизни,

предшествовавшую образованію государствъ: мелкіе союзы деревень, волости (или *жуны*, какъ онѣ назывались у Западныхъ Славянъ, *верви*, какъ онѣ назывались на Руси⁽³⁹⁸⁾), которыя, подчиняясь князю, какъ общему главѣ племени, составляли однако каждая отдѣльное общество, имѣвшее средоточіемъ укрѣпленное мѣсто или «городъ», — вотъ въ чемъ заключался общественный порядокъ, и на чемъ основывалось общественное управленіе у Славянъ на ступени племеннаго быта, и такимъ мы видимъ его у Славянъ Балтійскихъ во все продолженіе ихъ исторіи.

Всѣ древніе памятники представляютъ намъ Славянское поморье раздробленнымъ на множество мелкихъ частей. Каждое племя здѣсь подраздѣлялось на волости (*provinciae, pagi, terrae*), т. е. на *жуны* (³⁹⁹): такъ, безъ сомнѣнія, называли ихъ Балтійскіе Славяне, подобно Полякамъ, Чехамъ, Моравцамъ, Словакамъ, Хорватамъ, Сербамъ и др.⁽⁴⁰⁰⁾. Въ лѣтописяхъ IX вѣка часто упоминается о многочисленныхъ князьяхъ и начальникахъ у Бодричей и Велетовъ: весьма вѣроятно, что въ этомъ числѣ были не одни

(398) Считаю себя въ правѣ повторить объясненіе слова *жуна*, предложенное нами въ другомъ мѣстѣ («Письма объ Исторіи Сербовъ и Болгаръ», II, въ 79 N Московскихъ Ведомостей 1854 года): *жуна* по нашему мнѣнію значить собственно *связь, союзъ*, и находится въ родствѣ съ Словацкимъ *жуль* (связка соломы) и съ Санскритскимъ корнемъ *grih* (связывать, соединять). Что же касается до древняго Русскаго слова *вервь*, то мы приводимъ остроумную догадку С. П. Микуцкаго, который отождествляетъ его съ Санскритскимъ словомъ *urvi* (земля), также какъ Нѣмецкое *gowe, gau* (волость) происходитъ очевидно отъ одного начала съ Санскритскимъ *gṛ* земля.

(399) Helm. II, 19. De omni natione Slavogum (онъ говоритъ о Славянахъ Балтійскихъ), quæ dividitur in provincias et principatus. Очевидно, что здѣсь *principatus*, «княжества», охватываетъ племена, которыя дѣйствительно имѣли каждое своего князя (за исключеніемъ только Лютичей) и составляли самостоятельныя политическія тѣла, а *provinciae*, «волости», относится къ *жунамъ*, подраздѣленіямъ племенъ, не имѣвшимъ полной политической независимости, что и выражается въ этомъ латинскомъ словѣ.

(400) Славянскаго слова *жуна* не приводятъ у Балтійскихъ Славянъ дошедшіе до насъ источники, но его существованіе несомнѣнно утверждается производимымъ *жунамъ* — которое сохранила намъ одна Поморская грамота (около 1189 г., Cod. Pomer. N 64).

князя въ собственномъ смыслѣ, т. е. вожди отдѣльныхъ племенъ, но также и *жупаны*, подвластные князьямъ начальники волостей. То же самое можно сказать и о 30 «князьяхъ» Стодорской земли, которые, по словамъ летописца, были въ одинъ день избиты на пиру у Нѣмецкаго марграфа Герона.

Ясно свидѣлствуютъ о дробленіи Стодорской земли на волости грамоты короля Оттона I-го 946 и 949 годовъ. Завоевавъ эту страну (нынѣшнюю Бранденбургію), Нѣмецкій король, въ 946 г., учреждаетъ въ ней епископство Гавельбергское, и опредѣляетъ область его епархіи ⁽⁴⁰¹⁾: «Мы даемъ ему, пишетъ Оттонъ, половину крѣпости и города Гавельберга и половину всѣхъ деревень, къ нему принадлежащихъ,—а крѣпость и городъ тотъ находится въ области (*provincia*, т. е. *жуплѣ*) Нелѣтчи ⁽⁴⁰²⁾. Даемъ ему также въ этой же волости городъ Nizem (Низовъ?) со всѣми его доходами ⁽⁴⁰³⁾. Въ области Земчичи двѣ деревни въ Маленской землѣ (?Malinga), Бани и Дрогавицы ⁽⁴⁰⁴⁾;..... въ области Лѣвичи крѣпость Мариенборгъ (Кобылицу) ⁽⁴⁰⁵⁾ съ семи прилегающими деревнями: Прецѣпины (Pricipini), Розмокъ (Rozmoc), Котины (Cotini), Вершкраницы (Virskroiz), Некурины (Niescurini), Мелкуны (Milcuni), Малицы (Malizi), Рабуны (Rabbuni), Прецѣпины (Pricipini), Podesal, Людины (Ludinj) ⁽⁴⁰⁶⁾; въ области Моричи весь городъ Плотъ

(401) Cod. Pomer. N 6.

(402) Medietatem castri et civitatis Havelberg, et medietatem omnium villarum illuc attinentium, et castrum et civitas sita est in provincia Nielétizi.

(403) Nizem civitatem cum omnibus utilitatibus suis. Въ другихъ памятникахъ встрѣчается форма Nizowe, теперь деревня Nitzow близъ устья Гаволы: въ формѣ Nizem вѣрно описка.

(404) Malinga, гдѣ теперь Mellingen, у Эльбы. Въмѣсто *Бани* и *Дрогавицы* въ грамотѣ написано *Buni*, *Orogaviz*: нынѣшнія названія, Bähne и Drogentz, указываютъ на подлинныя Славянскія формы.

(405) In provincia Liezizi Marienborch castrum cum his adjacentibus villis. Сравн. «de Burcardo Kobelitz, que et Marienburgk dicitur» (Raumer, Regesta, N. 1273); теперь Kabelitz.

(406) Изъ этихъ деревень остались только Вершкраницы (Vieritz), Мелкуны (Melkow) и Малицы (Mahlitz). См. Leutsch, Gero 178 и Raumer, Historische Charten und Stammtafeln, стр. 11.

съ принадлежностью (407); въ области Дошаре городъ Высоку со всею принадлежностью, городъ Похлустины (Pochlustim вмѣсто Pochlustini) со всею принадлежностью (408). Кроме того мы назначили для вышесказанной епархіи десятину слѣдующихъ областей, состоящихъ каждая въ своихъ предѣлахъ (decimas istarum provinciarum infra suos limites consistentium): Земчичи, Лѣшичи, Нелѣтичи, Дошаре, Глинская волость, Моричи» (409).

Потомъ, въ 949 г., учреждаетъ Оттонъ (410) епископство Бранденбургское, «въ землѣ Славянъ, въ волости (rago, т. е. жупѣ) Гаволянъ, въ городъ Брендунбургъ», даетъ ему «половину всего сѣвернаго острова, на коемъ этотъ городъ построенъ, и половину всѣхъ деревень, къ нему принадлежащихъ, да сверхъ того два цѣлыхъ города со всѣми ихъ принадлежностями, именно Pricervi и Езеры (Ezeri)» (411), и кроме областей (provin-

(407) In provincia Chorize (такъ, по ошибкѣ, вм. Morize, какъ написано въ другомъ мѣстѣ, въ той же грамотѣ) Plot civitatem totam cum burcwardo.—Burgwardus, «burgwardium» у Дюканжа: castellania, burgi territorum, ager;—*villa et munitio*, scilicet quæ burgis adjacet unde et ipsi oppido et agro circumjacenti nomen postea attributum.—Волость Моричи лежала у большаго Морницкаго озера (Müritz-See) на западъ, сѣверъ и сѣверовостокъ (см. статью Липа (Lisch): «das Land Turne» въ Jahrbücher des Vereins für meklenburgische Geschichte und Alterthumskunde, II, 86—107); но положеніе города Плото въ точности теперь неизвѣстно.

(408) Высока—городъ Wittstock на Дошѣ (Dosse), Похлустини (въ другихъ памятн. читаемъ также Potlustin)—Puttlitz на Степницѣ: послѣдній городъ причисляется иногда къ области Глинской (см. Wedekind, Noten zu einigen Geschichtschreibern des deutschen Mittelalters, 6, 164).

(409) Zemzici, Liezizi, Nielitizi, Desseri, Linagga (это Нѣмецкая форма, съ приставкою слова *ga*, т. е. *gō*, Gau, волость), Murgizzi (о другихъ областяхъ, въ слѣдъ за симъ исчисляемыхъ и принадлежавшихъ къ Лютичамъ, будетъ сказано ниже).—Въ этомъ перечнѣ Оттовъ идетъ съ юга, начиная отъ р. Струмны, теперь Stremme (впадаетъ въ р. Havel), отдѣлявшей жупу Морачанъ отъ Земчичей: Земчичи и Лѣшичи занимали уголь между Струмой, Гаволой и Лабой, Нелѣтичи жили у впаденія Гаволы въ Лаву, Глинские и Дошаре простиралась отъ нихъ на сѣверъ, первые ближе къ Лавѣ, вторые по р. Дошѣ (Dosse), Моричи находились на сѣверъ отъ Дошанъ, около Морницкаго озера.

(410) Cod. Pomer. N 7.

(411) Pricervi теперь городъ Pritzerbe на Гаволѣ, а Езеры (въ грамотѣ Оттона вмѣсто *Ezeri* по ошибкѣ *Ezeri*) потомъ встрѣчается обыкновенно подъ назва-

cias) Дошаръ и Земчичей, взятыхъ у Гавельбергскаго епископа, подчиняетъ ему еще слѣдующія области въ землѣ Стодорской, о которыхъ прежде не было упомянуто : Морачане,.... Плони, Спревяне, Гаволяне.... (413): «со всѣхъ сихъ областей передаемъ мы десятину (Бранденбургской) церкви за исключеніемъ нижепоименованныхъ городовъ : Бодричи, Гонтимиры, Пѣхово, Мокряницы, Бургъ, Грабово, Чертово, и деревень, къ симъ городамъ по праву принадлежащихъ (414), кои даны нами монастырю Свв. Маврикія и Иннокентія въ Магдебургѣ.»

Двѣ грамоты, изъ которыхъ представлены выписки, показываютъ, въ какомъ видѣ Нѣмецкое завоеваніе застало Стодорскую землю: она дробилась на мелкія части, имѣвшія однако каждая своя опредѣленныя, твердыя границы (*provinciarum infra suos limites consistentium*, пишетъ Оттонъ). Нѣкоторыя изъ нихъ составляли, безъ сомнѣнія, отдѣльныя племена и княжества (какъ-то Гаволяне или Стодоряне въ собственномъ смыслѣ, Дошане, Глиняне), другія были простыя жулы: такъ, на примѣръ, въ областяхъ Плонской (414) и Спревлянской всегда столь явно обличается второстепенное значеніе ихъ подлѣ области Стодорской, что мы не можемъ не признать ихъ простыми жулами Стодорянъ, под-

виемъ *Ferchesar* (т. е. Верхезерье), теперь деревня *Ferchesar* близъ *Pritzberge*.

(413) *Moraciani*, *Ciervisti* (т. е. Сербичи, около г. *Zerbst*, волость Лабскихъ Сербовъ), *Ploni*, *Zprijawani*, *Nevelduci*: дальнѣйшія области принадлежатъ къ землѣ Лютницкой.—Морачане занимали край между Лабой и Гаволой отъ р. Струмы (*Stremme*) до Нути, впадающей въ Лабу, Плоняне — югозападный уголъ вытѣшенной Бранденбургской марки, на югъ отъ Гаволы (Белцигскій и Ютербогскій округа), Спревяне—край у нижней Спревы (*Spree*), Гаволяне—край на сѣверъ отъ средней Гаволы.

(413) *Excerpta civitatum subtus nominatarum: Bidrizi, Guntmiri, Pechovi, Moscrianici, Burg, Grabo, Ciertuvi et villarum ad has civitates iure pertinentium*. Города эти лежали въ области Морачанъ : *Bidrizi* (т. е. по-Славянски собственно Бѣдричи) теперь дер. *Biederitz*, *Guntmiri*—г. *Gommern*, *Pechovi*—дер. *Pechow*, *Moscrianici*—г. *Möckern*, *Burg* (вѣроятно по-Славянски Градь или Градецъ)—г. *Burg, Grabo*—дер. *Grabau, Ciertuvi* (сравн. *Czartowo*, въ Польшѣ)—е. *Schartau*.

(414) Эта область впоследствии дѣлилась обыкновенно на двѣ, на собств. Плоню и на землю Ютробожскую (*terra, provincia Juterbok*).

властными ихъ племенному князю, пребывавшему въ Сгорѣльцѣ (Браденбургѣ); такъ и Морачанъ Титмаръ называетъ не племенемъ, не народомъ, а только волостью (*pagus*) (415), т. е. *жупою*; наконецъ Нелѣтичи, Лѣшичи и Земчици занимали такіе маленькіе клочки земли въ углу между Лабою и низовьемъ Гаволы, что очевидно были не что иное, какъ *жупы* одного племени. Гельмольдъ называетъ Славянъ, обитавшихъ въ Гавельбергѣ, Брежанами (416), между тѣмъ какъ грамота Оттона I не упоминаетъ о Брежанахъ, а пишетъ, напротивъ, что «крѣпость и городъ Гавельбергъ лежитъ въ области Нелѣтичей.» Нельзя ли поэтому предполагать, что Брежане есть именно то общее племенное названіе, которое носили эти четыре мелкія жупы на берегу Лабы, Нелѣтичи, Лѣшичи, Земчици и Морачане?

Кромѣ свидѣтельствъ о дробленіи земли Стодорской, въ грамотахъ Оттона важны еще показанія о значеніи, какое имѣли въ ней города. Мы видѣли, сколько было городовъ уже въ X в. у Славянъ Стодорскихъ, и какъ около каждаго такого укрѣпленія или города соединялось извѣстное число деревень, составлявшихъ какъ бы его принадлежность и поддерживавшихъ его, какъ свое общее средоточіе (это именно выражаетъ и Нѣмецкое слово *burgward*, употребленное Оттономъ: оно встрѣчается въ средневѣковыхъ памятникахъ почти исключительно тамъ, гдѣ дѣло идетъ о земляхъ Славянскихъ (417); ибо дѣйствительно, понятіе города, какъ средоточія извѣстнаго круга деревень, которыя строили и поддерживали его, принадлежало преимущественно быту Славянскому). Замѣчательно еще неравное распредѣленіе «городовъ» въ землѣ Стодорской. Города служили Славянамъ для обороны отъ непріятеля, и на нихъ опира-

(415) Thietm. VI, 24. *pagum Morezini..... juxta Magadaburch.*

(416) Helm. I, 37.

(417) См. Словарь Дюканжа: всѣ представляемые имъ примѣры употребленія слова *burgward* въ приведенныхъ выше (вывоска 407) значеніяхъ относятся къ землямъ Славянскимъ; въ западныхъ странахъ смыслъ этого слова былъ другой: оно означало самое укрѣпленіе, которымъ охранялся городъ, какъ видно изъ Французскаго *boulevard*, которое произошло отъ средневѣковаго *burgward*.

лась вся ихъ военная система: понятно, почему племена и жупы, отдаленныя отъ Германіи, довольствовались однимъ или двумя городами, часто на огромномъ пространствѣ, а въ краяхъ при Лавѣ настроено было множество городовъ другъ подѣ друга, напримѣръ Гавельбергъ, Низовъ и еще третій городъ Прѣслава, о которой грамота Оттона не упоминаетъ (418), при устьѣ Гаволы, тамъ гдѣ теперь остался только одинъ городъ Гавельбергъ. Особенно опасно было положеніе жупы Морачанской, насупротивъ Магдебурга, главнаго военнаго средоточія Германіи на Лавѣ, и въ одномъ эгомъ уголкѣ Морачанъ Нѣмецкій король дарилъ Магдебургской церкви семь покоренныхъ Славянскихъ городовъ. Трудно сказать, составляли ли здѣсь каждый городъ съ примыкавшими деревнями отдѣльное цѣлое, и дробилась ли такимъ образомъ жупа Морачанская на семь маленькихъ жупъ, или напротивъ, одинъ изъ городовъ былъ общественнымъ средоточіемъ всей жупы, а другіе служили только военными пристанищами для окрестнаго народонаселенія въ случаѣ нападенія враговъ. И то и другое предположеніе возможно. Приведенныя нами слова грамоты 946 г. о городахъ Гавельбергъ и Низовъ въ жупѣ Нелѣтичей какъ бы указываютъ на нѣкоторую зависимость послѣдняго отъ перваго, и подобныя отношенія могли быть и у Морачанъ; а съ другой стороны мы найдемъ у Балтійскихъ Славянъ много случаевъ, гдѣ жупа подраздѣлялась на нѣсколько мелкихъ частей, которыя сами получали уже значеніе особыхъ жупъ.

Положительныя свѣдѣнія о жупахъ земли Бодрицкой, сѣверо-западнаго края Балтійскаго поморья, относятся только къ XII вѣку; но въ историческомъ повѣствованіи о событіяхъ X-го в. Гельмольдъ намекаетъ на нихъ весьма замѣчательнымъ образомъ. При временномъ тогда водвореніи Христіанства у Бодричей,

(418) Annal. Saxo, у Раумера, (Regesta, N° 550): non procul a castro, quod Prizlava dicitur, quod situm est in littore Albis fluminis in ostio, ubi ipse recepit Habolam fluvium. Раумеръ (Historische Charten 5): «Prizlava.... ein wüstes Schloss am Sulrgraben, Werben gegenüber, grade wo die Havel in die Elbe fällt.»

зашелъ однажды толкъ между княземъ и епископомъ о церковныхъ доходахъ, и князь, не желая, чтобы Бодричи платили епископу десятину, сдѣлалъ ему, такъ рассказываетъ Гельмольдъ ⁽⁴¹⁹⁾, другаго рода предложеніе: «къ твоему имуществу прибавляю я, сказалъ онъ, *въ каждомъ изъ городовъ земли Бодрицкой, деревни, какія ты самъ выберешь* (adicio possessioni tuæ in singulis urbibus, quæ sunt in terra Obotritorum, villas, quas ipse elegeris).» Что это значитъ, «въ городахъ земли Бодрицкой—деревни?» Городъ въ бытѣ Балтійскихъ Славянъ являлся необходимою принадлежностью *жуны*, въ немъ она осуществлялась: ибо въ немъ только народонаселеніе, разбѣянное по деревнямъ, находило ту общественную связь, которая составляла *жупу*; для Балтійскихъ Славянъ, въ городѣ какъ бы подразумевалась *жупа*, безъ которой городъ, не имѣвшій у нихъ почти никогда собственныхъ средствъ и постоянныхъ жителей, не могъ существовать, также какъ *жупа* безъ города, и вотъ почему князь Бодрицкій говорилъ епископу, чтобы онъ выбралъ *въ городахъ земли его деревни*, какія захочетъ. Слова эти, такъ странно звучащія у Гельмольда, живьемъ схвачены, можно сказать, въ бытѣ Балтійскихъ Славянъ; они-то свидѣтельствуютъ о дробленіи Бодрицкой земли на *жуны* въ X вѣкѣ.

Сколько было тогда этихъ волостей у Бодричей и какія онѣ были, неизвѣстно. Есть только у Гельмольда одно мѣсто, которое какъ будто указываетъ на то, что въ X в. западный край Бодричей, прилегавшій къ Ваграмъ и Полабцамъ, состоялъ изъ трехъ *жуны*, съ городами Деричевомъ, Мотицей и Куциномъ ⁽⁴²⁰⁾. Но это указаніе такъ неопредѣлительно, что нельзя

(419) Helm. I, 13.

(420) Helm. I, 18. prædia, quæ fuerunt in remotiori Slavia, quæ olim ad Aldenburgense episcopium pertinuisse antiquitas commemorat, ut est Derithsewe, Motize, Cuzin, cum attentitiis suis; дальнѣйшія слова Гельмольда указываютъ на то, что эти «*prædia cum attentitiis*» были не какія-нибудь отдѣльныя имѣнія, а цѣлыя *жуны*, подвластныя Старогардскому епископству, но не принадлежавшія ему какъ собственность: interrogati principes Slavorum de possessionibus ad jus episcopi pertinentibus, recognoverunt, *memoratas urbes cum suburbiis earum, ecclesiæ et pontifici (Aldenburgensi) debere pertinere.*

на немъ основываться, а съ тѣхъ поръ западный край Бодричской земли былъ безпрестанно разоряемъ въ войнахъ съ Нѣмцами, и уже въ XII в. не оставалось въ немъ слѣда прежняго устройства ⁽⁴²¹⁾. Также мы не имѣемъ свѣдѣній о томъ, были ли и какія были *жуны* у маленькаго племени Полабцевъ; о Ваграхъ сохранилось болѣе извѣстій: въ XII в. Гельмольдъ изображаетъ Вагровъ раздѣленными на шестъ *жуль*: Лютикенбургскую и Старогардскую по сѣверному берегу Вагрской земли, Сусельскую на восточномъ берегу, Плуонскую и Даргунскую по западной границѣ, Утинскую внутри земли ⁽⁴²²⁾; это дѣленіе такъ укоренилось, что послѣ покоренія Вагрской страны, Нѣмцы на первыхъ порахъ придерживались его въ распоряженіяхъ своихъ, хотя оно, по устарѣлости, едва ли могло быть удобно. Дѣйствительно, распределение *жуль*, сколько видно, не мѣнялось съ постройкою новыхъ военныхъ и торговыхъ го-

Замѣчательное здѣсь выраженіе *suburbia*, употребленное Гельмольдомъ въ смыслѣ цѣлаго края, принадлежавшаго къ городу: это опять указываетъ на связь городовъ съ землею у Балтійскихъ Славянъ. Разумется, все это мѣсто Гельмольда такъ темно и сбивчиво, и собственные его свѣдѣнія объ этомъ «древцѣмъ» времени, очевидно, такъ неопредѣленны, что положительнаго вывода сдѣлать нельзя. Изъ поминovanýchъ городовъ, *Деричево* лежало на восточной сторонѣ Травненскаго лимана и часто упоминается въ Любекскихъ грамотахъ (*Dartsowe, Dartchowe* и т. п., теперь *Dassow*), *Мотица* намъ неизвѣстна, а *Куцимъ* теперь *Kützin*, деревня въ югозападномъ, Виттенбургскомъ округѣ Мекленбургъ-Шверина.

(421) При учрежденіи, послѣ Нѣмецкаго завоеванія, Ратцебургскаго епископства, западный край Бодричей, который приписанъ былъ къ этой епархіи, дѣлился на двѣ главныя области (*provinciæ*), Годибожскую (Годибожъ? *Godebuz*, теперь *Gadebusch*) на сѣверъ и Виттенбургскую на югъ (см. грамоту Генриха Льва, 1154 г., въ *Westphalen, Monumenta inedita*, II, 2003); но неизвѣстно, было ли это дѣленіе старинное Славянское, или вновь введенное Нѣмцами. Упоминаются также, какъ подраздѣленія этихъ областей, другія меньшія, напр. область Деричевская и область Брежанъ на сѣверъ, у моря, и это, кажется, остатки древнихъ Славянскихъ *жуль*.

(422) Helm. I, 57. *Dargunensem pagum,.... Utinensem.... Susle,... Plunensis.... Aldenburg.... et Lutilenburg et cæteras terras mari contiguas*. I, 63. *pagum qui Dargune dicitur*. I, 64. *pagum Susle*. I, 83. *in pago qui dicitur Susle* (Сравн. также I, 56. *terram Plunensem, Luthilenburgensem, Aldenburgensem*).

родовъ , съ уадакомъ старыхъ : двѣ изъ Вагрскихъ жупъ имѣли центрами мѣста совершенно ничтожныя, старую крѣпостцу *Сусле* ⁽⁴²³⁾ и *Даргунь* , о которомъ вовсе нѣтъ упоминенія въ исторіи ⁽⁴²⁴⁾; между тѣмъ какъ важный для войны и въ торговлѣ приморскій городъ *Любница*, возникшій въ началѣ XII вѣка, не былъ принятъ за средоточіе жупы, также какъ Буково, крѣпость, которую въ концѣ XI-го вѣка Славяне построили на превосходномъ мѣстѣ, при сліяніи Травны и Вокницы, куда Нѣмцы перенесли потомъ поселеніе Любницы или Любека. Ясно, что система жупъ была стародавняя, освященная временемъ и не зависѣла просто отъ административныхъ выгодъ.

Въ теченіе многовѣковой борьбы съ Германією, Бодричи мало по малу выходили изъ старинной разрозненности племеннаго быта и приближались къ политическому единству: такъ часто проходили враги землю ихъ вдоль и поперекъ и опустошали въ ней цѣлыя области, что по неволѣ сглаживались въ ней старыя разграниченія, и народъ привыкалъ къ общей оборонѣ, а въ то же время старинный Славянскій бытъ ослаблялся вліяніемъ Нѣмецкихъ учрежденій. Не разъ племена, прежде самостоятельный, собственные Бодричи (или Рароги), Вагры, Полабцы, Глиняне, Варны, подчинялись одному князю⁽⁴²⁵⁾, и соединеніе собственныхъ Бодричей съ Варнами въ одно политическое цѣлое совершенно укоренилось, кажется, еще въ XI вѣкѣ. Но это единство Бодрицкой земли не было, можно сказать, плодомъ внутренняго развитія и сознанія въ народѣ, а скорѣе дѣломъ случая, внѣшней необходимости. Система дробленія ослабла, но не была уничтожена, не замѣнилась народнымъ единствомъ. До послѣднихъ временъ своего существованія, до конца XII вѣка, Вагры, По-

(423) *Munitiuncula*. Helm. I, 64.

(424) Положеніе Даргуни и Даргуньской жупы на западномъ краю Вагрской земли, на югъ отъ Плуиской жупы, около нын. Зегеберга, опредѣляется грамотою Императора Конрада III, 1139 г. (*Urkundenbuch der Stadt Lübeck*. N 1): *in gente Slavorum, in pago Dargune iuxta montem, qui antiquitus Alberch, set a modernis Sigeberch nuncupatus est.*

(425) Сравни. Helm. II, 5. *Omnis igitur terra Obotritorum et finitimæ regiones, quæ pertinent ad regnum Obotritorum.*

лабцы, Глиняне, собственные Бодричи и Варны еще не утратили совершенно своей особенности, и сохранялось старое устройство *жупъ* не только у Вагровъ, гдѣ народная стихія не переставала господствовать, но и у собственныхъ Бодричей и Варновъ, у которыхъ такъ сильна была княжеская власть.

Въ это время мы находимъ собственныхъ Бодричей отгнанными за черту отъ Весмірскаго (Висмарскаго) залива къ Звѣринскому озеру и далѣе на югъ къ предѣламъ Глинянъ. По этой чертѣ, идя съ сѣвера къ югу, мы встрѣчаемъ рѣзко опредѣленныя жупы *Мекленбургскую*, *Звѣринскую* и *Пархимскую*; за ними лежали, на восточной сторонѣ Висмарскаго залива, ж. *Кутинская* или *Куцинская* (городъ Кутинъ, — *Kutin* или *Kuszin*, — теперь *Neukloster*) и *Иловская*, (*Илово*, теперь урочище близъ Нейбурга), на восточной сторонѣ Звѣринскаго озера, ж. *Добинская* (*Добино*, теперь пустое городище на островкѣ близъ деревни *Hohen-Vicheln*), а далѣе, къ югосточку, жупы Варнскаго племени: *Ворленская* (*Ворле* ⁽⁴²⁶⁾), теперь развалины замка *Werle*, близъ г. Швана на р. Варновѣ), опять *Кутинская* или *Куцинская* (*Кутинъ*, теперь *Quetzin* у Плавскаго оз.) и *Малаховская* (*Малахово*, теперь. *Malchow*, на в. отъ этого озера ⁽⁴²⁷⁾).

(426) Имя это, которое въ древнихъ памятникахъ пишется различно (*Wurle*, *Worle*, *Werle*), есть Славянское слово *орле* (средній родъ прилагат. притяжат. *орлій*), какъ бы *орлее* (т. е. мѣсто или село): въ нарѣчій Балтійскихъ Славянъ *о* почти всегда приставлялось къ слову, начинающемуся съ гласной. Но въ одномъ древнемъ Латинскомъ синодикѣ (*Necrolog. S. Michaëlis*) мы читаемъ еще чистую форму *Orle*: «*ob. (т. е. obiit) domina Methildis de Slavia, que dedit III partes in decima in Orle*» (см. *Wedekind, Noten, II. 398*). Другое *Ворле* (*Werla*, *Werle*) лежало на западномъ берегу Лабы, въ Шладенскомъ округѣ (въ нын. Ганноверѣ), въ краѣ, населенномъ Славянами.

(427) На такое дѣленіе указываютъ свидѣтельства Гельмольда и грамоты объ основаніи Звѣринскаго епископства: *Helm. I, 87. Post hæc intravit dux Henricus terram Slavorum in manu valida.... Et videns Niclotus (князь Бодричій) virtutem ducis, succendit omnia castra sua, videlicet Ilowe, Mikilinburg, Zverin et Dobin, unum solum castrum sibi retinuit Wurle, situm juxta flumen Warnou, prope terram Kicine Post hæc (т. е. смерти Неклота и покоренія Бодричей земли) redierunt filii Nicloti in gratiam ducis, et dedit eis dux Wurle et omnem terram. Porro terram Obotritorum divisit militibus suis possi-*

LVII.

Значеніе жупъ у Болричей, Лютичей и Поморявъ.

Система дробленія на жупы была, можно сказать, несовѣства ни съ большимъ единствомъ, ни съ чрезмѣрнымъ раздѣвленіемъ; неразрывно связанная съ племеннымъ бытомъ, она требовала непремѣнно присутствія обоихъ коренныхъ началъ этого быта, князя въ его старомъ значеніи, какъ такого лица, которое связывало племя въ одно цѣлое, но не приносило еще съ собою единства государственнаго, и общины, которая распоряжалась самостоятельно мѣстными дѣлами земли. Съ перевѣсомъ одной стороны надъ другою, устройство жупъ приходило въ упадокъ: если усиливалась верховная власть, то она уничтожала самостоятельность и особность жупъ, если превозмогала община, то съ упадкомъ княжеской власти разрушалась связь между жупами, и съ прекращеніемъ этой власти, каждая жупа становилась отдѣльнымъ политическимъ тѣломъ, превращалась въ независимое племя: ибо жупы у Балтійскихъ Славянъ, надобно повторить, связывались въ одно племя не идеею внутренняго единства, а признаніемъ общей княжеской власти.

dendam; et collocavit in castro Cuscin Ludolfum de Brunswick; apud Melicou..... Ludolfum de Paina; Zuerin et Ilinburg (т. е. Илово) Guncelino commendavit. Porro Mikilburg dedit Henrico de Scaten, qui etiam de Flandria adduxit multitudinem populorum, et collocavit eos Mikilburg et in omnibus terminis ejus. Сравни также II, 14. Pribizlavus ædificavit urbes Mekenburg, Ilowe et Rozstock (Ростокъ вмѣсто стараго города Кичанъ, Кичанъ) et collocavit in terminis eorum Slavorum populos; Teutonicos, qui habitabant Zuerin et in terminis ejus.—Грам. 1170 г. (Mekl. Urk. III, N 1): Termini autem eius (Звѣрянскаго епископства) sunt hii: castrum Magnopolense, Zwerin, Cutiu, Parchim quoque, Cutin et Malechowe. При опредѣленіи мѣстоположенія исчисленныхъ городовъ и жупъ мы руководствовались подробными и тщательными изысканіями Ланша, напечатанными въ «Jahrbücher des Vereins für meklenburgische Geschichte und Alterthumskunde» («die Burg Dobin und die Döpre» въ т. V, также о немъ VII, «über die wendische Fürstenburg Werle» въ т. VI, «die Burg Ilow» въ т. VII, «das Land Kutsin oder Kutin» въ т. X, «die Burg Kutsin oder Quetzin» XVII 23—29).

Дробленіе на жупы могло удержаться у Бодричей конечно потому только, что княжеская власть у нихъ никогда не получала настоящаго государственнаго значенія; но эта власть стала гораздо сильнѣе, чѣмъ въ древнемъ племенномъ бытѣ, и съ тѣмъ вмѣстѣ жупы Бодричкія утратили свою внутреннюю самостоятельность: въ собственно исторической дѣятельности Бодричей дробленія почти не замѣтно, князь во всякой жупѣ распоряжался полновластнымъ господивомъ.

Большаго еще внутренняго единства, чѣмъ Бодричи, достигли Раны, вслѣдствіе религіознаго развитія: у нихъ воцарилась самая сильная теократическая власть, и подчинила себѣ всѣ общественныя стихіи; система дробленія исчезла передъ нею, и жупъ на Ранѣ не было вовсе. Извѣстный изслѣдователь Рюгенскихъ древностей, Фабриціусъ, встрѣчая въ историческихъ извѣстіяхъ о Ранѣ выраженія *terra, provincia* ⁽⁴⁹⁸⁾ и замѣчая, что природный видъ этого острова, разорваннаго на нѣсколько частей длинными, извилистыми заливами, какъ бы самъ собою вызывалъ къ образованію отдѣльныхъ областей, удивляется, что при всемъ томъ древнія свидѣтельства не придаютъ этимъ «землямъ» и «провинціямъ» Раны никакого общественнаго значенія, и употребляютъ ихъ только въ смыслѣ географическихъ опредѣленій, между тѣмъ какъ на противоположномъ Ранѣ берегу материка ясно выказывается дробленіе на волости, хотя здѣсь природныя условія ему, по видимому, менѣе благопріятствовали; Фабриціусъ увѣренъ, что и на Ранѣ были такія же волости, и что лишь по незнанію Ранскихъ учрежденій древніе писатели не упоминаютъ объ нихъ. Но дѣло ясное: на Ранѣ точно не было жупъ ⁽⁴⁹⁹⁾ и не могло быть при томъ крѣпкомъ единствѣ,

(498) Fabricius, Urkunden etc. I, 88.—*Arkon provincia, Sax.* 800, *provincia Asmoda* (теперь Jasmund) 803, *Ziudra* 800 (теперь Zadar), *Walungia* 764 (теперь Valung) и др.

(499) Такъ и въ концѣ XII в., когда власть Раны распространилась и надъ ближайшими краями материка, въ грамотахъ, гдѣ исчисляются владѣнія Ранскихъ князей, сама Рана является всегда одною жупою, между тѣмъ какъ область ея на материкѣ раздроблена на множество жупъ: *Cod. Pomer. N 71, 1193 г.: Insuper vero de quolibet aratro contulimus modium frumenti, in hiis*

при той крѣпкой жреческой власти, которая тамъ господствовали, и Рана можетъ служить доказательствомъ, что не столько требованія мѣстности, сколько условія народной жизни вызывали или устраняли между Балтійскими Славянами дробленіе на *жупы*.

Совсѣмъ другое явленіе представляетъ земля Лютицкая. На Ранѣ единство власти отстранило начало дробленія, у Лютичей исключительное господство общины усилило его такъ, что исчезла всякая связь между *жупами* и *жупы* получили значеніе самостоятельныхъ земель. Неоднократно старинные памятники изображаютъ Лютичей однимъ народомъ; какъ одинъ народъ дѣйствуютъ Лютичи въ исторіи; а въ то же время непреложныя свидѣтельства указываютъ на то, что одни собственные Лютичи, не говоря о примыкавшихъ къ нимъ вѣтвяхъ, составляли четыре особыхъ племени или народа (*quatuor populi*, у Адама Бременскаго и Гельмольда ⁽⁴³⁰⁾), и что эти четыре «народа», Кичане, Черезпѣяне, Доленчане и Ратаре, дѣйствительно имѣли полную политическую самобытность и независимость ⁽⁴³¹⁾. Но какіе это были народы? Представимъ себѣ длинную, наклоненную отъ сѣверозапада къ юговостоку, полосу отъ Балтійскаго моря до предѣловъ нынѣшняго Мекленбургъ-Стрелицкаго владѣнія, съ боковъ ограниченную параллельными чертами, на западѣ чертою отъ низовьевъ Варновы къ Мюрицкому озеру и къ истокамъ Гаволы, на востокъ отъ нижней Рѣчицы (Recknitz) ⁽⁴³²⁾ къ Доленцеу (Tollénse) и далѣе, мимо Доленецкаго озера, къ озерамъ и болотамъ, составляющимъ сѣверный предѣлъ бассейна Гаволы, — и мы получимъ пространство, въ которомъ они помѣщались, всѣ четыре рядомъ, въ видѣ маленькихъ

scilicet provinciis: in Roia, Ostruzna, Buccaa, Muschisza, Goszcowa, Sitne, Tribuses, Barth, Wasilba (объ этихъ жупахъ см. ниже, выноску 448).

(430) Ad. II, 18. III, 21. Helm. I, 2. 21.

(431) Смотри въ особенности рассказъ Адама и Гельмольда: Ad. III, 21 и Helm. I, 21

(432) Въ описаніи общихъ границъ племенъ Славянскихъ на Балтійскомъ поморьѣ (§ 1) вкралась ошибка, которую просимъ читателя исправить: восточную границу Бодричей составляла не Рѣкеница или Рѣчица, а нижняя Варнова.

четвероугольникъ. Верхній четвероугольникъ, между моремъ и изгибистымъ течениемъ Рвницы, составлялъ землю Кичанъ, второй четвероугольникъ, отъ Рвницы до верхняго теченія Пны, принадлежалъ Черезпвнянамъ (433), третій, отъ Пны до теченія Доленицы и Доленицкаго озера — Доленчанамъ, четвертый, нижній, между Доленицей и верховьями Гаволы, занятъ былъ Ратарями (434). Такимъ образомъ, на долю каждаго изъ четырехъ «народовъ» Лютицкихъ приходился клочекъ земли чуть ли не меньше любаго изъ нашихъ уѣздовъ; и у трехъ изъ этихъ народовъ, у Кичанъ, у Доленчанъ и у Ратарей, было по одному городу, какъ достоверно показываютъ древніе памятники: у Кичанъ — *Кицинь* или *Кицыня* (теперь деревня *Kessin* близъ Роштока) (435), у Доленчанъ *Востровъ* (теперь

(433) Замѣчательно это названіе *Черезпвняне* (*Zerezerani, Zerezerani, Zcigizrani, Zicirani, CIRCIRANI, CIRCIREN* и т. п.), данное племеню, обитающему на северозападѣ отъ Пны: стало быть, у Славянъ Балтійскихъ, не смотря на то, что большая половина ихъ обитала на западъ отъ Пны, все же восточный край представлялся народному сознанию какъ бы исходною точкою: въ этомъ Балтійскіе Славяне не измѣнили коренному Славянскому воззрѣнію.

(434) На такое разграниченіе ясно указываютъ многочисленныя грамоты конца XII вѣка, въ которыхъ исчисляются деревни церковныя и монастырскія въ разныхъ краяхъ новообращеннаго Поморья. Подробную разработку этихъ матеріаловъ предлагаютъ статьи Лиша въ «Jahrbücher» Мекленбургскаго Историческаго Общества («das Kloster Broda», въ томъ III, «über die Länder Bisdede und Tribedne», XIII, «das Land Kutin oder Kutsin», XIII.).

(435) Гельмольдъ (I, 48) называетъ этотъ городъ просто *urbem Kycinorum*; Annal. Saxo (у Пертна VIII, 756) подъ 1121 г. говоритъ о взятіи Лютицкаго города *Kizun*, «famosior et opulentior ceteris.» Замѣчательно это частое повтореніе въ северозападномъ краѣ Славянскаго поморья одного и того же имени въ разныхъ звуковыхъ видоизмѣненіяхъ: 1) Куцинь, теперь *Kützin* въ Виттенбургскомъ округѣ (*Cuzin*, у Гельмольда); 2) Кутинъ или Куцинь, теперь *Neukloster*, на вост. отъ Висмара (*Kutin* въ грамотѣ 1170 г., Cod. Pomer. N 28: castrum Magnopolense (т. е. Мекленбургъ), *Zwerin, Kutin, Kyssin*; *Kuszin* въ грамотѣ 1210 г. объ основаніи монастыря *Sonnenkamp* или *Neukloster* (Lisch, Mehl. Urk. II, N 1): villa *Kuszin*, ubi locus idem fundatus est, qui nunc Campus Solis vocatur); 3) Кутинъ или Куцинь, теперь *Quetzin*, близъ г. Плау (*Kutin*, въ той же грамотѣ 1170 г.: Parchim quoque, *Kutin* et Malechow; — *Cutsin* въ грам. 1210 г.: in terra *Cutsin* villa quæ dicitur Techu-

дер. *Wustrow* у Толлензскаго озера) ⁽⁴³⁶⁾, у Ратарей *Раднгоуцъ* (близъ деревни *Prillwitz*, древней Прилбицы) ⁽⁴³⁷⁾. Ясно, что такіе «народы» были не что иное, какъ прежнія *жупы* одного племени, между которыми исчезла общая связь, когда не стало у нихъ княжеской власти. То же самое, конечно, можно сказать и о Черезпѣянахъ: правда, у нихъ, по словамъ одного любопытнаго свидѣтельства, было «три города съ принадлежащими къ нимъ землями, которыя отдѣлены и разграничены были между собою, и почитались особыми областями» ⁽⁴³⁸⁾; но такое дробленіе нѣсколько не противорѣчило характеру *жупы*: мы видѣли жупу Морачанъ подраздѣленною между семью городами, и подобные случаи должны были повторяться всякій разъ, когда нѣсколько деревень, не довольствуясь общимъ «городомъ», общимъ убѣжищемъ и средоточіемъ всей жупы, хотѣли имѣть свое бли-

tin; въ грам. 1235 г.: in provincia *Cuscyn* Techentyn (*Techentyn*, теперь деревня близъ г. Гольдберга, на с. в. отъ Пархима); наковецъ, 4) Кицинь, теперь *Kessin* близъ Роштока, въ землѣ Лютицкихъ Кичанъ (*Kizil*, см. выше, *Kicine*, у Гельмольда, I, 87: Wurle, situm iuxta flumen Warnou, prope tertiam Kicine; *Kyssin* въ грамотѣ 1170 г., *Kizin* въ грам. 1181 г. (Cod. Pomer. N 49: villas in Kizin, que pertinere solebant ad Werle); *Kiszin* въ грам. 1210 г.: ecclesia quoque Kiszin et villa Rokentin). Вся эти имена, очевидно, одного начала: древнѣйшая форма, вѣроятно, — *Кутинъ* или *Кутино*, отъ древняго, чрезвычайно распространеннаго корня *кут* покрывать (*кутать*): отсюда, по закону Славянской фонетики, могло образоваться *Куцинь*, *Кучинъ*, *Кушинъ*, потомъ *Кытинъ* или *Кыцинъ*, наковецъ *Кицинь*, *Кишинъ*. Названіе это весьма обыкновенно и въ Польскихъ земляхъ; мы находимъ *Куцины* въ Лещицкомъ повѣтѣ, *Кучины* въ Ложженскомъ, *Кушны* въ Калишскомъ, *Кичмы* близъ Познани.

(436) Cod. Pomer. N 30, грам. 1170 г.: *Wüstrowe castrum cum villa*. См. статью Липа (*Jahrbücher* III): «das Kloster Broda und das Land der Rhedariere».

(437) См. ту же грамоту и ту же статью. Замѣчательно, что грамота 1170, въ подробномъ перечнѣ мѣстностей въ землѣ Доленчанъ и Ратарей, не приводитъ у Ратарей ни одного города: Раднгоуцъ уже не существовалъ, а другаго города Ратарей, какъ видно, не имѣли.

(438) *Annales (Fasti) Corbejenses*, у Пертуа, V, 8, подъ 1114 г.: *Heinricum Stadensem, qui contraxerat Scyreipensium Sclavorum 300 equites, id est centum de unaquaque urbe sua. Nam tres urbes cum suis territorii tantum possident, quæ disterminantes per singula provinciolas esse referunt.*

жайше: средоточіе и убіжище, и строили себѣ новый городъ: такъ было, очевидно, и съ Черезпѣянами. Ихъ старинный городъ Даргунь⁽⁴³⁹⁾ лежалъ въ юговосточномъ углу ихъ земли: могли быть нужны города и въ другихъ краяхъ, слишкомъ отдаленныхъ отъ Даргуни, и образовалось два новыхъ центра въ землѣ Черезпѣянской⁽⁴⁴⁰⁾, но она не утратила чрезъ то ни своей цѣльности, ни того характера простой *жупы* Лютицкаго племени, который оставался за нею постоянно также какъ за другими подраздѣленіями Лютичей, не смотря на ихъ внѣшнее обособленіе и самостоятельность. Таково было значеніе четырехъ народовъ Лютицкихъ. Ихъ особенность зависѣла чисто отъ того, въ какой мѣрѣ сильна была у нихъ община: подчиняясь одному изъ сосѣднихъ князей, Бодрицкому или Поморскому, они тотчасъ входили въ рядъ другихъ *жупъ* Славянскаго поморья. Такъ прежній народъ Кичанъ въ XII вѣкѣ сталъ простою *жупою*, подвластною Бодрицкому князю, Доленчане, Ратаре и Черезпѣяне съ ихъ тремя вѣтвями перешли въ *жупы* княжества Поморскаго.

(439) Cod. Pomor. N 35, 1173 г.: veteri castro de Dargon.

(440) Въ сѣверномъ углу Черезпѣянской страны лежалъ городъ Любечинецъ (Lubekinsa, теперь деревня Lühchin), о которомъ упоминаетъ Саксонъ (982); вѣроятно, Даргунь и Любечинецъ принадлежали именно къ числу трехъ городовъ Черезпѣянскихъ, о которыхъ сказано въ Корбейской лѣтописи; какой былъ третій городъ, трудно рѣшить: можетъ быть, Востровъ, теперь Güstrow. Въ древнихъ грамотахъ часто говорится о земляхъ *Bisdede* и *Tribeden* или *Tribedne*, какъ о подраздѣленіяхъ Черезпѣянъ; о послѣдней упоминаетъ и Квинтинга сага (129) подъ именемъ *Atripiden* и *Tribiden* (или, по ложному чтенію, *Tripipen*). Лишь (Jahrbücher, XII, 24—36) показали, что земля *Bisdede* составляла западный край Черезпѣянъ, позднѣйшую землю Гюстровскую, *Tribedne*—восточный, или лучше сказать, сѣверовосточный край, позднѣйшую землю Гюенскую; деревни, принадлежавшія къ Даргуню (см. Cod. Pomor. 35 и 110), не причислялись ни къ тому, ни къ другому изъ этихъ отдѣловъ и составляли особое цѣлое. Не слѣдуетъ ли по этому предположить, что три волости Черезпѣянъ, о которыхъ мы привели свидѣтельство Корбейской лѣтописи, были именно земли *Bisdede*, *Tribedne* и Даргуньская. Но какія Славянскія названія лежали въ основаніи исконныхъ словъ *Bisdede* и *Tribedne*? едва ли можно рѣшить.

Кромѣ описаннаго пространства, къ Лютичамъ принадлежалъ еще, на югозападъ отъ Доленчанъ и Ратарей, край Моричавъ ⁽⁴⁴²⁾, на востокъ отъ Ратарей край Укрянъ съ Ръчанами ⁽⁴¹⁵⁾; подобно собственнымъ Лютичамъ, мы находимъ ихъ въ исторіи то самостоятельными, какъ отдѣльные народы ⁽⁴⁴⁴⁾, то низведенными на степенъ жупъ ⁽⁴⁴⁵⁾. Первоначально, кажется, они составляли особыя племена ⁽⁴⁴⁶⁾, и потомъ уже примкнули къ четыремъ вѣтвямъ Лютичей, судьбу которыхъ должны были раздѣлить. Наконецъ, къ Лютичамъ принадлежалъ еще уголь между Доленицей и нижнимъ теченіемъ Пѣны съ Дыминою, Плотомъ, Междурѣчьемъ и Грозвиномъ

(442) Моричаве занимали, какъ видно изъ самаго имени, края у большаго озера Морьца (Müritz); по измсканіямъ Липа (Jarbücher, II, 86—107), имъ принадлежалъ именно западный, сѣверный и сѣверо-восточной берегъ его.

(443) Ръчане и Укряне жили по теченію рѣки Укры, первые у низовьевъ ея, вторые по среднему ея теченію: городъ Ръчанъ былъ Поздволкъ (Pasewalk), городъ Укрянъ Премислава (Prenzlau); впрочемъ, имя Укрянъ относилось часто къ обѣимъ вѣтвямъ Славянъ при Укрѣ: такъ жизнеописатели Оттона Бамбергскаго разсказываютъ о племенѣ Verani (читай Усгани, т. е. Усгани), къ которымъ вѣдли изъ Щетина моремъ, очевидно, разумя подъ этимъ именемъ не только собственныхъ Укринъ, отдаленныхъ отъ моря, но и Ръчанъ; такъ и Поморскія грамоты иногда отдѣляютъ край или жупу Укрянскую отъ Ръчанской или Поздволкской, иногда же распространяютъ наименованіе первой на послѣднюю (напр. Cod. Pomer. N 106: villain... Sarnotino, in provincia Pozdewolk; N 107: in provincia Vcere villam Sarnotino).

(444) См. Andr. 172. Erat etiam illic barbarorum natio, quæ Moriz vocabatur... 193. Erant autem trans mare barbari crudelitate et sævitia singulares, qui Verani (т. е. Verani) dicebantur. Hi... crebris legationibus mandaverant, quod si unquam (Оттонь) terras eorum intrare præsumeret, sine mora cum omnibus suis morti acerbissimæ se tradendum sciret.

(445) См. Cod. Pomer. 26, 1168 года и множ. др. грамоты.

(446) Грамоты Оттона I приводятъ, подлѣ племенъ и жупъ Стодорскихъ, также и нѣкоторыя изъ вѣтвей Лютичскихъ, равно какъ Моричавъ, Укрянъ и Ръчанъ, въ числѣ Славянскихъ областей, приписанныхъ къ Гавельбергской и Бранденбургской епархіямъ: 946 г. (Cod. Pomer. N. 6) decimas istarum provinciarum infra suos limites consistentium: ... Desseri, Linagga, Murizzi, Tholenz, (Доленчавъ), Ploth, Mizerez, Brotwin (описка вмѣсто Groswin: Плотъ, Междурѣчье, Грозвино, см. ниже), Wanzlo (Ванцлавская жупа, см. ниже), Wostze (описка вмѣсто *Wostroze*, какъ видно изъ повторительной грамоты 1150 г.,

(447), а на другой сторонѣ рѣки Пѣны, вся страна, ограниченная течениемъ Рѣчницы и Балтійскимъ моремъ, гдѣ были слѣдующіе города съ примыкавшими къ нимъ жупами: на берегу моря: Бартъ (Barth), Острожна (Wusterhusen), Волегощъ (Wolgast), Лѣшане (Lassan); по Рѣчницѣ, Требелѣ и Пѣнѣ: Требочецъ (Tribsees), Лошица (Loitz), Гостьковъ или Хотьковъ (Gützkow), Щитно (Ziethen) (448). То была коренная

Cod. Pom. 20; Wostroze—теперь Wusterhusen); 949 г. (Cod. Pom. 7) *provincias... Heveldun, Vuucri, Riacioni, Dassia*;—965 г. (Cod. Pomer. 8) *a subditi nobis Sclavorum nationibus, videlicet Ucranis, Riezani, Riedere, (Pamape), Tolensane, Zerezerani.*

(447) Дыминь, теперь Demmin, при впадении Доленницы въ Пѣну, городъ и жупа (см. Cod. Pom. 16 и мн. др.); Плотская жупа лежала отъ Дымина на востокъ, но отъ самаго города Плата не осталось слѣда; Междурѣчье занимало край между Пѣной и Доленницей отъ теперешняго мѣстечка Ярмена (Jagmen до деревни Столпа (Stolpe); г. Грозвинъ лежалъ близъ нын. Анклама, и жупа, къ нему принадлежавшая, простиралась, кажется, по берегу моря, отъ Пѣны до устья Укры (см. статью Гизебрехта «Luitizische Landwehre» въ «Baltische Studien», XI, 2, 143—153).

(448) Cod. Pomer. N 14, 1136 г.: *provincias Crozwine cum Rôchowe* (подчиненная городу Грозвину волость Роховская лежала у самаго устья Укры, см. Cod. Pomer. 106), *Lesane, Meserechs et Sitne* (т. е. Щитно), *insuper et Tribusses*.—N 16, 1140 г.: *Castra hec scilicet Dimin, Treboses, Chozcho, Wologost, Huznoim, Groswin cum villis et eorum appendiciis omnibus; deciman fori quod dicitur Sithem*.—N 20, 1150 г.: *cum provinciis Dolenz, Ploth, Mizerezs, Grozwin, Cithne, Wanzlow, Wostrose*.—N 26, 1168 г.: *In provincia Goczhowe In provincia Scitene.... In provincia quoque Vera Rursus in provincia supra memorata Scitene, in provincia quoque vicina, que dicitur Lessan Item in castro Pozdewolk—N 28, 1170 г.: eius termini sunt *Dymin* et cum terris et villis, scilicet *Tolenze, Plote, Losize, Tribuses, Czirzerene*, et omnibus villis predictis terris adiacentibus (смыслъ такой: «предѣлы, до которыхъ простирается и которыми ограничивается область Звѣрискскаго епископа, суть: Дыминь съ землями и деревнями, и слѣдующія земли, Доленчане, Плотъ, Лошица, Требочецъ, Черезпѣвяне, со всѣми деревнями, заключающимися въ этихъ земляхъ»;—эти земли, действительно, были уже прежде причислены къ епархіи Поморскаго епископа).—N 71, 1193 г.: *in hiis scilicet provinciis: in Roia (Руда, Рана), Ostruzna, Vissua (Буково, вѣроятно, нынѣшнее селеніе Buggow между Вольгастомъ и Лассаномъ; область Буковская во всякомъ случаѣ была второстепенная и принадлежала къ Волего-**

Лютицкая земля (⁴¹⁹), и въ ней, во время политической независимости Лютичей, каждый городъ съ своею волостию составлялъ особое самостоятельное общество (⁴⁵⁰); но эти общества возвращались къ значенію простыхъ *жупъ*, лишь только они подчинялись, для защиты отъ Нѣмцевъ или Датчанъ, одному изъ сосѣднихъ Славянскихъ князей. Во второй половинѣ XII вѣка уже собственно не было независимыхъ Лютичей: около 1170 года, Кичане были жупою Бодрицкою, Черемпѣяне, Доленчане, Ратаре, Укряне, Щитняне, Волегощъ, Гостьковъ, Лошница, Дыминъ, Требочецъ, — жупами Поморскими, Бартъ — жупою Ранскою, Моричане — жупою подвластною Нѣмецкимъ завоевателямъ Бранденбургин. Почти невидна въ исторіи, когда и какъ это случилось, какимъ образомъ вдругъ разобранъ былъ, такъ сказать, по кускамъ этотъ гордый и славный народъ Лютичей, передъ именемъ котораго благоговѣли Славянскія племена на поморьѣ и трепетали Германцы. Вотъ естественное слѣдствіе дробленія на *жупы* при тѣхъ общественныхъ нача-

щу, см. Cod. Pom. N 74), Muschisza (второстепенная область, о которой нѣтъ больше упоминанія), Goszcouca, Sithne, Tribuses, Barth, Wasitha (мѣстность неизвѣстная, о которой только въ этой грамотѣ и сказано). Подробный сводъ извѣстій о городахъ и жупахъ Бартъ, Требочецъ, Лошницъ, Острожнъ, Волегощъ, Буковъ, Лышанакъ, Щитнъ и Гостьковъ, съ исчисленіемъ всѣхъ мѣстностей, которыя приводится древними грамотами въ этихъ жупахъ, составленъ Фабриціусомъ (Urk II, 90—97).

(449) Ad. II, 19. Ultra Leuticios, qui alio nomine Wilzi dicuntur, Oddara flumen occurrit. IV, 13. Wilzi et Leuticii sedes habent usque ad Oddaram flumen; trans Oddaram autem comperimus degere Pomeranos.—Грамота о проповѣдѣ Оттона Бамбергскаго (Pertz, VIII, 263): (Otto) partes Pomeranorum . . . cum quibusdam civitatibus terre Loutitiæ aggressus est: эти города Лютицкой земли, принадлежавшіе, впрочемъ, уже къ князеству Поморскому, которые посѣпалъ Оттонъ, были Дыминъ, Гостьковъ и Волегощъ. — Epistola Wibaldi, abbatis Stabulensis et Corbeiensis, 1149 года (Cod. Pom. N 18): intraveramus . . . in terram Leuticiorum . . . et eramus in obsidione castri Dunin (читай Dimin).

(450) Такъ представляется эта страна въ историческомъ разсказѣ Гельмольда и Саксова; Саксовъ говоритъ о Волегощѣ (773): castellum Walogastum . . . quod quamquam in Sclavia situm foret, a communi tamen ejus ditione secretum, a propriis² ducibus (жупанами) regebatur.

лахъ, которыя господствовали у Лютичей. Изъ прежняго Лютицкаго племени образовалась группа совершенно самостоятельныхъ, вольныхъ обществъ (республиками мы ихъ не назовемъ, потому что онѣ чужды были идеи государственнаго управленія, которая заключалась въ этомъ Римскомъ словѣ), и между этими обществами осталась только связь религіозна, общее поклоненіе въ храмѣ Радигощскомъ, да другая связь, общая вражда къ Христіанскимъ народамъ: доколѣ возможны были предпріятія противъ Христіанъ внѣ предѣловъ родины, доколѣ Радигощъ сзывалъ къ себѣ поклонниковъ изъ всѣхъ городовъ Лютицкихъ и составлялся тутъ сеймъ, передъ нами является могущественный народъ Лютичей; какъ только началъ тѣснить его завоеватель, какъ только онъ разрушилъ старую святыню Радигощъ,—Лютицкаго народа не стало: каждое общество, для своего спасенія, подчиняется тому изъ сосѣднихъ князей Славянскихъ, который ближе и сильнѣе, и никому какъ будто и не приходитъ на мысль, что было бы возможно Лютичамъ соединиться всѣмъ вмѣстѣ и имѣть собственнаго государя; съ тѣхъ поръ, какъ не существуетъ храма Радигощскаго, нѣтъ и общаго сейма Лютичей: ясно, что сознанія внутренняго, народнаго единства въ Лютичахъ не было, а была только связь внѣшняя.

Система жупъ, которую мы нашли болѣе или менѣе сглаженною у Бодричей, а напротивъ у Лютичей доведенною до крайней степени раздѣленности, сохранилась въ цѣлости, какъ и всѣ вообще стихіи племеннаго быта, въ землѣ Поморской. Здѣсь мы видимъ еще въ XII и даже въ XIII в. равновѣсіе между общою племенною властію, представителемъ которой былъ князь, и внутреннею особностью каждой *жупы*: общественное устройство Поморья было полнѣйшимъ проявленіемъ старой Славянской системы дробленія.

По свидѣтельствамъ XII вѣка, собственное, такъ называемое переднее Поморье, состояло изъ 8 жупъ; двѣ жупы были островныя, *Ванцлавская* (островъ *Usedom*) съ г. Узноимомъ (*Usedom*) и *Вольнская* (остр. *Wollin*); на материкѣ, жупы *Щетинская*, *Каменская* и *Колобрежская* занимали прибрежную полосу отъ Одры за Персанту; на югъ отъ нихъ, пограничная

съ Польшею полоса состояла также изъ трехъ жупъ, *Пырицской, Старогардской и Бьлогардской* (451).

Наконецъ и восточное, такъ называемое заднее или верхнее, Поморье, между Персантой и Вислой, распалось также на жупы; но мы имѣемъ такъ мало свѣдѣній объ этомъ краѣ въ древнее время, что не можемъ въ точности опредѣлить, сколько ихъ было и какія именно. Судя по немногимъ грамотамъ конца XII и начала XIII в., главныя укрѣпленія на восточномъ Поморьѣ, которыя служили сосредоточіями жупъ, были Дерлово (близъ нын. Rügenwalde), Славно (Schlawe), Столпъ или Слупъ (Stolpe), Старгородъ на р. Вернѣ (Verse) и

(451) Cod. Pomer. N 16, 1140 г. (грамота объ утвержденіи Волинскаго епископства, съ опредѣленіемъ его области): quescunque bona quascunque possessiones eadem ecclesia possidet hec propriis duximus exprimenda vocabulis. Videlicet civitatem ipsam *Willin* cum foro et taberna et suis omnibus appendiciis. Castra hec, scilicet *Dimin*, *Trebozes*, *Chozcho*, *Wologost*, *Huznoim*, *Grosxim*, *Phiris* (т. е. Пырица, теперь Pyritz), *Stargrod* (Stargard на р. Ина) cum villis et eorum appendiciis omnibus, *Stetin*, *Chamim* cum taberna et foro, villis et omnibus eorum appendiciis, *Cholberg* cum tugurio salis et theloneo, foro, taberna et omnibus suis pertinentiis. Неизвестно, почему не упомянуто о Бьлгардѣ (Belgardt на Персантѣ), который приводится въ числѣ Поморскихъ городовъ, посвященныхъ Оттономъ, какъ въ житіяхъ его, такъ и въ известной намъ грамотѣ 1124 г. Pertz, VIII, 263. Nomina civitatum: Piriz, Stetin, Vulin, Gamen, Colbrech, Belgardo, Lubin, Gresch (Градище, теперь Garz: однихъ послѣднихъ см. ниже), и который является какъ средоточіе особой жупы во множествѣ Поморскихъ грамотъ.—Cod. Pomer. N 24, 1150 г.: In provincia *Wanzlo* theloneum de navibus que transeunt per aquam iuxtra castrum *Uznam* Juxtra castrum *Stetin* villa una, *Zelechoa* In provincia *Sliwin*, que pertinet ad castrum *Camin* In *Coluberch* census salis et ante ipsum castrum taberna; et in eadem provincia due ville, *Poblote*, *Svelube* Item in castro *Belegarde* taberna una N 26, 1168 г.: ante castrum *Uznam* decem marce de taberna annuatim et theloneum forense, *Theloneum* quoque de navibus ante idem castrum in lacu magno transeuntibus. Item in eadem provincia scilicet *Wanzlove*, villa *Bresiz*, villa *Miauchowe* (теперь дер. Mönchow на Узедомѣ) etc. Cod. Pomer. 148, 1224 г.: villas in territorio *Cholbergensi* et aliis villis in *Pritz* et villam in territorio de *Ztaregard* N 90, 1209 г.: villam in *Belegart*, *Belzcowo* (ср. выноски 430). N 100, 1214 г.: villam unam que *Cossalitz* vocatur, iuxta *Cholin* in *Cholbergensi* terri-

Гданскъ ⁽⁴⁵²⁾. Но вѣроятно, что первоначально и городовъ и жупъ было гораздо больше, пока нашествія Поляковъ не разорили всей этой страны.

LVIII.

Значеніе городовъ у Балтійскихъ Славянъ; ихъ отношенія къ обществу или жупъ.

Мы видимъ такимъ образомъ, что за исключеніемъ Раицъ, всѣ племена у Славянъ Балтійскихъ были раздроблены на мелкія жупы. Каждая жупа непременно имѣла свой городъ; связь между жупою и городомъ была, мы знаемъ, такая тѣсная, что жупа составляла въ глазахъ Балтійскихъ Славянъ нераздѣльную принадлежность города и какъ бы въ немъ подразумѣвалась (вспомнимъ рѣчь Бодрицкаго князя). Но, собственно говоря, не жупа, не волость принадлежала городу, какъ бывало въ другихъ земляхъ, а городъ въ полномъ смыслѣ принадлежалъ жупѣ, онъ былъ ея общественною собственностью, ея представителемъ и, можно сказать, воплощеніемъ.

Славянскій городъ не имѣлъ постоянного населенія; то было ороженное, укрѣпленное, но не застроенное жилыми домами ⁽⁴⁵³⁾ мѣсто, въ которомъ народъ изъ окрестныхъ деревень или жупа могла собираться для общественныхъ дѣлъ и находить убѣжище въ случаѣ непріятельскаго нашествія ⁽⁴⁵⁴⁾; единствен-

torio. — Andr. 134. tota civitas (Stetin) cum adjacente provincia. Sefr. 112. pagum Stetinensem. 94. per medium fori (въ Штетинѣ), populo ex omni provincia conveniente.

(452) См. Barthold, I, 497.

(453) См. Saxo 742. 822. 841. Thietm. I, 9. M. Gall. II. 28. Ср. также Sefr. 121. *aream juxta civitatem* (Дымниъ) *in veteri castello eorum mansioni designavit, in qua fixis tentoriis etc.*

(454) Sefr. 60. *ad castrum Pirissam hominum ad 4000 ex omni provincia confluisse ... aspexerunt.*—94. *populo ex omni provincia conveniente (въ Штетинѣ) S. Cruc II. 10. de rure ac de villis plebem.... convocantes.* Helm. I, 62. *convocavit universam gentem suam et cepit ædificare castrum Dobin, ut esset populo refugium in tempore necessitatis.*

ныя въ «городѣ» строенія могли быть храмъ съ какими-нибудь пристройками, да княжій дворъ и, можетъ быть, дворъ жупана; даже тамъ, гдѣ торговля сосредоточивала въ одномъ мѣстѣ значительное народонаселеніе, городъ сохранялъ видъ незастроенной крѣпости, а торговый людъ размѣщался около этого собственнаго «города» въ предмѣстьяхъ ⁽⁴⁵⁵⁾. Но такіе города рѣдкость; не насчитаешь ихъ десятка во всей землѣ Балтійскихъ Славянъ; большою частью, и въ тѣхъ случаяхъ, когда къ городу притекали постоянные жители, они строили себѣ подгородную слободу или деревню ⁽⁴⁵⁶⁾ и продолжали жить не городской, а сельскою жизнью. Такимъ образомъ города у Балтійскихъ Славянъ никогда не измѣняли своего древняго характера. Была великая разница, — и разницу эту ясно сознавалъ уже Саксонъ Грамматикъ ⁽⁴⁵⁷⁾, — между городомъ Славянскимъ и Нѣмецкимъ. Славяне были искони градостроители, Нѣмцамъ въ древности города были неизвѣстны; но потомъ у Нѣмцевъ стала возникать и все болѣе и болѣе развиваться городская жизнь, города явились съ постояннымъ народонаселеніемъ, съ самостоятельнымъ значеніемъ, и усиливаясь мало по малу, получили рѣшительный перевѣсъ и часто даже полную правительственную власть надъ деревнями; у Славянъ, напротивъ, города долго удерживали значеніе простыхъ сборныхъ мѣстъ для сельскаго

(455) См. выше, выnosку 224; ср. также Cod. Pomer. 6 medietatem castris et civitatis Havelberg. M. Gall. II, 22. urbem regiam Alban nomine (т. е. Быградъ на Персантъ), opulentam et populosam, expugnavit. Dicunt cum primum invasisse, eumque primum *propugnacula* conscendisse *De civitate autem prædam innumerabilem asportavit, munitionem vero planiciei coæquavit.*—Thietm. I, 9. (Heiaricus) urbem Liubusuan (*Lebus* из Одръ) diu possidens, urbanos in municionulam infra eandem positam fugere ... compulit.

(456) Cod. Pomer. 60. vicus ante ipsum castrum Lubbin.—94. ante ipsum castrum (Coluberch) taberna 26 ante castrum Uznum, decem marce de taberna annuatim, et theloneum forense. Ebbo 74. cives Timinensem *ante portam* concionabantur. Слободы или деревни находились, кажется, при большей части важныхъ по мѣстоположенію городовъ; см. сказанное выше объ Арконѣ.

(457) Sax. 796. præfectum Swerini oppidi, quod nuper a Saxonibus reductum, *jus et formam civitatis* acceperat.

народа: они не повелѣвали деревнями, а совершенно зависѣли отъ нихъ, — и въ этомъ положеніи оставались города у Балтійскихъ Славянъ въ теченіе всей ихъ исторіи.

Понятно, что такого рода городъ самъ по себѣ существовать не могъ. Его строила и поддерживала вся жупа: то была общественная обязанность, и одна изъ самыхъ важныхъ. Когда учреждались на Поморьѣ монастыри и князья передавали имъ разныя деревни, то они обыкновенно слагали съ этихъ деревень, въ пользу монастыря, прежнія повинности ихъ въ отношеніи къ мірской власти всегда только съ двумя условіями: чтобы монастырскія деревни продолжали участвовать въ защитѣ страны въ случаѣ нападенія враговъ, и чтобы онѣ, *наравнѣ съ остальнымъ народонаселеніемъ жупы, несли обязанность строить и поддерживать городъ, въ ихъ жупѣ находящійся*. Такого рода условія мы читаемъ въ огромномъ множествѣ Поморскихъ грамотъ (458), и они вполнѣ выказываютъ значеніе и характеръ

(458) Cod. Pomer. N 37. Villam itaque Scalthkoviz ex burgwardto Gozcovensi predictae ecclesie donavi, quam ab omni meo iure et seculari potestate, *excepta urbis munitione*, liberam emancipavi. — 41. decrevimus, ut villas vel curias eorum (т. е. canonicorum Caminensium) nulla persona secularis nuncia potestatis presumat intrare pro exactione aliqua, vel qualibet causa molestie hominibus ecclesie facienda. *Volumus tamen, ut iidem homines castrum ad quod pertinent et pontem edificent generalem*. Homines eciam ipsius ecclesie iuri ecclesiastico, non iudicio subiaceant seculari, eosque ab omni exactione, insuper *naraz, oszep, gazlitua, vectione vel per terram vel per aquam et domorum nostrarum edificatione, ceterisque serviciis et rebus dandis secundum morem gentis nostre, penitus esse volumus absolutos*, ita quod solis canonicis nullique serviant domino seculari; *sed cum necesse fuerit ad defensionem terre suc procedere, sint parati infra ipsam terram, cum eam hostiliter invaserint inimici*. — 43. sancimus, ut canonici Grobensis ecclesie . . . possessiones suas ab omni iure terreni domini absolutas, etiam *ab omni provinciali exactione, excepta instauratione munitionum, ad quas ipse* (т. е. ipsæ, possessiones) *pertinent*, liberas possideant. — 65. Partem quoque provincie Wanzlove, que Lipà dicitur, totam libere et absolute ab omni exactione predicti servi Dei possideant, *excepto quod ad instaurandam munitionem, ad quam pertinent, cum poposcerit necessitas, rustici eorum sicut quilibet alii comprovinciales sui adiuvabunt*. — 132. cunctis hominibus eorum de omni exactione concedo,

«города» у Поморянъ. Такимъ же общественнымъ дѣломъ жупы постройка городовъ была у Бодричей и у Стодорянъ, какъ видно по свидѣтельствамъ Гельмольда и грамотъ Оттона I (459). Напротивъ, когда случалось Славянскимъ князьямъ водворять или разрѣшать водвореніе чужихъ переселенцевъ въ какихъ-нибудь деревняхъ, то они всякій разъ освобождали ихъ отъ этой повинности (460): дѣйствительно, переселенцы эти, по гибельному пристрастію къ нимъ князей, знатнаго сословія и духовенства, исключались изъ общаго земскаго права Славянскаго и по этому самому поставлялись внѣ Славянскаго общества, внѣ жупы, которая была проявленіемъ этого общества: понятно, что имъ не для чего было участвовать въ постройкѣ города, принадлежавшаго жупѣ.

excepta reedificatione castri in Gdanzc, ita sane ut si propria negligentia, sive per manus inimicorum fuerit exustum. Excipitur eciam si pagani (т. е. Пруссы) seu Poloni hanc terram temptaverint intrare, tam monachorum quam aliorum homines tenentur hostibus resistere et patriam defendere. 175. *Redidimus etiam ipsorum homines liberos a custodia castri, et a prevoth, et a canum recepcione et equorum nostrorum, sed tantum castrum cum aliis hominibus quelibet villa in suo loco edificabit, id est in castellania, et non alias; sed (въроятно описка въместо et) ad defensionem terre, cum hostes intrarent, irè tenebuntur, et non alias; см. еще грамоту N 242 и мн. друг.*

(459) Helm. I, 69. *convocavit universam gentem suam et coepit aedificare etc.* Cod. Pomer. 6. *Plot civitatem totam cum burcwardo; Wizoka civitatem cum omni burcwardo etc.; см. сказанное выше (выписка 417) о словѣ burgward, в ср. Cod. Pomer. 37. villam Sclathkoniz etc.—Cod. Pom. 7. civitatum subtus nominatarum et villarum ad has civitates iure pertinentium.*

(460) Cod. Pomer. 39. *Et quia prefatus locus spaciosus est, lateque patentes campi qui cultoribus indigeant, colonos quotcumque ibi fratres posuerint, ab omni exactione liberos esse concessit, ne videlicet urbes edificare aut reparare compellantur et ne principi terre censum persolvant cum reliquo populo etc.—58. Et quia fratres proprias colligere fruges non sufficiunt, colonos quoscumque ibi posuissent, ab omni exactione secularis iuris liberos esse statuo, ne scilicet edificare aut reparare urbes cogantur vel isti aut alii ipsorum villani.—156. Homines quos ipsi (монахи Даргунские) ibi locaverint, liberos ab advocatia, urbium edificatione, ab expeditione, pontium positione et ab omni servitio dimisit; см. еще N 88, 126, 153, 179, 180 и др.*

LIX.

Религіозна и административная самостоятельность жупъ. Значеніе и власть жупановъ.

Сосредоточенная въ городѣ, жупа составляла особый общественный кругъ, цѣльный и замкнутый въ себѣ.

Она имѣла самостоятельность религіозную; у нея былъ въ городѣ свой общественный храмъ, свой жрецъ, свое общественное богослуженіе, для котораго въ извѣстные дни сходилось въ городъ все населеніе жупы (461). Самостоятельность и особность жупы у Балтійскихъ Славянъ хорошо выразилъ Титмаръ въ замѣчательномъ своемъ свидѣтельствѣ, что «*сколько у этихъ Славянъ волостей (regiones, т. е. жупъ), столько существуетъ у нихъ храмовъ и особыхъ истукановъ, которымъ поклоняется языческой народъ*» (462).

Жрецъ былъ духовный глава жупы (463); свѣтскій глава былъ жупанъ (464). Онъ принадлежалъ къ знатному сословію (465),

(461) Sefr. 60. ad castrum Pirissam hominum ad 4000 milia ex omni provinciâ confluxisse. Andr. 162. ad prædictam idoli celebritatem cunctis provincialibus concurrentibus. Ср. Helm. I, 52. 88.

(462) Thietm. VI, 18. Quot regiones sunt in his partibus, tot templa habentur, et simulacra demonum singula ab infidelibus coluntur. Въ рѣдкихъ случаяхъ храма не было, новсе таки жупа имѣла свою общественную святыню, какъ-то священную рощу и т. п.: см. Helm. I, 83.

(463) Helm. I, 83. populus terræ cum flamine et regulo. I, 69. receptus est a barbaris habitatoribus terræ illius, quorum deus erat Proue. Porro nomen flaminis, qui præerat superstitioni eorum, erat Mike. Sed et princeps terræ vocabatur Rochel. См. о жрецахъ у Балтійскихъ Славянъ ниже, § LXXIV.

(464) Cod. Pomer. 64. suppanorum.

(465) Ebbo 51. Domuzlaus ... generis nobilitate inter Stetinenses eminentissimus etc. Cod. Pomer. 41 (1175 или 1176 г.): ... Zavist castellanus, *Unima ceterique nobiles* de castro Cambyn, и ср. 48, 1181 г.: *Unima castellanus*, Wicezlaus, Cetzlaus et plures alij Caminenses. 24. Acta sunt hec in castro Uznam coram principibus Bugozlavo et Kazimero fratre eius, et aliis nobilibus terre ipsius, Ostrobodo scilicet castilano predicti castri et Dommizlo fratre eius,

иногда даже къ княжескому роду ⁽⁴⁶⁶⁾, и назначался, кажется, по крайней мѣрѣ на Поморьѣ, княземъ ⁽⁴⁶⁷⁾. Выборъ падалъ всегда, безъ сомнѣнiя, на человѣка богатаго, владѣвшаго помѣстьями ⁽⁴⁶⁸⁾, имѣвшаго средства содержать дружину ⁽⁴⁶⁹⁾. Мѣстопробыванiемъ жупана былъ «городъ», почему, при перенесенiи на Поморье Латинскаго и Нѣмецкаго языка, его стали называть *буркграфомъ* и *кастелланомъ* ⁽⁴⁷⁰⁾.

ceterisque quam plurimis tam ipsius provincie quam aliarum. 162.: Rochillus castellanus noster in Dimin vir nobilis etc. Такихъ примѣровъ можно привести изъ Поморскихъ грамотъ множество, и вообще всѣ историческiя свидѣтельства указываютъ на то, что жупаны были члены сословія знатныхъ людей.

(466) Saxo 867. Præfectus urbis (Щетина) Warthyszlavus erat, qui et ipse Bugislavo et Kazimaro (князьямъ Поморскимъ) sanguine contiguus habebatur. Cod. Pomer. 26. Domino Wartizlavo castellano de Stetin.

(467) Когда Поморье раздѣлялось между двумя князьями братьями, то въ важномъ и доходномъ городѣ Колобрегѣ, которымъ они владѣли сообща, являлся два жупана (см. Cod. Rom. 37 и примѣчанiе издателей, стр. 96); если бы жупаны не назначались князьями, то не было бы, конечно, такого двойства; замѣтимъ еще, что при двухъ жупанахъ Колобрегъ имѣлъ тогда и двѣ корчмы (Cod. Pomer. 45): въ корчмѣ производился сборъ податей, и каждый князь хотѣлъ имѣть въ общемъ городѣ свою корчму, какъ и своего жупана. Что жупаны на Поморьѣ назначались князьями, а не народнымъ выборомъ, мы предполагаемъ еще и потому, что они иногда переизбирались изъ одного города, изъ одной жупы въ другую (Cod. Pomer. 136. Thuringo castellano de Colbergh villam Bogutiu pro tempore sub ea contuli condicione, quod si ipse locum in quo nunc est, mutaverit, villa ad ecclesiam revertatur); наконецъ, мы предполагаемъ это по аналогіи съ Польшею и Силезіею (ср. также M. Gall. III, 26). Разумѣется, у Лютичей, въ то время, когда княжеской власти не было, выборъ жупановъ долженъ былъ зависть отъ общины.

(468) Andr. 179. ad remotiores villas meas. Cp. Ebbo 51.—Cod. Pomer. 126. voluntate et consensu domini Wartizlai de Choskove, cui predicta villa more terre attinuit; ср. тамъ же, примѣч. стр. 283.

(469) Sefr. 121. urbis (Тиминѣ) præfectus. 122. præfectus misso satellite. Andr. 186. ejusdem loci (Гостькова) princeps Mislaus missis militibus suis.

(470) Самое обыкновенное названiе есть *castellanus*, т.-е. начальникъ укрѣпленiя, castrî: такъ точно звали обыкновенно по-латыни жупановъ и въ Польшѣ; въ житiяхъ Оттона употребляется выраженiе præfectus civitatis или urbis (Sefr. 121. 131.), также princeps civitatis (Sefr. 139); ср. Sefr. 121.: dux terræ baronibus ac capitaneis totius provincie ac præfectis civitatum conventum indixit, и Cod. Pomer 64 in generali conventu et concilio, consensu

Жупанъ былъ высшее должностное лицо ⁽⁴⁷¹⁾, ему принадлежала администрація жупы. Мы знаемъ, что князь у Балтійскихъ Славянъ (эти отношенія особенно ясно выказываются на Поморьѣ) не имѣлъ въ собственномъ смыслѣ правительственной власти. Каждая жупа управлялась особо, рѣшая дѣла на общей сходкѣ народа или совѣтомъ знатныхъ людей и стариковъ. Глава сходки и совѣта былъ, безъ сомнѣнія, жупанъ ⁽⁴⁷²⁾; и онъ же былъ посредникъ между княжескою властію и жупою. Съ одной стороны онъ былъ исполнителемъ княжеской воли въ своей жупѣ ⁽⁴⁷³⁾, съ другой онъ являлся представителемъ жупы предъ княземъ: князь безъ его совѣта и согласія не постановлялъ мѣры, касавшейся до жупы ⁽⁴⁷⁴⁾, а когда мѣра

omnium fere harouum et suppanorum suorum universali decreto.—Выраженіе *praefectus* употребляеть и Саксонъ: Sax. 867. *praefectus urbis Warthyszlavus*. Cod. Pomer. 96. *Wartizlavus castellanus*. Сравни Cod. Pomer. 126. *Rochillus praefectus* in Dimin; 140. *Rochillus castellanus*, *Andreas tribunus* *Diminenses*; 163. *Dobezlaus* *Rochilli quondam in Dimin borgravii filius*. Иногда жупаны называются просто графами, *comites*, напр. Cod. Pomer. 188.: *comites, advocati et iudices*, въ вѣсто обыкновенной формулы Поморскихъ грамотъ: *castellani, tribuni et iudices*.

(471) Cod. Pomer. 141. *castellanis, tribunis, iudicibus et ceteris officialibus Colbergensis civitatis*.

(472) Прямого указанія нѣтъ, но иначе едва ли могло быть; можно впрочемъ основаться отчасти на разсказъ Андрея (179) о жевѣ Волегоцскаго жупана, которая говоритъ: «*magistratus civitatis hujus cum omni plebe dispositum habet*» etc. Магистраты, которые, по свидѣтельству Сефрида, говорили на площади народу съ деревяннаго помоста, были безъ сомнѣнія именно жупаны: 160. *erant autem ibi gradus lignei, de quibus praesones et magistratus ad populum concionari solebant*.

(473) Sefr. 59. *Dux de viris qui secum venerant ductores et ministros reliquit episcopo, mandans in tota Pommorania per loca cuncta possessionis suae, liberalia ei praebere hospitia*: принимали же епископа именно *praefecti civitatum*, жупаны, какъ видно изъ дальнѣйшаго разсказа. Зависимость жупановъ отъ князя слѣдуетъ несомнѣнно и изъ того, что жупаны были главными сборщиками податей для князя, что князь называлъ ихъ *officiales nostri, fideles nostri* (см. Cod. Pomer. 141. 163 и мн. др.).

(474) См. свидѣтельство Эббона (51) о Домославѣ.—Cod. Pomer. 61. *assensu nostro et optimatum terre nostre, dante: voluntario assensu domini Conradi episcopi et omnium principum terre nostre ... Testes horum sunt Jamic*

была постановлена, то жупанъ объявлялъ ее народу и исполнял ее (475). О дѣлахъ всей земли, т. е. совокупности жупъ, разсуждали жупаны общимъ совѣтомъ; этому совѣту предлагалъ князь тѣ мѣры, которыя касались всей земли; онѣ не могли быть приняты безъ общаго согласія жупановъ (476), и ими же опять провозглашались и исполнялись онѣ (477). Въ случаѣ мало-

de Timin, Gergnew de Timin, Stephanus et filius eius Pantin de Ukerā, Zuzlyzla de Brenszla, Pribiszla de Pobizwolk, Parso de Colberck, Unim de Camin, Gozizslaus de Zedin, Heinricus dobszla dezlaō prefectus de Uznein et fratres eius: въ этихъ искаженныхъ именахъ (грамота дошла до насъ въ спискѣ, сдѣланномъ въ Бамбергѣ) мы находимъ именно всѣхъ тогдашнихъ жупановъ Поморскихъ, какъ оказывается изъ сличенія съ другими грамотами этого времени. Ср. еще N 82. Вся дарственные грамоты Поморскихъ князей носятъ, во главѣ свѣтскихъ свидѣтелей, имя жупана, въ чьей жупѣ находилась даруемая деревня: согласіе жупана въ этихъ случаяхъ не прописывалось и не почиталось нужнымъ, потому что князь даровалъ то, что было, по тогдашнимъ повѣтіямъ, его личною собственностію, но необходимо было, чтобы жупанъ принималъ постановленіе князя къ свѣдѣнію, онъ былъ необходимый свидѣтель; за то, когда валагалась новая подать, когда адаровались права какой-нибудь мѣстности или какому-нибудь сословію, словомъ, когда рѣшеніе князя относилось не къ его собственности (мы знаемъ, что общественные доходы, шедшіе въ княжескую казну, почитались собственностію князя), а къ дѣламъ общественнымъ, то требовалось согласіе жупановъ и оно всегда обозначалось въ грамотахъ такого рода.

(475) Cod. Pomer. 64. suppanorum suorum universali decreto statuerunt. Далѣе мы увидимъ исполнительную власть жупановъ.

(476) См. мѣсто изъ грам. 61. въ Cod. Pomer., приведенное въ выпискѣ 474, и тамъ же: *lectis igitur literis coram principibus nostris, equidem post obitum Ducis omnes convenerant tractare de statu terre, communicato consilio, placuit omnibus hoc tam salubre institutum*: что эти *principes* были именно жупаны, объ этомъ см. выше, 474. — Cod. Pom. 65. suorum fere totius terre nostre nobilium communi consilio communiti. 89. unanimi consensu domini Conradī episcopi et omnium principum terre. 144. Acta sunt hec coram nobilibus totius Slaviae. 219. de communi nobilium nostrorum consilio. Ср. 213. 214. 215.—219. nos tam de proprio voluntatis arbitrio, quam de nostroque nobilium prudenti consilio. Сравни. еще Seifr. 124. baronibus ac capitaneis totius provincie (т. е. Поморья) ac prefectis civitatum . . . conventum indixit.

(477) Cod. Pomer. 64. suppanorum suorum universali decreto. 26. Acta sunt hec super introitum fluminis Ucrensis, in presentia totius populi terre, convocati illuc ad concilium, *istis specialiter vocatis in testimonium*: Domino Jac-

лѣтства князя, власть его переходила къ совѣту жупановъ (478).

Значеніе жупановъ было такимъ образомъ велико, но крайне неопредѣленно. Жупанъ завистѣлъ и отъ народа своей жупы, который, собравшись на сходку или поручивши рѣшеніе общественнаго дѣла старикамъ и знатымъ людямъ, предписывалъ ему свой приговоръ (479), и отъ князя, который назначалъ его и служителемъ котораго онъ считался; а съ другой стороны, опираясь на народъ, жупанъ могъ дѣйствовать почти независимо отъ княжеской власти (480); опираясь на князя и на дружину, онъ могъ почти безответно править жупою (481). Такая неопредѣленность отношеній видна во всемъ общественномъ устройствѣ Балтійскихъ Славянъ. Когда нахлынули на Поморье стихіи Нѣмецкія, когда все стало переходить къ Нѣмцамъ, не дано было Славянскому народу даже въ своихъ жупанахъ, — не смотря на то, что они по видимому имѣли такую силу и казались учрежденіемъ чисто Славянскимъ, чисто народнымъ, — найдти помощь и опору въ борьбѣ съ чужимъ наплывомъ: жупанъ принадлежалъ къ знати, Нѣмецкая жизнь пришлась ему по нраву, ему захотѣлось жить въ своемъ «городѣ» не такъ какъ прежде, подчиненнымъ князю и народу правителемъ жупы, а чѣмъ-то въ родѣ рыцаря, самоуправнымъ господиномъ и повелителемъ околотка, связаннымъ только закономъ вассальства въ отношеніи къ князю, и вотъ мы видимъ, что Поморскіе жупаны

zone, Domino Bogozlavo, Domino Cazimero principibus, Domino Wartizlavo castellano de Stetin, Zavist castellano Caminensi, Venzelzavo castellano Juliensi, Gustizlavo castellano Uznomiensi, Dirskone castellano Diminensi et Budowoy cognato eius (Ср. 65.).—82. *attestatione manuum omnium principum Pomeranice gentis eiusdem cere confirmationem* (т. е. утвержденіе взноса воска) fecit: это относится къ подписямъ жупановъ, входящимся на грамоту 61, о которой сказано выше, въ выпискѣ 474.

(478) Cod. Pomer. 61.

(479) См. разсказъ Сефрида, 132, и Авдrea, 179.

(480) См. Sax. 867—868.

(481) Такъ было на Поморьѣ со времени утвержденія Христіанства; въ грамотахъ почти не видно уже народной сходки, управленіе принадлежитъ князю и жупанамъ.

въ XII и XIII в. съ какимъ-то особеннымъ рвеніемъ переходятъ на сторону Нѣмецкую и спѣшатъ подчиниться новымъ условіямъ феодальнаго права.

Въ чемъ именно состояла администрація у Балтійскихъ Славянъ и какъ проявлялась въ ней власть жупана, объ этомъ мы почти не знаемъ. Администрація была, конечно, самая простая, и не нуждалась въ особенныхъ учрежденіяхъ. Дѣла внутренняго распорядка въ каждой деревнѣ рѣшались, безъ сомнѣнія, въ ней самой, съ помощью сходки и старосты, который былъ и у Балтійскихъ Славянъ⁽⁴⁸³⁾. Военная повинность раскладывалась самымъ народонаселеніемъ деревни по семьямъ: налагая на побѣжденныхъ Поморянъ обязанность выставлять вспомогательное войско, Польскій князь требовалъ (и въ этомъ онъ, конечно, придерживался народнаго ихъ обычая), чтобы «девять отцевъ семейства снаряжали десятого въ походъ, снабжая его, какъ слѣдуетъ, оружіемъ и всѣми нужными вещами (*armis et impensis abunde procurabunt*), а между тѣмъ тщательно заботились дома объ его семьѣ»⁽⁴⁸⁵⁾. За преступленіе, совершавшееся въ извѣстномъ мѣстѣ, отвѣчалъ весь околотокъ. Поморскій князь Богославъ писалъ въ 1182 г.: «Повелѣваемъ всѣмъ, находящимся подъ нашею властію, со всѣмъ стараніемъ наблюдать, чтобы любезнымъ намъ каноникамъ (водвореннымъ въ Бродскомъ монастырѣ) не причинялось никакого вреда и ущерба, тайнаго или явнаго, такъ какъ не только виновный, если будетъ открытъ, подвергнется тяжелой отвѣтственности, но и сосѣди, вокругъ живущіе, будутъ принуждены вознаградить сполна изъ собственныхъ средствъ понесенный ими (т. е. канониками) убытокъ»⁽⁴⁸⁴⁾.

Едва ли, поэтому, административный кругъ власти жупана

(483) Хотя слово *староста* не встрѣчается въ древнихъ памятникахъ, относящихся къ Балтійскимъ Славянамъ, но оно хранилось даже въ XVI и XVII в. во многихъ мѣстахъ (особенно въ Бранденбургіи), гдѣ еще жили остатки Славянъ.

(483) Sefr. 102.

(484) Cod. Pomer. 50. quia non solum reus, si detectus fuerit, gravi sententiae subiacebit, verum etiam vicini circumstantes cogentur: damnum eis illatum ad integrum de propriis rebus restituere.

могъ быть обширенъ. Главныя его обязанности сосредоточивались, кажется, въ городѣ: онъ распоряжался работами, которыя жупа должна была производить, постройкою и исправленіемъ городскихъ укрѣпленій ⁽⁴⁸⁵⁾ и общественныхъ зданій, составлявшихъ принадлежность города, т. е. княжяго дома ⁽⁴⁸⁶⁾ и, вѣроятно, храма ⁽⁴⁸⁷⁾, а также, гдѣ было нужно, мостовъ, дорогъ, плотинъ и т. п. ⁽⁴⁸⁸⁾. Онъ наблюдалъ, конечно, за торговлею, которая производилась на городскомъ рынкѣ, и за взносомъ разнообразныхъ податей и пошлинъ. Для сбора податей и пошлинъ, взимаемыхъ съ судовъ у извѣстныхъ пристаней, съ телѣгъ за проѣздъ черезъ нѣкоторые мосты, и при вѣздѣ въ города ⁽⁴⁸⁹⁾,

(485) Cod. Pomer. 36. Ipsos etiam homines, quos vocaverint et posuerint, liberos dimisimus ab omni exactione baronum nostrorum et omnium nobis et eis famulantium, et ab omni servitio nobis et eis more gentis nostre debito, videlicet urbium edificatione, pontium positione et utrorumque resarcinatione et omni expeditione (ср. тамъ же 128). Очевидно изъ этихъ словъ, что всѣ исчисленныя здѣсь повинности, постройка и исправленіе «городовъ», мостовъ и т. п., считались принадлежащими князю и баронамъ: но въ какомъ смыслѣ принадлежали онъ баронамъ, и какимъ баронамъ? конечно не всѣмъ баронамъ, т.-е. знатымъ людямъ вообще, а баронамъ должностнымъ, т.-е. жупанамъ, которые въ этомъ отношеніи были какъ бы полномочные князя, каждый въ своей жупѣ: ибо если бы бароны имѣли сами по себѣ, лично, право на эти повинности, *servilia et exactiones*, то какимъ образомъ князь могъ отчуждать право не ему принадлежавшее?—Ср. еще Cod. Pomer. 43. sancimus, ut canonici Grobensis ecclesie possessiones suas ab omni iure terreni domini absolutas, etiam ab omni provinciali exactione, excepta instauratione munitionum, ad quas ipse pertinent. Постройка укрѣпленій считалась, мы видимъ, мѣстною повинностью, и ясно, что когда князь называлъ ее принадлежащею баронамъ, то онъ разумѣлъ подъ баронами мѣстныхъ начальниковъ, т.-е. жупановъ.

(486) Cod. Pom. 41. domorum nostrarum edificatione.

(487) Постройка храма Гостыковского была произведена на общій счетъ мѣстныхъ жителей, см. Segr. 136.

(488) См. выnosку 456. Cod. Pomer. 41. pontem edificent generalem. 46. excepta reedificatione castri et pontis in Gdanzc. 103. pontium positione et ipsorum reparacione, ab expeditione urbium seu castrorum excubiis vel edificacionibus, ab omnibus nostris officialibus et eorum procuracionibus, ab omnibus precariis et exactionibus.

(489) Cod. Pomer. 50. ut per totam terram nostram ab omni exactione theloni liberi existant, tam in terra quam in aqua, in foro videlicet, in pontibus,

были особые сборщики, которыхъ, вѣроятно, называли жупанъ; къ сборщикамъ поступала также взимавшаяся для князя, натурою, часть съ хлѣба (*осыпь*), съ рогатаго скота, съ свиней, съ овецъ, съ меда и т. п., и чрезвычайныя подати, которыя по временамъ налагались княземъ на народъ⁽⁴⁹⁰⁾; но взносъ собственной подати, лежавшей на народонаселеніи жупы, производился у Балтійскихъ Славянъ въ корчмѣ: корчма была непременно на каждомъ рынкѣ, въ каждой жупѣ, и находилась

in urbibus et in uavibus. См. N 24 (выше, § XLVIII, и выноска, 451) и множество другихъ грамотъ.

(490) Cod. Pomer. 41. ab omni exactione, insuper *naraz, oszep* etc; стр. 103, изъ грамоты 1297 г.: a *naraz*, a *bove*, a *vacca*, a *porco*, ab *ove*; 1266 г. a *naraz*, a *poradnie*, a *podworowe*, a *stationario*, a *tentorio*, a *falcone*, a *vacca*, a *porco*, a *bove*, a *frumento*. Трудно сказать, какое различіе полагалось между податью съ свиней (a *porco*) и *наразомъ*, что также означало подать съ свиней: какъ видно изъ свидетельства Польскаго короля Казимира, который пишетъ (1454, Cod. Pomer. стр. 103): in Pomerania exactionem seu *daciam*, quæ *porcus*, alias *Narzasz*, veteri institutione *ducum Polonorum* vocabatur *tollimus*.—75. cum omni *decima castorum Verisse et Vizle*, cum *decim omnium salmonum et sturionum et aliorum piscium*, cum *decima poledrorum, vitulorum, porcellorum et anserum*, *decimam sarcinam allec de thelonio*.—90. *terciam partem thelonej quod datur de panno, quidquid eciam nostre parti vel in equis sive pecunia vel in aliis rebus contingerit*. 225. ab omni opere *secularis exactionis, videlicet advocatie, communis placiti, expeditionis urbani operis, vel qualiscunque servicii nostri, sive successorum nostrorum*, a *prowod*, a *canibus*, a *porco*, a *vacca*, ab *urna mellis*, et ab omnibus *prorsus exactionibus, quales sunt vel suboriri poterunt in futurum*. 175. *quinque urnas mellis in Levine et quinque in Scoreve singulis annis*. Замѣчательно, что эти многочисленныя и безъ сомнѣнія крайне тяжелыя подати встрѣчаются большею частію только въ грамотахъ, относящихся къ восточному Поморью: западное было менѣе угнетено.—О сборщикахъ свидѣлствуетъ Cod. Pomer. 41. *Voluntus tamen ut iidem homines castrum ad quod pertinent et pontem edificent generalem; et si qua pro hiis promovendis in communi fueriat ab eisdem colligenda, ea nullatenus per secularem exactorem, sed per nuncium prepositi colligantur*; также къ сборщикамъ этимъ, назначавшимся жупанами, относятся, кажется, слова грамоты N 36: *liberos dimisimus ab omni exactione baronum nostrorum et omnium nobis et eis famulantium*.—Ср. еще Helm. I, 12: *unus nummus, precium colligentis*.

обыкновенно, какъ и рынокъ, подъ самымъ городомъ (491). Подать, вѣроятно, была двойкая: одна, кажется, взималась въ корчмѣ за продажу на рынкѣ, (такъ наз. *таргове*, т.-е. торговое) (492), другая поступала туда изъ каждой деревни, въ видѣ поголовной подати съ цѣлаго общества (*нарокъ*) (493), или подати съ дворовъ

(491) Cod. Pomer. 26. ante castrum Uznum decem marce de taberna annuatim et theloneum forense In provincia Grozwina in foro decem marce de taberna annuatim. In provincia Scitene forense theloneum et taberna In Coluberch ante ipsum castrum sex marce de taberna In castro Belegarde taberna una. Такихъ свидѣтельствъ множество въ Поморскихъ грамотахъ. Иногда какое-нибудь важное село, въ которомъ сосредоточивалась нѣкоторая торговля, имѣло корчму, которая становилась тогда сборнымъ мѣстомъ и финансовымъ центромъ для окружающихъ деревень: см. Cod. Pomer. 50. villam Brod nominatam cum foro, taberna et omnibus attinentiis suis, et has villas,.... 52. villam Ztulp cum taberna et theloneo eius in Drabowe villa cum taberna et villa Johannis. Корчмы распались такимъ образомъ на два разряда, на большія и малыя: первыя, кажется, были городовыя, вторыя сельскія: Cod. Pomer. 51. decrevimus donandum annuatim de cera pondus, quod vulgo lapis cere dicitur, ex singulis terre nostre tabernis, de maioribus quidem integrum, de minoribus vero dimidium.

(492) Мы находимъ въ Поморскихъ грамотахъ постоянное соединеніе: theloneum forense (т.-е. рыночная пошлина) et taberna.— Cod. Pomer. 52. villam Ztulp cum taberna et theloneo eius; *tabernam etiam in provincia Grozwin cum duplici theloneo, scilicet fori et aque que Ribeniz appellatur.* Названіе *targowe* приводитъ изъ везданной грамоты Вилевъ, Balt. Stud. VII, 2, 34.

(493) О самой подати см. Cod. Pomer. 39. ne ... urbes edificare aut reparare compellantur et ne principi terre censum persolvant cum reliquo populo. 71. Insuper vero illis de quolibet aratro contulimus modium frumenti, in hiis scilicet provinciis: in Roia, Ostrusna, Buccua etc. unum eciam denarium cum quolibet modio et duos cum duobus; in sola Roia unum plaustratum cum lignis et dimidium plaustratum feni cum duobus avene manipulis et quinque ovis; de illis qui non arant duos denarios.—См. выше выноски 490: «a poradene, a podworowe». Cod. Pom. 177. ab omni exactione curie mee et beneficiariorum meorum, que in terra mea esse consueverunt, narek, ossep, edificatio castrorum et pontium, et si que emergerit alia persolutio Ср. еще Cod. Pom. 225 (въ выноскѣ 490).—Что эти подати шли въ корчму, несомнѣнно потому, что корчма является на Поморьѣ главною, такъ сказать, кассою князя въ каждой жупѣ: когда князь учреждалъ какой-нибудь монастырь, основывалъ какую-нибудь церковь, то вмѣсто того, чтобы назначать ей содержаніе изъ своей казны, онъ давалъ ей право получать изъ корчмы такой-то и такой-то жупы столько-то денегъ, три, пять,

и тяголь подворове и парадне). Такимъ образомъ корчма составляла у Балтійскихъ Славянъ какую-то принадлежность общественнаго управленія и находилась въ прямомъ ведѣніи жупана (494). Наконецъ жупанъ долженъ былъ наблюдать за тѣми временными повинностями, къ которымъ жупа была обязана при личномъ пребываніи или проѣздѣ князя, какъ-то за поставкою подводъ, (это называлось *проводомъ*), за угощеніемъ князя и его дружины (*гоститва*) (495),

шесть, десять маркъ серебра: такія распоряженія мы читаемъ въ безчисленномъ множествѣ Поморскихъ грамотъ. (См. Cod. Pomer. 24.—40: *contulimus abbati Stulpensj ac suo conventui sex marcas denariorum, de taberna in Chuzcov per annos singulos colligendas, и т. д.*) Когда Поморье, по волю князя, съ совѣта и согласія сейма, приговоромъ жупановъ, положило жертвовать известное количество воска въ церковь, гдѣ хранились остатки св. Оттона Бамбергскаго, то какъ собиралась эта подать воска? воскъ поступалъ въ каждой жупѣ въ корчму, и оттуда уже свозился въ Штетинъ и отправлялся въ Бамбергъ: Cod. Pomer. 51 (см. выше вын. 491) 64 *statuerunt, ut de singulis terre illius tabernis certa quantitas cere per singulos annos sancto Ottoni episcopo, cuius sacrum corpus in ecclesia nostra requiescit, persolvatur. His ita statutis et testamento principis et episcoporum, consensu quoque provincialium firmiter roboratis, cum de collectione predicte cere magna nobis difficultas immineret, prefatus sacerdos obtinuit, ut ecclesiam sancti Jacobi in urbe Stetin positam cum adiacente curte, areis quoque et agris plurimis, in proprietatem et iurisdictionem ecclesie nostre conferrent, ut per fratres et homines nostros collectionem et pensionem prenominate cere singulis annis thesaurarium nostrum recipiat.*

(494) Такое административное значеніе корчмы является особенно тогда, когда городъ (напр. Колобрегъ, см. вын. 467) становился общимъ владѣніемъ двухъ князей; тогда каждый князь имѣлъ въ немъ свою корчму, какъ и своего жупана: Cod. Pomer. 45. *ante ipsam castrum (Coluberc) de taberna domni Boguslavi tres marcas, et de taberna domni Casimeri fratris eius tres marcas. Ср. N 73.* Такого рода корчма была, кажется, учрежденіемъ чисто Славянскимъ, и отличалась отъ корчмы Нѣмецкой и Датской: Cod. Pomer. 36 *fratribus de Dargou dedimus liberam potestatem tabernam habendi (къ отдаванью имъ владѣнію), sive velint more gentis nostre, sive teutonice et danice. Ср. 88.*

(495) Cod. Pomer. 41. *gaztitua, vectione vel per terram vel per aquam etc; грам. 1266 г. (см. вын. 490) a stationario, a tentorio. 225. a prowod, a canibus etc. 175. a custodia castri, et a prevothi, et a canum recepcione et equorum nostrorum. Bilow (Balt. Stud VII, 2, 35): nec solvant ab eo qui stano nic (т. е. stanownik) dicitur.*

устройствомъ его стана (*становое*), хожденіемъ за его охотою, собаками, соколами и т. п. (496).

За свою службу, жупанъ имѣлъ отъ жупы извѣстные доходы, *beneficia* (497), но въ чемъ они состояли, неизвѣстно.

ЛХ.

Судъ у Балтійскихъ Славянъ. Ихъ юридическія понятія.

Судъ у Балтійскихъ Славянъ не принадлежалъ жупану, лицу зависимому, а самому князю и народу. Важное свидѣтельство мы находимъ у Гельмольда: «въ землѣ Вагровъ, онъ говоритъ, былъ лѣсъ, посвященный божеству, и въ этомъ лѣсу, по понедѣльникамъ (*secunda feria*), собирався народъ той страны съ своимъ жрецомъ и княземъ для суда» (498). Стало быть, у Вагровъ не было особыхъ судей и судилищъ, а судъ, поставленный подъ покровительство божества, принадлежалъ народу въ совокупности съ княземъ и съ жрецомъ, толкователемъ воли боговъ.

Другихъ извѣстій о судебной власти у западныхъ племенъ Балтійскихъ нѣтъ, но мы можемъ предполагать, что у Бодричей она принадлежала по преимуществу князю, у Лютвичей общинѣ,

(496) Цитаты изъ грамотъ, по большей части еще неизданныхъ, см. въ статьѣ Билова (*Geschichtliche Entwicklung der Abgabenverhältnisse in Pommern und Rügen*, въ *Balt. Stud.* VII, 2.).

(497) Вѣроятно, эти доходы состояли въ какомъ-нибудь процентъ съ податей, за трудъ сбора: поэтому князь, слагая съ деревень подати, которыя платились ему, могъ съ тѣмъ вмѣстѣ освободить ихъ отъ платы жупану: *Cod. Pomer.* 177: *ab omni exactione curie mee et beneficiariorum meorum*, que in terra mea esse consueverunt, narek, ossep, edificatio castrorum et pontium, et si que emergerit alia persolutio, remitto. Ср. также *Helm.* I, 12. *unus nummus, precium colligentis*.

(498) *Helm.* I, 83.

на Раинъ была въ рукахъ Святовитова жреца. На Поморьѣ судья былъ князь. Въ самыхъ важныхъ случаяхъ дѣло, вѣроятно, предлагалось на рѣшеніе ему непосредственно, и имъ самимъ произносился приговоръ, конечно, по обсужденіи въ советѣ жупановъ или въ сеймѣ знатныхъ людей и стариковъ. Но въ случаяхъ обыкновенныхъ дѣла, конечно, не могли всегда восходить до князя: ихъ было такъ много и страна была обширная. Поэтому князь назначалъ въ каждой жупѣ челоуѣка, которому передавалъ свою судейскую власть; таковъ характеръ судей на Поморьѣ: то были уполномоченные князя (499), и такихъ судей мы находимъ во всѣхъ городахъ, т. е. жупахъ, Поморья. Судья и судъ былъ непремѣнною принадлежностью «города», и судъ производился, безъ сомнѣнія, на княжемъ дворѣ (500). Сколько видно

(499) Cod. Pomer. 150. Quod si forte (burgenses de Lubeke) opus iudicio habuerint, statuent iudicem ex parte ipsorum, qui cum iudice nostro iudicio presideat, et quicquid questus inde provenierit, mediam partem iudex noster, reliquam iudex ipsorum percipiat. — 175. in quocunque loco et in quocunque hominem homo prepositi scelus admiserit, nullus iudicabit, nec nos, nec nostri iudices, sed omnia prepositus et suus iudex iudicabit; si homo prepositi ad nostrum audientiam vel nostrorum iudicum aliquem hominem citare contigerit.... 188. dedimus fratribus ejusdem nove abbacie iudiciariam potestatem super universos servientes ipsis et colonos etc. si qui ex nostris in terminis eorum inter se ... excesserint, a iudicibus memoratorum fratrum ad nostrum iudicium iudicandi remittentur Si in terminis nostris homines eorum cum nostris contra ius egerint, nostro per omnia stabunt iudicio.

(500) Безпреставно упоминаются въ Поморскихъ грамотахъ судья подлѣ жупановъ: castellani (иначе comites), tribuni (или advocati) et iudices, вотъ обычная формула: гдѣ жупанъ (кастелланъ), тамъ и судья. Житія Оттова говорятъ, что въ каждомъ городѣ Поморской земли былъ дворъ княжій съ правомъ убѣжища (asylum): очевидно, что въ языческой землѣ, гдѣ существовала родовая мѣсть, право убѣжища было необходимымъ признакомъ и принадлежностью того учрежденія, которое обезоруживало родовую мѣсть, т.-е. суда: гдѣ было убѣжище, тамъ былъ непремѣнно судъ. Доказательствомъ этого соотношенія служить и свидѣтельство Гельмольда, что священная роща Вагрская, гдѣ производился судъ, считалась также недоступнымъ для родовой мѣсти убѣжищемъ, *asylum*: I, 83. Illic inter vetustissimas arbores vidimus sacras quercus, quas ambiebat atrium et sepes Illic secunda feria etc. Ingressus atrii omnibus inhibitus, nisi sacerdoti tantum et sacrificare volentibus, *vel quos mortis urgebat periculum: his enim minime negabatur asylum.*

изъ Поморскихъ грамотъ, судебныя дѣла различались троякія : малыя, большія и наибольшія (*judicia minora, maiora, maxima*) перваго рода дѣла соответствовали, кажется, гражданскимъ искамъ, втораго и третьяго рода были уголовныя (*дѣла смерти и крови, iudicium mortis et sanguinis*); въ дѣлахъ *малыхъ* опредѣлялись различныя взысканія ⁽⁵⁰¹⁾, въ большихъ виновный подвергался, въ первой категоріи, лишенію члена, въ послѣдней смертной казни (въ юридической формулѣ Поморскихъ грамотъ этого рода уголовныя дѣла назывались «судомъ руки и горла» ⁽⁵⁰²⁾); но, по видимому, большею частію и то и другое наказаніе выкупалось пеней, такъ что Поморяне упрекали Нѣмцевъ за жестокость ихъ наказаній, за ихъ обычай рубить руки, выкалывать глаза у преступковъ ⁽⁵⁰³⁾. У Балтійскихъ Славянъ существовала родовая месть ⁽⁵⁰⁴⁾, но было стремленіе замѣнить ее законнымъ судомъ надъ убійцею и денежнымъ выкупомъ ⁽⁵⁰⁵⁾. За судъ платилось князю или судѣ известное количество денегъ (кажется, въ мало-важныхъ дѣлахъ четыре гроша, почему и самый судъ такого рода дѣлъ назывался судомъ четырехъ грошей ⁽⁵⁰⁶⁾), и также къ

(501) Cod. Pomer. 171. cum omni iure minore et maiore, tangente manum et collum.—175. omnes causas et queremonias prepositus et suus iudex iudicabit, et nullam iurisdictionem pro nobis excepimus, sed omnes *culpas* pro se tollet prepositus et suus iudex Concedimus eciam dicte ecclesie omnia iudicia tam magna quam maxima in ipsorum villis iudicare et sententias definire et *culpas* recipere Adiecimus eciam, si homo prepositi ad nostram audientiam vel nostrorum iudicum aliquem hominem citare contigerit, prepositus dimidiam *culpam* tollet.—179. iudicio mortis et sanguinis, ac minoris iusticie, que vulgo quatuor solidorum iudicium nuncupatur, liberas conferimus.

(502) ius tangens manum et collum, Cod. Pomer. 271.

(503) См. выше, 501. Sefr. 93.

(504) Helm. I, 83. quos mortis urgebat periculum. Sefr. 87. Cp. Ad. II, 64. (Gotescalcus) multa milia Saxonum prostrasse dicitur in patris vindictam; см. также II, 75. Sax. 545. Helm. I, 19. (Godescalcus) ultor paternæ cœdis magnificus. Arn. VI, 13. (Nicolus) interfectus est, cuius ruina tota Slavia in merorem est versa, ita ut in ultionem ipsius multi perirent.

(505) Helm. I, 38. «Ranos qui filium tuum occiderunt, pro ducentis marcis in gratiam recipiendos dicis?»—См. выше 501. *culpas* recipere.

(506) Cod. Pomer. 179, см. выше выш. 501.

князю и къ судѣ поступала извѣстная часть денежной пени, которою выкупалось преступленіе (507). Такимъ образомъ судъ сдѣлался однимъ изъ значительныхъ доходовъ, какъ для князя, такъ и для служителей его, которымъ онъ передавалъ свою судейскую власть, и судъ сталъ приниматься почти въ смыслѣ земской повинности, существовавшей въ пользу княжеской власти: «судъ и повинности» (*iusticia et exactio, iudicium et tributum* и т. п. (508), вотъ обыкновенныя выраженія Поморскихъ князей, когда они, учреждая церковь или монастырь, даруютъ имъ свои доходы съ извѣстнаго околотка: замѣчательна въ этомъ отношеніи грамота Поморскаго князя Гремислава, отъ 1198 г. (509): «дарую ордену Гроба Господня мой городъ (*castrum*) во имени Старгородъ (510), съ землями, лѣсами, водами, озерами, мельницами, бортями (*mellificiis*), со всѣми родами судопроизводства, сюда относящимися, съ податью и со всѣми другими его принадлежностями (*cum omnibus iudiciis ad ea spectantibus et tributo et cum omnibus aliis utilitatibus pertinentibus*)»: мы видимъ, какая связь была между городомъ и судомъ, и какъ судъ сопоставлялся съ податью (511).

О самомъ судопроизводствѣ у Балтійскихъ Славянъ мы имѣемъ мало свѣдѣній, и то такихъ, которыя не представляютъ ничего особенно замѣчательнаго. Въ тяжбахъ гражданскихъ истецъ обращался къ отвѣтчику съ позывомъ явиться на судъ передъ княземъ

(507) См. выше выв. 501.

(508) *Cod. Pomer. 42. ab omni iustitia et exactione laica. — 17. decimam partem de moneta et de iudiciis totius episcopatus. 173. ab omni exactione, petitione et servicio quod borchwerck dicitur, vectura et aratura, nec non advocatia et iudicio mortis et sanguinis etc.*

(509) *Cod. Pomer. 75.*

(510) Теперь Stargard въ Западной Пруссіи.

(511) Смѣшеніе доходило иногда до того, что понятіе судья принималось въ общемъ смыслѣ сборщика общественныхъ налоговъ: *Cod. Pomer. 33. prescripimus ut nullus secularium iudicum rusticos eorum in istis vel in aliis eorum (Колбацкихъ монаховъ) villis ad urbes edificandas seu aliquas seculares exactiones compellere presumat.*

или княжнимъ судьей (⁵¹²); въ преступленіяхъ уголовныхъ представляли обвиненнаго судѣ (или князю), который отдавалъ его подъ стражу, потомъ произносилъ приговоръ, опредѣлялъ мѣру наказанія и бралъ пеню (⁵¹³). Въ нѣкоторыхъ случаяхъ князь предоставлялъ себѣ право запрещать замѣну личнаго наказанія пеней (⁵¹⁴). По народнымъ понятіямъ Балтійскихъ Славянъ, кажется, и брачныя дѣла подлежали княжескому суду: иначе трудно бы было объяснить, почему князя Поморскіе во время христіанства съ особенною настойчивостью хотѣли присвоить себѣ сужденіе этихъ дѣлъ, вопреки правиламъ церкви. Вмѣстѣ съ жалобами на такого рода злоупотребленіе княжеской власти, соединялась еще другая жалоба епископовъ Поморскихъ: что князь сажаетъ подъ стражу и наказываетъ женъ за преступленія мужей (⁵¹⁵): и это было, очевидно, стариннымъ, народнымъ правиломъ суда у Балтійскихъ Славянъ.

Не много также извѣстно объ юридическихъ отношеніяхъ у Балтійскихъ Славянъ, о правѣ собственности и наследства. Вотъ все, что можно вывести изъ скудныхъ показаній лѣтописцевъ и грамотъ. Земля признавалась собственностью общественною, но отнюдь не личною. У Лютичей во время независимости она была, вѣроятно, чисто общиннымъ владѣніемъ; у другихъ племенъ и у самихъ Лютичей, когда они подчинились сосѣднимъ князьямъ, она почиталась владѣніемъ представителя общества, князя. Народъ,

(512) Cod. Pomer. 175. si homo prepositi ad nostram audienciam vel nostrorum iudicum aliquem hominem citare contigerit.

(513) Cod. Pomer. 150. Quod si fur deprehensus fuerit, fur iudici nostro presentabitur, quem servari faciet et ipsum iuste iudicabit. 175. omnia iudicia tam magna quam maxima in ipsorum villis iudicare, et sententias diffinire et culpas recipere.

(514) Fabric. N° XVIII. iudicium etiam colli et manus et omnem iurisdictionem nostram preposito libere remittimus sub tali forma: Quicquid in villa vel in agris ville contigerit, si reus ad mortem iudicandus est, noster eum advocatus iudicabit, si vero componere voluerit, totaliter preposito componet; in potestate tamen nostra erit et voluntate utrum reus componat vel dampnetur.

(515) См. Cod. Pomer. 263. Item causas matrimoniales non iudicet, et uxores pro delictis maritorum non puniat, et que teuentur volumus ut in continenti dimittantur.

обработывавшей землю, имѣлъ только право пользованія ею (*usufructus*), и въ этомъ качествѣ давалъ князю часть ея плодовъ и вообще доходовъ съ нея (⁵¹⁶); пустыри же, лѣса, воды были прямою собственностью князя (⁵¹⁷). При отсутствіи государственнаго сознанія и неопредѣленности общественныхъ отношеній, понятіе князя, какъ представителя общественныхъ правъ собственности, почти не отдѣлялось у Балтійскихъ Славянъ отъ понятія князя, какъ личнаго собственника, и князь могъ по своему усмотрѣнію передавать свое общественное право владѣнія надъ всякими населенными и ненаселенными землями: онъ передавалъ его своимъ служителямъ, дружинникамъ, обыкновенно знатнымъ людямъ, а потомъ и церкви. Иногда предоставлялъ онъ себѣ нѣкоторые изъ своихъ доходовъ и правъ, иногда отчуждалъ ихъ вовсе. Поэтому-то въ имѣніяхъ, отданныхъ во владѣніе частнымъ лицамъ или церковнымъ учрежденіямъ, права владѣтелей были тѣ же, какими пользовался самъ князь въ селахъ и деревняхъ, имѣ не отчужденныхъ (⁵¹⁸). Впрочемъ, *de jure* полного отчужденія не

(516) Доходы эти были крайне разнообразны и не вездѣ одинаковы. Важнѣйшіе исчислены выше; о другихъ см. известное намъ изслѣдованіе Билова (*Balt. Stud.* VII, 2.).

(517) *Lisch*, I, 4: *totam adjacentem solitudinem. Cod. Pomer. 29. fratribus ecclesie ... in Lundis ... dedi ... undecim villas iuxta Regam fluvium sitas, cum omnibus utilitatibus et appendiciis suis. Nomina vero villarum sunt hec: Gunbin, que sola culta est, Wistrovece etc. Hec decem ville licet inculte, amenitate tamen situs, ubertate glebe, venationis, aucupationis et piscationis copia et pratorum abundantia, cultis circumiacentibus non cedunt. Ipsa enim terra et circa eam maritima loca sunt fertilissima frugum ac pecorum et piscium et silvosa, et sicut scribitur de terra repromissionis lacte et melle manantia. Medietatem etiam portionis closure piscium in fluvio qui Rega dicitur, fratrum refectioi dedimus cum medietate stagni nomine Niflose et villa piscatorum adiacente.—58. Insuper etiam eis addidi libertatem omnium silvarum que sunt in omni provincia Stargardensi ad domos construendas, ad nutrimenta iumentorum, ad pascua qualiumcunque animalium, ceterosque suos usus ac suorum colonorum.—188. Contulimus etiam trescentos mansos nemoris exstirpandos.*

(518) Такой характеръ придаютъ своимъ дарственнымъ записямъ князья Померскіе и Ранскіе; см. вышеприведенныя выноски, 485 и слѣд., и *Fabric*, II, 56 и слѣд., *Bilow* I. c. 30 — 39. — *Cod. Pom.* 65. *Partem quoque provincie*

было: князь какъ будто только препоручалъ извѣстному лицу или учрежденію свои права на извѣстную часть своей земли, но не отдавалъ ихъ совершенно, и потому лицо или учрежденіе это не могло располагать своимъ имѣніемъ какъ полною собственностію: при продажѣ или передачѣ нужно было согласіе и утвержденіе князя⁽⁵¹⁹⁾, т. е. нужно было, чтобы князь передалъ свое полномочіе лицу, въ чью пользу продажа или передача совершалась.

Такова была поземельная собственность у Балтійскихъ Славянъ. Между сельскимъ народонаселеніемъ, обработывавшимъ землю, и собственниками, составлявшими по-видимому классъ землевладѣльцевъ, отношеніе было *правительственное*. Земля не была настоящею личною собственностію. Но есть указанія на то, что у Балтійскихъ Славянъ одинъ (впрочемъ немногочисленный) классъ земледѣльцевъ составлялъ личною собственностію князя или знатныхъ: эти люди назывались *десятниками* или *десятниками*⁽⁵²⁰⁾; они строго различаются въ Поморскихъ грамотахъ отъ прочаго сельскаго народонаселенія: обыкновенныхъ хлѣбопашцевъ князь не отчуждалъ непосредственно, а только передавалъ ихъ въ вѣдѣніе монастыря, или частнаго лица, когда даровалъ тому или другому свои доходы съ извѣстной земли, *десятниковъ* же онъ могъ прямо отдавать, и при этомъ обыкновенно

Wanzlove que Lipa dicitur integraliter totam, id est villulas et agros, prata et arbusta, loca plana et aspera, rusticos decimarios (объ нихъ ниже) et universa que in ea iuris nostri fuerant, libere et absolute ab omni exactione, predicti servi dei possideant.

(519) Cod. Pomer. N° 99. 114. 378. 379.—Fabr. II, 40, гдѣ собрано много свидѣтельствъ изъ разныхъ грамотъ, см. въ особенности N° XXXI, XXXIX, LV.—Cod. Pomer. 222. notum esse volumus, ... quod possessionem que Belitz dicitur, cuidam hominum nostrorum, Crisano nomine, hereditario iure donavimus, qui eandem hereditatem cum consensu nostro abbati et fratribus de Colbas pro condigna pecunia possidendam contradidit.

(520) Cod. Pomer. 193. (грамота Вышеслава князя Равскаго, 1232 г.) homines insuper qui dessilli nominantur liberi contulimus ut eidem clauistro deseruiant. Въ словѣ *dessilli* конецъ, очевидно, какъ-нибудь сокращенъ и искаженъ: можно бы было предполагать корню *dessellici*, *десятники*, но *десятники* звучитъ какъ-то лучше по-славянски.

венно прописывалъ ихъ въ грамотѣ поименно или по крайней мѣрѣ числомъ ⁽⁵²¹⁾, чего никогда не дѣлалось при простой передачѣ деревень, т. е. при отчужденіи только поземельныхъ правъ князя. *Десятники*, очевидно, лично принадлежали князю; ихъ повинности были больше обыкновенныхъ; названіе ихъ, кажется, намекаетъ на то, что они давали князю десятую часть своихъ заработковъ: но откуда взялось это сословіе? Мы ясно увидимъ, что оно образовалось случайно, изъ злоупотребленія законовъ, ограждавшихъ собственность займодавца отъ недобросовѣстности должника: *десятники* были поселяне, которые, сдѣлавшись неоплатными должниками князя или частнаго лица, по законамъ Балтійскихъ Славянъ, становились къ нему въ отношенія рабства, и которыхъ оставляли на ихъ землѣ подѣ условіемъ тяжелой платы (называвшейся *подача*) и извѣстныхъ службъ ⁽⁵²²⁾. Житія Оттона рассказываютъ, что на Поморьѣ неоплатный должникъ дѣлался рабомъ займодавца ⁽⁵²³⁾; еще точнѣе говоритъ объ этомъ любопытная грамота папы Григорія IX, отъ 1239 г. ⁽⁵²⁴⁾, и она-то ясно свидѣтельствуетъ, изъ какихъ условій произошелъ классъ десятниковъ: «Братъ нашъ, епископъ Роскильдскій, представилъ намъ, что князь и народъ Ранской страны въ землѣ Славянской ⁽⁵²⁵⁾, соблюдая нѣкій дурной обычай, который можно скорѣе на-

(521) Cod. Pomer. 65. ad subsidium prenominate congregationis donamus villam scilicet Zglattiz cum omnibus terminis et appendiciis suis, et quippe rusticos in ea ex hiis, quos decimarios usitato nomine appellare solemus. „Partem quoque provincie Wanzlove que Lipa dicitur integraliter totam, id est villulas et agros, prata et arbusta, loca plana et aspera, rusticos decimarios, et universa que in ea iuris nostri fuerant Ср. 73.—60. mansus unus in villa Szolbino cum decimo rustico Szolbitz, totum desertum quod extenditur a Swina ultra lacum Gardino et ultra villam Charvetiz cum mellificio et venatione decimi rustici Pletsenitz. — Ср. 310. duas villas sub uno nomine Gardis dictas, in quibus sedit Sabic et Rozsuar. См. ниже, 529.

(522) См. ниже, 529.

(523) Sefr. 139 и слѣд.

(524) Cod. Pomer. N 276.

(525) princeps (имя пропущено) maior et populus terre Rugianorum in Sclavia, Roscildensis diœcesis etc.

звать лихоимствомъ, пользуются слѣдующаго рода лихою, называемою въ просторѣчии *подачею* ⁽⁵²⁶⁾: именно, заимодавецъ получаетъ отъ должника ежегодно известное количество хлѣба, льна и другихъ вещей, гораздо болѣе чѣмъ вдвое превышающее занятую сумму денегъ, и не довольствуясь еще этимъ, беретъ съ должника за дочь его, если онъ захочетъ выдать ее за мужъ, пять грошей, безъ чего ему не было бы позволено выдать дочь за мужъ. Подобнымъ образомъ за каждую продаваемую имъ скотину, должникъ платитъ заимодавцу известное количество денегъ. Если же должникъ до полной уплаты долга ступить на путь всякой плоти (т.-е. умереть), то сіи мерзкія условія переходятъ на каждого изъ его наслѣдниковъ, такъ что если который-либо изъ нихъ не явится къ уплатѣ, то кладется за него въ судебномъ собраніи пучекъ соломы, послѣ чего онъ исключается изъ числа настоящихъ жителей своей земли (т.-е. изъ полноправныхъ членовъ общества) и обращается въ вѣчное рабство заимодавца» ⁽⁵²⁷⁾. Такое же учрежденіе существовало у Бодричей: «моихъ людей, состоящихъ у меня на *подачь*, т. е. имѣющихъ мои деньги, сказано въ одной дарственной записи Добрянскому (Доберанскому) монастырю ⁽⁵²⁸⁾, я поселилъ въ монастырскихъ деревняхъ для служенія братьѣ, и приказалъ, чтобы деньги и службы должныя мнѣ шли въ пользу братьи: изъ этихъ людей одинъ, по имени Даликъ, былъ мнѣ долженъ двѣ марки, другой, Неваръ, одну марку» ⁽⁵²⁹⁾. Что эти неоплатные должники,

(526) *poddas*.

(527) *Si vero debitor ante mutuae sortis solutionem viam fuerit universe carnis ingressus, talis detestanda conditio transit ad singulos heredes, ita ut si eorum aliquis solvendo non fuerit, supponitur ei in iudiciali foro fasciculus straminis, a quo presentibus habitatoribus terre sue deiicitur et in perpetuam creditoris redigitur servitatem.*

(528) *Diplomatarium Doberanense*, у Вестфалена, *Mon. cimbr.* III, 1469.

(529) *Homines meos habentes podocam meam id est argentum, ad defendendum ipsos (fratres in Dobberan) in villis eorum posui et idem argentum atque servicium quod mihi debebatur, fratribus impendi jussi, inter quos unus nomine Dalic duas marcas, alter Nivar unam debebat.* Въ одной Поморской грамотѣ эти должники названы просто рабами, даруемыми, какъ принадлежность деревни:

состоящіе на *подачь* у заимодавца, были именно *десятники*, о которыхъ говорятъ грамоты Поморскія и Ранскія, очевидно при тождествѣ ихъ характера и при несомнѣнномъ показаніи одной дарственной записи Ранскаго князя Яромира⁽⁵³⁰⁾: *десятники* были поселяне, за неоплатный долгъ исключенные, какъ говоритъ Григорій IX, «изъ числа настоящихъ жителей своей земли.»

Наслѣдственное право у Балтійскихъ Славянъ, по-видимому, основывалось на идеѣ семейной общности. Права лица на землю почитались принадлежащими не ему только лично, а семьѣ его, какъ показываетъ то, что отецъ не могъ отчуждать этихъ правъ безъ согласія дѣтей⁽⁵³¹⁾. Наслѣдство же дѣлилось между дѣтьми: не только не было маіората, но даже дочери признавались съ братьями соучастницами въ отцовскомъ имѣніи⁽⁵³²⁾.

LXI.

Военное значеніе «городовъ». Оборонительная система войны у Балтійскихъ Славянъ. Пограничныя оборонительныя линіи.

Военныя учрежденія Балтійскихъ Славянъ основывались на той же системѣ «городовъ», которые были средоточіемъ ихъ административнаго и судебнаго порядка.

Cod. Pomer. 30. cum omnibus, quæ ad villas pertinent, hoc est areis, edificiis, шанципіи etc.

(530) Cod. Pomer. 85. Colonos et villarum claustralium habitatores, ecclesie *подаizam* (т. е. *подачу*) habentes, liberos ab omni exactione ac servicio (sc. laico) constituimus: здѣсь противоплагаются обыкновенные поселяне и состоящіе на *подачь* точно также, какъ въ другихъ грамотахъ противоплагаются обыкновенные поселяне и *десятники*, *decimarii*.

(531) См. Cod. Pomer. 83.—188. consensu heredum nostrorum, videlicet Gerizlai, Petri, Jeromari, Wirzlai, Bonizlai (т. е. Borizlai), Nicholai: это именно сыновья дарователя.—220.

(532) Cod. Pomer. 114. abbas in Uznam cum fratribus de nostro beneplicito agros inter Watkow et Grob, in loco qui Tsirkevist appellatur, ab hiis qui vendere poterant, qui heredes agrorum illorum erant, quorum nomina sunt

Въ обыкновенное время, когда народонаселеніе жупы занималось мирными трудами земледѣія или торговли, Славянской городъ стоялъ, мы знаемъ, совершенно пустой; оставался въ немъ, можетъ быть, жрецъ, которому порученъ былъ городской храмъ, общественная святыня жупы, да жупанъ съ нѣсколькими чело-вѣками своей личной дружины, и то не всегда: ибо жрецы у Балтійскихъ Славянъ занимались мирскими дѣлами, ѣздили, какъ простые купцы, за море для торговли (533); притомъ у нихъ были храмовыя помѣстья (534), о которыхъ нельзя было имъ не заботиться; жупанъ съ дружиною, конечно, долженъ былъ объ-язывать жупу, и посѣщать свои собственныя имѣнія (535); посто-янной военной стражи, нарочно приставленной къ городу, нельзя предполагать у Балтійскихъ Славянъ (развѣ только въ мѣстахъ, подверженныхъ непрерывнымъ вторженіямъ непріятеля) (536), по-тому что здѣсь всякій чело-вѣкъ былъ воинъ въ военное время, и земледѣлецъ или промышленникъ въ мирное, а дружина по существу своему принадлежала непремѣнно какому-нибудь опредѣ-ленному лицу, князю ли, жупану или другому знатному чело-вѣку (537), но никогда не могла принадлежать безличной

hec: Rados. Golambewic. Tirink. Wonitik comparaverunt.—92. filii Ranni, Heinricus et Borts, illustri Luticiorum (prosapia ceteros antecellentes (ecclesiae) villas omnes que per provinciam Tolenze ad eos spectant hereditario, nostra conventia assignaverunt. — Helm. I, 48. «Nonne ego frater sum Zuentepolci, eodem patre Henrico genitus et de jure ditionis paternae cohaeres?»—Cod. Pomer. 80. ego Boguslaus et soror mea Dobroslava de Slavna dedimus has villas beato Johanni etc.

(533) Ebbo 102. quidam de sacerdotibus Ottoni contrariis cum ad negotia sua cum institoribus forte navigarent.

(534) Sax. 834.

(535) См. Sefr. 131. Contigit ergo Udalricum et Albinum ... Hologastam intrare, ubi a matrona quadam, uxore videlicet praefecti, sunt hospitio suscepti Equitaturas illorum et sarcinas illa per pueros suos extra civitatem deduci et in praesidio suo collocari jussit. Andr. 179: жена жупана Волегощскаго говорить имъ: Ascendite in superiora domus meae ibique latitate, et ego ministros meos cum exuviis vestris atque caballis ad remotiores villas meas dirigam.

(536) Напр. въ уквѣщеніяхъ пограничныхъ, о которыхъ рѣчь будетъ ниже.

(537) См. Andr. 186. Sefr. 82. 85. Cod. Pomer. N 175.

мѣстности ⁽⁵³⁸⁾. Стало быть, нельзя не повѣрить Саксону Грамматику, когда онъ рассказываетъ, что нѣсколько Датскихъ смѣльчаковъ рѣшились однажды «захватить врасплохъ и сжечь городъ Аркону и перебить всѣхъ тѣхъ (жителей торговой слободы и окрестныхъ мѣстъ); которые, (услыхавъ тревогу и не зная, въ чемъ дѣло), бросились бытуда искать защиты: ибо укрѣпленіе стояло пустое и безлюдное, охраняемое единственно запорами и замками» ⁽⁵³⁹⁾. Есть много другихъ подобныхъ извѣстій: явившись врасплохъ подъ Ростокомъ ⁽⁵⁴⁰⁾, Датчане не нашли въ немъ никого и выгнали городъ ⁽⁵⁴¹⁾; въ другой разъ, подплывши къ Вольту, они заняли безъ боя крѣпость, которая служила защитою этой богатой торговой пристани: крѣпость была пустая ⁽⁵⁴²⁾.

За то, какъ только разносился вѣсть о приближеніи неприятеля, вся жупа подымалась и собиралась въ городъ, всякъ уводилъ туда женъ и дѣтей и рабовъ своихъ, угонялъ стада, увосилъ пожитки, которыхъ не успѣвалъ зарыть дома ⁽⁵⁴³⁾: городъ, за нѣсколько дней передъ тѣмъ пустой, вдругъ набивался биткомъ. Воюя Рану нѣсколько мѣсяцевъ, Датскій король Вольдемаръ подошелъ наконецъ къ Кореницѣ: «какъ въ мирное время этотъ городъ бывалъ безлюденъ, говорятъ Саксонъ ⁽⁵⁴⁴⁾, такъ

(538) Въ Арконѣ была дружина, но она служила Арконскому богу Свентовиту и жрецу его, а не была приписана къ самому городу, см. Sax. 825.

(539) Sax. 742. Siquidem Arcon oppidum, vetusto simulacri cujusdam cultu inclutum, ignaris incolis incendio tentare cunctosque ejus praesidium petituos ex improvise opprimere statuerunt; munimentum quidem habitatore vacuum serarumque duntaxat claustris firmatum etc.

(540) Ростокъ былъ городъ Кичанъ, выстроенный уже послѣ подчиненія ихъ Болрицкому князю, подлѣ разореннаго Кицмня (см. Helm. II, 14.).

(541) Sax. 763.

(542) Тамъ же, 891.

(543) Helm. II, 13. Quotiens bellicus tumultus insonuerit, omnem annonam paleis excussam, aurum atque argentum et preciosa quæque fossis abundant; uxore et parvulos munitionibus vel certe (т.-е. «или по крайней мѣрѣ») sylvis contulant. Sefr. 144. fugere ac res suas ad loca munita deferre Widuk, I, 36: Inermes urbe egredi jussi: servilis autem conditio et omnis pecunia cum uxori bus et filiis etc.

(544) Sax. 841.

теперь былъ онъ застроенъ жилищами. Въ три яруса были возведены строенія, такъ что на нижнемъ ярусѣ держался средній и верхній (545). Тѣснота была такая, что если бы стали бросать въ городъ камни изъ мегательныхъ орудій, то ни одинъ камень не упалъ бы на голую землю. Вошь была страшная. Ежели бы огонь коснулся одной избы (*tabernaculum*), все бы тотчасъ вспыхнуло. Не было никакой возможности Кореничанамъ выдержать осаду, и они тотчасъ сдались» (546). При такой тѣснотѣ городъ ужъ ни къ чему не служилъ; но это былъ случай необыкновенный: Датскій король собралъ на Рану такія силы, какихъ Данія еще не вооружала, онъ предпринялъ не набѣгъ, а долговременный, систематическій походъ; Аркона пала: все, что оставалось на Ранѣ, стекалось мало по малу въ Кореницу, не надѣясь, конечно, на возможность обороняться въ ней, а скорѣе рассчитывая на то, что Датчане не подойдутъ къ Кореницѣ, окруженной со всѣхъ сторонъ страшными трясинами и болотами. Въ обыкновенныхъ же случаяхъ, когда непріятель не имѣлъ такихъ силъ и средствъ, какъ Вольдемаръ въ походѣ 1168 года, и когда народонаселеніе могло правильно размѣститься, каждая жупа въ своемъ городѣ, не такъ легко было брать Славянскіе города, хотя они были не велики (547) и не затѣйливо укрѣплены: валомъ (548) да дере-

(545) *Sed et hic locus, ut pacis tempore desertus, ita tunc frequentibus habitaculis consertus patebat. Quorum altitudinis tres ordines fuere, infimo mediis supremique ponderibus sustentamentum præbente.* Последнія слова Саксона называютъ, до какой степени необычайны были въ то время зданія въ нѣсколько ярусовъ, когда нужно было пояснить, что одинъ ярусъ поддерживалъ тяжесть другого.

(546) Тамъ же, 843.

(547) По всей странѣ Балтійской видны остатки старинныхъ Славянскихъ городовъ, о величинѣ и видѣ которыхъ можно судить по остаткамъ валовъ: обыкновенно эти города представляютъ видъ болѣе или менѣе правильныхъ, чаще продолговатыхъ, круговъ; иногда являются два или три концентрическихъ вала (напр. въ Требочцѣ, см. *Cod. Romer.* стр. 33). Самое большое изъ Славянскихъ укрѣпленій въ нын. Мекленбургѣ, судя по остаткамъ валовъ и земляныхъ работъ, сохранившимся до нашего времени, было Добино на Звѣтринскомъ озерѣ: валъ Добинскій представляетъ продолговатый кругъ, длиною въ 350 шаговъ, шириною въ 200 (См. *Jahrbücher* Мекленб. общества, VII, 174).

(548) Обыкновенно вали насыпались невысокіе: объ этомъ можно судить

вянною стѣною (⁸⁴⁰), по большей части вѣроятно въ родѣ забора или частокола (⁸⁵⁰). Въ рѣдкихъ только случаяхъ воздвигали Балтійскіе Славяне деревянную башню (⁸⁸¹), тамъ, гдѣ приступъ былъ легче, но никогда не строили они каменныхъ стѣнъ и

и по теперешнимъ остаткамъ, принимая, разумется, въ соображеніе дѣйствіе времени, сглаживавшаго мало-по-малу работу рукъ человѣческихъ; обыкновенная вышина вала въ нынѣшнее время, тамъ гдѣ они не распаханы, отъ 10 до 15 футовъ: такіа городища съ низкими валами, по замѣчанію Лиша (Jahrbücher, VI, 97), лежатъ всегда посреди болотъ, которыя составляли ихъ главную защиту, а на мѣстахъ сухихъ и открытыхъ валы насыпались повыше. Самый высокій валъ былъ, кажется, Арконскій, остатки котораго видны и теперь. По описанію Саксона (822), валъ былъ въ 50 локтей вышиною; нижняя часть его состояла изъ земляной насыпи, верхняя изъ бревень, сплоченныхъ землею; особымъ укрѣпленіемъ ограждали дорогу, которая вела, на сѣверной сторонѣ города, къ источнику, снабжавшему Аркону водою.

(549) Helm. I, 87. Niclotus *succendit omnia castra sua, videlicet Powe, Mikilinburg, Zuerin et Dobin, præcavens obsidionis periculum.* II, 4. *succenso castro potentissimo (Dimin) ut deponerent vallum et adæquarent solo.* II, 9. *succenderunt castrum (Mikilinburg) igne.* Sax. 797. Henricus ad obsidionem Deminæ urbis contendit. Quam postquam ultro ab incolis *obustam* comperit, ut universa ipsius monimenta subrueret, *reliquias mœnium solo exæquare* præcepit. Et urbem Gozcovam, simili incolarum trepidatione desertam, *cremandam* curavit Ornenses (мѣсто Osnenses, т.-е. жители Узвоина) quoque urbem desertam *incendunt* etc.—Mart. Gall. II, 28 (о Колобергѣ). *recessit Bolezlavus extra muros, omni prius ædificio concremato.* III, 18. Bolezlavus in Pomorania tria castella cepit, quibus *combustis et coæqualis* Ebbo 37. (слова Волынецъ) una domo succensa, totius urbis interitum subsequi necesse est. Ср. тамъ же 63.—Cod. Pomer. N 225, 1235 г. Inhibemus etiam ne coloni ipsorum urbes edificare vel reparare cogantur, excepto solo castro Gdancz, *si per proprium ignem fuerit concrematum.*

(550) Sax. 822. ligna glebis intersita. 891. Walagostenses, mœnium suorum angustias perosi, contractiora urbis spatia propagare cœperunt ... Siquidem frequentibus palis circa mœnia defixis, . . . propinqua muris vada clauderent.—Mart. Gall. II, 48. castellani (castrum Velun) ... propugnacula relevant, destructa reparant, *sudes præoccupatas* et lapides sursum elevant, obstruere portas festinant.

(551) Sax. 803. Arkon portam unicam habebat 830. turrim, quæ supra portam sita fuerat. Вѣроятно, какую-нибудь башню разумѣть и древній Польскій летописецъ, когда писалъ: *nunciatum est, Pomoranos exivisse, eosque contra Zutok, regni custodiam et clavem, castrum oppositum erexisse. Erat enim*

вообще не употребляли камня въ городахъ своихъ ⁽⁵⁵²⁾, развѣ иногда наваливали камней позади деревянной ограды, чтобы она держалась крѣпче, или закладывали ими городскіе ворота ⁽⁵⁵³⁾. Ктому же укрѣпленія возводились, кажется, на скорую руку: во время нападеній Датчанъ на поморье, Славяне въ одну весну выстроили, при устьѣ Свины, двѣ новыхъ крѣпости, заготовивъ строительный матеріалъ въ теченіи зимы ⁽⁵⁵⁴⁾. Конечно, при тогдашнихъ военныхъ средствахъ, и эти валы и деревянныя стѣны могли останавливать надолго цѣлыя войска: выстроенныя въ одну весну у Свины укрѣпленія показались Датчанамъ почти непреодолимыми; но главную силу Славянскіе города получали отъ мужественнаго упорства своихъ защитниковъ, народонаселенія цѣлою жуны, которое, укрывшись въ городѣ, обращалось въ неутомимое войско и оборонялось до послѣдней крайности, и также отъ той неприступной мѣстности, которую Славяне всегда выбирали для своихъ городовъ. Самая природа Балтійской страны съ ея безчисленными озерами, болотистыми рѣками, глубокими песками и топями, много этому способствовала; а при томъ Славяне обладали необыкновеннымъ умѣньемъ пользоваться мѣстностью и строить городъ всегда именно тамъ, гдѣ соединены были наилучшія условія для естественной обороны: вѣрность ихъ взгляда въ этомъ отношеніи возбуждаетъ удивленіе изслѣдователей, которые въ наше время изучаютъ Балтійскую страну и разбросанныя въ ней памятники Славянской старины. Изъ городовъ Балтійскихъ Славянъ, наиболѣе замѣчательныхъ, Аркона воздвигнута была на высокомъ утесѣ, вдавшемся обрывомъ въ море ⁽⁵⁵⁵⁾, Кореница лежала въ

castrum novum ita altum et ita proximum Christianis, quod ea quæ dicebantur et fiebant in Zutok, et audiri et videri bene poterant a paganis.

(552) Helm. I, 56. terram Plunensem, Luthilenburgensem, Aldenburgensem etc. vastaverunt, præter urbes, quæ *vallis et seris* munitæ, obsidionis studium perquirebant. — Всѣ выписанныя выше мѣста показываютъ, что постройки у Балтійскихъ Славянъ были только деревянныя и земляныя; о каменныхъ нѣтъ нигдѣ упоминовенія, и не видно слѣда ихъ въ многочисленныхъ остаткахъ Славянскихъ городовъ на поморьѣ.

(553) Mart. II, 48. sudes præoccupatas et lapides sursum elevant, obstruere portas festinant. (554) Sax. 953. (555) Sax. 822.

топяхъ, почти непроходимыхъ: къ ней вела только одна узенькая тропинка ⁽⁵⁵⁶⁾; Плуна, пограничная противъ Саксовъ твердыня Вагрская, самый крѣпкій изъ Славянскихъ городовъ въ этомъ краѣ ⁽⁵⁵⁷⁾, построена была на островкѣ, среди большаго и глубокаго озера, и сообщалась съ материкомъ только посредствомъ моста весьма длиннаго ⁽⁵⁵⁸⁾; среди озеръ стояли также Ратцбургъ (Ratzeburg), городъ Полабцевъ, Звѣринъ, Добино ⁽⁵⁵⁹⁾, Малахово, крѣпости Бодрицкія, Радигощъ, знаменитый городъ Лютичей ⁽⁵⁶⁰⁾. Сгорѣлецъ (Бранденбургъ), главная твердыня Стордорской земли ⁽⁵⁶¹⁾; прочіе города охранялись почти все

(556) Sax. 840. (557) Helm. I, 56.

(558) Helm. I, 25. — Другой пограничный городъ Вагровъ, Утинъ, также защищенъ былъ озерами и болотами: Helm. I, 63. Utinensis civitas adjuncta locogum firmitate.

(559) Вотъ что говоритъ Лизъ въ своемъ изслѣдованіи объ этомъ старинномъ Славянскомъ городѣ (Jahrbücher, V. 123—135): «Географическое и стратегическое положеніе Добина, какъ первостепенной крѣпости, избрано, кажется, съ глубокимъ пониманіемъ дѣла. Страна Мекленбургская раздѣлена, можно сказать, пополамъ по напрямленію съ сѣвера къ югу, длиннымъ Шверинскимъ озеромъ. На югъ отъ него до самой Бранденбургіи простирались, на восточной сторонѣ р. Stör (Стыри), огромныя лѣса и топи, замѣчательный остатокъ которыхъ видѣть теперь еще въ Лвицѣ (Lewitz), самомъ большемъ изъ болотистыхъ лѣсовъ Мекленбургіи. Отъ Фихельна (Vicheln) до Лудвигслуста нѣтъ другаго прохода, какъ только у Шверина и южнѣе, у деревень Plate и Bantichow, которыя въ древности, какъ и теперь, могли служить стратегическими точками обороны для всей этой страны. Главный же путь лежалъ на сѣверъ, между оконечностью Шверинскаго озера и Висмарскимъ заливомъ: здѣсь вездѣ почва твердая, плодородная, и здѣсь-то, для отпора непріятелю, лежали древній городъ Мекленбургъ, у Висмара, и не въ дальнемъ разстояніи (около 2 часовъ ѣзды отъ Висмара), крѣпость Добино. Крѣпость была построена въ этомъ именно мѣстѣ, а не далѣе къ сѣверу, вѣроятно, для того, чтобы войско, на нее оправшееся, не могло быть обойдено и отрѣзано съ юга, со стороны земли, и оттѣснено къ морскому берегу. Положеніе Добина у главныхъ, такъ сказать, воротъ всей страны при большемъ озерѣ, по которому открывалось сообщеніе съ южными краями, и впереди пространныхъ, плодородныхъ равнинъ, простиравшихся на востокъ и доставлявшихъ помощь и возможность отступленія, — положеніе Добина было, конечно, столько же выгодно, сколько положеніе твердыни Звѣринской, построенной въ подобной мѣстности» (стр. 134).

(560) См. ниже, LXXVII.

(561) Widuk. I, 35. castris super glaciem positis. Cod. Pomer. 7. dimidium

рѣками и болотами. Изъ городовъ Поморскихъ, Шетинь, выстроенный на возвышеніи, имѣлъ оплотомъ Одру и близлежащее озеро; онъ обнесенъ былъ со всѣхъ сторонъ высокимъ валомъ, и огражденный природою и трудами человѣческими, казался современникамъ неприступнымъ: даже въ Даніи славилась твердыня Шетинская, и о тѣхъ, которые понапрасну считали себя въ безопасности, Датчане говаривали въ шутку, что у нихъ для защиты нѣтъ Шетинской твердыни ⁽⁸⁴²⁾; Волинъ находилъ оплотъ въ окружавшихъ болотахъ и канавахъ ⁽⁸⁶⁵⁾; Накло, главная защита Поморья со стороны Польши, охранялось также болотами, независимо отъ важныхъ укрѣпленій ⁽⁸⁶⁴⁾. О множествѣ другихъ городовъ, менѣе замѣчательныхъ, мы не упоминаемъ.

На этихъ городахъ опиралась вся военная система Балтійскихъ Славянъ. Устройство было самое простое; мы сказали, что у Балтійскихъ Славянъ каждый человѣкъ, способный идти на войну, былъ воинъ, и въ случаѣ опасности весь народъ тотчасъ подымался и сходилъ вооруженный и готовый къ оборонѣ, каждая жупа въ свой городъ ⁽⁸⁶⁵⁾. Нельзя не замѣтить, что такой законъ всенароднаго ополченія соответствовалъ вполне общему характеру быта Балтійскихъ Славянъ и составлялъ какъ бы примѣненіе къ военному дѣлу господствовавшего у нихъ общиннаго начала; только не было единства и связи въ дѣйствіяхъ, ибо почти всегда каждая жупа оборонялась въ своемъ городѣ отдѣльно, не помышляя объ общемъ дѣйствіи противъ непріятеля. Таковыми являются почти всегда войны Поморянъ съ Поляками и съ Датчанами.

partem insule totius septentrionalem, in qua civitas eadem (Brendunburg) habetur constructa.

(562) Sefr. 51. civitatem Stetinensem, quæ stagno et aquis undique cincta, omni hosti inaccessibilis putabatur. Saxo 866. Stitinum, veterrimum Pomeraniæ oppidum eminentis valli sublimitate conspicuum, insuper natura arteque æqualiter munitum, ut inexpugnabilis pæne existimari possit. Hinc mos proverbii sumptus, eos qui se tutos inaniter jactant, Stetini præsidio non defendi.

(563) Sefr. 92. stagnum quod cingebat civitatem. (564) Mart. Gall. III, 1.

(565) Cod. Pomer. N° 41, грамота Поморскаго князя Казимира, 1175 г. cum necesse fuerit ad defensionem terre sue procedere, sint parati (homines ecclesiæ) infra ipsam terram, cum eam hostiliter invaserint inimici. Вообще все историческія свидѣтельства указываютъ на такой способъ веденія войны.

Западные племена приобрели, в течение вьковой борьбы съ Германцами, болѣе опытности: часто снаряжали они большія войска, назначенныя для наступательныхъ дѣйствій. Въ такомъ случаѣ князь возвѣщалъ по всей странѣ о предстоящемъ походѣ ⁽⁵⁶⁶⁾, въ каждой жупѣ одна часть народа избиралась и шла въ походъ, а прочіе оставались подъ оружіемъ для охраненія страны ⁽⁵⁶⁷⁾. Войско сходилось, но и въ немъ не исчезало начало народнаго дробленія: особо шель отрядъ каждаго племени и каждой жупы, подъ своими знаменами, за своимъ вождемъ ⁽⁵⁶⁸⁾. Цѣлымъ же войскомъ предводительствовалъ князь. Другаго какаго-нибудь полководца мы ни разу не встрѣчаемъ у западныхъ вѣтвей Балтійскихъ Славянъ; на Поморьѣ обширность границъ могла иногда заставить князя послать войско подъ другимъ начальникомъ: но и тутъ, когда собирались противъ непріятеля значительныя силы, князь почти всегда велъ ихъ самъ. Неизвѣстно, кому принадлежало начальство надъ войскомъ у Лютичей, которые не имѣли князя; мы знаемъ только, и уже сказали, что они и въ походѣ собирались на сходку, какъ въ мирное время: вѣроятно, войсковая сходка, передъ выступленіемъ ли въ походъ или передъ битвою, провозглашала кого-нибудь вождемъ, не предоставляя ему однако опредѣленной и значительной власти. Защитою же городовъ распоряжались, кажется, жупаны, начальники жупъ, а жупаны же, или какіе-нибудь особо назначенные воеводы, могли быть предводителями отдѣльныхъ отрядовъ, изъ которыхъ составлялось войско ⁽⁵⁶⁹⁾. У тѣхъ Балтійскихъ Славянъ, которые

(566) Helm. I, 38. (Henricus, Obotritorum rex) misit nuncios in universas Slavorum provincias, ad contrahenda auxilia, conveneruntque omnes pari voluntate eademque sententia, ut pararent jussionibus regis.

(567) Thietm. VII, 44 и множество другихъ извѣстій; Sefr. 102 Novem patres familiæ decimum in expeditionem armis et impensis abunde procurabant, et ejusdem familiæ interim domi fideliter providebunt.

(568) Helm. I, 38. agmina Slavorum de universis provinciis distincta per vexilla et cuneos; omnibus ergo caute et ordinate per singulas acies consistentibus, soli duces egressi sunt ad salutandum regem Singulis autem ducibus certatim se offerentibus, Slavorum agmina suis ordinibus subsecuta sunt.

(569) Вообще эти отношенія у Балтійскихъ Славянъ чрезвычайно темны. Главная, можно сказать, единственная власть у Лютичей была община, но

имѣли князей, при князьяхъ состояла и дружина; а на Поморьѣ, мы видѣли, кромѣ князя и знатные люди любили окружать себя дружиною (570). Но вся исторія Балтійскихъ Славянъ показываетъ, что у нихъ эти дружины не имѣли въ общественномъ строѣ никакого особеннаго значенія и влiянiя (571). Понятно, что тамъ, гдѣ весь народъ былъ привыченъ къ войнѣ и всегда готовъ вооружиться, дружина, т. е. товарищество людей, посвятившихъ себя исключительно военному ремеслу, не могла прiобрѣсти насильственно той власти, какая такъ легко доставалась ей среди народовъ не воинственныхъ и изнѣженныхъ, охотно вручавшихъ ей свою защиту; а съ другой стороны, дружинное начало такъ мало согласовалось съ бытомъ Балтійскихъ Славянъ вообще, съ незначительностью у нихъ княжеской власти, съ господствомъ поголовнаго ополченiя, что оно у нихъ не могло усиливаться естественнымъ путемъ. Только въ Бодрицкомъ плѣмени, у котораго общинный бытъ ослабѣлъ и средневѣковыя учрежденiя Германiи почти всегда принимались за образецъ князьями и княжескими приверженцами, дружина получила, кажется, болѣе обширный кругъ дѣйствiя и была столь многочисленна, что князь могъ воевать съ нею внѣ своихъ предѣловъ безъ участiя народной рати (572). Но и у

трудно повѣрить, чтобы отдѣльныя ихъ жупы и города, даже во время совершенной своей особности, не признавали никакого вождя, никакого старѣйшины: Саксонцы именно говорятъ объ особомъ начальникѣ (*dux*) Волегоца (773), житiе Оттона о жупанѣ (*praefectus*) Дымнскомъ (Sefr. 121) и Волегоцскомъ (Sefr. 132); но никакихъ показанiй о военной власти этихъ жупановъ мы не находимъ. Что же касается до *воеводъ*, то мы можемъ сказать только одно: что Балтійскимъ Славянамъ известно было это слово; о томъ свидѣтельствуетъ названiе, которое получила у нихъ давнъ, платившаяся Саксонскимъ герцогами: *воеводицица* (*wogewotinza*).

(570) Sefr. 82. 83. 85. Andr. 186.

(571) Разумѣется, мы говоримъ здѣсь только о дружинахъ Славянскихъ: слова наши не относятся къ тѣмъ колонiямъ Скандинавскихъ дружинниковъ, которыя въ X в. водворились на Славянскихъ берегахъ и прiобрѣли тамъ великое значенiе: это явленiе внѣшнее, совершенно чуждое быту Балтійскихъ Славянъ; объ немъ будетъ сказано на своемъ мѣстѣ.

(572) Helm I, 16.—Thietm. VIII, 4. Liutici . . . Mistizlavum (Бодрицкаго князя) . . . semet ipsum intra Zuarinæ civitatis municionem cum militibus

Бодричей, при всѣхъ благоприятныхъ условіяхъ, общественное, политическое значеніе дружины осталось все-таки ничтожнымъ, и все-таки вся военная сила ихъ основывалась на общемъ ополченіи народа.

Общественному быту и строю Балтійскихъ Славянъ должна была по преимуществу соответствовать война оборонительная; за исключеніемъ пограничныхъ съ Германіею племенъ, они были такъ склонны къ земледѣлю и промышленности, что конечно не охотно отрывались отъ своихъ обычныхъ трудовъ и занятій, и не имѣя постоянной военной силы, воевали, разумѣется, только въ случаѣ крайней нужды. Часто князь освобождалъ цѣлыя деревни отъ обязанности давать воиновъ въ общее войско и только оставлялъ на нихъ повинность участвовать въ оборонѣ своей *жупы*, еслибы непріятель въ нее вторгся (⁵⁷³). Недостатокъ внутренняго единства въ народѣ, отсутствіе государственной власти, дробленіе на жупы, все это, а болѣе всего система городовъ и привычка защищаться въ нихъ, вотъ что по необходимости придавало военнымъ предпріятіямъ Балтійскихъ Славянъ характеръ разрозненный и оборонительный. Въ полѣ они дѣйствовали неопытно, въ городахъ защищались превосходно. Рѣдко выводили они значительныя силы за предѣлы своей страны: ихъ наступательныя дѣйствія состояли скорѣе въ набѣгахъ, чѣмъ въ правильныхъ походахъ; а когда на нихъ нападалъ непріятель и вторгался въ ихъ землю, то они также никогда почти не собирались для общаго отпора, а разбрасывались по городамъ и въ нихъ запирались (⁵⁷⁴): непріятель могъ грабить и жечь открытыя поля и деревни, но чтобы вести настоящую войну про-

electis colligere cogunt. Cp. Sax. 973. Jarimarus (князь Равскій) *pec quisquam ex ejus satellitibus.*

(573) См. выше, выводу 459.

(574) Sefr. 144. *civitates (Pomeraniæ) viribus suis se deinceps tutas fore confiderent, munitionibus et castris, quæ belli tempore complanata fuerant, ex magna parte hoc intervallo reparatis; fugere ac res suas ad loca munita deerre.* Helm. I, 62. *Nicolotus convocavit universam gentem suam et cœpit ædificare castrum Dubin, ut esset populo refugium in tempore necessitatis.* Cp. II, 13.

тивъ Балтійскихъ Славянъ, ему надобно было идти отъ города къ городу, осадить и брать ихъ ⁽⁵⁷⁵⁾; обладаніе городами влекло за собою обладаніе всею землею ⁽⁵⁷⁶⁾. Этимъ характеромъ войны объясняется, отчего Балтійскіе Славяне съ такимъ упорствомъ противились, въ продолженіе нѣсколькихъ вѣковъ, безчисленнымъ нашествіямъ враждебныхъ силъ, которыя окружали ихъ со всѣхъ сторонъ, но никогда также не умѣли воспользоваться никакою побѣдою, ни обезпечить себя никакими общими мѣрами. Склонность ихъ къ оборонительной системѣ замѣчательнымъ образомъ рисуется въ одной чертѣ, которую приводитъ древній Польскій лѣтописецъ: однажды, встрѣтившись въ полѣ съ Болеславомъ Смѣлымъ, Поморское войско чрезвычайно озадачило Польскаго князя неожиданнымъ построениемъ: оно окружило себя рядомъ копій, воткнутыхъ въ землю тупымъ концемъ, а остриемъ обращенныхъ къ неприятелю ⁽⁵⁷⁷⁾: вдругъ сдѣлали себѣ Поморяне въ полѣ родъ крѣпости; разумѣется, не трудно было Полякамъ прорвать эту ограду, но Поморяне предпочли такую ненадежную оборону смѣлому наступленію, которое, быть можетъ, и дало бы имъ побѣду.

Балтійскіе Славяне большею частію сражались пѣшіе; за исключеніемъ дружинъ ⁽⁵⁷⁸⁾, конницы у нихъ почти не было ⁽⁵⁷⁹⁾: и это необходимое слѣдствіе оборонительной системы.

(575) Helm. I, 56 (см. выноски 479).—M. Gall. II, 48. (Bolezlavus) hostium terram (Поморье) ingrediens, non prædas sequitur vel armēta, sed castrum velun obsidens, machinas præparat ac diversi generis instrumenta. II, 15. (Bolezlavus Pomoraniam) subiugare concupiscens, prædas agere prius vel incendia facere non conatur, sed eorum munitiones vel civitates obtinere vel destruere meditatur. II, 30. Scarbimirus, comes Poloniæ castellorum vel civitatum nominari voluit expugnator, quam villarum multarum scilicet vel armentorum deprædator. Jgitur unum castellum expugnavit, unde quibusdam vero captivatis eductaque præda, totum radicibus concremavit. Ср. еще въ особенности разсказъ Саксона 891 и мн. др. извѣстій.

(576) Widuk. I, 35. Cum illa urbe (Brennaburg) potitus omnem regionem. Helm. I, 25. Slavi Buthue provinciâ pepulerunt, diripientes præsidia, in quibus confugium habebat. Videns autem se principatu extorrem etc. I, 34 (Henricus) occupavit munitiones, quas ante habuit Cruto etc.

(577) M. Gall. III, 1. (578) Helm. I, 16. Sefr. 85. Sax. 825.

(579) M. Gall. III, 1, и всѣ вообще историческія извѣстія о войнахъ Балтійскихъ Славянъ показываютъ это.

Замѣчательнѣйшимъ явленіемъ военнаго устройства у Балтійскихъ Славянъ были пограничныя оборонительныя линіи. Трудно бы было, казалось, ожидать такого учрежденія тамъ, гдѣ война не сдѣлалась еще предметомъ правильнаго искусства и гдѣ не существовало государственнаго порядка. Но пограничныя оборонительныя линіи до такой степени соответствовали общему характеру военнаго дѣла у Балтійскихъ Славянъ, что возникли у нихъ, можно сказать, сами собою, съ временъ незапамятныхъ. — Мы имѣли уже случай замѣтить, какъ велико было въ X вѣкѣ число укрѣпленій на правомъ (Славянскомъ) берегу Лабы въ землѣ Стодорской: нѣтъ, кажется, сомнѣнія, что тутъ была оборонительная цѣпь противъ Нѣмцевъ; но раннее завоеваніе этого края и недостатокъ извѣстій не позволяютъ судить объ ней подробно. Далѣе на сѣверъ, сопредѣльныя съ Германією племена Глинянъ, Полабцевъ, Вагровъ были такъ малы, что не могли, конечно, учредить себѣ настоящую пограничную цѣпь и стражу: здѣсь городъ племени или жупы былъ съ тѣмъ вмѣстѣ и пограничною точкою обороны (напр. Лончинъ, городъ Глянянъ, Ратиборъ, городъ Полабцевъ, Вагрскіе города Даргупъ, Плуна, Утинъ со стороны земли, Лютикенбургъ, Старыгардъ Сусле со стороны моря), здѣсь всякій челоувѣкъ былъ всегда на-сторожѣ, какъ настоящій украинецъ: вспомнимъ рассказы Гельмольда о воинственной жизни Вагровъ. Другое дѣло было у Поморянъ: земля Поморская была обширна, главные ея города лежали далеко отъ границы, гдѣ со стороны Поляковъ грозилла непрестанная оаасность; и вотъ Поморье приняло свои мѣры, учредило по всей сопредѣльной съ Польшею чертѣ цѣпь укрѣпленій, предназначенныхъ къ тому, чтобы удерживать вторженія непріятеля и давать народонаселенію жупъ время вооружаться и собираться въ свои города. Пограничныя укрѣпленія не были средоточіями особыхъ жупъ: они зависѣли отъ жупы, на границѣ которой находились, и подчинены были главному ея городу⁽⁵⁸⁰⁾; кажется, ихъ строила и поддерживала вся жупа или ближайшія къ границѣ

(580) Sefr. 112. duo castella, Gratitum et Lubinum, quæ in confinio posita, ad pagum pertinebant Stetinensem.

деревни, наиболѣе нуждавшіяся въ защитѣ, а не князь, не вся земля⁽⁵⁸¹⁾. Въ нихъ пребывала постоянная военная стража⁽⁵⁸²⁾, но изъ кого она состояла, какъ избиралась, неизвѣстно: кажется, то была общественная повинность, лежавшая на цѣломъ народонаселеніи жупы⁽⁵⁸³⁾. Главнымъ начальникомъ пограничныхъ укрѣпленій былъ, вѣроятно, жупанъ той жупы, къ которой они принадлежали⁽⁵⁸⁴⁾; но нѣтъ сомнѣнія, что каждое укрѣпленіе имѣло особаго военнаго начальника⁽⁵⁸⁵⁾.

Укрѣпленная пограничная черта Поморья со стороны Польши (а противъ нея Поляки на своей землѣ воздвигли другой рядъ укрѣпленій) начиналась у Одры: на лѣвомъ берегу Градище (теперь Garz), на правомъ Выдухово (Fiddichow) и Чедно (Zehden) оберегали богатая низовья Одры, и стояли сторожевыми укрѣпленіями Щетинской жупы, къ которой и были, по видимому,

(581) Cod. Pomer. N 175. Redidimus eiam ipsorum homines liberos a custodia castrı, sed tantum castrum cum aliis hominibus quelibet villa in suo loco edificabit, id est in castellania, et non alias. Тамъ же, 290. Et si fuerit necesse propter timores inimicorum, liceat domino episcopo facere municionem inter predictas villas, vel municiones, de predicti tamen ducis consilio et consensu; et dux convenit et promisit adhibere, si opus fuerit, consilium et consensum. 291. contuli predicto episcopo quandam terre mee castellaniam, que Goruchino vulgariter nuncupatur, decem et octo villis utilibus preciosam Liberum igitur est ... episcopo ... municionem contra hostes in quolibet loco dicte castellature construere, meo vel heredum meorum consensu minime requisito; ... tamen ... pro terre defensione predictarum villarum incolae sub meo debent vexillo militare.

(582) M. Gall. III, 1. oppidani (castrı Nakel) inducias quæsierunt ... audientes autem hæc de sex aliis castellis oppidani, consilium itidem inierunt. III, 26. castellum (Nakel) erat et viris et rebus necessariis sic firmatum, quod non esset armis vel necessitate rei cujuslibet per annum continuum expugnatum. (Bolezlavus) castellum Wysegrad impetuose capere, castellanis non præmeditantibus nec præmunitis, cogitavit. Cod. Pomer. 175. custodia castrı.

(583) Cod. Pomer. тамъ же.

(584) M. Gall. III, 26. castrum Nakel Bolezlavus cuidam Pomorano Suatopolc concesserat cum aliis castellis pluribus etc. Castellani (одной изъ пограничныхъ крѣпостей восточнаго Поморья) de Suatopolc suo domino nullum auxilium expectabant.

(585) M. Gall. II, 47. Gnevomir (dominus) castelli Charncou.

причислены (586). Далѣ черта шла по Вартѣ и Нотечи: главная Поморская крѣпость на Вартѣ была, кажется, Междурѣчье (587); у слиянія Варты и Нотечи, насупротивъ Польской твердыни Сантока или Сутока (588), Поморяне старались также имѣть свое укрѣпленіе (589); далѣ, на Нотечи, ихъ города были Волянъ или Вельнъ (590) (теперь Filehne) Чарниковъ (591), Устье (Uscz) (592) и сильнѣйшій оплотъ Поморья, неприступная въ болотахъ крѣпость Накло (593).

На сѣверъ отъ Нотечи тянулась полоса лѣсовъ и болотъ, которая служила какъ бы второю оградю Поморской земли, а за этими лѣсами и болотами завоеватель встрѣчалъ другой рядъ укрѣпленныхъ мѣстъ, Пырицу, Старгардъ, Бѣлгардъ, и второ-степенныя крѣпости, Карбье (на поль-дорогѣ отъ Пырицы къ Старгарду) (594), Пѣсекъ на сѣверо-востокъ отъ Старгарда (595), и много другихъ, которыхъ имена не сохранились, но слѣды видны и теперь на чертѣ между Пырицей, Старгардомъ и Бѣлгардомъ въ многочисленныхъ остаткахъ старинныхъ валовъ (596).

(586) Segr. 112. Cod. Pomer. 24. 26. Въ грамотѣ 1187 г. (Cod. Pomer. 61) приводится *кастелланъ* Чедневской (Gozizslauz de Zedin), но о жупѣ Чедневской нѣтъ упоминовенія въ многочисленныхъ грамотахъ этого времени: *кастелланъ* Чедневскій былъ, безъ сомнѣнія, только вѣдальникъ пограничной крѣпости, какъ напр. Гявномірѣ Чарниковскій, о которомъ повѣствуетъ Мартинъ Галль. Только въ позднѣйшее время, подъ вліяніемъ Нѣмецкихъ учреждений, Чедно, какъ и многіе другіе города и замки на Поморьѣ, составило особый округъ. Cod. Pomer. N 288, 1240 г.: in territoriis Ceden, Piritz, Princelou, Pinkun et Stetin.

(587) M. Gall. II, 14; положеніе Междурѣчья въ точности неизвѣстно.

(588) Теперь деревня Zantoch. См. объ этомъ Balt. Stud. XI, 1, 169.

(589) M. Gall. II, 17. (590) Mart. Gall. II, 48. (591) M. Gall. II, 44.

(592) Andr. 126. castrum quoddam, quod Uzda nominatum est, quod est in confinio utriusque terræ. Segr. 51. Vadam (описка вмѣсто Vsdam или Vzdam) civitatem munitam et fortem. M. Gall. II, 47. Uscze castrum.

(593) M. Gall. III, 1. castrum Nakel in confinio Poloniæ ac Pomoranæ, paludibus et opere firmum; см. еще II, 3. III, 26.

(594) Карбье (castrum Carbe) лежало у дер. Прилупа, см. Cod. Pomer. 38 и Balt. Stud. XI, 1, 178.

(595) По новѣйшимъ изысканіямъ, крѣпость эта находилась между дер. *Kietsig* и *Mulkentin*, см. Balt. Stud. X, 2, 167. и XI, 1, 180.

(596) См. разсужденіе Гизебрехта, «die Landwehr der Pommeren und der Polen», въ Balt. Stud. XI, 1.

Эти два ряда укрѣпленій, воздвигнутыхъ для защиты западнаго Поморья отъ Польши, составляли главную, самую крѣпкую изъ украинъ Поморскихъ: на ней по преимуществу приходилось Поморянамъ отстаивать свою независимость, и на ней они сосредоточивали наиболѣе силъ; но были кромѣ того и другія укрѣпленныя линіи, которыя не имѣли, правда, такого важнаго историческаго значенія, но все же свидѣтельствуютъ о томъ, какъ сильна была у Балтійскихъ Славянъ страсть къ оборонительной системѣ войны. Восточное Поморье учредило себѣ также укрѣпленную линію противъ Поляковъ, которая является какъ бы продолженіемъ линіи, проходившей по Нотеци ⁽⁵⁹⁷⁾, и шла отъ Накла къ Вышеграду на Вислѣ ⁽⁵⁹⁸⁾; на Вислѣ оно имѣло нѣсколько укрѣпленій противъ Пруссовъ ⁽⁵⁹⁹⁾. По обѣимъ сторонамъ Одры находятся многочисленныя слѣды старинныхъ валовъ и «городовъ», которые, вѣроятно, относятся къ тому времени, когда Одра раздѣляла враждебныя племена Поморянъ и Лютичей, и составляли ихъ обоюдную оборонительную линію ⁽⁶⁰⁰⁾. Наконецъ и на морскомъ берегу мы находимъ цѣлый рядъ укрѣпленій для защиты Поморья со сторонъ Датчанъ и Скандинавовъ ⁽⁶⁰¹⁾. Приморскіе торговые города, Щетинъ, Волинъ, Камень, Колобрегъ состояли каждый изъ укрѣпленія, «города», окруженнаго предмѣстьями ⁽⁶⁰²⁾: въ случаѣ непріятельскаго нашествія, народонаселеніе ихъ, покидая открытыя предмѣстья и собираясь въ «городъ», могло выдерживать долгую и упорную осаду: Щетинъ, Волинъ, Камень и Колобрегъ были такимъ образомъ основныя точки въ прибрежной оборонительной линіи Поморянъ. Замѣчательно, что въ Колобрегѣ,

(597) См. Balt. Stud. XII, 1, 100.

(598) M. Gall. III, 26. castellum Wysegrad. Вышеградъ лежалъ у впаденія р. *Vraa* въ Вислу, близъ дер. *Fordon*, см. Balt. Stud. XV, 1, 165: Röpell, Gesch. Polens, I, 671.

(599) См. изслѣдованіе Квандта, «die Ostgrenzen Pommerns», въ Balt. Stud. XV, 1.

(600) См. изслѣдованія Гизебрехта, «die Landwehre der Luitizer und Pommern auf beiden Seiten der Oder» и «Luitizische Landwehre», въ Balt. Stud. XI, 2.

(601) См. изслѣдованіе его же, тамъ же напечатанное, «das Pommersche Landwehr an der Ostsee».

(602) Andr. 130. extensis ante castrum (Julin) tentoriis. 144. duas illic ecclesias constituit, unam in civitate Julin, alteram extra civitatem in campo

кромѣ внутренняго «города», была еще крѣпостца внѣ городской черты, со стороны моря⁽⁶⁰³⁾, предназначенная, вѣроятно, для защиты богатыхъ торговыхъ предмѣстій отъ внезапнаго нападенія морскихъ разбойниковъ. Со включеніемъ этихъ городовъ, прибрежная оборонительная линія Поморскаго княжества (т. е. собственнаго Поморья и восточной части Лютичей), была слѣдующая; мы идемъ съ запада къ востоку: Бартъ (здѣсь упоминаются уже въ XIII в. двѣ крѣпости старая и новая⁽⁶⁰⁴⁾), Перунъ (теперь Pron, на сѣверъ отъ Стральзунда), Крестово (Cristow, теперь Gristow), Гардище (antiquum castrum Gardist, кажется, на сѣверъ отъ нын. Грейфсвальда⁽⁶⁰⁵⁾), Гардинъ и Гардъ на островѣ Хостинъ (теперь Koss)⁽⁶⁰⁶⁾, Гутинъ (antiquum castrum Guttin, близъ Грейфсвальда, къ югу)⁽⁶⁰⁷⁾, Острожна, Волегощъ, Лышане, Узноимъ и еще два городища на Ванцлавскомъ островѣ⁽⁶⁰⁸⁾, Любинъ на островѣ Волинъ (теперь Lebbin)⁽⁶⁰⁹⁾, Волинъ; Щетинъ; Камень; Требетово (castrum Trebetow.⁽⁶¹⁰⁾, теперь Trepctow), Бѣлбогъ близъ Требетова⁽⁶¹¹⁾; Колобрегъ и три городища по дорогѣ отъ Колобрега къ Кёслину; Дерлово (у нын. Rügenwalde), Славно, Столпъ, Бѣлгардъ на р. Лебъ и наконецъ Гданскъ⁽⁶¹²⁾.

miræ latitudinis et amonitatis, illicque sedem episcopalem statuit: очевидно, это поле было застроено и заключало въ себѣ главную часть Волинскаго народонаселенія, ибо Оттонъ не поставилъ бы митрополи въ пустынномъ мѣстѣ. — О крѣпости Щетинской см. Sax. 866, 868, Каменской — его же 893, Колобрежской — M. Gall. II, 28.

(603) M. Gall. II, 39. cum jam ad urbem Cholbreg declinaret et castrum mari proximum expugnaret. ...

(604) См. грамоту 1255 г. у Фабриціуса, N LXII.

(605) См. Fabric. II, 92.

(606) Cod. Pomer. 83, 1203 г. insula que vocatur Chosten; in Gartsin etc.; 85, 1207 г. in castro Garchen; тамъ же стр. 200, 1275 г. per circuitum Cuzse versus orientem donec ad finem Cuzsce sive castrum quod Ghart dicitur. ...

(607) Обо всѣхъ этихъ городахъ см. Fabr. II, 90 и слѣд., и Balt. Stud. XI, 2, 1—30. (608) Balt. Stud. XI, 2, 19.

(609) Sax. 868. Cod. Pom. 60. vicus ante ipsum castrum Lubbin.

(610) Cod. Pomer. 148.

(611) См. Balt. Stud. II, 1, 4. Cod. Pomer. 86. locum iuxta Trepctow situm, quondam Belbuc, nunc sancti Petri castrum dictum.

(612) См. Balt. Stud. XI, 2, 1—30.

(Продолженіе будетъ).

МОСКВА 1855 ГОДА.

НЕДЕЛЯ ПРАВОСЛАВІЯ.

Вхожу я въ Кремль съ главой непокровенной,
Вотъ предо-мной и твёрдъ и древень онъ —
И слышу я съ молитвою смиренной
Его церковей протяжный звопъ,
И мнится мнѣ, на прежнія дѣнья
Давно знакомый голосъ насъ зоветъ:
Нашъ Русскій Царь послалъ свое воззванье
Къ тебѣ, незаблемый народъ !
Но не впервѣй тебѣ, о Русь святая,
По маію Царей твоихъ вставать,
И кровь и жизнь за вѣру отдавая,
Свою святыню защищать !
Нашъ этотъ Кремль ! въ немъ ратовалъ Пожарскій,
Отсюда зрѣлъ пожаръ Наполеонъ —
И мы теперь внимаемъ голосъ Царскій:

Призывный кличь! Кремлевскій звонъ!
Отгрянетъ Русь отъ края и до края—
О, при концѣ великаго поста,
На звонъ Ивана звономъ отвѣчая,
Не даромъ ты звучишь, земля родная,
На свѣтлый день воскресшаго Христа!.....

МИХАИЛЪ СТАХОВИЧЪ.

1855 года,
февраля 13-го.
Москва.

ДЕРЕВЕНСКІЯ СВАДЬБЫ

ВЪ КОЛОГРИВСКОМЪ УѢЗДѢ КОСТРОМСКОЙ ГУБЕРНІИ.

(Отрывокъ изъ путевыхъ замѣтокъ).

....Мѣстоположеніе Галича очень хорошо. По лѣвую сторону его, если ѣдешь отъ Костромы, Галичское озеро, известное ершами, какъ Переславское сельдями, съ обширною долиною между высокихъ горъ, а по правую высокіе, круглые, будто насыпные холмы — продолженіе горъ, окружающихъ долину. Галичь стоитъ на скатахъ и при подошвахъ ихъ, и съ горъ по сую сторону открывается взору какъ на блюдѣ. Вдали, между лѣсами, по горамъ рисуется на горизонтѣ множество приходскихъ церквей и деревень.

Въ Галичь при мнѣ была купеческая свадьба въ соседнемъ съ моею квартирою домѣ. Галичскія купчихи, объ-ручку съ мужьями, шли на нее вдоль улицы въ русскомъ нарядѣ— въ штофныхъ сарафанахъ, въ наклонахъ, поднизяхъ и сборникахъ, и, плавно выступая, кланялись на обѣ стороны, смотрѣвшимъ изъ оконъ любопытнымъ, знакомымъ и незнакомымъ. Изъ городовъ Костромской губерніи чуть ли не въ одномъ Галичь вполнѣ и во всей чистотѣ сохранились русскіе костюмы. Здѣсь въ приданое за невѣстой обыкновенно даютъ два костюма—платья съ салопами и шляпками, и сарафаны съ поднизями, сборниками и наклонами.

Изъ Галича къ посаду Парѣеньеву дорога сперва идетъ долиною верстъ на 20, черезъ рѣки. Долина вся поросла кустарникомъ—багуномъ, мужжевелиникомъ, и вечеромъ въ теплую погоду рѣзкій запахъ ихъ такъ и бросается въ носъ.

Паренъевъ тоже на хорошемъ мѣстоположеніи, на горѣ и на скатѣ ся, на берегу рѣки Неи. Одна церковь стоитъ на горѣ, а двѣ на двухъ высокихъ насыпныхъ холмахъ. По низменнымъ берегамъ рѣки, гдѣ, какъ подъ посадомъ, береговья горы широко раздвигаются, идутъ покосы. По горамъ въ перемежку большіе сосновые лѣса (*), нивы, покосы, приходскія церкви, помѣщичьи усадьбы. Прекрасныя виды съ холма, отъ соборной церкви! На холмахъ весной гуляютъ и водятъ хороводы дѣвицы.

Народъ здѣсь не то, что въ Галичѣ: здѣсь народъ форсунъ, какъ выражаются сами Паренъевцы. Послѣдній мѣщанинъ, который едва можетъ пропитать семейство, выписывается въ купцы и послѣднія копейки платитъ съ купческаго капитала, котораго, какъ и никакой торговли, никогда не бывало, — просто такъ, для почету только: я, де, купецкій сынъ. Но не смотря на незначительность торговли, Паренъевцы—народъ ловкій и оборотистый. Кромѣ хлѣбопашества, они занимаются скупкой по окрестнымъ селеніямъ, особенно на сельскихъ ярмаркахъ, сушеныхъ грибовъ, ягодъ, мѣховъ бѣличьихъ, кошечьихъ, и ихъ зовутъ кошечниками. Многіе ходятъ въ Питеръ. Питерщики почти все женятся дома, и вотъ бываетъ ломанья при выборѣ невесты! Гордымъ окомъ, самоувѣренно озираетъ питерщикъ всѣхъ дѣвушекъ на гуляньѣ или при выходѣ изъ церкви. О русской одеждѣ здѣсь между молодыми и помину нѣтъ; сарафаны носятъ только старухи. Русскихъ обычаевъ сохранилось мало. На свадьбахъ, напримѣръ, невеста ужъ за стыдъ считаетъ плакать съ приговорами, т.-е. выть, —это, говоритъ, хомутанье, кружанье,— а похнычетъ такъ только, чтобъ показать, что не охотно же идетъ она за-мужъ, не обрадовалась этому: радоваться тутъ все-таки считается позорнымъ.

Русскіе обычаи здѣсь уничтожаются, за то есть такіа

(*) Замѣчательно, что въ Паренъевѣ никогда не бывало холеры. Тамашній учитель Ѡ. А. Альбовъ передалъ мнѣ мнѣніе обывателей, будто Паренъевъ защищаютъ отъ холеры окружающіе его огромные сосновые лѣса, очищающіе воздухъ. Это вопросъ для ученыхъ. А воздухъ здѣсь дѣйствительно очень легкій.

свѣтлыя стороны жизни, которыя не вездѣ въ глуши найдете. Въ свѣточныхъ бесѣдахъ, напримѣръ, не позволять молодцу вести себя нескромно, иначе сей-часъ выведутъ. Не сажаютъ дѣвицъ къ себѣ на колѣни и не обнимаютъ ихъ, какъ во многихъ мѣстахъ по деревнямъ; даже, по уставамъ игръ, стыдливо и скромно цѣлуются съ ними, а другія дѣвицы и вовсе отказываются отъ поцѣлуевъ; хотъ молодцы и дуются на нихъ за это и называютъ ихъ гордыми, но дѣвушка, конечно, больше этимъ выигрываетъ: къ такой гордой хорошій женихъ прежде всѣхъ посватается. Надо также сказать, что Парѣньевцы всѣ грамотныя, и даже дочерей учать грамотъ.

Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Костромской губерніи, гдѣ случится, я вздумалъ записать свадебныя пѣсни и плачи. Жаль, что не удалось записать ихъ въ Галичѣ, и что самому мнѣ не удалось быть ни на одной свадьбѣ, а записывалъ все со словъ. Статья моя, конечно, будетъ не полна и не точна, но все-таки не бесполезна. Въ Парѣньевъ рассказала мнѣ одна женщина, тутошняя мѣщанка.

І. РУССКІЯ СВАДЬБЫ ВЪ ПАРѢНЬЕВЪ.

Сельскія свадьбы здѣсь, какъ и вездѣ, обыкновенно бываютъ въ Рождественскій мясоѣдъ до Великаго поста, а въ другіе мясоѣды только какъ исключенія, болѣе по какимъ-нибудь домашнимъ обстоятельствамъ.

Дѣло начинается, разумеется, съ *сватовства*. Сватовство здѣсь называется еще *рукобיתьемъ* и бываетъ всегда въ отсутствіе невесты: свать или сваха выбираютъ такое время, или же родители невесты, преремолвивъ уже обняками съ родителями жениха, или и вслѣдъ за приходомъ сватовъ, нарочно на этотъ разъ отсылаютъ невесту куда-нибудь, чаще въ гости. Свать или сваха подходитъ къ окну или къ избяной двери, стучится, вызываетъ въ сѣни невестину мать и спрашиваетъ:

*

«угодно ли меня принять?» Та, по необыкновенному ея вопросу, сей-часъ догадывается, что это не простой человекъ, и отвѣчаетъ: «милости просимъ.» Взошедъ въ избу, сваха садится на переднюю лавку *впродоль полу*, т.-е. чтобы половица изъ-подъ ея ногъ шла прямо къ двери, — для благополучнаго исхода начинаемаго дѣла, — и получивъ утвердительный отвѣтъ на свое предложеніе, условливается о приданомъ сперва съ одною матерью невѣсты и уходитъ. Эта говоритъ о томъ же съ мужемъ, идетъ съ опредѣлительнымъ его отвѣтомъ къ свахѣ, а та опять къ ней, если дѣло не скоро улаживается, при чемъ бывають взаимныя угощенія. Наконецъ все улаживаютъ, и невѣстныя родители, черезъ сваху или «зватаго», просятъ жениховыхъ родителей пожаловать къ себѣ вечеромъ.

Передъ вечеромъ къ невѣстѣ сзываются родные, и отецъ и мать ея просятъ ихъ совѣта, выдавать ли дочь, хороша ли пара, не знаютъ ли чего за женихомъ, и переберутъ тутъ все, поднимутъ всю подноготную, — и какой его родъ, и хороши ли и не замѣнены ли въ чемъ были его отецъ и мать, и братья и сестры, и даже дѣды и прадѣды. Порѣшивъ окончательно, посылають пригласить на вечеръ священника и дѣвицъ къ невѣстѣ. Всѣ званныя на вечеръ сходятся, зажигаютъ передъ образами свѣчку, садятся, выводятъ невѣсту, посылають за женихомъ, который сей-часъ и приходитъ, встають, становятъ его рядомъ съ невѣстой, священникъ благословляетъ ихъ, и они цѣлуются. За тѣмъ невѣста уходитъ за переборку. Жениха съ отцомъ и матерью и священника угощаютъ. Нынѣ, какъ сказано, въ Пароеньевѣ невѣсты вовсе не воють, а прежде невѣста, съ немногими приглашенными подругами, выла за перегородкой:

Плачь 1.

Не громъ меня огромилъ,
 Что мою буйну голову,
 Не стрѣлою прострѣлило
 Что мое ретиво сердце.
 Подступитесь, родители,
 Что кормилецъ мой батюшка,

Что желанная матушка,
 Что ко мнѣ молодешенькъ, —
 Объ чемъ-то я горюха,
 Объ чемъ буду спрашивать
 Еще васъ, мои родители:
 Ты скажи-ка, кормилецъ батюшка,
 Чтò у васъ да за веселый пиръ,
 Чтò у васъ да за любви гости,
 Почему вы съ гостями знаетеъ,
 Почему вы съ нимъ(и) знакомитесь,
 По хлѣбъ, али по соли,
 Аль по роду, по племени,
 Аль по моей буйной гòловъ,
 Аль по моей по косъ русъ,
 По моей дѣввѣй красотъ.
 Хоша-то, родители,
 Вы мнѣ-то не скажете,
 Что спрошу-то я молодешенька,
 Спрошу стараго, спрошу малаго,
 Спрошу средняго да и послѣдняго:
 Ужь какъ старой-то скажетъ по старости,
 Ужь какъ глупой-то да по глупости,
 Ужь я тутъ-то молодешенька
 И сама догадалася.

А въ селѣ Солтановѣ, верстахъ въ 40 отъ Парѣеньева,
 невѣста въ это время востъ:

Плачь 2.

Что грозна-то туча восхòдила,
 Восходя туча прытко грянула,
 Никого туча не испугала,
 Испугала да туча грозная
 Что меня молодешеньку (*),
 Подкосила у молодешеньки
 Мои рѣзвыя ноженъки,

(*) А если нѣтъ у невѣсты отца или матери, то востъ:

Что меня да горюшечку.

Такъ же и ниже.

Что опали у молодешеньки
 Мои бѣлыя рученьки,
 Что окаменѣло у молодешеньки
 Мое ретиво сердце,
 Не могу я молодешенька
 Не возвытъ, не восплакати,
 Горючи слезы да я возрѣнити.
 Скажите-ко, мои родители,
 Чтѣ я вамъ надоѣла да надокучила:
 Али дубовой полѣ протѣптала,
 Али лавочки я просидѣла?
 Во дому ли я, мои родители,
 Ужъ я вамъ не домовница,
 Въ полѣ ли не работница,
 Не слуга ли я вамъ вѣрная,
 Не посылка ли скорая? (*)

На другой или третій день послѣ этого бываетъ такъ-называемая «перепировка». Отецъ, мать и родственники жениховы, безъ жениха, приходятъ къ невѣстѣ и пируютъ у нея, а потомъ ея родныхъ приглашаютъ къ себѣ: «сватушка, свaxonька, къ намъ просимъ покорно». Когда они придуть, женихъ поднесетъ имъ по рюмкѣ вина, а самъ съ братомъ или другимъ родственникомъ тотчасъ же отправляется къ невѣстѣ, здоровается съ нею, даетъ ей гостинцы—прѣниковъ, конфетъ, садится за столъ, и невѣста, любезничая, угощаетъ его чаемъ, водкой. При прощаніи она даритъ жениха и товарища его платками. Свадьба откладывается иногда на-долго, а обыкновенно на недѣлю, и въ продолженіе этого времени женихъ каждый вечеръ ходитъ къ невѣстѣ съ гостинцами, а она угощаетъ его и даритъ платками. Съ ней постоянно, за шитьемъ на себя или ея приданого, самыя близкія ея подружки; онѣ разговариваютъ, поютъ пѣсни, которыя слѣдуютъ ниже, при сговорахъ. Прежде, когда были, невѣста между пѣснями и разговорами вдругъ завоетъ:

(*) Этотъ плачь кажется не законченнымъ. Можетъ быть, невѣрно передать мнѣ.

Плачь 3.

Что сижу-то я молодешенька,
 Что сижу, призадумалась,
 Чужихъ басенокъ приаслушалась.
 Хорошо-то эти басенки,
 Хорошо-то ихъ и слушати,
 Кому безъ горя да безъ кручины.
 У меня-то у молодешеньки
 Много горя и кручины,
 Да печали великія.
 Что скажите-ка, мои подруженьки,
 Чтò счастливы вы уродились
 У своихъ у родителей,—
 Уже гдѣ-то вы это времячко,
 Уже гдѣ-то вы пробыли:
 Во саду ли въ прогúляли,
 Въ терему ли просидѣли?
 У моихъ-то у родителей
 Нѣтъ ни саду, ни терему,
 Только есть у родителей
 Одна новая горница,—
 Она въ гóрѣ испоставлена,
 Горючими слезьми испроливана. (*)

Наканунѣ свадьбы *сговоры*. Отецъ, мать и родственники жениховы съ женихомъ приходятъ въ домъ невесты. У нея уже собрались всѣ ея родные и дѣвицы, за которыми ходилъ «зватьи». Въ Паросньевѣ обыкновенно приглашаютъ на сговоры весь посадъ, состоящій домовъ изъ ста, но не всѣ, конечно, приходятъ. Тутъ же священникъ и дьяконъ. Невѣстины родные, всѣ безъ исключенія, угощаютъ родныхъ жениховыхъ и гостей. За столомъ сидятъ въ слѣдующемъ порядкѣ: священникъ, по правую руку его дьяконъ, по лѣвую вдоль стола отецъ и мать жениховы, женихъ, невеста, попадья, женихова мать крестная и прочіе ея родные. Пьютъ, закусываютъ и поздравляютъ жениха съ невестой и ихъ родителей. Между водкой пьютъ чай. Потомъ дарятъ священника, дьякона, отца

(*) Этотъ плачь тоже едва ли законченъ.

и мать жениховыхъ и жениха, — послѣдняго шейнымъ платкомъ. Всѣ, получившіе подарки, благодарятъ и цѣлуютъ жениха и невесту. Священникъ благословляетъ столъ. Слѣдуетъ ужинъ. Дѣвицы, которыя не участвуютъ въ ужинѣ, поютъ:

Пѣсня 1.

При пиру ли, при бесѣдѣ,
 При князьяхъ было при бѣдрахъ,
 Свѣтъ Аннушку сговорили,
 Васильевну заручили;
 Что пришелъ сударь Иванъ, разломался,
 Что Андреевичъ развеличался, —
 Приказалъ столы содвигати,
 Браны скатерти на столъ накрывати,
 Что сахарныя яства становити,
 Что медвяныя питья раздѣсити,
 Что до Аннушки додѣсити,
 До Васильевны достѣпити:
 Прошу, выкушай пожалуй,
 Душа Анна Васильевна! —
 «Безъ питья, сударь, уста-то запеклись,
 Что буйная голова съ плечъ катится,
 Рѣзвы ноженьки да подкѣсились,
 Бѣлы рученьки опустелись,
 Что ясны очи да помутнились.»

Пѣсня 2.

Что не было вѣтру,
 Вдругъ навѣяло, и проч.

(Эта пѣсня напечатана въ Москвитинѣ 1853 года, NN 13 и 14, въ статьѣ: «Сельскія свадьбы Архангельской губерніи»).

Пѣсня 3.

Что не тѣсно ли рѣченькѣ,
 Возлѣ лѣсику текучи,
 Возлѣ бережку крутаго?
 Кабы мнѣ было нѣ тѣсно,
 Я текла рѣка — не шумѣла,
 Бережковъ не урывала,

Съ горь желтыхъ песковъ не сыпала.
 Что не тошно ли Аннушкѣ,
 Что не тошно ли Васильевнѣ,
 За столомъ тебѣ сидѣти,
 За столомъ за дубовымъ,
 Что за скатертямъ браными,
 Что за ѣствамъ сахарными,
 За питьямъ за медвяными.
 Кабы мнѣ было нѣ тошно,
 Я сидѣла бы—не плакала,
 Не слезила очн ясныя,
 Не скорбила лица бѣлаго,
 Не давала бы надсадушкн
 Своему ретиву сердцу.
 Подступитесь, родители,
 Что желанный мой батюшка,
 Что родительница матушка,
 Ко столамъ ко дубовымъ,
 Что ко скатертямъ браными,
 Посмотрите, родители,
 Что со ровней ли я сажу,
 Со великой ли рѣчь говорю,
 Ужъ я ровнѣ ли кланяюсь? —
 — Ты дитя наше, дитятко,
 Ты дитя чадо милое,
 Тебѣ ровня и ровнюшка,
 Тебѣ ровня великая,
 Удалий добрый молодець,
 Что Иванъ да Андреевичъ.
 — Вы послушайте, родители,—
 Вамъ давать бы — не каяться,
 Мнѣ бы жить да не маяться
 Со удалимъ добрымъ молодцемъ,
 Со Иваномъ Андреевичемъ.

Пѣсня 4.

Кругъ шатра полотнянаго, кругъ розана,
 Еще Анна душа
 Кругъ обсаживала.

Въ томъ шатрѣ Иванъ-то сударь одѣвается,
 Андреевичъ
 Одѣвается.

Кличеть онъ, выкликаеть,
 Еще Анну къ себѣ
 Свѣтъ-Васильевну:

Подь, пойдн, что Анна душа,
 Ты ко мнѣ во шатеръ,
 Ко мнѣ въ бѣль полотнявъ.

— Нейду я и нѣ хочу
 Къ тебѣ во шатеръ,
 Къ тебѣ въ бѣль полотнявъ:

Слышала я и мнѣ сказывали —
 Ваша мать горда
 И спѣсивая.

— Душенька ужъ ты Анна душа,
 Будь сама хороша:

Сердце держи ты ретивое,—
 Будь покорлива,

Ты голову держи, ужъ ты буйную, —
 Будь поклонлива.

Пѣсня 5.

Отставала была лебедь
 Что отъ стада лебединаго, и проч.

(Эта пѣсня тоже напечатана въ статьѣ: «Сельскія свадьбы»
 Архангельской губерніи» и въ «Сказаніяхъ Русс. народа» Са-
 харова, съ отличками. Въ моей статьѣ см. ее въ концѣ).

Пѣсня 6. (*)

Ты камка моя камочушка,
 Ты камка ли мелкотравчатая,
 Мелкотравчатая, узорчатая,
 Не давайсь, камка, развертываться,
 Ни атласу, ни бархату,
 Ни дорогой штофѣ на золотѣ:
 Дорогой-то штофѣ волю взялъ —

(*) Эта пѣсня напечатана въ «Сказаніяхъ Русс. народа» Сахарова, со многими отличками.

Всю камочушку пордзвернулъ,
 Всѣ узоры повысмотрѣлъ.
 Ты душа ли красна дѣвица,
 Не давайся смотрѣтися
 Ни князю, ни боярину,
 Ни тому сыну гостинному;
 Что гостиной-то сынъ волюшку беретъ —
 Занавѣсочку пордспахнулъ,
 Всѣхъ подруженекъ пордстолинулъ,
 Одну дѣвушку за ручку взялъ,
 Свѣтъ Анну Васильевну;
 Онъ по горенкѣ поваживаетъ,
 Изъ нея ума выпрашиваетъ:
 Ты душа ли красна дѣвица,
 Ты Анна Васильевна,
 Не въ саду ли ты выросла,
 Не въ зеленомъ ли выцвѣла?
 — Ужь ты глупой (разудалой) доброй молодець,
 Моего ли ума спрашиваешь,
 Али свой на безумье отдаешь?
 Я росла, росла у батюшки,
 Я повыцвѣла у матушки.

Пѣсня 7.

Въ ясномъ теремѣ свѣчи горять,
 Въ ясномъ теремѣ свѣчи маканья.
 Что растужится, расплачется,
 Что душа красна дѣвица,
 Свѣтъ Анна Васильевна.
 Клала гнѣвъ она на батюшку,
 Творила жалобу на матушку.
 Уговаривалъ ее милый братъ,
 Что Борисъ да Васильевичъ:
 Ты не плачь, не плачь, мила сестра,
 Душа Анна Васильевна:
 Не одну мы тебя отпустимъ —
 Мы отпустимъ съ тобой сватушка,
 Мы сватушка и со свахонькой,
 Я по вечеру и самъ приду,

Что и съ батюшкой и съ матушкой
 И со всѣмъ своими сродникамъ.
 — Не уговаривай меня, милый братъ,
 Что Борисъ да Васильевичъ:
 Погостя гости разѣйдутся,
 Посидя свахи разѣйдутся,
 Я одна млада остануся
 Со удалымъ добрымъ молодцемъ,
 Свѣтъ Иваномъ Андреевичемъ.

Впродолженіе этихъ пѣсень, невѣста, сидя за столомъ,
 повременамъ плачетъ хоть притворно. Слѣдующія пѣсни
 относятся къ сватамъ и свахъ:

Пѣсня 8.

Я считала, пересчитывала,
 Всѣ частыя звѣзды на небѣ,
 Одноё не досчиталася,—
 Что зарницы свѣтлой утренней.
 Неужели же та звѣзда
 За облока ухѣдила,
 За темныя, за дождевыя,
 Неужели же Аянушка
 Во высокъ теремъ ухѣдила,
 Съ отцемъ, съ матерью говорила:
 Государь ты мой батюшка,
 Государыня матушка,
 Миѣ ночешная ночушка,
 Миѣ малымъ мало спалося.
 Миѣ во снѣ много видѣлось:
 Мимо моего высока терема
 Не два сѣкола пролѣтали,
 Проезжали два млодца,
 Что два свата, два сводника,
 Два врага сумошенина,
 Стукались у окошечка,
 Кланялись пониземеньку,
 Говорили потихошеньку,
 Хвалили чужу сторону,

Что чужую незнакомую.
 А чтобы свату-своднику,
 Что врагу сумошеннику
 Комуха бы трясучая,
 Другая знобучая,
 На печи бы подъ шубою,
 Подъ тремя одеялами,
 На печи одвяючи,
 Въ потолокъ упираючи.
 Еще бы свату-своднику,
 Врагу сумошеннику,
 Два бы чирья бы въ голову,
 Да третей-то бы въ бороду,
 А четвертый-то въ горлышко
 Въмѣсто краснаго солнышка.
 Еще пятый-то на воротъ —
 Воевода съѣз на городъ.

Пѣсня 9.

Пріѣзжая сваха неумойка,
 Неумойка она, судомойка,
 Она въ кринкѣ рубашку мочила,
 На печномъ столбѣ колотила,
 На мутовкѣ рубашку сушила,
 На порогѣ рубашку катала,
 Назадъ воротомъ надѣвала,
 Туды же на свадьбу спѣшила,
 Уже всѣхъ-то людей насмѣшила.

Пѣсня 10.

У свата жена благовала,
 На бѣлое озеро убѣжала,
 Всѣхъ-то чертей испугала,
 Одного чорта не замала:
 Что пусть этотъ чортъ пригодится,
 Еще свату на шубу
 А свахѣ-то на одѣяло.

Послѣ стола гости прощаются и расходятся. Невѣстныя родныя отправляются къ жениху, который, встрѣтивъ ихъ и поднеся по рюмкѣ водки, беретъ дружку, и идетъ къ невѣстѣ, неся ей въ подарокъ чулки, башмаки, зеркало, мыло, румяна, пряники. Подавая подарки, онъ цѣлуетъ невѣсту, которая сажаетъ его съ товарищемъ за столъ, подносить имъ десертъ, угощаетъ чаемъ. Шутятъ между собою.

Въ день свадьбы, утромъ, отъ жениха къ невѣстнымъ отцу и матери пріѣзжаетъ дружка съ хлѣбомъ и поросенкомъ, что и подаетъ имъ со словами: «сватушка и свахонька поздравляютъ васъ съ начатиемъ брака и хлѣбомъ-солью кланяются.» Ему подносятъ рюмку водки, и хлѣбъ и поросенка съ нимъ же обратно посылаютъ къ невѣстнымъ родителямъ.

Когда женихъ уже отправился въ церковь къ вѣнцу, въ домъ невѣсты пріѣзжаетъ дружка, и спрашиваетъ, готова ли она.—Готова, отвѣчаютъ ему. Приходитъ священникъ. Къ нему выводятъ невѣсту братья или другіе близкіе родныя, и онъ благословляетъ ее; за-тѣмъ братья везутъ невѣсту въ церковь.

Послѣ вѣнца столъ бываетъ у невѣсты. А у жениха бываетъ такъ называемый *красный столъ* на другой день. На этомъ столѣ бываютъ всѣ и чужіе, кто только хочетъ. Послѣ этой пирушки въ Парѣньевѣ существуетъ обычай рядиться. Подгулявшіе родственники жениховы и невѣстныя наряжаются—мужчины въ женскія платья, а женщины въ мужскіе костюмы, и въ такомъ видѣ ходятъ по улицамъ, къ роднымъ, а иногда завернуть и въ кабакъ. Женщины впрочемъ рѣдко рядятся, развѣ ужъ какія ухарскія, и тогда сосѣдка, увидѣвъ изъ окна и съ трудомъ узнавъ пріятельницу, идущую въ такомъ видѣ и подъ куражемъ по улицѣ, всплеснувъ руками, восклицаетъ съ улыбкой: Ахъ, Сашка вѣдьма! Это она вѣдь солдатомъ-то вырядилась. Прямой солдатъ!

II. СВАДЬБЫ ВЪ ПРИХОДѢ СЕЛА ТУРЦЕВА.

Село Турцисво въ 70 верстахъ за Пареневь, по проселочной дорогѣ, стоитъ въ глуши. Въ немъ болѣе сохранилось старинныхъ свадебныхъ обрядовъ и плачей, и они много отличаются отъ пареневскихъ. Здѣсь мнѣ передали ихъ одинъ парень, по ловкости своей исполняющій на всѣхъ почти свадьбахъ должность дружки, и женщина, исполняющая должность *вытъянки*, если невѣста сама не мастерица выть.

1. СВАТОВСТВО.

Сватовство начинается переговорами женихова отца съ родителями невѣсты, для чего первый, захвативъ съ собой четвертку вина, пріѣзжаютъ въ деревню къ послѣднимъ, если невѣста въ другой деревнѣ, съ какой-нибудь родственницей ихъ, замужней сестрой невѣстиной или другой, съ которой условливается прежде, и останавливается у сосѣда невѣстиныхъ родителей. Переговоры ведутъ черезъ этого сосѣда, которому поручаютъ спросить о приданомъ. Потомъ идетъ къ невѣстину отцу самъ отецъ жениховъ, и условливаются о приданомъ лицомъ къ лицу: «насъ, говорить, сваты сватали, а теперъ лицомъ къ лицу. Дашь ли то, дашь ли это?»—Даю,—отвѣчаетъ отецъ невѣстинъ, и начинается рукобитье. Зажигаютъ передъ иконами свѣчу, молятся, и «противъ стола, противъ креста» даютъ другъ другу руки. Невѣста между тѣмъ съ самага прихода женихова отца за перерогодкою воетъ:

Плачь 4.

Потянулъ холодный вѣтеръ
 Со ночную сторонушку,
 Ознобилъ молодешеньку
 Съ головы да до пояса,
 Съ пояса да до рѣзвыхъ ногъ.
 Что сегодняшній мнѣ денекъ,
 Теперешній мнѣ часокъ,

Что не громъ меня огромиль,
 Не частой дождниъ обмочиль, —
 Огромли родители
 Чужой дальней стѣной,
 Чужой незнакомою,
 Обмочили молодешеньку
 Да меня горючи слезы.
 Стану я молодешенька
 Еще вамъ я, родители,
 Покланяться низешенько, —
 Со поклонами низкими:
 Не оставьте, родители,
 Моего вы прошееньца,
 Поклончика низкаго, —
 Не сажайте, родители,
 Этого любя гостя
 За дубовый столъ на лавочку,
 Да въ подокошечко,
 Не говорите, родители,
 Вы слова да съ нимъ гладкія,
 Гладкія да прохладныя,
 Говорите, родители,
 Вы слова да съ нимъ грубныя,
 Посадите, родители,
 Вы въ кути его на кутничекъ,
 Чтобы онъ да осѣрдился
 И на васъ, мон родители,
 На меня на молодешеньку,
 За скопу бы держаючи,
 Всякому бы отворяючи,
 Всякогѡ бы пропускаючи,
 Стараго и малаго,
 Глупаго да безразумнаго.
 Я еще молодешенька
 Тебѣ буду кланяться
 Со поклонами низкими:
 Не давай-ко, кормилецъ батюшка,
 Своєю ты правдѣи руки
 Отъ плеча отъ могучаго,
 Отъ сердца отъ ретиваго,

Черезъ столы бѣлодубовые,
 Черезъ скатертку браную,
 Черезъ питья медвяныя,
 Черезъ ѣства сахѣрныя:
 Свою руку выручишь —
 Мою голову заложить,
 Запоручишь, родитель мой,
 За поруки за крѣпкія
 Отнынѣ и до вѣку.

Иногда невеста начинаетъ вѣть съ того времени, какъ сваты бьютъ по рукамъ, и воеетъ только:

Не давай, кормилецъ батюшка,
 Своей рученьки правыя.
 Не громъ меня огромиль,
 Не частой дождикъ обмочилъ,
 Огромиль меня батюшка
 Чужою дальней стѣроной,
 Чужой незнакомою,
 Чужому сыну отецкому:
 Чужой-отъ отецкой сынъ —
 Не жалости, не милости.

Устраивается пирушка. По сдѣланному еще во время заочныхъ переговоровъ приглашенію отъ отца невесты, собираются одинъ за другимъ сосѣди, и отецъ жениховъ угощаетъ всѣхъ своимъ виномъ, начиная съ отца невесты. Когда онъ принимаетъ вино, невеста воеетъ:

Плачь 5.

Не примай, кормилецъ батюшка,
 Чужаго зелена вина:
 Чужое вино обманчиво,
 Обманчиво, пропойчиво:
 Малешенько изопьешь —
 Многошенько ты пропьешь —
 Ты меня молодешеньку,
 Ты душу красну дѣвцу,
 Ровно травинку несоспѣлую,
 Ровно ягодку несозрѣлую.

Подкоси траву — такъ высохнуть,
Сорви ягодку — не вырветъ.

То же воегъ и другимъ, кому подносятъ вино, — матери, братьямъ и проч. А далье, впродолженіе угощенія, воегъ:

Плачь в.

Вы скажите, родители,
Почему стали знатися,
Стали знаться, водитися,
Со своими со любимъ гостями, —
Старую ли родню вспомнили,
Али вново заводите?
Я спрошу молодешенька,
Спрошу стараго и малаго,
Глупаго да безразумнаго, —
Старый скажетъ мнѣ по старости,
Глупый скажетъ мнѣ по глупости,
Тутъ сама догадаюся,
Я своимъ худымъ умомъ,
Своимъ глупымъ разумомъ:
Стали знаться, водитися,
Знать по мнѣ молодешенькѣ
По душѣ красной дѣвицѣ.
Еще я молодешенька
Во дому у васъ не бѣвала,
Хлѣба-соли не прѣимала,
Про житье не сповѣдала.
Говорятъ люди добрые,
Что вы — люди мудрые,
Мудрые люди, хитрые.
У меня молодешеньки
Ни ума нѣтъ, ни разуму,
Ни догадокъ, ухваточекъ;
Во чужихъ-то въ добрыхъ людяхъ
Много ума надо, разуму,
И догадокъ, ухваточекъ —
Что ходить по велѣному,
Говорить говореное,

Пить, ѣсть ожуренное,
 И то все прокляненное,
 Миѣ сдѣтъ по конецъ стола,
 Ждать, глядѣтъ куска поданаго.
 Не водите, мои родители,
 Вы его коня добраго
 Вы на свой на широкій дворъ,
 Не давайте, родители,
 Ему сѣна зеленого
 И травки-муравоньки:
 Я у васъ конче не кѣсила,
 Во болѣзкѣ пролѣжала.
 У меня молодешеньки
 Еще есть ли разны болѣсти:
 Я головонькой угарчива,
 Ретивымъ сердцемъ прихватчива.
 Во чужихъ-то во добрыхъ людяхъ
 Много ума надо, разуму, —
 Голова держать поклончиво,
 Ретиво сердце покорчиво;
 У меня молодешеньки
 Со поклону голова болить,
 Со покору сердце выщемить,
 Оно выщемить и вызябеть.
 Вы на что, мои родители,
 На что кинулися, бросились —
 На хоромы ли высокіе,
 На скота ли многолюднаго,
 На коня ли частоступнаго,
 На дѣтину ли удалаго,
 На семью ли на сугласную,
 На сусѣки ли, хлѣба полныя.
 Хватитесь, мои родители,
 Вы меня да молодешеньки
 Не въ порѹ да не во времячко:
 Что пройдетъ зима студеная
 Со морозами со лютыми,
 Со вьюгами, со мятелницамъ,
 Принесетъ да весну красную,
 Разольются рѣки быстрыя,

Разольются снѣги бѣлые
 Подъ горы да подъ издольеца,
 Разцвѣтутъ цвѣты лазоревы,
 Понесутъ духи малиновы;
 Какъ пройдетъ да весна красная,
 Принесетъ да лѣто теплое,
 Теплое да работное,
 Поспѣетъ вся работушка,
 Что пойдутъ да люди добрые
 На работушку рѣзовую
 Со ватагами многолюдными,
 Со семьями со сугласными, —
 Втѣпоры, мои родители,
 Втѣпоры меня хватитесь,
 Хватитесь да догадаетесь
 Не въ пору да не во времячко;
 Пойдетѣ, мои родители,
 На работушку рѣзовую,
 Пойдете да меня хватитесь, —
 Впереди да меня нѣту
 И позади меня не бывало;
 Поглядитѣ, мои родители,
 На цвѣты да на лазоревы, —
 Еще всѣ цвѣты цвѣтно цвѣтутъ,
 А одинъ да цвѣтъ посохъ, поблекъ —
 То моя-то дѣвья красота. (*)

Плачь 7.

Ужь ты красуйся, ликуйся,
 Моя дѣвичья красота,
 На моей буйной головѣ,
 Что не годъ тебѣ гдодовать,
 Не зима по гостямъ гостить,
 Что не лѣто работать,
 Не весна красна гуляти
 Со своими подруженькамъ,
 Что сидѣть мнѣ деньки срочные,
 Мнѣ недѣльки учетныя,

(*) Кромѣ собственнаго значенія, *дѣвья красота* значить еще дѣвичій народъ, особенно головной уборъ.

Во душахъ красныхъ дѣвцахъ,
 У своихъ у родителей,
 У кормилица батюшки,
 У родители матушки;
 За минутъ часъ покажется,
 Во частомъ въздыханьейъ,
 Въ слезяномъ разставаньейъ.

Плачь 8.

Я еще у васъ, родители,
 Я просить буду, кланяться:
 Не оставьте, родители,
 Моего да прошеньца:
 Это что у васъ за гость гостить,
 Это что да за почетный гость?
 У вашего у любя гостя
 Конь запутался да замаялся
 У столба у дубоваго,
 У кольца у желъзнаго,
 Онъ безъ сѣна зеленаго
 И безъ травоньки-муравоньки,
 Онъ разбилъ да сани новыя,
 У новыхъ саней окорчиво,
 Изорвалъ возжи ременные.

Между тѣмъ старики, порядочно выпивъ, уложили, когда быть свадьбѣ. Послѣдній плачь значить, что свату пора уже отправляться къ домамъ, и гости прощаются и расходятся. На прощанье невеста воетъ свату:

Плачь 9.

Челобитъ, чужь-чуженинъ,
 На чужую сторонушку,
 Къ чужому сыну отцкому:
 Не пасса бы, не готовился,
 На меня бы не надѣялся:
 У меня у молодешеньки
 Еще есть три разны болѣсти:
 Я голововькой угарчива,
 Ретивымъ сердцемъ прихватчива,
 (И проч., какъ было выше.)

2. ВЕЧЕРИНКА.

Вечеринка бывает накануне свадьбы. Днем сзываются подруги невесты, а на вечерь приглашаются ее родственники и сосѣди. Когда входит какаля-нибудь дѣвица, невеста, въ кути за занавѣской или на середѣ за перегородкой, востъ ей:

Плачь 10.

Свѣтъ моя ты голубонька,
 Свѣтъ моя лебедь бѣлая,
 Подруженька задушевная,
 Сестрица названая,
 Приступи-ко-сь, голубонька,
 Ты ко мнѣ молодешенька,
 Ко мнѣ въ куть за навѣсочку,
 За навѣску полотенную,
 Подъ брусье положенное,
 Подъ полати бѣлодубовья,
 Не ради ко мнѣ сданьца (*),
 Ради своего свиданьца,
 Слезянаго разставаньца,
 Покамѣсть я молодешенька
 Я во душахъ красныхъ дѣвицахъ,
 Въ батюшкиномъ во тепломъ гнѣздѣ:
 Ты скажи-ка, голубонька,
 Еще какъ ты утулилася,
 Еще какъ ты ухранилася
 У своихъ у родителей
 Еще ты отъ чужихъ людей?
 Ужь какъ я молодешенька
 Не могла утулиться,
 Не могла ухранитися
 У своихъ у родителей.
 Ты въ саду ли прогуляла,
 Въ терему ли просидѣла?
 У моихъ у родителей

(*) Подарка.

Нѣтъ ни саду, ни терему,
 Что одна нова горенка,
 И та вся испрокапала
 Моимъ горячьми слезамъ.

Тутъ подруга дарить ее деньгами—грошомъ, пятакомъ или
 гривной, яицами, пряниками. Невѣста воетъ:

Плачь 11.

Спасибо, голубонька,
 Моя лебедь бѣлая,
 На гостинчикъ дорогъ.
 Не гостинецъ твой дорогъ мнѣ,—
 Твои рученьки золоты
 До самыхъ до могучихъ плечь.
 Кабы эта золота казна
 Не при этой бы кручинѣ,
 При весельѣ бы, при радости,
 Мнѣ при дѣвѣй бы красотѣ,
 Я пошла бы молодешенька
 Во торги, въ ряды гуляти,
 Во торговья лавочки,
 Я купила бы молодешенька
 Себѣ дѣвью красоту
 На свою буйну голову,
 Носила бы сплюбаючи,
 Я ходила бы молодешенька
 Я со вамъ, мои голубоньки,
 Со подружками-совѣтницамъ,
 Со сестрицами названными,
 И по всѣ бы дни, по всѣ часы,
 Я по празднички господскіе
 Еще съ вами въ зеленыхъ лугахъ;
 А топере, голубоньки,
 Какъ пойдете да вы гуляти
 Еще вы въ зелены луга
 Мимо батюшковъ высокъ теремъ,
 Мимо матушкины горенки,
 На ходѣ меня воскличете:
 «Ты душа да красна дѣвица,

Ты пойдемъ съ нами гуляти!»
 Хоть меня не докличетесь,
 Хоть мою-то дѣвью красоту,
 Хоть ее да возвеличайте.
 Придетѣ, мои голубоньки,
 Въ зеленые луга гуляти,
 Еще всѣ цвѣты цвѣтѣи цвѣтуть,
 Одинъ да цвѣтъ посохъ, поблекъ,
 То моя-то дѣвья красота,
 Дѣвичье украшенъеце.
 Ты подсядь, моя голубонька,
 Подъ мою да подъ праву руку,
 Поддай голосу текучаго,
 Что причету всяка, разнаго
 Что мнѣ да молодешенькѣ.

Подруга садится и подвываетъ ей. Когда соберутся всѣ дѣвицы, невеста просить ихъ:

Плачь 12.

Я объ чемъ, мои голубоньки,
 Я объ чемъ вамъ побью челомъ,
 По низку я буду кланяться:
 Истопите мнѣ, мои голубоньки,
 Вы мнѣ банюшку-парушу—
 Въ-достаьныя, въ-последнія
 Мнѣ помыться, попариться.

Нѣкоторыя изъ дѣвицъ уходятъ топить баню, а другія остаются съ ней и воютъ къ роднымъ:

Свѣтъ мой вы родители,
 Кормилецъ мой батюшка,
 Родитель моя матушка,
 Я объ чемъ молодешенька
 По низку буду кланяться
 Со поклонамъ со низкими,
 Со слезами со горькими,
 Не отставьте, родители,
 Моего вы прошенъеца,
 Вы поклончика низкаго,
 Моихъ да горючихъ слезъ:
 Вы пошлите, родители,

Вы свою слугу вѣрную—
 Моего брата-батюшка
 Вы на свой на широкій дворъ,—
 Запретъ бы братецъ-батюшка
 Своего коня добраго,
 Добраго, самолучшаго,
 Во свои сани новыя.
 Собери-ко-сь, кормилецъ мой,
 Ты кормилецъ мой батюшка,
 По-скору по-скорешеньку
 Ко Макарью на ярмарку,
 Накупи-ка, кормилецъ мой,
 Ты все сукнеца разнаго,
 Разнаго да нѣмецкаго,
 Настелите, родители,
 Отъ порожку до прибранничка;
 Я пойду молодешенька
 Я во банюшку-парушу,
 Чтобъ не прищипало у мѣлоды
 Мои рѣзвыя ноженьки
 Ко бѣлу снѣгу, ко грудочкѣ:
 Да во горъ, во кручинѣ
 Я пойду потихошеньку.
 Свѣтъ моя ты кормилица,
 Родитель моя матушка,
 Ты сходи-ка, кормилица,
 Во свою въ нову горенку
 По мое припасеньце,
 По тонкое полотенечко;
 Ты завѣсь, моя кормилица,
 Отъ порожку до прибранничку
 Ты отъ вѣтру отъ вихору
 Ты шатры полотённые.

Тутъ невеста съ подругой идетъ въ баню, и дорогой,
 въ продолженіе мытья и выходя изъ бани, востѣ:

Вы не дуйте-ко, вихоры,
 Со всѣ четыре стороны,
 Во мою буйну голову,
 Вы не сдуйте мою дѣвью красоту,

Дѣвичье украшеньце,
 Бисерную перевязочку,
 Базарскую тасемочку,
 Шелковую мою ленточку.
 Ты свѣти, младъ свѣтель мѣсяцъ,
 Во мои во рѣзвы ноги
 Со лунами со ясными,
 Со звѣздами со частыми,
 Не запнуться бы мнѣ молодѣ
 За бѣлый снѣгъ, за грудочку, (*)
 Не обронить бы дѣвью красоту.
 Дѣвичье украшеньце.

(Подошла къ банѣ).

Отворись, банька-паруша,
 Безъ рубля, безъ полтинушки,
 Безъ моихъ безъ горячихъ слезъ.

(Подруга отворяетъ двери въ баню, входятъ, и невѣста просить подругу:)

Расплети-ка, голубонька,
 Ты мою да русѣ косу
 Ты своими бѣлыми рукама.
 Во моей во русѣ косѣ
 Есть два ножика булатные,
 Двѣ сабельки вострыя;
 У меня молодешеньки
 Не вздымаются бѣлы руки
 На свою буйну голову,
 На свою дѣвью красоту.
 Расплетай, моя голубонька,
 Ты ее сберегаючи,
 Ты ее сохраняючи,
 Не оброни дѣвью красоту.

(Подруга, расплетя ей косу, вымоетъ и одѣваетъ ее. Невѣста продолжаетъ:)

Ужь я гдѣ молодешенька,
 Я душа красна дѣвица,

(*) А если лѣтомъ, то:

За грудочку, за камешекъ,
 На матери сырой землѣ.

Гдѣ я мылась, гдѣ я парилась,
 Протекайте тутъ протечи,
 Теките рѣчки быстрыя,
 Выростай часть ракушекъ кустъ,
 Солетайтесь пташечки,
 Что пташки кукушечки,
 Вы кукуйте кукушечки
 Изъ утра день до вечера,
 До самыя до полуночи,
 Вы давайте назолушку
 Вы моимъ да родителямъ.
 Кормилицу батюшкѣ,
 Родитель матушкѣ.

(Идутъ изъ бани.)

Свѣти младъ свѣтелъ мѣсяць,
 (и проч. какъ было выше.)

(Подходятъ къ хоромамъ.)

Это что за теремъ стоитъ,
 Что за новая горенка,
 Что за свѣтлая свѣтлица?
 Еще есть ли въ этой горенкѣ
 Во дому ли домовничекъ,
 Во дому ли домовница,—
 Укажи путь-дороженьку
 Еще мнѣ на калиновъ мостъ,
 На мелкоступчатую лѣсенку.

(Невѣсту встрѣчаетъ отецъ и отвѣчаетъ: идите, есть все
 у насъ — и домовникъ и домовница).

Ты кормилецъ мой батюшка,
 Отвори-ка, кормилецъ мой,
 Ты свою нову горенку.

(Отецъ отворяетъ.)

Прищипало у молоды
 Мои рѣзвыя ноженьки
 Ко мосту ко калинову,
 Прищипало у молоды
 Мои бѣлыя рученьки
 Ко скопѣ ко булатной.

(Пришли въ избу.)

Спасибо, родители,
 Ты кормилецъ мой батюшка,
 Ты родитель моя матушка,
 Что на банькѣ на парущѣ.
 Что не долго я мылася,
 Не долго я парилась,
 Много смыла и спарила—
 Свою дѣвичью красоту.
 Посылалъ ты, кормилецъ мой,
 Ты кормилецъ мой батюшка,
 Что во баньку во парущу,
 Посылалъ да обманывалъ,
 Все неправду мнѣ сказывалъ:
 «Ты поди, дитя роженое,
 Ты во баньку во парущу,
 Овередь бани-парущи
 Стоитъ золотой стульчикъ,
 Тутъ лежитъ дѣвья красота,
 Дѣвичье украшеньце.»
 Я пришла молодешенька
 Я во баньку во парущу,—
 Что стоитъ дубовѣй стульчикъ,
 Тутъ лежитъ кичка проклятая;
 Я пинала было ее, упивала
 Я во печку во каленую,
 Во ее во кирпичную,
 Не могла я упинати:
 Она хватается, имается
 За меня молодешеньку,
 За мою буйну голову.

Около этого времени прѣзжаетъ къ невѣстѣ отецъ жениховъ съ самимъ женихомъ или его братомъ, собираются званые гости, садятся, угощаются, и невѣста просить у отца благословенія:

Плачь 13.

Что свѣтъ ты кормилецъ мой,
 Ты кормилецъ мой батюшка,
 Ты красное солнышко,

Приступи-ко-сь, кормилецъ мой,
 Ко мнѣ въ куть за навѣсочку,
 За навѣску полотенную,
 Подъ брусье положенное,
 Подъ шолати бѣлодубовья,
 Во мѣста во разлучныя,—
 Хоть бы я съ тобой повидалася,
 Хоть бы я съ тобой простилася.

(Падаеть отцу въ ноги.)

Погляди-ка, кормилецъ мой,
 Во свои во рѣзвы ноги, —
 Не камка разстиляется,
 Не жемчугъ разсыпается,—
 Еще я молодешенька
 Ужь я бьюсь, убиваюся,
 Ужь я вьюсь, увиваюся,
 Какъ ласточка коло гнѣздечка,
 То и я молодешенька
 Коло васъ, мои родители.
 Не прошу у васъ, родители,
 Я ни злата, ни сѣребра,
 Я не дому богатнаго,
 Не скота многолюднаго,
 Не коня частоступнаго,
 Не суська, хлѣба полнаго,
 Только прошу у васъ, родители,
 Благословенья великаго,
 На-вѣчно верушимаго:
 Ваше-то благословеньце—
 Отъ людей заборонушка,
 Отъ вѣтру захоронушка (затульце),
 Отъ часта дожда кровелька,
 Изъ дна моря вынесеть,
 Изъ темна лѣса выведеть.

Отець благословляеть ее. Потомъ такъ же просить благословенія у матери, и та благословляеть ее. Потомъ причитаетъ брату, сестрѣ и другимъ родственникамъ, въ одинакихъ словахъ, измѣняя только гдѣ нужно. По призыву ея, они подходятъ къ ней одинъ за другимъ и дарятъ ее деньгами.

Плачь 14. Сестрѣ.

Призатихните вы, добры люди,
 Дайте мнѣ молодешенькѣ
 Мнѣ во слыхѣ слово молвити,
 Мнѣ назвать да возвеличати
 Сестрицу мою матушку.
 Приступись-ка, голубонька,
 Ко мнѣ въ куть за навѣсочку,
 Ко мнѣ къ молодешенькѣ.
 Не прошу у тебя, голубонька,
 Я ни злата, ни сѣребра,
 Хоть бы я съ тобой повидалася,
 Я съ тобой бы простилася.
 Ты подсядь-ка, голубонька,
 Ты моя лебедь бѣлая,
 Ты поддай-ка, голубонька,
 Ты мнѣ голосу текучаго,
 Ты подчету всякаго, разнаго—
 Все бы мнѣ молодешенькѣ
 Все привыть да приплакати,
 Все бы горе примыкати
 Въ батюшкиномъ во тепломъ гнѣздѣ,
 На родимой сторонущкѣ
 Все его опокинути,
 Не увезти бы мнѣ молодѣ
 На чужую сторонущку,
 Къ чужому отцу, матери,
 Къ чужому сыну отецкому.
 Ты моги-ко, голубонька,
 Сестрица моя матушка,
 По частешеньку хѣдити,
 По долгошеньку гѣстити,
 По часту перебѣвати,
 Челобитьеца пересылати
 На чужую сторонущку—
 И то великое отрадьце
 Моему ретиву серацу.

А если сестра отданая, т.-е. уже замужняя, то невѣста,
 вмѣсто просьбы навѣщать ее, воетъ ей:

Плачь 15.

Ты скажи-ка, голубонька,
 Ты моя лебедь бѣлая,
 Сестрица моя матушка,
 Каково жить во чужихъ людяхъ,
 На чужой на сторонушкѣ,
 У чужаго отца, матери,
 У чужаго сына отецкаго,
 Еще какъ ты поступала,
 Еще какъ ты привѣкала
 Ко чужимъ ко чужденнамъ?

На это сестра отвѣчаетъ ей:

Плачь 16.

Свѣтъ моя ты голубонька,
 Ты моя лебедь бѣлая,
 Нечего тебѣ меня спрашивать,
 Нечего мнѣ рассказывать:
 Ты сама на пути стоишь,
 На пути да на дороженькѣ:
 Во чужихъ-то во добрыхъ людяхъ
 Много ума надо, разуму,
 И догадокъ, ухваточекъ—
 Все ходить по вѣльному,
 Говорить говореное,
 А пить, ѣсть ожуреное,
 И то прокляеное,
 Сидѣть по конецъ стола,
 Ждать, глядѣть куска поданаго.

Невѣста на это продолжаетъ ей:

Что можно бы те, голубонька,
 Поскорѣ бы собратися,
 Поскорѣ бы поднятися,
 Поразбить бы, порасхлудити,
 Жениха бы запорочити.
 Развѣ вы, моя голубонька,
 Со своими со родители,
 Со кормилицемъ батюшкомъ,

Со родителью матушкой
 Въ одну думушку вы вздумали,
 Въ одно да слово молвили,
 Что меня да проговорили—
 Меня да вѣдь за мужъ давать,
 На чужую на сторонушку,
 Ко чужому отцу, матери.

Потомъ, призвавъ брата тѣми же словами, какъ и сестру,
 т.-е. «Призатихните вы, добры люди», просить его:

Плачь 17.

Не прошу у те, кормилецъ мой,
 Я ни злата, ни серебра,
 Только прошу я те въ провожатые,
 Я тебя да братецъ батюшка:
 Проводи меня, братецъ батюшка,
 На чужую на сторонушку,
 Ко чужому отцу, матери,
 Чтобы меня да молодешеньку,
 Чтобы меня да не укѣрили
 На чужой-то на сторонушкѣ,
 Что тебя да не проводили
 Что твой-то родители.

Когда братья, сестры и другіе родные дарятъ ее день-
 гами, она востъ имъ, каждому порознь:

Плачь 18.

Спасибо тебѣ, дядюшка, (или братецъ-батюшка, и пр.),
 На златъ, на серебрѣ,
 На гостинчикъ дѣрогъ;
 Не гостинчикъ твой дорогъ мнѣ,—
 Твой рученьки здлоты
 До самыхъ до могучихъ плечъ.
 Ты скажи, кормилецъ дядюшка,
 Мнѣ твоей-то золотой казной
 Не можно ли откупиться,
 Откупиться да отсыпаться
 Отъ чужія дальни стороны,
 Отъ чужаго отца, матери,
 Отъ чужаго сына отецкаго.

Къ концу угошенія, невѣста, въ самомъ лучшемъ нарядѣ, какой есть, выходитъ изъ-за навѣски, даритъ женихова отца полотенцемъ и востъ. Плачь не записанъ у меня.

Потомъ посылаетъ съ нимъ подарки жениху, если его нѣтъ тутъ, и будущей свекрови, говоря: «батюшка! примите. Жениху (или матушкѣ) заочно дарами кланяюсь».

Гости прощаются и расходятся.

3. Полокъ ж свадьба.

Въ свадебный день невѣста встаетъ съ постели въ пѣтухи, когда всѣ еще спятъ, и одѣваясь, востъ:

Плачь 19.

Ужь вы пѣтухи, мои пѣтухи,
 Ранніе обужатели,
 Поскору обужаетесь,
 Меня молоду будите.
 На Руси да пѣтухи поють,
 На святой Руси Богъ день даетъ,
 Добры молодцы коней поятъ,
 Красны дѣвицы воду носятъ,
 Ужь какъ мнѣ да молодешенькѣ
 Нѣтъ ни выходу, ни выступу,
 Мнѣ не спится, не лѣжится
 Мнѣ какъ темная ноченька.
 Еще вы, мои родители,
 Вы спите да не пробудитесь
 При великой при радости,
 Потому у васъ, родители,
 Нѣтъ ни горя, ни кручины,
 Ни печали великія;
 У меня у молодешеньки
 Много горя и кручины
 И печали великія
 За моей за бѣлой грудью,—
 Мнѣ малешенько уснулось,
 Много мнѣ во снѣ привидѣлось:
 Что летѣли гуси, лебеди

Черезъ батюшковъ высокъ теремъ,
 Мимо матушкины горенки,
 Черезъ братцевъ красивъ крылецъ,
 На лету гуси воскрипали,
 Меня мѣлоду воскликали:
 Ты душа да красна дѣвица,
 Не пора тебѣ, не времячко,
 Не пора тебѣ да спать, лежать,
 Что пора тебѣ вставать, обужатися,
 По-гладкѣ да обуватися,
 По-бѣлу да умыватися,
 Что пора тебѣ собираться,
 Цвѣтно платьєце укатывать,
 Во коробочку укладывать.
 А еще мнѣ сонъ привидѣлся,
 Что носило меня молоду,
 Что носило по синю морю,
 Приносило молодешеньку
 Къ бережку да ко крутому,
 Ко травѣ меня къ шелковой,
 Какъ еще меня принѣсило
 Ко кусту да ко ракиотову,
 Частой кустичекъ ракиотовой—
 То моя бы дѣвья красота,
 Такъ не могла я схвататися,
 За него я судержатися,—
 Изъ кореня вырывается;
 То и я, знать, молодешенька
 Изъ мѣста да поднимаюся.
 Да еще было держалася
 Я за травоньку шелковую,—
 Что шелковая-то травонька—
 То мои бы родители,
 Кормилецъ-то батюшко,
 Родитель моя матушка,—
 Не могла я судержатися.
 А еще было хваталася
 Я за бѣрежокъ крутенъкой,
 Тотъ бы бѣрежокъ крутенъкой—
 Что родимая стѣрона;

Не могла я ухватиться:
 Крутой берегъ обсыпается.
 А еще меня привѣсило
 Ко осокъ рѣзучей,
 Ко колунья колучей,
 Что колунья-то колучая —
 То чужой-то отецъ и мать.
 А еще меня привѣсило
 Ко шипякъ липучей,
 А шипяка-то липучая —
 То чужой-то отечкой сынъ.

Невѣста умывается, молится Богу и продолжаетъ:

Плачь 20.

Я первѣй поклонъ положила
 За кормилица за батюшка,
 А другой поклонъ положила
 За родитель мою матушку,
 А третей поклонъ положила
 За себя за молодешеньку,
 За душу за красну дѣвицу.

Сударь батюшка не жалуешь,
 Родна матушка не жалуешь,
 Только жалуютъ меня родители
 Чужою дальней стѣроной,
 Чужою незнакомою.

Между тѣмъ поднимаются всѣ въ домъ. Разсвѣтаетъ.
 Невѣста выходитъ изъ избы, обходить сѣни, повить, дворъ,
 горнищы, всѣ чуланьы, чтобъ въ послѣдній разъ насмот-
 рѣться на нихъ и проститься съ родительскимъ кровомъ.
 Возвратившись, воесть:

Плачь 21.

Походила я молодешенька,
 Походила, погуляла,
 По вашимъ новѣимъ сѣнямъ,
 По всѣмъ новѣимъ горенкамъ,

Приотдвинула оконенки,
 Приоткрыла окошечко,—
 Еще что бы мнѣ молодешенькѣ
 Принанесло, привнавѣло
 Съ полдневья сторонушки,—
 Не война не военная,
 Не война за синимъ моремъ,
 Не война взоевалася,
 Взоевались, кормилецъ мой,
 Твои гости любезные,
 Мои злые разлучники,
 Вѣковые досадники,—
 Досадятъ мнѣ молодешенькѣ
 Отнынѣ и до вѣку,
 До матки сыры земли,
 До матки гробовы доски,
 Разлучатъ молодешеньку
 Со родимой со стѣроной
 И со вамъ, мои родители,
 И со родомъ, со племенемъ.

Начинають собираться, одинъ за другимъ, родственники и подруги невѣстины. Каждую подругу она встрѣчаетъ плачемъ, какъ выше, на вечеринкѣ.

Между тѣмъ какъ все это происходитъ въ домѣ невѣсты, въ домѣ жениха снаряжается *полѣкъ*.

Полкомъ (*) называется поѣздъ жениха за невѣстой передъ вѣнцомъ. Здѣсь, до самаго окончанія свадьбы, главную роль играетъ дружка, выбираемый обыкновенно изъ самыхъ бойкихъ, веселыхъ и знающихъ всѣ свадебные обряды, родственникововъ жениха, а чаще изъ бобылей, хотя бы и изъ чужихъ. Иногда въ цѣломъ приходѣ одинъ только извѣстный дружка помыкается на всѣ свадьбы. Онъ—душа свадьбы, и отправляетъ свою должность *сop amoge*.

Ограждая себя и поѣздъ отъ всякаго дьявольскаго навожденія, дружка, въ день вѣнчанія, какъ только встанетъ по-утру съ постели, говорить про себя молитву:

(*) Отъ слова: *полкъ*; потому же молодые: *князь и княгиня*.

«Лягу благословясь, встану перекрестясь, умоюсь святою водою, утрусь сухимъ тонкимъ платомъ и пойду во чисто поле, въ восточную сторону: во чистомъ полѣ, въ восточной сторонѣ есть святъ акіанъ-море, и во святъ акіанъ-мореъ стоитъ церковь соборъ, и во той во церкви во соборѣ златъ-золотъ престолъ, на златъ-золотъ престолѣ сидитъ Мать Пресвятая Богородица и самъ Исусъ Христоръ и всѣ святые святители, Христовы помощники. И пойду поближе и поклонюсь пониже, и заступите, сохраните меня раба Божія (имя-рекъ)* отъ колдуна, отъ колдуньи, отъ волхуна, отъ волхуньи, и не накалдывать бы, не испорчивать колдуну, колдунью, волхуну, волхунью, по всякъ день, по всякъ часъ, по всѣ минуты и времена Божіи, по всѣ по 24 часа. И еще помолюсь, еще покорюсь всѣмъ святымъ святителямъ, Христовымъ угодникамъ: заступите и сохраните отъ колдуна, отъ колдуньи, отъ волхуна, отъ волхуньи, обставьте желѣзнымъ тыномъ меня раба Божія, весь мой княжой поѣздъ, не пришатиться бы, не прикачнуться колдуну, колдунью, волхуну, волхунью, и когда колдунъ, колдунья, волхунъ, волхунья изъ-подъ моего дому закладное бревно выломить, тогда меня исколдуеть, тогда изволхуетъ: бревна ему не выламывать, меня не испорчивать по всѣ дни, по всѣ часы, по всѣ минуты и времена Божіи, по всѣ по 24 часа. И выйду на бѣлый свѣтъ, и обведу своимъ окомъ, — сколько лѣсу дремучаго, и сколько сучковъ, сколько хвои, сколько листу, и на небѣ звѣзды (***) когда пересчитаетъ, тогда исколдуеть, изволхуетъ; тебѣ не пересчитывать, и меня не искалдывать и не испорчивать со всѣмъ княжимъ полкомъ. Во имя Отца и Сына и проч. 3-жды.

Дружка перевязанъ черезъ плечо полотенцемъ, подареннымъ отъ жениха, а по прѣѣздѣ къ невѣстѣ, эта даритъ его другимъ полотенцемъ, и онъ перевязывается на-крестъ. Кромѣ дружки, разносящаго вино гостямъ, съ подружьемъ, разносящимъ пиво, сидятъ за столомъ, пьютъ и закусываютъ слѣдующіе поѣзжане и въ такомъ порядкѣ: по правую сторону жениха

(***) А гдѣ же колдуну пересчитать звѣзды, такъ говоритъ дружка: и самъ сатана не могъ пересчитать ихъ, когда Богъ хотѣлъ простить его и далъ ему такую эпиграмю.

тысяцкой, рядомъ съ нимъ большой бояринъ, потомъ маюй бояринъ, за нимъ лагунникъ, должность котораго возить всюду за женихомъ и невѣстой лагунъ съ пивомъ. По лъвую руку жениха сваха (крестная мать или другая родственница женихова), за ней повозникъ, ѣздящій всегда въ однихъ съ ней саняхъ.

И вотъ дружка подходитъ къ отцу женихову, подноситъ ему чару зелена вина и говоритъ: «Господи Іисусе Христе Боже нашъ, помилуй насъ. Ноги съ подходомъ, руки съ подносомъ, сердце съ покоромъ, голова съ поклономъ, языкъ съ приговоромъ, чаша съ питьемъ, языкъ съ челобитьемъ. Въ моей чашѣ медъ да патока, виноградная ягода, — вамъ бы испилось да къ сердечку привилось. И передъ вами и передъ нами — передъ добрыми людьми, лежитъ ваше чадо въ твоихъ рѣзвыхъ ногахъ, не просить ни дому благодатнаго, ни злата ни серебра, ни коня частоступнаго, просить вашего родительскаго благословенія: ваше родительское благословеніе отъ вѣтру отъ буйнаго, отъ вихоря лютаго, и на-вѣки нерушимое — и ѣхать во чисто поле, подъ свѣтлый мѣсяцъ, подъ красное солнце, на красную заводь, по бѣлу лебедь, къ Божьей церкви, златъ вѣнецъ принимать, животворящій крестъ цѣловать.»

Между тѣмъ женихъ падаетъ отцу въ ноги, и этотъ благословляетъ его. Потомъ такимъ же образомъ и съ тѣми же словами дружка благословляетъ его мать. За тѣмъ встають и молятся Богу; весь поѣздъ выходитъ на дворъ, садятся въ сани и ѣдутъ къ невѣстѣ въ такомъ порядкѣ, въ пятирыхъ саняхъ (бываетъ и больше): впереди дружка съ поддрузьемъ, за ними тысяцкой съ женихомъ, большой бояринъ съ малымъ бояриномъ, сваха съ повозникомъ и лагунникъ.

Выѣхавъ въ поле, поѣздъ останавливается. Дружка обходитъ кругомъ всего поѣзда и говоритъ: «Господи благослови меня раба Божья (имя). Выѣзжаю въ чистыя поля, въ зеленые луга, подъ свѣтлый мѣсяцъ, подъ красное солнце; и попрошу Илью Пророка, Егорья храбраго: обстрѣляйте меня раба Божія со всѣмъ княжимъ полкомъ калеными стрѣлами, и не пришатитесь бы, не прикашутесь колдуну, колдунь. Есть во чистомъ полѣ, на Сіонской горѣ бѣль горючъ камень,

у этого у бѣла горюча камня 12 замковъ, у кажиннаго замка по 12 ключевъ; когда до этого камня дойдешь, и всѣ ключи соберешь, и замки отопрешь, тогда и исколдуешь, тогда и изволхуешь. Тебѣ до этого камня не дохаживать, и ключи не собиравать, и замки не отпирывать, и меня не искалдывать и не испарчивать со всѣмъ княжимъ полкомъ. Во имя Отца и Сына,» и проч.

Когда полѣкъ подъѣзжаетъ къ деревнѣ невѣсты, маленькіе ребятишки, сторожащіе на улицѣ, завидя его еще издали, сей-часъ же бѣгутъ въ избу съ крикомъ: «свадьба ѣдетъ!» Невѣста востъ:

Плачь 22.

Что не гуси, не стѣрые
 Изъ-за лѣсу вылетали,
 Изъ-за горъ подымались,
 Что не пыль во чистомъ полѣ
 Да не пыль запылилася,
 Не туманъ затуманился,
 Запылились снѣги бѣлые;
 Не морозы не лютые,
 Не морозы залопали,
 Залопали плетки шелковыя
 У твоихъ у любимыхъ гостей.
 Не бѣло забѣлѣлося,
 Не сине засинѣлося,
 Забѣлѣлось, кормилецъ мой,—
 Подсти да войлоки,
 Засинѣлось, кормилецъ мой,—
 Что на нихъ кафтаны синіе,
 Да и шапочки муровы.
 Не вода да не веинья
 Кругъ двора облегла,
 Кругъ двора да широкаго,
 Подъ ворота подливается,
 На широкій дворъ взливается, —
 Облегла, кормилецъ мой,
 Твои гости любезные,
 Мои злые разлучники.

Между тѣмъ полѣкъ подъѣхалъ. Онъ останавливается на улицѣ, и всѣ выходятъ изъ саней. Дружка обращается ко всему полку и поздравляетъ съ прїездомъ: «съ честнымъ приваломъ; здорово, братцы, добѣхали.» Потомъ идетъ отъ саней къ лѣстницѣ, между тѣмъ какъ всѣ остальные остаются на улицѣ. Идя противъ окошекъ дома невесты, дружка начинаетъ говорить: «Господи Иисусе Христе Боже нашъ, помилуй насъ. Сватушко, свахонька, приоткрой окошечко, приотдвинь отдвижечку, погляди на мой на княжой полѣкъ: мой княжой полѣкъ стоитъ во чистомъ полѣ, на широкомъ раздольѣ, осередь вашія широкія улицы; востоялъ онъ рѣзвѣ ноги до мать во сыру землю, приглядѣлъ ясны очи, на свѣтлы небеса взираючи, часты звѣзды считаючи; и благословите меня друженьку молодого подступиться къ частой лѣсенкѣ, къ красивому крыльчику, на калиновъ мостъ поступить и за полужену скопу взяться, двери на пяты отворятся,—что здѣсь за нова горница, свѣтла свѣтлица; во этой во новой горницѣ, во свѣтлой свѣтлицѣ есть ли въ дому домовникъ, домовница, а нѣтъ въ дому домовницы, есть Мать Пресвятая Богородица: буду я молиться Спасу-образу, Матери Пресвятой Богородицѣ. Сватушка любезный, свахонька любезная, приотворите нову горенку; сами отворите, али намъ позвольте? (Въ это время дружка взошелъ въ сѣни и подошелъ къ дверямъ избы. Ему отворяють двери, или говорятъ: Богъ благословить!—и онъ самъ отворяетъ). Благословляй дружку молодого лѣвой рукой взяться за булатную скопу, правой ногой за порогъ шагать (переступаетъ порогъ), на дубовый столъ становиться.»

При входѣ дружки невеста воеетъ:

Плачь 23.

Ужь ты друженька, друженька,
 Молодой дружка вѣжливый,
 Молодой да очестливый,
 Не ходи, дружка, хробостко,
 Не говори, дружка, говорко,
 Ты ходи потихошеньку,
 Говори погладешеньку,
 Не пугай меня мѣлоду,

Что и такъ молодешенька
 Я и такъ испужалася,
 Бѣлы руки опустилися,
 Ясны очи помутилися,
 Голова съ плечъ покатилася,
 Моя рѣчь перемѣнилася,
 Съ сяковы да горя-кручины,
 Да печали великія.

А дружка между тѣмъ, взойдя въ избу, продолжаетъ безъ перемежки:

«Становлюсь противъ стола, противъ креста, противъ Божьей Матери. (Становится противъ тѣла). Господи Іисусе Христе Боже нашъ, помилуй насъ. Сватушка любезной, свяхонька любезная, поглядите во чисто поле, въ широко раздолье: въ чистомъ полѣ, въ широкомъ раздольѣ стоитъ мой княжой полѣкъ подъ черными оболочками, подъ частыми звѣздами, подъ ракиновыми кустами, подъ свѣтлымъ мѣсяцемъ, подъ краснымъ солнцемъ, подъ бѣлою зарею; наши лошади изнаряжены, въ новы сани запряжены, — сани лубовы, оглобли дубовы, сѣделочки точеныя, уздацы строченыя, хомутики золоченыя. Мой князь новобрачный, тысяцкій, большой бояринъ и малый бояринъ, свяхонька и повозничекъ и лагуничекъ, въ шелковыхъ чулочкахъ, въ сафьянныхъ сапожкахъ, шапочки пуховы, подпоясочки стаметны; во моихъ во новыхъ саняхъ полсти и войлоки, подушечки бранныя, шубы соболиныя.... Тутъ мнѣ самому бы себя повосхвалити, а васъ не похулити: — у васъ верюшки точеныя, воротца зодоченыя, подворотня стекольчатая; — прикажите новы ворота отворять и подворотню стекольчатую долой вынимать, моихъ добрыхъ коней на широкой дворъ попускать. Какъ у васъ было условье про этихъ людей, про своихъ про милыхъ дѣтей, противъ стола, противъ креста, противъ Божьей Матери, — какъ вы условились, на чемъ положились, на какой день, на какой часть? — во время ли мы прѣехали? (Невѣстинъ отецъ отвѣчаетъ: во-время! милости просимъ!) Когда во-время, такъ благословите меня друженьку молодого помолитъ святому Спасу-образу, Матери Пресвятой Богородицѣ. (Отецъ отвѣчаетъ: Богъ благословитъ! Дружка,

который все еще стоялъ не молясь, молится, и потомъ продолжаетъ, раскланиваясь:) Сватушка и свахонька здорово; отъ свата, отъ свахи—отъ вечершнихъ гостей челобитье, нижайшій поклонъ, прислали благодаренье за вашу хлѣбъ-соль, на вашихъ дарахъ велѣли благодарить, низко кланяться. Ъхаль я друженька молодой селами, городами и пригородками-слободами, темными лѣсами, чистыми полями, долами, горами, крутыми берегами, быстрыми рѣками, языкъ попризамялся, рѣчь попритеклася, въ горлышкѣ попересохло, нѣтъ ли мнѣ друженькѣ молодому рюмочки винца, чашечки пивца; нѣтъ пивца, такъ кваску, нѣтъ кваску, такъ водицы: мати-вода не мутитъ молодаго ума,—больше стану пить, меньше говорить.

Хозяинъ подноситъ дружкѣ вина. А между тѣмъ всѣ родные невѣсты, какъ-то: мать, свать (вмѣсто тысяцкаго женихова), и проч. стоятъ въ-сторонкѣ.

Дружка, выпивъ рюмку и держа ее въ рукахъ, продолжаетъ: «Господи Иисусе Христе Боже нашъ, помилуй насъ. Сватушка и свахонька, благословите меня къ дубову столу подступить, за кленову чашу взяться, за ваше за пивцо за винцо. (Отецъ отвѣчаетъ: Богъ благословить. Дружка наливаєтъ рюмку и подноситъ ему со словами): Господи Иисусе Христе Боже нашъ, помилуй насъ. Ноги съ подходомъ, руки съ подносомъ, сердце съ покоромъ, голова съ поклономъ, языкъ съ приговоромъ, чаша съ питьемъ, языкъ съ челобитьемъ, чаша нижегородская, въ чашѣ нитье богородское, чаша деревянная, въ чашѣ питье медяное, чаша соловецкая—питье володецкое, въ моей чашѣ медъ да патока, виноградная ягода, вамъ бы испилось, къ сердечку привилось. Чашу испивай, да моихъ гостей встрѣчай. Могите встать—подняться, не заморозьте на улицѣ. Еще попрошу вашей милости, понизеньку буду кланяться: не оставьте моего прошенъца, дайте къ невѣстѣ сватушка(у), покажите мнѣ того человѣка. (Дружкѣ нужно знать свата въ лицо потому, что онъ долженъ ему подносить вина. Отецъ указываетъ на него и говоритъ: вотъ у меня свать. Дружка, не поднося ему, выкикаетъ сперва мать невѣстину съ середи, гдѣ она за хлопотами, слѣдующими словами:) Господи Иисусе Христе Боже нашъ

помилуй насъ. Свахонька любезная! повыйди, повиступи, съ середи на зыбучій полъ, отъ печки кирпичная, отъ столба горемычнаго, просить васъ князь новобрачной (новображной), друженька съ подружьедемъ, тысячкою съ большимъ бояриномъ, малый бояринъ съ лагунщикомъ, свахонька съ повозничкомъ и съ молодымъ извощичкомъ. Кланяемъ вамъ весь княжой полкокъ: ноги съ подходомъ,» и проч. до словъ: «не заморозьте на улицъ.»

Мать, принимая рюмку, отвѣчаетъ: готово, — и пьетъ. Потомъ дружка подносить свату съ тѣмъ же приговоромъ до словъ: «къ сердечку привилось.» А далѣе этотъ приговоръ измѣняется, примѣнительно къ должности свата, слѣдующимъ образомъ: «Извольте чашу испивать, моихъ гостей встречать, новы ворота отворять, подворотенку стекольчатую долой вынимать, моихъ добрыхъ коней на широкій дворъ пускать.» Невѣста воетъ:

Плачь 24.

Что свѣтъ, мои родители,
Кормилецъ мой батюшка,
Родитель моя матушка,
Не встречайте, родители,
Своихъ да любыхъ гостей,
Моихъ злыхъ разлучниковъ;
Вы поставьте, родители,
Къ воротамъ приворотничка,
Ко дверямъ да придверничка.
Это что, мои родители,
Это что у васъ за вольники.
Это что за самовольники —
Приворотничка оттолкали,
Придверничка потоптали,
Силою на дворъ просятъ;
Не пчелы да бляюрыя
Во теремъ да вобираются,
Вобираются, родители,
Ваши гости любезные,
Мои злые разлучники.

Между тѣмъ всѣ идутъ встрѣчать гостей. Сватья бѣжитъ впередъ и пускаетъ весь поѣздъ на дворъ, отворяя ворота со словами: «Просимъ покорно взѣзжать на дворъ.» На дворъ встрѣчаютъ поѣздъ съ хлѣбомъ-солью и иконой отецъ и мать невестины съ дружкой впереди. Повзжане молятся иконѣ, цѣлуютъ хлѣбъ и здороваются. Идутъ въ избу — впереди дружка, потомъ отецъ и мать невесты, тысячкой жениховъ и проч. Войдя въ избу, помолятся Богу, и дружка говоритъ: «Господи Иисусе и проч. Есть ли крюки повѣшать кнуты, метены ли полицы — покласть шапки да рукавицы, метены ли палаты—намъ покласть халаты. (Между тѣмъ гости раскладываютъ свои принадлежности по означеннымъ мѣстамъ). Дайте мѣстечко моимъ полчанамъ, моимъ повзжанамъ отъ кути до подокна, до краснаго окна, мнѣ бы своихъ гостей усадить, твоихъ не потѣснить.»

Невеста воетъ между тѣмъ:

Плачь 25.

Выступайте-ка, весь родъ-племя,
 Съ середи да на зыбучій полъ,
 Всѣ и дядюшки и тетушки,
 И сестрицы, братцы-батюшки,
 Вы глядите-ка, мой родъ-племя,
 На моего-то супротивника:
 Снявши ли шапку, въ избѣ идетъ,
 Да по писаному ли крестъ кладетъ,
 По-низку ли Богу молится,
 По-низку ли поклоняется
 На всѣ четыре стороны,
 Еще вамъ, мои родители,
 Что однимъ ли на особину,
 На особину ли низкой поклонъ.
 Еще всѣмъ гостямъ мѣсто есть,
 Одному да гостю мѣста нѣтъ,
 Одного да гостя потѣснить,
 Моего да супротивника.
 Посадите-ка, родители,
 Вы въ кути его на кутимель,

Ко дверямъ да придверничкомъ,
 Къ воротамъ бы приворотничкомъ,
 За скопу бы двери держаючи,
 Всякому бы отворяючи,
 Всякаго бы пропускаючи,
 Стараго и малаго,
 Глупаго да безразумнаго,
 Чтобы ояъ на насъ осёрдился,
 И на меня бы молодешеньку.

Отець, поставивъ на столъ вино, сажаетъ жениха и повъзжанъ за столъ въ томъ же порядкѣ, какъ они сидѣли у жениха, съ тѣмъ исключеніемъ, что невѣстинъ свать садится подлѣ тысяцкаго, а остальные родственники невѣстины размѣщаются кой-гдѣ внѣ стола или хлопчуть по дѣламъ. А дружка, между тѣмъ, наливая вина, говоритъ: «Господи Исусе и проч. Ноги съ подходомъ и проч. Сватушка любезный и свахонька любезная, повыйди, повыступи съ середи на зыбучій полъ, отъ печки кирпичныя и проч. Кланяется вамъ весь княжой полкъ: ноги съ подходомъ... чаша нижегородская... Извольте чашу испивать, моимъ гостямъ мѣста давать. (Подноситъ рюмку отцу). Ъхаль друженька молодой селами, городами и проч... Кони мои поперебъжались, кишки поперегретряслися; моимъ конямъ, моимъ животамъ было сѣна по колено, овса по щетку. Нѣтъ ли имъ овсеца, а нѣтъ овсеца, такъ сѣнца, а нѣтъ сѣнца, такъ соломки, а нѣтъ соломки, такъ овсянки, а нѣтъ овсянки, такъ оржанки: оржанки подробить — подъ гору бѣжить — не потыкается, на гору бѣжить — не задыхается; наши лошади не зауморки, осенные закормки, на повить поглядятъ — попрямѣ бѣжатъ. Еще попрошу вашей милости, понизехоньку буду кланяться, не оставьте моего прошенъца: къ моимъ конямъ, къ моимъ животамъ приставьте сторожа, чтобы полсти и войлоки, шубы соболинныя, чего не бывало, то бы не пропало». Если хозяинъ словоохотенъ, то отвѣчаетъ на это съ улыбкой, разглаживая бороду: что есть, покараулю, а чего нѣтъ — не знаю какъ, — и отряжаетъ кого-нибудь изъ домашнихъ задать лошадямъ овса и сѣна. Дружка подно-

сить рюмку вина матери невестинной съ тѣмъ же приговоромъ, исключая просьбы кормить коней. Потомъ вызываетъ всѣхъ сестеръ, братьевъ, золовокъ и всѣхъ домашнихъ невестинныхъ словами: «ноги съ подходомъ и пр. Сватушка (или свахонька), повыйди ... приступись ко мнѣ къ дружкѣ молодому, къ столику дубовому, къ скамеечкѣ кленовой» и проч. После этого самъ отецъ невестинъ подноситъ вина дальнимъ родственникамъ своимъ, а дружка подноситъ своимъ поѣзжанамъ безъ приговора. Пьютъ и ѣдятъ. Если вина не станетъ, дружка выкликаетъ хозяина «съ середи на зыбучій полъ: у насъ въ скляночкѣ повытекло, въ рюмочкѣ повыхло, я рядъ не довелъ». При чемъ и подноситъ ему не долитую рюмку. Хозяинъ приноситъ еще вина. Невѣста востъ ко всему полку:

Плачь 26.

Приутихните, сѣры гуси,
 Сѣрые гуси на морѣ,
 Добры люди въ теремѣ,
 Еще дайте молодешенькѣ
 Мнѣ во слыхъ слово молвити:
 Только свѣтъ да княжой полокъ,
 Дружешка со подружьцею,
 Тысячкою съ большимъ бояриномъ,
 Свахонька со повозничкомъ,
 Всѣ князя и бояра —
 Я не всякому на имя, —
 Не знаю молодешенька
 Я не имя, ни отчества,
 Только знаю молодешенька
 По-низку поклонятися:
 Приступи-ка ко мнѣ, княжой полокъ,
 Хотъ не ради ко мнѣ сданьца,
 Ради своего свиданьца,
 Слезянаго разставаньца.

На этотъ призывъ первый дружка, напоивъ всѣхъ, пробирается къ невестѣ среди толпы дѣвицъ, молодежи и зрителей, съ виномъ и пивомъ, со словами: «Господи Иисусе

и проч. Постарше меня дядюшки, помладше братцы батюшки, поразшатитесь, пораздвиньтесь, дайте мнѣ молодому друженькѣ въ куть дороженьку, на ножку бы не наступить, чулочка бы не замарать, башмачка бы не проломить, . . . бы не хватить, безчестья бы не заплатитъ: мы дружки молодые, наше дѣло испитое, ровно сѣно извитое, — вездѣ волочится, подобрать некому.» Невѣста между тѣмъ воесть ему, какъ выше:

Ужь ты друженька, друженька,
Молодой да вѣжливой, и проч. до словъ:
Съ сякова горя-кручины,
Да печали великія.

(См. плачь N 23.)

Дружка подносить невѣстѣ рюмку вина и даритъ деньгами. Та, разумѣется, отказывается отъ вина, а деньги принимаетъ. Потомъ онъ подносить дѣвицамъ. Нѣкоторые пьютъ.

Далѣе подходятъ къ невѣстѣ и дарятъ ее деньгами прочіе полчане. Когда подходитъ сваха, невѣста воесть:

Плачь 27.

Ужь ты свахонька, свахонька,
Молодая, пріѣзжая,
Гостейка заволостная,
По-скору стала сванити,
По разлукамъ стала вѣдети;
Что есть ли у те сванити
Два сына женатые,
Двѣ снохи приведенныя,
Двѣ дочери не отданыя.

Когда все передаритъ ее, она воесть:

Плачь 28.

Почему меня молодешеньку,
Почему дарятъ, жалуютъ,
Что меня золотой казной?
Что куды мнѣ молодешенькѣ
Эту золоту казну

Куды будетъ подѣвати,
 Да куды мнѣ полѣжити:
 Ко сердечку прижимати —
 Ознобитъ ретиво сердце,
 Ко бѣлу лицу прилѣжити —
 Бѣло личико обмараетъ,
 Во коробочку полѣжити —
 Цвѣтно платье замараетъ,
 Во сыру землю полѣжити —
 На косу сажень пройдетъ.
 Положу-ко я молодешенька
 Въ особнѹю коробочку,
 Въ особнѹю замочнѹю,
 Увезу-ка я молодешенька
 На чужую дальнюю сторону,
 На чужую незнакомую,
 Ко чужому отцу, матери,
 Ко чужому сыну отецкому;
 Буде есть у чужа-чуженина,
 Буде есть сѣни новыя,
 Сѣни новыя да мастереныя,
 Буде есть нова горенка,
 Унесу я молодешенька
 Эту я да золоту казну,
 Эту я да коробеечку:
 Поживу я молодешенька, —
 Какъ житье мнѣ не покажется,
 Какъ житье мнѣ не поглядится,
 Я схожу-ка молодешенька
 Во его да въ нову горенку
 Я по эту золоту казну,
 Стану ей да откупатися.

Между тѣмъ, выйдя отъ невесты, дружка требуетъ отъ отца и матери ея обряжать и выводить ее, слѣдующими словами:

«Господи Иисусе, и проч. Сватушка любезный, свaxonька любезная, повыйдите, повыступите съ середи на зыбучій полъ, отъ печки кирпичныя, отъ столба горемычнаго, приступитесь къ столику дубовому, къ скамеечкѣ кленовой, про-

ситъ васъ князь новобрачный, друженька со подружьцемъ, тысяцкой съ большимъ бояриномъ, малой бояринъ съ лагунщикомъ, свахонька съ повозничкомъ и съ молодымъ извошникомъ; кланяемся вамъ весь княжой полокъ, ноги съ подходомъ, и проч. Чаша нижегородская, и проч. Извольте чашу испивать и невѣсту собирать, къ Божьей церкви златъ вѣнецъ примать, животворящій крестъ цѣловать.

Родственницы начинаютъ обряжать невѣсту, а она востъ къ отцу:

Плачь 29.

Приутихните, сѣры гуси,
 Сѣрые гуси на морѣ,
 Замолкните, добры люди,
 У батюшки въ теремѣ.
 Только свѣтъ мой кормилецъ батюшка,
 Мое красное солнышко,
 Мое лѣтнее, теплое,
 Ты мое обогрѣвное,
 Отступи-ко-сь, кормилецъ мой,
 Отъ своихъ отъ любыхъ гостей,
 Отъ моихъ злыхъ разлучниковъ,
 Отъ стола отъ дубоваго,
 Отъ ковша отъ кленоваго,
 Ты отъ пивушка пьянаго,
 Отъ вина отъ зеленаго,
 Приступись, солнце красное,
 Ко мнѣ въ куть за навѣсочку,
 За навѣску полотенную,
 Подъ брусъ положеное,
 Подъ полати бѣлодубовы
 Во мѣсто во разлучное,
 Во его да въ горемычное,
 Хоть не ради мнѣ сданьца,
 Ради своего свиданьца,
 Слезянаго разставаньца,
 Хоть бы я да съ тобой повидалася,
 Хоть бы я съ тобой простилася,
 Низешенько поклонилася.

Если отецъ, захопотавшись, долго не идетъ, то невеста продолжаетъ:

Гораздо, кормилецъ батюшка,
Ты не чуешь и не слышишь.
За горами ли ты сидишь,
За горами ли за крутыми,
За грязями ли за черными,
За лѣсами ли за темными,
За стѣнамъ ли бѣлоканнымъ,
Что твое-то ретиво сердце
Крѣпче камешка горячаго;
Еще сколь да камень не крѣпокъ,
На огонь да разгорается,
На водѣ да раскипается.

Отецъ подходитъ. Невѣста продолжаетъ:

Плачь 30.

Я не буду собираться,
Хорошо я снаряжусь
На чужую дальнюю сторону
Безъ батюшкина благословеньца,
Безъ матушкина повелѣньяца.
Коли батюшка благословить,
Коли матушка повелить.

Падаетъ отцу въ ноги, и продолжаетъ:

Погляди-ка ты, кормилецъ мой,
Ты кормилецъ мой батюшка,
Во свои да во рѣзвы ноги:
Не камка разстиляется,
Не жемчугъ разсыпается,
Я бьюся, убиваюся
Ласточкою касаточкой;
Какъ ласточка коло гнѣздечка,
То и я молодешенька
Коло васъ, мои родители.
Не прошу, кормилецъ батюшка,
Я ни дому благодатнаго,
Не скота, (и проч., какъ въ плачь N 13, до словъ:
Изъ темна лѣса выведеть).

Отецъ благословляетъ ее. Невѣста продолжаетъ, вставши:

Хватитесь, мои родители,
 Не въ пору, не во времячко;
 Какъ пройдетъ зима съ морозами,
 (и проч., какъ въ плачь N 6.)

Потомъ просить благословенія у матери:

Плачь 31.

Приутѣхните добры люди
 У батюшки въ теремъ,
 Дайте мнѣ молодешенькѣ
 Мнѣ во слыхъ да слово молвити
 Своей-то да кормилицѣ,
 Родитель-матушкѣ:
 Отступись, моя кормилица,
 Ты отъ печки отъ кирпичный,
 Отъ залавка бѣлодубова,
 Приступися, солнце красное,
 Ко мнѣ въ куть за навѣсочку (и проч. до словъ:
 Низешенько поклонилася.)

Мать подходитъ. Невѣста падаетъ ей въ ноги. Другая мать и сама не устоитъ, и упадетъ вмѣстѣ съ ней. Невѣста продолжаетъ:

Погляди, моя кормилица,
 Ты родитель моя матушка,
 Во свои да во рѣзвы ноги:
 Не камка разстиляется,
 Не жемчугъ разсыпается,
 Что бьется, убивается,
 Что твое да чадо милое,
 Что дитя благословленное.
 Не прошу, моя кормилица,
 Я ни злата, ни серебра,
 Я ни шитаго, ни бранаго, —
 Не забудь, моя радельщица,
 Что меня да молодешеньку
 На чужой на дальней стѣронѣ,
 У чужаго отца, матери,
 У чужаго сына отцакаго.
 Ты моги, моя кормилица,

*

Почастешеньку хѳдѳти,
 Подолгошеньку гѳстити,
 Почасту перебѳывать.
 Челобитьеца пересѳлати.
 Хватитесь, мои родители,
 Не въ пору, не во времячко:
 Какъ пройдетъ зима со морозами,
 и проч.

Ты на что, моя кормилица,
 Ты на что да обнадѳялась,
 Ты надѳюшку подѳржала, —
 Что кому тебя радѳльщицу,
 Что кому тебя пристроити,
 При старой при старости,
 При хворой при хворости,
 При болѳсткѳ тяжелой,
 Что развѳ у те, кормилица,
 Развѳ сады изнасажены,
 Да поля изнасѳяны,
 Развѳ я тебѳ, кормилица,
 Не слуга была вѳрная,
 Не надѳя тебѳ крѳпкая,
 Не посылка тебѳ скорая,
 Во дому ли не домовница,
 Со скотомъ ли не строельщица,
 Во полѳ ли не полевница.

Между тѳмъ невѳсту одѳли. Отецъ и мать берутъ ее
 подѳ руки и выводятъ. Съ ними идетъ сваха. Невѳста воетъ:

Плачь 32.

Я не дамся, молодешенька,
 Я не дамся встать, поднятися,
 Ни князю я, ни боярину,
 Оприча своего кормилица,
 Да кормилица-батюшка.

Не береза кужлявая
 Изъ корни вырывалася,
 То я молодешенька
 Изъ мѳста подымалася,
 Изъ мѳста гоѳемычнаго,

Изъ кути въ подокошечко.
 Ты крестись, моя права рука,
 Поклоняйсь, буйна голова,
 На всѣ четыре стороны
 Со гостями да со прїѣзжими,
 Со гостями да съ заволостными,
 Со своимъ да злымъ разлучникомъ,
 Въковымъ своимъ досадникомъ.
 Одному гостю не кланяюсь:
 Голова моя не клонится,
 Ретиво сердце не воротится, —
 Своему-то супротивнику.

Невѣста и сваха молятся Богу, кланяются всѣмъ. А дѣвицы въ кути, по уводѣ невѣсты, поютъ пѣсню:

Пѣсня 11.

Выводы, выводы,
 Золоты новы выводы!
 По тѣмъ новымъ выводамъ
 Красну дѣвицу вывели
 Изъ кути въ подокошечко,
 А на встрѣчу-то дѣвицъ
 Удалой добрый молодецъ
 Свѣтъ Иванъ да Андреевичъ.
 Онъ сталъ дѣвку спрашивать,
 Изъ ума сталъ вывѣдывать:
 Ты душа красна дѣвица,
 Свѣтъ Анна Васильевна,
 Ты скажи, красна дѣвица,
 Куды намъ съ тобой уйдти,
 Куды намъ идти, ѣхати?
 — Удалой добрый молодецъ,
 Нечего тебѣ спрашивать,
 Изъ ума да вывѣдывать:
 Что пути по полямъ лежать,
 А броды по быстрымъ рѣкамъ,
 Во деревнюшку улица,
 На широкій дворъ вѣрота,
 Во высокъ теремъ лѣсенка,
 Въ нову горенку дверечка.

Между тѣмъ отодвинули столъ, и невѣсту ставятъ рядомъ съ женихомъ. Тысяцкой жениховъ подастъ ему ея руку. Они цѣлуются и садятся рядомъ. Невѣста между тѣмъ воетъ:

Плачь 33.

Не роса да не холодная
По подлавицамъ хѳдила,
Ко мнѣ да молодешенькѣ
Что ко мнѣ да прихѳдила,
За рѣзвы ноги хваталася,
За бѣлы руки прималася.

Не роса да на меня пада,
Что пала на молодешеньку
Что гроза да молодецкая,
Чужаго сына отецкаго.

Далье, сѣля съ женихомъ, продолжаютъ:

Плачь 34

Выступайте-ка, весь родъ-племя,
Всѣ и дядюшки, и тетюшки,
И сестрицы, братцы-батюшки,
Поглядите-ко, родители,
Что со ровнюшкой ли я сѣжу,
Что со ровней ли великою.
Гораздо вамъ, мои родители,
Во лѣсу лѣсу не было,
Во лѣсу вамъ срубить нечего,
Оприча осины горькія.

(Если женихъ — вдовецъ, то продолжаютъ:)

Во людяхъ вы людей нѣ нашли,
Оприча да вдовца вдоваго:
У вдовца-то у вдоваго
Три обычья, три норова,
Три ума да три разума.

Дружка между тѣмъ обноситъ всѣхъ виномъ, пачакъ съ невѣстина свата. Невѣста воетъ жениху:

Плачь 35.

Отодвинь-ко-ся, отецкой сынь,
 Удалой добрый молодець,
 Отъ меня молодешеньки,
 Отъ души красны дѣвицы,
 Ты повыйди, повыступи,
 Удалой добрый молодець,
 Ты на батюшковъ калиновъ мость,
 На братцевъ красивъ крылець,
 Погляди-ка, ясець соколь,
 Ты на всѣ четыре стороны:
 Въ восточной сторонушкѣ
 Стоять тутъ три терема,
 Три терема высокіе,
 Три горенки новыя.
 Что во первомъ-то во теремѣ
 Что сидятъ да вдовы чѣстныя,
 Во другомъ-то во в'исокомъ
 Что сидятъ вдовы солдатскія,
 А во третьемъ-то во теремѣ
 Что сидятъ да красны дѣвушки
 На золотыхъ на стульчикахъ.
 Онѣ шьютъ, берутъ во плечкахъ,
 Не шелкомъ онѣ, не серебромъ,
 Однимъ да чистымъ золотомъ.
 Выбирай-ка ты, ясець соколь,
 Ты меня да подороднѣе,
 Умомъ-разумомъ довольнѣе,
 И догадочкамъ, ухваточкамъ:
 У меня у молодешеньки
 Нѣтъ ума, да нѣтъ ни разуму,
 Ни догадочекъ, ухваточекъ,
 Только есть ли разны болѣсти:
 Я головонькой угарчива,
 Ретивымъ сердцемъ прихватчива;
 Во чужихъ-то во добрыхъ людяхъ
 Много ума надо, разуму,—
 Голова держать поклончиво,
 Ретиво сердце покорчиво;

У меня у молодешеньки
 Со поклону голова болить,
 Со покору сердце выщемить,
 Оно выщемить и вызябнетъ.

Между тѣмъ въ кути дѣвицы, раздосадованные уведомъ
 отъ нихъ подруги, пропѣли пѣсню свату:

Пѣсня ()*.

Свату-то своднику,
 Врагу, сомущальнику
 Еще дай ему Господи
 Комуха бы трясухая,
 А другая знобучая,
 Въ потолокъ бы утыкаючи,
 За небеса хватаючи;
 Еще свату-своднику
 Кошелемъ бы кормитися,
 Сухаремъ бы давитися,
 Не ему бы, такъ женѣ его,
 Не женѣ бы, такъ его дѣтоушкамъ.
 А еще бы свату-своднику,
 Врагу, сомущальнику,
 Два бы чирья да въ голову,
 А третей-то бы въ бороду,
 А четвертый-то подъ горлышко,
 Вмѣсто краснаго запонка.

Дружка по временамъ приносить имъ въ кути пряниковъ,
 орѣховъ, и онѣ поютъ ему:

Пѣсня 12.

Экой дружка хорошенькой,
 Экой дружка пригоженькой,
 Русы кудри разчесаны,
 Серебромъ перевиваны;
 На эти бы русы кудри
 Сторублевая шапочка.

А если мало дастъ пряниковъ и орѣховъ, то поютъ:

(*) Эта пѣсня, съ некоторыми отличками, выше, подъ N 8.

Пѣсня 13.

По тыну, тыну
 Все воробьи. 2.
 У жениха Ивана полчана-то
 Все дураки. 2.
 Подемъ-то ѣдутъ—
 Стогу челомя. 2.
 То, мы начали, (*)
 Церковь стоитъ. 2.

По тыну, тыну
 Все воробьи. 2.
 У жениха Ивана полчана-то
 Все дураки. 2.
 Въ улицу ѣдутъ—
 Кладницъ (**) челомя. 2.
 То, мы начали,
 Народъ стоитъ. 2.

По тыну, тыну
 Все воробьи. 2.
 У жениха Ивана полчана-то
 Все дураки. 2.
 На дворъ-то ѣдутъ—
 Столбу-то челомя. 2.
 То, мы начали,
 Свать-то стоитъ. 2.

По тыну, тыну
 Все воробьи. 2.
 У жениха Ивана полчана-то
 Все дураки. 2.
 На мость-то идутъ—
 Ступъ челомя. 2.
 То, мы начали,
 Сваха стоитъ. 2.

(*) Думали.

(**) Погваницъ.

По тыну, тыну
 Все воробьи. 2.
 У жениха Ивана полчана-то
 Все дураки. 2.
 Въ избу-то идутъ—
 Печи челомъ. 2.
 То, мы начали,
 Народъ-то сидить. 2.

Певъста, посидѣвъ за столомъ, просится у жениха вдо-
 стальные погулять по матушкинымъ горенкамъ:

Плачь 36.

Что свѣтъ ты ясенъ соколъ,
 Удалой добрый молодецъ,
 Отпусти молодешеньку
 Ты душу красну дѣвицу
 Вдостальные погуляти
 По батюшкинымъ новымъ сѣнямъ,
 По матушкинымъ новымъ горенкамъ.

Ее выпускають. Дѣвицы ведутъ ее за руки. Она про-
 должаетъ:

Эка глупая я дѣвушка,
 Глупая да безразумная:
 По-скору стала коритися
 Чужому сыну отецкому.
 Еще мнѣ бы молодешенькѣ,
 Еще мнѣ бы не коритися,
 Только встать бы да поклонитися.

Выйдя въ сѣни, она бросается на шю къ каждой по-
 другѣ и прощается съ ними:

Плачь 37.

Ужь ты свѣтъ моя голубонька,
 Моя лебедь ты бѣлая,
 Подружка задушевная,
 Сестрица названая,
 Сойми, моя голубонька,
 Съ моя буйны головы
 Ты мою дѣвью красоту,

Дѣвичье украшеніе:
 Ты взложи, моя голубонька,
 Мою дѣвичью красоту
 На свою буйну голову,
 Ты носи да сплюбоючи,
 Ты ее да берегаючи,
 Ты по всѣ дни, по всѣ часы,
 По господніе празднички.
 Ты скажи-ка, голубонька,
 Еще какъ ты утудилася,
 (И проч., какъ въ плачѣ N 10.)

Когда, обойдя горницы, онъ возвратится въ избу, начинаютъ дарить повѣздъ. Невѣста востъ ему:

Плачъ 38.

Свѣтъ мой княжой полокъ,
 Всѣ и князи и бѣдѣра,—
 Я не всякому на имя,
 Всякому поклоняюся,
 Со поклонами низкими,
 Со слезами со горькими,—
 Не посудѣте, княжой полокъ,
 На мои дары малые,
 На мои дары тонкіе,—
 Не тонкѣ у меня прялося,
 Не сичѣмъ притыкалося,
 Не бѣло промѣлося,
 Не бѣло и пробѣлилося:
 Я бѣлила молодешенька
 Во вѣтры, во вихоры,
 Что и сдуло и свѣяло
 Мои дары малые,
 Мои дары тонкіе.

Братъ или другой близкій родственникъ невестинъ несетъ въ правой рукѣ крошенный хлѣбъ на блюдо, а въ левой дары — полотна, полотенца, платки, на блюдо же, и подносить сперва женихову отцу, съ поклономъ и со словами: «Господи Иисусе Христе Боже нашъ, помилуй насъ. Хлѣбомъ-солью быю челомъ, сверхъ того дарами кланяюсь.» Тотъ

кланяется, благодарить, беретъ кусокъ хлѣба и верхнюю штучку изъ даровъ. Такъ же подносятся дары тысяцкому и другимъ поѣзжанамъ. Жениху послѣ всѣхъ.

Потомъ слѣдуетъ обѣдъ. Передъ обѣдомъ невеста востъ:

Плачь 39.

Кормилецъ мой батюшка,
 Мое красное солнышко,
 Подходи-ка, кормилецъ мой,
 Ко столу ко дубовому,
 Ко ковшу ко кленовому,
 Ты ко пивушку пьяному,
 Ко вину ко зеленому,
 Ко своимъ дорогимъ гостямъ,
 Ко моимъ злымъ разлучникамъ,
 Вѣковымъ да досадникамъ:
 Досадили мнѣ молодѣ
 Какъ отнынѣ и до вѣку,
 До матки гробовы доски,—
 Разлучаютъ молодешеньку
 Со родимой сторонешкой
 И со вамъ, мои родители,
 Со дѣвѣй со красотой;—
 Подходи-ка, кормилецъ мой,
 Ты къ нимъ поблизешеньку,
 Поклоняйся понизешеньку,
 Говори слово погладешеньку,
 Ужь ты пой-ка ихъ до пьяна,
 Своихъ да любимыхъ гостей,
 Чтобъ меня молодешеньку
 На чужой дальней сторонѣ
 Чтобъ меня не покорили,
 Что не поили ихъ, не укормили.

Почти въ тѣхъ же словахъ причитаетъ матери.

Обѣдаютъ. Выйдя изъ-за стола и помолясь, не садятся Дружка, выкликавъ отца и мать невестиныхъ, какъ вѣше, благодарить ихъ за хлѣбъ-за соль: «Господи Иисусе Христе Боже нашъ, помилуй насъ. Благодаримъ покорно за хлѣбъ-за соль, за угощенье. Сватушка любезный, свахонька любез-

ная, сколько у меня поѣзжанъ, столь мнѣ дайте посланъ: прошу покорно къ моему князю новобрачному въ гости.» Садятся. Потомъ встають, и дружка, поднося по рюмкѣ вина, просить невестиныхъ родителей благословить жениха и невесту: «Господи Исусе, и проч. Сватушка любезный, свяхонька любезная, подступитесь поближе,—просить васъ князь новобрачный и проч. Чашу испивай да своихъ дѣтей благословляй. Извольте въ мѣсто сѣсть.»

Отецъ и мать садятся подъ тѣбло. Невѣста востъ:

Плачь 40.

Не прошу у васъ, родители,
 Я ни дому благодатнаго,
 Ни суська хлѣба полнаго, (и проч.)
 Только прошу у васъ, родители,
 Я прошу да провожатаго,
 Провожатаго да съ провожатою,
 На чужую дальню сторону,
 Ко чужому отцу, къ матери;
 Я еще у васъ, родители,
 Я прошу благословеньца,
 Благословеньца великаго,
 Навѣчно да нерушимаго.
 Благословите-ка, родители,
 Во рукахъ да Спасомъ-образомъ,
 Изъ устовъ благословеньцемъ
 Вы меня да молодешеньку:
 Ваше-то благословеньце
 Навѣчно да нерушимое,
 Отъ людей да заборонушка,
 Отъ вѣтру захоронушка,
 Отъ часта дожда кровелька,
 Изо дна моря вынесеть,
 Изъ темна лѣса выведеть.

Отецъ и мать встають, молятся Богу и берутъ икону. Дружка говоритъ: «Будьте всѣ по мѣстамъ, какъ ясныя соколы по гнѣздамъ. Кто будетъ на замкахъ (*), тотъ самъ

(*) Т.-е. колдунъ. Колдуны, чтобы сдѣлать свадьбу несчастною, садятся на замки, т.-е. гдѣ смыкаются концами или двѣ лавки, или два бруса.

будеть на злыдняхъ. Вся ли по мѣстамъ?»—Вся по мѣстамъ, отвѣчаютъ ему. Потомъ вся встають и молятся Богу. Между тѣмъ какъ женихъ кладетъ предъ иконами три земныхъ поклона, дружка подноситъ отцу вина со словами: «Господи Иисусе и проч. Поги съ подходомъ и проч. Чаша нижегородская, и проч. Изволь чашу принимать, своего богоданного дитя благословить. Въ твоихъ рѣзвыхъ ногахъ лежитъ ваше богоданное чадо. Не просить онъ ни дому благодатнаго, ни коня частоступнаго, ни золота, ни серебра, ни шитаго, ни бранаго, просить вашего великаго благословенья; ваше великое благословенье отъ вѣтру отъ буйнаго, отъ вихоря лютаго, отъ морозу кляцаго, навѣки нерушимо.» Женихъ падаетъ будущему тестю въ ноги, этотъ благословляетъ его; потомъ такимъ же образомъ благословляетъ невѣсту. Далѣе благословляютъ ее мать родная и мать крестная, которая чаще бываетъ и свахой.

Благословивъ, отецъ и мать невѣстины садятся подъ иконами и остаются дома, а прочіе вся выходятъ изъ избы въ такомъ порядкѣ: впереди дружка, за нимъ тысяцкой съ женихомъ и невѣстой, свахи женихова и невѣстина, большой и малой бояринъ и проч. Невѣста, выходя, востъ:

Плачь 41.

Что пошла я молодешенька
 Изъ батюшкина изъ тепла гнѣзда,
 Изъ матушкины новы горенки,
 Не съ весельемъ я, не съ радостью,
 Я со всѣмъ да съ горемъ, кручиной,
 Со своимъ да съ горючими слезамъ.
 Ужъ какъ гдѣ-то я молодешенька
 Ужъ гдѣ-то я стѣяла,
 Горючи слезы рѣнила,
 Выростай часть ракитовъ кустъ
 Со отростками со мелкими,
 Солетайтесь пташечки
 Со четыре сторонушки,
 Все горьки кукушечки,

Вы кукуйте, кукушечки,
 На кусту на ракитовомъ
 Вы кукуйте все день и ночь
 Изъ утра и до вечера,
 До самыя до полуночи,
 Вы давайте назолушку
 Вы мониъ-то родителямъ —
 Кормилицу-батюшкѣ,
 Родитель-матушкѣ,
 Чтобы меня молодешеньку
 Поскору бы не забыли,
 Поскору не прикинули
 На чужой дальней сторонѣ,
 Вдыхали бы тяжелешенько,
 Вспоминали бы частешенько
 Меня молодешеньку
 На чужой на сторонушкѣ.

Когда выйдутъ на дворъ, дружка усаживаетъ въ сани: жениха съ тысяцкимъ, невесту со сватомъ или братомъ, и проч. Выѣхавъ на улицу, повъздъ останавливается. Дружка беретъ привезенный въ сундукъ хлѣбъ, возвращается въ избу, молятся и подносятъ хлѣбъ сидящимъ въ-подокнѣ свату и свахѣ, со словами: «Господи Иисусе и проч. Изволь хлѣбомъ биться. Да прошу покорно въ гости къ моему князю новобрачному за своими за дѣтями, прошу покорно все ваше родство, не всѣхъ на имя, всякому челомъ.» Сватъ принимаетъ хлѣбъ и даетъ ему свой; потомъ приноситъ вина и до-пьяна поить дружку, который до сихъ поръ остерегался, чтобъ какъ слѣдуетъ выполнить свою должность. Напившись, онъ выходитъ, а хозяева остаются.

Между тѣмъ дѣвицы, окруживъ сани, пропѣли пѣсню:

Пѣсня 14.

На улицѣ да на широкой
 Что стоитъ толпа да красныхъ дѣвушекъ,
 Не гдѣ взялся да добрый молодецъ,
 Онъ разшибъ толпу да красныхъ дѣвушекъ,
 Онъ взялъ дѣвку да за праву руку,

Онъ повелъ дѣвку да ко новымъ санямъ,
 Ко новымъ санямъ да ко добру коню,
 Онъ повезъ дѣвку да ко вѣнчаньцу,
 Ко вѣнцу ее да къ золоченому,
 Ко перстню ее да къ обрученому;
 Ужь какъ мы по ней стали плакати:
 Что свѣтъ ты наша да лебедь бѣлая
 Душа Анна Андреевна,
 Что кому будетъ да во кругу ходить,
 Во кругу ходить да передомъ ладить?
 Парасковьюшкѣ (*) во кругу ходить,
 Свѣтъ-Ивановнѣ передомъ ладить.

Поѣздъ тронулся. Дѣвицы вслѣдъ поютъ пѣсню:

Пѣсня 15.

Подемъ-то, подемъ Анну везуть,
 Другимъ-то, другимъ — Андреевну, —
 На третьемъ-то полѣ расплакалася.
 Ее сталъ унимать Иванъ господинъ,
 Ее сталъ унимать Васильевичъ:
 Ты не плачь, не рыдай, Анна душа,
 Ты не плачь, не рыдай, Андреевна:
 Я же тебя не неволей взялъ,
 Прежде тебя я сватовъ засылаъ,
 Послѣ сватовъ къ тебѣ самъ заѣзжалъ,
 Билъ я челою твоему отцу,
 Клянялся родной матушкѣ,
 У синяго кафтана полу замаралъ,
 У сапоговъ носки заломалъ,
 Шапки, рукавки на полку клалъ.

Дорогой, проезжая своими полями, невеста востъ жениху:

Плачь 42.

Погляди-ка, ясенъ соколъ,
 Ты на наши чисты поля,
 Что на наши на улицы,
 Что наши чисты поля

(*) Имя оставшейся старшей дѣвицы.

Что чистымъ да чистехоньки,
 Хорошимъ хорошихоньки,
 Все пшеной изусьяны,
 Все пшеной бьяояровой;
 Ужь какъ наши-то улицы,
 Какъ скатерти бранья;
 А какъ ваши чисты поля
 Колуномъ изусьяны,
 Колуномъ все колучимъ,
 А ваша-то улица,
 Какъ болото зыбучее,
 Что нельзя будетъ молодешенькъ,
 Что нельзя будетъ хдиди
 Мнѣ по вашей-то улицѣ.

Плачь 43.

Кабы знала я молодешенька,
 Я душа красна дѣвица,
 На которомъ бы конѣ ѣхати,
 Я бы стала молодешенька
 Того коня строити,
 Строити и гонти,
 Я сытой бы его поити,
 Пшеной бы его кормити.
 Разскачи-ко-ся, мой добрый конь,
 Подъ горы, подъ изгорьца,
 Потерай меня молодешеньку
 На родимой на сторонѣ,
 Во ухабѣ, во рѣзмахѣ

Потомъ воевъ провожатому — брату или другому родственнику:

Плачь 44.

Я объ чемъ буду молодешенька,
 Я объ чемъ буду кланяться
 Со поклонами со низкими,
 Со слезами со горячими,
 Не оставь, братецъ-батюшка,

Моего ты прошенъца,
 Ты поклончика низкаго:
 Ты возстань, братецъ-батюшка,
 На свои на рѣзвы ноги,
 Ты на свой да на сафьянъ сапогъ,
 Наряди, братецъ-батюшка,
 Своего коня добраго,
 Своего самолучшаго,
 Подъ горы, подъ издольца,—
 Потерялъ бы меня молоду
 На родимой сторонушкѣ
 У своихъ у родителей.

Прѣхавъ въ село, дружка, лагунщикъ и другіе изъ поѣзжанъ заходятъ къ священнику просить о вѣнчанъ, и угощаютъ его.

Если у невѣсты нѣтъ въ живыхъ отца или матери, то, идя въ церковь, а иногда завернувъ и на могилу, она востъ:

Плачь 45.

Подымитесь, вихори,
 Со четыре сторонушки,
 Вы раздуйте, развѣйте,
 Вы раздуйте желты пески;
 Подымись туча грозная,
 Да лети калена стрѣла,
 Расколи гробову доску,
 Ты возстань-ко, кормилица,
 Родитель моя матушка,
 Ты ко мнѣ ко горюшечкѣ,
 Ты ко мнѣ на разлучный часъ.
 Знать-то я молодешенька,
 Знать горькая горюха,
 Знать не докликалась,
 Знать не добудилась
 Своихъ да родителей—
 Кормилица-батюшки,
 Родители-матушки.
 Что развѣ ты кормилица

На меня да осердилася,
 На меня да прогнѣвалася.—
 Не могла я докликаться,
 Что тебя да добудиться.

Идя въ церковь, продолжаетъ:

Плачь 46.

Я пошла молодешенька,
 Я пошла во Божью церковь
 Не о господнемъ не о праздничкѣ,
 Я не Богу молитися,
 Пресвятой Богородицѣ.
 На первую ступень ступила—
 Не золотые ключи брякнули.
 На другую ступень ступила—
 Что знать у меня брякнула
 Моя дѣвичья красота,
 Я и тутъ знать оставила,
 Я ее опокинула,
 Свою дѣвичью красоту.

Послѣ вѣнца идя изъ церкви, молодая востъ:

Плачь 47.

Я не долго молодешенька,
 Я не долго молилася,
 Я не часто крестилася,
 Не низкѣ поклонялася,—
 Промолила, знать, прокланяла
 Свою дѣвичью красоту,
 Да дѣвичье украшеніе.

Изъ церкви ѣдутъ въ домъ жениха въ слѣдующемъ порядкѣ: въ первыхъ санихъ дружка, потомъ молодые, далѣе свать и тысяцкой, большой бояринъ съ малымъ, лагунщикъ, свахи. Иногда заходятъ съ молодой къ священнику, и тамъ *крутятъ* ее: свахи женихова и невестина дѣлятъ ея косу, заплетаютъ въ двѣ и надѣваютъ на голову кичку. Молодая

воеть въ это время. (Плачь не записанъ). А съвъ съ молодымъ въ сани, воеть плачь N 33:

Не роса да не холодная, и проч.

У жениха сажаютъ въ первыя мѣста родство невѣстино въ слѣдующемъ порядкѣ: впереди женихъ съ невѣстой, по правую сторону тысячкой и свать невѣстинъ, по лѣвую свахи невѣстина и женихова, и другіе родственники невѣсты, а свои остальные размѣщаются кой-гдѣ. Дружка, изъ жениховыхъ родныхъ поднеся только отцу и матери, обносить виномъ невѣстино родство. Поздравляютъ молодыхъ и пьютъ. По-временамъ дружка, въ случаѣ недостатка вина или чего-нибудь, вызываетъ отца и мать жениховыхъ теми же словами, какъ вызывалъ у невѣсты ея родныхъ, и проситъ подбавить.

На другой день къ молодой собираются дѣвицы, и она бѣлится и садится за столъ обѣдать со своими родными въ чужой избѣ. Дѣвицы поютъ пѣсню:

Пѣсня ().*

Ай лада!
 Отставала бѣла лебедь,
 Ай лада!
 Отъ стада лебединаго,
 Ай лада!
 Приставала бѣла лебедь,
 Ай лада!
 Ко стаду ко сѣрымъ гусямъ.
 Ай лада!
 Начали гуси щипати,
 Ай лада!
 Начала лебедь икати:
 Ай лада!
 Не щиплите, сѣры гуси,
 Ай лада!

(*) Эта пѣсня напечатана въ статьѣ: «Сельскія свадьбы Арханг. губ.» безъ припева и съ отличками. См. въ моей статьѣ N 5.

Не сама я къ вамъ залѣтала,
 Ай лада!
 Что завезъ меня добрый конь,
 Ай лада!
 Залучилъ добрый молодецъ,
 Ай лада!
 Иванъ да Андреевичъ,
 Ай лада!

На это молодая воетъ имъ:

Плачь 48.

Свѣтъ мой вы голубоньки,
 Мои лебеди бѣлыя,
 Подружки-совѣтницы,
 Сестрицы названья,
 Вы не пѣсенку пдете,
 Мнѣ назолушку даете;
 Что и такъ молодешенькъ
 Безъ того мнѣ тошнехонько,
 Моему ретиву сердцу:
 За моей за бѣдой грудью,
 На моемъ ретивомъ сердцѣ
 Много горя и кручины
 И печали великія
 И зазнобы ве малыя.

О свадьбахъ Костромской губерніи есть въ «Русскихъ
 простонародныхъ праздникахъ и суевѣрныхъ обрядахъ» И. М.
 Снегирева и кой-что въ «Пѣсняхъ Владимірской и Костром-
 ской губерній», собранныхъ г. Смирновымъ, М. 1848 г.
 А вообще о Русскихъ свадьбахъ, кромѣ упомянутыхъ мною
 «Сказаній Русскаго народа» Сахарова и «Свадьбъ Архан-
 гельской губерніи» г. Жаравова, сколько мнѣ извѣстно, есть
 въ «Бытъ Русск. народа» г. Терещенка, ч. II, и статья про-
 фессора Страхова въ «Ученыхъ Запискахъ Московскаго Уни-
 верситета» за апрѣль и май 1836 г. Указываю на эти книги
 тѣмъ, кто бы пожелалъ сдѣлать сводъ свадебнымъ обрядамъ,
 плачамъ и пѣснямъ.

Статья г. Жарова: «Сельскія свадьбы Архангельской губерніи», напечатана въ Москвитинѣ 1833 года, NN 13 и 14. Изъ 48 плачей и 15 пѣсень Кологривскаго уѣзда съ 27 плачами и 31 пѣснью ея оказались сходными только двѣ пѣсни и нѣсколькими стихами одинъ или два плача. У Снегирева, Сахарова, Терещенка и въ другихъ упомянутыхъ статьяхъ тоже не болѣе сходнаго въ частностяхъ, не смотря на большое сходство въ общемъ характерѣ. Какое бы множество нашлось разнообразныхъ свадебныхъ обрядовъ, плачей и пѣсень, если бы собрать ихъ по всей Россіи. Да мы еще и вообразить не можемъ, какіе богатые рудники нашей народности остаются нетронутыми, и даже не подозреваемъ ихъ.

В. ДЕЗЕНТЬЕВЪ.

ВПЕЧАТЛЕНІЯ ДНЕЙ, ПРОВЕДЕННЫХЪ ВЪ СВЯТОЙ КИЕВО-ПЕЧЕРСКОЙ ЛАВРѢ.

Если бы кто пожелалъ имѣть понятіе о Богослуженіи въ Кіево-Печерской Лаврѣ и сопровождающемъ его пѣніи, трогательномъ, поражающемъ величіемъ, — тотъ напрасно будетъ просить другихъ передать ему полученныя ими впечатлѣнія, — никакое воображеніе не можетъ вмѣстить и удержать, и никакія слова недостаточны, чтобы выразить все, чѣмъ душа исполняется въ продолженіе нѣсколькихъ дней, проведенныхъ въ священномъ храмѣ и окрестностяхъ его, осѣненныхъ духомъ святыни. Это чудный міръ на земли! Это міръ, въ которомъ душа, какъ бы совлекаясь всего тѣлеснаго, тяготившаго ее, начинаетъ предвкушать сладость небеснаго спокойствія, блаженства неувыдаемаго, безмятежнаго, — гдѣ она, какъ бы освобожденная отъ ига бренности, чувствуетъ непоколебимое упованіе, что все тяжкое, грустное для нея, уже прошло, оставлено за священными стѣнами тихой обители, отъ которыхъ со страхомъ бѣжить грозная, мятежная сила, обладающая вѣдшимъ міромъ. — Для молящагося внутри этихъ стѣнъ кажется, что внѣ ихъ другой міръ не существуетъ, и быть не можетъ, ибо, какъ и быть во вселенной такому міру, который не чувствовалъ бы на себѣ силы благодати Божіей? — Воображеніе не можетъ представить себѣ возможности такого противорѣчія, — однакожь онъ есть, — по долготерпѣнію Божію, и потому душа томится желаніемъ освободиться отъ него.

Чтобы постигать и вполне почувствовать все различіе Печерской обители отъ всего, что въ мірѣ; чтобы сочувствовать душею Божественному ея служенію, надобно, вступая въ святія врата ея, припомнить, во-первыхъ, все, что исторически извѣстно отъ основанія ея и до позднѣйшихъ временъ; надобно вспомнить, что, когда Богъ предопредѣлялъ просвѣтить обширныя страны нынѣшняго православнаго царства Русскаго свѣтомъ Божественнаго Откровенія, — тогда это мѣсто было необыкновенными, чудными путями, назнаменовано въ обитель Богоматери, и съ тѣхъ поръ сила Ея святаго покровительства напечатлѣлась, такъ сказать, на каждой ступени сихъ священныхъ горъ, — и все освятилось Ея присутствіемъ.

Отъ страны принятой Богоматерью въ ульѣ Ея Божественнаго апостольства, ведомый Ея вельнѣемъ, Преподобный Антовій пришелъ на пустынный берегъ Днѣпра, и на семъ мѣстѣ первый положилъ основаніе отшельническаго, иноческаго житія ⁽¹⁾.

Вслѣдъ за нимъ, ведомые Духомъ Божиимъ, стекались святые мужи, неся съ собою священныя преданія и образы Богослуженія и благолѣпія церковнаго, принятые ими отъ св. отцевъ восточныхъ православныхъ обитателей.

Вскорѣ, чуднымъ образомъ посланы были святые строители храма Успенія Богоматери, — храма, дивнаго красотою внѣшняго, а еще болѣе неподражаемаго внутренняго его устройства; — словомъ: на всемъ этомъ храмъ лежитъ печать не земнаго искусства или науки, но высшаго вдохновенія, выразившагося въ соразмѣрности, красотѣ и таинственномъ величій всѣхъ частей его ⁽²⁾.

Такимъ образомъ, Печерская обитель сдѣлалась основнымъ камнемъ нерукотвореннаго храма, воздвигнутаго Иисусу Христу всею Русью, — свѣтиломъ православной вѣры Христовой, изъ котораго излился свѣтъ истины во всѣ предѣлы необозримаго царства.

Въ Печерскую обитель Великіе Князья и Цари Русскіе приходили опочить духомъ отъ бремени дѣлъ и принять новыя силы отъ благодатнаго ученія и совѣтовъ святыхъ подвижниковъ благочестія, высокою чистотою небесной жизни достигшихъ неглѣнія, — и содѣйствовали распространенію обители и благолѣпію ея храмовъ.

И такъ, въ теченіе цѣлаго ряда столѣтій, Печерская обитель, устрояемая высшею силою, постепенно пополнялась всеми элементами внутренней ея жизни, въ отношеніи образа Богослуженія, пѣнія и домостроительства, принесенными въ нее святыми мужами изъ горы Аѳонской и другихъ восточныхъ обитателей. — Можно сказать, что нѣсколько вѣковъ при-

(1) Паломникъ Кіевскій, стр. 2. — Патерикъ Печерскій. — Житіе Преподобнаго Антовія.

(2) Патерикъ Печерскій, стр. 74—87.

носили каждый дань свою, для составленія того величія и превышающей всякое воображеніе гармоніи, которая поражаетъ на каждомъ шагу, въ каждую минуту, находящагося при богослуженіи въ храмъ Печерской Лавры. — Въ этомъ храмъ, кажется, нѣтъ ничего просто-вещественнаго, мертваго: тутъ все оживлено высокою идеею вѣчнаго закона единства; все дышетъ жизнью благодати; и голосъ хоровъ, оглашающихъ своды храма, не замираетъ въ пространствѣ, но отдается отвѣтно отъ одной части храма другой, и возносясь далѣе и далѣе, выше и выше, въ неопостижимыхъ слияніяхъ созвучій, улетаетъ въ горнія сферы, оставляя въ сердцахъ молящихся неизгладимыя чувства благоговѣнія и тихой грусти по небесной отчизнѣ.

Созданіе Печерской обители, во всемъ составѣ ея устройства, благолвпія и служенія, не могло быть дѣломъ одного или нѣсколькихъ человекъ, и нѣсколькихъ годовъ; это твореніе силы Божіей, въ продолженіе вѣковъ неизмѣнно дѣйствовавшей посредствомъ цѣлаго міра святыхъ подвижниковъ Царствія Христова на земли (').

Съ такимъ размышленіемъ вступили мы въ Кіево-Печерскую Лавру, въ среду первой седмицы Великаго поста.

Въ великомъ храмъ Успенія Богоматери на иконостасѣ, намѣстныя иконы были замѣнены сгранными, изображающими Спасителя въ преторіи Пилата и Богоматерь въ часы скорби Ея при видѣ великой жертвы.

Начиналось великое повечеріе съ канонемъ св. Андрея Критскаго. Два клира иноковъ исполняли весь канонъ, предваряемые каждый своимъ канонархомъ.

Но что сказать объ этомъ пѣніи? Какъ выразить достаточно то вліяніе, которое производитъ оно на душу? — Предупрежденные, что кромѣ ирмосовъ, всѣ стихи канона не читаются, какъ вездѣ, а поются, — мы полагали, что это не должно быть такъ выразительно; но заключеніе наше оказалось совершенно неправильнымъ: это печальное пѣніе

(') Сказаніе о св. чудотворной церкви Печерской каменной, Успенія Пресвятыя Богородицы. — Патерикъ Печерскій 74—88.

молящихъ о покаяніи стиховъ такъ трогательно, такъ грозно для чловѣка мыслящаго, — что дѣйствія его невозможно и сравнивать съ обыкновеннымъ образомъ этого служенія при пѣніи лучшихъ пѣвческихъ хоровъ въ другихъ церквахъ: тамъ, слышенъ голосъ чтеца, выражающій раскаяніе и молитву одного чловѣка; здѣсь, это кажется голосомъ всего рода чловѣческаго, который, ощутивъ свое униженное грѣхомъ состояніе и предвидя неизбежную гибель въ вѣчности, съ воплемъ души, угнетаемой невыразимою тоскою, вызываетъ къ Спасителю своему: *Помилуй мя Боже, помилуй мя!* (1).

Словомъ, все продолженіе этого служенія неизбежно приведетъ чловѣка въ то отвлеченное состояніе духа, въ которомъ онъ ясно почувствуетъ кратковременность жизни земной, суету, всю ничтожность міра, всю низость тщеславія и гордости, необходимость обязанностей къ Богу и ближнимъ, — почувствуетъ, какъ онъ далекъ отъ совершеннаго исполненія этихъ единственно-существенныхъ на земли обязанностей, возложенныхъ на него съ рожденіемъ, и какъ близокъ ко всему, чтò совершенно противно цѣли, предназначенной ему для приуготовленія себя къ неизбежному переходу въ жизнь истинную, вѣчную.

Подобное впечатлѣніе производитъ пѣніе на прежде-освященной литургіи стиховъ: *во царствіи Твоемъ, помяни насъ Господи!* (2).

Во всемъ пѣніи лаврскомъ слышно, что оно не составлено искусственнымъ сочетаніемъ звуковъ, но излилось изъ души, проникнутой благоговѣніемъ, любовью къ Искупителю своему и святостью постоянного размышленія о Немъ.

Изъ трехъ повтореній стиха: *Помяни насъ Господи* и пр., тонъ пѣнія, возвышаясь при каждомъ повтореніи, кажется наконецъ какъ бы воплемъ души, силищейся проникнуть за предѣлы мрачнаго міра грѣховнаго, къ подножію престола Спасителя и Судіи, и молящей, да помянетъ насъ во царствіи Своемъ!

Трудно передать земнымъ языкомъ неземныя чувства; невозможно выразить словами общій характеръ этого вели-

(1) Припѣвъ въ великомъ канонѣ св. Андрея Критскаго, изъ псалма 56, ст. 2.

(2) Блаженны.

чественнаго, таинственнаго служенія и пѣвія. Въ немъ нѣтъ ничего подобнаго обыкновенной музыкѣ лучшихъ композиторовъ: это отголосокъ вѣчнаго, небеснаго служенія, вселяющій благоговѣйное удивленіе. — Тутъ слышатся и вопли кающагося грѣшника, и грозящій голосъ правосудія, и милосердное обѣтованіе небеснаго спокойствія, блаженства безконечнаго; то слышатся гармоническіе отголоски хвалы Предвѣчному, какъ бы изъ отдаленныхъ надзвѣздныхъ предѣловъ; то ближайшій къ намъ звучный голосъ природы, въ громахъ и буряхъ возвышающій силы Вышняго; — здѣсь невольно возникаютъ въ душѣ слова Царя-Пророка:

«Хвалите Господа съ небесъ, хвалите Его въ вышнихъ!

«Хвалите Его солнце и луна и всѣ звѣзды свѣта!

«Хвалите Его огонь, градъ и духъ бури, исполняющій слово Его!

«Слава Его на небеси и на земли! (1).

Страстная Седмица. — Великій четвертокъ. — Ночь.

Время было теплое, прекрасное, вечеръ тихій, за которымъ наступила темная ночь. — Въ полночь загремѣлъ Пѣчерскій колоколь, — и мы вошли въ Лавру.

Весь храмъ наполненъ былъ народомъ — пришельцами изъ отдаленныхъ концовъ Россіи; — много было на паперти; иные, въ ожиданіи, спали еще на каменномъ помостѣ вокругъ стѣнъ храма.

Внутри все еще царствовалъ таинственный сумракъ, и въ глубинѣ его, кое-гдѣ вверху, виднѣлись огоньки лампадъ, какъ звѣзды на темномъ небѣ; слышался только тихій гулъ народа, какъ бы съ тревожнымъ нетерпѣніемъ ожидавшаго какого-то событія.

Но вотъ царскія врата тихо растворились, и изъ мрака алтаря потянулись въ черныхъ траурныхъ ризахъ и мантияхъ со свѣчами и разными священными утварями два ряда сослужащихъ архимандритовъ и іеромонаховъ, навстрѣчу митрополиту. Онъ вошелъ, безмолвно поклонился святымъ иконамъ и скрылся со всемъ духовнымъ сонмомъ въ алтарь.

(1) Псал. 148, ст. 1, 3, 8 и 14.

Царскія врата затворились за нимъ. — Излетѣло благословеніе изъ алтаря, — и служеніе началось. Тихое, таинственное, печальное и вмѣстѣ грозное пѣніе раздирающихъ душу стихирь представляло воображенію что-то грозящее, ужасающее и призывающее мечь правосудія вышняго, за смерть Божественнаго Страдальца.

Время отъ времени, благовѣстіе четырехъ святыхъ свидѣтелей его жизни и страданій напоминало весь ужасъ, всю мрачность злодѣянія, совершеннаго на земли челоувѣкамъ надъ Образцемъ всѣхъ добродѣтелей и смиренія, Благодѣтелемъ и Искупителемъ своимъ, и наполняло душу благоговѣніемъ и благодарностью за невыразимую любовь Его.

Въ это время весь храмъ былъ уже залитъ потоками пламени отъ свѣчей, изъ которыхъ каждая, озаряя лице держащаго, казалась духомъ жизни челоувѣка, пламенемъ его вѣры и умиленія.

Древнее строеніе храма, высокіе своды вверху, полные мрака безграничнаго, отъ противодѣйствія свѣта, разлитаго внизу; изображеніе самаго событія, сопровождаемое погребальными обрядами: архимандриты въ полномъ траурномъ облаченіи, іеромонахи въ черныхъ мантияхъ со свѣчами; важное, печальное, гармоническое пѣніе, — все это дѣйствуетъ на душу, какъ нигдѣ и никогда я ничего подобнаго не чувствовалъ и въ столицахъ при всей возможности и средствахъ великолѣпія. Тамъ — это обыкновенное служеніе; здѣсь — это живое воспоминаніе ужасающаго событія, великой жертвы искупленія челоувѣчества.

При этомъ, необыкновенное вліяніе на чувства производитъ гармоническій ревъ огромнаго печерскаго колокола, который какъ будто вѣщимъ голосомъ призываетъ всѣхъ быть свидѣтелями страшнаго событія; и при звонѣ всѣхъ колоколовъ, вся эта башня — диво огромности и красоты, кажется какимъ-то звѣющимъ органомъ, въ которомъ каждый камень, содрогаясь, издаетъ одинъ изъ звуковъ необъятнаго аккорда, наполняющаго далекія окрестности Кіева.

Все кончилось въ три часа по полуночи. Мы вышли изъ храма. Мрачно было на земль, мрачно на небь: луна,

какъ нѣкогда солнце, будто въ ужасъ сокрылась за черныя тучи, навалившіяся изъ безднъ мрака на преступную землю, и только трепетный свѣтъ ея выказывался по краямъ. — Я вспомнилъ только-что слышанный стихъ: «*Вся тварь измѣняшеся страхомъ, зрящи Тебе на крестъ висима!*»⁽¹⁾.

Вечеръ Великаго пятка и ночь Великія субботы.

Перенесеніе Плащаницы въ память погребенія Господня и положеніе ея въ великомъ храмѣ, окончено было въ четыре часа по полудни Великаго пятка. Наступилъ тихій весенній вечеръ, и съ нимъ безмолвіе во всей Печерской обители. Наконецъ темная ночь облекла покровомъ мрака печальныя впечатлѣнія страданій и погребенія Богочеловѣка, — и неизмѣримыя пространства небесъ огласились свѣтоноснымъ хоромъ хвалы Вѣчному.

Въ полночь Печерскій колоколь возвестили часъ наступающей Великой субботы, — дня земнаго упокоенія Божественнаго Страдальца. — Изъ всѣхъ концовъ священной обители и извнѣ ея стекались вѣрные, чтобы поклониться гробу, и облобызать Плащаницу погребеннаго, положившаго душу Свою за насъ.

Смотря на это теченіе народа, казалось, можно было сказать: *кто отвалитъ имъ камень отъ двери гроба?*⁽²⁾ — Но онъ уже отваленъ воскресеніемъ Его; — и не только камень, заключившій наше спасеніе, но и двери царствія отверзты Имъ для насъ; а страшная бездна, поглощавшая родъ человѣческій, заключена навѣки!

Двери храма были уже отверзты, и народъ наполнялъ весь храмъ и съ благоговѣйнымъ умиленіемъ поклонялся почившему во гробѣ.

Началось служеніе заутрени. — Какъ поразительно это начало, когда среди всеобщаго безмолвія одинъ громкій голосъ вѣщаетъ устами Царя-пророка, который проникнулъ мракъ грядущихъ вѣковъ, и провидя побѣду Его надъ смертію, взываетъ, какъ бы къ самому Спящему во гробѣ:

⁽¹⁾ Во святой великій пятокъ вечера, на Господи возвахъ стихира 1.

⁽²⁾ Марка гл. XVI, ст. 5.

«Услышитъ Тя Господь въ день печали, защититъ Тя имя Бога Иаковля!

«Помянегъ всяку жертву Твою! — и всесоженіе Твое тучно будетъ!»

«Нынѣ познахъ, яко спасе Господь Христа Своего; — услышитъ Его съ небесе святаго Своего!» (1)

По окончаніи псалмовъ, оба клира попеременно взываютъ: *Богъ Господь и явися намъ!* (2). Царскія врата алтаря отверзаются, и весь сонмъ священнослужащихъ, предшествуя архимандриту, со свѣчами, исходитъ изъ алтаря и въ безмолвіи окружаетъ гробъ Спасителя, — съ кадилами и поклоненіемъ начинается *величаніе Страдавшаго и Погребеннаго!* — Невозможно изобразить всего таинственнаго величія этихъ минутъ.

Но чтобы воображеніе могло сколько-нибудь постигать это сліяніе земной печали съ торжественной радостію небесъ, — надобно представить себѣ это глубокое благоговѣніе, безмолвіе вокругъ гроба, окруженнаго свѣтильниками, въ благовонномъ облакѣ дыма, священнослужителей со свѣчами, окружающихъ гробъ и приносящихъ въ даръ Погребенному благоуханіе куренія и молитвы, — и среди этого безмолвнаго поклоненія слышится восхитительная гармонія тихаго, тригласнаго пѣнія, какъ бы безплотныхъ, парящихъ надъ гробомъ и осѣняющихъ покой его, въ ожиданія возстанія Спящаго во гробъ, величающихъ вольное Его страданіе и погребеніе. И вслѣдъ за каждымъ стихомъ горней хвалы, — хоры смертныхъ, пришедшихъ поклониться Христу, повторяютъ хвалу небесныхъ охранителей Его покоя.

Въ этомъ тригласномъ пѣніи слышится не земная, безутышная грусть лишенія или утраты невозвратимой, но какое-то невыразимое чувство любви небесной, съ тихой жалостію о необходимости принесенной жертвы, съ упованіемъ наступающаго часа нескончаемой радости и славы.

По окончаніи величавія, торжественныя видѣнія духовнаго міра какъ бы скрываются; царскія врата алтаря затворяются, —

(1) Псал. 19, ст. 2, 4 и 7.

(2) Псал. 117, ст. 27.

и мы видимъ опять среди храма одинокой гробъ насъ ради подъявшаго смерть (¹).

Оба хора иноковъ начинаютъ печальную, надгробную пѣснь воспоминаній, изображающую дѣянія и жертву Того, Кто, повелѣвая безднами морей, нынѣ лежитъ сокрытый подъ землею (²); — стenanіe и трепетъ всей твари при видѣ висящаго на деревѣ, Того, Кто повѣсилъ въ воздушномъ океанѣ землю неодоержимо (³), — весь ужасъ адскихъ силъ, урльвшихъ Его въ одежду окровавленной (⁴), являвшей событіе страшной для нихъ жертвы, принесенной предъ небомъ.

Наконецъ, послѣдняя пѣснь выражаетъ трогательное обращеніе Божественнаго страдальца изъ гроба къ рыдающей Матери, Чистой Дѣвѣ, послужившей исполненію предвѣчнаго совета, съ обѣтованіемъ Ей вѣчной радости воскресенія Его въ Божественной славѣ, и небесной награды всѣмъ вѣрою и любовію Ее величающимъ (⁵)

Этотъ канонъ выражаетъ всю печаль надгробнаго пѣнія, но вмѣстѣ и все величіе вольной жертвы любви Божественной, изрекшей въ Предвѣчномъ Советѣ Своемъ, предъ всѣми силами небесъ, святую волю Свою перейти юдолю смертную, чтобы возвести созданіе Свое въ первобытное его достоинство.

Но вотъ опять видимъ надгробную процессію, выходящую со свѣчами изъ сѣверной стороны алтаря, предшествуемую свѣтильниками, и вслѣдъ за ними монаховъ и іеромонаховъ по два въ-рядъ, и наконецъ архимандрита въ полномъ облаченіи. — Обойдя сѣверную сторону храма, они приближаются къ гробу Спасителя и окружаютъ Его съ кади-

(¹) Во святыи великій пятокъ вечера на стиховнѣ стихира слава и нмнѣ: Тебе Одлющагося.

(²) Во св. великій пятокъ вечера, на Господи возвахъ стихира 1: Вся тварь измѣняшеся страхомъ, зрящи тя на крестѣ висима, и проч. И врьмось пѣснь 3 въ вел. субботу: Тебе на водахъ повѣсившаго всю землю неодоержимо, и проч.

(³) Канонъ въ вел. субботу на утрени на 9 пѣсни: Земля покрываетъ мя хотляща, но устрашаются адовы вратницы, одгьяна видяще одеждою окровавленою Мати, отмщенія: враги бо крестомъ поразивъ яко Богъ, воскресу паки, и возвещу тя.

(⁴) Кондакъ на вел. субботу: Бездну заключивый, мертвъ зрится и проч. См. Трїодъ постную.

(⁵) Ирмосъ, пѣснь 9 въ вел. субботу: Не рыдай мене Мати.

лами; оба клира иноковъ также исходятъ и становятся полукружіемъ позади священнослужащихъ. Тутъ слышится тихое, медленное пѣніе этимъ огромнымъ хоромъ, погребальнаго: *Святый Боже, Святый Кръпкій, Святый Безсмертный, помилуй насъ!* (1)

Трогательная важность этой процессіи и надгробнаго пѣнія — невыразима. — Кажется, что это славословіе небесныхъ силъ, обращенное въ молитву смертныхъ, относится къ Безсмертному, — еще спящему плотию во гробъ, но уже побѣдительно смерти, — и весь народъ повергается предъ Нимъ съ моленіемъ: *да помилуетъ насъ* и воззоветъ отъ смерти къ жизни.

Такимъ образомъ заключилось надгробное служеніе заутренни Великой субботы, съ обыкновеннымъ ея окончаніемъ.

Въ четыре часа по полуночи, мы вышли изъ храма. Запоздалая луна, повитая свѣтлымъ сумракомъ, вышла уже изъ-за горъ и озаряла печальнымъ свѣтомъ золотые верхи обители и легкія волны предразсвѣтныхъ тумановъ, носившихся надъ водами днѣпровскими.

Еще, касательно Богослуженія и пѣнія Кіево-Печерской Лавры, замѣчательно, что люди, не лишеныя чувства истинной поэзіи, которыхъ сердце не иссохло и не окаменѣло отъ зноя страстей, — которыхъ умственное поле жизни не заглохло отъ *волчцезвѣ и тернія*, — многіе изъ такихъ людей, съ которыми я, такъ сказать, повѣрялъ справедливость моихъ ощущеній, всѣ единодушно согласны со мной въ томъ, что, просюявъ въ храмъ Лавры отъ четырехъ до пяти часовъ, даже въ ночное время, — вы совершенно теряете сознание полета времени: вы находитесь только въ настоящемъ, не измѣряя чувствами ни прошедшаго, ни будущаго, и только по выходѣ изъ храма почувствуете вѣскольکو надобность въ отдохновеніи; — чувство, соединенное съ сожалѣніемъ о минувшемъ душевномъ наслажденіи: *духъ бо бодръ, — плоть же немоуща!* (2)

Е. Р.—ч.

(1) Трисвятое.

(2) Матѣ. XXVI, 41.

Протоіерейъ Феодоръ Александровичъ Голубинскій.
Биографическій очеркъ. Москва. 1855 года.

Въ концѣ прошлаго года одинъ изъ нашихъ ученыхъ описалъ (*) грустныя подробности кончины и погребенія Протоіерея Феодора Александровича Голубинскаго, около тридцати шести лѣтъ съ честію занимавшаго кафедрѣ философіи при московской Духовной Академіи. Въ каждомъ, кто только читалъ это исполненное глубокаго сочувствія описаніе, кто читалъ напечатанное о Голубинскомъ задолго прежде въ Путевыхъ Запискахъ С. П. Шевырева, барона Гакстгаузена и другихъ посѣтителей Сергіевой Лавры, конечно не разъ являлось желаніе ближе ознакомиться съ жизнію знаменитаго профессора. Мы не говоримъ уже о многочисленныхъ его ученикахъ и о людяхъ, знавшихъ его лично, или хотя на короткое время жившихъ случаевъ въ собственномъ смыслѣ усладиться его бесѣдою. Всесторонняя ученость, глубокое познаніе философіи всѣхъ вѣковъ, зрѣлость и крѣпость мысли и ясное сознаніе всѣхъ философскихъ вопросовъ — все это, въ соединеніи съ христіанскимъ смиреніемъ и какою-то почти дѣтскою, граціозною простотою, производило неизгладимое впечатлѣніе на душу каждаго, кому случалось слышать его хоть одинъ разъ. По своей глубокой скромности не сдѣлавши себя извѣстнымъ публикѣ своими учеными трудами, Голубинскій, не смотря на это, своею ученостію и своимъ высокимъ нравственнымъ характеромъ приобрѣлъ себѣ громкую извѣстность и уваженіе не только между духовными, но и между свѣтскими учеными.

(*) Путь. Замѣтки при поездкѣ въ Ростовъ, Ярославль и проч. С. А. Мыслова въ 12-мъ N Журнала Сельскаго Хозяйства 1854 года.

По всему этому для многихъ будетъ очень пріятно появленіе книжки, содержащей въ себѣ біографію нашего русскаго мудреца, и многіе съ удовольствіемъ прочтутъ сообщаемыя въ ней свѣдѣнія о его жизни. Жизнь каждаго ученаго, какъ бы ни была бѣдна она внѣшними происшествіями, представляетъ для наблюдателя глубокой интересъ; тѣмъ болѣе это можно сказать о жизни ученаго, проведшаго дни свои въ самоуглубленіи и въ размышленіи о высшихъ задачахъ философіи и разума.

Другой вопросъ, удовлетворять-ли и насколько удовлетворяетъ «Біографическій очеркъ» тѣмъ требованіямъ, какія мы привыкли соединять съ понятіемъ о біографіи. Съ сожалѣніемъ должны сказать, что на этотъ вопросъ мы не можемъ дать положительнаго отвѣта. Чтò прежде всего непріятно бросается въ глаза въ вышедшей въ свѣтъ біографіи Голубинскаго, это ея излишняя, неумѣренная краткость. Всякій согласится, что подобное лицо, какъ профессоръ Голубинскій, заслуживало гораздо полнѣйшей біографіи. Прослѣдить же жизнь его и ученую дѣятельность, обрисовать настоящимъ образомъ его характеръ и объяснить цѣль и направленіе его дѣятельности — все это на двадцати семи страницахъ довольно крупной печати — такой претензіи не имѣлъ, конечно, и самъ авторъ предлагаемой публикѣ біографіи, какъ ни старался онъ по возможности коснуться всѣхъ сторонъ жизни и дѣятельности Голубинскаго. Авторъ, кажется, самъ сознавалъ недостатокъ должной полноты въ своемъ сочиненіи, давъ ему скромное названіе «Біографическаго очерка», и этимъ какъ бы стараясь оправдать себя передъ многочисленными почитателями памяти покойнаго профессора. — Далѣе, чтò представляетъ, безъ сомнѣнія, главный интересъ въ жизни и дѣятельности Голубинскаго и чего на первомъ планѣ вправдѣ ожидать и требовать читатель отъ автора, — это именно какъ будто съ намѣреніемъ почти совсѣмъ выпущено въ ней изъ виду. Мы говоримъ о дѣятельности Голубинскаго, какъ профессора-философа. Два-три общихъ замѣчанія о преимущественномъ сочувствіи Голубинскаго къ древней философіи и къ метафизикѣ, о христіанскомъ направленіи его изслѣдованій, о его недовѣрїи къ авторитетамъ философіи новѣйшей, — вотъ все, чтò мы находимъ по этому предмету въ «біографическомъ очеркѣ.» А между тѣмъ личность Голубинскаго, какъ философа, могла бы представить много въ высшей степени любопытныхъ данныхъ для исторіи русской науки. Подобное явленіе на Руси, какъ покойный профессоръ, могло бы послужить доказательствомъ, что мы, Русскіе, можемъ соперничать съ

нашими западными сосѣдами не въ однихъ опытныхъ, но и въ отвлеченныхъ наукахъ. По крайней мѣрѣ значеніе Голубинскаго въ области философіи признано было самимъ главою и представителемъ послѣдняго періода германской философіи Шеллингомъ, который, какъ многимъ извѣстно, до того былъ внимателенъ къ философскимъ изслѣдованіямъ нашего мудреца, что въ послѣдніе годы своей жизни велъ съ нимъ ученую переписку. Извѣстно, что знаменитый германскій мыслитель въ послѣдній періодъ своей философской дѣятельности занять былъ рѣшеніемъ вѣковаго вопроса о примиреніи философіи съ религіею, т.-е. онъ взялъ для себя ту же самую задачу, которая была предметомъ долготѣхнихъ изслѣдованій профессора Голубинскаго. И такъ, если при рѣшеніи этой задачи на Голубинскаго имѣли вліяніе идеи Шеллинга, то и его собственные идеи, переданныя имъ въ его письмахъ къ германскому философу, не могли остаться безъ вліянія на послѣдняго. Это—то единство задачъ было главною причиною глубокаго сочувствія Голубинскаго къ системѣ Шеллинга, хотя, по собственному его отзыву, германскій мыслитель только приближался къ рѣшенію своей задачи и далеко не разрѣшилъ ее. По той же причинѣ Голубинскій питалъ сочувствіе къ идеямъ Баадера, Мейера и другихъ, хотя второстепенныхъ, но благонамѣренныхъ германскихъ мыслителей.

Стѣсня до послѣдней степени изображеніе философской дѣятельности Голубинскаго, біографъ, конечно, не могъ извинять себя недостаткомъ матеріаловъ. Мы слышали, что послѣ покойнаго Голубинскаго осталось въ рукописяхъ множество сочиненій, какъ-то: «Полный курсъ исторіи философіи», «Курсъ метафизики», «Философія природы» и проч.; затѣмъ множество отдѣльныхъ изслѣдованій о разныхъ философскихъ вопросахъ (оригинальныхъ и переводныхъ). Мы не говоримъ уже о статьяхъ Голубинскаго, которыя печатаемы были имъ въ «Твореніяхъ св. Отцевъ» безъ подписи его имени, таковы напр. первыя двѣ статьи «о конечныхъ причинахъ». Не странно-ли, что авторъ ни слова не уомаянулъ объ ученыхъ трудахъ Голубинскаго, хотя, судя по тону біографіи и по нѣкоторымъ отдѣльнымъ его замѣчаніямъ, ему доступны были всѣ нужные для этого матеріалы.

По краткости біографіи, конечно не слишкомъ богатъ фактами и тотъ ея отдѣлъ, на который авторъ преимущественно обращалъ вниманіе,—гдѣ онъ изображаетъ Голубинскаго, какъ челоуѣка, въ его семейной и общественной жизни. Самъ авторъ говоритъ, что покойный профессоръ велъ огромную корреспонденцію со многими

★

учеными и важными государственными лицами,—не говоримъ уже о лицахъ духовнаго сана, изъ которыхъ многія, какъ извѣстно, и на кафедрахъ святительскихъ продолжали учиться у своего опытнаго мудростію наставника; — и между тѣмъ авторъ приводитъ только два его письма, писанныя имъ къ его роднымъ; но и эти два письма далеко не отличаются удачнымъ выборомъ. Прекрасно характеризуя доброту души покойнаго и теплоту его чувства къ роднымъ, онъ рѣшительно ничтожны по содержанію и нисколько не касаются жизни и отношеній покойнаго,—что гораздо бы было интереснѣе для читателей.

Вообще, читая «Біографическій очеркъ», невольно приходишь къ мысли, что авторъ чрезвычайно спѣшилъ дѣломъ и старался только о томъ, хотя бы что-нибудь, лишь бы только скорѣе написать и представить публикѣ. Онъ какъ будто и не предполагалъ, что читатели гораздо охотнѣе согласились бы ожидать дольше появленія его книги, лишь бы только имѣть въ рукахъ біографію полную, достойную того лица, жизнь котораго служить ея содержаніемъ. Подобная же біографія, какъ «Біографическій очеркъ», затрогиваетъ только любопытство, далеко не удовлетворяя его. Да и самому автору едва-ли будетъ пріятно, когда онъ услышитъ отзывы о его сочиненіи, подобные тѣмъ, какіе мы слышали, именно, что лучшее въ «Біографическомъ очеркѣ»—это официальные свѣдѣнія о жизни покойнаго профессора, и потомъ перепечатанные отзывы о немъ Шевырева и барона Гакстаузена. Мы, впрочемъ, съ своей стороны слишкомъ далеки отъ того, чтобы раздвѣлять подобное мнѣніе о «Біографическомъ очеркѣ», и снова повторяемъ, что очень многіе останутся благодарны автору и за тѣ краткія свѣдѣнія, которыя сообщены имъ въ «Очеркѣ». Что дѣлать? За границей подобное лицо, какъ профессоръ Голубинскій, нашло бы не одного, а нѣсколькихъ біографовъ. У насъ нельзя не дорожить и тѣмъ, что предлагаетъ авторъ публикѣ. Съ этой точки зрѣнія и «Біографическій очеркъ» нельзя не признать довольно важнымъ приобретеніемъ въ нашей біографической литературѣ, тѣмъ болѣе, что онъ читается легко и составленъ съ знаніемъ дѣла.

Къ біографіи приложенъ портретъ покойнаго. Говоря относительно, онъ очень похожъ, и если вы хоть разъ видѣли Голубинскаго, то сейчасъ его узнаете на портретѣ, приложенномъ къ біографіи. Но мы не можемъ не замѣтить объ одномъ незначительномъ, но тѣмъ не менѣе очень замѣтномъ его недостаткѣ. Кто знаетъ и наблюдалъ за Голубинскимъ, тотъ помнитъ, что онъ постоянно

держалъ глаза полузакрытыми, вполне же открывалъ ихъ очень рѣдко и то на самое короткое время, именно, когда онъ одушевлялся чѣмъ-нибудь во время разговора; тогда взоръ его какъ будто вспыхивалъ, дѣлался необыкновенно пронизательнымъ, но скоро опять принималъ обыкновенное положеніе. Эта особенность Голубинскаго вышущена изъ виду на его портретъ, и по нашему мнѣнію, если бы исправить этотъ незначительный недостатокъ, портретъ вдвое выигралъ бы въ отношеніи къ сходству.

Биографія посвящена извѣстному Платону Васильевичу Голубкову, бывшему въ дружественныхъ отношеніяхъ съ покойнымъ профессоромъ.

Взбранная Воевода воинства православнаго или некоторые примѣры того, какъ чудесно поборола Матерь Божія православному Христолюбивому воинству въ войнахъ за Вѣру Православную, за Царя и Отечество Христолюбивыя. Москва. Въ типографіи В. Готье. 1855 г. 108 стр., въ 16 д. л.

Книжка, которую всякій преданный сынъ Православной церкви и Отечества, и слѣдовательно всякій Русскій, прочтеть съ истинною, душевною отрадою. Особенно мать семейства, благословившая сына на святую брань за Вѣру Православную, и Ей — Взбранной Воеводѣ, по святому обычаю предковъ, вѣрившая судьбу сына-новобранца, будетъ благодарна автору за эти чистѣйшія, отраднѣйшія впечатлѣнія и теплыя утѣшенія вѣры, которыми такъ полна книжка, написанная живымъ языкомъ религіознаго одушевленія.

Осудимъ въ ней только иностранныя, вовсе ненужныя выраженія: лагерь, атака, планъ, машины....

Въ извѣстіи о нападеніи Аскольда и Дира на Константинополь странно встрѣтить ссылку на Татищева!

Странно, на стр. 52, встрѣтить имя князя Андрея безъ отчества и прозванія. Дѣло идетъ объ Андрей Георгіевичъ Боголюбскомъ, который при другомъ случаѣ наименованъ вполне, стр. 56.

Нѣсколько замѣчаній уральскаго казака, по поводу статей П. И. Небольсина объ Уральскихъ казакахъ.

Въ шестой книжкѣ «Вѣстника Русскаго Географическаго Общества» за 1854-й годъ, и въ четвертой «Библіотеки для Чтенія» нынѣшняго года, появились статьи П. И. Небольсина, подъ названіемъ—въ первой: «Нѣсколько замѣчаній объ уральскихъ казакахъ», а во второй «Уральцы», значить объ статьи объ одномъ и томъ же предметѣ, или объ одномъ и томъ же народѣ. — Между тѣмъ за полгода прежде я зналъ уже изъ газетъ о трудѣ г. Небольсина. Нужно-ли говорить, что, какъ природный Уралецъ, я съ нетерпѣніемъ и живымъ интересомъ ожидалъ появленія въ свѣтъ статей г. Небольсина о моемъ родномъ краѣ, доселѣ почти нетронутомъ. Правда, болѣе чѣмъ за сто лѣтъ назадъ, писалъ объ Уральскихъ казакахъ Рычковъ, но сказаніе этого почтеннаго автора, въ отношеніи къ теперешнему быту Уральцевъ, не что иное, какъ

«Для давно минувшихъ дней».

Кромѣ Рычкова, въ двадцатыхъ годахъ нынѣшняго столѣтія, писалъ объ Уральскихъ казакахъ г. Левшинъ, но и его описаніе устарѣло. — Съ тѣхъ поръ бытъ Уральцевъ во многомъ измѣнился, даже, безъ преувеличенія можно сказать, совершенно преобразовался.

Отъ г. Небольсина, какъ отъ извѣстнаго и наблюдательнаго туриста, посѣщавшаго нашъ край въ пятидесятыхъ годахъ, и пользовавшагося бестдой почтенныхъ и опытныхъ Уральцевъ, на которыхъ онъ самъ указываетъ, и которые не могли передать ему ничего, кромѣ дѣльнаго и правдиваго, — отъ г. Небольсина, стяжавшаго себѣ славу отличнаго рассказчика по части статистическихъ свѣдѣній и историческихъ изслѣдованій, я ожидалъ, (да и кто не въ правѣ ожидать?) статьи серьезной, въ полномъ смыслѣ дѣльной и правдивой. Первая статья (въ Вѣстникѣ) къ удовольствію моему и оказалась таковой. Но о другой (въ Библіотекѣ для Чтенія) къ сожалѣнію сказать этого нельзя.

Не говоря о нѣкоторыхъ, не такъ важныхъ невѣрностяхъ, которыя, впрочемъ, свойственны и извинительны каждому писателю-

путешественнику, только нѣсколько дней, въ качествѣ гостя про-
 бывшему въ мѣстахъ, имъ описываемыхъ, — не говоря о такихъ
 неврностяхъ—(а ихъ въ обвѣхъ статьяхъ довольно-таки) — въ по-
 слѣдней статьѣ, т.-е. въ «Уральцахъ», описаны такія небывалыя и
 ложныя вещи, о которыхъ не только писать и печатать, но даже
 и говорить въ дружеской бесѣдѣ не слѣдовало-бы... Почтеннѣйшій
 авторъ, мѣшая дѣло съ бездѣльемъ, и расточая похвалу Уральцамъ
 (спасибо за это), между прочимъ, или ради краснаго словца, или
 изъ подражанія другимъ — (Богъ его знаетъ) не призадумался вы-
 сказать злую и несовсѣмъ приличную насмѣшку надъ простодуш-
 ными, цѣломудренными и гостепріимными Уралками... Вы, почтен-
 нѣйшій авторъ, вѣрно догадываетесь, о чемъ я рѣчь веду, а ежели
 не догадываетесь, я напому: я, извоите знать, веду рѣчь о такъ
 называемой, по-вашему, «девятой пуговкѣ». Вамъ почему-то угодно
 было сказать, что такъ называемая «девятая пуговка» на сарафанахъ
 у Уралокъ бываетъ «крупнѣе и богаче» другихъ. Но это чистѣйшая
 неправда. Понятно, что вы тутъ съострили, — но хорошо-ли сдѣлали—
 это вопросъ. Вы печатно повторили каламбуръ уральскихъ казачать-
 ребятъ, — каламбуръ, который, не мѣшаетъ замѣтить, и между каза-
 чатами потерялъ уже и остроту, и замысловатость.

Къ этой несносной «девятой пуговкѣ» я возвращусь послѣ, а
 теперь попорядку укажу на тѣ неврности, которыя вкрались въ
 статьи г. Небольсина вслѣдствіе или недомолвокъ, или перемолвокъ,
 или, наконецъ, вслѣдствіе ошибочнаго взгляда на предметъ. Кстати
 сдѣлаю кой-какія добавленія и отъ себя.

Начну съ первой статьи: «Нѣсколько замѣчаній объ Уральскихъ
 казакахъ», помѣщенной въ VI книжкѣ «Вѣстника Географическаго
 Общества.»

Исчисляя народонаселеніе (стр. 200), авторъ говоритъ, что
 Уральцевъ всего-на-все столько-то, — что въ томъ числѣ православ-
 ныхъ столько-то, единовѣрцевъ столько-то (единовѣрцы, нужно за-
 мѣтить, почти то же, что и православные), — *раскольниковъ* столько-
 то, и т. д., — но что за раскольники, не пояснилъ, а это слѣдовало
 бы, по моему мнѣнію, пояснить: житель, напримѣръ, Петербурга,
 прочитавъ статью г. Небольсина, можетъ составить себѣ понятіе
 объ уральскихъ раскольникахъ совсѣмъ противное, чѣмъ на самомъ
 дѣлѣ есть эти раскольники. Онъ легко можетъ отвести ихъ къ рас-

кольническимъ сектамъ, которыя не признають, или, какъ говорится, не приѣмлютъ священства. Уральскіе раскольники — если можно назвать ихъ раскольниками — есть не что иное, какъ только *старообрядцы*, буквально слѣдующіе не совсѣмъ правильному тексту старопечатныхъ книгъ: это то, что въ Москвѣ *Рогожцы*.

«Обитатели Уральской Войсковой Земли — говорить авторъ (стр. 201) — естественнымъ образомъ дѣлятся:

«1) На *православныхъ* и на *не-христіанъ*.

«2) На *войсковыхъ* и на *иногородныхъ* (не принадлежащихъ къ войсковому сословію).

«3) На *вольныхъ людей* и на *крѣпостныхъ*.

«4) На *чистыхъ Уральцевъ* и на *не-Уральцевъ*.»

Предпоследнее изъ этихъ дѣлений, т.-е. дѣленіе на *вольныхъ людей* и на *крѣпостныхъ*, я, казакъ, обитатель Войсковой Земли, не совсѣмъ понимаю. Что же можетъ понять посторонній? Подъ именемъ *крѣпостныхъ*, ясно, должно считать дворовыхъ людей казачьихъ офицеровъ. Но кто такіе *вольные люди*? вотъ вопросъ. Кого разуметь авторъ подъ этимъ названіемъ? Если казаковъ, какъ свободныхъ гражданъ-воиновъ не податнаго состоянія — напрасно: имъ ужъ есть одно общее и прямое названіе: *казаки* или *войсковые обыватели*. Если авторъ разуметь подъ именемъ *вольныхъ людей* бывшихъ прежде дворовыхъ людей, но въ недавнее время, по существующимъ законамъ, отошедшихъ отъ владѣльцевъ — такіе люди дѣйствительно есть и живутъ между войсковыми обывателями по билетамъ, — то ихъ всего лучше было бы причислить къ сословию *иногородныхъ*, — другаго названія имъ и быть не можетъ. — Даже, если говорить правильно, *иногородныхъ* не должно и причислять къ *обитателямъ* Уральской Войсковой Земли. Какой обитатель Войсковой Земли, напримѣръ, ярославскій или владимирскій мѣщанинъ, который торгуетъ въ Уральскѣ пряжей или панскимъ товаромъ, и который нынче въ Уральскѣ, а завтра очутится въ Ярославлѣ или Владимірѣ? Почему онъ обитатель Войсковой Земли? Развѣ потому, что, живя по паспорту въ Уральскѣ, нанимаетъ у казака квартиру и лавку. Ну, это дѣло иное, въ этомъ случаѣ и пассъ. — Въ такомъ случаѣ и самъ г. авторъ, живя несколько дней въ Уральскѣ, также по своимъ дѣламъ, могъ быть причисленъ

къ обитателямъ Войсковой Земли. — Вотъ ужъ третій годъ проживаетъ, и быть-можетъ еще долго проживетъ, въ нашихъ краяхъ одинъ ученый, должно быть естественнспытатель, — собираетъ травку, птичьи яички, шкурки, и т. под., — въ чемъ вѣрно находить пользу, — но можно-ли этого ученаго мужа причислить къ обитателямъ Уральской Войсковой Земли? Кажется нельзя. Стало быть и дѣленіе войсковыхъ обывателей, сдѣланное г. Небольсинымъ во всѣхъ подробностяхъ, отчасти, если не совсѣмъ, лишнее.

Далѣе (на той же, 201, страницѣ) авторъ говоритъ... «Уральскіе Калмыки не сплотились въ одну массу съ коренными Уральцами, вслѣдствіе идолопоклонническихъ своихъ вѣрованій; только съ Татарами, давними своими товарищами, Уральцы живутъ дружнѣе и общительнѣе.»

Какъ Калмыки, такъ и Татары, и те, и другіе разбросанные по Войсковой Землѣ, живутъ отдѣльно и другъ отъ друга, и отъ казаковъ-Русскихъ, идолопоклонники по себѣ, а магометане по себѣ. Слѣдовательно, о сплотеніи или о несплотеніи Калмыкъ съ Русскими не могло быть и рѣчи. Авторъ, какъ мы видѣли, сказалъ, что только съ Татарами Уральцы живутъ дружнѣе и общительнѣе. Не правда! Выраженіе это должно понимать совершенно въ противоположномъ смыслѣ: тогда выйдетъ правда. Съ Калмыками Уральцы живутъ гораздо дружнѣе и общительнѣе, нежели съ Татарами. Калмыкъ скромнѣе, уступчивѣе и въ высшей степени честнѣе, а Татаринъ, не объ немъ будъ сказано, плутовать и мало надеженъ. На Калмыка можно вполне положиться, а чтобы вести дружбу съ Татарининомъ, нужно держать за пазухой камень. Не помнятъ на Уралѣ, чтобы когда-нибудь Калмыкъ укралъ у русскаго казака лошадку, а за Татарининомъ этотъ грѣшокъ чуть-ли не водится... Послѣ этого понятно, съ кѣмъ Уралецъ долженъ жить дружнѣе и общительнѣе.

Казачье сословіе, т.-е. простыхъ казаковъ, авторъ дѣлитъ на разряды, (стр. 202); и поясняетъ значеніе каждаго разряда. Что сказано вѣрно, о томъ и говорить нечего: оно такъ и останется; а что опредѣлено невѣрно, о томъ долгомъ считаю замѣтить. — Такъ, напримѣръ, авторъ между прочимъ говоритъ, что казаки бывають:

«*Служивые*—такъ называется весь цвѣтъ населенія, отъ двадцати до пятидесяти-лѣтняго возраста.»

«*Служилые*—или тѣ, которые несутъ службу на вѣншихъ «выкомандировкахъ.»

«*Льготные*—тѣ, до которыхъ не дошла еще очередная служба.»

Но такое опредѣленіе не совсѣмъ вѣрно и не совсѣмъ точно. «*Служивыми*» казаками называются именно тѣ самые казаки, которыхъ авторъ называетъ *служилыми*.

Служилые же казаки, или, общеупотребительнѣе и правильнѣе, *служащіе* казаки, которые, по словамъ автора, служатъ на вѣншихъ выкомандировкахъ—суть тѣ, которые числятся только по спискамъ на дѣйствительной службѣ, но вѣн-ли войска, или въ границахъ его служатъ, или вовсе лично не служатъ, а выставляють за себя охотниковъ—все равно, лишь бы прослужили они, такъ или иначе, двадцатипяти-лѣтній терминъ казачьей службы: стало-быть и тутъ опредѣленіе автора невѣрно.

Казаки же, составляющіе, по выраженію автора, цвѣтъ населенія, отъ двадцати до пятидесяти-лѣтняго возраста, которыхъ авторъ, какъ мы видѣли, называетъ *служивыми*, никакъ иначе не называются, какъ только просто: казаки. Въ этомъ случаѣ не къ чему брать въ расчетъ и лѣта казаконъ: это было бы совершенно бесполезно и лишнее. Какъ 20, 40, 50, 70, 80-ти-лѣтній казакъ, такъ равно и казачій мальчикъ, лишь только умѣющій говорить, на вопросъ: кто ты? просто отвѣтитъ: «казакъ!» Вообще всей массѣ казачьяго населенія мужескаго пола, безъ означенія лѣтъ, нѣтъ ниаго названія, какъ только казаки.

О *льготныхъ* казакахъ г. Небольсинъ сказалъ слишкомъ коротко.—«*Льготные*—тѣ, до которыхъ не дошла еще очередная служба», говоритъ онъ, ничего больше не прибавивъ.—Между тѣмъ извѣстно, что казаки Уральскаго казачьяго войска служатъ не по очереди между себя, а по найму. Откуда же взялась тутъ очередь или очередная служба? Я разьясню.

Въ гвардіи отъ Уральскаго войска служатъ дивизионъ казаконъ, т.-е. два эскадрона, изъ которыхъ одинъ три года пребываетъ въ Петербургѣ, а другой, въ это время, на Уралѣ; значитъ, эскадроны эти перемѣняютъ другъ друга чрезъ каждые три года. Вотъ казаки того эскадрона, который живетъ на Уралѣ, пока другой служитъ въ Петербургѣ, и называются, пожалуй, *льготными*; настоящее же имя ихъ: *гвардейцы*, данное имъ въ отличіе отъ простыхъ

казаковъ, т.-е. отъ казаковъ *армейскихъ*. Замѣтить слѣдуетъ, что очередь, введенная между гвардейскими казаками, или правильнѣе между гвардейскими эскадронами, есть дѣло, такъ сказать, домашняго хозяйства. Гвардейскій казакъ, какъ и армейскій казакъ, не даромъ идетъ въ Петербургъ, а беретъ подможныя деньги: это тоже, что онъ нанимается. Если гвардейскому казаку *льготнаго* эскадрона вздумалось бы, на примѣръ, идти въ походъ, хоть подъ Коканцевъ, то войсковое начальство не станетъ удерживать его, а скажетъ: «съ Богомъ!» да позаботится только на мѣсто его прислать браваго и расторопнаго охотника, — все-таки охотника, а за охотника ~~служит~~ служить никогда дѣло не станетъ.—Изъ этого слѣдуетъ заключить, что названіе *льготный казакъ*, въ отношеніи къ Уральскому казачьему войску, почти-что лишнее и неумѣстное. — Да короче сказать, *льготныхъ казаковъ* на Уралѣ нѣтъ, а есть или бываетъ *льготный эскадронъ*.

«По всей вѣроятности, (говоритъ авторъ на стр. 204), на рѣкѣ «Уралъ казаки *появились* вскорѣ *послѣ разгрома*, понесеннаго «Донской и Волжской вольницей при царѣ Іоаннѣ Грозномѣ. Ища «спасенія, они раскинулись всюду: кто бросился вверхъ по Волгѣ, и «потомъ свернувъ на Каму, бѣжалъ въ соболиное царство, а кто «пустился внизъ по Волгѣ, раскинулся тамъ по рыбнымъ рѣкамъ и, «наткнувшись на занятый богатыми кочевьями Нагайцевъ Яикъ, сталъ «смыкаться по степямъ, разными правдами—неправдами отбиваться «отъ невѣрныхъ и исподоволь покорять поганую орду подъ высокую царскую государеву руку.»

Приведа здѣсь этотъ отрывокъ изъ текста, я и думать не смѣю рѣшительно противорѣчить ему или тѣмъ болѣе опровергать его: это было бы съ моей стороны больше, чѣмъ смѣло. Я только хочу высказать мое мнѣніе по этому случаю, которое не есть, однакожъ, чистое порожденіе фантазіи: оно отчасти опирается на событія.

Г. Небольсинъ, мы видимъ, начало появленія казаковъ на Яикѣ относить къ тому самому времени, когда одинъ изъ предводителей вольницы, Ермакъ, покинувъ берега Волги, ушелъ завоевывать Сибирь. Это, какъ извѣстно, было въ 1580-хъ годахъ,—слѣдовательно въ концѣ XVI вѣка. Объ этомъ, впрочемъ, ясно и подробно разсказалъ намъ г. Левшинъ, въ своемъ «Истор. и Стат. Обзор. Уральскихъ казаковъ».—Но и г. Левшинъ, замѣтить кстати, критически и

логически разбирая и опровергая сказанія академика Рычкова, который, взявъ преданію Уральскихъ казаковъ, начало поселенія ихъ на Яикъ отнесъ—было къ временамъ слишкомъ отдаленнымъ, именно къ XIV вѣку—могъ однако вывести по этому случаю, въ опроверженіе мнѣнія Рычкова, только одно, что *Гугниха, первая*, по словамъ Рычкова, женщина и *казачка* на Уралъ, или, иначе сказать, прародительница Уральскихъ казаковъ, жила или въ концѣ XV, или въ началѣ XVI столѣтія, — следовательно рассказъ Рычкова въ этомъ случаѣ нельзя считать за чистую басню. — Но дѣло не въ томъ. Я началъ рѣчь объ этомъ не съ той цѣлю, чтобы доказывать (это, безъ сомнѣнія, не по моимъ силамъ), кто говоритъ правду, а кто ошибается. Я, какъ ужъ сказалъ, намеренъ только высказать мое мнѣніе,—а это, кажется, дозволяется всякому; условіе при этомъ одно: не было бы только мнѣніе химерическое. А что мнѣніе мое не есть чистая химера — это, надѣюсь, докажетъ последующій небольшой рассказъ.

И такъ я полагаю и убѣждаюсь, что раньше разгрома Волжской вольницы, т.-е. прежде чѣмъ завоеватель Сибири, покинувъ берега Волги, ушелъ въ Сибирь, рѣка Яикъ была извѣстна молодцамъ, подвизавшимся, вмѣстѣ съ Ермакомъ, въ Приволжскихъ краяхъ,—и была извѣстна не по одному слуху, что тамъ-то есть такая-то рѣка, а была извѣстна какъ уже мѣсто, гдѣ жили русскіе удалцы, не хотѣвшіе носить на себѣ иго татарское. Въ мысли этой убѣждаетъ меня, кромѣ преданій и кромѣ предположеній и сужденій свидущихъ людей—одна казачья пѣсня (сказка—складка,—пѣсня—быль: это не мѣшаетъ взять въ соображеніе).

Пѣсня, о которой я сказалъ, выставлена эпиграфомъ предъ V-й главой «Покоренія Сибири» г. Небольсина. Любопытные могутъ прочесть ее тамъ, здѣсь же приведу только нѣкоторые ея стихи. Она начинается такъ:

— Какъ на Волгѣ на рѣкѣ, на Камышенкѣ,
 «Казакъ живутъ, братцы, люди вольные:
 «*Все Донскіе, Гребенскіе со Яицкими.*»

Третій стихъ у г. Небольсина почему-то пропущенъ.

Далѣе въ пѣснѣ этой идетъ рѣчь Ермака къ дружинѣ. Онъ, между прочимъ, вопрошаетъ своихъ сподвижниковъ:

— «Куда жъ, братцы, ми зимовать пойдѣмъ?
 Намъ на Волгѣ жить — все ворами слѣтъ!
 На Яикъ идти — переходъ великъ!»

Последній стихъ, а также въ особенности вышеприведенный, пропущенный у г. Небольсина: «*Все Донскіе, Гребенскіе, со Яицкими,*» если не положительно указываютъ, то, по-крайней-мѣрѣ, наводятъ на мысль, что въ шайкѣ Ермака были Яицкіе казаки, т.-е. казаки съ Яика.

Кромѣ пѣсни, что-нибудь да значать и слова казачьяго атамана Рукавишникова, который въ 1720 году писалъ въ Военную Коллегію, что *предки его пришли на Яикъ, можетъ быть назадъ около двухъ сотъ лѣтъ* (*). Слова эти нельзя оставить безъ вниманія; они, если не точно, то приблизительно даютъ знать, что Яицкіе казаки поселились на Яикѣ въ началѣ XVI-го вѣка, или, по-крайней-мѣрѣ, въ концѣ первой половины его, — но во всякомъ случаѣ раньше разгрома Волжской вольницы, т.-е. раньше того времени, когда Ермакъ пошелъ на Сибирь.

Дозволивъ себѣ сдѣлать подобное заключеніе, я, какъ мнѣ кажется, не совсѣмъ погрѣшаю. Надѣюсь, что безусловно не осудятъ меня въ излишней натяжкѣ возвести начало появленія казаковъ на Уралѣ гораздо выше и раньше, нежели какъ говорить о томъ г. Небольсинъ, повторяя при этомъ конечно сказанное ужъ прежде его г. Левшинымъ. Въ извиненіе моихъ по этому поводу предположеній и заключеній, я скажу только одно: кому не пріятно возводить родословную своего дома, — а Уральское казачье войско есть мой домъ, моя семья, — до временъ отдаленныхъ!

Говоря о томъ, какъ въ старину Уральцы переходили съ мѣста на мѣсто, авторъ, между прочимъ, выразился такъ:... «а въ окрестностяхъ нынѣшняго Уральска, на р. Чаганъ, они (казаки) обыкновенно зимовали, такъ-какъ, по роду своихъ занятій, они неминуемо «должны были вести, какъ и теперь отчасти ведутъ, почти-что «полукочевую жизнь, въ главныхъ основаніяхъ своихъ вовсе не по-«хожую на жизнь совершенно осѣдлаго населенія» (стр. 205).

Что казаки въ старину переходили съ мѣста на мѣсто — это не подлежитъ никакому сомнѣнію, — но чтобы Уральцы и теперь, какъ говорить авторъ, вели отчасти жизнь полукочевую — это неправда; объ этомъ и говорить бы вовсе не слѣдовало: этимъ только можно сбить съ толку постороннихъ людей, совершенно не знакомыхъ съ бытомъ казаковъ. Сколько разъ случалось мнѣ, съ сожалѣніемъ, слышать о казакахъ самыя дикія замѣчанія и сужденія

(*) Истор. и Стат. обзоріе Урал. каз. А. Левшина.

людей, имѣющихъ еще притязаніе на образованіе.... Такъ, напримѣръ, недавно, одна московская барыня, бесѣдуя съ казачками, вдругъ, ни съ того, ни съ сего, спрашиваетъ одну изъ казачекъ: «а что, позвольте спросить, какой у васъ языкъ?»

Казачка съ удивленіемъ посмотрѣла на барыню. Барыня вѣрно подумала, что казачка слишкомъ безтолкова, и потому повторила вопросъ другимъ, болѣе ужъ толковымъ манеромъ, — она сказала:

— Мнѣ хочется знать, какимъ языкомъ вы между себя разговариваете? вѣдь у васъ долженъ быть *свой, особый отъ нашего*, языкъ.

Забавно....

Когда казачка, въ свою очередь, толкомъ рассказала барыню, что у всѣхъ вообще казачекъ языкъ общій русскій, т.-е. точно такой, какимъ говорятъ и барыни, — барыня, ни сколько не сконфузясь наивностью своего вопроса, обратила разговоръ на другіе предметы. Еще не сошла съ лица казачки улыбка, порожденная выходкой образованной барыни, какъ барыня заговорила — о чемъ бы вы думали? она заговорила о рѣкѣ *Сырѣ-Дарьѣ*, въ которой *водятся крокодилы*, объ *Аральскомъ морѣ*, на которомъ *есть чудные и таинственные острова*, имѣющіе, между прочимъ, то сверхъестественное свойство, что если человекъ ступить на нихъ ногой, то назадъ не вернется, и наконецъ дошла до *степныхъ миражей* (покорно прошу! какой запасъ свѣдѣній). При этомъ случивъ *барыня* наизусть *казачкамъ* такихъ чудесъ о фантастическихъ фигурахъ, объ обманчивыхъ замкахъ, о цѣлыхъ городахъ, представляемыхъ миражемъ, что казачки долго послѣ того дивились и смѣялись....

Вотъ хотя бы изъ опасенія, чтобы не ввести въ искушеніе людей, подобныхъ, напримѣръ, *вышеупомянутой* барыни, г. Небольсинъ не долженъ былъ говорить, что Уральцы и теперь отчасти ведутъ жизнь полукочевую; потому не долженъ былъ говорить, что жизнь Уральцевъ въ полномъ смыслѣ слова жизнь осѣдая: Уральцы, такъ сказать, приросли къ своей землѣ. Говорить или намекать о полукочевой жизни ихъ было бы до крайности невѣрно.

Впрочемъ, ежели судить изъ того, что изъ ста семей Кулагинской кр., напримѣръ, одна семья, почтеннаго Кулея Сулумыча, поклонника Далай-Ламы, выберется, во время лѣта, изъ деревянныхъ хоромъ въ войлочную кибитку, поставленную или среди двора, или вѣкъ его, на задахъ крѣпости, — то, пожалуй, г. авторъ правъ....

Другаго примѣра, который бы давалъ поводъ предполагать о теперешней полукочевой жизни Уральскихъ казаковъ, я не приищу: его нѣтъ.

Упомянувъ о жалобѣ казаковъ, поданной некогда въ Военную Коллегію, на самарскихъ жителей, которые тайно, воровски привѣзжали на Яикъ и ловили въ немъ рыбу въ подрывъ Яицкимъ казакамъ — ибо Яикъ издревле былъ собственностію казаковъ — г. Небольсинъ приводитъ маленькій отрывокъ изъ этой жалобы: «но токмо у насъ (писали Уральцы) съ оными Самарянами состоялось побоище и смертное убивство.» и пр. (стр. 206.) Къ этому я считаю не лишнимъ прибавить, что побоище у Яицкихъ казаковъ съ Самарскими казаками, а главное съ Чувашинами, бывшими за одно съ Самарянами, происходило на берегу рѣки Чагана, выше г. Уральска въ тридцати верстахъ, тамъ, гдѣ нынѣ Чувашскій уметъ. Извѣстіе это хотя я беру и не изъ неопровержимыхъ источниковъ, т.-е. не изъ письменныхъ документовъ, которыми Богъ насъ обидѣлъ, а изъ преданія, но за всѣмъ тѣмъ правдоподобность происшествія, о которомъ хочу разсказать, не подлежитъ сомнѣнію; оно было не такъ давно, поколѣнія за два передъ симъ, не дальше. По словамъ старожилевъ, которые въ молодости своей, разумѣется, слышали также отъ старожилевъ, происшествіе это случилось такимъ образомъ.

Самарскіе казаки, подговоренные Чувашинами, или Чуваши, подговоренные Самарскими казаками — все равно, прельстясь богатствомъ Яика, забрались однажды на эту рѣку выше Уральска, въ нѣсколькихъ верстахъ, и разгромили «ятовъ», вроятно близъ нынѣшнихъ Гниловскаго или Рубежнаго форпостовъ. — Въ старину, надо замѣтить, красной рыбы много заходило, во время весенняго водоразлітія, и выше «учуга». — Разбаврили незваные гости, говорю, одну ятовъ, нагрузили рыбой воза и отправили въ Самару. Съ обозомъ повхали Чуваши, а Самаряне, какъ люди похрабрѣе, остались на Яикѣ долаивать. Яицкіе казаки какъ-то узнали о томъ, стремглавъ бросились на ятовъ и застали ворихею върасплохъ. Тотчасъ пошли въ двѣ пешни: другаго оружія ни у тѣхъ, ни у другихъ не было; перекололи, или правильнѣе, перепороли яицкіе витязи самарскихъ, потомъ пустились по слѣдамъ обоза и нагнали Чувашъ на рѣкѣ Чаганѣ. Тутъ повторилось тоже, что было и на Яикѣ. Яицкіе казаки взяли верхъ, и почти всѣхъ Чувашъ, а ихъ было очень много, положили на мѣсть.

Овдовѣвшія Самарянки и Чувашенки, сказываютъ казаки, сложили не то пѣсню, не то причитанье, а что-то въ родѣ этого; а можетъ быть ящкіе молодцы, въ насмѣшку надъ жалкими «баграчеями», и сами сочинили эту шутку. Вотъ она:

«Ящкіе казаки — буерачные стрижки,
«Побили, поклевали нашихъ ясныхъ соколовъ.»

Какъ бы то ни было, но происшествіе это глубоко сохранилось въ памяти Уральцевъ. — На томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ было побоище у казаковъ съ Чувашами, Уральцы вскорѣ послѣ того построили «уметь» въ видѣ сторожеваго пункта отъ будущихъ покушеній чужихъ людей на ихъ собственность, и назвали его, въ память победы, *Чувашскимъ*.

«Право рыболовства въ Уралѣ и въ Каспійскомъ морѣ — (говоритъ авторъ, стр. 208) — распространяется не на всѣхъ Уральцевъ: русскіе обыватели станицъ Илецкой и Сакмарской, точно такъ же, какъ и Башкирцы, совершенно лишены этого участія: войсковыми «обычаями, имѣющими силу закона, право это присвоено только «кореннымъ Уральцамъ. Это происходитъ оттого, что Сакмарская и Илецкая станицы надѣлены отдѣльными нарезками земель лучшаго противъ всѣхъ качества. Они живутъ отдѣльно, занимаются «хлѣбопашествомъ и другими сподручными промыслами и не несутъ («вотъ это-то и важно) всѣхъ тяжестей по выкомандированію казаковъ на вышнюю службу. Башкирцы не участвуютъ потому, что «они еще слишкомъ недавніе присельщики, — *Калмыки и Татары* «устранены оттого, что, при незажиточности своей, они не въ состояніи обзавестись всеми нужными для рыболовства орудіями и «снарядами.»

Все сказанное насчетъ Илецкихъ и Сакмарскихъ казаковъ и Башкирцевъ въ этомъ случаѣ справедливо. Но что касается до Калмыкъ и Татаръ, то они *нисколько не устранены* отъ права рыбачить наравнѣ съ природными или, такъ сказать, коренными Уральцами, ни въ рѣкѣ, ни въ морѣ. — И Калмыки, и Татары, правда, мало или почти вовсе не рыбачатъ въ Каспійскомъ морѣ, исключая однакожъ *Андаула Узбековича и чадъ его*, гурьевскихъ жителей, потомковъ татарскихъ узбековъ. — Но это ихъ дѣло: они сами не хотятъ; имъ, живущимъ далеко отъ моря, не сподручно заниматься морскимъ рыболовствомъ. Подобно имъ, и большая часть коренныхъ

казаковъ, какъ-то: съ верхней и средней дистанціи и съ Узеней не знаетъ что такое море, или что такое «курхай» и «ахань». Но рѣка Уралъ для всѣхъ открыта и доступна, и для Калмыкъ, и для Татаръ. Въ Уралѣ, особенно во время «багренья», и Калмыки и Татары, все до единого, сколько ихъ есть въ Уральскомъ войскѣ, рыбачать, да какъ еще не даютъ переду кореннымъ казакамъ, особенно Калмыкамъ, чувствующе между-прочимъ сильную антипатію къ широколобымъ и узкоглазымъ сомамъ, попадающимся часто на багры, вмѣсто бѣлугъ и осетровъ. — Вотъ какъ устранены они отъ права рыболовства!

Описывая негодность и бесплодность земель Уральского войска, г. Небольсинъ говоритъ (стр. 216), что «удабривать эти земли для усиленія растительности не представляется никакой возможности: «назѣма нѣтъ. Скота и много у Уральцевъ, много и назѣма, но это «для Уральца матеріалъ очень цѣнный. Это единственное его топливо, и рисковать имъ для удобренія полей Уральцу не подѣ силу; «а если что и останется безъ пользы на пастбищахъ, то перевозить «назѣмъ за сотни верстъ тоже очень тяжело и не всегда возможно.»

Совершенная правда. Съ моей стороны считаю нужнымъ и необходимымъ добавить, что и пробовали Уральцы удабривать землю назѣмомъ, но удабриванье не помогло. — Братья Кастерины, отличные домохозяева, жители Харкинскаго форпоста, (на нижней дистанціи, почти-что на половинѣ разстоянія между Уральскимъ и Гурьевомъ городкомъ), нѣсколько лѣтъ сряду бились съ посѣвомъ хлѣба, не жалвя ни трудовъ, ни расходовъ, — но никакого толку не добились. Употребляли въ дѣло, разными манерами, и назѣмъ, — но результатъ выходилъ одинъ и тотъ же. Взойдетъ, бывало, съ весны превосходная съ виду пшеница, на четверть въ вышину выбѣжить, густая, зеленая, *сердце, бывало, радуется*, — какъ говоритъ старуха Кастериха, смотря на благодать такую, и — вдругъ, какъ варомъ обдасть, все увянетъ, высохнетъ и погоритъ. Причиной этому, кромѣ солонцоватой почвы, казаки считаютъ, и не безъ основанія, жгучесть палящихъ лучей солнца и — тоже важная статья — отсутствіе росы: на ниже-уральской линіи не знаютъ, что такое роса. — Въ отношеніи хлѣбопашества, такая наша земелька несчастная, что хоть брось.

«Общественное сѣнокосеніе у Уральцевъ (говорить авторъ, кстр. 217) раздѣляется на два вида, на такъ называемый *валовой сѣнокосъ* и на *обволку*.»

Къ этому слѣдовало бы прибавить, что *обволка* бываетъ раньше *валоваго сѣнокоса*. Впрочемъ, это не очень важно, а главное вотъ что:

Описывая образъ производства сѣнокосенія, г. Небольсинъ, между прочимъ, говорить:

«...Лица, принадлежащія къ войсковому сословію, обязываются или сами лично косить, или употреблять для того работниковъ, съ тѣмъ, однакожь, чтобы это были только иногородные, а *отнюдь не коренные Уральцы* и не Киргизы.»

Страхъ какъ не вѣрно. Запрещено имѣть работниковъ *только однихъ Киргизовъ, а отнюдь не коренныхъ Уральцевъ*. И запрещеніе это распространяется только на г. Уральскъ и его округи, гдѣ доступенъ наемъ иногородныхъ, т.-е. русскихъ крестьянъ, приходящихъ въ Уральскъ, ко времени сѣнокоса, большими партіями (что, однакожь, замѣтимъ кстати, не мѣшаетъ брать имъ съ казаковъ въ-три-дорога; напримвръ: самая низшая цѣна работнику *въ день* 2 р. сер., а временемъ бываетъ и 3 р. 50 к. сер.) Въ другихъ же мѣстахъ Уральской войсковой земли, куда мало заходятъ, или почти вовсе не заходятъ иногородные, дозволяется нанимать и Киргизовъ, и кого угодно. Что же касается до коренныхъ Уральцевъ—*то коренному Уральцу рѣшительно не запрещается* работать своими руками на другаго Уральца, если есть у него охота и желаніе; только, не мѣшаетъ замѣтить, ни одинъ Уралецъ не пойдетъ къ другому въ работники *косить сѣно*,—потому что каждому Уральцу, богачъ ли онъ или бѣднякъ—необходимо самому добыть стожокъ другой сѣна, хоть для единственной своей строевой лошади или для женниной коровы.

А почему, вздумалось бы кому-нибудь спросить, запрещается въ г. Уральскъ и его округахъ нанимать въ работники на сѣнокосъ Киргизовъ?— Это... гм!... какъ-бы сказать... Это, изволите знать, матерья длинная и въ высшей степени скучная, ни для кого не любопытная и не интересная: стало-быть я хорошо сдѣлаю, ежели умолчу о ней.

Г. Небольсинъ рассказываетъ (стр. 221), что Уральцы питаютъ какое-то отвращеніе къ мелочнымъ торговымъ занятіямъ, въ томъ числѣ и къ ремесламъ—что въ цѣломъ г. Уральскѣ нѣтъ почти ни одного ни мастераго, ни ремесленника изъ коренныхъ Уральцевъ,—что плотники, столяры, кожевники, шубники, портные, сапожники—все это иногородныя лица. — Что относится до этихъ ремеслъ—совершенная правда: казаки не занимаются ими, но не изъ пренебреженія однакожь или тѣмъ паче изъ отвращенія, а потому, что ремесла эти, сами по себѣ, не такъ прибыточныя, требуютъ усидчивости, неподвижности, что доступно только иногороднымъ, и что несовмѣстно съ казачьей жизнью; короче сказать, игла да шило не прокормятъ казака и не обезпечатъ его отъ всѣхъ повинностей по войску. Во всякомъ случаѣ, такъ-ли, сякъ-ли, а казаки этими ремеслами не занимаются. Но или г. Небольсинъ забылъ сказать, а можетъ быть счелъ не нужнымъ говорить, или Уральцы, которые передавали ему эти свѣдѣнія, упустили изъ виду сообщить ему, что между коренными казаками есть отличные *сѣдельные мастера*, или такъ называемые *арчашники*, т.-е. люди, приготовляющіе для цѣлаго войска сѣдельныя *деревяжки* или *арчаки*,—мастера, которымъ нѣтъ соперниковъ изъ иногородныхъ. Мастерствомъ этимъ занимается съ любовію, даже съ увлеченіемъ художника, не одно, а многія семейства на Уралѣ, изъ природныхъ Уральцевъ. Сѣдельное мастерство переходитъ, такъ сказать, по наследству отъ отца къ дѣтямъ, и доставляетъ мастерамъ большія выгоды. Лучшія и непортяція у лошади спины, притомъ красивѣйшія и изящнѣйшія, если можно такъ выразиться, сѣдла—это издѣліе самихъ казаковъ. Весьма подъ рѣдкимъ Уральскимъ казакомъ на службѣ можно встрѣтить сѣдло не казачьей работы, и такой казакъ значить ужъ плохой казакъ. Спроси казака: кто тебѣ дѣлалъ сѣдло?—Русаконъ! отвѣтитъ. Тебѣ кто?—Арчашниковъ.—Тебѣ кто?—Ботовъ.—Тебѣ кто?—Калининъ, и т. д. А всѣ эти Русаковы, Арчашниковы, Ботовы, Калининны—коренные Уральцы.—Развѣ это не ремесло?

А кто казакамъ дѣлаетъ *бударки*, или, какъ ихъ еще не то въ шутку, не то въ насмѣшку называютъ, *душегубки*? Сами казаки. Въ этомъ дѣлѣ казаки перещеголяютъ всякаго не только плотника или *столяра-маляра*, но даже и корабельнаго мастера. Изъ многихъ тысячъ бударь, ни одной нѣтъ на Уралѣ такой, до которой бы, при окончательной отдѣлкѣ, касался топоръ или скобель посторонняго человека, а не казака. Въ дѣлѣ бударь, этихъ, можно сказать, клино, или кинжалобразныхъ, чуть-чуть не летучихъ, лодочекъ, отла-

чаются семьи коренных Уральцевъ, какъ-то: Журавлевыхъ, Почиталиныхъ, Сладковыхъ и многихъ другихъ. — А это развѣ тоже не ремесло?

Кромѣ того, въ прежнее, не такъ давнее, время, когда у казаковъ были во всеобщемъ употребленіи длинныя, тяжеловѣсныя, но мѣткія, какъ штуцера, турки да винтовки, много на Уралѣ было своихъ природныхъ мастеровъ-ружейниковъ. Цѣлыя семьи занимались и гордились этимъ, можно сказать, не мастерствомъ, а художествомъ. Но когда вышли изъ употребленія турки и винтовки, уступивъ мѣсто вновь введеннымъ сначала карабинамъ, а потомъ ружьямъ, новаго и легкаго калибра, ставящаго ихъ наравнѣ съ карабинами, ружейное мастерство упало: мастера совсѣмъ его бросили и обратились къ другимъ занятіямъ. Только оставшіяся послѣ нихъ фамиліи: *Ружейниковъ*, *Винтовкинъ*, напоминаютъ намъ, что и у насъ, у казаковъ, у *полу-кочевыхъ народовъ*, когда-то были свои превосходные ружейные мастера. Теперь, во всемъ Войскѣ только одинъ казакъ, почтенный и трудолюбивый Карташевъ, не оставляетъ ремесла, наслѣдованнаго отъ отца, и съ честію подвизается на остаткахъ старинныхъ винтовокъ и турокъ. Винтовки и турки выходятъ изъ-подъ искусной руки Карташева такого достоинства, что хоть зажмурясь стрѣляй, разумѣется охотникъ, пуля свое мѣсто найдетъ.

Были въ-старину у казаковъ, кстати сказать, свои серебряныхъ дѣлъ мастера, занимавшіеся, впрочемъ, преимущественно хитрой настькой оружія и седельныхъ приборовъ. Но когда рыцарское щегольство вышло изъ моды, чеканная и серебряная работа уничтожилась: отъ казаковъ, которые занимались этимъ дѣломъ, остались только фамиліи *Серебряковыхъ*.

Мѣсто домашней прислуги (между прочимъ говорить г. Небольсинъ) занимаютъ (у Уральцевъ) чады и домочадны, — но ни «одинъ Уралець, особенно женскій полъ, не пойдетъ изъ найма на личную послугу, въ служительскую должность».

Между тѣмъ, прибавляю я, у каждаго мало-мальски зажиточнаго казака, не говоря о чиновникахъ (т.-е. объ офицерахъ), найдется въ служителяхъ или русскій мужикъ, или татаринъ, или, наконецъ, киргизъ, иногда съ цѣлыми семьями. Вообще казаки любятъ, чтобы имъ услуживали, а сами услуживать не любятъ. Даже на службѣ не всякой казакъ идетъ охотно въ «драбанты», т.-е. въ денщики къ офицеру, что ужъ положено закономъ; и не потому

нейдетъ, чтобы служить было трудно, а потому, что званіе драбанта, или деньщика, считаетъ унизительнымъ. «Съ какой это стати, говорить иногда казакъ казаку, стану я чистить сапоги да раскуривать трубки, развѣ я лакей? Я, по крайности, казакъ.» Вотъ это своего рода характерическая черта всѣхъ природныхъ казаковъ.

Статья г. Небольсина оканчивается описаніемъ такъ называемой *наёмки*, т.-е. г. авторъ рассказываетъ о томъ, какимъ образомъ Уральскіе казаки выставляютъ, посредствомъ найма (отсюда и названіе наёмка), изъ среды себя охотниковъ на государственную службу, въ полки и команды. Рассказъ г. Небольсина въ этомъ случаѣ вѣрнъ, но—странное, однакожъ, дѣло—онъ кажется мнѣ то слишкомъ длиннымъ, то очень короткимъ,—длиннымъ кажется потому, что, кромѣ сущности предмета, наполненъ нѣкоторыми подробностями, въ иныхъ мѣстахъ не такъ удачно схваченными, безъ которыхъ можно бы было и обойтись, — короткимъ потому, что нѣкоторыя изъ условій наёмки ускользнули отъ вниманія автора—за что, конечно, онъ и самъ не можетъ поручиться—и не вошли въ рассказъ; отчего рассказъ терлетъ полноту или, такъ сказать, округлость свою.

Впрочемъ, о всѣхъ мельчайшихъ подробностяхъ, всѣхъ тончайшихъ подраздѣленіяхъ, всѣхъ, можно сказать, неумовимыхъ видоизмѣненій наёмки, рассказать весьма трудно, по крайней мѣрѣ въ такомъ видѣ, чтобы рассказъ вышелъ и совершенно понятенъ для всѣхъ, и притомъ не скученъ: для этого нужно написать цѣлые тома,—а кто ихъ станетъ читать?

Не вдаваясь въ длинныя и утомительныя для читателей сужденія, я намѣренъ сказать, и какъ можно короче, въ пополненіе свѣдѣній о наемкѣ, сообщенныхъ г. Небольсинымъ, слѣдующее:

Изъ разсказа г. Небольсина мы видимъ, что *пятеро*, напри- мѣръ, выставляютъ, т.-е. нанимаютъ на службу изъ среды себя одного охотника; даже больше, чѣмъ пятеро: *десятеро*, *двадцатеро*, *тридцатеро* выставляютъ *одного*. Дѣйствительно такъ бываетъ, но не всегда. Только при незначительной выкомандировкѣ большее число выставляетъ одного. Напримѣръ, если изъ цѣлаго войска только сотня или полусотня казаковъ выкомандировывается на годъ, на два въ Казань, или въ степь, на нѣсколько мѣсяцевъ, для прикрытія топографскихъ партій, и т. под. — тогда, правда, больше.

чѣмъ десять человекъ, нанимають одного. Но когда изъ войска спрашивается два, три комплектныхъ полка въ армію, — тогда ужъ не пятеро, а двое выставляютъ одного, или трое двоихъ, или пятеро четверыхъ, или одинъ одного, или же наконецъ—что не разъ бывало—одинъ двоихъ. Вотъ это обстоятельство немаловажное.

Отчего—пожелаютъ, быть можетъ, знать любопытные,—происходить такой разительный контрастъ при наймѣ казаковъ на службу?—Причина тутъ, изволите видѣть, натуральная и самая простая. Напримеръ, за раскомандировкой казаковъ, во всемъ Войскѣ остается ихъ на лицо всего-на-всего три тысячи, и вдругъ спрашивается куда-либо сотня казаковъ; тогда, извѣстно, одинъ казакъ приходится на тридцать человекъ, и эти *тридцать* человекъ нанимають или выставляютъ *одного*. Но если спросятъ не сотню, а тысячу казаковъ, тогда, натурально, на *двоихъ* падаетъ *одинъ*, и двое одного нанимають, а ежели двѣ тысячи спросятъ, тогда, следовательно, *одинъ* выставляетъ *двоихъ*. Вотъ въ этомъ и весь расчетъ.

Тяжело казакамъ, подумаютъ посторонніе, отправлять такимъ образомъ службу.—Совсѣмъ не тяжело, скажу я: безъ наёмки было бы тяжело. Наёмка есть учрежденіе ползвнѣйшее, учрежденіе благодѣтельное: при наёмкѣ казакъ бываетъ исправнѣе—а чего еще лучше надо?—Наёмка общей государственной службѣ казаковъ насколько не помѣха, какъ думаютъ нѣкоторые, и разумѣется ошибаются. Если бы, напримеръ, случилась отечеству нашему надобность въ лишней горсточкѣ Христолюбиваго воинства,—если бы Государь нашъ сказалъ казакамъ: «видите, сколько васъ есть!» тогда... что бы тогда?... Да тогда только бы развѣ одни мертвые не встали изъ гробовъ: живые же всѣ, и старъ и младъ!... Куда тутъ наёмка — не до нее! прочь ее!... тогда бы всѣ безъ наёмки побросались на конь и помчались туда, куда указала бы Государева рука!...

Въ-заключеніе всего, г. Небольсинъ говоритъ, что нигдѣ въ Россіи, сколько ему извѣстно, духъ общности и товарищества не выражается такъ рельефно и въ такихъ почтенныхъ размѣрахъ, какъ въ Землѣ Уральскихъ Казаковъ.—Къ словамъ г. Небольсина, дышащимъ въ этомъ случаѣ чистѣйшей истинной (видите ли, г. авторъ, я умѣю отдать справедливость истинѣ) — считаю нужнымъ прибавить, что этотъ духъ общности и братства, даже самое благосостояніе Уральскихъ казаковъ, зиждется, такъ сказать, на наёмкѣ, и наёмкой поддерживается.

За всеми, однакожь, невѣрностями, на которыя я указалъ, и которыя, по возможности, старался исправить, статья г. Небольсина, напечатанная въ «Вѣстникѣ»—все-таки статья прекрасная въ полномъ смыслѣ слова. Я читалъ и перечитывалъ ее съ удовольствіемъ. Съ удовольствіемъ прочтуть ее и всѣ мои земляки, Уральцы. Авторъ ея можетъ быть увѣренъ, что всѣ Уральцы останутся благодарными и признательными къ его труду, во всѣхъ отношеніяхъ добросовѣстному.—Напротивъ другая статья «Уральцы», помѣщенная въ Библиотекѣ для Чтенія, произведетъ,—за это ручаюсь—въ читатель-Уральцѣ, особенно въ читательницѣ-Уралкѣ, чувство въ высшей степени непріятное, чтобы не сказать до крайности невыносимое. Достоинство этой статьи такъ же неоспоримо, но оно (думаю, авторъ этого и не подозрѣвалъ) если не совсѣмъ, то отчасти помрачается острою, сорвавшейся, быть можетъ, невзначай съ пера сочинителя, въ словахъ: *«девятая пуговка.»* — «Девятая пуговка» въ отношеніи къ красотамъ статьи г. Небольсина то же, что, по пословицѣ, *ложка дегтю къ кадкѣ меду.*

Теперь о статьѣ «Уральцы», въ которую такъ некстати, такъ не впопадъ замѣшалась «девятая пуговка», я ничего не скажу, а дождусь конца ея, — тогда ужъ за, одно укажу и на другія ея ошибки.

I. Жильцовъ.

Апрѣль 1855 г.

Москва.

Для биографии **Михайла Никитича Муравьина.**

(Письмо его товарища къ покойной его супругѣ).

Ваше Превосходительство,

Милостивая Государыня!

Вашему Превосходительству угодно было мнѣ приказать, чтобъ я сдѣлалъ краткое начертаніе тому, когда началъ и продолжалъ ученіе свое его превосходительство въ Богѣ почивающій Михайла Никитичъ; исполняя волю вашу, начну сіе описаніе съ того времени, когда я удостоенъ былъ его знакомства.

Знакомство наше началось въ Императорскомъ Московскомъ Университетѣ, когда Михайлѣ Никитичу было около десяти, а мнѣ около семнадцати лѣтъ: ибо мы обучались въ семъ Университетѣ въ одно время, и притомъ случилось намъ ходить въ одни часы, почти во всѣ классы; какъ во время ученія нашего въ классахъ, не бывъ еще довольно знакомъ Михайлу Никитичу, снабжалъ я его нѣкими классическими тетрадками и переводами; то, по благосердечію его, я ему такъ понравился, что не преминулъ онъ меня рекомендовать достойнѣйшему родителю своему Никитѣ Артамоновичу; почему и пригласилъ онъ меня нѣкогда въ домъ свой для представленія ему. Его же превосходительство Никита Артамоновичъ, въ уваженіе просьбы достойнаго сына своего, предложилъ мнѣ, не соглашусь ли я жить у него и въ Университетѣ ѣздить вмѣстѣ съ Михайломъ Никитичемъ; на сіе я отвѣтствовалъ, что на казенномъ содержаніи живущіе ученики не имѣютъ права нигдѣ жить, какъ въ Университетѣ: ибо былъ я на казенномъ содержаніи, Михайла же Никитичъ на собственномъ; на что изволилъ онъ мнѣ отвѣчать, что сіе позволеніе выпросить отъ начальниковъ; я оставилъ сіе на его изволеніе. Словомъ, мнѣ сіе позволеніе безъ многихъ затрудненій изволилъ онъ исхотатайствовать. И такъ съ моимъ казеннымъ экнажемъ перешелъ я жить къ его превосходительству, препоручивъ себя во всемъ волѣ его. Почему и ѣздили мы въ Университетъ вмѣстѣ съ Михайломъ Никитичемъ: въ Университетѣ же обучались мы Французскому, Нѣмецкому и Латинскому язы-

камъ, Исторіи, Географіи и Математикѣ; дома же заданные уроки повторяли. И такъ изволите изъ сего усмотрѣть, что я не столько былъ учителемъ Михайлы Никитича, сколько сотоварищемъ его въ ученіи. При сихъ нашихъ домашнихъ упражненіяхъ весьма часто изволилъ бывать и слушать покойный родитель Никита Артамоновичъ, и сколько могъ я примѣтить, онъ былъ оными весьма доволенъ. У насъ время текло такъ, что мы не знали ни малѣйшей скуки. Въ ученіи, Михайла Никитичъ, будучи еще дитя, шелъ какъ исполнѣнъ; онъ не доволенъ былъ классическими книгами, но старался разбирать труднѣйшія сочиненія, особливо на Латинскомъ языкѣ. Вы сами, Ваше Превосходительство, можете сіе утвердить изъ найденнаго и мною представленнаго Михайлу Никитичу антика, гдѣ рукою его писано множество страницъ. Онъ былъ кротокъ и смиренъ; пріятелями онъ имѣлъ одного, или двоихъ одинакихъ лѣтъ и одинакихъ нравовъ; былъ весьма добродѣтеленъ: ибо ежели изъ бѣдныхъ просилъ кто у него милости, то отдавалъ онъ все, что у него было. Въ Университетѣ пробылъ Михайла Никитичъ не болѣе трехъ или четырехъ лѣтъ: потому-что, по возложенной отъ Правительствующаго Сената комиссіи на Никиту Артамоновича, надобно было ѣхать въ Архангельскъ, куда взялъ Никита Артамоновичъ съ собою и Михайлу Никитича; я же оставался въ Университетѣ. Разлучившись другъ съ другомъ такимъ образомъ, имѣли мы между собою переписку; изъ писемъ Михайлы Никитича видно было, что онъ занимался и тамъ, сколько время позволяло, ученіемъ Латинскаго языка. По окончаніи комиссіи Никитою Артамоновичемъ, и по отданіи отчета Правительствующему Сенату, Никита Артамоновичъ Сенатомъ былъ опредѣленъ въ Казенную палату въ Твери, а Михайлу Никитича изволилъ онъ оставить здѣсь въ Петербургѣ, для дѣйствительнаго служенія, которое онъ производилъ съ самаго начала въ Измайловскомъ полку. Я не упомяну, въ которое время, но заподлинно знаю, что Михайла Никитичъ слушалъ математическія лекціи у покойнаго Ейлера, Физику у г. Крафта; да кажется, токмо не помню когда, занимался ученіемъ нѣсколько времени и въ Тверской гимназіи. Въ разсужденіи языковъ, которые Михайла Никитичъ зналъ, то кажется, что онъ при небольшомъ пособіи учителей, самъ собою изучилъ, каковому успѣху весьма много пособствовалъ Латинской языкъ, которой онъ совершенно разумѣлъ; касательно Греческаго языка, въ коемъ Михайла Никитичъ положилъ весьма хорошія основанія, то для обученія его ходилъ изъ бывшаго греческаго корпуса одинъ грекъ, но я навѣрно

знаю, что онъ показалъ въ семъ языкѣ ему нѣкоторыя токмо начала; но Михайла Никитичъ самъ собою успѣхи сдѣлалъ, помощію Латинскаго языка, потому—что сей грекъ не долгое время ходилъ. Напоследокъ изданными въ свѣтъ разными своими сочиненіями, которыя, уповаю, непременно должны храниться у Вашего Превосходительства, учинился Михайла Никитичъ извѣстенъ Его Императорскаго Величества Двору, при которомъ добродѣтели его и достоинства возвели его на высочайшія мѣста.

Дѣйствительный Статскій Совѣтникъ и Кавалеръ Лабзинъ во время торжественнаго собранія, бывшаго въ Академіи художествъ сего 1807 года сентября 2 дня, о достоинствахъ Михайлы Никитича въ рѣчи, на сей случай имъ говоренной, между прочимъ упоминаеть:

«Наконецъ я долженъ, говорить онъ, упомянуть также, Милостивые Государи! и о потерѣ, которую претерпѣла Академія кончиною почетнаго своего любителя г. Тайнаго Совѣтника и Сенатора Михайла Никитича Муравьева. Любовь его къ наукамъ, дѣкательное покровительство учащимся и просвѣщенный вкусъ дѣкляютъ сію потерю для Академіи весьма чувствительною. Да будетъ воздана достойная слава памяти его! Кроткія качества души, кособливо отличавшія сего дѣстопочтеннаго мужа, извлекутъ не въ кодномъ семъ мѣстѣ глубокіе изъ сердець вздохи о сей потерѣ.»

Признательно Вашему Превосходительству донести я долженъ, что состраданіе мое не меньшее многихъ: ибо я въ Михайла Никитичъ лишился твердаго своего покровителя, но меня утѣшаетъ токмо то, что онъ не умеръ, но родился въ духовное царство, и дѣйствуетъ еще нынѣ, и вѣчно будетъ дѣйствовать надъ подобными ему душами, обитая по добродѣтелямъ своимъ въ Богѣ, вмѣстѣ съ дѣстопочтеннѣйшимъ богобоязненнымъ родителемъ своимъ Никитою Артамонычемъ. Да будетъ памяти его слава во вѣки.

Пребываю съ истинною приверженностію къ Вашему Превосходительству,

Милостивая Государыня!

всепокорнѣйшій слуга:

И. Р.

РУССКОЕ СЛОВО.

О слово русское! О мощная дружина
Души, исполненной небеснаго огня,
Ты молнія мечты, огней въ тебѣ пучина,
Какъ въ столкновеніи желѣза и кремня.
Какъ крѣпость русская, и ты неистоцимо,
Какъ славный русскій мечъ, ты лаврами хранимо,
И гордо спятъ въ землѣ огней твоихъ жрецы, —
Россіи доблестной безсмертныя пѣвцы!...

★

Какъ страшный океанъ порой ты носишь бури,
И пѣнишься, и рвешь, и смертію грозишь,
Но вдругъ утихнешь ты, и нѣжный блескъ лазури
Въ созвучіи своемъ волшебнo отразишь.
И въ-мигъ польешься ты отрадною струею,
Какъ майскій вѣтерокъ волна твоя легка,
Какъ дѣвы поцѣлуй вечернею зарею,
Какъ бабочки полетъ къ цвѣточку отъ цвѣтка.

★

И спорить кто бы сталъ, что юга стихъ сильнѣе,
Что Франковъ рѣчь милѣй, свободнѣе, звучнѣе,
Державина пошлю я *памятникъ* въ отвѣтъ,
Стихъ Пушкина пошлю, Языкова привѣтъ.
Я русскимъ словомъ гордѣ, люблю его стихію,
Она въ умѣ моемъ и сердца въ глубинѣ,
И только передъ ней склонивъ покорно вью,
Любоввицу души нашелъ я въ тишинѣ!...

Н. ГОРДАВЪ.

ТРОИСТВЕННОСТЬ.

Три могущества, три власти,
Бросилъ по свѣту Творецъ.
Съ ними въ мѣръ родились страсти,
Ими созданъ пѣвецъ.
Власть одна — въ груди зарыта,
Власть другую — черепъ скрылъ,
Третья власть — устами открыта, —
Ихъ Творецъ не раздѣлилъ.

Грянетъ искра, — пламя встаетъ,
И во слѣдъ имъ слышенъ громъ;
Вспыхнетъ чувство, — мысль проснется,
И глаголъ взлетитъ орломъ.
Трижды дунулъ Царь Небесный
На бездушное звено,
И свершенъ союзъ чудесный, —
Въ землю брошено зерно!

Съ той поры три власти въ мѣръ
Правятъ жизнью и судьбой,
И дано гремящей лирѣ
Възкъ господство надъ толпой.
Съ той поры пѣвецъ народный
Трижды славенъ предъ Царемъ,
Трижды славенъ умъ свободный
Предъ людьми и алтаремъ!...

Н. ГОРДАВЪ.

СУМЕРКИ.

Какъ сладокъ сумерокъ таинственный покой,
Когда все въ комнатѣ скрывается отъ взоровъ,
Когда сидишь одинъ и быстрою рѣкой
Струится мысль безъ разговоръ;
Когда прошедшее расправивъ паруса,
Ручей текущихъ дней и вспѣнить, и взволнуетъ,
И сердце вновь болить, и молить небеса,
И раны горькія надеждою врачуешь!
Мнѣ сладокъ этотъ часъ! Люблю я, грусти полной,
Тогда звукъ флигеля услышать надъ собой,
Какой-нибудь дѣвицы скромной,
Задумчивой и томной,
Живущей надо мной.

Воскреснуть въ этотъ мигъ мелькнувшія видѣнья
Моей промчавшейся весны,
И первая любовь съ порывомъ вдохновенья,
И всѣ плѣнительные сны!

Кто ты, незримая? Твой внятенъ сердцу голосъ,
Ты сладко царствуешь надъ мыслию моею,
Дитя ли ты еще?..
О, если ты дитя! люблю твой образъ милый,
И локоны кудрей вокругъ дѣтскаго чела,
И станъ склоненный твой надъ книгой у стола,
И бѣлый пальчикъ твой, замазанный въ чернила. —
Я все люблю въ тебѣ! Ты дышешь такъ легко,
Такъ малъ твой башмачекъ, такъ платье коротко,
Такъ ножкой бѣглою шалишь ты своевольно,
Что глядя на тебя, засмотришься невольно.

Ты учишься, дитя, волнуя грудь мою!
 Ты звуки счастья на душу мнѣ наводишь,
 Ты грустнаго меня съ ума порою сводишь!
 О, милое дитя! люблю я жизнь твою!...
 Но если дѣтскихъ сновъ уже промчались годы,
 И ты, незримая, желанье познаешь,
 И перси налились всей нѣгою природы,
 И блещетъ волосъ твой, и ты любовь поешь.—
 О! сколько есть тогда взаимныхъ обольщень,
 Для тихихъ нашихъ дней подъ кровлею одной!
 О! сколько общихъ наслаждень!
 Для нашей жизни молодой!...

Прости моимъ мечтамъ! я рабъ воображенья,
 Когда въ часъ сумрака звучать твои шаги,
 Когда мнѣ слышатся твои тѣлодвиженья,
 И легкій слѣдъ твоей ноги.
 О, спутница моя! живи же надо мною;
 Внимая шорохъ твой, я въ мысляхъ жадно пью
 Лобзанья прошлыя съ вечерней тишиною,
 И счастливыя и пою!...

Н. ГОРДАНЪ.

ПАПОРАМА ЖИЗНИ

АФРИКАНСКИХЪ КРЕОЛОВЪ.

—
М е р и.

I.

Десятаго іюня 1832 года корабль Индійской компаніи, *Мерзей*, плылъ, въ виду прибрежныхъ земель, прилежащихъ къ городу Портъ-Наталя, направляя путь свой къ Сентъ-Люси. Море было тихо и разстилось ровной, гладкой поверхностью, какъ садовая дорожка. Солнце исчезало съ горизонта, посылая землѣ сквозь тонкую дымку золотистыхъ облаковъ прощальный свой свѣтъ; въ воздухѣ не слышать было ни малѣйшаго вѣтерка. Паруса на кораблѣ и сверкашіе на немъ огни неслись спокойно, ни мало не колыхаясь. Мозамбикскій каналъ, казалось, лишился своихъ порывистыхъ вѣтровъ и теченій. Обстоятельство это вышло совсѣмъ наперекоръ предположеніямъ капитана и сильно озадачило его; пассажиры же, напротивъ, были очень рады тому и весело слѣдили взорами за всѣми видами, которые открывались имъ съ береговъ Африки, какъ будто бы плыли они въ пакетботѣ по Темзѣ, въ виду Гренвича и Гревсѣнда. Выгода сравненія упала однакожь на сторону африканскаго берега. Нѣтъ ничего въ свѣтѣ восхитительнѣе этой длинной живописной мѣстности, что тянется отъ Портъ-Наталя къ Зангебару.

Два пассажира, лѣниво развалившись на ютѣ, смотрѣли на видѣвшійся берегъ съ какимъ-то равнодушіемъ, явно обличавшимъ въ нихъ привычку къ морскимъ путешествіямъ и истощенное любопытство. Тотъ, что былъ помоложе, назывался Льеторъ Адриасень; ему пришлось въ двадцать пять лѣтъ испытать несносное бремя

нравственной старости, именно той, которая разбиваетъ въ прахъ все лучшія мечты и не даетъ въ замѣнъ того опытности. Рожденіе его покрыто было тайною, что довольно часто случается въ тѣхъ странахъ, гдѣ европейскія и индѣйскія породы сходятся и расходятся чисто по капризамъ богатства и праздности. Льеторъ Адриасень зналъ о своемъ отцѣ только по огромному наслѣдству, раздѣченному по самымъ богатымъ конторамъ въ Мадрассѣ, Батавіи, Капъ-Таунѣ и Цейланѣ. Къ его услугамъ были на этихъ четырехъ пунктахъ цѣлые сундуки піастровъ, и онъ, при своей креольской щедрости, дѣлалъ съ каждымъ днемъ все новые и новые проломы въ своихъ четырехъ рудокопняхъ, богатыхъ монетнымъ золотомъ. Недоконченное воспитаніе, неистовая страсть къ путешествіямъ, слишкомъ раннее наслажденіе богатствомъ были причиной, что этотъ молодой человѣкъ получалъ одинъ изъ тѣхъ неопредѣленныхъ характеровъ, управляемыхъ случайностью, которые составляютъ собственно отрицаніе всехъ извѣстныхъ характеровъ. Всякій его поступокъ, — дурной ли или хорошій, — зависѣлъ отъ чего-либо внѣшняго и внезапнаго; онъ былъ рабомъ всего, а самъ ни съ чѣмъ не могъ совладать; полонъ былъ, однакожъ, обворожительной вѣжливости во всехъ простыхъ отношеніяхъ и притомъ лишь тогда только, когда его самолюбіе и креольскіе капризы оставались въ покоѣ. Физиономія его представляла ту безпрестанную подвижность выраженія, которая такъ обща многимъ путешественникамъ, которые словно получаютъ на своихъ чертахъ отпечатокъ всехъ чудесъ, всехъ возможныхъ людей и странъ, встрѣчаемыхъ ими на пути.

Товарища его звали просто-за-просто Бернарденюмъ. Это былъ одинъ изъ числа тѣхъ умныхъ людей, которые, хотя обыкновенно разыгрываютъ изъ себя глупцовъ, но однакожъ не унижаютъ никого своимъ сообществомъ; одинъ изъ тѣхъ неугомонныхъ людей, помѣшанныхъ на надеждѣ составить себѣ огромное состояніе, которые, отправившись изъ какой-нибудь гавани съ небольшимъ узелкомъ, заключающимъ въ себѣ все ихъ достояніе, и съ сомнительными кредитивными письмами, рыскаютъ по морямъ, питаются постоянно надеждой—завтрашній день непременно обогатится страшнымъ образомъ: но претерпѣвающіе всякій разъ неудачи, постоянно утѣшаютъ себя превосходными прозками, увѣнчанными, въ пріятной дали будущаго,

неизбѣжными миліонами. Въ настоящее время, Бернарденъ задумалъ пообобрать благороднымъ образомъ Льетора Адриасена, котораго онъ встрѣтилъ въ Капъ-Таунѣ. Въ двадцать восемь лѣтъ, Бернарденъ зналъ уже хорошо людей, и, съ помощію проницательнаго и пронырливаго ума, умѣлъ извлекать денежную выгоду изъ всякаго рода отношеній; но постигнувъ также въ совершенствѣ самого себя, что весьма рѣдко дается наблюдательнымъ натурамъ, и боясь опасныхъ положеній, въ какія часто повергаетъ опрометчиво соскочившее съ языка слово, онъ старался пріобрѣсти себѣ недостатокъ въ выговорѣ, именно, заиканье, и довелъ его наконецъ до того, что оно стало у него ни дать — ни взять, какъ природное. Вооруженный этимъ спасительнымъ средствомъ, Бернарденъ слушалъ обыкновенно своего собесѣдника съ разбѣяннымъ, повидимому, вниманіемъ, вытягивая изъ себя слова страшно протяжными слогами, а между тѣмъ разбирая по косточкамъ мысль его, и когда, какъ казалось ему, онъ угадывалъ совѣтъ, котораго добивался собесѣдникъ, то высказывалъ его, съ страшнымъ усиленіемъ побѣдить заиканье. Это еще не все! Бернарденъ, надѣливши себя этимъ ораторскимъ недостаткомъ, сообщилъ своему голосу, само собой разумѣется, все, что есть тяжелаго и раздражительнаго для уха и нервъ чловѣка. Тутъ—то по настоящему представился было нѣкотораго рода камень преткновенія. Вообще всякій ловкій чловѣкъ, желающій добывать монетную руду изъ состоянія ближняго, можетъ скорѣе всего успѣть въ этомъ подлѣ нервныхъ организацій. Бернарденъ смекнулъ съ самаго начала, что ему нельзя будетъ продолжать на долго свое знакомство съ богачами креолами, если станетъ поминутно терзать имъ уши звуками, лишенными всякой гармоніи; но, съ помощію упражненія, непредвидѣннаго Демосеевомъ и долгое время дѣланнаго передъ зеркаломъ, онъ дошелъ до мелодическаго заиканья, смягченнаго сверхъ того обворожительнымъ выраженіемъ лица и пріятнымъ взглядомъ, просившимъ какъ будто бы извиненія за природный и столь несчастный недостатокъ въ языкѣ.

Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ Адриасена и Бернардена, двое еще какихъ—то пассажировъ разсматривали все Натальскій берегъ въ отличную подзорную трубку англійской работы, и какъ—то слу-

чилось, что они пришли въ такой сильный восторгъ, что Бернарденъ поднялся съ мѣста и жестомъ и нисколько непонятнымъ заканьемъ попросилъ, чтобы допустили его взглянуть въ трубку, на что тѣ тотчасъ же согласились. Бернарденъ приставилъ инструментъ къ бортовымъ миттельсамъ, взглянулъ, и махая лѣвою рукою Льетору Адриасену, давалъ знать, чтобы онъ шелъ скорѣе къ нему.

Молодой креоль поднялся нехотя, потянулся, какъ бы желая сбросить съ себя одолевшую его лѣнь, и пошелъ съ видомъ человѣка, который дѣлаетъ это такъ, отъ нечего дѣлать, а не то чтобы изъ-за подстрекнутаго любопытства. Бернарденъ передалъ ему трубку, проговоривши съ разстановкою: По...смо...три...те...ка!

Оптическія стекла такъ хорошо приближали берегъ, что ни одна мелочь въ картинѣ не ускользала отъ глаза: все, казалось, было такъ близко, что можно было бы ухватить рукою.

Сообщество человѣка и природы не создавало еще ничего подобнаго, что могло бы очаровать въ такой степени зрѣніе! На самомъ концѣ перспективы возвышался домъ, выстроенный во вкусъ англо-китайской архитектуры, съ безчисленнымъ множествомъ красивыхъ кіосковъ, балконовъ и бельведеровъ, украшенныхъ цвѣтами и вьющимися растеніями. На крыльцѣ сидѣли молодыя дѣвушки самой красивой африканской породы и занимались вышиваньемъ; стадо Мадагаскарскихъ быковъ оживляло нѣсколько волнистую лужайку, орошаемую небольшою рѣчкой; страшными массами возвышалась повсюду зелень, охваченная со стороны заката яркимъ свѣтомъ, и темная какъ ночь съ другой стороны. У самаго берега моря сидѣла молодая и прехорошенькая женщина со всей полной и свободной граціей креолки, подъ балдахинномъ изъ пальмовыхъ деревьевъ, и слушала съ улыбкою молодаго человѣка, рвавшего какіе-то пышные цвѣты и сплетавшаго изъ нихъ вѣнокъ. Подлѣ этой группы, превосходный черный слонъ игралъ съ двумя маленькими неграми, и по временамъ протягивалъ свой хоботъ къ плечамъ молодой женщины, въ ожиданіи отъ нея ласки. Вся картина освѣщена была чистымъ, лучезарнымъ свѣтомъ первобытнаго состоянія, и она находилась довольно далеко отъ колоніи Портъ-Наталя, такъ-что представляла всю прелесть тихаго, безмятежнаго одиночества, какъ словно какой-нибудь оазисъ въ пустынѣ.

Льеторъ Адриасень, казалось, вышелъ изъ своего апатичнаго состоянія, и, благодаря тихому ходу корабля, могъ разглядѣть каждую мелочь, въ этой очаровательной картинѣ. Въ это время между-тѣмъ одинъ изъ пассажировъ, принадлежавшій, повидимому, къ числу тѣхъ людей, которые знаютъ все и составляютъ, такъ сказать, живыя лѣтописи для путешественника, говорилъ такимъ образомъ: «Мнѣ очень хорошо извѣстенъ этотъ Натальскій берегъ; я продавалъ какъ-то раковины и драконову кровь въ тамошней колоніи. Вонъ домъ такъ называемаго *Натальскаго рал*. Мнѣ случилось прошлый мѣсяцъ побывать тамъ нѣсколько часовъ, потому-что со мной были разные товары. Тамъ вѣдь никогда никого не принимаютъ. Владѣлецъ этой земли человекъ очень богатый: ему досталось по смерти дядюшки двѣсти тысячъ піастровъ, которые тотъ приобрѣлъ на островѣ Борнео, торговавши золотымъ пескомъ. Племянничекъ же отродясь ничѣмъ не занимается. Это истый креоль: живетъ одинъ, друзей никого не имѣетъ, водится съ одними своими чернокожими, и если отворяетъ иногда къ себѣ дверь, то развѣ для того, чтобы впустить какого-нибудь разнощика товаровъ изъ Натальской колоніи. Иные говорятъ, что онъ будто бы страшно ревнивъ, другіе увѣряютъ, что онъ поклялся жить отшельникомъ; попадались и такіе, что старались убѣдить меня, что будто бы дядя его помѣстилъ отдѣльнымъ пунктомъ въ своемъ завѣщаніи то, что запрещаетъ ему имѣть друга. Женщина, что вы видите подлѣ него, — молодая креолка съ Суматры; ей за двадцать лѣтъ. Я продалъ ей китайскаго крепу, ожерелье изъ жемчуга и головной уборъ изъ коралловъ. У меня есть и счетъ на сто двадцать піастровъ. Я долженъ по немъ получить деньги съ Луи Собе, портъ-натальскаго банкира. Такая ужъ странность у этихъ богачей креоловъ; они никогда не платятъ наличными. Вся ихъ казна находится у банкира. Скверная система! нечего сказать, очень скверная!»

Эта житейская болтовня торговца какъ-то странно звучала въ виду этой обворожительной мѣстности, заключавшей въ себѣ въ эту минуту всю поэзію любви и природы; но молодой Льеторъ Адриасень, казалось, слушалъ его съ большимъ вниманіемъ, не оставляя однакожь своего поста и трубки. За долго ужъ послѣ

того, какъ исчезъ послѣдній свѣтъ сумерекъ, Адриасенъ подошелъ наконецъ къ Бернардену и сказалъ:

— Видано ли что-нибудь лучше этого *Натальскаго рая*?

— Ни...ког...да, — отвѣтилъ тотъ, корча губы, — это пре...

— ...восходно, подхватилъ Льеторъ, — да... вотъ наконецъ попалъ на вещь, которая завлекла меня.

— И меня то... же.

— Если-бъ эта земля продавалась, то я непременно купилъ бы ее.

— Все про...да...ет...ся.

— Да, точно, все продается; но это цѣнная вещь, не скоро сойдешься въ цѣнѣ.

— Чер...ный слонъ оч...ччень... хо...рошь.

— О, о! стоитъ думать о черномъ слонѣ!... Хорошо-ли разглядѣлъ ты ту женщину?

— Да, го...раз...до луч...ше сло...нна.

— Чортъ тебя возьми, что ты говоришь? сумасшедшій!

— Это у ме...ня не...до...ста...токъ въ я...зы...кѣ.

— Такъ вслѣдствіе этого недостатка что-ли ты дѣлаешь такія сравненія!... Право же, Бернарденъ, если бъ ты мнѣ не доказалъ столько разъ своей преданности въ трудныхъ обстоятельствахъ, то я тебя давно бы высадилъ на какой-нибудь необитаемый островъ, чтобъ только избавиться отъ тебя. Ты разстроиваешь мнѣ жестоко нервы. Къ чему тебѣ этотъ умъ, когда ты не можешь свободно выражать свои мысли?... Знаешь ли, вѣдь очень тяжело жить съ человѣкомъ, когда приходится каждую минуту доказывать его фразы?

Бернарденъ принялъ умоляющій видъ и принялся было за извиненіе; но не могъ вытолкнуть изъ себя ни одного слова. Льетору стадо вдругъ жаль его и онъ протянулъ ему руку.

— Послушай, сказалъ онъ ему потомъ дружескимъ тономъ, — знаешь ли, кто этотъ пассажиръ, что толковалъ такъ глупо о своей торговлѣ, по поводу этой Натальской земли?

— Нѣтъ..., да... а...

— Какимъ образомъ, нѣтъ и да?

— Если вамъ у...год...но, чтобъ я е...го...

Тутъ онъ сдѣлалъ невозможныя усилія, чтобъ окончить фразу; Льеторъ Адриасень помогъ ему:

— Такъ, если мнѣ желательно, чтобъ ты его зналъ, то узнаешь?

Бернардень кивнулъ головой, при чемъ лицо его озарилось самою простодушною улыбкою.

— Ну, такъ я непременно хочу, чтобъ ты узналъ его....

— Узнаю.

— Догадываешься ли, за чѣмъ?

Бернардень поднялъ глаза къверху, какъ бы желая поймать только-что улетѣвшую изъ головы мысль, и вскорѣ же отвѣтилъ:

— Да...; кажется, угадалъ.

Съ этихъ поръ мы перестанемъ обозначать syllabicескія записанія поддѣльнаго заиканья Бернардена.

— Въ такомъ случаѣ, Бернардень, ты очень уменъ!

— Я, — возразилъ Бернардень съ униженнымъ видомъ, — я изъ всѣхъ силъ бьюсь, чтобы быть полезнымъ моимъ друзьямъ. Будь я уменъ, я былъ бы богатъ, а у меня ни гроша нѣтъ.

— Ты же однакожь часто угадываешь мои мысли.

— Что жь! это происходитъ вслѣдствіе моей привычки къ вамъ.

— Теперь, я предоставляю тебѣ дѣйствовать; что жь ты станешь дѣлать?

— Предоставьте только мнѣ дѣйствовать, — останетесь довольны.

— Вотъ видишь, понялъ меня.

Бернардень подошелъ какъ бы случайно къ тому пассажиру, которому такъ хорошо знакомы были Портъ-Натальскія окрестности, вступилъ съ нимъ въ разговоръ и выслушалъ, съ примѣрнымъ самоотверженіемъ, длинную рѣчь объ индійской торговлѣ.

— Хотите вы имѣть дѣла на индо-китайскихъ рынкахъ, — сказалъ ему тотъ всевѣдущій пассажиръ въ заключеніе своей рѣчи, — то выбирайте умѣючи ваши товары. Имѣйте всегда цѣлые тюки самыхъ выгодныхъ товаровъ, такъ напримѣръ: сахару малайскаго и сіамскаго; перцу съ Суматры; какъ можно больше рангунскаго и бенафулійскаго рису; индиго бенгальскаго; олова

малаккского; кофе филиппинского; сахару съ Малайского полуострова. Это самыя лучшія статьи. Можете еще запасться въ Бокка-Тигрисъ лучшими китайскими *самсу* (*samsous*). Доставьте кстатѣ тоже *янъ-тсиу* (*yang-tsiou*), самыя лучшихъ сортовъ; это наиболѣе предпочитаемый напитокъ, въ особенности же тотъ, что готовится въ Фуэнь-чу-Фо, въ провинціи Шан-си. Послушайте моихъ совѣтовъ, и не будете раскаяваться.

Бернарденъ пробормоталъ ему, заикаясь, что-то въ родѣ благодарности, и изъявилъ желаніе имѣть нѣсколько значительныхъ векселей на жителей Портъ-Натала, въ замѣнъ англійскаго золота. Эта услуга была такого рода, что нельзя было отвергнуть ее; торговецъ Ноэль Белла д'Антибъ открылъ свой бумажникъ и предложилъ Бернардену порядочное количество векселей, и между прочими вексель на владѣльца *Натальскаго рая*, въ пятьсотъ девяносто франковъ. Бернарденъ съ большимъ удовольствіемъ взялъ ихъ, въ особенности послѣдній, и попросилъ Льетора Адриасена, котораго онъ выдалъ за своего товарища по торговлѣ, отсчитать слѣдующую сумму монетою.

Настала ночь. Небо покрылось звѣздами. Поднялся легкій, свѣжій вѣтерокъ. Пассажиры удалились въ каюты. Льеторъ Адриасенъ пожалъ руку Бернардену и сказалъ:

— Начало очень хорошо! теперь надо преслѣдовать цѣль до конца.

Бернарденъ сдѣлалъ знакъ головою, ясно говорившій: Будьте покойны, довѣрьтесь только мнѣ.

Если два умныхъ человека замышляютъ сдѣлать что-нибудь преступное, то они могутъ на много поэкономничать словами и идти къ цѣли своего предпріятія молча. Слова подчасъ портятъ все дѣло, а особливо когда слишкомъ много ушей окружаютъ соумышленниковъ.

У насъ, въ холодной, разсудительной Европѣ, огромное богатство нашло довольно замысловатую манеру наслаждаться и беречь притомъ свое золото; оно всего жаждетъ и ничего не покупаетъ, довольствуясь тѣмъ, что постоянно твердитъ само-себѣ: Если я пожелаю имѣть такую-то вещь, то мнѣ ничего не стѣбитъ приобрести ее! Въ этомъ систематическомъ лишеніи есть своего

рода удовольствіе, и притомъ еще не разорительное. Есть, кажется, возможность жениться на какой-нибудь молоденькой, очень хорошенькой, но очень бѣдной дѣвушкѣ, а между тѣмъ продолжаютъ вести холостую жизнь; человѣкъ можетъ имѣть великолѣпный экипажъ, а между тѣмъ ходить все пѣшкомъ; могъ бы приобрести отличный загородный домъ, а все-таки живетъ въ городѣ. Стало быть, у насъ сберегаютъ свою свободу холостую жизнью, а золото тѣмъ, что отказываютъ себѣ во всемъ. Наслажденіе, какое доставляетъ эта постоянная воздержность, становится для насъ выше наслажденія — обладать самимъ предметомъ нашихъ желаній. Вся жизнь проходитъ въ томъ, что твердятъ: «Если бы я захотѣлъ только!» Говорили бы пожалуй: «Хочу во что-бы-то-ни стало», если бы только можно было поручиться, что мы будемъ живы завтрашній день. Манера должна быть хороша и удовлетворительна по себѣ, потому-что столько людей слѣдовали и слѣдуютъ ей; все, что вамъ даютъ въ замѣнъ вашего золота, не стоитъ никогда по настоящему отданныхъ вами денегъ. По этому-то золото берегутъ. И вотъ вамъ блаженство этихъ такъ называемыхъ счастливецевъ! У креоловъ совсѣмъ иное понятіе о наслажденіи; лучше ли оно или хуже?—мы не беремся разрѣшать этого вопроса. Праздность, скука, одиночество, климатъ разжигаютъ въ богатомъ креолѣ непомерныя страсти, прикрытыя обыкновенно страшною нѣгой и лѣнью. Тутъ ужъ золото не цѣнится, а важенъ только обмѣнъ. Наслажденіе глазами, желаніе, обладаніе вспыхиваютъ разомъ; препятствіе здѣсь не только раздражаетъ, но можетъ довести до бѣшенства, и ожиданіе, хоть не больше часу, гнететъ и представляется вѣчностью. Для него всякая минута, которая не приноситъ ему наслажденія, даромъ протекшій вѣкъ; зарытое богатство—то же, что камень; всякій день, дожидаящийся слѣдующаго дня,—въ высшей степени изнурительная лихорадка.

Молодой Льеторъ Адриасенъ былъ изъ числа этихъ, быстро и сильно-воспламеняющихся креольскихъ натуръ, способныхъ одинаково какъ на добро, такъ и на зло, смотря по тому, какое направленіе получаютъ ихъ страсти отъ воспитанія, — хорошее или дурное. Онъ уже зналъ, добивался и находилъ много кой-чего, въ томъ еще возрастѣ, когда страсти только-что пробуждаются; онъ

уже требовалъ отъ жизни больше, чѣмъ она могла дать ему, потому-что размѣры человѣческаго счастья не Богъ знаетъ какъ обширны, а язву пресыщенія не излечить и полное обладаніе перувианскимъ золотомъ. Вотъ теперь пустился онъ по морямъ отыскивать чего-либо новаго, неизвѣстнаго, напалъ, кажется, на него и совѣмъ готовъ ужъ одной рукой ухватиться за него, а другой бросить деньги; за цѣной дѣло не станетъ. Въ самый лучший часъ дня, какой-то чудный миражъ явился словно изъ тихихъ водъ океана на усладу пассажировъ корабля; видѣніе овеществляется: принимаетъ образъ, духъ, поэзію; грезившійся идеалъ превращается въ дѣйствительность; да это—блаженство, раскрывающееся со всею первобытною чистотою, свѣжестью райскихъ очарованій. Молодой креоль Льеторъ, впавшій было совѣмъ въ апатію, оживаетъ передъ этой картиной; онъ чувствуетъ, какъ у него оцущеніе сильнымъ напоромъ подступило подъ самое сердце; мигомъ явилась у него мысль, что на этомъ берегу онъ найдетъ непременно то блаженство, по которомъ такъ тосковала его душа. Онъ рѣшается во что бы то ни стало вкусить его. Чего, чего онъ не видалъ до этой минуты, — и ничто не взволновало его; проѣзжалъ онъ мимо живописныхъ, чудесныхъ развалинъ Явы, былъ въ нагодахъ, высѣченныхъ въ огромныхъ горахъ, бродилъ по дѣвственнымъ лѣсамъ дикаго острова, посѣщалъ базары, отражающіе въ себѣ весь блескъ пышной Азіи, слонялся по рынкамъ, на которыхъ продаются невольницы, проникалъ въ роскошные гаремы султановъ и эмировъ, въ дворцы набобовъ, повиснувшіе надъ заливами чисто жемчужныхъ водъ, бывалъ на горахъ, гдѣ цѣлыя скалы, казалось горѣли, усыпанныя кораллами, или гдѣ лучи солнца играли съ алмазами, вызывая изъ нихъ самыя причудливыя и ослѣпительныя искры блеску; видѣлъ онъ все, что можетъ поразить человѣка, и никогда не случалось, чтобы вырвались у него слова: «Вотъ здѣсь-то нужно бросить якорь»; но на этотъ разъ, онъ хочетъ наконецъ остановить свой путь, потому-что неожиданная слеза увлажнила его рѣсницы, при видѣ невыразимо-очаровательной мѣстности Натальскаго берега.

Все время, пока послѣдній лучъ солнца или фосфорическій свѣтъ сумерекъ освѣщалъ море, молодой креоль не сводилъ глазъ

съ этого чуднаго берега; онъ слѣдилъ со вниманіемъ за постепенными измѣненіями свѣта на верхушкахъ деревь, на серебристомъ песку, устилавшемъ берегъ, на рыввинахъ, видѣвшихся кое-гдѣ на долинѣ; а когда настала ночь, то онъ долго еще смотрѣлъ на звѣзду, которая, казалось, вѣнцомъ сіяла надъ той обворожительной мѣстностью, накрывшейся уже совсѣмъ ночью мглою. Подлѣ Льетора сидѣлъ одинъ человекъ, который все наблюдалъ за нимъ и не упускалъ изъ виду не только ни одного движенія, но даже ни малѣйшей мысли молодаго креола. То былъ его другъ, — Бернарденъ.

На индійскихъ моряхъ, прекрасныя ночи позволяютъ пассажирамъ бодрствовать или спать на палубѣ. Льеторъ сѣлъ подлѣ мачты, и, сдѣлавши знакъ Бернарденту, чтобы онъ занялъ мѣсто подлѣ него, сказалъ ему:

— Мы ляжемъ спать, какъ солнце взойдетъ. Ночь отличная, звѣздная, пободруедемъ и потюкуемъ межъ собой вполголоса. У мачты тоже есть уши подъ парусами.

— Дозора нѣтъ здѣсь, — проговорилъ Бернарденъ; матросы всѣ тамъ, на кормѣ. Мы совершенно одни, и можемъ теперь говорить свободно. Я ужъ обошелъ дозоромъ всю палубу.

— Долго ты разговаривалъ съ тѣмъ пассажиромъ?...

— Да, Нозль Белла...

— Вѣдь это дуракъ, не такъ ли, Бернарденъ?

— Да, маленько глушь.

— Ты его, конечно, разспросилъ о натальскомъ берегѣ?

— Да; такъ что жь я оплошалъ что ли?

— Нисколько; напротивъ, сдѣлалъ что слѣдовало, въ особенности же, если разспросилъ умѣючи, съ осторожностью.

— О! на этотъ счетъ будьте покойны, я мастеръ своего дѣла.

— Съ какой же цѣлью ты разспросилъ его о томъ берегѣ?

— Такъ, изъ любопытства.

— Лжешь, Бернарденъ.

— Да, дѣйствительно лгу.... я имѣлъ при этомъ въ виду быть вамъ полезнымъ.

— Наконецъ—то!

— Вы хотѣли имѣть его вексель въ пятьсотъ девяносто франковъ, я тотчасъ смекнулъ это, и въ то же время понялъ,

что вамъ желательно имѣть и больше. Привычка жить съ вами научить разуму.

Бернарденъ часто повторялъ эту фразу Льетору, съ нѣкоторыми иной разъ измѣненіями.

— Ну такъ скажи, что жь ты узналъ хорошаго и полезнаго для меня?

— Очень мало.... Этотъ Нозль Белла имѣетъ слабость толковать часъ цѣлый о неинтересныхъ вещахъ и одну минуту кой-о-чей, въ самомъ дѣлѣ интересномъ. Чтобы вырвать у него дѣльное хорошее слово, надо папередъ проглотить порядочный грузъ ндаго, кофе, рису, а когда онъ пустится въ эту галиматью, такъ нѣтъ никакихъ средствъ остановить его.

— Во всякомъ случаѣ, извѣстно ли теперь намъ имя владѣльца той земли? — спросилъ Льеторъ.

— Имя его должно быть обозначено въ векселѣ.

— Ахъ! и въ самомъ дѣлѣ... я еще не прочелъ вексель-то.

— Зовутъ его Морисъ Саверни, родомъ онъ креоль-французъ, племянникъ извѣстнаго богача Ланье.

— А! такъ онъ французъ, — произнесъ Льеторъ съ принужденной улыбкой.

— Да, — возразилъ Бернарденъ, но французъ только по случаю, по имени, французъ, нисколько не опасный; тихій какъ португальскій голландецъ; такой французъ, что не занимается охотой, не поетъ, не танцуетъ, даже не смѣется. Французъ, воспитанный двумя англичанами. О! будь это французъ настоящій, вотъ какъ ихъ пропасть встрѣчаешь въ Бенгалѣ, тогда другое дѣло, и я бы вамъ не совѣтовалъ завязать съ нимъ дружбы.

— Чортъ тебя знаетъ, Бернарденъ! — сказалъ, смѣясь, Льеторъ; откуда ты взялъ, что будто я хочу сойтись съ нимъ по-пріятельски?

— Я только плохо выразился, но хорошо понимаю вашу мысль, — отвѣтилъ Бернарденъ съ умною, но злобною усмѣжкою. Вы, конечно, догадались, что женщина та не есть законная его жена....

— А! — прервалъ Льеторъ, — такъ, стало быть, онъ не женатъ?

— Такъ же женатъ, какъ мы съ вами... Та женщина, которую вы видѣли подлѣ него, старая его невольница...

— Что ты вздоръ—то несешь? Какъ старая невольница, когда ей вѣдь ли еще есть двадцать лѣтъ?

— Ну такъ чтожъ! стало быть, вотъ ужъ двадцать лѣтъ, какъ она невольница. Молодая какъ женщина, старая какъ невольница; кажется, я выражаюсь, какъ слѣдуетъ.

— И этотъ Морисъ Саверни станеть дѣлать невольницѣ подарки во сто пиастровъ, — проговорилъ съ удивленнымъ видомъ Льеторъ; — этого быть не можетъ! Надъ тобой вѣроятно потѣшились, рассказавши вмѣсто истины индійскую сказку.

— А! такъ вы, стало быть, не знаете французовъ? Если бы вы видѣли, какимъ хохотомъ они разражаются надъ тѣмъ, что называютъ они креольскими предрасудками! Я зналъ многихъ французовъ, женившихся на своихъ невольницахъ.

— Бернарденъ, ты просто, мнѣ кажется, демонъ. Во всѣхъ твоихъ словахъ нѣтъ и тѣни обыкновеннаго смысла, а между тѣмъ они производятъ на меня какое-то странное, тревожное впечатлѣніе.

— Чему я и радъ очень, — сказалъ Бернарденъ съ превосходнымъ добродушіемъ. Думаете вы, что мнѣ пріятно видѣть, какъ вы гибнете мало-по-малу отъ скуки, въ эти лѣта, съ такимъ умомъ, съ такимъ состояніемъ, съ такими дарованіями?

— Но, — прервалъ Льеторъ, если ты надуваешь меня такимъ наглымъ образомъ и собственно для того только, чтобъ возбудить во мнѣ жизнь, то ты не достигнешь своей цѣли; если ты только думаешь увлечь меня какимъ-то чуднымъ сновидѣніемъ, то я, пробудившись, превращусь въ самага свирѣпаго звѣря и разтерзаю тебя на части. Ну такъ говори всю правду, откуда ты добылъ всѣ эти подробности насчетъ той земли? Меня что-то беретъ подозрѣніе, что ты все это выдумалъ. Точно ли все это сообщилъ тебѣ пассажиръ Нозль Белла?

— Увѣрю же васъ, м-г Адриасень.

— Это онъ тебѣ сказалъ, что Морисъ Саверни французъ только по имени и что будто бы хочетъ жениться на своей невольницѣ?

— Онъ не сказалъ мнѣ этого прямо, — возразилъ Бернарденъ съ простодушнымъ видомъ, — но далъ мнѣ это понять.

— Знаешь ли, Бернарденъ, что съ нынѣшняго дня я съизнова

начинаю жить, что во мнѣ затаилось что-то серьезное, страсть, можетъ быть, и что твоя ложь способна убить меня?

— Все это ужъ я понялъ, — возразилъ Бернарденъ; привычка жить съ вами научила...

— О! надоѣлъ ты мнѣ съ этой фразой! — прервалъ Льеторъ; ниѣй ее пожалуй постоянно въ головѣ, но, ради Бога, не повторяй вслухъ.

— Хорошо! — проговорилъ Бернарденъ; такъ дѣло слажено. Предоставьте только мнѣ дѣйствовать и мы проникнемъ въ *Натальскій рай!*

— Смотри, не потеряй вексель-то въ сто двадцать пиастровъ.

— Онъ вотъ здѣсь у меня, подъ кушакомъ, да еще приколотъ четырьмя булавками. Это паспортъ для моего пропуска къ ревнивому креолу. Видите, какъ я хорошо управляю кораблемъ.

— Да, но главное, постарайся поскорѣе добраться до гавани, понимаешь ли, Бернарденъ?

— Не безпокойтесь, будемъ тамъ, м-г Адриасень.

— Теперь оставь меня въ покоѣ; я намѣренъ спать вполоть до Сентъ-Люси, и мечтать во снѣ о *Натальскомъ раѣ*.

— Я такъ пободрствую и обдумаю этииъ временемъ свои планы.

— Бернарденъ, если только дѣло наше увѣнчается успѣхомъ, то я не останусь неблагодарнымъ.

— О! я васъ знаю, м-г Адриасень; я человекъ очень бѣдный, и потому нуждаюсь въ признательности своихъ друзей.

— Ты бываешь умевъ, Бернарденъ, всякій разъ, какъ только пожелаешь.

— Буду желать этого какъ можно чаще, м-г Адриасень, если мой умъ можетъ доставить вамъ хоть какую-нибудь пользу.

— Бернарденъ, доставь мнѣ счастье, и я обогачу тебя.

— Себѣ-то вы берете самую легкую роль, м-г Адриасень; но все равно, я попытаюсь.

Льеторъ заснулъ вскорѣ на тукѣ осмоленнаго полотна. Бернарденъ пошелъ тихими шагами къ кормѣ, прислонился къ кабестану, скрестилъ руки и погрузился въ серьезные размышленія, отогнавшія отъ него сонъ до самаго разсвѣта.

II.

Прибрежная земля, получившая отъ перваго своего владѣльца, англичанина, названіе *Натальскаго рая*, обратилась, въ рукахъ втораго владѣльца, Мориса Саверни, въ настоящій эдемъ. Тутъ можно было наслаждаться, въ самый полдень, когда пылалъ невыносимый жаръ, той упоительной, сладостной прохладой, какую доставляютъ густо-разросшіяся деревья и воды жаркихъ климатовъ. Жилище, казалось, выстроено было изъ одного куска огромнаго красноватаго камня; вокругъ него красовался двойной рядъ рѣшетокъ изъ сандалнаго дерева, а изъ-за нихъ рѣзко выказывалось шесть кіосковъ, убранныхъ занавѣсками изъ нанкинскаго крепу. Роскошная фантазія молодаго колониста создала вокругъ этого жилища изъ растительнаго царства цѣлый лабиринтъ галерей, залъ, корридоровъ, ротондъ, крестовыхъ рощъ, наполненныхъ нѣжными благоуханнымъ ароматомъ маньолій и янговъ, орошенныхъ рѣчками, фонтанами и каскадами, свѣжія воды которыхъ текли въ чудесной тѣни, подобной тихому вечернему свѣту. Множество превосходныхъ птицъ добровольно поселились въ этомъ лиственномъ дворцѣ, и ничего не могло быть для слуха и для души пріятнѣе этого концерта сокрытыхъ пѣвцовъ, этой постоянной мелодіи, превосходно переливавшейся въ воздухѣ, при журчаніи водъ и при торжественномъ говорѣ близъ лежащаго моря, и притомъ еще говорѣ Индійскаго океана.

Но эти великолѣпныя деревья, эти тропическіе цвѣты, эти источники свѣжихъ водъ, этотъ величественный шумъ океана, всё эти чудеса могучей африканской природы не значать ровно ничего, если чистая любовь и христіанская вѣра не придадутъ имъ жизни, души, какой-то тайной прелести и очарованія. Въ кругу этой очарованной природы жили два существа, — мужчина и молоденькая женщина, на которыхъ уже намъ привелось взглянуть мимоходомъ, когда неожиданно случившееся тихое плаваніе выдало пассажирамъ *Мерсея* сокровенныя тайны *Натальскаго рая*. Въ эту же минуту, о которой мы намѣрены рассказывать, молодой колонистъ и жена его вкушаютъ свѣжесть тѣхъ искусственныхъ сумерекъ въ своемъ лиственномъ лабиринтѣ, при свѣтѣ заслоненнаго отъ нихъ солнца,

обжигающаго верхушки деревь и крышу дома. Морисъ читаетъ вслухъ сочиненіе Бернардена де Сень-Пьерра, *путешествіе вокругъ Иль де-Франса*, и послѣ одного сильнаго, трогательнаго мѣста, молодая женщина останавливаетъ чтеніе мужа и говоритъ ему:

— Вотъ превосходное описаніе, Морисъ; я словно вижу отсюда этотъ уголокъ скаль, окруженный морями, о которомъ говоритъ авторъ. Какой дикій и виѣсть съ тѣмъ смѣющийся видъ! какъ это все хорошо прибрано одно къ другому! разноцвѣтныя раковины и морскіе цвѣты видѣются со дна этой чистой, прозрачной воды. Если-бъ у насъ было что-либо подобное, я бы непременно каждый вечеръ, послѣ заката солнца, купалась въ такой водѣ.

— Элора, другъ мой, сказалъ Морисъ съ прискорбіемъ, — больше ничего не буду читать тебѣ.

— Да отчего-жь, Морисъ, — спросила молодая женщина съ улыбкою, которая пробилась и засіяла, словно лучъ солнца изъ-подъ волнъ ея золотистыхъ волосъ.

— Отъ того, что меня терзаютъ всѣ твои желанія; отъ того, что всякое чтеніе возбуждаетъ въ тебѣ охоту къ путешествіямъ. Элора, повѣрь мнѣ, что путешествовать значитъ критиковать свое жилище.

— О! что за мысль, Морисъ! вѣдь другіе-же путешествуютъ.

— И они критикуютъ свой уголъ.

— Стало быть, Морисъ, мы никогда не отправимся съ тобой взглянуть на этотъ островъ Иль де-Франсъ, на которомъ жили Павелъ и Виргинія, или на островъ Бурбонъ, который, говорятъ, такъ хорошъ, что представляется настоящимъ раемъ?

— Нѣтъ, Элора, никогда... Знаешь-ли, что на свѣтѣ дѣйствительно прекрасно? Небо, солнце, океанъ, нашъ домъ да ты; все остальное меркнетъ передъ этимъ.... Выслушай, моя милая.... Ты доставила мнѣ минуту грусти.... тяжелой грусти....

— Что такое? — воскликнула внезапно съ волненіемъ молодая женщина.

Она живо поднялась, подошла къ мужу, взяла съ нѣжностью за обѣ руки, и слеза блеснула на ея прекрасныхъ, какъ сафиръ, глазахъ.

— Я хочу припомнить тебѣ былое, — возразилъ Морисъ; то было въ прошломъ мѣсяцѣ, сидѣли мы на берегу моря и смотрѣли

другъ на друга: вечеръ былъ дивный; сердце мое разрывалось отъ наслажденія, я молчалъ, боясь словомъ, звукомъ, нарушить неизъяснимое блаженство той минуты...

— Ну? — спросила молодая женщина, встревоженная внезапною остановкою мужа.

— Погоди... — началъ опять Морисъ съ сдерживаемымъ усиленіемъ. Море было тихо, какъ бассейнъ этого фонтана... корабль показался передъ нами, но такъ близко отъ берега, что можно было прочесть его имя, которое было написано у него на кормѣ золотыми буквами... Ты перестала смотрѣть на меня... а я, я все смотрѣлъ на тебя... Разсѣпаніе твое было довольно продолжительно; ты ощущала преступную почти радость, слѣдя глазами за тихимъ ходомъ того индійскаго корабля, всего наполненнаго путешественниками, отправлявшимися Богъ знаетъ куда; а мнѣ, Элора, мнѣ страшно тяжело тогда было на душѣ, потому-что я угадывалъ твою мысль; ты желала быть въ числѣ тѣхъ счастливыхъ путешественниковъ и участвовать съ ними въ тѣхъ неожиданныхъ волненіяхъ, которыми такъ славятся всѣ путешествія, ты готова была летѣть вслѣдъ за тѣмъ кораблемъ, не разбирая того, гдѣ онъ остановится, у Амбрскаго ли мыса, или у оконечности Мадагаскара, или даже у Цейлана и Короманделя... Повторяю тебѣ опять съ прискорбіемъ, милая моя Элора, ты критикуешь свой домъ, домъ, который я постарался отдѣлать такъ, чтобы тебѣ не оставалось ничего больше желать.

— Морисъ, — живо проговорила молодая креолка съ одной изъ тѣхъ женскихъ улыбокъ, которыя унимаютъ самыя сильнѣйшія бури: — Морисъ, ты угадалъ тогдашнюю мою мысль, признаюсь тебѣ откровенно; но если я и мечтаю о путешествіяхъ, то не иначе, какъ вѣстѣ, рука-объ-руку съ тобою. Эти грѣзы нисколько не удаляютъ меня отъ тебя, мой милый.

— Да, мой ангелъ, — сказалъ Морисъ, — вѣрю тебѣ; но эти грѣзы влекутъ къ людямъ, а отъ нихъ-то я и думалъ избавить навсегда и себя, и тебя. Путешествіе втолкнетъ тебя въ толпу и въ пагубы, которыя предстоятъ на каждомъ шагу въ такъ называемомъ обществѣ; путешествіе выставитъ тебя на показъ

и удивленіе всёѣмъ людямъ и можетъ легко вскружить тебѣ голову, развить въ тебѣ самолюбіе, кокетство, тщеславіе....

— Не понимаю, что ты такое говоришь, — сказала Элора, опустивши бѣлые, какъ слоновою костью, локти себѣ на колѣни, а агатовый подбородокъ на маленькія открытыя руки, и пристально смотря на своего мужа.

— А! ты этого не понимаешь? — возразилъ Морисъ; хорошо! такъ этому языку, котораго ты теперь не понимаешь, научать тебя путешествія, и научать очень скоро, а мнѣ бы хотѣлось, чтобы ты никогда не понимала его.... Скажи, Элора, если любопытство, — это шестое чувство женщины, — оставить тебя въ покоѣ, можешь ли ты тогда желать еще чего-нибудь здѣсь? можешь ли дать въ томъ обѣтъ? И, кажется, предупредилъ всевозможныя прихоти; создалъ, кажется, вокругъ тебя рай земной; украсилъ его всёѣмъ, что только есть самаго прелестнаго, обворожительнаго на свѣтѣ, разсѣяннаго по всему земному шару, и что здѣсь встрѣчаешь ты у ногъ своихъ однимъ взглядомъ. Я свелъ въ этотъ уголокъ земли всё чудеса творенія Божьяго и положилъ ихъ передъ тобою какъ даръ. Желать большаго есть уже первоначальный грѣхъ, зарождающійся въ душѣ твоей, который сомнѣніями подроетъ пожалуй вскорѣ всю прелесть нашей жизни; желать большаго значитъ поднять первый неблагонамѣренный взглядъ на плодъ древа познанія добра и зла; значитъ оскорбить Бога, навлечь на себя изгнаніе.

Этотъ упрекъ былъ сдѣланъ тономъ самой тихой, ангельской кротости; Элора опустила глаза, взяла за руки своего мужа, и предстала въ такомъ покорномъ и опечаленномъ видѣ, что Морису стало жаль, что онъ выказалъ передъ нею такую строгость, и онъ рѣшился дать ей нѣкоторыя объясненія, чтобы загладить тѣмъ злоупотребленіе своей власти. Женщины болѣею частію бываютъ очень ловки въ домашнихъ ссорахъ; такъ, напримѣръ, когда раздражается надъ ними какое-нибудь деспотическое повелѣніе, то онѣ предстаютъ съ повинной головою и съ такой трогательною покорностью, что то грозное повелѣніе, которое, безъ всякаго сомнѣнія, удержало бы и даже увеличило свою силу передъ возмутительностью, слабѣетъ и превращается въ прахъ передъ разыгранною

покорностью. Но эти замысловатая сцены, такъ хорошо разыгрываемыя въ высшихъ кругахъ образованнаго общества, были невѣстны и незнакомы обитателямъ *Натальскаго рая*. Жена Мориса была чистосердечна, искренна въ своей покорности.

— Милый мой другъ, — прибавилъ молодой креоль, — вѣдь не глупый какой-нибудь капризъ заставляетъ меня говорить тебѣ такія слова. Ты знаешь, что всемія своимъ достоинствомъ я обязанъ своему дядѣ, человѣку, приобрѣвшему уваженіе среди самыхъ почетныхъ и умныхъ бенгальскихъ плантаторовъ; онъ испыталъ, во время своей жизни, много какихъ-то таинственныхъ несчастій, которыя всегда скрывалъ отъ меня, и которыя будто бы, такъ говорилъ онъ мнѣ, наследственны... Наследственны! мнѣ никогда и въ голову не приходило, и я никакъ понять не могъ, чтобы несчастія могли быть наследственны, все равно какъ болѣзни; но я далъ обѣщаніе послѣдовать его совѣтамъ, чтобы избѣгнуть этихъ странныхъ несчастій. «Милый Морисъ, — говорилъ онъ безпрестанно, и въ послѣдній разъ сказалъ, когда отходилъ на тотъ свѣтъ, — милый Морисъ, оставляю тебѣ прекрасное состояніе и восхитительное жилище; я тебѣ предназначилъ въ супруги одну молодую дѣвушку, которую воспитывалъ, съ самыхъ малыхъ лѣтъ, у себя на глазахъ, и которая незнакома совѣтъ съ обыкновеніями этого міра, какъ будто бы все время прожила въ пустынѣ. Избавляю тебя отъ пагубной необходимости посѣщать города и людей; я приготовилъ тебѣ счастье и завѣщаю тебѣ его. Дай обѣщаніе, что не осквернишь этого наследства, и я умру спокойно, потому-что, мнѣ кажется, я буду тогда радоваться за тебя на томъ свѣтѣ...» Вотъ въ чемъ заключались послѣднія слова этого умнаго человѣка; понимаешь теперь, мой ангелъ, что на мнѣ лежатъ важныя, тяжелыя обязанности, и что тебѣ суждено стать мнѣ въ помощь, чтобы исполнить намѣренія великодушнаго человѣка, которому мы обязаны нашимъ счастьемъ.

Эти послѣднія слова сильно подѣйствовали на молодую и прекрасную Элору. Двѣ хрустальныя слезы покатались по ея нѣжно-пурпуровымъ щекамъ, и этотъ, столь выразительный, хотя и нѣмой, отвѣтъ наполнилъ радостью сердце мужа.

Ударъ колокола нарушилъ сладкую мечтательность, въ кото-

рую погрузились было молодые супруги; не время еще было воротиться слугѣ изъ Портъ-Наталя, куда онъ отправился за запасомъ съѣстныхъ припасовъ; то могъ быть единственно какой-нибудь посторонній посѣтитель. Всякій же разъ, какъ раздавался этотъ отдаленный звонъ, Морисомъ и женой его овладѣвало какое-то волненіе, все равно, какъ и на этотъ разъ. Двѣ маленькія англійскія собачки, которыя держались собственно для истребленія насѣкомыхъ, пустились съ страшно-пронзительнымъ лаемъ къ воротамъ, и негръ, отправившійся отпереть входъ, долженъ былъ прибѣгнуть ко всей строгости своей власти, какъ привратникъ, чтобы подавить неуѣдливое усердіе этихъ, слишкомъ бдительныхъ, сторожей.

Вошелъ нежданнй посѣтитель. То былъ молодой человекъ скромной и пріятной наружности, въ шляпѣ съ огромными полями и весь одѣтый въ тиковое платье; за плечами у него, какъ у разнощика-торговца, висѣла на палкѣ котомка съ товарами; и первыми его словами, которыя онъ произнесъ съ нѣкоторыми затрудненіями для своего органа, были:

— М-г Морисъ?

— Это здѣшній владѣлецъ, — сказалъ служитель; — что вамъ угодно до него?

— Мнѣ нужно переговорить съ нимъ кой-о-чемъ... касательно одного очень важнаго дѣла.

Незнакомецъ положилъ преспокойно свой тюкъ на полъ, вынулъ изъ кармана фуляръ и принялся утирать имъ лицо, по которому градомъ катился потъ.

— Смерть жара какая! — прибавилъ онъ, — и признаться, одна только крайняя необходимость могла меня заставить прогуляться въ такую проклятую жару... Чтожь, малый! не понялъ что ли меня?

— Понять-то, какъ же, понялъ, сударь, но видѣть моего господина нельзя, это дѣло невозможное.

— О! мнѣ-то можно, — возразилъ незнакомецъ; твой господинъ долженъ мнѣ, а должникъ обязанъ всегда принимать своего кредитора, да притомъ я думаю поосвѣжиться нѣсколько; мнѣ слышится словно шумъ фонтана, такъ не мѣшаетъ напитокъ: жажда сильно мучаетъ.

Легкое заиканье и улыбка, сопровождавшая эти слова, сооб-

щили имъ нѣкоторую прелесть, которая произвела свое дѣйствіе на неумолимаго служителя.

Бернарденъ (ибо это былъ дѣйствительно онъ) сыскалъ тѣ-
нистое мѣсто и сѣлъ въ ожиданіи возвращенія негра.

Эти слова, неотъемлемые плоды цивилизаціи, должникъ и
кредиторъ, заставили содрогнуться Мориса, когда онъ услышалъ,
что они раздѣлись въ его уединенномъ жилищѣ. Онъ обернулся къ
женѣ и сказалъ ей, послѣ долгаго размышленія:

— Что намъ дѣлать?

— Надо посмотрѣть, кто такой, — робко отвѣтила та, стара-
ясь скрыть удовольствіе, доставленное ей новизною случая.

Этотъ проблескъ радостнаго ощущенія ускользнулъ отъ ея мужа.

— И кто же! человѣкъ, которому я долженъ! — сказалъ онъ,
безмысленно вперя взоръ на бывшій у него надъ головой древес-
ный сводъ; — я никому не долженъ!... Луи Собе, банкиръ, платить
за меня!

И потомъ, обратившись къ слугѣ, прибавилъ:

— Какой изъ себя этотъ незнакомецъ? видѣлъ ли ты его
прежде? что онъ, молодъ ли или старъ?

— Я вижу его еще въ первый разъ, — отвѣтилъ негръ, —
съ виду онъ молодъ, съ рыжими, гладкими волосами, и, какъ ка-
жется, очень усталъ съ дороги.

— Да, воображаю! — прервала жена Мориса тономъ состра-
данія, — придти Богъ-знаетъ еще откуда и въ самый жаръ! не
годится заставлятъ его ждать такъ долго у входа и не предложить
даже стаканъ констанцкаго....

— Точно, правда твоя, — сказалъ Морисъ, — а въ особен-
ности же, если онъ выдаетъ себя за кредитора. .. Ксавье, введи его....

Удовлетворенное желаніе молніей блеснуло на лицѣ Элоры:
то была истинно-дѣтская радость молодой институтки, когда, послѣ
долгаго отказа, обѣщаютъ наконецъ вывезти ее изъ стѣнъ и до-
ставить ей какое-нибудь свѣтское удовольствіе.

— Ахъ! это интересно, — говорилъ Морисъ, ходя взадъ и
впередъ огромными шагами, — очень интересно увидѣть этого чело-
вѣка и узнать, какимъ образомъ я ему долженъ.

Вскорѣ явился, предшествуемый слугой, Бернардень, неся на палкѣ за плечами котомку съ товарами. Онъ почтительно поклонился и занялъ мѣсто на дерновомъ диванѣ, которое указалъ ему Морисъ. Сама не сознавая того, что дѣлала, Элора окинула быстрымъ взглядомъ свой отшельнической костюмъ, поправила его, какъ только могла, и провела руками по прекраснымъ своимъ волосамъ, чтобы привести ихъ въ бѣльшій порядокъ. Змій проникъ въ рай.

— М-г, — сказалъ Бернардень съ обворожительнымъ добродушіемъ, — вы сейчасъ все поймете съ перваго же слова; вчера, тридцать перваго января, въ срокъ платежа, я явился въ Портъ-Наталь и прямо къ м-г Луи Собе, вашему банкиру, и....

— И чтожь? — съ живостью спросилъ встревоженный Морисъ.

— Извините, — проговорилъ Бернардень, показывая на свой ротъ, я, къ большому своему несчастію, заикаюсь отъ природы... и....

— Говорите скорѣе, — прервалъ Морисъ, — что такое случилось съ моимъ банкиромъ?

— Онъ отерочилъ свои платежи, — отвѣтилъ Бернардень.

Морисъ всплеснулъ руками и потомъ, вывернувши ихъ, опустилъ тяжело къ землѣ.

Элора поняла, что въ этомъ извѣстіи заключалось несчастіе, и лицо ея приняло какое-то странное выраженіе; казалось, словно она была не прочь ознакомиться не только съ новизною, но даже и съ тою неизвѣстною вещью, что именуется несчастіемъ.

— Я владѣлецъ вашего векселя во сто пиастровъ, — прибавилъ Бернардень, — и....

Морисъ прервалъ его, потому-что Бернардень съ большимъ трудомъ старался что-то выговорить и никакъ не могъ.

— Знаю, знаю, — сказалъ онъ ему; эти деньги вамъ будутъ заплачены... только не сегодня... при мнѣ нѣтъ почти денегъ... всѣ мои издержки платилъ мой банкиръ въ Портъ-Наталь... Самъ я терпѣть не могу никакихъ заботъ насчетъ матеріальной жизни, и... Но вы словно очень устали отъ дороги... вамъ хочется, можетъ быть, отдохнуть... жаръ сегодня нестерпимый...

— О! да, — сказалъ Бернардень съ однимъ изъ пріятнѣйшихъ выраженій во взорѣ, — ремесло-то наше слишкомъ тяжело: избѣ-

гаешь въ день Богъ знаетъ что, да притомъ еще съ котомкою за плечами, въ которой вѣсу-то порядочное количество!.. а заплатятъ-то тебѣ не всегда заплатятъ. — Тутъ вздохнулъ онъ тяжело. — Я это не то, чтобы на вашъ счетъ, м-г Морисъ.... но, въ три мѣсяца, привелось пять разъ быть несостоятельнымъ. Охъ, тяжело!

Все это было проговорено съ трудомъ и съ такою естественностью, что возбуждало состраданіе.

Гордость молодого креола должна была на время преклониться нѣсколько передъ странствующимъ торговцемъ, въ рукахъ котораго было самое страшное изъ оружій, — документъ долга! Слѣдовало, стало быть, держать себя съ этимъ человѣкомъ какъ равный съ равнымъ и дѣлать ему на время всевозможныя удовлетворенія, такъ-какъ отказали ему въ главнѣйшемъ, именно денежномъ.

Морисъ самъ повелъ Бернардена къ дому, помѣстилъ его въ такой комнатѣ, гдѣ дышало все страшнымъ богатствомъ и вмѣстѣ самымъ отличнымъ комфортомъ, и далъ ему въ полное распоряженіе одного изъ служителей.

Элора, оставшись одна, подошла къ котомкѣ, которую Бернарденъ оставилъ на диванѣ, и начала ее сперва осматривать съ самымъ жаднымъ любопытствомъ; потомъ просунула въ нее слегка пальцы и старалась ощупью допытаться, что за сокровища такія сокрыты въ ней. Раздражаемое искушеніе, долго сдерживаемое въ своемъ порывѣ, подтолкнуло наконецъ ея руку и углубило ея пальцы еще дальше въ котомку, вопреки сильному біенію сердца, не одобрявшаго нисколько поведенія рукъ. Въ одномъ мѣстѣ пряжка отстегнулась какъ бы сама собою, и нескромное отверстіе выдало одинъ уголокъ этой Пандориной шкатулки, заблудившейся въ пустынѣ. Передъ молодой женщиной заблестѣли разныя драгоценныя бездѣлушки и высунулись кружева самыхъ соблазнительныхъ тканей. Этого достаточно было, чтобъ угадать, какое собраніе женскихъ галантерейностей сокрыто было въ этой, грубой съ виду, котомкѣ! Изъ груди Элоры вырвался вздохъ; потомъ ею овладѣлъ какъ будто бы упрекъ совѣсти, и, пристегнувши опять пряжку, она проворно отошла отъ соблазнительной котомки, но для того собственно, чтобы посмотреть на нее издали и избавить ее отъ неудержимаго насильства своихъ рукъ.

III.

Двойная причина побуждала, въ этомъ случаѣ, оказывать Бернардену священное гостепрѣимство, во-первыхъ, потому, что онъ былъ бѣдный путешественникъ, а во-вторыхъ, кредиторъ, требующій уваженія. Горько оплакивая роковую судьбу, наложившую на него челоуѣколюбивыя обязанности, Морисъ не умѣлъ однакожь ничего дѣлать въ половину; онъ явилъ безмѣрную щедрость, какъ креоль, щедрость относительно внимательности, по-крайней мѣрѣ; это составляло для него, такъ сказать, нравственный расчетъ съ кредиторомъ.

Въ слѣдующемъ письмѣ, писанномъ Бернарденомъ Льетору, мы найдемъ новыя объясненія, пополняющія нѣсколько начало этой исторіи.

«Дорогой мой благодѣтель,

«Вотъ ужъ три дня, какъ я поселился въ *Натамльскомъ райо*.
«Значить, все покаместъ идетъ удачно.

«Вамъ уже извѣстно, что моя сдѣлка съ Собе удалась какъ нельзя лучше; онъ поддался мримъ совѣтамъ, — и я втянулъ его въ одну спекуляцію. За нѣсколько же дней до срока платежу по вашему векселю, я спустилъ на биржѣ четыре піастра со слоновой кости, такъ что ему приходилось уплатить неустойки, на худой конецъ, двѣсти тысячъ піастровъ; онъ заблагоразсудилъ лучше ничего не платить и улизнулъ поскорѣ тайкомъ въ Капъ-Таунъ. Впрочемъ, это никого не удивляетъ, потому-что подобнаго рода продѣлки случаются сплошь и рядомъ и даютъ только обыкновенно средство повести свои денежные дѣла какъ слѣдуетъ. Коренное торговое правило заключается въ слѣдующемъ: есть выручка, — забирай деньги, а лопнули дѣла, — не плати. Я давнымъ-давно зналъ это правило; но никогда не примѣнялъ его къ дѣлу, такъ-какъ не было у меня кредита. М-г Собе слылъ на биржѣ за честнаго челоуѣка; да и всякій торговецъ слыветъ за честнаго до поры до времени, то-есть, до первой несостоятельности. Продолжайте идти все по начертанному мною плану, и увидите, что не раскаетесь: все пойдетъ какъ по маслу.

«Теперь же приступлю къ описанію того, что вмѣщаетъ въ себя *Нитальскій рай*. Жена, скажу вамъ, существо обворожительное, и мужъ не совѣтъ глупо дѣлаетъ, что держитъ ее въ своемъ раю какъ въ тюрьмѣ; а то ее давно украли бы у него, какъ плохо прикрѣпленный алмазь. Мнѣ кажется, что у Индѣйцевъ долженъ быть непремѣнно какой-нибудь секретъ, съ помощію котораго они доводятъ женщину до такой высшей степени красоты. Отцу этой, я въ томъ увѣренъ, извѣстенъ былъ тотъ рецептъ. Говорятъ же, что будто бы одинъ Англичанинъ открылъ средство создавать изъ женщины сущую красоту. Для этого предпринимаются слѣдующія мѣры: берутъ дѣвочку, такъ лѣтъ пяти, обнаруживающую уже расположеніе къ граціи и красотѣ, болѣею частію Европейянку изъ Индіи, плодъ смѣшанной крови, сѣверной и южной. Отдаютъ ее подъ надзоръ двумъ молоденькимъ и хорошенькимъ гувернанткамъ; держать ее вдали отъ всякаго людскаго общества. Въ замѣнъ всякихъ игрушекъ, она привыкаетъ играть съ блестящими птичками Азіи; постелью служить ей нѣжная и до чрезвычайности мягкая индійская Флора; альковъ у нея созданъ изъ вѣрника и благовонныхъ маньолій; для купанья къ ея услугамъ чистые, прозрачные заливы, убранные кораллами и жемчугомъ; все прекрасное въ природѣ, лучъ солнца, зелень, блескъ, лазурь, невозмутимая ясность, тайная прелесть, очарованіе, всѣ радости земли и неба, все это словно создано только для услады глазъ этого ребенка. Такимъ образомъ, вслѣдствіе постоянного пребыванія среди очарованной природы, на тѣлѣ, на лицѣ, въ глазахъ молодой дѣвушки начинаютъ все сильнѣе и сильнѣе отражаться и просвѣчивать окружающія ее прелести; а когда она взойдетъ въ цвѣтушій возрастъ, то изъ нея выходитъ живое олицетвореніе всего того, что только есть въ мирѣ граціознаго, благоуханнаго, божественнаго. Вотъ вамъ слабый снимокъ съ того существа, что носить имя Элоры и титулъ жены Мориса, владѣльца *Нитальскаго рая*.

«Любовь мужа нисколько не походитъ на обыкновенно встречаемую страсть. Случалось мнѣ видѣть, во время моихъ путешествій, много влюбленныхъ людей; они знаютъ развлечения, имѣютъ друзей, забавляются охотой, читаютъ газеты, ѣздятъ верхомъ, однимъ словомъ, занимаются, чѣмъ могутъ, и удѣляютъ страстно

любимой женщинѣ одинъ только часы отдыха. Морисъ, въ этомъ отношеніи, принадлежитъ къ разряду людей, не замѣченныхъ еще доселѣ и не предвидѣнныхъ наблюдателями. Это не мужъ, а феноменъ, или лучше, спутникъ, обращающійся постоянно вокругъ своей планеты; глаза у него на то собственно, чтобы созерцать жену; ноги, чтобы сопутствовать ей; языкъ, чтобы занимать ее; въ его взорахъ видѣнъ всегда тотъ блаженный восторгъ, которымъ должно было озариться лицо перваго человѣка, когда онъ увидѣлъ въ первый разъ восходившее солнце.

«Мориса тяжелымъ камнемъ давить то, что онъ изъ приличія обязанъ приглашать меня къ своему столу. Присутствіе мое, какъ гостя, страшно тяготитъ его; но я не подаю и виду, что замѣчаю это. Толкую имъ о торговлѣ; мужъ не слушаетъ, а жена, хотя и ни слова не понимаетъ, но слушаетъ съ удовольствіемъ, потому что слышитъ что-то новое и даже новый звукъ голоса. Это много значить для первобытной женщины. Эва вняла змію.

«Послѣ утренняго завтрака, я обыкновенно покидаю супруговъ, показывая видъ, что будто мнѣ до нихъ нѣтъ никакого дѣла, и отправляюсь работать вмѣстѣ съ садовниками, собственно изъ-за того, чтобы видѣли во мнѣ дѣятельнаго человѣка, который старается быть всегда занятъ чѣмъ-нибудь, и боится праздности, какъ матери всѣхъ пороковъ. Благодаря этимъ штукамъ, мужъ сталъ еще довѣрчивѣе ко мнѣ. Часто случается, что и жена его приходитъ взглянуть на мои садовыя работы, и если спроситъ меня иной разъ о чѣмъ-нибудь, то я отвѣчаю проворно, не подымая даже головы; глаза мои все остаются прикованными къ работѣ. Вчера, я отправился къ своей котомкѣ, какъ будто для того, чтобы отыскать въ ней орудіе, употребляемое при прививкѣ, а прекрасная Элора слѣдила за движеніемъ моихъ рукъ съ самымъ простодушнымъ вниманіемъ, какъ какая-нибудь дикарка южныхъ морей. Продолжая все рыться въ котомкѣ, я выложилъ на траву связки драгоцѣнностей, зажегшихъ огоньки желанія въ прелестныхъ глазкахъ Элоры. Головной уборъ изъ коралловъ, перемѣшанныхъ жемчугомъ, особенно поразилъ ее. Я этого такъ и ожидалъ. Прекрасная ея ручка почувствовала вдругъ электрическіе толчки и протянулась къ тому убору. Не переставая все-таки рыться въ котомкѣ, я небеззаботно сказалъ ей:

«— Вотъ точно такой же я продалъ дочери Ванъ-Ситта, первѣйшаго богача между портъ-натальскими колонистами.

«— *Very nice!* (Больно хорошь!) произнесла она по-англійски и такъ, какъ будто говорила сама съ собой.

«Потомъ, она сдѣлала знакъ молодой негрятникѣ, находившейся при ней въ служанкахъ. Та поняла ее и побѣжала, съ быстротою серны, въ домъ, принесла зеркало и стала съ нимъ на колѣни передъ своей госпожей.

«Элора развѣстила въ своихъ прекрасныхъ волосахъ всѣ эти коралловые и жемчужныя бусинки, и нашла, что была въ нихъ такъ хороша, что прыгнула отъ радости, какъ ребенокъ, и побѣжала къ мужу, чтобы тотъ взглянулъ на нее. Морись, по обыкновенію, былъ не вдалекѣ отъ жены; онъ собиралъ цвѣты, чтобы украсить ее волосы самымъ простымъ уборомъ. Я искоса присматривалъ за ними, и хотя не могъ слышать ихъ разговоръ, но однакожь понялъ, въ чемъ онъ заключался. Для этого достаточно съ меня было однихъ жестовъ. Морись старался растолковать простодушной Элорѣ, что на покупку того наряда нужна большая сумма, а что денегъ у него не было не только-что на какія-нибудь покупки, но еще на уплату торговцу прежняго долга. Онъ уговаривалъ ее отказаться на время отъ этой драгоценности и предлагалъ ей, въ замѣнъ того, убрать свои волосы *stanhopeas oculatas* цвѣта самой чистой слоновой кости.

«Жена же и глядѣть-то не хотѣла на цвѣты; взоръ ея не отрывался отъ жемчуга и коралловъ; судорожное движеніе овладѣло ея руками; она начинала понимать значеніе этихъ двухъ словъ, порожденныхъ цивилизаціей, *деньги* и *долгъ*, и, вполне покоряясь справедливымъ доводамъ мужа, отказалась, но только съ тяжело-подавленнымъ отчаяніемъ, отъ драгоценнаго головнаго убора.

«Элора, согласившись съ требованіями мужа, пошла медленнымъ шагомъ ко мнѣ, не спуская глазъ съ драгоценной вещи, какъ-будто посылала ей мысленно горькіе прощальные поцѣлуи.

«— Ну что жь! — сказалъ я ей, — какъ находить это вашъ мужъ?

«Она тяжело вздохнула и положила нарядъ на котомку; потомъ отвѣтила съ прискорбнымъ видомъ:

« — Мужу моему этотъ нарядъ очень понравился, но онъ не можетъ его купить; говорить, что мы раззорились, то-есть, значить, что у насъ денегъ нѣтъ. Понимаете?

« — Какъ не понимать, сударыня, — возразилъ я; — но что жь такое? сегодня разорены, а завтра, стать можетъ, опять разбогатѣете.

« — Ахъ! — воскликнула она, хлопая отъ радости руками; — но чтожъ мой мужъ не договорилъ мнѣ этого?

« — По забывчивости, вѣроятно, сударыня; вотъ хоть я, такъ какъ вы меня видите, я въ мою жизнь три раза былъ раззоренъ.

« — Что вы!

« — Ну да, и вполне увѣренъ, сударыня, что придется раззориться еще нѣсколько разъ. Въ Индіи только такъ и живутъ. Постоянное богатство порождаетъ въ этомъ климатѣ страшнѣйшую тоску. Раззореніе доставляетъ сильныя ощущенія; а снова разбогатѣть значить увидѣться опять съ давно невиданнымъ счастьемъ. Пока живешь, вѣдь не чувствуешь всей цѣны существованія; но вполне бы можно было ее почувствовать, если бы удалось вырваться изъ холодныхъ объятій смерти.

« — Какъ пріятно слушать, что вы говорите! — проговорила молодая женщина, сжавши опустившіяся руки и подходя ближе ко мнѣ; отъ чего бы это могло быть, что мой мужъ никогда мнѣ не говоритъ о такихъ вещахъ?... вы думаете, что мы опять разбогатѣемъ?

« — Конечно, да, я въ этомъ увѣренъ, и вотъ, въ доказательство моей увѣренности, продаю вамъ этотъ нарядъ за двѣсти піастровъ, которые вы мнѣ заплатите послѣ, когда разбогатѣете.

« — Такъ я возьму его.

« И рука ея устремилась на нарядъ, какъ когти тигра на добычу. Морисъ опустилъ голову, пожалъ плечами, скрестилъ на груди руки, сдѣлалъ всевозможные жесты, выражавшіе отчаяніе; но одна невыразимо-граціозная, подоспѣвшая во время, ласка, коснувшаяся его щеки и обдавшая его какимъ-то нѣжнымъ ароматомъ, заставила его позабыть безразсудство этой сдѣлки, вслѣдствіе которой легъ на него новый, неоплатный долгъ.

«Такъ вы понимаете, теперь, дорогой мой благодѣтель, что

моя политика удастся, и что позиція наша въ *Натальскомъ райо* хороша и надежна, такъ—что имъ трудно сбить меня съ нее. Слѣдовательно, ваши приказанія исполнены мною въ точности. Вы получили, изъ моего рапорта, вѣрныя свѣдѣнія о мѣстности края, объ обычаяхъ обитающихъ въ немъ существъ, и въ особенности о томъ чудесномъ созданіи, которое служить ему лучшимъ украшеніемъ. Дѣйствуйте, я всегда готовъ помогать вамъ. Вашъ отвѣтъ долженъ придти черезъ три дня въ Портъ—Наталь, онъ застанетъ меня тамъ. Я совершаю каждый вечеръ, послѣ заката солнца, прогулку въ колонію. Въ доброй надеждѣ, что все пойдетъ хорошо.

«Бернарденъ.»

Отвѣтъ, полученный Бернарденомъ въ Портъ—Наталь, заключалъ въ себѣ слѣдующее:

«Все, что ты сдѣлалъ, очень хорошо. Если будешь все такъ помогать мнѣ, то никогда королю не удастся быть такъ признательнымъ къ счастливому посланнику, какъ буду я къ тебѣ.

«Настаетъ время урагановъ; держи ухо востро по ночамъ и будь готовъ.

«Льеторъ.»

Бернарденъ призадумался нѣсколько надъ послѣдними строками этой записки, и дьявольскій его умъ проникнулъ настоящей ихъ смыслъ.

Какъ—то вечеромъ, за нѣсколько еще часовъ передъ закатомъ солнца, настала нестерпимая духота въ великолѣпномъ лиственномъ дворцѣ Мориса. Ни малѣйшаго дуновенія не проносилось въ жгучей и тяжелой атмосферѣ; ни одинъ листикъ не шевелился на деревьяхъ. Все, казалось, вымерло и не дышало.

Бернарденъ предложилъ маленькую прогулку на берегъ моря, куда вечерній вѣтерокъ долженъ былъ принести съ собою нѣсколько свѣжести. Эора не замедлила одобрить это предложеніе; Морисъ кивнулъ головой. Вскорѣ всѣ трое сошли съ террасы и отправились къ морю.

Солнце заходило кровавымъ шаромъ, застилаемое тяжелыми, густыми парами; горизонтъ исчезъ подъ мрачными тучами, расползшимися неровными полосами; багровое и свинцовое небо общало морю какой—то страшный, зловѣщій колоритъ. Слышался

только глухой ревъ со дна пропасти, и ни одна птичка не привѣтствовала своимъ пѣніемъ закатъ солнца

Элора была поражена этой величественной картиной; она сѣла, чтобы удобнѣе было погрузиться въ созерцаніе ея, и всѣ три зрителя этого морскаго зрѣлища хранили молчаніе. Вообще какъ-то говорится весьма мало или даже нападаетъ полное молчаніе, при встрѣчѣ съ океаномъ.

Бернарденъ, который всегда очень ловко умѣлъ вызвать разговоръ на предметъ, касавшійся его замысловъ, пристально устремилъ полные скорбнаго участія взоры на корабль, едва виднѣвшійся по направленію къ Мадагаскару. Не было возможности заподозрѣть въ этомъ человѣкѣ какія-либо козни: такъ соболѣзнованіе его было натурально при этомъ обстоятельстве. Морись первый прервалъ молчаніе.

— Вотъ несчастный корабль, придется ему провести довольно скверную ночь, — сказалъ онъ.

— Объ этомъ и я только-что думалъ, — замѣтилъ Бернарденъ, съ грустію покачивая головой.

— Посмотрите на море, — продолжалъ все-таки Морись; — какія огромныя волны пошли; вѣроятно подымается гдѣ-нибудь вдали юго-восточный вѣтеръ. Да, сегодняшнюю ночь быть урагану.

Элору вдругъ схватила судорожная дрожь.

— Охъ! что ты говоришь; мнѣ становится страшно! — произнесла она.

— М-г Морись, — сказалъ Бернарденъ, — видали ли вы ураганы на Антильскихъ островахъ?

— Мужъ мой не бывалъ на нихъ, — отвѣтила молодая женщина.

— А я такъ вотъ былъ въ тѣхъ странахъ, — возразилъ Бернарденъ, и, благодаря Бога, обдѣлалъ тамъ по ремеслу своему, какъ торговецъ, много хорошихъ дѣлъ, такъ напримѣръ, въ Гваделупѣ и на островѣ св. Петра. Ну, такъ знаете ли, что случилось мнѣ видѣть, въ то время, какъ я находился въ одномъ домѣ, находившемся отъ моря, крайнейшей мѣрѣ, на милю, при подошвѣ морнѣ (*)?

(*) Прям. пер. *Морнами* называются въ Америкѣ горы средней величины.

— Ну такъ что жь? говорите скорѣе, — проговорила съ не-терпѣніемъ Элора.

— Я видѣлъ, какъ корма корабля прошибла окошко въ томъ домѣ.

— Возможно ли? — съ удивленіемъ воскликнула молодая женщина, сжимая свои маленькія руки.

— Не только что возможно, а сущая правда; я дамъ вамъ прочесть объ этомъ въ журналѣ колоніи.

— Такъ, стало быть, это правда, — простодушно сказала Элора.

— Можете себѣ представить, — продолжалъ Бернарденъ съ сильнымъ одушевленіемъ, — можете представить ураганъ, поднимающій корабль и бросающій его на сушу, какъ какую-нибудь щепку? Да, никогда еще такового не было видано.

— Боже мой! — съ содроганіемъ воскликнула молодая женщина, — что, если сегодняшнюю ночь у насъ будетъ точно такой же ураганъ!

— Охъ, мой ангелъ! — проговорилъ наконецъ Морисъ, взявши ее за руку, — успокойся, здѣшніе ураганы никогда еще не выбрасывали на сушу кораблей, и....

— Охъ, охъ, посмотрите, — перебила Элора, — посмотрите, какъ море начинаетъ все чернѣть!.. и какъ оно стонетъ—то!

— Вѣтеръ подымается, — сказалъ Морисъ, смотря на горизонтъ, — корабль распустилъ все паруса.

— Дай-то Богъ, чтобы онъ попалъ скорѣе въ какую-нибудь гавань! — произнесла Элора.

— Охъ, до любой гавани ему еще далеко! — замѣтилъ Морисъ, съ грустію качая головой.

— Охъ, нѣтъ! — подхватилъ Бернарденъ, — если вѣтеръ не переѣмнется и не подуетъ съ запада, то онъ можетъ благополучно прибыть въ Портъ-Наталь далеко еще до полуночи.

Въ эту минуту, тяжелыя капли дождя упали на море и на береговой песокъ, и въ рощахъ, окружавшихъ жилище Мориса, поднялся глухой ревъ.

Бернарденъ стоялъ, какъ вкопанный, и все смотрѣлъ на тотъ корабль, видѣвшійся на горизонтѣ.

Элора ухватила за руку мужа и проговорила съ безпокойствомъ:

— Пойдемъ скорѣе домой!

— Вы развѣ остаетесь здѣсь?—спросилъ Морисъ Бернарденъ.

— Нѣтъ, я тоже отправлюсь, — сказалъ торговецъ-самозванецъ; черезъ четверть часа здѣсь будетъ такая кутерьма, что не дай Богъ попасться въ нее.

— Ну, такъ пойдете скорѣе домой, — сказала Элора.

— Что дѣло, сударыня, такъ дѣло! — заключилъ Бернарденъ.

Сумерки не долго продолжались. Настала мгла. Черныя, тяжелыя тучи застлали блестящія индійскія созвѣздія и покрывали молніей пустынный океанъ. По временамъ раздавались, съ юга, тѣ глухія и перемежающіяся гаммы, которыя собственно ни что-иное, какъ еще попытки грома, когда онъ готовится привести въ трепетъ всю природу своимъ страшнымъ голосомъ.

Всѣ служители Мориса собрались въ маленькую домовую церковь, гдѣ каждый праздникъ старикъ-священникъ римской пропаганды отправлялъ божественную службу, и усердно молились. Молились они о несчастныхъ путешественникахъ и морякахъ, застигнутыхъ бурей въ пустыняхъ Африки и на Индѣйскомъ океанѣ. Элора присоединилась къ нимъ и молилась особенно за тотъ корабль, который ураганъ долженъ былъ застигнуть, въ такую ужасную ночь, среди открытаго моря.

Неистово бушевавшій ураганъ отогналъ ото всѣхъ сонъ. Элора, помѣстившись за занавѣсками своего кіоска, упивалась, съ какою-то лихорадочною нѣгою, всѣми ощущеніями, пробуждавшимися при этой хаотической ночи; она вслушивалась, вздрагивая отъ страху, въ рѣзкій, раздирательный вопль лѣсовъ, угнетенныхъ дуновеніемъ бури, вслушивалась въ ревъ терзавшагося моря, въ раскаты и удары грома, въ зловѣщіе крики дикихъ звѣрей, въ шумъ волновавшихся потоковъ и водопадовъ, во всю эту смѣсь звуковъ, дышавшихъ одной общей, ужасной гармоніей, которая казалась стономъ погибающей вселенной.

Вдругъ звукъ какой-то, вылетѣвшій вовсе не изъ неба, раздался ясно и отчетливо, посреди шума бушевавшей природы. Элора

судорожно ухватилась за руку мужа, прижалась къ нему и, вся дрожа, проговорила:

— Слышалъ!

Въ это время во второй разъ раздался выстрѣлъ, перекатами отдавшійся по холмамъ.

Потомъ опять слышенъ былъ только одинъ громъ, вѣтеръ, да шумъ моря.

— Боже мой! Боже мой! — воскликнула Элора; я хорошо слышала! это вѣроятно какіе-нибудь несчастные, погибающіе, умоляющіе о помощи!

— Надо спасти ихъ! — прибавилъ Морисъ; только не нужно тревожить бѣдную прислугу, она и безъ того такъ устала отъ дневныхъ трудовъ.... Достаточно будетъ для этого Бернардена да меня.

Морисъ пожалъ руку женѣ и побѣжалъ къ комнатѣ Бернардена. Тотъ не отвѣчалъ ему сначала на три первые призыва, рѣшившись показать, что будто бы спалъ крѣпкимъ сномъ, а потомъ отперъ дверь и явился въ полусонномъ состояніи, смотря на Мориса съ бессмысленнымъ видомъ и заспанными глазами.

— Пойдемте со мной, ради самаго неба, — сказалъ ему Морисъ; сейчасъ сдѣланы были два выстрѣла съ моря. Надо помочь несчастнымъ.

— А! — произнесъ Бернарденъ, все еще какъ будто находясь въ полусонномъ состояніи; — вы развѣ слышали что-нибудь?

— Да, да; пойдемте же скорѣе; каждая минута дорога.

— Сейчасъ, сейчасъ, сію секунду, — проговорилъ торговецъ-самозванецъ, протирая глаза и потягиваясь всѣмъ тѣломъ, какъ нельзя лучше и естественнѣе. — Какъ спалось-то хорошо! — со вздохомъ прибавилъ онъ.

Оба они вышли проворно изъ дому и отправились по узкой тропинкѣ къ морю, и, при свѣтѣ постоянно сверкавшей молніи, шныряли по берегу, осматривая по преимуществу тѣ мѣста, гдѣ море вдалось нѣсколько въ землю, и давая знать громкимъ крикомъ о своемъ присутствіи. Бернарденъ между тѣмъ твердилъ почти-что каждую минуту:

— Да мы ничего не найдемъ; вамъ это такъ послышалось; во время урагановъ не трудно ошибиться.... А какъ я спалъ-то хорошо!

Наконецъ Морисъ вскрикнулъ и указалъ на небольшую лодку, выброшенную на берегъ и почти совсѣмъ изломанную. Подлѣ нея, за-мертво лежало человеческое тѣло.

— Да, вы не ошиблись, — сказалъ Бернаденъ тономъ раскаянія.

Морисъ подошелъ къ распростертому трупу, отвелъ у него съ лица волосы, и приложилъ свою руку къ его груди, желая увѣриться, оставалась ли еще въ ней искра жизни.

— О! сердце еще бьется! — съ радостью воскликнулъ онъ; этотъ человѣкъ еще не умеръ. Бернаденъ, побудь здѣсь.... Я такъ засуетился, что главное-то и забылъ взять съ собой.... Черезъ минуту буду здѣсь.... только сбѣгаю въ домъ.

И Морисъ бросился опрометью къ дому.

Тогда мнимо-погибшій поднялся и сказалъ Бернадену:

— Это я!

— Такъ и ожидалъ, — возразилъ Бернаденъ, почтительно кланаясь.

Мнимый несчастный принялъ опять прежнее свое положеніе; Морисъ явился съ разными стеклянками, принялся страшно хлопотать: то подносилъ ему къ носу разныя соли, то теръ виски ромомъ, и когда тотъ началъ шевелиться, то былъ въ страшной радости, что спасъ жизнь несчастному.

Медленно и, по видимому, съ большими усиліями, поднялся мнимый страдалецъ съ помощью Бернарденъ и Мориса, и былъ приведенъ въ домъ, гдѣ прислуга и владѣльцы оказали ему всю заботливость самаго радушнаго гостепріимства.

IV.

Въ домѣ всѣ суетились, отъ души желая помочь погибшему- было молодому человѣку; но когда Бернаденъ сдѣлалъ замѣчаніе, — и, по видимому, какъ нельзя больше ксати, — что больному нуженъ прежде всего покой; то всякій удалился, озабоченный на счетъ того, каковъ будетъ завтра результатъ этого покоя, средства, какъ извѣстно, всегда благотѣльнаго, когда нѣтъ никакихъ кровотечныхъ ранъ, требующихъ немедленной помощи доктора. Бернаденъ, по словамъ всѣхъ, отдался всей душой ухаживанью

за несчастнымъ молодымъ человѣкомъ, такъ-что никого не допустилъ къ нему и рѣшился одинъ провести цѣлую ночь у его постели.

Когда оба эти человѣка, или точнѣе, оба эти демона, остались одни, въ запертой комнатѣ и вдали отъ постороннихъ глазъ и ушей; то Льеторъ поднялся съ постели, выпрямившись во весь ростъ, и крѣпко пожалъ своему соумышленнику обѣ руки, въ знакъ искренней и сильной признательности, рѣдко выливающейся наружу у упрямыхъ натуръ. Потомъ, отстегнувши отъ пояса маленькій жестяной бумажникъ, онъ открылъ его, вынулъ оттуда четыре англійскихъ кредитныхъ билета въ тысячу ливровъ каждый и, подавши ихъ Бернардену, сказалъ:

— Вотъ тебѣ; это для тебя дороже моей признательности; щедрость креола за оказанную услугу никогда еще не была такъ велика. Продолжай, а моей щедрости не убавится.

— Готовъ продолжать, — сказалъ Бернарденъ, укладывая въ потаенный карманъ мигомъ приобретенное состояніе и не изъясняя ни малѣйшей радости.

— Съ тобой, — продолжалъ Льеторъ, не обращая вниманія на его слова, — объясненія коротки. Твой чертовскій умъ понялъ уже все, °о чемъ я хотѣлъ было рассказать тебѣ...

— Какъ нельзя лучше понялъ, — прервалъ Бернарденъ; вы отправились изъ Портъ-Наталя, въ лодкѣ, послѣ того какъ солнце сѣло; выстрѣлили два раза изъ карабина, лодка ваша претерпѣла крушеніе, вы потонули, а потомъ васъ выбросило на берегъ. Мастерски сыграна штука!

— Точно, угадалъ, — проговорилъ Льеторъ; — но мнѣ кажется, что ты теперь что-то бѣгло говоришь; развѣ ужъ ты болѣе не заикаешься?

— Да, пересталъ, — отвѣтилъ Бернарденъ съ злобною усмѣшкою; заиканье больно надоѣло мнѣ, только связывало языкъ; великодушіе ваше излечило меня отъ этого недостатка; могу теперь и безъ него обойтись.

— А! такъ ты и меня-то хотѣлъ надуть?

— Точно такъ, но только для того, чтобы тѣмъ вѣрнѣе

надуть другихъ, для вашей пользы... завтра же опять начну выдѣлывать языкомъ разныя трели.

— Чортъ тебя знаетъ, ты просто бѣсъ, Бернарденъ!

— Оставимте покамѣсть въ покоѣ наши титулы, а займемся лучше вашими дѣлами, чтобы ихъ покуда, до сна нашего, подвинуть еще впередъ, потому что мнѣ смерть ужъ хочется спать... Позвольте только на минуту оставить васъ.

И не дожидаясь отвѣта, Бернарденъ сошелъ внизъ въ залу.

Въ его головѣ составился цѣлый, обстоятельный, планъ, который могъ бы сдѣлать честь любому архитектору. При его появленіи, господа и слуги поднялись разомъ и обратились къ нему съ вопросительными физиономіями. Бернарденъ махнулъ имъ рукою и взглядомъ наложилъ на нихъ молчаніе, котораго никто не дерзалъ нарушить. Вслѣдъ за тѣмъ онъ наклонился къ Морису и сказалъ ему едва слышно:

— Слава Богу, уснулъ, только дыханіе не хорошо. Боюсь, нѣтъ ли поврежденія въ груди, легкія что-то тяжело дышать. Лице желтовато. Дурной знакъ. Завтра увидимъ.

— Но у насъ вѣдь въ Портъ-Натагѣ есть отличные медики, — сказалъ Морисъ; — надобно бы съѣздить еще до разсвѣта, привезти самага искуснаго, да...

— Вотъ благая мысль! — съ простодушнымъ видомъ перебилъ его Бернарденъ; будьте теперь покойны, положитесь на меня; я отправлюсь прямо въ гостинницу Канъ; хоть тамъ и дорого все, — за скверную какую-нибудь комнатку берутъ по три шиллинга въ день, но дѣлать нечего, надо отложить въ сторону экономію — то, когда въ виду доброе дѣло; та гостинница въ почетѣ у колонистовъ, а по тому самому и медикъ тамошній долженъ быть лучшій изъ всѣхъ прочихъ; вотъ его-то я и постараюсь привезти.

Добродушный Морисъ пожалъ руки Бернардену и на глазахъ его проступило нѣсколько слезъ отъ умиленія.

Бернарденъ утеръ тоже мнимыя слезы, и, молча поклонившись женѣ Мориса, удалился тихими шагами и съ нагнутой головой, какъ человѣкъ, обремененный тяжелой отвѣтственностью за завтрашній день. Отворивши дверь въ комнату Льетора и тотчасъ же притворивши ее со всею предосторожностью, онъ рассказалъ ему

о своемъ пребываніи въ залѣ, и тотъ, кивнувъ головой въ знакъ одобренія, сказалъ:

— Ахъ, милый мой Бернардень, я еще недостаточно награждалъ тебя!..

— Полной награды за добровольное усердіе никогда быть не можетъ,—сказалъ Бернардень;—таково мое мнѣніе на этотъ счетъ.

— Нѣтъ, — заговорилъ снова Льеторъ, но съ видомъ переполнившагося чувства,—ты не знаешь той благотворной перемѣны, которая совершилась съ нѣкоторыхъ поръ во мнѣ, и въ теперешнюю минуту я могу смѣло сказать, что ты присутствуешь при моемъ возрожденіи. До этого времени я не жилъ; былъ словно удрученъ чѣмъ-то; самое солнце, и то гнело какою-то невыносимую тяжестью мою слабую голову. О! скука! скука! чтѣ за смертоносный бичъ! это — сущая холера для богатаго человѣка въ Индіи! Боже мой! какъ горько родиться богатымъ въ этой странѣ! Извѣдаешь все далеко прежде того возраста, когда собственно настаютъ только удовольствія! а послѣ, какая пустота! видишь повсюду одно золото! это желтоватое ничтожество! это жалкое ничтожество, подъ видомъ монеты! Скука богатаго, — это мщеніе бѣднаго; но бѣдный ужъ слишкомъ мстителенъ! не знаетъ пощады! скука заставляетъ меня посягать на блаженство ближняго; не сопротивляйся же я теперь и отдайся ему въ руки, онъ убьетъ меня; поневолѣ придется обороняться. Да, хочу, — и буду жить!

— Вотъ превосходное разсужденіе! — сказалъ Бернардень, разстилая циновку подлѣ кровати мнимаго больнаго; — но, такъ какъ у насъ всегда хватаетъ времени на разсужденія, то лучше уснемъ покамѣстъ; потому что теперь довольно уже поздно, а завтра чѣмъ свѣтъ мнѣ предстоитъ довольно головоломная работа. Надобно будетъ найти человѣка, который взялся бы разыграть доктора, да потомъ надо будетъ вышколить его, какъ какую-нибудь манежную лошадь.

— Я увѣренъ, — сказалъ Льеторъ, — что у тебя есть уже подъ рукой такой человѣкъ.

— О! будьте покойны, никогда не застанете меня въ расплохъ; есть у меня на примѣтѣ одинъ прикащикъ съ корабля *Мерзей*, провансалецъ настоящій; стоить только одѣть его въ черное

платье съ ногъ до головы, такъ такого доктора вамъ разыграетъ, что любо-дорого будетъ смотрѣть. Надо вамъ сказать, что въ этомъ домѣ рѣшительно всё чистосердечія первобытныхъ временъ, простодушія на рѣдкость. Не стоить заводить слишкомъ хитрой комедіи, чтобы провести этихъ невинныхъ людей. Одного существа боюсь, да, боюсь, хотя страхъ и знакомъ мнѣ всего только по имени...

— Ахъ!—прервалъ Льеторъ,—такъ, стало быть, здѣсь есть опасный человѣкъ?

— Совсѣмъ не человѣкъ, а такъ называемый Набобъ, черный слонъ, который, какъ собака, привязанъ къ прекрасной Элорѣ.

— Что ты чепуху городишь-то! — произнесъ съ досадою Льеторъ.

— Вотъ увидите, помяните мои слова,—возразилъ Бернардень; я хорошо знаю этихъ дьяволовъ; хорошо изучилъ ихъ, не въ Европѣ, гдѣ ихъ способности притупляются, а здѣсь, гдѣ они у себя дома, гдѣ, — и климатъ, и лѣса, и солнце, — все по нимъ. Держите себя осторожнѣе при Набобѣ; это главный мой совѣтъ; за тѣмъ, покойной ночи; я спать хочу.

Бернардень легъ на цыновку и тотчасъ же отдался спокойному сну, ни мало не подумавши о томъ, что его вновь посѣтило богатство и что завтра предстоитъ тяжелое для него утро. Праведникъ, кажется, не заслужъ бы такъ спокойно.

За нѣсколько времени до разсвѣта, какой-то таинственный голосъ, который будитъ насъ въ урочный часъ, въ случаѣ, если есть у насъ какія-нибудь важныя дѣла, вызвалъ Бернардена изъ спящаго состоянія. Онъ всталъ, отправился въ колонію Портъ-Наташ и, немного спустя послѣ восхода солнца, былъ уже въ гостиницѣ Капъ.

Въ домѣ съ нетерпѣніемъ ждали доктора. Это происшествіе перевернуло вверхъ дномъ всё обыденныя привычки обитателей *Наташскаго рая*. Никто изъ нихъ во всю ночь не сомкнулъ глазъ. Молодая Элора, убаюкиваемая до сихъ поръ скучной монотоніей своего супружескаго блаженства, пробуждалась, съ пріятнымъ лихорадочнымъ трепетомъ, полная какого-то, новаго для нея, упительнаго ощущенія. Ужь это было съ ней не вслѣдствіе впечат-

лѣнія, навѣяннаго чтеніемъ о морскомъ приключеніи; нѣтъ, теперь ей случилось самой увидѣть кораблекрушеніе; она слышала сигналы отчаянія, посылаемые погибавшимъ человѣкомъ; она видѣла, какъ принесли его совѣтъ безъ чувствъ въ ихъ жилище. Сколько потрясающихъ душу вещей произошло въ продолженіе какихъ-нибудь трехъ часовъ! и съ какой радостью она рассказала бы эту исторію, будь у нея только слушатель! Еще новое обстоятельство должно было вскорѣ присоединиться къ этому, именно—прибытіе доктора. Интересъ не ослабѣвалъ.

Солнце застало всѣхъ на ногахъ; но въ домѣ царяла такая тишина, что ни малѣйшаго шороху не долетало до слуха Льетора, который тоже, въ свою очередь, провелъ всю ночь въ тяжелой бессонницѣ. Поднявшись къ утру съ постели, онъ сталъ подлѣ занавѣсокъ своего кюска и началъ изъ-за нихъ разсматривать мѣстность: невѣдомый доселѣ восторгъ объялъ его душу, при видѣ дивнаго пейзажа, освѣщеннаго теплымъ и тихимъ свѣтомъ восходящаго солнца, и онъ уже представлялъ себѣ, какую неотразимую прелесть, какое очарованіе должно было придать этому африканскому раю присутствіе молодой, обворожительно-прекрасной креолки. Ни одно живое существо еще не показывалось его глазамъ, а между-тѣмъ пустыня эта не имѣла въ себѣ ничего печальнаго. Казалось, что деревья тѣ, цвѣты и воды, среди которыхъ такъ часто находилась неземной красоты женщина, сохранили на себѣ отпечатокъ ея улыбокъ, ея граціи, ея благоуханій, и смотрѣли все еще какъ-то привѣтливо при восходѣ солнца. Льеторъ ждалъ все появленія другаго, еще болѣе лучезарнаго и животворнаго свѣтила, и взоры его устремлялись попеременно во всѣ галлерей, во всѣ закоулки, во всѣ мало-мальски просвѣчивавшіяся мѣста этого очаровательнаго листовнаго лабиринта, чтобы уловить тотчасъ же первый лучъ его, который проблеснетъ въ тѣнистомъ саду. Она показалаась наконецъ, и Льеторъ былъ ослѣпленъ, словно цѣлый потокъ блистательнаго свѣта разлился внезапно передъ нимъ послѣ страшнаго мрака. Элора шла вверхъ по тропикѣ, проложенной отъ моря, въ сопровожденіи мужа; на ней было простое тиковое полосатое платье; длинные распущенные волосы, мокрые еще отъ утренней ванны, ложились на ея корпусъ чудной мантилей золотистаго цвѣта;

лицо ея блистало чистой и свѣжей красотой на зеленомъ фонѣ роскошно разросшагося вѣрника. Какая-то нестройная масса, что-то въ родѣ обломка черной гранитной скалы, скатилась сверху, гдѣ стояла ферма, по направленію къ Элорѣ; то былъ Набобъ, слонъ—любимецъ госпожи своей. Онъ схватилъ деликатно, едва сжавши своимъ хоботомъ, висѣвшую на кустѣ алоэ соломенную шляпку, и поднесъ ее своей прекрасной хозяйкѣ, которая поблагодарила его за такое вниманіе, погладивши своей хорошенькой ручкой длинныя его уши. Какъ бы исполнивши такимъ образомъ свою обязанность, Набобъ помѣстился сзади своихъ хозяевъ и шелъ все за ними медленнымъ шагомъ до самой террасы дома, повременамъ искоса поглядывая на кіоскъ, гдѣ Льеторъ воображалъ себя въ сторонѣ отъ всякаго подозрительнаго взора.

Черезъ нѣсколько времени, въ одной изъ аллей показались два человѣка; то былъ Бернарденъ съ докторомъ. Морисъ пошелъ къ нимъ навстрѣчу, и сдѣлалъ самый пріятливый пріемъ незнакомцу, который былъ одѣтъ весь въ черное, и имѣлъ притомъ важный видъ, который какъ нельзя лучше говорилъ о его серьезномъ званіи.

— Позвольте представить вамъ, докторъ Беллисенъ, бывшій медикъ Сицилійскаго короля,—сказалъ Бернарденъ Морису.

— Очень радъ васъ видѣть у себя,—отвѣтилъ хозяинъ дома.

Мнимый докторъ Беллисенъ преважно поклонился и сказалъ, съ замѣтной примѣсью сицилійскаго выговора:

— Какія у васъ великолѣпныя владѣнія, м-г Морисъ, нечего сказать, очень, очень хороши.

И онъ вдругъ попытался, словно какъ будто змѣя ужалила его въ пятку.

Набобъ стоялъ передъ докторомъ и пристально смотрѣлъ на него.

— О!—проговорилъ Морисъ, смѣясь,—не бойтесь этого добраго Набоба; онъ смиренъ, какъ собака.

И обратившись къ животному, Морисъ прибавилъ:

— Ну, Набобъ, оставь насъ; ступай играть съ дѣтьми. Тебя не нужно здѣсь

Приказъ былъ формальный, надобно было повиноваться. Набобъ нехота повернулся, бросивъ два очень выразительныхъ взгляда,

одинъ, полный недовѣрія, на доктора, а другой, исполненный состраданія, на Мориса, и отправился по направленію къ фермѣ, срывая съ досады высокую траву, попадающуюся на дорогѣ.

— Да, мнѣ всегда пріятнѣе бываетъ видѣть его нѣсколько вдалекѣ отъ себя,—сказалъ Бернарденъ съ улыбкою — никогда не могъ любить этихъ животныхъ.

— Сдѣлайте одолженіе, отправимтесь теперь къ нашему больному, — сказалъ Морисъ доктору.

— Готовъ, готовъ, покажите мнѣ его, — произнесъ съ важностью докторъ.

Они отправились; вслѣдъ за ними пошелъ и Бернарденъ, не сводя однакожь глазъ съ Набоба, который все углублялся въ самую даль лабиринта.

Льеторъ отошелъ отъ занавѣсокъ и легъ въ постель въ ожиданіи докторскаго визита.

— Здѣсь нѣсколько темно, такъ я вотъ сейчасъ отдерну занавѣски,—сказалъ вошедшій Морисъ.

— Нѣтъ, не беспокойтесь, — сказалъ докторъ, удерживая Мориса;—я и такъ хорошо вижу.

И подошедши къ постели, онъ ощупалъ пульсъ Льетора, прислушался къ его дыханію, дотронулся слегка до голой груди и головы, и, обернувшись къ Морису и Бернардену, показалъ имъ ту съезжившуюся мину, которая на докторскомъ лицѣ всегда такъ ясно говорить: плохо, не совсѣмъ—то хорошо.

Вслѣдъ за тѣмъ, онъ наклонился къ Льетору и спросилъ:

— Что, какъ вы ночь провели?

— Довольно скверно, — отвѣтилъ тотъ.

— Въ которомъ мѣстѣ боль у васъ?

— Въ груди.

— Свободно дышете?

— Нѣтъ.

И потомъ, выпрямившись, началъ говорить, какъ будто стѣнъ: Да, дышать не хорошо.... Внутреннее поврежденіе... Самое опасное.... Снаружи ничего нѣтъ.... Тѣмъ хуже!... Какъ бы не было нарыва.... Ознобъ и жаръ въ высшей степени.... Увидимъ, что завтра будетъ.... Дайте бумаги, чернилъ и перо.... Потрудитесь пожалуйста писать

подъ мою диктовку.... У меня вывихъ небольшой въ правой рукѣ.... Пишите.... Полную діету.... Совершенное спокойствіе.... Никто чтобы не говорилъ съ нимъ.... Прикладывать на грудь, черезъ каждыя три часа, тряпки съ камфарнымъ масломъ.... Давать пить каждый часъ воду, настоянную япаной и неньюфарнымъ цвѣтомъ.... Это самое вѣрное средство при внутреннихъ поврежденіяхъ.... Я этимъ вылечилъ принца Катанскаго, когда онъ упалъ съ лошади и расшибъ себѣ грудь.

И потомъ, опять обернувшись къ Льетору, продолжалъ такимъ образомъ:

— Не унывайте, мой милый, все пройдетъ и очень скоро.

Морисъ былъ въ восторгѣ отъ доктора, проводилъ его до рѣшетки, огибавшей жилище и разставаясь съ нимъ, сказалъ:

— До завтра.

Какъ только Морисъ и Беллисенъ ушли, Льеторъ, вытянувшись во весь ростъ, приподнялся съ постели, и, скрестивши руки на груди, сказалъ Бернардену:

— Да ты просто оседай. Привелъ сюда какого-то доктора, которому надобилъ въ голову всякаго вздору, какъ попугаю, и который теперь уложить меня на пятнадцать дней въ постель своей проклятой діетой и неньюфарнымъ питьемъ.

— А! — возразилъ Бернарденъ, — если вы намѣрены слушаться совѣтовъ своей, безтолковой, головы, такъ я подаю вамъ отставку. Знаете ли, что успѣхъ достается всегда очень дорого, и что для него вы должны пожертвовать всѣми вашими привычками? Знаете ли, что неудачи происходятъ обыкновенно отъ слишкомъ нетерпѣливаго желанія достигнуть скорѣе своей цѣли? Если вы выйдете сегодня изъ вашей комнаты, чтобы приступить къ осады прекрасной Элоры, то ваше несчастіе на морѣ будетъ походить на самую плохую военную хитрость; между тѣмъ какъ оно получитъ истинный, настоящій колоритъ, если вы выждете, какъ слѣдуетъ, дней восемь. Вы проскучали всю свою жизнь, говорите вы, ну такъ что жъ вамъ стоить проскучать недѣлей больше; а тогда плачь мой доставитъ вамъ полный, несомнѣнный успѣхъ. Васъ пугаетъ діета и неньюфарное питье, и въ этомъ случаѣ вы правы; но я, я все разсчелъ напередъ. Я запасаю провизіей, а вотъ даже и

ключъ отъ погреба, гдѣ хранится не неюфарное, а *Константиское гитъе*. Будьте покойны, столъ у васъ будетъ превосходный; и благодаря всегдашней вашей нервической блѣдности, вы будете все-таки походить съ виду на выздоравливающаго, хоть если даже проведете восемь прекрасныхъ ночей среди тайныхъ пиршествъ. Рѣшайтесь работѣнно повиноваться мнѣ, и я отвѣчаю за успѣхъ.

Льеторъ отвѣтилъ одобрителной улыбкой и протянулъ было руку Ментору, но тотъ не взялъ ее; роли помѣнялись, — невольникъ сталъ господиномъ, господство перешло на сторону другаго.

Все шло до конца, даже самыя мелочныя обстоятельства, по плану Бернардена. Истинное происшествіе, и то, казалось, не могло имѣть другаго хода; самыя опытные наблюдатели человѣческихъ дѣяній не могли бы заподозрить обмана въ этомъ правильномъ ходѣ, гдѣ не проскальзывало ни малѣйшаго слѣда безразсудной опрометчивости. Но, вещь странная для насъ, положительныхъ Европейцевъ, хитрый составитель этого плана, совѣтникъ Бернарденъ, принималъ такую пропастъ предосторожностей не столько противъ хозяевъ дома, сколько противъ смышленнаго слона Набоба. Такимъ образомъ, Бернарденъ, приговорившій Льетора на восьмидневное заключеніе, уговорилъ его, съ помощію трансцендентальной логики, продолжить тотъ срокъ еще на надѣлю, что составило верхъ искусства.

По прошествіи этихъ пятнадцати дней, домъ Мориса принялъ видъ праздника. Элора и прислуга съ нетерпѣніемъ ждали увидѣть молодаго человѣка, который интересовалъ ихъ такъ сильно въ продолженіе пятнадцати вѣковыхъ дней. Онъ сошелъ внизъ въ залу, гдѣ стоялъ уже накрытый для завтрака столъ, и поблагодарилъ служителей и хозяевъ простымъ, но трогательнымъ образомъ. Элора посадила его подлѣ себя, между тѣмъ какъ Бернарденъ суетился все насчетъ того, чтобы очистили въ залѣ воздухъ гигиеническими средствами и уничтожили сквозной вѣтеръ. Элора сіяла вся дѣтской радостью; она становилась почти-что героиней романическаго приключенія, она выходила изъ прежняго мертваго состоянія, она жила!

Давно и сильно жданная минута разсказа настала наконецъ. Исторія этого несчастнаго приключенія была составлена самимъ

Бернарденонъ, и Льеторъ долженъ былъ рассказывать ее по памяти, со всѣми объясненіями и мелочами, придуманными ловкимъ Менторомъ.

Дрожа вся отъ счастья, Элора облокотилась на столъ, положила подбородокъ на маленькія, голыя руки, и очаровательные ея глаза, пристально уставленные на Льетора, казалось, говорили ему: Начиайте, я слушаю.

Льеторъ провелъ нѣсколько разъ рукою по своимъ чернымъ волосамъ, ниспадавшимъ жесткими кудрями на плеча, и началъ робкимъ голосомъ слѣдующій рассказъ:

— Отправились мы изъ Маіотты, гдѣ я думалъ, съ помощію сакалавскихъ работниковъ изъ Мадагаскара, основать большую плантацію; корабль нашъ, *Рюйтеръ*, изъ Роттердама, напутствуемый хорошимъ вѣтеркомъ съ N-N-O., плылъ какъ нельзя лучше. Насъ было одиннадцать пассажировъ: ѣхали мы всѣ въ Капъ-Таунъ; плаваніе наше по Мозамбикскому каналу совершилось очень счастливо, хотя погода была и не совсѣмъ хороша. Потомъ останавливались мы въ бухтѣ св. Августина, чтобы запастись свѣжей водою, и отправились оттуда на другой же день. Съ этихъ поръ начались наши бѣдствія; сильный шквалъ настигнулъ насъ насупротивъ мыса св. Маріи, на двадцать седьмомъ градусѣ южной широты; мы потеряли нашу мачту бушпритъ, вѣтеръ сломилъ ее подъ самый корень, какъ какой-нибудь сахарный тростникъ, и убила она тогда у насъ двухъ сторожевыхъ матросовъ. Капитанъ нашъ, послѣ апоплексическаго удара, разстроился разсудкомъ; другой принялъ его начальство, но малый былъ еще неопытный, и нашъ штурманъ, опытный уже старикъ, сказалъ какъ-то мнѣ на ухо, что всѣ наши движенія крайне нелѣпы и невѣрны. Богъ мнѣ свидѣтель, что я боялся не за себя; подлѣ меня съ сокрушеннымъ сердцемъ плакала молодая женщина, миссъ Катрина Ламфельтъ, дочь богатаго Американца, котораго я уже считалъ будущимъ моимъ тестемъ. Все мое будущее, всѣ мечты, все счастье находились, стало быть, на этомъ кораблѣ, и я отдалъ бы все свое состояніе за одну мачту бушпритъ. Такъ, около половины ночи, поднялся крикъ изъ трюма, ужасный крикъ, отъ котораго кровь застыла у насъ въ жилахъ; дѣло въ томъ, что въ кораблѣ открылась течь;

надобно было бѣжать дѣйствовать насосами. Увы! насосы всегда скверно дѣйствуютъ на голландскомъ кораблѣ; да притомъ, странное дѣло, эта нація такъ крѣпко и плотно прилаживаетъ корпусъ корабля къ килевой части, что, кажется, нѣтъ никакой возможности быть течи. Мы всѣ принялись за работу, исключая женщинъ, и могу правду сказать, каждый изъ насъ работалъ усердно. Въ подобныя минуты, жизнь каждаго то же, что жизнь всѣхъ, весь корабль живетъ одной душой. Когда несчастье нападаетъ на корабль, то оно не знаетъ уже никакихъ мѣръ. Вдругъ море однимъ ударомъ расшибло нашъ руль, и пришлось править обломкомъ мачты, привязаннымъ къ задней части корабля. Вздумать сказать вамъ, сколько часовъ мы провели въ самомъ отчаянномъ положеніи, — нѣтъ никакой возможности, одному Богу то извѣстно. Наконецъ, возвѣстили сигналомъ, что показалась земля; мы увидѣли тогда, словно туманъ какой-нибудь, берегъ Африки; но вѣтеръ вдругъ утихъ, море стало тяжело, какъ растопленный свинецъ; насосы не переставали дѣйствовать, но мы не подвигались впередъ...

— Такъ это мы вашъ корабль видѣли въ тотъ ужасный вечеръ! — живо перебила его Элора.

— И я тоже думалъ — сказалъ Бернарденъ.

— О! продолжайте, продолжайте, — проговорила Элора, сложивши руки и приготовившись опять слушать.

— Тогда Богу угодно было внушить мнѣ одну мысль, — такъ принялся Льеторъ за прерванный рассказъ; — я сообщилъ ее одному, тотъ одобрилъ ее. Она заключалась въ томъ, что надобно было сдѣлать то же самое, что отецъ мой сдѣлалъ на другой день Трафальгарской битвы, въ которой онъ былъ собственно по доброй волѣ, не желая разставаться съ другомъ своимъ, адмираломъ Гравина А именно вотъ что: корабль *Буцентавръ* поправился нѣсколько послѣ битвы, но былъ еще все-таки въ такомъ плохомъ, разрушенномъ состояніи, что не иначе могъ доплыть до Кадикса, какъ на буксирѣ и при опытныхъ лоцманахъ. Отецъ мой былъ тоже на кораблѣ, и предложилъ послать въ небольшой лодкѣ кого-нибудь изъ молодыхъ и отважныхъ матросовъ просить помощи въ Кадиксѣ. Между тѣмъ, въ то время была буря ужасная, такъ-что, казалось, не было почти никакой возможности исполнить это пред-

ложеіе. Самые отважнѣйшіе изъ матросовъ не рѣшались взяться за это дѣло. Тогда отецъ мой, желая показать удобоисполнимость его, бросился самъ въ лодку, и, не смотря на яростное море, достигъ Кадикса. Такъ это, стало быть, такъ сказать, семейное, воспоминаніе и заставило меня предложить точно такую же попытку. По моему, нужно было добраться какъ-нибудь, чрезъ самыя ужасныя опасности, представляемыя ураганомъ, до Портъ-Наталя и просить о помощи. Работа насосами заняла не только всѣхъ матросовъ, но и пассажировъ; отнять у корабля одного чело-вѣка — уже много значило. Такимъ образомъ, мнѣ одному приходилось отважиться на это предпріятіе. Захвативши съ собою карабинъ и металлическій, плотно запаиванный, ящичекъ съ порохомъ, для всякаго случая, если нужно будетъ подавать о себѣ сигналы, я простился съ м-г Ламфельтомъ и миссъ Катриной, и пустился въ море. Съ этихъ поръ началась борьба, которую описать вамъ я не въ силахъ. Противникомъ моимъ былъ неукротимый океанъ, который разверзая каждую минуту, чтобы поглотить меня, и вслѣдъ за тѣмъ выбрасывалъ меня изъ пропасти на высоко-взды-мавшійся хребетъ волны, какъ бы желая такимъ образомъ продлить какъ можно долѣе предсмертныя мои страданія и доставить мнѣ всѣ ужасы медленной смерти. Разъ двадцать я уже готовъ былъ отказаться отъ этой неровной борьбы, но воспоминаніе о миссъ Катринѣ вдыхало въ меня, совсѣмъ выбившагося изъ силъ, новую крѣпость и бодрость, и я снова вступалъ въ страшный бой, гдѣ жизнь, съ страшнымъ отчаяніемъ, шла противъ явной смерти. Настала вскорѣ ночь, ужасная ночь. Все покрылось непроницаемой мглой. Берегъ исчезъ у меня изъ виду; молнія только ослѣпляла меня, но не освѣщала ничего; недалеко отъ меня разражался страшными ударами громъ и упалъ въ океанъ, потухая въ немъ съ несслыханнымъ трескомъ, отъ котораго, казалось, должна была раз-летѣться въ дребезги моя шляпка. Вдругъ я почувствовалъ, что повлекло меня теченіе съ какою-то непреодолимою силою, и я догадался, что близко должна быть земля; до меня долеталъ ужь острый запахъ африканской растительности. Наступала рѣшительная минута. Одна и та же волна могла поглотить и спасти меня. Воспользовавшись минутой тишины, я подалъ сигналъ о помощи, и

какова была моя радость: я услыхала, какъ отозвалось на него, словно близкій другъ, эхо. Но это было для меня послѣднимъ проблескомъ надежды. Огромная волна, которую можно было принять за какое-то подводное изверженіе, сбросила мою лодку, какъ щепку, вверхъ; я слышала только, какъ она затрещала у меня подъ ногами; вслѣдъ за тѣмъ, сильный ударъ подавилъ во мнѣ дыханіе; все исчезло для меня.

Льеторъ замолкъ; Бернарденъ отвернулся, какъ будто бы желая скрыть наворачнувшіяся слезы. Морисъ, какъ человѣкъ простодушный, не думая скрывать своего растроганнаго состоянія. Элора все оставалась въ прежнемъ своемъ положеніи, словно все еще слушала кончившійся уже разговоръ.

V.

Послѣ разсказа Льетора Адриасена воцарилось глубокое молчаніе. Ни Морисъ, ни жена его не имѣли духу спросить его объ участи миссъ Катрины. Да притомъ оно очень очевидно было, что корабль тотъ со всѣми пассажирами и матросами погибъ безвозвратно въ свирѣпыхъ волнахъ грознаго океана. Такъ, стало быть, бесполезно было спрашивать о новыхъ подробностяхъ этой плачевной катастрофы, она была написана на лицѣ Льетора и разсказана его грустнымъ молчаніемъ, какъ нельзя яснѣе и понятнѣе.

Жалобный звукъ, глухой и дребезжащій, словно вылетѣвшій изъ бронзовой груди, раздался подлѣ дома, и двое изъ бывшихъ у Мориса гостей вздрогнули и посмотрѣли на дверь съ ужасомъ, отъ котораго они напрасно старались оправиться.

— Это ничего, — сказала, улыбаясь, Элора; — это Набобъ жалуется, что я позабыла объ немъ.

Молодая женщина взяла со стола кусокъ пирога, встала съ своего мѣста, и, отправившись на балконъ, подозвала слона, который повторилъ свою жалобу тѣмъ же тономъ и началъ подходить къ ней медленнымъ шагомъ.

— Бѣдный мой Набобъ, — сказала ему Элора, — вотъ тебѣ, возьми.... Ну, подходи же скорѣе.... А! не хорошо, не годится тебѣ такъ сердиться на меня.

Слонъ же не протягивалъ хобота, а продолжалъ все выказывать знаки безпокойства, которыхъ однакожь не поняли простодушная молодая женщина и супругъ ея. Бернарденъ пристально посматривалъ на Льетора, словно желая сказать ему:

— Пора, братъ, удалиться; плохо приходится намъ здѣсь.

Льеторъ, вслѣдствіе раболѣпнаго повиновенія своему совѣтнику, не поднявшій, во все время разказа, глазъ на прекрасную креолку, вознаграждалъ теперь потерянное время и любовался каждымъ ея движеніемъ, съ тѣхъ поръ, какъ она оставила свое мѣсто и разговаривала съ любимцемъ своимъ Набобомъ. Такое опрометчивое развлеченіе перебудоражило всю кровь въ Бернарденѣ. Онъ всталъ и сказалъ довольно громкимъ голосомъ:

— М-г Адриасень, не употребляйте во зло перваго дня вашего выздоровленія; вы слишкомъ сильно растревожили себя этимъ разказомъ; вамъ слѣдуетъ теперь отдохнуть. Докторъ Беляссень поручилъ мнѣ присматривать за вами и не позволять вамъ ни малѣйшаго безразсудства. Такъ прошу васъ, распроститесь съ хозяевами и отправитесь къ себѣ наверхъ.

Элора и Морисъ оставили Набоба и одобрили благой совѣтъ Бернардена.

— Вы не можете ни въ чемъ отказать такому рѣдкому чело-вѣку, какъ м-г Бернарденъ.—сказалъ Морисъ Льетору: онъ ходилъ за вами, какъ братъ, во все время вашей болѣзни. Его преданность къ вамъ заслуживаетъ чего-нибудь побольше дружбы! она обязуетъ васъ вполне повиноваться его наставленіямъ... и жена моя скажетъ вамъ тоже.

Элора взяла Бернардена за руку, пожала ее съ видомъ самой искренней признательности и наградила его при этомъ самой очаровательной улыбкой.

Льеторъ, не понимая ничего въ этой домашней стратегіи Бернардена, всталъ съ своего мѣста послѣдній и съ такимъ сильнымъ желаніемъ разругать его наединѣ за такую помѣху наслажденіямъ его, что, раскланявшись наскоро съ хозяевами дома, онъ пустился вверхъ по лѣстницѣ съ страшною быстротою, позабывъ, вѣроятно, роль выздоравливающаго. Когда оба сообщника очутились

наединѣ, Бернарденъ скрестилъ руки на груди и сказалъ Льетору повелительнымъ тономъ, который возвышался все съ каждымъ днемъ:

— Въ васъ есть смѣлость, умъ, образованіе, но больше ровно ничего. Сохрани Боже оставить васъ однихъ на произволъ вашихъ собственныхъ дарованій и причудъ, вы тогда надѣлаете такихъ глупостей, что бѣда. Нѣтъ у васъ ни тонкаго ума, ни дальновидности, нѣтъ даже обыкновеннаго житейскаго смысла, и вы жестоко ошибаетесь, если воображаете оставаться здѣсь долѣе....

— Да кто жъ насъ прогонитъ отсюда? — перебилъ Льеторъ.

— Насъ не прогонять, — возразилъ Бернарденъ, — а убьютъ здѣсь. Занимались ли вы, да, занимались ли вы когда-нибудь по книгамъ естественной исторіей; я же скажу вамъ, что я изучалъ ее въ природѣ, и вотъ сейчасъ расскажу вамъ небольшую исторію про слона, которая объяснитъ вамъ ваше положеніе. Если угодно, впрочемъ, можете прочесть ее въ тысяча сорокъ седьмомъ номерѣ *Кань-Тиунскаго Обозрѣнія*. У одного плантатора, именно Уульгестена, была въ Канской колоніи, недалеко отъ устья рѣки Слоновъ, у самой бухты Св. Елены, хорошенькая ферма. Онъ какъ-то прогналъ отъ себя трехъ свободныхъ негровъ за то, что они выпили у него нѣсколько бутылокъ констанцскаго вина. Тѣ вздумали отметить ему; заговоръ у нихъ происходилъ, подъ навѣсомъ, недалеко отъ его фермы. Случилось быть тутъ слону, который принадлежалъ плантатору; онъ ничего ни дѣлалъ, какъ только все маялъ отломкомъ сахарнаго тростника, такъ и не обратилъ на него никакого вниманія. Да и какой злодѣй станетъ опасаться въ подобномъ случаѣ присутствія животнаго? Въ одну прекрасную ночь эти три негра, вооруженные ножами, перелѣзли черезъ ограду фермы и готовились уже отпереть дверь заранѣе подобраннымъ ключемъ, какъ является къ нимъ, очень тихо и спокойно, словно въ сомнамбулизмѣ, слонъ, и двухъ изъ нихъ убиваетъ хоботомъ; третій же успѣваетъ подскочить къ пальмѣ и взбирается, словно векша, на самую верхушку, но, вотъ бѣда-то, влѣзть-то влѣзъ, а слѣзть-то ужъ не смѣетъ: слонъ прокараулилъ его у дерева ночь цѣлую, а какъ настало утро, то его взяли, посадили въ тюрьму, осудили и казнили. Передъ смертію, этотъ несчастный признался во всемъ.

— Бернарденъ, — прервалъ Льеторъ, — ты слишкомъ ужъ поштался на слонахъ; придетъ же въ голову придавать имъ почти человѣческой умъ.

— Сохрани меня Богъ! — возразилъ Бернарденъ. Я видѣлъ черепъ слона въ Капъ-Таунскомъ анатомическомъ амфитеатрѣ. Слоны по разумѣнію стоятъ выше всѣхъ другихъ животныхъ. Въ Азіи, эти животные составляютъ уже испорченную породу. Въ Африкѣ же, совсѣмъ другое дѣло. Почва, небо, солнце, полны здѣсь могущества и силы, и все, что родится здѣсь, получаетъ ихъ отпечатокъ. Есть, позади насъ, порода слоновъ, живущихъ отдѣльными благоустроенными обществами, которыя имѣютъ у себя нравы, обычаи, самые древніе, непреложные законы, ведущіе свое начало, быть можетъ, отъ Адама. Люди мутятъ свою жизнь разными переворотами, эти же африканскіе слоны не знаютъ ихъ. Они живутъ себѣ спокойно въ странахъ, неизвѣстныхъ еще географамъ, образуя неизмѣрно обширное царство, простирающееся отъ озера Марави, что находится на плоскости Сембо, до горъ Гебель-эль-Конари. Если мы видимъ столько ума въ мудро устроенномъ правленіи пчелъ, то какъ же не отдать намъ должнаго общественнымъ учрежденіямъ этихъ колоссовъ, установившихъ свое пребываніе въ самой лучшей странѣ свѣта, чтобы жить себѣ мирно въ одиночествѣ и тишинѣ, среди открытаго воздуха, въ богатой тѣни и подъ покровомъ великолѣпнаго солнца! А нашъ непріятель, Набобъ, изъ этой породы выродокъ; это смышленное и разсудительное дитя той жгучей, огненной страны. Азіатская летаргія не коснулась его: огонь не потухъ въ его глазахъ и разсудокъ его не впалъ въ изнѣженное состояніе. Это — кусокъ крѣпкой африканской скалы, оживленный пламеннымъ солнцемъ. Бѣда, если онъ разгадаетъ насъ, и повѣрьте, онъ ужъ разгадалъ.

— Чортъ тебя знаетъ, Бернарденъ, — проговорилъ нетерпѣливо Льеторъ, — ты, какъ видно, изучилъ въ совершенствѣ слоновъ; противъ твоихъ зоологическихъ познаній я возражать не могу, преклоняюсь передъ ними, и жду теперь твоего приговора.

— Приговоръ мой сдѣланъ и подписанъ, — отвѣтилъ Бернарденъ: — надо отправляться отсюда.

— Отправляться, — возразилъ Льеторъ; о, нѣтъ! моя жизнь

крѣпко-на-крѣпко связана съ этимъ домомъ. Отправляйся, коли такъ трусишь, а я не тронусь отсюда.

— Трусостью обыкновенно въ устахъ вбалмошныхъ называется то, что, по настоящему, есть только не больше, какъ благоразуміе. Конечно, есть во мнѣ пороки, но я не хочу увеличить числа ихъ неблагодарностью; я остаюсь при васъ.

— Премного тебѣ благодаренъ, Бернарденъ! Теперь же, такъ-какъ ты молодецъ на выдумки, то ты устройшь мнѣ самый надежный планъ, и притомъ такой, который не могъ бы насъ выдать черному чудовищу.

— Хорошо, постараюсь,—сказалъ Бернарденъ, потирая лобъ.

— Другъ мой, — проговорилъ Льеторъ, — я попалъ наконецъ на то, что оживляетъ меня; ночи для меня проходятъ въ самыхъ отрадныхъ, ясныхъ сновидѣніяхъ, дни въ самыхъ пріятныхъ, упительныхъ ощущеніяхъ; вся жизнь моя въ этомъ домѣ; я теперь чувствую, что живу. Самая зависть, жгучая, давящая меня зависть и лихорадочная дрожь, проявляющіяся во мнѣ, при видѣ блаженства Мориса, имѣютъ какую-то свою прелесть. Будущее терзаетъ меня своей неизвѣстностью; такъ, стало быть, есть для меня теперь будущее, тогда-какъ прежде я никогда не зналъ и настоящаго. Что за участь ждетъ мою страсть? вотъ въ чемъ теперь моя задача! Придется ли пасть въ бездну? или, буду витать на седьмомъ небѣ? Одна эта неизвѣстность производитъ во мнѣ дрожь каждую минуту и придаетъ моей жизни какую-то неизъяснимую, невѣдомую мнѣ доселѣ, прелесть... И ты хочешь, чтобы я началъ опять влачить свое существованіе, взялся бы опять за медленное самоубійство, — и изъ-за чего? изъ-за того, что у слоновъ будто бы ума палата! Воля твоя, я эту шутку не намѣренъ принимать за что-нибудь серьезное. Ищи, изобрѣтай, нападай на удачные планы и предоставь наслаждаться жизнью своему благодѣтелю, не отнимай у него этой жизни, которой всего еще миновало только пятнадцать дней.

— Пойдите! — произнесъ Бернарденъ, потирая лобъ, — мнѣ пришла прекрасная мысль!

— Ну, какая жь?

— Такъ какъ это совсѣмъ новая мысль, — отвѣтилъ Бернарденъ,

*

то я не могу поручиться, хороша ли она. Рѣшите сами... Морисъ прѣд-
 часть доженъ мнѣ, а уплатить не въ состояніи... Я предложу ему завтра
 расквитаться со мной вмѣсто денегъ слономъ Набобомъ. Мы убьемъ
 его тогда, подъ предлогомъ, что хотимъ будто бы сдѣлать изъ него
 чучелу и отослать, какъ нѣкоторый феноменъ, въ Канскій музей.

— Другъ мой, придумай что-нибудь подѣльнѣе. Никогда Элора
 не согласится разстаться съ своимъ слономъ, для уплаты мужниныхъ
 долговъ.

— Точно, ваша правда; но чтобы придумать хорошую мысль,
 приходится обыкновенно высказать напередъ всегда дурную... Такъ,
 если угодно, вотъ вамъ хорошая!... Но въ основаніи ея должна лечь
 слѣдующая: надо сперва удалить Мориса отъ жены.

— О! конечно такъ.

— Если мы разлучимъ этихъ двухъ существъ какимъ-нибудь
 насильственнымъ образомъ, то вы, въ десять лѣтъ, останетесь при
 томъ же, при чемъ были въ первый день.

— Само собой разумѣется.

— Этотъ мужъ истинный особнякъ въ своемъ родѣ, вотъ вы это
 увидите; онъ настоящая тѣнь своей жены, — никогда не удастся
 увидѣть вамъ, чтобы его не было при ней.

— Въ Европѣ не увидишь подобной вещи, — сказалъ Льеторъ.

— Въ томъ-то и дѣло, что мы не въ Европѣ, а въ Африкѣ, —
 возразилъ Бернарденъ. Но воспользуемся же нашимъ положе-
 ніемъ.... Завтра я пробуду нѣсколько времени въ Портъ-Натагѣ
 и явлюсь оттуда съ самымъ сокрушеннымъ видомъ... Всѣ должники
 мои оказались будто бы несостоятельными... Мнѣ же будто бы
 нужно, въ продолженіе двадцати четырехъ часовъ, непременно сдѣ-
 лать кой-какія значительныя уплаты... Такъ-что жизнь моя держится
 на одномъ волоскѣ... Я начинаю бормотать почти-что про себя
 разныя проклятія и рѣшаюсь лучше руки наложить на себя. Тутъ за-
 блистаетъ у меня въ рукахъ отличный, дорогой пистолетъ. Все это,
 повѣрьте, будетъ сыграно нанестественнѣйшимъ образомъ. Прос-
 тодушный Морисъ забьетъ тревогу; наивное его сердце придетъ въ
 непреодолимый ужасъ отъ моего сквернаго положенія. Онъ не скоро
 соберется съ духомъ, чтобы подать мнѣ совѣтъ; вотъ тогда-то я

ему укажу прямо на одну вещь, какъ на единственное спасеніе для меня; я шепну ему ваше имя. Пойду даже далѣе; я внушу ему, что на это жилище, роскошное съ виду и ничтожное въ отношеніи выгоды, онъ можетъ найти какого-нибудь очень богатаго или очень обязательнаго покупателя, и что м-г Льеторъ могъ бы пожалуй быть этимъ покупщикомъ, если бы онъ, владѣлецъ, имѣлъ смѣлость сдѣлать ему такое предложеніе. Назначится цѣна настоящая, такъ около десяти тысячъ піастровъ. Морисъ, угрожаемый моимъ самоубійствомъ, согласится. Вотъ вы и хозяинъ у него въ домѣ. Это еще не все. Первое дѣло кончится, приступлю къ другому: буду постоянно вбивать ему въ голову, что праздность начинается тяготить васъ, что вы, желая забыть потерю вашей невѣсты, миссъ Катрины, хотите заняться, для развлечения, торговлей; что вы намерены основать торговый домъ въ Портъ-Наталъ, и что не худо бы ему было войти съ вами въ товарищество, чтобы пустить такимъ образомъ въ оборотъ остающіеся у него, послѣ продажи земли, не то восемь, не то девять тысячъ піастровъ, которыхъ навѣрно недостаточно будетъ, чтобы прожить ему съ своей супругой, какъ слѣдуетъ, до конца вѣка. Вслѣдъ за этимъ, я ему распишу самымъ плачевнымъ образомъ участь женатаго человѣка, у котораго нѣтъ никакого другаго источника для жизни, кромѣ мѣшка лежачихъ безъ оборота денегъ; и въ добавокъ докажу это самыми ясными, убѣдительными доводами. На все это возражать нечѣмъ. Я незамѣтно толкну его сначала къ покатою горѣ, такъ-что ему поневолѣ придется прокатиться до самой подошвы. Такимъ образомъ, онъ вынужденъ будетъ покориться своей участи, то-есть, стать вашимъ рабочимъ, а за нами останется въ одномъ только затрудненіе, въ выборѣ средствъ. Случай сами явятся тогда толпой къ нашимъ услугамъ и будутъ все съ каждымъ днемъ подкапывать супружеское зданіе и производить незамѣтный разводъ въ прочномъ союзѣ. Всякое препятствіе тогда, даже въ отношеніи Набоба, разлетится въ прахъ. Поле сраженія неоспоримо останется за вами. Въ одной рукѣ у васъ будетъ жена, а въ другой мужъ, и вы будете властны дѣлать съ ними, что угодно. Если же вы этимъ планомъ недовольны, то я умываю руки и удаляюсь; ищите, гдѣ хотите, другаго, болѣе искуснаго зодчаго для вашего будущаго.

Льеторъ Адриасенъ слушалъ своего совѣтника съ большимъ вниманіемъ, и когда тотъ кончилъ свою рѣчь, то онъ хранилъ нѣкоторое время озабоченное молчаніе, обличавшее въ немъ серьезную мыслительную работу.

— Этотъ планъ, кажется мнѣ, очень хорошъ, — проговорилъ онъ наконецъ. — и я напрасно думаю отыскать какое-либо непредвидѣнное препятствіе, которое могло бы помѣшать его успѣшному ходу...

— Препятствія тутъ быть не можетъ, — прервалъ Бернарденъ.

— Ну нѣтъ, есть одно, — сказалъ Льеторъ, покачивая головой, — и происходитъ отъ меня; причина его лежитъ въ самой основѣ моего характера, а именно, въ моей нетерпѣливости. Мнѣ хочется, чтобы происшествія шли на самомъ дѣлѣ такъ же быстро, какъ ты ихъ рассказываешь. Меня бросаетъ ужъ въ лихорадку отъ одной мысли, что этотъ превосходный планъ никакъ не можетъ быть исполненъ завтрашній же день. Я прожилъ ужъ цѣлые вѣка въ эти пять минутъ! Боже мой! какъ время-то кажется долгимъ, когда оно еще не прошло! Я боюсь потерять все изъ-за непомѣрнаго нетерпѣнія. Вотъ въ чемъ препятствіе.

— Пойдите, благодѣтель мой, — возразилъ Бернарденъ, — мы васъ поукротимъ; нетерпѣливость-то вашу я взнуздаю и буду сдерживать ее правою рукою, которая, нечего сказать, сильна у меня, а жеребцовыя ваши ноги закую въ кандалы. Вотъ тогда и увидимъ, что изъ васъ будетъ. Да, этотъ планъ моего произведенія, тутъ; стало быть, замѣшано мое авторское самолюбіе, и я хочу, чтобъ онъ восторжествовалъ, во что бы то ни стало, хоть даже если и будетъ какое-либо препятствіе съ вашей стороны.

Между тѣмъ, время было далеко уже за полночь; Бернарденъ и Льеторъ обмѣнялись еще нѣсколькими словами и были незамѣтно увлечены въ царство сна заронившимися въ головы ихъ обворожительно-прекрасными мечтами.

Всякая женщина, кто бы она ни была, королева ли или простая смертная, испытываетъ, при подобныхъ обстоятельствахъ, въ сердцѣ своемъ совершенно одинакія потрясенія и бесѣдуетъ въ душѣ съ одними и тѣми же мыслями. По этому и прекрасная Элора въ эту минуту точно также размышляла, какъ и Кароагенская царица.

и не переставала все, съ нѣкоторымъ ужасомъ, спрашивать самое себя, что за новый гость такой сидѣлъ у нихъ сегодня за столомъ? (*) Вслѣдъ за тѣмъ она охотно отдавалась воспоминанію о вечерѣ, пролетѣвшемъ такъ тихо и незамѣтно, а между тѣмъ оставившемъ послѣ себя столько ощущеній. Какое большое вниманіе пробудилъ во всѣхъ, думала она, этотъ молодой человекъ, съ такимъ блѣднымъ лицомъ, съ такимъ грустнымъ взоромъ, съ такимъ нѣжнымъ, приятнымъ голосомъ! и какъ хорошо рассказываетъ онъ эти ужасныя морскія сцены. Какъ вѣрно онъ описываетъ эти картины отчаянія! и въ особенности въ какую глубокую, неизлечимую печаль повергаетъ его память по молодой дѣвушкѣ, умершей въ виду своего счастья!

Одно только въ этомъ воспоминаніи тревожило Элору и казалось ей необъяснимымъ. Конечно, престодушная креолка явилась на этотъ ужинъ, безъ малѣйшаго преступнаго умысла заинтересовать кокетствомъ молодого человека; но, по обаянію какого-то, не постижимаго ей самой, инстинкта, она одѣлась и убрала себя несравненно лучше обыкновеннаго; она помѣстила сверхъ волосъ тотъ драгоценный жемчужный уборъ, что купила у Бернардена; надѣла самыя лучшія браслеты, а между тѣмъ, ни прелестная ея красота, ни блестящій туалетъ не вызвали у этого молодого человека ни одного, какъ есть ни одного взгляда. Она, стало быть, была прекрасна только въ глазахъ мужа, для всѣхъ же прочихъ она не имѣла въ себѣ ничего особеннаго, ибо первый случившійся незнакомецъ не обратилъ на нее ровно никакого вниманія. Эта мысль остримъ, жгучимъ жаломъ вошла въ сердце молодой женщины; это состояніе души удивило ее, и она была такъ престодушна, что, не имѣя близкаго друга, которому бы могла передать терзавшія ея недоразумѣнія, обратилась, за разрѣшеніемъ ихъ, къ мужу.

— Я люблю тебя, — говорила она ему съ обворожительнымъ увлеченіемъ, — и люблю тебя одного; я бываю счастлива, когда ты хвалишь мою красоту, мои наряды; отчего жъ мнѣ такъ больно,

(*) *Quis novus hic nostris successit sedibus hospes?*

(*Виргилій.*)

что другой, совѣтъ посторонній человѣкъ не хочетъ обратить на меня вниманія? Не потому ли, что онъ тѣмъ какъ будто оскорбляетъ твой вкусъ и какъ будто смѣется надъ предметомъ твоей любви, твоего боготворенія?

— Да, другъ мой, ты угадала, — отвѣчала ей Морисъ. Не самолюбіе страдаетъ въ тебѣ отъ этого презрѣнія, а любовь. У тебя на душѣ пронесется въ смутномъ видѣ слѣдующая мысль: «Такъ какъ этотъ незнакомецъ не удостоиваетъ меня самаго простаго взгляда, то, можетъ быть, настанетъ время, когда и мужъ мой будетъ такой же ко мнѣ, будетъ проходить съ самымъ спокойнымъ равнодушіемъ мимо моей красоты.» Одно оскорбляетъ меня, при этомъ, новомъ для насъ обоихъ, разговорѣ, а именно то, что насъ не удовлетворяетъ ужъ болѣе наша уединенная жизнь; посторонніе люди проникли нѣсколько въ эту жизнь, которая была до этого полнымъ, нераздѣльнымъ нашимъ достояніемъ, и удостоились наравнѣ со мной блаженства созерцать и слушать тебя, что можетъ довести ихъ до того, что они съ благоговѣніемъ и любовію преклоняютъ предъ тобой колѣна. А потомъ, горе мнѣ, если явится во мнѣ ревность! Она уже существуетъ въ глубинѣ моего сердца, эта ревность, но еще такая нелѣпая и несправедливая, что мнѣ всегда самому бываетъ смѣшно, когда поразмыслишь нѣсколько. Повѣришь ли? я страдаю, если вижу, что улыбка твоя обращена на какой-нибудь цвѣтокъ, на какое-нибудь дерево или видъ мѣстности, вообще на какіе бы то ни было неодушевленные предметы, доставляющіе тебѣ радость и развлеченіе. Мнѣ бы хотѣлось быть всѣмъ тѣмъ, что прельщаетъ тебя; мнѣ бы хотѣлось обладать могуществомъ, по которому я могъ бы вдыхать въ тебя всѣ прелести этой, окружающей насъ, природы, и которыхъ ты, неблагодарная, такъ жаждешь, какъ будто Богъ, создавая тебя, не отмѣтилъ тебя той особенной, чудной красотой, предъ которой блѣднѣетъ все прочее твореніе; и если я такъ глупо ревную тебя къ неодушевленной природѣ, то что будетъ со мною, моя прекрасная Элора, если придется увидѣть, что чья-нибудь человѣческіе взоры устремились на тебя, да еще съ какою-нибудь задней мыслью? Шумъ и смятеніе проникли извнѣ въ наше уединенное жилище, находившееся подъ сѣнію священнаго мира; сдѣланъ ужъ первоначальный проломъ

въ стѣнѣ этого сада. Нечестивыя стопы коснулись этой травы. И нѣтъ болѣе у насъ этого богатства, которое даетъ тихое счастье и охраняетъ его отъ докучныхъ посѣтителей. Наша дверь должна теперь непременно отвориться настежь для безусловнаго приема этихъ неутомимыхъ людей, чѣмъ носить названіе кредиторовъ. Ты скажешь, можетъ быть, что не понимаешь моихъ словъ? Такъ я готовъ объяснить. Видишь ли, кредиторъ есть существо, неизвѣстное еще обитателямъ дикихъ лѣсовъ и пустынь; существо это — выродокъ цивилизаціи. Кредиторъ тотъ же господинъ, деснотъ, тиранъ; онъ пользуется открытымъ входомъ въ вашъ домъ, имѣетъ право прервать вашъ сонъ, обѣдъ; можетъ безнаказанно кричать на васъ, безъ всякаго приглашенія располагаться, на чемъ ему угодно, у вашего домашняго очага, имѣетъ полное право тащить васъ передъ лицо суда, въ его власти разлучить васъ съ женою, заточить васъ въ тюрьму....

— Ахъ, Боже мой! — перебила молодая женщина, поблѣднѣвшая отъ ужаса, — неужели же намъ угрожаютъ подобные люди?

— Да, угрожаютъ, несчастная моя Элора, — отвѣтилъ Морисъ со слезами на глазахъ.

— Но, — возразила его жена, — надо сейчасъ же отправляться отсюда, надо убѣжать поскорѣе отъ этихъ злодѣевъ, которые могутъ разлучить меня съ тобою.

— Отправляться отсюда! — произнесъ задумчиво Морисъ; — отправляться! Сущая невозможность! Знаешь ли, что стодятъ сборы, путешествіе, наконецъ поселеніе и обзаведеніе въ какой-нибудь дальней и незнакомой сторонѣ? Богатые одни могутъ такъ свободно распоряжаться своимъ временемъ, а мы обѣднали; да если бы даже богатство и не покинуло насъ, то мы все-таки не могли бы уѣхать отсюда. Владѣніе наше хотя и составляетъ, по настоящему, капиталъ, но капиталъ ничтожный въ глазахъ здѣшней торговой страны, такъ-что если я и захочу продать его за самую пустую цѣну, то и тогда врядъ ли найду покупателя.

— Такъ что жъ намъ дѣлать-то? — воскликнула отчаяннымъ голосомъ Элора. Чтѣ станетъ теперь съ нами? Боже мой, Боже мой! чтѣ это ты мнѣ наказыль-то! Я была такъ счастлива!.. Морисъ,

если вздумаютъ взять тебя у меня, то я уцѣплюсь за тебя, послѣдую всюду за тобой, даже хоть въ тюрьму.

— Но тебѣ нельзя будетъ этого сдѣлать, милая моя; законъ ужъ таковъ. Насъ разлучатъ. Ты останешься одна, здѣсь, въ этой пустынѣ; да, одна!... Охъ! вся кровь леденѣетъ во мнѣ отъ этой мысли! голова горитъ! сердце разрывается на части! Я страдаю уже за всѣ предстоящія бѣдствія.

— Но послушай, мой другъ, — сказала Элора, — неужели ты думаешь, что этотъ добрый торговецъ, который сдѣлался почти нашимъ другомъ, способенъ былъ на такое зло, чтобы...

— О! — перебилъ Морисъ, — не его я боюсь, потому-что ужъ онъ столько разъ доказалъ намъ свою привязанность. Но, другъ мой, несостоятельность моего банкира предаетъ меня теперь въ руки Бога знаетъ какихъ кредиторовъ, которые, можетъ быть, не будутъ имѣть ко мнѣ никакого состраданія; вотъ ихъ-то я и боюсь. Хорошо еще, что м-гъ Льеторъ Адриасенъ выздоровѣлъ и вѣроятно скоро оставитъ насъ; а то, признаюсь, тяжело мнѣ было бы выносить весь этотъ ложный стыдъ несостоятельнаго должника въ присутствіи посторонняго человѣка.

— Такъ онъ сказалъ, что уѣдетъ скоро?—спросила молодая женщина.

— Да; то-есть, онъ далъ мнѣ понять это. Да, впрочемъ, что жъ ему и дѣлать-то у насъ? Ему предстоятъ еще тяжелыя, прискорбныя обязанности въ отношеніи двухъ семействъ; онъ боится также огорчать насъ долѣе своимъ мрачнымъ отчаяніемъ и глубокой печалью. Вѣроятно онъ завтра же оставитъ насъ и докончатъ свое выздоровленіе въ Портъ-Наталѣ. Какъ мнѣ кажется, Бернарденъ тоже отправится вмѣстѣ съ нимъ; онъ былъ ему, въ самомъ дѣлѣ, такъ преданъ и полезенъ во время болѣзни. Подобныя услуги никогда не забываются. Льеторъ Адриасенъ выказалъ сегодня, какъ онъ сильно признателенъ этому доброму молодому человѣку. Вотъ теперь вышли изъ нихъ два вѣчные, неизмѣнимые друга.

Эти разговоры Льетора съ Бернарденомъ и Мориса съ своей женой происходили почти въ одно и то же время. Они даютъ точное понятіе о томъ расположеніи умовъ, въ какомъ находились лица нашего разсказа, наканунѣ дня, въ который Бернарденъ долженъ былъ поставить первыя вехи сообразно съ своимъ новымъ адскимъ планомъ.

(Продолженіе въ слѣдующей книгѣ).

АНГЛІЙСКАЯ АРМІЯ ВЪ ОСТЪ-ИНДІИ. (*)

По поводу дневнаго приказа, изданнаго главнокомандующимъ остъ-индской арміи, сэромъ Чарльзомъ Непвромъ при отъѣздѣ его изъ Индіи, Times замѣчаетъ слѣдующее: этотъ документъ интересенъ не только потому, что въ немъ высказался энергическій характеръ стараго война, но и потому, что онъ знакомитъ насъ съ привычками и нравственными состояніемъ нашей индѣйской арміи. Устройство и подвиги ея напоминаютъ тѣ римскія войска, о которыхъ говорится въ послѣднихъ главахъ Тацита и первыхъ Гиббона. Остъ-Индія представляетъ неизмѣримый материкъ, густо населенный различными племенами, между которыми одни отличаются тонкостью острою ума, другія терпѣливымъ прилежаніемъ, третья (какъ напримѣръ Мараты, Сейки) такими ужасными военными качествами, что европейскому войску дорого бы обошлись побѣды, если бы частныя усилія ихъ возстановить свою независимость — были подкрѣпляемы лучшею дисциплиною. При всемъ томъ присутствіе незначительнаго отряда Англичанъ держитъ въ совершенномъ повиновеніи эту обширную страну. На всемъ пространствѣ отъ мыса Коморина до Гималай, отъ Бирманской границы до Белуджистана главная сила британскаго войска сосредоточивается въ горсти англійскихъ офицеровъ и въ двадцати чисто-англійскихъ полкахъ. Отъ нихъ зависитъ усиленіе или ослабленіе дисциплины въ индѣйскомъ войскѣ, а отъ этой дисциплины зависитъ усиленіе или ослабленіе

(*) Считаемо занимательнымъ для читателей этотъ отзывъ объ англійской дисциплинѣ, давно сдѣланный, при всѣхъ похвалахъ прочимъ достоинствамъ войска.

вліянія британскаго вменн на Востокъ; ибо наши индійскія владѣнія, будучи приобрѣтены мечемъ, мечемъ же должны быть упрочены. По этому для насъ въ высшей степени интересно изученіе образа жизни людей, на которыхъ лежатъ такая огромная отвѣтственность. Намъ пзвѣстно ихъ терпѣніе въ полѣ, ихъ геройское мужество въ сраженіи. Мы знаемъ, что ни сабли, ни пушки, ни холодъ, ни жаръ, ни голодъ, ни какія бы то ни были трудности, не могутъ столкнуть ихъ съ узкой стези, ведущей къ побѣдѣ. Но въ состояніи ли желѣзные доблести ихъ устоять противъ расслабляющихъ прелестей роскоши и иги, когда гнѣтъ внѣшнихъ обстоятельствъ прекращается? На маршѣ подъ палящими лучами азіатскаго солнца, на бивакахъ, среди приготовленій къ предстоящей битвѣ, они не подвергаются никакому разрушительному вліянію. Гораздо опаснѣйшія испытанія начинаются для нихъ, когда всѣ противники низложены и когда солдатамъ, квартирующимъ въ богатыхъ городахъ, открываются всѣ наслажденія и удовольствія роскоши. Мысли, еще недавно занятія серьезными предметами, исключительно сосредоточиваются на балахъ, скачкахъ и карточной игрѣ. Высокія умственные способности гибнутъ среди пустыхъ удовольствій, а чувственность и страсть къ наслажденіямъ въ самое короткое время убиваютъ воинскія доблести: этимъ—то недугомъ и страдаетъ британская армія въ Индіи. Побѣдивши могущественныхъ Сейковъ, грозившихъ съверо-западной границѣ нашихъ владѣній, она думаетъ, что на будущее время устраненъ всякій поводъ къ возобновленію непріязненныхъ дѣйствій. Известно, что сэръ Чарльзъ Непиръ посланъ былъ въ Индію для окончанія войны съ Сейками, бывшей сначала несчастливою для англійскаго оружія. Но еще до его пріѣзда лордъ Гоу (Gough) благополучно ее окончилъ. Тогда Непиръ принужденъ былъ начать борьбу другаго рода; онъ остался въ Индіи для возстановленія въ арміи дисциплины, ослабленной роскошью и пороками подчиненныхъ ему офицеровъ. Это и побудило его издать дневной приказъ, которымъ онъ распрощался съ Индіею. Сэръ Чарльзъ очень хорошо понимаетъ, что добродѣтели по большой части возбуждаются внѣшними обстоятельствами, хотя источникъ ихъ заключается въ сердцѣ. Но ничто такъ не препятствуетъ развитію героизма, какъ положеніе индійскаго офицера во времена глубокаго мира. По этому

Непиръ указываетъ на существованіе въ человѣческомъ сердцѣ начала, которое можетъ и должно противодѣйствовать вредному вліянію внѣшнихъ обстоятельствъ. Онъ совѣтуетъ своимъ офицерамъ никогда не терять изъ виду путеводной звѣзды чести. Одна храбрость не даетъ правъ на уваженіе. Если офицеръ — отличный стрѣлокъ и смѣлый наѣздникъ, если онъ хладнокровно стоитъ подъ батарейнымъ огнемъ и съ горячностью врывается въ карре Сейковъ; то онъ только солдатъ, не болѣе. По мнѣнію Непира, этого мало для того, чтобы быть офицеромъ-джентльменомъ. Онъ требуетъ, чтобы маіоръ, капитанъ или поручикъ не только не боялся стали и пороха, но и свято бы держалъ слово, выполнялъ обязательства и платилъ долги. Если же онъ этого не дѣлаетъ, то хотя бы онъ всегда былъ первымъ на штурмѣ, Непиръ не иначе могъ бы говорить съ нимъ, какъ съ упрекомъ и презрѣніемъ. Безъ всякой жалости нападаетъ онъ на тотъ нравственный кодексъ, который зжидается на слѣдующихъ двухъ положеніяхъ: 1) «Не плати никакихъ долговъ, кромѣ карточныхъ, и 2) поступай, если хочешь, какъ плутъ, но стрѣляйся съ тѣмъ, кто тебя назоветъ плутомъ.» Грустно подумать, что индѣйская армія заслужила, чтобы главнокомандующій съ нею такъ простился; въ ней должно быть много дурнаго, если и главнокомандующій такъ разстался съ своими офицерами! — Какъ ни оригиналенъ такой поступокъ, но мы думаемъ, что Непиръ хорошо сдѣлалъ, высказавши свое негодованіе въ такихъ чисто-саксонскихъ выраженіяхъ. Ничто не можетъ такъ хорошо помочь, какъ горькое лекарство, принятое изъ рукъ полководца, посѣдѣвшаго на поприщѣ славы. Но въ Англіи такое изображеніе внутренняго развращенія индо-британскихъ полководцевъ возбуждаетъ опасенія за будущность. Наше господство въ Азіи основано на ослѣпленіи туземцевъ, на вѣрѣ ихъ въ нашу непобѣдимость и нравственное превосходство. А какія бы чувства и мысли возникли въ побѣжденных, если бы они замѣтили нравственное ничтожество побѣдителей? А между тѣмъ и кромѣ Непира все убѣждаетъ насъ, что духъ Остъ-индской компаніи ужасно развратился; ибо вотъ уже нѣсколько мѣсяцевъ, какъ почта безпрестанно приносить въ Англію вѣсти о соблазнахъ, совершенныхъ въ Индіи. Кто уже послѣ этого можетъ негодовать на стараго Непира, что онъ такъ жестоко

выразился о нашей индѣйской арміи? Будучи самъ Баярдомъ, онъ хочетъ видѣть Баярда и въ каждомъ англійскомъ офицерѣ. Зная, что они безстрашны, онъ хочетъ видѣть ихъ и безукоризненными.»— Таково мнѣніе Times. Другія лондонскія газеты полагаютъ, что Непиръ много преувеличилъ. Во всякомъ случаѣ, онъ самъ говоритъ въ своемъ дневномъ приказѣ, что «число офицеровъ, къ которымъ относятся его упреки, не слишкомъ велико.» Странный контрастъ съ этимъ приказомъ составляетъ прокламація новаго главнокомандующаго въ Индіи, сэра Уильяма Гомма, изданная имъ при вступленіи въ должность, въ которой между прочимъ сказано: «Я намѣренъ сохранить нравственное достоинство арміи въ его теперешнемъ завидномъ состояніи.»

ЗАГРАНИЧНЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

Положеніе дѣлъ въ Бразиліи. — Мелкія извѣстія.

Между тѣмъ какъ вся Европа съ любопытнымъ участіемъ ожидаетъ окончанія нашихъ дѣлъ, за океаномъ, въ Новомъ свѣтѣ, готовится новая политическая драма. Слѣдя за общимъ ходомъ государственной жизни цѣлаго міра, наблюдая за появленіемъ и развитіемъ взаимныхъ отношеній въ отдѣльныхъ общинахъ міровой семьи, нельзя не замѣтить, какъ заботливо хлопочетъ каждое государство о сохраненіи соразмѣрности вліяній, взаимности правъ, относительнаго равенства силъ. Съ давнихъ временъ, это цѣль всѣхъ войнъ, послѣднее слово каждаго примиренія. Эти вопросы, проявляясь въ различныхъ формахъ, всегда останутся основными элементами современной политики. Новые политическіе замыслы Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ всегда возбуждаютъ вниманіе Европы, не смотря на ея отдаленіе отъ Новаго свѣта. На американскомъ материкѣ, Бразилія не имѣетъ, конечно, того значенія, какъ Сѣверные Штаты, но и она, по видимому, стремится къ той же цѣли, добиваясь нѣкотораго преобладанія въ средѣ южныхъ государствъ Америки.

Это стремленіе объясняется фактами. Бразилія — государство благоустроенное. Силы этой юной имперіи развиваются быстро, кругъ ея торговли расширяется замѣтно, финансы ея усливаются. По своему географическому положенію она сопредѣльна со всеми государствами Южной Америки и господствуетъ надъ всеми источниками жизненныхъ силъ этой обширной страны. При благоразумномъ управленіи, она одна сохранила силу среди краевъ, не имѣющихъ никакого направленія, никакого порядка и распадающихся въ своемъ безсильіи. Изъ этого положенія дѣлъ возникаетъ естественно про-

текторать Бразиліи надъ сосѣдними государствами, а введеніе ею *американскаго права*, примѣннаго къ ея собственнымъ видамъ и пользамъ, еще болѣе утверждаетъ ея вліяніе. Одинъ изъ замѣчательныхъ государственныхъ мужей имперіи г., Паулино Соарезъ де Сузе, бывшій министромъ иностранныхъ дѣлъ съ 1848 по 1854 г., въ продолженіе пяти лѣтъ руководствовался этою политикою и завѣщаль ея своему преемнику г-ну Лимпо де Абрѣ, теперешнему министру въ кабинетѣ, предсѣдательствуемомъ г-мъ Карейро Ледо, виконтомъ Парана. Эта внѣшняя политика Бразиліи порождаетъ много затрудненій. Пользуясь анархіею нѣкоторыхъ американскихъ государствъ, Бразилія вмѣшивается въ дѣла ихъ, и тѣмъ затрогиваетъ народное самолюбіе не только другихъ, но даже тѣхъ самыхъ странъ, которымъ подаетъ купленную дорогою цѣною помощь; а стараясь ввести и поддержать политику, такъ называемую *юго-американскую*, главная цѣль которой относится преимущественно къ мореплаванію и заключается въ томъ, чтобы привлечь Европу и въ то же время отказать ей въ правѣ дѣйствовать непосредственно, возбуждаетъ недовѣріе Стараго свѣта. Кромя того, такая политика можетъ поставить Бразилію въ столкновеніе съ Соединенными Штатами, которые хоть и признають, что Америка должна быть исключительнымъ достояніемъ Американцевъ, но сами хотять господствовать и на югѣ, какъ господствуютъ на сѣверѣ.

Нѣтъ сомнѣнія, что Бразилія, говоря относительно, государство самое благоустроенное, покоющееся на прочныхъ основаніяхъ, мудро направленное, но, при старательномъ изслѣдованіи его настоящаго положенія, не трудно замѣтить недостаточность народонаселенія, скудость средствъ въ трудовой промышленности, неудовлетворительное обезпеченіе безопасности края, отсутствіе существеннаго государственнаго богатства. Бельгійскій писатель графъ Августъ ванъ-деръ-Стратенъ Понгозъ основательно изслѣдовалъ всѣ эти вопросы въ занимательномъ и весьма поучительномъ сочиненіи: *Le Budget du Brésil ou recherches sur les ressources de cet empire dans leurs rapports avec les interets européens du commerce et de l'émigration*.

Политика Бразиліи обратила на себя вниманіе Европы вліяніемъ своимъ на вопросъ о плаваніи на американскихъ рѣкахъ. Нѣсколько

лтътѣ тому большая часть государствъ Южной Америки обнародовали свободное плаваніе на рѣкахъ, протекающихъ черезъ эти страны. Бразилія обуславливала свое согласіе значительными ограниченіями и всѣми силами возставала противъ трактатовъ, заключенныхъ недавно главою Ангентинской конфедераціи генераломъ Уркиза съ Франціей, Англіей и Соединенными Штатами. Они опровергали право на свободу судоходства по Верхнему Парагваю, послѣ уже подписанія трактатовъ, тому два года, европейскими уполномоченными. Касательно плаванія на Ла-Платѣ, Бразилія не могла дѣйствовать непосредственно, но ея политика обозначилась яенѣе, когда дѣло дошло до рѣки Амазонки. Она утверждаетъ, что какъ устье Амазонки находится въ ея владѣніяхъ, то она вправѣ установить условія плаванія по этой рѣкѣ и не признаетъ правъ другихъ прибрежныхъ государствъ, разрѣшившихъ свободное судоходство. Соединенные Штаты не разъ уже поговаривали о входѣ силою въ устье Амазонки; Англія съ своей стороны, вѣроятно, не покорится неблагоприятной для нея системѣ бразильской политики, и это обстоятельство вынудитъ ее отрядить значительныя военныя силы для поддержанія своихъ требованій, а въ настоящее время экспедиція эта не мало ослабитъ ея средства (*).

Сообщаемъ нѣсколько мелкихъ извѣстій, собранныхъ въ разныхъ французскихъ періодическихъ изданіяхъ:

Въ дистриктѣ Орегонъ нашли золото въ самородкахъ и въ кварцѣ въ рѣкѣ Вилламатъ, семь или восемь миль ниже Салона.

Кругъ приложеній каучука съ каждымъ днемъ расширяется. Теперь начинаютъ вмѣсто мѣди употреблять на обшивку кораблей листы отвердѣлаго, пластичатаго каучука. Этотъ составъ изобрѣлъ г. Дюранъ, и далъ ему названіе *metallo para*; онъ не окисляется какъ металлы; къ его поверхности, всегда скользкой и какъ будто эмальированной, не прилипаютъ ни мохъ, ни морскія травы. Это изобрѣтеніе превосходно для обкладки потолоковъ, стѣнъ и другихъ мѣстъ, куда можетъ проникнуть сырость.

Доходы театровъ, баловъ, кофеинныхъ, концертныхъ домовъ и

(*) Изъ 3-й книжки этого года журнала *Revue de deux Mondes*.

собраний рѣдкостей, въ Парижѣ простирался въ декабрѣ прошлаго года до 1,225,750 фран. 1 сантима, именно:

Императорскіе театры.	415,127	ф.	19	с.
Второстепенные.	699,335	ф.	22	с.
Концерты, балы, зрѣлища и кофейн. конц. дома.	103,490	ф.	75	с.
Различныя собранія рѣдкостей.	7,796	ф.	85	с.

Всего 1,225,750 ф. 1 с.

145,000 фр. больше чѣмъ въ ноябрѣ. Вотъ перечень этихъ доходовъ въ 1854 году:

Императорскіе театры.	3,851,471	ф.	50	с.
Второстепенные.	6,945,288	ф.	65	с.
Концер. балы, зрѣлища и концерт. кофейн. дома.	1,324,857	ф.	27	с.
Различныя собранія рѣдкостей.	287,444	ф.	38	с.

Общій итогъ: 12,409,061 ф. 80 с.

Изъ всѣхъ французскихъ журналовъ, издаваемыхъ для дамъ и дѣвицъ, по увѣренію *Revue de Paris*, самый лучший теперь: *Messager des Dames et des Demoiselles*, превосходное помѣсячное собраніе, состоящее изъ сочиненій литературныхъ, музыкальныхъ и артистическихъ знаменитостей. Имена сотрудниковъ ручаются за литературное и музыкальное достоинства этого журнала. Въ трехъ уже вышедшихъ номерахъ находятся неизданныя новеллы Мери, Жюль Жанена, А. Дюма; *morceaux de chant* Адама и Галеви, членовъ института, и *morceaux de piano* Кодена и Мармонтеля, профессора консерваторіи. Въ слѣдующихъ номерахъ появятся неизданныя повѣсти Скриба, Гозлана и другихъ и музыкальныя пьесы Боельдье, Генриха Герца и другихъ.

Въ общественной жизни случается два рода бѣдствій: одни временные, случайные, другіе постоянные. Преступленія и покушенія, предвидѣнныя кодексами, принадлежать къ послѣдней категоріи. Совершенно истребить ихъ невозможно, но мѣры къ возможному ихъ устраненію необходимы. Тюремное заключеніе принадлежитъ къ числу самыхъ дѣйствительныхъ мѣръ противъ преступленій, и потому постройка тюремъ обращаетъ на себя особенное вниманіе правительствъ. Два заслуженные архитектора, г. Норманъ и г. Гривльонъ, издали *in folio*, заключающее проекты постройки тюремъ

въ департаментахъ; они не предлагаютъ своимъ собратамъ типы, отъ которыхъ тѣ не должны отступать, но только разъясненія, полезныя при постройкѣ возводимыхъ ими тюремныхъ зданій.

Двадцать пять картъ представляютъ планы смиренныхъ и исправительныхъ домовъ и наконецъ тюрьмы въ Шалонъ-на-Марнѣ и въ Эперне. Къ каждой картѣ приложенъ текстъ, объясняющій подробности различныхъ частей зданія; если придерживаться плановъ гг. Норманъ и Грильонъ, то есть надежда, что исчезнутъ тюрьмы неудобныя, тюрьмы сырыя, безъ свободнаго доступа воздуха, остатки древнихъ временъ, нисколько не совмѣстные съ теперешнимъ направленіемъ законовъ.

— Въ земледѣльческомъ быту есть два рода инструментовъ, равно полезныхъ, равно любопытныхъ, но существенно различныхъ по образу оказываемой ими пользы; одни изъ нихъ служатъ земледѣльцу при ручныхъ работахъ, другіе же имѣютъ цѣлю замѣнить ручную работу механическою.

Описать эти различные снаряды, указать лучшіе изъ нихъ, объяснить, какъ удобнѣе ихъ употреблять, — было бы написать книгу чрезвычайно полезную для земледѣльцевъ, и любопытную для людей, нуждающихся въ основательномъ познаніи употребляемыхъ при полевыхъ работахъ снарядовъ, существованіе и употребленіе которыхъ и не подозреваютъ городскіе жители. Эту задачу прекрасно рѣшилъ г. Журдье въ своемъ сочиненіи: *Le matériel agricole*.

Множество рисунковъ украшаютъ книгу Журдье; они представляютъ всѣ земледѣльческія машины, всѣ снаряды, отъ машины, которая показываетъ качества удобряемаго участка, до маслوبيны, до тачки, которая перевозитъ или удобрение или небольшой сборъ.

— Тѣсно связанная съ искусствомъ фотографія заимствуетъ у свѣта его лучи, у химіи — ея дѣятелей, которые она сочетаетъ и передаетъ намъ статуи, барельефы, монументы, замки, сады, самыя живописныя мѣстоположенія огромныхъ парковъ. Ничто не ускользаетъ отъ непогрѣшнаго артиста — солнца; всѣ черты яено обозначаются: улыбка или ненависть на устахъ статуи, нѣжность формъ, сокращеніе мускуловъ, выражающее силу или гнѣвъ; въ барельефахъ видны тысячи мелочей, недоступныя для карандаша,

кисти или рѣзца художника. Свѣтъ прихотливо падаетъ на вѣтви, листь дрожить отъ легкаго вѣтерка, цвѣты группируются въ маломъ пространствѣ; нѣтъ красокъ, но однако же чувствуешь, угадывашь малѣйшіе оттѣнки.

Прошло много времени, какъ выгравировали главныя картины великихъ живописцевъ; доски изломались, стерлись или затерялись, но фотографія завладѣла оставшимися гравюрами и при дѣйствіи свѣта пустила въ міръ прекрасныя снимки съ этихъ картинъ.

— За фотографією слѣдуетъ другое искусство, съ помощію котораго можно взять страницу изъ старинной книги, смочить химическимъ растворомъ, наложить на камень и воспроизвести ее, чтобы дополнить изорванное изданіе. Тѣмъ же самымъ способомъ, старинная гравюра, рѣдкая и дорогая, печатается въ нѣсколько минутъ, множится по желанію и выходитъ какъ гравюра на стали, на мѣди или на деревѣ, такъ сходно съ оригиналомъ, что трудно ихъ различить. Это *омсографія*.

— Говорятъ, что въ Дрошскомъ и Ардешскомъ департаментахъ открыли средство два раза въ годъ собирать шелкъ червей, питающихся тузовыми листьями. Для этого собираются вторичныя листья, оставляемые до сихъ поръ изъ боязни повредить деревьямъ. Примѣненіе этого помысла произведетъ переворотъ въ промышленности, и скоро появятся прекрасныя матеріи по дешевымъ цѣнамъ.

— Болѣзнь опустошаетъ виноградники; здѣсь наука тщетно борется съ зломъ, источникъ котораго до сихъ поръ еще не изслѣдованъ; тысячи средствъ предлагаются и отвергаются. Болѣзнь усиливается, плохой сборъ винограда не позволяетъ превращать въ алкоголь количество вина, до сихъ поръ употребляемаго на это, промышленность старается получить алкоголь изъ пренебреженныхъ ею растеній.

Туземная фабрикація сахара выработала его изъ свекловицы; спиртовые заводчики получаютъ изъ нея алкоголь, производство котораго составляетъ источникъ богатства для нѣкоторыхъ департаментовъ. Но способъ открыть, и теперь испытываютъ его на другихъ продуктахъ. Наконецъ достигли средства гнать алкоголь изъ стеблей асфодели, и даже изъ пырея, растенія, которымъ изобилуютъ луга и земли, назначенныя для пастбищъ.

— Болѣзнь, подобная болѣзни винограда, поражаетъ картофель, эту необходимую пищу бѣдныхъ, какъ въ городѣ, такъ, если еще не болѣе, въ деревнѣ; чтобъ пособить этой бѣдѣ, стараются водворить посѣвъ ямсваго корня, луковницы, имѣющей вкусъ картофеля, но гораздо нѣжнѣйшей и требующей меньше времени для своего изготовленія. Подобно картофелю, ямсовый корень распространяется по всей Франціи, и, какъ новое растеніе, оно долго не подвергнется болѣзни.

— Навозъ, эта пища земли, снабжающая ее соками и газами, которые способствуютъ улучшенію луговъ, виноградниковъ, пашенъ, эта производительная сила—теперь подверглась новому улучшенію. Хозяева не оставляютъ больше навозъ подъ дождемъ, который его размываетъ, портитъ, отнимаетъ у него оплодотворяющія начала; его складываютъ въ ямы, гдѣ онъ не подвергается губительному дѣйствию соднца, которое разлагало его и порождало миазмы, гибельное дѣйствіе которыхъ не было извѣстно сельскимъ жителямъ. Наука отыскиваетъ повсюду богатства, до сихъ поръ оставшіяся въ неизвѣстности; она указала на воду, текущую изъ мыловаренъ, и показала, что въ ней находятся: масло, сѣра и известь, улучшающія грунтъ земли. Дистиллированный каменный уголь далъ газъ, горящій яркимъ пламенемъ; до времени этимъ удовольствовались. Однако этотъ газъ содержалъ жидкость темную, густую, на которую не обратили вниманія и думали, что она уже ни на что не годится. Наконецъ удостовѣрились, что эта жидкость содержитъ оплодотворяющія начала, ее растворили въ восьми или девяти объемахъ обыкновенной воды и нашли, что, такимъ образомъ приготовленная, жидкость эта составляетъ сильное удобреніе.

— Изъ всѣхъ земледѣльческихъ машинъ, распространившихся въ прошломъ году, легче всего примѣняется къ дѣлу молотилня, которую удобно можно переносить изъ одной фермы въ другую, но самая необходимая—это паровая соха. Эта соха пашетъ съ удивительною скоростью, что весьма выгодно, особенно когда надобно пользоваться немногими хорошими днями осени. Въ теперешнемъ состояніи земледѣльцевъ она можетъ имѣть двойное приложение. Въ большихъ фермахъ, владѣтель этой сохи нускаетъ ее въ ходъ въ опредѣленный день и часъ вмѣстѣ съ другими машинами.

Въ мѣстахъ же, гдѣ земля раздроблена, и ея малые участки не позволяютъ имѣть въ одно и то же время поле подъ хлѣбомъ и подъ пастбищемъ, паровая соха можетъ принадлежать или одному владельцу, который послѣдовательно снабжаетъ ею желающихъ, смотря по платѣ, общинѣ, которая будетъ имѣть своего пахаря, какъ въ горахъ имѣетъ пастуха, или наконецъ обществу небогатыхъ владельцевъ на извѣстныхъ обязательныхъ для каждаго члена условіяхъ.

— Во многихъ болотистыхъ мѣстахъ Франціи находится горючій матеріалъ, легко добываемый и слѣдовательно малоцѣнный, — это торфъ. Его находятъ на плоскихъ мѣстахъ, въ долинахъ, на горныхъ площадкахъ, и часто толщина его слоя весьма значительна. Но употребленіе его представляетъ и неудобства. Въ топливѣ, онъ распространяетъ непріятный запахъ, а землястыя части, содержащіяся въ немъ, не позволяютъ обрабатывать желѣзо въ плавильныхъ печахъ. Заступъ, лопата, телѣга и форма были доселѣ единственными орудіями его разработки, но наука занялась торфомъ, размельчила его, просѣяла, очистила, обуглила и сдѣлала изъ него прекрасное топливо, какъ для обыкновенныхъ, такъ и для плавильныхъ печей; кромѣ того она научила добывать изъ торфа газъ для освѣщенія.

Вотъ примѣръ, какъ можно полагаться на достовѣрность извѣстій въ иностранныхъ газетахъ: въ одномъ изъ военныхъ извѣстій сказано было въ *Journal de Pétersbourg*: un camouflet a détruit... (Camouflet, Flattermine, мина). Гамбургская газета, *Börsenhalle*, изъ мины сдѣлала адъютанта и перевела: *der aide de camp Uflet*, адъютантъ Уфлетъ. Наши Академическія Вѣдомости, указывая на этотъ забавный промахъ, замѣчаютъ: *auch starke Geister irren oft*, т.-е. и сильные умы часто ошибаются.

н. п.—ж.

Печатать позволяется. Москва. Мая 30 дня, 1855 г.

Цензоръ И. Безсомыкинъ.

Въ типографіяхъ: А. Степановой и В. Готье.

МОСКВИТЯНИНЪ.

1855.

№ 8.

АПРѢЛЬ.

Кл. 2.

ИЗСЛѢДОВАНІЯ О БАЛТІЙСКИХЪ СЛАВЯНАХЪ.

ЛХП.

Застой и распаденіе въ общественной жизни Балтійскихъ Славянъ; причины его.

Мы обозрѣли такимъ образомъ общественную жизнь Балтійскихъ Славянъ въ разныхъ ея проявленіяхъ. Недостатокъ извѣстій не позволялъ намъ составить себѣ полную ея картину, но вездѣ мы находили ее вѣрною однимъ и тѣмъ же началамъ, вездѣ мы видѣли въ ней сліяніе общинной стихіи съ стихіею аристократическою и господство племеннаго дробленія. Наконецъ, мы могли замѣтить, что общественныя начала Балтійскихъ Славянъ были уже вполнѣ выработаны и опредѣлены въ X, въ XI, въ XII вѣкѣ, тогда какъ у другихъ Славянскихъ народовъ, и даже у Нѣмцевъ и Скандинавовъ, жизнь общественная въ это время едва начинала развиваться. Но жизнь Балтійскихъ Славянъ оказалась бесплодною; далѣе совершенствоваться она не была въ силахъ; Бодричи до своего конечнаго истребленія остались въ одномъ и томъ же общественномъ порядкѣ; Лютичи также; у Поморцевъ и Рапъ племенной бытъ, столь опредѣленный и развитой въ XI и началѣ XII вѣка, явился также слабымъ, какъ у Бодричей и Лютичей, и немедленно распался, а въ замѣнъ его эти Славяне приняли бытъ Нѣмецкій, Нѣмецкій языкъ, Нѣмецкую народность.

И во всемъ у Балтійскихъ Славянъ оказывалось такое страшное безплодіе: вездѣ, при раннемъ развитіи, неспособность вести его далѣе, постепенная утрата, и наконецъ, совершенное уничтоженіе. Въ VIII и IX в. процвѣтала у ихъ западныхъ вѣтвей обширная торговля, которая потомъ прекратилась; въ это время Поморье имѣло сношенія съ отдаленнымъ востокомъ, а впослѣдствіи о томъ исчезла и память; въ XI в. городъ Волинъ велъ такую торговлю, какой не было тогда во всей сѣверной Европѣ, въ началѣ XII-го онъ былъ еще важнѣе и богаче, но не такъ, какъ прежде, а въ концѣ этого вѣка потерялъ уже всякое значеніе; въ началѣ XII столѣтія Поморская торговля была такъ жива и плодотворна, что поддерживала, на маленькомъ пространствѣ у Одерскаго лимана, четыре большихъ, цвѣтущихъ города; въ послѣдующее время она стала мало по малу угасать, и тотъ самый Поморскій народъ, который во время Оттона Бамбергскаго такъ любилъ торговую дѣятельность, что часто половина жителей города была въ отлучкѣ за моремъ, этотъ народъ черезъ сто лѣтъ уже совсѣмъ отказался и отъ своей торговли и отъ городовъ своихъ, предоставилъ и торговлю и города призваннымъ Нѣмцамъ, а самъ зарылся въ деревняхъ. Въ X и XI в. Вагры и Бодричи, не смотря на непрерывную войну съ Датчапами и Нѣмцами, жили въ довольствѣ хлѣбопашествомъ: въ это время, при первомъ обращеніи ихъ въ Христіанскую вѣру, положено было имъ платить духовенству, вмѣсто десятины, съ каждаго плуга (плугомъ считалось у Балтійскихъ Славянъ пара воловъ и пара лошадей) по мѣрѣ (концу) хлѣба, 48 связокъ льну и 12 монетъ ⁽⁶¹³⁾, и они легко несли этотъ налогъ;

(613) Helm. I, 87. Modius autem Slavorum vocatur lingua eorum curitze. Porro Slavicum aratrum perficitur duobus bobus et totidem equis....—I, 13. Dabatur autem pontifici annuum de omni Wagirorum sive Obotritorum terra tributum, ... de quolibet aratro mensura grani et quadraginta resticuli lini, et duodecim nummi puri argenti. Ad hæc unus nummus, precium colligentis. Slavicum vero aratrum par boum aut unus conficit equus. Здѣсь опредѣленіе Славянскаго плуга очевидно невярно, какъ оказывается изъ сравненія съ вышеприведеннымъ мѣстомъ, которое заслуживаетъ болѣе довѣрія, потому что Гельмольдъ говоритъ тутъ о современныхъ обстоятельствахъ; также преувеличено показаніе, что платилось епископу 12 серебряныхъ монетъ: самъ Гельмольдъ (I, 87) указываетъ на то, что эти монеты были обыкновенныя въ то время гроши.

въ концѣ же XII в. подобная подать ихъ такъ разоряла, что, уплативши ее, имъ нечего было ѣсть, и они покидали земледѣліе, чтобы промышлять разбоемъ ⁽⁶¹⁴⁾ или просить милостыни на чужбинѣ. Эта плодородная страна Славянская стала «глушью и мѣстомъ заустѣнія» ⁽⁶¹⁵⁾; Славяне, по выраженію Гельмольда, мало по малу угасали (*deficeruntque Slavi paulatim in terra*), и «послѣдніе остатки, какіе отъ нихъ были, не находя себѣ пропитанія среди заустѣлыхъ полей, до того изнѣмогали отъ голода, что бѣжали толпами къ Поморянамъ и Датчанамъ, которые безъ милосердія продавали ихъ въ рабство Полякамъ, (Лужицкимъ) Сербамъ и Чехамъ» ⁽⁶¹⁶⁾. Какое было также различіе въ состояніи Славянскаго народа на Ранѣ и Поморьѣ въ XI и XII вѣкахъ, и въ слѣдующее время! Въ XII в. островъ Рана, обильный хлѣбомъ и стадами ⁽⁶¹⁷⁾, кормилъ, можетъ быть, даже больше народу, чѣмъ теперь, не смотря на кровопролитныя войны съ Датскими королями Вальдемаромъ, собралось на Ранѣ въ одной крѣпости Кореницѣ 6000 вооруженныхъ людей, и въ то же время другая крѣпость, важнѣе Кореницы, Аркона, оборонялась не менѣе значительнымъ войскомъ, а теперь на Рюгенѣ считается людей способныхъ нести оружіе всего 9300 человекъ) ⁽⁶¹⁸⁾; подобнымъ образомъ, въ началѣ XII в. Поморье было такъ богато и такъ процвѣтало, что, пѣвменный имъ, очевидецъ приглашалъ Нѣмецкихъ монаховъ туда жить и писалъ ⁽⁶¹⁹⁾: «Въ этой странѣ могли бы удобно существовать монастыри, особливо для святошей нашего времени, которые, сознавая свою немощь, предпочитаютъ богатую землю голымъ скаламъ или мрачной пустынѣ. Тамъ рыбы невѣроятное множество, какъ въ морѣ, такъ и въ рѣкахъ, озерахъ и прудахъ: за грошъ (*denarius*) можно купить возъ свѣжихъ сельдей. Все Поморье изобилуетъ всякою дичью, какъ-то оленями, зубрами и дикими конями (т. е. лосями?), мед-

(614) Helm. I, 83.

(615) Cod. Pomer. 31 (грам. Генриха Льва, 1171 в.): *in terra Sclavorum transalbina, in loco horroris et vaste solitudinis.*

(616) Helm. II, 5. (617) Helm. II, 12. Saxo 746.

(618) Св. Fabric. I, 102. — Ср. Sefr. 46. *Rugiam insulam parvam sed populosam.*

(619) Sefr. 118.

вѣдями и кабанами, а равно свиньями и всякимъ скотомъ. Оно богато масломъ отъ стадъ, молокомъ отъ овецъ, саломъ ягнячьимъ и бараньимъ, да къ-тому же производитъ въ избыткѣ медъ, всякіе хлѣба, коноплю, макъ и разные овощи.» А въ концѣ XIII и въ XIV в. жалкіе остатки Поморскихъ и Ранскихъ Славянъ, удрученные, подъ властію своихъ народныхъ государей, ббльшими налогами и повинностями, нежели иностранныя поселенцы, скрывались въ глуши, въ отдаленныхъ, бѣднѣйшихъ деревняхъ; этотъ народъ, который въ VIII вѣкѣ призывался св. Бонифаціемъ для обработки полей на Везерѣ и Майнѣ, который любилъ хлѣбопашество больше всякаго другаго труда, — считался уже неспособнымъ къ хлѣбопашеству: онъ одичалъ и дичала земля его; поля Славянскія воздѣлывались дурно и не давали плода, деревня Славянская была бездоходнымъ имѣніемъ ⁽⁶²⁰⁾; призывались иностранные колонисты, и уже въ XIII вѣкѣ всѣ цвѣтущія села въ земляхъ Бодрицкой, Стодорской и Лютицкой, на Ранѣ и на Поморьѣ, словомъ, по всей странѣ Славянъ Балтійскихъ, находились въ рукахъ Нѣмцевъ. Въ 1285 г. Звѣринскій (Шверинскій) графъ писалъ, при передачѣ Рейнфельденскому монастырю деревни Лозицы: «мы хотимъ и обязуемся выпроводить всѣхъ Славянъ, нынѣшнихъ жителей этой деревни, и такъ устроить съ ними дѣло, чтобы, оставляя всякую надежду воротиться, они добровольно удалились и публично объявили, что не имѣютъ въ деревнѣ сей никакихъ правъ или собственности.» ⁽⁶²¹⁾.

Отчего такой застой въ жизни Балтійскихъ Славянъ, отчего такое паденіе?

У передовыхъ племенъ Балтійскаго Поморья внѣшнюю причину

(620) Lisch, Mehl. Urk. III, 15. in multa parte nostre diocesis propter barbariam Slavorum inculta. Cod. Pomer. стр. 313, изъ грамоты 1210 г.: notum esse volumus, quod in insula quadam nostre diocesis Pule (Pöl), a Slavis hactenus inhabitata, cum propter penuriam et paucitatem hominum gentis illius, eam excolere non valentium, princeps de Michelenbürg Henricus Teutonicos colonos colligeret. Cod. Pomer. N 31. quia vero decime Sclavorum tenues sunt.

(621) См. Cod. Pomer. стр. 314. velimus et debeamus omnes Slavos et cives, eandem nunc villam inhabitantes, eliminare, et sine omni spe reversionis hoc cum eis agere, ut voluntarie recedendo nichil iuris aut proprietatis se habere in villa eadem publice recognoscant.

была борьба съ Германією : на эту борьбу они устремили всѣ свои силы, ей пожертвовали всемі; борьба кончилась несчастливо, и павши, они были стерты съ лица земли.

Но почему эта борьба была для нихъ столь страшна и пагубна? Почему народъ такой храбрый, такой стойкій, поддался завоеванію и истребленію? Были же другіе народы, которыхъ осаждало не меньше враговъ, и они все-таки отбились и устояли; а восточная вѣтвь Балтійская, Поморяне, отдаленные отъ Германіи, ею вовсе не тревожимые, не испытавъ ни покоренія, ни насильственного истребленія, однако также какъ ихъ собратья, Бодричи и Лютичи, постигнуты были застоємъ, и также какъ они, исчезли.

Значить, сила Нѣмцевъ была только внѣшнимъ орудіемъ, но не внутреннею причиною гибели Балтійскихъ Славянъ; если бы въ нихъ самихъ не было зародыша смерти, то они бы, конечно, соединились и отразили своихъ противниковъ: для этого нашлось бы довольно народу Славянскаго отъ Лабы до Вислы, отъ Голитинни до границъ Силезіи. А тѣмъ болѣе Поморяне отстояли бы свою народность отъ мирнаго водворенія Германцевъ, если бы въ нихъ самихъ была жизненная сила. Но никогда Славянскій народъ между Лабою и Вислою не былъ въ состояніи соединиться, ни внѣшнимъ союзомъ государства, ни внутреннимъ единствомъ народной жизни, и не трудно было Нѣмцамъ истреблять его порознь и оружіемъ, и мирнымъ завоеваніемъ.

Великое событіе записано въ Русской лѣтописи подъ 862 годомъ:

«Изгнана Варяги за море, и не даша имъ дани, и почаша сами въ собѣ володѣти; и не бѣ въ нихъ правды, и вѣста родъ на родъ, быша въ нихъ усобицѣ, и воевати почаша сами на ся. Рѣша сами въ себѣ: поищемъ собѣ князя, иже бы володѣлъ нами и судилъ по праву. Идоша за море къ Варягомъ къ Руси..... Рѣша Руси Чюдь, Словѣни и Кривичи: вся земля наша велика и обилна, а наряда въ ней нѣтъ; да поидѣте княжить и володѣти нами.».....

Такъ основалось то Славянское государство, которое существуетъ донныѣ.

И Балтійскіе Славяне въ глубокую древность покорены были дружинниками, родными братьями Варяговъ; и они потомъ из-

гнали ихъ и не дали имъ дани, и начали сами владѣть собою; и у нихъ не было «правды,» возставало племя на племя и возникали усобицы, и они воевали другъ противъ друга. Но имъ недостало внутренняго мужества, чтобы сказать себѣ, что они всѣ до единого не правы въ враждѣ своей, что надобно пойдти поискать князя, который бы владѣлъ ими и судилъ по праву; словомъ, въ нихъ не нашлось великодушія отречься отъ племенной исключительности для народнаго единства; и это ихъ предало, разрозненныхъ и слабыхъ, не только вещественно, но и внутреннею слабостью, въ крѣпкія руки Нѣмецкаго народа.

Но неужели обвинять въ этомъ самый характеръ Балтійскихъ Славянъ и сказать, что въ немъ было больше эгоизма и менѣе великодушія, чѣмъ въ Русскихъ Славянахъ? Нѣтъ: эгоистическая привязанность Балтійскихъ Славянъ къ племенной раздѣльности произошла, конечно, не отъ природнаго ихъ характера, а отъ условій ихъ исторической жизни.

Славянамъ Русскимъ легко было отказаться отъ племеннаго быта въ пользу государственнаго, потому что племенной бытъ у нихъ не выработался, не опредѣлился, не укоренился въ народномъ сознаніи и народной жизни. Они тогда только что выходили изъ ограниченнаго круга жизни единственно семейной, и не были скованы никакимъ издревле установленнымъ порядкомъ, который бы ниспровергался основаніемъ государства. Напротивъ, Балтійскіе Славяне, уже издавна вышедши за предѣлы семейнаго быта, съ временъ незапамятныхъ обхвачены были чужими началами; а извѣстно, что ничто не можетъ такъ ускорить развитіе народа, какъ знакомство и общеніе съ другими народами, торговля, обширныя сношенія. Такимъ образомъ, еще въ племенномъ бытѣ застигло ихъ самое быстрое развитіе, и насъ, дѣйствительно, удивляло раннее ихъ образованіе и процвѣтаніе. Но самый бытъ, который у нихъ такъ рано развился и установился, по существу своему былъ недостаточенъ, ибо не допускалъ народнаго и государственнаго единства, этихъ условій, которыя придаютъ обществу людей и вещественную силу и внутреннюю крѣпость; достигнувъ извѣстной высоты (какую мы видимъ, напр., у Помо-

рянъ: это, повторяемъ, самое совершенное проявленіе племеннаго быта), онъ останавливался, и начиналось распаденіе.

Другую причину безплодія общественной жизни Балтійскихъ Славянъ мы уже прежде нашли въ глубокомъ искаженіи ея началъ чужимъ наплывомъ; ибо только то способно къ истинному, живому развитію, что вытекаетъ изъ самобытныхъ началъ народнаго духа.

Какъ это оправдалось на Балтійскихъ Славянахъ, мы уже видѣли: именно *иностранная* стихія въ ихъ бытъ, аристократія, положила начало ихъ гибели.

А между тѣмъ слишкомъ трудно было сбросить этотъ недостаточный и искаженный бытъ, потому что онъ, такъ сказать, всосался въ сокъ и кровь народа и всю жизнь его настроилъ на свой ладъ, потому что, наконецъ, его оберегало цѣлое сословіе знатныхъ людей, которыхъ государственный порядокъ лишилъ бы власти.

Стало быть, вотъ гдѣ коренилась гибель Балтійскихъ Славянъ: въ преждевременномъ ихъ развитіи, которое вызвано было, на ступени племенной раздѣльности, вліяніемъ чужихъ народовъ, и въ которомъ Славянскій бытъ искажился чужими началами.

ЛXIII.

Религіозное развитіе Балтійскихъ Славянъ. Вліяніе Германской мифологіи.

Ознакомившись съ бытомъ и общественнымъ устройствомъ Балтійскихъ Славянъ, мы должны теперь взглянуть на духовную сторону ихъ жизни. Невозможно, чтобы тѣ историческія условія, которыми опредѣлились общественныя отношенія у этого народа, не имѣли дѣйствія на его религіозное развитіе. Другіе Славяне, спокойно проведя свое младенчество въ племенномъ дробленіи, могли выступить на историческое поприще уже готовые къ народному и государственному единству; и съ тѣмъ вмѣстѣ имъ дано было прожить въ младенческой безсознательности пору язычества, и ощутить тогда потребность духовнаго развитія, когда передъ ними уже стояло Христіанство: едва только, можно сказать, подняли они глаза къ небу съ вопросомъ о Богѣ, котораго прежде безсознательно чтили въ окружающей природѣ, свѣтъ Христіанства озарилъ ихъ, и они увѣровали. Однихъ между всѣми Славянскими народами, Славянъ Балтійскихъ, мы видѣли, жизнь политическая

застала въ племенномъ бытѣ, и племенной бытъ сдѣлался окончательной формою ихъ общества; а въ одно время съ дѣятельностью политической вызывалась у нихъ, естественно, и дѣятельность духовная, въ такое еще время, когда со всѣхъ сторонъ ихъ окружали народы языческіе: ихъ религиозное развитіе должно было совершиться въ сферѣ язычества, какъ развитіе общественное въ сферѣ племенной ограниченности и племеннаго разъединенія, и язычество у нихъ возрасло и укоренилось такъ, что потомъ ужъ никакая сила не могла его вырвать; а если, послѣ долгаго колебанія, послѣ многихъ переворотовъ, нѣкоторые вѣтви наконецъ и рѣшились отречься отъ своей языческой святости, то съ нею вмѣстѣ отрекались онѣ и отъ всего своего народнаго существа, по обращеніи въ Христіанство онѣ какъ, бы переставали уже принадлежать къ Славянекому міру.

Намъ извѣстно, отъ какихъ историческихъ причинъ произошло у Балтійскихъ Славянъ это преждевременное возбужденіе жизненной дѣятельности, источникъ ихъ раннаго безсилія и главное начало ихъ гибели. Мы не будемъ уже на этомъ останавливаться; но кромѣ тѣхъ общихъ причинъ, дѣйствіе которыхъ должно было обнаружиться въ религиозной жизни Балтійскихъ Славянъ также, какъ въ общественной, въ усиленіи у нихъ именно религиозной стихіи въ раннюю пору язычества, могли участвовать еще особенныя условія. Безпрестанныя столкновенія и сношенія Балтійскихъ Славянъ съ чужими народами, ихъ окружавшими, война, нашествія, временное завоеваніе, торговля, все это по необходимости сблизало и знакомило ихъ съ разными религиозными понятіями и системами, выработывавшимися въ ихъ сосѣдствѣ, у Скандинавовъ и Нѣмцевъ на сѣверѣ и западѣ, у Прусовъ и другихъ Литовскихъ племенъ на востокѣ: а всѣ эти народы имѣли миѳологію несравненно болѣе развитую, нежели древняя миѳологія Славянскаго племени. Въ особенности о Нѣмцахъ и Скандинавахъ можно сказать почти навѣрное, что они не только своимъ постояннымъ вліяніемъ и общеніемъ способствовали религиозной дѣятельности Балтійскихъ Славянъ наравнѣ съ гражданскою, но относительно религіи, въ древнѣйшую пору прямо на нихъ дѣйствовали примѣромъ.

Уже въ то время, какъ Германцы властвовали на Поморьѣ надъ Славянами, у нихъ была мифологія вполне опредѣленная: личности боговъ рѣзко обозначались⁽⁶²²⁾; приносились человѣческія жертвы⁽⁶²³⁾, существовали жрецы съ особенными правами и властію⁽⁶²⁴⁾. А у Нагарваловъ, вѣтви Лугіевъ, которые, какъ мы знаемъ, жили на Славянской землѣ, велось какое-то особенное таинственное поклоненіе. Вотъ что объ этомъ говоритъ Тацитъ «у Нагарваловъ показываютъ рошу, гдѣ издревле воздастся поклоненіе богамъ. Распорядитель его жрецъ въ женскомъ платьѣ; но обожаются, говорятъ, существа мужескія, которыя по-римски можно назвать Касторомъ и Поллуксомъ: таково значеніе божества; имя—Алкисъ (Alcis)⁽⁶²⁵⁾. Нѣтъ ни кумира, ни слѣда иноземнаго вѣрованія; но (какъ Касторъ и Поллуксъ), обожаются братья и юноши.»

Другое, не менѣе таинственное, поклоненіе существовало на Славянской же землѣ, на островѣ Балтійскаго моря (значить, вѣроятно, Рапъ). Исчисливъ вѣтви Прибалтійскихъ Германцевъ (т. е. дружины, владѣвшія тамошними Славянами: Langobardi, ... Reudigni, Aviones, Angli, Varini, Eudoses, Suardones, Nuithones), Тацитъ говоритъ⁽⁶²⁶⁾: «У нихъ ничего замѣчательнаго нѣтъ, кромѣ того, что они воздають общее поклоненіе Нертѣ (Nerthus), т. е. Матери-Землѣ⁽⁶²⁷⁾, и вѣрятъ, что она вмѣшивается въ человѣческія дѣла, посѣщаетъ народы. Стоитъ на островѣ Океана (т. е. Балтійскаго моря) нетронутый лѣсъ, и въ немъ хранится священная колесница, покрытая завѣсою (veste): прикасаться къ ней позволено лишь одному жрецу. Онъ узнаетъ, что богиня присутствуетъ въ святилищѣ, и везомую (на колесницѣ) коровами сопровождаетъ съ великимъ благоговѣніемъ. Настаютъ радостные дни, пируютъ мѣста, которыя она удостоиваетъ своего

(622) Grimm, Deutsche Mythologie, стр. 93.

(623) Tac. Germ. 9. 39. Annal. I, 61.

(624) Tac. Germ. 7. 11.—(625) Germ. 43. См. Grimm, Myth. 57, гдѣ показано, что Алкисъ собственно не имя божества, а святилища.

(626) Germ. 40.—(627) Объ ней и о соответствіи ея, какъ существа женскаго, Нюрду, благодатному мужескому богу, столь извѣстному въ Скандинавской мифологіи, см. Grimm, Myth. 197. 231.

проѣзда и посѣщенія; не предпринимаютъ войны, не дотрогиваются до оружія; все желѣзное заперто; миръ и покой тогда только знакомы народу, тогда только любимы имъ; покуда наконецъ богиня не пресытится обращеніемъ съ смертными, и жрецъ не возвратитъ ея въ святилище. Тогда колесница и покровы, и если угодно вѣрить, то и самое божество, омываются въ сокровенномъ озерѣ; при этомъ прислуживаютъ рабы, которыхъ тутъ же поглощаетъ озеро. Оттого таинственный страхъ и благоговѣйное невѣдѣніе предмета, который видятъ лишь осужденные на смерть.»

Мифологія Пруско-Литовская была не менѣе развита, чѣмъ Германская. Къ-несчастію, вопросъ объ ней еще теменъ и требуетъ еще критической повѣрки и разработки: ибо, очевидно, много примѣшалось вымышленныхъ позднѣйшими писателями мифологическихъ существъ къ тѣмъ, которыя были дѣйствительно признаваемы народомъ. Мы можемъ сказать только, что Прусы и Литва представляли себѣ нѣсколькихъ боговъ въ опредѣленныхъ антропоморфическихъ образахъ, что они чтили ихъ въ истуканахъ, что они имѣли особыхъ жрецовъ, пользовавшихся необыкновенною властію и уваженіемъ; но когда выработалась эта мифологія у Прусовъ и Литвы? образовалась ли она самобытно изъ внутренней потребности ихъ духа, или стремленіе къ опредѣленнымъ личностямъ боговъ возбуждено было чужими вліяніями, на-примѣръ Германскими?—Есть любопытное сказаніе у древнихъ летописцевъ Прусской земли: было время, говорятъ они, когда Прусы обожали Солнце, Луну и Звѣзды, а пришельцы изъ Скандіи, Готы, принесли къ нимъ новыхъ боговъ, Перкуна, Потримпа и Пикула, три высшія существа Прусской и Литовской мифологіи, идолы которыхъ стояли подъ сѣнію священнаго дуба на Ромовскомъ полѣ (688). Конечно, самыя божества не пришли къ Литовскому племени изъ-за моря: то были народныя божества его. Но не была ли новая, челоѣкообразная мифологія его, замѣнившая древнее поклоненіе небеснымъ свѣтиламъ, вызвана вліяніемъ Скандинавскихъ дружинъ, которыя, достовѣрно, властвовали надъ Прусами въ то же время,

(628) См. Voigt, Geschichte Preussens, I, 574 и слѣд.

какъ надъ Прибалтійскими Славянами? и не таковъ ли смыслъ сказанія?—Во всякомъ случаѣ, миѳологія Прусовъ опредѣлилась и достигла антропоморфизма въ незапамятную древность, и какія бы ни были начала, способствовавшія ея образованію, она должна была дѣйствовать сильно на религіозныя понятія сосѣднихъ Славянскихъ племенъ.

LXIV.

Древнѣйшее поклоненіе Славянъ.

Между тѣмъ какъ Прибалтійскіе Германцы имѣли уже въ I вѣкѣ по Р. Х. такую развитую миѳологію, съ челоѳкообразными богами и богинями, съ богослуженіемъ, связывавшимъ разрозненныя племена (или дружины) общимъ миромъ, общимъ праздникомъ, съ опредѣленными обрядами, стоившими жизни столькимъ людямъ, въ чемъ состояло древнѣйшее языческое поклоненіе Славянскаго племени и какая могла быть, слѣдовательно, первоначальная религія у тѣхъ Славянскихъ вѣтвей, среди которыхъ эти Германцы водворились? Надобно разсмотрѣть это съ нѣкоторою подробностью, и тогда окажется ясно, что въ религіи Балтійскихъ Славянъ принадлежало имъ наравнѣ съ другими Славянами, и что вырабатывалось у нихъ отдѣльно.

Древнѣйшая религія Славянъ состояла, сколько извѣстно, въ обоготвореніи неба и силъ природы и въ поклоненіи имъ. Вотъ какъ ее описываетъ въ VI в. Византіецъ Прокопій⁽⁶²⁹⁾: «Они признаютъ одного Бога, создателя молніи, единымъ господомъ всего, и приносятъ ему въ жертву быковъ и всякіе дары. Рока они не знаютъ и вообще не вѣрятъ, чтобы онъ имѣлъ вліяніе на людей. Но когда имъ угрожаетъ смерть, въ болѣзни ли, или на войнѣ, они общаются, если ея избѣгнуть, тотчасъ принести богу жертву за спасеніе, и спасись, исполняютъ свой обѣтъ, думая, что этою жертвою купили себѣ жизнь. Они поклоняются также рѣкамъ и нимфамъ и нѣкоторымъ другимъ божествамъ (*даймо́на*); всѣмъ имъ они приносятъ жертвы, и при этихъ жертвоприношеніяхъ гадаютъ.»

(629) De V. Gotth. III, 14.

Прокопій, кажется, здѣсь смѣшалъ въ изображеніи верховнаго Славянскаго бога, властителя, молніи и міра, два лица: богъ молніи, котораго называли Перуномъ, былъ дѣйствительно у Славянъ верховнымъ богомъ природы и располагалъ жизнію и смертію людей; но надъ нимъ они признавали бога неба, который былъ выше его, но ему предоставилъ міръ земной; это высшее божество называли просто Богомъ и, вѣроятно, также Сварогомъ. Въ одномъ изъ древнѣйшихъ памятниковъ Русскаго слова (договоръ Игоря съ Греками) ясно выставляется это различіе, въ выраженіяхъ: «и елико ихъ есть не хрещено, да не имуть помощи отъ Бога ни отъ Перуна»; «да будетъ клять отъ Бога и отъ Перуна»⁽⁶³⁰⁾. Имя *Сварогъ* мы постараемся объяснить впоследствии. — Вѣроятно, однако, что и сами Славяне не всегда строго выдерживали различіе между Богомъ (Сварогомъ) и Перуномъ, и, видя въ Перунѣ бога, отъ котораго все на землѣ зависѣло, охотно признавали его главнымъ божествомъ и забывали про божество неба. — Подлѣ Перуна или въ зависимости отъ него, они воображали себѣ другихъ боговъ, управлявшихъ разными силами природы. Изъ нихъ упоминаются нѣкоторые, особливо у Русскихъ Славянъ, какъ-то Хорсъ или Дажьбогъ, сынъ Свароговъ, богъ солнца, Огонь, также сынъ Свароговъ, Стрибогъ, богъ вѣтровъ, Волосъ, богъ стадъ; Вилы, эти Славянскія нимфы, о которыхъ говоритъ Прокопій, и др.; иногда простыя олицетворенныя понятія, какъ-то Весна и Моряна (т. е. юность и смерть, у Чеховъ), Трясъ (т. е. страхъ, преслѣдующій разбитаго врага), являются божествами. Но всѣ эти божества и другія, имъ подобныя, не имѣли, сколько мы знаемъ, вполне опредѣленныхъ и установленныхъ личностей и, кажется, только постепенно возникали въ народномъ вѣрованіи. На это ясно указываютъ и Чешскія пѣсни Краледворской рукописи и повѣствованіе Русскаго лѣтописца.

Самое живое и вѣрное свидѣтельство о древнемъ Славянскомъ язычествѣ слышится, безъ сомнѣнія, въ Чешскихъ пѣсняхъ,

(630) П. Собр. Р. Лѣтоп. I, 20. 23. См. Срезневскаго, Изслѣдованія о измѣн. богослуженія древнихъ Славянъ, 3.

дошедшихъ до насъ отъ временъ до-христіанскихъ: ибо онѣ по своему происхожденію старше всѣхъ извѣстій о Славянской мѣологии (кромя одного Прокошіева), и возникли среди самой жизни языческой, а не въ монастыряхъ, гдѣ на все языческое смотрѣли, болѣе или менѣе, съ презрѣніемъ. А въ этихъ-то пѣсняхъ и не является никакихъ опредѣленныхъ личностей боговъ, тогда какъ о *богахъ вообще* говорится безпрестанно. Если бы боги представлялись Чехамъ-язычникамъ въ ясно выдавшихся личностяхъ, то личности эти сами собою отразились бы въ ихъ пѣсняхъ, ибо поэзія, какая бы она ни была, сроднѣе опредѣленный образъ, чѣмъ общее, безличное понятіе. Гдѣ Гомеръ непременно называлъ бы *Θеμιδу*, или *Зевеса*, властителя законовъ, *Любуша* говорить такъ передъ своимъ сеймомъ: «Мои кметы, леги и владыки (т.-е. бояре, дружина и выборные)! вотъ братьямъ разрѣшите правду: ... по закону въжожизненныхъ боговъ, будутъ ли оба собща владѣть наслѣдіемъ, или раздѣлятся поровну?» (631)

Гдѣ Римлянинъ или Варягъ благодарилъ бы за побѣду *Марса* или *Тора* и ему бы принесъ жертву, *Забой* опять славить всѣхъ вообще боговъ:

«Братъ! вотъ съдая вершина: боги тамъ насъ одарили побѣдою.... Туда идемъ, къ вершинѣ, хоронить мертвыхъ и дать пищу богамъ, и тамъ богамъ-спасителямъ принести множество жертвъ и возгласить имъ любимыя слова и (посвятить) имъ оружіе убитыхъ враговъ» (632).

Такихъ выраженій много во всѣхъ этихъ пѣсняхъ *Краледворской* рукописи, и вездѣ являются боги безличные. Но эти боги также не были какія-нибудь философскія, отвлеченныя представленія, а существа весьма матеріальныя, которыя жили въ природѣ и владѣли ею. Они обитали въ лѣсахъ, имѣли священныя деревья: туда приходили въ сумерки «имъ давать ѣсть», т.-е. приносить жертвы, били передъ ними челомъ, возглашали священныя слова (633); они располагали судьбою людей, посылали

(631) Любушинъ Судъ, ст. 60.—(632) Забой и Славой, ст. 231.—242.

(633) Тамъ же, 39—42.

имъ побѣду или поражение (634). Слѣдующій отрывокъ изъ пѣсни о Честмиръ и Влаславъ покажетъ еще лучше, какое было у древнихъ Чеховъ вещественное представленіе о богахъ (они *непремьнно требовали* жертвы), и въ чемъ состояло тогдашнее Славянское богослуженіе (635):

«Вскричалъ Воймиръ со скалы голосомъ, раздававшимся въ лѣсу, изъ сильнаго горла воззвалъ онъ къ богамъ: *«Не яритесь, боги, на своего слугу, что онъ не жжетъ вамъ жертвы при сегодняшнемъ солнць (т. е. сегодня)»*.—*«Жертва всць должная богамъ, сказалъ Честмиръ; и такъ мы поспѣемъ теперь на праговъ. Садись же ты сейчасъ на быстрого коня, пролетѣ лѣса оленьимъ скокомъ, туда въ дубраву: тамъ отъ дороги въ сторону скала, богами возлюбленная: на ея вершинѣ жертвуй богамъ, богамъ своимъ спасителлмъ, за побѣду назадъ, за побѣду впереди... Прежде чѣмъ солнце... ступитъ надъ вершинами лѣса, подойдутъ и воины туда, гдѣ отъ твоей жертвы повѣтъ столбами дыма, и мимоходомъ все войско смиренно поклонится»*.—*«И съѣлъ Воймиръ на быстрого коня, пролетѣлъ лѣса оленьимъ скокомъ, туда въ дубраву, къ скалѣ; на верху скалы онъ зажегъ жертву богамъ своимъ спасителлмъ за побѣду назадъ, за побѣду впереди. Онъ имъ пожертвовалъ буйную телку: рыжая на ней лоспилась шерсть: телку эту купилъ онъ у пастуха, тамъ въ долинѣ, гдѣ высокая трава, давъ за нее коня, и съ уздою»*.—*«Пылала жертва, и приближаются воины къ долинѣ, изъ долины идутъ вверхъ, въ дубраву, воины, окруженные гуломъ; идутъ одинъ за однимъ, неся оружіе; каждый, идя кругомъ жертвы, возглашалъ богамъ славу, и никто, заходя, не медилъ стукнуть (оружіемъ)»*» (636).

Чрезвычайно важны послѣднія строки: древнѣйшее богослуженіе Славянъ-язычниковъ, о какомъ исторія помнитъ, производилось,

(634) Тамъ же, 232. Честмиръ и Влаславъ, 136. 144.

(635) Честмиръ и Влаславъ, 132—168.

(636) *Plápoláše obět', i bližise se voj—k úvalu, iz úvala vz hóru v dúbavu, —voji ozvučeni hlukem;—idú po jeduóm oružie nesúce,—Prokni ida kol oběti, bohóm slávu hlásáše,—i zachazeje, zezvuče neměškáše (163—168)*.

значить, въ лѣсу, подъ открытымъ небомъ, всякимъ человѣкомъ, и состояло въ соженіи жертвы и возглаголаніи богамъ славы; не было ни храмовъ, ни жрецовъ, ни идоловъ.

У Русскихъ Славянъ были такія же неопредѣленные божества, какимъ поклонялись въ лѣсахъ древніе Чехи: упири и берегини, родъ и рожаницы; одно любопытное свидѣтельство называетъ ихъ именно древнѣйшими божествами Русскихъ (637). Болѣе развитой религіи, чѣмъ простое жертвоприношеніе силамъ природы, Русскіе Славяне, безъ сомнѣнія, въ древности не знали. Если бы они поклонялись какимъ-нибудь опредѣленнымъ личностямъ боговъ и кумирамъ, то Несторъ едва ли бы прошелъ оныя молчаніемъ, когда рассказывалъ о «бѣсовскихъ игрищахъ» этихъ племенъ. Напротивъ, обожаніе лично представляемыхъ мифологическихъ существъ является въ его повѣствованіи только постепенно, при господствѣ Варяжскихъ князей. Разнообразныя мифологіи языческихъ племенъ имѣли вообще слишкомъ мало внутренней силы, чтобы язычникъ, поселясь въ чужой землѣ, могъ

(637) См. Шевырева, Повѣдка въ Кирилло-Бѣлозерскій монастырь, II, 33 (мѣсто изъ помѣщенного въ одномъ древнемъ Сборникѣ слова св. Григорія о томъ, како первое, погани суще, языки клапаялися ідоломъ и проч.): «Оттуда же изыкоша елени (Эллины) класти требы артеиду и артеидѣ. рекше роді і рожаницѣ. тацѣ же егуптяне. Тако і до Словѣтъ доиде се словіти начаша требы класти роду і рожаницамъ. преже перуна б(ог)а ихъ, а переже того клади требу упиремъ и берегинямъ.... Конечно, это извѣстіе не можетъ быть понято въ томъ смыслѣ, что поклоненіе упирямъ и прочимъ упомянутымъ безличнымъ божествамъ предшествовало существованію Перуна въ представленіи Славянскаго народа: родъ и рожаницы, упири и берегини, очевидно, существа второстепенныя, въ родѣ Прокопѣевыхъ *нимфъ* или *силъ*, которыхъ считалось тридцать сестеръ, Перунъ же—богъ высшій; но первоначально онъ долженъ былъ имѣть (въ томъ убѣждаетъ насъ вся древнѣйшая Славянская мифологія) такой же безличный характеръ, какъ упири и проч.; въ этомъ видѣ, какъ боготворимая высшая сила природы, властвующая надъ человѣкомъ, Перунъ принадлежалъ, безъ сомнѣнія, къ одной эпохѣ поклоненія съ упирями и берегинями, родомъ и рожаницами; впоследствии же, Перунъ олицетворился въ опредѣленномъ человѣческомъ образѣ, и такъ понималъ его приведенный свидѣтель, ставя его на ряду съ Хорсомъ и Мокошью, которымъ Владиміръ воздвигъ идола въ Кіевѣ: въ этомъ смыслѣ онъ и правъ, когда говоритъ, что обожаніе упирей и берегиня, рода и рожаницъ было древнѣе обожанія Перуна.

удержать свое народное вѣрованіе: Варяги забыли на Руси о Скандинавскихъ божествахъ; но они, навѣрное, принесли съ собою потребность въ опредѣленной, человѣкообразной миѳологіи, какая была у нихъ въ Скандинавіи, въ истуканахъ, какими такъ славилась Упсала: этимъ они, безъ сомнѣнія, способствовали развитію народной миѳологіи подчинившихся имъ Славянъ.

Замѣчательно выраженіе Нестора, что при заключеніи Олегомъ мира съ Греками клялись «по Русскому закону оружіемъ своимъ и Перуномъ богомъ своимъ и Волосомъ скотьямъ богомъ», тогда какъ въ этомъ именно мѣстѣ Русь, въ смыслѣ Варяговъ, противопоставляется Славянамъ: «и рече Олегъ: исшійте прѣ (паруса) паволочиты Руси, а Словѣномъ кропійныя» и проч. ⁽⁶³⁸⁾.— Въ первое время Русскаго государства лѣтописецъ упоминаетъ всего о трехъ божествахъ: Богѣ (неба), Перунѣ и Волосѣ. Только при Владимірѣ устрояется миѳологія, боготворятся новыя существа, новые кумиры, воздается богамъ болѣе торжественное поклоненіе: «и нача Володимерь княжити въ Кіевѣ единѣ, и постави кумиры на холму.... Перуна древяна, а главу его сребрену, а усъ златъ, и Хърса Дажбога, и Стрибога, и Снмарьгла и Мокошь. Жраху имъ, наричюще а́ боги, привожаху сыни своя и дъщери, и жраху бѣсомъ, оскверняху землю теребамъ своими, и осквернися кровьюи земля Руска и холмъ-отъ.... Припедъ Добрыня Ноугороду, постави кумира надъ рѣкою Волховомъ, и жраху ему людье Ноугородстїи аки бегу» ⁽⁶³⁹⁾. Такимъ образомъ только при Владимірѣ опредѣлилась и развилась миѳологія Русскихъ Славянъ и только при немъ возникъ обрядъ человѣческихъ жертвъ: «тогда, говоритъ Несторъ, осквернилась кровавыми требами земля Русская»: значитъ, прежде она не была ими осквернена, да если бы Поляне во время племеннаго быта приносили человѣческія жертвы, то, конечно, Несторъ не назвалъ бы ихъ права кроткимъ и тихимъ ⁽⁶⁴⁰⁾.

(638) П. Собр. Р. Лѣтоп. I, 13.

(639) Тамъ же, 34.—(640) Тамъ же, 6.

Образовавшись такъ поздно и, вѣроятно, болѣе пришельцами, Варягами, нежели самими Славянами, Русская миеологія, очевидно, не могла укорениться въ сознаніи и бытѣ народа: достаточно было приказанія Владимірова, чтобы ниспровергнуть кумиры, какъ его приказаніе ихъ воздвигло: язычники сѣтовали («плакахуся»), когда тащили Перуна въ Днѣпръ, какъ естественно имъ было сѣтовать при разставаніи съ вещью знакомою для новой, еще неизвѣстной: но не то бы было, если бы обожаніе Владиміровыхъ кумировъ было народное, увѣковѣченное временемъ. А въ иныхъ мѣстахъ это поклоненіе даже надобло народу (очевидный признакъ его несообразности съ народной жизнью), и установленныя княжескимъ повелѣніемъ жертвы пришлись ему въ тягость.— Прибыль въ Новгородъ, рассказываетъ Софійская лѣтопись⁽⁶⁴¹⁾, архіепископъ Іоакимъ, «и требища (языческіе алтари) разори и Перуна постѣ и повелѣ въврещи въ Волховъ. И повязавше ужи (веревками) влечахуть ѿ калу, біюще жезліемъ и пихающе... и вринуша его въ Волховъ... Иде Пидьбляннѣ рано на рѣку, хотя горнеци (горпки) везти въ городъ, оли Перунъ приплы къ берви (плотинѣ), и отрину ѿ шестомъ: ты, рече, Перушице, досыти еси ѡль и пиль, а нынеча попллови прочь.» Гораздо вѣроятнѣе это сказаніе о нелюбви Новгородскаго мужика къ кумиру, поставленному Добрынею, нежели рассказъ Іоакимовской лѣтописи, которой и подлинность весьма сомнительна, о насильственномъ крещеніи Новгорода «огнемъ и мечемъ.»

LXV.

Характеръ религіознаго развитія у Балтійскихъ Славянъ. Вра въ единого небеснаго Бога.

Разсмотрѣнныя нами извѣстія о древнемъ поклоненіи Славянъ-язычниковъ относятся къ гораздо позднѣйшему времени, нежели показанія Тацита о богослуженіи Прибалтійскихъ Германцевъ. Но когда мы въ VI и слѣд. столѣтіяхъ находимъ религію Славянъ еще такъ слабо опредѣлившуюся, еще не отрѣшенною отъ

(641) Тамъ же, V, 121.

безличнаго обожанія силъ природы, то можемъ судить, какъ груба она была въ I-мъ вѣкѣ, какъ близка къ природѣ и чужда опредѣленныхъ божествъ, тогда какъ въ это время Германцы уже имѣли въ полномъ развитіи общественное богослуженіе Нертъ. Мы не предполагаемъ однако же, чтобы въ эти незнамятныя времена религія Славянъ могла отличаться существенно отъ того поклоненія, которое изображено Прокопіемъ и Чешскими пѣснями; мы не думаемъ, чтобы Славянское племя и вообще Индо-Европейскіе народы ложили когда-нибудь на низшей еще ступени религіи, на ступени Африканскаго фетишизма или Монгольскаго боготворенія меча; можетъ быть развѣ, что первоначально главный предметъ обожанія составляло небо съ своими свѣтилами, а съ теченіемъ времени болѣе развилось и возобладало поклоненіе вещественнымъ силамъ природы, окружающимъ человѣка. Какъ бы то ни было, впрочемъ, приведенныя нами древнія свидѣтельства показали, какую матеріальную, смутную, неудовлетворительную религію имѣли Славяне въ началѣ своей исторіи.

Болѣе другихъ племенъ, однако, Славянское всегда жило мыслию о Божествѣ и вѣрѣ: мало заботясь о внѣшнемъ устройствѣ общества, оно полагало главнымъ стремленіемъ своей жизни познаніе Божества и служеніе ему. Взглядъ на прошлую ли, или на современную жизнь Русскаго народа, или, напримѣръ, на исторію Чеховъ, которые всѣ дивныя подвиги свои совершали во имя вѣры, въ этомъ убѣдить всякаго. Скучность Славянскаго языка въ VI вѣкѣ и до Владиміра въ сравненіи съ мифологією Германцевъ и другихъ народовъ, можетъ быть, происходила отчасти оттого, что Славяне были въ то время относительно моложе въ Исторіи; но вѣрно и то, что самыя начала Славянской жизни не могли благопріятствовать развитію мифологіи: ибо какъ мифологія всегда шла (мы видимъ это у всѣхъ народовъ) отъ безличнаго обожанія природы къ поклоненію опредѣленнымъ личностямъ божествъ, то болѣшая или меньшая степень ея развитія зависѣла, естественно, отъ болѣшого или меньшаго развитія личной стихіи вообще въ понятіяхъ и жизни народа; сравнимъ религію Ассирійцевъ и Пеласговъ съ Эллинскою и Римскою, сравнимъ мифологію Славянскую съ Германскою, выводъ будетъ вездѣ одинъ и тотъ же.

Не должна ли была общинная стихія, господствовавшая у Славянъ, положить печать свою и на ихъ религіозную жизнь? Вотъ, намъ кажется, главная причина, которая задержала у нихъ въ миѳологіи развитіе личныхъ образовъ, которая помѣшала имъ вступить въ соблазнительный кругъ антропоморфизма и дать своимъ языческимъ вѣрованіямъ крѣпость опредѣленной системы. Общинная стихія гоствила такимъ образомъ легкое и безкровное торжество Христіанства въ Славянскомъ мірѣ. Исторія свидѣтельствуетъ, съ какою охотою Славяне принимали Христіанство: всѣ народы Славянскіе, и Сербы и Хорваты, и Хорутане, и Моравцы, и Чехи, и Польша, и Русь, всѣ одинаково легко отказывались отъ измѣства для новой, высшей вѣры; вся разница между ними въ этомъ отношеніи была та, что однимъ Христіанство передавалось Восточною церковью, вразумительно для всего народа, у другихъ церковь Западная старалась открывать его сознанию тѣхъ только людей, которые принимали Латинское образованіе: не отъ самихъ Славянъ зависѣла эта разница. Но по другому пути должны были идти Славяне Балтійскіе, и такая же горькая была ихъ участь въ религіозной жизни, какъ въ общественной. Простое поклоненіе природѣ уже не удовлетворяло ихъ мысли, возбужденной воинственною дѣятельностью, торговыми предпріятіями, знакомствомъ съ Германскою миѳологіею, и прежде чѣмъ Христіанство могло приблизиться къ ихъ краю, они успѣли уже создать себѣ цѣлую систему языческаго міросозерцанія и богопоклоненія. И здѣсь опять отступили они отъ коренныхъ началъ Славянскаго духа, какъ въ своемъ гражданскомъ обществѣ, гдѣ они такъ неестественно сочетали съ Славянскою общиною Германское, аристократическое начало личности; и здѣсь, въ сферѣ религіозной, усвоили себѣ Балтійскіе Славяне это же начало личности, и внесли его какъ въ самый міръ своихъ боговъ, такъ и въ кругъ отношеній челоѳка къ этому міру, въ область собственно миѳологіи и въ область языческаго своего богослуженія. Миѳологію свою они сдѣлали антропоморфическою, богослуженіе—принадлежностью касты жрецовъ. — Когда совершилось у Балтійскихъ Славянъ это религіозное развитіе, при господствѣ ли еще Германцевъ въ ихъ землѣ, или во время независимости, опредѣлить

невозможно; но вездѣ, во всѣхъ историческихъ свидѣтельствахъ, вѣра Балтійскихъ Славянъ является уже вполне выработанною и установленною издревле: много разъ средневѣковые повѣствователи именно говорятъ объ ея божествахъ, обрядахъ и святилищахъ, что они старинные, давнишние, освященные временемъ (642).

Также можно сказать положительно, что хотя внѣшнія обстоятельства и примѣры чужихъ народовъ могли возбудить въ Балтійскихъ Славянахъ развитіе языческой религіи, однако самое развитіе ея совершилось самобытно. Примѣсы чужихъ божествъ въ ихъ вѣрованіяхъ не видно вовсе (643), (а это вещь весьма обыкновенная въ язычествѣ); своими силами, своимъ творчествомъ создали они себѣ новую религіозную систему.

(642) Helm. II. 12. Simulacrum illud antiquissimum Zwantevith.—I, 21. Riduri sive Tolenzi propter antiquissimam urbem et celeberrimum illud fanum, in quo simulacrum Radigast ostenditur, regnare volebant; ср. I, 84. Saxo 838. purpura tam putris, ut tactum ferre non posset; см. тамъ же, 842, описаніе Руевита.—Sefr. 185. in hanc ædem, ex prisca patrum consuetudine etc.

(643) Подъ 1068 г., Англо-Норманскій летописецъ, Орденикъ Виталий (historia ecclesiastica, въ Duchesnii, historiae Normannorum scriptores, IV, 513) говоритъ о Лютичахъ: «Лютичи не знали истиннаго Бога, но опутанные святыми невежества, поклонялись Гводену, Туру и Фреву (Guodeuen (описка вмѣсто Guodelen) et Thurum Freanque) и другимъ ложнымъ богамъ или скорѣе бѣсамъ.» Одна изъ вѣтвей Балтійскихъ Славянъ, значило бы по свидѣтельству Орденика, чтима три высшія божества Германскоі мнѣологіи: Водена (форма Англо-Саксонская; извѣстнѣ Скандинавская—Одиль), Тора и Фрею. Но очевидно, что этого сказанія нельзя принять въ буквальномъ смыслѣ: можно ли предполагать, чтобы Нѣмецкіе писатели, конечно ближе знакомые съ Балтійскими Славянами, нежели Нормандскій историкъ, забыли упомянуть объ ихъ поклоненіи стариннымъ богамъ Германіи, если бы замѣтили у нихъ слѣды такого поклоненія? Именно о религіи Лютичей они сообщаютъ много и довольно подробныхъ извѣстій, а между тѣмъ не говорятъ ни слова о существованіи въ нихъ мнѣологіи, также какъ и у другихъ соплеменныхъ имъ вѣтвей, какаго бы то ни было Германскаго божества. Ясно, мнѣ кажется, что когда Лютичи, въ союзъ съ Данією, напали въ 1068 г. на Англійскіе берега, и Орденикъ сталъ распространять кого-нибудь объ этомъ невѣдомомъ народѣ, Англо-Сакса ли, Датчанна или Норманна, то ему перевели Славянскія имена ихъ боговъ на соответствующія Германскія, которыя онъ и принялъ за собственныя ихъ названія:

Въ основаніи ея осталась исконная, общая всему Славянскому племени, вѣра въ единого Бога, владыку міра и другихъ боговъ. Вотъ что говоритъ Гельмольдъ: « Между многообразными божествами, которымъ присвоены лѣса, поля, печали и радости, они (Балтійскіе Славяне) признаютъ единого Бога, въ небесахъ повелѣвающаго прочими богами, и вѣрятъ, что онъ, всемогущій, заботится только о небесномъ, другія же божества, которымъ розданы разныя должности, подчинены ему, произошли отъ его крови и тѣмъ знатнѣе, чѣмъ ближе родствомъ къ этому Богу боговъ » (644).

Чрезвычайно замѣчательно и важно это вѣрованіе. Никакой языческой народъ въ Европѣ не подходилъ такъ близко къ единобожію, какъ Балтійскіе Славяне: это, конечно, свидѣлствуетъ о глубинѣ и ясности ихъ народной мысли. Въ мифологіяхъ Греческой, Римской, Германской и др., земля составляла средоточіе и главную часть творенія, а небо отъ нея зависѣло; Балтійскими Славянами, напротивъ, ясно сознавалась ничтожность земнаго міра передъ безконечностью небеснаго; что предполагаетъ также, въ языческомъ народѣ, большую силу мысли и чистоту нравственнаго чувства. Правда, къ этому сознанію примѣшались и весьма матеріальныя представленія: понявъ, что небесное божество стоитъ въ недосыгаемой высотѣ надъ земнымъ міромъ, Балтійскій Славянинъ уже не постигалъ, чтобы оно могло заботиться объ этомъ ничтожномъ мірѣ, въ которомъ живетъ человекъ: по его разсужденію, оно должно было презрѣть землю и предоставить ее низшимъ божествамъ. Не менѣе матеріально и то вѣрованіе, что эти низшія, земныя божества, суть дѣти и внучата небеснаго Бога.

Удаливъ единого, небеснаго Бога отъ земнаго міра, Балтійскіе Славяне и не воздавали ему поклоненія: что ему было до поклоненія существъ, о которыхъ онъ, по ихъ понятіямъ, не заботился? Все поклоненіе и весь кругъ мифологіи сосредоточились въ его потомкахъ, божествахъ земныхъ, человѣческихъ.

эго дѣлалось безпрестанно, какъ въ древности, такъ и въ средніе вѣка (множество примѣровъ можно найти у Гримма, *Mythol.* 96—101 et passim). Такимъ образомъ Водень могъ быть принятъ за Свитовита, Торъ за Яровита, Фрея за Живу. (644) *Helm.* I, 84.

LXVI.

Святovitъ , поклоненіе ему на островъ Ранъ.

Изъ нихъ первый, главный былъ Святovitъ (по произношенію Балтійскихъ Славянъ, *Свантовитъ*). Святovitъ имѣлъ полную власть надъ землею и человѣкомъ. Для земнаго міра онъ былъ верховнымъ божествомъ; ему воздавалъ человѣкъ наивысшія почести. Всѣ Славянскія племена на Балтійскомъ поморьѣ признавали Святovита первымъ между богами, « Богомъ боговъ », могущественнѣйшимъ изъ боговъ (ибо небесный богъ былъ въ сторонѣ), такъ что всѣ прочія божества, по словамъ Гельмольда, считались какъ бы полубогами передъ Святovитомъ; отъ Святovита исходили знаменитѣйшія побѣды, самыя непреложныя пророчества⁽⁶⁴⁵⁾. Святovиту въ мифологіи Балтійскихъ Славянъ принадлежалъ самый обширный кругъ дѣйствія; поклоненіе ему было самое торжественное и распространенное.

Средоточіе этого поклоненія было у Ранъ, въ священномъ ихъ городѣ Арконѣ. Здѣсь, среди великолѣпнаго храма, стоялъ идолъ Святovита, огромный, выше человѣческаго роста, съ четырьмя головами на четырёхъ отдѣльныхъ шеяхъ, смотрѣвшими врознь, съ обритыми бородами и остриженными волосами, по обычаю Ранскаго народа. Въ правой рукѣ онъ держалъ рогъ, выложенный разными металлами, который ежегодно наполнялся виномъ; лѣвая изогнута была дугою и опиралась въ бокъ. Одежда спускалась до голеней, которыя, будучи сколочены изъ разныхъ кусковъ дерева, такъ плотно соединялись съ кольнами, что только при весьма тщательномъ разсмотрѣніи можно было, говорить очевидецъ, примѣтить искусственную связь. Пьедестала не было :

(645) Helm. I, 53. Inter multiformia Slavorum numina præpollet Zuantevith, deus terræ Rugianorum, utpote efficacior in responsis, cujus intuitu cæteros quasi semideos æstimabant.—I, 6.... illi primatum deitatis specialiter attribuentes.— II, 19.... Zuantevit deus terræ Rugianorum inter omnia numina Slavorum primatum obtinuit, clarior in victoriis, efficacior in responsis;..... non solum Wagirensis terra, sed et omnes Slavorum provinciæ... illum Deum deorum esse profitentes etc.

ноги стояли на полу и утверждены были подъ поломъ (646). По близости находились узда и сѣдло и многіе другіе, присвоенные ему, предметы: наиболѣе удивлялъ посѣтителей огромный мечъ, котораго ножны и рукоятъ обдѣланы были въ серебро и отличались прекраснѣйшей рѣзью (647).

Сѣдло, узда и мечъ составляли принадлежности Святовита, какъ бога-наѣздника и воителя. Въ этомъ качествѣ ему былъ посвященъ въ особенности конь. Въ Арконѣ содержался въ удивительной чести и холѣ священный конь Святовитовъ, бѣлый съ длинными, никогда не стриженными, гривую и хвостомъ: стричь ихъ почиталось беззаконіемъ. Одинъ только жрецъ Святовита имѣлъ право кормить коня и на него садиться. На немъ, по вѣрованію Ранъ, Святовитъ выѣзжалъ на войну противу враговъ своей святыни.— Не разъ, бывало, простоявши всю ночь на конюшнѣ, утромъ конь являлся весь покрытый потомъ и забрызганный грязью, какъ будто проскакалъ далекій путь: въ ту ночь, думалъ народъ, на немъ ѣздилъ великій богъ Арконскій (648). Также гадали этимъ конемъ. Вознамѣрившись предпринять войну, приказывали служителямъ воткнуть въ землю предъ храмомъ три пары копій въ одинаковомъ разстояніи: къ каждой парѣ привязываются третье копьѣ поперекъ. Передъ самымъ началомъ похода, жрецъ, произнеся торжественную молитву, выводилъ коня за узду изъ сѣней храма (e vestibulo) и велъ на скрещенныя копыя: если конь, перешагая каждое поперечное копьѣ, подымалъ сперва правую ногу, а потомъ лѣвую, то видѣли въ этомъ счастливое знаменіе и были увѣрены въ успѣхъ войны; если же онъ хоть одинъ разъ выступалъ лѣвою ногою, то отиѣнялось задуманное предпріятіе. Также морское плаваніе не иначе почиталось надежнымъ, какъ если три раза сряду шаги коня предсказывали успѣхъ (649).

(646) Saxo 823.

(647) Saxo 824. admirationem conspicuæ granditatis ensis augebat, cujus vaginam ac capulum, præter excellentem ælaturæ decorem, exterior argenti species commendabat.

(648) Тамъ же, 826.

(649) Тамъ же.

При этихъ гаданіяхъ Раве, безъ сомнѣнія, вѣрили, что самъ Святovitъ объявляетъ волю свою чрезъ своего священнаго коня. Неизвѣстно, Святovitъ ли тоже, или иной богъ руководилъ другими Ранскими гаданіями, о которыхъ тутъ же говоритъ Саксонъ. Вотъ какъ онъ ихъ описываетъ ⁽⁶⁵⁰⁾. « Отправляясь въ дорогу по какимъ бы то ни было дѣламъ, Раве по первому встрѣтившемуся животному судили объ удачѣ: если предзнаменованіе было счастливое, то съ радостью продолжали начатой путь; если печальное, то возвращались восвояси. Также имъ было знакомо гаданье по жребію: они кидали себѣ на колѣни, взявъ жребія, три щепки съ одной стороны ⁽⁶⁵¹⁾ бѣлыя, съ другой черныя: бѣлая сторона означала удачу, черная неудачу. Женщины были не менѣе свѣдущи въ гаданіяхъ: сѣдя у очага, онѣ безъ счету чертили по пеплу случайныя черты, потомъ сосчитывали, и если выходилъ четъ, то ожидали счастья, если нечетъ, то бѣды. »

Кромѣ коня и меча, Святovitъ имѣлъ еще священное знамя, которое называли *станицею* ⁽⁶⁵²⁾. Величиною и цвѣтомъ оно отличалось отъ всѣхъ другихъ Ранскихъ знаменъ. Свою *станицу* Раве чтили необычайно, воздавая ей почти такое же поклоненіе, какъ самому божеству. Неся ее передъ собою, они считали себя подъ высшимъ покровомъ и на все отваживались, увѣренные въ полной безопасности ⁽⁶⁵³⁾.

Всѣ эти принадлежности, очевидно, присвоены были Святovиту, какъ богу воинственному, наѣзднику и побѣдоносцу ⁽⁶⁵⁴⁾. Съ другой стороны, Балтійскіе Славяне видѣли въ немъ дарователя плодовъ земныхъ. Потому онъ держалъ въ рукѣ рогъ съ ви-

(650) Тамъ же, 827.

(651) или « съ одного конца »: *tribus ligni particulis, parte altera albis, altera nigris, in gremium sortium loco coniectis, candidis prospera, favis adversa signabant.*

(652) Тамъ же, 830. *stanitia.*

(653) Тамъ же.

(654) Helm. II, 12. *clarior in victoriis.*

номъ (655), и торжественный праздникъ его праздновался Ранами послѣ уборки хлѣба (656). Тогда стекалось къ Арконскому храму все народонаселеніе острова, приводили на жертву скотъ, закалывали и приготавливали священный пиръ. На канунъ великаго дня богослуженія, жрецъ Сватовитовъ, вошедъ во внутреннее святилище храма (657), куда одинъ имѣлъ доступъ, мель его въникомъ до чиста, при чемъ остерегался дохнуть: всякій разъ, чтобы дохнуть, выбѣгалъ онъ за двери, дабы присутствіе бога не осквернилось дыханіемъ смертнаго. На другой день, передъ всѣмъ народомъ, стоявшимъ у двери храма, онъ вынималъ изъ руки идола рогъ съ виномъ, и разсмотрѣвъ тщательно количество напитка, предсказывалъ, быть ли на другой годъ урожаю, или голоду: ежели вина оставалось, сколько прежде, то быть обилію, если убыло, то скудости. При дурномъ знаменіи, жрецъ приказывалъ хранить хлѣбъ на будущее время и быть съ нимъ бережливымъ; если же предвѣщалось обиліе, то онъ разрѣшалъ щедрое употребленіе настоящей жатвы. Потомъ онъ выливалъ старое вино къ ногамъ кумира, въ возліаніе богу, и наполнивъ опорожненный рогъ свѣжимъ виномъ, подносилъ его къ кумиру, подъ видомъ, что ему почтительно предлагаетъ пить первому (658); тогда онъ произносилъ слова торжественной молитвы, испрашивая себѣ и родинѣ блага, народу преуспѣванія въ благоденствіи и побѣдахъ. Помолвившись, онъ приближалъ рогъ къ своимъ губамъ и осушалъ однимъ духомъ, и наливши снова виномъ, клалъ опять въ

(655) Гизебрехтъ (Wendische Geschichten, I, 75.), основываясь на извѣстіи Сефрида, что Поморскіе Славяне «vinum nec habent, nec querunt, sed melleis poculis et cerevisia curatissime confecta vina superant Falernica» (не имѣютъ вина и не ощущаютъ въ немъ потребности, но имѣютъ такой медъ и такъ отлично приготовляемое пиво, что эти напитки превосходятъ у нихъ Фалерскія вина), основываясь на этомъ извѣстіи, предполагаетъ, что въ рогъ Сватовитовъ наливалось не настоящее вино, а пиво или медъ, и что Саксонъ употребилъ слово *tegut* изъ желанія приблизиться къ Римскимъ понятіямъ. Мнѣніе это весьма вероятно.

(656) post lectas fruges. Saxo 824.

(657) sacellum.

(658) Simulato propinandi officio statuum veneratus.

руку истукану ⁽⁶⁵⁹⁾. За тѣмъ приносился въ жертву Святовиту пирогъ изъ сладкаго тѣста, круглый и вышиною почти въ чело-вѣческой ростъ. Пирогъ ставился въ храмъ, между народомъ и жрецомъ, и жрецъ, спрятавшись за нимъ, спрашивалъ у народа, видятъ ли его. Когда отвѣчали, что виденъ лишь пирогъ, то жрецъ желалъ, чтобы и на другой годъ за пирогомъ его не было видно ⁽⁶⁶⁰⁾. Этимъ обрядомъ, по мнѣнію Ранъ, испрашивалось обиліе жатвы на будущее время: повѣріе распространенное и у другихъ Славянскихъ народовъ ⁽⁶⁶¹⁾. Наконецъ, именемъ Святовита благословляя собранный народъ, жрецъ наказывалъ и впредь ревностно чтить Арконскаго бога поклоненіемъ и жертвами, и предвѣщалъ въ награду за служеніе ему вѣрную побѣду на сушѣ и на морѣ. Тѣмъ и кончалось богослуженіе; остальную часть дня проводили въ пиршествѣ, насыщаясь жертвами, приисеянными богу, и напиваясь до-пьяна: ибо пиръ этотъ почитался священнымъ, и умѣренность въ немъ, по словамъ Саксона, принималась за обиду божеству ⁽⁶⁶²⁾.

ЛХVII.

Поклоненіе Триглаву; его тождество съ Святовитомъ.

Гельмольдъ говорить: «Святовитъ, богъ земли Ранской, первенствуетъ между всѣми Славянскими божествами; всѣ (Балтійскіе Славяне) признаютъ его верховнымъ богомъ, богомъ боговъ» ⁽⁶⁶³⁾. Саксонъ свидѣтельствуетъ, что многіе храмы были ему воздвиг-

(659) Saxo 824.

(660) Слова Саксона (824) довольно темны: (*placentam*) *sacerdos sibi ac populo mediam interponens, an a Rugianis cerneretur, percontari solebat. Quibus, illam a se videri respondentibus, ne post annum ab iisdem cerni posset, optabat.* Въ словъ *illam* я подразумеваю смыслъ: *illam solam* (т. е. *placentam*); другіе переправляли *illam* въ *illum* (т. е. *sacerdotem*) и толковали: «когда отвѣчали, что онъ (жрецъ) еще виденъ за пирогомъ, то онъ желалъ, чтобы на другой годъ его не было видно.»

(661) См. Срезневск. Изслѣд. о яз.ч. богослуж. др. Славянъ, 69.

(662) Saxo 825.

(663) Helm. II, 12.

нуты въ разныхъ мѣстахъ (664). И действительно, то же верховное божество, съ тѣмъ же значеніемъ побѣдоносца и покровителя людей, является по всему Славянскому поморью; но не вездѣ придается ему лѣтописцами одинаковое имя.

Верховнаго бога Поморянъ, которому въ первыхъ городахъ Поморья, Щетинѣ и Волинѣ, посвящены были главные храмы, жизнеописанія св. Оттона Бамбергскаго называютъ Триглавомъ; въ самомъ дѣлѣ, онъ изображался, по ихъ словамъ, и въ Щетинѣ и въ Волинѣ, трехглавыми истуканами (665). Щетинскіе

(664) Saxo 826. Alia quoque fana compluribus in locis hoc nomen habebat. Темное и смутное, но тѣмъ не менѣе любопытное указаніе на Святовита мы находимъ въ баснословной легендѣ о святыхъ, избѣженныхъ язычниками въ Гамбургъ (въ 880 г.) и покоящихся въ Эббекесдорфѣ (Эбсдорфѣ, въ Люнебургскомъ краѣ): легенда эта составлена довольно поздно, кажется въ XIV в., и не имѣетъ исторической достовѣрности, но въ ней слышенъ отголосокъ народныхъ толковъ и монастырскихъ разсказовъ тогдашней Германіи: «народъ за Эльбою, говоритъ она, принужденный Карломъ В. принять Христіанскую вѣру, послѣ смерти могущественнаго императора воздвигъ опять свои кумиры, своего Аммона, а именно Святобога, Витолюба, Радигоста (*Suentebueck, Vitelubbe, Radegast*) и прочихъ, возстановилъ ихъ на прежнихъ мѣстахъ ихъ и сталъ имъ поклоняться.» (Leibnitz, *scriptores regum Brunsvicensium*, I, 191.). Откуда взялись эти имена *Святобогъ* и *Витолюбъ*? Очевидно, въ Славянской мѣологии не было ни того ни другаго. Намъ кажется очевиднымъ, что тутъ есть воспоминаніе о Святовитѣ. Смутно хранило народное преданіе имя верховнаго бога Балтійскихъ Славянъ, тогда уже почти исчезнувшихъ, и изъ народнаго преданія заимствовалъ его монахъ, составитель легенды; легенда возникла въ Люнебургскомъ краѣ, гдѣ именно еще жила кое-гдѣ Славянская рѣчь, и вотъ непонятное имя Святовита раздвоится, такъ сказать, въ этомъ отдаленномъ отголоскѣ, составныя его части осмысливаются и превращаются въ особыя божества, въ Свято-бога и Вито-люба: къ обѣимъ половинамъ кореннаго имени прибавлены, мы видимъ, слова самыя понятныя, и *Витолюбъ* нигдѣ при томъ для толкователей ту выгоду, что онъ представлялъ самую простую парфразу *Радигоста*: ибо, очевидно, *Витолюбъ* принималось въ смыслъ *любящаго привѣтствовать*, согласно древнему значенію Славянскаго глагола *вѣтати* (по-Польски и теперь *witas* значить привѣтствовать).

(665) Segr. 106. Ebbo 64. S. Стус. II, 12. Истуканъ Щетинскій былъ не очень великъ: Сефридъ называетъ его три головы *небольшими* (*capitella*, 106); онъ былъ посеребренъ (S. Стус. II, 12.); разбивъ туловище, Оттонъ Бамбергской взялъ ихъ съ собою, а потомъ послалъ въ Римъ. Въ Волинѣ Три-

жрецы учили, что Триглавъ высшій ихъ богъ, и благосклоненъ къ человѣческому роду ⁽⁶⁶⁶⁾. Уже это одно указаніе, сведенное съ тѣмъ, что мы знаемъ о Святovitѣ, верховномъ божествѣ всѣхъ Балтійскихъ Славянъ по Гельмольду, могущественномъ покровителѣ людей по Саксону, даетъ право заключить о тождествѣ Триглава съ Святovitомъ. Имя *Триглавъ* произошло, конечно, лишь отъ наружнаго вида идола, а не было собственнымъ названіемъ божества. Такого примѣра нѣтъ ни у какого народа, сколь бы ни были грубы его языческія понятія, чтобы божество называлось единственно по той или другой внѣшней примѣтѣ истукана, и *Триглавъ* могло быть только обиходнымъ прозвищемъ изображавшагося въ извѣстномъ кумирѣ бога: чаще другихъ слышанное Нѣмцами въ Щетинѣ и Волинѣ и наиболѣе для нихъ понятное, оно и попало въ ихъ повѣствованіе.

Волинѣ подтверждается тождество Триглава и Святовита одинаковыми ихъ принадлежностями. Поморскому богу былъ посвященъ конь, какъ и Святовиту. Конь этотъ стоялъ въ Щетинѣ, необычайный ростомъ, жирный, бойкій, никогда не знавшій работы; за нимъ ходилъ одинъ изъ 4-хъ жрецовъ, поставленныхъ при 4-хъ Щетинскихъ *кутинахъ* или священныхъ храминахъ; никто не смѣлъ на коня садиться ⁽⁶⁶⁷⁾. Сѣдло его, изукрашенное золотомъ и серебромъ, висѣло въ храмѣ Триглава ⁽⁶⁶⁸⁾, какъ въ

главъ имѣлъ также какое-то золотое изображеніе (*Trigelawi, qui principaliter ab eis colebatur, auream effigiem. Ebbo 55.*): вѣроятно, оно не было главнымъ его идоломъ, но оно пользовалось большимъ уваженіемъ, и когда христіанскіе проповѣдники разбивали Волинскіе кумиры, то жрецы сумѣли скрыть своего золотого Триглава, и спрятали его гдѣ-то въ дуплѣ стараго дерева; видно, что размеры идола были не велики. Зато объ истуканахъ въ Поморскомъ городѣ Гостыковѣ (*Gutzkow*) разсказывается, что они были удивительной величины, такъ что въскольцо паръ воловъ едва могли ихъ стащить съ мѣста; истуканы эти отличались превосходной рѣзьбой (*Andr. 183: simulacra miræ magnitudinis et sculptoria arte incredibili pulchritudine cœlata, quæ multa boum paria vix movere poterant.*); но неизвѣстно, какія божества были въ нихъ изображены.

(666) См. Ebbo 64.

(667) Sefr. 107. S. Cruc. II, 11.

(668) S. Cruc. II, 11.

Арконскомъ храмѣ Святовита. Арконскій конь былъ, правда, бѣлый, а Щетинскій вороной ⁽⁶⁶⁹⁾; но если бы въ этомъ различіи было существенное значеніе, то, конечно, вороная масть Триглавова коня выражала бы въ самомъ богѣ какое-нибудь темное, злое начало; а мы знаемъ, что Поморскій богъ, точно также какъ Святovitъ, который ѣздилъ на бѣломъ конѣ, былъ добръ и благосклоненъ къ человѣку. Въ Щетинѣ, какъ и въ Арконѣ, всякій разъ, когда думали идти на войну или пуститься въ море для разбоя, гадали этимъ конемъ ⁽⁶⁷⁰⁾, и, также какъ тамъ, заставляли его переступить черезъ копыя; даже число копій было одинаковое: 9. Только у Щетинцевъ конья не связывались по-трое, а клаясь всѣ девять на землю, въ разстояніи локтя. Покрывъ коня попоною (или, по другому извѣстію, осѣдлавъ хранившимся въ храмѣ сѣдломъ) и взнуздавъ, жрецъ выводилъ его, и, держа за узду, вель чрезъ лежащія копыя по три раза взадъ и впередъ; если конь не задѣвалъ копій ногами, то предвѣщалась удача и народъ шелъ на задуманное дѣло; если онъ на копыя наступалъ и перемѣшивалъ ихъ, то предпріятіе отмѣнялось ⁽⁶⁷¹⁾. Не смотря на маленькую разницу въ совершеніи гаданія, едва ли возможно сомнѣваться въ тождествѣ Святовита и трехглаваго кумира Щетинскаго, когда очевидно, что названіе «Триглавъ» не могло быть настоящимъ именемъ самаго божества, и когда древнія свидѣтельства представляютъ такое полное сходство въ ихъ значеніи, принадлежностяхъ и наконецъ въ способѣ, какимъ и тотъ и другой объявляли людямъ свою волю ⁽⁶⁷²⁾.

(669) Sefr. 107. (670) S. Crus. II, 11.

(671) Такъ описано это гаданіе Сефридомъ (107); въ другомъ житіи Оттона (S. Crus. II, 11.) оно изложено не такъ ясно и точно: «Erat vero auguriorum hujusmodi consuetudo. Hastis pluribus sparsim positis, equum Trigloi per eas transire fecerunt. Qui cum nullam earum deambulando contingeret, valens videbatur augurium, ut equis sedentes pergerent ad praedandum. At si quam earum contigisset incessu, interdictam sibi divinitus facultatem equitandi arbitantes, ad sortes se illico contulerunt, quatenus ex earum consideratione cognoscerent, utrum navigando potius, an ambulando praedatum ire deberent.»

(672) Замѣчательно, что Щетинцы, также какъ Ране, гадали и кусками дерева: Sefr. 108. ligneas calculationes, in quibus navalis pugnae vel praedae considerabant auguria.

Былъ ли конь у Триглава въ Волинѣ, какъ въ Щетинѣ, не извѣстно; но во всякомъ случаѣ и Волинскій Триглавъ почитался богомъ наѣздникомъ, потому что въ его храмѣ также хранилось священное сѣдло; жизнеописатель Оттона говорить, что оно было чрезвычайно ветхо ⁽⁶⁷³⁾.

Трехглавому идолу поклонялись также Славяне въ Сгорѣльцѣ (Бранденбургѣ) ⁽⁶⁷⁴⁾, и, вѣроятно, это было то же божество, что у Поморянъ; но не сохранилось о немъ никакихъ свѣдѣній.

Арконскій истуканъ Святовита имѣлъ, какъ мы знаемъ по описанію Саксона, четыре головы, а кумиры Щетинскій и Волинскій—три. Вообще Балтійскіе Славяне любили представлять своихъ боговъ многоглавыми ⁽⁶⁷⁵⁾, вѣроятно придавая такому изображенію символическій смыслъ. Идолъ Святовита въ Арконѣ имѣлъ двѣ головы спереди, двѣ сзади; въ каждой парѣ одна была обращена вправо, другая влево. Поставленный на вершинѣ высокой горы, онъ такимъ образомъ какъ бы смотрѣлъ на всѣ четыре стороны, и тѣмъ выражалось, безъ сомнѣнія, его всевѣдѣніе и власть надъ цѣлымъ свѣтомъ. Щетинцы вѣскольکو иначе взглянули на кругъ власти своего бога и изобразили его господство не надъ четырьмя концами свѣта, а надъ всѣмъ міромъ, видимымъ и невидимымъ; такъ именно ихъ жрецы и объяснили три головы своего кумира: «онъ означаютъ, говорили они, что нашъ богъ управляетъ тремя царствами, небеснымъ, земнымъ и преисподнею» ⁽⁶⁷⁶⁾. Понятно такое вѣрованіе и такой символъ: ибо собственный Небесный Богъ преданъ былъ Балтійскими Славянами бездѣйствію и забвенію, и они легко могли дѣятельному богу Святовиту, богу боговъ, вручить управление небомъ также, какъ землею. Но особенно замѣчательно это свидѣтельство по указа-

(673) Ebbo 57.

(674) Chronicon Pulkavae, въ Dobneri Monumenta histor. Boëmiæ, III, 167.

(675) Helm. I, 83. multos et duobus vel tribus vel eo amplius capitibus exsculptunt.

(676) Ebbo 64. asserentibus idolorum sacerdotibus, ideo summum eorum deum tria habere capita, quoniam tria procuraret regna, id est cæli, terræ et inferni.

нію на загробный міръ въ религіи Балтійскихъ Славянъ ; имъ утверждается вполнѣ, что она вѣриди въ безсмертіе души (которое, впрочемъ, признавалось всеми Славянами); оно опровергается, какъ клевету , слова ненавидѣвшаго язычниковъ и Славянъ Немецкаго монаха, Титмара , что въ понятіи Славянина все кончается съ земною жизнью ⁽⁶⁷⁷⁾.

Въ Волинѣ, мы сказали, стоялъ также трехглавый идолъ ; вѣроятно значеніе трехъ головъ его было такое же, какъ въ сосѣднемъ городѣ Щетинѣ ; но возможно также , что здѣсь принята была въ разсѣтъ и самая мѣстность. Островъ Волинъ образуетъ, какъ извѣстно , треугольникъ ; здѣсь могло казаться естественнымъ, чтобы богъ обращенъ былъ лицомъ къ каждой изъ трехъ сторонъ своего острова, и поэтому имѣлъ 3 головы. Такое толкованіе передалъ намъ Адамъ Бременскій, въ своемъ знаменитомъ свидѣтельствѣ о Волинѣ въ XI вѣкѣ; по крайней мѣрѣ, въ этомъ смыслѣ, кажется, будутъ всего понятнѣе его слова: «тамъ (въ Волинѣ) можно видѣть Нептуна тройственной природы : ибо тремя морями омывается этотъ островъ» ⁽⁶⁷⁸⁾. Что до имени Нептуна, то средневѣковые писатели, какъ извѣстно, не имѣли яснаго понятія о классической мифологіи и довольно неразборчиво примѣняли ея названія къ божествамъ другихъ народовъ ; Адамъ Бременскій , вѣроятно , приложилъ его къ Волинскому богу, потому что имѣлъ въ виду его отношеніе къ морю. Все это, разумеется, только предположенія; но во всякомъ случаѣ мы можемъ утвердить, что богъ Арконскій и Поморскій былъ одинъ и тотъ же, и что число головъ у его истукановъ зависѣло лишь отъ того, какую сторону его дѣятельности и власти народъ хотѣлъ представить въ наружномъ образѣ.

Убѣдившись въ этомъ тождествѣ, мы въ правѣ искать въ Поморскомъ богѣ еще одного свойства, которое ясно выказывается въ Ранскомъ Святovitѣ, именно владычества надъ обиліемъ и

(677) Thietm. I, 7.

(678) Ad. II, 19. Ibi est olla Vulcani, quod incolæ Græcum ignem vocant, de quo etiam meminit Solinus. Ibi cernitur Neptunus triplicis naturæ: tribus enim fretis alluitur illa insula, quorum aiunt unum esse viridissimæ speciei, alterum subalbidæ, tertium motu furibundo perpetuis sævit tempestatibus.

скудостью земныхъ плодовъ. Въ Поморскомъ городѣ Волегощѣ (Wolgast), такъ рассказываетъ житіе Оттона ⁽⁶⁷⁹⁾, жрецъ, который служилъ тамошнему кумиру (имя божества не упоминается), вздумалъ напугать народъ передъ прїѣздомъ христіанскихъ проповѣдниковъ, одѣлся въ свое священное, бѣлое облаченіе, и на разсвѣтѣ, спрятавшись въ кустарникъ, сталъ стращать поселянину, шедшаго въ городъ на рынокъ. «Стой, человекъ, и внемли моему слову! онъ сказалъ ему: я богъ твой, я тотъ, который облакаетъ поля травкою и лѣса листіемъ; плоды земли и древесъ и стадъ и все, что служитъ человеку, все въ моей власти: даю поклонникамъ моимъ, отымаю у противниковъ моихъ. Скажи народу въ Волегощѣ не принимать чужаго бога.» Не тотъ ли самый это Святovitъ, въ чьей рукѣ урожай и голодъ земли, котораго чтить въ Арконѣ народъ Славянскій? О другомъ богѣ, имѣвшемъ такое значеніе, мы не знаемъ у Балтійскихъ Славянъ.

ЛХVIII.

Святovitъ какъ сынъ неба, Сварожичъ. Объясненіе имени *Святovitъ*.

Подобно Арконѣ у Ранъ, Радигощъ въ землѣ Лютичей (у вѣтви Ратарей) былъ общему для Балтійскихъ Славянъ святилищу. Вотъ что говоритъ Титмаръ ⁽⁶⁸⁰⁾ о богахъ, которымъ здѣсь поклонялись: «Внутри (великолѣпнаго храма Радигощскаго) стоятъ рукотворные боги; на каждомъ нарѣзано его имя; они свирѣпымъ образомъ облечены въ шлемы и латы. Первый изъ нихъ называется Сварожичемъ (Zuagasič): всѣ язычники чтутъ его и поклоняются ему болѣе прочихъ боговъ. Знамена этихъ боговъ не иначе выносятся изъ храма, какъ для похода, и то только пѣшими. Для тщательнаго ихъ храненія поставлены народомъ особые жрецы, которые, когда народъ соберется въ храмъ жертвовать кумирамъ или умолиствлять ихъ гнѣвъ, одни имѣютъ право сидѣть, а прочіе стоятъ; жрецы поочередно, бормоча что-то про

(679) Sefr. 129.

(680) VI, 17.

себя, съ трепетомъ раскапываютъ пальцемъ (infodiunt) землю (замѣчательное сходство съ гаданіемъ Ранскихъ женщинъ), чтобы по встрѣчающимся примѣтамъ узнавать неизвѣстное. Кончивъ гаданіе и покрывъ разрытое мѣсто свѣжимъ дерномъ, они выводятъ коня, отличающагося особенно великимъ ростомъ и почитаемаго у нихъ священнымъ, и съ благоговѣніемъ и молитвою (supplicii obsequio) заставляютъ его переступить черезъ сложенные на крестъ острія двухъ воткнутыхъ въ землю копій; этимъ какъ бы вдохновеннымъ отъ божества конемъ перегадываютъ они то, что найдено было прежнимъ гаданіемъ, и если выйдетъ одно и то же, то исполняютъ задуманное дѣло; въ противномъ случаѣ огорченный народъ отказывается отъ своего предпріятія.

Въ этомъ сказаніи, первомъ по времени обстоятельномъ извѣстіи о міѳологіи Балтійскихъ Славянъ, очевидно, много запутаннаго и темнаго. Титмаръ писалъ о Радигощѣ по наслышкѣ. Радигощскіе жрецы не могли, напримѣръ, какъ онъ говоритъ, быть поставлены лишь для храненія священныхъ знаменъ; нѣтъ сомнѣнія, что они служили богамъ вообще; выраженіе: «когда народъ соберется въ храмъ жертвовать кумирамъ или умилоствовать ихъ гнѣвъ», также не точно, ибо, какъ извѣстно, язычникъ приносилъ жертвы богамъ именно для того, чтобы ихъ умилоствовать; не менѣе неопредѣленно изображеніе гаданія, и т. д. Но ясно и непреложно свидѣтельство Титмара, что первый между богами Радигощанъ, одѣтыми въ воинскіе доспѣхи, былъ Сварожичъ, *болѣе прочихъ боговъ чтимый всѣми язычниками* (т.-е. Балтійскими Славянами). Стало быть и у Лютичей, какъ на Поморьѣ, мы находимъ бога по имени несходнаго, но по значенію тождественнаго съ Святovitомъ; ибо то, что Титмаръ говоритъ о Сварожичѣ, какъ о первомъ, всеощемъ богѣ Славянскомъ, именно относится къ Святовиту, по достовѣрному свидѣтельству Гельмольда. А равно почитаніе священнаго коня⁽⁶⁸¹⁾ и преду-

(681) Объ этомъ конѣ упоминается и въ «Annales Augustani» подъ 1068 г. (Pertz, III, 128.): Burchardus Halbarstetensis episcopus, Liuticiorum provinciam ingressus, incendit, vastavit, avectoque equo, quem pro deo in Rheda colebant, super eum sedens in Saxoniam rediit.

гадываніе будущаго по тому, какъ этотъ конь перешагнетъ черезъ сложенный копьа, не доказательство ли, что и въ Радигощѣ, какъ въ Арконѣ и Щетинѣ, поклонялись одинаково тому же богу наѣзднику и воителю? И здѣсь опять, какъ въ Щетинѣ, настоящее имя божества до насъ не дошло. *Триглавъ*, мы видѣли, есть прозвище идола; *Сварожичъ* выражаетъ лишь то, что верховный богъ Ратарей былъ *сынъ Сварога*; но очевидно, кромѣ отчества, онъ долженъ былъ имѣть и свое собственное имя.—О Сварогѣ, отцѣ Лютицкаго бога, говоритъ Ипатьевская лѣтопись: «бысть по потоупъ и по раздѣленьи языкъ, поча царствовати (въ Египтѣ) первое Местромъ отъ рода Хамова, по немъ Еремія, по немъ Феоста (*Иѳаѳотос*), иже *Соварога нарекоша* Егунтяне Ты же Феоста законъ устави женамъ за единъ мужъ посягати и ходити говѣючи, а иже прелюбы дѣючи казнити повелѣваше, сего ради *прозваша ѿ Богъ Сварогъ*..... Феостъ .., .. встави единому мужу едину жену имѣти, а женѣ за единъ мужъ посягати: аще ли кто переступить, да ввергнуть ѿ въщю огнени. Сего ради *прозваша ѿ Сварогомъ и блажиша ѿ Егунтяне*. И по семь царствова *сынъ его, именовъ Солнце* (*Ἥλιος*), *его же наричють Дажьбогъ*..... *Солнце царь сынъ Свароговъ, еже есть Дажьбогъ*..... не хотя отца своего закона разсыпати *Сварожа*» (682) и проч. Итакъ Русскій лѣтописецъ, замѣняя Славянскими Греческія названія первыхъ, обоготворенныхъ, царей Египетскихъ *Иѳаѳотос* (Иѳестъ, Вулканъ) и *Ἥλιος* (Солнце), отождествляетъ Сварога съ древнѣйшимъ изъ нихъ, отцемъ Солнца, онъ ясно называетъ Солнце, какъ подъ собственнымъ именемъ, такъ и подъ мифологическимъ прозвищемъ Дажьбога, сыномъ Свароговымъ; другое древнее Русское сказаніе говоритъ также, по случаю языческихъ обрядовъ, хранившихся въ народѣ: «я огневи молятся, зовуть его *Сварожцемъ*» (685). Что другое могло быть отцемъ Солнца и Огня, какъ Небо? и это тѣмъ болѣе вѣрно, что то же самое слово, *сварга*, существуетъ и въ Санскритскомъ языкѣ, именно въ значеніи *неба*.

(682) П. Собр. Р. Лѣтоп. II, 5.

(683) Слово Христолюбца, у Востокова, Оп. Руч. Муз. 228

И такъ Сварогомъ Славяне называли боготворимое Небо (*Богъ Сварогъ*, говорятъ Ипатьевская лѣтопись), Небо, которое они и признавали высшимъ божествомъ, творцемъ всего, прародителемъ всѣхъ боговъ. Отъ Неба рождёнъ былъ и Святovitъ, по извѣстному вѣрованію Балтійскихъ Славянъ, и хотя Святovitъ почитался могущественнѣйшимъ изъ боговъ, однако, подчиненъ былъ Богу Небесному и отъ него получилъ свою власть; въ такомъ смыслѣ, какъ главный богъ міра послѣ Бога Небеснаго, Сварога, Святovitъ долженъ былъ, естественно, представляться Славянамъ сыномъ его по преимуществу и по преимуществу имѣлъ право на названіе Сварожича. Потому-то мы не сомнѣваемся принять Лютицкаго Сварожича, котораго Гитмаръ именуетъ верховнымъ богомъ всѣхъ Балтійскихъ Славянъ, и Ранскаго Святовита, о которомъ то же самое говоритъ Гельмольдъ, за одно и то же божество.

Въ смыслѣ Сварожича, т.-е. сына Неба, понятно становится самое значеніе имени *Святovitъ*. Первая часть ясна; вторая, конечно, не можетъ быть объяснена словомъ *видъ*, какъ бы *Святovidъ*: у божества, какое бы оно ни было, не видъ святой, а самая сущность; притомъ же чтеніе *Святovitъ* утверждается всѣми безъ исключенія источниками (684). Свидѣтельство стариннаго памятника наводитъ на другую мысль. Житіе св. Беннона (685), составленное, правда, въ довольно позднее время, но по древнимъ свидѣтельствамъ и въ землѣ еще полу-Славянскою (Мейсенскою), рассказывая, по Гельмольду, о поклоненіи Славянъ Святовиту, прибавляетъ слѣдующее, необыкновенно для насъ

(684) У Саксона *Svantovitus* (826.), *Svantovithus* (837. 839.), въ грамотѣ Фридриха Барбароссы 1170 г. *Szuentevit* (Cod. Pomer. N 28.), у Гельмольда *Zuantevith* (I, 52. II, 12.), *Zuantevit* (II, 12.); также въ древнемъ Чешскомъ словарѣ (*Matr Verborum*, XIII-го в.): *Suatouit*, *Suatouyt*, *Zuatouit*.

(685) *Vita s. Bennonis episcopi Misnensis auctore Hieronymo Emsero* въ *Menckenii scriptores rerum Germ.*, II, 1857. Эмсеръ жилъ въ концѣ XV и началъ XVI ст.; онъ, вѣроятно, пользовался для своего сочиненія разными источниками, теперь неизвестными; онъ былъ Лужичанинъ и зналъ, безъ сомнѣнія, Славянскій языкъ, который былъ тогда еще весьма распространенъ въ томъ краѣ.

важное, толкование: «est autem Swanthe Sclavica lingua idem quod sanctum, witz vero lumen interpretatur» (*Сванте* значить на Славянскомъ языкѣ *святой*, а *witz* переводится словомъ *свѣтъ*). Что это производство не выдуманно составителемъ Беннонова житія, доказываетъ этимологія: въ самомъ дѣлѣ, Санскритскій языкъ имѣетъ это же самое слово, *вѣти*, именно въ смыслѣ *свѣтъ* (light, lustre. Wilson.), и одно изъ Славянскихъ нарѣчій, Чешское, сохранило доселѣ выраженіе *витице*, свѣча, происшедшее, быть можетъ, отъ того же корня.

Стало быть, имя верховнаго бога Балтійскихъ Славянъ значить: *Святой свѣтъ*, или вѣрнѣе, *Святой свѣтлый* (686).

LXIX.

Общее значеніе Святовита. Его различіе отъ Перуна и отъ Одина. Дуализмъ въ мѣологіи Балтійскихъ Славянъ: Святовитъ-Бѣлбогъ, и Чернобогъ.

Въ этомъ словѣ есть важный смыслъ: оно показываетъ, какъ понимали Балтійскіе Славяне свое верховное божество, средоточіе всей ихъ мѣологіи. Святовитъ достигъ, можно сказать, крайняго предѣла духовности, совмѣстной съ языческимъ представленіемъ о божествѣ: имя его выражаетъ съ одной стороны чисто духовное свойство, *святость*; съ другой—признакъ, взятый изъ вещественной природы, но именно то, что есть въ ней наименѣе вещественнаго, *свѣтъ*. Бѣльшая еще духовность божества была народу языческому недоступна: за предѣломъ, на которомъ стоялъ Святовитъ, язычникъ (687) не могъ себѣ представить чистаго,

(686) По своему образованію, это слово принадлежитъ къ разряду тѣхъ древнѣйшихъ сложений, гдѣ простое окончаніе з переводить корень существительнаго имени въ категорію именъ качественныхъ: *Свято-witz* образовалось изъ корня *witz*, соответствующаго Санскритскому *вѣти* свѣтъ, точно также, какъ, напр., древняя Церковно-Славянская форма *благо-сръдъ* изъ корня *сръдъ*, лежащаго въ основаніи слова *сръдце* сердце (срав. Литовск. *ширдис* сердце), или какъ прилагательное *камень* (каменный) произошло отъ существ. *камень*.

(687) Мы говоримъ, разумѣется, объ общенародной вѣрѣ язычниковъ, а не о тѣхъ высшихъ умозрѣніяхъ, которыя были удѣломъ немногихъ мыслителей, оставаясь чуждыми народу.

бездѣлеснаго духа; въ его мысли, отсутствіе вещественности сливалось уже почти съ отсутствіемъ бытія, невещественное было для него подобно несуществующему. Такъ для Балтійскихъ Славянъ, образъ Святовита не составлялъ полнаго, высшаго выраженія идеи Бога, у нихъ жила идея Бога, какъ безплотнаго Духа; но какъ повимали они Бога безплотнаго? ихъ понятіе о немъ было почти то же, что отрицаніе его дѣйствительнаго бытія; Богъ безплотный не былъ для нихъ существо живое и дѣйствующее, онъ покоился, и покой этотъ представляли они себѣ тѣмъ-то подобнымъ смерти и ничтожеству.

Своею относительною духовностью Святовитъ и отличается существенно отъ боговъ древней Славянской мифологіи (такъ можно назвать языческое поклоненіе всѣхъ Славянскихъ народовъ за исключеніемъ Балтійскихъ, то поклоненіе, которое состояло въ первобытномъ обожаніи силъ природы), а равно отъ боговъ Германскихъ. Какъ правитель міра, Святовитъ соответствуетъ Славянскому Перуну; но Перунъ былъ богъ вполне вещественный: подобно Зевсу и Юпитеру, онъ владелъ не благотворнымъ свѣтомъ, а разрушительною молніею; замѣчательно, что вообще молнія не почиталась у Балтійскихъ Славянъ, какъ у прочихъ язычниковъ, принадлежностью божества, или по крайней мѣрѣ не составляла такой принадлежности, которая обратила бы на себя вниманіе современныхъ писателей: писатели эти, особливо же начитанный въ *Виргиліѣ* и другихъ древнихъ поэтахъ *Саксонъ Грамматикъ*, не пропустили бы въ изображеніи боговъ Балтійско-Славянскихъ черты столь видной и столь сходной съ классическимъ образомъ Юпитера. Мы найдемъ въ одномъ уголкѣ Славянскаго поморья остатокъ поклоненія Перуну, но не увидимъ въ этомъ Перунѣ прежняго верховнаго бога Славянъ, бога молніи. Такая особенность мифологіи Славянъ Балтійскихъ зависѣла, безспорно, отъ бѣльшей духовности ихъ взгляда на божество.— Съ другой стороны, Святовитъ, какъ *Сварожитъ*, сынъ Неба и богъ свѣта, сходился съ солнцемъ (*Дижьбогомъ* или *Хорсомъ*) и *Огнемъ*, которые обожались Славянами и были также *Сварожичи*, дѣти Неба. Но, не говоря о томъ, что Святовитъ имѣлъ значеніе гораздо болѣе обширное, потому что ему принадлежалъ весь міръ,

а не только солнце и огонь, онъ существенно различенъ отъ нихъ тѣмъ же характеромъ духовности, которая отличала его отъ Перуна: Святovitъ былъ существо, отрѣшенное отъ стихій природы, а въ Сварожичахъ Солнцѣ и Огнѣ именно эти стихіи обоготворялись древними Славянами.

Изъ всѣхъ божествъ наиболее близокъ къ Святовиту Одинъ или Воданъ, верховный богъ Германской мифологіи, котораго Гриммъ опредѣляетъ слѣдующими словами ⁽⁶⁸⁸⁾: « Это божество есть всепроникающая, творящая и образующая сила; оно даетъ людямъ и всѣмъ существамъ видъ и красоту, отъ него исходитъ искусство пѣвцовъ, оно правитъ войною и удѣляетъ побѣду, и оно также располагаетъ плодородіемъ земли и всѣми вообще благами и дарами ».

Во многомъ, такимъ образомъ, Одинъ (Воданъ) близокъ къ Святовиту; особенно же совмѣстная власть надъ войною и плодами земли обличаетъ сходство въ ихъ природѣ. При томъ Одинъ, также какъ Святovitъ, былъ наѣздникомъ и, какъ онъ, ѣздилъ на бѣломъ конѣ (впрочемъ, онъ и катался на колесницѣ). Быть можетъ, исконное общеніе между Германцами и Балтійскими Славянами имѣло нѣкоторое вліяніе на это сходство: замѣчательно, что Одинъ (Воданъ) наиболее почитался тѣмъ именно Германскимъ племенемъ, которое жило подлѣ Славянъ, Саксами. Но прямаго заимствованія не могло быть ни съ той, ни съ другой стороны; потому что въ самой сущности представленія объ Одинѣ и Святovitѣ, при всемъ сходствѣ присвоенной имъ дѣятельности, было совершенное различіе. По Германскимъ мифамъ Одинъ произошелъ вотъ какимъ образомъ ⁽⁶⁸⁹⁾: Въ первоначальной пустотѣ (эта пустота представлялась огромной пропастью или зіяньемъ), въ первоначальной пустотѣ, среди которой стоялъ лишь колодезь, отъ дѣйствія стихій холода и тепла на потоки, выливавшіеся изъ колодезя, родился великанъ Имиръ и потомъ корова Аудумбла; корова стала лизать соленныя скалы льда, и показались сперва волоса челоука, на другой день вышла чело-

(688) Mythol. 121.

(689) Grimm, Mythol. 525; вообще объ Одинѣ см. тамъ же, главы V и XIX.

вѣческая голова, на третій день явился весь человѣкъ, Бури: у Бури родился сынъ Бѳрръ, у Бѳрра Одинъ и два другихъ сына. Одинъ съ братьями убили великана Имира и изъ его тѣла создали небо и землю, а потомъ изъ двухъ деревьевъ сотворили мужа и жену.—Стало быть, несмотря на то, что Одинъ у Германцевъ почитался высшимъ божествомъ, никому не подчиненнымъ (всѣ его предки исчезли), происхождение ему приписывалось однакоже вовсе не божественное: онъ былъ лишь внукъ того перваго человѣкообразнаго существа, которое явилось изъ массы хаотическаго льда. И самъ онъ имѣлъ не только вѣнннннн образъ человѣка, но и свойства въ полномъ смыслѣ человѣческія: одиоглазый старикъ въ просторномъ плащѣ и широкополой шляпѣ, глядящій въ окно на востокъ, онъ какъ-то вовсе не казался божествомъ, а скорѣе похожъ былъ на стараго витязя, которому воздавались божественныя почести; у Скандинавовъ же онъ совершенно потерялъ, какъ извѣстно, божественный характеръ и превратился въ вождя народа Асовъ, который во времена глубокой древности перешелъ изъ восточныхъ земель въ Скандинавію.

Святovitъ, правда, также представлялся, подобно Одину и почти всѣмъ языческимъ богамъ, въ человѣкообразныхъ кумирахъ; но между ними было то глубокое различіе, что Одинъ являлся человѣкомъ во всемъ своемъ существѣ, а Святovitъ, при наружномъ образѣ человѣка, вполне сохранялъ характеръ божества (разумѣется въ языческомъ смыслѣ): потому онъ казался существомъ несравненно высшимъ, чѣмъ Одинъ, хотя занималъ въ мірѣ не первое мѣсто, какъ Одинъ, а второе. Его происхождение было гораздо достойнѣе божества, нежели Одиново: онъ рожденъ былъ Небомъ, первоначальнымъ бытіемъ, Творцемъ всего міра. Въ своей божественной силѣ и благодати онъ стоялъ надъ человѣкомъ въ недосыгаемой высотѣ, какъ свободная стихія свѣта, которая была ему по преимуществу присвоена и которая столь многимъ народамъ являлась символомъ божества: въ Одинѣ и этой свѣтлой стороны не было.

Итакъ слѣдуетъ признать Святovита существомъ самобытно созданнымъ Балтійскими Славянами. Но какой же былъ общій

смыслъ этого бога, который является у нихъ съ такимъ обширнымъ и разнообразнымъ значеніемъ? Сынъ Неба, Сварожичъ, богъ свѣта, онъ управляетъ міромъ; воинственный наѣздникъ, онъ сражается съ врагами своей святини; мирный властитель, располагаетъ плодами земли; любя людей⁽⁶⁹⁰⁾, своихъ поклонниковъ, онъ даруетъ имъ обиліе жатвы и побѣду на сушѣ и на морѣ; онъ, значить, — и вотъ его сущность, — богъ благодѣтель людей, богъ свѣта и добра.

Въ такомъ смыслѣ Святovitъ былъ тѣсно связанъ, въ религіи Балтійскихъ Славянъ, съ тѣмъ страшнымъ вопросомъ, который искони и вездѣ предстоитъ уму человѣческому, на который всѣчески отвѣчали разныя религіи и философіи, и который одно Христіанство разрѣшило, съ вопросомъ о началѣ зла и отношеніи его къ благодѣтели и всемогуществу Божию. И Балтійскіе Славяне старались по-своему рѣшить его. Видя въ природѣ сѣнь свѣта и тьмы, въ дѣлахъ человѣческихъ смѣшеніе добра и зла, они представили себѣ зло началомъ кореннымъ и признаннымъ въ мірѣ, хотя, можетъ быть, не равноправнымъ добру, но тѣмъ не менѣе божественнымъ, имѣвшимъ своего представителя въ *Чернобогѣ*. Такимъ образомъ въ ихъ религіи явился дуализмъ, который дѣлаетъ ее съ виду похожую на вѣру древнихъ Персовъ. Но ученіе Зороастрово было собственно не религія, а философская система, принятая за народную вѣру; оно имѣетъ характеръ отрицанія прежняго богопоклоненія, которое сохранилось въ Индіи (почему Индійскіе боги превратились въ представленіи Персовъ въ существа демоическія), и вѣроятно, что поводомъ къ этому противодѣйствію и отрицанію былъ именно вопросъ объ отношеніи добра и зла, на который нѣтъ въ древнемъ Индійскомъ язычествѣ рѣшительнаго отвѣта: по крайней мѣрѣ этотъ вопросъ поставленъ во главу Зороастровой системы; зло признано въ мірѣ равносильнымъ и современнымъ добру, и эта основная мысль проведена съ исключительностію напередъ построенной теоріи, такъ что въ религіи Зенд-Авесты нѣтъ ничего, кромѣ борьбы

(690) Эту любовь еще болѣе представить намъ свидѣтельство Оттоповыхъ Житій, о которомъ мы сей-часъ будемъ говорить (см. ниже (698)).

двухъ отвлеченныхъ, но представленныхъ вещественно, начать, «Господа премудраго» и «Злаго мыслителя» (Ahuramazdâo и Angra-mainju). Мифологія Балтійскихъ Славянъ, напротивъ, образовалась, очевидно, не теоретически, въ замѣнъ другаго, изгнаннаго вѣрованія, а естественнымъ развитіемъ, и дала вопросу о добрѣ и злѣ важное, конечно, но не исключительное значеніе; не было введено того систематическаго равновѣсія, какое эти начала получили у Персовъ. Добро по прежнему преобладало въ божествахъ Балтійскихъ Славянъ и обнимало всю ихъ религію; небесный Богъ (творецъ міра, въ этомъ понятіи заключается идея благости), Святovitъ, Жива, Радигость, Яровитъ, Перунъ, все это были боги добрые. Понятіе зла вкралось; можно сказать, эмпирически: не находя въ своемъ представленіи о добрыхъ божествахъ разрѣшенія вопросу о злѣ въ мірѣ, и признавъ существованіе зла какъ особаго божественнаго начала, Балтійскіе Славяне не возсоздали на этомъ основаніи, какъ древніе Персы, всей своей религіи, и только прибавили божество зла къ сонму своихъ боговъ. Этимъ-то объясняется странное положеніе Чернобога въ ихъ мифологіи. Съ одной стороны, онъ стоитъ одинъ противъ цѣлой семьи добрыхъ божествъ и не имѣетъ ни высоты небеснаго Творца, ни власти Святовита, а съ другой—онъ не второстепенное существо, какъ во многихъ религіяхъ, не демонъ, а божество въ полномъ смыслѣ. Въ одной только мифологіи мы находимъ существо, схожее съ Чернобогомъ, именно Пикула Прусовъ и Литвы (по-Литовски *Пикулас*, по древне-Прусски *Пикулос*, значитъ собственно *гнивный*). Онъ былъ одинъ изъ трехъ первостепенныхъ боговъ Литовскаго племени, и при Перкунѣ, могущественномъ громовержцѣ, властителѣ міра, при Потримпѣ, богѣ благомъ по преимуществу, жизнедавцѣ, дарователѣ побѣды и земныхъ плодовъ, и всѣхъ второстепенныхъ божествахъ, покровителяхъ чловѣка, одинъ представлялъ собою злое начало. ⁽⁶⁹¹⁾ Перкунъ богъ

(691) Св. объ немъ Voigt, *Gesch. Preussens*, I, 585. Schleicher, *Lithuanica*, 27. Замѣчательно, что впоследствии *Пикулос* стало у Прусовъ означать дьявола, какъ *Чернобогъ* у Любсбургскихъ Славянъ.

чисто стихійный, и этимъ вполнѣ отличается отъ верховнаго, небеснаго Бога Балтійскихъ Славянъ; но въ двухъ другихъ главныхъ божествахъ Прусско-Литовскихъ сходство съ Святovitомъ и Чернобогомъ замѣчательное. Нельзя предполагать тутъ никакого заимствованія ни съ Литовской стороны, ни съ Славянской; но было, очевидно, аналогическое развитіе религиозныхъ воззрѣній. Не происходило ли въ одно время, подъ вліяніемъ умственнаго движенія, возбужденнаго на Балтійскомъ поморьѣ борьбою съ Германскими и Скандинавскими дружинами и освобожденіемъ отъ нихъ, образованіе мѣологіи и у Славянъ и у Прусовъ? не было ли общенія мысли? не было ли и союза дѣйствительнаго, какъ въ XIII вѣкѣ, какъ вновь дружина Германская, дружина крестоносцевъ, нагрянула на Прусовъ и Прусы поставили себѣ вождемъ Славянскаго князя, храбраго Святополка Поморскаго? Быть можетъ, когда-нибудь предположенія наши будутъ утверждены наукою.

Хотя Чернобогу, безъ сомнѣнія, противопологался, какъ мы сказали, весь сонмъ добрыхъ боговъ, однако вѣроятно, что между этими добрыми богами былъ одинъ, по преимуществу олицетворявшій въ себѣ добро въ противность началу зла. Имя его было бы, естественно, *Бѣлбогъ*; оно, правда, у Балтійскихъ Славянъ нигдѣ не упоминается, но сохранилось въ нѣкоторыхъ мѣстныхъ названіяхъ, какъ-то: *Бѣлбогъ* на Поморьѣ ⁽⁶⁹²⁾ и двѣ горы, *Чернобогъ* и *Бѣлбогъ*, въ землѣ Лужицкихъ Сербовъ, близъ Будишина (Bautzen) ⁽⁶⁹³⁾, и притомъ встрѣчается въ древнѣйшемъ Чешскомъ Словарѣ, *Mater Verborum* ⁽⁶⁹⁴⁾. Въ суц-

(692) Мѣологическое значеніе этого названія видно и изъ того, что при передачѣ прежняго Бѣлбога во владѣніе Церкви, Поморскіе князья его переименовали; новое названіе было: «городъ Св. Петра» (locum juxta Trepetow situm, quondam Velbuc, nunc sancti Petri castrum dictum. Cod. Pomer. N 86; въ грамотѣ N 178 мы читаемъ форму Vealbug). Впрочемъ старое названіе (Velbuk) сохранилось дониндѣ: *Бѣлбукъ* лежитъ на р. Ретѣ, близъ города Трептова.

(693) См. Срезневскаго, Изслѣд. о азыч. богослуж. 13.

(694) *Velboh*, глоссы 32 и 128, у Скворцова на стр. 36.

ности, однако, Бѣлбогъ не могъ не совпадать съ Святовитомъ, потому что Святовитъ является представителемъ и властелиномъ того именно, что есть въ мѣрѣ противоположнаго Чернобогу, свѣта и добра. Если бы Бѣлбогъ былъ отдѣльное божество, воплощеніе добра и противоположность зла, въ родѣ Персидскаго Оромазда, то онъ бы имѣлъ, конечно, въ уваженіи и обожаніи Балтійскихъ Славянъ, если не первое, то одно изъ первыхъ мѣстъ, и писатели, которые такъ много говорятъ о Святовитѣ, не могли бы объ немъ не упомянуть хоть вскользь. Мы предполагаемъ, что Бѣлбогъ дѣйствительно существовалъ у Балтійскихъ Славянъ (аналогія Чернобога и приведенныя мѣстности на это указываютъ), но не отдѣлялся отъ настоящаго Бога свѣта и добра, отъ Святовита, ни въ мифологіи, ни въ поклоненіи, такъ что именно Святовитъ, какъ представитель свѣта и добра и противникъ темнаго и злаго начала, величаемъ былъ Бѣлбогомъ: такимъ образомъ названіе Бѣлбога, по нашему мнѣнію, есть эпитетъ Святовита.

Кто обращалъ вниманіе на разныя мифологіи, тотъ знаетъ, какъ сильно господствовалъ у всѣхъ языческихъ народовъ обычай придавать важнѣйшимъ божествамъ множество эпитетовъ, которыя потомъ принимались нерѣдко за названія отдѣльныхъ боговъ; а эпитетъ Бѣлбога тѣмъ болѣе близокъ и свойственъ Святовиту, богу святому—свѣтлому, что бѣлое и свѣтлое представлялись въ старину (и теперь еще, у многихъ народовъ) понятіями самыми сходными: свѣтъ Русскимъ народомъ называется *бѣлымъ*, въ Санскритскомъ же языкѣ *свѣта* значитъ *бѣлый*, а *бѣла* (*бѣль*) значитъ *свѣтъ* ⁽⁶⁹⁵⁾.

На безразличіе Святовита и Бѣлбога, по видимому, указываетъ самъ Гельмольдъ въ своемъ свидѣтельствѣ объ обожаніи Балтій-

(695) Именно у Балтійскихъ Славянъ слово *бѣлый* имѣло особенно обширное значеніе, и употреблялось также въ смыслѣ свѣтлаго и прекраснаго; вотъ слова Титмара (VIII, 3.): *beleknegini id est pulchra domina sclavonice dicta*; также читаемъ мы въ житіи Оттона (S. Cruc. II, 90.): *ad... civitatem, quæ a pulchro loci illius situ in barbara locutione vocabulum trahens, Belgrod nuncupatur.*

скими Славянами злаго начала. «У Славявъ, онъ пишеть, господствуеть удивительное заблужденіе: въ своихъ пирахъ и попойкахъ они обносятъ кругомъ чашу и надъ нею говорятъ слова, не скажу благословенія, а скорѣе проклятія, поминая боговъ добраго и злаго; они признають, что все благое происходитъ отъ добраго бога, все дурное отъ злаго, а потому и называютъ на своемъ языкѣ злаго бога *Диаболомъ* ⁽⁶⁹⁶⁾ или *Чернобогомъ*, т.-е. чернымъ богомъ. Между многообразными же Славянскими божествами преобладаетъ Святovitъ, богъ земли Равской и проч. ⁽⁶⁹⁷⁾. Въ этомъ извѣстїи, быть можетъ, какъ полагають нѣкоторые ученые, Гельмольдъ и забылъ упомянуть о Бѣлбогѣ, коего имя можно бы было ожидать подлѣ Чернобога; но такая невнимательность намъ кажется невѣроятною, и мы скорѣе думаемъ, что Гельмольдъ не выставилъ Бѣлбога потому, что не видѣлъ въ немъ отдѣльнаго божества, а нарочно отъ Чернобога перешелъ прямо къ Святovиту, какъ къ существу противоположному.

Изъ словъ Гельмольда можно заключить также, что Балтійскіе Славяне, какъ сказано, дали Чернобогу въ своей мифологїи почетное мѣсто: его значеніе было совершенно независимое относительно добраго божества, и онъ призывался людьми съ такимъ же уваженіемъ, какъ его противникъ. Но какъ они съ этимъ значеніемъ Чернобога могли согласить понятіе о Божїей благодати

(696) Очевидно, что это слово перешло къ Балтійскимъ Славянамъ въ позднѣйшее время отъ сосѣднихъ христіанскихъ народовъ, и вѣроятно, отъ Славянъ (Поляковъ или Лужичанъ), а не отъ Германцевъ, которые измѣнили слово *diabolus* по законамъ своихъ звуковъ (*tiubil, diival, diufal, diuvet* и т. д.). Замѣчательно, что съ другой стороны *дьяволъ* назывался *Чернобогомъ* у Славянъ, находившихся еще въ недавнее время въ Люнебургскомъ краѣ; см. Срезневск., тамъ же.

(697) Helm. I, 52. Est autem Slavorum mirabilis error: nam in conviviis et comotationibus suis pateram circumferunt, in quam conferunt non dicam consecrationis, sed execrationis verba, sub nomine deorum, boni scilicet atque mali, omnem prosperam fortunam a bono deo, adversam a malo dirigi profitentes; ideo etiam malum deum sua lingua Diabol sive Zcerneboch, id est nigrum deum, appellant. Inter multiformia autem Slavorum numina præpollet Zuantevith deus terræ Rugianorum etc.

и Божіемъ всемогуществѣ? Не допуская, въ вопросѣ о существованіи зла въ мірѣ, ни Персидской системы равенства добра и зла, ни объясненія Ветхозавѣтнаго и Христіанскаго, что зло есть отклоненіе отъ Божія устроенія, произведенное свободной волею сотвореннаго духа, какимъ образомъ они его рѣшили? Они пришли къ самому странному, но съ ихъ точки зрѣнія совершенно послѣдовательному и необходимому заключенію. Главный ихъ Богъ, управлявшій мірозданіемъ, небомъ, землею, и преисподнею, былъ всемогущъ и благъ; но все-таки зло присутствовало въ его владѣніи, все-таки Чернобогъ господствовалъ: какъ же было примирить всемогущество и благодѣтельность Міроправителя съ существованіемъ зла, какъ божественнаго начала? Балтійскіе Славяне сказали себѣ, что добрый богъ не допускаетъ зла и не признаетъ его, но какъ оно существуетъ, то онъ его не видитъ и не говоритъ объ немъ. Въ Штетинѣ идолъ Триглава, изображавшій, какъ было показано, Святовита, имѣлъ на глазахъ и на устахъ золотыя повязки, и по толкованію жрецовъ, эти повязки именно означали, что ихъ верховный богъ не хочетъ видѣть грѣховъ людскихъ, что онъ молчитъ объ нихъ, и какъ бы объ нихъ не вѣдаетъ (698).

Нельзя не признать, что эта попытка примирить благодѣтельность Божію съ присутствіемъ зла въ мірѣ есть явленіе замѣчательное въ исторіи человѣческой мысли.

Впрочемъ, вѣрованія Балтійскихъ Славянъ о происхожденіи Чернобога, объ отношеніи его къ Творцу міра и окончательной его судьбѣ, совершенно неизвѣстны; мы не знаемъ также, стоялъ ли онъ совершенно одинокимъ въ ихъ мифологіи, или имѣлъ около себя какихъ-нибудь второстепенныхъ демоновъ.

(698) Ebbo 64. Stetin.... tres montes ambitu suo conclusos habebat, quorum medius, qui et altior, paganorum deo Trigelao dicatus, tricapitum habebat simulacrum, quod aurea cidari oculos et labia contegebat, asserentibus idolorum sacerdotibus, ideo summum eorum deum tria habere capita, quod tria procuraret regna, id est celi, terræ et inferni, et faciem cidari operire, pro eo quod peccata hominum quasi non videns et tacens dissimularet.

LXX.

Жива. Радигость. Яровить.

Эти три божества, Небесный Богъ, творецъ міра, сынъ его Святovitъ, міроправитель, и Чернобогъ, составляли основу ми-еологіи Балтійскихъ Славянъ. Остальныя божества менѣе значительны. Между ними важнѣйшая, безъ сомнѣнія, была богиня Жива. Но объ ней мы почти ничего не знаемъ вѣрнаго. Гельмольдъ говоритъ только, что ей по преимуществу поклонялись Полабцы ⁽⁶⁹⁹⁾; описаніе же ея Марескалкомъ Туріемъ, компиляторомъ XV вѣка, не можетъ быть принято за надежное свидѣтельство, и притомъ не заключаетъ въ себѣ никакого свѣдѣнія: онъ говоритъ только, что ее чтили въ Ратиборѣ (городъ Полабцевъ) веселиемъ и невоздержаніемъ, и что идолъ ея украшенъ былъ золотомъ и серебромъ и цвѣтами на груди ⁽⁷⁰⁰⁾. Но самое имя богини указываетъ на ея значеніе: то была богиня жизни;

(699) Helm. I, 52. Siva dea Polaborum.

(700) Nicolai Mareschalci Thurii Chron. Rhythm. в Westphalen, monumenta inedita I, 571. Также ненадежно и неопредѣлительно другое описаніе идола Живы, въ Саксонской Хроникѣ, составленной въ XV вѣкѣ Ботономъ (Botho) (на Нѣмецкомъ языкѣ): « богиня, которую называли Живою (Siwee), держала руки за спиной, и въ одной рукѣ было у нея золотое яблоко, въ другой кисть винограда съ зеленымъ листомъ, и волоса у нея висѣли до ногъ. » (Chronicon picturatum auctore Congrado Bothone, напечатано первоначально въ Майнцѣ, въ 1493 г., перепечатано Лейпцигомъ, въ Script. rerum Brunsvicensium (по которому и цитруется): т. III, стр. 339.). Описанія Славянскихъ кумировъ, какія мы читаемъ у Ботона и Марескала Турія, могли, конечно, быть ими выдуманы, но возможно также, и даже довольно вѣроятно, что эти писатели руководствовались какими-нибудь старыми преданіями: въ ихъ время еще жива была въ сѣверной Германіи память о Славянахъ и Славянскомъ язычествѣ. Во всякомъ случаѣ, показанія этихъ старыхъ компиляторовъ никакъ не могутъ быть поставлены на ряду съ тѣми описаніями и изображеніями Славянскихъ идоловъ, какія предлагаютъ намъ Машъ, Потоцкій, Арендтъ и др. писатели новаго времени, XVIII и XIX столѣтія, поклонники такъ называемыхъ Оботритскихъ древностей, найденныхъ будто бы въ Прильвицѣ: древности эти ясны и самый невѣжественный подологъ.

такому существу, конечно, принадлежало въ мѣтологіи одно изъ первыхъ мѣстъ. Въ древнемъ Чешскомъ Словарѣ начала XIII в., *Mater Verborum*, она сравнивается съ Церерою, богинею плодородія, и называется богинею хлѣба, а въ другой глоссѣ толкуется словомъ *богиня* вообще ⁽⁷⁰¹⁾. Внутренняя вѣроятность этихъ объясненій и связь приведеннаго памятника съ мѣтологіею Балтійскихъ Славянъ ⁽⁷⁰²⁾ даютъ право, мы полагаемъ, присвоить

(701) *Siva, Dea frumenti, Ceres.—siva, ceres, fruges, frumentum, vel dea frumenti.—Siva, diva, dea* (изд. Скворцова, 56.).

(702) Замѣчательный памятникъ этотъ, въ которомъ къ списку Латинскихъ словъ, составленному первоначально въ концѣ IX-го или началѣ X-го в., не позже 990 г., прибавлены объясненія Чешскія, и иногда также Нѣмецкія, относятся къ 1303 г. Для толкованій мѣтологическихъ, могъ ли Чешскій глоссаторъ того времени находить всегда готовый запасъ понятій въ области народной старинны? Пѣсни Краледворской рукописи показали намъ, какъ мало было въ Чешскомъ язычествѣ опредѣленныхъ мѣтологическихъ личностей въ пору его полнаго процвѣтанія и господства; и до позднѣйшихъ временъ оставалось оно при томъ же характерѣ безличнаго поклоненія природѣ: приводимъ въ свидѣтельство любопытнаго слова летописца Космы Пражскаго, описывающаго языческія суевѣрія Чешскаго простонародья въ концѣ XI-го в., т. е. 200 лѣтъ послѣ крещенія Чеховъ и 100 лѣтъ до составленія Чешской *Mater Verborum*: По вступленіи на престолъ Чешскій (въ 1093 г.), говоритъ Косма, « князь Брячиславъ, горькій ревностью къ Христіанской вѣрѣ, выгналъ изъ своего государства всѣхъ кудесниковъ, вѣщунговъ и гадателей (*magos, ariosos et sortilegos*), а также срубилъ онъ и сжегъ роши и деревья, которымъ во многихъ мѣстахъ поклонялся простой народъ (*lucos sive arbores, quas in multis locis colebat vulgus ignobile*): суевѣрные обычаи, которые поселяне, еще полу-язычники, соблюдали на третій и на четвертый день Пятидесятницы, когда они, *дѣлая возліанія надъ источниками, закалывали жертвы въ честь бѣсовъ*; похороны, совершавшіяся въ лѣсахъ и на поляхъ; языческія игрища, производившіяся на перекресткахъ будто бы для успокоенія душъ; наконецъ, нечестивыя игры, которыя изступленные исполнили надъ покойникомъ, надѣвъ на себя личины и призывая какихъ-то духовъ (*supersticiosas institutiones, quas villani, adhuc semipagani, in pentecosten tertia sive quarta feria observabant, offerentes libamina super fontes mactabant victimas et demonibus immolabant, item sepulturas, quæ fiebant in silvis et in campis, atque scenas, quas in gentili ritu faciebant in biviiis et in triviis, quasi ob animarum pausationem, item et iocos profanos, quos super mortuos suos, inanes cientes manes ac induti faciem larvis, bachando exercebant*),—всѣ эти мерзости и другія беззаконныя выдумки прекратилъ благой князь и искоренилъ въ Божіемъ народѣ » (Созм. III, 1.). Такимъ образомъ и

подобный смысл Балтійской Живы; особенно важным кажется нам изъ этихъ толкованій обширнѣйшее, т.-е. что Жива богиня вообще: въ самомъ дѣлѣ она единственная богиня, о которой у Балтійскихъ Славянъ упоминается, (за исключеніемъ, можетъ быть, совершенно неопредѣленнаго существа Подаги), и поэтому мы считаемъ вѣроятнымъ, что она была въ ихъ мифологіи вообще

въ старинномъ Чешскомъ язычествѣ, какъ оно выразилось въ пѣсняхъ Кралевдворской рукописи, и въ позднѣйшемъ его состояніи, изображенномъ Космою, не было почти ничего такого, что соответствовало бы божествамъ классической древности. Безличными и коллективными существами оно изобиловало (мы читаемъ въ *Mater Verborum*: *besy dæmonibus, skret dæmon, skreti penates, dii, d'as genius, setek genius, vlokodlaci incubi, morusi incubi, poludnice Dryades, deæ silvarum*); но настоящихъ мнѣическихъ личностей оно могло предложить глоссатору не болѣе пяти или шести: *Perun Jupiter, Veles Pan, Lada Venus, Prije Aphrodite, Morana Hecate*. Какія же Чешскія слова поставить Вацерадь противъ другихъ мифологическихъ именъ, помѣщенныхъ въ Латинскомъ текстѣ и требовавшихъ также объясненія? Одни станутъ оны осмысливать передъвакою ихъ звуковъ въ Славянскіе и, напр., напишеть: «*Diana—Latone et Jovis filia*», «*Děvana Letnicina* і Рерупова dci, въ другомъ мѣстѣ «*Latone*», «*Letnicina, Letnice*, а слово «*Isis*» истолкуеть непонятными для насъ, но подобозвучными словами *Jesen, Jasni*; другія станутъ переводить по-чешски, иногда слѣдуя общему смыслу слова, иногда разлагая его на составныя части: такъ выйдеть у него «*Pegasus*» «*Kridlatec*», «*Sirenæ*» «*Lichopliesy*», «*Eumenis*», въ другомъ мѣстѣ «*furias, deas infernales*» «*Liutice*», «*Proserpina*» «*Porvata*» (т.-е. похищенная), «*Feronia*» «*Svoba*» (Феронія была богиня свободы, богиня вольноотпущенныхъ), «*Lucifer*» «*Svetlonoše*», «*Lucina*» «*Svetluše*», «*Saturnus*» «*Sytivrat*» (объ этомъ словѣ см. ниже, въ выноскѣ 749), «*Picus Saturni filius*» «*Stračec Sytivaratov syn*» (*straka* по-чешски сорока, *picus*), «*Salacia, dea pagaporum quasi maritima*» «*Chlipa*» (*chlipa* по-чешски значить сладострастіе, то же что Латинское *salacitas*). Среди этого-то хаоса мифологическихъ именъ, изъ которыхъ не многія только принадлежать древнему обще-Славянскому и Чешскому язычеству, а большая часть произвольно придуманы толкователями, мы находимъ тѣ божества, которымъ поклонялись Балтійскіе Славяне: Святовита, Радигостя, Живу, Бѣлбога и Триглава. Какимъ образомъ зашли они въ старій словарь Чешскій? *Бѣлбогъ, Триглавъ, Жива* имена такіа общія, что могли быть извѣстны и Чехамъ; но можно ли полагать, на основаніи Вацерадовыхъ глоссъ XIII вѣка, что древніе Чехи поклонялись Святовиту и Радигостю, когда мы не находимъ ни малѣйшаго слѣда этого поклоненія ни у нихъ, ни у какаго бы то ни было Славянскаго народа, кромя Славянъ Балтійскихъ (что

олицетвореніемъ женской природы, которая боготворилась какъ даровательница жизни.—Святовита Саксонъ Грамматикъ представляетъ намъ также богомъ плодородія: быть можетъ, что Жива была именно соотвѣтствующимъ ему женскимъ существомъ. По свидѣтельству Титмара, Лютичи также чтили какую-то богиню

найденный въ Збручѣ на Волынѣ и названный Святовитомъ каменный истуканъ не имѣлъ ничего общаго съ Арковскимъ богомъ, доказалъ проф. Срезневскій въ своей статьѣ объ этой находкѣ), и когда поклоненіе Святовиту и Радигостю, какъ мы его знаемъ у Балтійскихъ Славянъ, рѣшительно противорѣчило характеру язычества и Чешскаго и вообще древне-Славянскаго? Не трудно замѣтить въ изслѣдованіяхъ, которыя, опираясь на Вацерарову *Mater Verborum*, переносятъ въ общую мифологію Славянъ Святовита и другія божества племенъ Балтійскихъ, какая отъ этого происходитъ путаница. Не лучше ли предположить, что Вацерару были известны главныя божества, которыя въ его время почитались на Славянскомъ поморьѣ, такъ близко отъ Чешскихъ предѣловъ, у народа, говорившаго съ Чехами почти на одномъ языкѣ? Въ ту именно пору ходила громкая молва о великой силѣ язычества у Балтійскихъ Славянъ, о крестовыхъ походахъ, предпринимаемыхъ для его истребленія, о страшномъ разрушеніи Святовитова храма на Равѣ, — и Чешскій глоссаторъ весьма естественно захотѣлъ воспользоваться въ своемъ словарѣ именами Славянскихъ боговъ, имѣвшими тогда, можно сказать, Европейскую извѣстность. Такъ объясняется для насъ помѣщеніе Балтійскихъ Святовита и Радигоста въ Чешскую *Mater Verborum*, и вотъ почему мы почитаемъ себя въ правѣ принимать этотъ памятникъ за одно изъ современныхъ и вѣрныхъ свидѣтельствъ о мифологіи Балтійскихъ Славянъ. Противопологая упадокъ, или, лучше сказать, забвеніе, въ которомъ должно было находиться при Вацерарѣ собственно Чешское язычество, громкой славѣ, приобрѣтенной богами Балтійскими, мы теперь не поколеблемся признать и остальные божества, Бѣлбога, Триглава и Живу, занесенными въ Вацераровъ словарь изъ Балтійской страны, тѣмъ болѣе, что вообще существованіе ихъ въ другія Славянскія земли (за исключеніемъ Бѣлбога у Лужичанъ) весьма сомнительно — Мы выписали уже важное свидѣтельство Вацерара о Живѣ; о значеніи, придаваемомъ имъ Радигостю, мы будемъ вскорѣ имѣть случай говорить; здѣсь же можемъ привести сдѣланнымъ опредѣленія Святовита, Бѣлбога и Триглава. Вацераръ пишетъ: *Svatovit—Ares, bellum; Svatovit—Mavors; Svatovit—Mavortem;—Belboh—Beel—ipse est Baal; Belboh—Baal idolum;—Trihlav—triceps, qui habet capita tria capreae* (правописаніе здѣсь, какъ и въ другихъ цитатахъ, употреблено нами новое). Въ Святовитѣ, мы видимъ, толкователь обратилъ вниманіе на одну сторону его существа, которая, можетъ быть, и рисовалась въ немъ самымъ яркимъ образомъ, на Святовита война и побѣдоносца: опредѣленіе Вацерарово неполное, но въ классической мифологіи не было боже-

(имени ся опъ не записатьъ), и, отправляясь въ походъ, несли впереди знамена, на которыхъ было ея изображеніе (703). Если Жива имѣла то обширное значеніе, какое мы въ ней предполагаемъ, то она именно была эта Лютицкая богиня, охранявшая народъ на войнѣ.

Соединенныя въ Святovitъ свойства благаго бога плододавца и побѣдоносца являются раздѣльно въ младшихъ богахъ, Радигостъ и Яровитъ: первый былъ богъ мирный, второй—воинственный.

ства, которое бы действительно соответствовало Святовиту; Юпитера громовержца слывало, естественно, отождествить съ древне-Славянскимъ громовержцемъ Перуномъ. Имя *Билбога*, очевидно, выставлено Вацерадомъ по случайному созвучію съ словами *Beel*, *Vaal*, для которыхъ нужна была глосса: толкованіе *Триглава* чисто этимологическое.

(703) Thietm. VII, 47. Liutici... dedecus deae suimet illatum queruntur. Nam hæc in vexillis formata, a quodam Herimanni marchionis socio lapide uno trajecta est... Et cum... Mildam... transire voluissent, deam... alteram perdidere. Последнія слова относятся, безъ сомнѣній, къ другому знамени, а не къ другой богинѣ, ибо Титмаръ именно говоритъ, что *одна Лютицкая богиня* изображена была на *знаменахъ*. Изображеніе это было, кажется, вышитое или нарисованное на самомъ знамени, а не пзванное на древкѣ: иначе нельзя бы было пробить въ немъ дыру камнемъ.—Вспомните еще приведенное выше извѣстіе того же Титмара (VI, 17.), что Сварожичъ и прочіе Радигостскіе боги, одѣтые въ шлемы и латы, имѣли свои знамена, которыя выносились изъ храма не иначе, какъ въ случаѣ похода, и только пѣшими, и для тщательнаго храненія которыхъ поставлены были народомъ особые жрецы (ministri; при знамени Лютицкой богини, о которомъ мы говорили, находились именно такіе жрецы, по указанію Титмара: ministri ejus. VII, 47.). — И опять въ другомъ мѣстѣ Титмаръ пишетъ, что «Лютичи шли въ походъ, неся передъ собою своихъ боговъ» (deos suimet præcedentes subsequuti. VI, 16.). Рвчь падеть, очевидно, объ однихъ и тѣхъ знаменахъ Сварожича и другихъ Радигостскихъ истукановъ, и если Титмаръ могъ назвать эти знамена богами, то слѣдуетъ, кажется, заключить, что на нихъ находились изображенія самихъ божествъ. Если мы сблизимъ всѣ четыре показанія Титмара о священныхъ знаменахъ Лютичей, то увидимъ совершенное сходство въ значеніи и характерѣ этихъ знаменъ и не усомнимся причислить знамена богини къ числу тѣхъ знаменъ, которыя съ такимъ благоговѣніемъ хранились въ Радигостѣ. Нельзя ли по этому предположить, что и сама богиня пользовалась поклоненіемъ въ Радигостѣ, и стояла тамъ въ числѣ истукановъ, окружавшихъ Сварожича?

О Радигостѣ мы знаемъ весьма мало. Средоточіе его поклоненія было въ Радигощѣ, городѣ Лютицкой вѣтви Ратарей, о которомъ мы уже упоминали и самое имя котораго показываетъ, что онъ былъ посвященъ Радигостю (704). Въ Радигощѣ, по извѣстному намъ свидѣтельству Титмара, первый богъ былъ *Сварожичъ*, т.-е. Святovitъ; Адамъ Бременскій (705), напротивъ, называетъ тамъ главнаго бога Радигостемъ. Противорѣчіе это объясняется тѣмъ, что Титмаръ означилъ божество, которое дѣйствительно было у Балтійскихъ Славянъ первымъ и главнымъ, а Бременскій каноникъ обратилъ вниманіе лишь на того бога, которому храмъ въ Радигощѣ былъ въ особенности посвященъ. Въ описаніяхъ Титмара и Адама между Святovitомъ-Сварожичемъ и Радигостемъ замѣтна даже наружная разница: первый носилъ суровое облаченіе воина; второй украшенъ былъ золотомъ и имѣлъ ложе покрытое багрянницею. Въ этомъ видна мирная природа Радигостя, которую необходимо признать уже по его названію, указывающему на радушіе и гостепримство; и то же свойство Радигостя, кажется, имѣлъ въ виду Чешскій толкователь Латинской *Mater Verborum*, отождествляя его съ Меркуріемъ, богомъ мирныхъ трудовъ и стяжаній (706).

(704) О городѣ Радигощѣ, о его значеніи и тождествѣ его съ Ретрою Адама Бременскаго, будетъ ниже представлено подробное изслѣдованіе, § LXXVIII.

(705) Ad. II, 18. Templum ibi magnum constructum est dæmonibus, quorum princeps est Redigast. Simulacrum ejus auro, lectus ostro paratus. Объ этомъ истуканѣ упоминаетъ также Гельмольдъ: I, 21. celeberrimum illud fanum, in quo simulacrum Radigast ostenditur. I, 23. Caput ... descetum... barbari deo suo Radigasto immolaverunt. Нѣс in metropoli Slavorum Rethre gesta sunt.— О поклоненіи Славянъ Радигостю сохранилось воспоминаіе еще и въ легендѣ объ Эббексдорскихъ мученикахъ, о которой было говорено. Извѣстный намъ Ботонъ, сочинитель Саксонской хроники (Leibn. III, 339.), описываетъ истуканъ Радигостя слѣдующимъ образомъ: «Оботритскій идолъ въ Мекленбургѣ, называвшійся Радигостемъ (Ridegost), держалъ на груди щитъ, на щитѣ была (изображена?) черная буйволя голова (dar inne stod eyn swarte hüffelenkop), въ рукѣ былъ у него молотъ, на головѣ птица.»

(706) Mater Verborum, глосса 447. mercurius, a mercibus est dictus, Radigost wnukk kirtow, (изд. Скворцова, стр. 103.).

Толкователь этого именуется тут же Радигостя внукомъ Кръта (*radihost wnukk kirtow*, читай: *Radihost vnuk Krtov*). Что это такое за Крътъ, неизвѣстно. По неизмѣню лучшаго толкованія, позволимъ себѣ догадку: не предположить ли въ небываломъ словѣ *Kirtow* описку и читать: *radihost wnukk Kirsow*, т.-е. Кръсовъ; въ такомъ случаѣ Радигость былъ бы внукомъ извѣстнаго у Русскихъ Славянъ бога Солнца, Хръса или Хорса (707), котораго мѣсто у Славянъ Балтійскихъ заступилъ Святovitъ.

Богомъ воинственнымъ по преимуществу, Славянскимъ Марсомъ, былъ Яровитъ. Судя по имени, можно предполагать, что символомъ его былъ свѣтъ или солнце, какъ начало жгущее, истребительное, ярое. Ему поклонялись, какъ богу войны, въ Волегощѣ, гдѣ одинъ изъ храмовъ былъ посвященъ ему. Въ этомъ храмѣ висѣлъ на стѣнѣ щитъ Яровитовъ, чрезвычайной величины, искусной работы, покрытый золотыми пластинками; онъ почитался такою сватынею, что когда висѣлъ во храмѣ, никто не смѣлъ до него дотронуться, и только въ военное время Волегощане снимали его со стѣны и несли передъ войскомъ, увѣренные въ побѣдѣ подъ его покровомъ (708). Яровиту поклонялись также

(707) Форма *Кръсъ* была бы даже древнѣе, нежели *Хръсъ*: изъ сопоставленія въ Русскихъ памятникахъ имени *Хорсъ-Дажьбогъ* явствуетъ, что *Хорсъ* было одно изъ мнѣологическихъ наименованій Солнца (*Дажьбогъ* есть имя бога Солнца, это достоверно), и дѣйствительно, корень *кръс*, *кръс*, означаетъ свѣтъ, огонь и т. п. (напр. Сербск. *креситисе* сіять, Церковно-Слав. *кръсъ* solstitium, Русск. областное *кресать* высвѣкать огонь (глаголь извѣстный многимъ Слав. народамъ), *крѣсено* огниво, и даже *кресить*, *воскресить*, гдѣ отвлеченное понятіе возрожденія жизни развилось, очевидно, изъ образа раждающагося на кремнѣ огня; наконецъ Санскритское слово *кръсму* огонь). Что же касается до другаго имени бога Солнца, *Дажьбогъ*, то и оно, кажется, заключаетъ въ себѣ понятіе горнѣя, огня: мы не сомнѣваемся въ вѣрности производства этого имени, предложеннаго впервые, сколько намъ извѣстно, почтеннымъ С. П. Микучскимъ, отъ древняго корня *даг* жечь (Санскрит. *даг* (*dah*), Литовск. *degi*, *degli* жгу, жечь, Славянск. *дег-оть* и, съ обыкновеннымъ измѣненіемъ *д* въ *ж*, *жъгу*, *пожагаю* и т. д.): *Дажьбогъ* такимъ образомъ значить *жгущій богъ*.

(708) Seifr. 134. (Hologastæ)... fanum... intravit. Erat autem illic clypeus penzans in pariete, miræ magnitudinis, operoso artificio, auri laminis obtectus,

Гаволяне, въ Гавельбергѣ, и чествовали его праздникомъ, въ который носились по городу разныя знамена (709).

LXXI.

Частныя, мѣстныя божества Балтійскихъ Славянъ. Боги Кореницкіе и др. Священное копье Волмиское.

Таковы были божества, составлявшія, можно сказать, общую мнѣологическую систему Балтійскихъ Славянъ, признаваемая одинаково всѣми ихъ вѣтвями (710). Но кромѣ ихъ существовали еще божества *частныя*, которымъ поклонялись только отдѣльныя племена, отдѣльныя волости (*жупы*) въ городахъ своихъ, даже отдѣльныя семьи, *dii privati*, какъ ихъ называетъ Саксонъ Грамматикъ, противопоставляя ихъ божествамъ общенароднымъ, *publica numina* (711). Мы уже прежде приводили многозначительныя слова Титмара, что «сколько у Балтійскихъ Славянъ волостей, столько имѣется у нихъ храмовъ и столько обожается язычниками особыхъ бѣсовскихъ истукановъ» (712). Число волостей или *жупъ* у Балтійскихъ Славянъ было, мы знаемъ, большое, и каждое изъ

quem contingere nulli mortalium liceret, eo quod esset illis nescio quod in hoc sacrosanctum ac paganæ religionis auspiciam, in tantum ut nunquam nisi belli tempore a loco suo moveri deberet. Nam ut postea comperi, deo suo Herovito qui lingua Latina Mars dicitur, erat consecratus et in omni proelio victores sese hoc prævio confidebant.

(709) Ebbo 71. (Otto) Habelbergense episcopium petiit, quod tunc paganorum crebris incursionibus ita destructum erat, ut Christiani nominis vix tenues reliquæ ibi remansissent. Nam ipsa die adventus ejus civitas vexillis undique circumpositis cujusdam idoli Veroviti celebritatem agebat.

(710) Современные свидѣтели именномъ называютъ общими божествами Балтійскихъ Славянъ бога Небснаго, Святюита и Чернобога; Радигоста одинаково обожали враждебныя племена Бодричей (Helm. I, 52) и Лютичей, и въ храмъ его приходили на поклоненіе со всѣхъ концовъ Славянскаго поморья (Thietm. VI, 18.); Яровита чтили и на Поморьѣ и въ Стодорской землѣ; о Живѣ прямиаго извѣстія нѣтъ, но самое имя ея, указывающее на общность ея мнѣологическаго значенія, можетъ служить верною порукою, что и призваніе ея было общее.

(711) Sax. 841.

(712) VI. 18.

этихъ маленькихъ обществъ почитало необходимымъ имѣть свой собственный храмъ и кумирь, чтобы ознаменовать и какъ бы освятить свое самостоятельное существованіе. Нельзя поэтому считать преувеличенными извѣстій современниковъ о невѣроятномъ множествѣ языческихъ кумировъ у Балтійскихъ Славянъ и, на примѣръ, отвергать показаніе Бранденбургскаго епископа Герберта, который въ грамотѣ 1114 г. объявляетъ, что онъ « для спасенія своей души и всѣхъ Христіанъ и въ надеждѣ распространенія церкви, преслѣдуя языческіе обряды », « вмѣстѣ съ немногими спутниками своими и съ монахомъ Адалберомъ , истребилъ , на сколько могъ , *многіе, безчисленные идолы* », именно , какъ явствуетъ изъ сей грамоты, въ волости Морачанахъ между Лабюю и Гаволою ⁽⁷¹³⁾. Нѣтъ никакого сомнѣнія , что въ этомъ множествѣ храмовъ и кумировъ значительное число посвящено было тѣмъ главнымъ, общепризнаваемымъ богамъ, которые занимали первое мѣсто въ мифологіи Балтійскихъ Славянъ : вспомнимъ, какъ распространено было поклоненіе Святовиту подъ разными именами , вспомнимъ и свидѣтельство о томъ Саксона Грамматика (гдѣ онъ говоритъ , что у этого божества , кромѣ Арконы , были храмы во многихъ мѣстахъ, *com pluribus in locis*). Но строгаго единства вѣры и богослуженія быть не могло у народа языческаго, и въ особенности мифологія челоѣкообразная , какая господствовала у Балтійскихъ Славянъ, допускала , или, лучше сказать, вызывала величайшее разнообразіе. Такимъ образомъ тотъ самый писатель, который именно передалъ намъ свѣдѣнія о всеобщемъ на Славянскомъ поморьѣ признаваніи Небеснаго Бога и всеобщемъ поклоненіи Святовиту, Гельмольдъ , говоритъ однако слѣдующее : « у Славянъ идолопоклонство многоразличное , и не вѣсть они согласуются въ одномъ и томъ же видѣ суевѣрія. У однихъ божества стоятъ въ капищахъ, представляясь въ вымышленныхъ изображеніяхъ истукановъ, какъ-то Плунскій идолъ, по имени Подага ; другія обитаютъ въ лѣсахъ или рощахъ , какъ Перунъ , (*Prone* , объ немъ смотри ниже), богъ Старогард-

(713) Gercken, *Stiftshistorie von Brandenburg*, 342, *codex diplomaticus* N^o 5: multa atque innumerabilia destruximus idola.

скій, и эти не имѣютъ видимыхъ изображеній ⁽⁷¹⁴⁾.» Въ этихъ словахъ ясно высказано также, что частныя божества Балтійскихъ Славянъ были двоякаго рода: однимъ присвоивались опредѣленныя чело­вѣкообразныя личности, и они представлялись въ идолахъ, принадлежали, стало быть, ко времени отдѣльнаго у Балтійскихъ Славянъ мѣологическаго развитія; другія были божества безличныя, стихійныя, такія точно, какимъ всѣ Славянскіе народы поклонялись первоначально.

Особенно замѣчательны и болѣе другихъ извѣстны частныя божества Ранскаго племени. Какъ святища Арконская назначена была для общаго всѣмъ Балтійскимъ Славянамъ поклоненія Свѣговиту, такъ другая священная крѣпость Ранскаго народа принадлежала исключительно его собственнымъ, частнымъ, богамъ. Кореница (у Саксона *Karentia*, у Исландцевъ *Gards*, теиерь *Garz*) лежала въ южномъ углу острова Раны; со всѣхъ сторонъ окружали ее трясины и болота, и одна только тропинка, вязкая и опасная, по которой шли точно въ бродъ, вела къ городу; кто съ нея хоть немного сбивался въ сторону, проваливался въ глубокую тонь. Пройдя тропинку, попадали на дорогу, которая была проложена между болотомъ и валомъ, окружавшимъ городъ, и выходила къ единственному въ валу воротамъ. Въ Кореницѣ, какъ въ Арконѣ, не было постояннаго населенія; она предлагала, мы знаемъ, народу убѣжище въ случаѣ непріятельскаго нашествія, а въ мирное время привлекала лишь поклонниковъ святища ⁽⁷¹⁵⁾. Этотъ городъ, по словамъ Датскаго историка, «красовался зданіями трехъ великолѣпныхъ храмовъ, отличившихся блескомъ превосходнаго искусства.» Кореницкимъ храмамъ, продолжаетъ Саксонъ Грамматикъ, почти столько же уваженія снискали частныя боги, которымъ здѣсь поклонялись, сколько уваженія доставило Арконѣ почитаніе божества общественнаго. ⁽⁷¹⁶⁾.

(714) Helm. I 38.

(715) Sax. 840—841.

(716) Sax. 841. *Insignis hic vicus trium præpollentium fanorum ædificiis erat, ingenuæ artis nitore visendis. Jis tantum pæne venerationis privatorum deorum dignitas conciliaverat, quantum apud Arkonenses publici numinis autoritas possidebat.*

Послушаемъ его далѣе, какъ онъ описываетъ памятники Кореницкаго идолослуженія : « Главное капище окружено было со всѣхъ сторонъ стѣнами (vestibulum); но стѣнъ не было : и капище и стѣны закрыты были завѣсами изъ багряницы , и крыша лежала на однихъ столбахъ..... Внутри стоялъ дубовый истуканъ , который назывался Руевитомъ (Rugiævithus), страшно безобразный , потому что ласточки , прильпивъ свои гнѣзда къ чертамъ его лица , покрыли грудь его каломъ : божество достойное , чтобы его изображеніе такъ омерзительно осквернено было птицами. Голова его имѣла семь человѣческихъ лицъ , которыя всѣ находились подъ однимъ черепомъ. Столько же настоящихъ мечей съ ножнами , привѣшенныхъ къ одному поясу , прикрѣплено было искусствомъ ваятеля къ бедрамъ истукана. Восьмой онъ держалъ обнаженнымъ въ правой рукѣ ; мечъ былъ крѣпко прибитъ къ кулаку желѣзнымъ гвоздемъ , и нельзя было его вынуть, не отбивъ руки. Толщиною истуканъ превосходилъ размѣры человѣческаго тѣла ; вышина его была такая , что Абсалонъ (архіепископъ предводитель Датскаго войска , человѣкъ весьма большаго роста), стоя на цыпочкахъ , едва могъ дотронуться подбородка его сѣкирою , которую носилъ въ рукѣ. Это божество , по значенію сходное съ Марсомъ , почиталось властителемъ войны. Ничего въ его истуканѣ не представлялось пріятнаго для взора ; очертанія шершавой рѣзьбы были отвратительно безобразны..... Вблизи находился другой храмъ , въ которомъ обожали кумиръ Поревита (Porevithus); онъ былъ о 5 головахъ , но не носилъ оружія..... Третій храмъ принадлежалъ Поренуцію (Porenutius): этотъ истуканъ имѣлъ 4 лица ; пятое было у него на груди , и онъ лѣвой рукой касался его лба , а правой подбородка. » (717).

Только одну важную вещь сказалъ намъ Саксонъ о Кореницкой святынѣ : что она принадлежала исключительно частному поклоненію Ранскаго племени , и что Ране такъ строго отдѣляли племенныхъ боговъ своихъ отъ боговъ общенародныхъ , что не хотѣли даже помѣщать ихъ въ одной оградѣ. Но о собственномъ

(717) Sax. 842, 843.

значеніи Кореницкихъ кумировъ почти ничего нельзя заключить изъ Саксонова описанія. Дѣла не уясняетъ и древняя Исландская повѣсть о подвигахъ Датскихъ королей (Knytlunga-Saga⁽⁷¹⁸⁾), которая также упоминаетъ объ нихъ. Истуканъ Руевита (Ринвита по сагъ о Книтлингахъ), какъ видно, былъ чрезвычайно древній, сдѣланный, когда искусство рѣзбы находилось на Ранѣ въ самомъ грубомъ состояніи, и, въ сравненіи съ нимъ, кумиръ Арконскій предполагаетъ большое художественное усовершенствованіе. Названіе этого божества, по видимому, указываетъ на бога, по преимуществу принадлежащаго Руѣ, Равамъ: *Руевитъ* (*Rugievithus* у Саксона), *Рановитъ* (*Rinvit*, Knytl.-Saga). Саксонъ изображаетъ его богомъ войны; но отношеніе его къ другимъ воинственнымъ божествамъ Балтійскихъ Славянъ, къ Святовиту и Яровиту, совершенно неизвѣстно. Еще менѣе можемъ сказать о двухъ другихъ божествахъ Ранскихъ, мирномъ богѣ Поревитѣ и четырехъглавомъ Поренуціи; только въ имени послѣдняго, мы полагаемъ, есть несомнѣнная ошибка, Саксона ли, или переписчика: нѣтъ, кажется, возможности понять это имя иначе, какъ читая вмѣсто *Porenutius*—*Porunetius*: тогда мы получимъ по крайней мѣрѣ слово, звучащее и имѣющее смыслъ по-Славянски, *Перунецъ*; но о самомъ значеніи этого божества мы, разумѣется, не въ состояніи ничего заключить изъ разсказа Датскаго историка.

Книтлинга-сага, упоминая объ этихъ божествахъ подъ именами, еще болѣе искаженными (*Rinvit*, *Turupid*, *Puruvit*), и разсказывая, что въ ихъ капищахъ хранилось множество денегъ⁽⁷¹⁹⁾, золота и серебра, шолку, бумажныхъ тканей краснаго цвѣта и тканей пурпуровыхъ, шлемовъ, мечей, латъ и всякаго оружія⁽⁷²⁰⁾,

(718) Въ *Fornmanna Sögur*, т. XI, Латинскій переводъ въ *Scripta historica Islandorum*, XI.

(719) Именно, по свидѣтельству Саксона, было въ Кореницъ семь одинаковой величины сундуковъ, наполненныхъ деньгами, посвященными Ранскимъ богамъ (845).

(720) Knytl. S. глава 122. *Hic idola magna pecunia, auro et argento, serico et bombyce coccinea et purpura, galeis et ensibus, loriceis omnique genere armorum spoliarunt.*

приводить еще два Ранскихъ божества: *Pizamarr* (Печивира?), чтимаго въ Ясмундѣ (восточномъ полуостровѣ у Раны), и *Черноглава* или *Чарноглова* (*Tiarnaglofi*), съ серебрянымъ усомъ, побѣдоноснаго бога, котораго брали съ собою въ походъ ⁽⁷²¹⁾. Последнее наименованіе относится, кажется, подобно Триглаву, къ наружному виду истукана, а не къ самому божеству.

Частныя божества другихъ племенъ Славянскаго Поморья еще менѣе извѣстны; но ихъ существованіе несомнѣнно доказывается вышеприведенными свидѣтельствами Титмара и Гельмольда. Только по имени знаемъ мы Плунокое божество *Подагу* ⁽⁷²²⁾ и Звѣринское—*Годрага* (или, можетъ быть, *Гонодрага*: *Gudraccus*, *Genedractus*). Лѣтописецъ Арнольдъ, продолжатель Гельмольда, сохранилъ любопытный намекъ на второстепенное значеніе послѣдняго: Звѣринскій (Шверинскій) епископъ Берно (въ концѣ XII. в.), ревностный истребитель идолослуженія, заставляя Славянъ вмѣсто языческой святыни чтить Христіанскую, велѣлъ имъ замѣнить въ своемъ поклоненіи этого Годрага или Гонодрага однимъ изъ святыхъ, именно св. Годагардомъ епископомъ ⁽⁷²³⁾. Мы дѣйствительно читаемъ въ одной грамотѣ 1171 г.: «деревня святаго Годагарда, что прежде называлась *Goderac*.» ⁽⁷²⁴⁾.

(721) Тамъ же.

(722) *Podaga*, Helm. I, 83. Судя по грамматической формѣ имени, Подага была существо женское. Не образовано ли имя это изъ того же корня *dag*, которое мы находимъ въ названіи *Дажьбога*? *Подага* значило бы въ такомъ случаѣ *Пожигающая*, она была бы подруга Святовита, какъ Сварожича, бога свѣта, или Яровита, и могла бы быть внесена въ общую мифологію Балтійскихъ Славянъ: но мы, разумѣется, не осмѣливаемся придать какое бы то ни было значеніе этимъ догадкамъ, основаннымъ на столь сомнительномъ словопроизводствѣ.

(723) Arn. IV, 24. *culturas dæmonum eliminavit, lucos succidit et pro Genedracto* (по другому чтенію: *Gudracco*) *Godehardum episcopum venerari constituit*.

(724) Cod. Pomer. N 31. Объ этой мѣстности см. изслѣдованіе Липша, въ «*Jahrbücher*», VI. Годракъ—теперь *Goorstorf* (сокращеніе стараго названія *Godhardstorp*), близъ Ростока. Липшъ говоритъ, что на большой Шметтауской картѣ Мекленбургин у Горсторфа отмѣчена роща, именуемая досель *Heidenholz* (т.-е. языческая роща).

Въ Волинѣ мѣстную святыню составлялъ знаменитый, необыкновенной величины столбъ, на которомъ водружено было копье. Много столбѣтъ, вѣрно, простояло оно въ Волинѣ: насквозь проѣденное ржавчиной, желѣзо его, по словамъ Оттонова житія, не могло бы ни на что пригодиться. Волинцы почитали это копье чѣмъ-то божественнымъ, говорили, что оно нетлѣнно, что оно ихъ святыня, защита ихъ родины, знаменіе побѣды. Къ-сожалѣнію, намъ неизвѣстно его настоящее значеніе, составляло ли оно какой-нибудь особенный священный памятникъ, или принадлежало одному изъ боговъ Волинскихъ. Средневѣковые монахи, вообразивъ по искаженному названію этого города, *Юлинъ*, что онъ основанъ былъ Юліемъ Цезаремъ, твердо вѣрили и всё единогласно писали, что столбъ съ копьемъ былъ памятникъ, воздвигнутый Римскому завоевателю, и что самъ Юлій обожался Волинцами (734).

(735) Eppo 37. Bernardus.... correptam securi columnam miræ magnitudinis, Julio Cæsari, a quo urbs Julia nomen sumpsit, dicatam, excidere aggressus est.... 62. Julia a Julio Cæsare condita et nominata, in qua etiam lancea ipsius columnæ miræ magnitudinis ob memoriam ejus infixæ.... Sefr. 173. (Julinenses) moueo, ut illius calamitatis memores, nec Julium ipsum, nec Julii hastam, nec statuas idolorum vel simulacra ullo modo colatis.... S. Cruc. II, 6. ad id temporis Julinensibus.... venerabiliter reservata Julii Cæsaris lancea colebatur, quam ita rubigo consumerat, ut ipsa ferri materies nullis jam usibus esset profutura.... Pagani (dicebant)... Lanceam diviniore esse naturæ, nihil ei transitorium vel caducum posse conferri, .. in qua præsidium sui, patriæ munimentum et insigne victoriæ esse constabat, II, 16. continam unam inter alia sacra ædificia, illam Julii Cæsaris, quam colebant lanceam continentem, in manum episcopi tradiderunt. Изъ послѣднихъ словъ следовало бы заключить, что столбъ Волинскій стоялъ внутри какаго-то капища; но это весьма невѣроятно, по соображенію съ другими показаніями: когда проповѣдникъ Бернгардъ, едва вошедши въ Волинъ, принялся тотчасъ рубить священный столбъ «Юлія Цезаря», то по видимому столбъ долженъ былъ стоять на виду, въ открытомъ мѣстѣ; притомъ, еслибы столбъ съ копьемъ находился внутри какаго-нибудь зданія, могъ ли бы онъ быть такимъ огромнымъ, какимъ описываютъ его очевидцы? Сколько намъ извѣстно, Балтійскіе Славяне не умѣли строить высокихъ храмовъ и башенъ. Мы скорѣе предполагаемъ ошибку со стороны безымяннаго составителя 3-го Оттонова Житія (Анонимусъ Saucgrucarius), въ рассказъ котораго мы находимъ вообще менѣе точности, чѣмъ въ Житіяхъ, приписываемыхъ Сефриду и Эббону-

LXXII.

Остатки стихійнаго поклоненія у Балтійскихъ Славянъ. Сожиганіе и погребеніе мертвыхъ.

Съ другой стороны, Балтійскими Славянами сохранялось еще во многихъ мѣстахъ воспоминаніе о первоначальномъ Славянскомъ богослуженіи, въ которомъ божества не отрѣпались отъ стихій природы. Наиболье значенія удержала эта старинная религія у Вагровъ, потому, быть можетъ, что Ваграмъ, отдаленнымъ отъ Раны, средоточія Балтійскаго язычества, и занятымъ всегдашней борьбой съ сосѣдами, труднѣе было участвовать въ религіозномъ развитіи своихъ соплеменниковъ. Какъ бы то ни было, вотъ что рассказываютъ о Вагрской святынѣ ⁽⁷²⁶⁾: недалекó отъ Старограда находилась роща, единственная въ томъ краѣ, голой равнинѣ; въ этой рощѣ стояли, между вѣковыми деревьями, дубы, посвященные богу Вагрской земли, не имѣвшему никакого видимаго образа; ихъ окружала площадка, обнесенная крѣпко сложеннымъ деревяннымъ заборомъ, въ которомъ было двое воротъ, украшенныхъ отличными фронтонами ⁽⁷²⁷⁾. Входъ за ограду былъ дозволенъ только жрецу и тѣмъ, которые приходили для жертвоприношенія, а также убѣжавшимъ отъ кровной (родовой) мести; для послѣднихъ это святилище было ненарушимымъ пріютомъ.

Совершенно переносить насъ это описаніе, сдѣланное Гельмольдомъ въ исходѣ XII в., въ древнѣйшую пору Славянскаго язычества, къ поклоненію Чешскихъ воиновъ, воспѣтыхъ въ Краледворскомъ памятникѣ, которые шли въ лѣсъ, подъ деревьями кланяться и приносить жертвы богамъ невидимымъ. Какъ же назывался Вагрскій богъ, обитавшій въ дубахъ? У Гельмольда мы читаемъ имя его двояко: *Prone* и *Prove* (*Proven*) ⁽⁷²⁸⁾; въ первомъ случаѣ представляется искаженное Нѣмцемъ слово *Перунъ*; во второмъ имя бога было бы *Правъ*, *право*, что-то въ родѣ

(726) Helm. I, 83.

(727) Тамъ же: *insignes portarum frontes*.

(728) Helm. I, 52. *Prone* и *Prove*, по разнымъ рукописямъ; I, 69. *Prove*; I, 83. *Proven*, *Prove*.

Литовскаго *Prove* (т.-е право и божество права). Но последнее чтение, хотя и чаще попадающееся въ текстъ Гельмольда, мы считаемъ совершенно ложнымъ. Не говоря уже о томъ, что на существованіе у Славянъ бога Права (трудно сказать, какъ бы онъ назывался, Правъ или Право) нѣтъ ни малѣйшаго указанія, — невозможно, чтобы такому божеству, представителю отвлеченной идеи, воздавалось язычниками поклоненіе въ рошѣ, подъ священными деревьями, безо всякаго видимаго образа и атрибута: онъ имѣлъ бы непременно и капище и кумиръ и всѣ свойственныя его значенію принадлежности. Перуновъ же былъ именно главный *стихийный* богъ древней Славянской религіи; онъ не нуждался ни въ храмѣ, ни въ идолѣ, и, какъ представителя вещественной силы природы, властвующей надъ человѣкомъ, его присутствіе должно было по преимуществу ощущаться язычникомъ въ таинственной сѣни лѣса. Наконецъ, вотъ даже и палеографическій доводъ: компиляторъ XV в., Марескалкъ Турій, вездѣ пишетъ *Provo*, *Prone* ⁽⁷²⁹⁾, въ своихъ лѣтописяхъ, которыя суть только парафразы Гельмольда; стало быть, въ той древнѣйшей рукописи Гельмольда, которою онъ пользовался, такъ читалось имя Вагрскаго бога. Подобнымъ образомъ и Брауншвейгскій лѣтописецъ XV же вѣка, Бото, оставившій намъ прстранное и, вѣроятно, имъ самимъ выдуманное описаніе идола, которымъ будто бы изображался этотъ богъ въ Старомъ-градѣ, называетъ его не *Prove*, а *Provo* ⁽⁷³⁰⁾. Появленіе формы *Prove*, т. е. *Proue*, вмѣсто *Prone*, объясняется весьма легко сходствомъ Готическихъ начертаній *p* и *u* (= *v*).

(729) Nic. Marescalci Thuri Annales Herulorum ac Vandalorum; его же Chron. Rhythmicum (Westphalen, Monumenta inedita, III, 191 и 571.).

(730) У Лейбница, Script. rer. Brunsvicensium, III, 339. Вотъ Ботоново описаніе мнямаго идола бога *Проно* въ Старомъ-градѣ: «онъ стоялъ на столбѣ и держалъ въ рукахъ пруть желъза для (судебныхъ) испытаній (eune gode proveusen) и знамя, и были у него дянныя уши, ввнецъ на голову, на ногахъ сапоги, и подъ одною ногою цѣпь.» Какъ Гельмольдъ, самъ видѣвшій Старогардскую святыню, самъ рубившій Перуновы дубы, говоритъ прямо, что у этого бога не было *никакаго видимаго изображенія*, то все Ботоново сказаніе должно быть отвергнуто какъ явная ложь.

Другихъ извѣстій о поклоненіи Балтійскихъ Славянъ Перуну мы не находимъ ; но какъ имя Бѣлбога сохранилось въ одной мѣстности на Поморьѣ, такъ о Перунѣ гласитъ старинная крѣпостца и деревня близъ Барта (напротивъ о. Раны, на твердой землѣ): крѣпостца и деревня эта въ грамотахъ XIII в. называется именно *Перунъ, Перонъ, Пирунъ* ⁽⁷³¹⁾, теперь дер. *Пронъ* (Pron); и такой переходъ въ звукахъ этого имени не подтверждаетъ ли нашего мнѣнія о значеніи Вагрскаго бога Прона какъ Перуна ?

Въ Староградскомъ святилищѣ Перуна мы видимъ замѣчательнѣйшій у Балтійскихъ Славянъ остатокъ древняго стихійнаго поклоненія ; но слѣды его существовали по всему Славянскому поморью. Главнымъ предметомъ его, какъ кажется, были рощи и деревья. До конца XII в. сохранялись у Бодричей въ разныхъ мѣстахъ священныя рощи ⁽⁷³²⁾, и Гельмольдъ говоритъ о почи-таніи рощъ, какъ о всеобщемъ у Славянъ обычаѣ ⁽⁷³³⁾; въ землѣ Вагрской, кромѣ Перуновой рощи подъ Старымъ-градомъ, были и другія, которыя тоже уважались язычниками, какъ святины ⁽⁷³⁴⁾; Лютицкій городъ Радигощъ окруженъ былъ большимъ священнымъ, нетронутымъ лѣсомъ ⁽⁷³⁵⁾; въ началѣ XI в., въ предѣ-

(731) См. Fabric. II, 91. IV, 202. Schwarz, Geschichte der Pommersch-Rügischen Städte, 47. 353. 598. Къ этимъ именамъ Бѣлбога и Перуна прибавимъ еще третью мѣстность, получившую также, кажется, имя отъ одного изъ боговъ Балтійскихъ Славянъ, деревню *Чарноглово* въ жупѣ Лошницкой (Loitz близъ Деммина), теперь *Zarnecla* (въ грам. 1242 г. *Zarnegloue*, Cod. Pomer. № 307): мы знаемъ о Ранскомъ кумирѣ Чарногловѣ. — Впрочемъ должно замѣтить, что не вдалекѣ отъ этой деревни лежала еще деревня *Чарневансъ*, (*Zarnewanz*) т.-е. *Черноусъ* (см. Cod. Pomer. стр. 657.).

(732) Arn. IV, 24.

(733) Helm. I, 52. præter lucos atque penates etc.

(734) Helm. I, 83. Statim... ut venit Aldenburg,.... vocavit gentem Slavorum ad regenerationis gratiam, *succidens lucos* et destruens ritus sacrilegos. Замѣтимъ, что и у Залабскихъ Саксовъ (Нордальбинговъ), ближайшихъ сосѣдей Вагровъ, суевѣрное поклоненіе рощамъ, а также источникамъ, и другія языческія повѣрія, существовали еще въ XII в., хотя они уже при Карлѣ V. приняли Христіанство: Helm. I, 47. *lucorum et fontium sæteragumque superstitionum multiplex error apud eos habetur*; онъ и называетъ ихъ «народомъ только по имени Христіанскимъ» (*nihil de religione nisi nomen tantum Christianitatis habentes*). (735) Thietm. VI, 17.

лахъ Мерзебургскаго епископства , въ южной части Стодорской земли или въ землѣ Лабскихъ Сербовъ, находился *Святой боръ*: такъ называлъ его народъ , и боръ этотъ былъ чтимъ, по словамъ Титмара, какъ божество (вѣрнѣе, кажется, было бы сказать: какъ жилище божества), и никогда испоконъ вѣка неприкосновенность его не была нарушена ⁽⁷³⁶⁾; на маленькомъ островѣ Стръль (теперь *Dånholm*, между Стральзундомъ и берегомъ Рюгена), Ране чтили, какъ святыню, *Буковую рощу* (такъ, кажется, она и называлась) ⁽⁷³⁷⁾; въ Щетинѣ, близъ *кутинъ* или священнѣхъ хранивъ, стоялъ огромный, развѣсистый дубъ, и подъ нимъ былъ прескрасный родникъ, который народъ признавалъ жилищемъ божества и чтить съ великимъ благоговѣніемъ ⁽⁷³⁸⁾; не вдалекѣ отъ «матери городовъ Поморскихъ» было другое священное дерево, необыкновенной красоты орѣшникъ, принадлежавшій какому-то ядолу ⁽⁷³⁹⁾. Кромѣ того, и другія стихійныя вещества обожались Балтійскими Славянами. Мы только что упомянули о священномъ родникѣ Щетинскомъ; есть указаніе на то, что жители Колобрега на Поморьѣ поклонялись морю, какъ жилищу какихъ-то боговъ ⁽⁷⁴⁰⁾. Также чтились и камни. На юго-восточной оконечности Раны, у мыса *Göhren* (*Горнаго*) лежитъ въ морѣ огромный гранитный утесъ, который до сихъ поръ называется *Viskahnt*, т.-е. *божій камень* ⁽⁷⁴¹⁾. Многія мѣстности на Славянскомъ поморьѣ разывались *святими* и, безъ сомнѣнія, въ языческую пору дѣйствительно почитались такими, какъ намъ извѣстно о «Святомъ борѣ»; на о. Ранѣ была «Святая гора» (*Свантагора*, деревня, теперь *Swantow*); маленький островокъ

(736) Thietm. VI, 26. lucum Zutibure dictum ab accolis ut deum in omnibus honoratum et ab ævo antiquo nunquam violatum.

(737) Knylt, Saga, 120. Роща названа *Boki*. Изъ разсказа саги не видно, впрочемъ, находилась ли она на самомъ островѣ Стръль, или насупротивъ его, на материкѣ, около того мѣста, гдѣ потомъ возникъ Стральзундъ.

(738) Sefr. 106.

(739) Sefr. 168.

(740) Thietm. VII, 52. Reinbernus, presul salsæ Cholbergiensis (ecclesie).... fana idolorum destruens incendit, et mare, demonibus cultum, inmissis quatuor lapidibus sacro crismate perunctis et aqua purgans benedicta etc.

(741) См. Barthold, I, 559.

на востокъ отъ Раны назывался «Святимъ островомъ» (*Swantys wostrowъ*, *Swantewostrœ* въ грам. 1282 г., (742) теперь *Oe*, т.-е. островъ); устье Дивеновы называлось, кажется, «Святимъ устьемъ», и здѣсь лежала, на остр. Волинъ, деревня, которая и теперь еще слыветъ *Swantust* (743); на полуостровѣ, образующемъ юговосточную оконечность Раны, мы находимъ урочище (744) *Swantegard*: имя это, «Сванты гардъ», т.-е. Святой градъ, есть очевидно остатокъ древняго Славянскаго язычества. — Вообще Славяне клялись, по свидѣтельству Гельмольда (745), деревьями, источниками и камнями, и, значить, почитали ихъ священными. Только не видно у нихъ слѣда древняго и столь важнаго у прочихъ Славянъ и у Литвы, стихійнаго поклоненія огню: не оттого ли, можетъ быть, что именно начало свѣта, солнца и съ тѣмъ вмѣстѣ, конечно, огня, олицетворенное въ Святovitѣ, составило главное содержаніе челоѣкообразной миеоюгій Балтійскихъ Славянъ? Нельзя не замѣтить при этомъ, что Балтійскіе Славяне, которые въ VIII в., какъ извѣстно изъ свидѣтельства св. Бонифація (746), предавали мертвыхъ соженію, потомъ устранили этотъ обрядъ, еще въ языческую эпоху; ибо послѣ Бонифація нѣтъ уже намека на существованіе у нихъ такого обычая, который, конечно, не ускользнулъ бы отъ вниманія Эйнгарда, Видукинда, Титмара, Гельмольда и другихъ историковъ, коротко знакомыхъ съ Балтійскими Славянами и охотно выставлявшихъ то, что они находили у нихъ противнаго христіанскимъ началамъ. Искореняя между Поморянами все несообразное съ Христіанствомъ, Оттонъ Бамбергскій запрещалъ имъ «хоронить мертвыхъ въ лѣсахъ и на поляхъ и складывать сучья у могилъ» (747): о сожиганіи нѣтъ и помину. Мы

(742) Fabric. II, 93.

(743) Cod. Pomer. 60: inter Swinam et Swantuntz (вмѣсто Swantustz) 288. in duabus villis Szwantus. (744) Cod. Pomer. стр. 144. (745) I, 83.

(746) См. выше, выноски 105.

(747) Посланіе Оттона Бамбергскаго, въ Ekkehardi Chron., Pertz VIII, 263: ne sepeliant mortuos Christianos inter paganos, in silvis aut in campis, sed in cimiteriis,.... ne fustes ad sepulchra eorum ponant. Сраа. Cosm. III, 1: sepulturas, quæ fiebant in silvis et in campis.

даже, можетъ быть, усомнились бы въ справедливости Бонифаціева показанія, еслибы за него не говорило непреложное свидѣтельство урнъ съ пепломъ и обожженными костями, въ великомъ числѣ выкапываемыхъ по всей странѣ, гдѣ жили нѣкогда Балтійскіе Славяне; разбросанныя среди множества языческихъ гробницъ и кургановъ съ несожженными трупами (748), урны эти доказываютъ съ тѣмъ вмѣстѣ, что сожиганіе или

(748) Эти языческія урны и могилы въ сѣверной Прибалтійской Германіи сдѣланы въ послѣднее тридцатипятилѣтіе предметомъ весьма подробнаго изученія. Между прочими тамошними антикваріями особенно замѣчательнъ трудами по этой части фонъ-Гагеновъ (von Hagenow), составитель подробной археологической карты Рюгена и части Помераніи. Мы считаемъ не излишнимъ привести здѣсь общіе выводы его о могилахъ древнихъ Равъ и Поморцевъ, полученные изъ сличенія огромнаго числа этихъ памятниковъ. Онъ раздѣляетъ ихъ на 8 видовъ, и описываетъ слѣдующимъ образомъ. *Первый видъ.* Каменные могилы самаго обыкновеннаго (въ Помераніи и Рюгенѣ) устройства: съ двухъ боковъ могилы поставлено 4 или 5 большихъ камней, съ внутренней стороны большею частію плоскихъ, а на обоихъ концахъ стоитъ по одному такому же камню, такъ что вся могила обнесена 8-ю либо 10-тью камнями. Нижняя площадь или дно могилъ убито камешками и кирпичнымъ цементамъ, а въ мѣстахъ, гдѣ нѣтъ камешковъ, выложено плоскими кусками песчаника или известняка. Внутреннее пространство всегда разгорожено пластинами песчаника на каморки, величиною примѣрно въ футъ или полтора квадратныхъ, и въ нихъ-то обыкновенно находятся сѣкеры, урны, также разныя вещицы, служившія для украшенія, но часто также кости людей и животныхъ. Все это крѣпко вмѣшено въ каморкахъ глиною, и потому урны отрываются большею частію уже разбитыми. Часто каморки накрыты сверху плоскими камнями. Слой глины обыкновенно бываетъ въ футъ толщины, а на него насыпанъ слой земли, смѣшанной съ пескомъ и т. п., и съ камнями, большими и малыми, которые такъ крѣпко уколочены, что ихъ вынимать всегда стоитъ вѣскомаго труда. Слой этотъ выполняетъ могилу до верху; надъ нею обыкновенно лежитъ нѣсколько большихъ камней, или непосредственно утвержденныхъ на боковыхъ камняхъ, или кое-гдѣ всаженныхъ между ними. Число сихъ камней зависитъ отъ длины могилы; рѣдко ихъ бываетъ болѣе четырехъ. Положеніе могилъ обыкновенно въ длину съ запада на востокъ, но встрѣчаются и исключенія; обыкновенная длина отъ 16 до 30 футовъ, ширина отъ 6 до 10 ф. *Второй видъ.* Могилы такія же, какъ первыя, съ тѣмъ только различіемъ, что онѣ обнесены еще вторымъ, нѣсколько продолговатымъ, кругомъ камней, число которыхъ рѣдко превышаетъ 10—20. Камни эти расположены съ промежутками отъ 1½ до 2 футовъ и значительно меньше камней, образующихъ самую могилу. Могилы эти гораздо рѣже предъидущихъ. *Третій видъ.* Могилы такія же, какъ перваго вида, но обыкновенно гораздо больше и сложенныя изъ большихъ камней. Вмѣсто продолговатаго круга, какъ въ могилахъ 2-го вида, онѣ обнесены двумя параллельными рядами камней, которые всегда, съ малыми отклоненіями, имѣютъ въ длину направленіе съ запада на востокъ. Самая гробница находится неизмѣнно на западномъ концѣ, занимая поперечное пространство между рядами камней. Камни лежатъ обыкновенно въ 2½ — 3 футахъ другъ отъ друга, въ ряду ихъ бываетъ штукъ 20—24, и ряды эти бываютъ двояго шаговъ въ 50, 60, 70 и даже больше. Внутреннее пространство земли

погребеніе умершихъ не было на Балтійскомъ поморьѣ мѣстнымъ обычаемъ того или другаго края, что одно послѣдовало за дру-

между рядами нѣсколько возвышено, такъ что верхняя площадь могилы похожа на опрокинутое корыто. На западномъ концѣ камни самые большіе и высокіе, и образуютъ какъ бы вхолъ къ насыпи. Камни возвышаются часто болѣе чѣмъ на 7 ф. надъ поверхностью земли, и бываютъ толщиною футовъ въ 5—6. Такаго рода могилъ найдено весьма мало. Я назову подраздѣленіемъ этого вида тѣ сооруженія, которыя, будучи во всемъ подобны вышеописаннымъ, представляютъ гробницу не на концѣ, между параллельными рядами камней, а въ самой серединѣ, при чемъ камни не возвышаются надъ поверхностью земли, а врыты съ нею въ уровень. И эти могилы тоже рѣдки. *Четвертый видъ.* Высокій насыпной курганъ, вышиною часто въ 20—25 футовъ, имѣющій въ окружность шаговъ отъ 50 до 70. Внутри, въ самомъ основаніи насыпи, стоятъ урны и другіе сосуды обыкновенно между плоскими камнями. Такія могилы особенно часто попадаются на Рюгенѣ. *Пятый видъ.* Курганъ сложенный изъ мелкаго и крупнаго булыжника, на который насыпанъ сверху слой земли толщиною въ 2—3 фута. Вышина и объемъ тѣ же, что въ предъидущемъ разрядѣ, отъ котораго эти могилы снаружи ничѣмъ не отличаются. Впрочемъ, обонихъ описанныхъ родовъ курганы были прежде обгорожены у подошвы большими камнями: теперь видны только тамъ и сямъ слѣды этого, ибо дождь, смывая насыпную землю, расширилъ окружность кургановъ и покрывалъ камни, а многіе изъ нихъ также увозились для разнаго употребленія. *Шестой видъ.* Конусообразные земляные курганы, гораздо меньше предъидущихъ, ф. въ 3—6 вышиною. Окружность бываетъ весьма различна, отъ 12 и до 40 шаговъ. Часто, можно даже сказать обыкновенно, эти курганы обгорожены камнями, и сыпаны изъ земли съ камнями. Большею частью ихъ стоитъ вмѣстѣ множество. Въ нихъ рѣдко можно найти что-нибудь замѣчательное, обыкновенно они заключаютъ въ себя только остатки костей, никогда не бываетъ въ нихъ урнъ, ни черепковъ отъ урнъ, ни оружія. — *Седьмой видъ.* Такіе же земляные курганы, но гораздо меньше и ниже, не болѣе 3 ф. вышиною; часто они такъ мало подняты надъ поверхностью земли, что ихъ съ трудомъ замѣтишь. Ихъ въ особенности на Рюгенѣ великое множество. Они сыпаны изъ одной просто земли, безъ камней. *Восьмой видъ.* Кромѣ исчисленныхъ видовъ могилъ, находятся по всей странѣ кладбища, которыя, если не случай наведетъ на ихъ открытіе, можетъ замѣтить лишь опытный глазъ. Кладбища эти заключаютъ въ себя цѣлыя склады урнъ, зарытыхъ просто въ песокъ или иногда обложенныхъ небольшими камнями; наружныхъ примѣтъ не бываетъ, развѣ только нѣкоторые разбросанные черепки. Каждая урна стоитъ на трехъ небольшихъ камняхъ и прикрыта четвертымъ. Такъ стоять и лежать онъ другъ подлѣ друга и другъ надъ другомъ, иногда въ порядкѣ, съ известными промежутками, иногда въ совершенномъ безпорядкѣ. Урны въ этихъ кладбищахъ бываютъ обыкновенно весьма красивой формы, часто съ полосками и разными рисунками, часто также съ ручками, и болѣею частью хорошо сохранены. Въ нихъ рѣдко находятъ что-либо другое кромѣ пепла и жженыхъ костей. (Zweiter Jahresbericht der Gesellschaft für Pommersche Geschichte und Alterthumskunde, въ Neue Pommersche Provinzialblätter, II, 232.). Приступая къ изданію своей археологической карты, фонъ-Гагенъ опредѣлялъ на одномъ островѣ Рюгенѣ 1536 могилъ (1-го вида 92, 2-го—21, 3-го—65, 4-го—94, 5-го—651, 6-го—16, 7-го—463, 4 го, 5-го и 6-го, въ точности еще не распределенныхъ — 124; кромѣ того въ 5 мѣстахъ склады урнъ). (См. Neue Pomm. Provinzialbl. III, 315.). Замѣтимъ, что во многихъ мѣстахъ Помераніи народъ до сихъ поръ называетъ эти древніе кур-

гимъ , какъ особыя фазисы въ жизни этого края (749). Быть можетъ, что Балтійскіе Славяне дотолъ и предавали своихъ покойниковъ огню, доколъ они обожали огонь въ его непосредственномъ стихійномъ образѣ, и что этотъ обычай потомъ постепенно выводился, когда они, въ своемъ развитіи, удали-

ганы и т. п. памятники «*Mogillen*» или «*Mogrillen*». Обыкновенное Нѣмецкое названіе ихъ — *Hünengräber*. Теперь народъ приписываетъ эти «могилы» какимъ-то сказочнымъ существамъ, чудовищамъ и великанамъ; но въ старыхъ грамотахъ есть много свидѣтельствъ о нихъ, какъ о могилахъ прежнихъ языческихъ поколѣній; вотъ нѣсколько такихъ показаній: грам. 1219 года (Cod. Pomer. N 128): in quosdam tumulos, qui Slavice dicuntur *tri gorki*, antiquorum videlicet sepulchra; et abinde..... in cumulum satis magnum, qui Slavice dicitur *mogila*. 1222 г. (N 137): usque ad tumulos paganorum in monte sitos. 1226 г. (N 156): ad quendam cumulum, sepulchra videlicet antiquorum. 1235 (N 224): tres tumulos paganorum; и др. Но уже съ XIII-го вѣка начинаетъ проявляться сказочное представленіе объ этихъ «могилахъ язычниковъ»: первый слѣдъ виденъ въ грамотѣ 1234 г. (Cod. Pomer. N 216): de via que ducit de Rescow (теперь деревня Rescow близъ Колбаца, въ Грейфенгагенскомъ округѣ, въ Помераніи) *in tumulum gigantis*.

(749). Замѣчательна попытка извѣстнаго Мекленбургскаго археолога Лиша возсоздать помощью древнихъ могилъ историческія эпохи Прибалтійскаго края. Теорію свою онъ представилъ въ книжечкѣ, служащей предувѣдомленіемъ къ «*Friderico Franciscum*», великолѣпному изданію Мекленбургскихъ древностей. Въ своихъ «*Andeutungen über die altgermanischen und slavischen Grabalthümer Meklenburgs*», Лишъ, на основаніи сличенія многочисленныхъ языческихъ могилъ Мекленбургіи и соседнихъ земель, распределяетъ ихъ на три эпохи: 1) Могилы древнѣйшихъ временъ (*Urgräber*), высокія полукруглыя курганы, обставенныя большими гранитными камнями, съ гробомъ изъ каменныхъ плитъ, (4-й и 5-й видъ въ описаніи фонъ-Гагенова), или простыя каменные гробы, надъ которыми положены камни (1, 2 и 3 видъ); въ могилахъ грубой работы урны, рѣдко несожженные остовы, и разнаго рода оружіе (острія копій и ножи), выдѣланное изъ кремня, иногда и желѣзные молоты и др. вещи; 2) могилы, называемыя Лишемъ Германскими, конусообразныя, крытыя дерномъ, курганы, ссыпанные изъ земли, часто вовсе безъ камней (6-й и 7-й видъ), заключающіе въ себѣ урны, болѣе усовершенствованныя, но все еще чрезвычайно простой работы, а нрѣдко и остовы, иногда такъ, что въ одинъ курганъ погребенный остовъ и нѣсколько урн съ остатками сожженного трупа; въ этихъ курганахъ находятъ разнаго рода оружіе, все изъ мѣди, тяжелыя, литыя изъ мѣди острія копій, и коротенькія массивныя, также литыя мечи, много золотыхъ вещей, но ни серебряныхъ, ни желѣзныхъ; наконецъ, 3) могилы, принимаемыя Лишемъ за Славянскія, т.-е. «склады урнъ», описанныя фонъ-Гагеновымъ (8-й видъ), урны болѣе тонкой и изящной работы, широкія къ верху, на узенькой подставкѣ, съ угловатыми узорами, начертанными въ глину; оружіе, находящееся въ этихъ могилахъ, желѣзное (длинные мечи, копья, стрѣлы, щиты, стѣкеры и т. д.); мало мѣдныхъ, много серебряныхъ вещей; золотыхъ вовсе не бываетъ; иногда вещицы съ Латинскими надписями и фигурами, принадлежащими, по характеру, къ XII и XIII вѣку. Это дилеміе, вѣрность котораго несомнѣнна, Лишъ старается обратить въ пользу любимой мысли своей и всѣхъ почти Нѣмецкихъ ученыхъ, что первоначально населеніе Балтійскаго поморья было Германское,

лись отъ древняго поклоненія стихіямъ. Въ такомъ случаѣ мы отнесли бы и торжество антропоморфизма въ ихъ религіи надъ старыми обще-Славянскими началами опять-таки къ VIII или IX вѣку, къ тому именно времени, когда Балтійскіе Славяне выступаютъ на поприще исторической дѣятельности. Но мы не

и что Славяне были пришельцы въ нечѣ, вытѣснившіе въ V вѣкѣ Германцевъ и которыхъ поэтому Германцы нѣмѣли въ свою очередь право вытѣснить и истребить въ XII-мъ и XIII-мъ. — Могила первой, доисторической, можно сказать, эпохи, съ оружіемъ тесаннымъ изъ кремня, Лишь не отваживается приписать прямо Германцамъ, и называетъ ихъ «Германскими или до-Германскими», оговариваясь однако такъ, чтобы нельзя было принять это «до-Германское» племя за Славянъ; за то могила втораго рода, съ мѣдными и золотыми вещами, онъ исключительно присвоиваетъ Германцамъ, «кладбища урнъ» съ серебромъ и желѣзомъ — Славянамъ; «а такъ какъ Германскія могилы носятъ характеръ древнѣйшій, кладбища же Славянскія по всемъ признакамъ новѣе, говоритъ Лишь, то коренные жители Балтійской страны были Германцы, а Славяне пришли туда позднѣе»: такъво его выводъ. — Самъ Лишь показываетъ, что описанныя имъ могилы перваго рода встрѣчаются не только въ Балтійскихъ земляхъ, въ Германіи и Скандинавіи, но и въ Нидерландахъ, въ сѣверной Франціи, въ Британіи: стало быть, онъ очевидно обозначаютъ не отдѣльное какое нибудь племя, а особую эпоху въ исторіи человѣческаго образованія, свойственную одинаково разнымъ племенамъ; чрезъ нее Славяне могли, или, лучше сказать, должны были пройти точно также, какъ Кельты и Германцы. Подобнымъ образомъ Лишь привужденъ сознаться, что могилы, называемыя имъ Германскими, распространены, кромѣ Германскихъ земель, и въ цѣлой Франціи до Пиреней и въ Британіи до Шотландскихъ горъ: поэтому, если бы ихъ присутствіе на Балтійскомъ поморьѣ непременно свидѣтельствовало, какъ думаетъ Лишь, что первоначальное населеніе этого края было Германское, то не следовало ли бы призвать и всю Галлію и Британію искони населенною Германцами? въ обоихъ случаяхъ выводъ былъ бы одинаково вѣренъ. Нѣтъ; такъ называемыя «Германскія могилы» или принадлежатъ не одному племени, а нѣсколькимъ племенамъ въ извѣстную эпоху развитія, или завезены были во всѣ стороны завоевательными дружинами Германскими и Скандинавскими, на западъ въ Галлію и Британію, на востокъ по Балтійскому поморью до Вислы. — Мы не беремся рѣшить вопроса, который требуетъ спеціальнаго археологическаго изученія; но намъ кажется наиболее вѣроятнымъ, что на Балтійскомъ поморьѣ конусообразные курганы принадлежатъ дѣйствительно къ эпохѣ Германскаго владычества и покрываютъ останки знатныхъ воителей — дружинниковъ: зарытое въ нихъ мѣдное оружіе, въ самомъ дѣлѣ, вполне соответствуетъ характеру оружія древнихъ Германцевъ, какъ его описываетъ Тацитъ. Очевидно, что только въ честь людей знатныхъ и богатыхъ, вождей или знаменитыхъ бойцовъ сыпались курганы, зарывалось оружіе; находимыя на поморьѣ могилы и урны не представляютъ собой и тысячной доли народонаселенія, которое тамъ прожило въ теченіе десятковъ поколѣній. Цокоренные Германцами Славяне едва ли имѣли возможность воздвигать своимъ покойникамъ памятники, какъ властители ихъ, дружинники; а если воздвигали ихъ, то почему же они не могли сыпать такіе же курганы, какъ Германцы, или почему не должны были уметь устраивать кладбища урнъ прежде цѣлаго вѣка также хорошо, какъ въ послѣдующее время? желѣзо употреблялось на Балтійскомъ поморьѣ съ временъ незапамятныхъ (какъ доказываютъ желѣзные вещи въ курганахъ доисторической эпохи),

смѣемъ довѣрять такимъ шагкимъ предположеніямъ, и не оставиваемся на этой мысли. Какія бы, впрочемъ, ни были причины, побудившія Балтійскихъ Славянъ замѣнить сожиганіе труповъ погребеніемъ, и что бы ни значилъ у нихъ этотъ переходъ, все же онъ составляетъ одно изъ любопытныхъ явленій ихъ внутренней исторіи.

ЛХХІІІ.

Отношеніе у Балтійскихъ Славянъ стихійнаго поклоненія къ антропоморфической миеологіи.—Многосложность и разнообразіе ихъ язмыческой религіи.

Мы сказали, что у Балтійскихъ Славянъ не осталось никакихъ слѣдовъ обожанія огня, но что они поклонялись еще въ разныхъ мѣстахъ морю, источникамъ, камнямъ, и въ особенности священнымъ рощамъ и деревьямъ. По всѣмъ краямъ Славянскаго поморья жила такимъ образомъ память о первоначальномъ обожаніи природы; но оно было низведено на степень частнаго повѣрья нѣкоторыхъ племенъ и мѣстностей: даже Вагры, которые остались ему болѣе преданы, нежели всѣ другіе Балтійскіе Славяне, съ древнихъ временъ посылали ежегодно въ Аркону дань кумиру Святовита, признавая его высшимъ между богами (780), уже въ X вѣкѣ имѣли въ одномъ изъ городовъ сво-

а серебро, конечно, проникало туда посредствомъ торговли гораздо прежде пятаго вѣка. Германцы, какъ извѣстно, не жгли, а хоронили покойниковъ, а иногда въ такъ называемомъ «Германскомъ» курганѣ находятъ не сожженный остовъ, окруженный урнами съ пепломъ: не памятникъ ли это какого-нибудь знатнаго дружинника—Германца и его Славянскихъ спутниковъ или подданныхъ, павшихъ съ нимъ, быть можетъ, въ бою? Во всякомъ случаѣ, историческій фактъ, что первоначальное населеніе Балтійскаго поморья было Славянское, и что это населеніе долго находилось подъ властію Германцевъ, не только не опровергается свидѣтельствомъ древнихъ могилъ, но напротивъ имъ вполне подкрѣпляется. — Замѣчательно еще то, какъ Германецъ и Славянинъ, передавая землѣ останки умершихъ братьевъ, выказывалъ и въ этомъ свой народный характеръ: отдѣльно или въ небольшой группѣ стоящій, высоко подвѣшавшій надъ поверхностью земли курганъ не соответствуетъ ли чувству личности и аристократизму Германскаго племени? между тѣмъ Славянинъ переноситъ съ собою, можно сказать, и въ землю свое общинное устройство: его пепель и кости почивающаго на кладбищѣ въ кругу сотенъ другихъ урнъ, и никакая насыпь, никакая наружная примѣта не обозначаетъ ни общаго кладбища, ни чьей бы то ни было урны. Такъ во всѣхъ частностяхъ отпечатывается общее направленіе народа, общій его характеръ.

(750) Helm. II, 12. nostra adhuc ætate, non solum Wagirensis terra, sed et omnes Slavorum provinciæ, illuc tributa annuatim transmittēbant, illum deum deorum esse profitentes.

ихъ литой изъ мѣди идола какого-то бога (751), а по извѣ-
 стіямъ отъ XII вѣка, имѣли въ Шлуи особый храмъ съ исту-
 каномъ Подаги. Старыя вѣрованія Славянскія не были, мы ви-
 димъ, отвергнуты Славянами Балтійскими; но сохраняя ихъ,
 какъ древнюю основу своей религіи, они къ нимъ *прибавили*,
 надстроили, такъ сказать, надъ ними, свою собственную миео-
 логическую систему, — систему, окруженную притомъ цѣлымъ
 сонмомъ частныхъ боговъ и божковъ, племенныхъ и семейныхъ.
 Трудно себѣ вообразить, до какой степени развилась у Балтійскихъ
 Славянъ языческая вѣра, до какой степени умножилась ея святины:
 въ Арконѣ главный храмъ верховнаго бога Святовита; въ Радигощѣ
 другой знаменитый храмъ Святовита и Радигостя; храмы во всѣхъ
 городахъ Поморья, въ большихъ по нѣскольку, какъ-то въ
 Щетинѣ, въ Волинѣ, въ Волегощѣ, въ Гостыковѣ (752); три храма

(751) Widuk. III, 68. simulacrum Saturni ex ære fuso. Какого именно изъ бо-
 говъ Балтійскихъ Славянъ Видукиндъ хотѣлъ означить именемъ Сатурна, уга-
 дать невозможно, по неопредѣленности средне-вѣковыхъ понятій о Римскихъ и
 Греческихъ богахъ. Если бы Видукиндъ дѣйствительно имѣлъ въ виду соб-
 ственное значеніе Сатурна, какъ сына Урана или неба, какъ могущественнаго
 бога-благодѣтеля людей, то, конечно, можно бы было сказать, что тутъ дѣло
 идетъ о Свитовитѣ; но какъ помолиться на это? Саксонскій монахъ также хо-
 рошо могъ поставить слово *Сатурнъ* просто случайно, какъ первое, пришед-
 шее ему на память, изъ именъ классической миеологии, или же имѣть объ
 этомъ богѣ совсѣмъ другое понятіе. Нѣкоторые писатели, основываясь на одной
 глоссѣ *Mater Verborum*, навязываютъ Славянской миеологии особаго бога, со-
 отвѣтственнаго Сатурну, Сывиврату. Но мы видѣли, какъ ненадежно показавія
Mater Verborum; о Сывивратѣ, кромѣ этой глоссы («*Picus Saturni filius, Stracъc
 Sytivratov syn*»), нѣтъ и помину, да и самое имя звучитъ какъ-то странно: по-
 видимому оно сложено изъ двухъ понятныхъ Славянскихъ словъ, а смысла ни-
 какого не представляетъ. Уже это вселяетъ сильное подозрѣніе; но посмотримъ
 на глоссу: Вацераду нужно было истолковать по-чешски латинскія слова *Picus
 Saturni filius*; онъ смыло образуетъ отъ *страка* (сорѣка) мужескую форму
Страчець, по аналогіи Латинскихъ *pica* и *picus*; одна часть толкованія при-
 думана, такъ отчего же не придумать другой? *Saturnus* напоминаетъ глоссатору
 два слова, *sat* (по-славянски *сыти*, досыта) и средне-вѣковое *turnare* (вер-
 тѣть), и вотъ онъ ставитъ противъ *Saturnus* свое диковинное *Сывивратъ*:
 Сывивратъ также мало принадлежитъ Славянской миеологии, какъ *Страчець*,
Хлина, *Порвата* и проч.

(752) Sefr. 136. Andr. 182,

племенныхъ боговъ въ Кореницѣ; знаменитѣйшій, по выраженію Гельмольда (765), храмъ въ землѣ Кичанѣ, храмъ въ Плуяѣ (764), въ Малаховѣ (765), въ Ростокѣ (766), въ Сгорѣльцѣ (767), — и это только тѣ, которые поименно приводятся лѣтописцами: а сколько разъ говорятъ они вообще о капищахъ идоловъ, объ истуканахъ, объ языческихъ обрядахъ, безъ точнаго ихъ обозначенія (768); при этомъ еще, разсѣянные во множествѣ по всему Поморью отъ Старогарда до Шетина, священныя рощи и лѣса, священныя деревья, священныя источники, жилища божествъ, и наконецъ, кромѣ столькихъ кумировъ, общенародныхъ и племенныхъ, — по всей землѣ Балтійскихъ Славянъ маленькіе идолы, которые почитались частною святынею отдѣльныхъ семей или домовъ. Значеніе послѣднихъ, хотя подробности объ нихъ неизвѣстны, весьма важное: они свидѣтельствуютъ, какъ глубоко проникла новая система челоуѣкообразной мифологіи къ Балтійскимъ Славянамъ даже въ домашній бытъ. Вотъ что говорится въ Житіи Оттона: «Когда Юлинцы (Волинцы) очистились словомъ вѣры и купелью крещенія, и стоявшіе на виду идолы, большіе и малые, были сожигаемы, то нѣкоторые безумцы утаивали маленькія статуи божковъ, украшенныя золотомъ и серебромъ, и прятали ихъ у себя» (769). Противопологая эти ма-

(753) I, 71.

(754) Helm. I, 52.

(755) Chronographus Saxo a. 1148, см. Срезневск. Изслѣд. 46.

(756) Саксонъ (763) говоритъ объ истуканѣ, которому поклонялся народъ въ Ростокѣ, и вѣтъ сомнѣнія, что онъ, какъ всѣ идолы Балтійскихъ Славянъ, стоялъ въ храмѣ.

(757) Chron. Pulkavæ, у Добнера, III, 167.

(758) Harp. Widuk. III, 68. simulacrum Saturni. Annal. Weissenburgenses, a. 1066 (Pertz III, 71.) fana cum simulachris. Thietm. VII, 52. fana idolorum. Gercken I. c. multa atque innumerabilia idola; множество мѣстъ въ Житіяхъ Оттона; также запрещеніе самого св. Оттона, въ вышеприведенномъ посланіи: domus idolorum non construant, и т. д.

(758) Ebbo 62. Cum... idola majora et minora, quæ in propatulo erant, ignibus conflagrari cœpissent, quidam stultorum modicas idolorum statuas, auro et argento decoratas, clam furati, penes se absconderunt.... *Clam furari*, очевидно, здѣсь употреблено въ смыслѣ *утаивать*, а не собственно *красть*, ибо

ленькіе идола, которые можно было утаить, идоламъ большимъ и малымъ, стоявшимъ на виду (*in prospectu*), Эббо ясно даетъ знать, что первые были боги домашніе. Ихъ-то, очевидно, Гельмольдъ разумѣлъ подъ Римскимъ названіемъ *пенатовъ* (которые имъ дѣйствительно соответствовали): онъ и отличаетъ, у Балтійскихъ Славянъ, троякаго рода предметы поклоненія: этихъ пенатовъ, т.-е. домашнихъ боговъ, священныя рощи, т.-е. мѣстныя святыни стихійныхъ божествъ, и идола, изображенія боговъ нравственныхъ, челоукообразныхъ. Пенатами и идолами, говоритъ онъ, преисполнены были всѣ города Славянскіе; священными рощами и пенатами, повторяетъ онъ въ другомъ мѣстѣ тѣми же словами, преисполнены были у Славянъ земли и города, а кромѣ того они поклонялись еще главнымъ божествамъ, каковы Перунъ, богъ Старогардской страны, Жива, богиня Полабцевъ, Радигость, богъ земли Бодричей; а надъ всѣми возвышался верховный богъ Святovitъ, и надъ Святovitомъ, въ безконечномъ покоѣ, царствовалъ Небесный Творецъ всего міра (760).

относится къ тѣмъ именно идоламъ, которые не стояли на виду; послѣ крещенія Волына, вѣлво было сжечь или разбить всѣ языческіе кумиры; тѣ, которые стояли для общественнаго поклоненія, пришлось Волынцамъ отдать на истребленіе, кромѣ одного маленькаго золотого идола Триглава, о которомъ именно разсказываютъ, что жрецы выкрали его и вывезли вонъ изъ земли Волынской (*extra provinciam abduxerunt. Ebbō 55.*), прятались же преданнымъ еще язычеству народомъ идола *домашніе*.

(760) Helm. I, 83. *Præter penates et idola, quibus singula oppida redundabant.... I, 59, præter lucos et penates, quibus agri et oppida redundabant, primi et præcipui erant Proue deus Aldenburgensis terræ, Siwa dea Polaborum, Radigast deus terræ Obotritorum.... Inter multiformia vero Slavorum numina præpollet Zuantevith deus terræ Rugianorum,.... cujus intuitu cæteros quasi semideos æstimabant..... I, 83. Inter multiformia vero deorum numina, quibus arva, sylvas, tristitias atque voluptates attribuunt, non diffidentur unum Deum in cœlis cæteris imperitantem, illum præpotentem cœlestia tantum curare.*

(Продолженіе будетъ).

СУДЬЯ И ПАРАДОКСЫ.

Странно это соединеніе добра и зла, какое часто видимъ и въ людяхъ разсудительныхъ и обратно въ закаленныхъ злодѣяхъ. Иное происходитъ отъ невѣденія и безразличія поступковъ; многое отъ общаго закона равновѣсія въ мѣрѣ нравственномъ, какъ тепла и стужи. Такъ при высокихъ дарованіяхъ и достоинствахъ вмѣщаются великіе пороки. Такъ Шиллеръ далъ добродѣтели разбойникамъ. Состраданіе сколько разъ увлекается въ сторону страждущаго, не взирая на правость или вину его. Но чаще всего эта смѣсь добра и зла зависитъ отъ шаткости самосознанія, откуда выходятъ поразительныя противорѣчія разсудка и воли. Столько совершается благочестивыхъ даяній, молитвъ, даже умильных воздыханій; и какъ-будто все кончено на одной внѣшности, въ то же время глубоко лежитъ вся готовность на тѣ же злодѣянія и проказы. Откуда плевелы? Чѣмъ это врачевать или оправдать можно?

Въ такихъ испытаніяхъ лѣтъ за 30 судья Г. П. проводилъ три года службы, по выборамъ. До того, истомленный трудами коронной службы, получивъ отставку, онъ надѣялся прожить спокойно поселяниномъ. Но онъ столько уважалъ дворянскія собранія и срочную службу по выборамъ, что называлъ ихъ золотымъ установленіемъ. Оно связываетъ, говорилъ онъ, каждого съ своимъ обществомъ, даетъ способы на мѣсть взаимно, по своему разумнію, сохраняя свою честь, дѣлать ему добро, и на общихъ сѣздахъ знакомить его съ состояніемъ и выгодами всей стороны.

Съ наступленіемъ срока выборовъ, молва о будущихъ тамъ предложеніяхъ особенной важности заставила и его отправиться на общій сѣздъ; и тамъ же никакія отреченія его не были приняты. Онъ избранъ единогласно судьей на свой уездъ. Одно только могъ онъ испросить себѣ облегченіе, указать кандидатами для выбора себѣ въ товарищи такихъ, которые не мутили бы воды; это были владѣльцы достаточ-

ные, благородныхъ правилъ, съ доброю душею. И тогда же обратились къ нему съ радостными поздравленіями такихъ двое, которымъ онъ отвѣчалъ прямо и безобидно: Не вы ли первые будете недовольны мною? Чтò подлинно сбилось весьма скоро.—Новый судья привезъ домой смутные остатки своей скорби. Но, случившійся на ту пору гостемъ, старинный сосѣдь, выслушавъ ихъ и указавъ ему, настояще по-библейски, на малолѣтнихъ его дѣтей: Вотъ для кого, произнесъ, послужить вы должны. Мы отцу ихъ обязаны, пусть скажутъ добрые люди. — Какъ иногда легкаго дуновенія стòдитъ, чтобъ утвердить двойныя мысли!

Въ судъ онъ нашель много дѣлъ залежащихъ, въ острогъ арестантовъ давнихъ, въ канцеляріи, для дѣла и письма на пять столовъ, молодыхъ людей всего за двадцать. И чтобъ ускорить дѣла, установилъ, кромъ утреннихъ по пяти часовъ, вечернія присутствія по четыре часа. Новый необычный трудъ двойныхъ присутствій такъ вначалъ потяготилъ ихъ, что нѣсколько томящихся располагали выбыть.

Но скоро производство дѣлъ подвинулось утѣшительно. Просители въ своихъ приливахъ становились болѣе довольны. И какъ члены суда не принимали отъ нихъ, ни прежде, ни послѣ, никакихъ возмездій, ни приносовъ, кромъ одного хлѣба въ поклонъ; то просители, въ письмоводствѣ для нихъ, сами стали благодущнѣе. При томъ судья всѣ заготовляемые отпуски самъ прочитывалъ, и поправки свои объяснялъ внимательно; молодые дѣльцы тѣмъ ободрялись. Канцелярія суда весело умножилась, на первомъ году до 30, на второмъ почти до 50 служащихъ. — Многіе изъ старшихъ выбывали на высшія мѣста сосѣднихъ губерній; младшіе ревновали о повышеніи и замѣнялись новыми. — Къ тому частыя надобности суда и самый порядокъ заставили судью, небрежно размастанный архивъ, съ охотниками, болѣе свободными, удѣляя временами часы, устроить и описать по родамъ, годамъ, нумерамъ и алфавитамъ, такъ что по имени лица, или времени дѣла, акты давніе въ полчаса будутъ внесены. И тамъ же, какъ бы въ худшей завали отысканы и отдѣльно сохранены старинныя книги крѣпостныхъ актовъ изъ послѣд-

нихъ годовъ XVII и первыхъ XVIII вѣка. Архивъ сталъ легко доступенъ и угодливъ. Порядкомъ и чинностію судъ внушалъ къ себѣ уваженіе входящихъ.

Въ дѣлахъ исковъ и слѣдствій судья имѣлъ обычай не совсѣмъ полагаться на возносимыя показанія сторонъ, но смотря по дѣлу разспрашивалъ ихъ подробно въ обстоятельствахъ и происхожденіи, особенно простолудиновъ. Тѣмъ въ поданныхъ бумагахъ объяснялись излишества, противорѣчія, невѣрности; иногда просители сами сознавали свою неправоту, или склонялись на доброе примиреніе. Такой чистосердечный способъ открывалъ ему не мало моральную, такъ сказать, статистику домовъ, и помогалъ къ точнѣйшей развязкѣ споровъ. А на роптанія и жалобы той или другой стороны, принимающей всякой отказъ въ обиду, какъ ни тяжело, судья долженъ быть всегда готовъ. — Вошло жаркое дѣло съ приводомъ двадцати подсудимыхъ, захваченныхъ на воровствѣ лѣсу, и то въ самую рабочую пору жнива. Въ разспросахъ яснѣе стало, что лѣсъ одного владѣльца и пахотное поле другаго были у нихъ крѣпостною гранью. Оба судьи добрые пріятели, а межъ собой родные. Отъ смежности лѣсу худое поле съ давнихъ лѣтъ одичало и широко деревомъ поросло. Владѣлецъ лѣсу вырубилъ заросль, и сложилъ саженьями, какъ свою. Владѣлецъ поля выслалъ людей забрать порубь, какъ на своей землѣ. Новое слѣдствіе дало прямой видъ межевому спору, и судья подпалъ негодованію. — Молодая, пригожая вдова, изъ дальнихъ мѣстъ, заботясь о своемъ дѣлѣ, никакъ не хотѣла согласиться въ законъ противъ нее. Эти законы, говорила она шутя, подводятъ какіе угодно. Прошу васъ, сударыня, увѣриться, что здѣсь законы по волю не подбираютъ. И опять невзгода; пасмурныя брови! — Но торжествомъ для души его было, когда двѣ сестры-дворянки, сироты, изгнанныя дядею, годъ скитавшіяся по сосѣдству, и водворенныя на свое имѣніе, съ благодарностію бросились къ ногамъ его, у дверей суда.

Больше трудовъ и заботъ судьи требовало производство дѣлъ уголовныхъ и содержаніе по нимъ арестантовъ. По первому онъ завелъ всевозможное предупрежденіе отъ ста-

чекъ и особую камеру для допросовъ, которые весьма невыгодно бываютъ гласными въ общей канцелярской. По второму, имѣя обязанность ежемѣсячно свидѣтельствовать острогъ, онъ долженъ былъ всякой разъ много перечувствовать усилій въ разновидности дѣлъ. Относительно же родовъ и числа подсудимыхъ, любопытно замѣтить, что внутреннія селенія въ уѣздѣ весьма спокойны и судимыя дѣла въ нихъ рѣдко бываютъ важны. Но пограничности губерній и проходящія большія дороги, гдѣ больше люди взаимно жмутся и трутся, всегда изобильны завязками, особенно въ коноводномъ ремеслѣ и разнаго вида бродягахъ.

Изъ памятныхъ его записокъ о производствѣ дѣлъ приведемъ здѣсь два случая. — П. губерній въ разныхъ уѣздахъ, почти одними числами мѣсяца іюля пойманные бродяги, на первыхъ допросахъ, порознь, о себѣ показали, что они бѣглые военной команды изъской губерніи, и сведенные въ П. . . . , всѣ, числомъ девять, тамъ то же о себѣ подтвердили. Легко было тогда же замѣтить видимую стачку. Тогда пойманные отсылались на лицо въ тѣ мѣста, откуда вышедшими себя показывали; а тѣмъ они отдаляли время суда и улучали способы къ побѣгамъ. Такъ изъ П. . . . арестанты заведены въскую губернію. Показанія ихъ о принадлежности найдены ложными. Толпа такая приведена въ судъ. Въ судъ они приняли на допросъ другой ладъ; показали происхожденія свои разсыпными, кто изъ Одессы, кто изъ Смоленска, и такъ далѣе. Судья, по своему заключенію, раздѣливъ ихъ на три части, велѣлъ содержать каждую особо, не допуская никакихъ сношеній, и переждавъ дня два, приступить къ разспросу порознь, о себѣ и товарищахъ, когда и какими путями они всѣ разомъ очутились подъ Ураломъ. Повѣстями о своихъ походахъ они запутались въ нескладицѣ и разнорѣчій. Судья, послѣ нужныхъ очныхъ ставокъ, принялъ наконецъ рѣшительную мѣру, призвавъ полиціймейстера съ карауломъ и штаб-лекаря осмотрѣть партію по одиночкѣ на тѣлѣ, выводя въ сторону другими дверями. — Да на что это, говорилъ иной замаявшись, другой изумившись. На всѣхъ открылись заstrupѣвшія, высту-

пившія полосы наказаній, и каждый по своему въ оговоркѣ мѣшался. А на пятомъ явился самый свѣжій шпицрутенъ. Это наказанный драгунъ препровождался въ своей партіи чрезъ Орель въ Воронежъ, и объ партіи на пути сошлись на ночлегъ. Пермскій партизанъ подговорилъ его помѣняться съ нимъ именами, и утромъ пошли одинъ за другаго. Слѣдующій въ осмотръ за нимъ вошелъ очень смутенъ, и вдругъ, раздѣваясь, спросилъ: Да чего вы хотите отъ насъ? — Правды, отвѣчалъ судья твердо. — Инъ правды!.. Да на что вамъ она? — Правды, повторилъ судья; безъ того здѣсь вамъ не выдти изъ рукъ. Скажи прямо: былъ ты за Ураломъ? — Обомлѣвъ, онъ замолчалъ. Всѣ они были ссыльные. Приводцемъ на Ч. былъ тотъ помѣнявшійся именемъ. Осмотръ ихъ закрыто конченъ, и дѣло съ ними отправлено въ Ч. Съ того времени приводнымъ на первомъ допросѣ стали описывать ростъ, лѣта и примѣты къ дѣлу. Были также слухи потомъ, что приводецъ партій, помѣнявшійся близъ своей родины, скоро успѣлъ уйти, видѣлъ свой домъ, испугалъ жену и скрылся.

Случай другой: Въ селеніи, близъ города, житель и его шурина всю зиму промышляли воровствомъ въ лѣсахъ деревъ на продажу въ городѣ; и какъ не одни были въ той винѣ, то и оставались дѣла темными. Но на страстной недѣлѣ злѣя, говѣя, съ середины ночью, послѣ исповѣди, укралъ въ своемъ селѣ пару добрыхъ лошадей, и отвелъ ихъ съ шуриномъ въ ближній лѣсъ у болотной рѣки, наставивъ его, чтобъ онъ назиралъ ихъ тамъ изъ чужой пустой пасѣки, съ тѣмъ, что самъ онъ, отслушавъ заутреню и приобщась, выдетъ къ нему и вмѣстѣ отведутъ лошадей къ знакомымъ. Дѣйствительно въ четвергъ лошади сданы уже были за границей губерніи. И на другой день изъ добычи сдѣланы къ свѣтлому празднику свои городскія покупки. Молодой шурина о праздникѣ подарилъ любимой дѣвушкѣ нарядный платокъ. Она похвалилась имъ матери; а мать пристала къ сельскому поговору. Подозрѣніе о воровствѣ вошло въ судъ и выведено въ ясность. Самымъ поразительнымъ въ дѣлѣ было такое изувѣрное смѣшеніе святыни съ преступленіемъ, чѣмъ закрыть его надѣялись.

Какъ ни мрачны такіе виды воли человѣческой, но что васъ ожидаетъ, когда вы входите въ заклѣпы острога? Какое отвращеніе и вмѣстѣ состраданіе чувствуетъ сердце, когда вы говорите съ сидящими взаперти, окованными желѣзомъ, когда принимаете ихъ дыханіе, рвчи, смиреніе? Вы предполагаете въ нихъ какое-нибудь, хотя безсознательное обращеніе къ вѣрѣ, какое-нибудь, хотя запятнанное чувство добра; но тамъ же видите разомъ скопище злодѣяній, готовыхъ вновь воспроизводиться. — Впрочемъ, все это не мѣшало мнѣніямъ судьи, что, въ простотѣ понятій, на нравственное состояніе много дѣйствуетъ улучшеніе физическаго быта.

Довѣріе лицъ почтенныхъ открывало ему въ дѣлѣ благотворенія высшіе способы. Изъ нихъ пошло сотнями аршинъ холста и сукна съ шитьемъ на одѣяніе арестантовъ. Обрадованные тѣмъ, они попросили у него другой милости, дать имъ образа, куда помолиться; и онъ заказнымъ письмомъ далъ имъ большіе образа по разрядамъ: Распятіе посреди двою разбойнику, съ подписью: помани мя и проч. Преображеніе Господне и образъ Св. Апостола Петра къ темницѣ, которому Ангелъ разрѣшаетъ узы; въ женское отдѣленіе икону Всѣхъ Скорбящихъ. Ему дано было увидѣть и слезы злодѣевъ, когда они, благодаря его, еще попросили: Дайте намъ какую-нибудь святую книгу, и онъ выписалъ для нихъ изъ Кіева, полного формата въ листъ, Псалтырь и Часословъ. — Тогда же заказалъ онъ и тому же мастеру, по его искусству, для самаго суда большую картину, изгнаніе Спасителемъ торгующихъ изъ храма Соломонова: не творите дому Отца Моего дому купленнаго. Къ сожалѣнію о дѣлѣ неконченномъ и объ отличномъ живописцѣ, — на половинѣ работы онъ умеръ, умеръ несчастно. Онъ поновлялъ иконостасъ въ монастырѣ, когда каменщики завершали въ немъ куполь старой церкви. На его переходъ внизъ оборвавшійся сверху кирпичъ разбилъ ему голову.

Но за благодѣянія, оказанныя преступникамъ, отъ нихъ же самому судьѣ досталось принять горькое зло и нѣкое добро. — Онъ занималъ въ городѣ домъ на большой улицѣ, по скату горы съ садомъ, за которымъ черезъ широкую площадь

стоит острогъ; а внизу, передъ окнами дому, къ той улицѣ колодезь хорошей воды, и у колодезя стояла ветхая, но днемъ и ночью всегда людная питьевая лачуга. Изъ оконъ дому всякій день видно было, какъ арестанты попарно своею очередью съ двумя ушатами и двумя караульными ходили туда, позади саду за водою, какъ, поставивъ ушаты, всѣ удалялись въ лачугу, и долго иногда оставались тамъ съ приходящими.

Судья для городской ѣзды держалъ пару экипажныхъ темногнѣдыхъ лошадей и пару среднихъ бурыхъ на разѣзды. Лошадей поили у того же колодца. И первыя молодья, изъ хорошей цѣны шестерика, складомъ и живостию въ городъ и у колодца стали замѣнены; а долго передъ тѣмъ проживавшій въ городѣ, видно самъ охотникъ, проѣздомъ изъ О. . . , такъ заглядѣлся на нихъ у водою, что спросилъ, чьи тѣ лошади; и судья, какъ хозяинъ ихъ, былъ тѣмъ доволенъ. Но черезъ недѣлю потомъ въ октябрь, морознымъ утромъ, доложили ему кучеръ и дворникъ, что конюшня и дворъ своимъ обычаемъ были на замкѣ и бурые въ своихъ переднихъ станкахъ, а гнѣдыхъ пары нѣтъ. За осмотромъ явилось, что звено забора въ саду отъ площади раскидано, и боковая стѣнка конюшни отъ саду была выбрана и опять заложена. Двудневные поиски разосланныхъ по дорогамъ не довѣдались на разспросы никакихъ слѣдовъ. Пусть кто хочетъ вспомнить себѣ Резовыхъ коней въ Иліадѣ; а судья и полиціи больше было стыдно, нежели досадно.

Однако дней черезъ пять, арестантъ, уже приговоренный, отъ души ли своей, или по враждѣ съ товарищами, или по ихъ внушенію, попросилъ караульнаго офицера доложить полицмейстеру, чтобъ снялъ у него показаніе, что онъ знаетъ, гдѣ судьины лошади. На спросъ о томъ полицмейстера судья согласился, только бы слѣдствія не было. Арестантъ объявилъ въ полиціи, по какой дорогѣ лошади проведены; теперъ они вънѣ, гдѣ и еще дня три побудутъ; потомъ переведутся въну, и тамъ выведутся въ продажу на какой-то осенней ярмаркѣ. Въ такихъ чудныхъ нитяхъ сообщеній и свѣдѣній, какая бъ ни была сложена небыллица, арестантъ имѣлъ видъ добродушія и откровенности. Говорится притомъ: чего мы сильно желаемъ, тому скоро вѣримъ. Потому люди были посланы не только въ

.....нѣ, но и въ ...ну; однако ничего не доискались, положимъ и не умѣли. Случай весною вывелъ въ дѣйствіе нечаянность. Бывшій въ домъ судьи за годъ учитель дѣтей такъ часто видѣлъ и твердо замѣтилъ тѣхъ лошадей, что проѣздомъ изъ К. . . въ Н., во время троицкой ярмарки, узналъ ихъ на конной, подалъ въ полицію протестъ и настоялъ, чтобъ они были задержаны, или опоручены. Судья по увѣдомленію отъ полиціи отправилъ туда бывшихъ съ нимъ въ городъ кучера и дворника, придавъ къ нимъ стараго конюшаго съ свидѣтельствомъ. На сѣздѣ земскаго суда въ деревнѣ того владѣльца лошадей, приказчикъ его, борзенскій мѣщанинъ, оправдывался, что лошади имъ куплены вънѣ на ярмаркѣ. Но какъ общимъ доводомъ принадлежности въ лошадяхъ бываетъ огласка ихъ къ своему двору и хозяину; такъ тамъ едва посланные явились на дворъ съ своими лошадьми, отозвалось ржаніе выводимыхъ изъ конюшни и взаимное къ тѣмъ. А къ прямому опознаванію конечнымъ убѣжденіемъ было, что конюшій, завидѣвъ и хомуты свои, изъяснилъ предъ судомъ, какія гдѣ новыя кольца и подшивки найдутъ въ нихъ. Все то дѣйствительно найдено, и лошади приведены домой.—Недовѣдомымъ оставлено только, какъ этотъ временный владѣлецъ ихъ былъ тотъ самый проѣзжій, которому, въ проѣздъ его за полгода, у водополя судьбины лошади понравились.

На разстояніи пути двухъ часовъ отъ дому, судья бывалъ въ немъ, или въ другихъ отъѣздахъ только по днямъ свободнымъ, и рано возвращался къ присутствію.—Для развлеченія видами на своихъ проѣздахъ онъ имѣлъ охоту разными направленіями перемѣнять дорогу. А дома новый разводимый на отдыхъ паркъ называлъ Судейскія Грусти.— Впрочемъ, изъ трехлѣтней своей службы, по дѣламъ и начальству, онъ вынесъ много утѣшеній. Но полнымъ ея счастьемъ почиталъ оставить по себѣ добрую память.—Онъ былъ избранъ въ ту же должность на другое трехлѣтіе; но испросилъ себѣ покой. Избранъ потомъ генеральнымъ судьей 1-го департамента; но при самомъ вступленіи, властями призванъ на такую должность, въ которой увидѣлъ болѣе обширныя средства быть полезнымъ своему обществу, оставаясь въ ней близъ дому и семейства.

Ite meae, felix quondam pecus, ite capellac... V. Ecl. 1. 75.

Ж. Т.

В А Ш Я,

КУПЕЧЕСКІЙ СЫНЪ.

СКАЗКА.

Какъ за дальнею было степью, за Саратовской,
Въ небольшомъ то было въ городѣ, въ понизовоемъ,
И тамъ два купца жили, два небогатые,
Небольшимъ они промысломъ занимались:
Синьку, кумачъ развозили по ярмаркамъ,
По ярмаркамъ сельскимъ, по праздничнымъ,
На обмѣнъ бирали рѣднину кулёвую,
Холстину посконную, да мерлушки овчинныя;
И съ того-ли съ товару бабьяго, не важнаго.
Получали они барыши пятаковыя.
А куда такая торговля не разживчива,
А такой-то торговлѣ и славы нѣтъ;
Кличуть такихъ торгашей шибаями,
Шибаями, кулаками, да кошатниками.
И имъ, купцамъ, почету въ городѣ не было:
Передъ крупчатниками они шапки ламывали,
А сальнымъ торговцамъ челомъ били,
И базарному мѣнялѣ въ поясъ кланялись
И довольно тѣ купцы потрудились,
И деньги у нихъ въ торгу были общія,
А барышей дѣлить было нечего.
И задумалъ одинъ купецъ думушку,
И сталъ другому свою думу сказывать:

« Ты послушай-ка товарищъ, Кузьма Ферапонтьевичъ,
 Что-то наша торговля не подвигается,
 И двигаться-то ей, правда, нѣ съ чего—
 Все товары у насъ бабыи, не важные,
 И беремъ мы за нихъ барыши пятаковъые.
 Помскать бы намъ товару позанятіе,
 Поважнѣе товару, пріятнѣе прѣмысла.
 Дай-ка мы сложимъ вмѣстѣ денежки,
 Да накупимъ съ тобою скотину черкаскую,
 А и ту-ди скотину скушимъ телятами,
 И пустимъ телятъ на приволья раздольныя,
 Что и къ тѣмъ мужикамъ, однодворцамъ зарѣченскимъ,
 Тѣ однодворцы степь намъ даромъ дадутъ,
 За одну бочку дѣгтю тельжнаго. »
 — (Такъ-то въ-старину дѣло дѣлывалось!) —
 « Да бабамъ ихъ свеземъ по подарочку,
 Извѣстно: синьки кусокъ, да мыла казанскаго. »
 Слушаетъ Кузьма, да въ толкъ не беретъ:
 « Чтѣ ты, Михеевъ, хочешь дѣлать съ телятами?
 — « А вотъ чтѣ хочу я дѣлать съ телятами:
 Сынъ твой, Ванюшка, теперь ужъ на возрастѣ,
 А здѣсь гуртоправъ у насъ въ городѣ шляется,
 Спился бѣдняга, совсѣмъ измотырился,
 Мы за цѣлковой найдемъ его стадо стеречь,
 А твой-то Ванюшка у него поучится,
 Да будетъ въ Москву нашу скотину гонять.
 А ты повѣрь мнѣ, Кузьма Ферапонтьевичъ,
 Денегъ повѣрь половину хоть общую,
 Мы барышами съ тобою подѣлимся.
 Хотя будетъ у насъ товаръ позанятіе,
 Поважнѣе товаръ, да пріятнѣе прѣмыселъ. »
 Такъ они, купцы, на томъ и поладили.
 Авдѣй Михеевъ отвѣчалъ всѣми деньгами,
 Прѣжилъ онъ на степи лѣто цѣлое
 Съ Ванюшкой прожилъ, да съ гуртоправомъ пропѣницей,
 (Онъ его къ тому дѣлу вытверезилъ),
 А Кузьма Ферапонтьичъ ѣздилъ по ярмаркамъ,
 И Авдѣй съ него барышей не потребовалъ.
 И всю зиму надъ нимъ Кузьма подсмѣивалъ:
 Погуляй-ка ты еще лѣто, Авдѣй, съ телятами,

Опять ты къ старому промыслу воротнись,
 А я за сына съ тебя пожилбе возьму.
 Тутъ сказалъ ему Авдѣй таково слово:
 Не то пожилое, Кузьма Ферапонтьевичъ,
 Можетъ мнѣ и отдать будетъ нѣчего,
 А только мнѣ твой Ванюшка по праву пришелъ;
 Коли нечѣмъ будетъ отдать за работника,
 Я за него и дочь отдамъ.
 Такъ они пошутили, посмѣялися,
 Выпили косушку зелена вина,
 Да по рукамъ съ Кузьмою ударили.
 А дѣти ихъ тогда были малыя —
 Ванька пятнадцати, а Параня двѣнадцати лѣтъ.
 И вотъ ужъ время тому прошло довольное;
 Авдѣй побывалъ и въ Москвѣ бѣлокаменной,
 Въ Москву ужъ гурта онъ четыре сводилъ.
 Разжива имъ съ Кузьмою была богатенная,
 Ванюшка его гуртоправъ сталъ диковинной,
 А Кузьма съ Авдѣемъ барышами дѣлилися.
 Только, ни много, ни мало поземѣшкавши,
 Опять сталъ Авдѣй задумывать думушку,
 И сталъ Кузьмѣ про свою думу сказывать.
 «Ты послушай братъ, Кузьма Ферапонтьевичъ,
 Торговля скотомъ идетъ у насъ счастливо,
 А я знаю торговлю прибыльнѣе того:
 Прибыльнѣе торговля по винному откупу,
 Давай мы съ тобою счастья попробуемъ».
 Тутъ Кузьма Ферапонтьичъ руками открещивался:
 «Что ты, Михеевъ, утроба ненасытная!
 Есть хорошо, такъ мало, дай лучше того!
 Въ этомъ дѣлѣ живетъ умѣнье великое,
 А я въ этомъ дѣлѣ ничего и не вѣдаю.
 Торгуй ты одинъ, ужъ давай мы раздѣлимся.»
 Такъ они на томъ и рѣшилися,
 Подѣлили товаръ съ барышами и денежки,
 И мирно они, купцы, разставалися.
 Повхалъ Авдѣй откупные торги торговать,
 А Кузьма-то сынка за гуртомъ послалъ
 Въ тѣ-ли дальнія степи черноморскія.
 И вотъ Иванъ Кузьмичъ съ отцомъ, матерью прощается,

И Парашъ Авдѣвной пришелъ поклонъ отдать,
 Парашъ Авдѣвной, невѣстѣ названной.
 «Прощай, другъ ты мой, Прасковья Авдѣвна,
 Не чается мнѣ проку въ торговлѣ батюшкиной,
 Батюшки твоего, Авдѣя Михенча.
 А ужь что бы только, Параша, не случилось,
 Хоть ты, Параша, останься безъ денежки,
 А я все тебя, Параша, за-мужь возьму.»
 И такъ они на томъ обнимались,
 И любезно они съ Параней цѣловались,
 И мизенными кольцами обмѣнялись.
 И пошелъ Ванюша свѣтелъ и радошень,
 А вслѣдъ ему Параша горько всплакала,
 Скоро ея личико разгоралось,
 Скоро она въ калиточку металася,
 И колодезной водицей умывалася,
 Чтобъ не было примѣты ея матушкѣ,
 Ни матушкѣ, ни братцу родному,
 Объ чемъ она, Параня, заплакала.

.
 Въ тѣ поры откупа только-что начинался,
 Злобинъ всѣмъ этимъ дѣломъ орудовалъ.
 Много пошло отъ него миллионщиковъ,
 Онъ городъ Волжскъ украсилъ и выстроилъ,
 Онъ сжегъ съ пенькой корабли передъ Лондономъ,
 За то, что цѣной заломалася Англія.
 Послѣ него Англичане кидались
 Въ Питеръ, въ Архангельскъ и въ Крымъ за покупкою.
 Питеръ торгуетъ рублемъ еще выше того;
 Чей же товаръ это въ Питерѣ? Злобина.
 Архангельскъ торгуетъ повыше на два рубля;
 А чья же пенька и въ Архангельскѣ? Злобина.
 А Крымъ поднимаетъ выше и на пять рублей;
 Спросятъ въ Крыму, чей товаръ? тоже Злобина!
 И такъ они въ Лондонъ съ носами уѣхали.
 Вотъ нашъ Авдѣй является къ Злобину;
 Городъ снимаетъ, большіе доходы даетъ,
 Другой снимаетъ, даетъ еще больше того.
 Молва-то объ немъ приходитъ на родину,
 Къ жевъ отъ Авдѣя прикащикъ является,

Парень лихой передъ ней разсыпается,
 Говоритъ онъ ей рѣчи московскія,
 Московскія рѣчи, политичныя,
 Величаетъ ее сударыней-барыней.
 Она передъ нимъ — ни стать, ни сѣсть,
 Ни стать, ни сѣсть, ни слова сказать:
 Онъ-то ей слово по-московскому —
 А она-то другое по-мужицкому.
 Привезъ онъ ей отъ Авдѣя грамотку,
 Къ той ли грамоткѣ чертежи приложены:
 Велитъ Авдѣй свой домишко ломать,
 Свою избушку незавидную.
 А на мѣсто ея домъ выстроить каменной,
 Большія палаты кирпичныя,
 Съ балконами, да съ колоннами,
 А и съ роду такихъ въ городъ не выдывали!
 На нихъ народъ съ улицы дивуется,
 Большою толпой собирается.
 А какъ самъ-то Авдѣй въ городъ вѣзжалъ
 Въ варшавской коляскѣ съ ресорами.
 Женъ Авдѣй привезъ лисій салонъ,
 А дочери шубу соболиную,
 А въ домъ привезъ скатерти голандскія,
 Ложки, ножи, да вилки серебряныя.
 Все онъ съ господами-боирами водится,
 Самъ обѣдаетъ у городничаго,
 Судью зоветъ къ себѣ въ карты играть.
 Кузьма съ нимъ на базаръ встрѣчается,
 Попросту къ нему въ гости называется —
 А Авдѣй ужъ ни да-кнетъ ни не-каетъ,
 Все-то ему не-коли, не-когда.
 «Братъ Кузьма, тебѣ будетъ не весело,
 У меня бесѣда — люди знатные,
 Погоди ты, Кузьма, вотъ я сдѣлаю
 Про васъ, про мѣщанъ столованье особое,
 Тогда я тебя и съ семьей позову,
 Насыщу я васъ блюдами французскими,
 Англинскимъ пивомъ, нѣмецкими винами,
 Будете кушать, чего сроду не нюхивали.
 За-болно стало Кузьмѣ Ферапонтьевичу!»

Пришелъ домой и бранится и сердится:
 « Я его, гордеца, въ управу потребую,
 Я съ нимъ пойду по суду по словесному —
 Онъ обѣщался за сына мнѣ дочь отдать!
 Пригодился тутъ молодецъ Иванъ Кузьмичъ,
 Говоритъ ему таковы слова:
 « Не дѣло ты, батюшка, затѣвашь,
 Не на томъ дѣло было у васъ положено:
 Хотѣлъ за меня онъ Параню отдать,
 Когда нечѣмъ будетъ пожилое платить.
 А вы съ Авдѣемъ расквитались,
 Вы съ нимъ за гурты барышами дѣлилися,
 А и всѣ-то деньги были Авдѣевы,
 И по суду искать тебѣ нечего,
 Авдѣю рука всѣ судьи и ратманы,
 Станешь ты всему свѣту за посмѣшище.
 А дай лучше мы посмѣемся богатому —
 Богатой Авдѣй нынче безумень сталъ.
 Пускай-ка мѣщанъ онъ на пирѣ позоветъ,
 Тутъ я заговорю съ нимъ по-своему,
 По нашему-старому, по-прасольскому. »
 И вотъ они того времени выждали,
 Собралъ Авдѣй пирушку веселую,
 Хочетъ пиры пировать Авдѣй попросту,
 Онъ градское общество задобриваетъ,
 Свои достатки показываеъ.
 Въ высокихъ хоромахъ столы убираются,
 Вся нищая братія созывается,
 И всѣ купцы на пирѣ приглашаются:
 Смотрите, де-скать, я народъ кормлю!
 Случались тутъ гости иногородные,
 Откупщики, Авдѣевы товарищи,
 Всѣхъ важнѣе одинъ бритой и стриженой,
 Въ черномъ фракѣ, сапоженьги съ кисточками,
 Въ бѣломъ галстухѣ сидитъ, ухмыляется,
 Все шутками умными занимается.
 А подлѣ него сыночекъ вскормленный,
 Бѣлой-румяной, поѣнный теленочекъ,
 Какъ у дѣвушки перстенѣчки на пальчикахъ,
 На шейкѣ платочекъ шелковый, пестренькій,

Жилетецъ на немъ съ цвѣтами, да съ птичками —
 Ему ни пить, ни вѣсть, а умильно глядѣть,
 Умильно глядѣть, да себя показать.
 И быть тутъ столу во полу-столѣ,
 И быть тутъ гостямъ во полу-нѣанѣ,
 И Авдѣй при гостяхъ сталъ тутъ рѣчь держать:
 «Разсудите, вы гости почтенные,
 Мое дѣло съ другомъ-пріятелемъ,
 А и съ другомъ, Кузьмой Ферапонтьевичемъ,
 Можно-ль мнѣ за его сына дочь отдать?»
 И всѣ-то гости тому слову дивуются,
 А черный-то фракъ ухмыляется,
 Искоса на Ивана Кузьмича поглядываетъ.
 И началъ Авдѣй снова рѣчь держать:
 «Были у насъ съ Кузьмою счеты да вычеты,
 Чтобъ дать ему мнѣ Ваньку въ прасолы,
 А мнѣ заплатитъ пожилое ему,
 А не заплачу, за Ваньку мнѣ дочь отдать.
 А я ему пожилое давно заплатилъ,
 За чѣмъ же онъ меня на базарѣ останавливаетъ,
 Въ родню ко мнѣ называется?»
 Смѣются всѣ гости Кузьмѣ Ферапонтьевичу:
 Не въ свомъ онъ сани съѣсть вознамѣрился.
 Иванъ Кузьмичъ молчитъ, только внизъ глядитъ.
 И надъ нимъ-то всѣ пари издѣваются.
 И насмѣялся съ ними Авдѣй до-сыта,
 И на сына откушничкова показываетъ:
 «А вотъ, господа, кто мнѣ ровнюшка,
 Прошу я его любить-жаловать,
 Можетъ быть съ нимъ породнюсь я теперь.»
 Не стерпѣло тутъ сердце молодецкое,
 Она хлынула кровь къ лицу блѣлому —
 Ясныя очи огнемъ загораются,
 Весь онъ, Иванъ Кузьмичъ, разсержается,
 Громко кричитъ зычнымъ голосомъ:
 «Не срамись ты, Авдѣй, передъ городомъ,
 Съ какими ты это людьми только водишься, —
 Отцы-то у тебя кургузые,
 А сыновья-то — телята поеные,
 Нашелъ жениха ты теленка безмозглаго,

Хочешь теленка ты зятемъ назвать! »
 И самъ тутъ Авдѣй разсержается,
 Грозно кричитъ громкимъ голосомъ:
 « Слушай ты, мужикъ неотесанный,
 Помню я только твою службу старую,
 Ту-ли старую, гуртоправскую.
 За то только тебя и милую,
 А то велѣлъ бы я тебя въ за-шенъ гвать.»
 А черный фракъ сладко усмѣхается,
 Все шутками Авдѣя упрощиваетъ:
 « Полно, не сердись, другъ, Авдѣй Михеевичъ,
 Взять-то видно съ мужика тебѣ нечего,
 Онъ какъ есть мужикъ, и творитъ по-мужицкому,
 Не то, что мое чадо милое, воспитанное,
 У французскаго мусью обучалось,
 Знаетъ грамматику, ариѳметику,
 И разные языки иностранные.»
 Тутъ Ивану Кузьмичу еще большѣ становится.
 « Полно тебѣ, говорить. дядюшка, хвастаться,
 Не знаетъ твой сынъ языка иностраннаго.»
 А самъ онъ Авдѣю кланяется:
 « Отецъ родной, Авдѣй Михеевичъ!
 Не держи ты гнѣвъ, вели мнѣ рѣчь держать,
 Не губи ты моей невѣсты названной,
 Той-ли душеньки, Параша Авдѣевой,
 Не отдай ты ее за теленка безмозглаго:
 За глупымъ мужемъ дурно вѣкъ вѣковать!
 Прикажи ты ему перевестъ, батюшка,
 Съ иностранной рѣчи на русскую,
 А такую рѣчь, какую я скажу.»
 Смѣется тутъ Авдѣй Михеевичъ:
 « Полно, Ваня, не стыди свою голову,
 Хочешь ты тягаться съ купцами московскими,
 Съ московскими купцами, съ воспитанными.
 Инъ скажи, я посмѣюсь да послушаю.
 И вотъ Иванъ гостю кланяется,
 На разномъ языкѣ изъясняется:
 Слушай ты, чадо отецкое, милое,
 Я тебѣ скажу по-офеньскому,
 А ты переведи мнѣ по-русскому:

« Утка стемрюкъ стратирила сверлюкъ.»

А сынокъ-то купцовъ воспитанной
Смотритъ на Ивана во всѣ глаза,
Не понимаетъ онъ ни единого слова.
И всѣ тому гости засмѣялися,
А чернѣй фракъ шутятъ шуточки:
« Не робѣй ты, мое чадо милое,
Воспитанное, воскормленное,
Не слѣдь тебѣ знать по-офеньскому,
Ты знаешь, мое чадо, по-французскому.
На что тебѣ знать присловья мужицкія,
Ты знаешь всякія науки разныя,
Умноженіе, да дѣленіе,
Не по счетамъ мужицкимъ, по выкладамъ,
А можешь перомъ по бумагѣ писать.»
А тутъ Иванъ Кузмичъ опять пригожается,
Опять онъ Авдѣю Михенчу кланяется.
« Авдѣй Михенчъ, ты на меня не погнѣвайся,
Прикажи мнѣ еще слово вымолвить,
Задамъ я ему задачу по-счетному,
Пусть онъ по бумажному вычислитъ:

Шло семь старцевъ,
У всякаго старца по семи костылей,
На всякомъ костылѣ по семи кулей,
Во всякомъ кулѣ по семи пироговъ,
Во всякомъ пирогѣ по семи воробьевъ,
Во всякомъ воробѣ по семи потроховъ.
Сколько всего: костылей и кулей,
Пироговъ, воробьевъ,
Стариковъ, потроховъ.»

И молодой-то купецъ призадумался,
Цифиръ на бумажкѣ выкладываетъ,
А ничего-то не высчитаетъ.
А черной-то фракъ разсержается,
Скоро изъ-за стола онъ поднимается,
« Осрамилъ ты меня, сынокъ, передъ городомъ,
Чему же ты у Француза выучился?»
И Авдѣй-то Михенчъ удивляется,
Тутъ у него разумъ открывается.
И правда, видно дитя это глупое,

Глупое дитя, неразумное,
 Какъ же мнѣ за него дочь отдать
 Каково ей съ дуракомъ будетъ вѣкъ вѣковать.
 Смотрить онъ на Ваньку на прасола,
 Малой онъ смиренница, умница,
 Служилъ онъ ему вѣрою, правдою,
 И стало тутъ Авдѣю совѣстно.
 Скоро скочилъ изъ стола, изъ-за бранаго,
 Цѣлуетъ Ваню во уста сахарныя.
 Не попомни ты, Ваня, моей грубости,
 Что я тебя, Ваня, пристыдить хотѣлъ,
 А самому мнѣ стыднѣй того.
 Беретъ онъ его за рученьку бѣлую,
 Ведетъ его во свѣтелку дальнюю,
 Къ той ли душечкѣ Прасковѣ Михеевнѣ.
 А вотъ тебѣ, дочка моя милая,
 Женихъ Ванюшка прежній твой названной.
 И тутъ пошла пврुшка веселая,
 И весь тому городъ возрадовался.
 А и то старина, то и дѣянье.

МІХАИЛЪ СТАХОВИЧЪ.

ВОСПОМИНАНІЯ

О ПОХОДѢ ВЪ ВЕНГРІЮ

ВЪ 1849 ГОДУ.

(Записки пѣхотинца).

Писахъ не мудрствуя лукаво, но яже слышахомъ отъ достовѣрныхъ людей, и яже видахомъ очима своими.

Кошкинъ.

I.

Апрѣля 18, 1849 года, полкъ нашъ, который, въ ожиданіи приказа о выступленіи въ лагерь подъ Варшаву (туда уже былъ посланъ офицеръ съ командой для устройства лагеря), былъ собранъ на тѣсныя квартиры въ окрестностяхъ г. Вилюня (Радомской губерніи), неожиданно получилъ приказъ выступить немедленно въ Ченстоховъ, т.-е. въ совершенно противоположную сторону.

Въ Ченстоховъ прибыли мы около 20 числа того же мѣсяца. Здѣсь получено было извѣстіе, что черезъ три дня наша (девятая) дивизія вступитъ въ Австрію.

*

Полковой командиръ нашего полка отдалъ приказъ, чтобы всѣ пожитки и повозки, за исключеніемъ полковаго обоза, были оставлены въ Ченстоховѣ, и чтобы у всѣхъ офицеровъ, для необходимыхъ вещей, были выюки и выючныя лошади. Суета сдѣлалась страшная; за лошадей платили вдвое, за выюки четверо противъ настоящей цѣны, а свои вещи, у кого были лишнія, продавали за безцѣнокъ.

Приготовившись, какъ могъ, къ походу, я принялся осматривать городъ.

Прежде всего я отправился въ знаменитый здѣшній монастырь, находящійся на Ясной горѣ, принадлежащій ордену Паулиновъ. Онъ основанъ Опольскимъ княземъ Владиславомъ въ 1382 году.

Монастырь этотъ извѣстенъ своею чудотворною иконою Божіей Матери, на поклоненіе которой приходятъ богомольцы изъ всей Польши, Литвы, Галиціи, Познани и Моравіи; онъ извѣстенъ также геройскою защитою, въ царствованіе короля Жигмунда III, ста пятидесяти человѣкъ и семидесяти монаховъ, подъ начальствомъ Стефана Замойскаго и пріора Кордецкаго, противъ пятнадцати тысячъ Шведовъ.

Въ главномъ костелѣ этого монастыря находятся знамена и другіе военные трофеи, отнятые у Турокъ подъ Вѣною королемъ Яномъ Собіесскимъ. Самый городъ не очень замѣчательнъ, но проходящая чрезъ него Варшавско-Вѣнская желѣзная дорога, и близость Прусской границы сулятъ ему богатство и процвѣтаніе въ будущемъ.

Со времени открытія желѣзной дороги въ немъ, какъ изъ земли, выросъ цѣлый кварталъ.

Пробывъ три дня въ Ченстоховѣ, нашъ полкъ выступилъ въ Краковъ; 25 апрѣля достигли мы границы близъ деревни *Михайловицъ*, отслужили здѣсь молебенъ, и, одѣвшись въ парадную форму, вступили въ Австрію.

Въ первой попавшейся намъ деревнѣ Кіаковѣ, встрѣтили насъ австрійскіе артиллеристы. Форменная ихъ одежда мнѣ очень не понравилась: — коричневый мундиръ съ краснымъ

воротникомъ и обшлагами, фалды пестрыя, какъ у нашихъ мушкетеровъ, но длины непомѣрной, на головѣ круглая войлочная шляпа въ родѣ кучерской; — хорошо, но все вмѣстѣ напоминаетъ ливрею. Вооружены они тесаками на бѣлой портупѣе черезъ плечо.

Въ Краковѣ вступили мы въ сумерки. Народу, какъ и надо было ожидать, собралось многое множество поглядѣть *что то за Москале*, но внезапно хлынувшій проливной дождь, промочившій насъ до костей, разогналъ зрителей.

Пока солдатъ размѣщали по казармамъ, я пошелъ на Австрійскую гауптвахту обсушиться, и тамъ нашелъ нѣсколькихъ нашихъ офицеровъ, явившихся сюда съ тою же цѣлю прежде меня.

Обязательный караульный офицеръ послалъ за разводчикомъ, чтобы тотъ показалъ намъ квартиры; въ ожиданіи разводчика, между нашими и австрійскими офицерами, пришедшими посѣтить своего товарища, завязался довольно живой разговоръ о предметахъ для насъ общинтересныхъ, какъ-то: о службѣ, о чинахъ и жалованьи и т. п.

Изъ этого разговора я узналъ, что въ австрійской службѣ въ офицеры производятся, по большей части, воспитанники военно-учебныхъ заведеній; но офицерскій чинъ получаютъ они не прежде, какъ прослуживъ, по выходѣ изъ училища, два года въ званіи юнкера. Чины въ австрійскомъ войскѣ подраздѣляются на классы, изъ класса въ классъ переходятъ по экзамену; такимъ образомъ чинъ прапорщика (Fahnrîch), имѣетъ три класса, подпоручика (Unter-leutenant) два, поручика (Ober-leutenant) — два и т. д. Чины получаютъ по прослуженіи извѣстнаго числа лѣтъ и также по экзамену. Обозначаются чины у оберъ-офицеровъ — звѣздочками, а у штабъ-офицеровъ и генераловъ шитьемъ на воротникахъ. Кромѣ того генералы отличаются отъ прочихъ офицеровъ своими голубыми сюртуками и треугольными шляпами съ зелеными султанами. Эполетъ австрійскіе офицеры не имѣютъ, за исключеніемъ уланъ, да и у тѣхъ по одному только на правомъ плечѣ. Единицею въ австрійской арміи,

въ правительственномъ, военномъ и хозяйственномъ отношеніи служить батальонъ; оттого часто случается, что изъ трехъ батальоновъ одного и того же полка одинъ находится въ Галиціи, другой въ Трансильваніи, а третій въ Италиі.

Солдатъ, какъ я уже сказалъ, размѣстили въ казармахъ, а офицеровъ по квартирамъ у частныхъ лицъ. Мнѣ квартира назначена была въ гостинницѣ, хозяинъ которой оказался отличнымъ малымъ, — чистымъ кракусомъ.

Кракусы отличаются отъ другихъ Поляковъ своимъ прямымъ, открытымъ характеромъ и какою-то удалью; между своими соотчичами они то же, что Москвичи между Русскими.

Хозяинъ вызвался показать мнѣ достопримѣчательности Кракова, и съ разсвѣтомъ другаго дня мы пустились странствовать по городу.

Прежде всего мы направили стопы свои въ Вавелевскій замокъ, лежащій на горѣ Вавель. Преданіе говоритъ, что въ пещерахъ этой горы жилъ огромный змѣй—Вавель, пожиравшій людей и домашній скотъ, и что этотъ змѣй былъ умерщвленъ младшимъ сыномъ Кракуса, основателя Кракова, посредствомъ сѣры, которою онъ начинилъ убитаго барана и далъ съѣсть змѣю.

Въ каѳедральномъ соборѣ, находящемся въ этомъ замкѣ, короновались и погребались всѣ польскіе короли, а также и замѣчательнѣйшіе мужи Польши, какъ напримѣръ Костюшко. Въ этомъ соборѣ есть нѣсколько замѣчательныхъ произведеній живописи и валянія, между послѣдними мраморное распятіе, изваянное знаменитымъ Торвальдсеномъ.

Университетъ, вслѣдствіе политическихъ безпорядковъ, былъ въ это время закрытъ, а какъ за позволеніемъ осмотрѣть его надо было много хлопотать, то я не былъ въ немъ.

Близъ Кракова показываютъ могилы Кракуса или Крака, какъ я уже сказалъ, основателя этого города и его дочери

Ванды, баснословной красавицы, которая, узнавъ, что ея красота влечетъ къ Кракову воинственныхъ сосѣдей, утопчилась въ Вислѣ, чтобъ не навлечь гибели на свою родину; благодарные Кракусы насыпали высокій холмъ надъ прахомъ этой героини.

Краковъ дѣлится на три части: собственно Краковъ, Страдомъ и предмѣстье Казимиръ, заселенное евреями, потому что, по старинной привилегіи, данной Кракову польскими королями, евреямъ запрещено было жить въ самомъ городѣ. но какъ торговыя выгоды привлекали ихъ въ Краковъ, то они селились по другую сторону Вислы, омывающей Краковъ, и вскорѣ составили особую часть города.

Подобныя привилегіи имѣютъ и другіе старинные польскіе города, напримѣръ Славковъ, Кѣльце, Севежъ, бывшая столица княжества Севежскаго или Сѣверскаго (*).

Въ сентябрѣ 1849 года Австрійское правительство разрѣшило однако жъ евреямъ селиться въ самомъ городѣ.

Весь Краковъ окруженъ бульварами. Къ сожалѣнію, этотъ прекрасный городъ сильно пострадалъ отъ пожара, а равно и его древній университетъ, построенный еще королемъ Владиславомъ Ягелломъ; но университетская бібліотека, къ счастью, почти вся спасена.

Республика Краковская, состоявшая изъ города Кракова и его округа съ двумя мѣстечками и нѣсколькими деревнями, получила самобытность, какъ извѣстно, на Вѣнскомъ конгрессѣ, въ 1815 году и существовала по 1846 г.; въ этомъ же послѣднемъ году она, съ согласія сосѣднихъ державъ, присоединена къ Австріи, потому что въ ней былъ постоян-

(*) Это княжество было *status in statu* въ Польшѣ; оно принадлежало примасу, т.-е. старшему архіепископу королевства. Примасъ былъ въ своемъ княжествѣ неограниченнымъ властелиномъ, имѣлъ право чеканить монету, казнить смертью и т. п. При Наполеонѣ княземъ Севежскимъ былъ генералъ Ланя.

Древніе жители этого княжества назывались Сѣверянами (Siewierianin). Не имѣютъ ли они соотношенія съ русскими Сѣверянами?

ный притонъ польскихъ мечтателей изъ Россіи, Австріи и Пруссіи, разсѣвавшихъ отсюда свои бредни.

Республика эта управлялась Сенатомъ, имѣла собственную серебряную монету, на которой изображался гербъ Краковскій: замокъ съ тремя башнями и посрединѣ польскій одноглавый орелъ. Войско ея состояло изъ 600 душъ земской милиціи.

Въ бытность нашу въ Краковѣ, тамъ, какъ и вообще въ Австріи въ то время, было очень мало звонкой монеты, но за то очень много австрійскихъ ассигнацій, въ одинъ (60 к. с.) и въ два (1 р. 20 коп. сер.) гульдена. Гульденовыя ассигнаціи рвались по поламъ, и каждая половинка ходила въ 30 к. сер.; эти половинки въ свою очередь раздирались на двѣ части, каждая въ 15 к. сер. Наши же солдаты довели это дѣленіе до безконечно малой величины, такъ, напримѣръ, одинъ изъ нихъ, потребовавъ на рынкѣ булку въ два крейцера (крейцеръ равенъ одной коп. сер.), оторвалъ частицу бумажки, по его мнѣнію, равную этой суммѣ, и ею заплатилъ за хлѣбъ, не слушая возраженій торговки о недѣйствительности подобнаго платежа.

II.

Нашъ чередъ, маршъ впередъ,
Выручите братью въ дѣлѣ!

(Слова егерскаго сигнала, означающаго резервъ!)

29 апрѣля, весь нашъ отрядъ, назначенный для присоединенія къ Австрійскому корпусу, бывшему подъ начальствомъ Барона Гейнау, собрался въ Краковѣ. Отрядъ нашъ состоялъ изъ 9-й пѣхотной дивизіи, за исключеніемъ Елецкаго пѣхотнаго полка, на мѣсто котораго поступилъ пѣхотный графа Дибича-Забалканскаго полкъ. Нашимъ отрядомъ командовалъ генералъ-лейтенантъ Панютинъ.

30 апрѣля, полкъ нашъ, при звукахъ военной музыки, двинулся по желѣзной дорогѣ чрезъ Прусскія владѣнія въ

Моравію. Во время переѣзда солдаты, одѣтые въ боевой амуниціи и каскахъ, размѣщены были въ открытыхъ вагонахъ, и какъ въ этихъ вагонахъ скамьи расположены были параллельно, то солдаты казались построеными повзводно, что во время ѣзды представляло несравненный видъ.

Въ Пруссіи мы проѣзжали города Глейвиць, Ратиборъ и Одербергъ.

Народъ тамошній, состоящій частью изъ Шлѣнзаковъ (Szlązacy), говорящихъ нарѣчіемъ польскаго языка, частью же изъ Нѣмцевъ, встрѣчалъ насъ дружелюбно.

Всѣ мы надѣялись, что пріѣдемъ прямо въ Вѣну; по этому очень изумились, когда, вслѣдствіе измѣненнаго плана военныхъ дѣйствій, мы оставили желѣзную дорогу близъ моравскаго города Градища (Hradisch), куда мы прибыли 1 мая.

Немедленно по прибытіи на мѣсто, весь нашъ отрядъ былъ распущенъ по деревнямъ на квартиры. Нашъ полковой и отрядный штабы остались въ Градищѣ и въ смѣжномъ съ нимъ г. Велеградѣ, а третій батальонъ нашего полка, въ которомъ, выражаясь слогомъ летописнымъ, находился и *азъ худый*, расположился въ деревнѣ Траплицѣ.

Велеградъ, бывшій некогда столицей Моравіи, при князьяхъ Святополкѣ и Коцелѣ, призвавшихъ Кирилла и Меѳодія, теперь незначительное мѣстечко. Кириллъ и Меѳодій почитаются патронами Моравіи; мощи послѣдняго почиваютъ въ Велеградѣ.

Замѣчательно, что въ Моравіи Кириллъ извѣстенъ еще подъ именемъ Церхоты, а Меѳодій—подъ именемъ Страхоты. Это, по моему мнѣнію, можетъ служить доказательствомъ славянскаго происхожденія этихъ святыхъ: извѣстно, что они уроженцы г. Солуня (Салоники), гдѣ и теперь еще живутъ Славяне, а также имя Страхота или Страхинья донинѣ употребительно у южныхъ Славянъ.

Въ календаряхъ моравскихъ и словацкихъ, какіе мнѣ случалось видѣть, латинскія и греческія имена замѣнены, по

большей части, однозначными славянскими именами, напримеръ: Дезидерій (Эразмъ) замѣненъ Людмиломъ (Ljdmil), Иларіонъ—Тихомиромъ и т. п.

Подобные примѣры, хотя рѣдко, встрѣчаются и у насъ: святыя мученицы Вѣра, Надежда и Любовь, дочери Софій, были Гречанки и имѣли греческія имена, означающія то же самое; кромѣ того, греческаго Леона зовуть у насъ Львомъ, а Федота Богданомъ.

Однакожь мы слишкомъ отвлеклись отъ главнаго предмета. На другой день по нашемъ прибытіи въ Моравію, нашъ батальонъ былъ переведенъ въ м. Густиновичи, гдѣ мы простояли до выхода изъ Моравіи. Моравцы принимали насъ очень радушно; солдатамъ не нужно было назначать квартиръ: — каждый хозяинъ самъ бралъ себѣ нѣсколькихъ солдатъ и такимъ образомъ весь батальонъ былъ размѣщенъ.

Если бы кто-нибудь просилъ меня указать идеаль благоденствующаго простаго народа, то я назвалъ бы Моравцевъ. Я нигдѣ не видалъ простаго народа, въ цѣлой массѣ, такъ хорошо живущаго, какъ они; нищихъ между ними почти не встрѣчается. Моравы живутъ въ большихъ рубленыхъ избахъ, — изъ сѣней входъ ведетъ въ просторную и опрятную комнату, чисто выбѣленную, съ перваго взгляда очень похожую на малорусскую хату; но, осмотрѣвшись внимательнѣе, можно замѣтить многія улучшенія. Окна гораздо больше и чище, потому-что хозяйка, каждый день, на сухо ихъ вытираетъ, а этого у нашихъ мужичковъ не водится; вдоль стѣнъ расположены лавки, надъ которыми, аршина на полтора въ высоту, стѣны обиты опрятными циновками, чтобъ сидящій могъ покойно опереться о стѣну, безъ опасенія вымарать себѣ спину. Подъ образами вся стѣна занята множествомъ глиняной, поливянной посуды, симметрически разставленной и развѣшенной.

Но главная причина чистоты и опрятности моравской избы заключается въ томъ, что кухня, со всею подобающею нечистотою, помѣщается особо; печь здѣсь, какъ и въ русскихъ жилищахъ, выступаетъ на пол-избы, но съ тою раз-

ницею, что заднею своею стороною, обыкновенно покрытою изразцами, она обращена къ вышеописанной комнатѣ, а от-верстіемъ, устьемъ или, какъ говорятъ малороссы, *че.юстями*, — къ стѣнѣ, отдѣляющей сѣни отъ избы, но отстоитъ отъ стѣны аршина на полтора; въ этомъ промежуткѣ и помѣщается кухня. Даже задній дворъ, это гнѣздо нечистоты у нашихъ мужичковъ, содержится здѣсь въ возможной опрятности; хлѣва довольно чисто вымазаны глиной и вокругъ всего двора устроены досчатый помостъ. При каждой избѣ есть садики, въ которыхъ цвѣтшія въ то время черешни напоминали мнѣ милую мою родину, Малороссію.

Народъ здѣсь очень трудолюбивъ. Всѣ жители умѣютъ читать и писать; книги ихъ печатаются готическими буквами. Литература ихъ, сколько я могъ узнать, очень бѣдна, какъ у всѣхъ народовъ, рано лишившихся своей самобытности. Языкъ Моравовъ есть нарѣчіе Чешскаго языка. Онъ такъ удобопонятенъ для русскихъ, что, чрезъ два дни по прибытіи въ Моравію, мы уже довольно легко объяснялись съ жителями.

Извѣстно, что по новѣйшимъ законамъ Австріи, каждому изъ народовъ, населяющихъ эту имперію, дано право защищать и поддерживать свою народность; по этому и здѣсь образовалось общество любителей народной литературы, имѣющее цѣлью распространять въ Моравіи просвѣщеніе на Моравскомъ языкѣ; въ школахъ и въ университетѣ, находящемся въ г. Брно (Brunn), столицѣ Моравіи, гдѣ прежде науки читались на нѣмецкомъ языкѣ, вводятъ теперь, по немногу, Моравскій. Въ Градищѣ выходитъ газета на народномъ языкѣ: *Моравске Новины*.

Мужчины здѣшніе рослый и красивый народъ, вслѣдствіе чего почти всѣ австрійскіе гренадерскіе полки, замѣняющіе тамъ гвардію, состоятъ изъ Моравовъ. Женщины же моравскія не могутъ похвалиться красотою; — во все время пребыванія въ Моравіи, я не видалъ ни одной, которую можно бы было назвать хорошенькой. Жители здѣшніе одѣваются почти также, какъ наши простолюдины; только

круглыя, съ низкимъ верхомъ и съ широкими загнутыми вверхъ полями, войлочные шляпы мужчинъ и нагольные бараны тулупы, съ краями, окрашенными синимъ или краснымъ цвѣтомъ, у женщинъ дѣлаютъ нарядъ ихъ нѣсколько своеобразнымъ.

Нельзя оставить безъ вниманія лошадей и повозокъ моравскихъ; лошади здѣсь у всѣхъ простолюдиновъ, — рослой мекленбургской породы, похожи на нашихъ ломовыхъ или извощичьихъ. Законъ запрещаетъ жителямъ Моравіи содер-жать жеребцовъ, а для развода существуютъ здѣсь, на счетъ особой подати, земскія конюшни, съ жеребцами хорошей породы.

Повозки здѣшнія на широкихъ ходахъ, чрезвычайно вы-соки, такъ что сидящаго въ ней челоѡвка со стороны не видно. Эти повозки суть первообразъ извѣстныхъ нейтычанокъ, получившихъ свое названіе отъ моравскаго города Нейтыча.

Можетъ быть, читающему эти строки страннымъ пока-жется, что я такъ распространился о Моравіи. На это отвѣчу, что я въ первый разъ въ жизни былъ внѣ моего любезнаго отечества, по этому здѣсь для меня все было ново, все обра-щало на себя мое вниманіе; а эти записки суть сводъ всего замѣчательнаго, что я видѣлъ или слышалъ въ Австріи.

13 маія, пригнали въ мѣстечко Густиновичи значитель-ное стадо венгерскихъ быковъ;—эти быки были вѣстниками на-шего скорого выступленія въ дальнѣйшій походъ, они должны были служить для нашего пропитанія. Впрочемъ эти быки и сами по себѣ были замѣчательны:—роста огромнаго, а рога про-сто страшные; — у многихъ между верхними концами роговъ было больше двухъ аршинъ разстоянія! Невѣрующій да спро-ситъ у бывшихъ въ Венгріи.

III.

«Стой» уж скажутъ барабаны,
 А не то, иди сто лѣтъ,
 Развѣ встрѣтишь океаны,
 Гдѣ забить досками свѣтъ.
 И тогда топчись на мѣстѣ
 До отбою. — Такъ ужъ братъ,
 Приписать ужъ можно чести,
 Натуральный ты солдатъ.

(Сказка Ива Мерлукича Щираго).

14-го мая, весь нашъ отрядъ остался въ г. Градищѣ. Прибывшій наканунѣ флигель-адъютантъ Е. И. Величества, полковникъ Герштенцвейхъ, привезъ намъ отъ нашего Великаго Монарха ободреніе для предстоящихъ трудовъ. Тутъ же на площади отслуженъ былъ молебень, и отрядъ, при буквально слезномъ провожаніи жителей (*), двинулся въ походъ.

Первый, встрѣтившійся намъ по дорогѣ, городъ былъ *Угерскій Бродъ*; онъ весь, подобно многимъ стариннымъ городамъ Венгріи, окруженъ каменною зубчатою стѣною.

Въ семи верстахъ отъ У. Брода мы переходили западную отрасль Карпатъ, называемую Мальми Бескидами. Гора, чрезъ которую мы переходили, очень выразительно названа была солдатами *Сопигорой*. Къ вечеру мы достигли своей цѣли, т.-е. деревни *Невицы*, гдѣ былъ назначенъ намъ ночлегъ. Хозяинъ мой, Моравъ, радушно принялъ меня, потчивалъ хорошимъ виномъ и вообще угостилъ превосходно; но едва успѣлъ я, послѣ обѣда, прилечь, чтобы немного отдохнуть послѣ труднаго перехода, какъ вдругъ услышалъ

(*) Замѣчательно свойство нашихъ солдатъ возбуждать къ себѣ сочувствіе не только жителей тѣхъ мѣстъ, гдѣ расположено войско, но даже непріятелей, тотчасъ по замиреніи. Не говорю уже о прежнихъ войнахъ, какъ напримѣръ въ 1814 году, когда изъ всехъ войскъ, бывшихъ въ Парижѣ, Французы благоволили къ однимъ Русскимъ; но замѣчу случай изъ нынѣшней войны: когда нашъ полкъ, послѣ сраженія при Темешварѣ, собралъ въ лѣсу разбѣгавшихъ венгерскихъ солдатъ, то не прошло и часа, какъ между ними и нашими солдатами породилась тѣснѣйшая дружба.

голосъ: *Ваше благородіе назначены съ ночной караулъ при артиллеріи.* Прощай, отдыхъ! нечего дѣлать, отправился, и провелъ такимъ образомъ первую ночь на бивакъ.

На слѣдующій день шли мы по довольно гористой мѣстности, и, помнится, въ этотъ день проходили незначительную деревушку Славковъ (по-нѣм. Austerlitz), замѣчательную битвой союзной Австрійско-Русской арміи съ Французами въ 1805 году. Славковъ принадлежитъ князьямъ Кауницъ. Ночлегъ имѣли мы въ деревнѣ *Страни*, лежащей на границѣ Венгріи съ Моравіей. Жители этой деревни, равно какъ и всей сѣверо-западной части Венгріи, состоятъ изъ Словаковъ.

Надо замѣтить, что чистые Венгры составляютъ не болѣе одной трети всего населенія Венгріи, по этому въ отношеніи населенія эту страну можно раздѣлить на пять частей. Въ Сѣверо-западной части Венгріи, какъ я уже сказалъ, живутъ, по большей части, *Словаки*; въ сѣверо-восточной—*Руссины* или *Русняки*, соплеменники нашимъ Малороссамъ; въ юго-западной—*Сербы* и *Хорваты*; а въ юго-восточной—*Валахи*. Венгры же сплошною массою занимаютъ средину королевства и кромѣ того разсыянно живутъ между другими племенами.

Земля, занимаемая одними Венграми, называется по-нѣмецки *Nock-Ungarn*, т.-е. сплошная Венгрія; ее можно опредѣлить, приблизительно, многоугольникомъ, котораго углы лежатъ у городовъ: Мышкольца, Надъ-Варада (*Gros-Wardein*), Сегедина, Пешта и Коморна. Въ другихъ частяхъ Венгріи Мадяры составляютъ дворянство и главную массу мѣщанъ; впрочемъ во многихъ мѣстахъ они попадаютъ деревнями.

Словаки не такъ опрятны и трудолюбивы, какъ Моравы; здѣсь часто встрѣчаются нищіе. Разнощики разныхъ лекарствъ и снадобій, расхаживающіе по Россіи и извѣстные подъ именемъ цесарцевъ, суть, по большей части, здѣшніе Словаки. Словаки раздѣляются на собственно Словаковъ, иначе называемыхъ Угерскими Славянами, и Сотаковъ. Центральнымъ пунктомъ поселеній первыхъ можно назвать г. *Нитру*, а послѣднихъ г. Шарошъ. Языкъ Словаковъ, называемый ими

славянскимъ, подходитъ очень къ польскому, въ немъ нѣтъ однакожь носовыхъ звуковъ; кромѣ того онъ отличается обиліемъ словъ, въ которыхъ сочetaются многія согласныя, напримѣръ: *Чтврть* четверть, *стрешня* черешня. Нарѣчіе Сотаковъ ближе подходитъ къ Малорусскому.

Въ деревнѣ Страни узнали мы, что Гиргей съ своимъ войскомъ находится близъ города Тренчина, т.-е. очень не въ дальнемъ отъ насъ разстояніи, по этому мы стали со дня на день ожидать сраженія.

Въ Венгріи первый ночлегъ имѣли мы въ небольшомъ, но опрятномъ городкѣ Нейштадтѣ, при вступленіи въ который, съ музыкой, встрѣтилъ насъ австрійскій генераль Яблоновскій. Надо признаться, что въ австрійскихъ полкахъ музыка гораздо лучше, чѣмъ въ нашихъ; это зависитъ отъ хорошихъ капельмейстеровъ, получающихъ образованіе въ Пражской консерваторіи, у насъ же подобныхъ капельмейстеровъ не всегда возможно имѣть. Австрійскій барабанный бой для непривычнаго слуха кажется очень рѣдкимъ; онъ приноровленъ къ медленной, чисто нѣмецкой походкѣ австрійскихъ солдатъ. Потомъ проходили мы деревню *Тржеблице*, г. *Тирнау*, одинъ изъ важнѣйшихъ городовъ въ Венгріи по торговлѣ; о немъ я не могу ничего сказать, потому что мы останавливались въ немъ не болѣе двухъ часовъ; потомъ дд. *Шарфи*, *Лоншиць*, г. *Вартбергъ* (по-слов. Сѣнецъ, по венг. *Söncz*). Жители всѣхъ пройденныхъ нами мѣстъ до самаго Вартберга были Словаки и встрѣчали насъ привѣтливо; въ Вартбергѣ же впервые встрѣтили мы нерасположеніе жителей, потому что главное населеніе этого города составляютъ Венгры.

23 мая, въ 10 ч. утра, пришли мы къ г. Пресбургу и расположились близъ него бивакомъ. Вскорѣ прибылъ австрійскій генераль фельдцейхмейстеръ, баронъ Гейнау, подъ главное начальство котораго поступалъ нашъ отрядъ. Для Гейнау сдѣманъ былъ парадъ, при большомъ стеченіи жителей. Ночевали на томъ же мѣстѣ, гдѣ былъ парадъ. На слѣдующій день отрядъ былъ переведенъ на другой бивакъ, за семь верстъ отъ Пресбурга, на островъ р. Дуная, Шюттъ,

гдѣ расположился близъ д. Оберъ-Уферна. Этотъ бивакъ былъ едва ли не самый лучший за цѣлую Венгерскую компанію. Всѣмъ розданы были палатки, и какъ все бивачное мѣсто было окружено лѣсомъ, то почти всѣ офицеры устроили себѣ по два жилища: ночное—палатка и дневное—шалашъ въ лѣсу; а къ довершенію удовольствія, шагахъ въ трехъ широкой Дунай, въ которомъ мы ежедневно купались. Отдохнувши дня два отъ похода, я отправился осматривать городъ. Пресбургъ, вторая венгерская столица, въ которой австрійскіе императоры коронуются венгерскою короною, лежитъ на правомъ берегу Дуная, у подошвы довольно крутой горы. Жители его, кромѣ Венгровъ, состоятъ изъ Нѣмцевъ и Словаковъ.

Городъ этотъ чрезмѣрно растянутъ, и какъ въ немъ, по крайней мѣрѣ при насъ, не было замѣтно движенія и жизни, свойственныхъ большимъ городамъ, то онъ показался мнѣ очень пустыннымъ и скучнымъ. Въ Пресбургѣ есть университетъ, въ которомъ науки преподаются на Венгерскомъ языкѣ.

Отсюда проведена въ Пештъ желѣзная дорога и кромѣ того двѣ желѣзныхъ въ Вѣну и въ Тирнау. Пресбургъ называется по-словацки Бржетислава, а по-венгерски Пожокъ.

Вообще, въ Венгріи большая часть городовъ имѣютъ по два и даже по три названія, чему въ примѣръ, кромѣ упомянутыхъ Вартберга и Пресбурга, могутъ служить еще: Офенъ по-венгерски, а по-сербски Буда; Эперьешъ по-словацки Прешовъ; Бартфельдъ по-венгерски Бартфальва, а по-словацки Бардіовъ, и многіе другіе.

26 мая, общество австрійскихъ офицеровъ дѣлало обѣдъ нашимъ офицерамъ; на этомъ обѣдѣ я имѣлъ удовольствіе въ первый разъ увидѣть славнаго генерала Шлика, пользовавшагося большою народностью въ австрійской арміи. Въ началѣ 1812 года, когда Австрія вынуждена была Наполеономъ начать враждебныя дѣйствія противъ Русскихъ, Шликъ въ одной стычкѣ съ казаками лишился глаза, вслѣдствіе чего онъ говорилъ, что очень благодаренъ казакамъ, что они хотя другою глазомъ оставили невредимымъ, почему онъ могъ ви-

дѣть, а слѣдовательно и поражать враговъ своего отечества. Графъ Шликъ происходитъ отъ стариннаго Чешскаго дома.

28 мая, въ нашемъ отрядѣ появилась холера, вслѣдствіе чего мы были переведены на квартиры въ селенія, лежащія на возвышенностяхъ, окружающихъ городъ Пресбургъ; а именно, нашъ отрядъ занялъ деревни Ратисдорфъ и Гренау и мѣстечки Безингъ и Свати-Юрошъ. Нашъ полкъ расположился въ деревнѣ Гренау. Здѣсь впервые увидалъ я виноградники; они всегда расположены на скатахъ, обращенныхъ къ полудню, и издали похожи на плантаціи хмѣля, такъ что этотъ послѣдній не даромъ названъ солдатскимъ виноградомъ. Какъ много возни около винограда, можно заключить изъ того, что землю подъ него необходимо ежегодно разрыхлять въ глубь на цѣлый аршинъ, кромѣ того около него есть еще другія хлопоты, какъ-то: пересадка, подрѣзка прутьевъ и т. п.; изъ чего слѣдуетъ, что сладкій виноградъ не дешево достается жителямъ его. Впрочемъ, не даромъ же существуетъ русская пословица: умѣй кататься, умѣй и саночки возить. Мѣстечко Безингъ имѣетъ свою особенность: въ немъ всѣ улицы запираются на ночь воротами, что, я думаю, не слишкомъ нравится тамошнимъ ворами и гулякамъ.

Мнѣ нужно было въ этомъ мѣстечкѣ купить себѣ трубку, но въ цѣломъ городѣ я не нашелъ простой стамбулки, потому что всѣ Венгры курятъ изъ глубокихъ и узкихъ трубокъ, сдѣланныхъ изъ глины или дерева. Табакъ для этихъ трубокъ крошится особеннымъ образомъ, не продолговатыми полосками, какъ у насъ, но квадратными кусочками, отъ чего съ виду бываетъ похожъ на гречишную шелуху. Всѣ сорта венгерскаго табаку не привыкшимъ къ нему не нравятся: — въ немъ такъ много сѣры, что въ трубкѣ часто вспыхиваетъ голубой огонекъ, а при втягиваніи дыма его сильно деретъ горло.

Во все время пребыванія нашего въ Гренау, всѣхъ насъ сильно занимала мысль побывать въ Вѣнѣ, отстоявшей отъ туда всего на три часа ѣзды по желѣзной дорогѣ, проходящей близъ Гренау; но мы ежеминутно ожидали выступленія и никто изъ насъ не былъ въ Вѣнѣ. 6-го іюня, весь

отрядъ собрался въ мѣстечкѣ Сенець, гдѣ къ намъ присоединились два эскадрона австрійскихъ уланы. Австрійскіе уланы, въ силу кантонной системы, состоятъ изъ Поляковъ, и только въ случаѣ крайности комплектуются Чехами.

Кантонная система, о которой я упомянулъ, заключается въ томъ, что каждое племя поставляетъ рекрутъ постоянно въ одинъ и тотъ же родъ войска. Такимъ образомъ, артиллерія и кирасиры состоятъ изъ Чеховъ; уланы изъ Поляковъ; чиваллеры (*chevalerie legère*), т.-е. драгуны (которыхъ, по одеждѣ ихъ, наши солдаты довольно удачно прозвали аистами) изъ Итальянцевъ и Русняковъ; гренадеры, какъ я уже сказалъ, изъ Моравцевъ; гусары изъ Венгровъ и Хорватовъ; пѣхота изъ Русняковъ, Словаковъ и Молдаванъ; матросы изъ Далматовъ. Сербы и Кроаты составляютъ, по большой части, граничарскіе полки. Граничары или шерезжане, играющіе въ Австріи роль нашихъ казаковъ, въ мирное время содержатъ караулы и вообще несутъ форпостную и карантинную службу на турецкой границѣ. Земли, ими населеныя, носятъ названіе военной границы. Они также, какъ и наши казаки, не могутъ выйти изъ своего званія. Нѣмцы же размѣщаются по всемъ родамъ войскъ. Стрѣлковыя батальоны состоятъ изъ Тирольтцевъ. Въ каждомъ корпусѣ находится по одной ротѣ фельдшерскихъ помощниковъ (*Sanität Kompanie*), которыхъ наши солдаты называли гробокопателями. Обязанность ихъ состоитъ въ подаваніи первой помощи раненымъ и хожденіи за больными. Роты эти наполняются людьми изъ всехъ племенъ, населяющихъ Австрію, дабы умирающій на полѣ брани солдатъ, къ какому племени ни принадлежалъ бы онъ, всегда нашелъ земляка, которому могъ бы передать свою послѣднюю волю. Одежда этихъ солдатъ, довольно красивая, состоитъ изъ голубыхъ казаккиновъ, перетянутыхъ черными кожаными поясами, и кшеровъ, подобныхъ нашимъ флотскимъ; съ боку на поясахъ висятъ сумки съ разными фельдшерскими принадлежностями. Офицеры во всехъ родахъ войскъ, по большой части, Нѣмцы.

Въ австрійской кавалеріи, по причинѣ дороговизны

лошадей, не наблюдается, чтобы лошади въ полку были одной масти, какъ у насъ; по этому кавалерійскій строй у нихъ очень пестрый, попадаются даже пѣгія лошади.

Въ Вардбергъ фельдцейхмейстеръ Гейнау отдалъ по нашему отряду первый свой приказъ, которымъ ободрялъ нашихъ солдатъ на предстоящіе труды, напоминая, что въ это самое время Суворовъ побѣждалъ Французовъ въ Италіи и т. п.

Здѣсь же въ первый разъ увидали мы пленныхъ Венгровъ и отнятыя у нихъ орудія.

8 іюня, по приказанію главнокомандующаго союзной арміи, отрядъ въ три часа утра выступилъ въ мѣстечко Діосегъ, чтобы служить подкрѣпленіемъ корпусу Вольгемута, сильно тѣснимому Венграми.—Въ Діосегъ прибыли мы около полудня, и едва успѣли расположиться по квартирамъ, какъ насъ вновь подняли. Котлы съ кашей для солдатъ только-что были поставлены на огонь, когда отряду вѣрно было выступать. Ротные командиры были въ затрудненіи, что имъ дѣлать:—сырую кашу солдаты ѣсть не стали бы, да и некогда было; а вылить ее, такъ нечего было бы ѣсть по приходѣ на позицію; но при этомъ случаѣ помогла опытность генерала Сѣмякина:—онъ приказалъ котлы съ кашей поставить на тельги, а чтобы каша не расплескалась, положить въ котлы чистыхъ щепокъ. По прибытіи на позицію, каша, разумѣется, была доварена и съедена.

Проскакавшій мимо насъ, во время похода, офицеръ генеральнаго штаба объявилъ, что часа черезъ два будетъ сраженіе. *Слава Тебѣ Господи! Дождались таки сраженія*, говорили радостно солдаты. Но въ этотъ день сраженія еще не было; мы пришли къ деревнѣ Гидасъ-Кюртъ, гдѣ и ночевали. За этой деревней въ верстѣ расположены были Венгры. Во время этого перехода мы встрѣтили подводы съ ранеными Австрійцами. Признаюсь, въ ожиданіи сраженія, видъ искалеченнаго человечества произвелъ на всѣхъ насъ не очень пріятное, илѣ, лучше сказать, очень непріятное впечатлѣніе.

*

IV.

За Царя и Русь святую
Уничтожимъ мы любую
Рать враговъ,

(Слова егерскаго сигнала, означающаго наступленіе).

9-го іюня подняли насъ позже обыкновеннаго, т.-е. часовъ въ семь. Я совершенно забылъ, что въ этотъ день должно произойти сраженіе, по этому очень былъ изумленъ командою: къ *антакъ*, въ колонну стройся! Но дѣло объяснилось, когда, пройдя Гидасъ-Кюртъ, мы вышли на обширный лугъ, простирающійся за этой деревней верстъ на пять; здѣсь весь нашъ отрядъ построился въ боевой порядокъ. Когда всѣ батальоны и батареи заняли свои мѣста, полки грозно, медленно, какъ тучи, стали наступать. Вдругъ на лѣвомъ флангѣ нашемъ, гдѣ находился Сѣвскій полкъ, раздался выстрѣлъ; взвилась граната и высоко надъ землею съ протяжнымъ звономъ лопнула, оставивъ послѣ себя густое бѣлое облачко; вслѣдъ за тѣмъ другой выстрѣлъ, потомъ третій и такъ далѣе начали раздаваться постепенно чаще и чаще, а вмѣстѣ съ тѣмъ ближе къ нашему батальону, который, какъ третій батальонъ третьяго полка дивизіи, стоялъ на самомъ правомъ флангѣ. Наконецъ, и мы изъ зрителей обратились въ дѣйствующія лица: выстрѣлы стали направляться и на насъ; наши артиллеристы на венгерскія привѣтствія отвѣчали тѣмъ же, и завязался жаркій артиллерійскій бой.

Во время самой сильной перестрѣлки, люди наши, за исключеніемъ развѣ самыхъ молодыхъ рекрутъ, стояли какъ вкопанные; слышны были только шепотомъ читаемыя молитвы, да иной разъ, при раздавшемся звукѣ, подобномъ отрывистому удару по подушкѣ, означавшемъ, что ядро попало въ человѣка, всѣ набожно крестились, приговаривая: царство небесное, вѣчный покой!

Жалко было смотрѣть на артиллерійскихъ лошадей. Понутивъ головы, они стояли невѣроятно покойно, и только слыша жужжащее надъ собою ядро, они вздрагивали всѣмъ тѣломъ и дѣлали движеніе, какъ бы желая присѣсть.

Я, какъ младшій, въ то время, въ батальонъ офицеръ, стоялъ въ замкѣ за пятымъ взводомъ; слышу, стоявшій близъ меня унтеръ-офицеръ говоритъ: *ваше благородіе, вонъ Кошуты!* Надо замѣтить, что наши солдаты называли Венгровъ *Кошутами*, а все венгерское *кошутскимъ*. Посмотрѣлъ я вправо, куда указывалъ мнѣ унтеръ-офицеръ, и увидалъ темныя толпы, выходившія изъ лежавшей противъ насъ деревни Кирали-Ревъ. Ружья ихъ ярко блистали въ лучахъ утренняго солнца, — это была венгерская пѣхота; вслѣдъ за ней появились и гусары, только что вытѣснившіе изъ Кирали-Ревъ Австрійцевъ, занявшихъ ужь было эту деревню.

Одинъ эскадронъ гусаръ понесся прямо на нашъ батальонъ, но собранные возлѣ батальона штуцерники дали по немъ залпъ и обратили вспять.

Подвигаясь по немногу впередъ, пробыли мы подъ неприятельскимъ огнемъ — часовъ до двухъ по полудни. Городъ Передъ или Середъ, въ которомъ былъ центръ венгерской арміи, началъ горѣть, а неприятель отступать. Нашему батальону приказано атаковать Кирали-Ревъ, при помощи шести орудій. Жаръ былъ страшный, а тутъ надо было идти по полю въ пшеницѣ. Венгры, подпустивъ насъ къ деревнѣ на пушечный выстрѣлъ, привѣтствовали залпомъ двѣнадцати орудій; наши артиллеристы отвѣтили тѣмъ же, и снова началась перестрѣлка: но съ шестью орудіями противъ двѣнадцати, выставленныхъ противъ насъ Венграми, трудно было ладить; мы съ трудомъ держались на позиціи, пока Венгры, сильно тѣсняемые остальными войсками, не отступили. Съ нами былъ эскадронъ австрійскихъ кирасиръ, которые, не смотря на сильную пальбу, стояли также покойно, какъ на парадѣ. Вслѣдъ за Венграми и мы вступили въ Кирали-Ревъ.

Тутъ-то смерть представилась намъ во всевозможныхъ видахъ. Австрійцы, подъ начальствомъ Герцингера, занявшіе было Кирали-Ревъ, поставили ружья, разошлись по дворахъ; но когда вся венгерская армія, тѣсняемая остальными войсками, направилась на эту деревню къ находящемуся близъ нея мосту черезъ рѣку Ваагу, то разбѣянные

Австрійцы были переловлены и перебиты венгерскими солдатами.

Въ Кирали-Ревъ, по окончаніи сраженія, собрался весь нашъ полкъ; и когда все были распущены, то начались освѣдомленія о товарищахъ, бывшихъ въ другихъ батальонахъ. Самый сильный уронъ въ людяхъ понесъ нашъ батальонъ.

Состояніе челоука, только-что бывшаго въ сраженіи, можно сравнить съ состояніемъ ученика, только-что выдержавшаго трудный экзамень изъ предмета, на который онъ не надѣялся, но отъ котораго зависѣла судьба его, оставаться ли въ томъ же классѣ на другой годъ, или перейти въ слѣдующій. Весело у него на душѣ, все ему улыбается; и онъ не думаетъ о другихъ предстоящихъ ему трудныхъ экзаменахъ, а доволенъ настоящей минутой. Такъ точно и воинъ, послѣ оконченнаго сраженія, находится въ самомъ лучшемъ расположеніи духа: онъ не думаетъ, что завтра же можетъ быть другое сраженіе, въ которомъ ядро размозжитъ ему черепъ; онъ радуется, что видѣлъ вокругъ себя тысячу смертей, но остался живъ и наслаждается своею жизнью.

Достойна вниманія черта религіозности нашихъ солдатъ: — въ этой деревнѣ была католическая церковь, ограбленная Австрійцами; наши солдаты, приходившіе въ нее молиться, клали на олтарь деньги. Священникъ тамошній былъ чрезвычайно этимъ изумленъ и говорилъ, что онъ никогда не ожидалъ этого отъ русскихъ, потому что не только Австрійцы, но даже Венгры грабили свои собственныя церкви, гдѣ была возможность.

Простоявъ двое сутокъ въ Кирали-Ревъ, 11 іюня мы выступили изъ нее по дорогѣ въ Пресбургъ.

Потомъ проходили мы д. Фельджи-Селли; когда артиллерія наша вступила въ нее, то вдругъ загорѣлась эта деревня съ подвѣтренной стороны. Посланные, для потушенія пожара, солдаты нашли въ загорѣвшейся избѣ боченокъ пороху. По розысканіи оказалось, что съ-вѣдома всѣхъ жителей, заранѣе вынесшихъ свои пожитки, венгерскіе агенты намѣрены были произвести пожаръ, при вступленіи нашихъ

войскъ въ деревню, чтобы уничтожить нашу артиллерию. Жители были увѣрены, что мы не иначе будемъ проходить ихъ деревню, какъ разбитые, преслѣдуемые Венграми. Виновниковъ пожара схватили и въ Пресбургъ сдали Австрійцамъ, которые всѣхъ ихъ перевѣшали. Фельджи-Селли, по уходѣ нашемъ, была сожжена Австрійцами.

Жители дальше встрѣчавшихся намъ деревень выходили къ намъ на-встрѣчу съ бѣлыми флагами, знаменемъ мира, и привѣтствовали насъ хлѣбомъ и солью. Пройдя еще разъ чрезъ Вардбергъ, мы ночевали въ д. Маджаръ-Бель и Неметь-Бель. Приблизясь къ деревнѣ, гдѣ былъ назначенъ ночлегъ, 3 и 4 батальоны нашего полка начали стрѣлять для разряжанія ружей, что въ Неметь-Бель произвело страшную суматоху: наши кашевары и квартирьеры, прибывшіе раньше на мѣсто, вообразили, что на насъ напали Венгры, и что передъ деревней происходитъ сраженіе. Жители тотчасъ разбѣжались, куда глаза глядятъ, но кашевары рѣшились защищаться: изъ ротныхъ тельгъ и котловъ устроили баррикады, и успокоились не прежде, какъ услышавъ родную пѣсню, которую грянули наши пѣсенники, вступая въ деревню.

13 іюня, отрядъ въ полной парадной формѣ вступилъ въ Пресбургъ, и, пройдя его, остановился бивакомъ на другой сторонѣ Дуная. Здѣсь вторично прибылъ къ намъ флигель-адъютантъ и отъ имени Его Величества поздравлялъ съ одержанной побѣдой.

14 іюня пришли мы въ д. Регенсдорфъ и какъ бы для утвержденія въ нашей памяти названія этой деревни (Регенсдорфъ — дождевая деревня), пошелъ проливной дождь, и мы остановились бивакомъ въ сильной грязи.

На этой столпкѣ мы въ первый разъ увидѣли Австрійскаго Императора, проѣзжавшаго чрезъ нашъ бивакъ. Описывать наружность его нѣтъ надобности: она всякому болѣе или менѣе извѣстна изъ гравюръ. Одѣтъ онъ былъ въ голубомъ генеральскомъ сюртукѣ безъ эпюлетъ и въ треугольной шляпѣ съ зеленымъ перомъ; въ такой же формѣ видѣлъ я его впоследствии нѣсколько разъ. Солдатамъ нашимъ

очень понравилось, что онъ привѣтствовалъ ихъ по-русски: *здорово, ребята!*

Черезъ нашъ бивакъ проходила сотня шержанъ или граничаръ, составлявшихъ почетный конвой Гейнау. Шержане этой сотни состояли изъ Кроатовъ; сами себя они называютъ *Крайци*, т.-е. жители края, подобно нашимъ Украинцамъ; а Нѣмцы передѣляли это имя въ Кроатовъ, равно какъ и ихъ страну Крайну передѣляли въ Кроацію.

Граничары вообще рослый и стройный народъ, одѣты въ синія куртки съ такими же шальварами; на головахъ носятъ красныя фески съ длинными черными кистями; плащи также изъ краснаго сукна, сзади пришиты капюшоны, во время дождя надѣваемые на голову. Вооруженіе ихъ состоитъ изъ штуцера съ широкимъ двуострымъ штыкомъ, замѣняющимъ въ случаѣ нужды кинжалъ, и пары пистолетовъ, заткнутыхъ за широкій кожаный поясъ. Сражаются пѣшіе; дерутся храбро; къ своему свѣтлому бану питаютъ слѣпую привязанность, доходящую до обожанія. По преобладающему въ одеждѣ ихъ красному цвѣту, наши солдаты тотчасъ же окрестили ихъ *раками*.

15 іюня, въ городъ Альтенбургъ, проходили мы церемоніальнымъ маршемъ мимо Австрійскаго Императора. На слѣдующій день мы имѣли бивакъ у деревни Лейденъ. Здѣсь проходили черезъ нашъ бивакъ Австрійцы одного съ нами отряда; оба союзныя войска привѣтствовали другъ друга. Наши солдаты кричали ура, а Австрійцы, особенно кирасиры, состоявшіе изъ Чеховъ, пришли въ большой восторгъ и, поднявъ вверхъ руки, кричали: *вивать кам-раа-ци!*

Австрійцы начали сраженіе съ Венграми, укряпившимися подъ начальствомъ Клапки, при г. Раабъ. Мы оставались въ резервъ; но отрядъ нашъ нѣсколько разъ подымали, смотря по ходу сраженія; дѣло впрочемъ обошлось безъ насъ. Послѣ непродолжительной битвы, Раабъ былъ взятъ, а Венгры отступили къ Коморну.

17 числа проходили мы г. Раабъ. Онъ довольно большой и торговый городъ, окруженъ каменною стѣною.

18 іюня, пришли мы къ д. Линдъ, гдѣ имѣли дневку;

здѣсь двое сутокъ мочилъ насъ проливной дождь. почему этотъ бивакъ остался въ солдатской памяти подъ названіемъ *мокраго*.

19 іюня, мы цѣлые сутки слушали выстрѣлы Австрійцевъ, сражавшихся съ Венграми подъ д. Эчью. На слѣдующій день мы направились къ Коморну, гдѣ Австрійцы начали уже сраженіе, колебавшееся до нашего прихода; но когда нашъ отрядъ съ свѣжими силами принялъ участіе въ сраженіи, то Венгры, не въ силахъ будучи держаться, начали быстро отступать къ Коморну. Баронъ Гейнау, надѣясь съ одними Австрійцами кончить сраженіе, приказалъ генералу Панютину отвести не много назадъ нашъ отрядъ, дабы люди наши могли отобѣдать и отдохнуть отъ похода. Но едва мы успѣли поставить ружья, какъ Венгры уже замѣтили наше отсутствіе и въ свою очередь начали тѣснить Австрійцевъ; особенно жарко пришлось отряду генерала Бенедека, который, увлекшись наступленіемъ, неосторожно приблизился къ Коморну. Онъ былъ обойденъ Венграми съ тыла, и попалъ подъ перекрестный огонь крѣпостныхъ орудій съ одной стороны и полевой Венгерской артиллеріи съ другой. При этомъ случай самъ Бенедекъ былъ легко контуженъ. Нашъ отрядъ вмигъ поднялся и поспѣлъ на мѣсто сраженія, какъ разъ во-время для спасенія Австрійцевъ. Когда подошли мы къ краю возвышенности, господствующей надъ долиною, въ которой происходила битва, то намъ представился единственный въ своемъ родѣ случай видѣть битву конницы. Передъ нашимъ приходомъ венгерскіе гусары, пользуясь своимъ численнымъ превосходствомъ, окружили цѣлый эскадронъ австрійскихъ уланъ, и, послѣ непродолжительной битвы, взяли этотъ эскадронъ цѣликомъ въ плѣнъ; нашъ батальонъ явился на упомянутой возвышенности какъ разъ въ тотъ мигъ, когда гусары собирались вести уланъ къ кр. Коморну. Увидя это, генералъ Смякинъ приказалъ бывшимъ при нашемъ батальонѣ четыремъ орудіямъ стрѣлять прямо въ эту толпу, не разбирая въ кого попадетъ: — отъ перваго залпа гусары смѣшались съ уланами и начали вновь рубиться; но послѣ втораго залпа гусары отступили къ Коморну, а уланы къ

своему отряду. По окончаніи сраженія, мы провели ночь на томъ мѣстѣ, гдѣ сражались. Цель этого сраженія мнѣ неизвѣстна; кажется, что это была рекогносцировка, для узнавiя силъ непріятеля, засѣвшего въ Коморнѣ.

21 іюня, отрядъ расположился у д. Бобольны, въ трехъ верстахъ отъ кр. Коморна. Здѣсь мы оставались три дня. Близъ этой деревни находился казенный конскій заводъ, въ которомъ было до 2000 лошадей; но при насъ оставались однѣ пустыя конюшни: всѣ лошади были уведены Венграми.

Здѣсь же былъ устроенъ складъ провіанта и фуража для войскъ. Слышалъ я довольно забавный анекдотъ, за достовѣрность котораго однакожь не ручаюсь: — говорили, будто Венгры, переодѣвшись Австрійцами и запасшись потребными бумагами, прибыли съ подводами въ Бобольну, и набравъ тамъ на два полка провіанта и фуража, возвращались во-свояси, были пропущены чрезъ цѣпь, и только, случайно встрѣтившись съ разъѣздомъ, были задержаны.

24 іюня, нашъ отрядъ перешелъ на новую позицію при д. д. Надъ-Игмандъ и Кишь-Игмандъ.

25 іюня, былъ молебень, по случаю дня рожденія Его Императорскаго Величества. Въ этотъ же день пришлось нашей ротѣ стоять на форпостахъ. Вся линія форпостовъ была раздѣлена на двѣ части: въ одной части цѣпь содержали Австрійцы, а въ другой мы, т.-е. Брянскій полкъ. Въ очередь шли обыкновенно двѣ роты, изъ которыхъ одна занимала цѣпь днемъ, а другая ночью. Нашей ротѣ досталось стоять ночью, и мы цѣлую ночь слушали перепеловъ (соловьевъ, къ-сожалѣнію, не случилось); но эти филармоническія упражненія нерѣдко были прерываемы пистолетными выстрѣлами и восклицаніями въ родѣ: *Осакраментъ! Бассамъ Терремъ Уеттемъ!* что означало встрѣчу австрійскаго разъѣзда съ венгерскимъ.

На другой день, отдыхая въ своемъ шалапѣ, я слышалъ только солдатъ о Коморнѣ; одинъ изъ нихъ передавалъ своимъ товарищамъ свѣдѣнія о Коморнѣ, полученныя имъ отъ какого-то Австрійца: «вишь ты», говорилъ онъ, «Австріякъ мнѣ рассказывалъ, что тамъ два *хвастуна* (Festung — крѣпость),

одинъ старый хвастунъ съ одной стороны, а другой новый хвастунъ съ другой, а по срединѣ городъ.» Дѣйствительно, Коморнъ защищенъ съ одной стороны старинными укрѣпленіями, а съ другой новыми. Но не укрѣпленія дѣлають Коморнъ неприступнымъ, а его положеніе. Крѣпость эта лежитъ при впаденіи Вааги въ Дунай, и эти рѣки съ двухъ сторонъ служатъ ему рвами, а съ третьей стороны онъ защищенъ непроходимымъ болотомъ; черезъ Дунай и Ваагу перекинута подъемные мосты.

Разскащикъ о Коморнѣ былъ прерванъ десяточнымъ ефрейторомъ, позвавшимъ его для полученія провіанта, въ доставленіи котораго Австрійцы были довольно точны. Въмѣсто сухарей намъ раздавали плацки, т.-е. плоскіе сухіе хлѣбцы, офицерамъ изъ пшеничной, а нижнимъ чинамъ изъ ржаной муки. Кромѣ хлѣба Австрійцы отпускали, какъ нижнимъ чинамъ, такъ равно и офицерамъ, мясо, соль, крупу, водку, а гдѣ эту послѣднюю трудно было достать, тамъ вмѣсто ея отпускали вино и уксусъ, для примѣшиванія къ водѣ, если случалось, что она негодна была для питья.

V.

Подъемъ ударилъ барабанъ,
Гремитъ музыка полковая.
Между колоннами въѣзжая,
Грохочутъ пушки. Генераль
Впередъ со свитой проскакалъ.

(М. Лермонтовъ.)

Въ полдень 29 числа іюня, едва люди успѣли отобѣдать, какъ въ той сторонѣ, гдѣ расположена цѣпь, раздались нѣсколько ружейныхъ выстрѣловъ; все засуетилось; когда же выстрѣлы прекратились, солдаты опять успокоились, рѣшивъ, что это Австрійцы, возвращающіеся съ форпостовъ, разряжаютъ свои ружья. Но вторично раздавшіеся ружейные, а вслѣдъ за ними пушечные выстрѣлы разувѣрили въ этомъ мнѣніи всѣхъ.

Грянула тревога, потомъ сборъ. Генераль Смякинъ скомандовалъ *маршъ*, и мы двинулись по тому направленію,

откуда слышны были выстрѣлы. Надо замѣтить, что австрійская позиція была влѣвъ отъ насъ и немного впереди, такъ что намъ надо было идти правымъ плечемъ впередъ; когда мы стали подходить къ мѣсту сраженія, то выстрѣлы раздавались такъ часто, что ихъ отголоски можно было принять за бой оркестра огромныхъ барабановъ, въ которомъ роль турецкихъ барабановъ исполняли пушки. Едва нашъ батальонъ показался изъ лѣска, отдѣлявшаго нашу позицію отъ австрійской, какъ эскадронъ венгерскихъ гусаръ понесся на него; но, встрѣченные дружнымъ залпомъ заблаговременно собравшихся штуцерниковъ, гусары должны были поворотить немного назадъ и метнулись вправо, — тамъ опять наткнулись на четвертый батальонъ нашего полка и на орудія седьмой батареи; потерявъ нѣсколько человекъ, они ни съ чѣмъ возвратились къ своимъ. Такъ какъ нашъ отрядъ появился у Венгровъ противъ лѣваго фланга, то они, поставленные между двухъ огней, не могли долго держаться и начали быстро отступать; при отступленіи не успѣвали, какъ слѣдуетъ, наводить свои орудія, почему уронъ съ нашей стороны былъ самый незначительный. Сраженіе длилось до сумерокъ.

Вылазку эту сдѣлалъ Гиргей, чтобы скрыть свое выступленіе изъ Коморна. Того же дня вечеромъ онъ выступилъ по направленію къ Вайцену.

Въ этомъ сраженіи съ однимъ изъ нашихъ офицеровъ была охотничья собака, которая, видя рикошетирующія, на излетѣ, ядра, вообразила, что это мячи и принялась усердно ихъ ловить; но справедлива пословица «гонимся за бѣдой, она уходитъ прочь»: собака не схватила ни одного ядра, или, вѣрнѣе сказать, ни одно ядро не хватило ее.

Въ тотъ день взято было въ плѣнъ нѣсколько венгерскихъ артиллеристовъ и пѣхотинцевъ. Первые были одѣты въ коричневые казакины, съ красными шнурками на груди и по швамъ, а вторые—въ голубые и темно-сѣрые казакины, также обшитые шнурками. Кромѣ того были еще стрѣлки; эти въ зеленыхъ казакинахъ съ бѣлыми шнурками, и были вооружены штуцерами. Венгерскіе гусары формою одежды мало отличаются отъ нашихъ; сѣдла ихъ покрыты черными бараньими мѣхами.

30 числа, отрядъ перемѣнилъ позицію и расположился на возвышенности въ виду Коморна. Нашему полку пришлось стоять на нивѣ, засѣянной пшеницей; къ вечеру не видно было ни одного колоска: все пошло на дѣланіе шалашей; а что осталось, то было вытоптано такъ, что дня черезъ два трудно было даже догадаться, что на этомъ мѣстѣ росъ хлѣбъ. Солдаты наши научились дѣлать шалаша чрезвычайно искусно: изъ какихъ-нибудь трехъ четырехъ кольевъ и соломы, а гдѣ можно было достать, изъ вѣтвей, строили такъ прочно, что дождь не проникалъ.

Впрочемъ, иной разъ случалось спать и въ такомъ шалашѣ, что невольно приходилъ въ голову анекдотъ о цыганѣ, который, будучи застигнутъ среди поля выюгою, накрылся сѣткой, и, просовывая палецъ въ дырочку, говорилъ: ухъ! какъ тамъ холодно! На этой стоянкѣ случилось мнѣ видѣть особаго рода бѣдствіе, а именно—полевой пожаръ. Одинъ Австріецъ, варившій что-то, развелъ близъ кукурузной нивы довольно большой огонь; ближайшіе къ огню стебли отъ жара высохли, загорѣлись, и огонь, не смотря на то, что кукуруза была въ полной зелени, двинулся, направляемый вѣтромъ, къ деревнѣ Кишъ-Игмандъ. Къ счастью для жителей, кукуруза, какъ я уже сказалъ, была въ полной зелени, слѣдственно очень сочна, по этому огонь шелъ медленно, и взводъ солдатъ, посланный генераломъ Сѣмякинымъ на перерѣзъ пожару, успѣлъ остановить его, вырывая по пути стволы кукурузы, чрезъ что образовалась довольно широкая дорога, дойдя до которой, огонь остановился самъ собою.

Юля 2-го, слѣлана была усиленная рекогносцировка для удостовѣренія въ дѣйствительности выхода Гиргея изъ Коморна. Весь отрядъ нашъ въ полномъ боевомъ порядкѣ подошелъ на довольно близкое разстояніе къ Коморну, но непріятель не показывался; такъ какъ съ нашей стороны не было намѣренія брать Коморнъ приступомъ, а желали только вызвать Венгровъ для узнанія ихъ силы, то отрядъ возвратился на свою прежнюю позицію.

Слѣдствіемъ выхода Гиргея изъ Коморна было и наше выступленіе въ дальнѣйшій походъ, по дорогѣ къ Пешту.

У Коморна былъ оставленъ австрійскій наблюдательный корпусъ, подъ начальствомъ Чорыха, на котораго, какъ мы послѣ узнали, вскорѣ послѣ нашего выступленія, Клапка сдѣлалъ нападентіе, разбилъ его, и заставилъ отступить къ Пресбургу.

Отъ Коморна мы выступили 5-го іюля, какъ я уже сказалъ, по дорогѣ къ Пешту. Этому выступленію всѣ мы были очень рады, потому что намъ сильно наскучило стоять на одномъ мѣстѣ; въ теченіе всей венгерской компаніи, мы нигдѣ не оставались такъ долго, какъ подъ Коморномъ. Первый ночлегъ нашъ былъ въ деревнѣ Кочь. На другой день мы пришли въ деревню Барокъ, изъ которой всѣ жители бѣжали, остались только цыгане, живущіе здѣсь также бѣдно и неопратно, какъ вездѣ. Эта деревня памятна мнѣ еще тѣмъ, что въ ней очень соленая вода, которую нельзя было пить, не примѣшавъ чего-либо кислаго; за немѣнѣемъ въ деревнѣ вина, я употребилъ для этого сокъ недозрѣлаго винограда, бывшаго подъ рукой, потому что я расположился въ виноградникѣ, близъ котораго стоялъ нашъ батальонъ. Въ этихъ мѣстахъ виноградники и вообще всѣ огороды, вмѣсто плетня, окружены живою изгородью, состоящею изъ колючихъ кустарниковъ, покрытыхъ вьющимися растеніями.

7-го іюля ночевали мы въ мѣстечкѣ Бечне, населенномъ Нѣмцами. Такъ какъ мы пришли на мѣсто довольно рано, около полудня, то я отправился въ мѣстечко, чтобы въ чемъ-нибудь домъ отдохнуть отъ похода со всеми удобствами. Съ этой цѣлью я вошелъ въ первую попавшуюся избу и, поздоровавшись съ хозяиномъ, просилъ его указать мнѣ постель.

Хозяйка услужливо приготовила мнѣ ее, наклавши кучу пуховиковъ и подушекъ, и я разлегся, въ надеждѣ заснуть богатырскимъ сномъ, но не тутъ-то было: отвыкнуши отъ подушекъ и не привыкнуши къ пуховикамъ, я провалялся битыхъ шесть часовъ и не могъ сомкнуть глазъ; съ тѣмъ и возвратился въ лагерь.

Отсюда до самаго Пешта шоссе, по которому мы шли, пролегаетъ по довольно крутымъ горамъ, называемымъ *Баконскій мѣсъ* и составляющимъ отрогъ Альповъ.

8-го іюля мы проходили деревню Буда-Ергитъ.

Буда (по нѣм. Офенъ), въ которую мы вступили 9-го іюля, лежитъ на правомъ берегу Дуная. Она населена преимущественно Сербами, вотъ почему Венгры въ началѣ возмущенія порядочно ее разграбили; по этому при нашемъ вступленіи она была сильно разорена. На нѣкоторыхъ домахъ я видѣлъ сербскія вывѣски, писанныя русскими буквами; — не бывшій вдали отъ родины не пойметъ, какъ приятно встрѣтить на чужбинѣ что-нибудь родное, хотя бы то буквы. Черезъ Дунай, отдѣляющій Буду отъ Пешта, переходили мы по огромному и красивому мосту, замѣчательному еще тѣмъ, что съ него Кошутъ говорилъ рѣчь, сдѣлавшую сильное впечатлѣніе на Венгровъ; — вслѣдствіе этой рѣчи, діета (венгерское народное собраніе) объявила независимость Венгріи. Пешть несравненно красивѣе и лучше отстроено, чѣмъ Буда. Особенно понравился онъ мнѣ своею опрятностью и тѣмъ, что въ немъ нигдѣ не замѣтно рѣзкаго перехода отъ богатства къ бѣдности, возлѣ богатыхъ и красивыхъ домовъ не увидите бѣдныхъ и неопрятныхъ; — общій характеръ достатка и чистоты выдерживается до самыхъ заставъ, что рѣдко встрѣчается.

Нѣмцы, живущіе въ Пешть, встрѣчали наши войска съ восторгомъ, какъ избавителей отъ венгерскаго ига. Пройдя городъ, мы расположились бивакомъ, въ двухъ верстахъ отъ него, по дорогѣ въ городъ Сегединъ.

Переодѣвшись и отдохнувши, первымъ долгомъ своимъ я счелъ отправиться въ городъ, а въ немъ въ наиболѣе занимавшія меня мѣста, т.-е. въ книжныя лавки. Но увы! въ книжныхъ лавкахъ я не нашелъ искомаго, славянскихъ книгъ, а были только нѣмецкія и венгерскія; за славянскими книгами всѣ посылали меня въ Буду, по эту прогулку я отложилъ до другаго дня.

На другой день я былъ наряженъ дежурнымъ по батальону, на третій—на форпосты, а на четвертый мы вступили въ дальнѣйшій походъ, и мнѣ не удалось побывать

въ Будѣ. Такимъ образомъ я былъ наказанъ за несоблюденіе мудраго правила, изложеннаго въ Россійскихъ прописяхъ, помнится, изданія Логинова: «что можешь сдѣлать сегодня, не откладывая на завтра».

Въ тотъ же день, когда я былъ въ городѣ, на главной его площади жгли ассигнаціи, выпущенныя венгерскимъ правительствомъ. Мнѣ нѣсколько разъ случалось видѣть такія ассигнаціи въ одинъ, два, пять и десять гульденовъ. Почти всѣ, видѣнныя мною, были съ подписью Кошута. На одной сторонѣ этихъ бумажекъ была означена ихъ цѣнность, на пяти употребительнѣйшихъ въ Венгріи языкахъ, а именно: на венгерскомъ, нѣмецкомъ, славянскомъ, сербскомъ и валахскомъ; а на другой сторонѣ, на этихъ же пяти языкахъ, было выражено, что поддѣльватели ихъ будутъ караемы заточеніемъ на восемь лѣтъ.

Сколько несчастныхъ семействъ, особенно купцовъ, разорились чрезъ эти ассигнаціи, можно заключить изъ того, что венгерское правительство за все, покупаемое для войскъ, платило бумажными деньгами, благоразумно сохраняя прѣзрѣнный металлъ для другихъ надобностей. Не принимать же ассигнацій значило сомнѣваться въ успѣхѣхъ венгерскаго оружія, слѣдовательно — не имѣть патриотизма; а это могло служить кратчайшимъ путемъ къ висѣлицѣ. Доказательствомъ же тому, что Венгерцы не затруднялись казнить своихъ недоброжелателей, можетъ служить списокъ четырехъ-сотъ Сербовъ, казненныхъ венгерскими генералами. Списокъ этотъ былъ напечатанъ во всѣхъ австрійскихъ газетахъ за 1850 годъ.

Въ Пештѣ достойны особеннаго вниманія: древній дворецъ венгерскихъ королей, набережная Дуная и венгерская ученая академія. Въ Будѣ лежатъ мощи какого-то турецкаго святаго, которымъ на поклоненіе стекаются изъ Турціи тысячи богомольцевъ. Эти мощи служатъ памятникомъ владычества Турокъ надъ этой частью Венгріи.

Близъ Пешта, на островѣ Дуная, находится православный сербскій монастырь; священники изъ этой обители, при вступленіи въ Буду, встречали наши войска съ благословеніемъ.

Кромѣ Нѣмцевъ, Венгровъ и Сербовъ, въ Пешть есть цѣлая словацкая община, при которой въ званіи пастора, въ наше время, былъ извѣстный въ славянской литературѣ Янъ Колларъ, авторъ рѣчи о литературной взаимности между Славянами. Рѣчь эта, въ русскомъ переводѣ, была когда-то напечатана въ Отечественныхъ Запискахъ.

Наканунъ выступленія изъ-подъ Пешта, я разговаривалъ съ австрійскимъ офицеромъ, прогуливавшимся близъ нашего бивака. Между прочимъ я спросилъ у него, знаетъ ли онъ страну, которую мы будемъ проходить. Онъ отвѣчалъ мнѣ, что прожилъ въ этихъ мѣстахъ двѣнадцать лѣтъ, следовательно знаетъ ее довольно хорошо. Страна между Пештою и Сегединомъ представляетъ открытую, маловодную и малонаселенную степь; по-нѣмецки она называется Nock-Ungarn, потому что населена почти исключительно одними Венграми. Въ вашихъ войскахъ, говорилъ этотъ офицеръ, мнѣ особенно нравится учрежденіе ротныхъ артелей, и то, что для цѣлой роты пища готовится въ одномъ котлѣ. У Австрійцевъ на каждыхъ десять или пятнадцать человѣкъ пища готовится въ особомъ котлѣ и особымъ поваромъ, чрезъ это уменьшается число строевыхъ, и увеличивается число нестроевыхъ людей и обозъ, что, конечно, составляетъ большое зло въ благоустроенной арміи. Здѣсь кстати сказать, что австрійскій обозъ устроенъ очень хорошо. Котлы для варенія пищи возятся на вьюкахъ, а все остальное въ повозкахъ, хотя уступающихъ нашимъ въ прочности, за то выигрывающихъ въ легкости. Эти повозки съ виду похожи на тѣ, въ которыхъ польскіе евреи возятъ хлѣбъ, шерсть и вообще громоздкіе товары. Австрійскія повозки не выкрашены, почему кажутся не такъ опрятными, какъ наши; но за то пара лошадей легко везетъ такую повозку, нагруженную до верху. Легкость австрійскихъ повозокъ, главнѣе всего, зависитъ отъ того, что онѣ дышловыя и имѣютъ широкіе ходы.

12 іюля, въ два часа ночи, мы выступили въ походъ по направленію къ Сегедину и ночевали въ д. Шерекъ-Шаръ. На слѣдующій день, въ шесть часовъ по-полудни, мы двинулись дальше. А какъ нашему начальству было извѣстно,

что на слѣдующей станціи въ селеніи Оча былъ всего только одинъ колодезь, котораго было бы недостаточно для десяти-тысячнаго отряда, то было приказано .подямъ, а также въ ротные котлы, набрать какъ можно больше воды.

Въ селеніи Оча мы прибыли въ двѣнадцать часовъ ночи, а въ три часа утра тронулись дальше, и къ восьми часамъ прибыли на слѣдующую станцію въ селеніе Инарись. Венгры выступили изъ этого селенія двумя часами раньше нашего прихода, забравъ съ собою всѣхъ жителей, способныхъ носить оружіе. На площадкѣ среди города, гдѣ собирали они новобранцевъ, какая-то старушка съ плачемъ цѣловала клокъ волосъ, можетъ быть, единственную память нѣжно любимаго сына. Слѣдующая станція была селеніе Кечкеметъ, въ немъ также Венгры забрали почти всѣхъ способныхъ носить оружіе. Въ одной Географіи я начиталъ, что Кечкеметъ имѣетъ до двадцати тысячъ жителей; не смотря на то, онъ ничѣмъ не отличается отъ степныхъ малорусскихъ селеній.

17 іюля прибыли мы къ городу Феледжигаха и расположились бивакомъ въ полуверстѣ отъ него. Этотъ городъ имѣетъ болѣе азіатскую, чѣмъ европейскую наружность: кромѣ главной площади, на всѣхъ улицахъ дома обращены окнами во-внутрь, такъ что улицы представляютъ видъ сплошныхъ глиняныхъ стѣнъ, раздѣленныхъ только воротами.

Жителей этого города, какъ и окрестной страны, составляютъ Языги, соплеменники Венгровъ. Здѣшніе мужчины носятъ шпоры, по этому произошелъ забавный случай: наши солдаты, увидя въ первый разъ мужика со шпорами, приняли его за переодѣтаго гусара, схватили и отвели къ полковому командиру, который, при помощи австрійскихъ офицеровъ, разспросилъ его, и удостовѣривъ изъ его отвѣтовъ, что онъ простой мужикъ, отпустилъ его.

Этотъ поступокъ нашего полковаго командира произвелъ полезное дѣйствіе, потому что нѣсколько венгерскихъ солдатъ, скрывавшихся въ городѣ, послѣ этого явились къ намъ сами, и, при посредствѣ нашего благоразумнаго начальства, получили отъ Австрійцевъ увольнительные билеты.

Замѣчательно, что жители этой страны, или по крайней мѣрѣ этого города, ѣдят лошадиное мясо; этому я видѣлъ примѣръ: въ нашемъ полковомъ обозѣ пала лошадь, ее вытащили на площадь, отдѣлявшую нашъ бивакъ отъ города;—смотримъ, собралась вокругъ этой лошади толпа мужиковъ; мы думали было, что они собрались на консилиумъ или, можетъ быть, намѣрены снять съ нее шкуру. Каково жъ было наше изумленіе, когда мы увидѣли, что они ее рѣжутъ на куски! Наши солдаты иронически замѣчали, что *Кошуты разбираютъ порціи*. Служившимъ въ военной службѣ извѣстно, что порціей солдаты называютъ кусокъ мяса, достающійся на долю солдата; эти порціи, обыкновенно, руками, безъ пособія ножа, раздѣляются ефрейторами, насаживаются на палочки и раздаются по принадлежности.

Еще одна замѣчательность этихъ мѣстъ, стоющая быть упомянутой: это собаки, особой породы, съ рыла похожія на бульдоговъ, а всей фигурой и ростомъ на волковъ.

Не за долго передъ приходомъ въ этотъ городъ, у меня истощился было запасъ чаю; къ-счастью, я узналъ, что казначей одного австрійскаго полка, ѣздившій въ Вѣну, привезъ оттуда фунтовъ двадцать чернаго чаю, по просьбѣ нашихъ офицеровъ, потому-что въ венгерскихъ городахъ нельзя достать другаго чаю, кромѣ зеленаго, да и то только въ аптекъ, гдѣ онъ продается по унціямъ. Въ Австріи и Венгріи вездѣ, вмѣсто чаю, употребляется кофе, или подогрѣтое красное вино. Какъ привѣтливо бросилась мнѣ въ глаза на чайной оберткѣ русская надпись и фамилія какого-то Герасимова! Съ какимъ наслажденіемъ выпилъ я нѣсколько стакановъ благодатнаго напитка, объ этомъ можетъ судить только тотъ изъ почитателей чаю, кто, подобно мнѣ, въ походное время, оставался безъ него въ теченіи нѣсколькихъ дней.

21 числа мы выступили дальше, и пришли на ночлегъ въ деревню Кишъ-Телекъ, откуда также весь жители, способные носить оружіе, были уведены Венгерцами.

Наконецъ, къ нашему великому удовольствію, походъ, по песчаной, безводной и малолюдной степи, кончился на станціи Кишъ-Телекъ, и утромъ 22 іюля вступили мы въ Сегединъ. Обширныя, и, по видимому, стоившія многихъ трудовъ укрѣпленія, защищающія входъ въ этотъ городъ, были заняты нашими войсками безпрепятственно, также и здѣшняя небольшая крѣпостца, похожая больше на Московское подворье, чѣмъ на крѣпость.

Венгры перебрались за рѣку Тиссу, раздѣляющую старый Сегединъ отъ новаго, и сожгли мостъ, соединяющій эти два города. Однако мостъ былъ вскорѣ опять наведенъ, подъ защитою выстрѣловъ крѣпостныхъ и штуцерниковъ, переправившихся на лодкахъ на ту сторону, почти вслѣдъ за Венгерцами; но этими же выстрѣлами былъ сожженъ новый городъ.

Пока Австрійцы, переправившись по вновь наведенному мосту, перестрѣливались съ Венграми на лѣвомъ берегу Тиссы, нашъ отрядъ отдыхалъ, и я, пользуясь досугомъ, отправился осматривать городъ. Прежде всего я посѣтилъ крѣпость; въ ней содержалось человекъ двадцать венгерскихъ плѣнныхъ; между ними я замѣтилъ двухъ мальчиковъ, лѣтъ тринадцати или четырнадцати; одинъ изъ нихъ былъ пьянъ и безпрестанно кричалъ вивать, то Кошуту, то Бему, то императору Францу Іосифу, однимъ словомъ всѣмъ, кто только взбрѣдетъ ему въ голову. У другаго мальчика, бывшаго въ трезвомъ видѣ и говорившаго по-нѣмецки, я спросилъ, кто напоилъ этого мальчика, и узналъ, что съ часъ тому назадъ оба они взяты въ плѣнъ, и что Венгры молодыхъ солдатъ передъ сраженіемъ поятъ виномъ или водкой для воодушевленія. Изъ крѣпости я отправился въ находящуюся по близости турецкую кофейню. Хозяинъ этой кофейни, правовѣрный Османъ, чистѣйшей крови, привѣтливо встрѣтилъ меня, предложилъ сѣсть на мягкій диванъ, которыми была кругомъ, вдоль стѣнъ, уставлена вся кофейня, и подаль стаканъ кофе, приготовленнаго, къ моему удовольствію, въ европейскомъ вкусѣ, т.-е. съ сахаромъ и сливками, и трубку, а потомъ держалъ длинную рѣчь, — на турецкомъ или венгерскомъ

языкъ, право, не знаю,—въ отвѣтъ на которую я могъ сказать только: *немъ тудомъ*, т.-е. не понимаю. Выпивъ два стакана кофе и заплативъ за него, я отправился домой. Дорогою я очень забавлялся усердіемъ Австрійцевъ въ уничтоженіи слѣдовъ венгерскаго владычества. Все, что только было окрашено въ венгерскій народный цвѣтъ,—бѣлымъ съ краснымъ и зеленымъ, какъ-то: столбы, будки, двери казенныхъ зданій, все это они перекрашивали въ австрійскій цвѣтъ, т.-е. черный съ желтымъ, не смотря на то, что на другой сторонѣ Тиссы шла довольно жаркая перестрѣлка.

Въ этотъ день, за недостаткомъ ржаного, нашимъ солдатамъ былъ розданъ кукурузный хлѣбъ. На видъ онъ мало отличается отъ ржаного, только нѣсколько разсыпчатъ и для непривычнаго желудка довольно тяжелъ.

Сегедня, по ту сторону Тиссы, былъ окруженъ двумя линіями окоповъ, одна отъ другой на разстояніе пушечнаго выстрѣла; но 23 іюля Австрійцы, съ помощію перваго батальона Его Свѣтлости Князя Варшавскаго полка, вытѣснили Венгровъ изъ первой линіи окоповъ за вторую. Такъ какъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ вторая линія окоповъ примыкаетъ къ Тиссѣ, рѣка удобопроходима въ бродъ; то, ночью того жъ числа, 2-й и 3-й батальоны нашего полка, съ нѣсколькими орудіями, были посланы для защиты этого брода; но Венгерцы не думали переходить на эту сторону Тиссы, и мы, пробывъ у брода всю ночь, утромъ на другой день возвратились на свои биваки.

Іюля 24, весь нашъ отрядъ, имѣя въ виду Венгровъ, перешелъ Тиссу, и, пока чрезъ рвы окоповъ устраивалась была переправа для артиллеріи, расположился за ихъ первую линію. Въ четыре часа по полудни устроена была переправа и отрядъ двинулся впередъ, Австрійцы впереди насъ, вслѣдъ за ними тронулись мы, и началась артиллерійская перестрѣлка. Намъ пришлось идти по довольно густой кукурузѣ, выше роста человѣческаго, по этому мы видѣли впереди себя только ядра, которыя, фыркая, скашивали кукурузу и попадавшихъ имъ по пути людей. Сначала Венгры держались довольно упорно, но когда австрійскій генералъ

Шликъ расположился съ своимъ отрядомъ на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ наши два батальона провели ночь, и сталъ оттуда стрѣлять, вдоль венгерскихъ окоповъ, ядрами, боевыми ракетами, которыя при заходящемъ солнцѣ уподоблялись падающимъ метеорамъ; то Венгры, попавъ подъ перекрестный огонь, должны были отступить, однако жъ не безъ помощи штыковъ.

Венгерскою арміею, бывшею противъ насъ, начальствовали Дембинскій, Высоцкій и Гюйонъ.

Австрійцы пустились преслѣдовать Венгровъ, а нашъ отрядъ расположился на почлегъ на мѣстѣ сраженія, посреди труповъ убитыхъ Венгровъ.

Здѣсь кстати сказать, что видъ только-что убитаго чело-вѣка не производитъ такого отвращенія, какъ видъ умершаго отъ болѣзни, или, лучше сказать, вовсе не возбуждаетъ отвращенія; но нельзя того же сказать, когда убитаго уже коснулся, по выраженію поэта, ангелъ разрушенія,—тогда видъ его также непріятенъ, какъ и всякаго умершаго.

Наши выюки съ вещами и обозъ остались сзади. Ни у кого изъ офицеровъ не было при себѣ даже шинели, а наступившая ночь и усталость напоминали, что время спать. Въ такой крайности я съ однимъ товарищемъ легли, гдѣ стояли, подложивши подъ головы шарфы и плотно сомкнувшись спинами, чтобы хотя эта часть тѣла не зябла отъ росы; но, не смотря на всѣ неудобства, молодость и усталость взяли свое: мы проспали до самаго утра самымъ крѣпкимъ сномъ.

(Окончаніе въ слѣдующей книгѣ).

ЧЕЛОВИТНАЯ КНЯЗЯ СУЛЕШЕВА

ЦАРЮ МИХАИЛУ ФЕОДОРОВИЧУ.

Списокъ съ списка съ челобитные изъ дѣла, что былъ челомъ Государю Царю и Великому Князю Михаилу Федоровичу всеа Русіи бояринъ князь Юрьи Яншесвичъ Сулешовъ на Тобольскаго сына боярскаго на Данила Низовцова (*).

Царю Государю и Великому Князю Михаилу Федоровичу всеа Русіи бьетъ челомъ холопъ твой Яшко Сулашовъ. Нынѣшняго, Государь, 136 году, въ Свѣтлое Воскресенье, о велицѣ дни, пришелъ я, холопъ твой, съ товарищи къ заутрени въ соборъ, къ Софьи Премудрости Божіи, и у благословенія у Архіепископа были, и послѣ, Государь, того, какъ вышелъ Архіепископъ изъ олтаря со крестомъ и съ образы, и мы холопи твои ходили къ Архіепископу ко кресту и къ образомъ, и послѣ, Государь, тово пришли ко мнѣ холопу твоему цѣловатца Тобольскіе дѣти боярскіе и иныхъ чиновъ люди, которые тутъ прилучилися, и къ моимъ товарищамъ, и дѣти боярскіе и иныхъ чиновъ люди съ нами холопи твоими цѣловались по обычаю, какъ ведетца, а сынъ боярской Данила Низовцовъ, умысля воровски надо мною холопомъ твоимъ, невѣсть по чьему науценью, пришелъ ко мнѣ холопу твоему цѣловатца и принесъ лицо на рукъ, и я холопъ твой поднесъ къ нему лицо жъ и хотѣлъ съ нимъ поцѣловатца, и онъ, Государь, умысля воровски, поцѣловалъ меня холопа твоего въ руку, и я холопъ твой въ ту жъ пору въ церкви передъ Архіепископомъ и передъ товарищи и передъ всеми людьми зашибъ тово сына боярскаго за то, что онъ меня холопа твоего, умысля воровски, мимо губъ моихъ цѣлуетъ меня въ руку, велѣтъ ево дати за пристава, до твоего Государева указу. Милосердый Государь Царь и Великій Князь Михайло Федоровичъ всеа Русіи! пожалуй меня холопа

(*) Это презабавная просьба: Низовцевъ, на христосованъ съ бояриномъ, поцѣловалъ ему руку, вмѣсто того, чтобъ поцѣловаться въ губы. Тотъ ударилъ его по щекъ, посадилъ подъ стражу, да и пожаловался еще Царю, «за такое воровство», прося сдѣлать сльдствіе о заговоръ и умшленіи. Интереснѣе всего, что виноватымъ оказался битый. М. П.

своего, вели, Государь, про то его Данилово воровство и про ево воровское умышление, съ кѣмъ онъ на меня холопа твоего умышлялъ, сыскать, или хто ево Данила на меня холопа твоего научилъ, чтобъ мнѣ холопу твоему отъ тово Данила въ такомъ ево въ напрасномъ воровскомъ умышлении отъ тебя Государя въ опаль не быть. Царь Государь, смилуйся, пожалуй!

И Преосвященный Макарій Архіепископъ Сибирскій и Тобольскій, выслушавъ боярина князя Юрья Яншеевича Сулешова челобитной, велѣлъ тово сына боярскаго Данила Низовцова поставити передъ собою, и по челобитной боярина князя Юрья Яншеевича Сулешова ево Данила роспрашивалъ: вчера де ты Данило въ соборной церкви въ Софїи Премудрости Божїи былъ ли, и боярину князю Юрию Яншеевичу съ яцомъ цѣловаться приходилъ ли, и въ руку боярина князя Юрья Яншеевича поцѣловалъ ли, и для чего ты въ руку цѣловалъ мимо устъ, по какому ты умышлению такъ сдѣлалъ, и съ кѣмъ умышлялъ, или хто тебя научилъ?

И Данило Низовцовъ Пресвященному Макарію Архіепископу Сибирскому и Тобольскому въ распросъ сказагь: пришолъ де я къ боярину ко князю Юрию Яншеевичу цѣловатца съ яцомъ, а въ руку не цѣловалъ, нешто боярину князю Юрию Яншеевичу такъ показалось; да постоявъ не много, сказагь: виноватъ де я передъ Государемъ, и сдѣлалось по грѣхомъ безъ хитрости, въ тѣ поры въ церкви была тѣснота, и меня попехнули сзади, и я де пошатнулся на боярина на князя Юрья Яншеевича руку губами безхитростно, и бояринъ князь Юрьи Яншеевичъ за то на меня закричалъ, что де ты страдникъ такъ дѣлаешь, и ударилъ меня по щекъ, да послалъ въ тюрьму, а ни съ кѣмъ де я про то не мысливалъ и не думывалъ, и ни хто меня не научивалъ. А у роспросу у Пресвященного Макарія Архіепископа Сибирскаго и Тобольскаго были протопопъ Иванъ, до протодьяконъ Матвѣй, да ключарь Ондреянъ, да Ондрей, да казначей старецъ Гарасимъ, да старецъ Саватей, да тутю жь у сыску были: воевода Федоръ Кириловичъ Плещеевъ, да діаки Гарасимъ Мартемьяновъ, да Микита Левонтьевъ, да письменной голова Никита Бѣглецовъ.

Выписано изъ книги Сибирскаго приказа Денежнаго стола за N 11801.

(Доставлено П. И. Ивановымъ).

Очеркъ Истории Императорскаго Гатчинскаго Сиротскаго Института. Составленъ, по случаю 50-лѣтняго юбилея Института, *Петромъ Гурьевымъ*, инспекторомъ классовъ при томъ же заведеніи. Спб. 1854 г. in-8° 183 стр.

Наша педагогическая литература довольно рѣдко обогащается дѣльными и основательными сочиненіями; особенно это можно сказать относительно ея отдѣловъ теоретическаго, историческаго и статистическаго. Такое состояніе нашей педагогической литературы нисколько не покажется удивительнымъ, если припомнимъ, что наше общественное и народное образованіе еще слишкомъ молодо, хотя оно и пустило уже глубокіе корни въ народную почву и принесло и постоянно приносить зрѣлые плоды отечеству. Въ государствахъ, упредившихъ насъ въ образованіи, учрежденія на пользу народнаго просвѣщенія считаютъ вѣками свою жизнь; у насъ же, болѣею частію, такіа заведенія ведутъ счетъ своего существованія только десятками лѣтъ и весьма немногіа изъ нихъ пережили свой столѣтній періодъ жизни. Въ последнее время, однакожь, благодаря стеченію особыхъ благопріятныхъ обстоятельствъ, наша литература приобрѣла нѣсколько примѣчательныхъ историко-статистическихъ сочиненій по нѣкоторымъ отдѣламъ народнаго образованія; припомнимъ важнѣйшіа изъ нихъ: 1) *Исторія Морскаго Кадетскаго корпуса*, составленная г. Веселаго; 2) *Историческое обозрѣніе главнаго Педагогическаго Института*, г. Смирнова; 3) *Историко-Статистическое описаніе учебныхъ заведеній С.-Петербургскаго Учебнаго Округа*, состав. г. Вороновымъ; 4) *Исторія Императорскаго Московскаго Университета*, г. Шевырева. Къ этому небольшому числу нашихъ историко-педагогическихъ сочиненій присоединился недавно прекрасный *Очеркъ Истории Императорскаго Гатчинскаго Сиротскаго Института*, составленный по случаю его

пятидесятилѣтняго юбилея г-мъ Гурьевимъ. Разсмотримъ это послѣднее сочиненіе, любопытное не только какъ подробное обзорное правительственныхъ мѣръ къ постепенному совершенствованію Института и собраніе числовыхъ данныхъ для статистики этого заведенія, необходимыхъ къ общей массѣ собираемыхъ изъучкою матеріаловъ для исторической статистики народнаго просвѣщенія въ Россіи; но еще болѣе потому, что авторъ касается въ своемъ Очеркѣ нѣкоторыхъ существенныхъ вопросовъ педагогики и дидактики, присоединяя, гдѣ нужно, и біографическія свѣдѣнія о русскихъ педагогахъ, дѣйствовавшихъ въ Институтѣ и пользовавшихся заслуженною извѣстностію.

Свой Очеркъ Исторіи Института авторъ раздѣлялъ на три періода: *первый* отъ 1803 по 1817 г., т.-е. отъ основанія заведенія до назначенія определенной цѣли въ обученіи сиротъ, когда Гатчинскій домъ тѣсно соединяется съ С.-Петербургскимъ Воспитательнымъ Домомъ; *второй* отъ 1817 по 1834 г., т.-е. до совершеннаго раздѣленія домовъ, Гатчинскаго и С.-Петербургскаго; въ этомъ періодѣ заведеніе имѣетъ характеръ элементарной школы; *третій періодъ* отъ 1834 по 1853 г., когда воспитанники начинаютъ получать въ Институтѣ выше нежели гимназическое образованіе; сперва съ спеціальною педагогическою цѣлію, а съ 1847 г. съ цѣлію юридическою.

Въ теченіе своей полувѣковой жизни Гатчинскій Сиротскій Институтъ подвергался, какъ видно, нѣсколько разъ преобразованіямъ, вызваннымъ частію по необходимости, частію по особеннымъ видамъ правительства. Главнѣйшими изъ нихъ были слѣдующія: первоначальная цѣль учрежденія этого заведенія, основаннаго незабвенною благотельницею сиротъ Императрицею Марією Теодоровною, состояла въ томъ, чтобы дать начальное образованіе питомцамъ Воспитательнаго Дома и по достиженіи ими отроческаго возраста распредѣлить ихъ, сообразно способностямъ и склонностямъ, по разнымъ ремесленнымъ учрежденіямъ, при чемъ способнѣйшимъ изъ питомцевъ открытъ былъ путь къ дальнѣйшему образованію. Съ 1817 г. учебное направленіе въ заведеніи стало первенствующимъ, и питомцы обоюго пола, по окончаніи элементарнаго образованія въ Гатчинѣ, переводились въ С.-Петербургскій Воспитательный Домъ для продолженія учебныхъ занятій, откуда они поступали потомъ частію въ Медико-Хирургическую Академію, частію въ Университетъ; двѣицы же, по окончаніи курса, выпускались съ званіемъ домашнихъ наставницъ по губерніямъ.

Въ 1834 году послѣдовало совершенное раздѣленіе С.-Петербургскаго Дома отъ Гатчинскаго: въ первый опредѣлено принимать только двочекъ, а во второй мальчиковъ; послѣдніе стали получать систематическое образованіе для поступленія потомъ въ высшія учебныя заведенія или прямо на службу, преимущественно по Министерству Народнаго Просвѣщенія учителями уездныхъ училищъ. Такимъ образомъ съ этого времени главная цѣль, которую преслѣдовалъ Гатчинскій Воспитательный Домъ при обученіи своихъ питомцевъ, была педагогическая. Въ 1837 году Гатчинскій Домъ получилъ названіе *Сиротскаго Института*, и повелѣно принимать въ заведеніе только сиротъ оберъ-офицеровъ.

Въ 1847 году вслѣдствіе Именнаго Высочайшаго Повелѣнія преподаваніе въ Институтъ получило характеръ исключительно юридической, въ объемъ среднихъ учебныхъ заведеній, съ цѣлю приготовить способныхъ и свѣдущихъ чиновниковъ въ присутственныя мѣста, преимущественно по губерніямъ. Съ этихъ поръ Гатчинскій Сиротскій Институтъ получилъ свое прямое, определенное назначеніе, не развлекаясь болѣе разнообразными цѣлями въ образованіи своихъ питомцевъ.

Съ распространеніемъ учебной части въ Институтъ, стала постепенно улучшаться въ немъ и вышняя, хозяйственная часть, такъ-что въ настоящее время это заведеніе, по справедливости, должно считать образцовымъ во всѣхъ отношеніяхъ. Содержаніе воспитанниковъ можно назвать даже роскошнымъ; заботливость начальства ничего не упускаетъ изъ виду, чтобъ наполнить съ пользою и пріятностію для дѣтей даже свободное отъ ученія время; стараясь, по возможности, выполнить важную задачу общественнаго воспитанія, чтобъ дѣти въ теченіе всего дня пребывали въ постоянной дѣятельности, не дающей времени къ развитію въ нихъ вредной праздности, главной язвы нравственности въ закрытыхъ учебныхъ заведеніяхъ. Рекреаціонное время воспитанники лѣтомъ проводятъ обыкновенно въ саду, гдѣ устроены для нихъ гимнастическія игры, а зимою на дворъ, на которомъ ежегодно дѣлаются ледяныя доры и катокъ. Кромѣ того для физическаго воспитанія, столь важнаго въ дѣтскомъ возрастѣ, учреждены классы: маршировки, гимнастики и танцованія.

Рекреаціонныя залы Института украшены рисунками, бюстами и разнаго рода моделями; въ полномъ распоряженіи воспитанниковъ находятся, приспособленныя къ ихъ возрастамъ, бібліотеки, постоянно умножаемая вновь выходящими замѣчательными книгами.

Словомъ, начальство Института дѣлаетъ все возможное для умственнаго, нравственнаго и физическаго развитія вѣтренныхъ его попеченію сиротъ.

Въ приложеніяхъ къ Очерку представлено авторомъ много любопытныхъ свѣдѣній и матеріаловъ, необходимыхъ для общей статистики народнаго образованія и пожертвованій правительства на воспитаніе и общественную благотворительность, которой Гатчинскій Сиротскій Институтъ можетъ служить убѣдительнымъ доказательствомъ. Представляемъ важнѣйшія статистическія данныя объ этомъ заведеніи за прожитый имъ полувѣкъ. Со времени основанія Гатчинскаго Дома по 1853 г., въ немъ воспитывалось всего 7,318 дѣтей обоего пола, въ томъ числѣ мальчиковъ состояло 3,677, а дѣвочекъ 3,641. Изъ этого числа съ успѣхомъ воспользовалось образованіемъ до раздѣленія Домовъ, т.-е. до 1834 г., 531 челов. обоего пола, а съ того времени по 1853 г. вполне окончившихъ курсъ было 276 воспитанниковъ, а всего 807 питомцевъ обоего пола. Сверхъ того вышло до окончанія курса въ Межевой Корпусъ 53 воспитанника, канцелярскими служителями изъ всего отдѣленія Института 366 воспитанниковъ, а 2 поступили въ Академію Художествъ, остальные за тѣмъ выбыли въ низшія званія. Въ Университеты поступило 41, въ Медицинскую Академію 25, уѣздными учителями 70. Со времени преобразованія Института въ 1817 г. поступило въ гражданскую службу 140 человекъ. Въ теченіе послѣднихъ 18 лѣтъ умершихъ въ заведеніи было 87 человекъ. Комплектъ воспитанниковъ въ разное время былъ различенъ; по штату же 1849 г. комплектное число опредѣлено въ 610 человекъ, въ томъ числѣ назначено 550 для классныхъ вакансій и 100 для малолѣтней школы, въ которую поступають дѣти отъ 4 — 10 лѣтняго возраста безъ всякихъ предварительныхъ познаній. Число должностныхъ лицъ при Институтѣ полагается 103 человекъ, кромѣ того нижнихъ служителей считается 210 человекъ. Учебныхъ пособій въ Институтѣ въ 1853 году состояло: библіотека въ числѣ 7,151 тома, кромѣ того учебныхъ книгъ было 14,849 томовъ, физическій кабинетъ имѣетъ 257 инструментовъ, пумизматическое собраніе 2,916 экземпляровъ монетъ и медалей; столь же значительны и другія учебныя пособія.

На содержаніе Института ассигнуется ежегодно Опекускимъ Совѣтомъ 192,810 р. 80 к. сер., не включая въ это число платы, взимаемой съ пансіонеровъ (60 вакансій) по 114 р. 28 $\frac{1}{2}$ к. сер. съ cadaго. Для обезпеченія постояннаго существованія Института

изъ общихъ доходовъ Воспитательнаго Дома отдѣленъ особый капиталъ въ 4,770,770 р. 33¼ к., и билетъ на эту сумму выданъ Институту изъ Сохранной Казны; кроме того Институтъ владѣеть билетомъ Государственной Коммиссіи погашенія долговъ въ 33,000 р.

При Институтѣ состоитъ небольшой женскій пансіонъ на 35 входящихъ двѣцъ, открытый въ 1848 г., съ цѣлю доставить способы къ полному образованію дѣтей женскаго пола недостаточнымъ чиновникамъ Гатчинскаго Дворцоваго Правленія и Сиротскаго Института.

Скажемъ нѣсколько словъ о прежнемъ преподаваніи въ Институтѣ. Въ этомъ заведеніи находили практическое примѣненіе почти все методы обученія, прославившіеся въ западной Европѣ въ прошломъ вѣкѣ и въ первой четверти настоящаго. По причинѣ обширности Гатчинскаго Института и настойчивости руководителей преподаванія, считавшихся у насъ въ свое время за опытныхъ и отличныхъ педагоговъ, результаты, коихъ достигли здѣсь отъ примѣненія этихъ методовъ, можно считать довольно вѣрными. Опытъ показалъ, что ни одна изъ прославленныхъ методовъ не можетъ назваться безусловно хорошею и быть исключительно въ преподаваніи какого-либо учебнаго предмета, что лучшею методою долженъ быть самъ преподаватель, добросовѣстно исполняющій свои обязанности и слѣдущій за развитіемъ своей науки. Такъ Ланкастерская метода взаимнаго обученія была введена въ Гатчинскомъ Воспитательномъ Домѣ въ обширныхъ размѣрахъ вскорѣ послѣ того, какъ она стала извѣстною у насъ въ Россіи; но успѣхи, съ помощію ея полученные, были маловажны.

Вотъ какъ характеризуетъ г. Гурьевъ эту пресловутую методу взаимнаго обученія: «Въ 1821 году главное наблюденіе за обученіемъ малолѣтнихъ по методу Ланкастера было поручено Н. И. Гречу, который тогда занимался распространеніемъ этой методы по гвардейскимъ полкамъ, и былъ первый, который ввелъ ее въ Россіи. Для полковъ эта метода была хороша, въ томъ слова пѣть; но для дѣтей, которыя готовились къ высшему образованію, эта механическая метода, бросающаяся въ глаза только видимымъ порядкомъ, строго разсчитаннымъ, была, безъ всякаго сомнѣнія, не только бесполезною, но даже вредною. Впрочемъ, нововведеніе это можно оправдать тѣмъ, что тогда на обученіе дѣтей чтешію смотрѣли не съ той точки, съ которой смотрятъ теперь, а лишь хлопотали о томъ, какъ бы скорѣе научить ихъ читать бѣгло и безъ запинки,

забывал, что при такомъ процессѣ дѣти мало думали, отъ чего уже потомъ трудно было приводить ихъ къ сознательному чтенію. Вводителей этой метода, ожидавшей отъ нея чудесъ, оправдываетъ также и тогдашній, всеупотребительный, страшно длинный способъ обученія дѣтей грамотѣ. Сначала надобно было дѣтямъ нѣсколько мѣсяцевъ просидѣть за азбукою, далѣе столько же за двухъ-сложными слогами, потомъ за трехъ-сложными и т. д., пока-то они наконецъ собирались съ силами и принимались разбирать слова. Чтобы облегчить этотъ медленный и сухой процессъ, вотъ и придумали разныя печатныя таблицы, съ постепенно-расположенными складами, отъ легкихъ къ труднымъ; раздѣлили дѣтей на множество отдѣленій, которыя отмѣтили особыми значками; къ каждому отдѣленію приставили по монитору изъ тѣхъ воспитанниковъ, которыхъ знаніе превышало прочихъ одною или двумя лишними таблицами; къ всему этому порядку присоединили команду, маршировку, условные знаки, полукружія на полу, по которымъ размѣщали дѣтей и пр. Въ Гатчинскомъ Домѣ по этой методѣ учили дѣтей Новаго отдѣла до 1831 г., и оттого этотъ отдѣлъ и назывался Ланкастерскимъ. Успѣху было мало и во вѣншемъ порядкѣ, потому что изъ всѣхъ трехъ учителей, завѣдывавшихъ ученіемъ, не было ни одного расторопнаго и толковаго, который бы самъ былъ въ состояніи объяснить себѣ удовлетворительно, что онъ дѣлаетъ и для чего онъ такъ дѣлаетъ. — Ланкастерская метода, какъ новизна, сильно занимала тогда многихъ въ Европѣ, и извѣстно, что во Франціи школы взаимнаго обученія распространялись быстро и дошли до огромнаго числа, пока наконецъ стали упадать и закрываться также скоро, какъ возникали. Полковникъ Абрагамсонъ въ Копенгагенѣ старался улучшить эту методу, но дѣло, какъ кажется, не пошло и тамъ въ дальній ходъ, потому-что начало, на которомъ основана метода, само по себѣ есть ложное и несогласное съ требованіями здравой педагогіи.

Точно такъ же преподавались въ Гатчинѣ нѣкоторые предметы ученія по методамъ Жакото, Базедова, Язвинскаго и иныхъ, но успѣхи не всегда соответствовали ожиданіямъ, частію отъ неудовлетворительности самихъ методовъ, частію отъ неопытности преподавателей, не всегда знакомыхъ съ основными требованіями дидактики, или отъ тѣхъ исключительныхъ условій, въ коихъ находился тогда Гатчинскій Институтъ; и только энергическая дѣятельность и настойчивость покойнаго инспектора Гугеля могла достигнуть значительныхъ успѣховъ въ преподаваніи нѣкоторыхъ предметовъ

по методъ Жакото, хотя покойный Гугель не всегда имѣлъ терпѣніе спокойно выжидать результатовъ своимъ нововведеніямъ.

Изъ педагоговъ, коихъ служебная дѣятельность принадлежала Гатчинскому Институту и кои принесли этому заведенію существенную пользу, слѣдуетъ упомянуть о П. Н. Фусѣ, А. Г. Ободовскомъ и Е. О. Гугель. О двухъ послѣднихъ г. Гурьевъ сообщаетъ краткія біографическія свѣдѣнія. Извлекаемъ изъ книги г. Гурьева его біографическія замѣтки объ А. Г. Ободовскомъ: «Александръ Григорьевичъ Ободовскій, скончавшійся такъ внезапно 17 іюня 1852 г., былъ однимъ изъ числа замѣчательнѣйшихъ русскихъ педагоговъ. Всѣ условія для избраннаго имъ еще въ юныхъ лѣтахъ поприща, на которомъ подвизался онъ съ такою честію, заключались въ немъ даже съ избыткомъ. Крѣпкое сложеніе, замѣчательный даръ слова, свѣтлый и пронизательный умъ, веселый и общезительный нравъ, усидчивость и терпѣніе въ трудолюбіи, при постоянной любви къ природѣ и тихой семейной жизни — вотъ блѣдный очеркъ природныхъ свойствъ покойнаго. Если присоединить къ этому обширныя, разнообразныя его познанія, вполне отвѣчавшія его призванію, то нельзя не согласиться, что въ немъ было все, что обуславливаетъ трудное званіе инспектора классовъ обширнаго учебнаго заведенія, которое онъ несъ сряду болѣе двадцати пяти лѣтъ. Еще въ ранней порѣ мужества онъ путешествовалъ на казенный счетъ по Европѣ, съ особою цѣлію усвоить себѣ педагогическія познанія.

«Вскорѣ, по возвращеніи своемъ изъ-за границы, Ободовскій, чрезъ посредство бывшаго своего товарища еще по гимназій, нашелъ настоящее мѣсто своему призванію въ должности инспектора классовъ С.-Петербургскаго Воспитательнаго Дома. Съ 1826 по 1834 годъ, т.-е. до совершеннаго раздѣленія Домовъ С.-Петербургскаго и Гатчинскаго, Ободовскій, сперва подъ главнымъ наблюденіемъ академика и ученаго секретаря Академіи Наукъ П. Н. Фуса, столь достойно взысканнаго особымъ довѣріемъ Государыни Императрицы Маріи Феодоровны, а потомъ одинъ не только наблюдалъ надъ учебною дѣятельностію въ Гатчинскомъ Воспитательномъ Домѣ, но и направлялъ ее къ указанной цѣли. Чтобы оцѣнить надлежащимъ образомъ труды и заслуги Ободовскаго въ сферѣ его дѣятельности, надобно прежде всего перенестись въ его время даже нѣсколько ранѣе его, и составить себѣ ясное понятіе о томъ, что такое были вообще наши учебныя заведенія за тридцать лѣтъ тому назадъ. Ободовскій началъ свою учебную службу въ то время, когда сколастичка обхватывала все наше школьное ученіе, и только кой-

гдѣ появлялись методы, предвозвѣщавшія лучшій порядокъ вещей. Стоить вспомнить тогдашніе учебники, расположенные въ вопросахъ и отвѣтахъ, которые голословно заучивались учениками на память безъ различія вопроса отъ отвѣта; стоитъ вспомнить тяжелыя метафизическія опредѣленія въ наукахъ, которыми тотчасъ озадачивали учениковъ, когда только-что они покидали свои буквари; стоятъ вспомнить безпрестанныя и обильныя слезы дѣтей во время пребыванія ихъ въ школахъ. Ничего подобнаго теперь нѣтъ, а развѣ можно когда-либо забыть тѣхъ достойныхъ дѣятелей, которые неутомимѣ ратовали противъ схоластическаго ученія? Онъ первый въ Россіи, если не ошибаемся, старался замѣнить тяжелую и безжизненную методу преподаванія отечественнаго языка въ низшихъ классахъ грамматическою методою патера Жерара. Это уже былъ большой шагъ впередъ. Онъ первый, вмѣстѣ съ своимъ товарищемъ, нынѣшнимъ директоромъ 3-й С.-Петербургской гимназій О. И. Буссе, каждый въ своемъ кругу дѣятельности, утвердилъ въ нашихъ школахъ изустное исчисленіе, которое придало совсѣмъ другое значеніе преподаванію Ариметики. Сознавая всю важность въ образованіи дѣтей—ознакомить ихъ сколь возможно ранѣе съ различными предметами Естественной Исторіи, тогда изъятая изъ круга учебныхъ предметовъ въ среднихъ заведеніяхъ, Ободовскій былъ изъ числа тѣхъ, которые постоянно пытались ввести эту отрасль знаній въ кругъ элементарнаго ученія. Географія, по преимуществу любимая имъ наука, вмѣсто кучи голыхъ именъ и пустыхъ примѣчаній, тѣмъ обыкновенно наполняли прежде головы учениковъ, обратилась подъ его перомъ и въ особенности въ его преподаваніи, въ науку стройную и занимательную для дѣтей.—Пропуская, за недостаткомъ времени и мѣста, безъ упоминанія прочіе его педагогическіе труды, мы не можемъ пройти молчаніемъ, что хотя онъ и не былъ основателемъ перваго педагогическаго журнала въ Россіи, какъ было сказано въ его некрологѣ, помѣщенномъ въ С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ 1852 года, журнала, получившаго свое начало въ Гатчинскомъ Институтѣ, однакожъ тѣмъ не менѣе былъ однимъ изъ дѣятельныхъ его соредакторовъ и сотрудниковъ. А. Г. Ободовскій и послѣ того, когда совершенно прекратилось его вліяніе на учебную часть въ Гатчинскомъ Сиротскомъ Институтѣ, именно когда онъ въ замѣну себя указалъ на Е. О. Гугеля, и своимъ проницательнымъ взглядомъ угадалъ мощную природу послѣдняго, никогда не забывалъ Института, радовался его успѣхамъ и постоянно посещалъ его во время публичныхъ экзаменовъ. Судьбѣ угодно было,

чтобь онъ умеръ въ томъ моментъ, когда уже готовъ былъ сѣсть въ карету, чтобы отправиться въ Гатчинскій Институтъ на публичный экзамень.»

Въ заключеніе, искренно поблагодаривъ автора за его прекрасный и добросовѣстный Очеркъ Исторіи Гатчинскаго Сиротскаго Института, пожелаемъ этому заведенію дальнѣйшаго процвѣтанія и по истеченіи вѣковой жизни Института имѣть столь же правдиваго историка, какъ и нынѣ.

И. К.

1854 годъ. Стихотворенія *А. Н. Майкова*. Сиб. Въ 8-ку, стр. 53.

А. Н. Майковъ принадлежитъ къ числу лучшихъ современныхъ стихотворцевъ. Стихъ его живъ и звученъ. Москвитянинъ очень радъ обращенію его таланта къ предметамъ отечественнымъ, къ проявленію въ его стихотвореніяхъ русскаго чувства, хоть и не можетъ одобрить нѣкоторыхъ преувеличеній и увлеченій. Выпишемъ нѣсколько прекрасныхъ строфъ изъ стихотворенія, посвященнаго памяти Державина.

.....
 И гдѣ кивалъ его, литавры,
 Которыхъ громъ внималъ весь міръ!..
 Неполны воинскіе лавры
 Безъ звона неподкупныхъ лиръ!
 Кто днесъ стихомъ монументальнымъ
 Провозвѣститъ потомкамъ дальнымъ,
 Что мы все тѣ же какъ тогда,
 И что жива еще въ Россіи
 О христіанской Византіи
 Великодушная мечта!

.....
 Пора забыть навѣты злме,
 Пора и намъ глаза открыть,
 И перестать намъ о Россіи
 Съ чужаго голоса судить.
 Пора! завѣса разорвалась!
 Въ насъ сердце русское сказалось!
 Мы прозрѣваемъ наконецъ
 Въ самосознаніи народномъ —
 Намъ не въ Парижъ сумазбродномъ,
 Не въ дряхлой Вѣнѣ образецъ.

Въ Европѣ слишкомъ много кровью
 Сама земля напоена;
 Враждой упорной, не любовью
 Взросила чадь своихъ она;
 Тамъ чловѣка гордый гений
 Зрѣлъ средь насильствъ и потрясеній;
 Духъ партій злобу тамъ тантъ;
 Всѣ живы старыя обиды;
 Надъ каждымъ мрачной Немезиды
 Тамъ мечъ кровавый тяготить.

У насъ есть два врага — мы знаемъ!
 Одинъ — завистниковъ вражда:
 Не усмиривъ ихъ, не влагаемъ
 Меча въ ножны мы никогда.
 Другой нашъ врагъ — и врагъ кичливый --
 То духъ невѣжества строптивый!...
 О Русь! ихъ купно поражай!
 Однихъ мечомъ, другихъ сатирой,
 И бранный мечъ съ правдивой лирой
 Единнымъ лавромъ обвивай!

Присоединимъ къ нимъ еще два стихотворенія: «Молитва» и
 «Москва».

МОЛ И Т В А.

Шла туча съ запада, другая отъ востока.
 Сошлись, ударились: гремѣть въ раскатахъ громъ,
 И свещеть молнія — и на землѣ кругомъ
 И звѣрь и чловѣкъ замолкъ въ тоскѣ глубокой.
 Лишь пастырь душъ одинъ, грозою осіянь,
 Подъемаеть длань къ Тому, Кто властвуетъ вселенной,
 Колеблеть твердь земли и движеть океанъ.
 Одинъ онъ мудростью библейской просвѣтленный
 Смирненно молится: Да судъ свершится Твой,
 И миръ десницею Твоею обволенный
 Возблещеть радостяй! Твоя намъ скрѣпа цѣль,
 Но благъ еси, Господь! Долинамъ шлещь Ты грозъ —
 Да утучняются! Дашь ты людямъ слезъ —
 Да персть познають Твой! Кровавую купель
 Народамъ — да ярмо грѣховное съ нихъ канеть,
 И новый чловѣкъ изъ стараго востанеть!

МО С К В Ъ.

(Въ день Столѣтїя Московскаго Университета).

Давно Цари Россїи новой,
 Оставивъ стольный градъ Москвы,
 Въ равнинахъ Ингрїи суровой
 Разбили лагерь у Неамъ;

Но духомъ ты, Москва, не пала,
 И древнею блеста красой,
 Ты никогда не перестала
 Быть Царства нашего душой.
 Твой Духъ въ одно его скрепляеть,
 Любовь къ отчизнѣ, какъ струя,
 Отъ сердца къ сердцу пробѣгаетъ
 По цѣлой Руси изъ Кремля.
 Но ту любовь, съ которой дикой
 Пустыню любить, — ты сняла
 Съ огнемъ науки, и великой
 О Руси мыслью облекла.
 Связавъ минувшее съ грядущимъ,
 Забвенью съ предковъ ты сняла,
 И поколѣньямъ нынѣ сущимъ
 Ты мысль отечества дала.
 Оно — въ той вѣрѣ величавой,
 Что Русь живетъ въ моей груди;
 Что есть за мной ужъ много славы,
 И больше будетъ впереди;
 Что, въ долъ темной или громкой
 Полезенъ родитъ мой трудъ,
 И что дѣла мои — потомки
 Благословятъ или проклянутъ...
 Москва! въ слезахъ подымаю руки
 Къ тебѣ, какъ къ матери дитя,
 Въ день драгоценный для науки,
 Въ день присно-славный для тебя!
 О, пусть кричатъ трибуны злое —
 Мы вѣримъ сердцу своему —
 Жива Москва — сильна Россія,
 И Божій свѣтъ разсвѣтъ тьму!

Извѣстiе о трудахъ П. П. Бѣляцкаго-Носенко.

Сколько есть по мѣстамъ достойныхъ тружениковъ, которыхъ важные труды покоятся подъ спудомъ за недостаткомъ гласности, между тѣмъ какъ другіе, за ея излишкомъ, получаютъ незаслуженную извѣстность, даже славу, хоть и преходящую. Редакція имѣла недавно случай узнать о слѣдующихъ сочиненіяхъ и переводахъ одного престарѣлаго малороссійскаго литератора.

1) Грамматика малороссійскаго языка. 2) Словарь Малороссійскаго или Юго-восточнаго, Русскаго языка, филологическій и этимологическій, съ присоединеніемъ поговорокъ, пословиць, со сводомъ словъ однознаменательныхъ (синонимовъ), составленный по произношенію, какъ говорили и нынѣ говорятъ въ Малой-Россіи, заключающій въ себѣ болѣе 20 тысячъ статей. 3) Басни (числомъ 333), переделанныя на Малороссійскій языкъ съ лучшихъ французскихъ (почти весь Ла-Фонтенъ и Флоріанъ), нѣмецкихъ и руссійскихъ (Крылова и Дмитріева) баснописцевъ, въ 4-хъ частяхъ съ 21 виньеткой. 4) Сказки на Малороссійскомъ языкѣ (чис. 23). 5) Баллады на малороссійскомъ языкѣ (чис. 15). 6) Шуточная поэма на малороссійскомъ языкѣ «Похищеніе Прозерпины» въ 3-хъ пѣсняхъ, — подъ пару Котляревскаго Энеиды. 7) «Иванъ Золотаренко», драматическій разсказъ, (истинное происшествіе), въ одномъ дѣйствіи. На Русскомъ языкѣ: 8) Зиновій Богданъ Хмельницкій, или картины событій, обрядовъ, нравовъ и обычаевъ XVII вѣка въ Малороссіи, съ народными пѣснями, — историческій романъ въ 3-хъ частяхъ. 9) Эстетика, и 10) Лѣгвистическіе памятники повѣрій у Малороссянъ, ихъ свадебные обряды съ народными пѣснями.

Мы советуемъ бы почтенному автору войти въ сношеніе съ Академіей Наукъ и отдѣленіемъ Русскаго языка и Словесности, которое, вѣрно, найдетъ средства воспользоваться такими важными трудами.



ШАНОРАМА ЖИЗНИ АФРИКАНСКИХЪ КРЕОЛОВЪ.

М е р и.

(Окончаніе).

VI.

Ничто такъ не удастся, какъ хорошо соображенный злой умыселъ. Съ помощію цѣлаго ряда ловко разставленныхъ хитростей, Бернардень дошелъ наконецъ до цѣли, указанной имъ Льетору. Морисъ, котораго, казалось, само Провидѣніе хотѣло отвлечь отъ разверзавшейся передъ нимъ бездны, сначала помялся было нѣсколько и даже попытился передъ предложеніемъ вступить въ торговое товарищество, которое было совершенно противно его наклонностямъ и притомъ еще требовало отъ него раболѣпной покорности людскому обществу; но настойчивыя увѣщанія Элоры восторжествовали надо всѣмъ; молодая женщина видѣла въ этомъ хитросплетенномъ обстоятельстве одно только, что мужъ ея избѣгнетъ тюрьмы. Такъ, стало быть, нечего было тутъ колебаться. Подлинно домашній переворотъ совершился въ *Натальскомъ раю*, ставшемъ собственностью Льетора Адриасена. Преніе владѣльцы пользовались уже имъ по найму. Льеторъ и Бернардень поселились въ Портъ-Наталъ, въ одной изъ лучшихъ частей этой колоніи, съ тѣмъ намереніемъ, говорили они, чтобы всякій праздникъ и мало-мальски свободный день можно было имъ проводить въ гостяхъ у Мориса.

Во время перваго своего выхода, Морисъ почувствовалъ въ сердцѣ такое же стѣсненіе, какое испыталъ, вѣроятно, нашъ прародитель, когда переступалъ границу Эдема; но такъ—какъ городъ, въ который вошелъ Морисъ, не имѣлъ ни малѣйшаго сходства со всѣми прочими городами, то грусть въ немъ вскорѣ потухла. Портъ—Наталъ показался ему истиннымъ земнымъ раемъ, усѣяннымъ множествомъ жилищъ самой первобытной, патриархальной наружности, и управляемымъ кроткими законами золотаго вѣка. Голландцы, основатели этой чудесной колоніи, придали этому уголку Африки тотъ скромный, уютный видъ, тотъ пріятный характеръ мирнаго жилья, дышащій спокойствіемъ и радушіемъ, всѣ качества наконецъ, которыми такъ любуешься въ ихъ европейскихъ городахъ и которыя еще съ болѣе привлекательною, умилятельною прелестью дѣйствуютъ на васъ, среди роскошной природы. Одинъ англійскій путешественникъ написалъ о Портъ—Наталѣ слѣдующія слова, которыя даютъ самое вѣрное понятіе объ этой колоніи: «Съ самаго сотворенія міра, — говоритъ онъ, — основатели городовъ всего еще въ первый разъ показали здравый смыслъ.» Здѣсь Голландцамъ не зачѣмъ было, для построенія городовъ, завоевывать землю у океана, силою плотинъ и свай,—работа египетская, которую однакожь ничто не оправдываетъ, на этомъ шарѣ, гдѣ океанъ омываетъ столько плодотворныхъ, обильныхъ и тѣнью и свѣтомъ, пустынь. Но люди, видно, такъ ужь созданы; ничто не выводитъ ихъ изъ мрака заблужденія, ни даже самое солнце: они вѣчно упорствовали и лѣзли все къ сѣверу, ведя между собою кровопролитныя войны, для пріобрѣтенія ничтожнаго клочка не земли собственно, а ситѣгу, на берегу какой—нибудь ледянистой рѣки, а стадамъ цѣлымъ дикихъ звѣрей предоставили жить въ теплыхъ поясахъ, на побережьяхъ, усыпанныхъ жемчугомъ, на островахъ, выложенныхъ кораллами. Гранитные дворцы воздымаются у береговъ Мерсея, Клейда, Темзы, и одни смиренныя лачужки дикихъ, либо пещеры львовъ, тигровъ, попадаютъ на берегахъ безыменныхъ рѣкъ, протекающихъ въ роскошной тѣни и подъ покровомъ блистающаго солнца, между заливомъ Агоа и Адельскимъ царствомъ, въ обширной пустынной области, гдѣ человѣку не за чѣмъ запастись многочисленнымъ гардеробомъ, гдѣ веселитъ его взоръ постоянно цвѣтущая зелень и неуядаемые цвѣты,

гдѣ питаетъ его великодушная почва, дарующая ему все и не требующая отъ него работъ «въ потѣ лица.» Холодный рассудокъ, — это ненаглядное дѣтище человѣка, — убиваетъ постоянно пламенные, благородныя стремленія, внушаемыя ему свыше.

Солнце, кажется, съ особенной материнской любовью озаряетъ юную, очаровательную колонію Портъ-Наталь; небо словно съ особенной заботливостью свело всевозможныя прелести въ этотъ мирный уголокъ земли; африканская природа постаралась вырыть здѣсь самое ровное русло, гдѣ рѣзвятся, какъ счастливыя малютки, легкія сапфировыя волны. Люди захотѣли приложить дѣла рукъ своихъ къ этимъ Божьимъ твореніямъ, — и ничего еще столь восхитительнаго не видала земля. Тутъ не видать скучной симметріи въ улицахъ, нѣтъ громадныя зданій, тѣснящихся другъ къ другѣ и запирающихъ воздухъ; здѣсь повсюду привольно и свѣжему воздуху, и свѣту и чистѣйшимъ благоуханіямъ: носятся они свободно въ атмосферѣ. Каждый домъ глядитъ островомъ; каждая стѣна занавѣшана словно вуалью изъ цвѣтовъ; каждое окно кажется рѣшеткой, устроенной для зелени; при каждомъ садѣ цвѣтникъ съ фонтаномъ, рѣшетчатая бесѣдка съ вьющимся виноградомъ, аллея и ротонда изъ пальмъ; повсюду красуются террасы, балконы, кіоски, украшенные роскошными цвѣтами, откуда взору открывается видъ величественнаго моря, а обоняніе упивается благоуханіями, которыя несутся снизу. Вѣшнія прогулки совершаются по дѣвственнымъ лѣсамъ, и искусство, обдѣлавши ихъ на свой ладъ, умѣло все-таки сохранить во всей чистотѣ прежнюю ихъ прелесть. По вечерамъ, счастливыя колонисты семьями отправляются подышать пріятною вечернею прохладю, въ тѣни вѣковыхъ деревьевъ, гдѣ, въ усладу имъ, раздаются мелодическіе концерты птичекъ. Вполнѣ счастливая колонія!

Несчастный Морисъ, сдѣлавшись жертвой катастрофы, влѣклавшей его въ людское общество, почувствовалъ нѣкоторое облегченіе своей горести, посреди этой колоніи, которая такъ мало походила на остальной міръ и такъ близко подходила къ обыкновеніямъ, къ привычкамъ *Натальскаго рая*. Когда приходится рассчитывать на худшее, то поневолѣ примиряешься съ дурнымъ; то, что казалось нестерпимымъ, съ вершины полнаго, яснаго благоденствія,

получаетъ другой видъ послѣ паденія и внушаетъ человѣку мужественно переносить всё горечи обрушившагося на него несчастія.

Льеторъ и Бернарденъ; между тѣмъ, разыгрывали изъ себя такихъ—то серьёзныхъ людей, обуянныхъ демономъ торговли, — что чудо! Они учредили контору въ одномъ великолѣпномъ домѣ, гдѣ изящная во всемъ отдѣлка замѣняла грубый матеріализмъ, неразлучный обыкновенно съ торговыми конторами, въ которыхъ на каждомъ шагу вашему взору представляются то разбросанные купеческіе счета, писанные въ два столбца, то простыя таможенные объявленія, то неуклюжіе и грязные тюки товаровъ. У нихъ же для счетовъ имѣлась одна большая книга, охваченная съ четырехъ угловъ позолоченною мѣдью, и преважно покоившаяся на пюпитрѣ изъ кедроваго дерева; по одну сторону отъ него правильными рядами стояли цѣлые столбы картонокъ съ красивыми ярлыками, а по другую лежали изящно отдѣланные ящики съ разнаго рода бумагами; дальше была деревянная рѣшетка, изъ-за которой видѣлись прикащики съ озабоченными лицами, суетившіеся у огромныхъ бюро, наполненныхъ разными каллиграфическими принадлежностями, глобусами всевозможныхъ величинъ и провизіей для конторы. На одномъ мѣстѣ рѣшетки красовалась голубаго цвѣта дощечка, на которой простыми, но красивыми буквами возвѣщалось, что касса отперта всегда съ десяти до четырехъ часовъ. Кое-гдѣ стояли разной величины сундуки съ прибитыми сверху планочками, на которыхъ значились всё лучшіе товары въ свѣтѣ. Иногда являлись въ контору мнимые маклеры, все по большей части продувные негры, съ предложеніемъ купить какой-нибудь только-что привезенный товаръ, котораго у нихъ и не было, и Бернарденъ торговался съ ними, обнюхивалъ обращики, шептался съ Льеторомъ, соглашался, или нѣтъ, на сдѣлку, съ умѣньемъ и ловкостью отличнаго актера. Морисъ присутствовалъ при этихъ сценахъ, словно какъ прилежный ученикъ, внимательно слушающій уроки о торговлѣ, вслѣдствіе сильнаго желанія приобрести ту же вѣрную смѣтливость, какой обладали его товарищи, и вырвать потомъ свою часть изъ общаго барыша. Вечеромъ, Бернарденъ и Льеторъ, заперши контору, провожали Мориса до самаго входа въ *Натальскій рай*, гдѣ разставались съ нимъ и возвращались назадъ въ колонію.

Во время этого пути, Бернарденъ, ходившій обыкновенно между Морисомъ и Льеторомъ, перебиралъ вкратцѣ весь ходъ дѣлъ за день. То онъ сожалѣлъ, что не удалось купить партію *као-лена*, отличнаго китайскаго напитка, или пятьдесятъ ящиковъ алькоголическаго сам-су, что бы могло очень выгодно замѣнить таѳію; то сильно превозносилъ себя за покупку ископаемыхъ раковинъ и слоновыхъ костей, за которыя навѣрное придется получить, по прибытіи европейскихъ кораблей, тридцать процентовъ чистѣйшаго барыша. У входа въ *Натильскій рай*, Бернарденъ и Льеторъ разставались съ Морисомъ, прощаясь съ нимъ до *завтра*; вслѣдъ же за этимъ, Льеторъ начиналъ обыкновенно одну и ту же жалобу; тяжело вздохнувши, онъ восклицалъ обыкновенно:

— Бернарденъ, ужь это слишкомъ долго тянется! силъ моихъ не достаесть! чортъ совсѣмъ совсякой торговлей ископаемыми рѣдкостями.

— Долго ли мнѣ будетъ повторять вамъ, что вы еще совсѣмъ ребенокъ? — говорилъ Бернарденъ. Ради Бога, молчите, и дайте мнѣ покончить это дѣло. А то вы, пожалуй, какъ нельзя лучше, разыграете одного изъ тѣхъ безумцевъ, которые, жадно хватаясь за сосудъ съ напиткомъ, только разбиваютъ его. Вѣдь нужно время, чтобы все приготовить, какъ слѣдуетъ. Дѣло идетъ о похищеніи женщины; мы въ такой странѣ, гдѣ еще бываютъ подобныя похищенія, ни дать, ни взять, какъ во времена Менелая. Обыкновеніе это держится въ Индіи до сихъ поръ. Богачъ Пальмеръ похитилъ невольницу въ Дели, жену брамина въ Бенаресѣ, баядерку въ Голкондѣ. Это три извѣстные факта. Ему съ его золотомъ, навѣрно ничего бы не стоило купить этихъ трехъ женщинъ, но подобное средство было слишкомъ обыкновенно и не имѣло въ себѣ ничего возбуждательнаго для него, какъ человѣка, пресытившагося всеми наслажденіями жизни. Онъ готовъ былъ платить Богъ знаетъ какіе капиталы людямъ, устроившимъ эти похищенія, и они обходились ему несравненно дороже самихъ похищенныхъ женщинъ. Я зналъ набоба, который король Фивики у сосѣда, тогда какъ его собственнымъ приходилось гнить на пальмахъ. Ваше же положеніе совсѣмъ иное; вамъ цѣтъ возможности купить ту женщину: ее не продадутъ вамъ; такъ, стало быть, по азіатскому обычаю выходитъ, что ее надо похитить. Перескочивши черезъ этотъ ручеекъ, что называютъ океаномъ, мы спасемъ

отъ всякихъ преслѣдованій правосудія. Тамъ другая планета, другой, новый міръ. Такъ, стало быть, нужно мнѣ будетъ подготовить для васъ на всѣхъ станціяхъ отъ *Натамьскаго рая* до Сентъ-Льеса подставныхъ лошадей. Надо заранѣе нанять бригъ изъ Сентъ-Льеса въ Носси-бе. Въдь все это довольно хлопотливая исторія. Вы мнѣ дали полномочіе, такъ ужъ не вѣшивайтесь въ это дѣло, а то все испортите. Съ нѣкоторыхъ поръ, вы маленько пообуздали себя, стали нѣсколько терпѣливѣе, не загубите же такого дорогаго плода, который началъ ужъ показываться въ васъ. До цѣли недалеко.

Съ легкими варіаціями на эту тему, Бернарденъ осаживалъ, такимъ образомъ, каждый вечеръ нетерпѣніе Льетора Адриасена. Особенно выказывалась въ немъ изумительная тонкость ума въ минуту разставанья трехъ инимыхъ торговцевъ, наканунѣ какого-нибудь праздника. Морисъ приглашалъ обыкновенно тогда Льетора на слѣдующій день къ себѣ, и въ ту минуту, какъ безразсудный Льеторъ готовъ былъ съ восторженною радостью принять это приглашеніе, Бернарденъ восклицалъ съ смѣльнымъ занканьемъ:

— О! невозможно! невозможно! Право же, я бы и самъ не прочь теперь отдохнуть немножко, послѣ этой тяжелой недѣли: голова такъ и трещитъ отъ дѣлъ; но, что жь дѣлать, работа ждетъ насъ завтрашній день. Мнѣ вотъ нужно всѣ черновые счета перенести въ большую книгу; м-г Адриасену предстоитъ подписать двѣсти циркуляровъ, а курьеръ-то изъ Мадраса и Калькутты. Надобно всѣ недомжки до чиста очистить къ будущей недѣлѣ. Дѣла должны стоять всегда впередъ удовольствій; таково ужъ мое правило.

Морисъ раскланивался передъ такими дѣльными доводами, а самъ въ глубинѣ души былъ очень радъ отказу, потому-что ему приходилось чрезъ это весь слѣдующій день провести наединѣ съ его божественной Элорой.

Съ основанія этого мошенническаго торговаго товарищества, для молодой женщины настала самая скучная жизнь. Морисъ взялъ съ нея клятву, что она не будетъ выходить дальше террасы и что будетъ постоянно имѣть подлѣ себя ного-нибудь изъ прислуги. Элора, желая успокоить тревожное воображеніе отсутствующаго мужа, повиновалась этимъ тиранническимъ требованіямъ, которыя, впрочемъ,

оправдывались чрезвычайною любовью. Всего только на минуту вернулась передъ ней чарующая прелесть запретнаго для нея міра; только-что раздался было нѣжный звукъ новаго голоса, и видѣніе опять скрылось, и мелодія замерла; могильная тишина задала вѣжъ неа; молодой женщиѣ тяжело даже стало, что ее поспѣило минутное развлеченіе, потому-что одно воспоминаніе о немъ ужъ наводило на настоящую ея жизнь легкій туманъ незнакомой ей до сихъ поръ тоски; и, странная вещь, все окружающее, казалось, помрачилось вслѣдствіе той же мысли; прислуга смотрѣла какъ-то печально; птицы замолкли, цвѣты понурили увядшія головки. Одно только существо, казалось, не было подъ вліяніемъ общей тоски, а именно, слонъ Набобъ; онъ предупреждалъ малѣйшія желанія своей прекрасной хозяйки, угадывалъ всѣ ея мысли; шалилъ, какъ ребенокъ, концемъ своего хобота то съ ея лентами, то съ ея кружевами и волосами; выполнялъ передъ нею разныя жонглёрскія штуки; принималъ каррикатурно-граціозныя позы, чтобы хоть сколько-нибудь развеселить ее, или же предлагалъ ей, жестомъ, яснымъ, какъ слово, посадить ее къ себѣ на шею и пронести ее съ триумфомъ, какъ какую-нибудь, султаншу. И все онъ же, Набобъ, увѣдомлялъ ее внезапнымъ порывомъ радости о возвращеніи Мориса далеко прежде, чѣмъ слышно было шелканье замка у рѣшетки. Посреди своихъ штукъ и забавъ, онъ вдругъ тогда останавливался, храня мертвую неподвижность, и наклонивъ одно ухо по направленію къ входу, и потомъ поднявши хоботъ, чтобы забрать въ себя побольше воздуха, пускался въ скачъ, какъ огромная собака, къ рѣшеткѣ, горя нетерпѣніемъ увидѣть своего хозяина, мужа Элора. Исполнивши эту обязанность хорошаго служителя, онъ запиралъ самъ рѣшетку, съ заботливостью аккуратнаго сторожа, вынималъ ключъ, вѣшалъ его на одинъ изъ клыковъ своихъ, и, казалось, былъ внѣ себя отъ радости, что ни одинъ подозрительный человѣкъ не сможетъ ужъ войти вплоть до слѣдующаго дня.

Однажды вечеромъ, какъ онъ отправлялъ эту самую должность, Морисъ, возвратившійся изъ Портъ-Наталя, сдѣлалъ ему знакъ, чтобы онъ оставилъ ключъ у рѣшетки и удалился бы къ себѣ въ сарай. Но смѣтливое животное подало видъ, что будто бы не поняло ничего. Подбѣжавшая въ эту минуту Элора изумилась такому

приказу и обратилась къ мужу съ вопросительнымъ взглядомъ. Тогда Морись сказалъ ей, смѣясь:

— Вотъ и они; Бернарденъ увѣряетъ все, что Набобъ не долюбиваетъ чужихъ, незнакомыхъ людей, что, по моему, совершенная правда, и потому просилъ меня запереть его въ сарай.

Набобъ взглянулъ на свою хозяйку, какъ бы подавая аппеляцію на такой несправедливый приговоръ въ высшій судъ, а молодая женщина, вполне обрадованная объявленнымъ визитомъ, указала своему любимцу на тюрьму, и тотъ, понуря голову и размахивая ушами, подчинился ея повелительному жесту.

Элора приняла двухъ товарищей своего мужа съ изъясненіемъ самой искренней радости, какая свойственна вообще англійскимъ креолкамъ; она пожала имъ руки, осыпала ихъ вопросами, упрекнула, что они совсѣмъ ее забыли, и завладѣла проворно рукою Льетора Адриасена.

— Какъ пріятно, — проговорилъ Бернарденъ, — подышать здѣшнимъ воздухомъ и на время забыть совсѣмъ о всевозможныхъ дѣлахъ. Мы ваши, сударыня, на весь завтрашній день, а въ понедѣльникъ, съ самаго ранняго утра, мы снова надѣнемъ на себя ярмо заботъ.

— Какъ! — воскликнула Элора, — едва успѣли явиться, какъ уже хотите бѣжать.

— Дѣла, сударыня, дѣла! — возразилъ Бернарденъ, — спросите у мужа, онъ знаетъ; въ понедѣльникъ, чѣмъ свѣтъ, я долженъ быть въ гавани, потомъ въ таможнѣ, потомъ на переторжкѣ въ аукціонной камерѣ, потомъ... да мало ли гдѣ еще? Хлопотъ вдоволь на цѣлый день. М-г Льетору и м-г Морису надо быть непременно въ конторѣ: отбою имъ не будетъ отъ маклеровъ въ понедѣльникъ-то. Первый день въ недѣлѣ всегда самый тяжелый.

Морись и Льеторъ подтвердили слова Бернардена.

— Неужели же вы бонтесь моего Набоба? — произнесла потомъ Элора, залившись самымъ звонкимъ смѣхомъ.

— Сударыня, — возразилъ Бернарденъ, — я прожилъ въ Индіи, слава Богу, десять лѣтъ, такъ было когда ознакомиться хорошенько съ этими неуклюжими животными; они также причудливы, какъ и обезьяны. Сегодня они любятъ васъ, а завтра ненавидятъ. Въ одну

минуту хватить по носу хоботомъ ни за что, ни про что. Приходится ссориться съ ними, Богъ знаетъ изъ-за чего, и самъ не понимаешь. Они не стануть объясняться, а прямо отправляютъ на тотъ свѣтъ. Надо вамъ сказать, я очень друженъ былъ, въ фермѣ у сира Роберта Фенерана, со слономъ, котораго звали Гусь. Разъ какъ-то, въ то время, какъ онъ игралъ съ попугаемъ, заставляя его болтать и прыгать у себя на клыкахъ, я унесъ у него шутя попугая; такъ онъ въ ту же минуту сорвалъ съ меня шляпу, издавши такой глухой ревъ, словно буйволъ, когда тому случается терзать тигра, какъ это видаешь въ циркахъ на островѣ Суматрѣ. Я постарался какъ можно скорѣе отступить съ поля сраженія, боясь лишиться вслѣдъ за шляпой и головы. Вотъ чѣмъ кончилось послѣднее мое знакомство со слонами. Я довольно-таки наученъ этими дьяволами, и всячески избѣгаю теперъ еще новыхъ ихъ уроковъ.

Элора хохотала, какъ дурочка, до упаду, а Морису между тѣмъ становилось больно на сердцѣ, при видѣ такой ея веселости; ему хотѣлось быть единственнымъ свидѣтелемъ и единственной причиной этого очаровательнаго смѣха, почти никогда не бывалаго въ *Натильскомъ раю*.

Весь вечеръ и слѣдующій день разговоръ только и вертѣлся, что на торговлѣ, на сдѣлкахъ да на тѣхъ товарахъ, которые были въ особенномъ предпочтеніи на индійскихъ рынкахъ. Напрасно прекрасная Элора пыталась свести его на болѣе обыкновенные предметы, Бернарденю и Льеторю, казалось, просто-таки совсѣмъ овладѣлъ демонъ барыша, и молодая женщина могла вырвать у нихъ только нѣсколько учтивыхъ словъ; потомъ разговоръ переходилъ отъ одной конторы къ другой, къ третьей, отъ Цейлана къ Кандернагору, отъ Бомбая къ Явѣ. Тутъ сыпались всѣ извѣстныя по торговымъ пунктамъ имена; изобрѣтались небывалыя съ китайскими, малайскими, санскритскими окончаніями; упоминалось о страшныхъ выгодахъ, вырученныхъ батавійскими кулаками-негоціантами; рылись въ коммерческомъ каталогѣ, отыскивая самыхъ надежныхъ, зажиточныхъ корреспондентовъ для операций по отдаленнымъ мѣстамъ; воздвигали, на вѣроятныхъ расчетахъ, обширныя соображенія о предстоящей жатвѣ и сборѣ риса *бенафу-и*, драконовой крови, корицы,

бурбонскаго кофе, камеди, чаю. Обѣ эти головы, казалось, до того пылали промышленной страстью, что того и гляди, приберутъ они, пожалуй, подобно Пальмеру, весь Индѣйскій океанъ въ свои руки; по ихъ словамъ, у нихъ уже строились конторы во всевозможныхъ приморскихъ городахъ, снаряжались цѣлыя флоты купеческихъ кораблей; они тягались съ Остѣ-индской компаніей; разрабатывали рудники въ Коромандели и Малабарѣ; истребляли пиратовъ на островѣ Борнео и увозили оттуда золотой песокъ. Пальмеръ все это сдѣлалъ и остался ни при чемъ; они же будутъ тѣмъ же, чѣмъ Пальмеръ, и при этомъ еще не упустятъ ничего изъ рукъ своихъ.

И вы не довѣритесь подобнымъ торговымъ властелинамъ?! Простодушный Морисъ слушалъ, улыбался, поглядывалъ на жену и словно говорилъ ей:

— Милая моя, все, что выпадетъ на мою долю изъ этого баснословнаго богатства, я повергну къ твоимъ божественнымъ стопамъ.

Въ воскресенье вечеромъ всѣ дружески разстались другъ съ другомъ, унеши съ собою на ночь порядочный запасъ самыхъ обольстительныхъ мечтаній.

На другой день, заря чуть еще стала заниматься, а Морисъ былъ уже на ногахъ. Онъ вышелъ на террасу, и строгими помыслами о своихъ обязанностяхъ старался подкрѣпить свой духъ, изнемогавшій отъ предстоящей разлуки съ прелестями супружескаго крова. Въ это время сошелъ сверху Бернарденъ, съ опечаленнымъ лицомъ и опустившимися руками.

— Что такое съ вами? — спросилъ его съ беспокойствомъ Морисъ.

— Со мной! — проговорилъ съ удивленнымъ видомъ Бернарденъ, — ничего; а вотъ у несчастнаго Льетора лихорадка, да и какая еще лихорадка—то, Боже мой! Всю ночь напролетъ не спалъ я. Что съ нимъ было! Онъ все былъ въ жару и бреду, и страшно терзался. Я такъ и зналъ, что, съ приходомъ его сюда, въ немъ пробудятся всѣ впечатлѣнія той несчастной ночи. Онъ только все и твердилъ, что имя миссъ Катрины. Окончательно—таки, любовь эта въ немъ неизлечима. Я старался было раздуть въ немъ другую

страсть въ Портъ-Наталѣ; все, казалось, шло хорошо; но вотъ вамъ опять все рушилось.

— И вы думаете, что онъ дѣйствительно очень серьёзно занемогъ? — спросилъ Морисъ.

— Нѣтъ, не то, чтобы занемогъ; вѣдь это не больше какъ припадокъ. Вотъ ужъ тепереча онъ спитъ тихимъ, покойнымъ сномъ; не говоритъ больше о миссъ Катринѣ; это хорошій знакъ. Я нарочно не будилъ его; спокойный сонъ вѣдь самый лучшій медикъ въ свѣтѣ... а меня-то ждутъ тепереча въ пристани, въ таможнѣ, на аукционѣ!... вамъ же, м-г Морисъ, предстоитъ возня съ двадцатью маклерами!... Ну такъ, нужно порѣшиться на чемъ-нибудь.

— Но, — проговорилъ простодушно Морисъ, — мнѣ кажется, что надо....

— Дѣла прежде всего, — быстро произнесъ Бернарденъ, какъ бы разговаривая съ самимъ собою.

— О! конечно, — возразилъ Морисъ; — дѣла прежде всего... но если....

— Ему слѣдуетъ теперь поспать хорошенько, да денекъ отдохнуть, успокоить себя, — перебилъ Бернарденъ. Ну такъ, м-г Морисъ, рѣшаетесь-ли вы перенести одни всю тяжесть этого немилосерднаго понедѣльника?

— Чтò жъ дѣлать, если обстоятельства заставляютъ, — произнесъ Морисъ съ видомъ принужденной покорности.

— Ну такъ отправитесь! — подхватилъ Бернарденъ; — но напередъ отдайте приказанія, какія нужно, въ домѣ.

— Я вотъ только поручу м-г Адриасена моему служителю....

— Вотъ это дѣло, — перебилъ Бернарденъ; а если его болѣзнь, чего однако жъ, по моему, быть не можетъ, приметъ серьёзный характеръ, такъ прикажите пожалуйста, чтобы тотчасъ же дали намъ знать въ контору.

Нѣсколько минутъ послѣ этого, Бернарденъ и Морисъ отправились въ Портъ-Наталь.

VII.

Утро было превосходное; можно было подумать, что природа чудным оркестром исполняла, со всёю умѣньемъ знатока, пасторальное *andante* увертюры *Вильгельма Телля*, гдѣ ни одна рѣзкая нота не даетъ предчувствовать ужаснаго уругана, которымъ дышетъ *stretta*. Въ подобномъ случаѣ, Веберъ выказалъ себя болѣе философомъ, чѣмъ Россини: двѣ внезапныя и сухія у него нотки тромбоновъ протестуютъ словно своимъ неумѣстнымъ, зловѣщимъ крикомъ, противъ мирно-веселаго настроенія оркестра. Всякій чувствуетъ, что вскорѣ должно все омрачиться. Природа же не предъувѣдомляетъ, ей бы тогда предстояло пропасть хлопотъ; такъ не довѣряйтесь же ея пурпуровымъ и розовымъ зарямъ: солнце не всегда ложится въ томъ видѣ, въ какомъ встаетъ.

Элора поручила одному слугѣ находиться безотлучно подлѣ двери той комнаты, которую занималъ Льеторъ Адриасень, и войти къ нему по первому его призыву. Прошло нѣсколько часовъ, а слуга все ждалъ да ждалъ. Прекрасная Элора, прикованная къ террасѣ клятвой, данной ею своему мужу, счищала, съ разсѣяннымъ видомъ, шелуху съ баобаба, собственно для того, чтобы только заняться чѣмъ-нибудь, и бросала, по временамъ и какъ будто бы невзначай, косвенные взоры на кіоскъ, гдѣ находился тотъ молодой креоль, что говоритъ такъ увлекательно и такъ хорошо рассказываетъ про свои несчастія, про свою любовь. Когда она проснулась въ то утро, причудливый случай подсунулъ ей, Богъ знаетъ съ какой стати, любимое ея платье, которое сидѣло на ней самымъ отличнымъ образомъ, вполне выказывая всю прелесть ея стана, и шло къ ней какъ нельзя лучше. Въ добавокъ къ этому, молодая служанка изъ Африканокъ, какъ бы подкупленная тѣмъ самымъ случаемъ, убрала Элорѣ голову самымъ наряднымъ и вмѣстѣ съ тѣмъ самымъ простымъ образомъ. Свѣжіе янги и мелкія розы выглядывали съ особенной прелестью изъ-подъ роскошныхъ волнъ ея золотистыхъ кудрей, замѣняя, какъ нельзя лучше, всякій пышный уборъ изъ коралловъ и жемчуга, который былъ бы только слишкомъ тяжелъ и не красивъ для утренняго костюма. О завѣтное

кокетство женщинъ всѣхъ странъ и всѣхъ временъ, кто можетъ проникнуть въ твои тайны? Вотъ невиннѣйшая изъ среды самыхъ мудрыхъ, дѣвственная супруга, которая не вскормила въ себѣ еще ни одной преступной мысли, которой не коснулось еще тлетворное дыханіе свѣта, и та прибѣгаетъ къ маленькимъ хитростямъ, свойственнымъ лишь образованности; наивная креолка, не знающая еще ничего о тѣхъ опасностяхъ, которыя разверзуются вслѣдъ за невинными вызовами на любовь, да, невинными, потому—что въ нихъ ни воля, ни разсудокъ, ни даже самое сердце не играютъ ни малѣйшей роли, а дѣйствуетъ все одинъ только инстинктъ. Элора и не воображала себѣ, чтобы незамѣтный глазъ слѣдилъ за каждымъ ея движеніемъ и поминутно справлялся съ хронометромъ, который врученъ былъ Бернарденю Льетору, какъ регуляторъ переворотовъ, готовыхъ совершиться въ тотъ достопамятный день.

Когда стрѣлка указала ту минуту, съ которой назначено было дѣйствовать, Льетора обдало холодомъ и ноги у него задрожали, словно у новичка—злодѣя, когда онъ чувствуетъ, что бодрость духа его покидаетъ въ рѣшительную минуту. Послѣдній взглядъ, брошенный изъ кіоска на Элору, вдохнулъ въ него не мужество, а ярость; взрывъ страшнаго пламени охватилъ голову молодому креолу; онъ воспламенился въ высшей степени при мысли объ одиночествѣ, безнаказанности и несомнѣнномъ успѣхѣ, и твердыми, дерзкими шагами началъ спускаться внизъ.

Устроивая эту сцену, Бернарденъ такъ ловко вывелъ всѣ выгоды на сторону Льетора, что, въ случаѣ невольной погрѣшности противъ нихъ, наблюдатель самый опытный, и тотъ не могъ бы замѣтить опасности положенія. Молодой креоль приостановился на порогѣ дома, посмотрѣлъ, какъ лежалъ солнечный свѣтъ на деревьяхъ, словно дикарь какой—нибудь, старающійся угадать время по природнымъ часамъ, и не обнаруживши ни малѣйшаго изумленія при видѣ Элоры, онъ слегка поклонился и отправился по направленію къ ней, съ самымъ равнодушнымъ, спокойнымъ видомъ.

Совѣсть, какъ строгій судья, потребовала отъ молодой женщины немедленнаго объясненія причины невольнаго ужаса, овладѣвшаго ею, и вслѣдъ за тѣмъ выѣнила ей въ проступокъ невин-

ную заботливость, которую она, сверхъ обыкновенія, приложила къ своему туалету.

Сначала они обмѣнялись самыми пустыми фразами; Льеторъ, наученный своимъ наставникомъ, какими путями слѣдовало вести разговоръ, очень ловко приступилъ къ воспоминанію объ извѣстномъ уже кораблекрушеніи, а лишь только это картинное слово сошло съ языка, все остальное могло уже идти свободно, минуя скучные обходы. Льеторъ взглянулъ съ грустью на море и произнесъ, какъ бы въ самозабвеніи:

— О, океанъ! океанъ! какой ты жестокой губитель для людей! Сколько надеждъ и радостей пожралъ ты своей пастью! А все-таки корабли не перестаютъ ввѣряться тебѣ, гоняясь за призрачнымъ счастьемъ!

Элора не слыхала никогда ничего подобнаго отъ своего мужа, ей какъ новость понравились эти восклицанія, и ея выразительное молчаніе упрасивало Льетора продолжать эту рѣчь, начало которой пришлось ей такъ по сердцу.

Но молодой креоль тоже погрузился въ молчаніе, а въ глазахъ его, уставленныхъ въ землю, отражались жестокия внутреннія страданія, которыхъ, казалось, ничья ласка не могли заглушить.

Эта поза, исполненная по рисунку Бернардена, была какъ нельзя больше кстати; благодаря ей, Элора могла свободно всмотрѣться въ Льетора Адриасена, лице котораго носило въ эту минуту характеръ совсѣмъ особенной красоты, выходившей изъ ряда обыкновенныхъ явленій и не имѣвшей даже ничего общаго съ пластичными фигурами индійскихъ Антиноевъ и Бахусовъ. На немъ не видать было румянца, которымъ такъ пышетъ мѣщанское здоровье; оно было у него даже блѣднѣе обыкновеннаго, а чрезъ это самое гораздо лучше и эффектнѣе выступали изъ-подъ черныхъ волосъ, упавшихъ ему на лицо тяжелыми кудрями, черные его глаза, словно два, ярко рдѣвшіе, угля. Молодая женщина испытывала уже то влеченіе, котораго не въ силахъ была подавить; а человѣческій голосъ, этотъ мелодичный инструментъ, который въ устахъ ловкаго злодѣя звучитъ не земной, а райской пѣснью, долженъ былъ скорѣе довершить надъ трепещущей голубкой то, начатки чего произвела коршунъ своимъ взглядомъ.

— Да, сударыня, — сказалъ онъ, — я былъ счастливъ, такъ счастливъ, что многіе могли бы усомниться и повѣрить, что блаженство осуществимо и въ здѣшнемъ міру! Молодая женщина была въ моихъ объѣтахъ, точно такъ же, какъ въ сердцахъ всякой супруги вѣчно присутствуетъ священная мысль о непорочномъ зачатіи дѣтей своихъ. Я жилъ ея душой, а ея душа жила моею. Небо одарило ее всѣми лучшими дарами, красотой, добротой, умомъ, а я обладалъ всѣмъ тѣмъ, что даетъ человѣку возможность пользоваться такими дарами; на моей сторонѣ были богатство и любовь. Сколько разъ, сидя вдвоемъ въ гротѣ, омываемомъ бенгальскою волной, мы утопали въ блаженствѣ отъ ожидавшаго насъ будущаго. Молодости простибельны всякія мечты, потому она можетъ осуществить ихъ, если имѣетъ въ рукахъ цѣлыя груды золота. Я говорилъ ей о своихъ замыслахъ, а она слушала. Мы готовили для нашей супружеской жизни резиденцію, достойную древнихъ эмировъ Явы. Въ воображеніи моемъ носился планъ мраморнаго дворца на берегу океана, съ двухъ сторонъ отъ него шли стройными колоннадами крытыя галлерей и вдавались мысомъ въ океанъ; здѣсь постоянно должна была господствовать тѣнь и свѣжесть, даже и въ самое жаркое время дня. Ей, моей возлюбленной, предстояло стать богиней этого чуднаго морскаго храма; она тогда укрощала бы бури своей улыбкой; къ ней взывали бы тогда изъ дали гибнувшіе матросы; она помогала бы тѣмъ несчастнымъ, которыхъ за-мертво выбросило бы на берегъ яростное море; она принимала бы къ себѣ убогихъ странниковъ. Какимъ восторгомъ наполнялись наши души, когда мы намѣревались похитить у небожителей эту жизнь и вполнѣ отдаться ей! Сколько любви и радостей ожидало насъ въ томъ краю, гдѣ всѣ прелести индійской природы являются въ самомъ блистательномъ видѣ и при тихомъ свѣтѣ зари, и во время зарева при закатѣ солнца, и при яркомъ мерцаніи звѣздъ, и даже въ самую ночь, которая на тамошнемъ морѣ проходитъ въ чудномъ фосфорическомъ свѣтѣ! А блаженство-то, ожидавшее насъ впоследствии, блаженство, которое еще во сто разъ краше и пріятнѣе самыхъ грѣзъ любви и отъ котораго увлажнялись наши глаза сладкими слезами! намъ уже казалось, посреди нашихъ пламенныхъ мечтаній, что у насъ есть дѣти и что рѣзвятся они, словно геніи индійскаго

поэта, въ коралловыхъ и жемчужныхъ гротахъ, или на благоуханномъ пескѣ Цейлана!

Въ этой рѣчи было что-то такое, что должно было непременно плѣнить воображеніе Элоры: Льеторъ въ продолженіе цѣлыхъ трехъ дней твердилъ ее наизусть и теперь говорилъ ее, словно какую-нибудь театральную роль; съ каждой фразой онъ дѣлалъ, какъ бы невольно, нѣсколько шаговъ впередъ, по направленію къ морю, и молодая женщина незамѣтно сходила съ террасы и слѣдовала за его сладкозвучнымъ голосомъ, который все больше и больше кружилъ ей голову. Она все позабыла; она переселилась въ новый міръ, открытый ей такъ случайно; прежняя мѣстность приняла совсѣмъ другой видъ; солнце, море, горизонтъ смотрѣли иначе, чѣмъ прежде; ей даже казалось, что она касалась, кончикомъ своихъ голыхъ ножекъ, того сапфирнаго океана, что велъ къ блистающимъ колоннадамъ и гротамъ, которыхъ геній усыпала жемчугомъ и раковинами, для забавы малютокъ.

Терраса и клятва были забыты!

Льеторъ продолжалъ свою рѣчь и все незамѣтно удалялся отъ дому.

— Не правда ли, хорошо было бы то будущее! и легко могли осуществиться тѣ мечты чистѣйшей любви! Вѣдь жилище наше не то, чтобы создавалось на золотистыхъ облакахъ и изъ тончайшаго зѳира. У насъ ужъ собраны были тысячи работниковъ, потомуки тѣхъ индійскихъ мастеровъ, которые соорудили столько великолѣпныхъ зданій и въ бенгальскихъ горахъ, и на гладкой поверхности, и наконецъ въ мрачныхъ подземельяхъ. Нашъ дворецъ строился на скалѣ, и былъ такъ же дѣйствителенъ и проченъ, какъ и любовь, оживлявшая наши сердца! Пропеслось дуновение, дуновение, разящее все, что ни встрѣчается ему на пути, дуновение смерти! Мы плыли по океану, этому непремирному врагу земли, отправляясь въ городъ Капъ испросить у нашихъ семействъ святаго ихъ благословенія; не нынче, такъ завтра, мы должны были соединиться узами брака... Смерть пронеслась въ видѣ урагана, и все исчезло. Пустота настала для меня; я пережилъ самого себя. Душой моею была моя любовь.

Льеторъ отвернулся, какъ бы стыдился навернувшихся слезъ, и справился между тѣмъ съ своимъ хронометромъ.

Элора, тронутая до глубины сердца, все еще словно слушала умолкнувшій уже голосъ.

Они были подлѣ берега, а молодая женщина и не помнила, гдѣ она находится.

— Вотъ онъ, этотъ безжалостный океанъ! — задекламировалъ снова Льеторъ; какъ онъ тихъ теперь! Но все-таки онъ въ состояніи превратить свою зеркальную поверхность въ зіяющія бездны, лишь только завидитъ, что корабль везетъ съ собой чье-нибудь счастье! О! еслибъ я могъ вызвать къ этому мѣсту всѣхъ жертвъ, которыхъ этотъ свирѣпый звѣрь поглотилъ съ сотворенія міра, какими бы проклятіями они разразились тогда надъ нимъ; крикъ ихъ дошелъ бы до Бога, — и солнце изсушило бы океанъ!

Среди глубокаго молчанія, какое тяготѣетъ обыкновенно надъ пустынями, малѣйшій шумъ долетаетъ до слуха и приводитъ въ содроганіе. Элора словно опомнилась вдругъ отъ сна отдаленнымъ всплескомъ волнъ, который вызвалъ ее къ дѣйствительности. Она посмотрѣла на океанъ и увидѣла шлюпку, обогнувшую небольшой мысъ у Портъ-Наталя. Два гребца выбивались изъ силъ, стараясь пристать къ маленькой бухтѣ, лежавшей во владѣніяхъ Мориса, потому-что ни малѣйшій вѣтерокъ не думалъ надувать одинокій парусъ, который съ горя прильнулъ тяжелыми складками къ мачтѣ. Молодая женщина затрепетала отъ ужаса, ей показалось, что она узнала одного изъ гребцовъ. Въ ту же минуту, она почувствовала также всю тяжесть своей вины, и, наклонивши голову, какъ согрѣшившая передъ Богомъ, бросилась было въ ту сторону, гдѣ находился домъ; но сильная рука, словно когти демона, впиалась въ нее и остановила ее при этомъ порывѣ.

— Пустите меня! пустите! — воскликнула съ отчаяніемъ молодая женщина, — я провинилась передъ мужемъ и согрѣшила передъ Богомъ!

— Если такъ, то ты погибла! — произнесъ Льеторъ, не выпуская ее изъ своихъ рукъ, — нѣтъ тебѣ помилованія! Слушай же, слушай, все, что я тебѣ ни говорилъ, есть чистая ложь. Вѣдь это тебя я такъ люблю, и люблю только тебя одну во всемъ

свѣтъ. Тѣ прекрасныя грезы, — вѣдь это ты мнѣ ихъ внушила! Останься со мной, красота ты изъ красотъ! брось эту скучную пустыню; любовь твоего мужа дышетъ ужасомъ, какъ ненависть. Ты бѣдна, а красота твоя заслуживаетъ богатства; ты одна, а красота твоя заслуживаетъ оцѣнками людскаго. Я твой рабъ или властелинъ, выбирай.

Элора не слушала его; она вырывалась изъ его рукъ съ тою энергіей, какая проявляется у самыхъ слабыхъ женщинъ въ минуту страшной опасности. Шлюпка между тѣмъ приближалась къ берегу. Льеторъ обхватилъ крѣпче молодую женщину своими желѣзными руками, поднялъ ее, и, съ этой ношей, отправился къ морю.

Элора издала тогда тотъ рѣзкій, пронзительный крикъ, тотъ звукъ отчаянія, тотъ женскій *ululatus*, который такъ пугалъ римскіе легіоны, когда они входили побѣдителями въ непріятельскіе города. Крикъ этотъ замеръ надъ океаномъ, не вызвавши ни малѣйшаго эхо, но, со стороны земли, одно ухо услышало его. Запертый въ своемъ сараѣ, слонъ Набобъ вспрыгнулъ отъ ужаса на своихъ четырехъ чугунныхъ столбахъ, и, пробивши сразу хоботомъ деревянную загородку, бросился съ легкостью тигра къ берегу, отвѣчая на крикъ женщины глухимъ ревомъ, очень похожимъ на подземный гулъ волкана передъ изверженіемъ. Слонъ рассудилъ на этотъ разъ оставить, какъ слишкомъ дальній, окольный путь, тѣ дорожки, какими изрѣзанъ былъ садъ; онъ громилъ загородки, массивныя стѣны изъ зелени, рвалъ съ корнемъ молодыя деревья, и все летѣлъ по прямому направленію, ни на шагъ не отклоняясь въ сторону, и предсталъ наконецъ передъ похитителями, словно осколокъ чорнаго грапита, свалившійся съ вершинъ Лупаты, дабы дать отпоръ Индійскому океану. Шлюпка бросилась прочь отъ берега, и два гребца, объятые страхомъ, согнулись въ три погребели на своихъ сидѣньяхъ и съ неимовернымъ усиліемъ взрывали веслами тяжелое море. Молодая женщина, находившаяся уже на шлюпкѣ, боролась все еще съ похитителемъ, который старался удержать ее за длинныя распустившіеся волоса. Слонъ барахнулся въ море, всплывъ его поверхность, и исчезъ; только и видно было, что одинъ его хоботъ, прямо торчавшій надъ водою, словно мачта потонувшаго корабля. Бернарденъ, понимавшій

хорошо, что за грозный неприятель подплывалъ къ шлюпкѣ, оставилъ весла, взялся за карабинъ, всталъ въ позицію часового, находящагося на угрожаемомъ пунктѣ крѣпости, выжидая Набоба, и, лишь только вынырнули на поверхность широкія уши неприятеля, онъ прицѣлился въ это единственное мѣсто, доступное для пули, и сдѣлалъ два выстрѣла. Элора вскрикнула, словно мать, которая видитъ, что дитя ея стоитъ на краю пропасти; на водѣ показались широкія струи крови.

— Убилъ! — воскликнулъ стрѣлокъ.

У Элоры вырвался глухой стонъ, и она безъ чувствъ упала на колѣни къ Льетору. Въ ту же минуту, вода заколыхалась, какъ-будто подъ ней происходило сильное изверженіе волкана; шлюпка зашаталась, взлетѣла однимъ концемъ на воздухъ и опрокинулась, отправивши всѣхъ въ пучину. Раненый слонъ похитилъ у океана свою молодую хозяйку, положилъ ее къ себѣ на шею и, придерживая ее, принялся плыть задомъ, оставивши клыки прямо противъ неприятеля; такъ достигъ онъ берега и сложилъ драгоценную для него ношу подъ густолиственнымъ сводомъ гребенщика.

Когда молодая женщина пришла въ себя, она не знала, какъ благодарить своего спасителя; она расточала ему самыя нѣжныя ласки, благодарила его въ самыхъ восторженныхъ словахъ, какъ будто бы языкъ человѣческой былъ ему понятенъ. Да и было, въ самомъ дѣлѣ, за что благодарить Набоба; онъ вдругъ какъ-будто поднялся на высоту челоуѣка, не тѣмъ, что подалъ такую умѣстную помощь, но тѣмъ, что сложилъ съ себя Элору въ такомъ пустынномъ мѣстѣ, дабы избѣжать тревоги и соблазну, и предоставить ей самой, и притомъ одной, обсудить свое горькое положеніе и препятствія къ появленію подъ сѣнь своего жилища.

Прежде всего, Элора поправила, на сколько могла, безпорядокъ своихъ волосъ и платья, а тропическое солнце изгладило вскорѣ на ней слѣды, оставленные океаномъ. Набобъ, съ своей стороны, омылъ свою рану теплой водой, и приложилъ къ ней листья веерника, съ безпечнымъ видомъ стараго солдата, который серьезную рану принимаетъ за царапину и не хочетъ удостоить ее аккуратной перевязки. Послѣ того, молодая женщина указала Набобу на дорогу къ дому, и пошла сама по той же дорогѣ,

обыкновеннымъ своимъ шагомъ, какъ будто возвращалась съ прогулки или съ купанья, бросивши напередъ послѣдній взглядъ на океанъ, съ котораго исчезъ уже всякій слѣдъ той ужасной сцены. Ни шляпки, ни людей не было на немъ. Виднѣлась только одна гладкая, безграницная равнина сапфирнаго цвѣта, искрившаяся на солнцѣ самыми радужными блестками.

Проходя мимо фермы, Набобъ накинулъ на себя безпечный и веселый видъ; онъ заигрывалъ съ колыхавшимися вѣтками; втягивалъ въ себя огромный запасъ теплой воды и потомъ фонтаномъ пускалъ ее на роскошные цвѣтники; срывалъ съ корнемъ какой-нибудь большой цвѣтокъ и посылалъ его, для потѣхи своей хозяйки, съ такою силой вверхъ, что тотъ волчкомъ вертѣлся въ воздухѣ. Не смотря на мрачное расположеніе духа, Элора не могла не улыбнуться, увидя, что Набобъ такъ хорошо смекалъ ея положеніе.

Никто не замѣтилъ отсутствія госпожи и ея любимца; легко было объяснить какъ-нибудь проломъ въ сараѣ, сдѣланный Набобомъ, въ случаѣ, если Морисъ замѣтитъ это при своемъ возвращеніи; но, взглянувши въ зеркало, Элора увидѣла, что гораздо труднѣе будетъ объяснить знаки насилія, оставшіеся у ней отъ рукъ похитителя на лицѣ и на груди. Она рѣшилась лучше умолчать совѣтъ объ этой ужасной исторіи, — такъ вина ея, казалось ей, была велика и недостойна прощенія! Но задумавшись о близкомъ свиданіи съ мужемъ, она ужаснулась при мысли, что хочетъ обременить свою душу еще новымъ, небывалымъ съ ней грѣхомъ, ложью; вотъ ужъ два грѣха въ ней противъ мужа! и въ одинъ день! и чтобы скрыть первый, надо было прибѣгнуть ко второму! Такимъ образомъ, покрывшись послушаньемъ и ложью, двумя тяжкими грѣхами противъ супружеской вѣрности, Элора пришла въ ужасъ отъ самой себя, и, въ первый разъ, ждала безъ нетерпѣнія возвращенія мужа.

VIII.

Морисъ провелъ ужъ въ конторѣ доброе количество часовъ самой сильной, томительной скуки, нетерпѣливо поджидая все своего товарища, какъ раздался въ стѣнахъ легкій и живой шумъ шаговъ, сопровождаемый насвистываньемъ какого-то веселаго мотива; дверь съ шумомъ отворилась, и явился Бернарденъ съ цѣлой охапкой образчиковъ.

— Ну вотъ мы и явились, — сказалъ онъ, — я изъ одной стороны, а онъ изъ другой; онъ проспалъ цѣлое утро нанотличнѣйшимъ манеромъ; лихорадки какъ и не бывало. Я оставилъ его въ саду, съ двумя попавшимися намъ маклерами. Представьте себѣ, случилось провожать мнѣ брикъ *Дель Лузины* до островка. На возвратномъ пути, море такъ было хорошо, что соблазнило меня; вотъ я взялъ да и выкупался въ промежуткѣ между двухъ дѣлъ. Что случилось хорошаго въ наше отсутствіе? Ну! нѣтъ ли чего новаго?

Морисъ скроилъ свой докладъ съ большимъ трудомъ, какъ человѣкъ, исправляющій такую должность, которая вовсе ему не понутру, а возложена на него обстоятельствами, чуждою или даже хоть обязанностью.

Работа закипѣла подъ рукою Бернардена. Онъ рылся, прочитывалъ, хватался за все, потомъ отбрасывалъ, усаживался, вскакивалъ, а между прочимъ продолжалъ свою рѣчь въ слѣдующемъ родѣ, останавливаясь послѣ каждой фразы, чтобы перевести духъ или поразмыслить надъ какой-нибудь бумагой:

— Нынче вечеромъ, въ шесть часовъ, какъ вамъ извѣстно... Охъ, нѣтъ... Вы впрочемъ не знаете... такъ мнѣ кажется, по крайней мѣрѣ... Да! надо вамъ еще сообщить... Чортъ возьми, куда я дѣлалъ счетъ этотъ Гаспара Доэса?... Завтра мы дѣлаемъ проводы капитану трехмачтоваго корабля, Маркюсу Дюссену... человѣкъ хорошій, честный, нечего сказать.... Намъ приходится приобрѣсть съ нимъ по полпроцента съ бочки... Льеторъ даетъ ему обѣдъ.... Ахъ! вотъ извольте квитанцію, которую я три дня все искалъ!... Да, Льеторъ пригласилъ его на обѣдъ отъ имени

всего дома... Не забыть бы подписать всѣхъ этихъ бумагъ.... Это что за расписка?... Новая какая-то... Нѣтъ, такъ, помню, помню... Такъ, мы отправляемся на обѣдъ часовъ эдакъ въ шесть, въ семь.... Кухмистеръ Нолеса, нашего сосѣда, готовитъ намъ каррикъ съ шафраномъ и съ настоящимъ.... Ахъ! не забыть бы увѣдомить г. Банкаса, что товаръ его попортился отъ морскаго странствованія; примите это къ свѣдѣнiю, м-г Морисъ.... это по вашей части... Съ тѣхъ-поръ какъ Китайцы умудрились поддѣлывать каррикскій порошокъ, ласточкины гнѣзда да союю, такъ уже нѣтъ средствъ изготовить обѣдъ въ настоящемъ индiйскомъ стилѣ.... У этихъ Китайцевъ хватить изобрѣтательности на что вамъ угодно.... Вѣдь они же омастерили луну, думая поддѣлать солнце.... Обѣдъ будетъ великолѣпный и веселый; Льеторъ пригласилъ одного Француза, который на каждое слово сыплетъ вамъ каламбурами, а какъ поетъ пѣсни, такъ со смѣху умрешь. Ученикъ Одри, извѣстнаго Одри!

Морисъ, на котораго обрушилась эта глыба разнокалиберныхъ фразъ, понялъ только одно, дѣйствительно важное для него: *обѣдъ такъ въ шесть или въ семь часовъ*. Тутъ возникало непреодолимое препятствiе.

— Вы знаете, — сказалъ онъ, — что меня каждый вечеръ ждутъ дома, и...

— Ба! — перебилъ Бернардень, — отступить разъ отъ своего обыкновенiя ничего не значить!... Ради самаго неба, м-г Морисъ, не поставьте насъ въ непрiятное положенiе! Льеторъ рассчитываетъ на васъ; вы его несказанно обидите. Будьте осторожниѣ! креолы его нацiя народъ очень щекотливый. Онъ разсердится просто-напросто. Намъ, холостякамъ, никакъ не понять, чтобы можно было отказаться отъ дѣловаго или дружескаго обѣда ради женщины. Надобно, чтобы нашъ торговый домъ присутствовалъ полнымъ комплектомъ на этомъ обѣдѣ.

— Но жена моя!... произнесъ жалкимъ тономъ Морисъ.

— Ваша жена! — перебилъ Бернардень, — ей, я думаю, хорошо извѣстно, что м-г Адриасень сдѣлалъ для васъ; такъ она навѣрно извинитъ вамъ, что вы оказали ему въ нѣкоторомъ родѣ признательность, принявши приглашенiе.

Эти жестокия слова, произнесенныя съ горячностью и безъ

заканья, вонзился острою стрѣлой въ самую глубь сердца чисто-сердечному креолу. Бернарденъ сдѣлалъ мину, что ему жаль стало сорвавшихся съ языка оскорбительныхъ словъ, и, перемѣнивши тонъ, продолжалъ:

— Такъ, м-г Морисъ, послушайтесь благоразумнаго совѣта; не обидьте отказомъ своего друга, товарища. Извините, что я прежде выразился о немъ, какъ о благодѣтелѣ вашемъ. Что же касается до вашей жены, такъ напишите ей записочку; я пошлю кого-нибудь изъ прикащиковъ отнести...

— Если такъ, — прервалъ Морисъ, — я самъ лучше отправлюсь увѣдомить...

— Вы останетесь тамъ! — перебилъ, съ лукавою усмѣшкой, Бернарденъ.

— О! клянусь, что ворочусь! — произнесъ горячо Морисъ, положи руку на сердце.

— Къ-сожалѣнію, м-г Морисъ, не возможно; дѣлъ у васъ вдоволь, такъ что дай Богъ къ шести часамъ все покончить. М-г Льеторъ, конечно, займется приготовлениями къ обѣду, меня вонъ поджидаютъ еще три дѣла въ гавани, а вамъ предстоитъ написать пятьдесятъ писемъ да скрѣпить еще нѣсколько копій. Письма же тѣ должны непременно отправиться съ сегодняшнимъ курьеромъ... Ну, такъ садитесь-ка вотъ сюда и пишите записку жентъ... я вамъ продиктую пожалуй...

Морисъ опустилъ голову, словно жертва, обреченная на закланіе, взялъ нехота перо, и Бернарденъ продиктовалъ ему:

« Милая моя,

« Я вынужденъ, по дѣламъ, принять приглашеніе капитана Маркюса Дюссена, быть у него сегодня вечеромъ часовъ въ семь. Торговля вѣдь настоящій тиранъ, но за то она даетъ богатство и съ нимъ вмѣстѣ свободу. Ворочусь домой довольно поздно. Не поджидай меня. Вели запереть, когда слѣдуетъ, всѣ дѣвери и ворота, какъ это всегда бываетъ, по моемъ возвращеніи».

— Добавьте пожалуй къ этому, какія вамъ угодно будетъ, супружескія нѣжности и подпишитесь — произнесъ вкрадчивымъ голосомъ Бернарденъ.

Потомъ онъ взялъ письмо и прибавилъ:

— Будьте покойны, я доставлю его сейчас же по принадлежности; ну, теперь постарайтесь поскорѣ привести къ концу ваши конторскія дѣла, я же забѣгу въ садъ; надо освободить Льетора отъ двухъ маклеровъ, которые по рукамъ и по ногамъ связали его.

Морись долженъ былъ согласиться на все, потому что положеніе его не давало ему никакой возможности сопротивляться. Мысль о женѣ придавала ему покорность, и даже какое-то горькое блаженство; онъ переносилъ все, въ надеждѣ доставить ей въ скоромъ времени богатство и счастье, да, на концѣ этого тернистаго пути ему видѣлся образъ счастливой, восхитительной Элоры.

Льеторъ прогуливался въ сильномъ волненіи, по отдаленной аллеѣ сада, поджидая своего совѣтника.

— А! — воскликнулъ онъ, лишь только завидѣлъ его, — говори скорѣй: принялъ онъ?

— Принялъ, — холодно проговорилъ Бернардень, — но не весьма охотно.

— Это мнѣ все равно! записка есть?

— Есть, вотъ она, да и гонецъ тоже есть.

— Малый смышленный что ли?

— Да, чернокожій, ученикъ мой, и лучшій изъ всѣхъ моихъ учениковъ, потому что цвѣтъ лица никогда ему не измѣняется.

— Видишь ли, Бернардень, все идетъ превосходно. Элора никакой депеши не присылала къ мужу. Никого не приходило изъ *Натальскаго рая*, такъ всѣ догадки мои сбылись, стало быть.

— Дай-то Богъ! — проговорилъ со вздохомъ Бернардень.

— Бернардень, повторяю тебѣ, у меня въ тебѣ огромная увѣренность; но, воля твоя, въ дѣлѣ женщинъ ты плохой судья. Ты ихъ не знаешь. Ты изучилъ однихъ только мужчинъ. Мое же призваніе иное. Сегодня утромъ я увелъ прекрасную Элору съ порога ея дома къ морскому берегу. Она всей душой внимала словамъ моимъ; она бы съ упительной восторженностью послѣдовала за мной хоть на край свѣта, если бы только море не остановило насъ. Эта женщина любитъ меня... Ты качаешь головой, Бернардень? не вѣришь? прощаю тебѣ, потому что не видалъ ты, какъ она поддалась вся моему обаянію...

— Точно, этого я не видалъ, но за то видѣлъ сцену похищенія, — перебилъ Бернарденъ съ иронической улыбкой.

— А! такъ вотъ чтò сбиваетъ тебя съ толку-то! — восторженно возразилъ Льеторъ, — женщина никакъ не дается твоей проиниципальности. Вѣдь это твой неудачный планъ разрушилъ все сегодня утромъ. Элора стала вдругъ совсѣмъ иная, какъ только увидѣла шлюпку и двухъ гребцовъ. Изъ голубки явилась вдругъ пантера. Понятная вещь: она всей душой поддалась обаянiю тайнаго свиданiя, и съ ужасомъ отскочила при видѣ свидѣтелей. Въ этомъ случаѣ, всякая замужня женщина поступила бы точно такъ же. Теперь я берусь самъ все дѣло уладить, объяснившись съ ней наединѣ. Она мужа не любитъ, а любить меня. Она проститъ мнѣ насилie, какъ крайность, къ которой прибѣгла моя страсть. Я знаю женщину. Вѣдь всѣ тѣ изъ нихъ, которыя погибли отъ кинжала, страстно обожали бы своихъ убійцъ, если бъ имъ только удалось возстать изъ могилъ. Тебѣ это не понятно, а?

— Нѣтъ, — сухо проговорилъ Бернарденъ, насвистывая какой-то испанскiй танецъ.

— Такъ не желаешь ли увѣриться? — сказала Льеторъ тономъ челоуѣка, задѣтаго за живое.

— Очень желаю.

— Теперь пять часовъ, не такъ ли?

— Это неопровержимая истина, сказалъ Бернарденъ, смотря на часы.

— Вотъ видишь ли, женщина эта, подвергшись насилiю, имѣла, я думаю, достаточно времени, съ нынѣшняго утра, чтобъ прислать тридцать писемъ своему мужу, тридцать разъ успѣла бы увѣдомить его обо всемъ. Ей было когда разъ десять перебивать самой въ Портъ-Паталъ, пѣшкомъ ли, на лошади, или хоть на слонѣ... А чтò она сдѣлала?... Ничего... она намѣрена, стало быть, скрыть все отъ мужа... не такъ ли, понятно, кажется?... отвѣчай же... будь откровененъ...

— Мнѣ женщины не дались, — проговорилъ съ разсѣяннымъ видомъ Бернарденъ, вертясь на каблукахъ.

— Я дѣйствовалъ по твоимъ совѣтамъ, — началъ, послѣ нѣкотораго времени молчанiя, Льеторъ; меня ждала въ гавани яхта,

готовая по первому моему мановенію распустишь паруса. Въ этой странѣ, говорилъ ты, нѣтъ полиціи, но за то здѣсь всякій глядитъ королевскимъ прокуроромъ. Такъ нужно было, по твоему, имѣть постоянно одну ногу въ стремени, чтобы успѣть скрыться при началѣ же набата. И ты былъ правъ. Въ теперешнюю же минуту твой совѣтъ никуда не годится. Набата ужь быть не можетъ, стало быть, я стану дѣйствовать теперь по собственнымъ своимъ соображеніямъ.

— Тѣмъ хуже для васъ, — промолвилъ Бернарденъ.

— Такъ что жь, ты намѣренъ продержатъ меня всю жизнь подь опекой? — спросилъ Льеторъ.

— Боже мой! это было бы для васъ очень хорошо, потому-что вы все придвигаетесь къ старости.

— Однакожь, — возразилъ Льеторъ, — бросимъ этотъ пустой споръ. Я рассказалъ тебѣ сегодня утромъ мой планъ; ты находишь его нелѣпымъ, а по моему такъ онъ хорошъ, и я до конца буду дѣйствовать по немъ. Какія бы ни были послѣдствія, я всѣ ихъ принимаю на себя...

— А я ужь, слуга покорный, не рѣшусь взять ихъ на свою шею, — перебилъ Бернарденъ.

— Что жь ты намѣренъ дѣлать?

— Бросить васъ на произволъ вашихъ любовныхъ пашней. Я оказалъ вамъ послѣднія мои услуги: принялъ приглашеніе на обѣдъ, отправилъ мужнину письмо къ прекрасной Элорѣ; дипломатическая карьера моя кончена. Мнѣ не желательно повстрѣчаться еще разъ лицомъ къ лицу со словомъ.

— Трусъ!

— Я составилъ теперь себѣ состояніе.

— А! молодець, нечего сказать; кому жь ты обязанъ этимъ состояніемъ?

— Самому себѣ.

— Какъ же скоро ты забылъ все, неблагодарный!

— Я мужчина. Сейчасъ видно, что вамъ знакомы одни только женщины.

— Такъ ты не поможешь мнѣ сегодня вечеромъ въ исполненіи моего плана?

— Я намѣренъ запятнать себя неблагодарностью лишь съ завтрашняго только дня.... но съ условіемъ.

— Съ какимъ это?

— О! такъ себѣ, самое пустое....

— Ну говори, говори же, какое это условіе.

— Вы мнѣ должны дать, для капитана вашей яхты, приказъ, за собственнымъ вашимъ подписомъ, вручить ту яхту въ мое полное распоряженіе.

— Изволь, мнѣ это ничего не стоить.... такъ ты хочешь, стало быть, оставить меня?

— Я ни на что собственно еще не рѣшился, но не худо имѣть всегда подъ рукой средство улизнуть во время, въ случаѣ опасности.

— Согласенъ; что жъ, я могу, послѣ этого, разсчитывать на тебя нынѣшній вечеръ?

— Да, можете... но какъ я ни неблагодаренъ, а все-таки хочу сдѣлать послѣднюю попытку вернуть васъ съ опаснаго пути, на который натолкнула васъ слѣпая страсть. Хотите ли вы продолжать жить со мной въ добромъ согласіи? такъ не беспокойте меня своими глупостями. Когда я былъ просто бѣдный прощальца, то я готовъ былъ идти къ дикимъ звѣрямъ въ самое ихъ логовище изъ-за того только, что послѣ получу за это звонкую монету. Теперь же иное дѣло: я дорого цѣню свою жизнь; ничто въ свѣтѣ не можетъ быть такъ достойно почитанія, какъ жизнь счастливаго человѣка. Я вѣдь не знакомъ съ вашей тоской и скукой; воображеніе мое не страдаетъ, какъ ваше, чахоткой, и я не нуждаюсь въ опасностяхъ, чтобы ими, словно пряностями, приправлять удовольствія, которыя для васъ иначе не имѣютъ ровно никакого вкуса. Я родился въ бѣдности, съ лѣнью въ рукахъ и съ дѣятельностью въ умѣ, умъ у меня работалъ, какъ самый усердный мастеровой; состояніе я прибрѣлъ съ помощію тяжкихъ его трудовъ; теперь надо наградить его покоемъ. Я намѣренъ стать въ число праздныхъ счастливицевъ. Довольно долго мечталъ я о счастіи, пришло время насладиться имъ. Рѣшаетесь ли вы отказаться отъ своей страсти? Въ такомъ случаѣ, я остаюсь съ вами. Если же нѣтъ,— то я уѣзжаю.

— Отказаться, — проговорилъ Льеторъ, — силъ моихъ не до-
станеть! вчера еще, можетъ быть, я смогъ бы это сдѣлать, а се-
годня, нѣтъ. Вся жизнь моя въ этой женщинѣ. Я прочелъ любовь
въ ея глазахъ, и я люблю ее, люблю такъ, какъ никто еще не
любилъ. Вчерашній день цѣлымъ вѣкомъ отдѣлился для меня отъ
нынѣшняго дня. Вчера я смотрѣлъ дуракъ-дуракомъ, а сегодня
любленъ не на-шутку.

— Видно, отъ васъ ничего путнаго не дождешься, — сказалъ
Бернарденъ, пожимая плечами, — дѣлайте, что хотите, я больше
вамъ не совѣтникъ.

Но Льеторъ не слушалъ ужь его, онъ весь погрузился въ
планъ задуманнаго предпріятія и лелѣялъ его, какъ первенца своего
воображенія, со всею отцовскою нѣжностью.

Начало этого предпріятія, то-есть обѣдъ, увѣнчалось полнымъ
успѣхомъ; съ деньгами легко имѣть самыя изысканныя кушанья,
самыя дорогія французскія вина, легко имѣть также гостей и даже
друзей на время. Мнимый капитанъ Дюссенъ и Французъ-чудакъ
выполнили очень хорошо свои роли: одинъ подобавшей ему важ-
ностью, а другой своими остроумными, шутивными прибаутками.
Морисъ попалъ въ первый разъ на подобное пиршество; сначала
онъ сидѣлъ молча и насупившись, но по мѣрѣ того, какъ предлага-
емые капитаномъ *тосты* становились все чаще и чаще, лицо его
прояснялось и онъ началъ принимать участіе во всеобщей веселости.
Боясь показаться смѣшнымъ или неучтивымъ, онъ осушилъ ужь разъ
двадцать свой кубокъ изъ лабіатскаго хрустала, въ который весель-
чакъ Французъ незамѣтнымъ образомъ наливалъ ему винъ всевозмож-
ныхъ происхожденій, всевозможныхъ климатовъ. При каждомъ тостѣ,
гости все говорили: «Вотъ этотъ такъ принять съ большимъ энту-
зіазмомъ!» или съ слѣдующимъ вариантомъ: «Ахъ! вотъ такъ тостъ,
отъ котораго нельзя отказаться!» Выпили отдѣльными тостами за
благоденствіе торговли, промышленности, земледѣлія, художествъ,
навигаціи, политической экономіи, основателей Портъ-Натальской
колоніи. Потомъ перешли къ женамъ и невѣстамъ гостей. Массив-
ность и разноцвѣтность хрустальныхъ кубковъ очешъ ловко скрывали
вакхическія надувательства; одинъ только Морисъ не зналъ объ
этомъ и сохранялъ свою роль серьезнаго знатока въ винѣ, до самой

последней минуты. Уже индійскій Бахусъ незримою рукою чертилъ на лицѣ простодушнаго молодого человѣка багровыя полосы; послѣдній тостъ Амуру, тостъ, размашисто почерпнутый изъ разливаннаго моря костанцскаго вина, довершилъ все дѣло. Морисъ осунулся и подперся рукою, но вскорѣ голова его до того отяжелѣла, что подпора рухнула, подавляемая тяжестью; голова, отягощенная парами, ударилась объ столъ, и онъ надолго остался въ такомъ безжизненномъ состояніи.

Чернокожій ученикъ Бернардена, которому поручено было отнести записку, давнымъ-давно уже воротился въ Портъ-Наталь и находился все въ сѣняхъ, дожидаясь наставника своего, чтобы отдать ему отчетъ въ исполненномъ порученіи. Докладъ его соотвѣтствовалъ какъ нельзя больше видамъ Льетора Адриасена. Чернокожій сообщилъ, что онъ вручилъ записку молодой женщинѣ, которая прочла ее два раза, что удовольствіе молніей мелькнуло на ея лицѣ, и что она тотчасъ же отпустила его, проговоривши само-довольно: Хорошо, хорошо!

Чернокожій ученикъ очень хорошо уловилъ всю игру физиономіи молодой женщины. Въ самомъ дѣлѣ, прочитавъ ту незамысловатую, коротенькую записку, она могла убѣдиться вполне въ той истинѣ, которая, при тогдашнемъ ея положеніи, была самою важною, именно, что мужъ ея не зналъ ничего объ утреннемъ приключеніи. Вслѣдъ за тѣмъ, можно было, читая ту записку, напасть на другое утѣшительное заключеніе, что Льеторъ и Бернарденъ погибли оба жертвой своего предпріятія, — либо клыки слона поразили ихъ, либо пожралъ ихъ ненасытный океанъ; дѣло въ томъ, что Морисъ ни слова не упомянулъ ни о томъ, ни о другомъ въ своей запискѣ! Догадки Элоры, казалось, были довольно основательны. Но, увы! догадки всегда почти бываютъ прихотливы и не терпятъ разумнаго основанія.

Дюссенъ и весельчакъ Французъ, окончивши свои роли, удалились по повелительному жесту Льетора; первый остановился, впрочемъ, на порогѣ и, взглянувши съ зловѣщимъ видомъ на несчастнаго Мориса, за-мертво лежавшаго на полу, пожалъ плечами и передалъ другимъ, очень выразительной пантомимой, ужасную мысль: въ рукахъ его сверкнулъ кинжалъ. Надобно здѣсь, впрочемъ, отдать должную справедлив-

вость Льетору и Бернардену; они оба возстали противъ этого замысла Маркуса Дюссена; ихъ развращенность съ ужасомъ отступила передъ кровавымъ злодѣяніемъ.

Оставшись вдвоемъ, они сначала смотрѣли нѣкоторое время на Мориса, находившагося подѣ властью самаго тяжелаго сна; потомъ Льеторъ преспокойно овладѣлъ двумя завѣтными ключами, которые вводили его, такъ сказать, во владѣніе домоу Мориса. Бернарденъ продолжалъ все изъяслять неудовольствіе ироническими жестами, глухимъ ворчаньемъ и пожатіемъ плечъ. Льеторъ ничего этого не замѣчалъ; послѣ доклада чернокожаго гонца, онъ еще сильнѣе увѣрился въ успѣхъ своего плана.

— Все еще упорствуетъ! произнесъ Бернарденъ, какъ бы говоря самъ съ собою.

Льеторъ взглянулъ на него съ удивленнымъ видомъ.

— Съ ума ты сошелъ что ли? — сказалъ онъ ему; мнѣ кажется, что успѣхъ моего дѣла такъ же несомнѣненъ, какъ дважды два четыре.

— Правда, — перебилъ Бернарденъ насмѣшливымъ тономъ, — вы умѣете вламываться въ растворенныя двери; ну, а потомъ что?

— Потомъ?... возразилъ Льеторъ, показывая ключи. Вотъ что отворить намъ запертыя.

— Чтò бы ни было, — произнесъ Бернарденъ спокойнымъ голосомъ и раскланываясь, — а я взялся выполнить до конца свою обязанность.

— Такъ нечего терять по пусту время, — возразилъ Льеторъ, посмотрѣвши на часы. Каждая минута дорога. Можетъ быть, меня ужъ ждутъ.

Бернарденъ не въ силахъ былъ удержаться отъ хохота при этомъ простодушномъ чванствѣ влюбленнаго милліонера.

Льеторъ невольно взглянулъ на Мориса, который лежалъ все словно трупъ, и, сдѣлавши Бернардену нетерпѣливый знакъ рукою, сказалъ:

— Отправитесь!

Въ чащѣ деревъ господствовала тьма, а на открытыя мѣста лились потоки звѣзднаго свѣта. У начала длиннаго проспекта, который

велъ къ *Натальскому раю*. *Бернарденъ* остановился и, обратившись къ *Льетору*, сказалъ:

— Дальше я неиду, и прошу у васъ только одной милости, дружескаго пожатія руки.

Въ эту минуту голосъ его звучалъ истиннымъ прискорбіемъ. У самыхъ развращенныхъ даже натуръ, — и у тѣхъ затаена всегда въ глубинѣ сердца искра истиннаго чувства, искра та служить зародышемъ раскаянію и дѣйствуетъ еще благотвѣтельно, если только не заглушатъ ее окончательно.

Льеторъ Адриасень, поглощенный весь своей страстью, позабылъ, что рядомъ съ нимъ шелъ ожесточенный его товарищъ, онъ вздрогнулъ всѣми нервами, взялъ протянутую руку и пожалъ ее машинально.

Вдругъ въ это время *Бернарденъ*, какъ будто бы опомнившись вслѣдствіе вспыхнувшаго въ немъ эгоизма, обратился къ *Льетору* съ слѣдующими словами:

— Кстати, мы забыли, о чемъ условились между собою. . .

— Что такое? — спросилъ *Льеторъ*, топнувши ногою о землю, какъ жеребецъ, сдержанный на первомъ порывѣ.

— Э! — возразилъ *Бернарденъ*, — а приказъ капитану вашей яхты!

— Да, точно; я тебѣ дамъ его завтра, — проговорилъ *Льеторъ* и пошелъ дальше быстрыми шагами.

— Стой! — воскликнулъ *Бернарденъ*, схвативши его за руку; завтра ждать еще очень долго, а мнѣ нуженъ приказъ теперь же.

Голосъ *Бернардена*, не смотря на хладнокровный его видъ, дышалъ угрозой; зеленые глаза его засверкали въ темнотѣ; среди этой пустынной мѣстности, онъ глядѣлъ настоящимъ дьяволомъ.

Страхъ овладѣлъ *Льеторомъ*, и онъ проговорилъ смягченнымъ голосомъ:

— Пожалуй! если ужъ ты такъ сильно добиваешься этого приказа, то я тебѣ напишу его сейчасъ карандашомъ.

Онъ вынулъ изъ кармана бумажникъ, вырвалъ изъ него одинъ листъ, написалъ приказъ въ глазахъ *Бернардена*, и подъ конецъ скрѣпилъ своимъ именемъ.

— Что жъ, все? — произнесъ онъ, улыбувшись.

— Теперь прощайте, — сказалъ Бернарденъ. Ночь эта будетъ для всѣхъ хороша; сохрани Богъ попасть вамъ въ исключеніе.

Молодые люди разстались. Льеторъ пошелъ дальше по проспекту, и хотя онъ шелъ очень скоро, но шаговъ его не было слышно; шумъ ихъ замиралъ въ высокой и густой травѣ. Пришедши къ рѣшеткѣ, смѣльчакъ-креоль почувствовалъ такой сильный страхъ, что ключъ запрыгалъ у него въ рукѣ: дверь не скоро и съ трудомъ отперлась; можно было подумать, что чья-нибудь незримая рука удерживала ее съ другой стороны; наконецъ, она поддавалась послѣднему и сильному напору, Льеторъ, вошедши, снова заперъ ее, и, сдерживая дыханіе, касаясь какъ можно легче земли, оставиваясь отъ страху при малѣйшемъ дуновеніи, направилъ свои стопы къ террасѣ.

Бернарденъ же, въ свою очередь, шелъ быстрыми шагами по дорогѣ въ Портъ-Наталь, и всякій разъ какъ звѣздный свѣтъ проникалъ сквозь расщелину деревьевъ, онъ читалъ тотъ драгоценный приказъ, который дарилъ ему свободу и вмѣстѣ съ тѣмъ превосходно выстроенную и легкую на ходу яхту. Вдругъ, одна мысль, и мысль ужасная, мелькнула въ головѣ молодаго авантюриста и приковала его къ землѣ, какъ статую безъ пьедестала. Бернарденъ оставался долго въ этомъ неподвижномъ состояніи, ибо размышленіе не навело его ни на одну спасительную мысль.

— О! — воскликнулъ онъ потомъ сквозь зубы, ударивши себя по лбу, — какъ ни будь ловокъ, остороженъ, но одна какая-нибудь песчинка позабыта при закладкѣ, — и баста! зданіе падаетъ и раздавливаетъ тебя своей тяжестью!

Холодный потъ выступилъ у него на груди, пылавшей еще отъ деннаго жару. Онъ сдѣлалъ два шага впередъ, потомъ назадъ, остановился, посмотрѣлъ на землю, на деревья, на небо, скрестилъ руки, и, сложивши ихъ потомъ, поднялъ къ верху и вслѣдъ за тѣмъ опустилъ тяжело; наконецъ, какъ бы напавши на благую мысль, онъ опроретью пустился по направленію къ *Натальскому раю*, въ надеждѣ догнать Льетора. Напрасный трудъ! Онъ подошелъ слишкомъ поздно къ рѣшеткѣ. Межъ желѣзныхъ прутьевъ ничего не было видно, кромѣ развѣ темныхъ массъ деревьевъ; ничего не было слышно, кромѣ развѣ однообразнаго шума фонта-

новъ и легкихъ волнъ океана. Стѣна ограды была слишкомъ высока, да и притомъ гладка, какъ хорошо отшлифованная сталь, такъ что руки и ноги такъ и скользили по ней. Бернарденъ вскарабкался по этому на дерево, которое вѣтвями своими выходило за ограду, и рѣшился провести ночь на этой обсерваторіи, для того, чтобы ужь никакъ не проронить особенныхъ, новыхъ звуковъ, которые должны были на этотъ разъ непременно примѣшаться къ обыкновенному говору природы, и по нимъ потомъ уже сообразить, что ему будетъ слѣдовать дѣлать. Вскорѣ объяснится, почему онъ вдругъ покинулъ эту позицію и полетѣлъ стремглавъ по прежней дорогѣ.

IX.

Прекрасная Элора дѣйствительно почувствовала небольшое облегченіе на душѣ, прочтя записку мужа. Смѣтливый ученикъ Бернардена не ошибся въ этомъ. Но лишь только прошла эта вспышка радости, какъ впала она въ тяжелую, глубокую печаль, вызванную въ ней ужасными приключеніями того дня, и которая увеличивалась еще вслѣдствіе того, что она была одна, безъ мужа, среди мертвой тишины и ночнаго мрака. Всего въ первый разъ со времени своего замужства Элора почувствовала себя одинокою, и притомъ еще въ такое время дня, когда деревья принимаютъ самыя причудливыя формы и вообще всѣ предметы смотрять какимъ-то зловѣщимъ окомъ. Она и не думала искать забвенія и покоя въ благодѣтельномъ снѣ, да и надо правду сказать, бессонница жгла ей глаза нестерпимымъ огнемъ; лице ея горѣло еще отъ утренней лихорадки, и пріятное, сладостное дыханіе ночи походило на дыханіе дружескихъ устъ, проносившихся мимо занавѣсокъ кіоска, съ желаніемъ утѣшить и освѣжить ее. Молодая женщина, легко одѣтая въ *сари* изъ китайскаго крепу, поджидала возвращенія Морриса, и, облокотившись на окошко, прислушивалась къ малѣйшему шороху, схожему съ шумомъ шаговъ. Въ эти минуты лихорадочнаго ожиданія, случай отдается самымъ диковиннымъ ухищреніямъ, чтобы пугать, и безъ того уже робкое, сердце. Прерветъ-ли вѣтерокъ однообразную мелодію фонтановъ, упадетъ-ли на землю засохшій листь, скрипнетъ-ли гдѣ-либо вдали плохо притворенная дверь,

крякнетъ—ли и разщелится кора на старомъ деревѣ, откроетъ—ли благоуханный янгъ свою чашечку, заиграетъ—ли бабочка съ нению-фарамн, торчащими надъ водою, — наостренное охо, старающееся объяснить весь этотъ ночной шумъ, не угадываетъ настоящаго звука и всѣмъ этимъ простымъ вещамъ придаетъ что-то особенное, фантастическое. Время между тѣмъ уходило, и молодая женщина, не зная, куда дѣться отъ ужасовъ, какіе обыкновенно населяютъ темноту, принялась молиться, чтобы Богъ поскорѣй возвратилъ къ ней ея Мориса. Вотъ! — и на этотъ разъ она вполне довѣрилась своему слуху, — щелкнулъ замокъ и рѣшетка покати-лась на колесѣ, но съ такою осторожностью, что ей страшно стало; а такъ-какъ она, по привычкѣ, ужъ инстинктивно угадывала, сколько времени должно пройти между отпираниемъ рѣшетки и появленіемъ живаго существа, то очень удивилась, что мужъ ея, — который, бывало, спѣшитъ всегда къ ней, какъ любовникъ, боясь потерять одну какую-нибудь минуту изъ своего блаженства, послѣ того, какъ пришлось потерять ихъ столько по случаю вынужденнаго отсутствія, — медлитъ теперь такъ долго. Въ эти минуты томительной лихорадки, всякая мелочь играетъ для воображенія важную роль; пустѣйшій случай, который прошелъ бы незамѣченнымъ во всякое другое время, получаетъ тогда значительную важность и вселяетъ невыразимый ужасъ въ одинокихъ обитателяхъ пустынь. Элора, задернувши занавѣску, впилась пзъ-за угла ея жадными глазами въ первую аллею, выходившую къ террасѣ, и спустя нѣсколько времени увидѣла человѣчскій образъ, выходившій изъ темноты и приближавшійся на цыпочкахъ, со всей осторожностью ночнаго мародера. Костюмъ на немъ былъ такой, какой носятъ обыкновенно колонисты, такъ-что съ перваго взгляда его можно было, пожалуй, принять и за Мориса; но недоумѣніе это не могло долго продолжаться, въ особенности для молодой креолки, влюбленной въ своего мужа. Къ-тому же еще явился на помощь звѣздный свѣтъ и разъяснилъ все дѣло; мракъ недоумѣнія псезъ, — а истина предстала вслѣдъ за тѣмъ во всемъ своемъ свѣтѣ и наготѣ. Элора хотѣла было вскрикнуть отъ страха, но крикъ замеръ на онѣмѣвшихъ губахъ: она узнала Льетора Адриасена!

Всѣ мысли, какія только перевертываютъ обыкновенно вверхъ

дною душу и жгутъ корни волосъ, вспыхнули разомъ въ головѣ молодой женщины; она зашаталась на оледенѣвшихъ ногахъ, отбиваясь съ послѣднимъ остаткомъ энергіи отъ роковаго обморока, который легко могъ ее передать въ руки ея похитителя, и упала на цыновку; потомъ приподнялась съ трудомъ, доползла кое-какъ до двери, заперла ее съ большимъ усиліемъ, и начала ждать конца своей участи въ какомъ-то летаргическомъ состояніи, которое, умертвивъ въ ней всѣ способности, оставило однакожь смутное пониманіе вещей.

Льеторъ Адриасенъ взомель на террасу, отперъ дверь, все съ тою же осторожностью, — поднялся по лѣстницѣ къ комнатѣ Элоры, и, достигши до цѣли, остановился, чтобы собраться съ духомъ и мужествомъ, — двѣ вещи, которыя измѣняли ему въ настоящее время. Самые закоренѣлые преступники, — и тѣ дрожатъ всегда въ рѣшительную минуту; въ это время ангель-хранитель жертвы шепчетъ имъ что-то на ухо. Льеторъ хотѣлъ ужь было отказаться отъ своего предпріятія, но страсть взяла въ немъ вскорѣ верхъ надъ разсудкомъ и страхомъ; онъ слегка постучался въ дверь, произнесъ при этомъ нѣсколько безсвязныхъ словъ самымъ тихимъ голосомъ. Отвѣтомъ ему было глубокое молчаніе.

За вторымъ и третьимъ ударомъ, произведенными съ постепеннымъ повышеніемъ стука и тона голоса, послѣдовалъ все тотъ же результатъ. Льеторъ очень хорошо зналъ эту дверь, такъ-что не могъ и подумать, чтобы онъ ошибся этажемъ; да и притомъ, какъ только кровь, шумѣвшая у него въ ушахъ и волновавшаяся въ груди, поуспокоилась немножко и возвратила ему слухъ, то онъ внятно слышалъ внутри комнаты легкій шумъ и тяжелое хрипѣнье подавляемаго дыханія, двѣ вещи, очень не утѣшительныя, ибо они ясно доказывали, что молодая женщина находилась дѣйствительно тамъ, что она слышала все, и что не отворяла незнакомцу, не счумѣвшему поддѣлаться подъ голосъ Моряса.

Эта догадка оправдалась, потому-что, послѣ новыхъ ударовъ въ дверь и угрозъ вломиться силою, Льеторъ услышалъ, что дверь пошатнулась нѣсколько, словно какъ будто тяжелое тѣло, упавши, затронуло ее.

— Конечно, меня узнали! — подумалъ Льеторъ; какой бы это дьявольскій шпионъ могъ разрушить такъ хорошо соображенный планъ?

Что жъ дѣлать теперь? Въ тяжелыя минуты, честный, добросовѣстный человѣкъ подымаетъ глаза къ небу, какъ бы прося у него ниспослать ему благую мысль; Льеторъ же опустилъ ихъ къ землѣ, какъ бы требуя совѣта у ада.

Ни одна мысль не явилась на выручку къ молодому креолу; преступный замыселъ потерпѣлъ полное пораженіе у порога двери. Взломъ долженъ былъ остаться не больше какъ угрозой; Льеторъ надѣлалъ уже слишкомъ много шума, среди ночной тишины и притомъ въ домѣ, такъ близко отстоявшемъ отъ фермы; надо было непременно подумать о безопасномъ отступленіи и отложить до другаго времени свое предпріятіе. Остаться здѣсь долѣе значило попасть того и гляди въ руки Морису, потому что, навѣрно, лишь только онъ освободится отъ сна, какъ очутится въ одинъ мигъ въ *Натальскомъ раю*.

Одной минуты достаточно было Льетору, чтобы обсудить ясно и исполнѣ свое положеніе; лихорадка во время сильныхъ ощущеній такъ сильно подгоняетъ мысль въ человѣкѣ, что онъ способенъ бываетъ тогда обнять ей весь міръ въ одно мгновеніе ока. Все-таки Льеторъ Адриасенъ нехотя оторвался отъ этой драгоценной двери, все равно какъ полководецъ, вынужденный спать осаду; онъ началъ тихо опускаться съ лѣстницы, и, дошедши до послѣдней ступеньки, несказанно обрадовался, что оставилъ дверь въ сѣни совсѣмъ отворенною; въ корридорѣ было свѣтло, по случаю ясной, звѣздной ночи.

Онъ хотѣлъ было уже перешагнуть черезъ порогъ, какъ увидѣлъ, въ двухъ шагахъ передъ собою, огромную какую-то, черную массу, загорожавшую ему дорогу, съ убійственной неподвижностью. Волоса у него стали дыбомъ, дыханіе сперлось, ѣдкая слюна застряла въ рту, цѣлый ураганъ зашумѣлъ у него въ ушахъ, кровь сильнымъ потокомъ прихлынула къ шеѣ и душила его.... Онъ былъ тутъ, гигантъ-заступникъ! и стоялъ, на своихъ четырехъ несокрушимыхъ столбахъ, угрюмый, безмолвный и спокойный, словно слонъ Иравалти, высѣченный въ скалѣ подземель-

наго храма Дезавантара. Ночью и въ добавокъ еще въ пустыннои мѣстѣ, нѣтъ ничего ужаснѣ встрѣчи съ непріателемъ безстрашнымъ и вооруженнымъ силой несомнѣннаго успѣха. Этой обдуманной неподвижностью колоссъ, казалось, говорилъ Льетору Адриасену:

— Не выйдти тебѣ живому отсюда!

Дверь нижней залы была слишкомъ узка, такъ-что никакъ не могла пропустить слона. Льеторъ могъ, стало-быть, спастись отъ его преслѣдованія; эта мысль успокоила его нѣсколько, послѣ первой минуты ужаса, и тѣмъ самымъ дала ему возможность подумать о средствѣ къ спасенію. Надо было, во что бы то ни стало, выйдти изъ дому прежде прихода Мориса. Звѣзды блѣднѣли уже на востокѣ; ферма того и гляди должна была вскорѣ проснуться; а молодая женщина, съ минуты на минуту, могла прервать непонятное свое молчаніе и поднять тревогу въ окрестностяхъ. Исполниись одно изъ этихъ возможныхъ случайностей, — и Льеторъ Адриасень погибъ.

При крайней опасности проявилось у него и хладнокровіе, хотя и насильственное; онъ осмотрѣлъ нижнюю залу, ища удобнаго выхода; въ залѣ той было всего два окошка, выходившія на террасу. Спастись этимъ путемъ было сущю невозможностью; колоссъ-привратникъ держалъ на виду у себя весь фасадъ, и, не смотря на массивность свою, быстрѣе другаго тонконогаго животнаго явился бы на шумъ раствореннаго окошка и принялъ бы злодѣя на хоботъ или на одинъ изъ клыковъ своихъ. Такъ, стало-быть, нужно было отказаться искать спасеніе съ этой стороны. Въ стѣняхъ висѣло всевозможное охотничье оружіе, тутъ былъ цѣлый домашній арсеналь, какой можно найти въ домѣ любого колониста, но который въ *Натальскомъ райо* находился не больше какъ для украшенія, потому что Морисъ не былъ изъ числа тѣхъ людей, которые бросаютъ своихъ женъ, чтобы гоняться за дичью, подъ предлогомъ благотѣльнаго для здоровья или, скорѣе, аристократическаго развлеченія. Льеторъ снялъ со стѣны тяжелый карабинъ, совсѣмъ заржавленный, и, осмотрѣвши его, увидѣлъ, что дуло его нимало не было закопчено порохоиъ. Нашлись тутъ тоже и прочія принадлежности для стрѣльбы. Льеторъ готовъ былъ заплатить огромную сумму денегъ за найденный имъ подъ рукой порохъ и пули; онъ благо-

словилъ небо, какъ это случается со всякимъ атеистомъ во время опасности, и зарядилъ карабинъ. Слонъ смотрѣлъ на всѣ эти губительныя приготовленія съ невозмутимымъ спокойствіемъ, все равно какъ скала смотритъ на дротикъ; и только тогда, какъ Льеторъ приложилъ палецъ къ курку, колоссъ счелъ за необходимое податься нѣсколько въ сторону, на всякій случай. Онъ исчезъ изъ виду, и терраса вдругъ наводнилась потокомъ звѣзднаго свѣта, какъ будто миновала ее огромная туча.

Льеторъ Адриасень держалъ карабинъ двумя руками, и старался скорѣе придумать, къ чему бы ему теперь прибѣгнуть. Останься слонъ все на той же позиціи, Льеторъ не замедлилъ бы послѣдовать примѣру всѣхъ охотниковъ за слонами; преодолевши, какъ бы то ни было, свой страхъ, онъ прицѣлился бы въ одно небольшое мѣсто уха, мѣсто, единственно доступное для пули, какъ сдѣлалъ это и Бернардень; и хотя это средство не представляло полного, несомнѣннаго успѣха, онъ все-таки прибѣгнуть-бы именно къ нему, не смотря на его невѣрность, такъ какъ не было для выбора другаго, при таковой роковой крайности. Когда же Набобъ исчезъ, то опасность приняла другой видъ и, казалось, сдѣлалась не предотвратимою. Само собою разумѣется, колоссъ, сохранившій полное благоразуміе, какъ вообще всякое нетрусливое существо, засѣлъ гдѣ-нибудь въ засаду, помѣстившись чернымъ пятномъ на черномъ же, въ чащѣ деревъ что ли или подлѣ дороги, ведущей къ рѣшеткѣ, и при этой позиціи, попасть въ извѣстное мѣстечко его уха не было никакой возможности. Надо было однако жъ рѣшиться на что-нибудь! Время неслоь быстро; начались раздаваться отрывчатые возгласы птичекъ, эти прелюдіи утреннихъ пѣсень; пѣтухи запѣли въ фермѣ; предразсвѣтный вѣтерокъ забѣгалъ въ воздухъ и заколыхалъ верхушками деревьевъ; природа пробуждалась прежде человѣка, какъ заботливая мать прежде своего ребенка. Льеторъ Адриасень приложилъ охолодѣвшую руку ко лбу, какъ бы желая потушить въ немъ жарко-пылавшій костеръ безсонницы, любви и страху, и, не переступая черезъ порогъ двери, просунулъ голову на террасу съ робкою осторожностью, думая высмотрѣть на-скоро, бѣглымъ взглядомъ, окружающую его мѣстность.

Молнія не такъ быстра, какъ губа хобота. Въ ту же минуту Льеторъ почувствовалъ свою шею въ желѣзныхъ тискахъ. Гигантъ держалъ свою добычу невредимою, на концѣ хобота, какъ бы желая дать ей выстрадать всѣ предсмертныя муки, прежде чѣмъ нанесетъ рѣшительный и послѣдній ударъ. Стоны несчастнаго огласили пробуждающую природу и долетѣли до слуха Бернардена, который, угадывая исходъ похода, слѣзъ ни живъ—ни мертвъ съ своего обсерваціоннаго пункта и стрѣлой пустился по дорогѣ къ Портъ—Натаю.

Авантюристъ бѣжалъ, наполняя воздухъ проклятіями, и положилъ себѣ выручить, во что бы то ни стало, пропавшія на Льеторѣ Адриасенѣ деньги, рассудивъ такимъ образомъ, что не стоить щадить подобнаго человѣка, который готовъ всегда отвергать благо—разумные совѣты и котораго никакъ не годится брать въ сообщники какого—либо преступнаго предпріятія.

Бернарденъ засталъ Мориса все еще въ прежнемъ положеніи, и ему не стоило большихъ трудовъ разбудить его, ибо крѣпкій и продолжительный сонъ успѣлъ ужь разсѣять тяжелыя пары опьяненія. Никогда подобнаго остолебѣнія не отражалось на лицѣ внезапно разбуженнаго человѣка. Мужъ Элоры воображалъ себя все еще во снѣ, всматривался въ Бернардена, озврался кругомъ, закрывалъ глаза, потомъ снова открывалъ ихъ, произносилъ какіе—то гортанные звуки, и поддавался наконецъ усилю двухъ крѣпкихъ рукъ, которыя приподняли его и поставили на ноги.

Чуть брезжившій свѣтъ зари проникалъ въ окна, наполняя комнату блѣдноватымъ отливомъ и придавая этой сценѣ какой—то странный характеръ, передать котораго слово не въ силахъ.

— Жена моя! — таковы были первыя слова, которыя ясно проговорилъ Морисъ, и послѣдняя тяжесть опьяненія исчезла въ немъ вмѣстѣ съ сильнымъ потокомъ слезъ.

— Жена ваша? — сказалъ ему Бернарденъ въкрадчивымъ голосомъ; — она у себя дома, съ ней ничего не случилось.

— А я—то гдѣ же? — спросилъ Морисъ, вода вокругъ себя безмысленно глазами.

— Вы провели ночь въ Портъ—Натаѣ.

— Въ Портъ—Натаѣ! — воскликнулъ Морисъ тономъ отчая—

нія, — а вотъ ужъ разсвѣтаетъ! Господи Боже мой! сжался надъ женой моей!

— Успокойтесь нѣсколько, — проговорилъ Бернарденъ, — и послушайте меня.... Вы попали въ ужасную ловушку.... но Прозидіе спасло васъ, все равно какъ и жену вашу.

— Но точно ли проснулся я? — воскликнулъ Морисъ, кусая свои руки.

— Да, дѣйствительно вы провели ночь здѣсь, а Льеторъ Адриасень, воспользовавшись вашимъ летаргическимъ сномъ, прокрался къ вамъ въ домъ.

— Охъ! если жь это ложь, то я убью тебя, какъ собаку! — воскликнулъ Морисъ.

— Нѣтъ, это сушая правда; Льеторъ Адриасень хотѣлъ приневолить меня идти вмѣстѣ съ нимъ, чтобы помочь ему въ исполненіи злодѣйскаго умысла, и я точно пошелъ, но для того только, чтобы отклонить его отъ грѣха; онъ не хотѣлъ ничего и слушать; такъ вотъ я его и оставилъ на произволъ несчастной судьбы, простился съ нимъ навсегда у рѣшетки. Впрочемъ, вотъ ужъ два часа прошло, какъ онъ покончилъ жизнь свою; Набобъ убилъ его!

— И вы видѣли это? — спросилъ Морисъ, при чемъ на лицѣ его сверкнули вмѣстѣ и ужасъ и радость и сожалѣніе.

— Нѣтъ, не видѣлъ, но слышалъ, а ночью уши у меня замѣняютъ глаза.

— Такъ отправитесь, отправитесь что ли! — произнесъ Морисъ, ломая руки, — что намъ дѣлать здѣсь? Боже мой, жена моя! несчастная она!.. такъ отправитесь же скорѣе, нечего тутъ ждать.

— Да, я провожу васъ до рѣшетки.... мнѣ нужно много кой-чего еще сообщить вамъ.

— Дорогой можете рассказать, — перебилъ его Морисъ съ безпокойствомъ и, бросившись въ сѣни, отворилъ неистовымъ образомъ дверь и отправился по дорогѣ къ своему жилищу.

Бернарденъ сопутствовалъ ему, едва поспѣвая за быстрой ходьбой его.

— Вотъ какая вещь—то, довольно важная! — началъ Бернарденъ;—сегодня срокъ платежу по многимъ значительнымъ векселямъ, а Льеторъ, какъ вы знаете, носить всегда свой бумажникъ съ собою, такъ....

— Будь она проклята совсѣмъ, торговля ваша!—воскликнулъ Морисъ.

— Да, я согласенъ съ вами,—возразилъ Бернарденъ;—завтра пожалуй провалъ ее возьми! но сегодня покажѣсть все—таки нужно заплатить то, что мы должны.

— Ахъ, злодѣй онъ!—проговорилъ неистово Морисъ;—вотъ теперь припоминаю, вѣдь это все онъ подливалъ мнѣ при каждомъ тостѣ!... такъ онъ убить, говорите вы?

— О! ручаюсь вамъ, убить вполнѣ, какъ есть; Набобъ не любить шутить.

— Тѣмъ хуже! мнѣ бы хотѣлось застать его въ живыхъ; смерть его принадлежала мнѣ.

— Извѣстно ли вамъ, по сколькимъ векселямъ требуютъ отъ насъ уплаты? — проговорилъ Бернарденъ, все стараясь навести разговоръ на свою тему.

— Что такое, уплаты по векселямъ? Ахъ!... да будь проклять тотъ день, когда этотъ человекъ въ первый разъ ступилъ черезъ порогъ моего дома!

— Да, правда ваша, правда, — промолвилъ Бернарденъ жалостливымъ голосомъ, — жили мы такъ хорошо, такъ покойно въ нашемъ домѣ.... а сегодня надо непременно уплатить болѣе тридцати тысячъ ливровъ!... Хорошо, что мы бумажникъ—то найдемъ у него.... бумажникъ—то не убить, я думаю.

— Ахъ, вотъ! вотъ они — люди—то, каковы! — твердилъ Морисъ,—а еще удивляются, что я хоронюсь отъ нихъ въ пустынь!

— Но вы несправедливы, m—г Морисъ, есть исключенія; приходилось ли вамъ когда—нибудь жаловаться на меня? не былъ я вамъ преданъ, говорите?

— Да, это правда, правда ваша, — возразилъ Морисъ, пожмая руки Бернардену; вы!... вы рѣдкій другъ.

— Я битыхъ два часа уговаривалъ его оставить тѣ замыслы, кланусь солнцемъ, небожъ, я неотступно усовѣщивалъ его; но всѣ мои просьбы и угрозы оказались бесполезными. Я даже намекнулъ ему, что намъ приходится уплачивать сегодня огромныя суммы; ничто не взяло; онъ сказалъ мнѣ, впрочемъ: «Ты ихъ заплатишь, да...» А я—то, дуракъ, и забылъ спросить у него бумажникъ.... Не забудьте—ка прибрать его къ себѣ, какъ придете домой, а то пожалуй подъ судъ попадешь; нѣтъ! ради самаго неба, подальше отъ этихъ протестовъ и законниковъ!

Морисъ не отвѣчалъ ни слова; передъ нимъ завидѣлись уже верхушки деревьевъ его усадьбы, и сердце въ немъ забилося такъ сильно, что необходимо надо было ему отдохнуть нѣсколько. Бернарденъ воспользовался этимъ временемъ, чтобы представить въ самомъ ужасномъ видѣ торговый домъ, лишенный средствъ уплатить свои долги и надъ которымъ громомъ разражается первый протестъ.

Переведши духъ, Морисъ снова отправился въ путь; онъ не оказывалъ уже теперь ни малѣйшаго вниманія къ торговымъ соболѣзнованіямъ Бернардена,—самыя ужасныя мысли вертѣлись у него въ головѣ; нелѣпѣйшія предположенія казались ему вполне основательными, по мѣрѣ того, какъ приближался онъ къ жилищу. Вѣсть о смерти Льетора открывала его воображенію обширное поле къ справедливымъ тревогамъ; смерть эта, думалъ онъ, безъ сомнѣнія была трагической развязкой и заслуженнымъ наказаніемъ за ночную драму, въ которой преступный умыселъ дерзнулъ на все, пользуясь темнотой и пустынностью мѣста.

Они подходили уже къ рѣшеткѣ. Тогда Бернарденъ, ухвативши Мориса крѣдко за руку, возобновлялъ, напоследокъ, свои опасенія на счетъ конторскихъ дѣлъ.

— Если такъ,—воскликнулъ тотъ, раздраженный безпрестаннымъ повтореніемъ одной и той же пѣсни, — то войдите вхѣсть со мной, возьмите бумажникъ и оставьте меня въ покоѣ!

Они подошли къ самой рѣшеткѣ.

— Нѣтъ, я не пойду дальше, мнѣ нельзя войти! — сказалъ съ отчаяніемъ Бернарденъ.

И отчаяніе то въ немъ было не поддѣльное; вѣчный актеръ, онъ дышалъ въ этотъ разъ истиннымъ чувствомъ:

— Да отъ чего жъ нельзя бы вамъ войти?—спросилъ Морисъ, позвонивши у рѣшетки, такъ-какъ съ нимъ не было ключа.

— Отъ чего?—возразилъ Бернарденъ,—по....то....му....

И заиканье въ немъ на этотъ разъ было тоже не поддѣльное; онъ увидѣлъ, сквозь желѣзные прутья рѣшетки, чорнаго колосса, который приближался, съ приподнятымъ къ верху хоботомъ, какъ бы изъявляя тѣмъ двойное желаніе,—принять своего хозяина и умертвить непріятеля.

Набобъ вложилъ ключъ въ замѣкъ и отперъ, точь-въ-точь какъ настоящій придверникъ. Бернарденъ, блѣднѣе полотна, стоялъ въ нѣкоторомъ отдаленіи, и вдругъ, ободрившись при мысли, что за рѣшеткой онъ былъ совершенно внѣ опасности, прокричалъ, но ужъ безъ запканья:

— Морисъ! Морисъ! если сегодня вечеромъ не заплатимъ, то мы обезпечены!

Обратившись на-скоро въ послѣдній разъ съ приглашеніемъ къ Бернардену, Морисъ заперъ рѣшетку и побѣжалъ, вмѣстѣ съ Набобомъ, къ террасѣ дома.

Бернарденъ стоялъ, какъ громомъ пораженный, въ десяти шагахъ отъ рѣшетки; вызвавши на помощь всю свою энергію и благоразуміе, онъ сравнилъ выгоды и невыгоды двухъ намѣреній, которыя оставалось ему принять. Одно совѣтовало ему броситься немедленно по дорогѣ къ гавани и улетѣть тотчасъ же на яхтѣ Адриасена, оставивъ цѣлый океанъ между собой и Морисомъ, другое же совѣтовало выждать полученія бумажника. Морисъ,—разсуждалъ онъ самъ съ собой,—былъ такъ встревоженъ и разстроены, что никакъ не могъ взять въ толкъ того, о чемъ я говорилъ ему; но какъ скоро онъ увидитъ, что жена его жива и внѣ всякой опасности, то навѣрно вспомнить о моихъ словахъ, повторенныхъ мною нарочно столько разъ, и не захочетъ нарушить свое новое спокойствіе торговыми и денежными хлопотами.

Взвѣсивая съ спокойнымъ духомъ эти два намѣренія, онъ предпочелъ наконецъ последнее, сѣлъ на траву и сталъ выжидать. Передъ порогомъ дома лежало въ распростертомъ положеніи мертвое тѣло; это ужасное зрѣлище не пріостановило ни на минуту Мориса; онъ перескочилъ черезъ трупъ Адриасена и въ нѣсколько прыжковъ очутился на лѣстницѣ, подлѣ покоевъ жены; позвалъ ее нѣсколько разъ, истерзаннымъ голосомъ, и, не получая отвѣта, хотѣлъ было сломать дверь; но звукъ зашевелившагося изнутри въ замкѣ ключа остановилъ его. Рука, хотѣвшая отпереть, была такъ слаба, что исторія отпирания двери показалась ужасно длинною не-терпѣливому Морису. Наконецъ предстала передъ нимъ его жена, живая, но съ блѣднымъ какъ смерть лицомъ и съ потухшими, почти безжизненными, глазами. Она только-что освободилась отъ сильнаго обморока; она ничего не слыхала съ тѣхъ самыхъ поръ, какъ Адриасенъ захотѣлъ вломиться къ ней, ей представился, словно во снѣ, голосъ ея мужа, она приподнялась съ немовѣрными усиліями, и вздохнула свободнѣе, увидя свою комнату освѣщенную веселыми лучами солнца. Въ этотъ разъ, молодая женщина, передала мужу то, что случилось, давъ себѣ слово признаться впослѣдствіи во всемъ и покаяться передъ нимъ въ свосмъ преступномъ ослушаніи и невинномъ кокетствѣ, въ этихъ двухъ грѣхахъ, которые были всему причиною и возмутили мирное жительство обитателей Натальскаго рая. Морисъ, въ свою очередь, рассказалъ женѣ всю ночную исторію вплоть до смерти Адриасена. Последняя вѣсть, хотя и ужасная сама по себѣ, но успокоительная, какъ бы можно было думать, для Элоры, вошла острымъ ножомъ въ ея сердце. Это обстоятельство поразило ее. Съ какой стати могла ее опечалить, хотя бы даже на минуту, насильственная смерть такого страшнаго врага? простодушная Элора никогда не могла разрѣшить этой загадки. Испытывается дѣйствительно женщинами, въ случаѣ смерти нѣкоторыхъ непріязненныхъ имъ людей, какая-то острая боль, какъ словно грудь ихъ пронзаютъ кинжаломъ, боль, которая ихъ самихъ удивляетъ и ускользаетъ отъ ихъ анализа; вѣроятно, это происходитъ отъ того, что въ сердцахъ тѣхъ страшныхъ злодѣевъ пылала преступная и роковая страсть, предметомъ которой, и притомъ единственнымъ, были онѣ, и что смерть разить безпощад-

нымъ образомъ пламенную, тревожную душу, телько и дышавшую, что въ именахъ, ихъ прелестяхъ, ихъ красотой.

Въ этомъ страшномъ чувствѣ таилась, стало быть, искра чего-то преступнаго, и молодая женщина опять покаялась передъ Богомъ въ нечистотѣ души своей. При каждой тревогѣ, возникавшей въ ея совѣсти, она уносила въ воспоминаніи въ ту счастливую эпоху жизни, когда не знала она никакихъ терзаній сердца и жила спокойно, въ мирѣ съ своей совѣстью.

Среди воскреснутаго блаженства, которое уносило его далеко отъ земли, Морисъ забылъ уже обо всемъ; два простыхъ слова, произнесенныя Элорой въ видѣ вопроса, вызвали его къ требованіямъ происшедшихъ обстоятельствъ.

— А другой?—спросила она робкимъ голосомъ.

— Другой?—словно эхо повторилъ Морисъ, задумавшись нѣсколько надъ смысломъ этого краткаго вопроса.

Потомъ, какъ бы одумавшись, онъ продолжалъ:

— Ахъ! другой! да... Въдъ совѣстѣ было изъ ума вонъ! другой дожидается, чтобы я...

Элора порывисто протянула руку и удержала мужа, направлявшагося было къ двери.

Морисъ не замѣтилъ страннаго взгляда, блеснувшаго при этомъ въ глазахъ Элоры, и сказалъ ей:

— Не слѣдъ, чтобы этотъ несчастный Бернадень, непричастный нисколько злодѣйскимъ замысламъ Адриасена, пострадалъ какъ виновный.

— Хорошо ли ты увѣренъ, что онъ совѣстѣ чистъ въ этомъ дѣлѣ?—спросила молодая женщина.

— О! готовъ ручаться за него, — возразилъ Морисъ. Но въ этомъ твоимъ вопросѣ есть что-то странное!.. ужъ не имѣешь ли ты какого-нибудь подозрѣнія на Бернадена?

Элора поникла головой и нѣсколько времени ничего не отвѣчала; а потомъ сказала ему:

— Со вчерашняго дня я ознакомилась со многими вещами, о

которыхъ прежде знала только по названію.... между прочимъ ознакомилась съ педовѣрчивостью... Морисъ, послушайся моего совѣта, не отправляйся, ради Бога, къ этому Бернардену одинъ.

— Вѣдь онъ дожидается меня у рѣшетки... мнѣ надо отнести ему бумажникъ... намъ приходится платить сегодня въ Портъ-Наталъ по огромнымъ векселямъ.

— Мнѣ кажется это что-то подозрительнымъ! — проговорила Элора тономъ прорицательности.

— Охъ! нѣтъ, нѣтъ, — возразилъ простодушно Морисъ, — тутъ подозрительнаго ничего и быть не можетъ... погоди... я схожу... ты-то останься здѣсь, прошу тебя...

— Морисъ, ради самаго неба! — воскликнула жена съ умоляющимъ видомъ, — не отправляйся одинъ.

— Будь покойна, ангель мой, я возьму съ собой Ксавье и служителя изъ фермы.

Онъ вышелъ изъ комнаты и позвалъ Ксавье, давши женѣ понять знакомъ, чтобы оставалась на своемъ мѣстѣ.

— Надо вѣдь спрятать куда-нибудь трупъ-то, сказалъ онъ Ксавье едва слышнымъ голосомъ.

— Набобъ спряталъ ужь его, какъ только вы воротились, — отвѣтилъ служитель также тихимъ голосомъ; онъ стерегъ его на томъ мѣстѣ, чтобы показать его госпожѣ или вамъ; до вашего прихода, не было никакихъ средствъ взять трупъ у него изъ-подъ надзора.

— Куда жь онъ спряталъ его? — спросилъ Морисъ.

— Въ свой сарай.

— Отправляйся туда бѣгомъ и принеси мнѣ немедленно бумажникъ, который найдешь въ одномъ изъ кармановъ у того господина, что убить.

Вслѣдъ за тѣмъ, Морисъ снова вошелъ въ комнату, и сказалъ Элорѣ:

— Я отдалъ сейчасъ Ксавье кой-какія приказанія, и нарочно тихимъ голосомъ, чтобы не услышала какъ-нибудь твоя прислуга; постараемся держать это втайнѣ, какъ только можно долѣе.

Услыхавъ шумъ шаговъ возвращающагося Ксавье, онъ выбѣжалъ къ нему на встрѣчу, взялъ принесенный бумажникъ, и, приказавши позвать служителя изъ фермы, воротился снова къ женѣ.

Открывши бумажникъ, онъ нашелъ въ немъ большую пачку сначала *банковыхъ билетовъ*, потомъ распечатанныхъ писемъ съ подозрительными адресами. Въ одномъ изъ нихъ, на первой же фразѣ, кинулись ему въ глаза слова: *Натаьскій рай*; онъ невольно почти прочелъ сначала ту фразу, потомъ и слѣдующую, наконецъ и все письмо... Порывъ бѣшенства искажилъ его лицо, и онъ, обратившись къ женѣ, сказалъ:

— Да, моя милая, твое предчувствіе не обмануло тебя!... Бернарденъ точно сообщникъ Льетора Адриасена!

Элора молчала. Морисъ продолжалъ читать, и огромная корреспонденція, такъ случайно попавшаяся въ руки, открыла ему весь заговоръ, замысленный этими двумя злодѣями противъ супруговъ *Натаьскаго рая*.

— Эта земля, другъ мой, наша!—воскликнулъ онъ, сіяя радостью; домъ этотъ нашъ! да, все это по прежнему наше, принадлежитъ мнѣ... Возьми-ка этотъ бумажникъ и прочитай эти письма, а я намѣренъ покаместъ сдѣлаться *королевскимъ прокуроромъ* въ своихъ владѣніяхъ. Погоди немножко...

Морисъ спустился проворно съ лѣстницы, нашелъ на террасѣ своихъ двухъ здоровыхъ служителей и сказалъ имъ:

— Старайтесь казаться какъ можно безпечнѣе, и слѣдуйте за мной... Вы остановитесь у рѣшетки и явитесь ко мнѣ по первому моему призыву.

Бернарденъ, находившійся все еще на прежнемъ постѣ, ни мало не удивлялся долгому отсутствію Мориса; отсутствіе это было весьма понятно; ему много кой-чего нужно было передать и услышать; рѣшетка отворилась даже раньше, чѣмъ онъ ожидалъ. Морисъ прошелъ нѣсколько шаговъ по проспекту и остановился, какъ бы ища кого-то за деревьями. Опытность научаетъ хитрости и самаго прямодушнаго человѣка. Морисъ сталъ совѣтъ мной.

Въ свою очередь, Бернарденъ наблюдалъ за Морисомъ и

нюхалъ въ воздухѣ, какъ тигръ, желая словно распознать, не дышало ли въ немъ измѣной. Подозрѣнiя его показались ему несправедливыми; по его мнѣнiю, онъ слишкомъ хорошо зналъ первобытнаго Мориса, и тотъ неспособенъ былъ на выдумки разныхъ замысловатыхъ ухищренiй противъ своего врага; и, согласившись вполне съ этой успокоительной мыслью, онъ вышелъ изъ своей засады съ спокойною поступью и яснымъ лицомъ. Морисъ постарался придать себѣ точно такую же поступь и накинуть на себя точно такой же видъ, и, протянувши Бернардену руку, сказалъ:

— Будьте покойны, все будетъ заплачено сегодня.

Въ эту же самую минуту, молодой креоль бросился на злодѣя и обхватилъ его съ неимоверною силою, призывая на помощь двухъ своихъ служителей. Настала страшная борьба. Бернарденъ, наступившій въ распахъ, издавалъ самые неистовые крики, и, за неимѣнiемъ кинжала, впился зубами въ грудь противника; молодой и полный свѣжихъ силъ, онъ обратился вдругъ на свою сторону наступательное движенiе: ухватилъ крѣпко-на-крѣпко Мориса, поднялъ его и повалилъ на землю. Въ эту минуту къ ослабѣвшему противнику подошла помощь. Очутившись одинъ противъ двухъ новыхъ противниковъ и притомъ еще противъ Мориса, оправлявшагося уже отъ пораженiя, Бернарденъ прибѣгнулъ къ двумъ маленькимъ пистолетамъ, бывшимъ у него до сихъ поръ про запасъ, и грозилъ выстрѣлить. Ксавье, какъ истое дитя природы, дравшiйся всегда чѣмъ ни попало, поднялъ страшно-огромную вѣтвь баобаба, оторванную отъ ствола послѣднимъ ураганомъ, и, прикрывшись этимъ, непомерно большимъ, щитомъ, ринулся на Бернардена и сразу повалилъ его, подвергшись было двумъ выстрѣламъ; но тѣ къ-счастiю потерялись въ воздухѣ.

Авантюристъ увидѣлъ теперь себя въ постыдномъ плѣну, все равно какъ тигръ, попавшiй на дно пропасти, прикрытой охотничкомъ деревьями и сучьями. Связали ему на-крѣпко руки, и Ксавье вмѣстѣ съ другимъ служителемъ повелъ его въ Портъ-Натаальскую таможеню, гдѣ, для перваго еще такого случая, пришлось обратиться въ тюрьму какой-то магазинъ. Ксавье обѣщалъ принести, въ тотъ же вечеръ, всѣ нужныя бумаги для изслѣдованiя этого дѣла самимъ Капъ-Тоунскимъ короннымъ адвокатомъ.

Когда Морисъ, израненный въ борьбѣ съ Бернарденомъ, явился къ женѣ, то та ужаснулась и, горько заплакавши и ударивши себя въ грудь, сказала ему: «Всѣмъ этимъ несчастіямъ я причиной! Охъ! ужъ слишкомъ гнететъ меня неумышленный мой грѣхъ; навѣрно мнѣ станетъ на-много легче, когда признаюсь тебѣ во всемъ!»

И вслѣдъ за тѣмъ, унавши передъ нимъ на колѣни, сдѣлала ему полную исповѣдь. Тотъ, выслушавши ее молча до конца, сказалъ ей потомъ успокоительнымъ тономъ:

— Не обвиняй себя понапрасну, моя милая, развѣ женщина можетъ быть въ чемъ-нибудь виновна? Все какъ есть, зло и добро, все исходитъ отъ мужчины. Вотъ, выслушай меня. Я много передумалъ съ нынѣшняго утра, и, мнѣ кажется, всѣ мысли, пришедшія мнѣ въ голову, ниспосланы мнѣ Богомъ,—до того они правильны и справедливы! и я не дерзну присвоить себѣ такую честь, чтобы нашель ихъ самъ такъ скоро. Ты, Элора, невинна, — виновенъ во всемъ я; такъ по этому не слѣдъ тебѣ просить помилованія у меня въ моихъ же проступкахъ. Я подавилъ было въ себѣ самую истинную, коренную потребность всякаго живаго существа — жить среди себѣ подобныхъ; да, я заглушилъ было въ себѣ голосъ природы: удалился въ эту пустыню, избѣгая всевозможнаго соприкосновенія съ людьми, словно какъ будто бы съ какою-нибудь духовной нечистотою; изъ тебя сдѣлалъ свою невольницу, — о, грѣхъ, тяжелый грѣхъ; красоту твою, *какъ скупой, запряталъ далеко отъ всякаго сторонняго глаза; шелъ на-перекоръ самымъ невиннымъ женскимъ влеченіямъ; думалъ было обратить насильственнымъ образомъ природныя слабости женщины въ мощь ей. Ты же, моя милая, сама не сознавая того, возмутилась противъ моего эгоизма: при первомъ представившемся случаѣ ты невольно отдалась своимъ влеченіямъ, съ упоеніемъ внимая другамъ, незнакомымъ голосамъ, да, съ упоеніемъ, потому что я насильственно хотѣлъ наложить на тебя иго, — хотѣлъ, чтобъ ты наслаждалась только звуками моего голоса. Видишь, какъ я скверно воспользовался своей властью; пришлось теперь претерпѣть заслуженное наказаніе, и во всю мою жизнь останусь тебѣ признателемъ, такъ-какъ ты постоянно питала ко мнѣ любовь, и

происшедшее въ тебѣ возмущеніе было не больше, какъ минутное развлеченіе. Такъ всю вину сложи съ себя и... прости меня.

Элора слушала его, и слезы катились по ея щекамъ и жемчужинами упали ей на грудь.

— Ты, мой милый Морисъ, на много умнѣе и образованнѣе меня,—отвѣтила она ему, когда онъ кончилъ свою рѣчь,—въ словахъ твоихъ навѣрно есть правда, хотя, признаться, я ихъ не совсѣмъ-то понимаю.... Ты во всемъ обвиняешь себя? Стало быть, это ты внушилъ мнѣ мысль зайти въ котомку разнощика, купить дорогой уборъ, за который мы не могли заплатить, сойдти, вопреки твоему приказанію, съ террасы и отправиться съ тѣмъ молодымъ человѣкомъ до самаго морскаго берега? Выходитъ, что ты все сдѣлала, а я ни въ чемъ не виновна! Ну, какъ хочешь, а я этого никогда не пойму.... теперь мнѣ понятно только одно: я должна слѣпо повиноваться тебѣ. Съ этихъ поръ итѣ для меня лучше убора, какъ изъ цвѣтовъ, которые случится получить отъ тебя; кромѣ тебя, никого не стану слушать, никому не стану вѣрить и не сойду ни за что съ нашей террасы.

— Такъ ты рѣшилась непрекословно слушаться меня во всемъ?—сказалъ ей Морисъ.

— Да, рѣшилась; жена должна повиноваться своему мужу, такъ говорить Евангеліе.

— А мужъ, въ свою очередь,—возразилъ креоль,—долженъ повиноваться правотѣ, такъ говорить расудокъ.

— Такъ приказывай, Морисъ, и увидишь.

— На первый разъ приказъ мой такого рода: созови своихъ прислужницъ и отъвайся.... Въ сторону всякое удивленіе, недоумѣніе,—выслушала и исполняй,—добавилъ Морисъ и, съ нѣжностью обнявъ жену, ушелъ отъ нея.

Тотчасъ же роздалъ онъ приказанія съ величайшими подробностями людямъ своимъ, захватилъ съ собою бумажникъ Адриасена, не забывши взять и письма Бернарденна, и когда жена его явилась, совсѣмъ одѣтая, на террасу, онъ предложилъ ей руку и сказалъ:

— Милая моя, Адамъ за преступленіе заповѣди Божіей,

былъ изгнанъ изъ рая, и мы тоже навсегда удалимся изъ этого жилища. Пойдемъ жить посреди своихъ собратій. Вездѣ найдутся добрыя, благородныя сердца, которыя поймутъ насъ.

— Вѣдь я обѣщалась повиноваться, — весело возразила Элора.

И они отправились пѣшкомъ къ Портъ-Наталу, по проспекту, наполненному тѣнью и прохладой. Дорогою, Морисъ сказалъ женѣ:

— Послушай, моя милая, вотъ что. Планъ моей жизни былъ не хорошъ; я его разорвалъ въ клочки, и вотъ новый. Уголовный процессъ, который неминуемо долженъ возникнуть теперь, возвратитъ мнѣ все прежнее мое состояніе, и мы проживемъ отлично среди этихъ счастливыхъ обитателей Портъ-Натала. Это истинно образецъ колоніи. Тамъ совершилось преступленіе всего еще въ первый разъ, и виновные — то все — таки не тамошніе. Честь колоніи не страдаетъ, стало быть, нисколько. Ты пошла со мной, не спросивши даже, куда я направляю свой путь, — и я глубоко благодаренъ тебѣ за это безмолвное повиновеніе. Теперь объясню все. Мы идемъ въ гостиницу Капъ-Тоунъ, гдѣ встрѣтимъ вполнѣ гостепріимство первыхъ временъ; ничего лучше, усладительнѣе пельзя было бы найдти даже въ самый золотой вѣкъ, если бы только въ то время были гостиницы; это обшій домъ. Всѣ, кто платитъ хорошо, приняты тамъ хорошо, а еще лучше приняты тамъ немущіе ничего. Въ нѣсколько дней, не трудно будетъ мнѣ найдти отличный уголокъ земли на берегу моря, съ роскошною растительностью, съ прекрасными водами и съ добрыми сосѣдями. Богъ совѣтъ съ удивленной жизнью, со скучной пустыней. Будемъ жить, какъ и всѣ, и подъ покровомъ всѣхъ.

Слушая такую новую рѣчь, молодая женщина едва могла сдержатъ свою радость, и взоры ея, такъ долго замкнутые въ узкихъ и все однихъ и тѣхъ же перспективахъ, обнимахи съ восторгомъ безконечное пространство, носившее на себѣ отпечатокъ труда рукъ человѣческихъ. Жизнь выказывалась повсюду, но не съ обыкновеннымъ своимъ тяжелымъ грохотомъ, съ такъ называемымъ городскимъ шумомъ и съ блѣдною, изнуренною толпою!.. Нѣтъ! тутъ жизнь полна была той очарованной прелестью, какой дышетъ обыкновенно только удивленный уголокъ благодатной при-

морской земли; она здѣсь воспѣвала хвалу Создателю на живописныхъ берегахъ свѣтлыхъ, зеркальныхъ ручейковъ, покрывала голубоватымъ дымкомъ кровли мирныхъ жилищъ, проводила плугомъ по дѣвственной почвѣ, прививала сочные благоуханные плоды къ дикимъ деревьямъ, пропускала свободно въ городъ простыя сельскія телѣги, превращала убѣжища вредныхъ пресмыкающихся въ отличные сады, и вселяла наконецъ въ молодыхъ матеряхъ успокоительную увѣренность въ ненарушимости ихъ обѣта, когда съ улыбкой подходили онѣ къ колыбели.

Морисъ и жена его пришли въ Портъ-Наталь къ самому полдню, то-есть въ то время, какъ затихаютъ коммерческія дѣла и индійская *снѣсти* усыпляетъ колонистовъ въ ихъ хорошенькихъ домикахъ, а моряковъ на палубѣ кораблей. Молодая женщина, прикрытая отъ солнца китайскимъ шелковымъ зонтикомъ, шла какъ очарованная посреди все новыхъ, неожиданныхъ чудесъ. Ей ужъ не доставало глазъ, чтобы вполне налюбоваться попадавшимися видами: проходила она мимо тѣнистыхъ садовъ, гдѣ дѣти-малютки бѣлокурыя и прехорошенькія, словно небожители, рѣзвились и играли съ радужными птичками; слухъ же ея занималъ то восхитительный, чистый плескъ фонтановъ, то божественные напѣвы молодыхъ дѣвушекъ, то стройные звуки инструментовъ-невидимокъ, то пріятный человѣческій говоръ за занавѣсками оконъ. Пристань же, вполне радостная благополучному прибытію своихъ кораблей, хранила мертвое молчаніе и, казалось, предалась покою на время.

Только подобное сильное развлеченіе могло изгладить такъ скоро изъ памяти Элоры ужасныя приключенія двухъ послѣднихъ дней. Такъ, если, послѣ нашей смерти, Господь Богъ поселитъ вдругъ насъ на одно изъ тѣхъ свѣтлыхъ небесныхъ, что носятъ на себѣ кольца, словно неутѣшныя вдовы солнца, или что освѣщаются звѣздами, горящими изумруднымъ огнемъ; то, конечно, въ упоеніи отъ открывшагося внезапно зрѣлища, позабудемъ мы о самыхъ недавнихъ бѣдствіяхъ здѣшняго міра; но все-таки останется у насъ одно только, и то смутное, воспоминаніе въ глубинѣ сердца, да, все-таки не угаснетъ въ насъ и тогда даже пламя земной чистой любви, пламя, котораго не потушить никакому внезапному

великолѣпному зрѣлищу, — будь хоть то новый, дѣвственный міръ, освѣщенный милліонами радужныхъ свѣтилъ! Жена Мориса изъ всей прошлой жизни принесла съ собою на эту новую землю одну только роковую свою любовь.

Въ скоромъ времени, мѣстомъ своего поселенія Морисъ выбралъ порожнюю землю, прилегавшую къ гавани; такимъ образомъ онъ очутился окруженный со всѣхъ сторонъ незамысловатыми, но тѣмъ не менѣе миленькими домиками, населенными семействами моряковъ, которыя, хотя и свыклись съ обыкновеніями суши, но все-таки не въ состояніи были разстаться съ созерцаніемъ своего любимца-океана, который награждалъ ихъ и богатствомъ и здоровьемъ. Во всѣхъ странахъ свѣта, моряки составляютъ по преимуществу лучшій классъ народа и извѣстны своей правотой, честностью. По этому, самая жестокая низантропія можетъ смѣло дѣлать въ пользу ихъ исключеніе въ тѣхъ проклятіяхъ, которыя посылаетъ она человечеству. Элора и Морисъ вскорѣ же нашли самыхъ старыхъ, испытанныхъ друзей въ этихъ новыхъ сосѣдяхъ. Всѣ служители, бывшіе въ *Натальскомъ рюу*, не замедлили переселиться на новую ферму къ господамъ своимъ. Въ концѣ обширнаго сада сдѣлана была длинная рѣшетчатая загородка, за которой помѣстили надлежащимъ образомъ Набоба, этого гешя-покровителя Элоры.

Между тѣмъ, правосудіе, идущее всегда, не смотря ни на какія обстоятельства, своимъ должнымъ порядкомъ, изслѣдовало уголовное дѣло объ Адриасенѣ и сообщникѣ его Бернарденѣ. Пришлось вынести еще нѣсколько черныхъ дней. Морисъ употребилъ было всѣ средства, чтобы остановить начатое дѣло; но Капъ-Тоунскіе судьи и адвокаты, которымъ представляется обыкновенно такъ мало случаевъ заслуживать свое жалованье и упражняться въ краснорѣчіи, не согласились ни на какого рода миролюбивыя сдѣлки. Морисъ принужденъ былъ разстаться на время съ женой и явиться въ судъ для улики виновнаго, какъ главный свидѣтель. Бернардень защищался самъ, но ужъ безъ заиканья. Коронному адвокату пришлось произнести весьма неполное изслѣдованіе по этому дѣлу, такъ-какъ Морисъ въ своей жалобѣ упустилъ нарочно нѣкоторыя обстоятельства. Но все-таки и помимо этого, совершенное преступленіе тре-

бовало тяжкаго наказанія. Бернарденъ содрогнулся отъ радости, при выслушаніи приговора, по которому сослался онъ въ Ботани-Бей на десять лѣтъ.

— Знаете ли что, господа? — воскликнулъ онъ, обратившись къ судьямъ; — моя участь должна бы непременно послужить урокомъ тѣмъ, кто пишетъ пагубныя для себя письма, и тоже тѣмъ, кто бережетъ ихъ. Но къ-сожалѣнію, ничто не вразумляетъ злодѣевъ: они никогда не перестаютъ сноситься на бумагѣ съ своими соумышленниками, а тѣ беречь ихъ письма. Видно ужъ такъ Богу угодно.

Эти немногія слова произвели на присутствующихъ хорошее впечатлѣніе. Предсѣдатель прервалъ водворившееся было молчаніе, обратившись къ осужденному съ слѣдующею рѣчью:

— Правосудіе оказало снисхожденіе вамъ, и по слѣдующей причинѣ: вы могли бы на много увеличить вину своего преступленія, — и не рѣшились прибѣгнуть къ смертоубійству. Это ужъ одно показываетъ въ васъ хотя и испорченную, но еще исправимую натуру. Въ васъ еще не заглохло сѣмя, которое можетъ принести хорошіе плоды; да, есть хорошая сторона въ массѣ вашихъ дурныхъ побужденій, и со временемъ она послужитъ свѣточемъ для указанія вамъ пути къ исправленію. Проработаете десять лѣтъ, въ потѣ лица, — и общество сниметъ съ васъ клеймо преступника, а Богъ, Котораго вы сейчасъ упомянули, быть можетъ, проститъ уже васъ, если вы только покаетесь передъ Нимъ. Разсудокъ свой, — этотъ даръ неба, — употребили вы на зло; теперь онъ же послужитъ вамъ и къ добру. Очень многіе вошли въ Ботани-Бей, подобно вамъ, съ позоромъ на челѣ, а вышли оттуда съ надеждою въ сердцѣ. Мѣсто это — настоящее чистилище земное; многіе ваши предшественники могутъ подтвердить мои слова теперешнею своею жизнію. Они обработали, недалеко отъ Ботани-Бей, дѣвственныя земли Новаго Валлиса. Десять лѣтъ постоянного, усерднаго труда перерождаютъ человѣка. Отправляйтесь на мѣсто ссылки подъ вліяніемъ теперешнихъ, хорошихъ намѣреній, и состояніе, котораго вы такъ жаждали, и которое хотѣли даже похитить у другаго посредствомъ преступленія, вы приобретете его, быть можетъ, со временемъ благороднымъ и честнымъ образомъ.

Бернардень взглянулъ, со слезами на глазахъ, на маститаго судью, наставлявшаго его такимъ образомъ съ чисто отеческимъ попеченіемъ. Зародышъ хорошихъ стремленій замѣтно развернулся въ душѣ несчастнаго.

— Да, вотъ какъ всякій судья долженъ говорить съ преступникомъ, — проговорилъ онъ. Вы дали мнѣ будущее, вселили въ меня надежду.

Морисъ, тронутый до глубины души словами почтеннаго судьи, подошелъ къ Бернардену и сказалъ ему:

— Я, съ своей стороны, прощаю васъ, и прошу не забыть слѣдующихъ словъ моихъ. Черезъ десять лѣтъ, когда вы очиститесь отъ вашей прошлой жизни наказаніемъ и раскаяніемъ, то напишите ко мнѣ изъ Сиднея, и я вамъ пришлю денегъ на заведеніе плантаціи на полуостровѣ Йоркъ, что лежитъ въ заливѣ Спенсеръ. Страна та очень хороша.

Бернардень не рѣшился пожать руки Морису; онъ поблагодарилъ его молча, со слезами на глазахъ.

Когда теперь случается кораблямъ проходить мимо того прибрежья, гдѣ былъ *Натальскій рай*, то взорамъ пассажировъ представляется среди роскошно разросшагося гребенщика, на берегу моря, высокій памятникъ, съ крестомъ на верху. Подъ нимъ покоится тѣло Льетора Адриасена. Католическій священникъ благословилъ его прахъ и помолился за упокой его души. Такъ-какъ предсмертныя его муки продолжались довольно долго, то онъ успѣлъ покаяться во грѣхахъ своихъ, а для этого достаточно, какъ извѣстно, и одного слова, сказаннаго отъ души.

Изъ среды многихъ поученій, на которыя можетъ привести эта исторія, одно, словно эпиграфъ, начертано крупными буквами на памятникѣ, воздвигнутомъ на могилѣ Льетора Адриасена. Пассажиры, проѣзжающіе вдоль Натальского берега и отправляющіеся въ Индію попытать свое счастье въ неожиданномъ приобрѣтеніи огромнаго состоянія, не встрѣчаютъ уже болѣе восхитительной и чудной картины, каковую представлялъ изъ себя *Натальскій рай*; взоры ихъ, наоборотъ, наталкиваются непріятно на памятникъ, имъ слышится

замогильный голосъ, охлаждающій ихъ нечистые замыслы. Въ нашей многолюдной и образованной Европѣ, преступная мысль какъ часто робѣетъ передъ ея правосудіемъ, находящимся всегда на лицо, передъ ея властью, могущею воздать должное за нарушеніе закона; но гдѣ и въ чемъ найти покровительство, защиту, въ отдаленныхъ, уединенныхъ земляхъ, въ тѣхъ дѣвственныхъ странахъ, гдѣ живутъ колонисты? Преступленіе можетъ, пожалуй, вообразить себя на свободѣ, такъ-какъ не видятъ нигдѣ карающей руки. Такъ пусть же знаетъ оно, что оно жестоко ошибается! Глазъ Божій повсюду, и въ уединенныхъ пустыняхъ, все равно какъ и надъ многолюдными городами. Еще Провидѣніе съ особенной заботливостью бдитъ надъ этими, по видимому, несчастными людьми, осужденными на опасное одиночество; оно доставляетъ имъ неожиданныхъ, таинственныхъ покровителей, какъ нѣкогда посылало египтянамъ пустыннымъ путникамъ птицъ небесныхъ и дикихъ звѣрей, приносившихъ имъ пищу, или рывшихъ имъ могилы.

НЕАПОЛИТАНСКАЯ ЖИЗНЬ.

Побывай въ Неаполѣ и потомъ умирай спокойно, напыщенно восклицаетъ обитатель этого богато-одареннаго природою клочка земли, будучи внѣ себя отъ восторга при видѣ красотъ, его окружающихъ. И въ самомъ дѣлѣ, чего еще остается желать тому, кто дышалъ пріятнымъ воздухомъ Неаполя, катался на голубыхъ волнахъ Неаполитанскаго залива, освѣжалъ въ водахъ его тѣло и душу, видѣлъ величественный Везувій, ежедневно грозящій смертью и гибелью, гавань, наполненную кораблями всѣхъ народовъ, бродилъ между святынями Геркуланума, Помпеи и Пестума и по полямъ, которымъ древность дала прекрасное названіе «Счастливой Кампаніи».

Среди безпрестанныхъ войнъ и переворотовъ, среди политическихъ бурь и волненій, изрѣдка и на короткое время прерывавшихся благотѣльными солнечными лучами, городъ Неаполь медленно достигалъ того цвѣтущаго состоянія, въ которомъ онъ находится въ настоящее время. Постепенно расширяясь, онъ раскинулся наконецъ на пространствѣ двадцати итальянскихъ миль, разрушивши стѣснявшія его стѣны; мѣсто воротъ, черезъ которыя такъ часто вносились въ городъ всякаго рода бѣдствій, заняли прелестныя барьеры, устроенныя самою природою изъ группы окрестныхъ холмовъ. Укрѣпленія исчезли съ лица земли, и широкія улицы съ длинными рядами домовъ покрыли прежніе рвы и валы; только четыре форта, господствующіе надъ городомъ, производятъ непріятное впечатлѣніе, и еще не прошло года, какъ поставленные на нихъ батареи громили жителей Неаполя по повелѣнію ихъ собственнаго правительства.

На райскія поля Неаполя смотритъ веселое и свѣтлое небо; воздухъ такъ прозраченъ, что звѣзды здѣсь кажутся ближе, и оптическій обманъ уменьшаетъ степень удаленности предметовъ. Море и земля окрашены самыми разнообразными красками, начиная отъ темнаго индиго до оранжевой. Въ каждое время дня и года природа какъ бы облачается въ новое убранство. Какая страна можетъ представить лучшія условія для развитія музыки, поэзіи, живописи и всего родственнаго союза изящныхъ искусствъ и наукъ? Не удивительно, что столько народовъ дрались за обладаніе Неаполемъ.

Въ Неаполѣ климатъ весьма пріятный: суровымъ сѣвернымъ вѣтрамъ путь загражденъ, а лѣтніе жары умѣряются прохладой, дующею съ моря; орканы и сильныя грозы чрезвычайно рѣдкія явленія. Въ продолженіе четырехъ лѣтъ разъ только шелъ снѣгъ, но онъ растаялъ прежде, нежели достигъ почвы, а между-тѣмъ вершина Везувія по цѣлымъ днямъ, а кунолы Аппенниъ по цѣлымъ мѣсяцамъ носятъ на себѣ это бѣлое покрывало.

Неаполь считаетъ около 347,000 жителей; съ иностранцами и гарнизономъ населеніе его, по всѣмъ вѣроятностямъ, доходитъ до 400,000 душъ. Вся эта толпа съ ранняго утра до поздней ночи бродитъ по улицамъ. Публичность жизни распространяется даже на самыя внутреннія семейныя хлопоты. Всѣ занятія и работы совершаются подъ открытымъ небомъ; какъ тихія, такъ и шумныя ремесла производятся передъ мастерскими. Стада навьюченныхъ ословъ разносятъ по всему городу произведенія садовъ, воду, вино и т. п.; погонщики ихъ и разнощики всѣхъ жизненныхъ потребностей, начиная отъ колбасъ до телятины и козьяго мяса, отъ киселъ до половыхъ щетокъ, непрерывно оглашаютъ улицы своими дикими криками. Малочисленныя стада козъ, коровы съ своими телятами даютъ знать звономъ своихъ колокольчиковъ, что ихъ пора доить. Въ углахъ улицъ сидятъ подъ зонтиками *scrivani* или народныя писцы, аптекари и повара занимаются своимъ искусствомъ, не развлекаясь шумомъ окружающей ихъ толпы. Шербетчики и ликѣрички всѣхъ приглашаютъ освѣжиться; разнощики, торгующіе всѣми дарами Помоны, начиная отъ финиковъ и апельсиповъ

до дынь и арбузовъ, проходя мимо домовъ, предлагаютъ свой товаръ сидящимъ у оконъ, которые, если захотятъ купить, приходятъ въ сообщеніе съ продавцами и съ окружающею этихъ послѣднихъ толпою чрезъ посредство корзинокъ, привязанныхъ къ опущенной изъ окна веревкѣ. Крестные ходы, погребальныя процессіи, сопровождаемыя монахами, которые въ своихъ нахлобученныхъ клобукахъ кажутся привидѣніями, народные проповѣдники, импровизаторы, нищенствующіе монахи и монахицы, военная янычарская музыка, стоны нищихъ калѣкъ, крикъ бабъ, раскрасѣвшихся отъ злости и драки, звуки тамбуриновъ и кастаньетъ, громъ пушекъ, раздающихся во время частыхъ праздниковъ, грохотъ непрерывно проѣзжающихъ каретъ, кабриолетовъ и телѣгъ, которыя везутся лошадьми, увѣшанными бубенчиками, полишицели, фокусники, кукольные театры, все это уподобляетъ Неаполь бурному морю; это сравненіе въ особенности идетъ къ нему во время большихъ праздниковъ, карнавала и del Corso. И дѣйствительно вы съ удивленіемъ замѣчаете, что время здѣсь какъ-то необыкновенно скоро проходитъ и что съ трудомъ только можете вы улучшить нѣсколько минутъ, въ которыя вы принадлежите самимъ себѣ. Только въ послѣдніе дни страстной недѣли наступаетъ затишье въ шумномъ движеніи мірской жизни; не слышишь болѣе грохота колесъ, не видишь вьючныхъ животныхъ, вздыхающихъ подъ своими тяжелыми пошами; большая часть лавокъ заперта, большая часть крикуновъ умолкаетъ. Но гдѣ можно, тамъ народъ волнуется многочисленнѣе, нежели какъ обыкновенно; прелестныя цвѣты прекраснаго пола, прозябая остальную часть года въ заперти, выставляютъ себя въ это время на показъ публики; всѣ имѣютъ праздничный видъ и большая часть одѣта въ черное; густая толпа идетъ изъ одной церкви въ другую прикладываться къ мощамъ святыхъ, какъ бы образуя такимъ образомъ изъ улицы Толлео обширное гулянье. Эта знаменитая улица, прямой линіею пересѣкающая городъ въ направленіи отъ сѣвера къ югу, простирается на двѣ итальяскія мили; она украшена аллеями и цвѣтниками, а балконы, придѣланные къ высокимъ домамъ, и ихъ совершенно южный стиль придаютъ ей восхитительный видъ. Дома по большей части высокіе; ибо чѣмъ выше домъ, тѣмъ онъ для Неаполитанца лучше. По праздникамъ и

при торжественныхъ событіяхъ балконы увѣшваются шелковыми матеріями, а посреди улицъ развиваются огромные флаги, по буднямъ же надъ балконами протянуты длинные шесты, на которыхъ развѣшиваются одѣяла и всякаго рода мокрое бѣлье.

Подъ этимъ счастливымъ небомъ съ удивительною плодовитостію размножается человѣческій родъ; жизнь имѣетъ здѣсь мало потребностей; жаръ уменьшаетъ голодъ, къ утоленію котораго для Неаполитанца достаточно дешевыхъ макаронъ, овощей, древесныхъ плодовъ и хлѣба; жаровня, грѣющая его зимою, есть его кухня, его очагъ; деревянное масло замѣняетъ ему чухонское, а бѣлый кичіо кавалло (низшій сортъ сыра), красный перецъ и райскіе яблоки составляютъ единственную приправу его нероскошнаго стола. Сонъ и спокойствіе поддерживаютъ его жизненные силы; онъ работаетъ мало, по крайней мѣрѣ ненапряженно, и большая часть именно на столько, чтобы не умереть съ голоду; умеренность влечетъ за собой сладкое бездѣйствіе (*dolce farniente*), праздность, которая здѣсь, впрочемъ, вовсе не «мать всѣхъ пороковъ», а естественное слѣдствіе свойствъ климата. Жажда утоляется аппенинскимъ снѣгомъ, которымъ Неаполь непрерывно снабжается, апельсинами, лимонами, дынями и шербетомъ или мороженымъ, изготовленіемъ котораго Неаполь пріобрѣлъ значительную извѣстность. Сотни акваюоли (*acquaiooli*) стоятъ въ своихъ деревянныхъ палаткахъ, украшенныхъ зелеными вѣтвями, флагами, позолотою и яркими красками, между грудями прекрасныхъ сладкихъ померанцевъ и лимоновъ, и предлагаютъ жаждущимъ за одинъ гранъ прохладительнаго лимонаду, а за полгранна штофъ ледяной воды. Доставка въ городъ снѣгу предоставляется въ монополию откупщикамъ, платящимъ за это большія деньги.

Одежда Неаполитанца легка. Лаццарони довольствуется полотняными штанами, рубашкою и фуражкой изъ грубой шерсти. Зимою надѣваетъ онъ сѣрый камзолъ изъ грубой, непромокаемой матеріи, въ добавокъ онъ съ дѣтства привыкъ бѣгать на своихъ собственныхъ подошвахъ.

Неаполитанецъ нынѣшняго времени вполне сохранилъ характеръ своихъ предковъ. Онъ живетъ настоящимъ, не думаетъ о

прошедшемъ и не беспокоится о будущемъ; легко и съ увлеченіемъ поддается онъ ви́шнимъ впечатлѣніямъ и страстно любитъ новизну и перемены. Въ характерѣ его нѣтъ глубокости, и важнѣйшія дѣйствія жизни не имѣютъ въ глазахъ его значенія, если они лишены театрального блеска; маска полишинеля плотно переплелась съ нитями его дѣятельности. Суевѣріе и жажда чудеснаго суть необходимыя развлеченія южной чувственности. Настоящая сфера его—это личный интересъ: онъ заботится только о томъ, чтобы перехитрить людей, съ которыми приходитъ въ соприкосновенія. Не безъ нѣкотораго тщеславія старается онъ казаться богатымъ, какъ въ духовномъ, такъ и въ матеріальномъ отношеніи. Онъ любитъ общество, но не у себя дома. Онъ страстно преданъ карточной игрѣ и чувственности, но мало цѣнитъ неумѣренныя наслажденія стола. Свободный и непринужденный въ обращеніи, онъ любитъ слушать и говорить комплименты, не доходя до жеманной церемонности; даже лица низшихъ сословій отличаются вообще своею предупредительностью и вѣжливостью. Онъ одаренъ природнымъ остроуміемъ, счастливыми способностями къ наукѣ и искусству; но онъ болѣе склоненъ къ подражанію, нежели къ творчеству. Гораздо менѣе Нѣмца преданъ онъ предрасудкамъ нелѣпой дворянской гордости, и пользуется по этому расположеніемъ своихъ подчиненныхъ. Неаполитанскія женщины, а еще болѣе ихъ мужья, богато надѣлены природою. Хотя родители пренебрегаютъ образованіемъ своихъ дочерей, но они держатъ ихъ подъ строгимъ надзоромъ до самаго ихъ замужства, въ которое онѣ вступаютъ на четырнадцатомъ или пятнадцатомъ году. Послѣ выхода за-мужъ онѣ свободны и непринужденны въ обращеніи съ мужчинами: любовь для нихъ ни что иное, какъ препровожденіе времени, забава, прихоть; искреннее и мѣжное чувство, нѣмецкая семейственность въ нихъ рѣдко встрѣчаются. При самыхъ патетическихъ мѣстахъ трагедій онѣ смѣются и зѣваютъ, а при звукахъ прекрасной мелодіи съ громкими криками падаютъ отъ восторга въ сладостный обморокъ. Національные костюмы чрезвычайно разнообразны, но въ высшихъ кругахъ общества господствуетъ французская мода. Лицо у женщинъ блѣдное и смуглое, волосы бархатистые, каштановаго или чернаго цвѣта; отягчительныя черты ихъ густыя брови, пухлыя губы,

большіе, огненные, выразительные глаза. Но вслѣдствіе климата и преждевременнаго замужства онѣ рано увядаютъ: уже на тридцатомъ году представляютъ онѣ тощія, чахлая фигуры, или безобразныя, жирныя массы. Онѣ всѣ влюбчиваго темперамента, чрезвычайно граціозныя и ловкія кокетки, ужасно ревнивы и особенно расположены къ иностранцамъ.

Въ отношеніи къ испорченности нравовъ Неаполь не превышаетъ другіе большіе города Европы; въ немъ только рѣзче обнаруживаются темныя стороны общества. Убіиства и другія тяжкія преступленія не бываютъ слишкомъ часты; воровство, насильственное вторженіе въ дома и уличныя разбои въ мирное время принадлежатъ къ рѣдкостямъ; но за то честь и ревность часто съ кинжаломъ въ рукахъ преслѣдуютъ свои жертвы.

Оригинальную принадлежность Неаполя составляютъ лаццарони. Такъ называется въ Неаполѣ низшій и вмѣстѣ съ тѣмъ бѣднѣйшій классъ народа. Ни въ какомъ другомъ городѣ пролетаріи не носятъ на себѣ такого отпечатка оригинальности. Лаццарони, т.-е. носильщики тяжестей, баркароли, рыбаки, водолазы, калессари, ветошники, разношники, башмачники, мѣдники, шорники и мебельщики, собиратели навозу, тряпья и костей, чистильщики сапоговъ и извозчики, кучера, лакеи, половые, мастеровые, лавочники и т. п. образуютъ значительную массу народа, которая поддается всякому толчку и въ минуту можетъ быть взволнована. Хотя они уже издавна играли значительную роль въ политическихъ событіяхъ и переворотахъ своей родины, но роль эта по большей части всегда была случайная. Одинъ только разъ, а именно во время возмущенія Томаса Анжело де Амальфи, извѣстнаго подъ именемъ Мазильело, выступили они главными дѣятелями на сцену Исторіи. Во время спокойствія и порядка они являются вѣрными подданными своего государя, но во время мятежа они свирѣпѣютъ подобно ручнымъ лвамъ и тиграмъ, почувшымъ свѣжую кровь. Характеристическія свойства неаполитанскаго народа суть: чрезвычайно искусная жестуляція, страсть къ карточной игрѣ, склонность къ забавамъ, праздникамъ и пляскамъ. Въ особенности любятъ они подъ звуки тамбурина, кастаньеты и разныхъ пѣсень отплясывать тарантеллу.

танецъ, съ которымъ знакомитъ насъ извѣстная опера Обера «Нѣмая изъ Португалии (Фенелла)». Во время большихъ національныхъ праздниковъ и свадебъ не рѣдко встрѣчаешь самые пестрые поѣзды, которые своими экипажами, украшенными древесными вѣтвями, блѣстками и цвѣтами и сидящими въ нихъ женщинами и дѣвушками, увѣнчанными вѣнками и громко распѣвающими пѣсни тарантеллы, напоминаютъ празднества корибантовъ (*) и вакханокъ.

Низшій классъ народа живетъ такъ какъ лошакъ, а иногда и хуже; многочисленныя семейства стѣснены въ ограниченныхъ пространствахъ; не удивительно поэтому, что въ теплыя лѣтнія ночи лаццарони болѣе любятъ почевать подъ открытымъ небомъ, на широкой церковной паперти. Въ это время года дѣйствительно встрѣчаешь иногда цѣлыя группы спящихъ мужчинъ, но изъ этого не слѣдуетъ, чтобы лаццарони не имѣли крова. Въ такомъ случаѣ они, при своей легкой одеждѣ, въ морозныя зимнія ночи погибали бы сотнями; но въ такія ночи никогда не увидишь на улицахъ спящихъ лаццарони. Дѣти лаццарони бѣгаютъ почти голыми. Выросши на берегу моря, они уже на восьмомъ-десятомъ году плаваютъ съ изумительнымъ искусствомъ.

(*) Такъ назывались жрецы Цибелы, богиня земли.

П И З А.

Пиза вовсе не походитъ на городъ, обладавшій некогда могущественнымъ флотомъ и сухопутными войсками, покорившими Корсику, Сардинію и Сицилію и сдѣлавшими значительныя завоеванія на Востокѣ. Тщетно стали бы вы искать гавань, изъ которой выбѣгали побѣдоносныя галеры Пизанцевъ, стѣны, скрывавшія сотни тысячъ жителей. Тамъ, гдѣ некогда военные корабли укрѣплялись на якоряхъ, пасутся теперь стада коровъ и буйволовъ, гдѣ возвышались крѣпостныя башни—гуляетъ соха.

Но между тѣмъ Пиза все еще слишкомъ велика для своего настоящаго народонаселенія и слишкомъ бѣдна даже для поблекшей славы, изъ глубины древности до сихъ поръ озаряющей ее своими лучами. Улицы ея тихи, какъ деревня Герингутеровъ; ряды домовъ, прерываемые на большое пространство садовыми оградами, кажутся опустѣвшими; жители бѣдны и большая часть ихъ занимается нищенствомъ.

Но есть свѣтлая точка въ этой печальной картинѣ — именно Лупгарно, часть Пизы, прилегающая къ обоимъ берегамъ рѣки, представляетъ зрѣлище, котораго, не говоря уже о красотѣ пейзажной обстановки, вы не найдете въ величайшихъ и великолѣпнѣйшихъ городахъ Европы. Какъ ни прекрасенъ Лупгарно во Флоренціи, но онъ ничто въ сравненіи съ своимъ собратомъ въ Пизѣ. Размахъ изворотовъ рѣки такъ чистъ и благороденъ, что, кажется, онъ начерченъ самимъ изобрѣтателемъ изящныхъ линій (*Schönheits Linie*); великолѣпныя зданія по обѣимъ сторонамъ ея такъ многочисленны, что въ ихъ толпѣ исчезаютъ дома болѣе скромной внѣшности, а цѣлое поражаетъ удивленный взоръ единственной картиною. Почти съ каждаго пункта Лупгарно можно обозрѣть всю его длину, которую добрый пѣшеходъ едва успѣетъ пройти въ полчаса. Она представляетъ перспективу, производящую сильное впечатлѣніе при какомъ угодно освѣщеніи и въ какой угодно часъ дня. Но и самый равнодушный взоръ не въ состояніи противиться очарованію, когда вечернее солнце проливаетъ раскаленные лучи

на нижнюю оконечность Лупгарно, тогда как верхняя половина его покоится уже въ сумеркахъ своей собственной тѣни.

Было начало февраля, а въ Пизѣ все еще вѣялъ весенній воздухъ, не только пока сіяло солнце, но и долго вечеромъ. Откуда мы возьмемъ лѣтомъ мороженаго? — говорили печально жители. Однакожъ въ одну прекрасную ночь небо сжалилось надъ нуждою Пизанцевъ, и къ утру они съ удовольствіемъ увидѣли, что городскіе рвы покрылись тонкимъ пластомъ льда. Сотни рукъ принялись за работу, чтобы перенести въ безопасное мѣсто эту манну. Я проходилъ мимо въ девять часовъ утра, и уже почти весь ледъ былъ растасканъ изъ рва. Да и кстати, потому что я сомнѣваюсь, чтобы послѣднія телѣги, нагруженныя льдомъ, довели до погребца что-нибудь, кромѣ мокрыхъ досокъ. Но не всегда приходится Пизанцамъ такъ плохо, или такъ хорошо — смотря потому, съ какой стороны разсматривать вещь: меня увѣряли, что иногда на Арно катаются на конькахъ.

Величайшій и прекраснѣйшій монументъ въ Пизѣ есть соборъ съ его принадлежностями: колокольной, крестильней и кладбищемъ. Чтѣ побуждало древнихъ итальянскихъ зодчихъ ставить колокольную около церкви? Повиновались ли они въ этомъ случаѣ внушеніямъ необходимости, или не чувствовали себя способными соединять обѣ части храма въ одно органическое цѣлое? Въ самомъ дѣлѣ, задача этого соединенія, такъ удачно разрѣшенная готическимъ искусствомъ, представляетъ большія затрудненія при стройкахъ итальянскихъ базиликъ и куполовъ. Эти затрудненія при постройкѣ куполовъ, сколько мнѣ извѣстно, еще никто не умѣлъ счастливо превозмочь; они были камнемъ преткновения для архитекторовъ, которые старались обойти ихъ вышеприведеннымъ способомъ, или назначая колоколамъ скромное мѣсто на подкровельныхъ стропилахъ. Должно ли изъ этого заключить, что куполь и колокольная взаимно исключаютъ другъ друга, что они не могутъ существовать вмѣстѣ, но только отдѣльно? Можетъ быть, но это не доказано, и предположеніе, что такое раздѣленіе первоначально было болѣе произвольное, нежели необходимое, кажется мнѣ тѣмъ вѣроятнѣе, что великіе древніе мастера ставили около церкви, кромѣ колокольной, еще крестильню. Для дѣйствія крещенія всегда можно было найти

довольно мѣста въ самой церкви, и если строили особое зданіе, то, мнѣ кажется, объясненіе этого поступка должно искать въ нѣкотораго рода религіозной роскоши, которой нравился всякій поводъ выставить на показъ свои силы и умножить свои владѣнія. Понимающему архитектуру въ строгомъ смыслѣ слова соборъ пизанскій не понравится во многихъ отношеніяхъ, ибо при выполненіи его не принята въ руководство ни одна изъ извѣстныхъ школъ. Въ немъ всѣ роды архитектуры слиты въ одно: плоская кровля базилики съ куполомъ и стрѣльчатымъ сводомъ, круглыя арки съ остроковечными; возлѣ гладкой колонны стоитъ каннелированная. Къ-тому же позлащенные балки, раскрашенные мозаики въ византійскомъ вкусѣ, плиты изъ чернаго и бѣлаго мрамора на столбахъ, аркахъ и стѣнахъ. Конечно, соборъ при такихъ пестрыхъ составныхъ частяхъ не имѣетъ характера величія и того достоинства, которое внушаетъ благоговѣніе, но цѣлое, веселое и, не смотря на все разнообразіе отдѣльныхъ частей, вовсе не лишенное гармоніи, представляетъ пріятный видъ для взора, свободнаго отъ предубѣжденій. Оно не безъ нѣкотораго даже величія, но это величіе не подавляетъ и не возвышаетъ насъ, а равно съ нами.

Богатый и изящный фасадъ съ колоннами въ пять рядовъ, возвышающихся одинъ надъ другимъ, имѣетъ мѣдныя двери, украшенные работою Джіованни да Болонья и его учениковъ, работою, могли бы мы сказать, неподражаемою, если бы башни Флорентинской крестильни (*batisterium*) не убѣждали насъ въ противномъ. На дверяхъ собора рельефъ часто представляетъ полныя круглыя фигуры, почти отдѣляющіяся отъ поверхности. Такое выполненіе не ведетъ, впрочемъ, ни къ чему хорошему, потому что вмѣсто того, чтобы способствовать иллюзіи (что, очевидно, имѣлъ въ виду художникъ), оно совершенно разрушаетъ ее. Съ другой стороны, не менѣе ошибочно принимать за правило, будто бы рельефъ отнюдь не долженъ допускать перспективы. Авторитетъ фактовъ противорѣчитъ этому правилу самымъ рѣшительнымъ образомъ. Мы имѣемъ отличнѣйшія произведенія искусства всѣхъ временъ, начиная съ классическихъ до новѣйшихъ, въ которыхъ отдѣльныя фигуры, составляющія одну общую картину, отдѣляются отъ фона въ извѣстной постепенности. Не рѣдко дѣйствіе рельефной кар-

тины получает въ высшей степени драматическій интересъ отъ какой-нибудь головы, отдѣляющейся отъ поверхности въ полукругломъ или болѣе нежели полукругломъ положеніи, или отъ кулака съ занесеннымъ мечемъ, далеко прорвавшимся за границы, въ которыхъ вращаются прочія дѣйствія. Запрещать художнику употребленіе такихъ вспомогательныхъ средствъ во имя теоріи, значитъ дѣлать педантизмъ законодателемъ вкуса.

Такъ называемый Campo Santo есть скорѣе музей, нежели кладбище. Прекрасная галерея со сводами окружаетъ огромный четверугольный лугъ, на которомъ нѣтъ ничего, кромѣ четырехъ одинокихъ кипарисовъ. Въ галереѣ, стѣны которой покрыты старинною живописью *in fresco*, выставлено множество скульптурныхъ произведеній различныхъ родовъ и временъ. Античныя статуи, бюсты, саркофаги, средневѣковые рельефы, надгробные камни и нѣсколько новыхъ и новѣйшихъ памятниковъ, означающихъ, какъ мнѣ кажется, не могилу, а почетное мѣсто.

Какъ ни многочисленно это собраніе, но въ немъ мало предметовъ, способныхъ доставить удовольствіе взору. Большая половина въ развалинахъ, многое изуродовано до невозможности узнать, что такое было, а новое по большей части не стоить вниманія. Что касается до фресковъ, то, конечно, они произведеніе знаменитыхъ кистей, но такъ пострадали отъ времени и невнимательности, что только знатокъ можетъ разсматривать ихъ поблекшіе остатки съ неподдѣльнымъ интересомъ. Творенія греческаго, этрускаго и римскаго искусства находятся не въ лучшемъ состояніи; это обломки, оставленные Пизанцамъ потому только, что ими пренебрегали во Флоренціи. Для меня изъ всѣхъ этихъ антиковъ одинъ только имѣлъ цѣну — именно бюстъ Брута, оставшійся неповрежденнымъ, какъ будто бы вчера только вышелъ изъ мастерской. Въ немъ виднѣн Римлянинъ, но въ то же время что-то мелкое, мѣщанское. Нѣтъ, этотъ Брутъ не могъ спасти Рима.

Самое драгоцѣнное произведеніе искусства въ Campo Santo есть памятникъ работы Торвальдсена, посвященный главному врачу Берлинггеря. Рельефъ безъ претензій, представляющій лѣчленіе Товія, группу, не смотря на простоту ея состава, самаго гениальнаго творчества и выполненія. Торвальдсенъ этою работою доказалъ,

что высокій стиль нисколько не исключает оживляющую силу индивидуализированія. Меня никогда не увѣрятъ, что направленіе древнихъ и въ особенности Грековъ къ изображенію типовъ есть образцовое. Можетъ быть, изображеніе абсолютной идеальности вполне удовлетворяло требованіямъ и нуждамъ многобожія; но независимое отъ религіи и богопочитанія искусство требуетъ болѣе прямого отношенія къ чувственнымъ и душевнымъ свойствамъ чело-вѣка. Я не знаю, что находило мнѳологическое воззрѣніе древнихъ въ изображеніи какого-нибудь Аполлона или Меркурія; но нынѣшнему поколѣнію, намъ, заимствующимъ изъ книгъ неудовлетворительное понятіе о бытѣ жителей Олимпа, всѣ эти знаменитыя головы Аполлоновъ и Меркуріевъ необходимо должны казаться и дѣйствительно кажутся холодными, что, однакожъ, не мѣшаетъ намъ съ жаромъ утверждать противное. Мнѳологическій образъ представленія древнихъ, можетъ быть, дѣлалъ нечувствительнымъ для нихъ отсутствіе въ изображеніяхъ боговъ индивидуальнаго элемента, дополняемаго притомъ его пониманіемъ; но мы тщетно будемъ стараться напряженіемъ разума и воображенія усвоить себѣ присутствующее имъ античное воззрѣніе. Такъ-какъ вѣтра не доставляетъ намъ пониманія произведеній древняго искусства — я разумѣю подъ этимъ съ молокомъ матери всосанный образъ представленія, съ воздухомъ вдыхаемыя чувствованія, чрезъ всѣ поры проникающую поэзію теологическаго ученія, — то вслѣдствіе этого мы теряемъ чувственное посредство, лишаемся вмѣстѣ съ тѣмъ общепонятной характеристики, выраженія индивидуальной жизни, личности. Новѣйшее искусство, соперничествуя съ древностію въ изображеніи отвлеченнаго, впадаетъ въ жалкое заблужденіе. Вмѣсто требуемой нами мысли, вмѣсто чувства, души, оно даетъ намъ формы и только формы, которыя никто не мѣшаетъ ему заимствовать изъ классическихъ образцовъ, но которыя въ копіи еще менѣе значатъ, нежели въ оригиналѣ. Конечно, легче найти форму, нежели выраженіе; конечно, въ высшей степени трудно провести пограничную линію между идеальностію и индивидуальностію; но что разрѣшеніе высшихъ задачъ искусства не есть нѣчто недоступное искусству, это доказываютъ творенія Торвальдсена, Микель-Анджело и Мурильо.

Я тщетно искалъ въ Пизѣ историческій памятникъ, о кото-

ромъ съ ужасомъ слышалъ въ дѣтствѣ—голодную башню (Hungerthurm). Съ тѣхъ поръ я уже не перечитывалъ драму Герстенберга, но потрясеніе, произведенное ею, двадцать лѣтъ тому назадъ, чувствую еще до сихъ поръ. Едва могли мнѣ указать мѣсто, гдѣ нѣкогда въ дѣйствительности разыгралась эта страшная трагедія, и я сожалѣлъ о разрушеніи голодной башни не ради одного интереса, представляемаго поэзіею страха: видъ темницы, въ которой умеръ Уголино, служилъ бы намъ не только ужасающимъ воспоминаніемъ, но и живымъ урокомъ. Мы не имѣемъ теперь ни голодныхъ башней для государственныхъ измѣнниковъ, ни епископовъ Руджіери, которые бы составляли общества, имѣющія цѣлю противодѣйствіе государственнымъ измѣнникамъ—узурпаторамъ; Уголины рѣдки, мстители ихъ мятежа еще рѣже. Кто читалъ Данте, тотъ не забудетъ страшной картины, въ которой онъ описываетъ наказаніе Уголино и Руджіери. Оба подверглись проклятію, адскому истязанію не огнемъ, которое поэтъ, привыкшій къ зною итальянскаго солнца, не считаетъ жесточайшимъ, а вѣчнымъ холодомъ. Грудь о грудь стоятъ они, скованные льдомъ, доставляющимъ Уголино на столько свободы, что онъ можетъ глотать мозгъ Руджіери, въ удовлетвореніе за голодную смерть, которой подвергъ его сей послѣдній. Не есть ли теперешній приговоръ надъ Руджіери отголосокъ проклятія Данте? Я осуждаю его жестокость, но не причины его побуждавшія. Какъ понимаетъ Данте политическое правосудіе, о томъ свидѣтельствуетъ участь Брута и Кассія, которыхъ онъ повергаетъ вмѣстѣ съ Іудею въ самую глубину ада, въ пасть своего трехголового сатаны. Вѣдь они подняли руку на перваго Кесаря, вѣдь они были гвельфское сѣмя, падшее у подножья колыбели Гибелиновъ! И однакожь мнѣ нравится въ немъ эта страсть людей, вылитыхъ изъ одного куска металла, потому—что она поражаетъ великіе характеры и великія дѣла. Теперь мы осмотрительнѣе, справедливѣе — качества, дѣлающія честь нашему вѣку, и которые необходимо еще укоренить въ народной жизни.

В Р Ю Г Г Е.

Ничто не доставляет мнѣ столько наслажденія, сколько чтеніе въ такомъ уединеніи огромнаго фоліанта, въ которомъ безъимянный лѣтописецъ просто и вѣрно, по свѣжимъ впечатлѣніямъ, пересказываетъ видѣнныя имъ событія. Одну изъ такихъ хроникъ олицетворяетъ въ себѣ городъ Брюгге. Ни одинъ изъ бельгійскихъ городовъ не сохранилъ въ такой чистотѣ средневѣковаго характера: представьте, что ни на одной улицѣ нѣтъ зданія, которое было бы построено позднѣе XVI-го столѣтія. Эти каналы, въ различныхъ направленіяхъ прорѣзывающіе городъ, были вырыты, когда ломбардскіе корабельщики, во время плаванія своего по Нѣмецкому морю, вздумали промѣнять часть своихъ товаровъ на фламандскія произведенія. Столѣтіе спустя, Брюгге былъ превзойденъ промышленнымъ Гентомъ, а по открытіи новаго міра вся торговля его перешла въ Антверпень. Тогда Брюгге подвергся одной участи съ испанскими Нидерландами: онъ палъ вмѣстѣ съ всемірною монархією, средоточіе которой находилось въ Мадридѣ. Испанія много потерпѣла отъ того, что подъ скипетромъ ея королей были соединены страны и народы, совершенно различныя по климату и образу жизни. Когда Филиппъ Прекрасный прибылъ въ Кастилію въ сопровожденіи бургундскаго двора, фламандскіе рыцари не замедлили возбудить негодованіе въ важныхъ Испанцахъ своею простодушною грубостью и веселою легкостью нравовъ; ихъ жажда къ наслажденіямъ должна была казаться развратомъ народу, отличающемуся преимущественно передъ всѣми романскими племенами чистотою и благопрістойностью жизни. Находясь въ постоянной борьбѣ съ Маврами, пылкое и храброе поколѣніе Испанцевъ усвоило себѣ рыцарскія привычки и благородныя понятія о нравственности, съ его солдатскою дисциплиною тѣсно срослось благоговѣйное уваженіе къ монарху. Поэтому

всякій, не обладавшій этими мало по малу окаменѣвшими формами дисциплины и нравственности, долженъ былъ возбуждать въ нихъ отвращеніе. Они вовсе не понимали фламандской конституціи, которая съ отеческою заботливостью потворствовала республиканскимъ наклонностямъ народа. Въ царствованіе Филиппа II разразилась наконецъ вражда двухъ народовъ, и ненависть Испанца еще болѣе усилилась вслѣдствіе воодушевившаго его религіознаго фанатизма, вѣнчившаго ему въ обязанность преслѣдованіе иновѣрца. Страсть къ владычеству и произволу мало по малу погубила Испанію, а смѣлыя предпріятія Филиппа совершенно истощили ея казну. Въ то время, когда и при хорошихъ закладахъ брали тройные и четверные проценты, такой государь, какъ Карль V, расходы котораго далеко не соответствовали его доходамъ, долженъ былъ скоро разстроить финансы. Филиппъ принужденъ былъ уступить кредиторамъ прямые налоги въ Испаніи. Но его денежные нужды возростали съ каждымъ годомъ, города не могли уплачивать всѣхъ налоговъ и должны были прибѣгнуть къ займамъ. Вслѣдствіе этого городскіе акцизы пошли на уплату процентовъ, такъ что не изъ чего стало удовлетворять потребностямъ общимъ, и бѣдность все болѣе и болѣе увеличивалась. Чтобы поправить такое положеніе дѣлъ, вздумали сбавить проценты. Но это повело только къ потерѣ кредита, а потеря кредита имѣла слѣдствіемъ возмущеніе войска, ибо испанскіе солдаты, не получая жалованья, забыли свою дисциплину, которая нѣкогда дѣлала ихъ столь страшными для остальной Европы. Дошло наконецъ до того, что великій король, не задолго до своей смерти, принужденъ былъ собирать подаянія (donation); при Филиппѣ III расточительность двора причинила позорное банкротство; въ началѣ XVII столѣтія въ Кастиліи уже не было въ обращеніи серебряной монеты, потому что правительство прибѣгло къ послѣдному отчаянному средству: оно вычеканило на нѣсколько милліоновъ мѣдныхъ денегъ. И все это произошло не смотря на то, что въ Испанію ежегодно пріѣзжалъ изъ ея заатлантическихъ колоній флотъ серебра, пятая часть котораго, достававшаяся на долю короля, уже при Филиппѣ II, со времени изобрѣтенія способа разлагать серебро посредствомъ ртути, превосходила милліонъ піастровъ и скоро потомъ еще учетверилась. Но все, что

изъ этого не было поглощаемо войною, перешло черезъ торговлю къ иностраннымъ народамъ и отчасти къ Нидерландцамъ; ибо испанскій купецъ привозилъ въ Брюгге золото и грубую шерсть и прожѣвывалъ это на фламандскія ткани. Потозскія сокровища увеличили богатство Фламандріи, Брабанта и Гельдерна, и спустя нѣсколько времени эти богатства искали себѣ спасенія отъ испанской тираніи въ освобожденной Голландіи. Такимъ образомъ суммы, бывшія нужными Филиппу для подавленія Нидерландовъ, достались народу, который распространилъ свое мореплаваніе до самаго индійскаго океана и съ каждымъ днемъ становился все болѣе и болѣе страшнымъ для испанскаго флага. Испанцевъ воодушевлялъ религіозный фанатизмъ и народная ненависть, а Нидерландцевъ отчаяніе; такимъ образомъ завязалась борьба между сѣвернымъ мужествомъ и южною запальчивостью; оба народа не уступали другъ другу въ храбрости, но Нидерландецъ былъ прилеженъ и бережливъ, а Испанецъ расточителенъ. Отъ этого—то одинъ народъ сдѣлался свободнымъ, а другой впалъ въ такое истощеніе, что и до сихъ поръ еще не можетъ оправиться.

Къ пагубнымъ налогамъ, выдуманнымъ Филиппомъ, принадлежатъ между прочимъ пошлина на вывозимую изъ Испаніи шерсть. Эта пошлина простиралась до четырехъ дукатовъ съ мѣшка, слѣдовательно по тогдашнимъ цѣнамъ она составляла шестую часть цѣнности товара. Въ особенности была она тягостна для Брюгге. Изъ статистики тогдашняго времени мы узнаемъ, что въ Брюгге ежегодно привозилось до 40000 мѣшковъ шерсти. Но вслѣдствіе вышеупомянутаго налога количество это въ 1560 году уменьшилось почти до половины. Въ Брюгге, куда привозили шерсть и Англичане, ежегодно изготовлялось сукна на 5 милліоновъ. Въ эти—то дни изобилія жители Брюгге и могли воздвигать такіе дворцы, каковъ напр. «Суконный Домъ» (Tüchhaus). Это зданіе представляетъ обширную массу, занимающую всю ширину огромной площади. Внутренность его освѣщается рядомъ готическихъ оконъ. Надъ массою зданія возвышается стройная башня, вершину которой увѣнчиваетъ галлерей. Суконный Домъ игралъ важную роль въ исторіи фламандскихъ городовъ, ибо въ немъ собирались гильдіи присягать новому графу, послѣ того какъ онъ присягалъ духовенству охранять соб-

ственность и права церкви и подтверждалъ передъ магистратомъ старинныя привилегіи города. Не далеко отсюда находится ратуша, гораздо менѣ замѣчательная по своей громадности, нежели по чистотѣ своего готическаго стиля. Отсюда черезъ переулки, мосты и каналы достигаешь части города, въ которой какъ бы оживаютъ передъ нами средніе вѣка. На право между домами пробирается каналъ, края котораго покрыты дикимъ кустарникомъ. Передъ вами съ своимъ высокимъ фронтономъ возстаетъ изъ тѣни сумрака дворецъ Балдуина фламандскаго, вокругъ котораго тѣнятся дома, возвышающіеся другъ надъ другомъ и рѣзко отдѣляющіеся на золотистой полосѣ горизонта. Далѣе въ синевѣ вечера подымается съ своими острыми углами стройная башня Суконнаго Дома, а нагѣво возвышается соборъ Божіей Матери, который легко узнаешь по безобразной формѣ колокольни; ибо послѣ послѣдняго пожара на ея тяжеломъ, четвероугольномъ корпусѣ воздвигнули конусообразный шпиль, похожій издали на огромную трубу.

Въ заключеніе этого письма я упомяну о сокровищахъ, завѣщанныхъ Брюгге двумя геніальными художниками. Въ здѣшнемъ музеемъ находится именно знаменитѣйшая картина Іоганна Фанъ-Эйка: Божія Матерь съ Младенцемъ Іисусомъ среди святаго Донація каноника Дели-Пала и святаго Георгія. Святый Георгій превосходно удался наивному Фанъ-Эйку. Какъ неловко стоитъ онъ въ своемъ золотомъ вооруженіи, какъ скромно снимаетъ онъ каску и съ какимъ чистосердечіемъ протягиваетъ руку къ Младенцу Іисусу; какое блаженство выражается на его кроткомъ лицѣ, оттого, что онъ сподобился видѣть собственными глазами Божественнаго Младенца — все это изображено такъ вѣрно и живо, что картина невольно вселяетъ въ насъ любовь къ художнику и удивленіе къ этой теплотѣ религіознаго чувства, которую тщетно станешь искать въ наше время. Въ больницѣ Святаго Іоанна находятся драгоцѣнныя произведенія того загадочнаго художника, настоящее имя и судьбу котораго тщетно розыскиваютъ ученые поклонники его таланта. Я упомяну только о величайшемъ произведеніи Хемлинга: о мистическомъ бракѣ Катерины Сиенской—сюжетъ, довольно часто изображаемый Фламандцами. Въ серединѣ сидитъ на тронѣ Небесная Царица съ Младенцемъ Іисусомъ на груди; на право держитъ передъ нею

ангелъ раскрытую книгу, а на лѣво другой ангелъ играетъ на органѣ. Передъ Божію Матерію стоитъ на колѣняхъ святая Варвара, а напротивъ ея Катерина, которая принимаетъ изъ рукъ другаго святаго обручальное кольцо. По бокамъ картины съ лѣвой стороны изображено отсѣченіе главы Іоанна Крестителя, а съ правой изображенъ Іоаннъ Богословъ, окруженный апокалипсическими видѣніями. Ни одна картина, не исключая даже Сикстинской Мадонны, не производила на меня такого глубокаго впечатлѣнія. Даже и теперь, не смотря на окружающую меня пестроту Парижа, я живо и ясно представляю себѣ эти образы: эту нѣжную Катерину, лицо которой облагораживаетъ религіозная важность, этого ангела, который съ восторгомъ созерцаетъ святую сцену, и даже этого палача, который съ какимъ-то животнымъ изяществомъ (Eleganz) совершаетъ казнь надъ Крестителемъ. Еще до сихъ поръ помню я всѣ безчисленныя частности, которымъ я удивлялся въ этомъ произведеніи. Не менѣе самого произведенія изумляетъ меня то, что художникъ до такой степени проникнулся своимъ предметомъ, что во все время трудной работы могъ наглядно и вѣрно представлять себѣ содержаніе воспроизводимой имъ легенды. Это видимое чудо вѣры. О, церковь хорошо знала, почему она такъ матерински лелѣла искусство.

ОБЗОРЪ ФИНАНСОВАГО ПОЛОЖЕНІЯ ГОЛЛАНДІИ.

Когда возникло соединенное Нидерландское королевство, оно тотчасъ же признало старинный долгъ Голландіи и Бельгіи. Несмотря на продолжительное спокойствіе, этотъ долгъ и государственныя издержки значительно увеличились въ теченіи времени отъ 1815 до 1830 года, вслѣдствіе системы короля Вильгельма I. Уже въ 1821 году Шиммельпенинкъ утверждалъ, что бюджетъ въ 74 мил. гульд., который впоследствии не былъ тяжелъ и для однихъ сѣверныхъ Нидерландовъ, превышаетъ средства соединеннаго королевства. Съ 1830 по 1840 годъ тягостный долгъ, который съ этого времени сталъ обременять одну только Голландію, все болѣе и болѣе увеличивался вслѣдствіе принятой правительствомъ системы страдательнаго выжиданія, и государственныя издержки возросли до ужасающей степени. При такомъ положеніи дѣлъ покажется, можетъ быть, удивительнымъ, что генеральные штаты въ продолженіе столькихъ лѣтъ вотировали налоги и кредитъ на уплату процентовъ и бельгійской части долга; но это объясняется тѣмъ, что долгъ почти весь сосредоточился въ рукахъ голландскихъ рентнееровъ. Кромѣ государственнаго бюджета въ 70 мил., надъ тремя милліонами жителей Голландіи, изъ которыхъ пятая часть содержится на счетъ четырехъ остальныхъ, тяготѣлъ не менѣе огромный городской и общинный бюджетъ.

При такихъ обстоятельствахъ и самые умѣренные принуждены были въ началѣ 1840 года требовать полнаго измѣненія финансоваго устройства. Г. Рохуссенъ, сдѣлавшись министромъ финансовъ, предпринялъ возстановить равновѣсіе между доходами и расходами и покрыть прежній дефицитъ. Тогда король Вильгельмъ, боясь наступленія новаго порядка вещей, отказался отъ скипетра въ пользу своего сына. Для покрытія недочета прошлаго года, прострившагося до 34,006,464 гульденовъ, Рохуссенъ предложилъ снова вписать его въ главную долговую книгу, превратить четырехпроцент-

ныя облигаціи неутвержденнаго долга въ пятипроцентныя облигаціи долговой книги, пустить въ ходъ новыя ассигнаціи и уничтожить синдикатъ погашенія долговъ: а для покрытія текущихъ издержекъ онъ предложилъ увеличить налоги. Палаты, обладающія его общаніями, приняли всѣ его предложенія. Съ 1840 по 1844 годъ онъ безпрестанно совѣщались о покрытіи недоимокъ и недочетовъ и объ уравниваніи расходовъ и доходовъ. Но, несмотря на все это, Рохуссенъ и его преемникъ Фанъ-деръ-Геймъ тщетно пытались произвести финансовыя реформы; ибо большинство второй палаты не могло еще тогда согласиться касательно принятія дѣйствительныхъ мѣръ для улучшенія финансовъ. Наконецъ въ 1844 году принялъ на себя управленіе министерствомъ финансовъ тогдашній министръ юстиціи Фанъ-Галль. Онъ предложилъ палатѣ прибѣгнуть къ добровольному займу. Палата приняла это предложеніе, и впоследствии оказалось, что только эта мѣра и могла спасти Голландію отъ совершеннаго банкротства. Съ 1815 по 1830 годъ нидерландскій государственный долгъ увеличился 23 процентами, съ 1830 по 1843-й 15-ю. Въ этотъ послѣдній годъ долгъ возросъ до 1300 мил. талеровъ, изъ которыхъ 134 мил. приходились на долю колоній. Въ 1844 году со всего этого долга, за вычетомъ только колониальнаго, выплачивалось 34,032,163 гульдена процентовъ; сверхъ того надлежало еще покрыть 40 мил. прежняго дефицита; съ однихъ только пятипроцентныхъ долговъ, сдѣланныхъ Голландіею между 1830 и 1840 годами, и простиравшихся до 221 мил. гульденовъ, надлежало выплачивать до 11½ мил. гульденовъ процентовъ; въ то же время выпущено было на 4 миліона ассигнацій и признанъ довольно значительный остъ-индскій долгъ. Вообще въ 1843 году отношеніе государственныхъ расходовъ Голландіи къ ея долгу было самое неблагопріятное: 1: 31, 47. Дошло наконецъ до того, что нѣкоторые стали съ тайною радостью ожидать банкротства, хотя впрочемъ оно нисколько бы не поправило финансовъ Голландіи, а подорвало бы только ея кредитъ и торговлю и вычеркнуло бы ее изъ ряду самостоятельныхъ государствъ. За границею уже давно говорили о предстоящемъ банкротствѣ Голландіи, и на иностранныхъ биржахъ, за исключеніемъ только лондонской, уже не принимались въ расчетъ ея долговыя обязательства.

При такихъ крайнихъ обстоятельствахъ голландскій народъ рѣшился на смѣлую, но дѣйствительную мѣру.

Не смотря на тяжесть податей, онъ объявилъ себя готовымъ на всякія чрезвычайныя пожертванія для спасенія отечества. Между торговлею и кредитомъ существуетъ неразрывная связь, такъ что торговля безъ кредита невозможна; если кредитъ сохраненъ, государство можетъ надѣяться на болѣе счастливую будущность; въ противномъ же случаѣ оно пострадаетъ. Опираясь на это правило, правительство пригласило гражданъ принести жертву на олтаре отечества, и они съ готовностью покорились требованіямъ обстоятельствъ. Министру Фанъ-Галлю принадлежитъ слава предложенія и счастливаго выполненія великой финансовой мѣры 1844 года, съ помощью которой онъ въ теченіе четырехлѣтняго управленія устранилъ неутвержденный долгъ (*dette flottante*), покрылъ дефицитъ, съ выгодою совершилъ превращеніе долга (*Shuldconversion*), съ значительными пожертваніями перечекалилъ старую монету, возобновилъ равновѣсіе между доходами и расходами и снова упрочилъ общественный кредитъ.

Прежде всего онъ предложилъ чрезвычайный налогъ на доходы и имущества и вмѣстѣ съ тѣмъ добровольный трехпроцентный заемъ въ 127 мил. гульденовъ съ условіемъ, что если заемъ удастся, вышеозначенный налогъ долженъ быть отиѣненъ. Вокругъ этого главнаго предложенія сгруппировались пять другихъ, а именно: о покрытіи дефицита и неутвержденнаго долга, объ уплатѣ долга кораблехозяевамъ, объ оцѣнкѣ требованій отрекшагося короля, о покрытіи чрезвычайныхъ издержекъ въ 35 милліоновъ за два послѣдующіе года. Послѣ долгихъ преній палата приняла предложеніе большинствомъ 32 противъ 25. Тогда всѣ партіи, воодушевляемыя одинаковою любовью къ отечеству, соединили свои усилія для того, чтобы осуществленіемъ займа сдѣлать ненужнымъ чрезвычайный налогъ на доходы. 6 марта былъ обнародованъ новый финансовый законъ и уже 28 было собрано подписей на 117 мил. гульденовъ; на остальные 10 милліоновъ подписалась королевская фамилія.

Послѣ этого Фанъ-Галль приступилъ ко второй финансовой мѣрѣ, къ постепенному переводу 5 и $4\frac{1}{2}$ -процентныхъ долговыхъ облигацій на 4-хъ-процентныя, при чемъ онъ сумѣлъ изъ вновь

возникшаго кредита извлечь пользу для государства. Благодаря правильной уплатѣ втораго термина бельгійской части долга и постоянному возвышенію курса, этотъ переводъ совершился почти *à pari* и новыя ассигнаціи пошли въ высшей цѣнѣ, нежели какъ сначала надѣялись (онѣ шли сперва за 94, а потомъ за $98\frac{3}{4}$), такъ что въ отношеніи къ бюджету 1846 года можно было рассчитывать на всѣ выгоды, которыя долженъ былъ доставить этотъ переводъ. Правда, вслѣдствіе этой операціи номинальная сумма долга увеличилась почти на 7 милліоновъ гульденовъ, но за то ежегодные проценты съ него уменьшились на 2,600,000 гульденовъ. Притомъ же слѣдствіемъ этой операціи было дальнѣйшее возвышеніе ассигнацій (такъ напримѣръ $2\frac{1}{2}$ -процентныя ассигнаціи возвысились отъ 56 на 65 процентовъ), что принесло значительное вознагражденіе за ущербъ капиталовъ, понесенный подписавшимися на новый 3-хъ-процентный долгъ. Сверхъ того увеличеніе кредита имѣло слѣдствіемъ возвышеніе цѣнъ на недвижимыя имущества. Переведенный такимъ образомъ долгъ простирался до 400,251,200 флоринновъ.

Вслѣдствіе этихъ мѣръ не только улучшилось состояніе финансовъ и вновь возникъ общественный кредитъ, но и замѣтно подвинулись впередъ торговля, промышленность, великія предпріятія касательно удобренія почвы и осушенія водъ (осушеніе Гарлемскаго озера) и т. д. Государственные доходы возросли до такой степени, что въ 1844 году не ощутилось надобности въ добавочныхъ кредитахъ (*credits supplémentaires*). Въ 1841 году правильные доходы, за исключеніемъ ость-индскихъ, простирались до 48,305,877; въ 1842 до 53,471,867; въ 1843 до 53,445,437; въ 1844 до 54,325,805 (720000 флоринами болѣе, нежели какъ было предположено); въ 1845 до 54,446,067; въ 1846 до 54,576,588; въ 1847 до 54,652,307; въ 1848 до 53,499,599; въ 1849 до 54,029,811 фл. Въ бюджетъ за 1846 — 1847 уже ясно обнаруживаются слѣдствія этихъ улучшеній. Государственные издержки, которыя въ 1845 году превышали 70 мил. гульденовъ, въ 1846 году были оцѣнены въ $67\frac{1}{4}$ мил. гульденовъ, хотя однакоже въ бюджетъ вписано было нѣсколько новыхъ статей. Въ сравненіи съ бюджетомъ 1843 года новый расходный бюджетъ представлялъ правильное сбереженіе въ 5 милліоновъ гульденовъ и сверхъ того

покрыты были всѣ недоимки. Въ началѣ 1848 года не только возстановилось равновѣсіе между доходами и расходами, но и оказался излишекъ, который былъ употребленъ на погашеніе долга и на публичныя зданія. Достойный Фанъ-Галля, выходя въ отставку, имѣлъ удовольствіе представить въ своемъ послѣднемъ докладѣ блистательное изображеніе новаго финансоваго положенія Нидерландовъ.

Эта важная реформа была довершена, прежде нежели еще событія 1848 года потрясли Европу въ ея основахъ. Что бы стало съ Голландіею, если бы эти событія застали ее въ полубанкротномъ положеніи! Но теперь голландскій кредитъ остался непоколебимъ среди бури и Голландія принадлежитъ къ тѣмъ немногимъ государствамъ, которыя не только не были потрясены послѣдними событіями, но и одолжены имъ сообразными съ временемъ перемѣнами въ конституціи, упроченіемъ учреждений и кредита, и вообще множествомъ разныхъ благодѣтельныхъ преобразованій. Правда, ударъ, нанесенный торговлѣ революціею 1848 года, имѣлъ неблагоприятное дѣйствіе также и на голландскіе и индійскіе рынки; яванскія колониальныя произведенія не находили болѣе въ Германіи по надлежащимъ цѣнамъ правильнаго сбыта; заграничныя денежныя средства притекали въ меньшемъ количествѣ и чрезвычайныя издержки на армію и флотъ скоро поглотили недавно передъ тѣмъ сбереженные остатки, но это бѣдствіе было мимоходнымъ: уже въ началѣ 1850 года можно было назвать сравнительно очень благоприятнымъ финансовое положеніе Голландіи, и дѣйствительно доходы послѣдняго года представляютъ значительный перевѣсъ надъ расходами. Сверхъ того новая конституція 1848 года и новыя палаты содѣйствовали осуществленію многихъ другихъ преобразованій, такъ что теперь едва ли можно думать, чтобы Голландія снова могла впасть въ то бѣдственное положеніе, въ какомъ она находилась до реформы Фанъ-Галля.

СТАТИСТИЧЕСКІЯ ДАННЫЯ КАСАТЕЛЬНО СОВРЕ- МЕННАГО СОСТОЯНІЯ КАТОЛИЧЕСКОЙ ЦЕРКВИ.

Одинъ изъ чиновниковъ папскаго статсъ-секретариата, Джироламо Петри, издалъ книгу подъ заглавіемъ: «Іерархія святой Римско-католической Апостольской Церкви». (Римъ, въ типографіи Апостольской церкви). Сочиненіе это содержитъ въ себѣ полный обзоръ учреждений католицизма во всѣхъ странахъ свѣта и тѣмъ доставляетъ читателю весьма разнообразный интересъ. Прежде такой обзоръ обыкновенно появлялся въ римскомъ государственномъ Календарѣ, который послѣ трехлѣтняго промежутка теперь снова сталъ выходить въ свѣтъ. Но въ сочиненіи Петри онъ не только лучше изложенъ, но и обогащенъ множествомъ историческихъ замѣтокъ, хотя не вездѣ разнообразныхъ и полныхъ, но тѣмъ не менѣе интересныхъ; ибо, изображая постепенное развитіе христіанства въ теченіи нѣсколькихъ вѣковъ, онъ даетъ намъ краткую исторію его. Предѣлы статьи не позволяютъ намъ остановиться на этой исторической части сочиненія; мы займемся только нѣкоторыми статистическими данными, съ которыми знакомитъ насъ эта полезная и тщательно составленная книга: прежде всего въ ней говорится о папскомъ престолѣ и о кардиналахъ. Изъ 70 кардиналовъ, изъ которыхъ должна состоять Святая Коллегія, не достаетъ только трехъ: число епископовъ и священниковъ комплектно — первыхъ 6, а послѣднихъ 50; но діаконовъ только 11 вмѣсто 14. Старшій кардиналъ—архіепископъ Болонскій Оппиццони, младшій—владѣтельный епископъ Бреславскій Дипенброкъ. Одиннадцать кардиналовъ еще не получили шапки и потому не носятъ титуловъ римскихъ церквей. Архіепископствъ въ Европѣ 104: въ Италіи 46, во Франціи 15, въ Гер-

маніи 13 (въ Австрійскихъ владѣніяхъ 8, въ Пруссіи 2—Кёльнское и Гнезень-Позенское, въ Баваріи 2 — Мюнхень-Фрейзингенское и Бамбергское, верхнерейнская церковная область Фрейбургъ), въ Испаніи 8, въ Венгріи и Далмаціи 4, въ Ирландіи 4, въ европейской Турціи 4, въ Португаліи 3, въ Россіи 3, въ Греціи и на Ионическихъ островахъ 2 (Наксосъ и Корфу), въ Англіи 1 (Вестминстерское), въ Белгіи 1 (Мехельнское). Этими митрополіями подчинены 427 епископствъ. Сверхъ того непосредственно отъ папскаго престола зависятъ 78 епископствъ, а именно: четыре нѣмецкихъ (Бреславльское, Ермляндское, Гильдесгеймское и Оснабрюкское), четыре швейцарскихъ (Базельское, Хурское, Лозаннаженевское и Зиттенское), два испанскихъ (Леонское и Овиедское), Хельмское въ Волинѣи, Мальтородосское, Никополиское въ Булгаріи и всѣ епископства въ Италіи. Такимъ образомъ число европейскихъ епископствъ, со включеніемъ нѣкоторыхъ находящихся на сѣверо-африканскомъ берегу или на испанско-португальскихъ островахъ, подчиненныхъ европейскимъ митрополіямъ, каковы Алжирское, Цевтское, Танжерское, Ангольское, Сант-Ягское у Зеленаго мыса, Тенерифское, Канарское, и епископствъ во французскихъ колоніяхъ, каковы Мартиникское и Гваделупское, доходитъ до 609. Сверхъ того въ Европѣ 18 апостолическихъ викаріатовъ и префектуръ, находящихся подъ вѣденіемъ Конгрегациіи распространенія вѣры (Propaganda Fide); они обнимаютъ асканскія герцогства, Саксонію, Граубюндтень, Валлисъ, Сѣверную Германію и Данію, Швецію, четыре округа въ Голландіи, три въ Шотландіи, Герцеговину, Грецію, Боснію, Валахію, Молдавію, Булгарію, Константинополь и наконецъ Гибралтаръ. Восемь англійскихъ апостолическихъ викаріатовъ въ послѣднемъ году обращены въ двѣнадцать епископствъ, которымъ даны названія новоучрежденныхъ англійскихъ діоцезовъ. Въ Мюнхенѣ и Гаагѣ викаріаты подчинены интернунціямъ; въ другихъ мѣстахъ они находятся подъ управленіемъ титулярныхъ епископовъ *in partibus* и другихъ духовныхъ сановниковъ. Префектурами, составляющими низшій разрядъ церковной іерархіи, управляютъ простые священники, которымъ подчинены частныя миссіи.

Послѣднія учреждены для Азій и Африки; въ особенности много ихъ въ Азій, гдѣ находится 47 викаріатовъ, делегаций и


префектуръ, состоящихъ подъ вѣденіемъ Конгрегаціи пропаганды. Изъ нихъ 28 находятся въ Китаѣ, Сіамѣ, Кошиншиѣ, Тонкинѣ, Японіи и другихъ; остальные 16 въ Малой-Азіи, на Либанонѣ, въ Алеппо, въ Месопотаміи, Курдистанѣ и Малой Арменіи, въ Персіи и Остѣ-Индіи. Въ Африкѣ, кромѣ девяти епископствъ, подчиненныхъ европейскимъ метрополіямъ, находится четырнадцать викаріатовъ и префектуръ въ Габешѣ, Галлисѣ, въ центральной Африкѣ, на мысѣ Доброй Надежды, въ Комо, въ Египтѣ для Латинцевъ и Коптовъ, въ Гвинее, на Мадагаскарѣ, въ Марокко, Сенегалѣ, Тунисѣ, Триполи и др. Большая часть этихъ викаріатовъ учреждена недавно, а именно во времена Григорія XVI и даже Пія IX. Въ Америкѣ — восемь викаріатовъ и префектуръ, находящихся въ Кайеннѣ, на Курасао, Ямайкѣ, въ англійской Гвіанѣ, Новой Мексикѣ, на островахъ св. Петра и Микелона, Суринамѣ и въ области Соединенныхъ Штатовъ на востокъ отъ Скалистыхъ Горъ. Всѣ эти викаріаты учреждены между 1837 и 1850 годами. Въ южной и средней Америкѣ уже нѣсколько вѣковъ существуетъ іерархія испанскаго и португальскаго происхожденія, къ которой недавно присоединилась іерархія сѣверной Америки. Въ двухъ первыхъ частяхъ Америки находится десять метрополій, которымъ подчинены 41 епископство. Метрополіи суть слѣдующія: Сан-Сальвадорская въ Бразиліи съ девятью епископствами, Венецуельская съ двумя, Гватимальская съ четырьмя, Лаплатская съ восьмью, Кубская съ однимъ, Сантъ-Ягская въ Чили съ тремя, Лимская съ пятью, Квитская съ двумя, Санта-фе-ди Боготская съ шестью, Сантъ-Домингская съ однимъ (Порторикскимъ). Сѣверная Америка имѣетъ архіепископовъ въ Мехико, Нью-Орлеанѣ, Нью-Йоркѣ, Балтиморѣ, Цинцинати, Орегонсити, Квебекѣ, С.-Луи (Миссури) и въ Испанскомъ Портѣ на Тринидадѣ (*Port d'Espagne*); всего на все въ ней девять архіепископовъ и сорокъ девять епископовъ. Во всей Америкѣ архіепископствъ 19, епископствъ 90. Въ Океаніи два архіепископства: въ Манилѣ и Сиднеѣ, одиннадцать епископствъ и девять апостолическихъ викаріатовъ. Они всѣ учреждены въ новѣйшее время.

Теперь остается упомянуть о патріархатахъ и епископствахъ въ странахъ невѣрныхъ (*in partibus infidelium*), о которыхъ книга

Петри сообщаетъ удовлетворительныя свѣдѣнія. Въ христіанскихъ государствахъ Европы только двѣ церкви носятъ титулъ патриархатовъ: Венеціанская (со времени соединенія ея съ Аквилей-Градскою церковью) и Лиссабонская, возведенная на эту степень въ 1716 году папою Климентомъ XI. Восточные патриархаты суть отчасти простые титулы, раздаваемые членамъ духовенства, постоянно живущимъ въ Римѣ. Такъ патриархъ Александрійскій есть Монсиньоръ Дауло Аугусто Фосколо, нѣкогда извѣстный проповѣдникъ, но еще болѣе извѣстный приключеніями своей бурной жизни, а теперь старый и большой человекъ. Подобнымъ титуломъ былъ также патриархатъ Іерусалимскій, пока наконецъ въ 1847 году Пій IX заключилъ съ Портою договоръ, по которому въ Іерусалимѣ снова была восстановлена резиденція и юрисдикція Латинскаго патриарха; этимъ саномъ пожаловалъ монсиньора Валерга, родомъ изъ Лигурии. Остальные патриархаты суть: Мельхитскій въ Антиохіи съ временною резиденціею въ Дамаскѣ, Маронитскій въ Антиохіи съ резиденціею въ Канобинскомъ монастырѣ въ Хезроанѣ, Сирійскій въ Антиохіи съ резиденціею въ Алеппо, патриархатъ Вавилонскихъ Халдѣевъ въ Муссултѣ, Киликійскихъ Армянъ въ одномъ изъ монастырей Либанона, и наконецъ патриархатъ испанскій, учрежденный въ вестъ-индскихъ владѣніяхъ папою Львомъ X. Шести патриархальнымъ церквамъ передней Азіи вмѣстѣ съ архіепископскими церквами: Латинскою въ Вавилонѣ, Армянскою въ Константинополѣ, Сирійскою въ Іерусалимѣ, Смирнскою и Гоаскою (Гоа), подчинены пятьдесятъ три епархіи, находящіяся подъ управленіемъ суфрагановъ. Слѣдовательно число католическихъ архіепископствъ со включеніемъ дѣйствительныхъ патриархатовъ простирается до 136; изъ нихъ находятся 104 въ Европѣ, 11 со включеніемъ Александрійской церкви въ Азіи, 19 въ Америкѣ, два въ Океаніи. Епископствъ всего на все 763: 609 въ Европѣ, въ нѣкоторыхъ колоніяхъ и въ сѣверной Африкѣ, 53 въ Азіи, 90 въ Америкѣ, 11 въ Океаніи. Такимъ образомъ на всемъ пространствѣ земнаго шара находится 899 католическихъ архіерейскихъ престоловъ.

Капитуль епископовъ *in partibus* составляетъ часть папскаго двора. Извѣстно, что этотъ санъ жалуется папскимъ посланъ, которые непременно должны быть архіепископами, членамъ духовенства,

занимающимъ должности въ самомъ Римѣ, коадьюторамъ или суффраганамъ архіепископовъ и епископовъ и важнымъ членамъ доминиканскихъ орденовъ. Число архіепископскихъ церквей *in partibus* простирается до 74; изъ нихъ 19 въ Европѣ, 41 въ Азіи, 14 въ Африкѣ. Число епископскихъ церквей *in partibus* доходитъ до 372: изъ нихъ 64 въ Европѣ, 234 въ Азіи, 74 въ Африкѣ. Если приложить къ этому пятнадцать титуловъ, теперь уже оставленныхъ, то число церквей *in partibus infidelium* дойдетъ до 461. Следовательно католическая церковь насчитываетъ всего на все 1360 епископскихъ титуловъ.



М О Д Ы.

Фуляры, кисея, грезадинъ, филь-де-шеврѣ (легкая, глянцовая гарусная матерія), барежъ и тафта всѣхъ родовъ — вотъ матеріи, изъ которыхъ дѣлаютъ платья въ настоящее время. Платья изъ нихъ дѣлаются съ басками, а иногда съ лифами открытыми, на которые надѣваютъ кружевные пелеринки или косыночки *Marie-Antoinette*, скрещенныя на груди, съ завязанными сзади концами.

Вотъ нѣсколько образцовъ новыхъ костюмовъ: платье барежевое, розовое, съ черными и бѣлыми разводами; юбка украшена четырьмя оборками, съ узоромъ въ видѣ гипюру; лифъ сборчатый, съ мысами сзади и спереди, безъ баски; талія стянута широкой розовой лентой, упавшей на юбку длинными концами; рукава составлены изъ двухъ буфъ и двухъ оборокъ. Шляпка бѣлая блондовая, съ веткой розовой акаціи.

Платье суроваго батиста, съ тремя оборками, обшитыми рюшемъ синихъ лентъ; лифъ съ баской убранъ рюшемъ синихъ лентъ и такими же бретелями; передъ застегнуть маленькими синенькими пуговками; мантилья черная кружевная; шляпа изъ итальянской соломки отдѣлана букетомъ палевыхъ перьевъ.

Платье строе барежевое, съ оборками, обшитыми рюшемъ газовыхъ ярко-лиловыхъ лентъ. Черная шелковая мантилья вышита гладью и убрана, такъ же какъ и платье, рюшемъ лиловыхъ лентъ; лифъ съ высокимъ воротомъ сборчатый, стянуть въ таліи длиннымъ поясомъ широкихъ сврыхъ лентъ. Шляпа изъ прозрачной соломки, отдѣлана черными бархатными лентами и лиловымъ левкоємъ.

Платье изъ тафты зеленого цвѣта, съ мелкими бѣлыми клетками; юбка отдѣлана большимъ воланомъ, обшитымъ рюшемъ зеленыхъ лентъ; лифъ убранъ бретелями также изъ лентъ; мантилья черная кружевная. Шляпа бастовая, отдѣланная чернымъ кружевомъ, бархатомъ и ветками розовой акаціи.

Большая часть модныхъ шляпъ имѣеть траурный видъ: черныѣ бархатъ служатъ имъ почти исключительнымъ украшеніемъ; онѣ перемѣшивается съ цвѣтами, соломой и проч.

Черныя кружевныя шляпы по прежнему въ модѣ; ихъ украшаютъ цвѣтами, лентами, а чаще всего однимъ чернымъ стеклян-нымъ. Мармоты подъ нихъ дѣлаются черныя, украшенныя цвѣтами.

ОПИСАНІЕ КАРТИНКИ.

Домашній нарядъ: юбка муаровая; баскина бархатная, убранныя кружевцемъ. Нарядъ мальчика: блуза бархатная, отдѣланная агрантомъ; шляпа пуховая. Костюмъ дѣвочки: платье шелковое; *manteau-collet* изъ драпу, отдѣланнѣй бархатомъ; шляпа изъ пуде-суа.



Печатать позволеться. Москва. Іюня 17 дня, 1855 г.

Ценсоръ *И. Безсомякинъ*.

Въ типографіяхъ: Л. Степановой и В. Готьѣ.

